

У
И 90

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Эпоха феодализма

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1800-1861гг

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА - КОРР. АН СССР

А. И. Пашкова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА . 1958

АВТОРСКИЙ СОСТАВ

Авторами второй части I тома «Истории русской экономической мысли» являются П. К. КАРАТАЕВ, П. А. ЦАГОЛОВ — доктора экономических наук, А. П. КРИВОБОКОВ, В. С. МАРТЫПОВСКАЯ, Ф. М. МОРОЗОВ, Н. В. ХЕССИИ — кандидаты экономических наук.

Главы книги писали:

Главы 1—10 (Русская экономическая мысль в первые десятилетия XIX в.) — Ф. М. МОРОЗОВ;

Глава 11 (Кризис крепостничества. Основные направления экономической мысли) — П. А. ЦАГОЛОВ;

Глава 12 (Идеология консервативного и либерального дворянства) — Н. К. КАРАТАЕВ;

Глава 13 (Н. Полевой, И. Вавилов, В. Боткин) — П. К. КАРАТАЕВ; (В. Майков) — В. С. МАРТЫПОВСКАЯ;

Глава 14 (В. Г. Белинский) — А. П. КРИВОБОКОВ;

Главы 15—16 (Петрашевы, В. А. Милютин) — В. С. МАРТЫПОВСКАЯ;

Главы 17—21 (Борьба идейных направлений в период реформы 1861 г. Экономическая программа крепостников. Славянофилы, Б. П. Чичерин, К. Д. Кавелин) — П. А. ЦАГОЛОВ;

Главы 22—23 (Н. Горлов, В. Кокорев) — П. К. КАРАТАЕВ;

Глава 24 (Д. Струков, И. Вернадский) — П. А. ЦАГОЛОВ;

Глава 25 (И. Бабст) — Н. К. КАРАТАЕВ;

Главы 26—27 (А. И. Герцен, Н. П. Огарев) — В. С. МАРТЫПОВСКАЯ;

Глава 28 (Н. Г. Чернышевский). Параграфы 1—5, 8, 9 — П. А. ЦАГОЛОВ, 6—7 — Н. В. ХЕССИИ;

Глава 29 (Н. А. Добролюбов) — Н. В. ХЕССИИ.

В редактировании книги принимал участие доктор исторических наук Ф. Я. ПОЛЯНСКИЙ.

В научно-вспомогательной работе по подготовке книги принимали участие В. С. ВИЛЕНСКАЯ, С. М. КОЦ, Е. Ф. КОШЕЛЕВА, Л. Г. ЧИЖОВА.

РАЗДЕЛ VI

ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ И КРИЗИСА КРЕПОСТНИЧЕСТВА

РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX в.

Глава первая

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX в. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Состояние экономики. Классовая борьба

В первой четверти XIX в. в России произошел ряд важных событий, имевших огромное общественное значение. Одержав блестящую победу над претендентом на мировое господство — Наполеоном, разгромив его полчища, русский народ освободил народы Европы от ига этого завоевателя. Отечественная война русского народа 1812 г. — событие мирового значения. В самой России она всколыхнула народные массы, привела в движение прогрессивные силы общества, лучшую часть дворянства. В условиях нараставшего разложения крепостничества зародилось и стало расти освободительное движение в России, ознаменовавшееся в 1825 г. вооруженным восстанием декабристов против царизма — оцлота крепостничества. Начало первого этапа освободительного движения следует рассматривать как важную веху в жизни народов России.

Экономическое состояние России в то время определялось тем, что в ней продолжал господствовать феодально-крепостнический строй. Вместе с тем крепостническая система хозяйства претерпевала углубляющийся процесс разложения.

В наиболее развитых странах Западной Европы крепостничества к этому времени уже не было, и они развивались по пути капитализма. В России рассматриваемого времени процесс разложения крепостнической системы хозяйства проявлялся в очень активных формах. Этот процесс, начавшийся еще в

XVIII в., теперь весьма усиливался, порождая все более глубокие и острые противоречия. В недрах феодально-крепостнического общества продолжал развиваться новый — капиталистический — уклад.

Натуральное хозяйство, характерное для феодального строя, все более подтачивалось ростом общественного разделения труда, развитием товарно-денежных отношений. Усиливалась дифференциация промышленных и земледельческих районов страны, росли количество городов и численность городского населения, развивались торговля и промышленность.

Процесс разложения крепостнической системы хозяйства проявлялся в росте промышленности и торговли, расширении применения вольнонаемного труда в промышленности, который все более вытеснял собою крепостной труд, в развитии товарно-денежных отношений в помещичьем и крестьянском хозяйстве, в усилении обнищания крестьян, возрастании сопротивления крестьян помещичьему гнету и т. д.

Основной и господствующей отраслью народного хозяйства России продолжало оставаться сельское хозяйство, а внутри его — земледелие. В этой отрасли народного хозяйства было занято девять десятых всего населения страны. В сельском хозяйстве процесс разложения крепостничества проявлялся слабее, чем в промышленности.

Помещичье хозяйство являлось цитаделью крепостничества. Феодальная собственность на землю — экономическая основа феодализма — к началу XIX в. весьма приумножилась: Екатерина II и Павел щедро раздавали казенные земли и крестьян помещикам. Екатерина II в 1792 г. приравнивала крепостных крестьян к недвижимой собственности помещиков. Александр I, прекратив раздачу крестьян, с неменьшей щедростью, чем Павел, дарил помещикам-вельможам огромные земельные массивы.

Развитие товарно-денежного хозяйства в стране толкало помещиков к изысканию способов увеличения своих денежных доходов. Помещичье хозяйство все более втягивалось в рыночные связи. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»¹. — писал Ленин.

Расширение помещиками производства хлеба и других сельскохозяйственных продуктов для продажи обусловило усиление

¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 158.

эксплуатации крепостных крестьян: помещики увеличивали количество барщинных дней.

Расширялась барская запашка, уменьшалось крестьянское поле, особенно в центральном черноземном районе. Это ухудшало и без того тяжелое положение крестьян. Резко увеличивались размеры оброка; так, например, в первом десятилетии XIX в. в нечерноземных губерниях оброк помещичьих крестьян увеличился вдвое по сравнению с концом XVIII в., а во втором десятилетии — в 5—6 раз. Вольнонаемный труд в помещичьем хозяйстве применялся редко, эпизодически главным образом в южных губерниях в период уборки урожая.

Усиление процесса развития товарноденежных отношений заставляло помещиков искать новые источники обогащения. Одним из таких источников являлось расширение промышленной деятельности. Значительным источником доходов для помещиков служила государственная казна. Царское правительство охотно шло навстречу их притязаниям. Дворяне получали в виде ссуд, пенсий, всякого рода наград огромные суммы за счет государства. Задолженность дворян кредитным учреждениям только по долгосрочным ссудам составляла в начале 20-х годов XIX в. около 200 млн. руб.; капиталы этих кредитных учреждений создавались в основном за счет казны.

С ростом в стране товарного производства и обращения возрастал удельный вес буржуазной собственности, причем не только в промышленности и торговле, но и в сельском хозяйстве. В 1801 г. было разрешено покупать и продавать землю купцам, казенным крестьянам, помещичьим крестьянам, отпущенным на волю, и мещанам.

Таким образом, земля стала превращаться в товар, вовлекалась в рыночный оборот за пределами помещичьего класса. Это новое явление означало, что феодальная собственность тоже переживала процесс разложения. У многих дворянских предпринимателей богатство росло не только за счет феодальной эксплуатации, но и на основе применения вольнонаемного труда. Собственность обуржуазившихся дворян все более приобретала буржуазный характер.

В условиях феодального строя крестьянское хозяйство являлось придатком к помещичьему хозяйству. Все крестьяне песли на себе тяжелый гнет крепостничества. Но наиболее тяжелым было положение помещичьих крестьян. Они испытывали двойной гнет эксплуатации — со стороны помещика и помещичьего государства. Произволу помещика не было границ. Маркс называл помещиков мелкими самодержцами, вращающимися вокруг центрального самодержца.

Помещичьи крестьяне по существу не имели права собственности даже на свое движимое имущество. Отсутствие фикси-

рованного законом права собственности крепостного крестьянина на его движимое имущество являлось одной из особенностей крепостного строя в России, сближавшей его с рабством. Разрешение приобретать в собственность казенную землю на помещичьих крестьян не распространялось.

Материальная заинтересованность крепостного крестьянина в развитии сельскохозяйственного производства была крайне ограничена. Сельское хозяйство велось примитивно, господствовала трехпольная система. Обширные пространства земли совсем не обрабатывались. Из 420 млн. десятин в европейской части России обрабатывалось не более 63 млн. десятин¹. Скотоводство было развито слабо, а с этим связано плохое удобрение земли, ее истощение.

Преобладала первичная, примитивная форма эксплуатации труда крепостных — барщина. На барщине работало более половины крепостных крестьян.

Дворянское государство вытягивало жизненные соки из крестьян, разоряло их посредством прямых и косвенных налогов, земских повинностей, трудовой повинности в разнообразных формах, длительной службы в армии и т. д. Налоговая система носила ярко выраженный крепостнический характер. На крестьян налагалась подушная подать, являвшаяся признаком низшего, угнетенного сословия. Как и раньше, дворяне, купцы, разночинцы, духовенство этой подати не платили.

В связи с огромным ростом расходов на государственный аппарат и войны подати систематически увеличивались. При Петре I подать была установлена в размере 74 коп. с души, а к концу первой четверти XIX в. ее размер дошел до 3 р. 36 к. Размер податей рос значительно быстрее, чем шло обесценение ассигнаций. Заметно вырос и оброк с казенных крестьян: в конце XVIII в. его размер колебался от 3 р. 50 к. до 5 руб., а в 1823 г. — от 7 р. 50 к. до 10 руб. Колоссальные размеры недоимок свидетельствовали о крайнем перенапряжении налогового обложения крестьян, о растущем их обнищании. Подати, оброки, помещичья эксплуатация росли и усиливались, а урожайность в крестьянском хозяйстве оставалась неизменно низкой; неурожай и голодные годы являлись частыми спутниками крестьянской жизни.

Непомерное увеличение оброков и налогов вынуждало крестьянина продавать самые необходимые средства своего существования, продавать и свою рабочую силу.

Резкое усиление эксплуатации крестьян со стороны помещиков и дворянского государства вело к росту возмущения угне-

¹ См. В. Андроссов, *Хозяйственная статистика России*, М. 1827, стр. 76.

тенного крестьянства. Декабрист С. Трубецкой в своих показаниях на судебном следствии писал, что в России должен быть переворот; это свое мнение он основывал «на частых возмущениях крестьян против помещиков, и на продолжительности оных, равно как и умножении таковых возмущений»¹. Декабрист А. Бестужев писал, что «многочисленные возмущения барщин ознаменовали 3 последние года царствования Александра»². Разрозненные возмущения являлись формой крестьянского протеста против невыносимой эксплуатации и гнета.

Генерал-губернатор пяти центральных губерний Балашов в своем отчете о состоянии губерний за 1820 г. указывал, что было множество случаев неповиновения крестьян помещикам, продолжавшихся по нескольку лет³.

В пятилетие с 1816 по 1820 г. число крестьянских волнений резко возросло по сравнению с предшествующими тремя пятилетиями; в последующее пятилетие (1820—1825 гг.) количество волнений хотя и уменьшилось, но все же их было больше, чем в любое из первых трех пятилетий века⁴.

С окончанием Отечественной войны среди крестьян стали усиленно распространяться слухи о том, что им будет дана свобода. Оброчный крестьянин Мелентьев, проживавший в Петербурге, писал 4 июня 1814 г. своему приятелю — дворовому — в Москву, что в Петербурге «слух очень происходит важный для нас, чтобы в России крестьянский народ сделать свободным так как и в прочих землях, от господ отобрать как людей, так и крестьян»⁵. В крепости, куда отправили Мелентьева после ареста, он показал, что слышал об этом три раза при разных обстоятельствах, в разных местах Петербурга.

В Нижегородской губернии распространялись слухи «о даровании всем помещичьим крестьянам вольности, о чем и манифест читан в Санкт-петербургском Казанском соборе»⁶. В архивных материалах специального комитета, созданного для разбора подобных дел, имеются выборки из писем московских помещиков, которых очень тревожило, что «мужики беспрестанно твердят, что они вольные и многие из деревень выез-

¹ «Восстание декабристов». Материалы, т. I, Госиздат, М.—Л. 1925, стр. 9.

² «Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства», под ред. А. К. Бороздина, Спб. 1906, стр. 37.

³ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), Комитет 6 декабря 1826 г., ф. 1167, оп. XVI, д. 140, л. 26.

⁴ См. И. Игнатович, Крестьянские волнения первой четверти XIX века, «Вопросы истории» № 9, 1950 г., стр. 49.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1163, оп. XVI, 1814 г., д. 2, л. 2 и об.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1163, оп. XVI, 1815 г., д. 2, л. 2.

жают». Аналогичные сведения сообщали приказчики из Калужской губернии, где крестьяне тоже «твердят, что вольные»¹.

В этом же деле приводится выписка из письма приказчика, управляющего имением Ланского в Новгородской губернии (от 8 апреля 1815 г.), в котором он сообщал своему помещику: «...некоторые крестьяне совсем бунтуют и в послушание нейдут», ссылаясь на то, «что будет воля, с часа на час дожидают». Раньше крестьяне регулярно несли барщину, а теперь «никто ничего, и кто хочет, идет на барщину, а кто не хочет, сидит дома»².

Недовольство крестьян получило отражение и в армии; в 1820 г. в Семеновском полку в Петербурге было поднято восстание при самом активном участии рядовых солдат. Восстания неоднократно вспыхивали в военных поселениях.

В рассматриваемое нами время проявлений возмущения крестьян было немало. Обострение противоречий между крестьянами и помещиками являлось одним из важнейших признаков углубления процесса разложения крепостнической системы хозяйства.

Несмотря на то, что уже давно назрела задача ликвидации крепостного права, несмотря на либеральные заигрывания Александра I в начале века, крепостное право осталось в полной неприкосновенности; указ 1803 г. о вольных хлебопашцах не имел сколько-нибудь серьезного значения и не внес существенных изменений в крепостнические отношения.

К числу главных факторов разложения крепостнического способа производства следует отнести рост общественного разделения труда, развитие промышленности и торговли.

Наиболее активную и прогрессивную роль в развитии промышленности и торговли играли купцы, мещане, цеховые ремесленники, крестьяне.

Численность городского населения, главным занятием которого являлась торгово-промышленная деятельность, с каждым годом увеличивалась. В 1792 г. эта часть населения насчитывала 425,7 тыс. человек, в 1812 г.— 851,5 тыс., в 1823 г.— 1092 тыс. человек³.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1163, оп. XVI, 1815 г., д. 2, л. 4.

² Там же, л. 4 об.

³ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. XIX, д. 20 («Историческое описание податных и прочих сословий Российского государства», 1792 г.); ЦГИАЛ, Государственный совет, Общее собрание, ф. 1148, оп. I, 1814 г., д. 12—13 (Дело по проекту манифеста о ревизии); Отдел рукописей Института русской литературы АН

До реформы 1861 г. в России было мало фабрик и заводов. Совсем мало их было в первые десятилетия XIX в. Мануфактур вместе с горными заводами в 1804 г. насчитывалось около 1200, а в 1825 — 1828 гг. мануфактур, фабрик и горных заводов было около 1800¹, не считая мелких промышленных заведений.

Господствующей формой организации промышленности была мануфактура. Машины внедрялись по преимуществу в хлопчатобумажную промышленность, изредка — в суконную.

Значительная часть промышленности по-прежнему основывалась на крепостном труде. К концу первой четверти века вольнонаемные работники в промышленности составляли всего одну треть общего количества рабочих, но все же принудительный труд постепенно вытеснялся вольнонаемным. Общее количество рабочих за 20 лет увеличилось на 51%, а вольнонаемных — на 86%².

В. И. Ленин писал о дворянских предприятиях суконной промышленности, что хотя они были крупными заведениями, «...однако отнюдь не относились к капиталистической фабричной индустрии, а были основаны на труде крепостных или временно-обязанных крестьян»³. «Суконное производство, — продолжает Ленин, — является примером того самобытного явления в русской истории, которое состоит в применении крепостного труда к промышленности»⁴. В руках предпринимателей недворян (по преимуществу купцов) находились хлопчатобумажная промышленность (97% предприятий), кожевенная (98%), шелковая (97%), канатное и прядильное производство (97%), сахарная промышленность (90%), химическая (87%), полотняная (76%)⁵.

К середине первой четверти XIX в. по наибольшему удельному весу применения вольнонаемного труда выделялись хлопчатобумажная и кожевенная промышленность (около 97% общего числа рабочих), шелковая и полотняная промышленность (от 67 до 75%). В суконной же промышленности вольнонаемный труд составлял всего лишь 23%, в металлообрабатывающей — около 22% применяемого труда⁶.

СССР (Пушкинский дом), Ленинград, Архив К. Маркова, ф. 523, д. 72, л. 2 («Сведения о числе душ и податей по всему государству»).

¹ См. М. Злотников, От мануфактуры к фабрике, «Вопросы истории» № 11—12, 1946 г., стр. 36, 37.

² См. там же, стр. 39.

³ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 410.

⁴ Там же, стр. 411.

⁵ См. М. Ф. Злотников, К вопросу об изучении истории рабочего класса в промышленности, «Каторга и ссылка» № 1, 1935 г., стр. 60.

⁶ См. «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы», Спб. 1816.

Хлопчатобумажная промышленность с самого начала являлась купеческой и крестьянской; в ней применялся вольнонаемный труд, работала она на широкий рынок; в ней быстрее всего находили применение машины и другие усовершенствования техники. В России,— писал В. И. Ленин,— «... капиталистическая организация хлопчатобумажной промышленности сложилась до освобождения крестьян»¹.

Купеческие и крестьянские предприятия служили базой формирования и развития капиталистических отношений, капиталистической организации промышленности; на дворянских же предприятиях применялся по преимуществу крепостной труд, техника здесь оставалась примитивной. Среди крепостных крестьян стали появляться владельцы крупных мануфактур. Наиболее типичным примером является Савва Морозов, который был крепостным крестьянином и только в 1820 г. выкупился на волю. Крупнейшие предприниматели Иваново-Вознесенска вышли из кустарей (Куваевы, Зубковы, Кокушкины и др.). Их мануфактуры в большинстве своем основывались на наемном труде. Но таких мануфактур, особенно в первые десятилетия XIX в., было немного.

Условия для развития крестьянской промышленности в России были крайне неблагоприятны. Крепостной крестьянин не имел права собственности на свои предприятия; приобретенная крестьянами земля, организуемые ими мануфактуры и торговые предприятия числились за помещиком или купцом; только от их имени крестьянин — фактический владелец предприятия — мог выступать во всякого рода торговых сделках по сбыту своей продукции и закупке сырья. Лишь в конце 1818 г. помещичьим и казенным крестьянам, вольным хлебопашцам и купцам 3-й гильдии разрешено было заводить от собственного имени мануфактуры, а немного раньше, в 1814 г., крестьянам было предоставлено право получать на свое имя векселя, но без права выдавать их от своего имени.

Таким образом, в промышленности России происходила борьба двух укладов — феодально-крепостнического и капиталистического, причем последний в начале второго десятилетия XIX в. занял прочные позиции в ряде важных отраслей промышленности. Но крепостничество накладывало сильный отпечаток на развитие капиталистических предприятий. Нередко на одном и том же предприятии применялся и крепостной и вольнонаемный труд.

Наемный рабочий в промышленности в большинстве случаев являлся крепостным крестьянином, находившимся на положе-

¹ В. И. Ленин, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Соч., т. 1, стр. 473.

нии оброчного; для владельца мануфактуры он являлся наемным рабочим, для помещика — крепостным, которого можно было в любое время отозвать с фабрики и поставить на барщину. Этот наемный рабочий был живым воплощением противоречий периода разложения крепостного строя. Везде наблюдалось переплетение и борьба старого и нового при господстве старого строя.

Рост применения вольнонаемного труда и машин, внедрение капиталистических отношений в промышленность были, безусловно, прогрессивными явлениями в экономическом развитии России. Вместе с тем Россия значительно отставала в экономическом отношении от наиболее развитых стран Запада — Англии, Франции, США — как в области промышленности, сельского хозяйства, так и в области торговли, кредита и банков.

Несмотря на то, что текстильная и в особенности хлопчатобумажная промышленность России относилась к числу наиболее развитых, все же она по сравнению с текстильным производством Англии была развита слабо; причина — господство крепостнического строя в стране. В итоге промышленного переворота капиталистическая Англия ушла далеко вперед по сравнению с Россией.

Крепостная зависимость крестьян была серьезной помехой для развития капиталистической промышленности. Крепостное право охраняло монополию помещиков на рабочую силу. Помещик мог по своему усмотрению отпускать крепостных крестьян на сброк для работы в купеческих предприятиях и мог в любое время отозвать их обратно с предприятия. В таких условиях обеспечение бесперебойной работы предприятий представляло большие трудности.

Развитие капиталистической промышленности нуждалось в финансовой и кредитной помощи со стороны государства, но эта помощь была очень незначительной. В кредитно-банковом деле России обнаруживались признаки серьезной отсталости. Банки были только государственные, обслуживали преимущественно дворян и нередко использовались для покрытия бюджетных дефицитов. Организация акционерных и частных банков не разрешалась. Только в 1818 г. был учрежден государственный коммерческий банк для кредитования промышленной и торговой деятельности купцов и дворян. Средств в этом банке было очень мало, и они использовались в интересах иностранных купцов и внешней торговли, в ущерб отечественной промышленности.

Слабая отечественная промышленность нуждалась также в защите от иностранной конкуренции путем запретительного тарифа. Царское же правительство в основном придерживалось фритредерской позиции: принятие запретительного тарифа на

один 1811 г. по соображениям внешнеполитического характера (континентальная блокада и др.), так же как и ежегодное продление действия его до 1815 г., не дает основания характеризовать позицию правительства как протекционистскую. Царское правительство держало курс на аграрный характер развития страны и поэтому безучастно относилось к судьбам развития отечественной промышленности.

Затруднения с рабочей силой, препятствия, чинимые на пути признания собственности крепостных крестьян и мелких купцов на мануфактуры, служат ярким показателем создавшегося несоответствия господствовавших в России феодальных производственных отношений характеру, уровню развития производительных сил в стране.

Формирование буржуазной собственности на средства производства вступило в противоречие с устаревшей, но господствовавшей феодальной формой собственности. Последняя сковывала развитие производительных сил, выросших к тому времени в недрах феодального общества; на данном этапе простор для их развития могли обеспечить буржуазная собственность, буржуазные производственные отношения. Но классы и политические силы, которые были заинтересованы в развитии новых производственных отношений, оказались еще слабыми. Дворянское государство и господствующий класс принимали все меры к сохранению феодальных отношений, к ослаблению процесса разложения крепостнической системы хозяйства.

Большую роль в разложении крепостнической системы хозяйства играла торговля. Во втором десятилетии XIX в. годово́й оборот внутренней торговли составлял, по исчислениям статистика Арсеньева, 900 млн. руб. Торговля расширялась. Этому содействовали рост промышленности, увеличение помещиками производства хлеба для продажи, значительный рост налогов и оброков, которые должны были платить крестьяне, расширение оброчной системы, быстрый рост бюджета.

Хотя количество купцов в стране к концу первой четверти XIX в. и сократилось под воздействием фритредерского тарифа, сумма их капиталов увеличилась за первую четверть XIX в. почти на 60%¹. С каждым годом возрастала численность торгующих крестьян. Обороты внешней торговли к концу первой четверти XIX в. резко возросли в связи с действием фритредерского тарифа.

---

¹ Здесь имеются в виду капиталы купцов не только торгующих, но и занимающихся предпринимательством в области промышленности. В этот период купец нередко был торговцем и промышленником, а некоторые купцы, по преимуществу 1-й и 2-й гильдии, были исключительно промышленными предпринимателями.

Государственный бюджет России имел ярко выраженный крепостнический характер и в доходной и в расходной своей части. За четверть века бюджет возрос примерно в 5 раз (с учетом обесценения ассигнаций — в 2 раза). Такое значительное увеличение бюджета совершенно не соответствовало росту доходов в народном хозяйстве и особенно — в крестьянском хозяйстве. Доходная часть бюджета выросла главным образом за счет огромного повышения податей и оброков с помещичьих и казенных крестьян. В 1800 г. вся сумма податей и оброков с крестьян равнялась 39 млн. руб., в 1826 г. — уже 120 млн. руб.¹ Огромный рост бюджета содействовал усилению процесса разложения феодально-крепостнической системы хозяйства.

Быстрое обесценение ассигнаций в последней четверти XVIII в. в результате выпуска их в обращение в размерах, значительно превышавших потребности народного хозяйства, продолжалось еще более быстрыми темпами в первые 15 лет XIX в.² В 1800 г. реальное достоинство ассигнационного рубля выражалось в 65 $\frac{1}{3}$ коп. серебром, в 1810 г. — в 33 $\frac{1}{3}$, а в 1815 г. — в 20 коп. серебром. Все усиливающаяся инфляция являлась серьезной помехой для успешного развития промышленности и торговли, а также вызывала дальнейшее обнищание крестьян и мещан. Денежная реформа 1810 г. не привела к укреплению ассигнационного рубля.

Такое состояние бюджета, денежного обращения и банковского дела свидетельствовало о серьезной отсталости государственного хозяйства феодальной России.

Таким образом, в первой четверти XIX в. процесс разложения феодальных производственных отношений в России резко усилился. Несмотря на значительное развитие товарного производства и обращения, производительные силы крестьянского хозяйства по-прежнему сковывались цепями крепостничества. Росли эксплуатация крестьянства и его нищета. Несоответствие феодальных производственных отношений характеру, уровню развития производительных сил усиливалось. Эти изменения в базисе общества не могли не отразиться и в идеологической надстройке. Усиление процесса разложения крепостнической системы хозяйства породило новые идеи и теории.

---

¹ ЦГИАЛ, Департамент государственной экономики, ф. 1152, оп. I, 1812 г., д. 46 и 49, л. 113; ф. 1152, оп. I, 1825 г., д. 78, л. 110б. ф. 1152, оп. I, 1825 г., д. 78, л. 110б.

² За это время было вышущено ассигнаций на 550 млн. руб.

Основные проблемы и направления экономической мысли

В феодальной России первых десятилетий XIX в. господствующей была идеология дворянства. Но в рассматриваемое время идеология дворянства уже не была единой.

Продолжала господствовать идеология прямых апологетов феодально-крепостнического строя — консерваторов и реакционеров, встречавших в штыки даже самые скромные попытки ограничить всевластие и произвол помещиков в отношении крепостных крестьян. Но в среде самих дворян теперь появились силы, враждебные крепостничеству, готовые вести самоотверженную революционную борьбу против крепостничества и защищающего его самодержавия. Декабристы являются представителями и яркими выразителями революционного направления русской общественной, в том числе и экономической мысли.

Формирование идеологии *дворянских революционеров* является наиболее важным и характерным событием в развитии экономической мысли России рассматриваемой исторической эпохи.

Во второй половине XVIII в. в России появился дворянский либерализм в лице Голицына, Поленова и братьев Козельских, а в первой четверти XIX в. влияние дворянского либерализма усилилось. Появление революционной дворянской и развитие либеральной дворянской экономической мысли явилось отражением в сознании дворянства усиления процесса разложения крепостнической системы хозяйства. Острая идейная борьба различных направлений шла вокруг коренных вопросов экономической политики в различных областях и сферах общественной деятельности — в связи с проектами правительственных мероприятий, с планами преобразований, намечавшихся декабристами, в специальной экономической литературе и в преподавании науки политической экономии.

Купечество при поддержке некоторых дворянских либералов выступало с обоснованием политики протекционизма и мероприятий, отвечающих классовым интересам купцов, мануфактуристов и дворянских предпринимателей. Но этой политике сопротивлялись консервативные круги дворянства.

* * *

*

Прогрессивные дальновидные дворяне замечали те процессы борьбы старого с новым, которые были связаны с разложением крепостнической системы хозяйства.

Политическая, экономическая и культурная отсталость России бросалась в глаза дворянам-патриотам, особенно после 1812 г., когда многие из них побывали за границей.

Но разными государственными и общественными деятелями дворянства отсталость крепостнической России понималась по-разному. Например, Мордвинов и Н. Румянцев видели и подчеркивали отставание России прежде всего в области отечественной промышленности, банков, денежного обращения и бюджета. Преодоление указанной отсталости они мыслили все же на базе упрочения крепостничества.

Совсем иначе оценивали отсталость России дворянские революционеры; они уже понимали, что Россия отстает от Запада в отношении политического и экономического строя жизни в целом. Видя зарождение и развитие в России новых хозяйственных форм и экономических порядков, они понимали, что тормозом на пути прогрессивного движения родины служат не какие-то отдельные частные помехи, а царское самодержавие и крепостничество в целом. Дворянские революционеры понимали остро назревшую необходимость смены устаревшего общественного строя и прежде всего необходимость ликвидации царского самодержавия, в котором они видели оплот всей отсталости страны, бесправия народа. Чем более решительную ломку в хозяйственном строе страны хотели осуществить революционные деятели из дворян, тем решительнее намеревались они произвести ломку в политическом строе, вплоть до установления в России республики.

Замечательная черта дворянских революционеров состояла в том, что они понимали взаимодействие политических и экономических задач и в этой связи первостепенное значение политической задачи.

Отличие дворянских революционеров от дворянских либералов состояло в том, что последние не связывали осуществление своих экономических реформ с какими-либо коренными изменениями в политической надстройке общества. Либералы считали необходимым сохранить самодержавие в неприкосновенности и через него осуществлять некоторые экономические реформы. Монарх в их представлении — это верховный правитель, заботящийся о благе народа. Только немногие дворянские либералы (например, Сперанский) считали, что царизм *сам* должен ограничить свою власть, умерить деспотизм, произвол и таким образом приблизиться к буржуазной монархии.

Передовые силы общества — дворянские революционеры — считали крепостной строй главным тормозом на пути экономического прогресса, главной причиной отсталости общественного строя России от передовых стран Западной Европы. Вопрос о ликвидации крепостного права, как важнейшей задаче прогрес-

сивного развития страны, пазрел давно. Дворянские либералы еще в XVIII в. (Коробьин, Козельские, Поленов) осуждали злоупотребление помещиками крепостным правом, их произвол, но они не ставили вопроса о ликвидации крепостного права; речь шла лишь о смягчении его. Только Радищев, а вслед за ним дворянские революционеры по-настоящему поставили этот вопрос, связав его решение с ликвидацией царизма. Дворянские революционеры полагали, что, совершив политический переворот, они тем легче сумеют осуществить необходимые коренные социально-экономические преобразования. Дворянские революционеры считали ликвидацию крепостной зависимости крестьян неотложным делом. Они были против того, чтобы крестьяне платили выкуп за свободу.

Правящая верхушка во главе с императором Александром I являлась ядром консервативного направления мысли. Как писал Маркс, Александр I «...разыгрывал в свое время роль героя либерализма во всей Европе»¹. В этом отношении он подражал Екатерине II. В период заигрывания с либерализмом в Негласном комитете под председательством императора обсуждались вопросы об облегчении положения крепостных крестьян, но дальше указа 1803 г. о свободных хлебопашцах дело не двинулось. Роль этого указа оказалась весьма незначительной, и свободных хлебопашцев было до крайности мало, так как правящая верхушка всячески тормозила возможность практического использования указа. По указу 1803 г. крестьянин должен был выкупать и свободу, и землю. Решение вопроса об отпуске крестьян в свободные хлебопашщцы было предоставлено всецело усмотрению помещиков и царской бюрократии. По существу этот указ не решал вопроса о ликвидации крепостной зависимости крестьян, а был либеральным жестом царя и некоторой отдушиной для разрядки обострившихся противоречий крепостного права.

Александр I, как об этом писал в своем дневнике член Негласного комитета граф Строганов, считал полезным определить повинности крестьян в отношении к их владельцам, но и эта его скромная идея не получила осуществления.

Дворянский либерализм получил свое отражение в «Трудах Вольного экономического общества», где проповедывались одновременно и либеральные и консервативные идеи. В «Трудах» Общества помещались материалы с защитой и вольнонаемного труда и принудительного, защищались мнения и в пользу оброка и против него, за и против барщины.

¹ К. Маркс, Господин Фогт, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 363.

В 1814 г. в «Трудах» Общества был помещен ответ Якоба на задачу о сравнительной выгодности вольнонаемного и крепостного труда. Автор в общих теоретических рассуждениях доказывал преимущества вольнонаемного труда; он считал, что вольнонаемный труд производительнее, чем крепостной, убеждал, что для помещиков много выгоднее обрабатывать землю вольнонаемным трудом; и в то же время Якоб вынужден был признать ограниченные возможности для применения вольнонаемного труда в условиях крепостнической России. Он рекомендовал, по существу, при сохранении феодальных отношений создать видимость вольнонаемного труда, чтобы усилить материальную заинтересованность работника в труде. Якоб решительно заявлял, что в России нельзя спешить с освобождением крестьян. Таким образом, прогрессивные теоретические рассуждения Якоба заканчивались весьма кудыми практическими предложениями.

Расхождение теоретических рассуждений и практических предложений было характерно также для Шторха, Стройновского, Балугьянского и для некоторых других ученых того времени. Граф Стройновский приветствовал указ 1803 г. о свободных хлебопашцах, много красивых слов сказал против рабства крестьян, а закончил тем, что рекомендовал сохранить в России барщину, освободив крестьян только от личной зависимости. Крайнюю осторожность в практических предложениях по вопросу о крепостном праве мы обнаруживаем и в проектах реформ Сперанского. Дворянский либерал Мордвинов в отношении к крепостному праву занимал в основном консервативную позицию, хотя и признавал, что крепостное право когда-нибудь должно исчезнуть.

Представители консервативного и реакционного дворянства решительно возражали против малейшей попытки ограничить крепостное право; граф Растопчин выступил против указа 1803 г. о свободных хлебопашцах; он идеализировал крепостное право и положение крепостных крестьян в России, нападал на дворянских либералов. А. С. Шишков, сменивший Сперанского на посту государственного секретаря после его ссылки, не допускал и мысли, что крепостное право когда-нибудь будет ликвидировано в России. Сенатор Лопухин заявлял, что малейшее ослабление связи помещиков с крестьянами опаснее неприятельского нашествия. «Дух журналов», рупор консервативных кругов дворянства, последовательно защищал реакционные позиции в этом вопросе.

Если дворянские революционеры выступали за ликвидацию сословий, то дворянские либералы, даже в лице Пнина, были уверены в безусловной необходимости существования сословий и сохранения привилегий дворянства.

Идеологи купечества воздерживались от осуждения крепостного права или ограничивались глухими намеками на те препятствия в развитии экономики, которые создавались существованием крепостного права.

Прогрессивные деятели из среды дворянства обнаружили понимание того, что развитие производительных сил невозможно на базе только помещичьей собственности. Все настойчивее становился вопрос о предоставлении права собственности на землю и другие средства производства всем крестьянам, в том числе и помещичьим. Эта проблема ставилась, обсуждалась и решалась как одна из важнейших проблем, о чем свидетельствуют «Русская Правда» Пестеля, «Опыт теории налогов» Н. Тургенева, книги Пнина и Стройновского, лекции Куницына и т. д. Речь шла о важнейшем вопросе отношений двух антагонистических классов феодального общества.

Вопрос о собственности обычно ставился шире — об охране, неприкосновенности частной собственности вообще, в том числе помещичьей и купеческой. Но вопрос о крестьянской собственности являлся наиболее наболевшим и сложным.

Если учесть, что при феодализме главным средством производства была земля, а главной отраслью хозяйства — земледелие, то ясно выступает первостепенное значение проблемы собственности на землю, в особенности для развития производительных сил крестьянского хозяйства.

Отношение к решению этого вопроса было различным в разных кругах дворянского общества. Идеологи консервативного и реакционного дворянства считали, что в этом вопросе не должно быть никаких изменений. Дворянские либералы допускали установление права собственности крестьян только на их движимое имущество и на землю, которую они купят за свой счет; а земельную собственность помещиков считали неприкосновенной и не желали уступать хотя бы части ее крестьянам безвозмездно.

Пестель же ставил и решал вопрос о крестьянской собственности *по-революционному*. Он признавал необходимым передать *половину* всего земельного фонда страны *крестьянам* в форме общественной собственности, причем это должно произойти *за счет феодальной* собственности на землю (помещичьей и казенной). Он считал, что за крестьянином должно быть признано право иметь в собственности движимое и недвижимое имущество.

Идеологи купечества не могли, конечно, оставаться равнодушными к вопросу о частной собственности, но их интересовала лишь собственность купцов на движимое и недвижимое имущество, а к вопросу о крестьянской собственности они относились безучастно.

Проблема ликвидации экономической отсталости страны включала в себя вопрос об отечественной промышленности, о роли и месте ее в общественном производстве. Остро стоял вопрос, какой характер экономического развития страны следует поощрять — аграрный или промышленный?

Консервативные и реакционные идеологи дворянства активно защищали политику фритредерства, резко выступали против развития промышленности, против запретительного тарифа.

Среди дворянских либералов не было одинакового мнения по этому вопросу. Так, например, Стройновский полагал, что для России больше подходит земледелие, чем промышленность; так же думал и Шторх, который по ряду других вопросов держался либеральных позиций.

Мордвинов, в вопросе о крепостном праве занимавший в основном консервативную позицию, выступал решительным сторонником запретительного тарифа. Такую же позицию разделяли и министр коммерции Н. Румянцев, Сперанский, министр внутренних дел Козодавлев и др.

В вопросе об отечественной промышленности мнения декабристов расходились. Если Пестель стоял на позиции поощрения развития отечественной промышленности посредством тарифной политики, то Н. Тургенев, Н. Бестужев выступали решительными противниками протекционистского запретительного тарифа.

Идеологи купечества, мануфактуристов выступали с защитой политики протекционизма.

Приведенная нами выше общая и по неизбежности краткая характеристика различных направлений идеологии дворянства в первые десятилетия XIX в. уже дает возможность видеть глубокое различие не только между консервативным и реакционным крылом дворянской идеологии, с одной стороны, и революционным — с другой, но и между дворянскими революционерами и дворянскими либералами. Последующий анализ каждого из этих направлений общественно-экономической мысли России даст более конкретное представление об этих важных различиях в идеологии дворянства. Идеология купечества имела свои особенности, определяемые не только классовыми интересами развивавшейся в России буржуазии, но и степенью развития новых буржуазных отношений. Требования идеологов купечества, будучи в основном буржуазными, носили на себе резкий отпечаток господства феодализма в стране.

В рассматриваемое нами время, как и во все другие периоды, развитие русской экономической мысли определялось состоянием экономики страны и происходившими в ней изменениями, состоянием борьбы общественных классов. На развитие экономической мысли России известное воздействие оказывала также и экономическая мысль других стран, с которыми Россия имела экономические и культурные связи.

В XIX в. торговые и культурные связи России с западноевропейскими странами значительно расширились по сравнению с предыдущими веками; росла внешняя торговля России, усиливались научные связи, культурное общение русских людей с иностранцами. Много дворянской молодежи ездило за границу специально для получения высшего образования. В Россию приезжали из стран Западной Европы ученые различных отраслей науки — для работы в Академии Наук, университетах, лицеях и других учебных заведениях. В страну поступало все больше иностранной научной литературы. В расширении знакомства русских людей с культурой других стран большую роль сыграли заграничные походы российской армии во время Отечественной войны. Во время этих походов русские офицеры соприкасались с демократическими идеями Запада, заражались этими идеями.

И в XIX в. продолжалось могучее воздействие идей Великой французской буржуазной революции на другие страны Европы, в том числе и Россию. Освободительные идеи французской революции оказали, несомненно, большое влияние на дворянских революционеров России — Пестеля и его сторонников. Литература французских просветителей привлекала к себе пристальное внимание декабристов.

Культурное общение русских людей с народами других стран имело своим следствием то или иное восприятие экономических идей, теорий западноевропейских мыслителей. Экономические идеи, теории Западной Европы были широко известны в образованных кругах России и находили здесь определенное отражение. Воздействие идей, теорий Запада на русскую экономическую мысль было неизбежно различным. Они нередко привлекались, использовались русскими мыслителями, общественными деятелями в борьбе со своими идейными противниками, для решения конкретных задач своей страны. Идеи, теории, рожденные в особой социально-экономической и политической обстановке Запада, находили в России своеобразное преломление, воспринимались и оказывали влияние в той мере, в какой они отвечали на волновавшие русских людей конкретные вопросы жизни своей страны.

Консервативные и реакционные идеи, теории Запада легко воспринимались в России защитниками крепостничества, дворянских привилегий и вместе с тем подвергались критике со стороны идеологов передовой, прогрессивно настроенной части российского общества. Наоборот, передовые, революционные идеи Запада встречались в штыки защитниками крепостничества, а вместе с тем оказывали благотворное влияние на дворянских революционеров России. Поэтому правильно понять то или иное воздействие экономических идей, теорий Запада на русских людей — влияние их на одних людей, противодействие им, борьбу с ними со стороны других — невозможно без конкретного анализа идейной борьбы в самой России, без раскрытия внутренних движущих сил этой борьбы.

В рассматриваемое нами здесь время — первые десятилетия XIX в. — в экономической науке Западной Европы происходили важные изменения: в трудах Д. Рикардо буржуазная классическая политическая экономия получила свое дальнейшее блестящее развитие. Вместе с тем начался процесс разложения буржуазной политической экономии и ее вульгаризация по мере развития капитализма и обострения борьбы между основными классами капиталистического общества — пролетариатом и буржуазией. С грубым искажением действительности в угоду эксплуататорским классам выступали Мальтус и Сэй.

Появилось новое, мелкобуржуазное, направление в политической экономии в лице С. Сисмонди, который критиковал капитализм и осуждал его с позиций мелкой буржуазии. К рассматриваемому времени относится также дальнейшее развитие утопического социализма на Западе, появление произведений великих социалистов-утопистов: Сен-Симона, Фурье, Оуэна.

Выдающиеся произведения экономистов Западной Европы и социалистов-утопистов привлекали большое внимание образованных русских людей и были широко известны в России. Наибольшим вниманием различных кругов российского общества пользовалось учение А. Смита, этого Лютера политической экономии, как характеризовал его Энгельс.

Основной труд А. Смита — «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) — стал широко известен в России вскоре же после его выхода в свет, а в начале XIX в. он был издан и в России на русском языке. По Смицу излагалась политическая экономия в изданных в то время учебных пособиях Сарториуса и Неймана по политической экономии. Об экономической теории Смита печатались статьи в русских журналах, о ней много говорили в дворянских салонах.

Идеологи разных классов, социальных групп российского общества относились к Смицу по-разному. Знаменитый шотландец был идеологом растущей буржуазии, боролся против вся-

ких феодальных ограничений. Его теория использовалась декабристами в их борьбе против российского феодализма, отчасти была на вооружении у ряда мыслителей и деятелей либерального направления. Вместе с тем в России не было мыслителей и деятелей, которые полностью и целиком восприняли бы экономическую теорию Смита с его концепцией свободной торговли на мировом рынке. И это понятно: социально-экономические условия России начала XIX в. резко отличались от тех условий, в которых родилось и имело успех учение Смита.

Книги и статьи Сэя издавались и в России на русском языке; в некоторых кругах российского общества он пользовался популярностью, как комментатор учения А. Смита. Человеконенавистническая теория народонаселения Мальтуса пропагандировалась в некоторых русских учебниках политической экономии. Царское правительство охотно разрешало издание книг, в которых проводились идеи Мальтуса. В России появились и некоторые сторонники Мальтуса, но среди видных русских мыслителей идеи Мальтуса не нашли себе сочувствия.

Широкую известность в России приобрел ранний труд Сисмонди — «О коммерческом богатстве или о принципах политической экономии в их применении к торговому законодательству», в котором защищались идеи А. Смита. После выхода этой книги Сисмонди даже приглашали в Россию на должность профессора политической экономии в Виленском университете.

Говоря об идейных связях русского народа с народами других стран, не следует упускать из виду, что связь эта не сводилась только к воздействию, большому или меньшему влиянию идеологов Западной Европы на отдельных представителей русской общественной мысли или на определенные течения, направления этой мысли. Имело место также и воздействие русской мысли на экономистов других стран. Отдельные произведения русских мыслителей и деятелей, например Мордвинова, Орлова, печатались за границей и оказывали влияние на лиц, занимавшихся изучением соответствующих разделов экономической науки.

Глава вторая

КОНСЕРВАТИВНЫЕ И РЕАКЦИОННЫЕ ИДЕОЛОГИ ДВОРЯНСТВА

В рассматриваемое нами время консервативное и реакционное направление экономической мысли было господствующим; его придерживалось подавляющее большинство рядовых помещиков и деятелей из правящей верхушки. Одним из наиболее активных идеологов этого направления в первые десятилетия XIX в. был известный историк Н. М. Карамзин (1766—1826). Будучи издателем и редактором журнала «Вестник Европы», Карамзин упорно защищал на страницах журнала необходимость сохранения крепостнического строя и самодержавия в полной неприкосновенности; эту позицию он активно отстаивал и в своих специальных исторических работах¹.

Карамзин идеологически вооружал общественных деятелей консервативного дворянства. Его «Вестник Европы» задавал тон, был самым солидным журналом, имел наибольший тираж.

И в политических и в экономических вопросах Карамзин твердо держался консервативных, а нередко и реакционных позиций. Он восхвалял самодержавие, резко выступал против идей революции. Карамзин — решительный защитник всего старого и противник нового в политической и социально-экономической жизни.

В решении вопроса о крепостном праве Карамзин исходил из того, что земля составляет неотъемлемую законную собственность помещиков; крестьяне есть «также законная собственность дворянская». И в то же время он изображал крестьян как бессменных арендаторов. Карамзин требовал, чтобы кре-

---

¹ См. статьи Карамзина в «Вестнике Европы»: «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» (1802 г., ч. III); «Письмо из Коломны» (1803 г., ч. IV); «Письмо сельского жителя» (1803 г., ч. XI); «Добрый помещик» (1807 г., ч. XXXV); Записка Н. М. Карамзина (1811 г.) «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Эта работа вышла отдельным изданием в 1870 г. в виде оттиска журнала «Русский архив», а в 1914 г. — отдельной книгой.

постной крестьянин был «добрым земледельцем», т. е., чтобы он много работал на помещика, охотно повиновался ему. По его мнению, крестьянин не может существовать без власти и опеки помещика; без помещика крестьянин не может вести свое хозяйство и нормально жить; он будет лениться, пьянствовать и впадет в нищету. Крестьянин не может существовать без помещика еще и потому, что станет беззащитным, помещик же бережет и защищает крестьянина, как свою собственность. Поэтому, писал Карамзин, свобода для крестьян вредна. Выходило, таким образом, что не помещик, а крестьянин заинтересован был в сохранении крепостного права.

Карамзин пытался уверить читателей, что положение крепостных крестьян в России заметно улучшалось, благосостояние их и даже богатство возрастали, что «многие крестьяне начинают жить господами», имеют во всем избыток. Помещичьи крестьяне, по его словам, счастливее казенных крестьян, так как последних некому защищать. Русские крепостные крестьяне, писал Карамзин, живут лучше, чем крестьяне в других странах, где крепостного права уже нет.

Подобные мысли в более резкой форме повторяли и развивали известные для того времени реакционеры — граф Ф. Растопчин, А. С. Шишков, сенатор Лопухин, влиятельный масон Поздеев. Растопчин, например, писал, что свобода крестьян есть бедствие и она может привести к восстанию против власти.

Самому Карамзину было, конечно, известно о ненависти крестьян к помещикам; не забыл он и о пугачевском восстании; он не отрицал, что угнетенный крестьянин ненавидит помещика и это является источником «беспорядков», опасных для государства. Кто же в этом виноват? Виновниками того, что крестьяне готовы сбросить ярмо неволи, Карамзин считал лишь злых, жестоких помещиков. Он даже писал о необходимости обуздать жестоких помещиков. «Хороший» помещик должен желать добра своим крестьянам, улучшать их положение, настаивая Карамзин своих братьев по классу. Он советовал помещикам довольствоваться трехдневной барщиной или умеренным оброком.

Карамзин полагал, что реализация его пожелания о добром, благоразумном помещике разрешит все наболевшие вопросы, ослабит остроту отношений между помещиками и крестьянами.

С «добрым» помещиком Карамзин неизменно соединял рачительного хозяина, от забот и усердия которого зависят все успехи сельского хозяйства. Он считал, что не нужны никакие удобрения и машины, достаточно только, чтобы каждый помещик был хорошим хозяином.

Карамзин решительно возражал против применения помещиками оброчной системы, рекомендовал переходить везде на

барщину, уверяя, что и это его предложение имеет в виду якобы прежде всего интересы крестьян.

Крестьян на оброчном положении Карамзин считал уже свободными. Воля же, по его уверению, есть величайшее зло для крестьян, приносит им бедность; поэтому оброчная система вредна. Он умалчивал, что барщина давала помещикам возможность еще больше усиливать эксплуатацию крепостных крестьян, полнее обеспечивала монополию помещиков на рабочую силу.

Идеализация положения крестьян и отношений их с помещиками была нужна Карамзину для защиты крепостнического строя.

Другими средствами трудно было опровергать идеи свободы, разносившиеся по всей Европе вместе с вестями о французской революции. Дворянским журналам пришлось немало потрудиться над тем, как бы искуснее опорочить идеи французской революции. Карамзин ревностно боролся против идей иностранных прогрессивных писателей и с идейным революционным наследием А. Н. Радищева, ставшим достоянием передовой дворянской молодежи.

В среде крестьянства были живы также воспоминания о войне под руководством Пугачева; крестьяне поднимались на отдельные восстания. Отчет министра внутренних дел Кочубея (за последние 4 месяца 1802 г.) отмечает восстания крестьян. Все это не могло не тревожить дворянских идеологов.

Много лицемерия и лжи в вопросе об отношениях помещиков и крепостных крестьян видим мы и на страницах «Духа журналов». Журнал уверял, что взаимоотношения крестьян и помещиков имеют якобы идиллический, «семейный» характер, что крестьяне — это дети, а помещики — их отцы и что крестьяне чувствуют отеческую любовь помещиков, в результате чего *«жизнь наших мужиков есть самое беззаботное и счастливое»*¹. Немало усердия проявил «Дух журналов», чтобы убедить читателей, будто положение крепостных крестьян России значительно лучше, чем положение крестьян в других странах, где исчезло крепостное право, что система крепостничества лучше системы наемного труда.

Автор одной статьи² — дворянин Правдин вольность пазывал «пустым словом», «кровожадным чудовищем». Рисуя мрачными красками положение свободных крестьян, он уверял, вместе с тем, что крепостные крестьяне России, наоборот, «в своей неволе благоденствуют». Если же некоторые крестьяне

¹ «Дух журналов», ч. XXIX, август 1818 г., стр. 176—177.

² «Сравнение русских крестьян с иностранцами», «Дух журналов», ч. XXIV, кн. 49, 1817 г., стр. 981—1008.

бегут от своих помещиков, то делают это будто бы только по своей глупости. Установление крепостного права Правдин считал результатом «отменной мудрости и человеколюбия» правительства¹.

На страницах «Духа журналов» много писалось о «выгодах» состояния крепостных крестьян по сравнению с положением рабочих не только в России, но и в западноевропейских странах. «Наемный работник несравненно меньше обеспечен в своем пропитании, нежели крепостной; а это одно делает уже все прочие выгоды ничтожными»².

Отстаивая утверждение Карамзина о преимуществе барщины перед оброком, «Дух журналов» раскрывал истинную подоплеку этой защиты барщины: деревни на барщине давали дохода вдвое больше, чем деревни на оброке³. «Дух журналов» считал, что существовавший в то время оброк был очень мал и что его следует увеличить, чем можно приучить крестьянина к трудолюбию. Между тем на страницах других журналов признавалось чрезмерное отягощение крестьян и барщиной и оброками. Рассуждения «Духа журналов» о преимуществах барщины прикрывались мнимой заботой об общем благе⁴.

Проекты освобождения крестьян, написанные по поручению царя в 1818 г. Аракчеевым и Канкриным, заполнены рассуждениями консервативного и реакционного характера. Не лишено интереса, как же эти крепостники и реакционеры мыслили освобождение крестьян?

Аракчеев «начертал» проект, в котором предусматривалась в качестве единственной меры освобождения покупка казной у помещиков крестьян и дворовых людей по добровольному на то согласию помещиков и по условленным с помещиками ценам. Помещику предоставлялось право самому определять то количество земли, которое он считал нужным оставлять проданным крестьянам, доводя это количество до двух десятин на ревизскую душу. Всю остальную землю крестьян (более половины) помещик мог оставить за собой.

¹ См. «Сравнение русских крестьян с иноземными», «Дух журналов», ч. XXIV, кн. 49, 1817 г., стр. 999.

² «О сохранных кассах», «Дух журналов», ч. XXXII, кн. 2, 1819 г., стр. 107.

³ Изложение и анализ позиции журнала основывается на статьях, опубликованных в «Духе журналов», ч. XXIV, кн. 47, 1817 г. («О переселениях»); ч. XXIV, кн. 49, 1817 г. («Сравнение русских крестьян с иноземными»); ч. XXV, кн. 6, 1818 г. («О преимущественных выгодах крестьян на барщине перед оброчными»); ч. XXVI, кн. 12, 1818 г. («О рабстве в иностранных европейских государствах»); ч. XXXII, кн. 2, 1819 г. («О сохранных кассах»); ч. XXXVIII, кн. 4 и ч. XL, кн. 5 и 6, 1820 г. («Замечания на книгу «Опыт теории о налогах»»).

⁴ См. Правдин, О преимущественных выгодах крестьян на барщине перед оброчными, «Дух журналов», ч. XXV, кн. 6, 1818 г., стр. 184.

Аракчеев полагал, что из такой продажи помещик мог бы извлечь двоякую пользу: 1) не переставая быть помещиком, освободиться от долгов, которыми поместья были обычно обременены; 2) приобрести капитал в результате продажи крестьян и сохранить за собой значительную часть земли. Эту землю помещик имел бы возможность обрабатывать трудом тех же крестьян, которых он продал бы в казну. Крестьяне были бы вынуждены из-за недостатка оставленной им земли или арендовать ее у того же помещика, или заниматься к помещику для обработки его земли. Аракчеев предлагал ассигновать из государственного бюджета на покупку у помещиков земли и крестьян ежегодно 5 млн. руб.¹ Можно представить, на какой длительный срок растянулось бы это аракчеевское «освобождение» крестьян!

По существу это был проект не освобождения крестьян, а выгодных для помещиков сделок в тех случаях, когда у них появится необходимость в продаже части или всего поместья для погашения долгов.

Для крестьянина реализация этого проекта означала бы переход из состояния помещичьих крестьян в состояние казенных крестьян. Но и казенные крестьяне были тогда также крепостными, только в роли их помещика выступало дворянское государство. Не случайно Аракчеев в своем проекте ни одним словом не обмолвился о ликвидации крепостного права или хотя бы об ограничении его.

Если Карамзин не мог оказывать непосредственного влияния на экономическую политику правительства, то один из наиболее реакционных государственных деятелей того времени — *Канкрин Е. Ф.*, долгое время (с 1823 по 1844 г.) состоявший министром финансов, проводил линию реакционного дворянства на практике.

Можно обнуружить некоторые общие исходные положения, которыми руководствовался Канкрин в своей практической государственной деятельности и которые отражали консервативные и реакционные взгляды правящих кругов крепостной России. Эти положения содержатся в ряде опубликованных и неопубликованных служебных записок Канкринина и в его двух книгах. Для оценки общих взглядов Канкринина особенно характерна его книга «Экономия человеческих обществ и состояние финансов», изданная в 1845 г.² Она рассматривалась как идейное завещание Канкринина.

¹ См. *П. Баргнев*, Деятельность в XIX в. Исторический сборник, кн. 2, М. 1872, стр. 148.

² Книга издана на немецком языке; перевод ее на русском языке впервые стал публиковаться в журнале «Библиотека для чтения»

Во всей системе взглядов Канкрин главным являлось его отношение к крепостничеству. Раскрытие позиции Канкрин в этом коренном вопросе помогает уяснению его отношения к капитализму, промышленности, банкам, железным дорогам и т. п.

Наиболее ранним материалом для суждения об отношении Канкрин к крепостному праву может служить его «Записка об освобождении крестьян в России от крепостной зависимости»¹.

Записка составлена в 1818 г. по поручению Александра I. Канкрин предлагал в ней осуществить освобождение весьма постепенно, с наибольшей выгодой и удобством для помещиков. Свой проект он заключает следующими словами: «Россия будет тем, чем быть должна, и помещик получит от своей собственности гораздо более выгод, чем получает ныне...»². О главной исходной позиции своего проекта он говорил: «Само собою разумеется, что эта мера не имеет целью лишить дворянство — опору престола — его собственности»³.

Канкрин хотел растянуть освобождение не менее чем на 60 лет, причем сам выражал сомнение, не слишком ли мал такой срок для этого дела?

Первые этапы так называемого освобождения крестьян от крепостной зависимости сводились Канкриным к смягчению наиболее жестоких условий крепостного права в России, к устранению безмерного произвола помещиков, к предоставлению права крепостным крестьянам приобретать для себя в собственность землю и нужное им имущество, с тем чтобы считать дом и недвижимое имущество неотъемлемой принадлежностью крестьян. По проекту Канкрин в 1822 г. должен был быть воспрещен передел общинной земли, установлено подворное вместо подушного взимание налогов; в 1825 г. должны были быть определены повинности крестьян, а в 1840 г. — таксы, по которым крепостной крестьянин может выкупиться с землей и без земли⁴. В период с 1850 по 1880 г. выкупленные земли могли объявляться собственностью крестьян. Выкуп личных повинностей означал уплату суммы денег, в двадцать раз превышающей годовую повинность⁵. Крепостные крестьяне

в 1846 г. Книга состоит из 45 глав. Печатание перевода прервалось на 32-й главе. В 1894 г. русский перевод вышел отдельной книгой под названием «Граф Канкрин и его Очерки политической экономии и финансов».

¹ Опубликована в журнале «Русский архив», 1865 г., стр. 1360—1373.

² «Русский архив», 1865 г., стр. 1373.

³ Там же, стр. 1372.

⁴ См. там же, стр. 1371, 1372.

⁵ См. там же, стр. 1363.

должны выкупить землю и свободу. Но это предусматривалось и указом 1803 г. о вольных хлебопашцах. Своими проектами Канкрин и Аракчеев, по существу, снимали на ближайшие десятилетия осуществление этого указа. По существу, проект сохранял крепостное право, только в смягченной форме. Восстанавливалось право перехода к другому помещику. Крестьяне по-прежнему должны были работать на помещиков, класс крестьян оставался крепостным. По разъяснению самого Канкринина его идеал освобождения состоит в том, чтобы «крестьяне сделались собственниками и как бы фермерами, под условием, однако, быть крепкими к земле...»¹.

Такое же отношение Канкринина к крепостному праву видно и в его книге, изданной спустя 27 лет, в конце жизни Канкринина. Он писал в ней, что в России крепостное состояние крестьян — далеко не бедственное состояние, так как крестьянин в селении представляет собою якобы свободного работника в те дни, когда он не обязан работать на барщине². «Русский крепостной мужик находится в несравненно лучшем положении, нежели мелкий ирландский арендатор»³. Не следует преувеличивать тягость крепостного состояния и не надо много думать о ликвидации его — такой вывод следует из рассуждений Канкринина. Больше того, Канкринин утверждал, что барщинная работа во многих случаях необходима, что «вознаграждение трудом за пользование землею составляет естественный и даже единственный способ в некоторых государствах»⁴; однако Канкринин вынужден признать, что барщина должна постепенно переходить в аренду за деньги или за продукты или даже совсем отпасть; в то же время он считал, что для крестьян освобождение без земли хуже барщины⁵.

Касаясь вопроса о судьбах помещичьей собственности на землю, Канкринин подчеркивал, что «почти невозможно, без опасного потрясения, произвести значительные перемены в отношении поземельной собственности»⁶. Он утверждал, что помещик получает законный доход (феодалыную земельную ренту. — *Ф. М.*) за свою землю как вознаграждение за производительные силы природы. По мнению Канкринина, «приобретать на счет других, хорошо, или худо, основано на самом свой-

¹ «Русский архив», 1865 г., стр. 1363.

² См. граф *Е. Ф. Канкрин*, Экономия человеческих обществ и состояние финансов, «Библиотека для чтения», т. LXXVI, 1846 г., отд. IV, стр. 4.

³ Там же, стр. 5.

⁴ Там же, стр. 27.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 28.

стве человеческого общества»¹. Справедливого распределения предметов потребления быть не может, иначе «не нашлось бы никого, кто бы захотел заниматься черными, грязными и даже опасными работами»².

В советской литературе было высказано мнение, что Канкрин не являлся принципиальным сторонником крепостного права; ссылаются на то, что Канкрин выражал сожаление по поводу существования крепостничества. Но не следует забывать его рассуждений, приведенных выше; по словам Канкринина, уничтожение крепостного состояния крестьян «...сопряжено с величайшими затруднениями, так, что благоразумие требует, ввиду требования времени, двигать вперед это уничтожение *крайне осторожно*, шаг за шагом, медленно, мало-по-малу, даже очень по-малу...»³. Даже в 1845 г. Канкрин призывал отложить освобождение крестьян в далекое будущее. Он защищал необходимость существования рабства. Таким образом в важнейшем вопросе — о судьбах крепостного права в России — Канкрин занимал реакционную позицию. Он хотел задержать ход общественного развития, противодействовать росту новых общественных отношений, продлить существование старых.

* *
*

Консервативный и реакционный характер экономических взглядов правящей верхушки дворянства, особенно усилившийся после восстания декабристов, отразился в полной мере в предложениях и рекомендациях так называемого «Комитета 6 декабря 1826 г.», созданного Николаем I для подготовки предложений по улучшению государственного управления. В числе вопросов, которые обсуждал Комитет, были вопросы о казенных крестьянах, о дворовых, о запрещении продажи крестьян без земли, о купцах и мещанах, о свободных хлебопашцах, о гильдиях и цехах и т. д.

В широко применявшейся практике продажи крепостных крестьян без земли, а нередко и отдельно от семьи выявилась одна из наиболее отвратительных черт крепостного права в России. Крестьян продавали, как рабов, иногда прямо на ярмарках.

Вопрос о запрещении продажи крестьян без земли не был новым. Государственный совет еще в 1801 г. высказал опасе-

¹ Граф Е. Ф. Канкрин, Экономия человеческих обществ и состояние финансов, «Библиотека для чтения», т. LXXVI, 1846 г., отд. IV, стр. 28.

² Там же, стр. 32.

³ «Граф Канкрин и его Очерки политической экономии и финансии», Спб. 1894, стр. 34. Курсив мой.— Ф. М.

ние, как бы крестьяне, «приняв установление сие (о запрещении продажи крестьян без земли.— *Ф. М.*) за уменьшение или совершенное уничтожение прав помещичьих, не возмечтали, что сим сделались они вольными»¹.

И «Комитет 6 декабря» считал, что при издании постановления о запрещении продажи крестьян без земли «может быть нужно для предупреждения лживых толков и неосновательных догадок о будущих отношениях крестьян к помещикам дать чувствовать, сколь священо и неотъемлемо пред правительством и законом право сих последних (помещиков.— *Ф. М.*) на собственность владеемой ими земли»².

Председатель Комитета граф Кочубей демагогически высказал опасение, что после принятия закона о запрещении продажи крестьян без земли будут «нарекания на щет *правительства*, столь часто возобновлявшиеся, что оно *благоволит предпочтительно к нижнему классу людей*»³.

Зорко оберегая права помещиков, Комитет стремился сохранить крепостное право в полной неприкосновенности и в проекте дополнительного закона о состояниях записал подтверждение екатерининской жалованной грамоты дворянству 1785 г.

Много внимания было уделено Комитетом вопросу о казенных крестьянах.

Среди материалов, направленных в Комитет, следует отметить записку статс-секретаря Н. Н. Муравьева, в которой вместо улучшения положения казенных крестьян намечалось его ухудшение. Муравьев предлагал земли, населенные казенными крестьянами, передать в вечное и потомственное владение чиновникам и тем дворянам, которые получили дворянство службой или другим способом, с тем, что эти крестьяне по-прежнему будут платить государству подати, оброк и другие налоги и сборы, и, кроме того, новому владельцу земли платить по одному рублю «за покровительство, которое владелец будет им оказывать в их местных делах и повинностях»⁴. Автор записки предоставлял большие возможности для произвола этих новых помещиков.

Муравьев считал, что проведение его проекта будет означать появление новых дворян, которые будут владеть зем-

¹ ЦГИАЛ, Комитет 6 декабря 1826 г., ф. 1167, оп. XVI, д. 103 (Бумаги, относящиеся к вопросу о воспреещении продажи людей без земли), л. 4.

² Там же, д. 142 (журналы Комитета, т. III, № 51—75), л. 16 об.— 17.

³ Там же, д. 176 (О прекращении продажи крестьян и дворовых людей поодиночке), л. 9. Курсив мой. — *Ф. М.*

⁴ Там же, д. 106 (Записка Н. Муравьева «О владении землями без обладания живущими на них крестьянами»), л. 4.

лями, но без владения крестьянами. Он рекомендовал разрешить этой разновидности помещиков покупать земли у старых дворян, но «без владения крестьянами».

Записка Муравьева заканчивалась такими словами: «Вот один из легчайших и неприметных способов, чтоб освободить крестьян из рабства! Старые дворяне помещики исподволь приучатся к владению землями без крестьян и охотно, конечно, за малую себе временную выгоду, сами дадут свободу своим прежним крепостным крестьянам с сохранением в свою собственность и владение одной обитаемой ими земли»¹.

Известно, что закон о свободных хлебопашцах (1803 г.) имел в виду «прибучить помещиков к постепенному освобождению людей, принадлежащих им по крепостному праву»². Но помещики, за очень редкими исключениями, никак не хотели «прибучаться» этому. «Комитет 6 декабря» вынужден был констатировать, что результаты действия указа 1803 г. о свободных хлебопашцах не соответствовали возлагаемым на него надеждам. С 1803 г. по 1827 г. число свободных хлебопашцев возросло только до 37 тыс. душ, и «сие установление, мало улучшив состояние уволенных, не имело полезных последствий»³.

Неудачу этого мероприятия Комитет приписывал тому, что крестьянин должен был уплатить помещику и за землю, и за личную свободу. Но Комитет умолчал о тех исключительных трудностях, с которыми было связано — даже на этих тяжелых условиях — дело освобождения крестьян по закону 1803 г. Государственный совет, сенат, министерство юстиции и т. д. — все ставили препятствия осуществлению закона 1803 г. Комитет, однако, не нашел нужным устранить эти препятствия. Рекомендуя оставить закон 1803 г. в силе, он не принял мер к предотвращению возможности освобождения крестьян без земли или с уменьшением крестьянских земельных наделов, предоставляя это усмотрению помещиков.

Если помещику было выгодно за выкуп передать крестьянину всю или часть земли, которой он пользовался, он мог поставить это непременным условием перехода своих крестьян в свободные хлебопашцы. Такое положение было бы выгодно особенно для помещиков нечерноземных губерний. Наоборот, для помещиков черноземных губерний было бы выгодно часть или всю землю, которой пользовались крестьяне, оставить за собой. Таким образом, решение Комитета являлось очень выгодным

¹ ЦГИАЛ, Комитет 6 декабря 1826 г., ф. 1167, оп. XVI, д. 106 (Записка Н. Муравьева «О владении землями без обладания живущими на них крестьянами»), л. 6 и об.

² Там же, д. 142 (журналы Комитета, т. III, № 51—75), л. 138 об.— 139.

³ Там же, л. 139 и об.

для помещиков и очень невыгодным для крестьян. Не хотел Комитет стеснять помещиков и в вопросе о размерах выкупа.

В связи с производством хлеба в помещичьем хозяйстве для продажи помещики рассматривали землю как важнейшее условие их собственного обогащения, как условие укрепления своего экономического господства, как объект их исключительного владения.

Представляет интерес и заключительное замечание Комитета по вопросу об условиях перевода крестьян в свободные хлебопашцы. Комитет отмечал, что после освобождения крестьян и перевода их в свободные хлебопашцы одни крестьяне будут нанимать землю и обрабатывать для себя, другие купят землю, третьи будут наниматься для обработки помещичьей земли. «Сия самая неравность, из коей произойдут обоюдные выгоды и нужды, будет главною связью между владельцами земель и наемниками»¹.

Таким образом, в переходе крестьян в свободные хлебопашцы с землей и без земли дворяне видели гарантию обеспечения помещиков рабочей силой для обработки их земель, условие извлечения помещиками доходов путем сдачи помещиками излишних земель в аренду крестьянам.

При обсуждении дополнительного закона о состояниях подчеркивалось, что улучшение положения казенных и помещичьих крестьян всегда намечалось «без нарушения прав и без вреда для пользы помещиков»².

Ни одно решение «Комитета 6 декабря» не получило в то время законодательного оформления. Однако суждения, решения Комитета, проекты, записки, поступившие в этот Комитет, являются характерным воплощением взглядов, идей и настроений консервативных кругов русских помещиков в первой четверти прошлого века.

Члены Комитета, авторы записок, проектов защищали интересы помещиков, старались сохранить крепостной строй в неприкосновенности, боролись против стремления крестьян к свободе, против освободительной тенденции в обществе.

* *
*

Консервативные и реакционные круги дворянства выработали и отстаивали свои взгляды на развитие промышленности, железных дорог, банков и т. д. В них выявилось в конечном

¹ ЦГИАЛ, Комитет 6 декабря 1826 г., ф. 1167, оп. XVI, д. 142 (журналы Комитета, т. III, № 51—75), л. 146 и об. Курсив мой.— Ф. М.

² Там же, д. 150 (Проект дополнительного закона о состояниях), л. 226.

итоге отношение этих кругов к развитию капитализма в русской промышленности. Отношение это наглядно проявилось в работах Канкрин.

В советской литературе высказывалось утверждение, что Канкрин был идеологом промышленного развития России и ярким представителем интересов промышленного капитала. Это мнение покоится на неправильном, однобоком толковании его отношения к протекционизму, на забвении позиции Канкрин как сторонника сохранения крепостного права и защитника помещичьих интересов.

В действительности Канкрин не только не содействовал развитию промышленности в России, но как министр финансов всячески тормозил его. Наиболее важной отраслью народного хозяйства он считал сельское хозяйство, особенно земледелие.

Положительно относился Канкрин к развитию только домашней промышленности, связанной с земледелием и удовлетворяющей потребности самого крестьянина. Он восхвалял натуральное хозяйство крестьянина¹. Зная, что домашняя промышленность характерна для наиболее отсталых стран, он тем не менее доказывал, что переход от домашней промышленности к мануфактурам и фабрикам должен совершаться «весьма медленно»². Канкрин высказывал сомнение в том, что фабрики и мануфактуры приносят «столь прославленные выгоды»³, и в своей практической деятельности министра финансов стремился сохранить цехи, гильдии, ограничивающие свободу развития промышленности и торговли⁴. Через год после начала своей деятельности в Министерстве финансов Канкрин добился принятия дополнительных гильдейских правил, которые вредно отразились на развитии крестьянских мануфактур и фабрик, на промышленной деятельности мелких купцов (3-й гильдии).

В качестве одного из важных аргументов против роста мануфактур и особенно фабрик в России Канкрин указывал на неизбежность появления рабочего класса, в котором он видел наиболее беспокойный элемент общества, опасный для существующего строя. Его очень беспокоила революционность пролетариата, «домогательства высшей платы». За сельскую домашнюю промышленность он ратовал потому, что она не порождает пролетариата и совместима с существованием крепостничества. Он высказывался за сохранение цехов, прежде

¹ См. граф *Е. Ф. Канкрин*, Экономия человеческих обществ и состояние финансов, «Библиотека для чтения», т. LXXVI, 1846 г., отд. IV, стр. 15, 16.

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 15.

⁴ См. там же, стр. 6; т. LXXVIII, отд. IV, стр. 37, 38.

всего потому, что видел в них «поручу против превращения пролетариев в нищих».

Его пугало развитие фабрик: «Страшно посмотреть, до чего дошло зло в некоторых ветвях фабрик у различных народов, а еще страшнее подумать, до какой степени оно еще может дойти»¹. Ясно, что подобные высказывания совершенно не соответствуют позиции идеолога промышленного развития, тем более — идеолога промышленного капитала.

Отношение Канкрин к протекционизму и в особенности к запретительному тарифу также не характеризует его как защитника интересов промышленного развития России.

В таможенной политике, которой придерживался Канкрин, он хотел видеть прежде всего средство и источник получения таможенных сборов, что он и подчеркивал неоднократно². По этим же мотивам он был противником запретительной системы³, добился отмены запрета ввоза целого ряда товаров и ограничился такими таможенными пошлинами, которые обеспечивали наибольший доход. Но для России, с ее отсталой промышленностью, одних таможенных пошлин, к тому же умеренных, было совершенно недостаточно. Для обеспечения развития отечественной промышленности Россия нуждалась тогда в запретительном тарифе.

Некоторые авторы утверждают, что Канкрин провел денежную реформу в интересах развития русской промышленности; при этом не учитывают того факта, что сам Канкрин сопротивлялся проведению денежной реформы и упорядочению денежного обращения.

Он старался ограничить выдачу ссуд промышленникам, боялся развития учетных операций банков, так как не желал развития крупной промышленности. Он был противником организации частных банков. Канкрин даже ставил себе в заслугу, что «вот уже двадцать пять лет, как для поддержки фабрик не было употреблено правительством никакой сколько-нибудь значительной суммы»⁴. В то же время он проявлял полную готовность увеличить поток ссуд в карманы помещиков в ущерб промышленности и торговле, за счет изъятия капиталов из коммерческого банка и передачи их в государственный заемный банк, который выдавал ссуды помещикам.

¹ Граф *Е. Ф. Канкрин*, Экономия человеческих обществ и состояние финансов, «Библиотека для чтения», т. LXXVI, 1846 г., отд. IV, стр. 16.

² См. граф *Е. Ф. Канкрин*, Экономия человеческих обществ и состояние финансов, «Библиотека для чтения», т. LXXIX, отд. IV, стр. 14, 16, 17, 20.

³ См. там же, стр. 15, 17, 20.

⁴ «Граф Канкрин и его Очерки политической экономии и финансии», Спб. 1894, стр. 209.

Наконец, Канкрин был ярким противником строительства новых путей сообщения, прежде всего — железных дорог. Бесспорно, что развитие путей сообщения весьма благоприятно отразилось бы на развитии промышленности, в особенности крупной. Отношение к железным дорогам у Канкринина было самым реакционным. Железные дороги он считал одной из наименее нужных отраслей народного хозяйства. «Железная дорога подстрекает только к частым путешествиям без всякой нужды и таким образом увеличивает непостоянство духа нашей эпохи»¹. На развитие железных дорог Канкрин смотрел как на «истинный недуг века...»².

Может быть именно боязнь роста железных дорог продиктовала ему нелепое утверждение, будто металлы вообще не составляют первой потребности общества, что страна может обойтись без металлов и машин³. Рост применения машин Канкрин связывал с ростом революционного промышленного пролетариата и с неизбежностью возникновения промышленных кризисов⁴. В понимании кризисов у Канкринина встречаются чисто мальтузианские мотивы: причину кризисов он усматривал в уменьшении потребления господствующими классами. Явно мальтузианские мотивы видны и в рассуждениях Канкринина о росте населения⁵.

На протяжении всего XIX в. в дворянской литературе России славословили деятельность Канкринина, превозносили его мнимые заслуги, называли «русским Кольбером». Без всяких оснований Канкринина изображали чуть ли не гением в области финансов. В действительности же, как мы видим, воззрения Канкринина и его практическая деятельность были глубоко консервативными и нередко реакционными.

* * *

*

-

«Дух журналов» тоже враждебно относился к развитию отечественной промышленности. Решительно отвергая политику протекционизма, «Дух журналов» хотел убедить своих читателей, что основой всего народного хозяйства России служило и в дальнейшем должно служить земледелие, которое

¹ Граф *Е. Ф. Канкрин*, Экономия человеческих обществ и состояние финансов, «Библиотека для чтения», т. LXXVI, 1846 г., отд. IV, стр. 41.

² См. там же, стр. 42.

³ См. там же, стр. 37.

⁴ См. «Граф Канкрин и его Очерки политической экономии и финансов», Спб. 1894, стр. 53.

⁵ См. граф *Е. Ф. Канкрин*, Экономия человеческих обществ и состояние финансов, «Библиотека для чтения», т. LXXVI, 1846 г., отд. IV, стр. 20.

способно прочнее всего обеспечивать могущество государства. Интересы развития сельского хозяйства провозглашались как наиболее важные. Указывалось, что нельзя отвлекать капиталы и рабочую силу на развитие промышленности, тем более, что и того и другого в России недостаточно. Политика протекционизма усиливает развитие промышленности и, следовательно, причиняет ущерб сельскому хозяйству. Так «Дух журналов» защищал интересы реакционного дворянства.

Упомянутый уже нами известный в то время государственный деятель Кочубей заявил в 1815 г. на заседании комитета по рассмотрению проекта нового тарифа, что Россия имеет свой путь экономического развития и ей не нужна промышленность. Заведение помещиками мануфактур он считал пустой затеей¹.

Фритредеры из помещиков не хотели развития промышленности, усиления экономической роли купцов, ослабления роли дворян. В протекционизме и развитии промышленности они видели опасный путь, ведущий к ослаблению и расшатыванию крепостничества, подрыву его устоев. Действительно, последовательное проведение протекционистской политики и, как результат этого, рост крупной промышленности усилил бы и процесс разложения крепостной системы хозяйства.

Кроме того, дворяне заинтересованы были в свободе внешней торговли как покупатели заграничных товаров и как экспортеры сельскохозяйственной продукции. Выступали же они так, как будто защищали интересы всего народа.

Считая сельское хозяйство цитаделью крепостнического строя, фритредеры хотели сохранить безраздельное господство сельского хозяйства в народном хозяйстве России и тем самым увековечить аграрный характер страны. Борьба против развития промышленности означала для них борьбу за сохранение крепостничества в неприкосновенности.

Подводя итоги, можно сказать, что и в первые десятилетия XIX в. консервативная и реакционная мысль по-прежнему отличалась бедностью своего содержания. Усилившийся процесс разложения крепостничества заставлял консервативные и реакционные круги изыскивать новые аргументы для борьбы с развитием промышленности и торговли. Они пытались доказать мнимые преимущества феодализма перед капитализмом, сельского хозяйства перед промышленностью, аграрного направления в развитии экономики России перед промышленным развитием. Эти идеи не только тормозили развитие общества, но и тянули его назад.

¹ ЦГИАЛ, Департамент государственной экономики, ф. 1152, оп. 1, д. 66, 1815 г. и д. 16—17, 1816 г., л. 225 и об.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА
ЛИБЕРАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА
(М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов)

Глава третья

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. М. СПЕРАНСКОГО

План государственных преобразований.
Отношение к крепостному праву

В ряду немногих государственных деятелей России начала XIX в., видевших экономическую и политическую отсталость своей страны и стремившихся в той или иной мере к ее преодолению, видное место занимает Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839 гг.). Он был сыном сельского священника, получил образование в Петербургской духовной семинарии, в которой в дальнейшем занял кафедру философии. Затем Сперанский перешел на государственную службу в канцелярию генерал-прокурора и директора ассигнационного банка Куракина, привлекшего его к участию в финансовых делах.

После вступления Александра I на престол Сперанский был назначен статс-секретарем при Троцинском — докладчике и главном редакторе при царе, а также члене Непременного совета при императоре. Этот совет должен был заниматься подготовкой и рассмотрением проектов изменений и улучшений во всех отраслях управления.

С 1802 г. Сперанский стал работать в министерстве внутренних дел; здесь он продолжал пополнять свой опыт и экономические знания, сталкиваясь с вопросами промышленности, торговли, сельского хозяйства. В дальнейшем Сперанский был тесно связан с Комиссией по составлению законов, что позволяло ему быть в курсе всех работ и проектов по экономическим вопросам. Из неопубликованного литературного наследства Сперанского видно, что он много внимания уделял вопросам промышленности и в особенности финансам и денежному обращению¹.

¹ Хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

М. М. СПЕРАНСКИЙ

Сперанский активно включился в разработку мероприятий, направленных на преобразование государственного управления.

Он составлял записки, проекты преобразований, изучал проекты, которые составлялись до него, иностранную литературу по государственному устройству. Он знал произведения Монтескье, Блэкстона, Бентама, Юма. Реформаторская деятельность Сперанского развернулась в период работы его в качестве государственного секретаря, когда он, по существу, являлся первым помощником императора.

Декабрист Н. Тургенев хорошо знал Сперанского и, хотя относился к нему критически, подчеркивал присущее Сперанскому стремление к новому: «Все, что он видел около себя, не только не могло удовлетворять его пылким желанием и порывам, но, напротив, по своей недостаточности и по своему уродству, вызывало его искать перемен»¹.

Политические и экономические взгляды Сперанского не были одинаковыми на всем протяжении его государственной деятельности. Заметно изменились взгляды Сперанского после ссылки². В этот период он прочно вошел в высшее общество, которого ранее сторонился, сблизился с Аракчеевым, публично выступил с поддержкой военных поселений, а в 1826 г. принимал активное участие в суде над декабристами. В вопросе о судьбах крепостного права он занимал весьма осторожную позицию.

Эти изменения были обусловлены, конечно, не только изменениями в положении самого Сперанского, но прежде всего обострением внутренних противоречий в России и усилением реакционных настроений в среде дворянства.

Первый период государственной деятельности Сперанского отмечается наиболее либеральным характером его взглядов.

Обратимся к первым по времени наброскам его рассуждений о необходимых переменах в государственном и общественном строе. Эти материалы представляют интерес потому, что они подготовлены Сперанским не по заказу самодержца или высших сановников, а для уяснения вопросов самому себе; в них изложены собственные взгляды Сперанского.

---

¹ Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Архив Н. Тургенева, ф. 309, д. 1120, л. 2 об.

² В результате интриги и доноса на Сперанского Александр I выслал его в 1812 г. сначала в Нижний Новгород, потом — в Пермь. В 1816 г. Сперанский был назначен губернатором Пензенской губернии, а затем генерал-губернатором Сибири; через несколько лет после этого он вернулся в Петербург и состоял членом Государственного совета, различных комитетов; незадолго до смерти был возведен в графское достоинство.

Сохранились относящиеся к периоду 1802 г. рукописи Сперанского о конституции, о комиссии по составлению Уложения и др. Сперанский дает здесь резкую характеристику самодержавного строя. В условиях самодержавия, писал он, «...я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи... Действительно же свободных людей в России нет»¹. В этих условиях нет и не может быть устойчивых законов, «хотя и много писано о них в грамотах и манифестах»². Самодержавие Сперанский называл деспотическим правлением, свойственным отсталым народам; оно должно, по его мнению, смениться *ограниченной* монархией. Эту перемену, по мнению Сперанского, обязан постепенно осуществить сам монарх. Сперанский высказывался здесь за «утверждение престола... на твердых столпах закона и всеобщего порядка»³. Он был и тогда против революционных преобразований в государстве, за перемены «без крутостей и переломов»⁴.

Сперанский писал в этот период о необходимости участия народа в составлении законов, о том, что не должно быть сословных привилегий и различий, что «части народа должны быть равны в правах своих и составлять едино»⁵. Эти взгляды для того времени были очень радикальными; ни один дворянский либерал не шел так далеко в своих политических рассуждениях. Понимание Сперанским первостепенного значения реформ политического характера выделяет его из среды дворянских либералов, которые обычно не касались этих вопросов. По мысли Сперанского, реформы государственного управления должны быть связаны с экономическими преобразованиями в стране.

Сперанский исходил из того, что при сохранении самодержавия реформы неизбежно ограничатся лишь второстепенными мероприятиями. При этом «должно отказаться: 1. От всякой мысли о твердости и постоянстве законов — ибо в сем правлении законов быть не может. 2. От всех предприятий народного просвещения... 3. От всех предприятий утонченной народной промышленности; я разумею все фабрики и заведения, на свободных художествах основанные... 4. От всякого возвышения в народном характере: ибо раб иметь его не может... 5. От всякого чувствительного возвышения народного богатства: ибо первая основа богатства есть право неотъемлемой собственности; а без законов она быть не может. 6. Еще

¹ Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, Архив Н. Тургенева, ф. 309, д. 1005, л. 38 и об.

² Там же, д. 1006, л. 7.

³ Там же, д. 1005, л. 55 об.

⁴ Там же, д. 1006, л. 18.

⁵ Там же, д. 1005, л. 35.

более должно отказаться от улучшения домашнего состояния низшего класса народа.— Избытки его всегда будут пожираемы роскошью класса высшего»¹.

Сперанский, следовательно, понимал зависимость повышения благосостояния народа, экономического прогресса страны от ее политического строя; он считал, что при сохранении самодержавия, при отсутствии твердых законов не будет возможности достигнуть развития промышленности и торговли, роста народного богатства, неприкосновенности частной собственности. Он резко осуждал крепостное право и признавал необходимость и неизбежность отмены его в будущем. Он считал, что крепостное право умерщвляет «всякую силу в народе».

Отмечая несовершенство российских законов, Сперанский писал в записке о комиссии Уложения: «Я не говорю здесь о высших предметах, как то: об отношении крестьян к помещикам — то есть об отношении миллионов, составляющих полезнейшую часть империи, к горсти людей (в рукописи первоначально написано «тунеядцов», потом переправлено рукой Сперанского на «людей». — Ф. М.), захвативших бог знает почему и для чего все права и преимущества»².

В связи с подготовкой нового уложения законов Сперанский считал важной задачей выяснить, каким образом произошло закрепощение крестьян. Для решения этой задачи он находил наиболее подходящим человеком А. Н. Радищева, который в то время работал в Комиссии по составлению законов.

Очевидно, что Сперанский знал не только самого Радищева, но и его записки, законопроекты, а может быть, и литературные произведения и высоко ценил их автора. Зная революционный образ мыслей Радищева, причину его ссылки, Сперанский все же считал необходимым, чтобы именно Радищев «углубился разысканием» происхождения крепостного права и выяснения прежнего положения крестьян. В конце рукописи о комиссии Уложения Сперанского читаем: «В России и теперь на сцене есть конечно люди с обширными познаниями, но... их лета и состояние, а особливо *предрассудки класса*, к коему они принадлежат и коего духом они напоены, делают их *неспособными* к непосредственной работе (имеется в виду работа в комиссии по подготовке нового Уложения. — Ф. М.). ...Я бы желал, чтоб все сочинители были молодые люди, отвязанные от предрассудков»³.

¹ Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, Архив Н. Тургенева, ф. 309, д. 1005, л. 51—52 об.

² Там же, д. 1006, л. 14.

³ Там же, л. 19 и об. Курсив мой. — Ф. М.

Не исключена возможность, что приведенная выше резкая характеристика самодержавия и крепостного права была дана Сперанским под влиянием произведений Радищева. Могли оказать влияние на Сперанского и идеи французских просветителей.

Осуждая крепостное право, Сперанский считал, что оно обязательно будет отменено. «Как бы уничтожение сего права (права владеть крепостными крестьянами.— *Ф. М.*) ни казалось затруднительным, оно столько противно разуму общему, что должно рассуждать о нем, яко временном и непременно прейти должествуящем»¹.

Следует отметить и тот аргумент, которым пользуется Сперанский против крепостного права: он признавал крепостное право противным разуму, а не только задачам экономического развития России. Сперанский решительно возражал тем, кто считал, что крепостных крестьян сначала надо приобщить к просвещению и только после этого освобождать от крепостного права. Он полагал, что крепостной крестьянин должен иметь «прежде некоторое бытие, некоторой участок свободы, которая одна дает жизнь в движение разуму и воле»².

Однако, когда Сперанский от общих рассуждений о необходимости и неизбежности отмены крепостного права перешел к конкретному плану этой отмены, его решительность сразу отступила перед осторожностью: на первом месте оказывался принцип — проводить перемены «без крутостей и переломов». Изменилась и аргументация: когда он рассуждал об уничтожении крепостного права, он апеллировал к разуму; теперь же, говоря об осторожности при отмене крепостного права, он выдвигал экономический аргумент.

Он высказывал опасение, что «неосторожным прикосновением» к крепостному праву можно нанести «чувствительный удар самому земледелию»³: если крестьяне окажутся свободными, то они не будут обрабатывать землю в помещичьих латифундиях в порядке барщины. Сперанский полагал, что успешное земледелие возможно только в крупных помещичьих имениях, где землю обрабатывали крепостные крестьяне.

Проявляя крайнюю осторожность, Сперанский намечал отмену крепостного права провести не сразу, а двумя этапами.

На первом этапе он предлагал ввести регулирование повинностей крестьян в пользу помещика на основе закона, и тогда, по его мнению, крестьяне сами по себе «и без всякого

¹ Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, Архив Н. Тургенева, ф. 309, д. 1005, л. 67.

² Там же, л. 42 и об.

³ Там же, л. 67 об.

другого гласного постановления из личной крепости помещиков перейдут в крепость земле и будут только приписными». В этих условиях он считал необходимым «подати подушные сложить на землю... не исчисляя душ, писать только пространство и меру земель»¹.

Только «во второй эпохе, которая, конечно, не может быть близка и должна быть приготовлена многими частными распоряжениями, возвратится крестьянам и древнее их право свободного перехода от одного помещика к другому, и тем самым совершится уже и конечное их искупление»². Таким образом, задачу освобождения крепостных крестьян Сперанский исчерпывал всего лишь правом свободного перехода крестьян от одного помещика к другому.

Следует заметить, что в своем плане освобождения крестьян от крепостной зависимости Сперанский ничего не говорил о наделении крестьян землей; по смыслу его рассуждений видно, что имелось в виду безземельное их освобождение.

Если сравнить эти мысли Сперанского со взглядами Радищева на тот же вопрос, то ограниченность взглядов Сперанского на освобождение крестьян выступает резко. Между его общим осуждением крепостного права и практическими предложениями имелся большой разрыв, что характерно для дворянских либералов. Либерализм Сперанского в этом вопросе мало чем отличался по существу от либерализма Пнина, Стройновского, Румянцева и др. Сперанский был против сохранения сословий и различий, а Пнин и Стройновский считали сословные различия безусловно необходимыми. Пнин проявлял исключительную настойчивость в доказательстве необходимости крестьянской собственности, но имел в виду движимую собственность, а Сперанский высказывался за предоставление права собственности крестьянам на движимое и недвижимое имущество.

Пнин более резко и публично осуждал тяжелое положение крепостных крестьян, чем Сперанский в своих записках, сделанных для самого себя, но первый писал после опубликования указа 1803 г. о свободных хлебопашцах, а Сперанский — до этого указа.

В 1803 г. Сперанский составил по поручению Александра I записку об устройстве судебных и правительственных учреждений в России³. Сперанский писал здесь, что в России, «где

¹ Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, Архив Н. Тургенева, ф. 309, д. 1005, л. 68 об.— 69. Подобная мысль развивалась во второй половине XVIII в. Поленовым и Козельским.

² Там же, л. 69. Курсив мой.— Ф. М.

³ См. «План государственного преобразования графа М. М. Сперанского», М. 1905, стр. 121—229.

половина населения находится в совершенном рабстве, где сие рабство связано со всеми почти частями политического устройства и с воинскою системою...»¹, нет элементарных условий для установления конституционной монархии.

В 1809 г. Сперанский представил «Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного преобразования)»², которое и обеспечило ему наибольшую известность. В конце этого же года он представил «План финансов» на 1810 г.³

Названные проекты являются важными документами, характеризующими основные политические и экономические позиции Сперанского.

Это был период, когда реформаторская деятельность Сперанского получила наибольший размах.

Но далеко идущий либерализм Сперанского мог получить отражение только в набросках для самого себя и только в ранний период деятельности Сперанского. В официальных же документах это было не только рискованно, но и невозможно, так как не сам Сперанский определял их содержание; они являлись результатом неоднократных бесед и согласований с Александром I. Как видно, полученные к этому времени Сперанским в награду от царя 2 тысячи десятин земли также содействовали освобождению его от прежних радикальных мыслей и приближению к умеренному дворянско-либеральному образу мышления.

Основной смысл проектов реформ государственного управления, разработанных Сперанским в 1809 г., состоял в том, чтобы в возможной при тех условиях степени приблизить Россию по государственному устройству к типу *буржуазных* западноевропейских государств — Англии, Франции и др. Сперанский полагал, что Россия уже созрела для «истинной монархии», подразумевая под этим конституционную монархию.

Развитие промышленности и торговли в России, писал он, требует «нового вещей порядка» — по примеру западноевропейских государств.

Новшества, получившие отражение в проектах реформ Сперанского, носили очень умеренный и противоречивый характер. С одной стороны, предусматривалось установление элементарных политических свобод и прав, имелся намек на

¹ См. «План государственного преобразования графа М. М. Сперанского», стр. 187.

² Там же, стр. 1—120.

³ Опубликовано в «Сборнике Русского исторического общества» (РИО), т. 45, Спб. 1885, стр. 1—72.

парламент (думу), а с другой стороны — крепостное право сохранялось.

В его проекте реформы центральной политической фигурой будущего государственного управления оставался помещик. Купечество должно было получить ограниченные политические права, мещанам намечалось предоставление самых элементарных политических прав; казенные крестьяне могли посылать только одного представителя от 500 человек для участия в выборах волостного правления. Помещичьи же крестьяне по-прежнему оставались политически полностью бесправными.

Участие в выборах в государственную и местные думы Сперанский ставил в зависимость от наличия собственности. Даже дворяне могли пользоваться избирательным правом только при условии наличия собственности.

Одной из основных задач государственных законов Сперанский считал охрану собственности: *«всякая собственность есть неприкосновенная...»*, «закон составляется в защиту лица и собственности». К участию в составлении и обсуждении законов, по мнению Сперанского, могли допускаться только владельцы «недвижимой собственности или капиталов промышленности...»¹; так как по утверждению Сперанского только они заинтересованы в «доброте закона». Сперанский считал, что все люди, имеющие собственность, должны иметь политические права.

Рассуждения Сперанского о собственности в связи с общим вопросом о политических правах имели в виду прежде всего собственность и права помещиков и крупных купцов. Это свидетельствует о том, что проекты реформ Сперанского имели целью приспособление дворянской монархии к развивающимся буржуазным отношениям.

Требование установить твердые законы и таким образом ограничить самодержавие являлось основным содержанием проекта политических реформ Сперанского. Это требование было характерно для дворянских либералов; произвол самодержавия и правящей верхушки помещиков был серьезной помехой для развития экономической деятельности на буржуазных началах.

Эти мероприятия лишь в слабой степени отражали действительные требования экономического развития России. Но руководящая дворянская верхушка и Александр I даже этот куцый план реформ Сперанского признали слишком смелым.

---

¹ М. М. Сперанский, Введение к уложению государственных законов, «План государственного преобразования графа М. М. Сперанского», стр. 62.

и несвоевременным. Большинство мероприятий, которые могли бы благоприятствовать буржуазному развитию страны, не было осуществлено. Для реакционного дворянства даже весьма умеренный план реформ Сперанского казался политическим переворотом, настоящим потрясением основ существующего политического и экономического строя. Зато в этих реформах было заинтересовано дворянство, занимавшееся предпринимательством, купечество, мануфактуристы.

Хотя Сперанский обнаруживал в 1802 г. понимание несовместимости крепостного права с потребностями экономического развития России, его проект реформ 1809 г. все же предусматривал сохранение крепостного права и сословных различий. В проекте говорилось, что «дворянство имеет особенное право приобретать недвижимые имения населенные, управляя ими по закону»¹. Крепостное право, по мнению Сперанского, пока необходимо потому, что «воинская наша система и пространство земель ненаселенных непременно требуют оседлости», а наймом обрабатывать «у нас земель по пространству их и по малости населения также невозможно...»². Далее следовал избитый аргумент, что в случае ликвидации крепостного права земледелие пришло бы в расстройство, что крепостные крестьяне, отправляющие повинности по закону, находятся в более выгодном положении, чем рабочие люди в Англии, Франции и в Соединенных Штатах Америки. В проекте предлагалось некоторое ограждение крепостного права путем регулирования законом отношений крепостного крестьянина и помещика, допускалась лишь отдаленная возможность постепенного уничтожения крепостного права. Следовательно, в плане реформ получили отражение лишь те мероприятия, которые в рукописях 1802 г. предусматривались для первого этапа освобождения крестьян.

Сперанский считал необходимым установить, что помещичьи крестьяне не могут наказываться без суда и обязаны отправлять личную службу и повинности в пользу помещика только по закону, а не по произволу господ. Наконец, он предусматривал право крепостных крестьян иметь движимую и недвижимую собственность. Таким образом, по вопросу о крепостном праве Сперанский в этом плане выразил взгляды либеральных помещиков.

В отношении к крепостному праву мы видим значительные различия между Сперанским, Канкриним и Карамзиным.

¹ «План государственного преобразования графа М. М. Сперанского», стр. 64.

² Там же, стр. 59.

Сперанский резко критиковал крепостное право и помещиков; у него не было той идеализации крепостного права, которая наблюдалась у Карамзина и Канкрин.

Канкрин писал свой проект по специальному поручению монарха — изложить мнение о мерах для освобождения крестьян; это было спустя ряд лет после указа 1803 г. о вольных хлебопашцах, после того, как Александр I при открытии польского сейма в своей речи дал обещание распространить так называемые «свободные учреждения» на всю Россию. Несмотря на эти предпосылки, Канкрин представил такой проект, который отодвигал решение вопроса в весьма далекое будущее; он пытался по существу перечеркнуть даже указ 1803 г.

Сперанский же изложил свои наиболее радикальные взгляды на крепостное право до 1803 г.; позже — в 1809 г., проект Сперанского содержал в себе такие требования, которые отодвигались Канкриным на многие десятки лет (ограничение власти помещиков над крепостными и регулирование отношений между ними законом, предоставление крестьянам права собственности и др.). Канкрин предусматривал в своем проекте уплату крестьянами огромного выкупа помещикам за свободу и за землю, а Сперанский вопроса о выкупе не ставил. Наконец, у Канкринина нет и мысли об ограничении самодержавия, о политических правах купцов, казенных крестьян, как это предусматривал Сперанский. Но к некоторым вопросам у Сперанского и Канкринина был одинаковый подход; это свидетельствует о том, что дворянский либерализм имел точки соприкосновения со взглядами консервативного и реакционного дворянства.

В мае 1818 г. Сперанский в письме к А. А. Столыпину по поводу речи Александра I при открытии польского сейма и в связи с появлением слухов об освобождении крестьян писал, что «невозможно и думать о поспешности» в этом деле. Он предлагал начать преобразование с политических реформ и потом, спустя 10—20 лет, прийти к освобождению крестьян¹. Сперанский высказывал опасения, что речь Александра I станет известной не только помещикам, но и «черному народу». Он считал, что слухам о возможной свободе надо положить предел. В своей записке «О крепостных людях»², напи-

¹ В этом письме из Пензы Сперанский выступал уже как крупный помещик. Он получил несколько тысяч десятин земли в Пензенской губ. Он прямо и откровенно писал, что его заинтересованность в сохранении крепостного права связана с его доходами (около 30 тыс. руб.) от поместий (ЦГАДА, ф. Зимнего дворца, д. 1817, л. 168—169).

² См. «План государственного преобразования графа М. М. Сперанского», стр. 298—325.

санной для «Комитета 6 декабря», Сперанский исходил из интересов помещиков; он доказывал, что с течением времени нравы смягчатся и крепостное право станет менее необходимым. С ростом населения «возвышается цена на земли, умножается количество рук, умеряется цена вольных работ и работы принужденные теряют свое преимущество. Толпы дворовых людей с их потомством день ото дня становятся тягостнее и несноснее. Таким образом, каждый день стираются прежние побуждения, изменяются прежние расчеты, разрешаются сомнения и устраняются препятствия»¹. Следовательно, по мнению Сперанского, крепостное право могло ликвидироваться само собой, когда экономические условия сделали бы дальнейшее сохранение его невыгодным для помещиков.

В записке 1826 г. план постепенной ликвидации крепостного права намечал меры первоначальные или основные и меры постепенные. Первоначальные или основные меры должны были обеспечить некоторое облегчение участи крепостных крестьян. Предусматривалось запрещение брать дворовых из крестьян, продавать и закладывать в банк крестьян без земли, прекращение различных стеснений для крестьян и помещиков при освобождении первых. Сперанский высказался против освобождения и продажи крестьян без земли. В то же время он допускал в качестве переходной меры освобождение крестьян целыми деревнями без земли с тем, чтобы крестьяне арендовали ее по договору.

Особенно враждебно он был настроен против увеличения количества дворовых людей, предлагал подушную подать за них взимать с самих помещиков.

Все эти предварительные меры, по мысли Сперанского, «обратят крепостное право на крестьян в прежнее его законное положение, т. е. сделают их крепкими владельцу по земле, а не по лицу; прекратят личную продажу их в виде собственности...»².

Намеченные им «постепенные меры» шли по линии регулирования отношений между помещиками и крестьянами. В проекте 1826 г. о постепенной ликвидации крепостного права Сперанский далеко отступил от весьма осторожного проекта 1809 г. Регулирование законом отношений между помещиком и крестьянином, предусмотренное в проекте 1809 г., отодвинуто в 1826 г. на второй этап, а проект 1809 г. в свою очередь сделал шаг назад по сравнению с мерами, намечавши-

---

¹ «План государственного преобразования графа М. М. Сперанского», стр. 310—311.

² Там же, стр. 321.

мися в записке 1802 г. В 1809 г. Сперанский предусматривал право крепостных крестьян на движимую и недвижимую собственность, а в 1826 г. он обходит этот вопрос.

Обоснование финансовой программы

В государственной деятельности Сперанского большое место занимали финансовые преобразования, необходимость которых он ставил в непосредственную связь с реформой государственного управления. Длительное время он занимался изучением финансовой науки и состояния русских финансов. Он считал, что в условиях расстроенного денежного обращения, хронических бюджетных дефицитов и при отсутствии кредитной системы нельзя упорядочить и государственное управление.

Реформы по государственному управлению и финансовые реформы, поскольку они отвечали интересам купечества, в какой-то мере отражали назревшие нужды экономического развития страны, и в то же время эти реформы задевали интересы дворянства. Поэтому реакционная часть дворянства требовала удаления Сперанского, ссылаясь, в частности, на его финансовые реформы, которые являлись будто бы попыткой переворота.

«План финансов», представленный Сперанским Александру I в 1809 г., по замыслу автора, являлся проектом значительных реформ в области денежного обращения, кредита и бюджета.

В своем финансовом плане Сперанский исходил из предположения, что «правительство переменяет свою финансовую систему...»¹. Финансы государства, по мнению Сперанского, были на краю банкротства. В своем пермском письме Сперанский говорил, что Александр I, приняв и осуществив даже только часть его финансового плана, тем самым спас Россию от банкротства. Сперанского беспокоило то, что «вся торговля и промышленность должны страдать от сего положения финансов». Он подчеркивал, что частые изменения покупательной силы ассигнационного рубля мешали развитию торговли.

Бюджетная система в России была отсталой. Государственный бюджет² не имел силы закона; как самый бюджет, так и его исполнение не публиковались; подушная подать и откупная система на вино свидетельствовали о пережитках

¹ М. М. Сперанский, План финансов, «Сборник РИО», т. 45, стр.11.

² В то время бюджет официально назывался сметой, или росписью доходов и расходов. Сперанский употреблял термин «бюджет».

глубокой старины. В передовых для того времени странах Западной Европы — Англии и Франции — бюджеты утверждались законодательными органами. Подушная подать в Европе была давно сдана в архив. Только в крепостнической России финансовые порядки оставались без изменений.

Сперанский хотел положить в России начало передовой по тому времени организации бюджетного дела. Он считал необходимым установить гласность в утверждении и исполнении бюджета, проводить строгую экономию в государственных расходах. В своем «Плане финансов» Сперанский поднимал роль бюджета до государственного закона первостепенного значения.

Как государственный деятель, Сперанский стоял много выше большинства представителей правящей дворянской верхушки России первой четверти прошлого века.

Понимая отрицательную роль наиболее устаревших крепостнических институтов в финансовой системе России, он пытался доказать необходимость их замены более современными. Этим объясняется характерная особенность его записок и планов — стремление дать теоретическое обоснование рекомендуемых им практических мероприятий в области финансов.

По государственному бюджету намеченные Сперанским общие начала¹ сводятся к следующим основным положениям. Главную причину расстройств финансов он видел в несоразмерности расходов с доходами. Исходя из этого, Сперанский считал, что «соразмерность восстанавливается двумя способами: сокращением издержек и приумножением доходов». Всякий расход, если он не компенсируется сокращением других расходов или изысканием новых доходов, рассматривался Сперанским как новый налог, так как он должен покрываться новым выпуском ассигнаций.

В отношении доходов Сперанский исходил из того принципа, что «все вообще доходы бывают правильны: 1) когда они не осушают источников внутреннего богатства; 2) когда распределяются уравнительно; 3) когда не прикасаются к капиталам, для произведения нужным, но отделяются от чистых прибытков; 4) когда образ взимания их для правительства дешев, а для частных людей не притеснителен»².

В целях упорядочения бюджета и осуществления действительной экономии Сперанский отстаивал принцип: «расходы должны быть учреждаемы по приходам»³. Это положит конец

¹ Теоретические предпосылки Сперанский именует как «Начала общие».

² М. М. Сперанский, План финансов, «Сборник РИО», т. 45, стр. 21.

³ Там же, стр. 13.

бюджетным дефицитам. Новый расход мог быть разрешен при согласии Государственного совета и санкции императора и при условии подыскания соответствующих доходных источников.

Важной мерой для укрепления государственных финансов Сперанский считал увеличение доходов как путем упорядочения существовавших, так и установления новых налогов. Главное средство увеличения государственных доходов он видел в резком повышении крестьянских податей. Он предлагал увеличить эти подати вдвое, что означало бы увеличение доходов казны прежде всего и главным образом за счет крестьянства.

Сперанский считал необходимым перейти к подоходному налогу, а вместо подушной подати установить поземельный налог. Это преобразование тогда не осуществилось, потому что подушная подать была органически связана с существованием крепостного права. Переход к поземельному налогу намечался Сперанским прежде всего как условие прироста доходов. Сперанский требовал упорядочения земских повинностей, где больше всего проявлялся произвол. Он считал целесообразным отказаться от средневековой системы винных откупов и перейти к акцизной системе.

Сперанский предусматривал налог на тех, кто имел домашних слуг (независимо от того, находились ли эти слуги в городе или в деревне, являлись ли они крепостными или вольными), пошлины на владельцев лошадей в городах. Названные налоги задевали главным образом дворянство и крупное купечество. Это предложение Сперанского представляло собою попытку распространить налоги на привилегированное сословие дворян, т. е. покушение на одну из тех привилегий, которые выделяли дворянство из всех сословий. В начале 1812 г. Сперанский предложил для покрытия дефицита в бюджете установить даже прогрессивный налог на крупное землевладение. По инициативе Сперанского был установлен временный налог на дворянство из расчета по 50 коп. с ревизской души. Таким образом, увеличение налогов касалось всех сословий, но больше всего крестьян.

В области денежного обращения были намечены крупные мероприятия. Сперанский понимал, что и здесь России нужны коренные реформы.

В вопросе о ценности денег Сперанский придерживался взглядов товарно-металлистической теории; но в его концепции имеются элементы и количественной теории денег. Он полагал, что «начало и основание монеты есть мена»¹, причем

¹ М. М. Сперанский, План финансов, «Сборник РИО», т. 45, стр. 29.

«достоверность монеты определяется: 1) внутренним ее независимым достоинством, 2) печатю правительства»¹. Металлические деньги имеют собственную ценность как товар и являются наиболее совершенными деньгами, а бумажные деньги, ассигнации ценности не имеют. Сперанский полагал, что только серебро может являться основанием монетной единицы, только оно является денежным товаром и материалом. Медь может служить только разменной монетой. Неполюценные медные деньги он приравнивал к ассигнациям. Но Сперанский ошибочно вывел ассигнации из функции денег как платежного средства.

Причину обесценения ассигнаций он правильно видел в чрезмерном их выпуске; неумеренный выпуск ассигнаций для нужд казначейства им рассматривался как начало банкротства. Польза ассигнаций оценивалась Сперанским в пределах их «соразмерности с действительной монетой». Соразмерность же определялась не только количеством ассигнаций, но и объемом торгового оборота.

Обесценение ассигнаций он правильно расценивал как самый тягостный налог, причем указывал, что не все слои населения несут тяжесть этого налога. Более всего страдали, по его мнению, торговцы и промышленники, группы населения с фиксированными доходами, а также «класс людей недостаточных»; дворянское же сословие «могло еще быть в некотором прибытке», особенно экспортеры и должники. Такой налог, по выражению Сперанского, «объемля капиталы без разбору и приражаясь (нанося ущерб.— *Ф. М.*) не только к чистым доходам, но и к самому их производству», существенно вредит промышленности и более «тяготит бедных, нежели богатых»².

«Планом финансов» Сперанского предусматривалось введение серебряного монометаллизма в России; серебряный рубль провозглашался единственной монетной единицей. Это и было введено манифестом 20 июня 1810 г. Основные положения монетной системы, установленные Сперанским, действовали до конца XIX в., до реформы Витте, когда Россия перешла к золотому монометаллизму. Сперанский понимал, что Россия в начале XIX в. еще не могла перейти к золотому монометаллизму.

Ассигнации были объявлены в «Плане финансов» и в манифесте государственным долгом, подлежащим постепенному погашению; дальнейший выпуск ассигнаций намечено было прекращать, а выпущенные ранее — постепенно изымать и уничтожать. Новый выпуск ассигнаций допускался только в

¹ М. М. Сперанский, План финансов, «Сборник РИО», т. 45, стр. 29.

² Там же, стр. 39.

случае крайней нужды, на основе обнародованного манифеста, по предложению Государственного совета.

Для изъятия ассигнаций была создана Комиссия погашения долгов. В эту комиссию вошли и представители купечества. Купцы заняли также должности директоров в ассигнационном банке. Таким образом, план оздоровления денежного обращения ставился под контроль купечества, очень заинтересованного в укреплении денежной системы. Эти мероприятия должны были служить, по мысли Сперанского («План финансов», §§ 38 и 39), свидетельством того, что правительство ищет доверия купечества. Упорядочение денежного обращения, денежная реформа выражали прежде всего интересы и пожелания буржуазных элементов из купечества и дворянства.

Сперанский понимал значение кредитных денег и их преимущество. По его мнению, «истинные кредитные бумаги суть не что другое, как та же самая монета металлическая, которую они представляют...»¹, а «истинная экономия требует представлять монету металлическую кредитными бумагами»². Он считал, что ассигнации должны быть совсем изъяты из обращения с тем, чтобы к ним больше не возвращаться. Вместе с ними должны исчезнуть и ассигнационные банки. Вновь организуемые банки должны выпускать только кредитные деньги. Кредитные деньги лучше ассигнаций потому, что «ассигнации выпускаются правительством по нуждам его...», а «кредитные бумаги умножаются по мере действительной потребности, т. е. по мере размножения торговли и промышленности»³. Он был убежден в том, что только кредитные деньги могут содействовать развитию промышленности и торговли.

Кредитные деньги Сперанский признавал лучшими деньгами, даже по сравнению с серебряными деньгами. Путь к оздоровлению денежного обращения он видел в переходе от ассигнаций к кредитным деньгам, основанным на серебре. Эту меру он рассматривал как основную, а постепенное погашение ассигнаций, уменьшение их количества считал временной, хотя и полезной мерой. Сперанский хотел бы видеть в России рост вексельного оборота.

В качестве одного из способов образования капитала погашения намечена была продажа казенных земель и лесов, причем леса могли покупать все сословия, а земли — дворянство и крупные фабриканты. Предусматривалось, что фабриканты могли владеть неосвоенной землей на правах помещиков. Проведением этой меры Сперанский рассчитывал предоста-

¹ «Сборник РИО», т. 45, стр. 30.

² Там же, стр. 31.

³ Граф Сперанский, Записка о монетном обращении, с замечаниями графа Канкринина, Спб. 1895, стр. 27—28.

вить фабрикантам широкую возможность приобретать земельные владения. Он допускал продажу даже казенным крестьянам той земли, которую они обрабатывали.

В целом план Сперанского — упорядочить денежное обращение в стране — отличался широтой замысла. Только через три десятилетия после составления Сперанским финансового проекта царское правительтельство провело денежную реформу. Как это показывает записка Сперанского 1839 г., он до конца своей жизни продолжал заниматься вопросами денежной реформы, старался дать ей теоретическое обоснование. Реформа денежного обращения, осуществленная в 1839—1843 гг. и вошедшая в историю как «реформа Канкрина», была задумана и в значительной мере обоснована Сперанским; Канкрин, вынужденный пойти на осуществление реформы денежного обращения в России, всячески сопротивлялся осуществлению ее в том виде, как она представлялась Сперанскому.

* *
*

Как уже было сказано выше, в России в рассматриваемое время банковский *кредит* еще не получил заметного развития. Широко распространенным явлением был лишь вексельный кредит, в том числе коммерческого характера.

Для упорядочения кредита Сперанским было предусмотрено создание центрального банка. Согласно «Плану финансов» банк должен был быть организован в форме смешанного акционерного общества, причем государство могло приобретать ~~только треть акций банка~~. Это ограничение предусматривалось для того, чтобы новый банк не имел той степени зависимости от правительства, какая была ранее, когда банки полностью находились в руках правительства, целиком от него зависели и служили источником покрытия хронических бюджетных дефицитов. Сперанский же хотел поставить банки на службу развитию промышленности, торговли и укреплению денежного обращения. По замыслу Сперанского, в делах банка должны были играть большую роль представители купечества.

Сперанский считал также необходимым оказывать содействие созданию *частных* банков для обслуживания как промышленности и торговли, так и сельского хозяйства. Вместо существовавших тогда дворянских банков долгосрочного кредита он предложил создавать новые банки на акционерных началах. Эти банки должны были выдавать кредиты на развитие сельского хозяйства под залог имений, а не душ крепостных крестьян. Образование частных банков до того времени в России не разрешалось. Создание их также означало

бы усиление роли и значения мануфактуристов, купцов и обуржуазившихся дворян в экономической жизни России.

Большое значение в деле оздоровления финансов и в особенности денежного обращения страны Сперанский придавал государственным внутренним займам.

Сперанский хотел укрепить позиции предпринимателей из дворян и купцов-мануфактуристов не только посредством упорядочения денежного обращения и коммерческого кредита, но и путем создания наиболее благоприятных условий для развития отечественной промышленности. Он стремился оградить ее от конкуренции со стороны европейской промышленности, в первую очередь английской и французской.

19 декабря 1810 г. был издан новый таможенный тариф на 1811 г., известный как наиболее протекционистский из всех до того времени существовавших тарифов.

Эта мера, проведенная Сперанским, носила буржуазный характер. Его идея организации частных банков и осуществление тарифа 1810 года говорят уже сами за себя. Несмотря на всю ограниченность этих мер, они содействовали росту буржуазных отношений в России. За этот протекционистский таможенный тариф Сперанский был подвергнут ожесточенным нападкам со стороны реакционного дворянства.

Сперанский считал необходимым поощрять частную инициативу и ликвидировать казенные мануфактуры, рудники, соляные промыслы, если они не приносили дохода.

* *
*

Подводя итог, нужно сказать, что Сперанский стоял на уровне современной ему передовой теории в вопросах денег, кредита и бюджета и стремился практически применить эту теорию.

Сперанскому были известны основные теоретические принципы Адама Смита¹, но он подходил к ним критически и учитывал лишь то, что считал полезным для России. Он отбросил, например, модное тогда положение Смита о свободе торговли и отстаивал необходимость протекционизма для России.

Своеобразие разработанного Сперанским плана реформы денежного обращения, кредита и бюджета свидетельствует о его стремлении учесть экономические и политические условия России того времени. Вместе с тем надо отметить, что «План фи-

---

¹ Наряду со Смитом крупнейшим экономистом Сперанский считал Сисмонди, авторитет которого он ставил высоко. Биограф Сперанского барон Корф в своем дневнике за 1839 г. (год смерти Сперанского) писал, что Сперанский был в переписке с учеными его века (ЦГАДА, ф. Зимнего дворца, д. 1817, л. 136).

нансов» Сперанского заключал в себе некоторые элементы догматизма и утопизма. В своих проектах Сперанский иногда отвлекался от того, что в России оставалась неприкосновенной крепостническая система хозяйства, и пытался провести такие реформы, особенно в области денежного обращения и кредита, которые могли базироваться лишь на совершенно иной — капиталистической системе хозяйства.

«План финансов» Сперанского являлся для своего времени прогрессивным планом. Многие из его положений сохранили свое значение до конца XIX в. Сперанского поддерживали видные государственные деятели России того времени, в числе которых находился и Мордвинов.

В литературе о Сперанском иногда высказываются сомнения в том, справедливо ли связывать представленный им финансовый план с личностью самого Сперанского. Действительно, первоначальный вариант этого плана был разработан Балугьянским, Вирстом и Якобом по поручению Сперанского, но этот вариант не был одобрен Сперанским. Это свидетельствует о том, что последний занимал самостоятельную позицию в данном вопросе. Представленный Балугьянским второй вариант проекта Сперанский основательно изменил и дополнил. Сперанский предъявлял определенные требования к финансовому плану, к его принципам и идеям. Поэтому «План финансов» 1809 г. справедливо вошел в историю как план Сперанского. Он был вдохновителем, идейным творцом и проводником идей финансового плана, а Балугьянский — только исполнителем.

Проявив заботу о благоприятных условиях для торгово-промышленной деятельности, Сперанский наметил ряд важных мероприятий, которые должны были бы усиливать экономическую роль и значение обуржуазившегося дворянства и купечества. В этих реформах Сперанский проявил больше смелости и решительности, чем в реформах по государственному управлению. Получилось несоответствие намечавшихся им финансовых реформ политическим и экономическим условиям жизни страны.

Сперанский понимал, что в России начали развиваться новые экономические отношения, новые экономические силы. По свидетельству современников и его биографа Корфа, Сперанский до ссылки имел знакомство с представителями русской буржуазии — с известным богатым заводчиком Яковлевым, с крупными купцами Кусовым, Сапожниковым, Кусовниковым и другими, нередко посещал их. Неудивительно, что он хорошо знал интересы русского купечества.

В своих проектах реформ Сперанский стремился дать некоторые политические права буржуазным элементам, обеспе-

чить благоприятные экономические условия для их дальнейшего роста. Он предлагал мероприятия, предусматривавшие переход от средневековья, феодальных форм бюджета, денежного обращения и кредита к новым формам, соответствовавшим новым — буржуазным условиям жизни общества. Намеченные Сперанским финансовые реформы были первыми серьезными уступками новой социальной силе — нарождающейся буржуазии.

Неудивительно, что консервативные и реакционные круги дворянства решительно восставали против реформ Сперанского. Дворянство видело в его реформах удар по своим сословным привилегиям. В отчете Александру I об итогах деятельности за 1810 г. Сперанский писал, что вельможи его «целыми родами преследуют как опасного уновителя» и что для них он «...превратился в человека опасного...» Дружба вельмож ему была еще более «тягостна, нежели разномыслие»¹.

Сперанский говорил, что его называют «иллюминатом», «мартинистом», «защитником вольности, гонителем рабства». Известный реакционный деятель первой половины XIX в. Вигель говорил даже о «революционной партии Сперанского». Клички «иллюминат» и особенно «мартинист» тогда были близки к кличке «революционер».

После удаления Сперанского с государственной службы появилась записка на французском языке², в которой утверждалось, что Сперанский стремился своими нововведениями посеять разложение в государстве и привести к перевороту. Сперанский сравнивался здесь с ...Кромвелем.

В наиболее систематической форме возражения против реформ Сперанского были изложены в записке Н. М. Карамзина «О Древней и Новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811 г.). Карамзин выступал здесь в качестве рупора консервативной и реакционной части дворянства, отражая недовольство приверженцев старины и рутины нововведениями Сперанского.

Карамзин высказывался против какого бы то ни было ослабления крепостного права, ратовал за оставление его в полной неприкосновенности. Он выступал против Сперанского и по финансовым вопросам, в особенности против реформы денежного обращения.

Интересно отметить при этом, что Карамзин критиковал Сперанского с номиналистических позиций. Он спрашивал:

¹ «Сборник РИО», т. 21, Спб. 1877, стр. 460, 461.

² Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Архив графа М. М. Сперанского. Автором записки считали прибалтийского немца Розенкампа, который работал под руководством Сперанского в Комиссии по составлению законов.

«Кто дает цену деньгам?» И отвечал: «Правительство, объявляя, что оно будет принимать их в дань народную вместо таких и таких вещей. Если бы государь дал нам клейменные щепки и велел ходить им вместо рублей, нашедши способ предохранять нас от фальшивых монет деревянных, то мы взяли бы и щепки»¹. Карамзин выступал также против налогов на дворян.

Это «разномыслие», как выражался Сперанский, между ним и дворянством отражало борьбу реакционного дворянства против каких-либо уступок развивавшейся буржуазии. Сперанский защищал ее интересы с позиции *либерального обуржуазившегося дворянства*.

Нельзя согласиться с утверждением, что Сперанский был представителем буржуазии и ее идеологом, типичным представителем буржуазного либерализма². Для буржуазного либерализма в общественной жизни России того времени еще не было места. Буржуазный идеолог не мог бы пользоваться тем доверием и признательностью со стороны Александра I и Николая I, какими пользовался Сперанский.

У Сперанского дворянский либерализм приобрел наиболее многогранные проявления по сравнению с другими дворянскими либералами. У Стройновского, Пнина либерализм обнаруживался только в коренном вопросе — об отношении к крепостной зависимости. Вместе с тем Стройновский считал, что для России более подходит земледелие, чем промышленность, а Пнин прошел мимо вопроса о промышленности; Сперанский же выступил сторонником быстрого развития промышленности в России. В реформах Сперанского одним из важнейших вопросов был вопрос о преобразовании государственного управления, а другие дворянские либералы этого вопроса совсем не ставили. Стройновский считал самодержавие самым подходящим для России правлением. Пнин превозносил Александра I и считал, что монархическое правление свойственно России. Сперанский уделял много внимания и вопросам преодоления отсталости России в области финансов, денежного обращения и кредита; из либералов только Мордвинов придавал этим вопросам такое же большое значение, причем либерализм Сперанского в этих вопросах и в отношении к развитию промышленности проявлялся с наибольшей силой, был более последовательным, чем в отношении к крепостному праву и даже к государственным преобразованиям.

¹ Н. М. Карамзин, О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях, оттиск из «Русского архива», М. 1870, стр. 2308.

² См. рецензию С. А. Покровского на книгу Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева», т. 1, «Известия АН СССР», Отделение экономики и права, № 6, 1946 г., стр. 458—459.

Глава четвертая

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ИХ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ В РАБОТАХ Н. С. МОРДВИНОВА

Одним из представителей дворянского либерализма в России первой половины XIX в. был видный государственный и общественный деятель того времени Мордвинов Николай Семенович. Н. С. Мордвинов (1754—1845 гг.) — крупный помещик, имел более 100 тыс. десятин земли. Он был адмиралом и некоторое время занимал высокий пост вице-президента адмиралтейской коллегии, потом — морского министра. В течение многих лет Мордвинов состоял председателем департамента государственной экономии, департамента гражданских и духовных дел, членом Государственного совета и разных правительственных комитетов, а с 1823 г. являлся президентом Вольного экономического общества. В 1827 г. он принял участие в организации первого в России страхового общества. Мордвинов состоял также акционером и одним из руководителей Российско-Американской торгово-промышленной компании.

По своим политическим взглядам Мордвинов был убежденным монархистом. Осуществление предлагаемых им экономических мероприятий он мыслил только с помощью самодержавия и считал, что император России способен проводить экономическую политику в интересах развития народного хозяйства страны.

Мордвинов хотел еще больше усилить роль дворянства, и в первую очередь родовитого, в управлении государством. С этой целью он предлагал создать палату вельмож, в которую избирались бы пожизненно наиболее знатные дворяне. В другую, нижнюю, палату должны были бы избираться наряду с дворянами и наиболее крупные купцы, которые по преимуществу занимались промышленной деятельностью. По проекту Мордвина, политическими правами должны пользоваться только дворяне и крупные купцы, а все остальное население должно оставаться по-прежнему бесправным.

По характеру своей государственной и общественной деятельности Мордвинову приходилось систематически изучать экономику России. Он был одним из наиболее образованных государственных деятелей своего времени. Внимание Мордвинова привлекали преимущественно экономические науки.

Мордвинов оставил после себя большое литературное наследство¹, которое является важным источником для изучения не только его экономических взглядов, но и самой экономики России, экономической политики самодержавия в период разложения крепостного строя.

При жизни Мордвинова были напечатаны пять его работ, из которых наиболее значительны следующие: «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе»², «Рассуждения о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков»³, «Мнение адмирала Мордвинова о причинах нынешнего расстройстве финансов наших и о мерах, могущих способствовать к отсечению сих причин и к постепенному улучшению народного благосостояния и государственных доходов»⁴.

Многие его записки («Мнения») на имя Александра I и Николая I расходились в большом количестве (в копиях) не только в Петербурге и Москве, но и далеко за их пределами. В этих записках Мордвинов формулировал и теоретически обосновывал свои предложения по многим вопросам экономической политики.

Обширные теоретические познания Мордвинова дополнялись его богатыми личными наблюдениями не только в России, но и за границей. Он посетил Францию, Италию, Германию, Америку, но дольше всего находился в Англии, причем как раз в период, когда там вышла в свет книга А. Смита — «Исследование о природе и причинах богатства народов», с которой Мордвинов тогда же и познакомился. Он находился в переписке или был лично знаком со многими известными экономистами Западной Европы.

¹ В 1901—1903 гг. были изданы 10 томов «Архива графов Мордвиновых», из них труды Н. С. Мордвинова занимают около 6 томов.

² 1-е изд. вышло в 1815 г., 2-е — в 1816 г., 3-е — в 1833 г. В 1816 г. книга была переведена на французский язык.

³ 1-е изд. вышло в 1816 г., 2-е — в 1817 г., 3-е — в 1829 г. Автор послал эту работу Сяю, Ганилю, итальянскому экономисту Джойя и Бентаму.

⁴ Вышло в 1840 г. Написано в 1825 г. В IV томе «Архива графов Мордвиновых» эта работа имеет другой заголовок — «О мерах улучшения государственных доходов». Указанные три работы и «Проект трудопоощрительного банка» изданы в советский период отдельной книгой: Н. С. Мордвинов, Избранные произведения, Госполитиздат, М. 1945..

Обоснование Н. С. Мордвиновым политики промышленного протекционизма

Мордвинов-экономист известен прежде всего как поборник развития отечественных мануфактур и насаждения банков в России. Занимая в этих важных вопросах либеральную позицию, Мордвинов проявил оригинальность и глубину теоретической мысли.

Важнейшей экономической задачей России Мордвинов считал преодоление ее экономической отсталости, а главный путь к этому видел в росте отечественной промышленности. Мордвинов настойчиво отстаивал идею, что экономический прогресс страны определяется прежде всего степенью развития ее промышленности.

По мнению Мордвинова, «Россия отстала от прочих народов в обогащении потому, что предпочитала доселе сельские занятия городской промышленности», а «народ просто земледельческий всегда бывает беден...»¹. Он считал необходимым «*переменить систему внутреннего в России хозяйства, т. е. вывести Россию из земледельческого хозяйства в рукодельное и промышленное*»².

Народ земледельческой страны «шестует к благосостоянию самыми медленными шагами, коснит в бедности и всякого рода недостатках и, что важнее всего, не может быть народом свободным, ибо зависит от других держав по удовлетворению первейшим его нуждам... не пользуется политической свободой, нужной всякому народу, желающему быть властелином и независимым на своей земле; лишен той степени уважения от иных земель, на которую каждый независимый народ имеет право; подчиняет себя руководству и воле соседей своих и должен нередко угождать прихотливым требованиям союзных с ним держав. Глагол такого народа лишен твердости...»³.

Для обоснования необходимости быстрого развития промышленности он использовал учение Смита о разделении труда.

Мордвинов придавал большое значение разделению труда, считая его важным условием развития народного хозяйства, роста богатства. Он отмечал, что разделение труда «еще в первых основаниях в России не существует»⁴, так как девять де-

¹ Н. С. Мордвинов, О мерах улучшения государственных доходов, Избранные произведения, Госполитиздат, М. 1945, стр. 218.

² Н. С. Мордвинов, Записка для памяти, «Архив графов Мордвиновых», т. IX, Спб. 1903, стр. 32. Курсив мой.— Ф. М.

³ Н. С. Мордвинов, Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе, Избранные произведения, стр. 79—80.

⁴ Н. С. Мордвинов, Записка для памяти, «Архив графов Мордвиновых», т. IX, стр. 82.

сятых населения России состоит из земледельцев-крестьян, промышленность развита слабо, в стране мало городов и городских жителей, занимающихся ремеслом, работающих на мануфактурах.

Мордвинов понимал и то, что торговля имеет подчиненное, второстепенное значение в разделении труда: «Фабрикант и заводчик,— писал Мордвинов,— полезнее гораздо купца»¹. В своей экономической программе он отдавал предпочтение производству перед торговлей.

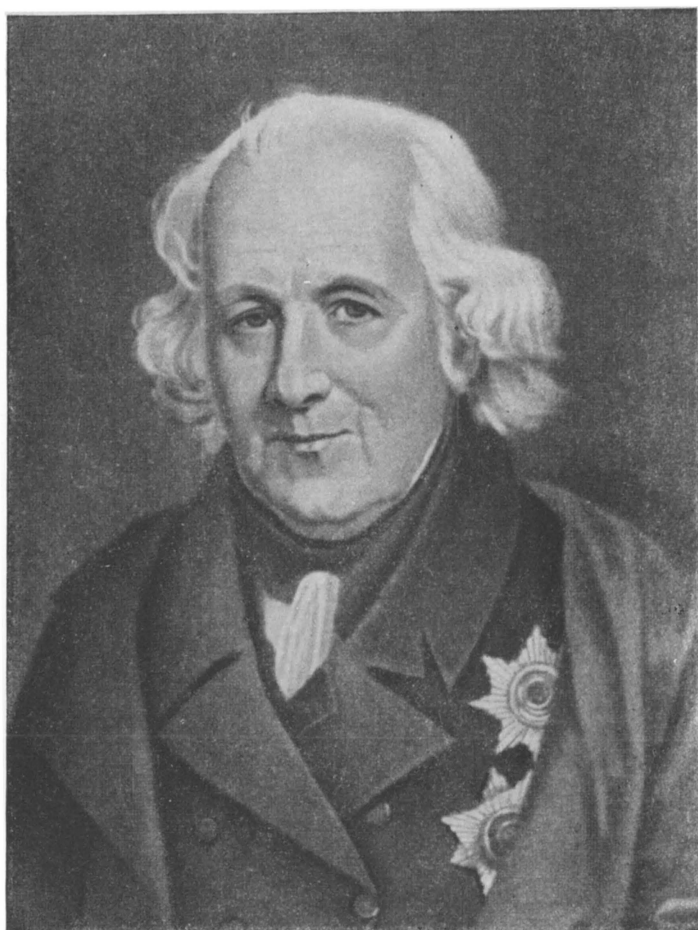
Важное положение Смита о значении разделения труда Мордвинов достаточно оценил, но не во всем с ним был согласен.

Как известно, положение о выгодах разделения труда А. Смит распространил на международный обмен и ревностно защищал принцип свободы в международной торговле. Мордвинов не мог с этим согласиться, учитывая слабую степень развития промышленности в России. Он считал неприемлемым то международное разделение труда, в силу которого одни государства, например Россия, обрекаются на развитие только земледелия, а другие, например Англия, занимают монопольное положение в производстве промышленных товаров. Мордвинов понимал, что при таком разделении труда Россия будет неизбежно обречена на одностороннее экономическое развитие, на безысходную отсталость от промышленно развитых стран. Поэтому он решительно выступил против фритредерства и обосновал необходимость протекционизма для России. Мордвинов критически подходил к разным теориям и осуждал своих противников за догматическое толкование науки: «Никакое правило отвлеченное не может служить верным и неизменным руководством ни в управлении, ни в устройении. Каждый народ имеет особливую свою степень просвещения... деятельность и дух собственный; все сие не должно забываемо быть, когда рассуждают о каком-либо правиле отвлеченном, сколько бы оно ни важную заключало в себе истину умственную, могущую правильно быть в общем токмо соображении»². Это сказано было по поводу фритредерского принципа.

Его обоснование политики протекционизма в противовес смитовскому лозунгу свободы внешней торговли имело общее значение, выходящее за пределы России. Необходимость протекционизма для России в тогдашних конкретных экономических и политических условиях была обоснована Мордвиновым

¹ *Н. С. Мордвинов*, Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе, Избранные произведения, стр. 78.

² Там же, стр. 100.

П. С. МОРОЗОВ

задолго до появления книги немецкого экономиста Ф. Листа, которого обычно считают творцом теории протекционизма.

Мордвинов резко выступал против фритредеров, группировавшихся вокруг «Духа журналов», которые отвергали самую необходимость развития промышленности в России. Особенно возмущала Мордвинова позиция Шторха, утверждавшего, что России будто бы вообще не следует заниматься промышленностью и что Россия «в нынешнем ее положении не должна и не сможет выйти из зависимости чуждых народов»¹. Намереваясь выступить в печати против этого утверждения Шторха, Мордвинов просил Александра I разрешить ему напечатать свою записку — «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе». В письме к Александру I он указывал, что книга Шторха содержит много ложного и вредного в отношении России, что Шторх «советует российскому народу не заниматься ничем иным, кроме земледелия».

В противовес Шторху Мордвинов доказывал, что Россия, обладая весьма разнообразными природными богатствами, обширными пространствами, может существовать независимо от других народов и благоденствовать.

Особенно резко он возражал против пристрастия дворян к иностранным товарам и доказывал, что русский народ сам может производить те товары, которые привозят из-за границы; эту способность русских он считал важным условием успеха в развитии промышленности.

Мордвинов настаивал на развитии не только обрабатывающей, но и добывающей промышленности. Он убеждал в необходимости добывать и широко применять каменный уголь, особенно в металлургической промышленности, считал, что в России очень мало делается для добычи золота, указывал на необходимость усиленно искать месторождения полезных ископаемых и составить «подземельную карту».

Следует отметить также как заслугу Мордвинова, что он был одним из тех первых русских экономистов, которые поняли и оценили большое значение машин в деле повышения производительности труда. Он неоднократно подчеркивал целесообразность внедрения машин в промышленность. В 1831 г. Мордвинов предлагал организовать производство машин в России на казенных заводах и продажу этих машин фабрикантам и заводчикам на весьма льготных началах — в кредит, с уплатой только 3% по ссуде. Он советовал также готовить людей, умеющих обращаться с машинами. Мордвинов высказывал неоднократно пожелание поощрять всякие изобретения в Рос-

¹ Цит. по книге «Архив графов Мордвиновых», т. V, стр. 111.

сии, широко пропагандировать их, выписывать из-за границы вновь изобретенные машины.

В отличие от многих государственных деятелей Мордвинов обнаруживал понимание важности развития отечественной промышленности для усовершенствования сельского хозяйства России и ликвидации его отсталости. «Земледелие, — писал он в 1815 г., — не может даже достигать высших степеней распространения и усовершенствования своего без ремесл и фабрик. Но с водворением оных у сельского жителя будет и лучшая лопатка, и лучшая соха, и все прочие орудия; всякая часть сельского хозяйства приобретет улучшение». Он считал, что «земледелец без ремесленника есть производитель грубый и неуспешный, обремененный игом трудов по несовершенству орудий своих»¹.

Противники Мордвина из «Духа журналов» решительно возражали против содействия быстрому развитию промышленности, мотивируя это, в частности, тем соображением, что при быстром развитии промышленности капиталы и рабочая сила будут отвлекаться от сельского хозяйства в ущерб ему и направляться в промышленность в интересах обогащения фабрикантов.

Мордвинов доказывал несостоятельность подобных возражений: «Всяк, желающий добра сельскому жителю, должен желать размножения в государстве фабрик. Фабрики увеличивают и *ободряют его посеvy...*»². Одной из задач промышленности Мордвинов ставил производство усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин. На вопрос о том, что полезнее развивать — сельское хозяйство или промышленность, он отвечал, что необходимо совершенствовать сельское хозяйство и всячески развивать промышленность.

Таким образом, заслуга Мордвина в том, что он был одним из первых, кто в начале XIX в. видел в отличие от многих консерваторов из правящей верхушки экономическую отсталость России от Западной Европы и понимал вред для страны, проистекающий из этой отсталости. Он настойчиво подчеркивал первостепенную важность задачи ликвидации этой отсталости для обеспечения экономической и политической самостоятельности и независимости России. Важно также то, что Мордвинов понимал значение быстрого развития промышленности в деле преодоления экономической отсталости страны, видел вред однобокого, аграрного развития России. Это выделяло его из среды консервативно настроенной правящей вер-

¹ П. С. Мордвинов, Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе, Избранные произведения, стр. 77—78.

² Там же, стр. 78. Курсив мой. — Ф. М.

хушки. В отличие от многих других государственных деятелей его времени Мордвинов сумел оценить роль транспорта для экономического прогресса страны. Для ускорения строительства железнодорожного и водного транспорта он предлагал организовать акционерные общества. Не менее важно и то, что Мордвинов обнаружил понимание значения быстрого развития промышленности для преодоления отсталости сельского хозяйства.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что важнейшим средством, обеспечивающим благоприятные условия для развития отечественной промышленности, он считал применение протекционистского запретительного тарифа; такой тариф он рассматривал как действенное орудие защиты отечественной промышленности от иностранной конкуренции.

Однако тариф мог служить лишь одним из условий развития промышленности. Главным же, решающим средством могло быть лишь уничтожение крепостного права. Не понимая этого, Мордвинов преувеличивал роль протекционизма. Он видел в нем достаточное средство для усиления развития промышленности при сохранении крепостного права. Все внимание он сосредоточил на вопросе о запретительном тарифе. Он полагал, что в России добиться больших результатов в деле развития промышленности можно и при сохранении крепостнического строя.

Мордвинов признавал необходимость свободы в развитии промышленности, но в понимании Мордвинова принцип свободы хозяйственной деятельности имел ограниченное значение. Он отрицал вмешательство государства в хозяйственные дела частных людей, стесняющее развитие их хозяйственной инициативы, был против сохранения ремесленных цехов и купеческих гильдий, не одобрял хозяйственной деятельности казны, ее монопольного положения в производстве и продаже некоторых товаров, а вместе с тем и не отрицал активного содействия государства частным людям в деле развития промышленности, сельского хозяйства, банков и торговли. В то же время Мордвинов был сторонником принуждения в отношении крестьян, применения принудительного труда крепостных крестьян в промышленности.

Следовательно, в протекционистской политике Мордвинова сочетались буржуазная и крепостническая тенденции, переплетались либерализм и консерватизм. В протекционистском тарифе обуржуазившиеся дворяне и купечество находили общий интерес и вели за него совместную борьбу. Стремление Мордвинова к ликвидации экономической отсталости России в конечном итоге привело бы к усилению буржуазного развития России, но решение этой задачи он хотел уложить в рамки

крепостного строя. Все дело в том, что буржуазный экономический прогресс Мордвинов хотел подчинить руководству дворян, и этим определилась противоречивость его воззрений, сочетание в них элементов либерализма и консерватизма. Правильной постановке проблемы ликвидации экономической отсталости России мешала дворянская ограниченность воззрений Мордвинова, его помещичий подход к решению этой проблемы.

Учитывая сказанное, легко понять неправильность и обобщающей характеристики Мордвинова как якобы идеолога индустриализации крепостной России¹. Такая характеристика содержит элементы модернизации и внутренне противоречива. При сохранении крепостного строя индустриализация страны вообще невозможна, а Мордвинов хотел в этих условиях быстрыми темпами создать промышленность в России.

С другой стороны, характеристика Мордвинова как теоретика «русского лэндлордизма» александровской эпохи (М. Н. Покровский) игнорирует позицию Мордвинова в вопросах промышленности, банков, торговли.

* *
*

Намечая программу развития производительных сил страны, Мордвинов отдавал себе отчет в том, что эта программа требует обеспечения сельского хозяйства и промышленности рабочей силой. Он считал, что «первое богатство государства должно состоять в числе народа...»², и доказывал необходимость создания в стране условий для наибольшего прироста населения, для предупреждения детской смертности. Правда, и в данном случае он прошел мимо основного условия — ликвидации крепостного права. Мордвинов не мог понять, что рекомендуемые им мероприятия невыполнимы в условиях крепостничества.

Важным условием благосостояния и богатства народа он считал сокращение количества людей, не занимающихся трудом. «Богатство народов,— писал Мордвинов,— зависит наиболее от всевозможного уменьшения числа людей не производящих и увеличения производящих работой рук своих...»³. Мордвинов понимал, что решающим источником богатства

¹ См. *И. Г. Блюмин*, Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века, АН СССР, М.—Л. 1940, стр. 109.

² *Н. С. Мордвинов*, Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе, Избранные произведения, стр. 80.

³ Там же, стр. 84.

является труд. Но эта идея не могла получить у него теоретического развития, поскольку он сохранял принудительный труд крепостных крестьян, создающий богатство помещика.

Соображения Мордвинова о размножении народа представляют интерес и ценны в том смысле, что они шли вразрез с модной тогда человеконенавистнической теорией народонаселения Мальтуса, последователи которой имелись и в России.

В экономической программе Мордвинова уделялось много внимания условиям роста городов, численности городского населения, благоустройству городов, развитию экономической деятельности городских жителей.

Понятно, что осуществление всей этой программы развития производительных сил по существу подорвало бы устойчивость крепостничества, усилило бы буржуазные элементы, между тем как сам Мордвинов хотел сохранить крепостное право, монополию помещиков на землю, на рабочую силу, т. е. сохранить все те феодальные оковы, которые мешали прогрессивному развитию экономики России.

Противоречивость экономической программы Мордвинова состояла в том, что своими мероприятиями он хотел усиливать прежде всего дворянство, однако осуществление намеченной им программы объективно вело бы к усилению буржуазии, к дальнейшему обострению экономических и классовых противоречий крепостной России.

О банках и государственном бюджете

Важным условием быстрого развития промышленности и вообще преодоления экономической отсталости России Мордвинов считал развитие кредита и банков. Он полагал, что современная ему организация банковской системы капиталистических стран должна быть перенесена в крепостнические условия России, где она может успешно развиваться, давать не меньший эффект, чем в капиталистических странах, и будет служить господствующему классу крепостнической России. Это показывает опять-таки противоречивость программы Мордвинова.

Мордвинов исходил здесь из общего своего положения, что носителями и организаторами экономического прогресса в России должны быть помещики. Это положение было неразрывно связано с другим его исходным положением, что значительный экономический прогресс в России может быть обеспечен в рамках и на почве феодализма при сохранении крепостного права. Идеалом Мордвинова была не капиталистическая

Англия, как утверждают некоторые авторы, а сочетание крепостной системы хозяйства с капиталистическими формами хозяйства. Поэтому следует считать сомнительным встречающееся в советской литературе утверждение, будто Смит пленил Мордвинова как пророк буржуазного хозяйственного прогресса и что учение Смита заставило Мордвинова принять капитализм.

Почему же Мордвинов больше всего подчеркивал необходимость руководящей роли дворян именно в сфере банковской деятельности? Он исходил из того, что в сельском хозяйстве дворяне уже давно заняли монопольное положение. Они должны усилить свою предпринимательскую деятельность в промышленности. Защищая протекционистский тариф, он имел в виду не только и не столько интересы купцов, сколько интересы дворян, имеющих намерение заниматься предпринимательством в промышленности. Банки же играют большую роль в развитии промышленности и сельского хозяйства. Мордвинов понимал необходимость развития обширной сети банков, но вместе с тем он опасался, что банки могут быть захвачены купечеством, которое располагало большими денежными капиталами, чем дворянство. Поэтому Мордвинов уже с самого начала, разрабатывая еще только проект развития банковской системы, хотел нацелить дворян на полное овладение этой экономической вышкой, при помощи которой можно регулировать все народное хозяйство. На опыте Англии он убедился, какую большую роль в хозяйстве играют кредит и банки. Из исторического опыта Англии, Франции и других стран Европы ему было известно, что вырастающие в недрах феодального строя буржуазные элементы берут верх и становятся во главе экономической и политической жизни страны. Мордвинов хотел обеспечить другое соотношение сил в России на экономической арене, сохранить за дворянами господствующее положение в экономике и в государственном управлении. Но для такой роли в новых условиях дворянство России должно, по мнению Мордвинова, перестроиться, приспособиться к ним, стать на путь предпринимательства. С другой стороны, для обеспечения преимуществ дворянства перед буржуазией он считал необходимым оставить в неприкосновенности все феодальные привилегии дворян, сосредоточить в их руках землю; следовательно, он хотел сохранить основы феодализма и в то же время использовать в интересах дворян капиталистические формы хозяйства. Это говорит о том, что Мордвинов был идеологом дворянства, а не буржуазии, он действовал в интересах обуржуазившегося дворянства.

Призыв дворян к предпринимательской деятельности, защита форсированного развития промышленности, банков, тор-

говли, свободного развития и неприкосновенности частной собственности — вся эта программа Мордвинова при ее осуществлении объективно содействовала бы развитию в недрах феодализма буржуазной экономики и постепенному вытеснению феодального уклада независимо от субъективных устремлений самого Мордвинова. В этом состояла противоречивость экономической программы Мордвинова, как и всех дворянских либералов: их субъективные намерения вступали в противоречие с объективными условиями. Стремление Мордвинова использовать капиталистические формы в условиях феодализма означало, что он уже не верил в исключительность феодальной формы ведения хозяйства; он считал необходимым дополнять феодальные формы хозяйства капиталистическими. Мордвинов не хотел расстаться с феодализмом потому, что с ним связаны все экономические преимущества помещиков; но он уже понимал, что одними феодальными методами хозяйствования сохранить экономическое господство помещиков невозможно.

Настойчиво доказывая пользу развития банков для всего народного хозяйства, Мордвинов предлагал различные оригинальные проекты организации кредита в России.

Первый разработанный Мордвиновым проект был посвящен вопросу создания так называемого *Трудопоощрительного банка* (1801 г.). По мысли Мордвинова, в столице этот банк должен быть создан как государственный банк, а на местах — на акционерных началах. Мордвинов ставил перед этим банком универсальные задачи всестороннего развития производительных сил, развития всего хозяйства в России. В разработанном им уставе этого банка предусматривался более широкий круг деятельности банка по сравнению с деятельностью обычных банков в капиталистических странах. Банку вменялась забота о поощрении изобретений, об использовании науки для развития промышленности и сельского хозяйства, введение поощрительных наград для помещиков, фабрикантов за те или иные успехи и усовершенствования.

В написанном им проекте манифеста о создании такого банка Мордвинов призывал к бережливости, к борьбе с роскошью; он рекомендовал все средства направлять только на общепользные предприятия. Воспользоваться выгодами банка он призывал в первую очередь дворян, затем — купцов, мещан, вопрос же об участии крестьян обходил молчанием. Это мероприятие по организации банка, которое рекомендовал Мордвинов, носило буржуазный характер. Выдача же ссуд предусматривалась в основном на крепостнических началах, под залог помещичьих имений, по числу душ. Мордвинов и

здесь не мог обойтись без сочетания феодальных и буржуазных методов хозяйства.

Другой проект Мордвинова относился к организации частных дворянских банков в каждой губернии. Этот проект был разработан в 1813 г., а в 1816 г. издан под названием «Рассуждение о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков».

Эта работа Мордвинова была переведена на итальянский язык, а итальянский экономист Мельхиор Джойя опубликовал в 1824 г. в «Итальянской библиотеке» рецензию на книгу Мордвинова. Рецензент особо подчеркнул оригинальность изложенных в книге Мордвинова мыслей. Через год после выхода в свет первого русского издания книги Мордвинова барон де Винке излагал в основном те же положения на немецком языке, а в 1818 и 1823 гг. граф де ла Борд и Дюшин излагали на французском языке.

В своем проекте Мордвинов исходил из правильного положения, что двух столичных банков для такой обширной страны, как Россия, явно недостаточно, а отсутствие банков плохо отражается на развитии производительных сил страны, на денежном обращении и торговле.

Мордвинов знал по опыту, что средства государственных банков использовались систематически для покрытия бюджетных дефицитов. Он ставил задачу — собрать в частные банки распыленные средства и выдавать их в качестве ссуд на различного рода полезные хозяйственные мероприятия. Выдачу ссуд для дворян под залог имений и душ он хотел сохранить наряду с выдачами ссуд под залог товаров, под учет векселей. Таким образом, и в области кредита намечалось сочетание капиталистических и крепостнических форм хозяйства.

Проекты организации банков тесно увязывались Мордвиновым с мероприятиями по упорядочению денежного обращения. Мордвинов считал деньги первейшей силой в государстве, которая творит и умножает богатство, управляет человеческими действиями. Он много писал о могущественной силе денег, переоценивал их роль и значение, хотя его представление о функциях денег находилось на уровне современной ему теории.

Это преувеличение роли денег связано с расширением денежного хозяйства в крепостнической экономике того времени. Мордвинов особенно пристально следил за состоянием денежного обращения и вносил предложения, направленные к его оздоровлению, аналогичные с предложениями Сперанского.

Интересами развития производительных сил и преодоления экономической отсталости России Мордвинов пытался мотивировать и свои предложения по вопросам бюджета, нало-

говой политики. Этим вопросам он уделял большое внимание, а решение их связывал с развитием промышленности, сельского хозяйства, торговли, путей сообщения. При рассмотрении бюджета в Государственном совете Мордвинов неоднократно выступал с требованием выделить средства для ссуд на развитие этих отраслей народного хозяйства.

В области финансов основным теоретическим положением Мордвинова была мысль, что богатство казны и общее благо зависят от частного обогащения, от частной пользы. По его мнению, «благосостояние частное есть начало и основание общественного; богатство частного человека есть нераздельное богатство государства»¹.

Вопросы налоговой политики он решал с точки зрения сохранения капиталов. Мордвинов настаивал, чтобы налоги взыскивались только с чистых доходов, а не с капиталов, не за счет их истощения. Он высказывался за то, чтобы снять поборы, стесняющие промышленность. Государственные доходы, писал Мордвинов, будут тем обильнее, чем больше станет доходов в частном хозяйстве.

Мордвинов подчеркивал необходимость установления подоходного налога, а в отношении крестьян высказывался за установление поземельного налога вместо подушной подати. Он был сторонником усиления роли косвенных налогов за счет прямых налогов, т. е. стремился внести буржуазные принципы в налоговую политику крепостнического государства.

Его финансовая программа для условий того времени была прогрессивной и во многом имела сходство с программой Сперанского.

Вопросы сельского хозяйства.

Отношение Мордвинова к крепостному праву

Мордвинова беспокоила не только промышленная отсталость России, но и отсталость ее в области сельского хозяйства и в первую очередь помещичьего хозяйства: очень низкие урожаи не обеспечивали необходимых доходов помещикам; крестьянское хозяйство разорялось. Причину этого Мордвинов усматривал только в устаревшей трехпольной системе земледелия, в плохой обработке земли и истощении ее. Он был неспособен понять, что главной причиной отсталости сельского хозяйства России являлось крепостное право. Мордвинов ратовал за преобразование сельского хозяйства при

¹ П. С. Мордвинов, Записки для памяти, «Архив графов Мордвиновых», т. IX, стр. 9.

сохранении крепостного права. Это свидетельствует о классовой ограниченности и о глубокой противоречивости его взглядов.

Главный принцип, который лежал в основе всех рассуждений и предложений Мордвинова по преобразованию сельского хозяйства, — это сохранение помещичьей собственности на землю в полной неприкосновенности. Он писал, что «собственность первый есть камень всех законоположений. Без оной и без твердости прав, ее ограждающих, нет никому надобности ни в законах, ни в отечестве, ни в государе»¹. Собственность Мордвинов считал наряду с трудом источником богатства. Но, ратуя за охрану собственности, он имел в виду прежде всего собственность помещиков и купцов, ни одним словом он не обмолвился о праве частной собственности для крепостных крестьян. Если Мордвинов допускал освобождение крестьян по усмотрению помещика, то при обязательном сохранении собственности на всю землю за помещиком; это означало бы безземельное освобождение крестьян, сосредоточение всей земли в хозяйстве помещика. Он даже добивался, чтобы казенная земля вместе с крестьянами была передана помещикам на длительный срок.

Мордвинов уделял много внимания вопросу о том, как добиться значительного повышения доходности помещичьего сельского хозяйства. Он считал, что эта задача может быть успешно решена при условии, если Россия обеспечит себе выгодные позиции на мировом рынке сельскохозяйственных продуктов; для этого необходимо рационализировать сельское хозяйство, всемерно развить производительные силы сельского хозяйства.

Мордвинов настойчиво рекомендовал отказаться от трехпольной системы земледелия и перейти к многопольной системе, ввести плодопеременные посевы, травосеяние, широко применять удобрения. Он доказывал необходимость осушения болот, обращал внимание на важность разведения скота, в особенности породистого, на развитие овцеводства.

Особенно большое значение Мордвинов придавал внедрению в помещичьи хозяйства усовершенствованных сельскохозяйственных орудий (плугов, борон, сеялок, веялок, молотилок и др.). Он считал нужным организовать производство этих орудий в России, распространять их по низким ценам, продавать в кредит на льготных условиях.

Мордвинов хотел, чтобы сельское хозяйство велось на научных основах, ратовал за распространение сельскохозяйст-

¹ Н. С. Мордвинов, Мнение относительно Крыма, «Архив графов Мордвиновых», т. III, стр. 198.

венных знаний среди помещиков и крестьян. Однако сочетать крепостническую систему хозяйства с внедрением передовых сельскохозяйственных орудий, с научными методами ведения сельского хозяйства было невозможно. Мордвинов настаивал на выделении в государственном бюджете средств для мероприятий по усовершенствованию сельского хозяйства.

В своем проекте создания Трудопоощрительного банка Мордвинов больше всего уделял внимания вопросам помощи сельскому хозяйству; он советовал организовать особые банки для поощрения помещиков и даже казенных крестьян. Мордвинов был убежден, что осуществление рекомендуемых им мероприятий по улучшению сельского хозяйства даст удвоенные сельскохозяйственной продукции.

Эта программа мероприятий по улучшению сельского хозяйства России сама по себе имела прогрессивное значение. Осуществлением этой программы Мордвинов хотел ликвидировать отсталость России в области сельского хозяйства. Но его пропаганда прогрессивных мероприятий в области сельского хозяйства, заимствованных им из опыта капиталистических стран, противоречила крепостничеству, на основе которого он рекомендовал проводить прогрессивные мероприятия в области сельского хозяйства.

Мордвинов иногда отмечал, что крепостное право является одной из помех в деле улучшения сельского хозяйства, повышения благосостояния народа. Но эту помеху он считал не главной, а второстепенной. Больше того, в 1820 г. Мордвинов активно выступал в Государственном совете против проекта закона о запрещении продажи крестьян без земли и порознь от семьи. «Пред законами нашими крестьяне, в отношении помещиков их, суть домочадцы», — заявлял тогда Мордвинов. «...Зависимость крестьян от помещиков должна быть, для общего благосостояния, в высшей мере, нежели существует она в Англии, Швейцарии, Италии»¹.

Под «общим благосостоянием» он разумел благосостояние только помещиков, отнюдь не крестьян.

И такую позицию Мордвинов занимал в период, когда мысль об освобождении крестьян являлась очень популярной в кругах прогрессивных дворян, в первую очередь в среде декабристов. Между тем Мордвинов в 1816 г. в своей записке «Освобождение от зависимости» утверждал, что освобождение крестьян является преждевременным. Он идеализировал положение крепостных в России, считал установление крепостного права мудрым актом.

¹ Н. С. Мордвинов, О правах собственности и зависимости, «Архив графов Мордвиновых», т. V, Спб. 1902, стр. 415.

Бросается в глаза сходство рассуждений Мордвинова по этим вопросам с приведенными нами выше (глава вторая) суждениями Карамзина и с еще более ранними утверждениями Щербатова.

Из истории Англии, Франции и других западноевропейских стран Мордвинову было известно, что существование крепостного права не вечно, что по мере экономического и политического развития страны крепостное право уничтожается путем революции или отменяется посредством реформы. Он учитывал также, что в России крестьяне неоднократно поднимались против крепостного права, и высказывал опасения, что приближается время всеобщего *возмущения* крестьян.

Понимая, что сохранить крепостную зависимость крестьян на вечные времена нельзя, опасаясь восстаний крестьянства, Мордвинов вместе с тем допускал возможность постепенного освобождения *отдельных* крестьян без земли, с уплатой ими чрезвычайно высокого выкупа за свободу. Мордвинов предлагал узаконить право помещиков по их усмотрению освобождать крестьян за выкуп и установить законом размер выкупа. Этим, по его мнению, и должна ограничиться роль правительства, а все остальное должно быть предоставлено усмотрению помещиков, т. е., иначе говоря, их полному произволу. Указ 1803 г. о вольных хлебопашцах его не удовлетворял, так как в нем предусматривалось освобождение крестьян с землей.

Мордвинов решительно возражал против единовременного освобождения крестьян на основе манифеста и вообще против поспешности в этом деле. Он писал, что освобождение крестьян на основе высокого выкупа будет выгодно для помещиков, пойдет постепенно, медленно, по мере накопления крестьянами выкупных сумм, а помещиками — капиталов, по мере приспособления помещиков к новым условиям. Высокий выкуп Мордвинов намечал для того, чтобы помещики могли накопить капиталы. Таким образом, им проектировался своеобразный путь первоначального накопления капитала для помещичьего хозяйства, которое стихийно превращалось бы в буржуазное хозяйство.

Речь шла о том, как лучше устроить хозяйственные дела помещиков, как и что нужно сделать, чтобы доставить им наибольшие выгоды за счет крестьян, как изыскать для помещиков капиталы.

Мордвинов считал, что откупившийся крестьянин будет записываться в мещанство или арендовать у прежних помещиков землю за оброк, т. е. будет находиться в зависимости от помещиков. Выкуп намечался им настолько высокий, что означал бы оплату всех повинностей крепостного крестьянина за 70—100 лет вперед; так, например, за крестьянина в воз-

расте 30—40 лет выкуп полагался в размере 2 тыс. руб., за крестьянина 20—30 лет — 1500 руб., за крестьянина 40—50 лет — 1 тыс. руб. Кроме этого, за детей от 2 до 15 лет полагалось платить от 100 до 400 руб.¹

Ясно, что на таких условиях могли получить освобождение только отдельные богатые крестьяне, фактически ставшие торговцами и промышленниками. У основной же массы крестьян, постоянно голодавших, разорявшихся под двойным гнетом непосильных платежей и повинностей государству и помещику, не могло быть таких крупных выкупных сумм.

Освобождение крестьян должно наступить, по мнению Мордвинова, лишь тогда, когда дворяне смогут приобрести денежные капиталы, достаточные для предварительного найма рабочих рук, и когда «продажа урожаев наших будет с избытком вознаграждать нас. Тогда никакой помещик не пожелает иметь на земле своей рабов и заменять труд их уступкою им половины из угодьев земли, составляющей его собственность... Но пока счастливая перемена сия воспоследует и уготовятся к тому способы самым естественным ходом...»², до тех пор крепостное право должно быть сохранено. Когда же умножится народонаселение, оплата наемного труда крестьян будет очень низкой и «земля соделается драгоценнее крестьян», когда для каждого владельца «полезнее будет нанимать, чем иметь собственных рабов», тогда и можно будет отказаться от крепостных крестьян.

Мордвинов вносил предложение освободить крестьян от трудовой повинности в пользу казны (исправление дорог, доставка подвод и т. п.), уменьшить казенные и земские поборы, плату за «плакатные паспорта» для крестьян и т. п. Но и здесь он руководствовался интересами помещиков, считая, что они могут тогда больше брать с крестьянина в свою пользу.

Мордвинов никогда не выступал с предложением уменьшить повинности крепостных крестьян в пользу помещика, сократить барщину, оброк. Более того, он утверждал, что уменьшение этих повинностей «может послужить к возбуждению лениности». Ратуя за распространение промышленности в помещичьих усадьбах, он хотел целиком занять время крестьян, не только способных к сельскохозяйственным работам, но и всех престарелых, малолетних, инвалидов, которых нельзя было использовать на сельскохозяйственных работах.

Совсем иначе решал Мордвинов вопрос о казенных крестьянах. Он считал, что надо всячески поощрять стремление

¹ Н. С. Мордвинов, Освобождение от зависимости, «Архив графов Мордвиновых», т. V, стр. 145.

² Н. С. Мордвинов, О рабстве крестьян, «Архив графов Мордвиновых», т. VIII, Спб. 1903, стр. 436.

казенных крестьян перейти, «кто только пожелает, в ремесленное, мещанское и торговое состояние», причем «по одному о том казенной палате объявлению»¹; следует поощрять их переселение в города и не брать с них никакого выкупа. Реализация этих предложений не затрагивала интересов помещиков.

Наиболее прогрессивные деятели того времени выступали против сословности и сословных привилегий дворян; Мордвинов же стремился не только сохранить и упрочить, но и расширить их.

Он считал ненормальным, что казна владеет огромными землями и множеством крестьян, которыми плохо управляет. Было бы лучше, писал Мордвинов, если бы эти крестьяне были переданы помещикам, сроком на 50 лет. Как известно, аналогичная мысль была высказана Щербатовым. Мордвинов, следовательно, добивался того, чтобы количество подвластных помещикам крепостных крестьян увеличилось, чтобы монополия дворян на землю и на рабочую силу упрочилась и расширилась.

Таким образом, в основном, важнейшем социальном вопросе России того времени — о судьбах крепостного права — Мордвинов занимал ясно выраженную консервативную позицию. Забывать это — значило бы идеализировать Мордвинова. Именно абстрагирование от консервативных взглядов Мордвинова в вопросе о судьбах крепостного права приводило многих авторов к идеализации Мордвинова, к односторонней характеристике его противоречивых взглядов².

Эта идеализация обусловлена внеклассовым подходом к идеологии Мордвинова, игнорированием феодальной природы его взглядов на вопрос о судьбе крепостничества в России. Его либерализм, проявлявшийся в вопросах о развитии промышленности, торговли, кредита, финансов, денежного обращения в России и даже в некоторых вопросах развития сельского хозяйства, переплетался с консервативной позицией в главном вопросе — о крепостном праве, о собственности на землю, о положении помещичьих крестьян. Таким образом, в целом позиция Мордвинова была противоречивой.

¹ Н. С. Мордвинов, О мерах улучшения государственных доходов, Избранные произведения, стр. 220.

² В наибольшей степени эта идеализация проявилась в книге проф. Б. С. Ошеревича «Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII века — первая четверть XIX века)», М. 1946, стр. 91—93, а также в книге И. Г. Блюмина «Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века», АН СССР, М.—Л. 1940. Идеализация взглядов Мордвинова имеет место и в работах П. А. Хромова. Автор настоящей главы, подчеркивая в некоторых прежних своих работах консервативную позицию Мордвинова в вопросе о крепостном праве, вместе с тем допускал идеализацию Мордвинова по другим вопросам.

* *
*

Подводя итоги анализу экономических взглядов Мордвинова, можно сказать, что его идеи формировались под сильным воздействием процесса разложения феодальной системы хозяйства. Этот процесс означал борьбу старого и нового, феодальных и капиталистических производственных отношений, переплетение их при господстве феодальных отношений.

Как умный и дальновидный представитель дворянства, Мордвинов видел эту борьбу, тщательно изучал хозяйственные процессы. По опыту Англии, Франции и других стран он знал, что отмахнуться от капитализма нельзя, да и нет смысла. В интересах помещиков надо использовать капиталистические формы хозяйства, поставить их на службу дворянству, не отказываясь от феодализма как основной формы хозяйства. Существование феодальной системы в сельском хозяйстве с капиталистическими формами хозяйства в промышленности и торговле в России того времени было реальной действительностью. Но это сосуществование могло быть только временным явлением.

Мордвинов не понимал отсталости феодализма как хозяйственной системы, не видел того, что феодализм являлся важнейшим тормозом на пути экономического прогресса России. Он рассматривал крепостничество как основу дальнейшего развития, но считал нужным использовать и капиталистические элементы хозяйства для укрепления экономических позиций дворянства, для сохранения за ним руководящей роли в экономике. Признание необходимости сочетания феодализма и капиталистических форм хозяйства и составило отличительную черту дворянского либерализма. Консервативные дворяне цеплялись только за старое, за феодализм, начисто отвергая капиталистические формы хозяйства, а дворянский либерализм включал в себя элементы буржуазной политики, но на основе феодализма, под руководством помещиков.

В той мере, в какой Мордвинов как дворянский либерал был заинтересован в развитии буржуазных форм и методов хозяйства, он мог соглашаться со Смитом, находить с ним общий язык. Это касалось признания неприкосновенности частной собственности, принципа разделения труда, признания большой роли кредита в развитии хозяйства, наконец, того, что труд производителен не только в земледелии, но и в промышленности и в других отраслях материального производства. Но Мордвинов не следовал за такими требованиями Смита, как ликвидация экономических и политических привилегий дворян, свобода конкуренции на мировом рынке, невмеша-

тельство государства в экономическую деятельность людей. Смит был идеологом восходящей буржуазии, а Мордвинов — идеологом дворянства, хотя и с либеральными чертами. Несомненно поэтому имевшее место в советской литературе утверждение, что Мордвинов был будто бы поклонником Смита, что Смит пленил Мордвинава как пророк буржуазного прогресса. Несомненно, что Смит оказал влияние на Мордвинава, но у последнего была своя концепция, определявшаяся его классовой позицией, защитой интересов помещиков, защитой феодализма.

В литературе имело место неправильное мнение, что Мордвинов будто бы мало интересовался теоретическими вопросами, был только практиком, а его «Мнения» представляли собой лишь перечень отдельных практических предложений по экономической политике. В действительности же, как было показано выше, практические предложения Мордвинава, его экономическая программа предполагали определенные исходные теоретические положения.

Будучи дворянским либералом, Мордвинов вместе с тем отличался от других дворянских либералов того времени. Сперанский тоже был дворянским либералом, но у него консерватизм проявлялся слабее, чем у Мордвинава, особенно в первые годы деятельности Сперанского. Консерватизм Мордвинава проявлялся в его отношении к важнейшему вопросу эпохи — о судьбах крепостного права. Дворянские либералы Стройновский и Пнин в отличие от Мордвинава совсем не придавали значения вопросам развития промышленности, а свое внимание направляли на сельское хозяйство.

Глава пятая

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Для первых десятилетий XIX в. характерен повышенный по сравнению с предшествующим периодом интерес общественности к вопросам развития промышленности и торговли и особенно к вопросам тарифной политики царского правительства; идейная борьба сторонников фритредерства и протекционизма на страницах журналов и газет того времени приняла острый характер. Заслуживает внимания тот факт, что среди авторов полемических статей и книг стали появляться купцы¹. Некоторые из этих книг вышли без указания их автора². Вопросы тарифной политики живо обсуждались в работах различных сановных лиц и чиновников³.

Издавались книги с рассуждениями общего характера о российской торговле⁴. Были написаны магистерские диссерта-

¹ См. *В. Щеткин*, Ответное письмо, содержащее в себе нечто о ценности товаров и о курсе, Спб. 1811; 2-е изд. этой книги вышло в 1812 г. Щеткин — ростовский купец, бывший директор и член правления императорской Александровской мануфактуры.

² Примером может служить книга «Ответ русского гражданина...», М. 1815, а также книга «Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства. Сочинение Россиянина», Спб. 1815.

³ См. *И. Мордвинов*, Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе, изд. 1, Спб. 1815, изд. 2, Спб. 1816; «Рассуждение о тарифе», Спб. 1816 (автор не указан, но известно, что им являлся барон Розенкамф, работавший в Комиссии по составлению законов, а писал примечания и издал книгу министр внутренних дел Козодавлев; автор и издатель — сторонники протекционистского тарифа). *К. Арнольд*, надворный советник, чиновник министерства финансов, издал в Москве в 1816 г. «Мнение о системе тарифа». Он выступал как противник протекционистского тарифа.

⁴ Например, *Д. Василевский*, Краткое рассуждение о торговле, Спб. 1808. В 1824 г. была издана его же речь в Московском университете о том, что нужно знать negociатору для приобретения искусства вести переговоры. Ректор Московского университета Иван Гейм читал в Москве публичные лекции о торговле, а еще ранее, в 1809 г., издал руководство к коммерческой науке для гимназий. Профессора Шлецер и Якоб издали пособие для коммерческих училищ. В 1816 г. была переведена книга Сэя «О торговом балансе».

ции о торговом тарифе и о купцах; некоторые из них опубликованы¹. Хавский, чиновник Комиссии по составлению законов, издал в 1823 г. собрание законов о купечестве; в этой комиссии подготавливался ряд уставов, относящихся к торговле (торговый, вексельный и банкротский уставы). Василий Левшин издал пособие для фабрикантов в 6 частях, под названием «Русский полный фабрикант и мануфактурист» (М. 1812).

Активизация общественного мнения купечества обнаружилась особенно в составлении и представлении многочисленных записок правительству (министру финансов и министру внутренних дел)². Записка московских фабрикантов в 1814 г. была подана за 61 подписью; большая записка, имеющая характер купеческой декларации, была одобрена в 1823 г. Московским купеческим обществом. Следовательно, эти записки выражали мнение не отдельных лиц, а большинства купечества крупнейшего промышленного и торгового центра России. Статьи, книги и записки купцов, посвященные острым вопросам торгово-промышленной политики, нередко содержали в себе и общие теоретические рассуждения; в них можно было встретить критические замечания в адрес русских журналов и даже в адрес крупнейших авторитетов мировой экономической науки того времени — Смита и Сэя.

Среди купцов наблюдался растущий интерес к экономическим знаниям. Московские, петербургские и других городов купцы подписывались на книги и журналы экономического содержания, например на книгу Сарториуса «Начальные основания народного богатства и государственное хозяйство», изданную в 1812 г., на «Статистический журнал», «Отечественные записки» и др.

Некоторые купцы (например, Плавильщиков и др.) создали платные крупные публичные библиотеки, ставшие рассадниками научных знаний среди населения Москвы и Петербурга.

¹ См. *И. Сниткин*, Рассуждение, должен ли быть позволен привоз всех иностранных товаров, или только некоторых и каких более?, М. 1818; *В. Болгин*, Рассуждение о происхождении купеческого состояния в России, М. 1827.

² См. «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», т. III, № 10, Спб. 1865, стр. 155—182 (Записки 1811—1816 гг.); «Архив графов Мордвиновых», т. VI, Спб. 1902, стр. 335—353, 357—393, 393—441 (Записки О. Свешникова 1820-х годов); стр. 550—562 (Записка В. Попова 1824 г.); «История Московского купеческого общества», т. II, вып. 1, М. 1916, стр. 290—328 (Записка Московского купеческого общества 1823 г.), стр. 243—290 (Записки разных купцов); в этом же издании опубликованы приговоры (постановления) Московского купеческого общества. Много купеческих записок не опубликовано, находится в различных архивах (в фонде Коммерц-коллегии, Государственного совета, в бумагах Сперанского и др.), но основные положения их сходны с положениями указанных записок московских купцов.

Статьи, книги, записки купцов дают возможность судить об экономических требованиях купечества, о сформировавшейся идеологии российского купечества, являвшейся одним из проявлений буржуазной идеологии.

Наиболее активными представителями купечества первых десятилетий XIX в., особенно ярко выразившими их экономическую платформу, являлись московский купец О. Л. Свешников, ростовский купец В. Щеткин, архангельский и петербургский купец В. Попов.

Основным содержанием купеческих записок, относящихся к началу XIX в., были вопросы внешней торговли; купцы заявляли правительству о злоупотреблениях иностранных купцов, об их засилии в торговле, о неблагоприятном торговом балансе, о снижении вексельного курса рубля; вопросы промышленности получали сравнительно слабое отражение. Начиная с 1812 г. содержание записок резко меняется. Первое место в записках стали занимать теперь вопросы промышленности; некоторые записки посвящены были исключительно вопросам развития отечественной промышленности. Настойчиво проводилась мысль о необходимости создания благоприятных условий для быстрого развития русской промышленности. Вопросы внешней торговли рассматривались главным образом под углом зрения развития промышленности.

Главной причиной упадка торговли и промышленности рассматриваемого периода в России Свешников и другие купцы считали свободу внешней торговли; отрицательный результат этого они видели в засилии, преобладании иностранных купцов во внешней торговле, в их стремлении захватить в свои руки и внутреннюю торговлю России. «Иностранцы,— писал Свешников,— присвоили, кажется, себе право приезжать в Россию, как в лес, и почитать русских за дикарей... они своевольничают у нас невозбранно, подрывают нашу торговлю подлогами и тайными привозами»¹. Едва ли есть «другая страна, где бы чужеземцам было такое привольное житье, ко вреду природных граждан, как в России»².

Свешников писал, что в других странах своим купцам дают преимущества, привилегии перед иностранными торговцами, так же должно быть, по его мнению, и в России. Он указывал и на то, что хозяйничание иностранцев наносило большой ущерб государственным финансам. Он требовал резкого

---

¹ О. Свешников, *Рассуждение о внешней российской торговле*, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, Спб. 1902, стр. 367. Авторство Свешникова устанавливается по тексту других его статей, помещенных в данном томе (см. стр. 415 и 424).

² Там же, стр. 368.

ограничения деятельности иностранных купцов, убеждал в необходимости создания собственного коммерческого флота. Аналогичные требования выставлялись в записках и книгах Попова, в Записке Московского купеческого общества и в других произведениях подобного рода.

Свешников считал вредной свободу внешней торговли, потому что в этих условиях русские рынки наводнялись большим количеством ненужных или мало нужных товаров, в особенности предметами роскоши. Он подметил, что роскошь дворян являлась порождением крепостного права¹. Это мнение было направлено против дворян. Свешникова беспокоило то, что в обмен за предметы роскоши русские за бесценок отдавали иностранным купцам нужнейшее сельскохозяйственное сырье. Осуждение роскоши, подчеркивание ее вреда для народного хозяйства — одна из характерных черт буржуазной идеологии периода первоначального накопления.

В некоторых высказываниях представителей купечества можно обнаружить отдельные отзвуки меркантилизма. Но главный смысл их замечаний и предложений заключается в прогрессивных положениях о необходимости создавать отечественную промышленность, обеспечить экономическую независимость России от других стран.

Свешников и другие авторы записок и книг делали попытки теоретически обосновать неприемлемость для России принципов фритредерства.

В Записке Московского купеческого общества (1823 г.) утверждалось, что система свободной внешней торговли «для России совершенно несвойственна: ибо в ней, во-первых, существует право иметь крепостных людей; во-вторых, народная промышленность находится в возрастающем состоянии; в-третьих, изобилие естественных произведений заключается наиболее в губерниях, отдаленных от портов»².

Особенно интересен первый аргумент против фритредерской торговой политики. Смысл его сводится примерно к следующему: при наличии крепостного права в России нельзя позволить свободный доступ товаров из других стран, в которых крепостного права уже нет и которые поэтому экономически более развиты, чем Россия. При существовании крепостной зависимости крестьян нет условий для успешного развития промышленности, обеспечения ее квалифицированными и по-

---

¹ См. «Начертание представления Московского купеческого общества о причинах упадка торговли и купеческих капиталов в России и о средствах к поправлению оных для умножения казенных сборов», «История Московского купеческого общества», т. II, ч. 1, М. 1916, стр. 291.

² Там же.

стоянными кадрами рабочих, и потому русская промышленность неспособна выдержать конкуренцию с иностранными мануфактурными изделиями; крепостное состояние крестьян сковывало промышленную деятельность и самих крестьян.

В некоторых купеческих записках по существу заключалась критика, осуждение крепостного права, обусловившего экономическую отсталость России. Эта мысль, хотя она и выражалась в несколько завуалированной форме, вошла уже в сознание верхушки купечества. Правда, среди купцов были и такие, которые открыто высказывали притязание на право покупать крепостных крестьян к своим мануфактурам и фабрикам¹, но в среде наиболее сознательной части купечества эта мысль была оставлена; в многочисленных индивидуальных и коллективных купеческих записках это требование совсем не появлялось.

В записках Свешникова имели место и другие критические замечания в адрес крепостничества. Он, например, утверждал, что помещики отягощают положение своих крепостных крестьян высоким оброком, что труд крепостных не ограничен никаким законом и определяется только произволом помещиков². Этим и исчерпывалось критическое отношение купечества к крепостному праву. Основное внимание купцов было сосредоточено на фритредерской политике правительства.

По мнению идеологов купечества, вред свободы внешней торговли состоял прежде всего в том, что она подрывала отечественные мануфактуры и фабрики, которые были менее совершенны, чем в Англии. Свобода торговли ведет к наводнению России иностранными товарами и служит серьезной помехой для возникновения новых мануфактур и отраслей промышленности.

В 1815 г. вышла специальная книга, посвященная критике противников создания крупной отечественной промышленности в России, — «Ответ русского гражданина на вопрос: полезно ли заводить в России и распространять мануфактуры, или лучше предоставить пространныму сему государству обогащать себя земледелием, то есть первыми произведениями земли, хлебом, пенькою, льном и прочее?» Имеются некоторые основания предполагать, что автором этой книги являлся купец Свешников.

Свешников, а также анонимный автор указанной книги подчеркивали, что нельзя некоторые общие положения политической экономии, в данном случае — принцип свободы внешней

¹ См. Записку московского купца Селивановского в 1810 г., «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 76.

² См. О. Свешников, Упадок торговли и купеческих капиталов, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 397, 410, 413.

торговли, некритически применять к России, не учитывая ее особых условий по сравнению с Англией. Свешников решительно выступал против тех, кто рассуждал о России и о принципах ее экономической политики применительно к мнениям иностранных экономистов, игнорируя экономические особенности России или понимая их не в соответствии с интересами ее развития¹.

В консервативной литературе распространялось мнение, что для экономического развития страны и обеспечения благосостояния народа России нужны не фабрики, а земледелие. Сторонники этого мнения писали, что в России много земли, поэтому все внимание надо устремить на земледелие, а о развитии промышленности и думать не следует. В купеческой литературе эти мнения подверглись справедливой критике. Свешников считал, что господство такого мнения поработило бы Россию².

В рассуждениях об источниках благосостояния народа и богатства страны представители купечества не обнаруживали той однобокости, которая была присуща фритредерам из среды консервативного и реакционного дворянства.

Авторы рассматриваемых здесь литературных произведений и записок подчеркивали, что они не отрицают огромной важности развития и усовершенствования земледелия, но вместе с тем считают, что следует поощрять также и быстрое развитие промышленности и торговли, чтобы ликвидировать промышленную отсталость страны. Они ссылались при этом на отрицательный пример Испании, Италии, Португалии и Турции, которые развивались однобоко, как аграрные страны. Одно земледелие «не может народу доставить богатства»³, а обилие сельскохозяйственных произведений не всегда составляет подлинное богатство⁴. «В тех местах, — говорилось в сочинении «Россиянина», — где народ занимается одним земледелием, там и оно не весьма процветает, да и народ пребывает в бедности и невежестве, а там, где существуют мастерства, фабрики и торговля, там и земледелие процветает более, и народ бывает богаче и просвещеннее»⁵. У автора видно понимание взаимной связи промышленности и сельского хозяйства и ведущей

¹ См. О. Свешников, Упадок торговли и купеческих капиталов, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 413, а также «Ответ русского гражданина...», стр. 9—11.

² См. Записку Свешникова, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 398—399.

³ «Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства. Сочинение Россиянина», Спб. 1815, стр. 51.

⁴ См. «Ответ русского гражданина...», стр. 31.

⁵ «Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства. Сочинение Россиянина», стр. 50, 51.

роли промышленности в экономическом прогрессе страны. Без промышленности и торговли, пишет он, народ остается «всегда в недостатке и бедности, и будет всегда данником народа чуждого», «в просторном государстве промышленность и торговля не токмо процветать, но и существовать не могут без земледелия, которое однако ж паче всего чрез промышленность и торговлю и подкрепляется и распространяется»¹.

В купеческой литературе часто встречались ссылки на то, что в богатой Англии не земледелие, а фабрики составляют первейший источник богатства и благосостояния².

Свешников утверждал, что преуспевающая промышленность и цветущая торговля «дают государственному телу бодрость, крепость, силу и, так сказать, доводят оное до высочайшей степени политического здравия», что подтверждается опытом веков и народов³.

Авторы купеческих книг и записок утверждали, что источник богатства, благосостояния состоит в сочетании развития земледелия, промышленности, торговли и мореплавания. Но мануфактура имеет преимущество перед земледелием. Это преимущество состоит в том, что в сельском хозяйстве бывают неурожаи, а промышленность развивается равномерно; климат и погода не оказывают на нее такого влияния, как на земледелие⁴.

Рассуждения купцов о необходимости создания отечественной крупной промышленности были, несомненно, прогрессивными. Авторы рассматриваемых здесь произведений не замыкались в круг узкокупеческих интересов; это был, по существу, спор о направлении экономического развития России, о том, оставаться ли ей чисто аграрной, отсталой страной или же идти по линии индустриального развития.

Защитники свободы внешней торговли утверждали, что выгоднее продавать за границу сельскохозяйственное сырье, а взамен получать добротные и дешевые промышленные товары. Представители же купечества возражали им, приводя такие аргументы: 1) сырье и хлеб вывозятся из России по низким ценам, что вызвано отчасти низким вексельным курсом, являющимся результатом неблагоприятного торгового баланса;

---

¹ «Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства. Сочинение Россиянина», стр. 48.

² См. «Ответ русского гражданина...», стр. 19; аналогичная мысль в записке Свешникова, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 396.

³ О. Свешников, Рассуждение о внешней российской торговле, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 357—358.

⁴ См. «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», т. III, № 9, 1865 г., стр. 181; «Ответ русского гражданина...», стр. 20, 32, 80.

2) всего больше вывозится сырья за границу из губерний, далеко отстоящих от портов: расходы по доставке его к порту составляют большую часть цены, вследствие чего крестьянин и помещик получают за проданное сырье очень мало; 3) выгоднее для крестьян и помещиков продавать сырье на месте для переработки на отечественных мануфактурах, так как этим сберегаются расходы по доставке; 4) выгоднее перерабатывать сырье в России еще и потому, что из-за границы мы получаем вещи, сделанные из нашего же сырья, стоимость которых в 10, 100 и больше раз превышает стоимость сырья, и эта разница идет за границу для оплаты труда иностранных рабочих и на прибыль иностранным капиталистам; если же обработка сырья будет производиться на русских мануфактурах, то заработок получат русские рабочие, а прибыль — русские промышленники; 5) при слаборазвитой отечественной промышленности большое предложение отечественного сырья в портах снижает его продажную цену; 6) при развитии отечественных мануфактур значительная часть хлеба будет употребляться внутри страны, что выгодно и крестьянам и помещикам; 7) вывозить целесообразно из России только излишек сырья, не нужный для отечественной промышленности; тогда цена сырья в портах будет выше; 8) при значительном развитии отечественной промышленности производство изделий будет совершенствоваться, будет улучшаться их качество и снижаться стоимость; в подтверждение этого купцы приводили многочисленные примеры из опыта России, Англии и других стран¹.

Среди защитников свободы внешней торговли широко было распространено и такое рассуждение: развитие промышленности в России будет мешать земледелию, отвлечет и средства, и рабочую силу от сельского хозяйства; в России много земли, а *мало населения*, поэтому Россия с успехом может заниматься только одним земледелием².

Свешников правильно заметил, что такое же положение было и при Петре I, который, однако, считал возможным поощрять развитие мануфактур³. Авторы рассматриваемых здесь

¹ См. *О. Свешников*, Упадок торговли и купеческих капиталов, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 398; Записка Московского купеческого общества (1823 г.), «История Московского купеческого общества», т. II, ч. 1, стр. 291—292, 297; Записки московских купцов 1814 г., «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», т. III, № 9, 1865, стр. 177—182; *В. Щеткин*, Ответное письмо, содержащее в себе нечто о ценности товаров и о курсе, стр. 51—52; «Сочинение Россиянина», стр. 35.

² См. *К. Арнольд*, Мнение о системе тарифа; см. также об этом «Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства. Сочинение Россиянина», стр. 45.

³ См. *О. Свешников*, Упадок торговли и купеческих капиталов, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 402.

книг отмечали также, что, во-первых, населенность России не везде одинакова: в центральных губерниях мало земли, земледелие мало доходно, имеются излишние для сельского хозяйства рабочие руки. В условиях продолжительной зимы крестьяне бывают свободны от сельскохозяйственных работ в течение 6—7 месяцев и в целях получения дополнительного заработка уходят в города для работы в мануфактурах. Отходничество приносит большую пользу крестьянам, которые тем самым получают возможность исправно платить государственные подати, оброки помещикам и улучшать свое материальное положение¹.

Таким образом, аргументация купцов при защите необходимости развития промышленности была более многосторонней, чем доводы консервативных дворянских кругов. Купцы не противопоставляли, как это делали дворяне, интересы развития промышленности интересам сельского хозяйства. Они показывали взаимозависимость в развитии этих отраслей народного хозяйства, подчеркивали заинтересованность всех сословий и государства в развитии промышленности; а консервативные дворяне не могли противопоставить купеческим доводам ничего другого, кроме идеализации крепостничества, сельского хозяйства и упреков купцам, что они думают только о своем обогащении. Консервативные дворяне и не могли противопоставить купцам ничего убедительного, так как выступали с субъективной позиции потребителей иностранных товаров, как представители самой отсталой отрасли народного хозяйства, как защитники однобокого развития хозяйства.

Но в этих купеческих рассуждениях о необходимости поощрять развитие отечественной промышленности и торговли отсутствовал самый сильный аргумент против консервативных дворян — указание на существование крепостничества в России как важнейшего тормоза развития промышленности и сельского хозяйства. При существовании крепостной зависимости крестьян возможность их работы в промышленности всецело зависела от произвола помещиков, а не от желания и заинтересованности крестьян. Некоторое понимание этого обстоятельства обнаруживалось только у Свешникова и в Записке Московского купеческого общества, основным автором которой был он же. Кроме того, купцы, по-видимому, и не могли об этом открыто рассуждать, тем более в печати.

Они могли доказывать — и это они делали охотно, — что в России имеются все необходимые природные условия для развития промышленности. Они правильно отмечали, что Россия по своим природным богатствам далеко превосходит другие

¹ См. Записку 1814 г., «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», т. III, № 9, 1865, стр. 174, 180—182.

государства и потому развитие промышленности может в ней протекать не менее успешно, чем в промышленно развитых странах.

Но представители купечества считали, что, кроме благоприятных природных условий, достаточно иметь помощь от царского правительства в виде запретительного тарифа и денежных ссуд — и дело быстрого развития отечественных мануфактур вполне обеспечено. Они закрывали глаза на то, что царское самодержавие всецело исходило из интересов дворянства и прислушивалось прежде всего к голосу консервативной правящей верхушки, которая не желала поощрять быстрое развитие промышленности.

Авторы же рассматриваемых здесь произведений главное препятствие на пути развития отечественной промышленности видели в политике полной свободы ввоза иностранных товаров, а главным условием быстрого развития отечественной промышленности признавали установление запретительного тарифа. Щеткин, например, еще до издания запретительного тарифа 1810 г. высказывался за то, чтобы была установлена запретительная система. Начиная с 1812 г. купцы настойчиво доказывали необходимость этой системы.

Чем же обосновывалась необходимость запрещения ввоза иностранных товаров? На утверждения некоторых идеологов дворянства, что ввоз иностранных изделий следует разрешить для того, чтобы обеспечить соперничество с русскими изделиями, представители купечества отвечали, что такое соперничество протекало бы при неравных условиях. Они указывали, что надо проводить различие между странами, в которых уже окрепла, развилась промышленность, как например в Англии, и странами, в которых крупная промышленность еще только начинала развиваться, как это было в России того времени. В странах второго типа требуются большие издержки на строительство предприятий, накопление опыта у купцов и рабочих, пока промышленность окрепнет и способна будет конкурировать с экономически развитыми странами. Промышленности таких стран требуется поэтому поощрение в виде запретительного тарифа¹. Они ссылались на опыт других стран, в частности на историю промышленного развития Англии, на навигационный акт Кромвеля².

В то же время купцы считали, что надо, безусловно, обеспечить соперничество внутри России, конкуренцию между российскими владельцами фабрик и мануфактур путем установления полной свободы развития промышленности и торговли³.

¹ См. «Ответ русского гражданина...», стр. 60—62.

² См. там же, стр. 53.

³ «Сочинение Россиянина», стр. 9—11.

Они доказывали, что дороговизна и низкое качество отечественных изделий — временное, преходящее явление, подтверждая это фактами из опыта многих русских мануфактур.

Требование запретительного тарифа было убедительным, но авторы рассматриваемых произведений явно впадали в крайность, когда они хотели доказать необходимость запрета ввоза *всех* иностранных товаров и *навсегда*¹. Подобная крайность была продиктована, как видно, желанием купцов устранить неустойчивость, характерную для тарифной политики царского правительства, порождавшую неуверенность среди российских владельцев капитала и тормозившую развитие отечественной промышленности.

Акцентируя внимание на необходимости запретительного тарифа, купцы не упускали из виду и вопроса о регулярном и достаточном кредите для развития промышленности и торговли, о снижении процентов по ссудам. Щеткин, например, поставил вопрос о предоставлении купцам беспроцентной ссуды до 10 млн. руб.

Вместе с тем купечество делало попытки взять в свои руки контроль над всей внешней торговлей и отечественной промышленностью путем создания Московского мануфактурного Совета. Но с этим желанием купечества царское правительство не считало нужным соглашаться.

* *
*

Если в вопросах, относящихся к промышленности и торговле, купцы проявляли большую уверенность и настойчивость, то политические позиции их были крайне слабы.

Несмотря на то, что купечество России в политическом отношении было бесправно, оно не имело мужества ставить вопрос о предоставлении ему политических прав. За них этот вопрос ставили идеологи других классов (сословий), например Сперанский. Купцы, включая и Свешникова, выражали свое «беспредельное благоговение к престолу», изливали царю свои верноподданнические чувства, просили царской милости. Но в отличие от других купцов Свешников нашел в себе мужество даже в официальной записке резко раскритиковать «недостатки, какие скрываются в нашей гражданственности и в самих коммерческих правах»². Он писал: «Таковы наши граж-

¹ См. Записки московских купцов, «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», т. III, № 9, 1865, стр. 162, 165, 179, 180.

² О. Свешников, Рассуждение о внешней российской торговле, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 391.

данские законы, что все права, облагораживающие некоторым образом купца, приписаны его капиталу, чему едва ли есть где-либо из благоустроенных государств пример»¹. Свешников приводил яркие примеры униженного состояния купеческого сословия по сравнению с самым последним чиновником². Желая подтвердить свое мнение о плохих гражданских законах, Свешников одну из своих записок заканчивал словами Дидро о России: «Жаль,— это прекрасный плод, который гниет, не достигнув надлежащей зрелости». Для того времени это была резкая оценка социального положения России.

Вместе с тем Свешников доказывал купцам, что им не следует выходить из своего сословия в ряды дворян³.

Он убеждал купцов, дворян и правительство в высоком значении купечества, в большой важности его общественной роли. Правительство и дворян он убеждал в том, что польза и выгоды купечества связаны с пользой государства и всех сословий. Если консервативное дворянство стремилось противопоставить себя и свои интересы купцам, то Свешников и другие купцы при всяком случае пытались доказать общность их интересов с интересами государства и всего народа. Вместе с тем Свешников подчеркивал единство интересов предпринимателей, занимающихся промышленной деятельностью, и купцов, занимающихся торговлей. В России рассматриваемого времени фактически часто в одном и том же лице объединялись оба эти рода предпринимательства.

Красной нитью через записки Свешникова и Московского купеческого общества (1823 г.) проходила забота об охране сословных интересов, привилегий купечества.

Купцы решительно возражали против участия крестьян в торговле, требовали лишения крестьянства прав на торговлю в городах и восстановления своих прежних сословных прав и привилегий на торговлю. Эти требования купцов носили реакционный характер. Все развитие экономики, процесс разложения крепостнической системы хозяйства свидетельствовали о росте товарного производства и обращения. В этих условиях приобщение разных слоев общества к торговле было неизбежным. В торговлю втягивались и крестьяне, и дворяне, а купцы в этом случае выступали против свободы развития торговли и промышленности внутри страны. Их настойчивая забота об охране своих сословно-феодальных прав, привилегий имела отрицательное значение для экономического развития страны.

¹ О. Свешников, Рассуждение о внешней российской торговле, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 391.

² См. О. Свешников, Упадок торговли и купеческих капиталов, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 430—437.

³ См. там же, стр. 431—435 и др.

Таким образом, российское купечество не только не боролось за расширение политической свободы в стране, но и само выступало против свободы даже в экономической области.

На это купцов ориентировало и царское правительство. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» (1785 г.) была проникнута феодально-сословным духом; купечество делилось на 3 гильдии, и, кроме того, выделялись именитые граждане, куда входили самые богатые купцы и ученые. Этой Грамотой купечество отделялось резкой гранью от крестьян, с одной стороны, и от посадских и цеховых — с другой. По сравнению с ними оно получило ряд преимуществ (по рекрутской повинности, по податям, по торгово-промышленным правам).

Закон от 1 января 1807 г. имел заголовок «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий». Законодатель стремился осуществить дальнейшую дифференциацию внутри самого купеческого сословия и выделить верхушку купечества в особую группу «первостатейных купцов»; звание именитых граждан сохранялось только за учеными, которые по-прежнему входили в состав купеческого сословия. В «Комитете 6 декабря» (1826 г.) снова поднимался вопрос о положении купечества; были проекты создания нового состояния для купечества, чтобы ослабить их тягу в ряды дворянства, но эта затея была похоронена.

Купечество не способно было окончательно переступить за феодально-сословные рамки. Это был переходный класс, класс феодального общества, который еще не созрел до уровня класса буржуазии.

Купцы хотели при содействии царя и в рамках феодализма достичь желательных для них целей прежде всего в области торговли и промышленности. В этом отношении они не отличались от некоторых дворянских либералов. Они вместе боролись против общего противника — фритредеров из среды дворянских консерваторов. Конечно, интересы купцов были меньше связаны с феодальным строем, чем интересы дворянских либералов, они не пользовались теми значительными экономическими и политическими привилегиями, какими пользовались дворяне. В их положении были не только существенные различия, но и нечто *общее*: с одной стороны, феодально-сословные черты, а с другой стороны — буржуазность, но у тех и других — еще непоследовательная.

Обуржуазившиеся дворяне находили общие интересы с купечеством в сфере промышленности и торговли. Вот почему позиции дворянских либералов и купечества при решении этих

вопросов совпадали. Министром коммерции был граф Н. П. Румянцев, который сам имел в Могилевской губернии предприятия по выработке хлопчатобумажных изделий, хрустальный и стекольный завод, применял труд крепостных крестьян и вольнонаемных рабочих. Он стремился обеспечить благоприятные условия для развития промышленности и торговли не как купеческий идеолог, а как обуржуазившийся помещик, имеющий в виду дворянские интересы. Александр I имел поэтому основание разрешить в 1807 г. дворянам вступать в купеческие гильдии и товарищества — «для укрепления связи между обоими государственными сословиями».

Либерализм — это буржуазная идеология. У дворянских либералов имелись элементы этой идеологии. Идеология купечества — одна из разновидностей развивавшейся буржуазной идеологии.

В чем же различие между дворянскими либералами и купцами? В центре внимания дворянских либералов были сельское хозяйство, вопросы о феодальной собственности на землю и крепостном праве. Для купечества же эти проблемы не имели первостепенного значения, хотя оно и было заинтересовано в отмене крепостного права или смягчении его. Усиление экономических позиций купечества толкало дворянских либералов к сохранению и укреплению экономических позиций своего класса. Совершенно различным было и политическое положение дворян и купцов. Поэтому их идеология, имея некоторые сходства, не могла полностью совпадать.

Руководителями и активными агентами товарного хозяйства были купцы; товарное хозяйство выражало буржуазные связи; в то же время купечество в своей деятельности было опутано феодальными условиями, привилегиями и ограничениями, оно всецело зависело от милости монарха, было политически бесправно. Это говорит о том, что и экономически купечество тогда еще не представляло собой большой силы, купцы пресмыкались перед монархом, ждали от него милостей. Русское купечество не было тогда революционным классом, не созрело как антипод дворянству, не выступало врагом феодального общественного строя. У сформировавшейся буржуазии в восходящий период возникает политическая задача — свергнуть самодержавие и бороться против феодализма под лозунгом свободы, равенства и братства; она стремится уничтожить остатки феодального производства и свойственные ему производственные отношения. Русское купечество выставляло некоторые прогрессивные требования, но их прогрессивность была однобока и сочеталась с реакционностью других требований; без учета этой двойственности нельзя понять идеологию купечества XVIII в. и первой четверти XIX в.

Буржуазная программа развития России наиболее полно была представлена тогда дворянскими революционерами — декабристами, хотя нельзя забывать и об известной дворянской ограниченности декабристов. Требование ликвидации монархии, крепостного строя, феодальной собственности на землю, сословности, цехов и гильдий резко отличало идеологию дворянских революционеров от купеческой идеологии. Буржуазная идеология наиболее последовательно была выражена тогда именно дворянскими революционерами. Они, а не купцы, хотели взять на себя миссию революционного преобразования социально-политического строя России. Программа дворянских революционеров выходила за рамки феодального строя, а скромные требования купечества вполне умещались в границах этого строя.

Глава шестая

БОРЬБА ИДЕЙНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

аигрывание Александра I с либерализмом в первые годы его царствования благоприятствовало проникновению политической экономии в стены университетов, лицеев и даже гимназий, изданию отечественных и иностранных политико-экономических книг на русском языке.

В первые два десятилетия XIX в. количество книг, издаваемых в России и освещающих вопросы политической экономии, заметно увеличилось. Вышли в свет произведения Радищева, Н. Тургенева, Куницына, учебники политической экономии — Х. Шлецера, И. Неймана, Л. Якоба; ряд книг по статистике — К. Германа, К. Арсеньева, Е. Зябловского; по торговле и финансам. Были переведены на русский язык некоторые иностранные книги по политической экономии; в первую очередь надо отметить издание на русском языке знаменитой работы А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (выходила в свет в 1802—1806 гг.)¹. В 1816 г. переведена книга Сэя «Сокращенное учение о государственном хозяйстве»². Были изданы книги Верри³, Сарториуса⁴, Лаудердаля⁵, Гереншванда⁶, ряд книг по вопросам торговли, финансов, и др.; в 1815 г. на французском языке в Петербурге вышла многотомная книга Шторха «Cours d'Economie politique».

Книги политико-экономического содержания широко ввозились из-за границы. Главнокомандующий в Санкт-Петербурге

¹ Она вышла под названием «Исследование свойства и причин богатства народов», т. I—IV, Спб.

² Полное ее название — «Сокращенное учение о государственном хозяйстве, или дружеские разговоры, в которых объясняется, каким образом богатство производится, делится и потребляется в обществе».

³ Граф *де Верри*, Политическая экономия, или о государственном хозяйстве, Спб. 1810.

⁴ *Г. Сарториус*, Начальные основания народного богатства и государственное хозяйство, следуя теории Адама Смита, Казань 1812.

⁵ Граф *Лаудердаль*, О народном благосостоянии, Спб. 1811.

⁶ *Гереншванд*, О новейшем государственном хозяйстве, Спб. 1807.

генерал Вязьмитинов в 1815 г. тревожно сообщал: «ныне в большом количестве привозятся из-за границы книги политического и исторического содержания»¹. Он требовал от полиции усиления надзора и за отечественными изданиями. Вскоре после этого была установлена жестокая цензура.

В ряде журналов публиковались статьи отечественных и иностранных авторов по вопросам, относящимся к политической экономии. Так, например, некоторые номера журнала «Сын отечества» открывались разделом «Политическая экономия», в журнале «Невский зритель» был специальный отдел — «Государственное хозяйство». Активное участие в этих и других журналах принимали декабристы — К. Рылсеев, Н. Тургенев, Ф. Глинка, А. и Н. Бестужевы, Н. Кутузов, видные ученые, преподававшие политическую экономию, — А. Куницын, К. Герман, М. Балугьянский и др.

В одном из наиболее крупных и распространенных журналов — «Вестнике Европы» — была помещена статья под характерным названием «Невыгоды от неведения политической экономии и выгоды от знания сей науки»².

С начала XIX в. в университетах, лицеях и гимназиях России стали преподаваться политическая экономия, финансы, статистика.

Политическая экономия и статистика по утвержденному в 1803 г. регламенту Академии наук входили в число наук, усовершенствованием которых должна была заниматься Академия.

Интерес к изучению политической экономии определялся стремлением государственных и общественных деятелей, дворянских идеологов, деятелей купечества найти решение актуальных и сложных вопросов экономической жизни общества того времени. Разложение крепостнической системы, развитие промышленности, торговли, финансов ставило новые вопросы перед обществом в целом, перед передовыми мыслителями в особенности.

Царское правительство вводило преподавание политической экономии для того, чтобы подготовить дворянскую молодежь к государственной деятельности. Руководство экономической политикой крупнейшего в Европе государства становилось все сложнее и труднее; будущим государственным деятелям царское правительство хотело дать экономическое образование, чтобы они могли ориентироваться в сложной обстановке и были способны постоять за интересы господствующего класса, за сохранение существующего строя.

¹ ЦГИАЛ, Департамент государственной экономии, ф. 1152, оп. 1, 1815 г., д. 37 (О цензурном комитете при Министерстве полиции), л. 3.

² «Вестник Европы» № 8, апрель 1825 г., стр. 276—292.

Прогрессивные деятели из дворянства хотели найти в политической экономии обоснование для решения вопроса о преодолении экономической отсталости России от стран Западной Европы, об улучшении организации финансов страны. Лучшие люди из дворянства искали в политической экономии теоретическое обоснование для своей борьбы с отжившим феодальным строем, для борьбы за новый строй, для разработки программы экономических преобразований.

Декабристы систематически и настойчиво изучали политическую экономию, посещали лекции Куницына и Германа. Среди слушателей лекций по политической экономии, читавшихся на квартире Германа в 1816—1817 гг., были Пестель, Никита Муравьев, С. и М. Муравьевы-Апостолы, С. Трубецкой, Ф. Глинка, И. Долгоруков и др. Н. Тургенев изучение политической экономии считал главнейшим своим занятием. Знакомство с политической экономией стало одним из признаков образованности дворянина того времени, человека высшего общества. Пушкин это отметил в своем «Евгении Онегине». Герой этого произведения

...Читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет...

С другой стороны, консервативные дворянские деятели, группировавшиеся вокруг «Духа журналов», изучали и пропагандировали Мальтуса, Сэя и одновременно с этим некоторые идеи Смита и других западноевропейских буржуазных экономистов для того, чтобы использовать эти идеи в своей защите феодального строя, аграрного характера развития страны, в борьбе против проникновения в экономику России капиталистических начал.

В преподавании политической экономии в университетах придерживались в основном работы А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», автор которой признавался крупнейшим авторитетом. В некоторых учебных пособиях следование их авторов теории Смита специально подчеркивалось; например, книга Ивана Неймана называлась «Исследование правил политической экономии, по системе Адама Смита» (1817 г.); переводное учебное пособие Григория Сартриуса называлось «Начальные основания народного богатства и государственное хозяйство, следуя теории Адама Смита».

Учение А. Смита усердно пропагандировалось в ряде журнальных статей. В редактируемом И. Пниним «Санкт-Петербургском журнале» за 1804 г. была помещена статья «Изложение учения Адама Смита и сравнение оного с учением фран-

цузских экономистов». В «Статистическом журнале» (редактор и издатель К. Герман) за 1806 и 1808 гг. давался критический обзор меркантилистской и физиократической систем и высоко оценивалось учение А. Смита. Аналогичные статьи были помещены в «Вестнике Европы», «Невском зрителе» и ряде других журналов.

Журнал «Соревнователь просвещения и благотворения», находившийся под влиянием декабристов, считал, что Смит пришел к «самой полной и самой основательной экономии политической»¹. Сочинение Смита названо здесь «книгой века». В статье подчеркивалось, что «все сие учение основано на совершенной свободе хлебопашества, промышленности и торговли»². В связи с этим автор статьи высказывал прогрессивную мысль, что неограниченная свобода есть необходимое условие и главная причина богатства народов³.

В этой же статье высказано мнение, что нельзя использовать какую-нибудь часть теории Смита, оставляя в стороне остальные важные ее положения⁴. Этот намек относился ко многим журналам, например, к «Духу журналов», который брал у новейшей экономической теории принцип фритредерства и, неправильно толкуя его, старался использовать для защиты устаревшего феодального строя.

Пропаганду в России наиболее передовых для того времени экономических идей Смита, его научных принципов экономической политики следует рассматривать, безусловно, как прогрессивное явление. Пропаганда передовой экономической теории идеолога буржуазии в феодально-крепостнической России давала теоретическое оружие в руки дворянской молодежи для борьбы с отжившим феодальным строем и его защитниками. Активный процесс разложения крепостнического строя в России был благоприятной почвой, на которую падали семена новых идей. Новая теория соответствовала назревшим задачам развития материальной жизни общества.

Вместе с тем следует отметить, как весьма положительное явление, что лучшие профессора того времени — Куницын, Герман, Арсеньев, Балугьянский — не ограничивались простым изложением принципов теории Смита. Они развивали ряд теоретических положений прогрессивного характера применительно к условиям России, приводили иллюстрации из экономической жизни России, показывали тяжелое положение кре-

¹ Опыт об успехах политической экономии в XVIII столетии, «Соревнователь просвещения и благотворения» № IX, 1825 г., стр. 241.

² Там же, стр. 255.

³ См. там же, стр. 247, 256, 257.

⁴ См. там же, стр. 257.

постных крестьян, вред сословных привилегий дворян, изображали феодальные порядки как тормоз на пути экономического прогресса России, осуждали существующие крепостнические порядки в стране. Рассматривая эти вопросы, указанные экономисты нередко отступали от принципов Смита, высказывали свое мнение о мерах, которые должны проводиться в жизнь для обеспечения экономического прогресса России. Прогрессивные профессора, преподававшие политическую экономию, будили мысль юношества, заставляли его задуматься над настоящим и будущим положением своей страны.

Среди профессоров были и такие, которые старались затушевывать крепостнические порядки в России, уверяли, что феодальных отношений там вообще нет, проповедовали мальтузианские идеи; примером может служить профессор Московского университета Христиан Шлецер.

По тогдашним цензурным условиям объективная характеристика экономики крепостнической России и положения классов не могла найти своего отражения в печати. Например, Балугьянский, изложив в «Статистическом журнале»¹ теоретические принципы меркантилистов, физиократов, А. Смита о разделении и обороте богатства, обещал, что им будет опубликована в том же журнале статья, показывающая применение его политико-экономических начал к России, но эта статья не появилась. О позиции Балугьянского в этом вопросе мы можем судить только по сохранившемуся в архиве Академии наук СССР рукописному конспекту его большого сочинения «Система Михаила Балугьянского»². Не будет преувеличением, если сказать, что Балугьянский задавал тон в преподавании политической экономии в Петербурге; не случайно указанный конспект оказался в бумагах профессора К. Арсеньева. Этот же конспект известен был и профессору К. Герману. Рукопись «Практические начала политической экономии», имеющаяся в архивном фонде декабристов, в первой части содержит очень много общего с указанным конспектом Балугьянского³.

¹ См. «Статистический журнал», 1806 г., т. I, ч. 1 и 2; 1808 г., т. II, ч. 1 и 2.

² Архив Академии Наук СССР в Ленинграде, ф. 117, оп. 1, д. 2 («Система Михаила Балугьянского»). Этот конспект относится к первому десятилетию XIX в.

³ Балугьянского Михаила Андреевича (1769—1847) считали русином (так называли в России закарпатских украинцев, проживавших в Австро-Венгрии); он учился в Королевской академии в Венгрии и в Венском университете (на юридическом факультете). В 1789 г. был приглашен профессором в Академию в Гросс-Вардейне, а потом — в Пештский университет, где преподавал политическую экономию. В 1796 г. он получил степень доктора права. В 1803 г. был приглашен в Петербург профессором по кафедре политической экономии в учительской гимназии; по реорганизации этой гимназии — в Главный педагогический институт. а

У Горчакова, который учился вместе с Пушкиным, сохранился конспект лекций Куницына о государственном хозяйстве, читанных в Царскосельском лицее¹. М. А. Корф, учившийся в том же лицее, сообщил, что при отсутствии в то время печатных курсов, Куницын сам писал свои записки, а лицеисты должны были их списывать и изучать². Необходимость в конспектах вызывалась не только тем, что тогда не имелось печатных курсов (их было действительно мало), но и тем, что в рукописных конспектах можно было давать и такие добавления, касающиеся России, каких нельзя было делать в опубликованных курсах.

Особо следует отметить сравнительно высокий, по тому времени и условиям, идейно-политический уровень преподавания политической экономии профессорами Куницыным, Германом и др.

Куницын преподавал естественное право и политическую экономю. В курсе «Естественное право», в который он вводил и вопросы политической экономии, Куницын характеризовал республиканский образ правления. Он высказывал мнение, что злоупотребление монархами верховной властью является тиранством, пропагандировал идеи Руссо об общественном договоре. Прогрессивное влияние лекций Куницына Пушкин выразил в словах:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

За свои прогрессивные лекции и за книгу «Естественное право» Куницын был отстранен в 1821 г. от обязанностей профессора, а его книга изъята из обращения.

Один из наиболее реакционных представителей министерства народного просвещения, исполнявший обязанности попе-

потом — в университет. Балугьянский продолжал ту же педагогическую деятельность; кроме того, он был первым ректором Петербургского университета. Одновременно работал в Комиссии составления законов, в министерстве финансов. В «Статистическом журнале» опубликовал (в 1806—1808 гг.) три статьи по политической экономии. В порядке служебной работы подготовил многоотомную работу политико-экономического характера, в которой уделено много внимания вопросам кредита, денежного обращения, финансов, аграрному вопросу, крепостному праву, развитию земледелия.

¹ Хранится в отделе рукописей Института русской литературы АН СССР. Конспект написан на бумаге с водяными знаками «1813 г.». К этому году или к 1814 г. можно отнести возникновение этого конспекта.

² См. Я. Грот, Пушкин, его лицейские товарищи и наставники, Спб. 1899, стр. 228.

читателя петербургского учебного округа, Д. П. Рунич писал о книге Куницына, что в ней излагалось учение, которое является «не только опасным, но и разрушительным в отношении к основаниям веры и достоверности святого писания»¹, что книга Куницына «есть не что иное, как сбор пагубных лжеумствований, которые, к несчастью, довольно известный Руссо ввел в моду и кои взволновали и еще волнуют горячие головы сборников *прав человека и гражданина* минувшего и наступившего столетия»².

Рунич писал, что учение Куницына воспроизводит положения конституции революционной Франции конца XVIII в. Вместе с тем Рунич подчеркнул, что в книге Куницына нашли отражение мысли Марата, которого Рунич считал последователем того же учения. Министерство народного просвещения не без основания заявляло, что книга Куницына вселяла в сердца неопытных юношей дух неповиновения, своеволия и вольнодумства.

В «Послании цензору» Пушкин выразил свое негодование по поводу расправы с Куницыным и его книгой:

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь;
Сатиру — пасквилем, поэзию — развратом,
Глас правды — мятежом, Куницына — Маратом.

К. Ф. Герман, профессор Петербургского университета, в своих лекциях пропагандировал мысль, что с развитием народа неограниченная монархия становится великим злом, злоупотребление верховной властью ведет к деспотизму, а это неизбежно приводит к революции; народ, совершающий революцию, изменяет образ правления, так как народу свойственно стремление к свободе; революции играют большую роль в устройстве государств. Он отмечал, что «народ умеет опрокидывать существующие учреждения», и провозглашал положение, что мнение народа есть царь царей.

По мнению Германа, общественный договор должен заключаться для достижения общественной цели, а не для порабощения большинства и неограниченной власти меньшинства — правительства; последнее должно действовать по воле большинства; в действительности же, полагал Герман, в основе госу-

¹ Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, Архив Д. П. Рунича, ф. 263, оп. 3, д. 12 (Мнение о книге проф. С.-Петербургского университета Куницына «Право естественное»), л. 2.

² Там же, л. 6. Курсив мой. — Ф. М.

дарства лежит сила, а не договор. Вместе с тем он думал, что и монарх может совершать благодеяния для народа¹.

Профессор К. И. Арсеньев, приступая к чтению лекций по статистике, исходил из того, что народ был прежде правительством, поэтому надо говорить о народе, как «о важнейшем предмете», а потом уже о правительстве. Так именно и построена книга Арсеньева «Начертание статистики Российского государства» (ч. 1 вышла в 1818 г., ч. 2 — в 1819 г.). Он высказывал мнение, что монарх должен «делать все то, что требуется... для благоденствия народного...»². Арсеньев заявлял, что помещики и духовенство принадлежат к непроизводительным классам. Помещиков и попов он считал тягостным бременем для государства и народа³. Другие профессора опасались высказывать такие мысли, хотя они и основывались на книге Смита. За пропаганду подобных мыслей Герман и Арсеньев были в 1821 г. отстранены от работы в Петербургском университете.

По своему содержанию курс политической экономии того времени сводился, как правило, к учению о государственном хозяйстве, об экономической политике.

Прогрессивные профессора — К. Герман, А. Куницын, М. Балугьянский хотя и называли политическую экономию наукой о государственном хозяйстве, но в отличие от Шлецера не сводили ее только к вопросам экономической политики; они рассматривали общие теоретические начала этой науки и в завершение делали выводы применительно к экономической политике.

Каким же было содержание лекций по основным, наиболее важным проблемам политической экономии?

Вопрос о формах собственности на средства производства получал слабое отражение в лекциях. Помещичья собственность на землю не подвергалась сомнению. Даже о земельной ренте мало говорилось. Собственность на землю рассматривалась вне исторических рамок и условий. Куницын выражал сожаление по поводу того, что «крепостной человек не имеет никакой собственности, ибо сам он не себе принадлежит. Не ему принадлежит дом, в котором он живет, скот, которой он содержит, одежда, которую он носит, хлеб, которым он питается»⁴.

¹ ЦГИАЛ, Главное правление училищ, ф. 732, оп. I, 1821 г., д. 382, л. 213, 214, 215, 216, 269 об., 279 об., 280. В этом деле имеются выписки из студенческих тетрадей с записями лекций Германа.

² К. Арсеньев, Начертание статистики Российского государства, ч. II, Спб. 1819, стр. 109—110.

³ К. Арсеньев, Начертание статистики Российского государства, ч. I, Спб. 1818, стр. 63, 102 и др.

⁴ Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, ф. 244, оп. 25, д. 370 (Конспект лекций Куницына), л. 32 и об. Эти слова почти

Балугьянский неоднократно подчеркивал мысль о необходимости свободы распоряжения собственностью и обеспечения этого законом; при этом он имел в виду, очевидно, крупную собственность. Ни Куницын, ни Балугьянский не ставили вопроса о передаче в собственность крестьянам земли, обрабатываемой ими.

Куницын и Балугьянский высказывались против того, чтобы казенную землю разделить между крестьянами; они считали, что эту землю лучше отдать в аренду, еще лучше — продать ее частным лицам. Балугьянский считал, что раздавать землю крестьянам нецелесообразно потому, что у них мало капитала.

К крепостному строю Балугьянский, Куницын, Герман, Арсеньев относились отрицательно. Излагая основные начала политической экономии, они прежде всего стремились доказать, что принципы свободы в политической экономии надо считать важнейшими. Балугьянский осмелился эту мысль подчеркнуть даже в своей статье, опубликованной «Статистическим журналом», издаваемым Германом.

Отсутствие свободы у работников, по мнению Балугьянского, является одним из величайших препятствий для образованности наций¹. Он считал, что рабство простого народа имеет влияние на накопление капиталов во всех классах граждан, на благоденствие государства; пока рабство не будет истреблено, «дотоле мы не можем льститься благоденствием»².

Балугьянский полагал, что все внимание законодательства должно быть направлено на то, чтобы «народ сделать свободным, а потом уже произвести *накопление капитала у крестьян, посредством коего они должны бы возделывать владельческие поместья*» путем аренды. Такая система аренды или откупа, по его мнению, может дать благоприятное решение вопроса для всех: «владельцы будут получать доход обильнее прежнего, рабочий народ будет свободен, крестьяне сделаются откупщиками и станут производить земледелие в господских поместьях, как фабриканты и купцы свой промысл»³. В этом Балугьянский видел постепенный, длительный путь к благоденствию России. В качестве ближайших и срочных мероприятий он предлагал составить устав о крестьянах, определить

полностью совпадают с текстом, имеющимся в статье Балугьянского о системе физиократов (опубликована в «Статистическом журнале», т. I, ч. 2, 1806 г., стр. 38). Конспект лекций Куницына мог появиться не ранее 1813 г.

¹ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 117, оп. I, д. 2 («Система Михаила Балугьянского»), л. 53 об.

² Там же, л. 54.

³ Там же, л. 54 об.

права владельцев и повинности крестьян, узаконить то, что теперь предоставлено произволу¹. Балугьянский высказывался за содействие развитию фермерства. Он хотел, чтобы значительная часть крестьян сделалась фермерами, которые арендовали бы у помещиков землю; он полагал, что это было бы выгодно и помещикам и крестьянам. Такую систему обработки земли Балугьянский считал наиболее приемлемой, полагая, что если помещики будут вести свое хозяйство за счет своих капиталов, то нерадивые их приказчики привели бы земледелие в упадок. Но он считал целесообразным содействовать и так называемому «малому земледелию», которое вели бы крестьяне на своих собственных землях, полученных от помещиков и от государства при освобождении. В то же время Балугьянский в отличие от Германа, Куницына и Арсеньева пытался доказать, что и помещики относятся к производительному классу; это расхождение имело принципиальное значение.

В связи с характеристикой системы физиократов Куницын высказывался против обработки земли крепостными крестьянами и одобчительно относился к обработке ее вольными работниками; еще более он одобрял систему фермерства, ссылаясь на опыт Англии и других государств, где тогда были видны успехи земледелия.

Арсеньев в своей книге «Начертание статистики Российского государства» писал, что крепостное состояние земледельца служило большой преградой на пути улучшения состояния земледелия. В книге отмечалось, что земледelec не уверен в вознаграждении за свой труд и поэтому он и наполовину не произведет того, что может сделать человек, свободный от уз принуждения. Земля же, обработанная вольными крестьянами, может дать более обильный урожай, чем земля, обработанная крепостными крестьянами. Он считал, что «свобода промышленника и промыслов есть самое верное ручательство в приумножении богатства частного и общественного» и что «не ограниченная ничем гражданская личная свобода — единый истинный источник величия и совершенства всех родов промышленности»².

Герман в своих лекциях утверждал, что причиной тяжелого положения крестьян является феодальная система, при которой законодатели не обращали внимания на крестьян, и в силу

¹ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 117, оп. I, д. 2 («Система Михаила Балугьянского»), л. 57.

² К. Арсеньев, Начертание статистики Российского государства, ч. I, стр. 106—107.

законов феодальной системы многочисленный класс крестьян предоставлен хозяевам земли¹.

Ссылаясь на пример французской революции, Герман выступал против привилегий дворян и духовенства, говорил о вреде и ненужности этих сословий, привилегии которых наносят ущерб крестьянам.

Он говорил о тяжелом положении крепостных крестьян в России, как результате того, что правительство не заботилось о крестьянах, а думало только о том, как бы еще больше обложить их податью и натуральными повинностями. Он высказывал мысль, что крепостное состояние крестьян и рост налогов на них препятствуют развитию земледелия. При таких условиях крестьяне лишены возможности улучшать свое положение.

Говоря о налогах, Герман, Балугьянский и Куницын осуждали подушную подать, как несправедливую, осуждали натуральные повинности, изнуряющие крестьянское хозяйство. Государственные подати, считал Куницын, должны быть так малы, чтобы «каждый мог уплачивать оные, не расстроивая своего промысла»².

В рецензии на книгу Н. Тургенева о налогах, напечатанной в журнале «Сын отечества» за 1818 г. (ч. 50, 51), Куницын подчеркивал необходимость освободить от косвенных налогов предметы потребления, покупаемые простым народом.

В лекциях о финансах Куницын говорил, что «богатые люди стараются о поддержании такого порядка вещей, которой один обеспечить их может в обладании всеми выгодами»³. Тем самым он критиковал одну из привилегий для дворян — освобождение их от налогов. Герман же намечал и меры, облегчавшие участь крестьян: уменьшение налогов, уничтожение натуральных повинностей и т. д.⁴

Он повторял мысль Балугьянского о том, что крепостное состояние крестьян чрезвычайно вредно отражается на накоплении капиталов.

Рассуждая о задачах ускорения экономического развития России, Куницын и Герман считали необходимым повышение жизненного уровня «низших классов» общества, находили, что

¹ ЦГИАЛ, Главное правление училищ, ф. 732, оп. I, 1821 г., д. 382 (О вредном учении, обнаруженном в преподавании некоторых профессоров Спб. Университета), л. 211, 431 и об.

² Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, ф. 244, оп. 25, д. 365, л. 2 об.

³ Там же, л. 10.

⁴ ЦГИАЛ, Главное правление училищ, ф. 732, оп. I, 1821 г., д. 382, л. 435.

«самый ясный признак благосостояния какой-либо страны есть умножение жителей ее»¹. В своей брошюре «Изображение взаимной связи государственных сведений» Куницын писал, что на пути роста населения нередко встречались «препятствия частью в самих общественных постановлениях, частью в различных предрассудках и злоупотреблениях, существующих в государстве. Отвращать оные и благоприятствовать народонаселению есть обязанность верховной власти»².

Такое понимание благосостояния и его признаков надо рассматривать как выражение борьбы с человеконенавистнической теорией народонаселения Мальтуса, идеи которого находили приют в отдельных учебниках политической экономии и журналах, издававшихся в России. Мальтузианские идеи защищались, например, в двухтомном учебнике по политэкономии Шлецера (особенно в издании 1821 г.) и в книге Гереншванда «О новейшем государственном хозяйстве», переведенной на русский язык «по высочайшему повелению»³, и в других книгах, а также в некоторых журналах. Ревностным последователем и защитником человеконенавистнической «теории» народонаселения Мальтуса показал себя «Дух журналов», отражавший интересы наиболее консервативных элементов дворянства. Автор заметки «О переселениях», опубликованной в этом журнале, писал: «Нет бедствия большего для государства, как чрезмерное размножение народа; война и моровая язва ничто в сравнении с излишним многолюдством»⁴.

В 1819 г. в «Духе журналов» была опубликована рецензия на книгу Арсеньева «Начертание статистики Российского государства». Арсеньев утверждал в книге, что то правление, при котором «граждане умножаются, непременно должно быть лучшее, а то, где граждане уменьшаются, худшее» и что «степень умножения граждан есть самая надежная мера мудрости правительства»⁵. Эти положения передового русского ученого были направлены прямо против Мальтуса. Рецензент же в «Духе журналов» решительно выступил против этой правильной мысли, заявляя, что «умножение народонаселения отнюдь не есть целью гражданских обществ, ниже признаком мудро-

¹ Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, ф. 244, оп. 25, д. 370, л. 52 об.

² А. Куницын, Изображение взаимной связи государственных сведений, Спб. 1817, стр. 28.

³ См. Гереншванд, О новейшем государственном хозяйстве, Спб. 1807, стр. 6, 8, 25—27, 188 и др. На стр. 148 автор заявлял, что «многолюдство рода человеческого есть главный предмет сего сочинения».

⁴ «Дух журналов», 1817 г., ч. XXIV, кн. 47, стр. 912.

⁵ К. Арсеньев, Начертание статистики Российского государства, ч. I, стр. 47.

сти правительства», а «многолюдство, столько многими прославляемое, имеет свой предел, далее которого оно есть бич народа»¹.

В том же году в статье о причинах народного бедствия в Англии «Дух журналов» утверждал, что одной из причин растущей бедности являлось излишнее «многолюдство».

Отдельные мальтузианские положения можно отметить в статьях Витовского по политической экономии, напечатанных в «Вестнике Европы» в 1819 г., в речи профессора Покровского, произнесенной им в 1817 г. на заседании Общества любителей российской словесности при Ярославском Демидовском высших наук училище.

В ряде журналов, наоборот, высказывались мысли, идущие вразрез с положениями Мальтуса. Мальтузианство нашло питательную почву лишь в среде консервативных и реакционных кругов дворянства России. Вообще идеи вульгарной политической экономии довольно широко проникали с Запада в Россию; консервативные круги предъявляли на них спрос, они были заинтересованы в распространении этих идей. На страницах некоторых журналов печатались переводные статьи представителей вульгарной политической экономии — Сэя, Феррье, Лаудердаля, Гарнье, Ганиля, Бентама и др. «Дух журналов» считал Сэя «классическим писателем».

И Балугьянский и Куницын придавали большое значение защите принципа свободы развития экономической деятельности всех классов общества. Неоднократно выдвигался ими принцип свободы развития промышленности. Вместе с тем развивалась мысль, что сельское хозяйство, мануфактуры и торговля суть общие источники народного богатства.

Однако свобода хозяйственной деятельности, так называемый естественный порядок развития отдельных отраслей народного хозяйства, понималась ими своеобразно. Балугьянский и Куницын утверждали, что земледелие — самое выгодное занятие и для отдельных лиц и для общества в целом; оно всего больше содействует росту общественного богатства и богатства отдельных лиц, а поэтому в первую очередь надо содействовать развитию земледелия. Балугьянский считал, что «земледелие всегда должно оставаться главной отраслью промышленности»². Это была ориентация на аграрный характер развития России, против которого возражали прогрессивные круги дворян. Перейти к усилению развития мануфактуры Балугьянский и Куницын считали возможным только после

¹ Замечания на книгу «Начертание статистики Российского государства, составленное г. Арсеньевым», «Дух журналов», 1819 г., ч. XXXII, кн. 4, стр. 178, 179—180.

² Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 117, оп. I, д. 2, л. 63 об.

усовершенствования земледелия и накопления капиталов. Они были против того, чтобы содействовать развитию мануфактуры в России так называемыми искусственными средствами. Под этими средствами имелись в виду прежде всего протекционистский тариф, запрещение ввоза ряда товаров из-за границы.

Прогрессивное содержание лекций Куницына, Германа, Арсеньева тревожило реакционеров из министерства народного просвещения. Рунич писал министру Голицыну, что преподавание политических наук порождает разрушительные идеи в умах студентов, вольнодумство, внушает неуважение и даже презрение к власти, отрицая ее происхождение от бога. В таких теориях и идеях он видел причину революций. Дух лекций, писал Рунич, «подает повод к справедливому опасению, что самое малое только число студентов осталось незараженными разрушительными теориями, которые, к несчастью, сильные пускают корни в уме и сердце юношества»¹. Все это послужило основанием для преследований и расправ над прогрессивной профессурой.

Спустя несколько дней после восстания декабристов Рунич писал министру просвещения, что «обнаруженный дух возмущения», водивший рукой восставших, «не есть мечта воображения и что дух сей существовал и существует»². В другой записке Рунич писал, что «прошло уже то время, когда рассматривали мы учения сии как вредные только теории вольнодумствующих профессоров; с тех пор бунтующие войска опрокинули уже несколько тронов... Итак, врагу божию три года только нужно было, чтоб довести дело свое от кафедры Куницына до потрясения Неаполя, Турина, Мадрида, Лиссабона...»³.

Напуганный слуга самодержавия преувеличивал, конечно, роль Куницына, но не подлежит сомнению, что лекции Куницына, Германа, Арсеньева сыграли большую роль в формировании мировоззрения будущих декабристов.

* * *

*

Буря, разразившаяся над головами прогрессивных профессоров Петербургского университета, не затронула профессора политической экономии Московского университета Христиана Шлецера. Его книги не вызвали осуждения со стороны Мини-

¹ Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, Архив Д. П. Рунича, ф. 263, оп. 3, д. 50 (Записка о настоящем положении Петербургского университета и зависящих от него учебных заведений с присовокуплением мнения исправляющего должность попечителя о преобразовании оных), л. 7.

² Там же, д. 43, л. 10 об.

³ Там же, д. 64, л. 49 об.— 50.

стерства народного просвещения, которое даже консервативный историк того времени Н. М. Карамзин называл «министерством затемнения».

Христиан Шлецер был первым по времени профессором политической экономии в Московском университете (с 1801 по 1826 г.), и его учебник политической экономии, вышедший в 1805—1806 гг., являлся первым учебником, переведенным с немецкого языка на русский¹.

Политическую экономию он сводил к правилам экономической политики, к прикладной науке, что было характерно для немецкой камералистики. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона Шлецер характеризуется как последователь Смита; в действительности же Шлецер был далек от этого учения; если он что и воспринял от Смита, так те элементы, которые в последующем послужили основой для развития вульгарной политической экономии.

Для характеристики экономической идеологии деятелей и ученых России того времени большое значение имеет их отношение к крепостному строю. Шлецер старался в учебнике пройти мимо этих вопросов. Касаясь вопроса о препятствиях развитию земледелия, в числе главных из них он называл феодальные права, так как «они стесняют свободу частных людей пользоваться своими землями по их воле...»², он считал, что правительство должно «стараться об уничтожении мало-помалу сих прав...»³.

Но понимание Шлецером феодальных прав не выражено ясно; в частности, осталось неопределенным, о свободе кого — крестьян или землевладельцев — идет речь? Он решительно утверждал, что «все сие (т. е. феодальные права и их вред.— *Ф. М.*) никаким образом нельзя отнести к России, которая совсем не имеет феодальных прав в собственном значении»⁴. По Шлецеру, феодальные права имели место в большинстве других европейских государств, но не в России. Отрицая феодальный строй в России, существование здесь крепостного права, он тем самым снимал и проблему борьбы против крепостничества в России.

В то же время по ряду других вопросов, связанных с феодальным строем, Шлецер рассуждал, как все русские крепост-

¹ Первое издание учебника под названием «Начальные основания государственного хозяйства, или науки о народном богатстве», вышло в 1805 г. (ч. I) и в 1806 г. (ч. II). В 1821 г. вышло 2-е издание. В 1823 г. Цветаев выпустил конспект этого учебника.

² *Х. Шлецер*, Начальные основания государственного хозяйства, или науки о народном богатстве, ч. II, М. 1806, стр. 34.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 35.

ники-дворяне. Он был сторонником английской практики сосредоточения земли в крупных поместьях¹. Рассуждая о роли и значении развития промышленности, он утверждал, что для России будто бы выгоднее заниматься земледелием, а не промышленностью, что не следует содействовать развитию фабрик и мануфактур, что земледелие — самое твердое основание общественного благосостояния и поэтому России необходимо остаться аграрной страной².

Для завершения характеристики социально-экономических взглядов Шлецера следует отметить, что он полностью поддерживал взгляды Мальтуса по вопросу о народонаселении. Шлецер считал ложной теорию, которая видит возрастание благосостояния в умножении народа, и утверждал, что увеличение населения приносит вред³; бедность народа, писал он, возникает «от великого множества жителей»⁴. Во втором издании своего учебника немало страниц он посвятил защите реакционных мальтузианских идей⁵.

Ненаучный характер суждений Шлецера по вопросам экономической теории ярко виден из всего содержания его учебника, особенно в той части, которая трактует о капитале.

Карающая рука реакционера Рунича не коснулась и другого немецкого ученого, жившего в России, — Шторха, который издал в 1815 г. на французском языке большую работу — курс политической экономии⁶. Шторх не преподавал в университетах, но его книгой пользовались некоторые профессора политической экономии.

Шторх умел найти общий язык и с либеральными и с консервативными элементами дворянства; отражая взгляды либеральных дворян, он одновременно приспосабливался ко вкусам консервативных кругов дворянства; излагая некоторые либеральные положения, он в то же время говорил о неприменимости их в России. В угоду консервативным кругам дворянства он изменил свои первоначальные взгляды на вопросы протекционизма и фритредерства. Шторх участвовал в деятельности ряда правительственных комитетов; свою ученую карьеру он завершил высоким постом вице-президента Академии наук. В политических вопросах он не проявлял либерализма, никогда не подвергал сомнению целесообразность

¹ См. *Х. Шлецер*, Начальные основания государственного хозяйства, или науки о народном богатстве, ч. II, М. 1806, стр. 52.

² См. там же, стр. 28, 69—72.

³ См. там же, стр. 15—17.

⁴ Там же, стр. 19.

⁵ *Х. Шлецер*, Начальные основания государственного хозяйства..., ч. II, М. 1821, стр. 26—33, 41—48.

⁶ *H. Storch*, Cours d'Économie Politique, St. Petersbourg 1815, 6. volumes.

существования самодержавия, обосновывал невозможность существования республики в таких больших странах, какой являлась Россия; революцию Шторх называл катастрофой.

Внутренняя противоречивость позиции Шторха особенно видна в его отношении к крепостному праву, к крестьянству и помещикам.

Шторх неоднократно говорил о преимуществах свободного труда перед принудительным трудом крепостных крестьян, о том, что крепостное право задерживает рост богатства, развитие сельского хозяйства, мануфактур, науки, цивилизации. Он писал, что крепостное право противоречит естественному праву и только труд свободного человека может изучаться политической экономией. Шторх выражал уверенность, что крепостное состояние постепенно исчезнет и в Западной и в Восточной Европе. В то же время он при всяком удобном случае подчеркивал, будто положение русских крепостных не является таким несчастным, как это изображают. Он и сам иногда говорил о тяжелом положении крепостных крестьян, но тут же спешил сгладить впечатление от своих слов. «Наряду с тем,— писал Шторх,— что в России можно видеть бедных и обездоленных рабов, там можно встретить и таких крестьян, чье довольство и благополучие являются ярким примером умеренности их господ»¹. Он старался уверить читателей, будто бы «в России господа часто обращаются с крепостными менее произвольно, чем это имеет место в других странах»², что в России помещичьи крестьяне были более зажиточными, чем крестьяне казенные, и что положение казенных крестьян и оброчных помещичьих крестьян будто бы приближается к положению свободных крестьян.

Россия, по утверждению Шторха, может развиваться и при крепостном праве, особенно в окружении цивилизованных государств, где этого права уже не было. Крепостное право в России и других странах, где оно еще существует, не имеет тех вредных последствий, какие оно имело в Европе до его отмены: «Тогда оно было всеобщим, сегодня государства, где оно продолжает существовать, окружены свободными, процветающими и цивилизованными народами, чьи капиталы, образование, открытия помогают развитию этих государств»³.

Общие теоретические суждения Шторха о принудительном труде и крепостном состоянии крестьян были прогрессивными. Применительно же к России он придерживался в этих вопросах консервативных позиций. Это была уступка, приспособле-

¹ *Storch*, Cours d'Économie Politique..., v. VI, p. 273.

² *Ibid.*, v. IV, p. 295.

³ *Ibid.*, p. 315.

ние к консервативному большинству дворянства, особенно к его правящей верхушке. Шторх прямо защищал необходимость сохранения всех привилегий наследственной аристократии. В соответствии со своими прогрессивными идеями, с принципами экономического либерализма Шторх выступал против вмешательства государства в экономическую жизнь, но его примирение с крепостным строем и самодержавием в России противоречит идее невмешательства государства в хозяйственную жизнь, так как крепостничество и самодержавие не могут существовать без деспотического вмешательства, без внеэкономического принуждения.

Прогрессивные положения приводили Шторха к активной защите фермерства, но в России в условиях сохранения крепостничества фермерство было неприменимо.

Противоречивость, двойственность взглядов Шторха, сочетание в них либеральных и консервативных идей, ясно обнаруживались и в его позиции по вопросу о развитии промышленности в России.

Он много и хорошо писал о преимуществах промышленно развитых стран перед аграрными, о более высокой производительности мануфактурного труда по сравнению с сельскохозяйственным. Он утверждал, что сельскохозяйственная нация — более бедная и менее цивилизованная, а нацией процветающей является та, где промышленность достигла высокого уровня, что развитие мануфактур соответствует богатым странам, а сельское хозяйство — бедным, что богатство создается быстрее промышленностью, чем сельским хозяйством¹. Но тут же он делал вывод, что бедные и богатые народы должны обмениваться излишками своих изделий и что это является наиболее важным принципом разделения труда². Аграрный народ не только не имеет никаких оснований опасаться обмена с промышленным народом, но даже имеет преимущества в обмене сырья на промышленные изделия иностранных мануфактур. Вместе с ростом и развитием промышленности в индустриальных странах растут цены на сельскохозяйственное сырье и снижаются цены на промышленные изделия; эти условия выгодны для аграрных стран³. Отсюда Шторх делал вывод, что Россия должна производить больше сельскохозяйственного сырья и вывозить его в промышленные страны в обмен на их промышленные изделия; надо покупать в других странах готовые промышленные изделия, а не производить их в России; производство промышленных товаров невыгодно для России,

¹ *Storch*, Cours d'Economie Politique, v. IV, p. 180.

² *Ibidem*, p. 178, 180.

³ *Storch*, Cours d'Economie Politique, v. VI, p. 34, 35; v. II, p. 358.

но выгодна покупка их в других странах, например в Англии, даже при условии получения английскими фабрикантами больших прибылей¹.

Все эти рассуждения были специально направлены против протекционистской политики вообще и особенно в России. Шторх объявлял сельское хозяйство устойчивой базой национального благосостояния, разумея при этом обогащение помещиков в результате монопольной собственности на землю².

Но развитию сельского хозяйства, рассуждал далее Шторх, мешают запретительные тарифы, которые противоречат взаимным выгодам аграрных и промышленных стран, противоречат естественному направлению капиталов, согласно которому в бедных, аграрных странах капиталы и труд должны направляться в первую очередь в сельское хозяйство. Вывод Шторха — нужно отказаться от запретительного тарифа в России³.

Шторх считал также, что фабрики и мануфактуры, основанные на вольном труде, развиваются быстрее, чем основанные на крепостном труде, что мануфактуры не могут обойтись без свободного труда. Пока существует крепостное право, мануфактуры в России не могут развиваться. Поэтому поощрения, которые оказывались в России для развития промышленности, по мнению Шторха, не достигали цели. Существованием крепостного права обусловлен недостаток в России капиталов и умелых рабочих, нужных для развития промышленности; применяются несовершенные орудия производства, почти отсутствует разделение труда, и в конечном итоге качество промышленных изделий всегда было ниже качества заграничных изделий. Следовательно, Россия и по этой причине должна оставаться, по мнению Шторха, аграрной страной. Призывая мириться с существованием крепостничества в России, он одновременно признавал необходимость однобокого аграрного ее развития⁴, обосновывал неизбежность экономического отставания России, прежде всего в области промышленности.

Неоднократно повторяя, что развитию мануфактур должно предшествовать накопление значительных капиталов, Шторх делал вывод, что в России, бедной капиталами, преждевременно ставить вопрос о быстром развитии промышленности. Россия должна развивать только земледелие, накапливать капиталы и только через длительное время перейти к решению

¹ *Storch*, Cours d'Economie Politique, v. VI, p. 35; v. IV, p. 77, 188, 189 и др.

² *Ibid.*, v. VI, p. 11; v. IV, p. 193.

³ *Ibid.*, v. II, p. 359; v. IV, p. 357; v. VI, p. 11.

⁴ *Ibid.*, v. VI, p. 279—281; v. IV, p. 319—320.

задачи быстрого развития промышленности. Имеющиеся капиталы следует направлять в сельское хозяйство¹.

Приспособление Шторха к интересам консервативных дворян в вопросе о развитии отечественной промышленности еще более обнаруживается, если учесть, что раньше — в конце XVIII в. и в начале XIX в. — он выступал в пользу развития мануфактур в России, за протекционистскую политику.

Таким образом, в общетеоретической постановке вопросов Шторх обосновывал прогрессивность развития буржуазных отношений, приветствовал развитие капитализма, промышленного капитала, оценивал третье сословие как носителя прогресса, и в то же время, когда речь заходила о России, он разъяснял, что здесь эти принципы неприменимы, что Россия находится в особом положении, с позиций буржуазии он перешел здесь на позиции дворянства.

Вместе с консервативными идеологами дворянства Шторх поддерживал мальтузианские утверждения о вреде роста народонаселения, о пользе и необходимости непроизводительного потребления².

Шторх поставил на службу интересам дворянства фритредерские принципы Смита и отказался от ряда важнейших положений Смита (теории стоимости, теории производительного труда), которые вступали в противоречие с интересами дворянства.

Своеобразным выражением компромисса Шторха с дворянством была и его «теория цивилизации», которую сам он считал важным вкладом в политическую экономию. В противовес смитовскому пониманию производительного труда Шторх пытался обосновать другое; он устранял шокирующее дворян отнесение императора, государственных чиновников, армии и духовенства к непроизводительным работникам. Большое значение Шторх придавал «услугам» государства, особенно в области обеспечения безопасности страны.

Вместе с тем «теория цивилизации» Шторха имела явно апологетический характер и в отношении капитализма. «Теория цивилизации» — это учение о «нематериальных капиталах», которые, по утверждению Шторха, должна изучать политическая экономия³. «Нематериальные блага» — это здоровье

¹ *Storch*, Cours d'Economie Politique, v. IV, p. 247, 248, 319—320, 342, 355, 356; v. V, p. 134.

² *Ibid.*, v. V, p. 107, 109, 113; v. VI, p. 11—12.

³ Шлецер в своем труде упрекает Шторха, что последний заимствовал основные положения этой теории у него, не упоминая его как автора данной теории. В этом упреке доля истины есть, так как Шлецер ранее Шторха выдвинул положение о нематериальном капитале, но в самой общей форме, а Шторх дал этой теории всестороннее обоснование, назвав ее «теорией цивилизации».

человека и его способности, знание, мастерство, религия, досуг, безопасность и др. Все это Шторх включил в понятие «капитала», давая последнему весьма расширительное толкование. При таком понимании «капитала» каждый человек является капиталистом, каждый рабочий обладает капиталом; стиралось классовое различие между рабочими и капиталистами. Вульгарный характер взглядов Шторха особенно рельефно выступает в его «теории цивилизации». Маркс подверг резкой критике «теорию цивилизации» Шторха и его понимание производительного труда¹.

Из характеристики учебников и уровня преподавания политической экономии первых десятилетий XIX в. видно, что у некоторых наиболее известных профессоров и научных деятелей того времени обнаруживались идеи, которые носили либеральный характер, а некоторые профессора (Арсеньев, Герман, Куницын) по ряду принципиальных вопросов приближались к идейным позициям декабристов. Эти прогрессивные профессора в своих лекциях пропагандировали отрицательное отношение к крепостному праву, к сословным привилегиям дворян, к деспотизму царской власти. Но и самые прогрессивные представители академической мысли все же не могли выйти за рамки дворянского либерализма.

У ряда профессоров и научных деятелей либерализм переплетался нередко с ясно выраженным консерватизмом в некоторых важных вопросах. Эта черта идеологии наиболее резко проявлялась у Шторха и у Шлецера, которые обосновывали необходимость и неизбежность однобокого аграрного характера развития России, оправдывали неизбежность экономической отсталости ее от развитых стран Запада, приукрашивали крепостнические порядки в России. Сочетание либерализма и консерватизма имело место у Балугьянского; во взглядах Арсеньева, Германа и Куницына преобладал либерализм, появлялись радикальные положения. Шторх, Шлецер, ряд журналов пытались пропагандировать реакционные идеи Мальтуса.

Таким образом, в академических кругах шла борьба передовых, радикальных идей с консервативными и реакционными идеями. Министерство просвещения оказывало поддержку распространению консервативных и реакционных идей и изгоняло из университетов носителей наиболее передовых идей.

¹ См. *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1955, стр. 653; *К. Маркс*, Теории прибавочной стоимости, IV том «Капитала», ч. I, М. 1955, стр. 144—145, 260—263, 274, 275.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ И ПРОГРАММА ДЕКАБРИСТОВ

Глава седьмая

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ДЕКАБРИСТОВ

Глубокая классовая характеристика движения декабристов дана Лениным в ряде его работ: «Памяти Герцена», «Роль сословий и классов в освободительном движении», «Из прошлого рабочей печати в России», «Доклад о революции 1905 года» и др.

Ленин указывал, что освободительное движение в России прошло три главных этапа, соответственно выступлению на исторической арене *трех главных классов* русского общества, каждый из которых налагал свою печать на соответствующий этап освободительного движения. Первый этап освободительного движения Ленин называл дворянским, потому что руководящей силой революционного освободительного движения было тогда дворянство.

Декабристы положили начало первому этапу освободительного движения в России.

Передовая часть дворянства в лице декабристов выступала решительной сторонницей ликвидации крепостничества в своей стране. Вместе с тем декабристы понимали, что добиться этой цели можно только свергнув царизм, который был оплотом крепостничества. Самовластие и произвол царизма декабристы считали источником всех зол. Поэтому декабристы поставили на первый план политическую цель — свержение самодержавия и введение представительного образа правления. Они показали, что решение этой задачи даст возможность покончить с крепостническим строем и создать другой, более совершенный строй. Пестель заявлял, что народы России достигнут счастья и благоденствия только при республиканском строе. Это привело декабристов на революционный путь, к созданию тайного революционного общества. Для дворянских революционеров характерно понимание единства политических и экономических целей борьбы.

В своих показаниях на судебном следствии после декабрьского восстания все видные деятели, игравшие руководящую

роль в движении, утверждали, что *главной* целью тайных обществ с самого начала являлось свержение самодержавия и вооруженная борьба за конституцию.

Свержение самодержавия являлось общей политической целью Северного и Южного обществ; различие направлений в среде декабристов состояло в том, что одни из них считали необходимым установление конституционной монархии, другие — республики. К моменту восстания значительная часть декабристов не только в Южном, но и в Северном обществе отдавала предпочтение республике. Конечно, это существенные различия, но и борьба за конституционную монархию имела прогрессивное значение, так как в условиях конституционной монархии было бы легче вести борьбу с феодализмом, чем в условиях абсолютизма.

Общественная деятельность декабристов отличалась высокой идейностью и целеустремленностью. Ради своих высоких идеалов они готовы были на самопожертвование.

Рылеев своей высокопатриотической поэзией воспитывал в молодежи любовь к родине. Призывая жизнь свою не щадить для блага родины, он высказывал презрение к тем, кто не думает о судьбах родины, «позорит гражданина сан», кто «в постыдной праздности влачит свой век молодой», не готовится для борьбы против угнетения свободы человека.

В поэме «Наливайко», посвященной руководителю народного движения Украины против крымских татар, гетману Наливайко, Рылеев писал:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа,—
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю...¹

Политические и социально-экономические требования декабристов по своему объективному содержанию были буржуазными. Борьба против отжившего политического и экономического строя России объективно вела к буржуазной революции, к буржуазному строю, хотя сами декабристы этого не сознавали. Но субъективно декабристы не были идеологами русской буржуазии, да и купечество в России еще не созрело как класс буржуазии. В свое время М. Н. Покровский утверждал, что декабристы являлись представителями промышленного капитала, и о них он писал в разделе «Революционная

¹ К. Ф. Рылеев, Стихотворения. Библиотека поэта, малая серия, изд. 2, М. 1947, стр. 248.

буржуазия»¹. Но это утверждение неправильно и связано с его концепцией торгового капитализма. В России тогда не было революционной буржуазии, которая уже созрела как класс, осознавала свои классовые интересы и была бы готова на революционные действия против феодализма.

Конечно, буржуазная революция выражает потребности развития капитализма в стране; она отвечала бы правильно понятым интересам нарождающейся русской буржуазии из среды купечества и крестьян, интересам обуржуазившихся дворян и, наконец, интересам широкой массы крестьянства, создала бы благоприятные условия для развития производительных сил на буржуазных началах. Дворянская революционность включала защиту в известных рамках интересов крестьянства — самого многочисленного феодального класса, выносившего на себе тяжелый гнет самодержавия, помещиков и всего крепостнического строя. Но субъективно декабристы не были идеологами крестьянства; дворянские революционеры придавали своим буржуазным требованиям и идеям форму всеобщности, как это бывало в период буржуазных революций в Западной Европе. Они стремились к обеспечению наиболее благоприятных условий развития производительных сил всего народного хозяйства. Декабристы понимали, что основы крепостнической системы хозяйства в России уже отжили свое время и не соответствовали задачам прогресса, что дальнейшее сохранение этих основ усугубит экономическую отсталость России от наиболее передовых стран Западной Европы.

Декабристы резко критиковали крепостнический строй. Они видели, что преодоление отсталости страны возможно только при условии перехода ее к новой экономической системе, основанной на личной и хозяйственной свободе, на частной собственности и вольнонаемном труде.

Декабристы считали свободу главным условием развития промышленности. Они были против казенных и частных монополий, против цехов и гильдий.

Декабристы считали, что вместе с ликвидацией крепостного права должны отпасть сословные преимущества дворян и ограничения для крестьян в отношении права собственности. Они провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной, имея при этом в виду частную собственность в ее буржуазной форме. Не все декабристы были сторонниками передачи в собственность освобождаемым крестьянам их наделной земли. Например, Н. Муравьев, Якушкин и Лунин признавали право собственности крестьян только на их дви-

¹ М. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, 1923, стр. 111—127.

жимое имущество, на усадебную землю, а также право крестьян на приобретение земли в собственность после освобождения. Землю же, обрабатываемую крепостными крестьянами, они объявляли неотъемлемой собственностью помещиков. Упомянутые декабристы были сторонниками безземельного освобождения крестьян. А такое освобождение означало, что при ликвидации личной зависимости отношения между помещиками и крестьянами стали бы носить исключительно экономический характер: отсутствие земли у крестьян принуждало бы их соглашаться на обработку помещичьих земель за получаемую от помещиков в аренду землю или за заработную плату. Это и имели в виду те декабристы, которые настаивали на безземельном освобождении крестьян. Такие отношения стали бы приобретать кабальный характер.

Не трудно видеть, что освобождение без земли не было бы полным освобождением крестьян. И это хорошо понимали наиболее последовательные декабристы. Пестель считал освобождение без земли мнимым освобождением и доказывал необходимость освобождения с землей.

Нельзя согласиться с встречающимися в литературе утверждениями, что большинство декабристов являлось сторонниками безземельного освобождения. Не только в Южном, но и в Северном обществе было немало сторонников освобождения крестьян с землей. Пестель и многие другие декабристы считали, что экономическая отсталость страны может быть ликвидирована на основе не только отмены крепостной зависимости крестьян, но и обязательного предоставления крестьянам земли и свободы хозяйственной деятельности.

Ликвидацию крепостного права декабристы поставили не только теоретически, но и как практическую задачу, они все-сторонне обосновали ее и связали с интересами развития производительных сил. Это составляет большую заслугу декабристов. Все декабристы в своих проектах социально-экономических преобразований считали аграрный вопрос центральным; различие состояло в том, что, например, Н. Тургенев и Н. Муравьев имели в виду значительную часть земли оставить у помещиков, а Пестель половину земли хотел передать крестьянам. Следовательно, они по-разному решали аграрный вопрос, но не отодвигали его на задний план. Н. Тургенев и Н. Муравьев стремились обеспечить в будущем капиталистическое преобразование помещичьего хозяйства; они хотели обеспечить его свободными работниками, оставить землю за помещиками. Пестель же заботился об улучшении благосостояния крестьян и оставлял в стороне вопрос о судьбе помещичьего хозяйства. Спор шел, по существу, о типе будущих буржуазных отношений в сельском хозяйстве России.

Было бы совершенно неправильно сводить значение первого этапа освободительного движения в России только к борьбе за ликвидацию личной зависимости крестьян. Нельзя согласиться с утверждением, что на том историческом этапе борьбы против крепостничества, когда выступали декабристы, главная задача заключалась в борьбе только против личной крепостной зависимости, а борьба за землю для крестьян как главная задача явилась содержанием только следующего, второго этапа. Единый процесс борьбы против крепостничества, за личную свободу и за землю нельзя произвольно делить на два самостоятельных этапа, якобы различных по времени и объекту борьбы.

Теоретическим корнем подобных утверждений служит ошибочное мнение, что личная зависимость крестьян составляет основу феодальных производственных отношений. В действительности же основой феодализма являлась собственность помещиков на землю; производственные отношения феодализма нельзя сводить к внеэкономическому принуждению.

Сведение главной задачи первого этапа освободительного движения только к отмене личной крепостной зависимости крестьян означает на деле стирание различия между дворянскими революционерами и дворянскими либералами, которые тоже выступали иногда за отмену крепостной зависимости крестьян.

* *
*

Декабристы — Пестель, Н. Тургенев, Каховский, Якубович, Штейнгель, Батеньков и др. — уделяли много внимания вопросу о налогах, считали необходимым облегчить налоговую тяжесть крестьян и мещан. В Манифесте Северного общества говорилось о необходимости отмены подушных податей и недоимок по ним. П. Каховский в большом письме от 24 февраля 1826 г. (на имя императора) дал такую итоговую оценку налоговой системы России: «Казна все отымает у граждан, не оставляя им ничего, кроме тягости и нищеты. Жадная, ненасытная, все выгоды присваивает себе»¹. Он ярко показал полную противоположность интересов царской казны, с ее огромными паразитическими расходами, интересам народа.

В вопросе о налогах декабристы сходились на том, что налоги должны платить все и сословный принцип налоговой системы подлежит отмене; налоговая система должна быть основана на поимущественном и подоходном принципе; подушную подать, как пережиток крепостного права, нужно

¹ «Из писем и показаний декабристов», под ред. А. К. Бороздина, Спб. 1906, стр. 10.

отменить. Декабристы решительно высказывались за отмену всякого рода натуральных повинностей, а некоторые и за отмену всех вообще земских повинностей.

В вопросах развития отечественной промышленности и торговли позиция декабристов не была одинаковой. Покровительство земледелию и промышленности предусматривалось уставом Союза благоденствия. В правилах Общества Соединенных славян сказано: «Почитай науки, художества и ремесла. Возвысь даже к ним любовь до энтузиазма...»¹. Декабристы отмечали слабое развитие промышленности в России, и некоторые из них (Пестель, Штейнгель и др.) высказывались в пользу применения покровительственного тарифа; другие же декабристы (например, Н. Тургенев, Н. Бестужев) считали протекционистский тариф вредным.

Считая установление личной свободы и свободы хозяйствования важным условием развития промышленности, декабристы выступали против казенных монополий и вообще казенных предприятий. Некоторые декабристы (Пестель, Н. Тургенев и др.) обращали внимание на необходимость развития сети банков, в первую очередь акционерных, которые обслуживали бы все сословия, оказывали бы содействие развитию сельского хозяйства, промышленности и торговли.

* *
*

Ленин отмечал, что декабристы были страшно далеки от народа; они боялись участия крестьян в революционном восстании. Некоторые декабристы опасались, что, участвуя в восстании, крестьяне добивались бы не только личной свободы, но и земли, потребовали бы передачи им или всей, или по крайней мере той земли, которой они пользовались. Другие декабристы высказывали опасение, что в этих условиях могла бы возникнуть гражданская война между дворянами и крестьянством, а такой войны декабристы не хотели. Боязнь народа объясняется бессилие движения декабристов, несмотря на самопожертвование и высокую идейность его деятелей.

Боязнь народа ясно выражена, например, в показании Бестужева. Он считал нужным «в случае какого-либо переворота, и особенно ежели бы оный начался с низших сословий, быть готовым людям, могущим направить буйное стремление черни, которая никогда не знает сама, чего она хочет, чтобы, действуя совокупными силами и единодушно, остановить могущие

¹ Централархив, «Восстание декабристов». Материалы, Госиздат, т. V, М.—Л. 1926, стр. 12.

от сего произойти неустройства и кровопролитие, как то обыкновенно случается при таковых происшествиях»¹.

Но у разных декабристов степень боязни участия народа в восстании и в перестройке общественной жизни после революционного переворота была неодинакова. У Пестеля эта боязнь проявлялась значительно меньше, чем у С. Трубецкого, Н. Муравьева, Н. Бестужева и некоторых других членов Северного общества.

Пестель — наиболее последовательный из дворянских революционеров — хотел искать поддержки у народа не в период восстания, а после него. С. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, члены Общества Соединенных славян вели агитацию среди солдат, готовили их к восстанию. Боязнь народа определялась тем, что декабристы вышли из среды господствующего класса, а с этим связана их дворянская ограниченность.

Боязнь участия народа предопределила и средство борьбы — военное восстание, в котором руководство принадлежало почти исключительно дворянским офицерам; масса же солдат из крепостных крестьян держалась пассивно.

Своеобразие революционного восстания декабристов состояло в том, что по своему социальному содержанию оно было буржуазным, так как поставленная декабристами цель вела их объективно к буржуазному строю, а по руководящей силе движения, по средствам борьбы оно являлось дворянским. Это своеобразие вскрывает и содержание ленинской характеристики декабристов как дворянских революционеров. Дворянская идеология накладывала свой отпечаток на все движение, в том числе и на экономическую программу движения.

Отрицая крепостнический строй и тем самым признавая необходимость создания условий для буржуазного развития, декабристы не могли полностью преодолеть дворянскую ограниченность собственных взглядов. В их программах находила себе место ориентация на сохранение в большей или меньшей мере помещичьей собственности на землю; отдельные декабристы ориентировались даже на безземельное освобождение крестьян и на признание собственности крестьян только на движимое имущество и на усадебную землю.

Нельзя поэтому признать правильными утверждения некоторых авторов о том, что Н. Тургенев и Н. Муравьев будто бы всецело оставались в рамках буржуазного кругозора, а Пестель стремился преодолеть даже буржуазную ограниченность. Было бы неправильно экономическую программу декабристов и, в частности, их аграрную программу представлять как сознательное преследование корыстных классовых целей, но

¹ «Восстание декабристов». Материалы, т. II, М.—Л. 1926, стр. 71—72

нельзя и отвлекаться от классовой подоплеки их программ. Нельзя забывать, что они воспитывались и жили в дворянской среде. Некоторые экономические вопросы буржуазного переустройства общества декабристы решали по-дворянски. В их экономической программе обнаруживается переплетение буржуазных и дворянских задач и интересов. Но выполнение этих задач даже в тех ограниченных рамках, какие намечались в некоторых проектах декабристов, расчистило бы путь для быстрого развития капитализма.

У различных декабристов дворянская ограниченность проявлялась в разное время в разной степени. В процессе развития движения это привело к созданию двух основных направлений в едином декабристском движении: одно из них более последовательно и решительно выражало дворянскую революционность, другое — обнаруживало умеренность в политической и экономической программе, элементы либерализма здесь проявлялись сильнее. Нельзя игнорировать тот факт, что дворянская революционность не исключает элементов либерализма. Ведь колебания либерального характера имели место даже у Герцена. Либеральные колебания у декабристов обусловлены тем, что они были выходцами из господствующего класса, связанного со старым общественным строем. Но революционность брала у них верх над колебаниями либерального характера. Будучи в ссылке, большинство из них свято хранили верность своим идеалам. У некоторых же декабристов либерализм усиливался, и они отошли от движения; так, например, Н. Тургенев после подавления восстания превратился в типичного либерала, отрекся от революционных целей декабризма.

Типичными представителями первого направления были Пестель, С. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Рылеев, а второго (умеренного) направления — Н. Муравьев, Н. Тургенев, Якушкин. Эти направления не совпадают с делением на Северное и Южное общества; и в Северном обществе и в Южном были представители обоих направлений.

Буржуазные историки изображали декабристское движение только как либеральное, замалчивая его революционный характер. Они подняли на щит Н. Тургенева, представляя его как якобы типичного представителя декабризма, и оставили в тени Пестеля, Рылеева, С. Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина, являвшихся наиболее последовательными дворянскими революционерами.

Пестель был республиканцем, готовился к восстанию против царизма, неуклонно шел по этому пути. Поэтому Николай I видел в нем наиболее опасного врага. Пестель не только воплощал в себе все черты дворянского революционера, но и

стоял на самом левом фланге дворянских революционеров. «Русскую Правду» Пестеля по праву можно признать идейной вершиной, которой достигла дворянская революционность. Пестель был, по существу, вождем декабризма.

В России рассматриваемого времени буржуазную идеологию вырабатывали представители не буржуазии, а дворянства, вышедшие из господствующего класса, заинтересованного в сохранении старого, феодального строя.

Это обусловлено было соотношением общественных сил, классов, незрелостью русской буржуазии, которая еще не приобрела всех политических и экономических качеств, характерных для класса буржуазии; это был еще «класс в себе». Купечество, промышленные предприниматели еще не освободились от сословных предрассудков феодального строя и не противостояли помещикам как класс антагонистический, со своими ясно выраженными и правильно понятыми буржуазными классовыми интересами. Поэтому выработка основных принципов более прогрессивной, буржуазной программы развития выпала на лучшую, наиболее образованную часть дворянства, какой являлись декабристы.

Разложение крепостнической системы хозяйства зашло так далеко, что наиболее дальновидные представители дворян стали понимать гнилость и устарелость этой системы. Развитие и обострение процесса разложения феодального строя привели к дифференциации идеологии. Лучшие люди господствовавшего класса, особенно дворянская молодежь, вынашивали в себе протест против прогнивших основ существовавшего экономического и политического строя. Это была наиболее прогрессивная часть дворянства, составлявшая незначительное меньшинство.

* *
*

Для уяснения сущности движения декабристов важное значение имеет правильное понимание тех факторов, которые влияли на формирование их идеологии.

Экономический строй общества и классовая борьба являются основой общественных идей, теорий, а не наоборот. Возникновение и развитие идеологии декабристов было обусловлено состоянием экономики России того времени и классовой борьбой — общественным бытием. «Я,— говорил Пестель,— никакого лица не могу назвать, кому бы я мог именно приписать внушение мне первых вольнодумных и либеральных мыслей...»¹. На допросе следственной комиссии Пестель показы-

¹ «Восстание декабристов». Материалы, т. IV, стр. 89.

вал, что когда он начал рассуждать о положении в России, то находил много несообразностей. Обратил он внимание на положение народа, на рабство крестьян. Пестель указал также, что чтение политических книг подкрепляло и развивало в нем революционные мысли. Большое значение он придавал беседам с участниками Общества.

Декабрист П. Каховский в записке на имя императора от 19 марта 1826 г. заявил, что причиной заговора было бедствие отечества. Он описывал тяжелое состояние крестьян и мещан, разорительные налоги, упадок торговли. «Император Александр I много нанес нам бедствия, и он, собственно, причина восстания 14 декабря»¹. Декабрист И. Д. Якушкин писал: «В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закосность народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга...»².

В формировании идеологии декабристов исключительно велика была роль Отечественной войны 1812 г. Небывалый до того времени национальный подъем явился переломным моментом в формировании идеологии будущих декабристов. «Мы были дети 1812 г.» — так сами декабристы характеризовали условия возникновения движения. Бестужев утверждал, что, когда Наполеон вторгся в Россию, «народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России... Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в классе народа. «Мы проливали кровь,— говорили они,— а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа»... Луч надежды, что государь император даст конституцию, как он то упомянул при открытии сейма в Варшаве, и попытка некоторых генералов освободить рабов своих еще ласкали многих. Но с 1817 г. все переменялось. Люди, видевшие худое или желавшие лучшего, от множества шпионов принуждены стали разговаривать скрытно, и вот начало тайных обществ...»³. Благородные порывы будущих декабристов подкреплялись огромным патриотическим подъемом широких масс русского народа.

¹ «Из писем и показаний декабристов», под ред. А. К. Бороздина, Спб. 1906, стр. 25.

² «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина», АН СССР, М. 1951, стр. 11.

³ «Из писем и показаний декабристов», под ред. А. К. Бороздина, стр. 35—36.

«Новая Россия начинается с 1812 г.» — так оценил Герцен роль событий Отечественной войны в жизни России, в том числе и в идеологической жизни. Война и связанные с ней глубокие процессы в жизни русского народа породили в передовой части общества сознание необходимости серьезных перемен.

Важным фактором, ускорившим созревание идеологии декабристов, был рост крестьянских волнений в России. Сохранение прежних крепостнических порядков и в то же время рост национального сознания и достоинства, обманутые надежды на улучшения и изменения приводили к росту крестьянских волнений.

На формирование идеологии декабристов оказали влияние и работы Радищева, особенно его книга «Путешествие из Петербурга в Москву». Эту книгу читали многие декабристы: Кюхельбекер, Н. Бестужев, Штейнгель, Н. Тургенев, Рылев и др. В библиотеке Н. Муравьева находились сочинения Радищева, изданные в 1806—1811 гг.

Влияние Радищева на Рылеву огромно. Радищев явился идейным предшественником декабристов. Основные цели Радищева — ликвидация самодержавия и крепостного права — были положены декабристами в основу их программы. Ближе всех к Радищеву по своим взглядам стоял Пестель.

Идеи Радищева являлись вершиной передовой русской революционной мысли конца XVIII — начала XIX в. Его свободолюбивые традиции в литературе продолжала группа поэтов-радищевцев, ранних современников декабристов. Радищев впервые в России провозгласил революционные идеи, когда еще не было освободительного движения. Они были порождены острой классовой борьбой крепостного крестьянства с помещиками.

Таким образом, идеологии декабристов предшествовали свободолюбивые идеи, революционные радищевские традиции, проникавшие в печать в начале XIX в., еще задолго до образования первых тайных обществ. Эти идеи и традиции передавались путем распространения копий нелегальных, запрещенных произведений, путем бесед, а также в результате деятельности легальных обществ, в которых группировалась передовая дворянская молодежь. Известную роль сыграло в формировании мировоззрения декабристов и преподавание в России с начала XIX в. политической экономии и других политических наук.

Прежде всего русские условия — русское общественное бытие и русское идейное наследие — вызвали возникновение и развитие идеологии декабристов. Вместе с тем нельзя изображать декабристов как людей, которые игнорировали литературу, экономические и политические идеи других европейских стран.

Большое значение имело личное ознакомление будущих декабристов с политической жизнью Западной Европы, личное наблюдение буржуазных порядков во время заграничных походов; «они были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн»¹.

Как это видно из опубликованных и архивных материалов, декабристы были хорошо знакомы с современной им западноевропейской политической, экономической, философской литературой. Видные декабристы были всесторонне образованными людьми; они стояли на уровне современной им экономической теории, изучали Смита, Сэя, Сисмонди, физиократов, читали Монтескье, Дестют де Траси, Руссо, Бенжамена Констана и др. Книги некоторых из этих авторов были переведены на русский язык и изданы в России.

Перед Россией открывались пути перехода от феодально-крепостнического строя к буржуазному. В этих путях перехода были общие задачи и цели у России и у тех западноевропейских стран, которые этот переход уже совершили или еще только совершали. Подготовка общества к переходу от феодализма к капитализму и самый переход получили широкое отражение в западноевропейской литературе. Декабристы не могли не интересоваться этой литературой. Они восприняли все лучшее, что создано было человечеством. Чтение западноевропейской литературы расширяло кругозор декабристов, их теоретические знания, укрепляло свободолобивые идеи. Буржуазно-революционные идеи Запада оказали влияние на формирование идеологии декабристов, но последние критически воспринимали прогрессивные идеи Запада, учитывали особенности политического и экономического состояния России.

Декабристы учитывали исторический опыт революционной борьбы европейских народов, учились на этом опыте, изучали их демократические, республиканские конституции. Большое влияние оказала французская буржуазная революция в конце XVIII в., революции в Испании и Италии в 1820 г. Но совершенно неправильно утверждение, будто бы идеи, произведения западноевропейских экономистов явились *решающим* и даже чуть ли не единственным фактором в формировании идеологии декабристов. Так, например, И. Г. Блюмин писал: «Решающее влияние на формирование экономических взглядов декабристов оказал Адам Смит», экономическая концепция декабристов «в основном базировалась на смитовских идеях»².

¹ В. И. Ленин, Доклад о революции 1905 года, Соч., т. 23, стр. 237.

² См. И. Г. Блюмин, Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века, АН СССР, М.—Л, 1940, стр. 53, 200, 214. Не лишне отметить, что до автора указанной работы то же самое утверждали Семеновский, Святловский и ряд других исследователей.

На самом же деле предложения и проекты декабристов явились прежде всего продуктом критического осмысливания ими процесса разложения крепостнического строя в России.

Пестель, например, в отличие от Смита выступал как преобразователь и революционер. Он разрабатывал теорию не в академических целях, не для обслуживания господствующего класса, а ставил ее на службу своим революционным задачам. Поэтому у них не могли быть одинаковыми подход и требования к теории. Пестель тщательно изучал Смита, считая его крупнейшим авторитетом в политической экономии, но не следовал слепо, некритически за ним.

М. Н. Покровский и некоторые другие историки утверждали, будто бы Пестель являлся учеником Сисмонди; критика этого несостоятельного утверждения будет дана в следующей — специальной главе о Пестеле.

Утверждение о том, что влияние западноевропейских идей являлось решающим в формировании идеологии декабристов, покоится на неправильном, идеалистическом представлении, будто бы одни идеи порождают собою другие независимо от материальных условий жизни. Общественное движение декабристов, их идеология и экономические взгляды были порождены условиями общественной жизни России того времени.

Глава восьмая

П. И. ПЕСТЕЛЬ

«Русская Правда» П. И. Пестеля.

Ее исходные положения

авел Иванович Пестель родился 24 июня 1793 г. в Москве. Отец его — дворянин Смоленской губернии — был почт-директором, потом сибирским генерал-губернатором.

До 1805 г. П. И. Пестель воспитывался в доме своего отца, а потом четыре года учился в Дрездене. В 1810 г. он поступил в старший класс пажеского корпуса в Петербурге, где проявил большой интерес к изучению исторических и экономических наук. Он был активным участником Отечественной войны 1812 г.; в сражении при Бородино проявил исключительную храбрость, за что был награжден золотой шпагой.

Пестель явился одним из организаторов первого тайного общества декабристов. Он неоднократно говорил, что любовь к отечеству, стремление к благу для родины руководили им, когда он вступал в тайное общество.

Пестель относился к числу замечательных людей своего времени. Декабристы высоко ценили его ясный ум, большие способности, преданность революционному делу.

Интересное воспоминание о Пестеле оставил А. С. Пушкин: «Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова... Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...»¹.

В показаниях на судебном следствии по делу декабристов Пестель говорил, что он имел особенную «склонность к политическим наукам и много ими занимался»².

В толковании законов природы Пестель склонялся к материализму, а в объяснении явлений общественной жизни он оставался идеалистом. Важно отметить, что в отличие от мно-

¹ А. С. Пушкин, Дневники, 1821, 9 апреля, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VIII, АН СССР, М.—Л. 1949, стр. 17.

² «Восстание декабристов». Материалы, т. IV, М.—Л. 1927, стр. 86.

гих других декабристов Пестель видел огромное значение классовой борьбы и революционного движения в жизни общества.

Среди декабристов Пестель был наиболее активным, убежденным представителем революционного и республиканского образа мысли. Он очень интересовался революционными событиями конца XVIII и начала XIX в., изучал и обобщал революционный опыт народов Западной Европы. На формирование революционных взглядов Пестеля особенно большое влияние оказала французская революция конца XVIII в., испанская, неаполитанская и португальская революции, а также восстание в Греции в начале XIX в. События 1812—1815 гг., заявлял Пестель следственной комиссии, равно как предшествовавших и последовавших времен, показали «столько престолов низверженных...», «столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оные производить. К тому же имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями». В таких условиях дух преобразований заставляет «...езде умы клекотать»¹.

Все это показывает революционный подход Пестеля к оценке европейских событий того времени, зрелость политических взглядов, широкий кругозор крупного общественного деятеля, идейную целеустремленность. Ни у кого из декабристов так рельефно и зрело не проявлялось революционное мировоззрение и убежденность в необходимости революционного действия, как у Пестеля. Он подчеркивал, что «главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между *Массами народными* и *Аристокрациями* всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанными»². Под «аристокрациями», основанными на богатстве, он подразумевал крупную буржуазию, а под «аристокрациями», основанными на правах наследственных, — крупных дворян, вельмож.

Суждения по вопросу о том, какая форма государственного правления — конституционная монархия или республика — применима в России, имели место в тайном обществе уже в 1817—1819 гг. Революционные и республиканские мысли стали возникать у Пестеля примерно с 1817 г.³

В литературе высказывалось мнение, что Пестель сначала склонялся к конституционной монархии и только позже стал республиканцем. Сам Пестель в своих показаниях говорил, что

¹ «Восстание декабристов». Материалы, т. IV, стр. 105.

² Там же, стр. 91. Курсив мой. — Ф. М.

³ См. «Записки князя С. П. Трубецкого», Спб. 1906, стр. 13; «Восстание декабристов». Материалы, т. IV, стр. 90, 101.

та и другая мысль возникли у него одновременно. Возможно, что согласие Пестеля на конституционную монархию, выраженное в сокращенном варианте конституции 1820 г., явилось только тактической уступкой Пестеля большинству членов тайного общества, тогда еще не разделявших его республиканских взглядов.

В испанской, португальской и неаполитанской революциях Пестель находил «неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций...»¹. Он критически относился к буржуазным конституциям, считал, что «во Франции и Англии конституции суть одни только покрывала никак не воспрещающие Министерству в Англии и королю в Франции делать все что они пожелают...»².

В начале 1820 г. Пестель уже делал доклад на собрании тайного общества в Петербурге о преимуществах республиканского образа правления. Это значит, что у Пестеля задолго до составления «Русской Правды» возник и укреплялся революционный и республиканский образ мыслей. Среди декабристов он выступал как теоретик, активный защитник и пропагандист революции и республики.

Пестель написал «Русскую Правду» — замечательный документ декабристского движения³, в котором он обосновал необходимость коренного революционного преобразования государственного устройства и народного хозяйства России. Пестель решительно требовал ликвидации самодержавия и крепостничества, установления республиканского строя. «Русская Правда» явилась в руках Николая I главной уликой против Пестеля. Царь считал Пестеля самым опасным «злодеем», причем «без малейшей тени раскаяния». Имя Пестеля стояло первым среди тех декабристов, которые были приговорены к казни, хотя он непосредственно и не участвовал в восстании 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади.

«Русская Правда» Пестеля являлась первым в истории освободительного движения в России проектом, намечавшим осуществление республики. Пестель и некоторые декабристы считали «Русскую Правду» конституцией, хотя она похожа по своему содержанию на программу. Это был план и обоснование коренных преобразований политического и экономического строя России, план «народного возрождения». «Русская Правда» содержит в себе, по выражению самого Пестеля, «корен-

¹ «Восстание декабристов». Материалы, т. IV, стр. 91.

² Там же.

³ Полное название этого произведения: «Русская Правда или Заповедная Государственная грамота великого народа российскийского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного Верховного правления».

ные правила», или начала, этих преобразований, основы того нового строя, который должен прийти на смену крепостничеству, меры, которые должны были обеспечить переход к новым порядкам. Этот программный документ с достаточной полнотой отражает экономические взгляды не только самого Пестеля, но и его единомышленников.

«Русская Правда» не была закончена; из 10 глав, которые по замыслу Пестеля должны были составить этот документ, до нас дошли только 5 глав и часть материалов, написанных в течение ряда лет до начала 1823 г.¹ «Русская Правда» характеризует тот весьма высокий уровень идейно-политического сознания, на который поднялось декабристское движение.

Какие же «коренные правила» были положены Пестелем в основу преобразования государственного и экономического строя России?

Во введении к «Русской Правде» изложены общие понятия об основах нового общественного устройства России. В качестве центрального пункта выдвинуто положение о необходимости обеспечить благоденствие народа. В благоденствии Пестель видел две стороны — безопасность и благосостояние; главным свойством благосостояния он считал приобретение; поэтому благосостояние характеризуется Пестелем как богатство народа.

¹ Не исключена возможность, что часть «Русской Правды» и материалов к ней была уничтожена Пестелем до ареста; в своих показаниях он говорил, что часть важных бумаг им уничтожена.

Впервые «Русская Правда» была опубликована с наибольшей полнотой в 1906 г. При сверке нами книги с архивным подлинником «Русской Правды» выяснилось, что в это издание не включены материалы, представляющие ранние взгляды Пестеля, не включен также очень важный материал под названием «Дележ земель», где изложены основные принципы конфискации и отчуждения земель у помещиков для составления фонда общественной земли, и ряд других материалов. Кроме того, в изданной книге пропущены целые фразы и отдельные слова; имеется немало случаев, когда слова подлинника заменены при издании другими словами, что приводит к искажению смысла; допущены и другие неточности. Особенно много недостатков имеется в тексте IV и V глав.

В дальнейшем в тех случаях, когда текст этой книги совпадает с подлинником «Русской Правды», который находится в ЦГИА в Москве (ф. Декабристов, д. 10). «Русская Правда» будет цитироваться по книге; в тех же случаях, когда текст книги не совпадает с подлинником, цитаты будут нами приводиться по архивному подлиннику.

Значительная часть текста «Русской Правды» Пестеля вторично опубликована в 1951 г. в издании кафедры истории русской философии МГУ: «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II, Госполитиздат, 1951 г. К сожалению, редакторы сборника изъяли из публикации ряд важных параграфов из главы пятой текста, относящихся к вопросу о казенных повинностях, о промышленности, о страховых и банковских учреждениях. Некоторые искажения текста подлинника «Русской Правды», допущенные в издании 1906 г., в сборнике МГУ воспроизведены, а некоторые исправлены.

В своем толковании благосостояния Пестель исходил из естественных законов и из учения о естественном праве, но то и другое он понимал иначе, чем некоторые его предшественники и многие современники. Известно, например, что в свое время князь Щербатов естественным правом оправдывал существование крепостного права в России. Радищев, а позже Пестель и другие декабристы восприняли теорию естественного права в наиболее прогрессивном ее направлении. Исходя из учения о естественном праве, Пестель считал, что политические законы должны основываться на естественных законах. Естественное право Пестель связывал с политической экономией, как это делал и его современник — профессор А. Куницын.

Достижение благоденствия народа провозглашалось целью всех декабристов, о чем свидетельствует и само название тайного общества — *Союз благоденствия*. «Никакая частная цель не может быть справедлива, ежели не согласна с целью блага общего»¹, — говорилось в уставе этого общества. Согласно уставу общества члены четвертой отрасли (общественное хозяйство) должны заниматься «...изысканием непреложных прав общественного богатства...»².

Конкретные предложения Союза благоденствия, направленные на обеспечение «общего блага», были очень ограничены. Общество собиралось лишь склонить помещиков к хорошему обращению с крестьянами, к прекращению продажи крепостных людей в рекруты, прекращению продажи крепостных крестьян поодиночке, так как «люди не суть товар»³. Сохранившаяся первая часть устава не шла дальше этих малозначащих предложений. По-видимому, во второй части устава, известной не всем членам общества, было более существенное предложение — добиваться освобождения крестьян от крепостной зависимости. Некоторые декабристы отмечали в своих показаниях и мемуарах, что эта цель была основной и исходной социально-экономической целью обоих тайных обществ.

Пестель не ограничился таким толкованием благоденствия. Благоденствием *общественным*, писал он, следует считать «...благоденствие совокупности народа»; истинной целью государственного устройства должно быть «...возможно большее

¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I, Госполитиздат, 1951, стр. 239. Борисов 2-й — основатель Славянского союза — в своем показании говорил: «Общее благо есть верховный закон» (см. «Восстание декабристов», т. V, стр. 22).

² «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, стр. 274.

³ Там же, стр. 273.

благоденствие многочисленнейшего числа людей в государстве»¹.

В написанном на французском языке «Кратком умозрительном обозрении государственного управления (сочинение русского гусара)», имеющем непосредственное отношение к подготовке «Русской Правды», Пестель дал развернутое изложение своих мыслей о благосостоянии народа. Общество, писал он, достигает истинных целей тогда, когда вся масса народа обладает умеренным и достаточным состоянием, когда большое число людей пользуется благами зажиточного существования. Он хотел добиться уменьшения огромного имущественного неравенства между сословиями России.

Пестель критиковал распространенное среди буржуазных экономистов мнение, будто бы крупные состояния, сосредоточенные в немногих руках, являются признаком народного богатства. Вместе с тем он считал, что богатые и бедные будут существовать всегда; он не надеялся на то, что можно полностью устранить значительные различия в имущественном состоянии.

В вопросе о соотношении общего и личного благосостояния позиция Пестеля была иною, чем у А. Смита. И тот и другой выводили экономические явления и цели из природы человека, но для концепции А. Смита характерен индивидуализм, на первом плане у него личные интересы индивида; Пестель же считал, что на первом плане должно быть благосостояние всего общества.

«Благоденствие общественное должно считаться важнее благоденствия частного, и, ежели оные находятся в противуборстве, то первое должно получать перевес»².

Пестель на первый план выдвигал общественную собственность, а у Смита для этой формы собственности совсем нет места. Пестель, признавая свободу хозяйственной деятельности, не придавал принципу *laissez faire* того решающего значения, какое он имеет в системе Смита. Пестель исходил из интересов трудящихся, хотел бороться с нищетой, у Смита же такой цели не было.

Мысль Пестеля о необходимости поднять благосостояние народа, как о важнейшей задаче преобразования страны, сложилась в результате глубокого изучения им положения крестьянства России, а также рабочего класса Англии и Франции.

Рост нищеты крестьянства привлекал внимание Радищева и многих декабристов. Причину нищеты русского народа Пестель видел в существовании крепостного права. Он считал,

¹ П. И. Пестель, Русская Правда, Спб. 1906, стр. 5. Курсив мой.— Ф. М.

² Там же. Курсив мой.— Ф. М.

что не может быть благосостояния народа до тех пор, пока существует привилегированное сословие дворян, которые безжалостно эксплуатируют крестьян.

В 1820 г. в «Кратком умозрительном обозрении»¹ Пестель сурово обличал алчность европейской феодальной аристократии. Феодализм он рассматривал как эпоху расцвета знати, а феодалов называл «титулованными разбойниками», которые безнаказанно душили и грабили народ.

Пестель осуждал русских дворян, закосневших в своих предрассудках, ненавидевших народ и думающих, что «вся Россия для них одних существует...»². Резко критикуя царское правительство за сохранение таких порядков, при которых народ испытывал тяжелое угнетение, Пестель заявлял: «Довольно долго существовала возможность для некоторых угнетать всех прочих; пора теперь положить решительный конец сему гнусному и неистовому распорядку вещей»³.

Разделение народа на привилегированные и угнетенные классы Пестель связывал прежде всего с феодальной системой; в феодализме он видел ярко выраженное сословное общество⁴. Связывая угнетение народа, все его бедствия и нищету с разделением общества на сословия, он хотел не только уничтожить в России феодальные сословия, но и предупредить возникновение «аристократии», основанной на богатстве, т. е. крупной буржуазии.

Пестель с опасением заглядывал в будущее своей родины; он знал из истории других стран, что на смену дворянству приходит крупная буржуазия, которая захватывает в свои руки политическое и экономическое господство в обществе. Крупную буржуазию Пестель называл самым безрассудным, зловредным и бесчеловечным сословием, которое «...до чрезвычайности умножает число бедных и нищих». Используя свое богатство, она, писал Пестель, приводит весь народ «в совершенную от себя зависимость». Существование буржуазной аристократии он находил даже более опасным и вредным для общества, чем существование дворянства.

¹ Это была первая дошедшая до нас работа Пестеля. До последнего времени многие авторы статей и книг о декабристах считают первой работой Пестеля «Практические начала политической экономии». Изучение архивных материалов и научной литературы того времени обнаруживает несостоятельность такого мнения. На это обстоятельство обращено внимание в статьях Ф. Морозова (см. «Советская книга» № 3, 1950 г.) и Б. Сыроечковского («Ученые записки МГУ», кафедра истории СССР, вып. 167, 1954 г.).

² П. И. Пестель, Русская Правда, стр. 71.

³ Там же, стр. 70—71.

⁴ Слова «класс» и «сословие» Пестель употреблял как синонимы, не проводя строгого различия между ними.

П. И. ПЕСТЕЛЬ

Ликвидации сословий Пестель придавал большое значение в решении задач экономического и политического развития страны. Будущее государство представлялось Пестелю надклассовой организацией, которая обязана защищать бедных от притязаний и власти богатых.

Пестель хотел ликвидировать сословия без народной революции, без участия народа. Это была одна из иллюзий Пестеля. Иллюзорной являлась также его надежда, что возникновение и развитие буржуазии можно устранить путем изменения налоговой системы.

Поэтому совершенно неосновательно утверждение М. Н. Покровского, что Пестель будто бы отдавал государство «под опеку дворян и богатых» и что ограждение помещичьих интересов у Пестеля стояло на первом плане.

Указывая, что сословия порождают вражду, Пестель оправдывал борьбу народных масс против дворян и крупной буржуазии. Все народы с «...пламенным желанием стремятся к установлению представительного порядка и к избавлению себя от нетерпимого ига аристократов и богатых.— Действие народов, в сем случае, есть действие оборонительное, ибо они не налагают ига на аристократов и богатых, но только себя от их ига избавить хотят»¹.

В прямую связь с ликвидацией сословий и их привилегий Пестель ставил вопрос об обеспечении равенства всех граждан перед законом, а равенство он рассматривал как «...первейшее, главнейшее и прочнейшее основание государственного благоденствия»².

Он резко осуждал общественный порядок, при котором аристократия и буржуазия отстраняют народ от участия в государственном управлении, а буржуазия для обеспечения своего влияния на государственные дела использует свое богатство. Он возражал против установления имущественного ценза при определении избирательных прав.

Пестель понимал равенство не только в смысле равенства всех перед законом; этот принцип он хотел распространить и на хозяйственную деятельность. «Все люди в государстве,— писал он,— имеют одинаковое право на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тягости»³. Пестель полагал, что уничтожения сословий и осуществления равенства можно добиться только в условиях республики. Идея равенства — самая революционная идея в борьбе со старым порядком крепостничества и абсолютизма.

¹ П. И. Пестель, Русская Правда, стр. 212—213.

² Там же, стр. 70.

³ Там же, стр. 60.

Это борьба против крепостнического рабства, против бесправия народа в абсолютистском дворянском государстве.

Пестель думал, что благосостояние народа может быть обеспечено лишь при условии, если трудящийся будет располагать свободой труда, если каждый будет иметь возможность трудиться на себя.

Из его понимания общественного благосостояния вытекала борьба за личную свободу и свободу экономической деятельности крестьян, за установление равенства граждан. Он настойчиво доказывал необходимость покончить с крепостным правом в России.

Владение крепостными крестьянами Пестель считал позорным делом. «Обладать другими людьми, как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать людей на подобие вещей, употреблять их по собственному своему произволу без предварительного с ними соглашения и единственно для собственной своей прибыли, выгоды, а иногда и прихоти, есть дело постыдное, противное человечеству, противное законам естественным...». И потому «рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми»¹.

Уничтожение крепостного состояния Пестель возлагал на временное Верховное правление, считая это дело «священнейшей и непеременимой его обязанностью», причем Верховное правление должно выполнить это «...в скорейшем времени, решительнейшими и действительнейшими мероприятиями»².

Пестель высказывал предположение, что среди дворян не найдется людей, которые не будут содействовать уничтожению крепостного права; но, писал он далее, «...ежели бы паче всякого чаяния нашелся изверг, который бы словом или делом вздумал сему действию противиться или оное осуждать, то временное Верховное правление обязывается всякого такого злодея безъизъятно немедленно взять под стражу и подвергнуть его строжайшему наказанию, яко врага отечества и изменника противу первоначального коренного права гражданского»³.

Никто из декабристов, кроме Пестеля, не предлагал таких решительных и крутых мер в борьбе за ликвидацию крепостного права. Некоторые декабристы считали необходимым убеждать помещиков в целесообразности освобождения крестьян и самое освобождение ставили в зависимость от согласия помещиков. Пестель же хотел отменить крепостное право независимо от

¹ П. И. Пестель, Русская Правда, стр. 66.

² Там же.

³ Там же.

согласия помещиков. Первоначально и он полагал, что нужно убеждать дворян, но потом пришел к выводу, что склонить дворян к освобождению своих крестьян не удастся. Согласие Пестеля на то, чтобы получать от дворянских собраний проекты освобождения крестьян, можно рассматривать лишь как уступку большинству декабристов. Кроме того, по мнению Пестеля, эти проекты должны обязательно удовлетворять трем правилам освобождения крестьян, которыми следовало руководствоваться и Верховному правлению.

Одно из этих правил гласит: освобождение крестьян должно действительно улучшить их положение, а не мнимую свободу им даровать. Под мнимой свободой Пестель подразумевал освобождение крестьян без земли, такую свободу, какая была предоставлена латышским крестьянам, очутившимся в состоянии даже худшем, нежели русские крестьяне. Освобождение крестьян с землей Пестель признавал важнейшим условием обеспечения общественного благосостояния.

При безземельном освобождении или освобождении с минимальным клочком земли (как намечали Н. Тургенев и Н. Муравьев) была бы не только сохранена, но и усилена экономическая зависимость крестьян от помещика. Получив личную свободу, крестьяне были бы вынуждены или арендовать недостающую им землю у помещика на выгодных для последнего условиях, или наниматься к помещику в батраки. Это и наблюдал Пестель в бытность свою в Прибалтийском крае.

Другое «правило» освобождения крестьян, сформулированное Пестелем, состояло в том, что освобождение не должно вести к волнениям и беспорядкам, для чего Верховное правление обязывалось «беспощадную строгость употреблять противу всяких нарушителей общего спокойствия»¹.

Это «правило» обычно рассматривают как меру, направленную против крестьян. С этим нельзя согласиться. В главе IV «Русской Правды» в связи с вопросом о выборах Пестель писал: «Что же касается опасения, чтобы так называемая чернь не волновала государства, когда в выборах участвовать она будет, то опасение сие совершенно лишнее и напрасное. Чернь производит беспорядки тогда, когда ее угнетают, или когда богатые для своих видов ее подкупают и волнуют; сама же пребывает она всегда в спокойствии. Все летописи свидетельствуют о том, что волнения в государствах никогда не были чернью производимы, но всегда богачами и аристократами»².

¹ Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. Декабристов, д. 10 (подлинная рукопись «Русской Правды»), л. 42.

² П. И. Пестель, Русская Правда, стр. 217—218.

Из этих слов следует, что Пестель, говоря о необходимости употреблять беспощадную строгость против нарушителей общего спокойствия, имел в виду помещиков, а не крестьян.

Таким образом, для обеспечения благосостояния народа Пестель считал необходимым осуществить целую систему политических и экономических мероприятий. К политическим мероприятиям относились прежде всего ликвидация самодержавия и установление республиканского образа правления, отмена сословий и их привилегий, обеспечение личной свободы и равенства для всех граждан. К социально-экономическим же мероприятиям он относил ликвидацию крепостного права, экономической зависимости трудящихся от помещиков и буржуазии и обеспечение свободы экономической деятельности для всех граждан. Объективно — это была политическая и экономическая программа буржуазной революции демократического характера.

Стремление Пестеля к обеспечению экономической независимости трудящихся в будущем, т. е. по существу в буржуазном обществе, не только от помещиков, но и от буржуазии было утопическим.

Большой интерес представляет и вопрос о том, какую роль отводил Пестель государству в обеспечении общественного благосостояния. Он полагал, что государство в этом деле должно играть самую активную роль. В «Кратком умозрительном обозрении» Пестель предусматривал активное участие правительства в повышении благосостояния народа. Он призывал правительство к защите бедняков, предполагая, что господствующие классы будут активно сопротивляться осуществлению условий, необходимых для обеспечения благосостояния народа, будут активно защищать свои классовые интересы. Он писал: «Я очень хорошо знаю, что все аристократы, как титулованные, так и денежные, восстанут против этих принципов»¹.

Пестель считал, что Временное правительство будет обязано доставлять «благоденствие всем и каждому», а народ имеет право требовать от правительства, чтобы оно стремилось к общественному благосостоянию и в соответствии с этим издавало законы, устанавливало равенство всех перед законом. Не народ существует для блага правительства, а «правительство существует для блага народа»².

¹ Цит. по книге В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов», Спб. 1909, стр. 630. Речь шла о принципах, изложенных в «Обозрении»: защита бедных от произвола богатых, необходимость устранить источник зла, состоящий в том, что бедняк располагает только своим трудом и не имеет никаких средств производства, а у богатых сосредоточены все капиталы.

² П. И. Пестель, Русская Правда, стр. 6.

Ставя такие обязанности перед правительством, Пестель имел в виду республиканскую форму государственной власти. Важным условием достижения общественного благосостояния он считал ликвидацию самодержавия.

Аграрный проект П. И. Пестеля

В системе революционных преобразований, намечавшихся Пестелем, его аграрный проект занимал одно из важнейших мест.

Как уже было сказано, Пестель считал, что личную свободу крестьян обязательно надо дополнить экономической независимостью каждого гражданина. Он исходил из того, что личная свобода без земли обуславливает обязательное существование наемного труда, а наемный труд не может обеспечить людям благосостояния и ведет к нищете, бедности.

Пестель делал вывод, что государство обязано уничтожить бедность. Что же нужно сделать для этого? По мнению Пестеля, каждому трудящемуся нужно предоставить возможность самому пользоваться землей, не ставя его в зависимость от других. Это освободит трудящихся от необходимости уступать значительную часть своего продукта и труда в пользу богатых.

В развернутом виде Пестель изложил свой аграрный проект в «Русской Правде». Но есть основания полагать, что наброски этого проекта были у Пестеля уже в 1820 г. Н. Муравьев в своих показаниях сообщал, что ему известна конституция Пестеля, «...только весьма сокращенная писанная им на французском языке еще в 20 году»¹. В ней, по словам Н. Муравьева, предусматривалось, что «все помещичьи крестьяне освобождались и получали в общественное владение половину земель владельцев...»²

Пестель исходил из того, что земледелие, особенно в России, является главным занятием народа и поэтому главным источником богатства народа. В земле и земледелии он видел вернейший способ и важнейшее условие для обеспечения общественного благосостояния, т. е. благосостояния народа, для борьбы с бедностью. Надо дать каждому необходимый участок земли — таков вывод Пестеля.

¹ «Восстание декабристов». Материалы, т. I, М.—Л. 1925, стр. 302.

² Там же. Курсив мой.— Ф. М. Остальная часть содержания этого сокращенного варианта конституции Пестеля в изложении Н. Муравьева в значительной части совпадает с содержанием позднейшего документа, появившегося в 1825 г., — «Конституция. Государственный завет».

Но тут перед ним возникал вопрос: как же обеспечить каждому гражданину всегда, при любых условиях возможность пользоваться участком земли, чтобы он не ставил себя в зависимость от других?

Этому требованию, по мнению Пестеля, могла бы соответствовать только общественная собственность граждан на землю. Именно она может обеспечить равное право каждого на землю. На общественную землю он смотрел как на гарантию того, что трудящийся всегда найдет применение своему труду и пропитание себе и своей семье. Общественный фонд земли можно сохранить в стабильном состоянии, запретив продажу и залог земель из этого фонда. Пользование землей из общественного фонда нужно сделать бесплатным, чтобы обеспечить всем и каждому возможность пользования этой землей.

Каждому жителю города и деревни должно быть предоставлено равное право пользоваться земельным участком, включая и тех, кто надумал бы впервые иметь свое хозяйство на земле. Пестель хотел устранить все помехи, которые стояли на пути развития крестьянского хозяйства.

Этим требованиям не отвечала частная собственность на землю. При раздаче всей земли в частную собственность каждый вновь желающий заниматься земледелием должен будет обращаться к тем, кто является частным собственником земли, вынужден будет купить или арендовать эту землю за определенную плату или за отработки и таким образом ставить себя в зависимость от другого. Кроме того, переданную крестьянам в частную собственность землю помещики могли бы скупать.

Исходя из этих соображений, Пестель считал, что необходимо узаконить создание новой формы собственности на землю — общественной собственности. Он ссылаясь на различные, известные в то время рассуждения о формах собственности на землю. Эти рассуждения он сводил к двум главным мнениям.

Первое из них Пестель излагал так: человек только на земле может жить и лишь от нее получать все то, что необходимо для пищи человека; отсюда вывод — земля должна быть общей собственностью всего рода человеческого, а не частных лиц и потому не может быть разделена только между ограниченным количеством людей. Говоря о первом мнении, Пестель, по-видимому, имел в виду высказывания некоторых социалистов-утопистов, которые возражали против существования частной собственности вообще и на землю в особенности.

Второе мнение сводилось в изложении Пестеля к тому, что «труды и работы суть источники собственности»; поэтому, кто землю удобрял, обрабатывал, делал ее пригодной к плодородию, тому она и должна принадлежать. При этом следует

учитывать, что процветание земледелия требует многих затрат, которые охотнее вкладываются в землю, если она является собственностью того, кто может сделать эти затраты; отсюда вывод — земля должна быть собственностью немногочисленного слоя людей.

Пестель полагал, что в обоих этих мнениях есть правильное и неправильное, так как оба мнения «...заключения свои до крайности доводят». Он считал целесообразным *сосуществование* обеих форм — и общественной и частной собственности на землю.

Каким же образом, за счет каких земель предлагал Пестель создать общественный фонд земли? Он считал, что в каждой волости всю землю независимо от ее принадлежности следует разделить на две равные части; одна половина земли должна входить в общественный фонд волости, а другая — составлять частную собственность различных владельцев, находящихся в данной волости.

Пестель полагал, что половины всей земли, находящейся в государстве, достаточно для того, чтобы обеспечить всем жителям необходимые средства существования и благосостояние.

Главной массой земли в России того времени владели помещики и казна, следовательно, эти земли и должны стать основным источником для создания общественного фонда земли. Условия отчуждения этой земли у помещиков и казны изложены Пестелем в «Русской Правде» и в сохранившемся в архиве наброске под названием «Дележ земель»¹.

Для создания общественного фонда земли Пестель предлагал отобрать у помещиков в каждой волости половину их земли в пользу крестьян на определенных условиях. У наиболее крупных помещиков, владеющих 10 тыс. десятин земли и более, половина земли должна отбираться безвозмездно, т. е. конфисковаться.

Если у помещика было от 5 тыс. до 9 тыс. десятин, то половина земли должна отбираться с последующим возмещением за счет казенных земель или деньгами за счет казны. Это возмещение не во всех случаях должно быть полным и одинаковым; чем больше земли у помещика, тем меньше должно быть возмещение.

Компенсация за отчужденную землю деньгами открывала бы помещикам возможность получения денежных средств для ведения своего хозяйства на капиталистических началах.

---

¹ В том же архивном деле, в котором хранится подлинник «Русской Правды», находится и этот набросок, имеющий непосредственное отношение к «Русской Правде»; заключенные в наброске положения декабристам были известны.

Более наглядно размеры возмещения видны из таблицы, которую составил Пестель в наброске «Дележ земли»¹.

Количество душ крест. у помещика	Число десятин земли на душу	Количество всей земли у помещ. (в десятинах)	Половина земли, которая остается у помещика	Половина пом. земли, которая должна остаться в обществ. фонд	Количество земли (в десятинах), которое должно добавляться помещ. взамен отчужд.	Общее количество земли, которое должно оставаться у помещ. после отчуждения
1000	9	9000	4500	4500	500	5000
1000	8	8000	4000	4000	1000	5000
1000	7	7000	3500	3500	1500	5000
1000	6	6000	3000	3000	2000	5000
1000	5	5000	2500	2500	2500	5000
1000	4	4000	2000	2000	2000	4000
1000	3	3000	1500	1500	1500	3000
1000	2	2000	1000	1000	1000	2000
1000	1	1000	500	500	500	1000

Из этой таблицы видно, что у крупных помещиков оставались бы по-прежнему в собственности огромные земельные массивы, а у средних и мелких помещиков полностью сохранились бы земельные владения. Пестель не устанавливал пределов для помещичьего землевладения.

Аграрный проект Пестеля имел, несомненно, большое прогрессивное значение. Он был направлен на *уменьшение* земли в руках крупнейших феодалов и на обеспечение земель крестьян для свободного землепользования. Вместе с тем в проектируемом сохранении значительного количества земли у помещиков проявилась дворянская ограниченность Пестеля.

Многие декабристы, особенно из Северного общества, решительно возражали против намечавшегося аграрным проектом Пестеля раздела земли между помещиками и крестьянами. Пестель хотел ликвидировать не только внеэкономическое принуждение (прежде всего крепостную зависимость крестьян), но и экономическую зависимость крестьян от помещиков, зависимость по земле. Некоторые же декабристы, считая необходимым отменить крепостное право, вместе с тем хотели сохранить экономическую зависимость крестьян от помещиков путем безземельного освобождения или освобождения с мизерным наделом земли. Эта экономическая зависимость обеспечила бы и в дальнейшем сохранение эксплуатации крестьян,

¹ ЦГИАМ. ф. Декабристов, д. 10 (подлинная рукопись «Русской Правды»), л. 230.

присвоение их прибавочного продукта помещиками, обеспечение помещичьего хозяйства рабочей силой.

Именно такие намерения лежали в основе проектов Н. Тургенева, Н. Муравьева и их сторонников. Пестель же в своем варианте аграрного проекта стремился порвать нити, непосредственно связывавшие крестьянина с помещиком по земле.

В отношении казенных крестьян Пестель считал целесообразным установить такой порядок, при котором крестьяне продолжали бы по-прежнему обрабатывать свои общественные и казенные земли и платить казне тот же оброк, что и раньше. Такой порядок должен, по предложению Пестеля, продолжаться 10—15 лет, хотя Пестель допускал возможность и сокращения этого срока. После указанного срока казенные крестьяне уже не были бы обязаны платить оброк за общественную землю, казенные же земли они могли по своему желанию покупать или брать в аренду как частновладельческие.

Такой же порядок предусматривался Пестелем и в отношении помещичьих крестьян. Следовательно, по смыслу рассуждений Пестеля все крестьяне должны немедленно получить личную свободу, а позже, через 10—15 лет, должны быть освобождены и от экономических обязательств — платы за пользование общественной землей. По истечении указанного срока пользование общественной землей предполагалось бесплатным.

Этот переходный период, как называл его сам Пестель, предназначался для того, чтобы новый порядок был введен и упрочен, а вместе с тем чтобы казна, соответственно и помещики могли бы приспособиться к новым условиям, найти другие источники и способы получения доходов вместо оброков.

В отношении помещичьих крестьян Пестель предполагал на переходный период определить законодательным путем во избежание произвола помещиков взаимные отношения крестьян и помещиков, их обязанности и права.

В числе правил, которыми, по мысли Пестеля, должно руководствоваться Верховное правление при освобождении крестьян, предусматривалось также и то, что дворяне не должны лишаться дохода, получаемого ими от своих поместий. Можно предполагать, что Пестель имел здесь в виду не временные оброки, а постоянный доход от той земли, которая сохранялась за помещиками.

Пестель прошел мимо вопроса об организации помещичьего хозяйства в новых условиях, о том, как помещики могут сохранить свои доходы, как они будут обеспечивать свое хозяйство рабочей силой после освобождения крестьян с землей. Вопрос о дальнейших судьбах помещичьего хозяйства его, как видно, не интересовал.

Среди декабристов были и такие сторонники наделения крестьян землей, которые считали, что крестьяне должны выкупить у помещиков землю при участии государства.

По мнению Пестеля, отчуждаемую у помещиков землю в пользу крестьян последние не должны были выкупать.

Создание общественного фонда земли Пестель предполагал осуществлять в наибольшей мере за счет казенных земель. В каждой волости, где была казенная земля, половина ее тоже должна была по проекту Пестеля отчуждаться в общественный фонд волости. Земля же помещиков, если учесть возмещения за счет казны, участвовала бы в создании этого фонда значительно меньше, чем в половинном размере. Казенная земля уменьшилась бы не только на ту половину ее, которая поступала в общественный фонд каждой волости. Значительная часть казенной земли пошла бы и на возмещение помещикам за отчужденную у них для общественного фонда землю.

Важно отметить, что по проекту Пестеля на удельные земли, доходы с которых шли в пользу императорской фамилии, должны были распространяться те же правила, которые предполагались в отношении казенной земли. Земли, принадлежавшие членам царской фамилии, объявлялись государственным имуществом наряду с казенными землями. Таким образом, намерение Пестеля покончить с царизмом получило отражение и в его аграрном проекте.

Оставшаяся после выделения в общественный фонд и возмещения помещикам часть казенной земли рассматривалась Пестелем как частная земля, которая могла быть продана, заложена, сдана в аренду. Из этого видно, насколько несостоятельны утверждения ряда экономистов и историков, будто бы Пестель хотел осуществить частичную национализацию земли¹. Разработанный Пестелем проект создания общественного фонда земли и порядка пользования этой землей не похож ни на национализацию, ни на муниципализацию земли.

Тот факт, что по проекту Пестеля общественная земля отдавалась в собственность волостному обществу, а не центральной власти, что казенная земля становилась общественной собственностью лишь в той части ее, которая поступала в волостной общественный фонд, а за пределами его считалась частной землей, наконец, тот факт, что волостная общественная земля передавалась крестьянам в бесплатное пользование, а не в аренду, целиком опровергают утверждение, будто бы Пестель хотел осуществить частичную национализацию земли.

---

¹ Начало неправильному пониманию аграрного проекта Пестеля как проекта национализации земли положил Семевский. Так же оценивал проект Пестеля и М. Н. Покровский.

В состав общественного фонда, по мысли Пестеля, должна войти половина земли, принадлежавшей и *свободным хлебопашцам*, однодворцам, а также другим подобным владельцам земли. Отчуждение половины земли у этих владельцев должно было производиться при условии полного возмещения им за счет казенных земель.

Как же Пестель представлял себе распределение и пользование землей из общественного фонда? Он называл эту землю общей, общественной, *волостной* собственностью: «земля общественная будет всему волостному обществу совокупно принадлежать...»; она должна быть «собственностью целого общества». Встречается у него иногда и такое определение: общественная собственность всего народа. Отношение каждого гражданина волости к этой общественной земле он рассматривал как отношение к земле, «ему самому принадлежащей, яко члену волостного общества наравне с прочими согражданами»¹.

Общественную собственность на землю Пестель считал неприкосновенной: эта земля не должна ни продаваться, ни закладываться, что должно обеспечить стабильность общественного фонда земли и равновесие между общественной и частной землей. Общественной землей по проекту Пестеля могло распоряжаться только волостное общество. Эта земля должна делиться на участки, каждый из которых может обеспечить семью в составе 5 человек.

При распределении земельных участков должны были соблюдаться следующие правила. Каждый житель данной волости независимо от того, имеет он собственную землю или нет, пользуется правом требовать себе столько участков общественной земли, сколько пожелает. Если требований на участки меньше, чем их имеется в волостном общественном фонде, все требования должны удовлетворяться полностью; если же требования превысят наличие участков, то повышенные требования, сверх необходимого, останутся без удовлетворения. Предпочтение в этих случаях должно даваться тем лицам, которые не имеют земли в частной собственности или занимаются только земледелием: словом, предпочитается тот, кто беднее.

Пестель оговаривал, что принуждения к пользованию общественной землей не должно быть ни для тех, кто имел

¹ ЦГИАМ, ф. Декабристов, д. 10 (подлинная рукопись «Русской Правды»), л. 251об.

землю, но не желал более записаться земледелием, ни для тех, кто совсем не занимался земледелием.

Пестель не только провозгласил равное право каждого на пользование общественной землей, но и стремился предусмотреть наиболее благоприятные условия для использования такого права. По проекту Пестеля каждый мог не только получить бесплатно участок общественной земли, но и рассчитывать на получение в волостном банке льготной беспроцентной ссуды на длительный срок.

Иногда проводят аналогию между участками общественной земли, которые предусматривались проектом Пестеля, с одной стороны, и крестьянскими наделами — с другой. Эта аналогия несостоятельна. Своим аграрным проектом Пестель хотел ликвидировать наделную систему землепользования, которая имела феодальное происхождение и значение.

Крестьянский надел в рамках феодального общества был экономическим условием отношений эксплуатации между помещиком и крестьянином. Помещик наделял землей своих крестьян. Эта земля считалась собственностью помещика. Надел крестьянина служил, писал Ленин, «...как бы натуральной заработной платой (выражаясь применительно к современным понятиям), или средством обеспечения помещика рабочими руками. «Собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками»¹. Обработывая надел, крестьянин получал с него свое скудное содержание, существовала личная зависимость крестьян от помещика.

Совсем иначе должны были складываться отношения членов волостного общества, как они предусматривались проектом Пестеля. Участок общественной земли должен был, по замыслу Пестеля, обеспечить крестьянину возможность вести свое собственное хозяйство, сделать крестьянина *независимым от помещика* и в смысле личной свободы, и в экономическом отношении. Ставилась задача дать крестьянину возможность весь результат своего труда использовать для себя, ничего не отдавая помещику или волостному обществу за землю.

В советской литературе высказывалось мнение, что Пестель был сторонником общины, хотел сохранить прежнюю крестьянскую общину и на ее базе воздвигать новые аграрные отношения, новый экономический строй. Тут есть доля истины, но не вся истина.

В экономическом и политическом отношении волость, по замыслу Пестеля, должна была коренным образом отличаться

¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 158.

от прежней общины. Земля в крестьянской дореформенной общине принадлежала помещику и находилась не в собственности, а в пользовании отдельных крестьян. Пестель же подчеркивал, что он хотел заложить начало *новой формы собственности* — общественной, отсюда вытекала и новая форма пользования землей: в волости общественная земля должна была составлять только половину всей земли, а другая половина составляла частную собственность членов волостного общества; здесь предполагалось сосуществование общественной и частной собственности на землю, волость мыслилась именно в этом сочетании.

В крестьянской же общине вся земля принадлежала помещику; крестьянская община до и после реформы 1861 г. носила ярко выраженный сословный характер, в нее входили только крестьяне.

Пестель, наоборот, в проектируемой волости стирал всякие сословные различия. В волость должны были входить все граждане города и деревни (тысяча человек мужского пола) независимо от того, занимались они ранее земледелием или не занимались. Помещики должны входить в состав волости наравне с другими лицами и подчиняться общим правилам.

Пестель стремился создать такие условия пользования общественной землей, при которых земледелием могли бы наряду с промышленной и торговой деятельностью заниматься и жители города. В феодальной общине надел имел обязательный характер, в проектируемой же Пестелем волости каждый по своему усмотрению мог пользоваться или не пользоваться участком земли. Прежняя община была обязательным союзом по владению наделной помещичьей землей, Пестель же заменял ее волостью как свободным товариществом.

Для волости намечались такие экономические функции, которых не было у общины. Предполагалось, что в каждой волости должен быть волостной банк на кооперативных началах и при нем страховое учреждение; мог быть ломбард. Волость могла сдавать в аренду общественную землю гражданам, не являвшимся членами данной волости. Доходы от этого, по-видимому, должны были стать источником средств для волостного банка. Эти же доходы, по мысли Пестеля, могли быть использованы для уплаты налогов за нуждающихся членов общества. Это совсем не похоже на ту круговую поруку, которая являлась одним из важных признаков дореформенной и пореформенной общины.

Пестель придавал большое значение политической роли волости в том новом общественном строе, который он стремился создать, а крестьянская община никакой политической роли не играла, никаких политических прав не имела. Глав-

нейшее основание предполагаемого для России гражданского бытия состояло, по мнению Пестеля, в образовании волостей и в распределении всех граждан по волостям.

Пестель рассматривал волость как политическое семейство, в котором создается сильная связь между отдельными членами. Он писал, что «посредством политического своего семейства будет каждый гражданин сильнее к целому составу государства привержен».

Таким образом, проектируемая Пестелем волость имела бы некоторое сходство с общиной, но она весьма существенно отличалась бы от дореформенной и послереформенной общины. Волость Пестеля несколько напоминает древнерусскую общину, на которой еще не было наслоений крепостничества, и именно в этом смысле можно говорить о возрождении Пестелем некоторых общинных традиций.

* *
*

Аграрный проект Пестеля был направлен не только против крепостнической системы хозяйства, но и против некоторых зол капитализма. Пестель хотел разбить оковы феодализма в России и одновременно ограничить возможности эксплуатации трудящихся буржуазией, устранить условия, вынуждающие бедняков продавать свой труд.

Изучение положения рабочих и вообще трудящихся капиталистических стран Западной Европы дало Пестелю возможность установить, что нищета народных масс имеет место в условиях не только феодального, но и капиталистического строя. В 1816—1819 гг. журналы «Сын отечества», «Дух журналов» много писали о нищете народа в странах Западной Европы, и особенно в Англии, обращали внимание на усиление рабочего движения в Англии. Журнал «Сын отечества» высказывал опасение, что в этой стране может приблизиться «ужаснейшая война бедных против богачей», так как «бедность народа весьма велика и ежедневно возрастает».

В своем раннем труде — «Краткое умозрительное обозрение» — Пестель отмечал движение рабочих в Англии в 1817 г. Уже тогда он ставил задачу борьбы с нищетой в капиталистических условиях, считая, что «...чем менее будет поденщиков, тем менее будет несчастных»¹. Уменьшения числа поденщиков, т. е. рабочих, людей наемного труда, он думал достигнуть

---

¹ Цит. по книге В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов», Спб. 1909, стр. 630.

опять-таки посредством предоставления крестьянам общественной земли. Возможность иметь самостоятельное хозяйство на общественной земле должна, по его мнению, избавить крестьянина от необходимости работать на капиталиста. Но он не питал иллюзий на счет того, что можно совсем устранить существование наемного труда.

Критикуя пороки капитализма, Пестель отнюдь не отвергал буржуазную систему хозяйства как таковую. Буржуазный характер его аграрной программы очевиден. Он хотел только ослабить силу экономического и политического влияния буржуазии, предупредить рост нищеты, характерный для капитализма. Пестель критиковал капитализм, крупную буржуазию с точки зрения своего понимания общественного благосостояния. С этих позиций он доказывал необходимость ограничения капитализма. Реальным в аграрной программе Пестеля было обеспечение буржуазного развития сельского хозяйства, а антикапиталистические тенденции ее — это иллюзия. Реальные основы буржуазного развития заложены прежде всего в допущении частной собственности на половину всей земли в стране, в господстве частной собственности в промышленности и в сфере обращения. Да и общинная форма землепользования не выдержала бы натиска буржуазного развития. Это подтверждается опытом истории.

Пестель полагал, что существование общественной земли будет содействовать развитию промышленности, свободе направления капиталов и ускорению их оборота.

Важно отметить, что в своем аграрном проекте Пестель не только допускал существование частной собственности вообще, на землю в том числе, но и предполагал всяческое содействие гражданам в приобретении земли в частную собственность.

Охрану частной собственности Пестель считал важнейшей и священной обязанностью Верховного правления. Он знал из истории других стран, что ликвидация крепостнического строя и феодальной формы собственности приводит к тому новому общественному строю, при котором господствующее положение занимает частная собственность в буржуазной форме. Поэтому в своем проекте он предусматривал частную собственность на землю как необходимый, обязательный элемент и условие существования того общества, к созданию которого он стремился.

Частная собственность на землю должна, по мнению Пестеля, играть особую и важную роль. Если с общественной землей он связывал стремление обеспечить каждого необходимыми средствами существования, предупредить возникновение и существование бедности и нищеты, то частную землю он рассматривал как средство достижения изобилия. Гражданам государства «...надлежит полное дать обеспечение и совершен-

ную свободу приобретению и сохранению изобилия»¹, для чего необходимо содействие в приобретении земли в частную собственность.

С одной стороны, Пестель стремился при помощи общественной земли избавить трудящихся от необходимости продавать свою рабочую силу, а с другой стороны, его признание необходимости существования частной собственности на землю предполагало применение наемного труда; тут у него имелось противоречие. Коль скоро частная земля сосредоточивалась у помещиков и притом в больших размерах, то, следовательно, изобилие, богатство могли быть прежде всего у помещиков и у арендаторов помещичьих земель. Пестель и сам утверждал, что все не могут быть богатыми, изобилием может пользоваться только небольшая часть граждан. Это, видимо, и имел в виду Пестель, когда говорил, что освобождение крестьян не должно лишить помещиков их прежних доходов. Богатство по-прежнему скапливалось бы у помещиков, против чего Пестель возражал, излагая свое понимание благосостояния народа. Это противоречие порождено дворянской ограниченностью Пестеля, сказавшейся при решении им вопроса о судьбе помещичьей земли.

С частной собственностью на землю Пестель связывал и прогресс земледелия, считая ее необходимым условием развития производительных сил в сельском хозяйстве, источником накопления. Частную собственность, в том числе и на землю, Пестель рассматривал как буржуазную собственность, не делая при этом никакого различия между родовой и благоприобретенной собственностью. Он исходил из того, что всякий будет иметь право приобрести землю в частную собственность. Этот принцип существенно изменил бы феодальную систему землевладения, при которой владение землей составляло исключительное право дворян. По проекту Пестеля все крестьяне могли владеть землей на правах частной собственности.

- Сочетание общественной и частной собственности на землю имело целью ликвидацию феодальной системы хозяйства, преобразование общественного строя на новых началах, на основе новых форм собственности. Одна из них, частная собственность, развивалась уже в недрах феодализма, а новую форму собственности — общественную собственность — Пестель хотел установить при помощи осуществления своего аграрного проекта, с учетом общинных традиций русского крестьянина.

«Каждый россиянин, — писал Пестель, — будет посредством сего постановления (имеется в виду его аграрный

---

¹ ЦГИАМ, ф. Декабристов, д. 10 (подлинная рукопись «Русской Правды»), л. 250. В опубликованной «Русской Правде» слово «полное» ошибочно заменено словом «только» (стр. 204).

проект.— Ф. М.) обладателем земли.— Он будет или обладатель частный, имея землю в частной своей собственности, или обладатель общественный, имея право, яко член волостного общества, пользоваться общественною землею, не платя за оную найма. Вся Россия будет, следовательно, состоять из одних обладателей земли и не будет у нее ни одного гражданина, который бы не был обладателем земли»¹.

Обосновывая сосуществование общественной и частной собственности на землю, Пестель в то же время неизменно подчеркивал, что на первом плане нужно поставить общественную землю, что надо прежде всего позаботиться о создании и сохранении общественного фонда земли. В замысле преобразований Пестеля общественная земля выступала как исходный элемент, ведущее начало, как основа нового общества и общественного благосостояния. Частную же собственность на землю Пестель рассматривал как необходимое дополнение к общественной земле.

Признание Пестелем необходимости существования частной собственности на землю наряду с общественной опровергает характеристику Пестеля как социалиста. Такая характеристика впервые была дана Герценом, который писал о Пестеле, что он был «...социалистом раньше, чем появился социализм». Н. Тургенев характеризовал аграрный проект Пестеля как социалистический; народнический историк Семевский считал намечаемые Пестелем аграрные преобразования «...первыми зачатками социализма в России»². Эти утверждения основаны на ошибочном мнении, будто защита крестьянской общины являлась защитой идеи социализма. В создании общественной собственности на землю Герцен видел желание Пестеля сохранить крестьянскую общину.

Пестелю, безусловно, были известны теории социалистов-утопистов; возможно, что их он имел в виду, когда излагал «первое мнение» относительно форм собственности на землю. Но Пестель определял это мнение как крайность, с которой он не хотел согласиться. В его замысле создания общественного фонда земли не было ничего социалистического; ведь Пестель исходил из того, что на общественной земле каждый будет вести индивидуальное хозяйство.

До Пестеля никто в России не обосновывал необходимости общественной собственности на землю и тем более сочетания ее с частной собственностью. Радищев предлагал отобрать всю землю у помещиков и передать тем, кто ее обрабатывает своим

¹ П. И. Пестель, Русская Правда, стр. 209—210. Слово «обладание» он употреблял как синоним слова «собственность».

² В. И. Семевский, Политические и общественные идеи декабристов, стр. 629.

трудом, т. е. крестьянам. Он хотел круто расправиться с помещиками, лишить их экономической базы существования как класса. Это привело бы к тому, что корни феодализма были бы вырваны до основания. Пестель же, оставляя у помещиков значительную часть земли, тем самым сохранял экономическую базу их существования как класса. А помещичья собственность на землю неизбежно обусловила бы сохранение крепостнических пережитков. Общественная собственность на землю выступала в качестве противовеса помещичьей собственности.

У Радищева и Пестеля идеалом будущего общества являлось не капиталистическое хозяйство, а, по сути дела, мелкобуржуазное, которое сменило бы крепостное хозяйство, а впоследствии неизбежно переросло бы в капиталистическое.

Этой последней перспективе ни Радищев, ни Пестель не видели. Но между Радищевым и Пестелем и здесь есть разница. Проведение программы Радищева привело бы к созданию сельского мелкобуржуазного хозяйства без помещиков, а программа Пестеля предусматривала оставление помещиков. У Пестеля, таким образом, не было той последовательности, которая характерна для Радищева.

Поставив задачу ликвидации феодального режима, Радищев и Пестель сделали аграрный вопрос центральным вопросом своей программы преобразования общества; именно феодальная собственность на землю составляла основу крепостничества, и в революционном решении этого вопроса была заинтересована основная масса народа — крестьянство.

* *
*

Аграрный проект Пестеля был революционным и в то же время утопическим. Утопизм его заключался в том, что проектируемое Пестелем новое общественное устройство базировалось на постоянном сосуществовании двух различных основ — общественной и частной собственности на землю. Сохранение этой противоречивой основы как постоянного фактора существования общества являлось одной из иллюзий Пестеля. Общеизвестно, что общинные земли в свое время исчезли, община разложилась, она не могла уцелеть под натиском частной собственности, тем более не могла уцелеть при сохранении крупного землевладения, как предусматривал Пестель.

Пестель не понимал, что, утверждая наряду с общественной собственностью частную собственность на землю для обеспечения изобилия, он тем самым создавал и условия для подрыва общественной собственности. Общественной землей, составляющей половину всей земли, он хотел ограничить действие и господство частной собственности в новом обществе, оставляя в

то же время безраздельным господство ее в промышленности и торговле.

Утопичность аграрного проекта Пестеля заключалась, далее, в его мнении, что при сохранении за помещиками почти половины земли крестьяне будто бы могли быть избавлены от экономической зависимости от помещиков, что буржуазия и помещики не будут иметь силы и влияния в политической и экономической области, не будут существовать как особые классы. Пестель не учитывал социального значения того, что общественной земле противостояли бы сохранившиеся частные фабрики и мануфактуры, торговые предприятия и частные банки, огромное помещичье землевладение.

Утопичность Пестеля выражалась и в его убеждении, что крестьянское хозяйство на общественной земле будет всегда существовать и якобы всегда будет способно обеспечить благосостояние крестьян при существовании помещиков и буржуазии.

Но аграрный проект Пестеля, несмотря на утопизм и на дворянскую ограниченность, в то время являлся глубоко прогрессивным проектом социально-экономических преобразований. Пестель справедливо считал возможным осуществить его только революционным путем.

Прогрессивность проекта определялась прежде всего тем, что Пестель ориентировался на ликвидацию феодализма, хотя и сохранял часть помещичьей собственности. Аграрный проект Пестеля проникнут оптимизмом, верою в возможность ликвидировать нищету народных масс, обеспечить их благосостояние. Своим идейным содержанием он был как бы противоположен реакционной теории народонаселения Мальтуса.

Книга Мальтуса «Опыт о законе народонаселения» вышла в 1798 г. В начале XIX в. с ней уже могли ознакомиться русские ученые, и Мальтус стал находить сторонников в России. Мальтус оправдывал существование нищеты при капитализме законами природы, причину нищеты видел в человеческой природе, а не в общественном строе. Пестель, наоборот, исходил из того, что при феодализме и капитализме нищета порождается социальными порядками и политическими законами, вступающими в противоречие с естественными законами. Важнейшей функцией правительства он считал обязанность приводить политические законы в соответствие с естественными.

Мальтус писал о безнадежности борьбы с бедностью путем преобразования социальных порядков и хозяйственного строя. Пестель же разработал оригинальный проект, направленный на борьбу с нищетой, на ее ликвидацию; он верил в возможность достижения народного благосостояния, он полагал, что установление общественного фонда земли обеспечит доставле-

ние необходимого продовольствия «всем гражданам без изъятия».

В своих рассуждениях он исходил из постоянного роста населения как положительного явления. Пестель уверен был в прогрессе земледелия в условиях намечаемого им нового общества. Мальтус исходил из закона убывающего плодородия земли. В роскоши, в богатстве высших классов общества он видел условия разветвляющегося производства и правильного обмена. Пестель же резко критиковал феодальную и буржуазную аристократию за чрезмерное обогащение, за то, что она порождает нищету масс, присваивает себе все богатства страны.

* *
*

Уже в предыдущей главе отмечалась несостоятельность утверждений, что А. Смит оказал решающее влияние на экономические взгляды декабристов, что последние были чуть ли не эпигонами смитианства. Аграрный проект Пестеля наглядно показывает, насколько неправильны подобные утверждения.

А. Смит — буржуазный идеолог; его экономическое учение — продукт развитого капитализма Англии. Пестель исходил из условий России, где капитализм был слабо развит, где существовало еще крепостное право, поэтому в центре внимания его оказались вопросы перехода от феодализма к капитализму. Антикрепостнические идеи Смита оказали влияние на Пестеля.

Пестель обосновывал необходимость ломки аграрных отношений феодальной России и высказывал критическое отношение к капитализму, к крупной буржуазии; он пытался показать причину и источник тех зол, которые были им обнаружены в капитализме. Смит же был сторонником капитализма, видел в нем тот идеальный общественный строй, который должен вечно существовать.

Смит в своем анализе исходил из сложившегося буржуазного общества; Пестель же только намечал буржуазные преобразования крепостнического общества, намечал черты нового общества. В отличие от Смита у Пестеля в соответствии с его идеалом будущего общества в центре внимания находились аграрный вопрос и преобразования в области аграрных отношений. Пестель выдвигал на первый план общественную собственность на землю, теоретически обосновывал необходимость этой формы собственности в сочетании с частной; Смит же признавал только частную собственность. Большое внимание уделял Пестель мероприятиям, направленным на борьбу с нищетой; он стремился теоретически обосновать возможность улучшения материального благосостояния трудящихся, всего

народа. Смит таких задач перед собой не ставил; эти проблемы его не интересовали.

Пестель исходил из активной роли государства в преобразованиях, Смит — сторонник невмешательства государства в экономическую деятельность людей.

Но главное различие состоит в том, что Пестель решал экономические и политические проблемы как революционер, между тем как Смит оставался на позициях эволюционизма.

* *
*

И в дореволюционной литературе (Семевский) и в советской (М. Н. Покровский) утверждалось, будто Пестель находился под влиянием Сисмонди. М. Н. Покровский считал, что Пестель являлся типичным представителем мелкой буржуазии, что Сисмонди был учителем Пестеля, а Пестель был «мелкобуржуазным мыслителем с головы до пяток»¹ и шел к революции от Сисмонди.

Это положение неправильно и основывается на ошибочных комментариях к «Практическим началам политической экономии», автором которых Пестель не был. Пестель и Сисмонди жили в разных социально-экономических условиях, их взгляды формировались на разной почве.

У Пестеля острые критики направлено против крепостничества, у Сисмонди — против капитализма. Борясь за ликвидацию экономической отсталости страны, Пестель, по существу, расчищал путь для буржуазного способа производства, хотя и не вполне это сознавал. Он выступал против чрезмерного обогащения буржуазии. Он не противопоставлял крупное и мелкое производство, не был сторонником увековечения мелкого производства. Аграрный проект Пестеля ничего общего не имел со взглядами Сисмонди.

Некоторые полагают, что именно Сисмонди, книги которого Пестель читал, разбудил интерес Пестеля к вопросу о росте нищеты в условиях капитализма. В действительности же внимание Пестеля к борьбе с нищетой было привлечено прежде всего теми фактами все возрастающей нищеты, которые Пестель наблюдал в условиях крепостнической России и в странах Западной Европы. Стремление Пестеля было направлено прежде всего на ликвидацию нищеты крестьянства.

---

¹ «Красный архив», т. 6 (13), М.—Л. 1926, стр. VI. Покровский, когда говорил о влиянии Сисмонди, имел в виду те его идеи, которые изложены в работе «Новые начала политической экономии», вышедшей в 1819 г.

Выводы и предложения Пестеля в аграрном проекте существенно отличаются от того, что пытался наметить Сисмонди.

Сисмонди идеализировал мелкокрестьянское хозяйство и противопоставлял его фермерству. Признание Пестелем частной собственности на землю означало признание не только помещичьего, но и фермерского хозяйства.

У Пестеля речь шла не о задержке экономического развития, как у Сисмонди, а о движении вперед, так как развитие мелкого крестьянского хозяйства в условиях того времени было более прогрессивно по сравнению с крупным, но крепостническим помещичьим хозяйством. Поддержка Пестелем мелкого хозяйства объективно была направлена против крепостничества, а не против капитализма. Крестьянин смотрел тогда вперед, а не назад, так как позади у него было только крепостничество. Могут сказать, что это мелкое крестьянское хозяйство стало бы развиваться уже в новом, капиталистическом обществе и, следовательно, позиция Пестеля была бы аналогична позиции Сисмонди. Но тут были различны исторические условия. «Обновление мелкого хозяйства,— писал Ленин,— возможно и при капитализме, если историческая задача состоит в борьбе с докапиталистическим строем»¹.

В рассматриваемое время для сисмондизма в России не было еще условий. Разорение мелкотоварных производителей еще только начиналось в городах, так как капитализм был слабо развит, а мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился. Экономическая организация крестьянского хозяйства определялась тогда феодальным строем. Разложение крестьянства нейтрализовалось в значительной мере крепостничеством и колонизацией. Процесс разложения крестьянства принял массовые масштабы только после реформы 1861 г. Поэтому первыми идеологами мелкой буржуазии в России явились народники.

Характеристика М. Н. Покровским Пестеля как мелкобуржуазного идеолога противоречит ленинской характеристике декабристов как дворянских революционеров. Сисмонди своим учением тянул назад, Пестель шел вперед; взгляды и предложения Сисмонди Ленин характеризовал как реакционные, а декабристов считал революционерами.

* *

*

Пестель был оригинальным мыслителем России первой четверти XIX в. Его экономические взгляды порождены условиями России и направлены на служение родине.

¹ В. И. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13, стр. 265.

Народнический историк В. И. Семевский склонен был видеть в работах Пестеля и других декабристов почти сплошное заимствование из литературы Западной Европы. Даже в аграрном проекте Пестеля, где оригинальность политико-экономических воззрений декабристов выразилась наиболее ярко. Семевский видел сплошные заимствования у французских и английских деятелей. Так, например, в брошюре почти никому не известного французского аббата де Курнана, изданной в 1791 г. и содержащей проект аграрного закона, Семевский усмотрел «оригинал» аграрного проекта Пестеля.

Это утверждение Семевского совершенно несостоятельно. Семевский не доказал и даже сам не был уверен в том, что Пестель вообще мог быть знаком с брошюрой, которая была мало кому известна и в самой Франции. Тем более трудно предположить, что она могла тогда попасть в Россию, и в частности к Пестелю.

В своем проекте аббат де Курнан предлагал отделить треть земель в государственный земельный фонд, т. е. национализировать эту часть земли, а Пестель хотел передать половину всей земли в распоряжение непосредственно волостных обществ, причем в значительной степени за счет казенных земель. Де Курнан считал возможным отдавать крестьянам землю из указанного фонда в пользование в порядке аренды, следовательно, с уплатой арендной платы, причем доходы от нее должны идти на покрытие расходов государства; Пестель же хотел предоставлять землю волостного общества всем желающим ее возделывать бесплатно и даже давать ссуды через банк на обзаведение хозяйством.

Де Курнан две трети остальной земли предлагал разделить между всеми гражданами поровну, без права наследования, причем эти земли разрешалось сдавать в аренду. Пестель же не предусматривал раздела второй половины земли между всеми гражданами, а оставлял ее в распоряжении помещиков, казны и других собственников, допуская полную частную собственность на эту землю.

Аббат де Курнан считал возможным осуществить переход к новому поземельному строю постепенно, по мере вымирания собственников. Пестель же предлагал осуществлять создание общественного фонда земли безотлагательно. Трудно найти сходство в этих проектах. Сравнение аграрного проекта Пестеля с предложениями по аграрному вопросу западноевропейских мыслителей — Руссо, Мабли, Морелли и других — показывает оригинальность аграрного проекта Пестеля.

Западноевропейские мыслители обычно не обосновывали развернутых аграрных проектов, а ограничивались утверждением, что частная собственность есть источник всех социаль-

ных зол и несчастий, что она противоречит законам природы, порождает неравенство и угнетение и что единственным средством избежать это зло может быть установление общественной собственности на землю.

Некоторые считали необходимым превратить всю землю в общественную собственность и разделить ее поровну между всеми (например, Мелье, Мабли, Спенс); другие предлагали обрабатывать землю сообща, установить общее пользование продуктами земли (Морелли); Мабли ратовал за общность имущества.

Сочетание общественной и частной собственности на землю допускалось Руссо и Огильви, но рассуждения последнего о пользе общественной собственности и сочетании ее с частной носили характер весьма умеренной реформы: государство должно заставить крупных землевладельцев сдать в вечную аренду крестьянам половину земли за небольшую плату, причем арендатор должен быть связан с владельцем земли некоторыми феодальными привилегиями и обязанностями. Как это не похоже на радикальный проект Пестеля, хотя у него есть общее с Огильви! Один из ревностных последователей Руссо — Госселен предлагал обратить все имущество в общую собственность и затем разделить его поровну.

Пестель разработал свой аграрный проект с наибольшей полнотой, всесторонне обосновал те вопросы, которые до него не обсуждались и не находили решения; к аграрной проблеме он подходил, как к коренному вопросу предстоящего социального преобразования общества, притом не общества вообще, а русского общества со всеми его конкретными особенностями.

Вопросы промышленности, торговли и финансов

Внимание Пестеля привлекали и *вопросы промышленности*. Если судить по дошедшему до нас тексту «Русской Правды», то в отношении промышленности Пестель не намечал таких радикальных изменений, как в области сельского хозяйства.

Пестель считал, что в сельском хозяйстве, в аграрных отношениях заключены решающие условия для обеспечения благосостояния народа. Он не дал развернутой программы развития промышленности, но некоторые общие положения были намечены им в III—V главах «Русской Правды».

Пестель считал, что государство должно играть активную роль в развитии промышленности и проявлять заботу об увеличении народного богатства в этой отрасли хозяйства.

Обеспечивая каждому свободу заниматься той отраслью промышленности, в которой он видит наибольшие выгоды, го-

сударство, по мнению Пестеля, вместе с тем должно содействовать развитию промышленности всеми способами — улучшением законов о промышленности, информацией о новых полезных открытиях, организацией банков, страховых учреждений, изменением налоговой системы, ликвидацией цехов и гильдий, ликвидацией и недопущением монополий, казенных и частных, и т. д.

В отличие от Мордвинова Пестель не ставил вопроса о форсированном развитии мануфактур, фабрик, заводов. Он полагал, что в результате ликвидации крепостного права, цехов и гильдий будут созданы все необходимые условия для быстрого роста промышленности, для свободного ее развития.

Вместе с тем Пестель видел, что при существовании крепостного права в России не было необходимых условий для развития промышленности и потому она значительно отстала от промышленности наиболее развитых стран Западной Европы. В отличие от некоторых декабристов и вслед за Радищевым он признавал необходимость использования протекционистского тарифа в целях создания наиболее благоприятных условий для быстрого и успешного развития отечественной промышленности. Он подчеркивал, что высокие таможенные пошлины должны рассматриваться как способ защиты и поощрения отечественной промышленности, а не как источник увеличения доходов казны.

Основным фактором, содействующим развитию промышленности, Пестель считал создание общественного фонда земли; так как «...установление общественных земель дает возможность промышленности иметь естественное свое течение и устранять переходы и направление капиталов с полной свободой, соображаясь единственно с выгодой и пользой»¹.

Пестель, далее, исходил из того, что умножение народонаселения ограничит возможность отдавать в одни руки много участков из общественной земли и благодаря этому население больше будет приобретать земли в частную собственность. Это приведет к вздорожанию земли, что послужит толчком к направлению капиталов на устройство мануфактур, фабрик, заводов и торговых предприятий.

Предоставление возможности каждому бесплатно пользоваться общественной землей должно создать, по мнению Пестеля, условия для обеспечения благосостояния трудящихся и в сфере промышленной деятельности. При наличии возможности для каждого трудящегося найти применение своему труду на общественном участке земли и таким путем добыть себе

¹ П. И. Пестель, Русская Правда, стр. 209.

необходимые средства существования трудящийся уже не будет находиться в безвыходном положении. Он не станет работать на фабрике до тех пор, пока ему не будут предложены приемлемые для него условия, обеспечивающие необходимые средства существования. Таким образом, предоставлением земли трудящимся Пестель хотел обеспечить экономическую независимость их и от владельцев фабрик и заводов, от буржуазии.

Совершенно очевидно, что, рассуждая так, он переоценивал роль и значение общественной земли. К тому же его постановка вопроса страдала противоречивостью. Предоставление общественной земли каждому гражданину, несомненно, уменьшало бы предложение наемного труда и, следовательно, затрудняло бы развитие крупной и средней промышленности, о развитии которых Пестель заботился.

У Пестеля нет и намек на то, чтобы в промышленности по аналогии с земледелием установить сосуществование общественной и частной собственности.

В области внутренней торговли Пестель считал необходимым предоставить полную свободу всем гражданам заниматься любым видом торговли; для этого он предлагал ликвидировать купеческие гильдии, которые обеспечивали привилегии для крупных купцов и тормозили рост торговли. В тех же целях он предлагал внести изменения в налоговую систему, чтобы и в ней устранить преимущества купцов по сравнению с низшими слоями городского населения.

Выставляя требование обеспечить свободу развития промышленности и внутренней торговли, Пестель вместе с тем не отказывался и от ряда регулирующих и направляющих мероприятий государства. Активная роль государства должна, по мнению Пестеля, распространяться на внешнюю торговлю, которую следует подчинить интересам развития народного хозяйства и особенно отечественной промышленности.

Участники Общества Соединенных славян, которые влились (в сентябре 1825 г.) в Южное общество, придавали большее, по сравнению с другими декабристами, значение развитию промышленности и торговли. Внимание участников Общества Соединенных славян сосредоточивалось не на сельском хозяйстве, а на промышленности. Горбачевский, видный деятель этого общества, писал, что основой благоденствия людей должна являться промышленность, «отвращающая бедность и нищету»¹.

Программа мероприятий в области финансов и банков не получила развернутого освещения в «Русской Правде». Эти

¹ «Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского», изд. 2, доп. и испр., М. 1925, стр. 57.

вопросы должны были быть разработаны С. Муравьевым-Апостолом и освещены в недошедшей до нас IX главе «Русской Правды». Но основные принципы этой программы сформулированы и в той части «Русской Правды», которая дошла до нас.

Пестель защищал мысль, что налоги и разного рода подати должны нести в равной мере все граждане без изъятия. Этот принцип находился в тесной связи с его намерением ликвидировать все привилегии сословий. Это означало бы коренное изменение налоговой политики, проводившейся самодержавием и сводившейся к тому, что все налоговые тяготы ложились на крестьянство и мещан, в некоторой мере на купцов, а дворяне и духовенство не платили личных налогов, не несли натуральных и личных повинностей.

В качестве одной из основных задач Временного верховного правления Пестель поставил создание новой финансовой системы в соответствии с теми изменениями, которые намечались в экономической и политической области. Предполагалась отмена всех натуральных и личных повинностей граждан, отмена подушной подати, как пережитка крепостничества, замена ее прямыми налогами на имущество граждан и на чистые доходы от хозяйства, с тем чтобы налоги не затрагивали капиталов и взыскивались в соответствии с доходами граждан.

Пестель считал необходимым значительно уменьшить косвенные налоги, особенно на предметы первой необходимости, в первую очередь на соль. Косвенные налоги на промышленные изделия, по мнению Пестеля, должны больше соответствовать ходу промышленности, чем желанию умножить казенные доходы.

Большую роль в совокупности намечаемых экономических преобразований Пестель отводил банковской системе. Он считал необходимым учитывать потребности крестьян и мещан в небольших ссудах для хозяйства с тем, чтобы защитить мелких заемщиков от ростовщической кабалы. В каждой волости должны быть учреждены банки, ломбарды и страховые учреждения на коллективных началах, с участием в них всех граждан. Участники должны вносить ежегодные беспроцентные вклады; кроме того, банковские и страховые учреждения могли принимать единовременные процентные вклады.

Банки должны выдавать гражданам на обзаведение хозяйством на участках общественной земли ссуды, без процентов и без залога, на несколько лет, с погашением этих ссуд не только деньгами, но и продукцией хозяйства. Кроме того, банк мог выдавать процентные ссуды и под залог. Как уже было сказано, в случае если капиталы банка увеличатся до размеров, превышающих потребность для ссудных операций, излишек капитала Пестель рекомендовал употреблять «на какое-нибудь

общепользуемое заведение», а проценты, получаемые за ссуды, использовать на уплату податей граждан данной волости.

Намеченный Пестелем характер формирования и использования средств волостного банка дает основание полагать, что он имел в виду создание своеобразной буржуазно-кооперативной формы кредитной системы.

Вместе с тем сочетание, с одной стороны, коллективных начал, на которых Пестель предполагал основать банковскую систему, и, с другой стороны, отдельных частных банков в какой-то мере напоминает нам принцип сосуществования общественной и частной собственности на землю в аграрном проекте Пестеля.

«Русская Правда» Пестеля являлась важнейшим программным документом движения декабристов, поднявшим это движение на самый высокий уровень дворянской революционности. Требования республики, коренного преобразования аграрных отношений с установлением общественной собственности на землю, радикальное решение крестьянского вопроса, требование равенства для всего народа вносили в программу Пестеля важные элементы демократизма, возможные в условиях первого этапа освободительного движения. Эти требования характеризуют Пестеля как наиболее последовательного дворянского революционера. Пестель выделялся из среды всех дворянских революционеров своей политической зрелостью, пониманием значения революционной борьбы и взаимозависимости экономических и политических условий в реализации программы общественных преобразований. В политической и социально-экономической программе Пестеля буржуазно-демократический характер развития будущего общественного строя обеспечен в наибольшей степени по сравнению с программами других декабристов. Но в силу того, что Пестель не мог освободиться от дворянской ограниченности, его программа заключала в себе неизбежные при этом условии противоречия.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ УМЕРЕННОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Глава девятая

Н. ТУРГЕНЕВ, Н. МУРАВЬЕВ, Н. БЕСТУЖЕВ

Отношение Н. И. Тургенева и Н. Муравьева к крепостничеству

Николай Иванович Тургенев был видным деятелем Северного общества декабристов.

Он родился в 1789 г. в городе Симбирске, в культурной дворянской семье. Отец его, Иван Петрович, был видным общественным деятелем своего времени, близким другом известного русского просветителя Новикова. Николай Тургенев учился в благородном пансионе при университете, а потом — в самом университете. В 1808 г. он уехал учиться в Геттингенский университет (Германия), который окончил в 1811 г. По возвращении на родину работал в Комиссии по составлению законов и в ученом бюро министерства финансов. В 1813 г. Н. И. Тургенев был назначен русским комиссаром центрального административного департамента, созданного для управления освобожденными от врага землями. Осенью 1816 г. он снова возвратился в Россию. Работал затем статс-секретарем в департаменте экономии Государственного совета, начальником канцелярии министерства финансов. В этот период установились близкие связи его с генералом М. Ф. Орловым, будущим декабристом.

Вместе с профессором Куницыным Н. И. Тургенев решил организовать «Общество 19 года и XIX века» и издавать журнал для распространения экономических и политических знаний. В общество, существование которого было кратковременным, входили некоторые будущие декабристы.

В апреле 1824 г. Тургенев уехал за границу для лечения. Во время восстания декабристов он находился за границей. Н. И. Тургенев был приговорен заочно к смертной казни, замененной вечной каторгой. Из эмиграции Н. Тургенев впервые вернулся на родину в 1857 г. и был восстановлен в прежних правах; в этом же году он опять уехал за границу, после чего дважды приезжал в Россию. Умер в 1871 г. (близ Парижа).

Н. Тургенев оставил после себя обширное литературное наследство, в этом отношении он выделяется среди других декабристов. Имеется немало опубликованных и неопубликованных рукописей Н. Тургенева, относящихся в значительной части к периоду после восстания декабристов. Большинство его книг, статей и неопубликованных материалов посвящено экономическим вопросам. Н. Тургенев интересовался в большей степени, чем другие декабристы, вопросами о налогах, денежной системе и кредите и оставил ряд работ по этим вопросам.

В составе литературного наследства Н. Тургенева надо отметить: книгу «Опыт теории налогов», вышедшую в 1818 и 1819 гг. (два издания), «Россия и русские», в 3 томах (1847 г.), «Вопрос освобождения и вопрос управления крестьян» (1858 г.), «Взгляд на дела России» (1862 г.) и др. Многие из его литературного наследства не опубликовано до сих пор. В архивах имеются материалы Тургенева о налогах, кредите, банках, денежном обращении, о денежной реформе 1839 г., о статистике и т. д.

В системе экономических взглядов Н. Тургенева, как и большинства декабристов, вопрос об отношении к крепостному праву являлся центральным. Все остальные вопросы имели производное и второстепенное значение.

Вопрос о судьбах крепостного права в России Н. Тургенев считал важнейшим из всех вопросов, требовавших неотложного разрешения. Во второй своей оправдательной записке, посланной на имя Николая I, Тургенев писал: «Одна главная мысль владела и направляла моими поступками во всю мою жизнь, — мысль уничтожения крепостного состояния в России. Сия цель казалась мне священной и достойной целью всей жизни»¹.

Этот вопрос привлекал его внимание задолго до вступления в тайное общество. Свое вступление в тайное общество он мотивировал прежде всего желанием добиваться освобождения крестьян. С той же целью он предпринимал меры по изданию журнала.

В 1817 г. Н. И. Тургенев в дневнике записывает, что освобождение крестьян можно провести не только сразу, но и в порядке постепенного осуществления отдельных мероприятий. По его мнению, следовало запретить отделение крестьян от земли, а если такое отделение последует, то объявлять крестьян свободными без земли; запретить всем предпринимателям, не относящимся к дворянам, покупать земли с крепостными крестьянами и иметь крепостных; установить такой порядок, при

---

¹ Записка Н. И. Тургенева, «Красный архив», т. 6 (13), 1926 г., стр. 96.

котором каждая покупка имений дворянами делает крестьян этих имений свободными (тоже без земли); при переходе дворянских имений по наследству дальним родственникам крестьяне должны становиться свободными. Следовательно, в этот период своей жизни Н. Тургенев допускал возможность постепенного освобождения крестьян без земли.

Тогда же Н. Тургенев предлагал установить систему покупки казной крестьян у помещиков за счет заграничного займа; средства, затраченные на это казной, должны взыскиваться с этих же крестьян. После уплаты этих сумм крестьяне должны становиться свободными и собственниками земли. Н. Тургенев, следовательно, предлагал освобождение крестьян с землей, но при условии выкупа крестьянами и земли и свободы. Экономически такое освобождение крестьян было вполне приемлемо для помещика; оно совпадало с условиями указа 1803 г. о свободных хлебопашцах.

Вопрос об освобождении крестьян получил свое отражение в книге Н. Тургенева «Опыт теории налогов» (1818 г.). Кажалось бы, что по своему названию эта книга не имела отношения к вопросу об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Но сам автор основное назначение книги видел в том, что в связи с подушной податью он имел возможность заклеить «позорное рабство» крестьян¹. В неопубликованном варианте предисловия к книге Н. Тургенев ставил цель «по возможности откровенно изъяснить свой образ мыслей» о крепостном состоянии крестьян².

По существу книга Н. И. Тургенева была посвящена защите свободы во всей хозяйственной деятельности. Он пользовался каждым поводом, чтобы превозносить в книге свободу и критиковать феодальную систему, осуждать привилегии дворян и показывать, что «...все благое основывается на свободе»³.

В дневнике за декабрь 1818 г. Н. Тургенев решительно возражал против утверждения французского писателя Азаиса, который полагал, что Россия «...не созрела еще для конституции, или — что все равно — для свободы»⁴.

Тургенев порицал крепостное состояние крестьян и доказывал, что феодализм и рабство изжили себя и не соответствуют

¹ *N. Tourgueneff, La Russie et les Russes, v. I, Paris 1847, p. 96—97.*

Под рабством Тургенев всегда подразумевал крепостное состояние помещичьих крестьян.

² Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, ф. 309 (братьев Тургеневых), д. 3924, л. 7.

³ *Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, изд. 3, Соцэкгиз, М. 1937, стр. 5.*

⁴ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», Госполитиздат, М. 1951, т. I, стр. 202.

духу времени. Он подводил читателя к выводу, что существование крепостного права в России несовместимо с благосостоянием народа, что благосостояние нельзя основывать на угнетении одного класса другим; благосостояние высших классов ни в коем случае не может свидетельствовать о благосостоянии народа; роскошь русских дворян основывается на крепостном праве. Тургенев обращал внимание читателя на то, что развитие России шло бы более успешно, если бы этому «не препятствовало существование рабства»¹; экономический подъем Англии того времени он объяснял отсутствием крепостного права в этой стране.

Другим условием обеспечения благосостояния крестьян он считал установление для них права собственности, вплоть до собственности на землю, которую они приобрели бы на свои средства. Он не хотел, чтобы в собственность крестьян безвозмездно перешла та земля, которой они пользовались до освобождения, так как считал, что эта земля — собственность помещика. Вместе с тем он всегда выступал против общинного землевладения крестьян.

Разбирая аргументы противников и сторонников крепостного права, Н. И. Тургенев упрекал последних в том, что они заблуждаются, воображая, будто крестьянин «не может приносить дохода помещику иначе, как составляя его собственность»².

Это положение очень характерно для всей позиции Н. Тургенева в вопросе о крепостном праве в России. Он хотел внушить помещикам мысль, что им выгодно освобождение крестьян, что после этого они будут извлекать не меньше дохода из труда крестьянина, а даже больше³. Пропаганду этой мысли он рассматривал как распространение здоровых понятий о свободном состоянии крестьян⁴. Все зависело от того, как, на каких условиях должно быть проведено освобождение. Если освободить без земли или с очень малым количеством земли, то крестьянин будет экономически зависим от помещика, владеющего основным средством производства — землей.

Говоря об освобождении крестьян от крепостной зависимости, он имел в виду план «...*постепенного дарования крестьянам некоторых личных прав...*» и «*постепенного ограничения власти помещиков*»⁵. Н. Тургенев утверждал, что освобождение

¹ Н. Тургенев, Опыт теории налогов, стр. 129.

² Там же, стр. 68.

³ Эта же мысль выражена в вышеуказанном неопубликованном предисловии к книге.

⁴ Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, ф. 309, д. 3924, л. 8—9.

⁵ Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, стр. 68. Курсив мой.— Ф. М.

И. И. ТУРГЕНЕВ

должно привести только к личной свободе крестьян, а с нею связаны права собственности, «...на коих создается благосостояние государств...»¹

Тургенев понимал неизбежность и необходимость ликвидации крепостной зависимости крестьян. Его книга вышла в период, когда феодальная система хозяйства России находилась в состоянии глубокого разложения, когда назрели новые задачи в экономическом развитии России. Эта книга и явилась попыткой ответа на новые задачи.

Выход в свет книги Н. Тургенева был значительным событием в идейной жизни России того времени. Прогрессивное значение книги станет еще очевиднее, если мы вспомним, что тогда в России вообще запрещалось печатать что-либо о ликвидации крепостного права.

Тургенев сразу приобрел известность в обществе и расположение прогрессивной его части, в особенности декабристов, среди которых книга пользовалась всеобщим признанием; она дала декабристам основание вовлечь Тургенева в свою тайную организацию.

* *
*

Для более полного уяснения отношения Н. Тургенева к крепостному праву следует остановить внимание на неопубликованных тогда некоторых его заметках, сделанных им после выхода в свет 1-го издания книги о налогах.

В заметке «Нечто о барщине», написанной в 1818 г., Н. Тургенев, идеализируя оброчные отношения между крестьянами и помещиками, пытался представить их в таком свете, как будто при оброке крестьяне фактически были свободны. Он подчеркивал преимущество оброка перед барщиной. «...Мне,— писал Н. Тургенев,— весьма редко случалось находить крестьян, платящих оброк чрезмерный и для них изнурительный. Обычно оброк назначается помещиками справедливо, без отягощения крестьян и без убытка самому господину»².

Н. Тургенев явно переоценивал значение оброка в ослаблении крепостного гнета. Конечно, суровая форма крепостничества в виде барщины смягчалась при оброчной системе хозяйства, но основа крепостничества — помещичья монополия на землю — сохранялась. Личная зависимость крестьян, эксплуатация крепостных, дворянские привилегии и т. п. сохранялись и при оброке.

¹ Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, стр. 68.

² «Архив братьев Тургеневых», вып. 5. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 годы, т. III, Петроград 1921, стр. 404.

В одной из записок об освобождении крестьян он дал историческое обозрение установления крепостного состояния крестьян в России. В этой записке в отличие от заметки «Нечто о барщине» Тургенев и казенных крестьян разных ведомств также считал крепостными. Он подчеркивал необходимость «рассеять ложное убеждение, что будто бы одно сословие сельских обывателей, водворенных на владельческих землях, есть крепостное»¹, доказывал «необходимость уничтожения как государственного, так и частного крепостного права вообще в государстве»². Крестьян, которые находились в военных поселениях, он называл самыми несчастными, а военное поселение — крайней степенью крепостной зависимости крестьян.

В конце декабря 1819 г., уже после вступления в общество декабристов и после выхода второго издания книги о налогах, Тургеневым была приготовлена записка о крепостном состоянии в России для представления Александру I.

В начале записки Н. И. Тургенев подчеркивал, что всякое улучшение положения крестьян и отмена крепостного состояния могут произойти только по инициативе самодержавной власти: «От нее, и от нее одной мы можем надеяться освобождения наших братьев от рабства, столь же несправедливого, как и бесполезного»³. Это утверждение не являлось результатом только официального характера записки; оно проводилось Н. Тургеневым и ранее, и позже. В этой же записке он считал необходимым уточнить указ 1803 г. о свободных хлебопашцах и правила его исполнения. Тургенев подчеркивал, что «сии правила, ограждая выгоды крестьян, должны оградить и выгоды помещиков...»⁴

Указ 1803 г. целиком исходил из интересов помещиков, предоставляя полностью их усмотрению решение вопроса об отпуске крепостных крестьян в свободные хлебопашцы. У Н. Тургенева не было основания для того, чтобы усматривать в указе ограждение только выгод крестьян и забвение выгод помещиков.

Одним из важных условий экономического прогресса в России он считал сохранение земли у помещиков и применение

¹ Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, ф. 309, д. 1047 (Записки Н. Тургенева об освобождении крестьян), стр. 74. К какому времени относятся записки, неизвестно.

² Там же.

³ «Архив братьев Тургеневых», вып. 5. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева, т. III, стр. 416. Эта записка помещена здесь под названием «Нечто о крепостном состоянии в России».

⁴ Там же, стр. 432.

Н. Тургенев в отличие от Пестеля идеализировал порядок освобождения крестьян ост-зейских губерний (см. «Архив братьев Тургеневых», вып. 5, т. III, стр. 416). Позднее он тоже считал их полусвободными.

вольнонаемного труда в помещичьем хозяйстве. Расширение и углубление экономической зависимости крестьян от помещиков представлялось ему основой будущего (по существу капиталистического) развития помещичьего хозяйства.

В капиталистическом развитии помещичьего хозяйства Н. Тургенев, так же как и Н. Муравьев, видел главный смысл экономических преобразований, а крестьянские интересы отодвигались им на второй план.

В конечном итоге весь смысл рассуждений Н. И. Тургенева об освобождении крестьян сводился к обеспечению условий для перевода помещичьих хозяйств на капиталистические рельсы. Во главе экономического прогресса капиталистического развития России Н. Тургенев хотел поставить помещика. Перерастанием помещичьих хозяйств в капиталистические экономики он по существу исчерпывал свое представление о цивилизации, т. е. о капитализме. Он не сочувствовал капиталистическому развитию в области промышленности. Не было ясности в его представлениях о превращении крестьянского хозяйства в фермерское. Хотя он и говорил о предоставлении и расширении прав крестьян в отношении собственности на землю, данный вопрос в его концепции носил подчиненный характер. Главное внимание уделялось им вопросу о возможности превращения крестьянина в вольнонаемного работника. Этим решалась задача обеспечения помещичьего хозяйства более производительной рабочей силой.

В отличие от Пестеля у Тургенева судьба крестьянина подчинялась интересам буржуазного развития помещичьего хозяйства. Он считал необходимым предоставление крестьянину личной свободы. Вместе с тем он считал возможным дать личную свободу без земли. Мысль об освобождении крестьян с землей встречалась в его дневниках, но Тургенев, как он указывал сам, опасался предложить помещикам освобождение с землей, полагая, что из-за этого ими будет отвергнута сама идея освобождения крестьян.

Несомненно, что в вопросе об освобождении крестьян Н. Тургенев стоял на более передовой позиции по сравнению с современными ему либеральными деятелями.

В отличие от дворянских либералов Н. Тургенев доказывал *неотложность* освобождения *одновременно всех* крепостных крестьян, связывал с этим освобождением ликвидацию некоторых других крепостнических порядков — сословных привилегий дворянства, крепостнических налогов и натуральных повинностей. Меры постепенного или частичного освобождения крестьян он предлагал на тот случай, если единовременное и быстрое освобождение будет отвергнуто. Он публично и настойчиво доказывал необходимость предоставления крестьянам сво-

боды. В существовании крепостного права он видел главное препятствие экономического прогресса в России. В сравнении же с первым русским революционным мыслителем — Радищевым — Тургенев сделал шаг назад. Крестьянское восстание под руководством Пугачева, требования Радищева и Пестеля в крестьянском вопросе показывали, что к началу XIX в. уже созрели задачи более радикального решения крестьянского вопроса, чем намечал Тургенев.

Николай I и его окружение не могли простить Тургеневу его сочувствия революции и республике в период пребывания его в тайном обществе, не могли простить ему безоговорочного присоединения к мнению о необходимости республиканского образа правления в России¹.

В дневниках Тургенева еще до вступления его в тайное общество есть записи, из которых видны его сочувствие, симпатии к революции и республике.

В книге о налогах он неоднократно подчеркивал преимущества республиканского правления перед самодержавным. Но, высказывая свои симпатии к республике и революции, Тургенев все же отдавал предпочтение конституционной монархии и реформам. Он неоднократно высказывал свое отрицательное отношение к крестьянским войнам под руководством Разина и Пугачева.

В период пребывания в обществе декабристов у Тургенева имели место серьезные сдвиги влево, усилились революционные и республиканские настроения; он высказывал сочувствие революционным восстаниям в Испании, в Греции, волнениям солдат Семеновского полка.

Подчеркивание преимуществ республиканского правления и значения революции в жизни народов являлось большой заслугой Н. Тургенева, особенно если учесть, что это делалось в подцензурной книге. Вместе с тем после 1825 г., в бытность Н. Тургенева за границей, от его прежней революционности ничего не осталось, и он превратился в типичного дворянского либерала.

* *
*

Отношение Н. Тургенева к судьбам крепостного права в России, его взгляды на условия освобождения крестьян совпали со взглядами некоторых других видных декабристов.

Один из виднейших деятелей декабризма — *Никита Муравьев* первоначально тоже был сторонником предоставления крестьянам только личной свободы. Написанные Н. Муравье-

¹ «Восстание декабристов». Материалы, т. IV, М.—Л. 1927, стр. 102.

вым варианты конституции представляют большой интерес, так как дают представление об экономических и политических взглядах некоторых декабристов, состоявших главным образом в Северном обществе.

Три варианта конституции Н. Муравьева показывают эволюцию его взглядов на решение крестьянского вопроса. Но во всех вариантах это решение находится в непосредственной связи с умеренными целями их автора в области государственного устройства.

До 1821 г. Н. Муравьев разделял республиканские взгляды Пестеля, признавал необходимость царевбийства, как условия переворота. В течение 1821 и 1822 гг. в политических воззрениях Н. Муравьева произошел коренной перелом — он отказался от республиканских взглядов и перешел на позицию признания конституционной монархии. В эти годы составлялся Н. Муравьевым его первый вариант конституции.

По первому варианту конституции Н. Муравьева крестьянину предоставлялась только *личная* свобода, т. е. крестьянин лишился бы полевой и усадебной земли, его орудий труда, скота, который он вырастил в своем хозяйстве, будучи крепостным крестьянином. Получив свободу, крестьянин утратил бы всякую возможность вести свое собственное хозяйство и был бы вынужден превратиться в батрака у помещика или арендовать у него землю.

Следует иметь в виду, что по проекту Н. Муравьева затруднялся и переход крестьянина к другому помещику, так как для этого он должен уплатить своему помещику вознаграждение «за временное прервание в порядке получения доходов...»¹ Крепостной крестьянин не располагал денежными средствами, чтобы откупиться от помещика; следовательно, прикрепление к помещику в некоторой степени сохранялось, и тем самым обеспечивались для помещичьего хозяйства рабочие руки тех же крестьян, теперь формально свободных, но попадающих в экономическую зависимость к помещику. Условия такого освобождения крестьян гарантировали бы помещику по меньшей мере сохранение его прежних доходов.

Более благоприятные условия освобождения предусматривались Н. Муравьевым для экономических, удельных и для тех крестьян, которые находились в составе военных поселений; для них он намечал передачу земли, которую они обрабатывали, при сохранении общинной системы землевладения. Вместе с тем предусматривалось, что на смену общинному должно постепенно прийти частное владение землей.

¹ Н. Дружинин, Декабрист Никита Муравьев, Изд-во политкаторжан. М. 1933, стр. 307. (Приложение III. Конституция Н. Муравьева).

Условия освобождения крестьян, предусмотренные в первом варианте конституции Муравьева, подверглись критике со стороны не только Пестеля, но и сторонников Н. Муравьева — С. Трубецкого и других членов Северного и Южного обществ. Под влиянием этой критики Н. Муравьев пересмотрел свой первоначальный план освобождения крестьян.

Во втором варианте конституции, разработка которого относится примерно к 1824 г., Н. Муравьев предусматривал, что «дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом им принадлежащим»¹.

Это являлось уже некоторой уступкой в пользу крестьян, но такой уступкой, в которой было заинтересовано и само дворянство: создавались условия для оседлости крестьян, ослабевало стремление крестьянина к уходу от своего помещика. Под влиянием Трубецкого и других Н. Муравьев изъясил из второго варианта конституции требование о *вознаграждении помещика* крестьянином за право перехода от одного помещика к другому.

Наконец, Н. Муравьев в третьем варианте конституции, который был воспроизведен им в тюрьме, предусматривал, что освобожденные крестьяне должны получить «в свою собственность дворы, в которых они живут, скот и земледельческие орудия, в оных находящиеся, и по две десятины земли на каждый двор для оседлости их...»² В этом же варианте конституции имелось еще одно добавление в отношении крестьян: «Они получают право приобретать землю в потомственное владение»³.

Конечно, двух десятин земли на двор было бы совершенно недостаточно не только для обеспечения хозяйственной независимости крестьянина от помещика, но даже и для бедного существования крестьянской семьи. Вместе с тем такое освобождение сохраняло бы зависимость крестьян от помещика, обеспечивало бы рабочие руки для хозяйства помещика.

Отношения между помещиками и крестьянами на базе этих проектируемых условий оставили бы место для развития кабалы, сущность которой — капиталистическая, но опутана она остатками прежних крепостнических отношений; аренда крестьянами земли у помещиков стала бы приобретать полукрепостной характер.

Н. Муравьев в своих проектах решения крестьянского вопроса пошел дальше Н. Тургенева, который только в 40-х годах предусмотрел возможность (и то с оговорками) наделения крестьян маленькими участками земли.

¹ Н. Дружинин, Декабрист Никита Муравьев, стр. 323.

² Там же, стр. 357.

³ Там же.

Во всех трех вариантах конституции Н. Муравьев, признавая необходимость отмены крепостного состояния крестьян, охранял интересы помещиков, их собственность на землю, помещичьи доходы.

У Н. Муравьева было много общего с Н. Тургеневым в решении крестьянского вопроса; исходные позиции их были одни и те же: и тот и другой резко отрицательно относились к аграрному проекту Пестеля. Еще в конце 1823 г. Н. Муравьев говорил о себе, что он имеет мысли, противоположные идеям Пестеля. На следствии Н. Муравьев заявил: «...Весь план Пестеля был противен моему рассудку и образу мыслей»¹.

С. Трубецкой, И. Якушкин, М. Лунин, М. Орлов и ряд других декабристов были тоже сторонниками безземельного освобождения крестьян.

В проекте манифеста, найденном у С. Трубецкого, вопрос о земле был совсем обойден; решение его предоставлялось верховному собору, в котором главную роль должны играть помещики. Как сами крестьяне реагировали на проекты такого освобождения, видно из известного рассказа Якушкина: крестьяне на предложение Якушкина освободить их без земли ответили ему: «...оставайся все по-старому; мы ваши, а земля наша»².

В отношении сословий Н. Муравьев свою позицию сформулировал очень неопределенно. «Разделение между *благородными* и *простолюдными* не принимается...», — сказано в первом и втором варианте конституции Н. Муравьева, но ничего не говорится о ликвидации сословий и преимуществ дворянства; больше того, последние зафиксированы в конституции установлением высокого имущественного ценза для получения избирательного права, причем ценз для землевладельцев устанавливался ниже, чем для купцов; права гражданства связывались с имущественным цензом. Против этого Пестель решительно возражал. Оставление всей земли за помещиками свидетельствовало о сохранении важнейшего их преимущества. Поэтому положение конституции Н. Муравьева, что «все русские равны пред законом», приобретало формальный характер. При всем этом намерение Н. Муравьева ликвидировать крепостную зависимость крестьян для своего времени было прогрессивным.

* * *

*

Н. Тургенев в 30-х и 40-х годах XIX в. писал свои мемуары, которые вышли в свет в 1847 г. на французском языке в трех томах под названием «La Russie et les Russes» («Россия и

¹ «Восстание декабристов». Материалы, т. I, стр. 324.

² «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина», АН СССР, М. 1951, стр. 29.

русские»). В этой большой работе, написанной в эмиграции, Тургенев вновь уделил много внимания вопросу об освобождении крестьян. Наиболее полное освещение этого вопроса дано в III томе, где Н. Тургенев излагал свои пожелания о реформах в России.

В этой книге Н. Тургенева обращает на себя внимание настойчивая мысль автора, что с освобождением крестьян надо торопиться, что промедление чревато опасностью восстания крестьян, которые могут дело своего освобождения взять в свои руки.

По-прежнему признавая крепостное право главной помехой на пути России к цивилизации, Тургенев освобождение крестьян от крепостной зависимости считал самой срочной, первоочередной реформой, которая должна предшествовать всем другим реформам. Достижение этой цели он по-прежнему признавал возможным только через самодержавие. На каких же началах предлагал теперь Н. Тургенев провести реформу?

Наиболее предпочтительным он считал так называемое «простое освобождение», под которым имел в виду только личное освобождение крестьян, без той земли, которую они обрабатывали для себя; вся земля, за исключением усадебной, целиком оставалась в распоряжении помещика.

Он полагал, что в результате «простого освобождения» крестьянам было бы предоставлено право ухода от помещиков в определенное время года, право определять место своего жительства по собственному усмотрению, а отношения между помещиками и крестьянами должны определяться взаимными соглашениями; он считал, что при этих новых условиях обязательство крестьян должны погашаться преимущественно деньгами.

Боясь восстаний помещичьих крестьян в результате такого «освобождения», особенно когда казенные крестьяне получили бы наделы земли, Тургенев считал возможным допустить второй — так называемый «квалифицированный способ освобождения», при котором предусматривалось наделение крестьян землей в размере не более 3 десятин на тягло.

Этой земли, конечно, ни в коей мере не хватило бы для обеспечения крестьянской семьи самым необходимым. Наделение такими мизерными участками земли только привязало бы крестьянина к помещичьему хозяйству, заставило бы крестьянина арендовать землю у помещика на кабальных условиях.

По данным В. И. Семевского, на грани XVIII и XIX вв. у барщинных крестьян приходилось по 8 десятин земли на ревизскую душу в нечерноземных губерниях и по 7 десятин — в черноземных.

В 1825 г. на одну ревизскую душу приходилось земли в Рязанской и Орловской губерниях по 7 десятин, в Воронежской и Тамбовской — по 9 десятин¹. Из этих примеров видна огромная разница между тем наделом, которым фактически владели крестьяне до реформы, и тем мизерным наделом, который проектировали для крестьян Н. Тургенев и Н. Муравьев.

В соответствии с этим и в период подготовки крестьянской реформы Н. Тургенев неоднократно высказывал мысль о целесообразности значительного уменьшения земельного надела при освобождении крестьян. Реформу 1861 г. он встретил с восторгом и считал, что она пошла дальше его проектов.

Оставшиеся в живых декабристы отрицательно отнеслись к книге Н. Тургенева «Россия и русские». Примером может служить Н. Бестужев. Хотя он и считался всегда среди декабристов умеренным, однако, в письме к С. Волконскому в 1850 г. Н. Бестужев дал резкую критику взглядов Н. Тургенева. Он упрекал Тургенева в незнании России.

Больше всего Н. Бестужев критиковал Тургенева за аграрные планы последнего. «По-моему,— писал Н. Бестужев,— земля, воздух, вода, т. е. то, чего мы не можем создать ни одного атома, не может быть нашею собственностью...»² Аграрный проект Н. Тургенева он называл жалким.

Герцен сказал об авторе этой книги, что она написана человеком, не знавшим России после 1825 г., оторванным от нее.

Эта книга, несмотря на все недостатки, для 40-х годов XIX в. была прогрессивной. Вместе с тем она показывает эволюцию идей умеренного декабриста, либеральные колебания которого взяли верх, особенно после поражения восстания декабристов.

Взгляды Н. И. Тургенева на развитие промышленности и торговли в России

Взгляды Н. Тургенева на развитие промышленности также отличались от воззрений Пестеля. Пестель считал целесообразным применение поощрительных тарифов в целях развития отечественной промышленности. Н. Тургенев подходил к вопросу иначе. Он некритически отнесся к популярной в то время идее физиократов и А. Смита о свободе внешней торговли, дог-

¹ ЦГИАЛ, Комитет 6 декабря 1826 г., ф. 1167, д. 140 (Бумаги, относящиеся до управления и нового устройства в губерниях, вверенных генерал-губернатору Балашову), л. 65 об.

² «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, стр. 443.

матически воспринял ее. Игнорируя то обстоятельство, что экономические условия России и Англии были тогда весьма различны, Тургенев считал, что принцип свободы торговли вполне применим и к России.

К вопросу о внешней торговле Тургенев подходил с точки зрения обеспечения интересов помещичьего хозяйства.

В заметке «Нечто о барщине» (1818 г.) Н. Тургенев подчеркивал: «...Меркантильная зараза сильно с некоторого времени распространилась в России, и помещики, даже в хлебородных губерниях, завели фабрики, на которых работают крестьяне, в особенности малолетные»¹. Стремление к развитию фабрик он рассматривал как меркантилизм, как осуществление принципов вредной, отжившей свой век меркантильной системы, одним словом, как результат заблуждений. В этом проявлялся не только догматический подход Н. И. Тургенева к фритредерству, но и дворянская ограниченность его взглядов.

В работе «Нечто о крепостном состоянии в России» (1819 г.) Тургенев писал, что «не только у нас, но и во всей Европе правительства жертвовали прежде всем для учреждения фабрик и мануфактур. Разлившийся свет наук политических убедил Европу, что богатства народные рождаются не от фабрик, а от свободы промышленности и торговли. Российское правительство лучше многих других постигло сию великую истину и приводит ее в действо...»²

Н. Тургенев имел здесь в виду введение русским правительством с 1819 г. нового таможенного тарифа, который был составлен на основе принципа полной свободы внешней торговли. С 1811 г. в России был установлен наиболее поощрительный тариф, по сравнению со всеми предшествовавшими, а в 1819 г. правительство отказалось от покровительственного, запретительного тарифа. Тургенев одобрял этот шаг правительства, хотя он был вредным для страны, мешал ликвидации ее экономической отсталости. Такое отношение к развитию промышленности, к запретительному тарифу явилось результатом не только догматического понимания протекционизма, но и одностороннего представления об экономическом прогрессе, как о развитии только помещичьего хозяйства.

Еще более решительно и последовательно изложил Тургенев свои фритредерские взгляды в книге «Опыт теории налогов». Он резко выступил здесь против протекционизма, считая последний заблуждением меркантилизма. Тургенев рекомендовал руководствоваться «простым правилом»: сукна и другие товары покупать там, где они дешевле, т. е. в Англии и Франции.

¹ «Архив братьев Тургеневых», вып. 5, Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 годы, т. III, стр. 406.

² Там же, стр. 417.

Рассуждая так, он исходил, конечно, не только из теоретических симпатий к фритредерству, но и из практических выгод дворян, которые являлись постоянными покупателями иностранных промышленных товаров. Для оправдания своей позиции в этом вопросе Тургенев ссылался на теоретический авторитет Смита, который «самым блистательным образом доказал ложность меркантильной системы»¹.

Полное отождествление протекционизма и меркантилизма — неправильная исходная теоретическая предпосылка. Протекционизм входил в систему мероприятий меркантилистов, но отсюда еще не следует, что при всех условиях проведение протекционистской политики есть меркантилизм. Тургенев же рассматривал «направление народной промышленности правительством»² во всех случаях как меркантилизм. Называя систему меркантилизма ложной, он не объяснил, почему же «системы пошлин во всех государствах основываются более или менее на ложных правилах системы меркантильной»³, т. е. на протекционизме, почему все государства подвержены заблуждениям этой системы?

Н. Тургенев не отрицал, что навигационный акт Кромвеля и связанный с ним протекционизм «...имел последствия благотворительные для Англии...»⁴ Но он пытался доказать, что применение протекционизма и в Англии было целесообразно только отчасти, так как, хотя навигационный акт и способствовал благосостоянию Англии, но «...способствовал как пожертвование, которое Англия принесла и приносит в пользу независимости и силы государства»⁵.

Казалось бы, что Н. Тургенев подобные суждения должен был применить и к своему отечеству, за интересы, независимость и силу которого он боролся. Но такого рода мероприятия он не считал полезными для своей страны. «Едва ли можно полагать, чтобы такая же цель могла существовать для других государств»⁶. По его мнению, «подражания в сем случае едва ли могут быть удачны»⁷.

Здесь Н. Тургенев вступил в конфликт с историческими фактами. Он сделал неправильный вывод, будто бы Англия в отношении борьбы за независимость, применения запретительной системы находилась раньше в особом, исключительном положении по сравнению с другими государствами.

¹ Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, стр. 91.

² Там же, стр. 89.

³ Там же, стр. 88. Курсив мой.— Ф. М.

⁴ Там же, стр. 91.

⁵ Там же, стр. 92. Курсив мой.— Ф. М.

⁶ Там же, стр. 92. Курсив мой.— Ф. М.

⁷ Там же.

Он сам себе противоречил, когда в той же книге заявлял: «Но что значат все богатства мира, когда нет главного, неопценного богатства — независимости государственной?»¹ Он забыл и о том, что протекционизм и даже запретительная система существовали тогда и во Франции, и в Германии, и в Северной Америке.

Н. Тургенев оправдывал применение запретительной системы Англией тем, что это средство было использовано ею в особых условиях XVII в., когда она имела могучих и богатых соперников. Но ведь Англия была для России в конце XVIII и в начале XIX в. тоже богатым соперником, однако Н. Тургенев отрицал необходимость установления Россией запретительной системы.

Н. Тургенев считал нужным осуществлять принцип свободы во всей экономической деятельности; этот принцип он превратил в самоцель, в панацею от всех зол. Полагая, что принципы фритредерства применимы в условиях того времени для всех государств и при всех условиях, он требовал установления неограниченной свободы внешней торговли, допущения в Россию иностранцев для конкуренции с отечественными фабрикантами и купцами. По его мнению, не следует «...ограничивать ввоза иностранных произведений, не должно, в замену оных, ободрять перерабатывание собственных, и для того заводить фабрики и мануфактуры»². Он полагал, что промышленность должна развиваться стихийно, без всякого содействия правительства. Тургенев не понимал значения развития промышленности для преодоления экономической отсталости России от передовых стран Западной Европы.

Фритредерские настроения высказывали в тот период, как известно, наиболее консервативные элементы; но между высказываниями Н. Тургенева и, например, «Духа журналов» имелась принципиальная разница в этом вопросе. «Дух журналов» в фритредерстве видел политику, при помощи которой можно сохранить существование крепостного права в России, а Н. Тургенев настойчиво стремился к ликвидации крепостной зависимости крестьян.

Если Пестель утверждал, что тариф нужно устанавливать не в интересах казны, а в целях поощрения промышленности, то Тургенев вообще отрицательно относился к поощрительному тарифу, а таможенные пошлины рассматривал только как средство пополнения доходов казны.

¹ Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, стр. 131.

² Там же, стр. 94.

Н. Бестужев о промышленности и торговле

Фритредерские принципы поддерживали и некоторые другие декабристы (например, Каховский), исходя из интересов дворян — покупателей зарубежных товаров. А. Бестужев осуждал практику частых изменений тарифов, выступал за ограничение запретительной системы; в то же время он высказывался за покровительство промышленности, за развитие городов.

Н. Муравьев, так же как Н. Тургенев, не проявлял интереса к вопросам развития промышленности в России. В своем проекте конституции он только заявлял о свободе каждого заниматься любым видом промысла. Н. Муравьев, как и Н. Тургенев, выступал против цехов, которые стесняли развитие ремесла, против купеческих гильдий, служивших помехой развитию внутренней торговли и промышленности.

Из декабристов обоснованию фритредерства более всего уделил внимания *Н. Бестужев*. Свою работу «О свободе торговли и вообще промышленности» (1831 г.)¹ он целиком посвятил защите фритредерства, пытаясь доказать вред протекционистской и запретительной системы для внешней торговли России.

Формулу «laissez faire, laissez passer» он представлял как величайшую истину политической экономии, основанную на свободной воле человека, а протекционистскую и запретительную систему считал заблуждением отжившего свой век меркантилизма.

В принципе «laissez faire, laissez passer» Н. Бестужев видел панацею от всех основных зол капитализма — экономических кризисов, обнищания рабочих и всего населения; корень всего зла, несчастий людей он видел в стеснении свободы внешней торговли.

Вредные последствия применения запретительной системы во внешней торговле Н. Бестужев пытался доказать на примере Англии, Франции и США. Он признавал, что применение Англией запретительной системы сыграло наряду с географическими факторами значительную роль в том отношении, что Англия стала тогда страной, самой могущественной в промышленном и торговом отношении. Но в то же время он подчеркивал и отрицательную роль запретительной системы в развитии Англии.

Н. Бестужев считал, что международное разделение труда должно базироваться на географических, почвенных, климатических и других природных различиях. Те страны, которые имеют большие пространства плодородной земли, должны заниматься земледелием и скотоводством; другие страны, как

¹ См. *Н. А. Бестужев*, Статьи и письма, М.—Л. 1933, стр. 93—172.

например Англия, по недостатку земли вынуждены заниматься развитием промышленности и торговли.

Он осуждал страны, которые пытались подражать Англии и производить те же мануфактурные изделия в своем отечестве, «стыдились быть в зависимости» от Англии, отвлекали от земледелия рабочие руки. Он считал, что земледельческой России безрассудно состязаться с промышленной Англией.

Бестужев высказывался против введения фабрик, не могущих выдержать соперничества. Конкуренцию с иностранными промышленниками он считал лучшим условием для развития отечественных фабрик, для определения их пригодности и пользы. Но самая главная опасность запретительно-протекционистской политики, по его мнению, состояла в том, что она приводила к упадку земледелия, уменьшению сбыта сельскохозяйственной продукции, а земледелие, по Бестужеву, составляет главный источник богатства и благосостояния населения России. Для России «естественное призвание есть состояние земледельческое и скотоводственное»¹. Россия должна поставлять на внешний рынок свою сельскохозяйственную продукцию, а промышленные товары приобретать в других странах, руководствуясь правилом покупать товары там, где они дешевле и лучше.

Если Россия, рассуждал он, стремилась ограничивать ввоз иностранных промышленных изделий, меньше стала их покупать в других странах, заводя у себя фабрики, мануфактуры, то и иностранцы стали меньше покупать в России сельскохозяйственной продукции; это затрудняет сбыт сельскохозяйственного сырья, наносит ущерб сельскому хозяйству. Объяснение важных экономических явлений Бестужев искал не в условиях производства, а в сфере обращения.

За упадком земледелия и скотоводства неизбежно следует, писал Н. Бестужев, упадок и промышленности. Он имел при этом в виду прежде всего промышленность, обрабатывающую отечественное сырье. К ней он относил промышленность мукомольную, винокуренную, суконную, промышленность по обработке пеньки, кож и т. д. Эта промышленность находилась по преимуществу в руках дворян. Поощрение развития ее Бестужев считал необходимым.

Н. Бестужев вносил ряд прогрессивных предложений: уничтожить все монополии, откупы и привилегии, за исключением привилегий, выданных за изобретения, уничтожить гильдии и цехи, прекратить всякую казенную торговлю.

Защиту фритредерства Н. Бестужев пытался связать с задачей обеспечения благосостояния народа.

¹ Н. А. Бестужев, О свободе торговли и промышленности, Статьи и письма, стр. 129.

Но при этом сущность проблемы опять сводилась им к антитезе фритредерства и протекционизма. Несмотря на то, что во фритредерской Англии нищета народных масс оказалась чудовищной, он именно в запретительной системе видел для купцов и фабрикантов легкий способ их обогащения в ущерб интересам народа и его благосостояния.

Бестужев упрекал правительство за то, что оно «...под благовидным предлогом поощрения общей народной промышленности неприметно покровительствует одному или нескольким сословиям и нечувствительно обедняет другие»¹.

Н. Бестужев не обнаружил сколько-нибудь серьезного понимания законов экономического прогресса и условий благосостояния народа; он явно переоценил значение фритредерского принципа в жизни народов и своей страны и рассматривал фритредерство как панацею от всех зол, как главное условие экономического прогресса и благосостояния народа.

Теоретическое обоснование Н. И. Тургеневым преобразований в налоговой и денежной системах

Н. Тургенев не случайно темой своей первой книги взял проблему налогов. Тема эта была актуальной, привлекала к себе большое внимание государственных деятелей и представителей прогрессивных кругов русского общества. Рассматривая налоговую политику царского правительства, Н. Тургенев имел возможность обсуждать и вопросы земледелия, промышленности, торговли, положение различных классов общества.

Критикуя феодальные порядки в области налогов, Н. Тургенев выступал против тех привилегий, которыми пользовались высшие классы общества. Он возмущался тем, что «...даже целые классы народа бывали освобождены от налогов. Такая несправедливость становилась тем ужаснее, что исключения были делаемы в пользу тех из граждан, и тех из классов народа, кои всех более были обязаны участвовать в повинностях общественных, пользуясь важнейшими богатствами в государстве»².

В подтверждение этого положения он ссылался на Францию, на привилегии ее дворян и духовенства. В еще большей мере это относилось к России того времени, но об этом он не имел возможности писать.

Н. Тургенев считал нужным подчеркнуть, что «древние римляне поставляли себе за честь платить тем более, чем знат-

¹ Н. А. Бестужев, О свободе торговли и промышленности, Статьи и письма, стр. 162.

² Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, стр. 19.

нее они были. Знатные люди новейших времен, как мы видели, находили честь свою совсем в противном»¹. Ясно, что при этом он имел в виду и русских, а не только французских дворян. Для русских дворян он делал вывод, что «от неравного разделения податей между гражданами рождается ненависть одного класса народа к другому, отчего происходит и ненависть к самому правительству»².

Особенно важное значение придавал Н. Тургенев принципу равного распределения налогов; он считал, что налоги должны быть распределяемы между всеми гражданами в соответствии с доходом каждого.

Отвергая сословный характер подушных податей, которыми облагались только низшие классы населения, так называемые податные сословия, Тургенев предлагал подушную подать с ревизских душ, не сообразующуюся с доходами плательщиков, заменить налогом «на рабочие силы и землю». Он осуждал подушную подать, рассматривал ее как продукт крепостничества.

Особенно решительно возражал Н. Тургенев против того, что государство и помещики принуждали население к несению личных повинностей. Вскрывая крепостническое происхождение последних, он рассматривал их как самые несправедливые и тяжелые налоги. Такие повинности очень широко применялись в России и были бичом для крепостных крестьян. Об этом писали многие декабристы.

Автор книги «Опыт теории налогов» подчеркивал большой вред этих повинностей для тех, кто их выполнял, и малую пользу для государства. По его мнению, «сии повинности отвлекают земледельца от главнейших его занятий. Наконец, какого прилежания можно ожидать от того, кто работает, не получая вознаграждения...»³ Тургенев рекомендовал заменить личные повинности денежным сбором.

Показывая многочисленные примеры пережитков средневековья в налогах, произвола в них, обусловленного феодализмом, Н. Тургенев, по существу дал критику налоговой системы феодальной России. Каждому внимательному читателю было понятно, что примеры из других стран относятся и к России.

В то же время автор пользовался каждым случаем, чтобы показать преимущества налоговой системы в странах, где существовали конституции и гражданская свобода, проявлявшиеся в том, что налоги назначались с согласия представителей от народа; в этих странах налоговая система, как утверждал Н. Тургенев, согласуется с выгодами народа. Автор

¹ Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, стр. 21.

² Там же.

³ Там же, стр. 66.

отметил, что в республиках налоги платятся охотнее, а в деспотических государствах имеется отвращение к налогам.

Тургенев обнаружил глубокое для того времени понимание классовой и политической природы налогов. Он подводил читателя к выводу о том, что по организации налоговой системы можно судить о степени прогресса, которой достигла данная страна.

Вместе с тем Тургенев стремился дать читателю представление о более совершенной организации налоговой системы, основанной на принципах современной ему буржуазной экономической науки и практики. Он преследовал этим практическую цель — показать, в каком направлении надо перестраивать налоговую систему и налоговую политику в России.

В книге Н. И. Тургенева определение налога дано в духе общественного договора Руссо: «налоги суть средства к достижению цели общества или государства, т. е. той цели, которую люди себе предполагают при соединении своем в общество...»¹ Это определение налогов не очень конкретно, но оно включает в себе буржуазно-демократические начала.

Он показал, что такое определение налога обязывает к установлению порядка, при котором введение налога должно делаться с согласия представителей народа, а это в свою очередь предполагает установление конституции. Н. Тургенев подчеркивал, что «согласие со стороны народа для введения налогов может быть действительно и полезно только в тех государствах, которые пользуются *сущностью, а не одними только формами* гражданской свободы»².

С приведенным определением налогов Н. Тургенев связывал и вопрос о размерах их. Он считал, что «правительство должно брать столько, сколько нужно для удовлетворения истинных потребностей государственных; а не столько, сколько народ дать в состоянии»³. Правительство обязано не делать расходов, превышающих его доходы. В книге сформулировано требование, чтобы доход государства «был сколь возможно менее обременителен для народа»⁴.

Тургенев возражал против того, что многими авторами по вопросам финансов принято правило, согласно которому доходы государства должны устанавливаться соразмерно расходам. Это правило, принятое без ограничения, писал Тургенев, ведет к разорению подданных. Возражение Н. Тургенева, по существу, было направлено против существовавшей тогда бюджетной практики царского правительства, которое, не считаясь

¹ Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, стр. 11—12.

² Там же, стр. 12. Курсив мой.— Ф. М.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 18.

с чрезмерной обременительностью налогов, падавших по преимуществу на крестьян, ежегодно раздувало бюджетные расходы. В России огромный рост бюджетных расходов и налогов совершенно не соответствовал росту доходов населения и значительное ежегодное увеличение налогов являлось одним из существенных факторов возрастания обнищания крестьянства.

Тургенев предостерегал также и от того, чтобы недостаток в доходах против намеченных расходов покрывался за счет выпуска бумажных денег. Он защищал принцип взимания налога только с чистого дохода, не затрагивая самого капитала.

Тургенев обнаружил настойчивое стремление поставить налоговую политику на службу интересам развития капиталистического хозяйства. Он критиковал налоговую политику, которая способна привести к уменьшению, истощению капиталов помещиков, высказывался против налогов на капитал, при этом он имел в виду налоги, относящиеся к помещичьим имениям (при разделе или наследовании их); следовательно, и в данном случае Тургенев заботился о капиталистическом развитии помещичьего хозяйства.

Тургенев пытался обосновать ту идею, что налог с помещичьих хозяйств должен оставаться в течение 100 лет неизменным, независимо от роста дохода. Здесь он явно вступал в противоречие со своим принципом уравнительного распределения налогов в соответствии с доходами. Отступление свое от этого принципа Тургенев обосновывал тем, что необходимо обеспечить приток капиталов в сельское хозяйство и заинтересовать помещиков в новых вложениях средств в свое хозяйство. В то же время он вступал в противоречие и с другим своим принципом — отрицанием привилегий дворян в отношении налогов.

Тургенев решительно выступал против физиократов, против их проекта установить единый налог с земельной ренты.

Высказываясь в пользу того, что правительство обязано стараться уменьшать сколь возможно тяжесть налогов на простой народ, Н. Тургенев тут же, однако, спешил предупредить, что эти старания правительства не должны быть значительными. По его мнению, «...такое покровительство простому народу должно иметь свои пределы. Неккер требует слишком многого, говоря, что сия метода может служить хорошим средством для уменьшения неравенства имений»¹.

Н. Тургенев считал целесообразным существование косвенных налогов, которые в действительности, как известно, не

¹ Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, стр. 21.

отвечают принципу равенства налогов, сообразности их с доходами и ложатся главной тяжестью на простой народ. Преимущество этих налогов Н. Тургенев видел в том, что якобы каждый платит их тогда, когда ему заблагорассудится.

Следует особо отметить, что Н. Тургенев не соглашался со многими положениями в теории налогов, высказывавшимися его предшественниками и современниками. Так, например, он критиковал теоретические позиции Юма за то, что тот видел в росте налогов благоприятное условие для роста благосостояния государства¹.

Н. Тургенев считал безрассудным мнение, что налоги и недостатки будто бы побуждают народ к прилежанию, к трезвости и бережливости². Не соглашался он и с утверждением, будто бы каждый новый налог создает новую способность граждан платить его. Он возражал Стюарту, полагавшему, что «налоги ободряют промышленность».

Теоретические возражения Н. Тургенева направлены на защиту его тезиса о необходимости установления умеренных налогов в силу того, что они влияют на уровень народного богатства. Проблему налогов он связывал с благосостоянием народа.

Н. Тургенев поставил вопрос о значении налогов для роста народонаселения. Он писал, что налоги, угнетающие простого работника, имеют «...самое непосредственное влияние на народонаселение»³.

Причины изменений в народонаселении Н. Тургенев видел вопреки утверждениям Мальтуса в социально-политических и экономических, а не в природных условиях.

Одной из причин обнищания народа, опять-таки вопреки Мальтусу, Н. Тургенев считал чрезмерные налоги; он полагал, что, чем больше считаются с выгодами народа при установлении и взимании налогов, тем выше благосостояние народа.

В качестве примера Тургенев ссылался на Англию, которую считали богатой страной, но не видели бедственного положения ее народа. Причину такого положения народа Англии он усматривал в очень высоких налогах⁴.

Сопоставляя понимание Н. Тургеньевым и П. Пестелем благосостояния народа, мы видим, что взгляды Пестеля на благосостояние народа носили более демократический характер, чем взгляды Н. Тургенева. Благосостояние народа Пестель связывал прежде всего с бесплатным предоставлением земли каждому, желающему ее получить.

¹ См. *Н. И. Тургенев*, Опыт теории налогов, стр. 142—143.

² См. там же, стр. 137, 140, 141.

³ Там же, стр. 139.

⁴ См. там же, стр. 136.

Основные положения о налогах и налоговой политике, которые были высказаны Н. Тургеневым в его книге, совпадали со взглядами большинства декабристов, расхождения были в частностях.

* * *

*

Последняя глава книги — «О бумажных деньгах, как о налоге», представляет собой сокращенную диссертацию Н. Тургенева, посвященную вопросам теории кредита и бумажных денег.

Н. Тургенев по этому вопросу много писал и до 1825 г., особенно же после 1825 г.

Бумажные деньги Тургенев характеризовал как полезное изобретение, облегчающее торговлю; подобная характеристика для того времени была общепризнанной. В бумажных деньгах он видел средство обращения, заменяющее металлические деньги, и средство, служащее к удовлетворению потребностей государства в доходах и расходах.

Нормальным условием бумажно-денежного обращения он считал соразмерность их количества с потребностями обращения; при этом условии ценность бумажных денег будет соответствовать ценности металлических денег и обращение бумажных денег приносит большую пользу, так как устраняется потеря драгоценного металла, неизбежная при обращении металлических денег. «Если же бумажные деньги... будут умножены свыше потребности обращения, и если, вследствие сего, ценность оных унизится против ценности чистых денег, то в таком случае убыток, претерпеваемый чрез то народом и равняющийся потере ассигнаций против чистых денег, есть не что иное, как налог, и притом налог весьма неравно разделенный между гражданами»¹.

Осуждая злоупотребления выпуском бумажных денег, Тургенев предупреждал, что следствия чрезмерного увеличения количества бумажных денег, выпущенных в обращение, пагубны, так как большая часть граждан от обесценения ассигнаций разоряется, только некоторые из них, например должники, выигрывают.

Понимая вред чрезмерного выпуска денег, Тургенев все же считал возможным вскоре после войны 1812 г. сделать дополнительный выпуск ассигнаций в России для выдачи ссуд помещикам этих губерний.

Тургенев рассматривал различные средства, способствующие укреплению денежного обращения. Единственным приемлемым средством для повышения курса государственных ассигнаций

¹ Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, стр. 148.

он считал уменьшение количества их. В этих целях он предлагал продавать государственные имения и поселенных на них крестьян, а вырученные ассигнации уничтожать. В случае же, если эта мера не будет признана осуществимой, Тургенев предлагал, оставляя все количество ассигнаций в обращении, определить нарицательную ценность их по курсу. Если же обе эти меры окажутся неприемлемыми, тогда, по мнению Тургенева, не останется ничего другого, как совершенное уничтожение бумажных денег.

Тургенев затронул кратко и вопрос об отношении банков с правительством в связи с тем, что эмиссия банков нередко использовалась правительством для покрытия бюджетного дефицита. Он отрицательно относился к такой практике, доказывал вредность ее и для банков, и для государства, и для всего народного хозяйства.

Главной задачей всех правительств Европы в области финансов Тургенев провозгласил поддержание государственного кредита. Действие кредита он считал сильнее действия бумажных денег, тем более, что кредит якобы не ведет народ к разорению, сохраняет и утверждает собственность граждан. Н. Тургенев полагал, что бумажные и кредитные деньги отступают перед преимуществами государственного кредита. Он считал, что вместо выпуска бумажных денег нужно прибегать к государственным займам, к государственному кредиту. Свою книгу он заканчивал утверждением, что «век бумажных денег прошел для теории, — и прошел безвозвратно. Век кредита наступает для всей Европы»¹. Прогноз Н. Тургенева о судьбе бумажных денег оказался несостоятельным; в отношении же значения кредита, и в частности государственного кредита, который прежде всего имел в виду Н. Тургенев, он оказался прав.

Развивая свою мысль о государственном кредите в записке 1856 г., Н. Тургенев доказывал необходимость ограничиваться внутренним займом. Он считал, что внутренний заем выгоднее внешних займов и в экономическом и политическом отношении, что освобождение от внешних долгов обеспечит Россию от политической зависимости и иностранного влияния.

Следует отметить, что и вопрос о кредите Н. Тургенев ставил в связь с политическими условиями, полагая, что «усовершенствование системы кредитной пойдет наряду с усовершенствованием политического законодательства, в особенности с усовершенствованием системы представительства народного»². Государственный кредит и его развитие Н. Тургенев связывал с необходимостью коренных политических преобразований.

¹ Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, стр. 171.

² Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, ф. 309, л. 1173 в (о внутреннем займе), л. 1.

* *

*

Книга Н. И. Тургенева о налогах представляет большой интерес не только как специальное научное исследование по узкому вопросу. Автор раскрывал здесь также роль и значение *экономической науки* в жизни общества. Свою работу он связывал с практическими задачами общественного переустройства, с задачей достижения благосостояния для народа.

Тургенев исходил из того, что политическая экономия не является наукой просто умозрительной: «основательное знание экономии политической есть обязанность управляющих государством; и можно смело сказать, что всякое правительство, которое не будет понимать правил сей науки или будет презирать опыты, необходимо должно погибнуть от финансов»¹.

Тургенев критиковал людей, которые «судят о финансах только по практике, не зная теорий сей науки»². Ориентируя государственных деятелей на изучение экономической науки, сам он стремился связать теорию с практикой, с задачами преобразований, которые считал неизбежными в своем отечестве. Он стремился научно обосновать необходимость экономических преобразований в России.

Заслугой Тургенева являлось то, что, придавая большое значение экономической науке, он хотел поставить ее на службу интересам общества, хотел вооружить прогрессивные элементы общества передовой наукой. Он стремился сочетать науку с политикой, связать теорию с практическими задачами, стоящими перед Россией.

Заслуживает особого внимания определение методологических основ теории финансов, имеющееся в книге Н. Тургенева. Поставив вопрос, на чем основана теория финансов, он указывал, что теория финансов, как и всякая другая наука, основана «на наблюдениях, замечаниях, сделанных на опыте в течение нескольких веков». Теория состоит только «...из сих наблюдений, соображенных между собою в причинах и действиях и изложенных в логическом порядке»³. Он полагал, что именно из расположенных таким образом наблюдений «... выводятся правила, аксиомы, кои одни только могут служить верным путеводителем в суждении и заключении о вещах. Не отвлеченные идеи, но опыт веков сотворил науку финансов.

Сколь же безрассудно поступают те, кои, основываясь единственно на собственном своем суждении, осмеливаются

¹ Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, стр. 147.

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 17.

восставать против неотрицаемого опыта и против свидетельства времен, против истории — сей великой наставницы людей!»¹

Н. Тургенев обнаружил глубокое понимание науки как теоретического обобщения практики. Он порицал эмпириков, чуждавшихся теории, и теоретиков, которым наука представлялась как собрание отвлеченных идей, не связанных с опытом.

* * *

*

После того как Н. Тургенев уехал за пределы своей родины, он оторвался от ее общественной жизни, от насущных задач прогрессивного развития России. В идейно-теоретическом отношении он шел не вперед, а, скорее, назад. Этот период жизни Н. Тургенева характерен некритическим отношением его к европейской буржуазной цивилизации, переходом целиком на позиции дворянского либерализма.

До крайней степени идеализируя порядки буржуазной Западной Европы, он считал, что Россия должна во всем следовать за ней.

* * *

*

Н. Тургенев был одним из тех активных декабристов, которые много внимания уделяли борьбе за освобождение крестьян, причем этого освобождения он добивался не только и даже не столько в интересах самих крестьян, в интересах развития производительных сил крестьянского хозяйства, сколько в интересах развития помещичьего хозяйства. Он активно добивался создания таких экономических условий, при которых был бы облегчен переход помещичьего хозяйства на капиталистические рельсы; налоговую и денежную систему он хотел подчинить этим же целям. Он много потрудился над тем, чтобы довести до сознания русских помещиков, что капиталистические начала ведения помещичьего хозяйства выгоднее для них, чем крепостнические начала. Экономическая эволюция помещичьего хозяйства, которой добивался Н. Тургенев, во многом напоминает путь развития капитализма в сельском хозяйстве, позже получивший название прусского пути. Процесс развития капитализма в России Н. Тургенев понимал однобоко, прежде всего в отношении сельского хозяйства, по преимуществу помещичьего хозяйства. Он выступал против содействия развитию купеческой промышленности и осуждал увлечение помещиков предпринимательской деятельностью в области

¹ Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, стр. 17.

промышленности. Тургенев был противником сохранения крепостного права, активным борцом за развитие капитализма в сельском хозяйстве России. Красной нитью через все его литературное наследство проходит критика феодальных порядков, борьба за осуществление принципа свободы в экономической жизни страны.

Но было бы неправильно сводить идеологию Тургенева к идеологии реформаторов, как это делает В. М. Штейн¹. Различных деятелей начала XIX в.— Сперанского, Мордвинова, Балугьянского, Стройновского и Н. Тургенева он объединяет в одну группу реформаторов. В этой группировке стерты глубокие различия между дворянскими либералами, каковыми являлись первые четыре деятеля, и декабристом Н. Тургеневым. Хотя во взглядах Н. Тургенева и были элементы либерализма, но в период пребывания его в тайном обществе декабристов он определенно высказался за введение в России республики, выражал удовлетворение и даже восторг революционными действиями того времени в Европе. Он стоял тогда на позициях дворянской революционности. Поэтому неправильно относить его в этот период к дворянским либералам: хотя и тогда он обнаруживал колебания между либерализмом и революционностью, но последняя брала верх над либерализмом.

После 1825 г. в его взглядах получил явный перевес либерализм, и он, отрекшись от политических и экономических целей декабризма, целиком встал на позиции либерализма.

Литературное наследство Н. Тургенева занимает значительное место в прогрессивном развитии русской экономической науки в России.

---

¹ См. В. М. Штейн, Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков, Л. 1948, гл. 2.

Глава десятая

РАЗРАБОТКА М. Ф. ОРЛОВЫМ НОВОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КРЕДИТА

Михаил Федорович Орлов (1788—1842 гг.) — один из членов тайного общества «Союз благоденствия», видный военный деятель, генерал-майор; принимал активное участие в Отечественной войне 1812 г.; по поручению Александра I подписал акт о капитуляции Парижа. М. Ф. Орлов являлся крупным помещиком, в его имениях были и промышленные предприятия — стекольный завод, сургучная фабрика. После восстания декабристов М. Ф. Орлов совсем отошел от государственной и общественной деятельности и занимался теоретической работой.

Еще задолго до вступления в общество декабристов Орлов пользовался популярностью среди прогрессивной дворянской молодежи, уважением за свои смелые, свободолюбивые мысли и речи, за незаурядный ум и знания. Он был одним из организаторов тайного общества «*Орден русских рыцарей*» (1814—1816 гг.), созданного с целью упразднения крепостной зависимости крестьян и ограничения самодержавия путем учреждения особого Совета, состоящего из феодальной аристократии и крупных купцов.

В «Союз благоденствия» Орлов вступил в середине 1820 г. и состоял до момента ликвидации его (в январе 1821 г.). Ряд видных декабристов заявлял на следствии, что Орлов после 1821 г. отошел от деятельности в тайном обществе, но сохранил мнение о превосходстве конституционного правления и желательности введения его в России¹. Он не скрывал своей ненависти к деспотизму и одобрительно относился к английской конституции, осуждая в то же время французскую революцию, в результате которой установился республиканский строй.

В конце декабря 1825 г. Орлов был арестован по делу декабристов и содержался в крепости до 15 июля 1826 г.

---

¹ Некоторые исследователи считают, что Орлов и после 1821 г. был руководителем тайного общества декабристов в Кишиневе, но это мнение недостаточно обосновано.

Еще до организации тайного общества декабристов Орлов высказывался за уничтожение крепостного права. Он составил адрес на имя Александра I с предложением отменить крепостное право. Отношение Орлова к самодержавию и крепостному праву и привело его в ряды декабристов. Но он относился к числу умеренных декабристов.

В своей книге «О государственном кредите», вышедшей в 1833 г., Орлов сделал попытку легализовать некоторые положения, перекликающиеся с программными требованиями умеренных декабристов. Работа по подготовке книги начата была автором в период пребывания его в обществе декабристов, а одна глава (по-видимому — первая) написана еще до восстания декабристов. Книга задумана Орловым как продолжение работы Н. Тургенева «Опыт теории налогов». В книге Н. Тургенева вопрос о значении государственного кредита был только поставлен, но не разработан. Задачу разработки этого вопроса и взял на себя Орлов. В этих книгах Н. Тургенева и М. Орлова имеется много общих теоретических положений. Имеются достаточные основания отнести книгу Орлова к литературному наследству декабристов, хотя она и вышла в свет на русском языке только в 1833 г.; она может служить источником для характеристики экономических взглядов умеренных декабристов¹.

Конечно, в подцензурной книге бывшего декабриста, к тому же вышедшей вскоре после подавления восстания декабристов, могли сохраниться только идеи просветительства. Просветительские идеи были характерны для последователей

---

¹ Книга вышла без указания автора и с значительными цензурными изъятиями: полный текст издан на немецком языке тоже без указания автора в 1840 г. в Лейпциге; был подготовлен полный текст книги для издания на французском языке; с этой целью Орлов сделал дополнения к русскому изданию книги, в которых восстановлены все цензурные изъятия. Этот уникальный экземпляр хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Анализ этих дополнений (цензурных изъятий) был дан автором данной главы в журнале «Вопросы экономики» № 10, 1954 г.; в этой же статье впервые выдвинуто положение о приоритете Орлова в разработке новой теории государственного кредита и изложена на основе архивных материалов краткая история книги Орлова. Рукописные вставки Орлова в печатный текст книги опубликованы в «Записках отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, вып. 17, М. 1955.

В данной главе анализ экономических взглядов М. Орлова опирается на полный текст этого экземпляра, включая купюры. Полный текст книги дает достаточно материала для характеристики экономических взглядов М. Орлова; однако следует учитывать, что она предназначена была для легального издания прежде всего в России, и поэтому опальному автору книги, безусловно, приходилось проявлять осторожность в изложении своих взглядов.

Радищева в начале XIX в.; они присущи были и движению декабристов.

Самая большая часть текста, изъятая по требованию цензуры¹, предназначалась автором для обоснования с позиций просветительства программы преобразований в области экономики, политики и культуры, программы ликвидации отсталости России в этих областях. Орлов излагал здесь свою теорию прогресса применительно к России².

Орлову больше всего импонировало умеренное буржуазное просветительство английского типа. Существенными чертами такого просветительства были критика и отрицание феодального строя, враждебное отношение к существованию крепостной зависимости крестьян, ориентация на просвещенного монарха, способного обеспечить усовершенствованное законодательство в духе буржуазных реформ.

Век просвещения Орлов отождествлял с веком капитализма. Период, который совпадает с победным шествием капитализма в Европе (1648—1815 гг.), он назвал блистательнейшей эпохой новой истории. Идеология просветительства — это буржуазная идеология. По сравнению с другими декабристами Орлов выразил ее наиболее рельефно. Он ратовал за европеизацию России, за создание в России наиболее благоприятных условий для развития капитализма в его наиболее зрелой, английской форме. Он выступал за свободу хозяйственной деятельности, против государственной и частной монополии и привилегий, за полную неприкосновенность частной собственности.

Подчеркивая необходимость обеспечения неприкосновенности частной собственности, Орлов не скрывал, что его симпатии находились на стороне *крупной* капиталистической собственности на средства производства в промышленности и сельском хозяйстве. Он считал, что сосредоточение земли в Англии в руках немногих крупных землевладельцев соответствовало интересам развития земледелия и всего народного хозяйства. Он хотел, чтобы казенная земля перешла к помещикам. В то же время он считал, что крестьяне должны освободиться без земли. Орлов защищал имущественное неравенство, сосредоточение собственности, капиталов, всего богатства в немногих руках; он был против того, чтобы богатства «рас-

¹ Самое большое изъятие занимало 39 страниц рукописного текста и служило в первоначальной, полной рукописи непосредственным продолжением текста первой главы, как он был опубликован в русском издании; поэтому в уникальном экземпляре книги русского издания вставка, восстанавливающая эту купюру, вплетена между 77 и 78 страницами книги.

² Этих вопросов он касается и в той части восстановленного текста, которая относится к стр. IX предисловия и составляет пункты 11 и 12 выводов.

сыпались на мелкие части», иначе говоря — против того, чтобы ими обладали мелкие капиталисты города и деревни.

Орлов солидаризировался с Мальтусом и высмеивал филантропических писателей, которые «наводнили общество столь большим количеством безотчетных утопий об общем благоденствии, о равенстве, о златом веке...»¹ Орлов писал о необходимости аристократии, которая, по его словам, является самым важнейшим элементом общества². Он разделял мнение Мальтуса о том, что «богатство должно сосредоточиваться в нескольких руках, а бедность быть уделом остального множества»³. Вместе с тем он понимал, что в изображаемом им будущем обществе должна играть важную роль крупная буржуазия, представителей которой он хотел видеть наряду с дворянами в Сенате.

Одно из важнейших условий экономического прогресса и роста богатства страны Орлов видел в правильной организации и использовании государственного кредита. Рассмотрению этого вопроса и посвящена в основном его книга.

Следует коротко сказать о научном методе, положенном в основу его исследования. Научному методу Орлов придавал большое значение. Он опирался на научный метод Бэкона, который являлся ранним просветителем Англии.

Маркс и Энгельс высоко ценили Бэкона, как родоначальника английского материализма. Бэкон был идеологом буржуазии и нового, обуржуазившегося дворянства периода первоначального накопления капитала, выразителем компромисса этих социальных групп. Он известен как сторонник мирного, постепенного экономического и культурного прогресса. Вместе с тем для его метода характерно критическое отношение к предшествующей науке, не опиравшейся на изучение исторического опыта, стремление создать науку на новых началах.

Бэкон и его социальные симпатии, его научный метод удовлетворяли требованиям и задачам научного исследования Орлова. Он критически подошел к произведениям своих предшественников по интересующему его вопросу и поставил перед собой задачу — создать новую теорию государственного кредита на основе обобщения богатого опыта капиталистических стран.

Существующие теории государственного кредита не удовлетворяли Орлова, так как они страдали, по его мнению, от

¹ М. Ф. Орлов, О государственном кредите, М. 1833, стр. 237.

² Отношение Орлова к собственности, к общему благоденствию и равенству, отношение его к теории Мальтуса находились в резком противоречии со взглядами по этим вопросам Пестеля и многих других декабристов.

³ М. Ф. Орлов, О государственном кредите, стр. 238.

влеченностью суждений. Описательный метод в науке он считал недостаточным и ставил цель проникнуть в сущность изучаемого предмета, учитывать политические условия.

Что же нового дал Орлов в области теории государственного кредита по сравнению с предшественниками?

В XVIII в. и в начале XIX в., несмотря на то, что государственный кредит получил сравнительно широкое распространение в Европе, у него было много противников. Среди них надо назвать такие имена, как Юм, Кондильяк, Кенэ, Смит, Рикардо, Дж. Стюарт Милль, Сэй, Сисмонди, государственные деятели XVII—XIX вв. — Кромвель, Кольбер, Неккер, Наполеон. В России против государственного кредита выступали Балугьянский, министры финансов Гурьев и Канкрин и др.

Смит предпочитал использовать на чрезвычайные нужды (финансирование войны) повышение налогов; он мирился с государственным долгом только потому, что отсутствие бережливости в мирное время вынуждает обращаться к государственным займам во время войны. Считаюсь с наличием государственных займов, он полагал, что эти займы подлежат погашению, а не консолидации, погашение же надо производить за счет продажи казенных земель.

Рикардо еще более решительно, чем Смит, осуждал пользование государственным кредитом; он полагал, что самый тяжелый налог лучше, чем самый успешный заем.

Сторонниками государственного кредита выступали Вольтер, Лоу, Прайс и др. Некоторые представители науки занимали в этом вопросе половинчатую позицию.

Несмотря на то, что значительная часть людей науки и государственных деятелей в Западной Европе и в России осуждали государственный кредит, причем среди противников кредита были и крупные авторитеты, Орлов пошел против господствующего течения и встал на путь активной защиты государственного кредита. Он доказывал огромную роль и значение государственного кредита в деле осуществления экономического прогресса. Эта его позиция соответствовала интересам развития капитализма в России.

Явно преувеличивая роль и значение государственного кредита в экономике страны, Орлов горячо поддержал теории Лоу, Прайса и др., которые пытались доказать капиталотворческую роль кредита. Орлов не понял, что Прайс, с его фантастическим расчетом самовозрастания капитала, не считался с действительным процессом накопления. Государственный кредит, считал Орлов, есть залог богатства, огромное и неистощимое сокровище, составляющее народное богатство, а не бремя, как утверждали некоторые. Он убеждал читателя, что именно благодаря кредиту в Англии образовались необъятные богат-

ства, писал об удивительном могуществе государственного кредита, от которого проистекают все блага¹. Англия, по словам Орлова, нашла в государственном кредите «тот рычаг, коим Архимед хотел поколебать вселенную»². Невзирая на огромный долг, капиталы в Англии благодаря государственному кредиту имелись в изобилии³. По мнению Орлова, целое столетие славы, могущества, изобилия и успехов всякого рода в Англии доставлены именно кредитом⁴.

Явное преувеличение роли государственного кредита подмечено было в рецензии на книгу Орлова в журнале «Библиотека для чтения» за 1834 г.⁵

Такого рода представления о государственном долге Маркс в I томе «Капитала» (гл. 24) называл современной доктриной, исходящей из того, что «народ тем богаче, чем сильнее его задолженность». В наиболее полной и законченной форме подобную доктрину развил впервые М. Орлов. До него в речах государственных деятелей Англии, изредка в журналах и в литературе высказывались отдельные мысли подобного рода, но именно Орлов дал систематическое обоснование этим положениям. В основе этой доктрины лежит представление о капиталотворческой роли кредита, чрезмерное преувеличение роли государственного кредита, фетишизация его. К его теории применимы слова Маркса, что «государственный кредит становится символом веры капитала»⁶.

Орлов понимал роль государственного долга, как важного рычага первоначального накопления, но он явно переоценил значение этого рычага.

Установленные Орловым принципы кредита в основном сводятся к следующему: 1) государственные бюджетные расходы должны быть разделены на обыкновенные и чрезвычайные; 2) первые должны оплачиваться налогами, вторые — займами; проценты по займам тоже должны оплачиваться налогами, и для каждого долга нужно предназначить определенный налог; 3) займы должны быть свободными, а иностранные капиталы в России должны привлекаться наравне с отечественными; 4) все государственные долги должны быть безвозвратными, по долгам следует оплачивать только вечные проценты;

¹ См. М. Ф. Орлов, О государственном кредите, стр. 23, 49, 52, 56, 68, 257.

² Там же, стр. 231.

³ См. там же, стр. 232.

⁴ См. там же, стр. 258.

⁵ См. «Библиотека для чтения», т. I, разд. «Литературная летопись», 1834, стр. 50.

⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, 1956, стр. 758.

5) для поддержания курса займов следует учредить кассу погашения, которая должна покупать и продавать займы и таким образом регулировать проценты по займам. Касса должна также уплачивать проценты по займам. При соблюдении этих правил государственный долг может, по мнению Орлова, возрастать почти безгранично¹. Эти правила он считал основой новой системы государственного кредита.

Орлов понимал необходимость и неизбежность налогов, но все же считал их злом. Он намеренно обнажал их отрицательную сторону, доказывал необходимость политики умеренных налогов. По его мнению, налоги истощают капиталы, нарушают право собственности, порождают насилие и препятствуют полному развитию народного богатства. В изъятом цензурой тексте Орлов доказывал, что налог «исторгает часто последнюю опору у земледелия, останавливает последний оборот торговли и не щадит даже последней надежды бедности»². Он отмечал, что правительство доходит до границ жестокости в собирании налогов, в требовании личных повинностей, которые он считал вредными³; в существующих налогах он усматривал остатки феодального рабства, подлежащие уничтожению.

Орлов предлагал перейти от усиленных податей к системе государственного кредита. При этой системе тоже нужны налоги, в том числе для оплаты процентов по займам; но он считал возможным добиться умеренных налогов — путем бережливости в расходовании государственных средств, изгнания расточительности в этом деле. Он полагал, что уплата только процентов по займам и установление системы безвозвратности самого займа позволит уменьшить размеры налогов. Умеренность налогов он считал первым условием хорошей системы налогов и правильной налоговой политики. Он по цензурным соображениям не критиковал открыто налоговую политику царского правительства и чрезмерно высокие налоги в России того времени, но всякий русский читатель понимал намеки Орлова.

Считая, что государственные займы не имеют пагубных последствий налогов, Орлов рекомендовал широко использовать государственный кредит, сочетая его с умеренной системой налогов. Он понимал необходимость взаимодействия государственного кредита и налоговой системы: «Ежели хорошая система налогов есть первое основание кредита, то употребление кре-

¹ См. М. Ф. Орлов, О государственном кредите, стр. IV—IX, 34, 39—41, 48, 158, 222 и др.

² Рукописные вставки М. Ф. Орлова к книге «О государственном кредите», «Записки отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, вып. 17, стр. 194—195.

³ См. там же, стр. 197.

дита есть побудительная причина к устройству системы налогов»¹.

В теории и практике возникал и другой спорный вопрос — целесообразно ли для целей войны накапливать в мирное время запасные капиталы. Царское правительство неоднократно обращалось к созданию запасных капиталов, и в XVIII в. и в начале XIX в. Мордвинов, Канкрин поддерживали это мероприятие. Сторонниками этой точки зрения были Л. Якоб, Хр. Шлецер и др.

Орлов решительно возражал против такого накопления. Он считал, что оно обрекает капиталы на бездействие, препятствует развитию предприимчивости, увеличивает налоги, а между тем запасные фонды никогда не были достаточным источником для финансирования войны. Он ссылаясь на опыт Наполеона I, Екатерины II и доказывал бессмысленность этого мероприятия. С его точки зрения, практика собирания запасных фондов для целей войны явно устарела.

Можно сказать, что с капиталистической точки зрения позиция Орлова была более последовательной, чем позиция сторонников накопления запасных фондов.

Третьим спорным вопросом кредита был вопрос о погашении государственных долгов. В практике было обычным явлением погашение долгов, если финансовая политика и состояние экономики не приводили к государственному банкротству. Смит и Рикардо неодобрительно относились к положению о том, чтобы долги не погашать, а ограничиваться только выплатой вечных процентов. Они полагали, что создание фонда погашения способно приводить к злоупотреблению этим фондом. Орлов считал пользование государственными займами без погашения суммы долгов первым, важнейшим правилом государственного кредита. Этим он косвенно признавал непродуманное, как правило, применение капиталистическим государством капиталов, полученных в порядке государственных займов. Указанное правило приводило к тому, что в странах, широко использовавших государственный кредит, например в Англии, государственные долги увеличивались с каждым годом и вырастали в огромные суммы. Но огромные государственные долги Орлов считал не бременем, а, наоборот, богатством народа и правительства².

Формулируя принцип безвозвратности капитальной суммы долга, Орлов, по существу, обобщил опыт новейшего времени и правильно понял тенденцию развития государственного кредита. Орлов не соглашался с концепцией Прайса, который ис-

¹ М. Ф. Орлов, О государственном кредите, стр. 52.

² См. там же, стр. 56 и др.

ходил из необходимости полного погашения государственного долга. Орлов полагал, что такая практика соответствовала лишь начальной ступени развития государственного кредита. В его концепции консолидация долгов и учреждение кассы погашения неотделимы друг от друга.

Орлов подчеркивал, что курс займов имеет тенденцию к понижению, а эта тенденция, по его мнению, и приводит к необходимости кассы погашения. Ее учреждение, думал Орлов, доводит систему кредита до совершенства. Кассы погашения имели до Орлова, отчасти и после него много противников.

Орлов не был согласен с теми авторами, которые осуждали биржевую игру, как безнравственное явление. В этих суждениях он исходил не из субъективных оценок и отношений к экономическим явлениям, а из объективной реальной необходимости. С развитием системы государственного кредита он связывал наличие обширной сети банков, кредитной системы, присущей развитому капитализму.

Таковы основные положения новой системы государственного кредита, теоретически разработанной Орловым. Он подвел итоги теории и практики государственного кредита, учел теоретическое наследство прошлого в этой области и попытался дать новое решение спорных вопросов. Его теория полна буржуазного оптимизма и в отношении перспектив государственного кредита. Приходится удивляться тому, что дворянский деятель Орлов сумел лучше буржуазных теоретиков уловить новые тенденции в развитии государственного кредита в буржуазном обществе.

Основные теоретические позиции Орлова по государственному кредиту, его решение спорных вопросов наложили определенный отпечаток на всю последующую литературу о государственном кредите. Авторы последующих работ о государственном кредите соглашались или отрицали эту систему или отдельные ее части. Наиболее видные буржуазные теоретики в области государственного кредита, как правило, поддерживали эту новую систему или ее отдельные положения.

Орлов не мог тогда создать подлинно научную теорию государственного кредита, но он продвинул вперед ее разработку и может рассматриваться как родоначальник новой для того времени теории государственного кредита.

В литературе второй половины XIX в. создателем новой теории государственного кредита считался немецкий экономист Карл Дитцель, который выпустил в свет в 1855 г. в Гейдельберге книгу «Система государственных займов, рассматриваемая в связи с народным хозяйством»¹. В ряде случаев Дитцель

¹ К. Dietzel, Das System der Staatsanleihen im Zusammenhang der Volkswirtschaft betrachtet.

прямо ссылался на книгу Орлова¹, а в большинстве случаев совпадения важнейших положений книги Орлова и Дитцеля последний не считал нужным сослаться на книгу Орлова². По своему теоретическому и идейному уровню книга Орлова стояла выше работы Дитцеля.

Неизвестно, какую книгу имел в виду Маркс, упоминая о современной доктрине государственного кредита — книгу Орлова или Дитцеля. Но очевидно одно, что в 1855 г. Дитцель воспроизвел в своей книге все основные положения книги Орлова, вышедшей в русском издании в 1833 г., а в немецком издании — в 1840 г. Это говорит о том, что авторы книг о государственном кредите во второй половине XIX в. и в начале XX в. ошибались, когда считали родоначальником новой теории государственного кредита Дитцеля. Ошибались они и в том, что книгу Орлова в немецком издании, вышедшую анонимно, приписывали Канкрину. Ничего общего у Орлова и Канкринина во взглядах на государственный кредит не было; отрицательное отношение Канкринина к государственным займам видно из его книги и из всей кредитной политики в бытность его министром финансов в России. Книга Орлова направлена против узколобой, феодальной кредитной политики, проводившейся царским правительством при помощи Канкринина. В этом заключается научное и политическое значение книги Орлова для России. Ее значение также в том, что она выражает протест против политики царского правительства, задерживающей экономическое, политическое и культурное развитие России, против ограничений, которые ставились в царской России развитию капитализма. Орлов сделал серьезный вклад в развитие теории государственного кредита.

Теоретический уровень книги Орлова выше книг, написанных на ту же тему буржуазными экономистами до него, и большинства книг, написанных после Орлова в XIX в.

Книга Орлова о государственном кредите является первой серьезной теоретической работой по этому вопросу не только в русской, но и во всей мировой литературе.

¹ На стр. 114, 121, 148, 156, 158, 171, 175 Дитцель ссылается на немецкое издание книги М. Орлова «Uber den Staatskredit. Von einem russischen Staatsmanne», Leipzig 1840.

² В статье автора данной главы (см. «Вопросы экономики» № 10, 1954 г.) перечислены основные положения Орлова, которые воспроизведены в книге Дитцеля без ссылки на книгу Орлова.

РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ЭПОХУ КРИЗИСА И ЛИКВИДАЦИИ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

Глава одиннадцатая

КРИЗИС КРЕПОСТНИЧЕСТВА.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Кризис феодальной системы хозяйства

Кризис крепостнической системы хозяйства, являвшийся высшей ступенью разложения этой системы, ярко обнаружился к середине XIX в. и в сельском хозяйстве, и в промышленности. Он выразился как в дальнейшем значительном росте капиталистического уклада, так и в важных изменениях, происходивших внутри самих феодальных отношений.

Рост общественного разделения труда и значительное развитие товарных отношений обуславливали процесс капиталистической дифференциации крестьянства. Наиболее благоприятным полем для расслоения крестьянства, для развития капиталистических отношений явилась крестьянская промышленность.

Рассматривая вопрос о трех стадиях развития капитализма в русской промышленности и отмечая, что первой стадией его являются «мелкие, преимущественно крестьянские промыслы», Ленин показывает, как из хозяев этих промыслов вырастали крупнейшие капиталисты, имена которых широко известны были в России¹.

Развитие капиталистических отношений в стране ускорялось систематическим ростом промышленности, в первую очередь обрабатывающей. Если в конце первой четверти XIX в. количество рабочих в обрабатывающей промышленности составляло около 200 тыс., то в конце второй четверти — уже около 500 тыс., а перед реформой 1861 г. — около 600 тыс.² Еще быстрее росла промышленная продукция, что свидетельст-

¹ См. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 475—476.

² См. С. Г. Струмилин, Промышленный переворот в России, Госполитиздат, М. 1944, стр. 28, 37.

вует о росте производительности труда. Совокупность этих фактов, дополненных данными о росте производства машин в стране и ввоза их, привела С. Г. Струмилина к выводу, что «российская промышленность еще в крепостной период — в особенности с 30-х годов, а еще заметнее с половины 40-х годов — вступила в ту полосу весьма радикальной своей перестройки и бурного роста, которые в Англии известны под названием промышленного переворота»¹.

Несмотря на рост промышленности и ее технического уровня, предреформенная Россия все больше отставала от некоторых западноевропейских стран по уровню индустриального развития. Так, например, производство железа составило (в тыс. тонн) в Англии: в 1835 г. — 700, в 1850 г. — 2250; в Германии: в 1826 г. — 130, в 1850 г. — 452; в России: в 1828 г. — 115, в 1860 г. — 290².

Потребление железа на душу населения составляло в середине XIX в. в фунтах: в Великобритании — 138, во Франции — 43, в Австрии — 12,3, а в России — 9,7³. Мощность паровых двигателей составляла в 1860 г. (в тыс. л. с.): в России — 200, в Германии — 850, во Франции — 1150, в Англии — 2400⁴. К середине XIX столетия многие западные страны имели железные дороги в значительных масштабах; между тем общая протяженность железнодорожных линий в России до реформы составляла всего около 1,5 тыс. км. Еще хуже обстояло дело с внедрением парового двигателя в водный транспорт и военноморской флот.

Само развитие промышленности происходило главным образом за счет роста производства предметов потребления. Удельный вес производства орудий труда был весьма незначителен.

Применение машин тормозилось крепостническими отношениями, которые почти безраздельно господствовали в сельском хозяйстве и продолжали широко сохраняться в промышленности.

Во второй четверти XIX в. быстро совершался процесс падения удельного веса принудительного труда в обрабатывающей промышленности России: в 1804 г. он составлял 55,4%, в 1825 г. — 45,6 и в 1860 г. — 18%⁵.

В горнозаводской же промышленности абсолютные мас-

¹ С. Г. Струмилин, Промышленный переворот в России, стр. 36.

² См. М. Mulhall, Industries and Wealth of Nations, London — New York 1896, p. 76, 143, 164.

³ См. Ю. А. Гагемейстер, О состоянии железного промысла в России, «Экономический указатель» № 9, 1857 г., стр. 209.

⁴ См. М. Mulhall, Industries and Wealth of Nations, p. 379.

⁵ См. К. А. Пажитнов, К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности, «Исторические записки», т. 7, 1940 г., стр. 243.

штабы эксплуатации принудительного труда и его удельный вес были значительно большими. Общее число рабочих в горнозаводской промышленности составляло перед реформой 248 тыс., из коих на долю вольнонаемных приходилось лишь 19% ¹. Более высокий уровень применения принудительного труда в горной промышленности связан несомненно с теми ограничениями конкуренции, которые вытекали из крепостнической монополии на недра, как объект хозяйства.

Удельный вес принудительного труда во всей промышленности составлял в 1860 г. (накануне реформы) по подсчетам Пажитнова 44% ², а по подсчетам Злотникова — 38,6% ³.

Такой высокий удельный вес принудительного труда был результатом феодальных монополий, экономическое значение которых лишь подрывалось, но не уничтожалось конкуренцией предприятий, основанных на вольнонаемном труде. Наибольшей устойчивостью обладали те формы крепостной промышленности, в которых монопольные права были шире.

Не случайно закат крепостнической промышленности в XIX в. начинается с посессионной мануфактуры, которая во второй половине XVIII в. занимала по числу рабочих господствующее положение. Посессионная мануфактура в наиболее яркой форме показывает судьбу всей крепостнической промышленности, ибо посессионная мануфактура выражает противоречия последней в крайних формах.

Кризис посессионной мануфактуры был проявлением кризиса всей крепостнической промышленности. Он обнаружился во второй четверти XIX в., когда в промышленности начала обнаруживаться тенденция перехода на рельсы машинного производства.

Посессионная мануфактура базировалась на труде приписных и покупных крестьян. Покупка крестьян отвлекала средства предприятий, становилась дополнительным элементом издержек производства. Этого элемента издержек производства не было у предприятий, работавших при помощи свободной наемной рабочей силы.

Далее, поскольку крупное промышленное производство в России вышло за рамки казенного спроса и обслуживало свободный рынок, оно должно было успешно приспособляться к колебаниям рынка. Этой способностью посессионные предприятия обладали в недостаточной мере.

¹ См. К. А. Пажитнов, К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности, «Исторические записки», т. 7, 1940 г., стр. 238.

² Там же, стр. 244.

³ М. Злотников, От мануфактуры к фабрике, «Вопросы истории», № 11—12, 1946 г., стр. 39.

Вотчинная мануфактура была также глубоко противоречивой. Поскольку она производила часть продукции на широкий рынок, она попадала в растущую зависимость от последнего. В этой связи на ее общее состояние все большее влияние оказывало отставание в технике производства.

Противоречия вотчинной мануфактуры обнажались тем более, чем больше она отрывалась от сельскохозяйственного производства, чем больше становилась самостоятельной по отношению к процессу воспроизводства в феодальном поместье.

В той мере, в какой мастеровые, работавшие на вотчинной мануфактуре, отбывали барщину, или в той мере, в какой имела место работа «брат на брата», воспроизводство необходимого продукта было отделено от производства прибавочного продукта, как и в земледелии. Если при этом сырьем служил продукт помещичьего сельского хозяйства, то между земледельческим и промышленным помещичьим производством не было существенной разницы. Даровой характер принудительного труда облегчал конкуренцию вотчинника-промышленника с капиталистом-промышленником. Но коль скоро работник лишился надела, сырье начинало приобретаться со стороны, вотчинная мануфактура все больше должна была подчиняться законам кругооборота и воспроизводства капиталистического предприятия. Многие элементы производства должны были теперь воспроизводиться уже как элементы капитала, тогда как капиталистического отношения в вотчинной промышленности не было.

Противоречия промышленности, основанной на принудительном труде, становятся особо острыми в период развития машинной техники.

Не случайно развал посессионной системы, застой и упадок дворянской мануфактуры ускоряются в период начавшегося процесса перехода русской промышленности от мануфактуры к фабрике. Если развитие капиталистической мануфактуры на вольнонаемном труде лишь *оттесняло* мануфактуру, основанную на принудительном труде, то развитие капиталистической фабрики положило начало ее *ликвидации*.

В упадке промышленного производства, покоящегося на принудительном труде, на крепостнических монополиях и привилегиях, с одной стороны, и росте капиталистического промышленного производства, с другой, ярко проявился кризис крепостнических форм производства в промышленности.

Крепостнические отношения, господствовавшие в стране, задерживали развитие капиталистического производства в промышленности, что вело к усилению отставания России от главных капиталистических стран в экономическом отношении.

В других формах, внешне менее заметных, но по существу не менее глубоких, кризис крепостнической системы развивался и в сельском хозяйстве. Противоречия крепостнической системы производства в сфере сельского хозяйства оказались даже более глубокими.

В дворянских имениях России сосуществовали две формы феодальной ренты: оброк и барщина, причем удельный вес барщины был выше¹.

По сравнению с XVIII в. имело место увеличение удельного веса оброчной системы. Так, по 12 нечерноземным губерниям процент оброчных крестьян возрос с 55 до 58,9, а в 7 черноземных губерниях — с 26,1 до 28,8². Цифры по отдельным губерниям показывают, что возрастание удельного веса оброчных имело место далеко не повсюду. Так, например, в XIX в. по сравнению с XVIII в. процент барщинных крестьян поднялся в Воронежской губернии с 36 до 55, в Орловской — с 66 до 72 и в Пензенской — с 48 до 75³.

При общей тенденции к увеличению процента оброчных крестьян имелись целые губернии с ярко выраженным ростом численности барщинных крестьян.

За различиями в изменении численности оброчных и барщинных крестьян в разных губерниях скрываются разнообразные формы разложения и кризиса крепостного хозяйства, обусловленные экономическими особенностями отдельных районов России. В XIX в. не происходит систематическое расширение оброчной системы крепостнического производства в сельском хозяйстве.

За первую половину XIX в. помещики отняли у крестьян огромные земельные пространства. Несмотря на общее падение процента барщинных крестьян, возрастающая доля земледельческого производства осуществлялась методами барщины. Такова была противоречивая картина развития крепостного земледелия.

Расширение оброчной системы было характерно прежде всего для нечерноземных губерний, где оно отражало стремление крепостников овладеть прибавочным трудом своих крепостных, затрачиваемым *вне* сферы земледелия.

Неправильно сводить рост оброчной системы к тому, что отношения между помещиками и крестьянами «...складывались

¹ «По 40 губерниям и области Войска Донского, где есть сведения о количестве оброчных и издельных крестьян по всем имениям, процент оброчных равнялся 28,3, издельных — 71,7, т. е. во всей крепостной массе Европейской России (не считая Кавказа) преобладала барщина» (И. И. Игнатович, Помещичьи крестьяне накануне освобождения, изд. 3, Л. 1925, стр. 76—77).

² См. там же, стр. 74.

³ См. там же, стр. 73.

на новых основаниях смягченного внеэкономического принуждения»¹. Верно, конечно, что при оброке имеет место большая самостоятельность крестьянина, чем при барщине. Однако увеличение числа оброчных не вело к возрастанию масштаба приложения труда оброчных крестьян в земледелии. Дальнейший рост оброчной системы в России во второй четверти XIX в. в значительной мере отражал *присвоение* феодалом прибавочного труда, затрачиваемого в капиталистически организованной промышленности. Поэтому рост оброка усиливал антагонизм между крепостничеством и капиталистической промышленностью.

Но и рост барщины не устранял глубочайшего кризиса крепостнического способа производства внутри земледелия. Будучи связан с развитием торгового земледелия в помещичьем хозяйстве, с ростом хлебного рынка (внутреннего и внешнего), с расширением возможности сбыта сельскохозяйственной продукции, рост барщины выражал возрастание жажды присвоения прибавочного труда. Эксплуатация крепостных крестьян безудержно росла.

В основных земледельческих районах страны борьба за увеличение прибавочного продукта выразилась прежде всего в увеличении абсолютной массы прибавочного труда, достигаемом «в непосредственной погоне за барщинными днями»². Число и удельный вес последних в России второй четверти XIX в. все больше росли. Вместе с тем имел место рост прибавочного труда не только за счет абсолютного увеличения рабочего времени крепостного, но и за счет сокращения объема *необходимого* труда.

В конце XVIII в. в оброчных вотчинах на каждую душу приходилось земли приблизительно 13,5 десятины, у барщинных же крестьян в нечерноземных губерниях — по 8 десятин, в черноземных — по 7 десятин³. В период 10-й ревизии (1858 г.) в нечерноземных губерниях на мужскую (ревизскую) душу приходилось 4,3 десятины, а в черноземных — 3,2 десятины⁴.

Крепостные лишались возможности нормального воспроизводства средств производства и своей рабочей силы. Сокраще-

¹ Н. Дружинин, Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского, Сборник Института истории АН СССР «Против исторической концепции М. Н. Покровского», М.—Л. 1939, стр. 349.

² К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 242.

³ См. В. И. Семевский, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, Спб. 1881, стр. 34—35.

⁴ См. Н. П. Огановский, Наделение земель помещичьих крестьян, М. 1913, стр. 38.

ние необходимого труда и продукта вело к ухудшению жизненных условий крепостного крестьянина и обуславливало также сокращение и прекращение прироста крепостного населения. Но прекращение прироста главной производительной силы феодального общества — крепостных крестьян — ослабляло экономическую базу этого общества.

Наряду с сокращением необходимого труда происходило и полное отделение крепостных крестьян от земли и других средств труда. Этот процесс выражался в росте числа дворовых и месячников. При этом надо иметь в виду, что число дворовых, т. е. крепостных, лишенных надела, возрастало не только для пополнения челяди, обслуживающей помещика. Часто безнадельных крестьян помещик отпускал на работу вне поместья, за определенный оброк. В этой форме оброк уже полностью освобождался даже от номинальной связи с наделом.

По 8-й ревизии (1836 г.) число дворовых составляло 4,14% всех помещичьих крестьян, а по 10-й ревизии (1858 г.) — 6,79%. Число дворовых увеличилось за период между этими ревизиями более чем наполовину (с 914,5 тыс. до 1467,4 тыс. душ)¹.

В земледельческих губерниях процент дворовых был чрезвычайно высоким. В Орловской губернии дворовые составляли 14% всего числа помещичьих крестьян, в Воронежской — 15, в Екатеринославской — 21, в Курской, Харьковской и Херсонской — 24%².

Сохранение крепостнической зависимости крестьянина, лишенного земельного надела, характерно для указанного периода. Оно свидетельствовало о том, что феодальный способ производства в России зашел в тупик.

Было бы неправильно, однако, сводить кризис крепостного хозяйства (в сельском хозяйстве) лишь к указанным явлениям. К середине XIX в. и в сельском хозяйстве стали распространяться отношения капиталистического типа. Отмечалось применение отдельными помещиками (в критические периоды хлебоуборки, сеноуборки и т. п.) *наряду* с трудом крепостных также и труда вольнонаемных. Масштабы земледельческого производства выходили в этих случаях за границы, определяемые резервами принудительного труда, имеющегося у помещика. Такая система начала применяться в 40-х и 50-х годах главным образом во вновь колонизируемых районах Поволжья и Новороссии.

Развитие этой системы, дополняющей крепостническую ос-

¹ См. А. Тройницкий, Крепостное население в России, по 10-й народной переписи, Спб. 1861, стр. 57—58.

² См. А. Лосицкий, Хозяйственные отношения при падении крепостного права, «Образование» № 11а, 1906 г., стр. 202.

нову капиталистическим придатком (в виде найма рабочих в напряженный рабочий период), свидетельствует не о замене крепостнических отношений капиталистическими, а о расширении хозяйства известной прослойки дворянства за рамки его крепостнических границ. Капиталистические отношения возникали в данных случаях *наряду* с крепостническими, а не взамен крепостнических.

Другая форма развития капитализма в сельском хозяйстве крепостнической России выражалась в скупке купцами населенных земель и организации на них производства при помощи наемной рабочей силы. В 40-х годах эта форма купеческого предпринимательства уже не была редкостью, о чем свидетельствует ряд источников¹. Но она не могла получить широкого распространения вследствие сословных границ мобилизации земельной собственности. О том, насколько жесткими и стеснительными были эти границы для капитала, достаточно яркое представление дает статья Василия Кокорева, крупнейшего русского капиталиста середины XIX в. Кокорев писал, что земель, «доступных к приобретению для промышленности всем сословиям, едва ли найдется в России столько, сколько таких земель имеет, например, Бельгия, несмотря на то, что Бельгия равняется одной нашей Тульской губернии»².

Наконец, последней формой развития капитализма, которая имела место в крепостной России перед реформой 1861 г., было разложение самого крестьянства с выделением капиталистических элементов. Понятно, что в наиболее широком масштабе процесс этот имел место в районах преобладания оброка.

Процесс разложения крестьянства особенно яркие формы приобрел в промышленности, но он имел место и в земледелии. Однако масштабы его в условиях господства крепостного права, когда крестьянин был лишен права приобретать на свое имя недвижимость, при общинном землевладении и переделах, при господстве произвола помещиков не могли быть значительными.

Капитализм развивался рядом с крепостничеством, ослабляя его позиции, создавая предпосылки его уничтожения, но оставаясь бессильным уничтожить феодальные монополии дворянства, охраняемые самодержавием.

Вся сумма этих явлений ярко обнаруживала кризис крепостнической системы производства и в сельском хозяйстве. Система крепостнических производственных отношений не

¹ См., в частности, А. П. Заблоцкий-Десятовский, О крепостном состоянии в России, в книге «Граф П. Д. Киселев и его время», т. IV, СПб. 1882, стр. 283.

² В. Кокорев, Миллиард в тумане, «Санкт-Петербургские ведомости» № 6, 9 января 1859 г., стр. 23.

только не обеспечивала рост производительных сил, но и являлась сильнейшим их тормозом и ставила все народное хозяйство в тяжелое положение.

В земледелии крепостнические монополии и привилегии были более значительным тормозом для развития капитализма, чем в промышленности.

Совершенно ошибочным является распространенный среди сторонников «теории торгового капитализма» взгляд, будто развитие торгового земледелия приводило еще при крепостном праве к органическому перерастанию помещичьего хозяйства в капиталистическое.

Этот взгляд опирался на ложное положение о тождестве товарного и капиталистического производства, о неизбежном перерастании всякого товарного производства в капиталистическое.

На этой основе делался вывод, что отмена крепостного права явилась результатом признания крепостниками чисто экономической невыгодности крепостнического способа производства (Н. Рожков, М. Покровский и др.).

Концепция М. Н. Покровского, например, сводилась к тому, что отмена крепостного права есть дело «чисто экономического расчета»¹ и была необходима для самих помещиков, ибо «барщинное хозяйство — одна из невыгоднейших форм сельскохозяйственного производства»². Наоборот, П. Струве стоял на той точке зрения, что барщинный труд в середине XIX в. оказывался более выгодным, чем вольнонаемный³.

Между тем сама постановка проблемы сравнительной выгоды барщинного и вольнонаемного труда внутренне порочна. Нелепо сравнивать выгодность разных форм производства, коренным образом отличающихся друг от друга по характеру производственных отношений. Содержание и форма дохода различны при различных формах производства. Под нормальным капиталистическим доходом понимается средняя прибыль. Помещик-крепостник получает в виде дохода весь прибавочный продукт. Мелкий товаропроизводитель рассматривает в качестве дохода не только «прибавочный продукт», но и «необходимый».

В самом порядке образования продажной цены поместья заключена уже меньшая доходность его, чем капиталистического предприятия. Ведь цена поместья, как и всякого титула на доход, образуется путем капитализации его дохода из ссуд-

¹ См. М. Н. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. IV, Соцэкгиз, 1934, стр. 48.

² Там же, стр. 41.

³ См. П. Струве, Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв., Спб. 1913, стр. 103 и след.

ного процента. Поэтому неправомерно сравнение дохода с капитальной стоимостью поместья с доходом от капиталистического предприятия. Между тем некоторые историки, даже критикуя Покровского, фактически следуют за ним¹.

Представление о возможности стихийного превращения крепостного хозяйства в капиталистическое базируется на игнорировании весьма важных отличий этих двух форм хозяйства, игнорировании того, что крепостническая и капиталистическая системы хозяйства покоятся «на диаметрально противоположных основаниях» (Ленин). Ведь капиталистическое предприятие предполагает оборот капитала, авансированного капиталистом, но ни постоянный, ни переменный капитал не авансируется крепостником-помещиком. Воспроизводство рабочей силы и орудий труда для хозяйства крепостника-помещика происходит обособленно от производства прибавочного продукта, не находится в непосредственной связи с последним. Оно осуществляется в хозяйстве крестьянина.

Для перехода к капиталистическому хозяйству недостаточно одного желания. Для этого необходим «класс людей, привыкших к работе по найму», необходима «замена крестьянского инвентаря помещичьим», необходима «организация земледелия как и всякого другого торгово-промышленного предприятия, а не как господского дела»².

Не случайно поэтому широкие круги дворянства противодействовали отмене крепостного права, а законы о свободных хлебопашцах и об обязанных крестьянах не получили какой-либо существенной реализации.

И самый факт консервации барщины после реформы в виде отработок был результатом не только косности дворянства, но и отсутствия объективных предпосылок, необходимых для капиталистического производства на базе помещичьего хозяйства, хотя отмена крепостного права и процесс преобразования помещичьего хозяйства в капиталистическое после отмены крепостного права происходили при прямой финансовой поддержке государства.

Помещичье хозяйство до отмены крепостного права переживало серьезные изменения, но оно не превращалось в капиталистическое. Характерным для периода кризиса крепостного хозяйства являлось то, что его противоречия не могли быть разрешены на базе крепостничества. Крепостническое хозяйство все более тормозило развитие производительных сил, требовав-

¹ Так, Е. А. Морозовец писал, что «в распоряжении помещика сороковых годов было достаточно материала для обоснования мысли о большей выгодности наемного труда...» (Е. А. Морозовец, Крестьянская реформа 1861 г., Соцэкгиз, 1937, стр. 37).

² В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 159.

ших новых производственных отношений. Характеризуя крепостное хозяйство, Ленин писал: «Во внутреннем строе этого хозяйственного режима нет никаких импульсов к преобразованию техники»¹. Между тем новая техника, новые производительные силы стучались в ворота экономики России.

Предреформенная экономика России представляла собой сложный комплекс разнородных хозяйственных укладов, явившийся результатом разложения крепостнического способа производства.

В промышленности сочетались крепостная (вотчинная и посессионная) мануфактура с принудительным трудом, капиталистическая мануфактура на вольнонаемном труде, капиталистическая фабрика, городское и деревенское ремесло.

В этом пестром сочетании изменялись позиции отдельных элементов. Наметилась победа капиталистической фабрики. Она одерживала победу не только над крепостной, но и над капиталистической мануфактурой.

Основные позиции феодализма в промышленности были серьезно ослаблены. Но феодальные преграды развитию промышленности далеко не были уничтожены. Это сказывалось в необеспеченности рабочей силой промышленности, в платеже дани феодалам в виде относительно высокой заработной платы, в которую входил оброк, в узости рынка вследствие господства крепостнических отношений в стране. Крепостничество стало барьером, задерживавшим рост капиталистической промышленности.

В сфере сельского хозяйства трудности развития капитализма были несравненно большими, и без *уничтожения* крепостного права замена крепостного хозяйства капиталистическим была бы *невозможна*.

Феодальные монополии являлись оковами, тормозящими развитие капитализма, они давали возможность существовать тем консервативным формам производства, которые использовались дворянством для чисто паразитического присвоения прибавочного продукта. Производство последнего вступило в острейший конфликт с воспроизводством вещественных условий труда.

Историческая задача заключалась в *ликвидации* устаревших производственных отношений, ставших тормозом развития производительных сил, в расширении новых производственных отношений, ускоряющих развитие производительных сил. Но эта задача не могла быть разрешена путем чисто стихийной автоматической замены устаревших производственных отношений новыми. В обществе имелись классы, заинтересованные в

¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 192.

сохранении старой системы производственных отношений. Чем дальше шло развитие экономики, тем больше обнаруживалось несоответствие между производственными отношениями и характером производительных сил. Это несоответствие, выражавшее гнилость экономического базиса феодальной России, обнаруживалось в областях политической, военной, идеологической.

Возрастание степени и чудовищность форм феодальной эксплуатации привели к резкому обострению классовой борьбы крестьянства против помещиков, угрожавшей основам общественно-экономического и политического строя крепостной России.

Классовая борьба крестьянства против крепостнической эксплуатации обнаруживалась прежде всего в форме крестьянских волнений. Число их за период с 1826 по 1860 г. составило около 1200, возрастая от десятилетия к десятилетию. За период 1826—1834 гг. среднегодовое число крестьянских волнений составило 16, за период 1835—1844 гг.—22, за период 1845—1854 гг.—35, за 1855—1860 гг.—79¹, в 1860, непосредственно предшествовавшем реформе году, было 108 крестьянских волнений².

Основные направления экономической мысли

Период кризиса крепостничества характеризуется огромным подъемом общественной мысли в России. Этот подъем выразился прежде всего в появлении и сравнительно широком распространении идей социализма, идей революционного демократизма. Наряду с этим получают широкое распространение экономические идеи либерализма, что также было своеобразным отражением кризиса крепостничества. Носителями идей либерализма были, с одной стороны, идеологи буржуазии, а с другой стороны, и не в меньшей мере, некоторая, систематически возрастающая часть идеологов дворянства. Наконец, продолжают изыскивать новые способы апологии крепостнического экономического строя крепостники.

Появление и распространение новых направлений и течений общественно-экономической и политической мысли было не только выражением растущего кризиса крепостнического строя, но и его фактором, поднимавшим классовую борьбу на новую, более высокую ступень.

Материальные корни новой ступени в развитии русской экономической мысли, специфических направлений ее, характер-

¹ См. *Е. А. Морозовец*, Крестьянская реформа 1861 г., стр. 49.

² См. «Крестьянское движение 1827—1869 годов», вып. 1, М. 1931, стр. 146.

ных для периода кризиса крепостничества, лежат в тех противоречиях экономики и в той борьбе общественных классов русского общества, которые вкратце охарактеризованы выше. Однако новая ступень в развитии русской экономической мысли не может быть правильно понята вне преемственной связи с предшествующими ступенями развития экономической мысли в России. Полного представления об истоках идей, развивавшихся в России в эпоху кризиса крепостничества, нельзя получить также без уяснения связей русской экономической мысли с западноевропейской экономической мыслью и без учета влияния западноевропейского опыта экономического и политического развития на русскую общественно-экономическую мысль. Россия находилась в развитых экономических и культурных связях с Западной Европой, общественно-экономические идеи проникали с Запада в Россию и наоборот.

В России развертывалась борьба между классами феодального общества, борьба между помещиками и крестьянством являлась основным фронтом классовой борьбы, а в наиболее развитых странах Западной Европы на переднем плане классовой борьбы была уже борьба между буржуазией и пролетариатом. В эпоху Рикардо главная задача буржуазной политической экономии на Западе заключалась все еще в критике остатков феодализма и защите принципов свободной конкуренции. После же 30-х годов, как писал Маркс, «пробил смертный час для научной буржуазной экономии», «беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой угодливой апологетикой». С этого времени основные усилия буржуазных экономистов Запада направляются на критику социализма. В главных капиталистических странах Западной Европы утверждается вульгарная буржуазная политическая экономия. Борьба между землевладельцами и капиталистами еще продолжается, однако оба класса проявляют братскую солидарность в борьбе против интересов и идеологии рабочего класса.

В Германии получила развитие специфическая форма вульгарной политической экономии — так называемая историческая школа. Ее особенностью являлось стремление теоретически примирить интересы господствующего класса старого феодального общества с интересами буржуазии. Историческая школа дала теоретическую основу юнкерского («прусского») пути капиталистического развития страны. Ее предшественником явился Фридрих Лист, провозгласивший так называемую национальную систему политической экономии, в которой интересы немецких капиталистов были представлены в виде общенациональных интересов Германии. Лист пытался обосновывать принципы протекционистской политики в противовес фритредерским идеям английской классической школы. Его аргу-

ментация против классиков стояла неизмеримо ниже аргументации Мордвинова, задолго до Листа подвергнувшего критике теорию Адама Смита о международном разделении труда и впервые на основе исходных положений классиков обосновавшего необходимость протекционизма.

В противоположность буржуазной апологетике вульгарных экономистов ширилась социалистическая критика капитализма. Идеи Сен-Симона и Фурье во Франции, Оуэна в Англии стали мощным оружием критики капиталистической эксплуатации. В Англии и Франции социалистические воззрения получают широкое развитие, возникает ряд систем социализма. Хотя социализм возник и развился в связи с развитием противоречий капитализма, первоначально социализм не был связан с рабочим классом и его движением. Большое распространение имел мелкобуржуазный социализм, ярким представителем которого в рассматриваемую эпоху был Прудон. Представляя интересы мелких производителей, идеологи мелкобуржуазного социализма способствовали развитию критики противоречий капитализма, однако позитивные программы их носили реакционно-утопический характер.

Развитие классовой борьбы пролетариата в связи с обострением противоречий капитализма явилось материальной основой появления *научного социализма*. Уже во второй половине 40-х годов марксизм становится заметной идейной силой в социалистическом движении. В произведениях Маркса и Энгельса этого времени получило обоснование важнейшее положение научного коммунизма об исторической миссии пролетариата как могильщика капитализма и строителя коммунистического общества, были разработаны основные положения диалектического и исторического материализма, явившиеся подлинным переворотом в развитии философской и общественной мысли. Тем самым была заложена база для революционного переворота и в политической экономии, который был совершен Марксом в «Капитале» и начало которого относится к 40-м годам.

Известно, что передовые представители русской общественной мысли были знакомы еще в 40-е годы с отдельными произведениями Маркса и Энгельса, а русские люди даже переписывались с Марксом по теоретическим вопросам (Анненков, Саонов).

Широкое распространение идей экономической теории марксизма и в России и в Западной Европе относится к более позднему времени.

Указанные выше направления и течения западноевропейской экономической мысли были, конечно, в той или иной степени известны в России. Однако ни одно из них не нашло здесь прямых, безоговорочных последователей. И это понятно: идей-

ная борьба в России питалась экономическими условиями, ходом классовой борьбы внутри самой страны.

Значительным было распространение в России идей буржуазной политической экономии. Они имели успех у представителей не только российской буржуазии, но и той части дворянства, которая понимала невозможность удержаться на старых, крепостнических позициях, надеялась обеспечить экономическое господство дворянства и в условиях капитализма. Идеологи российского дворянства проявляли тяготение к исторической школе.

В рассматриваемое нами время в России рабочий класс не отделился от крестьянства. В России еще не было почвы для восприятия идей научного социализма. Однако идеи утопического социализма получили довольно широкое распространение в России. Поскольку утопический социализм не связывал осуществление своих идеалов ни с каким определенным общественным классом, выступал в качестве защитников всех угнетенных, а свое учение выдавал за средство против любой формы эксплуатации, большой интерес к нему со стороны демократических критиков крепостничества вполне понятен. Однако и утопический социализм в России имел свою особую судьбу: он тесно связался с революционным крестьянским демократизмом и выступил во всем своеобразии специфического «крестьянского социализма».

В эпоху кризиса крепостничества русская экономическая мысль развивалась в неразрывной связи с борьбой вокруг вопроса о крепостничестве.

И только в связи с этой борьбой и может быть понят весь процесс развития русской экономической мысли в рассматриваемое нами здесь время.

Критика крепостничества развернулась в России еще во второй половине XVIII в. В XIX в. эта критика поднимается на новую ступень. В XVIII в. высшим проявлением антикрепостнической идеологической борьбы были революционные произведения Радищева, а в первой четверти XIX в. антикрепостничество заявляет о себе ярким общественным движением дворянских революционеров-декабристов, поднявшихся с оружием в руках для уничтожения самодержавия и крепостничества.

Как ни велика была роль революционных идей Радищева и декабристов, идейная борьба по вопросу об экономическом строе России носила дворянский характер.

Эпоха кризиса феодализма характеризуется принципиально новой ступенью идеологической борьбы против крепостничества; именно в это время все общественные вопросы в России сводятся к борьбе с крепостным правом.

Что же явилось тем определяющим фактором, который формирует эту новую ступень идейной борьбы с крепостным правом?

Таким фактором были изменения в классовой природе антикрепостнической борьбы. Последняя постепенно переходит на крестьянскую основу и наполняется демократическим содержанием. Крепостнический строй становится объектом борьбы основных классов российского общества. Борьба между крестьянством и помещиками всегда, на всех этапах исторического развития феодальной России имела место. Однако *идейную* борьбу *против* крепостного строя начали не представители крестьянства. Критика крепостничества до периода его кризиса не носила крестьянский характер. Крепостники до этого периода бросились с дворянскими критиками крепостничества. А с эпохи кризиса крепостничества борьба с крепостным строем принимает демократический характер и становится центральным вопросом эпохи.

В соответствии с этим происходят серьезные изменения и в тех направлениях общественной мысли, которые связаны с критикой крепостного строя.

Подверглась изменениям и крепостническая идеология. Со времен Щербатова, наиболее рьяного апологета крепостничества в XVIII в., в основных положениях крепостнической экономической идеологии не произошло каких-либо существенных изменений. Однако крепостники были вынуждены изворачиваться. Они старались подновить обветшалые теоретические доспехи, устаревшие и прогнившие так же, как и тот строй, который они защищали.

Идеологи старого, крепостнического общественного строя мобилизуют свои силы для апологии самодержавия и крепостничества. Идеологическим выражением этой апологии явилась «теория официальной народности». Будучи по преимуществу политической теорией, она способствовала мобилизации идеологов крепостного строя и в области экономических теорий. Характерная особенность этого направления заключается в том, что оно стремится сохранить в незыблемости не только политический строй крепостничества, но и его экономическую основу и пытается использовать в качестве теоретической опоры наиболее вульгарные идеи буржуазной политической экономии.

В области идей внешнеторговой политики крепостники под влиянием разных обстоятельств защищали то фритредерскую, то протекционистскую политику, оставляя в качестве главной задачи поддержание благосостояния класса помещиков. Поскольку капиталистические отношения были уже широко распространены в стране и способствовали росту производитель-

ных сил, крепостники не стремились к ущемлению интересов существующих капиталистических предприятий. Их задача сводилась к тому, чтобы, развивая промышленность, не допустить ущемления дворянских интересов. Иначе говоря, в XIX в. можно говорить уже об оборонительном характере идеологии крепостников. Они все еще пытаются доказать производительность крепостнических форм хозяйства в земледелии. Продолжаются попытки выдать неизлечимые пороки принудительного труда за недостатки только той или иной формы эксплуатации крепостного крестьянина: идут споры о преимуществах барщинного или оброчного метода ведения крепостного хозяйства.

Новым в борьбе с крепостнической идеологией является то, что развивается крестьянская, демократическая критика крепостничества. Ее первые шаги связаны с пропагандой идеи утопического социализма, она быстро связывается с идеями революционного демократизма, и критика крепостничества переходит на новую классовую основу. Это направление русской общественно-экономической мысли прямо связано идейными нитями с декабристами и Радищевым. Но перевод революционной теории с дворянской основы на крестьянскую резко меняет ее содержание. Революционный демократизм Белинского был первой ласточкой новой ступени развития русской революционной теории, оказавшей могучее влияние на все последующее развитие освободительных идей в России. Переход от дворянской революционности к крестьянской воплотил в себе Герцен, который и придал русскому социализму вполне определенный крестьянский характер, сохранявшийся до утверждения в России идей научного социализма.

Борьба против крепостного строя принимает новый характер. С крепостничеством борются не во имя того, чтобы дворянина сменил буржуа, а во имя полной ликвидации всякой эксплуатации. Между этой новой, крестьянской критикой крепостничества и критикой, исходившей не только от первых дворянских, робких критиков крепостничества, но и от декабристов, пролегает глубокая межа. Если раньше освобождение крестьянина от крепостной зависимости было наивысшим требованием и не ставился вопрос о том, кто будет главенствовать в хозяйственной жизни страны, то теперь выдвигается требование освободить крестьянина не только от крепостной зависимости, но и от всякой другой формы зависимости, чтобы он был полностью свободным хозяином.

Утопический социализм в России 40—50-х годов мог иметь только крестьянскую основу и крестьянскую окраску. Развитие этого социализма определяется тем, что он явился революционным выражением исторически прогрессивных требований крепостного крестьянства.

Главное отличие русского утопического социализма от западноевропейского заключается в том, что по мере развития классовой борьбы западноевропейский утопический социализм вырождался в сектантские группы одиночек, русский же социализм все теснее связывался с политической и экономической борьбой против крепостничества, отражая в этой борьбе интересы крестьянства.

Русская революционная демократия была прямым антиподом крепостнических идеологов класса помещиков.

Мы начали с характеристики крепостников, с одной стороны, и представителей крестьянского социализма и революционного демократизма, с другой, так как противоположность основных борющихся сил с совершенной очевидностью обнаруживается через противопоставление именно этих направлений общественно-экономической мысли. Эти направления непосредственно выражают интересы двух основных антагонистических классов крепостнической России. Если крепостническая идеология выполняла функции апологии крепостного строя уже на протяжении длительного периода, то крестьянски-демократическая критика крепостничества впервые в истории России выступает как главная сила антикрепостнической идеологии. Таким образом, крепостническая идеология впервые встречает своего врага в лице представителей крестьянства, идеология же крестьянства начинает утверждаться в борьбе прежде всего с крепостнической идеологией. В дальнейшем главными противниками крестьянского демократизма выступают уже другие направления и течения общественно-экономической мысли.

Картина идейной борьбы в России рассматриваемого времени будет неполной и извращенной, если не дать характеристики и других течений общественно-экономической мысли, игравших заметную роль в идейной борьбе эпохи кризиса крепостного строя.

В первую очередь необходимо отметить, что среди представителей господствующего класса не было единства, и по отношению к крепостному праву среди них наметились разные направления. В отличие от дворян-крепостников, стремившихся защитить незыблемость феодальной зависимости крестьян от помещиков, в среде дворянства получает довольно широкое распространение идея необходимости отмены крепостного права. Правда, если в первую четверть XIX в. революционная критика крепостного строя исходила от дворян и носила дворянский характер, то в последующее время дворянская критика крепостного строя носит либерально-реформаторский характер. Но и либерально-реформаторская дворянская критика крепостничества была далека от единства.

В 30-е годы возникает та размежевка русской общественной мысли, которая выкристаллизовала понятия славянофилов и западников. И среди славянофилов были различия, однако по сравнению с западниками славянофильство представляло собой монолитную идеологическую группу. Западничество было значительно более пестрым и по идейным позициям и по своей классовой основе. Однако все эти течения отличались от крепостников, которые стремились сохранить крепостное право. И славянофильство и западничество были своеобразной реакцией на кризис крепостничества. И славянофилы, и западники полагали, что удержать крепостное право невозможно, что необходимо найти пути и средства его ликвидации. Оба эти течения были связаны с критикой крепостной зависимости. Однако разногласия между этими течениями в экономической области не были столь значительными, чтобы говорить о разных направлениях.

Западничество, как течение, было шире славянофильства. Среди западников были не только идеологи дворянства, но и идеологи буржуазии. Западничество охватывало, таким образом, и дворянский и буржуазный либерализм.

В острой идейной борьбе, которая велась между западниками и славянофилами, последние, как правило, занимали реакционные позиции, тогда как западники в основном занимали более прогрессивные позиции. Тем не менее эта размежевка не проходила ни по линии основных борющихся классов, ни по линии главного предмета их борьбы. И славянофилы и западники считали, что вольнонаемный труд более производительен, чем труд принудительный. По этим вопросам между ними принципиальных споров не было. Статья славянофила Кошелева «Охота пуще неволи» является достаточно ярким документом, показывающим, что славянофилы, так же как и западники, стремились к буржуазным формам хозяйства. Коренное различие между славянофилами и западниками шло по линии отношения к опыту западноевропейского экономического развития. Славянофилы смертельно боялись тех острых форм классовой борьбы, которые развились на Западе в связи с развитием капитализма, и прилагали все усилия к тому, чтобы иметь капиталистическое развитие без капиталистических противоречий. Общинные идеи были главными в их теоретическом арсенале для решения этой задачи. Западники более оптимистически относились к западноевропейскому опыту экономического, а в особенности политического развития, но и они не принимали его безоговорочно. Большая часть из них также стремилась найти в экономике России факторы, которые препятствовали бы развитию противоречий, аналогичных тем, какие есть на Западе. Западники усматривали такие факторы

прежде всего в необъятности земельных просторов России, которые, по их мнению, являлись преградой для проявления серьезных социальных противоречий капитализма.

Однако в подходе к решению различных экономических проблем среди западников было большое разнообразие мнений.

Между отдельными западниками разногласия по экономическим вопросам были часто не меньшими, чем между славянофилами и западниками. Достаточно взять для примера Чичерина и Кавелина. Первый — враг общины, второй — сторонник общины. С другой стороны, не следует забывать, что одни западники исходили из интересов дворянства, а другие представляли интересы буржуазии.

Как система экономических воззрений, славянофильство должно быть отнесено к тому направлению экономической мысли в России, которое принято называть дворянским либерализмом. Но к этому же направлению следует отнести и ту часть западников, которая представляла интересы дворянства.

От дворянского либерализма следует отличать буржуазный либерализм. Выдвигая программу либеральных реформ, он исходит не из интересов дворянства, а из интересов буржуазии. Но поскольку и дворянский и буржуазный либерализм остаются все же либерализмом, между ними есть и общее. В экономической области общим для обоих видов либерализма является признание необходимости замены старых, феодальных экономических отношений буржуазными отношениями. Защита буржуазных отношений является общей идеологической основой для любой разновидности либерализма, как течения экономической мысли. Но различные классы имеют в условиях буржуазных отношений разные интересы. В условиях перехода от крепостничества к капитализму возможны не только различия, но и противоположность интересов буржуазии и дворянства, причем не только той части дворянства, которая вообще противится отмене феодальных отношений, но и той его части, которая выступает за переход к буржуазным отношениям. Известно, что переход к буржуазным отношениям может произойти и при гегемонии дворянства. В этом случае капиталистические отношения будут отличаться по характеру от тех отношений, переход к которым осуществляется при гегемонии буржуазии.

Имея в виду, что либерализм вообще носит буржуазный характер, следует различать разные течения либерализма, которые в условиях перехода от крепостничества к капитализму представляют интересы разных классов и отдельных групп отдельных классов.

Подобно тому, как разные группы идеологов дворянского либерализма могут представлять самостоятельные течения в

нем, так же закономерно наличие разных течений и в буржуазном либерализме. Опыт развития русской экономической мысли в период кризиса крепостного строя полностью подтверждает это положение.

Здесь же следует отметить, что буржуазный либерализм, как либерализм *буржуазии*, в России развивается именно в период кризиса крепостничества. До этого периода буржуазные идеи в России обычно принимали дворянскую окраску. Весь либерализм в России, начиная со второй половины XVIII в., был *дворянским*. Только в эпоху кризиса крепостничества развивается специфический буржуазный либерализм.

Между дворянским либерализмом периода кризиса крепостничества и дворянским либерализмом предшествующего времени имеется то существенное отличие, что до кризиса крепостничества дворянский либерализм не ставил вопроса о немедленной ликвидации личной крепостной зависимости крестьян. Он стремился к насаждению буржуазных отношений, к оттеснению буржуазными отношениями феодальных, но был противником немедленной отмены крепостного права. Кризис крепостничества выражается также в том, что господствующий класс становится на позицию необходимости отмены крепостной зависимости крестьян. Но между старым и новым дворянским либерализмом нет классовой грани. И тот и другой стремились к сохранению господствующего положения дворянства в условиях новых буржуазных отношений.

Для литературы дворянских либералов характерна разработка вопроса о преимуществах вольнонаемного труда по сравнению с принудительным. Эта проблема продолжает дебатироваться вплоть до падения крепостного права. Она является главным предметом споров до тех пор, пока основное внимание представителей антикрепостнических течений экономической мысли было направлено на критику личной крепостной зависимости и обоснование необходимости ее отмены. Типичным образцом дворянской литературы этого периода были работы Заблоцкого-Десятовского, посвященные анализу сравнительной выгоды крепостного и капиталистического хозяйств. Вывод, к которому приходили авторы работ на эти темы, соответствовал общей идее либерализма о замене принудительного труда вольнонаемным.

Господство подобной постановки вопроса соответствует классовой точке зрения дворянина, признавшего необходимость перехода от крепостнических форм хозяйства к буржуазным и исходящего из того, что в новых условиях экономическое господство будет принадлежать по-прежнему помещику.

В условиях неразвитости демократической экономической мысли, когда главное внимание критиков крепостного строя

было направлено на ликвидацию личной крепостной зависимости, разработка указанного выше вопроса о сравнительной выгоде играла положительную роль. Однако развитие крестьянского социализма и революционного демократизма означало вызревание новой постановки вопроса об условиях ликвидации крепостного строя. Постепенно вместо вопроса о замене хозяйства на принудительном труде хозяйством на вольнонаемном труде возникает вопрос о замене помещичьего хозяйства свободным крестьянским хозяйством, а в связи с этим и вопрос о том, каковы достоинства крестьянского хозяйства и недостатки помещичьего хозяйства.

На дворянском этапе освободительного движения прежде всего был поставлен вопрос о ликвидации личной крепостной зависимости крестьян. Крестьянская революционно-демократическая критика крепостного строя требовала ликвидации не только личной зависимости, но и помещичьей земельной собственности. Теоретическое обоснование ликвидации помещичьей земельной собственности составляет основу революционных воззрений русской крестьянской демократии.

По мере углубления кризиса крепостничества вопрос о замене свободным, самостоятельным крестьянским хозяйством помещичьего все больше выдвигается на передний план и становится главным вопросом борьбы.

Если в начальной фазе кризиса крепостничества должна быть признана прогрессивная роль всех направлений и течений экономической мысли, критиковавших крепостничество, то ко времени непосредственного падения крепостного права, когда крайне обострилась борьба не только за отмену личной зависимости крестьян, но и за ликвидацию основы феодального строя — помещичьей земельной собственности, историческая роль разных течений и направлений экономической мысли резко изменилась.

Нараставшая классовая борьба не только делала все более явственной разницу позиций разных течений общественно-экономической мысли, но и все более обнажала их классовую основу, противоположность интересов, враждебность их мировоззрения и представлений о путях экономического развития России. Чем больше углубляется кризис крепостничества, тем яснее становятся позиции борющихся общественных сил, тем очевиднее различие и противоположность интересов, тем острее борьба.

Глава двенадцатая

ИДЕОЛОГИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО И ЛИБЕРАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА 40-х ГОДОВ

Экономические взгляды консервативного дворянства

Освободительное движение первой четверти века завершилось поражением революционных сил 14 декабря 1825 г. Восторжествовала реакция. Поставленная и обоснованная дворянскими революционерами задача ликвидации крепостничества и перехода к новым производственным отношениям осталась нерешенной.

Но дворяне-крепостники во главе с Николаем I одержали только политическую победу. Экономические законы общественного развития действовали против господствовавшего способа производства; разложение крепостного хозяйства усиливалось и расширялось, надвигался кризис всего экономического строя феодального общества. Волнения крепостных крестьян создавали явную угрозу дальнейшему существованию класса феодалов-помещиков.

Аграрный вопрос остро встал перед правительством Николая I уже в дни подготовки казни декабристов. Готовя виселицы в Петропавловской крепости, царское самодержавие одновременно посылало карательные отряды в казенные и помещичьи деревни против крестьян, отказывавшихся повиноваться помещикам, платить оброки и ходить на барщину. 12 мая 1826 г. был издан манифест, подтверждавший права помещиков на всю их земельную собственность, обязывавший крепостных неукоснительно выполнять все феодальные повинности. Слухи об освобождении государственных крестьян от податей, а помещичьих крестьян и дворовых — от власти господ были объявлены злонамеренными, а распространение их — строго наказуемым. Созданные вскоре «секретные комитеты» призваны были охранять узкословные интересы крепостников.

Аграрный вопрос волновал всю Россию. Феодальная монархия свирепо преследовала нараставшее антикрепостническое движение: вожаки крестьян расстреливались, ссылались на каторгу; арестам и ссылкам подвергались участники революци-

онных кружков. Цензура тщательно выбрасывала из печати каждое слово, направленное против крепостного права и рабского состояния крестьян.

Однако никакие политические мероприятия царского правительства не могли задержать действия законов общественного развития.

Разложение феодального хозяйства происходило на базе усиленного развития товарно-денежных отношений. Вторая четверть XIX в. характеризуется значительным расширением как внутреннего, так и внешнего рынка России. Особенно благоприятно складывались условия для сбыта русского хлеба на мировом рынке после отмены хлебных законов в Англии; цены на сельскохозяйственные товары тогда были сравнительно высокие. Перед дворянами возникла возможность расширения производства сельскохозяйственных продуктов и продажи их по выгодным ценам.

Однако условия мирового рынка были благоприятны отнюдь не для всех помещиков и совершенно не могли быть использованы крестьянами. Вывозилась преимущественно пшеница, спрос на рожь был весьма ограничен. Южные, прилегающие к черноморским портам губернии стали основными поставщиками экспортируемого хлеба. В этих губерниях наибольшее распространение имел вольнонаемный труд. Барщинные дворянские имения поставляли хлеб преимущественно на внутренний рынок, не получая экспортных доходов.

Феодальные устои помещичьего хозяйства, низкая производительность крепостного труда, примитивные способы обработки земли, рутинная техника, низкие урожаи — все это находилось во все более обостряющемся противоречии с расширявшимся товарным производством.

* *

*

Класс крепостников стремился продлить свое существование. В условиях кризиса крепостного хозяйства, несмотря на упадок барщинного хозяйства, крепостники с особым рвением стремились отстоять свои классовые интересы, сохранить старый экономический строй.

40-е годы характеризуются, с одной стороны, подъемом освободительного движения, с другой — ростом крепостнической литературы. Крепостники широко обсуждали мероприятия, способствующие укреплению барщинного хозяйства.

Известный идеолог крепостного лагеря — Ф. Булгарин, сумевший приспособить редактируемую им совместно с Н. Гречем газету «Северная пчела» к узким интересам своего

класса, вынужден был в условиях кризиса барщинной системы хозяйства заняться экономической тематикой. С 1841 г. он приступил к изданию специального журнала под названием «Эконом, хозяйственная общепользная библиотека», ставшего в этот период влиятельным органом экономической мысли консервативного дворянства.

Начало 40-х годов отмечается значительным увеличением экономической периодической литературы. В 1842 г. после длительного перерыва возобновилось издание «Трудов Вольного экономического общества». На смену «Земледельческого журнала» — органа Московского общества сельского хозяйства — появился «Журнал сельского хозяйства и овцеводства».

Тенденция заниматься экономическими проблемами помещичьего хозяйства отразилась на содержании и официальной, правительственной «Земледельческой газеты», издававшейся с целью пропаганды среди дворян агрономических знаний. Редактор газеты, профессор Петербургского университета С. М. Усов сделал все для того, чтобы превратить это издание в ярко выраженный орган крепостников. Вряд ли можно отделить, а тем более противопоставить по идейному направлению, официальную «Земледельческую газету» от болгаринского «Эконома». Различие существовало только в характере изложения литературного материала, в структуре самих изданий; по отношению же к основной экономической проблеме — к крепостному праву и барщинному хозяйству — оба печатных органа занимали единую позицию, присущую господствовавшему классу феодалов-крепостников.

Название болгаринского еженедельного журнала точно выражает его задачи и содержание. Это не «Экономист» с программой буржуазной государственной политики в области торговли и промышленности, а только «Эконом», призванный обслужить, улучшить хозяйство помещика, обосновать правомерность дальнейшего существования феодальной экономики.

Определяя программу своего экономического журнала, Булгарин обещал оставить в стороне всякие теории и руководствоваться только опытом. Он явно боялся политико-экономических идей, направленных против крепостного хозяйства, и исходил из принципов экономического учения феодалов, отстаивающего права дворян на землю и на крепостных крестьян. Булгаринский лозунг — «уметь пользоваться приобретенным» — выражал чаяния крепостников наладить управление разлагающимся барщинным хозяйством.

На страницах журнала доказывалась возможность повышения доходов дворянских вотчин путем создания в них мануфактур и фабрик, и прежде всего — путем усиления эксплуатации крепостного труда на барщине.

На страницах «Эконома» давались советы, как упорядочить бюджет помещика. Оставаясь на позициях феодального строя, Булгарин не мог, конечно, указать радикального выхода из кризиса крепостного хозяйства. Дворяне жаждали как можно больше и скорее увеличить свои денежные доходы, а Булгарин ограничивался давно уже известным владельцам крепостных душ наставлением: «Если «Эконома» спросят, что пужно, чтоб иметь деньги, он скажет в ответ: *Порядок, порядок, и порядок!*»¹. Всю задачу упорядочения современного ему помещичьего хозяйства редактор «Эконома» сводил к умелому использованию крепостного труда.

Тягло — вот на чем сосредоточивалось внимание крепостника в поисках увеличения доходности своего хозяйства. Подробные советы по этому вопросу и давал «Эконом» своим читателям — дворянам-помещикам.

Булгарин требовал, чтобы в каждом имении строго учтены были все ревизские души и тем самым определено число тягол. На каждое тягло, т. е. на двух крепостных крестьян — мужчину и женщину, рекомендовалось отводить 4—5 десятин барской земли: 2—3 десятины пашни и 2 десятины покоса. «Эконом» заявлял, что помещики должны требовать полной обработки этой земельной площади одним тяглом. Не привлекаться к полевым работам могли только старики свыше 60 лет, но зато им поручались другие работы по помещичьему хозяйству. Особо указывалось, на какие барские работы следует привлекать детей.

На страницах «Эконома» рассматривались и пропагандировались различные системы раскладки барщинных повинностей на крепостных крестьян. Тягла делились на издельные, оброчные и сиротские. В свою очередь издельные, т. е. обязанные непосредственно работать на барской пашне, делились на «работы свои», «брат на брата», «день за день», или «батрачно».

При системе «работы свои» все без исключения крепостные выгонялись на полевые работы с обязательством выполнить сначала все на барской земле, а затем уже получить разрешение работать на своем наделе. При системе «брат на брата» один из членов крестьянской семьи оставлялся работать в своем хозяйстве, а другой — без всякого ограничения работал на помещика; «день за день» — три дня на барина и три дня на себя; «батрачно» — все дни крепостной обязывался работать на помещика, только по воскресеньям и праздникам ему предоставлялась возможность работать на своем наделе совместно с другими членами своей семьи.

¹ «Эконом», т. I, тетрадь 1, 1841 г., стр. 3.

Оброчные тягла делились по окладу, по числу душ, по числу работников в семье, по количеству земли; существовали полуброчные и полуиздельные тягла. Сиротские тягла налагались на те семейства (из престарелых или малолетних), которые не в силах были нести ни тягла, ни полутягла, измеряемого количеством обработки барской земли; они посылались на какие-нибудь вспомогательные работы, но всегда строго учитывались и никогда не освобождались от барских повинностей. Кроме барщины, существовали так называемые мирские повинности, устанавливаемые помещиком или его управляющим и обязательные для всех крестьян поголовно.

В целях повышения натуральных и денежных доходов поместья «Эконом» решительно возражал против барского обычая держать около себя огромное количество слуг, но не предлагал перевести слуг в число крестьян, наделенных землей. Отмечая чрезмерное обилие дворовых в имениях старого вотчинного дворянства, «Эконом» рекомендовал заставить и приучить дворовых пряхь тонкий холст, столовое белье, изготовлять кожевенные изделия, чтобы освободить тем самым дворянское хозяйство от связей с рынком и по возможности сохранить его натуральные основы.

На страницах «Эконома» пропагандировалась необходимость удовлетворения всех личных потребностей помещика продуктами, созданными в своем собственном хозяйстве, вплоть до производства свекловичного сахара. С особым рвением и настойчивостью Булгарин развивал мысль о том, чтобы каждый дворянский дом стал «фабрикой и мануфактурой в миниатюре». Таким образом, он выдвигал программу возврата к натуральным отношениям.

Но для того, чтобы превратить помещичье имение в «фабрику и мануфактуру в миниатюре», нужны были деньги; иначе говоря, осуществление программы возврата к натуральным отношениям требовало прежде всего расширения товарно-денежных связей помещика с рынком, накопления денежных сумм; но вкладывать капиталы в свои имения дворяне не хотели, капиталов было мало, да и организация фабрик и заводов в каждом поместье не сулила больших выгод.

Булгаринская экономическая программа положительно и усердно воспринималась дворянами только в одной части — советов по усилению эксплуатации крепостного крестьянства. Отсталые, рутинные основы барщинного хозяйства оставались в полной неприкосновенности, все предложения сводились лишь к расширению и увеличению барщинных повинностей.

В первый год издания «Эконома» на его страницах появлялись статьи с предложением заменить двухпольную и трехпольную системы, широко распространенные тогда в сельском

хозяйстве, более выгодным многопольным севооборотом и плодосменом. Но вскоре Булгарин отказался от пропаганды усовершенствования агротехники помещичьего хозяйства: призывы к многопольному хозяйству и травосеянию не имели успеха среди помещиков. Один из владельцев имения в окрестностях столицы, Н. Н. Муравьев, прямо заявил от имени столичного дворянства: «Многопольничать... нам в существе вещей и не ново, и не очень еще нужно»¹, мотивируя тем, что в России нет ни одного многопольщика, даже среди тех, которые пропагандируют эту систему земледелия с кафедры сельскохозяйственных учреждений. Сам Н. Н. Муравьев был ярким сторонником двухпольной системы, с посевом озимой ржи вслед за яровым хлебом.

На страницах журнала крепостников помещик А. Кейкуатов красочно рассказывал, как многопольная система земледелия в условиях барщинного хозяйства превращалась в очередную малоэффективную барскую затею. Лишь в погоне за модной новинкой, писал Кейкуатов, чтобы не прослыть невеждой, помещик, пребывая в столице, предписывал своему управляющему под страхом наказания ввести многополье, в результате же оказывалось не многополье, а пустополье. По словам Кейкуатова, там, где вводилось многополье, крестьяне оставались без хлеба и вынуждены были ходить за хлебом в соседние деревни. На страницах «Эконома» защищалось мнение крепостников, что в России, с ее большими пространствами земли, многопольные севообороты невыгодны и даже губельны для сельского хозяйства.

Отказавшись от изменений агротехники, Булгарин сосредоточил все внимание на вопросах интенсификации крепостного труда и организации управления дворянским имением. Главнейшими причинами упадка дворянских имений считались невнимание помещиков к рациональному и полному использованию находившихся в их распоряжении крестьянских тягол и своекорыстное отношение управляющих имениями к своим обязанностям по наблюдению за крестьянами.

Неукоснительно отстаивались все феодальные права дворянина-помещика. В рекомендуемом журналом порядке управления имениями имелись пункты об обязанности дворянина отказывать в женитьбе молодому крестьянину, не выполняющему всех помещичьих требований. Дворянин имел право не разрешать свадьбы и в тех случаях, когда это влекло за собой уход работника или работницы из барщинного хозяйства. Раздел дворов, а также порядок возведения крестьянами своих

¹ Н. Н. Муравьев, Мысли о хлебопашестве, «Эконом», т. III, тетрадь 77, 1842 г., стр. 196—197.

домашних построек решался по произволу помещика, вмешивающегося во все хозяйственные, семейные, личные дела крепостных крестьян.

Крепостники отвергали всякую мысль о крестьянской земельной собственности. Земля, так же как и изба, называлась ими: «имущество крестьянина, не во владении состоящее». Землей и избой крестьянин мог только пользоваться, но не владеть. Даже обмен избами не разрешался. Средства производства — лошади, сохи и бороны, топоры, косы, серпы — рассматривались как имущество, которым крестьянин мог располагать только с ведома помещика и его управляющего. К имуществу, которым крестьянин имел право располагать по своему усмотрению, относились только одежда, рогатый скот, овцы, деньги, хлеб и огородные растения. Но и это имущество находилось под надзором помещика, который мог отнять его у крестьянина.

Сами помещики мимоходом, не придавая этому какого-либо значения, сообщали на страницах своего журнала о таких фактах, когда возвращающегося с базара крестьянина поджидал управляющий именем и отнимал у него деньги, полученные за проданный свой хлеб или огородные растения; деньги взимались в уплату за подати, оброки, недоимки и штрафы.

Сплошь и рядом крестьянин не мог довести свой хлеб не только до рынка, но даже до своего дома. Как сообщалось на страницах «Эконома», «осенью, во время жатвы, староста получает приказание заворачивать хлеб, весь или большую часть, такого и такого-то крестьянина, за долг, на господское гумно»¹. Крестьянин на всю зиму оставался без хлеба и попадал еще в большие долги.

Крайне тяжелое материальное положение крепостного крестьянина не волновало помещиков. Помещики возлагали на самих крестьян ответственность за их бедственное положение, упрекали крестьян в беспечности и неспособности удобрять землю, правильно использовать семена, быть бережливыми. Крепостник стремился доказать, что излишняя земля лишь отягощает крестьянина и потому следует уменьшить земельные наделы.

Стремление сохранить и упрочить крепостное право, признание феодальных прав дворянства нерушимыми и незыблемыми, отказ от каких-либо перемен в барщинной системе хозяйства, отрицание необходимости коренных изменений во всем социальном строе феодальной России — такова была программа журнала «Эконом» и его редактора Фаддея Булгарина, стоявшего на самом правом фланге лагеря консервативного дворянства.

¹ «Эконом» № 15, 1847 г., стр. 114.

Кризис барщинного хозяйства нашел свое отражение на страницах правительственной «Земледельческой газеты», заставив ее несколько иначе, чем в предшествующие годы, поставить вопросы дальнейшего развития сельского хозяйства России.

Ее редактор С. М. Усов сначала хотел только путем повышения агротехники решить все назревшие социально-экономические вопросы крепостнической России. В первом, программном номере газеты он изложил свой рецепт уничтожения нищеты и бедности в стране: «...Одно многопольное хозяйство, умеренное и свойственное употреблению туков (т. е. минеральных удобрений.— *Н. К.*) и возбудительных средств там, где нужно, разведение картофеля, а местами кукурузы, сеяние кормовых трав, свекловицы и введение большого числа торговых растений, особенно масленных, например репса или полевой репы и тому подобных, легко разводимых, *могут одни исправить положение жителей*»¹. Так, разведением картофеля и репы да расширением сбыта сельскохозяйственных продуктов редактор журнала надеялся спасти помещиков от кризиса барщинной системы хозяйства.

Настойчивая пропаганда многопольного хозяйства наперекор косности большинства дворян-помещиков, призыв к производству новых, быстрее находящих себе сбыт на рынке земледельческих продуктов и стремление изменить технику барщинного хозяйства — все это характеризует программу Усова 30-х годов. Но в 40-х годах, в условиях кризиса крепостного хозяйства, профессор феодального земледелия вынужден был перейти от агротехнической тематики к экономической. Непрерывающиеся неурожаи и голод в деревне заставили его несколько изменить свое мнение о решающем значении плодосмена для спасения дворянского поместья от гибели.

В «Земледельческой газете» появились статьи против одностороннего подхода к вопросу о системах севооборота. Просвещенные агрономическими знаниями крепостники твердили теперь, что «за основание сельского хозяйства нужно признавать не скот и землю, а самих крестьян». Для профессора феодальной экономики это означало перенесение анализа состояния полеводства на вопросы эксплуатации труда крепостных крестьян.

«Земледельческая газета» обсуждала вопросы использования труда тягловых крестьян, определения размера их барщинных повинностей, заботилась об улучшении управления

¹ «Земледельческая газета» № 1, 1834 г., Прибавление № 1, стр. 8. Курсив мой.— *Н. К.*

дворянскими именьями, выдвигала задачу организации фабрик и заводов внутри поместий для получения дополнительных доходов и прежде всего для максимальной эксплуатации труда барщинных крестьян и дворовых.

Профессор Усов теперь уже не высказывал надежд на изменение материального положения жителей страны путем распространения агрономических знаний и повышения культуры земледелия. Нищета и разорение крестьянских хозяйств объяснялись нравственными недостатками самих крестьян. Мысль о помещичьем гнете над крестьянами всячески отгонялась. Крепостники на страницах «Земледельческой газеты» заявляли, что крестьяне бедны не от угнетения помещиками, а от дешевизны водки, от пьянства.

В ряде статей, помещенных в «Земледельческой газете», заметна попытка найти причины провала начинаний некоторых помещиков установить рациональную систему хозяйства. Костромской помещик Думский, признавая, что дворянские именья «куда как плохи», причину этого факта искал в «нравственном зле», в нежелании дворян посвятить себя заботам о сельском хозяйстве. Но одновременно с призывом к дворянам взять управление именьями непосредственно в свои руки Думский высказывал сомнение в способности дворян исправить положение и сделать свои усадьбы доходными. Он выдвинул вопрос: следует ли те усадьбы, которые удалены от значительных городов, доводить до степени совершенства, и заплатит ли усовершенствование, даже в десятки лет, за все труды и убытки, понесенные помещиком? Думский считал, что каменные постройки, дорогие машины редко, очень редко дадут помещику самые посредственные проценты из-за дешевизны и малоценности сельскохозяйственных продуктов.

Основанное на крепостном труде барщинное хозяйство стало препятствием для вложения капиталов в земледелие, тормозом дальнейшего развития производительных сил в сельском хозяйстве.

Вместо вложения новых капиталов в производство, перехода к более совершенной сельскохозяйственной технике крепостник обращал все свое внимание на большую распорядительность управляющего именем, не требующую какой-либо новой затраты денежных сумм. Призывы к большей распорядительности на деле означали усиление надзора за крепостными крестьянами, установление больших повинностей на каждое тягло, что в свою очередь неизбежно приводило к еще большему обострению кризиса барщинного хозяйства. Тот же Думский наиболее радикальным предложением по спасению дворянского владения от кризиса считал задачу — «занять руки крестьян ремеслом выгодным по местности», а доходы от по-

вых крестьянских промыслов получать непосредственно самим помещикам, а не управляющим.

В условиях кризиса барщинной системы крепостники не находили другого средства для повышения своих доходов, кроме усиления тяжести повинностей, падающих на крепостных крестьян. О коренных мероприятиях по подъему сельского хозяйства страны они не помышляли.

В поисках средств повышения своих доходов помещики могли заменять барщину оброком. Переход на денежный оброк вполне понятен в условиях развивающихся товарно-денежных отношений, но такое мероприятие мотивировалось также недостаточностью доходов от полевых культур.

Косные в своем отношении к сельскохозяйственной науке крепостники боялись распространения среди крестьян не только специального, агрономического знания, но даже элементарной грамотности. Один из крепостников, скрывшись под инициалами Д. Ф. Л., прислал в редакцию статью «О средствах к водворению грамотности между крестьянами».

«В чем же должно состоять образование крестьянина?» — спрашивал крепостник и отвечал: «Образованность крестьянина русского не должна быть пространна: уметь немного читать, писать, считать — с него довольно...»¹.

Такой подход вытекал из корыстных классовых интересов феодала-помещика. Помещики опасались, что грамотные крестьяне будут стремиться уходить от них, поэтому мысль о необходимости распространения грамотности среди крепостных сопровождалась требованием, чтобы «владельцы не выпускали в свободное состояние лучших людей».

Но даже такая крайне ограниченная постановка вопроса вызвала возражение других крепостников. Старобельский помещик П. Головинский заявил, что путем повышения грамотности нельзя добиться увеличения доходности имений, поэтому вопрос об образовании крепостных крестьян он предложил считать исключительно компетенцией правительства, а постановку этого вопроса со стороны помещиков — проявлением особого «великодушия» их к своим крестьянам.

Таким образом, сохранение барщинного хозяйства и помещичьей власти в стране приводило к консервативности и рутине во всем народном хозяйстве, задержке просвещения широких народных масс.

Основной экономической проблемой на страницах «Земледельческой газеты» всегда оставались барщина и оброк. Однако в процессе развития кризиса крепостного хозяйства под влиянием роста освободительного движения в стране пришлось кре-

¹ «Земледельческая газета» № 7, 1846 г., стр. 50.

постникам откликнуться и на вопрос о вольнонаемном труде; о больших вопросах — об отмене крепостного права и феодальной собственности на землю, конечно, не могло быть и речи.

Крепостническое направление экономической мысли оставалось господствующим в русской литературе 40-х годов.

Если в XVIII в. «Труды Вольного экономического общества» в какой-то мере служили выражением прогрессивных идей по вопросам экономики сельского хозяйства, то в период кризиса крепостного хозяйства этот журнал занимал уже явно отсталые, консервативные позиции.

Весьма характерно появление в этом журнале в 1842 г. статьи Ф. А. Дурасова «Взгляд на положение крестьян в России и сравнение их с классом рабочего народа в иностранных государствах». Основная цель автора — отстоять, сохранить крепостное рабство в России. Усердно приукрашивая и искажая отношения между помещиком и крепостными крестьянами, Дурасов приходил к выводу, что только «неведение иностранцев» может характеризовать положение русских крестьян как невольничество. В условиях господства необузданного произвола помещиков, автор вынужден был признать, что имеются в России такие «владельцы, кои не пекутся о своих крестьянах; проматываясь, требуют сверх сил оброки, и изнуряют сим быт крестьян, обременяют излишней пашней, и делают им разные другие притеснения»¹. Однако автор старается приуменьшить размер и значение царящего в стране помещичьего гнета.

Обеляя дворян-крепостников, он не скупился на обличительные слова по адресу тех стран, в которых господствовало буржуазное, фермерское сельское хозяйство.

* *
*

Наиболее видными экономистами в лагере крепостников рассматриваемого нами здесь периода были *Д. Шелехов* и *А. Буговский*. Первый из них был известен своими лекциями на заседаниях Вольного экономического общества, изданными позднее под названием «Курса опытного русского сельского хозяйства». Второй же выступил с трехтомным «Опытом о народном богатстве или о началах политической экономии», подвергнутым развернутой и убийственной критике в статьях В. А. Милютина на страницах демократических журналов.

¹ «Труды Вольного экономического общества», 1842 г., треть последняя, стр. 148.

Отстаивая барщинную систему хозяйства, Шелехов объяснял ее кризисное состояние тем, что в дворянских имениях «понятия о земледельческой промышленности еще не утвердились в умах приказчиков и управителей на правилах рационального домоводства и политической экономии»¹. Под домоводством он подразумевал старые феодальные принципы организации и управления вотчиной и поместьем, а под политической экономией — некоторые положения из университетских учебников вульгарной буржуазной политической экономии.

Выдвигаемая Шелеховым система экономических взглядов представляла собой попытку создания учения о крепостном хозяйстве с учетом развития товарно-денежных отношений. Исходным пунктом этого учения было утверждение, что барщинное хозяйство «главную точку опоры, главную свою силу получает от политической экономии». Барщинное хозяйство оставалось по-прежнему основой всей системы общественных отношений в России, а вульгарная политическая экономия должна была обосновать необходимость приспособления дворянского имения к условиям товарного производства.

Шелехов считал, что одной из причин расстройства и разорения дворянских поместий являлось неправильное понимание помещиками сущности капитала, ценности, богатства и вообще незнание правил политической экономии.

Веря в то, что политическая экономия может указать помещику выход из кризисного состояния его имения, идеолог крепостничества порождал надежду у своих слушателей на заседаниях Вольного экономического общества найти все необходимые для них советы в учебниках политической экономии. По его словам, политическая экономия была создана именно для того, чтобы «знающий и наблюдательный хозяин, осмотрев свой угол в глуши, мигом сообразил его средства, нужды и потребление и применил к ним свое производство сельской промышленности»².

Как видно, политическая экономия нужна была помещику для развития товарного производства в своем имении, для перехода к торговой деятельности, но при неизменном сохранении крепостного права и системы барщинного труда.

При определении предмета политической экономии основное внимание уделялось труду. Идеолог крепостников неоднократно повторял, что без труда нет ценностей, без труда нет

¹ Д. П. Шелехов, Курс опытного русского сельского хозяйства для руководства в управлении поместьями с крепостною собственностью, вып. 1, Спб. 1842, стр. 204.

² Там же, стр. 382.

капитала, без труда нельзя создать себе богатство. Однако от теории трудовой стоимости он стоял далеко.

По мнению Шелехова, только помещик «образовывал» ценности, причем это мог делать только лишь расчетливый помещик, применяющий правила рационального домоводства и политической экономии. Те же помещики, которые свое поместье приводили в расстройство мотовством или погоней за роскошью, теряли наследственное свое богатство, лишь способствовали гибели капиталов и ценностей государства.

С результатами деятельности помещиков в своих имениях Шелехов связывал и экономическое положение всей России, прежде всего земледелия и животноводства. «Народное наше сельское хозяйство,— заключал он,— требует в наш век о себе размышлений глубоких и постоянных: оно не имеет твердых, рациональных оснований, колеблется, и в мыслях производителей, и на самом делопроизводстве, а в иных местах упадает»¹. Как видно из этого с осторожностью высказанного заключения, крепостник вынужден был признать упадок всего сельского хозяйства России, но решения всех проблем ждал только от своего дворянского класса.

Шелехов выступал с критикой деятельности дворянского класса. Он призывал дворян отказаться от старых своих барских привычек, перестать увеличивать число дворовых. Он осуждал такие, например, факты, когда в поместье с 72 ревизскими душами было только шесть тягол на сохах, а все остальные крепостные крестьяне переведены на барский двор. Перед дворянским классом Шелехов выдвигал задачу отказаться от помещичьих потех (от «потешного» быта) и перейти к торгово-промышленной деятельности, организуя в своих имениях мануфактуры, переводя дворовых людей в ремесленники, но обязательно сохраняя барщинную систему и крепостную зависимость крестьян.

Организация мануфактур и ремесленничества не означала еще перехода к капиталистическим отношениям, так как мануфактуры должны были создаваться на крепостном труде, а ремесленники по-прежнему оставались крепостными.

Отрицательные стороны крепостного труда не ускользали от внимания наблюдательного и опытного помещика. Шелехов весьма правдиво описывал работу на барщине: «В глазах барщинского работника (крепостного крестьянина.— *Н. К.*) беспрестанно стоит угрюмый вид приказчика, в ушах его звенит

¹ Д. П. Шелехов, Путешествие по русским проселочным дорогам, вып. 1, Спб. 1842, стр. 3.

грозный его голос; в душе одна мысль, что руки трудятся целый год на чужбине»¹.

Оставаясь крепостником, он в своих наблюдениях вынужден был признать преимущества работы на себя, выполняемой крестьянином в своем хозяйстве: «Надобно видеть, — продолжал Шелехов, — этих же самых барщинских работников, которых обвиняют в медленности и дурной работе, на своем семейном поле или лугу с тою же клячею, с тем же плохим орудием, как живо, быстро, неумолимо они трудятся, если случится вырвать часок-другой от барщинской работы»². Но крепостник не делал и не мог сделать последовательных и окончательных выводов из известных ему фактов; он вносил лишь частичные, несущественные поправки в организацию труда на барщине, выступая против системы «брат на брата», против неограниченной во времени и размерах работы крестьян на барском поле.

В своих планах рационализации крепостного хозяйства Шелехов ратовал за поголовную барщину, т. е. за одновременное привлечение наибольшего количества крепостных на господское поле. Поголовная барщина, по мнению помещика, порождала у крепостных надежду на быстрее окончание барщинных работ и на возможность перехода к сбору урожая на своих полях. Предложения Шелехова имели своей целью прежде всего обеспечить скорейшее выполнение барщинных работ, распространение барщины на всех крепостных крестьян. Его программные предложения были феодальными по существу и форме.

Если в некоторых местах своей книги Шелехов и высказывался за вольнонаемный труд, то только как за частичное мероприятие, не заменяющее, а дополняющее по мере необходимости труд крепостных. Основная задача автора состояла в отстаивании феодальных основ помещичьего хозяйства. Он уверял, что благоденствие и процветание сел и деревень вполне могут быть при существовании крепостничества и что это целиком зависит от самих помещиков и их поступков, от умения дворян хозяйничать, владеть умно, расчетливо, предусмотрительно своею крепостною собственностью. Расчетливость же и торговую предусмотрительность предлагалось черпать из учебников политической экономии.

Наибольшие сведения о расчетливости и торговых сделках крепостники могли узнать из курса политической экономии *А. Бутовского*, излагавшего основы буржуазного хозяйства применительно к дворянской идеологии.

¹ *Д. П. Шелехов*, Курс опытного русского сельского хозяйства, вып. 1 стр. 217.

² Там же.

Первый том курса Бутовского посвящен производству богатства, второй том — обращению и распределению богатства, а последний (третий) том — потреблению богатства.

Несмотря на внешне буржуазные формы, исходные начала политической экономии Бутовского тождественны учению крепостника Шелехова. В «Опыте о народном богатстве» защищалось крепостничество и его основа — земельная собственность помещиков. Сравнивая рабовладельческую систему хозяйства с крепостнической, Бутовский доказывал, что крепостной строй ничего общего не имеет с рабовладельческим потому якобы, что личность и собственность крепостного обеспечены законом. Сравнивая положение крестьянства в буржуазном обществе с положением крепостных в России, Бутовский утверждал, что положение крепостных в России много выгоднее, чем мелких владельцев земельной собственности в других странах.

Ревностно защищая феодальные права дворян, он старался представить крепостные обязанности крестьян как вознаграждение за помощь, которую якобы оказывает им помещик, прежде всего за тот участок земли, который помещик предоставил крестьянину и его семье. А крестьянские подати, рекрутскую повинность Бутовский лицемерно рассматривал как якобы формы активного участия крестьян в политической жизни государства.

Барщинное хозяйство в политической экономии Бутовского являлось основной формой хозяйства. Существование барщины всемерно им оправдывалось.

Считая монополию помещиков на землю и крепостной труд неизбежными, Бутовский отвергал мысль о возможности выхода из кризиса крепостного хозяйства путем освобождения крестьян от крепостной зависимости и безвозмездного наделения крестьян землей в их частную собственность.

Книга Бутовского по своей тематике значительно шире лекций Шелехова; много внимания уделяется в ней вопросу о частной собственности. «Сознание о нем (т. е. о факте частной собственности. — *Н. К.*), — заявлял Бутовский, — родилось в нас вместе с нами, мы с ним умрем; с ним жили наши предки; с ним будут жить наши потомки; он признается везде...»¹. В этих словах содержится апология частной собственности. Речь шла не столько о приобретенной собственности, сколько о владениях предков, о господствовавшей в России дворянской собственности феодального характера.

Его антисоциалистические высказывания не могут служить свидетельством того, что Бутовский является только апологе-

¹ А. Бутовский, Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии, т. II, Спб. 1847, стр. 16.

том капитализма¹. Против социализма выступали не только буржуазные экономисты, но и явные крепостники, в том числе, например, агенты царской охранки, обвинявшие В. Г. Белинского в пропаганде социалистических и коммунистических идей.

Политическая экономия Бутовского была направлена на защиту интересов господствовавшего класса крепостников, включавшего свое хозяйство в сферу товарного производства. Экономические взгляды Бутовского содержали основы феодальной экономики и отдельные положения вульгарной буржуазной экономики.

Стремясь отождествить российские феодальные отношения с буржуазными западноевропейскими, Бутовский заявлял, что в дворянском имении уже существует фермерская система хозяйства. По его словам, оброчный крепостной крестьянин в России представляет собою западноевропейского фермера и арендатора земли. Такие суждения Бутовского и других крепостников направлены были на то, чтобы отвергнуть предложения об изменении господствующих в стране аграрных отношений².

В этой связи Бутовский решительно возражал против тех западноевропейских и российских экономистов, которые требовали создать новые, рациональные и прогрессивные отношения

¹ См. И. Г. Блюмин, *Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века*, М.—Л. 1940, стр. 76. По характеристике И. Г. Блюмина, учебник Бутовского «весь пронизан жгучей ненавистью к социалистическим учениям и целиком подчинен задаче дать апологику капиталистического строя». С первой частью характеристики вполне можно согласиться, но вторую часть (апологику капитализма) следует принять со значительными оговорками. Бутовский признавал целесообразным развитие капиталистических отношений в России, но только без ущерба для существования феодального хозяйства господствовавшего класса.

² На сочетание в учебнике Бутовского двух различных хозяйственных систем — капитализма и крепостничества — обратил внимание И. Г. Блюмин в «Очерках экономической мысли в России в первой половине XIX века», стр. 77. Однако, по нашему мнению, И. Г. Блюмин не выявил крепостнического характера позиций Бутовского в 40-х годах. Он писал: «Бутовский в основном был апологетом капитализма. Апологетикой капитализма он занимался со всем жаром души. Апологетика крепостнического строя у Бутовского представляла просто уступку официальному курсу Николая I». Но «официальный курс Николая I» имел еще глубокие основы в экономике феодальной России. Бутовский всегда, в 40-х годах и в период подготовки реформы 1861 г., защищал дворянскую земельную собственность. Изложение основ вульгарной политической экономии не делает его апологетом капитализма. Важнейшим критерием оценки взглядов Бутовского должно быть отношение к помещичьей земельной собственности, к крепостному труду, барщине. А по этим основным вопросам Бутовский в 40-х годах находился в лагере крепостников.

между людьми, исключаящие эксплуатацию человека человеком.

Однако он не мог не видеть возникших серьезных экономических опасностей для дальнейшего существования в России дворянского имения. Но, как идеолог крепостничества, Бутовский верил в силы самого помещичьего класса, всецело представляя самим дворянам поиски средств повышения доходности барщинных имений; как крайнюю меру, он допускал продажу дворянского имения купцам, но исключал передачу земли в крестьянскую собственность.

Политическая экономия относилась Бутовским к нравственно-политическим наукам, а нравственные науки должны объяснить законы, которыми «направляется свободно-разумная деятельность человека к достижению различных целей»¹.

Законы политической экономии дворянин признавал лишь в том случае и при таком условии, когда они не противоречили его пониманию нравственности, феодальным отношениям между помещиком и крестьянином, а также когда они не вступали в противоречие с феодальным порядком.

Бутовский всегда подчеркивал обязанность политической экономии быть в согласии с нравоучением, правоповедением и другими отраслями существовавшей в феодальной России нравственно-политической науки. Он спрашивал: «Какого доверия заслуживает учение, не представляющее подобного согласия?.. Можно ли одобрить, например, мнимую политическую экономию, ниспровергающую правила нравственности и порядок государственный?»²

Таким образом, истинной политической экономией безоговорочно объявлялась та политическая экономия, которая смогла бы укрепить феодально-крепостнический строй царской, дворянской России. Все же «зловредные» для крепостников социалистические, демократические идеи относились к числу мнимых, ошибочных, ничего общего не имеющих с истинной наукой.

Экономическое учение крепостников явилось орудием борьбы против политической экономии передовой России, формулированной в статьях Милютина, на страницах журналов «Отечественные записки» и «Современник».

Выдвинув отыскание законов удовлетворения потребностей людей основной задачей политической экономии, Бутовский занялся рассмотрением потребностей человека вообще, начиная с младенческого периода его существования. Политическая

¹ А. Бутовский, Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии, т. I, Спб. 1847, стр. I.

² Там же, стр. XIV.

экономию Бутовского была отвлечена от сферы производственных, материальных отношений между людьми.

Меновая стоимость (меновая ценность) лишалась у него связи с трудом, затратами труда; она определялась полезностью и рыночными условиями приобретения различных благ. Наряду с меновой ценностью, в учебнике Бутовского была и категория ценности, полностью отождествлявшаяся им с издержками производства. Вместе со всеми западноевропейскими вульгарными экономистами Бутовский особое внимание уделял роли капитала, как производительной силы общества.

Находя в каждом продукте следы совокупного участия силы труда, природы и капитала, Бутовский остерегался конкретизировать понятие труда, а тем более назвать крестьян и рабочих создателями ценностей.

Производительным сословием в обществе оказывалось некрепостное крестьянство, а то, которое применяло одновременно с трудом свои капиталы и силы природы. Бутовский явно сужал состав производительного сословия, ничего не говоря о тех, кто действительно своим трудом создавал необходимые для общества продукты, и в то же время расширял состав этого сословия за счет групп, примыкавших к правящим классам. К производительному сословию он причислял тех, кто применяет свой труд, свои капиталы и природные силы к производству всякого рода благ или полезностей¹.

По дворянскому мировоззрению, только дворянское сословие обладало внутренними благами («полные и основательные познания, чистые нравы» и т. д.), составляющими фундамент их богатства. К производительному сословию им причислялись также ученые, юристы, врачи, литераторы и те группы людей, которые Адам Смит относил к непроизводительным. Дворянский идеолог Бутовский выступал по этому вопросу с возражениями против автора «Богатства народов», но отнюдь не был оригинален. Западноевропейские вульгарные экономисты еще до него отошли от научных основ классической буржуазной политической экономии. В России в этом направлении многое было сделано Шторхом, создавшим особое учение о не-вещественных благах.

Приверженность Бутовского идеям вульгарной политической экономии проявляется как в вопросе о стоимости, так и в его понимании происхождения прибыли. Прибыль предпринимателя теряла какую-либо связь с трудом работника, рассматривалась только как разность между издержками капитала и рыночной ценой продуктов. Этой разностью объяс-

¹ См. А. Бутовский, Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии, т. I, стр. 67.

нялись и чистый доход капиталиста, и прибыль откупщика, и земельная рента.

Такая теория выражала взгляды российского дворянства, вступавшего на путь торгово-промышленной деятельности и продолжавшего вести свое барщинное имение.

Конечно, политическая экономия Бутовского уже выходила за рамки старого натурального дворянского поместья. Проблемы цены, стоимости, капитала, прибыли вставали прежде всего перед тем классом России, который занимался капиталистической деятельностью.

Однако политическая экономия Бутовского отвечала запросам и дворянского класса, переживавшего кризис крепостнического хозяйства. Поэтому идеи вульгарной политической экономии одинаково воспринимались как крепнувшей в стране торгово-промышленной буржуазией, так и искавшим выхода из кризиса феодального хозяйства господствовавшим классом.

Мысль о кризисных явлениях в помещичьем хозяйстве широко распространялась в этот период в крепостнической литературе, она порождала всевозможные проекты упорядочения дворянского хозяйства, призывы к царскому правительству оказать помещикам помощь в их стремлении удержать хлебные цены на выгодном для них уровне, организовать дворянские компании по сбыту сельскохозяйственных продуктов. Характерно, что во всех этих и подобных им проектах предусматривалась незыблемость крепостничества и в том числе барщинного хозяйства.

В 1845 г. в Москве появилась привлекающая к себе большое внимание брошюра *П. Поздюнина* с весьма заманчивым для помещиков названием: «Об оброчных работниках, или совершенно новом образе взимания помещичьих повинностей с крестьян». Новоявленный экономист крепостнического лагеря предлагал перевести все феодальные повинности крестьян на натуральный оброк.

Поздюнин установил у себя в имении два вида оброка: а) личный и б) поземельно-пахотный. Как тот, так и другой оброк исчислялся не в деньгах, а в хлебе. Личный оброк платили все крепостные Поздюнина; размер его был различен: 90 пудов хлеба в год с взрослого мужчины, 60 пудов с женщины, 30 пудов с малолетних. Кроме того, взимался поземельно-пахотный оброк: с каждого тягла за пользование землей взималось 72 пуда. Все барщинные работы также были переведены на исчисление хлебом. Крепостной крестьянин, не выполнивший почему-либо всех барщинных работ, оказывался обязанным платить помещику дополнительное количество хлеба в порядке штрафа; дворовые переведены были на хлебный оброк. По собственному заявлению Поздюнина, от таких

нововведений доходы его имений повысились процентов на двадцать. Но, как он сам вынужден был признать, крестьяне, работая гораздо больше обычного, никогда не смогли отработать возложенного на них хлебного оброка, их долг переносился на следующий год и прибавлялся к новым повинностям.

Брошюра Поздюпина не содержала каких-либо предложений по улучшению организации труда, по введению новых средств производства; в ней ставилась задача дальнейшего сохранения барщины, усиления эксплуатации крепостного труда.

Почти одновременно с Поздюпиным другой крепостник — А. Жуков издал «Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством...»¹. В этой книге имелись весьма критические замечания по адресу помещиков, приведших к упадку свои имения, высказывалось сожаление об отсутствии в России «полезного класса фермеров». Но выход из кризиса сельского хозяйства мыслился силами тех же дворян, при сохранении барщинных устоев помещичьего имения.

Жуков мечтал о том, что дворяне вернутся в свои имения, перестанут отдавать их под наблюдение неграмотных, крепостных приказчиков и будут управлять крестьянами «по правилам политической экономии».

Но политическая экономия крепостника Жукова, так же как и Шелехова и Бутовского, не касалась вопросов преобразования сельскохозяйственного производства на капиталистических основах, отмены барщины и оброка, введения вольнонаемного труда. Политико-экономические суждения Жукова распространялись только на сферу обращения.

Основное внимание в этой книге уделялось проблеме удержания хлебных цен на выгодном для дворян уровне. Жуков предлагал помещикам выделить в своей губернии уполномоченных по наблюдению за ценами, на дворянских собраниях назначать хлебные цены, а для удержания цен на определенном уровне объединяться в дворянскую хлебную компанию, которую он называл «хлебоохранительной для народного продовольствия и благоденствия компанией». Для спасения от конкуренции купеческих компаний дворянское объединение должно получить особую защиту царского закона и покровительство царского правительства.

Мечты Жукова об участии дворян в коммерческих операциях, казавшихся постыдными для «благородного» дворянства, отвечали назревшей необходимости переделки натурального

¹ А. Жуков, Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством или беседы о частных доходах, о удовлетворении нужд всего государства, о направлении избытков за границу..., М. 1848.

феодалного поместья в торговое, основанное на капиталистических принципах предприятие. Вместе с Жуковым с аналогичными предложениями об организации дворянского хлебославного общества выступил нижегородский и симбирский помещик *Неронов* в брошюре «Новые взгляды на сельскую жизнь»¹.

Завидуя наживе и обогащению торговцев-спекулянтов, обманывавших как крестьян, так и помещиков, *Неронов* предлагал создать объединение дворян приволжских губерний для сбыта хлеба на петербургском рынке. В этом был прямой расчет: в губерниях, где находились владения *Неронова*, в 1843 г. пуд ржаной муки стоил 60 коп., а в Петербурге — 2 р. 70 к.

Однако российское дворянство оказалось мало приспособленным для перехода в «торгующее дворянство»; слои обуржуазившегося дворянства были невелики, дворянские имения медленно втягивались в товарно-денежные отношения, а тем паче в товарное производство. Проекты создания ферм, основанных на вольнонаемном труде, путем освобождения крестьян от барщины, относились к области иллюзий. Дворяне ограничились лишь призывом к организации дворянских компаний, а в действительности предоставили купеческому капиталу всю сферу торговой деятельности как на ближних, так и на дальних рынках.

Экономические идеи *Булгарина*, *Шелехова* и *Бутовского*, *Поздюнина*, *Неронова* и *Жукова*, несмотря на отличия между ними, представляли собою систему воззрений господствовавшего класса феодалов-помещиков. Эти идеи защищало все консервативное дворянство во главе с первым помещиком в стране — *Николаем I*.

Экономические взгляды либерального дворянства

В 40-х годах усилилось либеральное движение внутри дворянского класса.

В отличие от консерваторов дворянские либералы пришли к выводу, что дальнейшее сохранение крепостничества и барщины «неблагополучно и невыгодно» для самого дворянского класса и феодальной монархии. Под «неблагополучием» подразумевалась прежде всего угроза существованию дворян как господствовавшему сословию, надвигавшаяся опасность крестьянских восстаний.

Экономическую программу дворянского либерализма наиболее полно и развернуто обосновала группа экономистов»

¹ *И. Неронов*, Новые взгляды на сельскую жизнь, Спб. 1845.

министерства государственных имуществ, возглавлявшаяся А. П. Заблоцким-Десятовским.

На вопрос об отмене крепостного права Заблоцкий-Десятовский еще в начале 40-х годов в своей секретной записке «О крепостном состоянии в России», составленной для правительственных кругов, отвечал: «Время созрело». Он предупреждал класс помещиков о крайнем недовольстве крепостных крестьян своим положением.

Дальнейшее сохранение крепостнического строя Заблоцкий-Десятовский признавал невыгодным для общества. По его обоснованному заключению, крепостной труд менее производительен, нежели вольнонаемный. Не отрицая того, что для отдельных помещиков крепостной работник может принести больше выгоды, чем вольнонаемный, он твердо был убежден в том, что «в государственном смысле крепостной труд менее полезен свободного»¹. В произведениях Заблоцкого-Десятовского уделялось много внимания доказательству отрицательного влияния крепостного права на качество, производительность труда, на возникновение и рост капиталов в стране, на развитие промышленности и торговли.

Экономическая программа либерального дворянства 40-х годов выходила за пределы помещичьего имени, предусматривая после отмены крепостного права значительное расширение торговли и промышленности. В этой связи ставился вопрос о необходимости отказа от барски-пренебрежительного отношения к торгово-промышленной деятельности со стороны дворянства, о необходимости изменить отношение дворян к российскому купечеству.

Не мысля дальнейшего развития народного хозяйства России без торговли и промышленности, не признавая класс помещиков вполне пригодным для экономической деятельности, либеральный дворянин особо подчеркивал способности купечества к созданию и увеличению капиталов, необходимых для буржуазного развития экономики страны.

По вопросу об отношении к купечеству между крепостниками и либеральными дворянами наблюдались явные расхождения. Крепостники в период кризиса феодального строя все еще мечтали сохранить свою монополию не только на землю, но и на торговлю хлебом, а также на организацию промышленных предприятий. В отличие от крепостников Заблоцкий-Десятовский и его единомышленники не верили в способности дворян организовать промышленные предприятия. На основании имеющихся у него статистических материалов он пришел к такому заключению: «Многие из помещиков в последнее

¹ А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселев и его время, т. IV, Спб. 1882, стр. 327.

время стали соединять с земледелием другие отрасли хозяйства и преимущественно бросились на фабрики. Но часто эти попытки, вместо принесения барышей, оканчиваются совершенным разорением»¹. Отсюда следовал вывод о необходимости государственной поддержки класса российской буржуазии.

Намерения либерального дворянства привлечь торгово-промышленную буржуазию к экономическому переустройству России после ликвидации крепостничества не исключали возможности развития самостоятельного крестьянского хозяйства. Нельзя признать правильным встречающееся в нашей литературе утверждение, что либералы вместе с крепостниками ставили задачу дискредитации крестьянского хозяйства как возможной после ликвидации крепостничества базы развития производительных сил в земледелии. Экономистам из лагеря либерального дворянства 40-х годов чужда была такая постановка вопроса.

В этой связи следует напомнить общеизвестный факт о существовании в России наряду с хозяйством помещичьих крестьян хозяйства государственных крестьян. Если крепостники и либералы — владельцы крестьянских душ сомневались в способностях своего крепостного крестьянства к организации самостоятельного и рационального хозяйства после аграрной реформы, то либералы, изучавшие экономическое положение государственных крестьян, могли наглядно видеть более крепкое и зажиточное хозяйство у государственных крестьян по сравнению с хозяйством крестьян, находившихся под гнетом помещичьего произвола.

Либералы, группировавшиеся в министерстве государственных имуществ, не были сторонниками дискредитации крестьянского хозяйства. Они стремились доказать, что «наш крестьянин, при некоторых условиях, может сделаться прекрасным хозяином, отличным домоводом»². Под «некоторыми условиями» подразумевалась прежде всего отмена крепостной зависимости, затем наделение землей и предоставление крестьянину свободного хозяйствования на земле.

В мечтах о будущем автор цитированной выше статьи, ближайший сотрудник Заблоцкого-Десятовского, — П. Арапетов, выявил себя явным сторонником развития в стране мелкой и крупной деревенской буржуазии. Он был убежден в том, что в России наступят такие условия, когда «вместо огромных селений, тянующихся вдоль больших дорог, от которых поля от-

¹ А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселев и его время, т. IV, стр. 331.

² П. Арапетов, Замечания о хозяйственном быте русского крестьянина, «Журнал министерства государственных имуществ», ч. IV, кн. 2, 1842 г., стр. 370.

стоят на несколько верст, поля наши покроются множеством небольших ферм, на которых почти каждый семьянин будет сам хозяин, тогда богатство быстро разольется и первым благодетельным следствием будет *умножение капиталов в селах*¹.

В этой связи наиболее наглядно выявляется различие между крепостниками и дворянскими либералами. Бутовский причислял крепостных крестьян к фермерам на помещичьей земле, Заблоцкий-Десятовский и Арапетов рассматривали фермерство как последствие будущей аграрной реформы, при развитии самостоятельного крестьянского хозяйства в условиях распространения в стране крестьянской земельной собственности.

Следует отметить, что либеральные экономисты не ограничивались только общими рассуждениями о крестьянской земельной собственности, а собирали статистические данные о крестьянских земельных наделах, производили исследования бюджета крестьянской семьи² и даже определяли, сколько земли и сколько скота необходимо для безбедного существования средней крестьянской семьи. По расчетам самого Заблоцкого-Десятовского, семья, в составе которой было два с половиной работника, должна иметь в своем распоряжении 17 десятин земли.

Публиковавшиеся в «Журнале министерства государственных имуществ» расчеты и выводы либеральных экономистов приобретали значение прямого осуждения всей существовавшей тогда крепостнической системы хозяйства. Статистикам-экономистам министерства хорошо были известны данные о пищенском земельном наделе государственных крестьян (не говоря уже о помещичьих); в их руках находились ведомости о количестве казенной земли, приходящейся на душу государственных крестьян. В Московской губернии, например, приходилось всего 2 десятины, в Тульской — 3, в Орловской — 4, в Харьковской — 5 и т. д. При таких земельных наделах крестьянство не могло удовлетворять даже скудных своих потребностей и своевременно платить государственные подати. Обычно статистические расчеты опирались на материалы о государственных крестьянах, но выводы делались по отношению ко всему крестьянству, ко всему сельскому хозяйству страны.

Отчетливое и гласное признание необходимости экономических реформ характеризует деятельность дворянских либералов 40-х годов прошлого века во главе с А. П. Заблоцким-Де-

¹ П. Арапетов, Замечания о хозяйственном быте русского крестьянина, «Журнал министерства государственных имуществ», ч. IV, кн. 2, 1842 г., стр. 381.

² По всей вероятности, это были первые такого рода исследования в русской литературе после небольших начинаний в данной области Вольного экономического общества в конце XVIII в.

сятковским и К. С. Веселовским. «Наше земледелие находится в неудовлетворительном состоянии» — вот основной вывод, к которому приходили либеральные экономисты департамента сельского хозяйства министерства государственных имуществ¹. Отсюда следовали советы отказаться от старого порядка хозяйствования в помещичьих имениях, причем особенно подчеркивались преимущества ведения сельского хозяйства путем применения вольнонаемного труда.

При оценке экономических взглядов либерального дворянства и их проектов решения аграрного вопроса следует обязательно учитывать, что во второй четверти XIX в. царское правительство все еще откладывало решение крестьянского вопроса до более далеких времен, не признавало необходимости немедленных мероприятий по спасению дворянского класса от усиливающегося кризиса крепостного хозяйства. Широкое понимание грозящей опасности наступит скоро, в конце 50-х годов, но в 40-х годах все еще преобладала крепостническая, а не либеральная концепция.

В этих условиях нельзя не подчеркнуть прогрессивного значения антикрепостнических идей Заблоцкого-Десятовского и его единомышленников. Правда, неизбежной оказалась эволюция этих идей в сторону компромисса с крепостниками — эволюция, особенно отчетливо проявившаяся в дни практической подготовки так называемой крестьянской реформы в конце 50-х — начале 60-х годов.

В 40-х годах демократы вполне могли поддерживать литературные выступления Заблоцкого-Десятовского, направленные против крепостного права. В конце 50-х годов такая возможность совершенно отпадала.

Помещенная в 40-х годах в «Отечественных записках» статья Заблоцкого-Десятовского «Причины колебания цен на хлеб в России» с полным правом может быть отнесена к антикрепостнической литературе. В. Г. Белинский в своем обзоре русской литературы за 1847 г. особо отметил эту статью, как замечательнейшее явление ученой литературы². Великого русского просветителя, революционера-демократа привлекала в статье Заблоцкого-Десятовского не столько солидная научная аргументация автора, сколько антикрепостническая направленность содержащихся в ней идей.

Статья о хлебных ценах, посвященная злободневной для всей крепостнической и либеральной литературы 40-х годов теме, послужила поводом для выражения экономических взгля-

¹ «Обзор действий департамента сельского хозяйства в течение пяти лет, с 1844 по 1849 год», изд. 2, Спб. 1850, стр. X.

² См. В. Г. Белинский, Взгляд на русскую литературу 1847 года, Собрание сочинений в трех томах, т. III, М. 1948, стр. 841.

дов дворянства, переходящего к буржуазной идеологии. Статья подытожила исследования ряда экономистов министерства государственных имуществ. Сам Заблоцкий подтвердил, что статья фактически явилась продолжением опубликованного К. С. Веселовским в журнале министерства еще в 1845 г. исследования под названием «О ценах на хлеб в России».

Опираясь на множество статистических данных о ценах на хлеб в различных губерниях страны, а также на материалы о вывозе хлеба за границу, К. С. Веселовский ставил своей целью вскрыть основную причину упадка крепостнического хозяйства. Он отвергал помещичьи предложения о ссыпке хлеба в государственные магазины для удержания высоких или средних цен на хлеб, об отдаче хлеба под залог в государственные учреждения и другие частичные, не решающие основной экономической проблемы мероприятия. Веселовский призывал помещиков искать главную причину колебания цен, а тем самым — неустойчивости и падения их доходов в самой системе феодального общества, в применении принудительного труда.

В ответ на жалобы помещиков относительно экспортных затруднений автор доказывал, что «причин, почему цены на хлеб низки, или по крайней мере невыгодны, остается искать не за пределами государства, но у себя дома, в нас самих, в собственном своем быту»¹.

Слишком открытый и глубокий анализ крепостнического быта опасен был как для царского правительства, так и для его государственных чиновников. Веселовский опубликовал только первую часть своего исследования, продолжение появилось на страницах «Отечественных записок» — в статье Заблоцкого-Десятовского.

Так же как и Веселовский, Заблоцкий выступил против экономических взглядов крепостников, не признававших кризиса барщинного хозяйства. Автор статьи считал, что хозяйство России находилось в неустроенном, хаотическом состоянии, что оно не только отстало от других стран Европы, но «далеко не удовлетворяет потребностям собственного нашего быта». Основную причину кризисного состояния экономики феодальной страны автор видел «в неестественном, антиэкономическом распределении производительных сил»².

Крепостники не могли понять такой оценки состояния предреформенной экономики России, часто встречавшейся в органе либерального дворянства. Либералы остерегались уточнить свою формулировку.

¹ К. Веселовский, О ценах на хлеб в России, «Журнал министерства государственных имуществ», ч. XV. № 4, 1845 г., стр. 76.

² А. П. Заблоцкий, Причины колебания цен на хлеб в России, «Отечественные записки», т. 52, № 5, 1847 г., отд. IV, стр. 2.

Под феодальной личиной государственного чиновника Заблоцкого-Десятовского скрывались явно буржуазные представления об экономических явлениях, с их делением на естественные и антиэкономические. Уничтожение крепостного права и распространение вольнонаемного труда провозглашались как меры, могущие обеспечить нормальное развитие производительных сил, существовавшие же в феодальной России общественные отношения считались «антиэкономическими» и угрожающими дворянскому классу, всему государственному строю страны.

Правильного содержания в понятие «производительные силы» либералы не вкладывали, но это обстоятельство не лишает их литературные выступления прогрессивного значения. Либеральный дворянин, переходящий на позиции буржуазной идеологии, хотел все взаимоотношения между отдельными классами и сословиями построить на свободной конкуренции, — при господстве рыночных отношений. Чрезмерные, наносящие вред всему хозяйству страны колебания цен на хлеб объяснялись существованием обязательной ренты, возникающей от крепостничества, системы принудительного труда.

Вопрос о причинах колебания хлебных цен Заблоцкий-Десятовский сводил к обязательной феодальной ренте, отрицательно влияющей на хозяйство как помещика, так и крестьянина. Указывалось на то, что при обязательной ренте «смешиваются все элементы и теряется всякая возможность определить итог издержек производства», само соотношение между трудом и капиталом, а потому и «колеблется основание цен»¹.

Заблоцкий-Десятовский предвидел после ликвидации крепостнических отношений расширенный спрос на хлеб и устойчивые, выгодные для землевладельцев цены в условиях существования наемных рабочих, постоянно нуждающихся в покупном хлебе.

При характеристике развитых рыночных отношений большое внимание уделялось купечеству, которое могло выступить посредником между помещиком и потребителем, а также организатором промышленного производства. В «Отечественных записках» Заблоцкий-Десятовский пространно доказывал благотворное влияние капиталов на земледелие и промышленность, превозносил деятельность российского купечества, в своем славословии значительно превосходя даже идеологов самой торгово-промышленной буржуазии.

Заблоцкий-Десятовский в большей степени, чем кто-либо из экономистов 40-х годов, выразил буржуазные тенденции дво-

¹ А. П. Заблоцкий, Причины колебания цен на хлеб в России, «Отечественные записки», т. 52, № 5, 1847 г., отд. IV, стр. 23.

рянского либерализма. Требования развития капиталистической промышленности и торговли в стране у него вытекали из полного осознания необходимости отказа от крепостных отношений в сельском хозяйстве, необходимости перестройки барщинного и оброчного имения помещиков. В 40-х годах в министерстве государственных имуществ под руководством А. П. Заблоцкого-Десятовского и К. С. Веселовского готовились те буржуазные реформы, на путь которых встало царское правительство лишь в 60-х годах.

* *

*

Основное отличие дворянских либералов от крепостников заключалось в признании либералами необходимости отказа от существовавших феодальных отношений и перехода к новым, буржуазным отношениям в деревне и в городе.

Следует подчеркнуть, что в 40-х и в первой половине 50-х годов в печати еще не были выдвинуты конкретные предложения по аграрному вопросу. Поэтому к либеральному движению примыкал каждый дворянин, желавший отмены крепостничества. В конце 50-х годов принципы размежевания между крепостниками и либералами значительно изменятся, поскольку подавляющее большинство крепостников во главе с первым помещиком Александром II признает необходимость освобождения крестьян от личной крепостной зависимости. Многие либералы 40-х годов окажутся в лагере крепостников, а многие крепостники 40-х годов станут либералами. В качестве примера можно указать на профессора политической экономии Петербургского университета В. С. Порошина.

В 40-х годах в своем основном произведении — «О земледелии в политико-экономическом отношении» Порошин обосновывал необходимость перехода к капитализму в сельском хозяйстве. Он допускал тогда два решения вопроса: 1) предоставить крестьянам право владения землей или 2) после отмены крепостного права сосредоточить все земли в распоряжении дворянства. В 40-х годах уже одна только постановка вопроса об изменении господствовавших в стране отношений делала Порошина либералом. А в конце 50-х и в начале 60-х годов тот же Порошин решительно отказался от проекта наделения крестьян землей и с крепостнических позиций критиковал деятельность редакционных комитетов за обсуждение вопроса о передаче части принадлежавшей помещикам земли в распоряжение крестьянства.

Заблоцкий-Десятовский, Веселовский, Порошин в своих произведениях наиболее полно отразили дворянско-либераль-

ное понимание кризисного состояния феодального хозяйства в предреформенную эпоху и путей выхода из этого состояния. Их предложения были прогрессивными по сравнению с экономической программой консервативного дворянства. Однако эти предложения были весьма далеки от необходимого решения проблемы. Только революционные демократы указывали единственно правильный выход из кризиса крепостного хозяйства: полное уничтожение крепостничества и его базы — феодальной земельной собственности, замена последней крестьянской земельной собственностью, ликвидация феодальной монархии.

Глава тринадцатая

БУРЖУАЗНЫЕ ИДЕОЛОГИ 30—40-х ГОДОВ

Положение российской торгово-промышленной буржуазии во второй четверти XIX в. было весьма своеобразно. Эксплуатируя вместе с помещиками народные массы, купечество само не пользовалось политическими и экономическими правами господствовавшего класса и принадлежало к «неблагородному» сословию, многие его представители находились даже в крепостном состоянии.

Российская буржуазия прямо и непосредственно была заинтересована в ликвидации крепостного права, но в силу своей экономической слабости она давно уже смирилась с существованием феодальной монополии дворянства на землю, ограничила свою экономическую деятельность сферой торговли и промышленности, отказавшись от задач широкого проникновения в сельскохозяйственное производство.

Дворянская монополия на землю ревниво охранялась как самими крепостниками, так и их государственной властью. Царским законом запрещалось купцам — даже «именитому купечеству высших разрядов» — покупать населенные имения; в исключительных случаях они могли покупать арендные имения, продаваемые казной.

До реформы 1861 г. процесс перехода феодальной земельной собственности в буржуазную был весьма ограничен. Торгово-промышленная буржуазия не имела реальных оснований сочетать свою основную деятельность с владением землей. Российская буржуазия не проявляла заинтересованности в ликвидации помещичьей земельной собственности. Этим объясняется почти полное отсутствие аграрных проблем в программных требованиях торгово-промышленной буржуазии второй четверти XIX в. Наиболее видные представители буржуазии этого периода — Н. Полевой, В. Боткин, И. Вавилов — не ставили вопроса о ликвидации помещичьей земельной собственности. Их мировоззрению присущ либерализм, а не буржуазный радикализм.

Только в конце 50-х годов — после правительственного решения о подготовке крестьянской реформы, идеологи купечества (в частности В. Кокорев) высказали свои пожелания по крестьянскому вопросу, вновь обнаружив склонность к компромиссу с феодальной монархией и господствовавшим классом крепостников. На протяжении всей второй четверти XIX в. идеологи российского купечества все еще воздерживались от открытых и решительных выступлений против крепостничества.

Н. Полевой, И. Вавилов, В. Боткин

Николай Алексеевич Полевой вошел в историю русской литературы как представитель купеческого сословия, поднявший знамя борьбы против господствовавшей идеологии класса крепостников. Издаваемый им журнал «Московский телеграф» (1825—1834) отражал передовые настроения России в первые годы николаевской реакции, вслед за декабрьским восстанием. Каждое слово, критически высказанное против существовавших тогда общественных отношений, воспринималось как революционное, направленное против основ феодальной монархии.

Попытка Н. Полевого создать «Историю русского народа» взамен карамзинской «Истории государства Российского» звучала прямым вызовом правящим классам с их антинародными интересами. Назвать труд придворного историографа Карамзина «историей государей, а не историей народа», было равносильно тому, чтобы поставить под сомнение правильность исходных позиций дворянской историографии¹. Художественные произведения Полевого, его многочисленные исторические повести, народные сказки представляли собой плод стремлений автора дать истинные картины народной жизни.

Повести Полевого по своему содержанию стали новым этапом истории русской литературы; высказанные в них симпатии новгородской вольнице, описания жизни простого народа, показ бедствий и нищеты крестьян и одновременно благородства их повседневных поступков дали основание В. Г. Белинскому поставить имя Полевого рядом с именами Ломоносова и Карамзина. Н. Полевой явился представителем нового, передового направления в русской литературе.

Но политические намерения Н. Полевого не выходили за пределы феодальной монархии. Его выступления против дво-

---

¹ Как указывал еще В. Г. Белинский, попытка Полевого создать историю народа не увенчалась успехом: последние тома его исследования оказались очень похожи на сочинения Карамзина.

рянства по существу сводились к защите прав купечества на равное положение с дворянством в России Романовых, укрепившейся, по словам Полевого, при поддержке и прямой помощи купечества.

На торжественном акте в Московской практической коммерческой академии Полевой посвятил специальную речь доказательству того, что в смутные дни спас Россию, вручив власть московскому царю, нижегородский купец, сделавший то, «чего не сделали ни святители, ни сановники, ни цари, ни воины»¹. Полевой призывал купцов к тесному единению с царствовавшим домом, с Николаем I.

Конечно, противопоставление купечества императорским сановникам может рассматриваться как подкоп под дворянскую идеологию. Однако антифеодальный характер выступлений Полевого ослаблялся его отказом «препираться о *первенстве сословий*», признанием им первенствующего значения дворянского сословия, подчеркиванием единства действий Минина и Пожарского, клятвой веры в священность и нерушимость существовавших прав и отличий каждого сословия.

Вопросами внутреннего политического устройства России Полевой не занимался. Он интересовался преимущественно вопросами русской промышленности и русской литературы.

Ограниченность политической программы Н. Полевого привела его в конце концов в лагерь николаевской реакции. Выпады против крепостников сменились сотрудничеством с ними. К чести Полевого следует отметить, что он сознавал свое общественное падение и искренне желал порвать позорные и невыносимые связи с реакционерами.

Научные интересы Николая Полевого оказались весьма разнообразными. Включали они и политическую экономию. Придавая большое значение распространению экономических знаний в России, Полевой писал, что «политическая экономия есть одна из тех наук, которые быстрее других развивают здравые понятия о сущности гражданских обществ и приводят нас к истинной стезе общественного счастья»². Но раскрыть подлинное содержание экономической науки ему не удалось, так же как и избежать вульгаризации научных начал буржуазной теории классиков политической экономии.

Он высоко ценил Адама Смита. Признавая, что в экономическом учении Смита определены главные основания государственного хозяйства, он намеревался точно установить свои расхождения с Сэем, но не успел выполнить своего желания.

¹ Н. Полевой, Козьма Минич Сухорукой, избранный от всея земли русския человек, М. 1833, стр. 13.

² «Московский телеграф» № 2, 1827 г., стр. 120.

Фактически Полевой пошел дальше последователей Сэя в вульгаризации смитианства. В его сочинениях еще раз выявилась невозможность совместить восхваление и полную защиту торговой деятельности купечества с учением о трудовой стоимости товаров, создаваемой в сфере материального производства. Теория трудовой стоимости не могла быть глубоко воспринята идеологом торгового капитала.

На словах различая деятельность труда и капитала, ограничивая функции купца куплей и продажей товаров, Полевой никак не мог отделить капиталистов от производителей. По его взглядам, хотя капиталист сам лично не работает, но все же является производителем, так как «за него работает капитал»¹.

Отсюда следовало деление всех производителей на две группы: 1. работающих капиталом вместо личного труда, 2. работающих без капитала, у которых труд заменяет капитал. Но даже такое деление не могло скрыть резкого, прямо антагонистического противоречия между капиталистами и рабочими.

Для системы экономических взглядов Полевого характерно стремление расширить понятие производительного класса, включив в него все категории обслуживающего купцов персонала (сторожей, маклеров, страховщиков, поваров и т. д.), а также всех, получающих или зарабатывающих деньги. Смешивая общественно полезный труд с производительным трудом, Полевой решительно возражал против какого-либо деления людей на производящих и непроизводящих, отмечая тем самым мысль о возможности отграничения сферы обращения, в которой протекала деятельность купцов, от сферы производства. Отсюда следовала его защита «невещественного капитала», приравнение к труду рабочего всякой другой деятельности необходимой обществу.

В сочинениях Полевого даже не поднимался вопрос о социальной сущности капитала; капитал трактовался как вечная категория. Владельцем капитала объявлялся каждый, имеющий какую-либо ценность; под капиталом понимались деньги, используемые для получения новых денег или получаемые за какую-либо деятельность. Создание новых ценностей представлялось как результат действия капитала.

Не отличая стоимости от потребительной стоимости, идеолог купечества определял ценность ценой, спрос на рынке рассматривал как единственный фактор, определяющий цену товара: «для чего явилась ценность, нам мало надобности;

¹ Н. Полевой, Речь о невещественном капитале (*capital immatériel*), как одном из главнейших оснований государственного благосостояния и народного богатства, М. 1828, стр. 19.

довольно, что ее *требуют*»¹. Процесс производства выпадал из его поля зрения. Он не видел в нем особых социальных и экономических проблем.

При таком понимании общественных явлений весьма ограничивались задачи политической экономии; последние сводились к «теории права вещей», составлявшей в схеме Полевого часть общей науки о правоустройстве государства и общества. Исследуя вопросы взаимоотношений между отдельными отраслями хозяйства, между людьми и целыми сословиями, связанными между собой «вещественным производством», такая теория ограничивалась существовавшими общественными отношениями, не интересуясь их происхождением, сущностью и развитием. В схемах Полевого наука о правоустройстве оправдывала существование в стране 12 разных сословий, причем совершенно игнорировалось крепостное положение крестьянина. Перечисляя сословия в сельском хозяйстве, идеолог купечества допускал только разделение на земледельцев (в широком смысле слова) и землевладельцев без малейших намеков на целесообразность изменения существующих между ними производственных отношений.

Идеолог купечества прежде всего стремился получить от феодальной монархии признание экономических прав своего класса, обеспечить имущественное равенство его с господствующим сословием крепостников, не претендуя на большее. «Безрассудно требовать,— заявлял Полевой,— чтобы поселянин знал то же, что купец, и чтобы купец углублялся в тайны метафизики; это все равно, если бы кто-нибудь желал, чтобы все равно были богаты»². Вопреки коренным интересам торговой буржуазии Полевой не восставал против сословного неравенства; он довольствовался фактическим положением купеческого сословия в России, к тому времени в имущественном положении достаточно уже крепкого.

В своей речи о купеческом звании, произнесенной в Московской практической коммерческой академии, Полевой подчеркивал, что «среди всех сословий звание *купца, гражданина*, столь же *почетно, благородно и необходимо*, как и другие звания... Оно объемлет все звания, если принять его в обширнейшем смысле, как *производителя народных богатств*, что в обществе, так сказать, все купцы, все равно как все люди»³.

¹ Н. Полевой, Речь о невещественном капитале, как одном из главных оснований государственного благосостояния и народного богатства, стр. 26.

² Там же, стр. 29.

³ Н. Полевой, Речь о купеческом звании, и особенно в России, М. 1832, стр. 10.

Присваивая купечеству роль производителя народных богатств, Полевой отходил от основной экономической проблемы своего времени — проблемы уничтожения крепостного права и ликвидации феодальной земельной собственности. Примиренчество к дворянам, компромисс между феодальными и буржуазными отношениями характерны были не только для Полевого, но и для других идеологов российской буржуазии.

* *
*

В конце 40-х годов выступил другой идеолог торгово-промышленной буржуазии — *И. Вавилов*. В «Беседах русского купца о торговле» Вавилов превозносил торговлю, считая ее главной отраслью народного богатства, а тем самым и народного благосостояния. По словам автора, богатство, приобретаемое посредством торговли, «разливается незаметным образом между всеми сословиями народа, начиная от производителей до потребителей», неминуемо влечет за собою благодетельное последствие¹. Обращаясь к коренным русским купцам, Вавилов призывал их к всемерному расширению торговли и промышленности в стране.

Все дальнейшее прогрессивное развитие России идеолог купечества мыслил только посредством расширения товарно-денежных отношений, обходя молчанием основную экономическую проблему — уничтожение крепостничества и его базы — феодальной земельной собственности.

Примирение с феодальной земельной собственностью и господством класса крепостников доходило у некоторых идеологов буржуазии до прямого отрицания прогрессивной роли своего класса.

В этом отношении представляют интерес высказывания «западника» *В. Боткина*, несомненного сторонника отмены крепостного права в России, провозгласившего еще в 40-х годах подхваченный позднее идеологами буржуазного либерализма лозунг: «Дай бог, чтобы у нас была буржуазия». Концепция либерала Боткина уже в то время была противоположна учению демократа Герцена.

Нет оснований надежду Боткина о наступлении в России господства буржуазной формы хозяйства рассматривать как его мечтание о власти и господстве торгово-промышленной буржуазии. Боткин возлагал большие надежды не на купеческий класс, а на дворянство после освобождения крестьян от крепостной зависимости. О купечестве он выражался весьма

¹ *И. Вавилов*, Беседы русского купца о торговле, вып. 1, Спб. 1845, стр. I (Введение).

нелестно и совсем иными словами, чем Полевой и Вавилов, считая, что купечество безвозвратно осуждено на тучность и грубое невежество. Отвергал он и прогрессивные тенденции в движении широких крестьянских масс. Боткин выступил против борьбы демократов за коренное изменение положения трудящихся масс.

Ограждая себя от упреков в аристократизме, Боткин не прочь был выразить «глубокое сострадание» к положению крепостного крестьянства; со скорбью преклонялся он перед «трагическим жребием» трудящихся, во всем обвиняя «горделивую цивилизацию». Но при этом всегда считал для себя обязательным подчеркнуть «глубокое невежество масс».

Единственно цивилизованным классом Боткин признавал дворянство, связывая с ним свои надежды на появление и развитие в России буржуазии. «Недалеко то время,— писал Боткин в 1846 г.,— когда торговые дома будут основываться дворянством, и оно выступит на поприще промышленности не так, как теперь, с точки зрения барской, а с дельностью и специальными сведениями. Но это, разумеется, может быть после перемены, которая произойдет в их барском положении»¹. Зло и недуги современной ему России Боткин видел в крепостном праве и барских привычках дворянства, а не в господстве феодальной земельной собственности, на которую не покушался и этот идеолог буржуазного развития России.

* *
*

Полевой, Вавилов, Боткин выражали и защищали интересы растущей российской торгово-промышленной буржуазии. Интересы эксплуатируемого крестьянства выражали и защищали революционные демократы.

Между революционными демократами, с одной стороны, и дворянскими либералами, буржуазными идеологами — с другой, не могло быть общих классовых интересов, так же как не могло быть единства стремлений либерального дворянства и крепостного крестьянства. Однако ликвидация крепостного права являлась тем основным программным пунктом, в решении которого были заинтересованы все слои буржуазии, крепостное крестьянство и либеральное дворянство. На этой почве могли быть общие выступления дворянских либералов, буржуазных идеологов и революционных демократов в одних и тех же органах печати, взаимная поддержка, борьба против

¹ «Н. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов», Спб. 1892, стр. 523.

крепостников. Просветительство включает представительство как демократических интересов, так и буржуазного радикализма.

Просветительство, как антифеодальное направление общественной мысли, характерно для периода борьбы против крепостнической системы хозяйства, но оно не является единым по своим классовым целям. Единое по своему буржуазному содержанию, просветительство могло быть различным по конечным задачам и тенденциям либерального дворянства, торгово-промышленной буржуазии, крепостного крестьянства.

Для примера можно привести уже названную в предыдущей главе записку Заблоцкого-Десятовского — «О крепостном состоянии в России». В ней наряду с помещичье-буржуазным решением аграрного вопроса не исключалась возможность освобождения крестьян и без вознаграждения помещиков, допускался выкуп крестьян за счет средств всего народа, а не только самого крепостного крестьянства. Просветительские идеи не чужды всем экономистам, группировавшимся в 40-х годах вокруг Заблоцкого-Десятовского и Веселовского.

Однако это обстоятельство не дает никакого основания объединить в один лагерь представителей либерального дворянства с дворянскими революционерами, а тем паче с революционерами-разночинцами. Грубым искажением действительности является пропагандировавшаяся некоторыми историками общественной мысли теория «единого потока», игнорирующая классовые различия между демократами и либералами.

На отсутствие единства среди просветителей 40—60-х годов указывал В. И. Ленин¹.

Развитие просветительских идей В. Г. Белинского вело к учению Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, а развитие идей Н. Полевого и И. Вавилова приводило к программе В. Кокорева. Последовательное развитие просветительских идей Заблоцкого-Десятовского в лучшем случае могло привести к солидарности со взглядами Скалдина. Однако сам Заблоцкий-Десятовский и его единомышленники очень быстро отказались от своих прогрессивных позиций и скатились в крепостнический лагерь.

В самом конце второй четверти XIX в. произошла проверка силы и твердости антикрепостнических позиций просветителей. После революционных событий 1848 г. вновь усилилась николаевская реакция. Либеральные дворяне прекратили антикрепостнические литературные выступления. Заблоцкий-Десятовский, став редактором «Земледельческой газеты», все свои

¹ См. В. И. Ленин, Письмо А. Н. Потресову, Соч., т. 34, стр. 8—9.

усилия направил на поддержку того барщинного хозяйства, за необходимость отказа от которого он ратовал на страницах «Журнала министерства государственных имуществ» в начале 40-х годов. Перепуганный Веселовский совершенно отказался от занятий политической экономией и переключился на метеорологию.

В период николаевской реакции только в демократическом лагере крепло и усиливалось антикрепостническое движение. Революционные идеи В. Г. Белинского получили свое широкое обоснование в произведениях Герцена и Огарева, Чернышевского и Добролюбова, на страницах «Колокола» и «Современника».

В. Майков

В 40-х годах в числе лиц, занимавшихся экономическими вопросами, был и молодой литературный критик Валериан Николаевич Майков. Ранняя смерть, последовавшая на 24 году жизни, в 1847 г., прервала литературную деятельность В. Н. Майкова. Развитие его социально-экономических воззрений не получило своего завершения.

В. Н. Майков являлся редактором «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (выпуск первый) и автором основных статей этого словаря¹. Словарь получил весьма положительную оценку В. Г. Белинского².

Экономические вопросы Майков рассматривал в специальных работах, в литературно-критических статьях и многочисленных рецензиях. Первая по времени и наиболее интересная, с точки зрения выяснения экономических взглядов Майкова, рукопись «Об отношении производительности к распределению богатства», написанная им еще на студенческой скамье, была напечатана лишь через много лет после смерти автора, в начале 90-х годов. Большая работа «Общественные науки в России» состояла из двух частей. При жизни Майкова увидела свет лишь первая из них, посвященная всей совокупности социальных наук и не содержащая специального анализа экономических проблем³. Черновик второй части был опубли-

¹ Вместе с В. Н. Майковым в составлении статей первого выпуска «Карманного словаря» принимал участие петрашевец Р. Р. Штрандман. Поэтому, как уже отмечалось в литературе, нельзя установить, какие именно статьи словаря были написаны В. Н. Майковым.

² См. В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IX, АН СССР, М. 1955, стр. 60—62.

³ В. Г. Белинский в годичном обзоре «Русская литература в 1845 году» отнес эту статью В. Н. Майкова наряду с некоторыми другими статьями «Финского вестника», в котором она была напечатана, к хорошим статьям серьезного содержания (см. В. Г. Белинский, Собрание сочинений в трех томах, т. III, 1948, стр. 31).

кован только в конце XIX в. в сборнике работ В. Н. Майкова «Критические опыты».

Экономические взгляды Майкова еще недостаточно исследованы. А. М. Левитов в статье «Передовая экономическая мысль России 40-х годов XIX века и ее значение в экономической науке» относит В. Н. Майкова, правда, с известными оговорками, к тому направлению прогрессивной экономической мысли России, к которому принадлежал В. А. Милютин и которое украшали имена В. Г. Белинского и А. И. Герцена¹. Но с этим нельзя согласиться.

Изучение литературного наследия В. Н. Майкова в основном подтверждает оценку его Г. В. Плехановым как писателя, испытавшего на себе влияние современного ему социализма, но оставшегося на позициях буржуазной науки². Однако и эта характеристика воззрений Майкова нуждается в уточнении и дальнейшем развитии.

Майков, подобно петрашевцам и Милютину, выступил в период, когда все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом. К решению этого актуального вопроса, так же как и к освещению других экономических проблем, Майков подошел с позиций интересов развивавшейся в России буржуазии. Он своеобразно выразил не только стремление буржуазии к замене крепостного труда вольнонаемным, но и объективную потребность растущей капиталистической промышленности в создании внутреннего и завоевании внешнего рынка.

Защищая буржуазную собственность, Майков отстаивал переход России к прогрессивному, по сравнению с крепостничеством, капиталистическому способу производства.

С позиций защиты буржуазной собственности Майков подошел и к вопросу об отмене крепостного права.

Уже в работе — «Об отношении производительности к распределению богатства» — Майков обуславливал рост производительности личной свободой производителя и отвергал подневольный труд. Несмотря на то, что Майков, как и Сэй, видел в капитале и труде совершенно обособленные источники дохода, он в этой работе в отличие от Сэя не выделял землю в качестве самостоятельного источника дохода особого класса — землевладельцев.

Обострившийся кризис крепостного строя побудил Майкова отчетливее высказаться по крестьянскому вопросу. Публицистическая деятельность Майкова явилась отражением в бур-

¹ См. «Ученые записки» Ростовского н/Д финансово-экономического института, т. II, Ростов-на-Дону 1948, стр. 25.

² См. Г. В. Плеханов, Виссарион Белинский и Валериан Майков, Сочинения, т. XXIII, М.—Л. 1926, стр. 254—255.

жуазной литературе той непримиримой, многогранной борьбы с крепостным правом, которую возглавили в 40-х годах деятели освободительного движения — Белинский и Герцен. Майков публично одобрил действенную направленность взглядов Герцена¹.

Под непосредственным влиянием Герцена и Белинского Майков переходит от теоретической критики крепостного права к подцензурной пропаганде антикрепостнических взглядов. Он показывает, что все сферы общественного развития России упираются в господство подневольного труда. Ратуя за создание философии общества — науки, руководствующейся единой идеей общественного благосостояния, Майков под углом зрения этого общего критерия общественного прогресса протестует против крепостного права. Нравственное, экономическое, политическое благосостояние общества требует, с его точки зрения, ликвидации крепостного труда.

Антикрепостническими идеями была проникнута и литературно-критическая деятельность Майкова. В статье о Кольцове Майков, рассматривая Кольцова как певца крестьянского быта, а вместе с тем и физического труда, представляющего основу этого быта, обуславливает развитие крестьянского хозяйства отменой принудительного труда. Он показывает, что господствующие отношения «...вместо того, чтоб постоянно развивать их силы (Майков имеет в виду массу людей.— В. М.) и направлять их к удовлетворению потребностей, то-есть к наслаждению, ежеминутно ведут их к изнеможению и к муке не каким иным путем, как путем труда, только не нормального, а вынужденного»².

Работы Майкова и отредактированный им «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» выявляют его исходные экономические посылки в борьбе против крепостного права. Из статьи, посвященной разбору книги В. С. Порошина «О земледелии в политико-экономическом отношении», видно, что Майков защищал право всех граждан на приобретение земли — превращение ее в свободный предмет купли-продажи. Возражая против английской системы землевладения, Майков отстаивал необходимость раздробления земельной собственности: «Наука давно уже доказала, — подчеркивалось в первом выпуске «Карманного словаря», — что вообще раздробление поземельной собственности есть необходимое условие общественного благосостояния»³.

¹ См. В. Н. Майков, Рецензия на книгу Я. Г. Буткова «Петербургские вершины», Критические опыты, Спб. 1891, стр. 280.

² В. Н. Майков, Стихотворения Кольцова, Критические опыты, стр. 51. Курсив мой.— В. М.

³ «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», изд. Николаем Кириловым, вып. 1, Спб. 1845, стр. 174.

Вместе с тем Майков высказывался против уравнительных проектов, являвшихся наиболее острым идейным оружием в борьбе с крепостничеством¹.

Развитие крестьянского хозяйства должно было открыть, с точки зрения Майкова, внутренний рынок сбыта для капиталистической промышленности. Как видно из рецензий на книгу Вавилова «Беседы русского купца о торговле» и книгу Бурнашева «Руководство для молодых людей, пазначающих себя к торговым делам», Майков уделял большое внимание проблеме рынка и развития торгового капитала в России.

Интерес Майкова к крестьянскому хозяйству, как к рынку сбыта для развивавшейся в России капиталистической промышленности, явился объективной основой, определившей его позицию в крестьянском вопросе.

Поскольку Майков стремился превратить землю в предмет свободного товарооборота, высказывался в принципе за раздробление земельной собственности, его воззрения были направлены против феодальных отношений и являлись поэтому прогрессивными для своей эпохи.

Но прогрессивность воззрений Майкова не исключала его принципиального расхождения с Герценом и Белинским. Испытав на себе влияние Белинского, Майков вместе с тем выступил против этого идеолога революционной мысли 40-х годов. Майков отвергал самодеятельность масс и выступал против демократического и республиканского преобразования России. Так же как и другие представители русской буржуазной мысли, Майков боялся революции и видел в реформе единственный способ разрешения социально-экономических задач, а в соответствии с этим — и единственно возможный путь отмены крепостного права.

Различие воззрений Майкова и представителей революционного демократизма нашло свое выражение в полемике Белинского с Майковым по вопросу о значении нации и национальных особенностей развития отдельных стран.

Белинский отверг как характерное для Майкова представление о движущих силах исторического процесса, направленное против самодеятельности народа, так и его космополитическую позицию, игнорирующую роль нации, национальных особенностей в историческом развитии. Великий критик решительно отмежевался от позиции «гуманических космополитов»², на которой находился и Майков.

¹ См. В. И. Майков, Об отношении производительности к распределению богатства. Критические опыты, стр. 620.

² В. Г. Белинский, Взгляд на русскую литературу 1846 года. Собрание сочинений в трех томах, т. III, М. 1948, стр. 662.

Предстоявшая отмена крепостного права и связанное с ней вступление России на путь капиталистического развития выдвигали перед Майковым вопрос об отношении между трудом и капиталом. Проблема этих отношений стояла в центре теоретического анализа Майкова.

Если русская буржуазия в рассматриваемую эпоху только завоевывала экономические позиции, то в Англии и во Франции буржуазия являлась уже господствующим классом. Господство буржуазии ярко выявило присущие капитализму противоречия и породило глубокую и разностороннюю критику капиталистического строя представителями утопического социализма. Вместе с утопически-социалистической критикой распространялась и сентиментальная критика капитализма с позиций мелкого буржуа.

Произведения Майкова отразили знакомство его с литературой мелкобуржуазного и критически утопического социализма, изучение которого Майков углубил в период своего кратковременного посещения кружков петрашевцев. Но Майков подошел к рассмотрению капитализма с таких позиций, которые в «Манифесте Коммунистической партии» были охарактеризованы Марксом и Энгельсом, в применении к западноевропейским идеологам, как «буржуазный социализм». Буржуазный социализм возник на почве капиталистического строя Запада и, отстаивая существовавшие уже капиталистические отношения, являлся там консервативным социализмом. Иную роль играли представители буржуазного социализма в условиях крепостного строя России, где переход к капитализму диктовался потребностями развития производительных сил, а буржуазные идеологи выступали против крепостного права.

Уже в период работы над основным экономическим трудом «Об отношении производительности к распределению богатства» Майкову была известна литература гуманистической и филантропической школы Запада. В 1837 г. в Париже вышла «История политической экономии в Европе от античности до наших дней» А. Бланки. В 1838 г. В. С. Порошин перевел на русский язык работу того же автора — «Руководство к политической экономии». А. Бланки, охарактеризованный Энгельсом как «прогрессивный консерватор из Парижа, автор жалкого сочинения по истории политической экономии»¹, выступил с защитой системы участия рабочих в прибылях. Он рисовал перспективы обновления капиталистических стран. «Таким образом,— писал Бланки,— исчезнут не только все

¹ Ф. Энгельс, Конгресс экономистов, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 252.

оскорбительные общественные неравенства, но, может быть, и самый пролетариат»¹.

Другой идеолог буржуазии, ратовавший за смягчение нищеты при сохранении основ капитализма — П. Росси, был признан Майковым замечательным экономистом.

Так же как представители мелкобуржуазного социализма — Сисмонди и Бюре, Майков показывал нищенское положение рабочего класса и пауперизацию масс, порожденные господством капитала. «Действительно, — писал Майков, — рабочий класс находится в отчаянном положении: это — факт, доведенный до очевидности статистическими цифрами»².

Но позиция Майкова в вопросе об отношении к капитализму отличалась от позиций как мелкобуржуазного, так и утопического социализма. Майков стремился проложить путь развитию буржуазной собственности. В отличие от мелкобуржуазных экономистов Майков не пытался задержать, умерить капиталистическое развитие; в отличие от социалистов-утопистов Майков не противопоставлял капитализму более высокой формы экономического устройства. Он критиковал социалистов-утопистов, проповедовавших ассоциированное производство³.

Майков требовал изменения положения рабочих, так как опасался, что существующий в условиях капитализма принцип оплаты труда и порождаемая им нищета могут привести капиталистический строй к гибели. Предотвратить эту гибель не в состоянии, с его точки зрения, те частные мероприятия, которые предлагают различные сторонники филантропической школы. «Римские императоры издавали строгие законы о кротком обращении с рабами, — писал Майков, — с уменьшением последних римляне и по собственному расчету стали обращаться с ними очень кротко; а все-таки Рим пал от рабства. Право римского гражданина над рабом точно так же, как и право английского мануфактуриста над работником, есть право силы, то есть в первом случае — право победителя над побежденным, во втором — право сытого над голодным»⁴.

Размышления о судьбах капиталистического Запада и в еще большей степени стремление смягчить классовые противоречия развивавшегося в России капитализма выдвигали перед Майковым двустороннюю задачу. Признавая факт нищеты и бедствий масс, порождаемых капиталистической организацией

¹ А. Бланки, История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени, т. 2, Спб. 1869, стр. 222.

² В. Н. Майков, Об отношении производительности к распределению богатства. Критические опыты, стр. 638.

³ См. там же, стр. 624.

⁴ Там же, стр. 644.

Запада, он одновременно доказывал возможность развития капитализма без этих его неизбежных следствий, т. е. отрицал по существу имманентный характер классовых антагонизмов капитализма.

Стремление к предотвращению теневых сторон развивавшихся в России капиталистических отношений побуждало Майкова и к выступлению против недооценки последствий нищеты русскими писателями. Майков отвергал политико-экономический оптимизм, выраженный в повестях Буткова, лицемерно пытавшегося доказать положительные стороны бедности¹.

Как и западноевропейские представители «буржуазного социализма», Майков отрицательно относился к революционному движению рабочего класса, выступая против не только его политической, но и экономической борьбы. Подобно другим буржуазным реформаторам Майков противопоставлял политической революционной борьбе трудящихся изменение экономических отношений, осуществленное в рамках буржуазных производственных отношений. Рассмотрев и отвергнув мероприятия, выдвигаемые различными поборниками филантропической школы Запада, он выступил с собственным филантропически-утопическим планом устранения нищеты при сохранении фундамента буржуазного общества — частной собственности на средства производства. Государство призвано было, по проекту Майкова, произвести реформу, заключающуюся в замене «задельной» платы «дольщиной». Майков доказывал, что вместо известной доли в результатах производства работник получает от собственника капитала «отступное» в виде «задельной платы». Отсюда все бедствия и лишения рабочих. Майков выступил против такого принципа оплаты рабочего и предложил заменить «задельную» плату дольщиной, предоставляющей работнику известную часть дохода предприятия. Социально-экономическое значение дольщины он формулирует так: «В признании ее заключается все разрешение современной задачи об улучшении участи рабочего класса или, лучше сказать, о водворении равновесия между интересами хозяев, капиталистов и работников»².

Предложенный Майковым план реформы капитализма, несмотря на якобы выраженное его автором стремление к радикальному изменению положения рабочих, во-первых, исходил из незыблемости основ капитализма, во-вторых, являлся неосуществимым. Майков по существу предлагал изменить отноше-

¹ См. В. И. Майков, Рецензия на книгу Я. Г. Буткова «Петербургские вершины», Критические опыты, стр. 295.

² В. И. Майков, Об отношении производительности к распределению богатства, Критические опыты, стр. 645.

ния распределения при сохранении буржуазных отношений производства. Но необходимой предпосылкой уничтожения капиталистического закона заработной платы может служить лишь ликвидация буржуазной собственности, покоящейся на наемном труде.

Воззрения Майкова ясно отразили классовую сущность и противоречивость «буржуазного социализма». Стремясь к уничтожению нищеты на базе капитализма, Майков в то же время видел в нужде побудительный стимул труда. «Конечно, долящина не избавляет всякого от нужды... Но спрашиваем: если б изобретен был такой способ распределения богатства, при котором нужда невозможна, не остановилось ли бы тогда человечество в своем развитии?»¹

Майков отстаивал экономическую основу капитализма, защищал буржуазную собственность. Он видел неразрывную связь частной собственности и соперничества — конкуренции. Вместе с незыблемостью частной собственности Майков защищал и тот принцип конкуренции, который вызывал такую жестокую критику со стороны приверженцев утопического социализма. Особое значение Майков придавал накоплению крупных капиталов, доказывая целесообразность и эффективность их применения.

Защищая в условиях крепостного строя буржуазную собственность, Майков отстаивал переход России к новому, прогрессивному способу производства. Но капитализм был для Майкова не преходящей исторической стадией развития, а условием всего последующего экономического прогресса, естественным экономическим устройством.

---

¹ В. Н. Майков, Об отношении производительности к распределению богатства, Критические опыты, стр. 655.

Глава четырнадцатая

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЭТАПА РУССКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Период деятельности В. Г. Белинского — 30—40-е годы — в России характеризуется резким усилением процесса разложения крепостнического строя, переросшим в кризис этого строя, быстрым развитием буржуазного уклада и связанных с ним новых общественных сил, течений, обострением борьбы против крепостничества и самодержавия. Ярким выражением кризиса крепостного строя являлась нараставшая борьба крестьянства против крепостничества и его оплота — помещичьего класса. Вместе с политическим гнетом самодержавия это создавало почву для формирования идеологии революционной демократии — общественного направления, которое наиболее отчетливо отразило борьбу угнетенного класса крепостного строя — крестьянства против помещиков в условиях уже обнаружившегося раскола между представителями труда и капитала. Формирование идеологии революционной демократии в России происходило в период резкого обострения противоречий между пролетариатом и буржуазией, классовой и идеологической борьбы в странах Западной Европы.

Перед общественной мыслью России во всей остроте встала сложная задача — выявить перспективы общественно-экономического развития страны. Идеологи различных классов и классовых прослоек русского общества, и прежде всего крестьянства и основного эксплуататорского класса — помещиков, решали эту задачу по-разному. Отсюда ожесточенные споры между представителями различных идейно-политических течений 40-х годов.

В. И. Ленин писал, что примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века передовая мысль в России жадно искала правильной революционной теории. Он отмечал, что «марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв...»¹ Поиски научной революционной теории, подво-

¹ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 31, стр. 9.

дившие к уяснению необходимости демократической революции, не могли не сливаться у наиболее прогрессивных деятелей 40-х годов с идеей социализма, так как развитие капитализма в передовых странах Запада раскрыло перед ними сущность капиталистического строя как наемного рабства.

Белинский положил начало новому этапу освободительного движения в России. В. И. Ленин отмечал, что он является предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в русском освободительном движении.

В. Г. Белинский был не только продолжателем революционной традиции своих предшественников — дворянских революционеров, но и их критиком. В своей деятельности он ориентировался на народную революцию, а не на военный переворот, что было характерно для декабристов. Отличие Белинского от последних также было видно и в его отношении к помещичьему классу, с одной стороны, к капитализму — с другой. Белинский подверг капитализм острой критике. Он был выразителем и защитником интересов трудящихся, прежде всего крестьянства.

Задача подготовки демократической революции против самодержавно-крепостного строя, вставшая еще перед Радищевым, решалась Белинским в новых условиях в свете новых перспектив общественно-экономического развития России.

Историческое значение Белинского велико. Он был идейным вождем освободительного движения 40-х годов, оказывал огромное влияние на формирование революционной идеологии своих современников. Он вошел в историю русского освободительного движения как один из предшественников революционной социал-демократии. Страстный борец и глубокий мыслитель, Белинский внес большой вклад в развитие русской общественно-экономической мысли.

Идейное развитие Белинского протекало сложными путями. Отчетливо вырисовываются три этапа его идейного развития: 1) годы формирования мировоззрения Белинского как революционно настроенного просветителя (1830—1837); 2) годы «насильственного примирения» с «гносной действительностью» (1838—1839); 3) период революционно-демократической деятельности Белинского (1840—1848).

Последний этап идейного развития Белинского обусловил значение Белинского для развития русской экономической мысли.

С конца 1839 г. Белинский резко выступает против примирения с крепостнической и самодержавной действительностью и подвергает ее глубокой критике. Он не отказывается от изучения действительности, а берет ее за исходную точку своей деятельности. В письме к Боткину от 22 ноября 1839 г.

Белинский пишет, что кровно любит Русь «с ее субстанциальной стороны», т. е. со стороны ее основных народных сил и перспектив. Но «ее определение, ее действительность настоящая начинают приводить меня в отчаяние — грязно, мерзко, возмутительно, нечеловечески...»¹ Он стремится понять действительность и способствовать ее изменению, «облагораживанию» хотя бы «в границах круга своей деятельности и своего влияния». Поэтому для него ценны только те знания, которые правильно отражают действительность. Белинский говорит, что «действительность знания есть действительность жизни», при этом «самая убивающая истина лучше радостной лжи».

Крепостническую действительность Белинский называет «царством материальной животной жизни, чиновлюбия, крестолубия, деньголюбия, взяточничества...»² Он резко критикует монархизм, который, по его мнению, имел свою историческую правомерность, но уже изжил себя. Белинский выступает против всей системы самодержавно-крепостного строя, борется за коренную перестройку всех общественных оснований, за восстановление прав и достоинства человека. Самым действенным средством и путем этой перестройки, лучше которого «люди ничего не сделают», Белинский считал революцию. Знаменитое письмо к Боткину от 8 сентября 1841 г. свидетельствует о том, что Белинский в это время стал на позиции демократизма, революции, выступил приверженцем идей социализма.

Проповедуя передовые философские идеи домарксовского периода, Белинский оказал огромное влияние на формирование методологических основ экономических воззрений революционной демократии. Глубоко изучив философию Гегеля и Фейербаха, Белинский не остановился на их позициях. Последний этап идейного развития Белинского ознаменовался критикой философии Гегеля с позиций философского материализма. В этой критике Белинский, однако, не остановился на позиции Фейербаха. В отличие от последнего он стремился обогатить философский материализм и общественные науки применением диалектики.

Белинский высоко ценил диалектику Гегеля, но резко критиковал идеализм. «У меня надежда на выход не в мысли (исключительно), а в жизни, как в большем или меньшем участии в действительности, не созерцательно, а деятельно»³.

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XI, АН СССР, М. 1956, стр. 420.

² В. Г. Белинский, Письмо В. П. Боткину 10—11 декабря 1840 г., Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 577.

³ В. Г. Белинский, Письмо М. А. Бакунину 12—24 октября 1838 г., Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 317.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

В начале 1841 г. Белинский писал, что он «давно уже подозревал, что философия Гегеля — только момент, хотя и великий...»¹

Белинский был глубоким диалектиком. Он доказывал, что истина есть единство противоположностей, указывал на борьбу нового со старым, на диалектическое отрицание старого. Материалистически решая основной вопрос в философии — о соотношении духа и материи, Белинский писал: «Вы, конечно, очень уважаете в человеке ум? — Прекрасно! — так останавливайтесь же в благоговейном изумлении и перед массой его мозга, где происходят все умственные отправления...»²

Белинский ставил задачу использовать передовую теорию для решения задач общественного развития России. «Важность теоретических вопросов, — писал он, — зависит от их отношения к действительности»³. Он указывал на связь нравственного совершенствования человека с его материальными потребностями: «...материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности. Если б человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни, — он навсегда остался бы в животном состоянии. Этой истины может пугаться только детское чувство или пошлый идеализм»⁴.

Для Белинского характерен также глубокий исторический подход к объяснению общественного развития. Он ставил задачу — показать развитие человеческого общества от дикости до современного его состояния. При этом он утверждал, что человечество движется не прямою линиею и не зигзагами, а спиральным кругом.

Белинский нащупывал некоторые закономерности общественного развития. Рассматривая возникновение первобытного человека, он видел его отличительную черту в том, что человек этот был вооружен не просто палкою, но чем-то вроде каменного топора, прикрепленного к длинной палке. Белинский касался и общественного разделения труда, рассматривая его как определенный рычаг общественного развития. «В обществе один — земледelec, другой — ремесленник, третий — воин, четвертый — художник и так далее, каждый по своей способности и своему призванию и каждый по этому самому представляет собою необходимое колесо для движения общественной маши-

¹ В. Г. Белинский, Письмо В. П. Боткину 1 марта 1841 г., Полное собрание сочинений, т. XII, АН СССР, М. 1956, стр. 22.

² В. Г. Белинский, Взгляд на русскую литературу 1846 года, Собрание сочинений в трех томах, т. III, М. 1948, стр. 660.

³ Там же, стр. 665.

⁴ В. Г. Белинский, Рецензия на «Руководство к познанию новой истории» С. Смарагова, Полное собрание сочинений, т. VIII, М. 1955, стр. 287.

ны»¹. Разделение общества на сословия и классы было необходимо для развития человечества,— указывал Белинский. Оно создавало возможность развития науки, искусств.

Борьбу между плебеями и патрициями Белинский считал источником римской истории, движущей силой ее развития. Он указывал, что на определенном этапе развития римский мир начал дряхлеть, а борьба варваров его докончила и из гнилого трупa Римской империи возникли мощные народы. Рассматривая период возникновения буржуазного общества, Белинский писал: «Рыцарство уже отжило свой век и падало, уступая развитию новой гражданственности, возвышению среднего сословия и городов. Открытие Америки, изобретение пороха и книгопечатания довершили падение первого и торжество второй. Средние века кончились — настал новый великий период жизни человечества»².

Белинский рассматривал буржуазное общество как более высокую ступень общественного развития по сравнению с феодализмом. Вместе с тем он понимал и исторический характер этого общества.

* * *

*

Социально-экономические взгляды Белинского формировались в тесной связи с его общим идейным развитием.

Как видно из статей и писем Белинского, он все большее внимание уделял критике крепостничества, капитализма, проблемам и перспективам общественно-экономического развития России.

Для выяснения социально-экономических взглядов Белинского большое значение имеют его ежегодные литературные обзоры, особенно статья «Взгляд на русскую литературу 1846 года», рецензии на исторические, философские и литературные произведения, полемические статьи, например «Ответ «Москвитянину»», а также письма, воспоминания современников. Особо важное значение для выяснения экономических взглядов Белинского имеет его письмо к Н. В. Гоголю, подводившее итог его литературной деятельности и в то же время представляющее собой политическую программу и политическое завещание Белинского. Оно дает ключ к пониманию его позиции в крестьянском вопросе, к уяснению взглядов Белинского на этот вопрос, выраженных в его подцензурных статьях и в его письмах. В этом письме Белинский выдвигает требова-

¹ В. Г. Белинский, Рецензия на «Руководство к познанию новой истории» С. Смарагдова, Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 282—283.

² В. Г. Белинский, Рецензия на книгу Ф. Ансильона «Изображение переворотов в политической системе европейских государств», Полное собрание сочинений, М. 1954, т. IV, стр. 273.

ние ликвидации крепостного права, дает глубокое обоснование необходимости борьбы за уничтожение крепостничества и самодержавия. Белинский требовал для народа прав, законов, чести, собственности, охранения человеческого достоинства, развития просвещения, установления равенства и братства, т. е. требовал установления демократического строя. А так как эти требования не могли быть осуществлены без революции, то письмо к Гоголю было воспринято последователями Белинского как призыв к революции. Широко пропагандировалась программа Белинского в заграничных изданиях Герцена, впервые опубликовавшего это знаменитое письмо.

Бичуя защитников самодержавия и крепостного права, Белинский с революционным пафосом раскрывал грабительский характер крепостнической эксплуатации, показывал, каким препятствием является она на пути прогрессивного развития России.

Насильственный характер крепостнической эксплуатации был глубоко раскрыт еще А. Н. Радищевым. Белинский идет дальше, вскрывая вместе с тем исторический процесс насильственного закрепощения крестьян помещиками и самодержавием.

В результате закрепощения крестьян, писал Белинский, произошел разрыв между народом и «высшим сословием общества». Давая высокую оценку реформам Петра I, Белинский подчеркивает, что после этих реформ разрыв между народом и «обществом» еще более углубился¹.

Эту мысль, которая особенно занимала Герцена, Белинский сформулировал еще в 1834 г. Он ярко обрисовал непроходимую пропасть, которая существовала между крепостниками и самодержавием, с одной стороны, и народом — с другой.

Закрепощение крестьян при Годунове, — писал Белинский, — превратило их из людей в вещи. Развивая это положение, Белинский в письме к Гоголю показывает «ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек»².

Белинский понимал, что крестьянство является важнейшей производительной силой России. В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года», приветствуя появление «ученой литературы», он выражает особенное удовлетворение по поводу опубликования книг, касающихся «не только сельского хозяйства в его техническом значении, но и быта того многочисленного класса людей, который играет такую важную роль в

¹ См. В. Г. Белинский, Литературные мечтания, Собрание сочинений в трех томах, т. I, стр. 26—27.

² В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. X, М. 1956, стр. 213.

отношении к сельскому хозяйству, как живая и разумная производящая сила»¹. Для Белинского важен не только вопрос технического улучшения сельскохозяйственного производства; главное для него — в интересах какого класса осуществляются эти улучшения.

В письме к Гоголю Белинский защищает в числе прочих требований и «право собственности». Его взгляды по этому вопросу представляют большой интерес. Выступая против «законного» наследства «благородных предков» помещика, он защищал собственность крестьян и купечества. В данном случае он развивал дальше положения, выдвинутые Радищевым, как это делали и другие революционные демократы. Однако последние, как и Белинский, отличались от Радищева тем, что, будучи социалистами, они уже видели противоречия, связанные со всякой частной собственностью и «торгашеством».

Вопрос о земельной собственности, об освобождении крестьян с землей или без земли усиленно обсуждался в различных общественных кругах России 40-х годов. Помещичьи идеологи и правительство защищали право дворян на владение всей землей. В письме П. В. Анненкову в начале декабря 1847 г. Белинский, говоря о защите Николаем I права дворян на землю, высказывает мысль, что это право держится на военной силе дворянского государства.

Пытаясь выяснить исторические особенности развития России, Белинский считал, что «система поземельной собственности у нас совсем другая», чем та, которая была в странах Западной Европы. «При дворянстве, владеющем своею землею, у нас существует многочисленный класс свободных земледельцев, владеющих своею землею на коммунальном начале»². Белинский не мог открыто выступать против помещичьей земельной собственности. Но из того, что он говорит о русских «плантаторах-помещиках, третирующих своих крестьян, как негров», о непримиримых противоречиях между крестьянами и помещиками, из его оценки обсуждения земельного вопроса в правительственных кругах можно сделать вывод, что Белинский отстаивал крестьянскую собственность на землю. Дальнейшее развитие этих взглядов у Герцена выразилось в идее права крестьян на землю.

Говоря о широком движении в народе против крепостного права, Белинский понимал, что и правительство вынуждено заниматься крестьянским вопросом, хотя оно и «против освобождения рабов». Белинский показал, какие противоречия

¹ В. Г. Белинский, Взгляд на русскую литературу 1846 года, Собрание сочинений в трех томах, т. III, стр. 681.

² В. Г. Белинский, Рецензия на «Сельское чтение», Полное собрание сочинений, т. X, стр. 365.

вытекали из стремления правительства, вынуждаемого к освобождению крестьян страхом перед угрозой революции, сохранить всю землю и привилегии за дворянством. Из этого тупика правительство пыталось найти выход путем юридического оформления патриархальных по их сущности отношений господ к крестьянам, которое обуздало бы «произвол первых, не ослабив повиновения вторых». Это, по мнению Белинского, и есть обман крестьян, а «обманутое ожидание ведет к решениям отчаянным»¹.

Самый ход событий, по Белинскому, подводил к революционному решению крестьянского вопроса. Белинский считал, что основное зло России — крепостничество, которое в подцензурных статьях он называл ложными началами русского земледелия. В своих письмах он характеризовал крепостническую Россию как конюшню, «где благонамеренные помещики порют и истязают целую вотчину», или как «корпорации разных служебных воров и грабителей». (Письмо к Гоголю.) Именно в крепостничестве он видел причину нищеты и невежества крестьян, частых неурожаев, недостаточного развития промышленности и транспорта в России. Белинский выступает с критикой патриархально-общинных форм быта и славянофилов.

Отмечая шаткость «краеугольного камня славянофильства» — общинного начала, Белинский считал, что «особенного и оригинального в этом быте ничего не было». Патриархальные общины «были совсем не у одних славянских племен, как уверяют гг. славянофилы, а были и у всех племен и народов в патриархальном состоянии, даже и у дикарей; да только нигде они не развились, во многих местах не удержались. И у цельтических племен были эти общины, ибо они управлялись собраниями народа и советами старцев, жрецов и т. д.»²

Этот взгляд разделялся и Герценом, и Чернышевским. Но Белинский видел в общине отживающую патриархально-общественную форму быта, в то время как Герцен и Чернышевский утопически считали, что общину можно использовать в качестве исходной базы социализма.

В 40-х годах Белинский неизменно, до конца своей жизни вел принципиальную и непримиримую борьбу против славянофилов и космополитов, по-разному препятствовавших развитию освободительного революционного движения в России.

Требую уничтожения крепостного права и установления законности, Белинский подвергал резкой принципиальной кри-

¹ В. Г. Белинский, Письмо П. В. Анненкову 1—10 декабря 1847 г., Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 439.

² В. Г. Белинский, Ответ «Москвитянину», Собрание сочинений в трех томах, т. III, стр. 761, 762.

тике как русское самодержавие, так и тех, кто пел ему дифирамбы. Он понимал, чего стоят «робкие и бесплодные полумеры» самодержавного правительства «в пользу белых негров», выразившиеся, по его словам, в «комическом заменении однохвостого кнута треххвостую плетью».

Особое значение имело разоблачение Белинским проповедей смирения крестьян перед помещиками и самодержавием. Отвергая эти проповеди, Белинский выступал за необходимость действовать революционными методами. «...Теперь нам надо пройти сквозь террор, чтобы сделаться людьми в полном и благородном значении этого слова»¹, — писал он.

Постановка Белинским проблемы исторического подхода к критике крепостничества и самодержавия, революционно-демократическая постановка аграрно-крестьянского вопроса и решительная критика позиции царского правительства в этом вопросе, борьба против враждебных освободительному движению течений, особенно против славянофилов и космополитов, — все это оказало большое влияние на экономические воззрения революционных демократов 50—60-х годов.

* *
*

В экономической программе Белинского важное место занимает проблема промышленного развития России. С развитием промышленности он связывал достижение народного благосостояния, рост богатства, просвещение, облегчение человеческого труда, покорение сил природы в интересах человека. Развитие промышленности Белинский часто трактует как победу духа или разума над грубой материей. «И эти паровые машины, эти железные дороги, электрические телеграфы — все это что же такое, если не победа духа над грубою материею, если не предвестник близкого освобождения человека от материальных работ, унижающих душу и сокрушающих волю, от рабства нужды и вещественности!»²

Однако к вопросу о развитии промышленности Белинский подходил конкретно-исторически. «Я знаю, — писал он, — что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества. Собственно, она только последнее зло в владычестве капитала, в его тирании над трудом»³.

¹ См. *И. И. Панаев*, Литературные воспоминания, Гослитиздат, М. 1950, стр. 243.

² *В. Г. Белинский*, Рецензия на «Руководство к познанию новой истории» С. Смараглова, Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 283—284.

³ *В. Г. Белинский*, Письмо В. П. Боткину 2—6 декабря 1847 г., Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 452.

Здесь у Белинского четко выражен исторический подход к вопросу о развитии промышленности, выражено понимание того, что промышленность в условиях господства капитала служит интересам капиталистов. Но он рассматривает промышленность также и как последнее зло во владычестве капитала над трудом, ибо с развитием капиталистической промышленности великий критик связывал создание условий для перехода к новому экономическому устройству, обеспечивающему благосостояние народа.

Развитие промышленности в России и связанное с ним появление среднего сословия Белинский трактует как явление «совершенно необходимое и нисколько не предосудительное в его источнике». «Фабрики, компании, акции, спекуляции, предприятия, обороты — все это вещи, может быть, действительно нисколько не аристократические, зато уже и совсем не простоватые...»¹

Важнейшим толчком к экономическому развитию России, по мнению Белинского, были реформы Петра I. Эти реформы он считал выражением исторической необходимости, обусловленной потребностями общественно-экономического развития России. Благодаря реформам Петра «каналы и дороги начали прорезывать девственную почву земли русской, зашевелилась торговля, застучали молоты, захлопали станы: зашевелилась промышленность!»² Ясно, что это были еще только первые шаги в промышленном развитии России. Но к 40-м годам XIX в. Россия, как это видел Белинский, сделала большой шаг вперед в развитии промышленности.

Все представители революционной демократии выступали за ликвидацию экономической отсталости России. Но Белинскому принадлежит особая заслуга в разработке подлинно прогрессивной программы экономического развития своей родины. Великий критик был одним из первых приверженцев идей социализма, понявшим с исключительной ясностью прогрессивность развития капиталистического уклада в России дореформенного периода. Белинский резко выступил против Бакунина, отрицавшего прогрессивность развития буржуазии. «Мой верующий друг,— писал Белинский в письме к Анненкову,— доказывал мне еще, что избави-де бог Россию от буржуазии. А теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазии»³.

¹ В. Г. Белинский, Сочинения Александра Пушкина, Собрание сочинений в трех томах, т. III, стр. 601.

² В. Г. Белинский, Литературные мечтания, Собрание сочинений в трех томах, т. I, стр. 26.

³ В. Г. Белинский, Письмо П. В. Анненкову 15 февраля 1848 г., Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 468.

Однако Белинский был далек от того, чтобы идеализировать буржуазный строй вообще и нарождавшийся буржуазный строй в России. Он рассматривал его лишь как неизбежную ступень к другой, более высокой форме общества. Отстаивая в полемике со славянофилами прогрессивность развивавшихся в России буржуазных отношений, он писал, что они забыли, что новая петровская Россия так же молода, как и Северная Америка, что в будущем ей представляется гораздо больше, чем в прошедшем.

Белинский был убежден, что Россия достигнет высшего общественного строя, лишь пройдя через новую ступень буржуазного развития.

Белинского интересовали те достижения в развитии промышленности, которые были связаны с ростом буржуазии. Но он понимал социальную сущность буржуазии как эксплуататорского класса. Он видел, что и нарождающаяся в России «безгербовая аристократия» так же враждебна народу, как и феодальные бароны.

В понимании социальной сущности буржуазии, в острой критике ее как нового эксплуататорского класса ясно сказалось глубокое изучение Белинским опыта экономического развития западноевропейских стран и воззрений западноевропейского социализма.

Белинский был знаком с некоторыми работами Маркса и Энгельса. В 1843 г. он очень сочувственно встретил статью В. П. Боткина о «Немецкой литературе», в которой были воспроизведены важнейшие места из брошюры Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение». В начале 1845 г. Белинский познакомился с работами Маркса и Энгельса, опубликованными в «Немецко-французских ежегодниках». Большой интерес вызвала у Белинского глубокая материалистическая критика религии в статьях Маркса «К критике гегелевской философии права» и «К еврейскому вопросу».

Однако критика экономического строя западноевропейских стран совершенно отчетливо отразила у Белинского влияние идей домарксовского социализма. Белинский говорил о своей приверженности идеям социализма уже в самом начале 40-х годов, еще до рождения научного социализма. В письме к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 г. Белинский писал: «Итак, я теперь в новой крайности,— это идея *социализма*, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Всё из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию»¹.

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 66.

Продолжая и впоследствии сочувственно отзываться о друзьях народа во Франции, т. е. о социалистах-утопистах, Белинский вместе с тем все более и более критически относился к беспочвенным утопическим построениям. Он критиковал тех, кто «существующую действительность хотел заменить утопиею».

Белинский понимал утопичность мирного преобразования экономического строя. Он поставил вопрос о необходимости революционной борьбы за коренное преобразование общества на началах демократизма и социализма. «Вообще, — писал он, — все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки, что и будет рано или поздно»¹.

Грядущее социалистическое общество представлялось Белинскому такой социальной организацией, при которой не будет пороков современного ему общества. «Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди... а Отец-Разум снова воцарится, но уже в новом небе и над новою землею»². При этом Белинский неоднократно указывал, что в своих построениях он опирался на историю общества и реальные отношения. «Не думай, — писал он в письме к Боткину, — чтобы я мыслил рассудочно: нет, я не отвергаю прошедшего, не отвергаю истории — вижу в них необходимое и разумное развитие идеи; хочу золотого века, но не прежнего, бессознательного, животного золотого века, но приготовленного обществом, законами, браком, словом, всем, что было в свое время необходимо, но что теперь глупо и пошло»³. Наш идеал, говорил Белинский, не в прошедшем, а в будущем на основании настоящего.

Воспринимая идею социализма, Белинский считал, что осуществить эту идею мирным путем нельзя. В письме к Боткину он писал: «...нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу. Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов»⁴.

Идея насильственного переворота как способа перехода к новому экономическому устройству являлась характерной чертой русского утопического социализма 40—60-х годов. Объек-

¹ В. Г. Белинский, Письмо В. П. Боткину 30 декабря 1840 г. — 22 января 1841 г., Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 13.

² В. Г. Белинский, Письмо В. П. Боткину 8 сентября 1841 г., Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 71.

³ Там же.

⁴ Там же.

тивно ее значение сводилось к осуществлению крестьянской революции под руководством отдельных образованных представителей народа.

С позиций защиты насильственного революционного переворота Белинский разоблачал и господство буржуазии в странах Западной Европы. В противоположность Прудону и особенно Луи Блану, у которого буржуазия «еще до сотворения мира является врагом человечества», Белинский подходил к выяснению роли буржуазии исторически. Он понимал, что на определенном этапе общественно-экономического развития буржуазия в Западной Европе боролась с феодальными отношениями и олицетворяла экономический прогресс: «Средний класс всегда является великим в борьбе», — писал Белинский. Но в процессе общественно-экономического развития, в результате прихода буржуазии к власти, достигнутого посредством выступления народа, его жертв, роль буржуазии изменяется. Возражая Луи Блану, рассматривавшему буржуазию с абстрактных антиисторических позиций, Белинский продолжал: «Кроме того, он (Луи Блан.— А. К.) выпустил из виду, что буржуазии в борьбе и буржуазии торжествующая — не одна и та же, что начало ее движения было непосредственное, что тогда она не отделяла своих интересов от интересов народа». Но впоследствии «она подумала, что народ с правами может быть сыт и без хлеба; теперь она сознательно ассервировала народ голодом и капиталом, но ведь теперь она — буржуазии, не борющаяся, а торжествующая». В этих новых условиях капиталисты — «это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят»¹. Движущей силой общественного развития становится народ. В статье о романе Э. Сю «Парижские тайны» Белинский приходит к выводу, что у народа «есть будущее, которого уже нет у торжествующей и преобладающей партии, потому что в народе есть вера, есть энтузиазм, есть сила нравственности»². Белинский указывал, что зло буржуазной Франции «...скрывается не в каких-нибудь отдельных законах, а в целой системе французского законодательства, во всем устройстве общества». Господство капитала основано на жестокой эксплуатации человека человеком.

Анализируя результаты июльской революции 1830 г. во Франции, приведшей к власти верхушку буржуазии, Белин-

¹ В. Г. Белинский, Письмо В. П. Боткину 2—6 декабря 1847 г., Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 449.

² В. Г. Белинский. «Парижские тайны». Роман Эжена Сю, Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 174.

ский показывал углубление противоречий между капиталистами и работниками. После того как Белинский побывал в Западной Европе, он писал: «Я знаю, что владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором», ...bourgeoisie — сифилитическая рана на теле Франции»¹.

Белинский писал, что равенство пролетария и капиталиста перед законом — это мнимое, формальное равенство. В действительности работник находится в полной экономической зависимости от капиталиста, должен принимать его условия, обречен на нищету и безысходные бедствия.

Белинский ярко показал бедствия, пауперизм пролетариев и трудящихся в буржуазном обществе. В письме к Боткину Белинский писал из Дрездена: «Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать — и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат!»²

Белинский впервые в России исторически подошел к критике буржуазного общества. Его положение о прогрессивности буржуазного строя, идущего на смену крепостническому строю, и об его преходящем характере было новым для социалистов домарковского периода. В то же время его показ преходящего характера господства буржуазии и критика социально-экономических основ капитализма — капиталистической эксплуатации, лживого буржуазного равенства, экономического рабства работника, нищеты, безработицы, пауперизма — кладет начало революционно-демократической и социалистической критике капитализма в России.

* * *

*

Основные положения Белинского о будущем обществе сводятся к следующему:

Историческое развитие ведет к такому общественному строю, в котором не будет бедных и богатых, не будет эксплуатации человека человеком.

Новое общество будет организовано на высоких нравственных, моральных и культурных началах. Исходный пункт нравственного совершенствования — материальные потребности людей. Человек совершенствуется в борьбе и труде, иначе он остался бы в животном состоянии.

¹ В. Г. Белинский. Письмо В. П. Боткину 2—6 декабря 1847 г., Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 447.

² В. Г. Белинский, Письмо В. П. Боткину 7 июля 1847 г., Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 384.

Решающее значение для удовлетворения материальных потребностей человека имеет развитие промышленности, использование сил природы в целях ее развития. Но промышленность в современном ему обществе сосредоточена в руках богатых собственников. Поэтому результаты труда присваиваются собственником, а работники получают нищенский прожиточный минимум. Однако в промышленности содержится залог движения общества вперед. Промышленность — источник и великих зол и великих благ. Историческое развитие буржуазии оправдано, так как с ним связано развитие предприятий, компаний и т. п., а для России в условиях крепостнического строя оно имеет особенно прогрессивное значение, является необходимым условием прогрессивного гражданского развития. Но в конечном итоге с господством буржуазии будет покончено.

Достижение социализма невозможно без насильственных революционных переворотов, без революционной борьбы народа против буржуазии.

Воззрения Белинского по существу были направлены не только против всех консервативных течений, но и против буржуазного либерализма. Белинскому были свойственны те черты просветительства, о которых писал Ленин в работе «От какого наследства мы отказываемся?». Вместе с тем Белинский, Герцен, Чернышевский были не только просветителями, но и революционными демократами, социалистами, и этим они принципиально отличались от буржуазных просветителей, так называемых либеральных западников (Боткин, И. Тургенев и др.). Буржуазный либерализм с самого начала обнаружил свой страх перед революционным движением народа против самодержавно-крепостнического строя, а поэтому для него в дальнейшем оставался только путь реформ и сделок с самодержавием.

Социалисты-просветители в 40-х годах страстно искали путей революционного свержения самодержавно-крепостнического строя. И уже Белинский, в особенности в письме к Гоголю, показал всю непримиримость этого строя с интересами народа и подлинно прогрессивного развития страны. Поэтому просветители-социалисты становились революционными демократами, а буржуазные просветители — либералами. Отсюда и связь утопического социализма с демократической тенденцией в русском освободительном движении. В вопросах развития России Белинский отстаивал идею демократической народной революции, которая могла только расчистить путь развитию капитализма в России. Идея демократической революции и идея социализма сливались в мировоззрении Белинского в одно целое в силу тогдашних условий классовой борьбы в России.

В. И. Ленин писал, что для решения исторических задач рабочего класса революционной партии нужно воспринять не

только «непреклонно революционную теорию, выработанную вековым развитием европейской мысли, но и революционную энергию и революционный опыт, завещанные нам нашими западно-европейскими и русскими предшественниками...»¹

Изучение идейного наследия Белинского имеет огромное значение для уяснения истории борьбы нашего народа за прогрессивное экономическое развитие России, за революционное низвержение эксплуататорских классов в России, за подготовку русской революции.

---

¹ В. И. Ленин, Внутреннее обозрение, Соч., т. 5, стр. 265.

Глава пятнадцатая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ПЕТРАШЕВЦЕВ

В литературе досоветского периода можно наметить два принципиально различных подхода к рассмотрению теоретических воззрений и общего направления политической деятельности петрашевцев. Первый характерен для современников петрашевцев, представителей революционно-демократической мысли 40-х годов — А. И. Герцена и Н. П. Огарева, а также для будущего идеолога революционной демократии — Н. Г. Чернышевского; второй — для буржуазно-либеральной и либерально-народнической литературы, посвященной М. В. Петрашевскому и его сопроцессникам.

А. И. Герцен видел в Петрашевском революционера, взращенного условиями и запросами развития России. В письме к М. К. Рейхель он писал, что в петрашевцах блеснула та истинно революционная русская традиция, зачинателями которой были Пестель и Муравьев¹.

Революционный характер деятельности петрашевцев подчеркивал и Н. П. Огарев. Он отметил характерную идеологическую особенность движения петрашевцев, переданную ими последующим поколениям революционных борцов. Эта особенность заключалась в приверженности петрашевцев «социальным стремлениям», под которыми Огарев понимал социалистический характер воззрений петрашевцев, их планов переустройства России. «Необходимость социальной основы для преобразования России стала заветом с сороковых годов»², — писал Огарев, имея в виду идейно-политическое наследство, оставленное петрашевцами.

Чернышевский высказывался о петрашевцах в записях «Дневника», как современник процесса петрашевцев, связан-

¹ См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, Пгр. 1919, стр. 225.

² Н. П. Огарев, Надгробное слово, Избранные социально-политические и философские произведения, под общей редакцией М. Т. Иовчука и Н. Г. Тараканова, т. I, Госполитиздат, М. 1952, стр. 653.

ный с одним из наиболее революционно настроенных его участников — А. В. Ханыковым и испытавший на себе его непосредственное влияние. Передавая в «Дневнике» содержание своих бесед с Ханыковым, молодой Чернышевский подчеркивал революционный характер его воззрений¹.

Таким образом, идеологи русской революционно-демократической мысли неизменно подчеркивали революционный освободительный характер деятельности петрашевцев.

Иначе оценивали воззрения петрашевцев и их политическую деятельность буржуазно-либеральные и либерально-народнические историки. Они свели своеобразное направление русской общественно-экономической мысли, идеологию участников крупного политического процесса России конца 40-х годов к простой пропаганде идей западноевропейского утопического социализма.

Так, С. Венгеров и В. Святловский доказывали, что петрашевцы являются в вопросах теории простыми последователями западноевропейского утопического социализма, а в понимании русской действительности — либералами².

В. И. Семевский в работах, посвященных петрашевцам, впервые использовал обширный архивный материал и в отличие от названных авторов показал борьбу петрашевцев с самодержавно-крепостным строем. Маститый историк отметил различия в воззрениях основных представителей кружков петрашевцев. Но, придерживаясь либерально-народнических воззрений, В. И. Семевский не сумел вскрыть социально-классовые корни взглядов петрашевцев и показать действительные водораздельные линии между их различными группами.

Советские ученые впервые поставили исследование деятельности и идеологии петрашевцев на научную основу. В исторических работах А. Нифонтова и других авторов указывалось уже, что воззрения петрашевцев формировались прежде всего под влиянием запросов развития России³. В. Е. Евграфов не только вскрыл русскую почву воззрений петрашевцев, но и показал демократическую позицию и революционный характер идеологии Петрашевского⁴.

¹ См. *Н. Г. Чернышевский*, Дневник второй половины 1848 г. и первой половины 1849 г., Полное собрание сочинений, т. I, стр. 188, 196 и др.

² См. статью Венгерова в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, т. XLV и книгу В. Святловского «К истории политической экономики и социализма в России», Спб. 1910.

³ См. *А. С. Нифонтов*, Россия в 1848 году, Учпедгиз, М. 1949, стр. 165.

⁴ См. вступительную статью В. Е. Евграфова к сборнику «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», Госполитиздат, 1953; *В. Е. Евграфов*, Общественно-политические и философские взгляды петрашевцев, «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», т. I, АН СССР, М. 1955.

Однако до сих пор не выявлено еще в полной мере своеобразное место петрашевцев среди других представителей освободительной борьбы того времени, отличие их воззрений от взглядов корифеев революционной демократии. Не уяснен также действительный характер разногласий между Петрашевским и Спешневым. Недостаточно освещен и вопрос о подлинном отношении петрашевцев к западноевропейскому утопическому социализму. Эти пробелы исторической и философской литературы о петрашевцах не могут не препятствовать выяснению их экономических воззрений.

Экономические взгляды петрашевцев изучены еще меньше других сторон их мировоззрения. В статьях И. Г. Блюмина «Фурьеризм в России» (1937 г.) и А. М. Левитова «Вопросы политической экономии в кружках петрашевцев» (1941 г.) показано влияние Фурье на воззрения петрашевцев и поставлен ряд интересных вопросов¹. Но указанные статьи не отражают современного этапа в разработке идейного наследия петрашевцев.

* *
*

В последовательной смене этапов освободительного движения в России: дворянского, разночинского и пролетарского — петрашевцам принадлежало своеобразное место. Основной контингент участников кружков петрашевцев составляли дворяне. Но если движение декабристов было представлено дворянами-землевладельцами, то не только более широкий круг лиц, привлекавшихся по делу Петрашевского и подвергавшихся различного рода наказаниям, но и ядро петрашевцев, преданных военному суду, состояло из служилого, большей частью беспоместного дворянства.

Движение петрашевцев отличалось по своему социальному составу от движения декабристов и в другом отношении. На арене борьбы общественных сил страны появляется новая фигура — разночинец. Среди петрашевцев, преданных военному суду, было несколько разночинцев. Прослойка разночинцев составляла значительный процент и более широкого круга лиц, привлекавшихся по делу Петрашевского, но избежавших военного суда.

Поскольку среди петрашевцев преобладали беспоместные дворяне, не выражавшие по существу экономических интересов класса помещиков, а в орбиту их влияния были вовлечены разночинцы, движение петрашевцев представляло промежуточ-

¹ См. И. Блюмин, Фурьеризм в России, «Проблемы экономики» № 5—6, 1937 г.; А. М. Левитов, Вопросы политической экономии в кружках петрашевцев, «Ученые записки» Ростовского н/Д финансово-экономического института, т. I, Ростов-на-Дону 1941, стр. 20—76.

ное звено на пути перехода от дворянского этапа освободительного движения к разночинскому и отражало двойственность и противоречивость, характерные для этой промежуточной ступени.

Воззрения петрашевцев выражали идеологию целого политического направления, представленного связанными друг с другом кружками и примыкавшими к ним группами и лицами.

Кружки петрашевцев носили своеобразный характер, отличавший их как от обществ декабристов, так и от последующих тайных революционных обществ разночинского периода освободительного движения. Основное ядро петрашевцев состояло из посетителей собраний у Петрашевского, происходивших по пятницам на его квартире в Петербурге и получивших в связи с этим название «пятниц», и отпочковавшихся от этих собраний кружков Кашкина, Дурова-Пальма и Плещеева. Помимо петербургских кружков, существовали, как это видно из следственных материалов, кружки в Москве, Тамбове и Ростове Ярославском.

Собрания у Петрашевского, начавшиеся в 1845 г., закончились последней перед арестом петрашевцев «пятницей» 22 апреля 1849 г. На своих собраниях петрашевцы подвергали резкой критике всю систему господствовавшего в дореформенной России политического и экономического устройства. Обличая самодержавное правительство и крепостное право, они пропагандировали идеи социализма.

Инициатором и организатором собраний петрашевцев, их идейным вдохновителем был Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский, человек непоколебимых убеждений и беззаветной преданности делу освободительной борьбы.

Петрашевский родился 1 ноября 1821 г. Он вышел из среды дворян-землевладельцев. 23 апреля 1849 г. Петрашевский был арестован, затем приговорен к смертной казни, замененной после прочтения приговора и специально инсценированной подготовки к его исполнению бессрочной каторгой. Умер Петрашевский 7 декабря 1866 г. в ссылке.

Одной из наиболее красочных фигур среди петрашевцев был Николай Александрович Спешнев. Н. А. Спешнев родился в 1821 г. Он вышел из помещичьей среды. С 1842 по 1846 г. Спешнев жил за границей. Вернувшись в Россию, он связался с Петрашевским и пытался создать среди петрашевцев тайное революционное общество. В апреле 1849 г. Спешнев вместе с Петрашевским был арестован и приговорен к смертной казни, замененной каторгой. В 1860 г. он вернулся в Центральную Россию. Умер 17 марта 1882 г.

Петрашевцы выдвигали перед революционной организацией новую, неизвестную декабристам задачу подготовки масс насе-

ления к борьбе за переустройство России. Как свидетельствует совещание с участием Петрашевского, Спешнева, Момбелли, Дебу и Львова в связи с обсуждением проектируемого Момбелли «Товарищества взаимной помощи», среди петрашевцев вынашивались разные планы создания тайной революционной организации, призванной найти наилучшие пути ликвидации самодержавия и крепостного права и обеспечить дальнейшее развитие России к социализму. Выражая в своих планах создания революционной организации своеобразные задачи, стоявшие перед Россией, участники совещания отвергли предложение Дебу, пытавшегося свести задачи проектируемого общества лишь к пропаганде учения Фурье. «Но Дебу,— указывается в «Записке о деле петрашевцев»,— к общему удивлению объявил, что он видит только спасение настоящего общества в осуществлении системы Фурье, а потому он будет ее пропагировать»¹.

В центре обсуждения собравшихся находились проекты тайного общества, составленные Петрашевским и Спешневым. Расхождения по вопросу о путях преобразования России привели к тому, что совещание окончилось безрезультатно.

Момбелли показывал на допросе, что Спешнев предлагал организацию политического общества, имевшего целью воспользоваться переворотом, «который, по его мнению, должен был сам собою произойти в России...»² Момбелли раскрыл по существу непосредственную задачу предполагаемого переворота, указав, что он сам «поддерживал необходимость освобождения крестьян»³. Этот характер проектируемой Спешневым тайной организации подтвердил и Петрашевский, который вынужден был признать, что «окончательное мнение Спешнева было произвести бунт, отчего общество и не состоялось»⁴.

Иной план отстаивал Петрашевский. Он замыслил создание тайной политической организации, подчиненной непосредственно задаче революционной пропаганды. О настойчиво выдвигаемой Петрашевским задаче пропагандистской деятельности свидетельствует доклад генерал-аудиториата, где отмечается, что «преимущественно Петрашевский хотел ввести пропаганду»⁵. Выдвигаемые петрашевцами проекты создания тайного общества предвосхищали в известной мере тайные организации 60-х годов и последующих десятилетий.

¹ «Записка о деле петрашевцев», составленная Ф. Н. Львовым при непосредственном участии Петрашевского, «Литературное наследство», т. 63, АН СССР, М. 1956, стр. 176.

² «Дело петрашевцев», т. I, АН СССР, М.—Л. 1937, стр. 353.

³ Там же, стр. 352.

⁴ Там же, стр. 110.

⁵ «Петрашевцы». Сборник материалов, под ред. П. Е. Щеголева, т. 3, М.—Л. 1928, стр. 18.

Петрашевцы о путях ликвидации крепостничества

Деятельность петрашевцев отразила подъем крестьянского движения в России, связанный с кризисом феодально-крепостнического строя.

Петрашевский внимательно следил за развитием крестьянского движения 40-х годов. В письме к П. А. Кузьмину он отмечал волнения крестьян в смежных с Галицией губерниях, видя в этих волнениях причину, заставившую общественное мнение обратиться к вопросу об освобождении крестьян¹.

Большой интерес к развитию крестьянского движения проявлял Спешнев. Показания Черносвитова свидетельствуют о том, что внимание Спешнева было привлечено движением государственных крестьян 1841—1844 гг. Спешнев подробно расспрашивал Черносвитова об истории и деталях «бунта» государственных крестьян Оренбургской и Пермской губерний, сказав, что «это единственный путь, каким должна начаться будущая революция России»².

Как и все представители революционной мысли эпохи кризиса феодального хозяйства в России, Петрашевский и Спешнев понимали, что только аграрная революция может смести крепостничество и превратить крестьян в действительно свободных земледельцев. Но их представления о путях развития аграрной революции, а вместе с тем и ее подготовленности в России расходились.

В поисках решения этой задачи, выдвинутой самим процессом общественно-экономического развития России, петрашевцы должны были прежде всего отразить расстановку классовых сил внутри России, где буржуазия не являлась общественной силой, способной возглавить борьбу за отмену крепостного права. Многомиллионные массы крепостного крестьянства представляли в этих условиях единственный класс, экономическое положение которого требовало не компромисса с крепостничеством, с силами старого общественного порядка, а их ликвидации. Отражая нараставшую борьбу крестьянства против крепостничества, все увеличивавшаяся среди петрашевцев группа лиц, представленная Н. А. Спешневым, А. В. Ханьковым, Н. А. Момбелли, а незадолго до ареста и суда над петрашевцами — также В. А. Головинским и П. Н. Филипповым, ориентировалась на восстание крепостных крестьян как способ ликвидации крепостнических отношений. Спешнев, идейно возглавлявший эту группу петрашевцев, считал политическую

¹ См. «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 365.

² «Дело петрашевцев», т. I, стр. 457.

революцию необходимой предпосылкой падения крепостного права.

На судебном следствии Спешнев подтвердил, что, по его мнению, «всего один вопрос в России представит повод к народному восстанию, именно крепостной вопрос»¹. Отсюда, во-первых, его понимание предстоявшего восстания в первую очередь как восстания крепостного крестьянства; во-вторых, его ориентация на восстание как задачу недалекого будущего. Спешнев уже в 40-х годах перенес вопрос о восстании из теоретической сферы в практическую. Об этом свидетельствует «Проект обязательной подписки для членов тайного общества», зовущий членов общества по указанию Распорядительного комитета на восстание, предписывающий им прямое участие в нем².

Приверженность Спешнева революционному способу ликвидации крепостничества была настолько отчетливо выражена, что ее не пытались смягчить и авторы «Записки о деле петрашевцев», несмотря на проявляющуюся в этой записке тенденцию к завуалированию революционной позиции других петрашевцев. В ней отмечается, что Спешнев провозгласил себя сторонником действия «открытою силою» и считал «средством к тому — бунт крестьян»³.

Ханыков также отстаивал революционный способ ликвидации крепостного права. Связывая предстоявшую революцию с пробуждением крестьянства, он возлагал особые надежды на общинное устройство удельных крестьян⁴. Момбелли намечал, как свидетельствуют записи в его тетради, перспективы восстания крестьян Малороссии, Дона и Польши⁵. Головинский доказывал на собраниях у Петрашевского первоочередное значение отмены крепостного права и исходил из непримиримости крестьян к крепостной зависимости. Подчеркивая сознание крестьянами своего положения, он говорил, что «крестьянам надобно диктатора, который бы повел их»⁶.

Иначе представлял себе пути развития аграрной революции в России Петрашевский, учитывавший опыт не только восста-

¹ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 488.

² См. «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 503—504.

³ «Записка о деле петрашевцев», «Литературное наследство», т. 63, стр. 176.

⁴ См. *Н. Г. Чернышевский*, *Дневник*, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 196.

⁵ См. *Н. А. Момбелли*, [Записки], «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 621.

⁶ «Записка о деле петрашевцев», «Литературное наследство», т. 63, стр. 174.

ния декабристов, но в известной мере и западноевропейских буржуазных революций.

Петрашевский внимательно изучал уроки восстания 14 декабря 1825 г. Вслед за Пестелем он признавал необходимость свержения самодержавия и утверждения республиканского строя в России¹. Однако из опыта восстания декабристов Петрашевский сделал вывод об обреченности революционного заговора, оторванного от народа. Из «Записки о деле петрашевцев» видно, что Петрашевского пугала не только идея Головинского о диктаторе, призванном возглавить восстание крестьян, но и возможность отрыва даже относительно широкого слоя революционной интеллигенции от народных масс. Он говорил, «что увлечь на площадь сотню, тысячу пылкой молодежи легко, но к чему бы это послужило? Их перестреляли бы картечью или повесили бы не только без всякой пользы для дела, которого они хотели быть защитниками, но и во вред ему»².

Основная ошибка заговора декабристов заключалась, по мнению Петрашевского, в ограниченности его небольшим кругом сознательно действующих лиц, в том, что «главная его цель была известна только очень малому числу действующих лиц, между тем как другие действовали наобум»³. Выдвигая задачу вовлечения в освободительное движение народных масс, Петрашевский должен был выявить свое понимание роли различных социальных слоев общества в предстоящем преобразовании России. Он показывал историческую правомерность крестьянских войн в России и в Западной Европе. Но рассматривая эти войны как закономерный результат крепостнической эксплуатации, он не видел в обстановке России 40-х годов сил и условий победоносного крестьянского восстания.

—Из письма Петрашевского к П. А. Кузьмину видно, что возбуждение крестьян против помещиков рассматривалось им не в качестве непосредственного предвестника нараставшего общего восстания крепостного крестьянства, а лишь как фактор, оказавший «влияние на возобновление внимания общего мнения об эмансипации крестьян»⁴. Петрашевский расходился со Спешневым и Головинским как в вопросе об оценке классового самосознания крепостного крестьянства, так и в понимании характера крестьянской революции. Он считал, что «в крестьянах самосознание своего положения совсем не так ве-

¹ См. «Дело петрашевцев», т. III, М.—Л. 1951, стр. 385.

² «Записка о деле петрашевцев», «Литературное наследство», т. 63, стр. 172.

³ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 394.

⁴ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 365.

лико»¹. В крепостных крестьянах он не видел активной политической силы, способной выступить против самодержавия.

Петрашевский рассматривал крестьянство как стихийную силу. Поражение крестьянских войн в России, разрозненный стихийный характер крестьянских восстаний 40-х годов, пассивность основной массы крестьянства, с одной стороны, успешное завершение аграрной революции во Франции конца XVIII в.— с другой, побуждали Петрашевского обратить внимание на развивавшиеся в России городские слои населения.

Уже в «Карманном словаре иностранных слов», в статье, посвященной «Национальному собранию», Петрашевский отметил, что среднее сословие «было посредственно представителем всего народа», и показал успешную борьбу революционной Франции со всем, «что носило на себе печать духа средних веков»².

Петрашевский говорил участникам кружков о необходимости «действовать на ремесленный класс народа и привлекать его на нашу пользу»³. Эти городские слои, имеющие «более средств и более причин быть недовольными» и более способные к организации («в случае нужды каждый из них может быть предводителем от пяти до ста пятидесяти человек, совершенно ему преданных и подвластных»⁴), призваны были, по мнению Петрашевского, придать восстанию оформленный политический характер.

Своеобразие складывавшегося у Петрашевского представления о перспективах развития русской революции ясно видно из его требования тщательной предварительной подготовки революции, достижения такого положения, «чтобы идея о перемене правительства не заронилась бы в головы двум, трем, десяти лицам, но утвердилась бы в массах народа и казалась не *внушенной*, а естественно рожденной по положению дел»⁵.

Петрашевский, отражая характерные черты просветительства, придавал огромное, а подчас решающее значение идеологической революции — перестройке общественного сознания. Если Спешнев подчеркивал роль и значение материальной силы предстоявшей революции, то Петрашевский говорил, что «главная цель состоит в том, чтобы идеи и желания укорени-

¹ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 427.

² «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 196—197, 198.

³ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 386.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

лись в массах народа, а когда будет чего желать целый народ, тогда против него ничего не может войско»¹.

Петрашевский видел в революционном насильственном свержении господствовавших отношений завершение идеологической революции.

Вслед за Белинским он смело защищал в подцензурной печати революционный способ ликвидации крепостного строя. В статье «Национальное собрание» Петрашевский солидаризировался с мероприятиями французской революции. Поясняя термин «нивеллеры», он писал, что *«нет примера восстановления утраченных прав без жертв кровавых и гонения!!»*² Реформе Петрашевский противопоставлял революцию, осуществимую, по его мнению, лишь в будущем.

Различие в складывавшемся у Петрашевского и Спешнева представлении о путях развития русской аграрной революции нашло свое выражение и в тактике борьбы с крепостничеством.

Если Спешнев, обуславливавший падение крепостного права политической крестьянской революцией, выдвигал на повестку дня вопрос о ликвидации всего крепостного строя, то Петрашевский, связывавший аграрную революцию с предварительным политическим воспитанием широких масс, в первую очередь, городских разночинских слоев, отделял вопрос об отмене крепостного права от уничтожения всей системы крепостнических отношений. Не видя вокруг себя сил победоносной революции, он считал более реальным отмену крепостного права путем реформы, рассматривая ее лишь в качестве начала той радикальной ликвидации крепостнических отношений, которую в будущем завершит революция.

Петрашевцы не развили своего понимания революции. Они не дошли до органического соединения демократической и революционной позиции в единую революционно-демократическую программу борьбы с крепостничеством. Но Петрашевский и Спешнев отказались от характерной для декабристов идеи революционного заговора, оторванного от народа, и пошли по пути признания народной революции. Формировавшаяся демократическая революционная позиция в борьбе с самодержавно-крепостным строем объединяла основное ядро петрашевцев: самого Петрашевского, Спешнева, Ханькова, Момбелли и других. Разногласия между Спешневым и Петрашевским касались понимания путей развития революции, ее передовых общественных сил и ее подготовки, а не вопроса об исторической правомерности самого восстания.

¹ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 409.

² М. В. Бугаевич-Петрашевский, Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 228.

С иных позиций подходили к вопросам крестьянского движения и отмены крепостного права А. П. Беклемишев и некоторые другие петрашевцы. Беклемишев видел в крестьянском движении угрозу для помещичьих интересов, поскольку оно могло сорвать решение крестьянского вопроса путем реформы сверху. В «Письме помещика Н...ской губернии об обращении помещичьих крестьян в свободных землевладельцев» Беклемишев, обращаясь к помещикам, призывал их отменить крепостное право своею властью, не допустив демократического крестьянского решения вопроса. Беклемишев олицетворял либеральную тенденцию, отражавшую настроения попутчиков петрашевцев, вошедших в освободительное движение лишь в силу временных обстоятельств.

Недостаточное развитие крестьянского движения и незакончившийся процесс идейного и организационного оформления петрашевцев, насильственно прерванный их арестом, препятствовали отмежеванию этих попутчиков, идейно уже обособившихся по существу от ведущего революционного крыла петрашевцев.

Пропаганда социализма

Борьба против крепостного права выдвигала перед петрашевцами вопрос о путях дальнейшего экономического развития России. Намечая перспективы экономического преобразования своей родины, петрашевцы учитывали опыт развития западноевропейских стран.

Победа капиталистического производства в Англии показала, что капитализм фактически раскалывает страну на две нации, ведет к обнищанию пролетариата, пауперизации широких слоев населения. По неполным данным, в начале 40-х годов XIX в. в Англии и Уэльсе насчитывалось 1430 тыс. пауперов, из них 220 тыс. находились в работных домах. В Ирландии, являвшейся резервом рабочей силы Англии, число пауперов достигло 2300 тыс. Такие перспективы открывало капиталистическое производство перед рабочим классом; «нищета и бедность рабочего класса современной Англии, — писал Энгельс, — имеют национальное, больше того, всемирно-историческое значение»¹.

Острый классовый антагонизм обнаружился к концу первой половины XIX в. и во Франции, позже Англии вступившей на путь капиталистического развития.

¹ Ф. Энгельс, Положение Англии. Восемнадцатый век, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 603.

В то время как в передовых капиталистических странах Западной Европы выявились уже последствия капиталистического производства, в недрах феодального строя России развивалась промышленность, основанная на вольнонаемном труде.

Освещая вопрос о путях дальнейшего экономического развития России и капиталистических стран, петрашевцы выступили как горячие приверженцы социалистических идей.

Ленин придавал социалистическому характеру воззрений петрашевцев важнейшее значение, связывая с деятельностью кружков петрашевцев начало формирования социалистической интеллигенции в России¹. Петрашевцы представляли собой первое, широкое для рамок допролетарского этапа освободительной борьбы идейное направление общественно-экономической мысли, пропагандирующее социализм в легальной печати, на собраниях связанных друг с другом кружков. Они открыто признали социалистический характер своих воззрений перед лицом военного суда.

Социализм был для петрашевцев прежде всего новой формой экономического устройства. Знаменательно, что Петрашевский предложил на своих собраниях предпослать изложению социалистических систем изложение начал политической экономии, «чтобы яснее понимать настоящие экономические отношения общества, которые так строго осуждаются социальными теориями»².

Если изучение капиталистического строя Запада и западноевропейского утопического социализма толкало петрашевцев к критике капиталистических отношений и переходу на позиции утопического социализма, то социально-политическая обстановка России, острота проблемы ликвидации крепостного права, необузданный политический деспотизм самодержавия показывали им, что без свержения самодержавного правительства и завоевания политической свободы невозможно социалистическое преобразование экономического строя. Политическую борьбу петрашевцы выдвигали на первый план. Борьбу против крепостничества они сочетали с проповедью идей социализма. В свете этой характерной черты воззрений петрашевцев может быть решен и вопрос об идейных источниках их учения.

Традиции политической борьбы с самодержавием были унаследованы петрашевцами от декабристов.

Впоследствии влияние декабристов, ясно сказавшееся на Петрашевском в начале формирования его воззрений, стало уступать место идейному воздействию современников петра-

¹ См. В. И. Ленин, План писем о задачах революционной молодежи, Соч., т. 7, стр. 26. (Сноска).

² «Записка о деле петрашевцев», «Литературное наследство», т. 63, стр. 171.

шевцев — Герцена и Белинского, сочетавших еще до выступления петрашевцев непримиримую борьбу против крепостничества с яркой критикой капитализма. Страстный протест против крепостного права, выраженный в произведениях Герцена середины 40-х годов, не мог не отразиться на антикрепостнической направленности воззрений петрашевцев.

Несомненно влияние Герцена не только на общий круг идей и революционную деятельность петрашевцев, но и на их экономические взгляды.

Об этом свидетельствует «Речь о задачах общественных наук» Н. С. Кашкина. Стремясь превратить политическую экономию в точную науку, Кашкин опирался на герценовскую критику буржуазной политической экономии. Вслед за Герценом Кашкин критиковал вульгарную экономию за ее стремление провозгласить свойственные капитализму противоречивые экономические отношения абсолютной формой общественного бытия¹.

Петрашевцам была известна яркая критика капитализма и буржуазии, данная Герценом в «Письмах из Avenue Marigny», написанных за границей и опубликованных в России в «Современнике».

Следственные материалы по делу петрашевцев свидетельствуют о жарких спорах вокруг письма Белинского к Гоголю. Агент Антонелли в своих донесениях о собраниях у Петрашевского сообщает: «Это письмо произвело общий восторг... Бала-согло приходил в исступление, и одним словом все общество было как бы наэлектризовано»².

Научно-теоретические основы литературно-критической деятельности Белинского, его эстетических взглядов подняли на новую ступень освещение экономических вопросов, вставших перед русским освободительным движением. Огромным вкладом Белинского в общественную мысль своей эпохи явилось отстаиваемое великим критиком понимание действительности. Воспроизведение явлений жизни в их подлинном, свободном от идеализации виде рассматривалось Белинским в качестве основы активного воздействия на жизнь. Руководствуясь этим характерным для Белинского пониманием действительности, Петрашевский, неустанно проповедовавший социализм, считал вместе с тем, что проблема социализма не стояла в России на повестке дня. Петрашевский, как и Белинский, рассматривая перспективы экономического развития России, старался опереться на действительность.

¹ См. Н. С. Кашкин, Речь о задачах общественных наук, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 657.

² «Дело петрашевцев», т. III, стр. 435.

Обратившись к изучению русской действительности, Петрашевский подошел к представлению о капитализме как прогрессивной ступени экономического развития России.

Преемственность воззрений петрашевцев и Белинского выразилась и в другом вопросе. Вопрос об общине, поднимавшийся Петрашевским, Ханыковым, Дебу и другими петрашевцами, был своеобразно поставлен уже Белинским. Не видя в общине основы особого — некапиталистического пути развития России, Белинский вместе с тем отмечал положительное значение общины, свободной от помещичьей эксплуатации, усматривая в ней известное средство против пауперизации крестьянства. В том же направлении высказывались о значении общины Петрашевский и другие петрашевцы.

Петрашевцы проявляли огромный интерес к западноевропейскому социализму. В период деятельности петрашевцев представители домарксовского социализма в Западной Европе стояли по существу, как показал Энгельс, вне рабочего движения и искали поддержки скорее у «образованных» классов¹. Наряду с этим социализмом существовал революционный утопический коммунизм, связанный с движением рабочих. Научный же социализм Маркса и Энгельса в то время только еще сложился и являлся лишь одним из течений среди многочисленных социалистических и коммунистических направлений.

В библиотеке петрашевцев имелась работа Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и опубликованная в середине 1847 г. (в то время, когда происходили уже собрания у Петрашевского) «Нищета философии» Маркса. Таким образом, в распоряжении петрашевцев уже находились произведения Маркса и Энгельса, представлявшие важнейший этап в формировании научного коммунизма. Из записей книг, выдававшихся из библиотеки Петрашевского, видно, что Спешнев ознакомился с «Нищетой философии» Маркса; возможно, ему было известно и содержание работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

В бумагах Петрашевского были найдены замечания (позже, к сожалению, не сохранившиеся) на книгу Прудона «Философия нищеты». Статс-секретарь комиссии по разбору бумаг арестованных кн. Голицын отмечал, что в них «...Петрашевский излагает свои сомнения относительно мыслей сего последнего (Прудона. — В. М.) в предметах, подлежащих суждению политической экономии, например, о капитале, его производительности, ценности вещей и проч.»²

¹ См. Ф. Энгельс, Из предисловия к немецкому изданию 1890 г. «Манифеста Коммунистической партии», К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 6.

² «Дело петрашевцев», т. I, стр. 514.

Критическое отношение Петрашевского к экономическим воззрениям Прудона могло в известной мере явиться следствием резкого выступления последнего против Фурье. Вместе с тем наличие в библиотеке Петрашевского работы Маркса «Нищета философии» может служить основой для предположения, что блестящая Марксова критика Прудона нашла отголосок в неудовлетворенности Петрашевского экономической стороной учения Прудона.

Историческая обстановка освободительной борьбы в России 40-х годов не могла способствовать восприятию марксизма, сложившегося в условиях острых классовых антагонизмов буржуазного общества. В понимании социализма петрашевцы в лице Петрашевского, Ахшарумова, Ханыкова отразили влияние утопического социализма Фурье, в лице Спешнева и примыкавшей к нему группы — влияние революционного утопического коммунизма Запада. Вместе с тем, стремясь найти пути приобщения России к социализму, они и в вопросах социализма не могли быть простыми последователями западноевропейских социалистических систем.

Сильная сторона экономических воззрений Фурье привлекала пристальное внимание Петрашевского, Ахшарумова, Ханыкова и других петрашевцев. Фурье отвергал путь отдельных улучшений. В «Теории всемирного единства» он прямо выступал против тех, кто критиковал те или иные злоупотребления вместо того, чтобы обвинять «цивилизацию», т. е. буржуазное общество, представлявшее, с точки зрения Фурье, сплошной порочный круг злоупотреблений.

Петрашевский не только воспринял этот характерный для Фурье подход к критике цивилизации, но последовательнее Фурье отверг цивилизацию, под которой он вслед за Фурье разумел существовавший на Западе буржуазный строй. «Мы осудили на смерть настоящий быт общественный, — писал он, — надо приговор наш исполнить»¹.

Интересно, что Петрашевский подчеркивал те черты воззрений Фурье, которые при анализе его системы выдвигали на первый план классики научного коммунизма. В статьях «Карманного словаря иностранных слов»: «Натуральное право», «Натуральное состояние», в «Объяснении о системе Фурье и о социализме» Петрашевский излагал взгляд Фурье на историю человеческого общества. Петрашевский видел при этом заслугу Фурье не только в объяснении прошлых ступеней развития общества: дикого состояния, варварства, патриархата, но и в предвидении «последней фазы цивилизации» — господства

¹ М. В. Бугаевич-Петрашевский, [Наброски речей], «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 389.

монополий. Кратко освещая эту будущую фазу, названную Фурье «промышленным феодализмом», Петрашевский не выпячивал в отличие от Фурье роль торговых компаний, а ограничивался указанием на предстоящее господство «больших капиталов»¹.

Наиболее важное значение Петрашевский придавал развитию Фурье учению о свободном труде как единственной и необходимой гарантии всестороннего развития человека и широкого удовлетворения потребностей всего общества. Труд в капиталистическом обществе, как «косвенному рабству», Фурье противопоставил свободный выбор индивидуумом сферы своей деятельности, призванный реализовать заложенные в человеке склонности или страсти. Организация трудового процесса на основе одного влечения, упразднение каких-либо принудительных средств вели, по мнению Фурье, к единству труда и наслаждения, превращали труд в процесс, доставляющий человеку счастье. Провозглашенные Фурье принципы организации труда представляли прямой контраст не только капитализму, но и крепостничеству и были созвучны антикрепостническим воззрениям петрашевцев. Но влияние Фурье на формирование воззрений Петрашевского и петрашевцев не исключало их расхождений.

Необходимой составной частью социалистической системы Фурье являлось требование устройства пробной фаланги, призванной на опыте доказать преимущества гармонического строя. Организацию такого эксперимента Фурье страстно проповедовал в «Теории всемирного единства» и в «Новом промышленном и общественном мире». С такой же страстью отстаивали идею устройства примерных общин В. Консидеран и другие ученики Фурье.

Защита пробной фаланги явилась следствием стремления Фурье изобрести социальную науку, призванную преобразовать общество на началах, выведенных не из реальных сил самой действительности, а из головы мыслителя. Поэтому проповедь пробных фаланг, как пути водворения гармонического экономического устройства, ограничивала идею о закономерности перехода к новому экономическому устройству, понимание гармонического строя как результата предшествующего хода истории. Фурье показывал закономерность исторического развития и говорил не только о новой фазе цивилизации — «промышленном феодализме», но и о переходной ступени к гармонии — режиме гарантий, характеризующимся распростра-

---

¹ См. М. В. Бугашевич-Петрашевский, Объяснение о системе Фурье и о социализме, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 419.

нением обязательств членов общества как к коллективу, так и друг к другу и подготовляющим переход старого общества к новому. Вместе с тем, отступая от этих идей, Фурье утверждал, что само открытие закона притяжения страстей и ассоциации может посредством организации пробных ассоциаций привести к водворению гармонического строя не только в цивилизованных странах, но и среди варваров и дикарей¹.

Петрашевский и примыкавшая к нему группа не выступали прямо против мысли Фурье проложить дорогу новому строю посредством мелких опытов, силою примера. Описание организации фаланстера Фурье Петрашевский дает при изложении его учения следственной комиссии. В объяснении «О четырех предметах», написанном для той же комиссии, он предлагает организовать такой фаланстер во Франции². Как сообщает В. Р. Зотов, сам Петрашевский предпринял опыт «насаждения этого заморского» плода в своем новгородском имении, среди нескольких крепостных семей³.

Было бы, однако, неправильным считать Петрашевского сторонником пробных фаланг как пути обновления общества, а тем более видеть в нем пропагандиста такого пути водворения гармонии в России. Предложение Петрашевского царскому правительству организовать фаланстер во Франции, сделанное во время заключения, не могло не иметь своей целью отвлечь внимание суда от революционных намерений кружков. Что касается сообщения В. Р. Зотова о попытке Петрашевского организовать фаланстер из нескольких крепостных семейств, то такая попытка не могла иметь ничего общего с практической проверкой идеи Фурье, у которого ассоциация покоилась отнюдь не на крепостном труде, а на тождестве труда и наслаждения и предполагала строго определенное число членов, обеспечивающее развитие игры страстей.

Петрашевцы не остановились на воззрениях Фурье. Они понимали, что мирное экономическое переустройство неосуществимо в условиях самодержавия. Встав на путь признания революционных способов борьбы, петрашевцы тем самым отказались от применения опыта фаланги. Идее пробной фаланги Петрашевский фактически противопоставлял необходимость завоевания масс на сторону предстоящего переворота. Понимая трудности этого процесса, он доказывал, что нельзя надеяться «мгновенно возбудить к себе и к нашим убеждениям сочувствия

¹ См. *Ш. Фурье, Новый промышленный и общественный мир*, Соц-экиз, 1939, стр. 21—22.

² См. «Дело петрашевцев», т. I, стр. 44.

³ См. *В. Р. Зотов, Петербург в сороковых годах, «Исторический вестник» № 6, 1890 г., т. XL, стр. 541—542.*

в массах... Кто ждет мгновенного успеха, сочувствия... тот пусть простудит свой пропагаторский жар»¹.

Петрашевцы самостоятельно искали новых путей подготовки социализма, соответствующих обстановке России.

Экономические взгляды М. В. Буташевича-Петрашевского

Экономические взгляды Петрашевского формировались под непосредственным влиянием запросов экономического развития России. В начале 40-х годов, определяя содержание проектируемого журнала, Петрашевский видел его основную цель в пробуждении и разрешении насущных задач России. «Главное же, — писал он, — возбудить, разбудить, вызвать чувство народности и самобытности во всех отношениях, главной мыслью, главной идеей, главным предметом должна быть Русь, и это начало должно быть развиваемо во всех направлениях»².

Задача журнала должна заключаться, по мысли Петрашевского, в пропаганде общих начал всех наук и особенно тех, которые имеют наибольшее значение для общества и его развития. К числу таких наук Петрашевский относил политическую экономию, а прогресс России, пробуждение заложенных в ней сил он связывал в первую очередь с ее экономическим развитием.

В отрывочных высказываниях «Мои афоризмы» Петрашевский выступал как сторонник свободного разделения труда между странами и свободного, беспрепятственного развития промышленности в России. Рисуя будущие экономические отношения между государствами, он отстаивает необходимость уничтожения пошлин. «Пошлинных, таможенных сборов не должно существовать. Должна быть дана промышленности полная свобода, чтобы цель и назначение человечества были достигнуты — и люди сознавали, что они люди»³.

Петрашевского нельзя, однако, причислить к безусловным сторонникам свободной торговли. В приведенном отрывке он намечал отдаленную цель взаимоотношений между странами, а не конкретную экономическую политику России. Петрашевский не вступал в противоречие с собой, когда в отрывочных записях, написанных вскоре после «Моих афоризмов» и названных «Запас общепольного», ставил вопрос «о употребле-

¹ М. В. Буташевич-Петрашевский, [Наброски речей], «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 393.

² «Дело петрашевцев», т. I, стр. 548.

³ Там же, стр. 546.

нии таможенных сборов преимущественно на поощрение промышленности»¹.

Петрашевский понимал необходимость развития промышленности в России. Перечисляя вопросы, требующие разрешения, Петрашевский намечает развитие бумажных фабрик, типографий, введение машинного прядения льна. Он выделяет специальный вопрос «О заведении фабрик для удовлетворения потребностей азиатских пограничных с Россией народов»², пишет о необходимости обеспечить промышленность средствами транспорта. В плане проблем, требующих разрешения, рассматриваются вопросы «о дешевой системе паромоводства и паровозства», «о железной дороге между Доном и Волгой».

На службу задаче развития промышленности Петрашевский ставил кредит. Он выдвигал вопрос «О замене казначейств банкирскими домами (Выгоды от сего могущие произойти для государства в экономическом отношении)». В наброске «Запас общепольного» он стремится расширить круг объектов, подлежащих залогоу, и говорит в этой связи об учреждении сохранных касс, принимающих вещи, не подлежащие приему в ломбард. Петрашевского интересуют и вопросы развития сельского хозяйства. Он ищет мер предотвращения неурожаев в России.

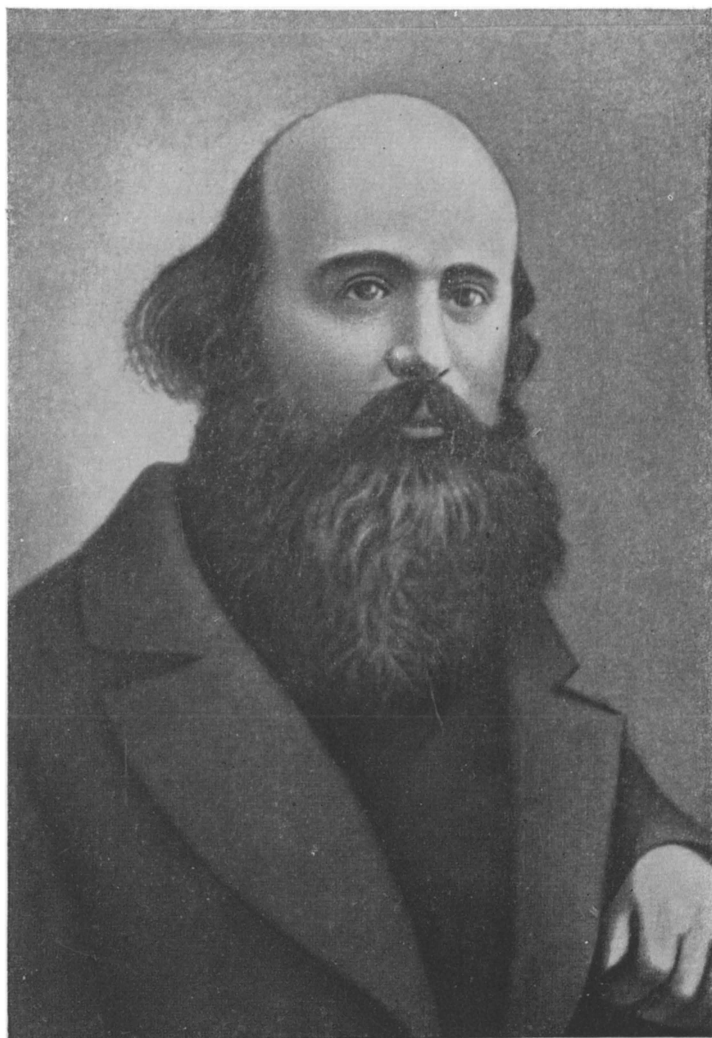
Характер поставленных вопросов, их взаимная связь показывают, что Петрашевский исходил из необходимости капиталистического развития России. Этой задаче были подчинены его понимание таможенной политики, его стремление к развитию транспорта и кредита, как и выдвинутый Петрашевским проект конфискации церковных имуществ.

Ориентация на промышленное развитие России была неразрывно связана у Петрашевского с его непримиримой враждой к крепостному праву. В наброске «Запас общепольного» он выдвигал специальную проблему: «Об образе устройства освобождаемых крестьян (1843 г. 10 мая³)», свидетельствующую о том, что уже в начале 40-х годов он ставил вопрос об исходных условиях и перспективах развития крестьянского хозяйства, освобожденного от крепостного права. Петрашевский, как это видно из записей «Мои афоризмы», рассматривал ликвидацию крепостного права в связи с общим демократическим преобразованием России и утверждением республиканского строя. Такой подход к решению центрального вопроса экономического развития России свидетельствовал о преемственности антикрепостнических взглядов Петрашевского с антикрепостническими традициями республиканского крыла декабристов.

¹ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 557.

² Там же, стр. 558.

³ Там же.

М. В. БУТАШЕВИЧ-ПЕТРАШЕВСКИЙ

Рост крестьянских восстаний во второй половине 40-х годов открыл новый этап в развитии антикрепостнических взглядов Петрашевского. Дальнейшее развитие демократизма сочетается у Петрашевского с проповедью идей утопического социализма. Это подводит новую теоретическую основу под его борьбу с крепостничеством. Новый этап в развитии антикрепостнических взглядов Петрашевского нашел свое отражение во втором выпуске «Карманного словаря» (1846 г.) и особенно отчетливо в «Проекте об освобождении крестьян».

В эпоху кризиса феодального строя в России Петрашевский причину крестьянских войн в Германии усматривал в ужасном угнетении низшего класса высшим. Он одобрял все мероприятия французской революции, направленные на уничтожение рабства и «духа средних веков». Не имея возможности в подцензурной печати прямо требовать освобождения крестьян, Петрашевский проводит эту идею при объяснении различных терминов: «национальное собрание», «негрофил» и др.

Подобно Белинскому и Герцену, Петрашевский, как видно из «Проекта об освобождении крестьян», сознавал полную бесплодность правительственных полумер, царских указов, не затрагивавших крепостное право. Он показывал, что вопрос об условиях предстоящего освобождения крестьян является вопросом, «от которого *зависит действительно*, а не метафорически *благосостояние миллионов*»¹.

«Проект об освобождении крестьян» Петрашевского представляет первый из известных проектов ликвидации крепостного права, написанный с позиций не только демократизма, но и утопического социализма и разработанный еще до выступления Герцена в вольной русской печати.

Своеобразие проекта Петрашевского заключалось в том, что он не только выдвигал определенные практические требования, но и давал принципиальное решение аграрного вопроса. «Мы указали выше,— писал Петрашевский,— что у всех подававших проекты об этом предмете главная причина неудовлетворительного разрешения этого вопроса проистекла от неумения выбрать надлежащую точку исхода (*point de départ*), от неумения как следует поставить этот вопрос, от приступления к его разрешению без надлежащего изучения и определения тех вопросов, в разрешении которых заключается почти непосредственное его разрешение»².

¹ М. В. Бугашевич-Петрашевский, Проект об освобождении крестьян, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 360. Курсив мой.— В. М.

² Там же, стр. 361—362.

Таким исходным вопросом, предопределявшим для Петрашевского не частности и детали, а общие установки в решении задачи ликвидации крепостничества, являлся вопрос о назначении общества. Разрабатывая проект освобождения крестьян, Петрашевский исходил из необходимости достижения наиболее полного счастья и наслаждения людей как цели общества¹. В соответствии с этим он считал, что «род человеческий есть в совокупности обладатель земного шара» и что «всякий отдельный член человечества иметь может ту часть в своем владении земного шара, которая на часть его может придтись по разделу земного шара поровну между всеми его обитателями»².

Стремясь подвести под свой проект новое, социалистическое обоснование, Петрашевский в действительности подкреплял идеями социализма свою антикрепостническую борьбу и демократическую позицию.

Теоретические положения проекта Петрашевского, так же как и Спешнева, поднимали на новую ступень борьбу против крепостничества в России. Пестель, приступая к разработке своего аграрного проекта, отверг представление о земле как общей собственности всего человеческого рода. Требуя образования общественного земельного фонда, он, хотя и предлагал значительно урезать помещичье землевладение, но все же оставлял помещичью собственность на землю. Петрашевский солидаризировался с теми представителями мировой общественной мысли, которые признали землю достоянием всего человечества.

Однако Петрашевский не развил этого положения и не довел его до *практического требования* передела всей земли. Он отстаивал прямое, безусловное и безвозмездное освобождение крестьян, с оставлением крестьянам всей обрабатываемой ими земли.

«На первом [месте] и самым простым способом может для сего являться прямое, безусловное освобождение их (крестьян.— В. М.) с тою землею, которая ими была обрабатываема, без всякого вознаграждения за то помещика... Это решение сего вопроса можно назвать справедливым»³.

В качестве практического требования Петрашевский предлагал сохранить за крестьянами лишь находившуюся в их владении землю.

¹ См. М. В. Бугаевич-Петрашевский, Проект об освобождении крестьян, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 363.

² Там же.

³ Там же, стр. 363—364.

Поскольку Петрашевский, с одной стороны, учитывал, «какового направления в духе администрации можно приблизительно ожидать на будущее время»¹, а с другой стороны, — исходил из разнородности интересов и сознания различных социальных групп, он выражал сомнения и в осуществимости безвозмездного сохранения за крестьянами обрабатываемой ими земли. Последние строки неоконченного проекта Петрашевского свидетельствуют как о его скептицизме в вопросе о возможности реализации этих условий отмены крепостного права, так и о готовности Петрашевского к дальнейшим уступкам помещикам, связанной с оценкой реального соотношения классовых сил.

Не видя в обстановке крепостнической России 40-х годов общественных сил, способных осуществить революционное преобразование, и связывая победоносную революцию с выдвижением в авангард борьбы городских слоев населения, Петрашевский обосновывал своеобразную тактику борьбы с самодержавием. Его план заключался в подрыве устоев самодержавия посредством мобилизации общественного мнения вокруг обращения «какого-нибудь сословия» к правительству с различными проектами реформ. Такая тактика имела, по мнению Петрашевского, то преимущество, что подрывала основы самодержавно-крепостного строя как в случае удовлетворения правительством выдвигаемых требований, так и в случае отказа правительства от их выполнения. «Отказавши в просьбе сословию, оно (правительство. — В. М.) вооружит его противу себя — и идея наша идет вперед. Исполнивши просьбу, оно ослабит и себя и даст возможность требовать большего, и все-таки идея наша идет вперед!»².

В свете этой тактики борьбы с самодержавием и крепостничеством может быть понята и литографированная записка Петрашевского «О способах увеличения ценности дворянских или населенных имений», предназначенная для петербургского дворянства. Стремясь заинтересовать дворянство в повышении цен населенных имений, Петрашевский доказывал, что предоставление купцам права приобретения населенных имений приведет к повышению цен на эти имения, вызовет прилив капитала к сельскому хозяйству и послужит тем самым основой для его более широкого кредитования. Необходимым условием предоставления купцам права покупки населенных имений автор записки считал презращение крестьян во временнообязанных, с предоставлением им возможности выкупа.

¹ М. В. Бугашевич-Петрашевский, Проект об освобождении крестьян, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 361.

² «Дело петрашевцев», т. III, стр. 427.

Запиской ставилась цель — объединить дворянство вокруг вопроса об освобождении крестьян, направить движение дворян против крепостного права. В конце записки Петрашевский указывал, что он предполагал «словесно разрешить тогда же все недоразумения и вопросы разного рода, могущие возникнуть по сему предмету...»¹.

Тактический план Петрашевского отразил его либеральные иллюзии, обусловленные отсутствием революционных масс в его эпоху, противоречивостью движения петрашевцев как промежуточного звена от дворянского к разночинскому этапу освободительной борьбы. Иллюзорны были прежде всего упования Петрашевского на дворянство как сословие, способное подхватить призыв, обращенный к нему из рядов борцов против крепостничества, и взять на себя почин в деле обсуждения вопроса об освобождении крестьян. Столь же несбыточны были надежды Петрашевского на обращение других сословий к правительству.

Весь тактический план Петрашевского покоился на иллюзорных надеждах на то, что правительство пойдет хотя бы на частичное разрешение задач, выдвигаемых таким путем перед ним. Но при всех отклонениях к либерализму Петрашевский оставался демократом. Будучи поборником вовлечения в антиправительственное движение широких народных масс, он не терял перспективы революционной борьбы. Петрашевский понимал, что правительство неспособно осуществить радикальные преобразования, диктуемые запросами общественного развития и интересами народных масс. Отмена крепостного права посредством реформы, казавшаяся Петрашевскому наиболее реальным в тех условиях способом освобождения крестьян, не могла, с его точки зрения, осуществить последовательную ломку крепостнических отношений и разрешить аграрный вопрос. Она являлась лишь началом последующего преобразования, которое должно было быть обеспечено выступлением масс, народной революцией. В расчете на будущую революцию Петрашевский и защищал идею принадлежности земли всему человеческому роду. Однако ни идея народной революции, ни идея принадлежности земли всему человеческому роду и права каждого члена общества на равную с другими часть земли не нашли у Петрашевского отчетливого развития.

---

¹ «Петрашевцы». Сборник материалов, под ред. П. Е. Щеголева, т. 2, стр. 84.

* *
*

Отражая своеобразие своей эпохи — переплетение разложения феодально-крепостнических отношений в России с обострением противоречий капиталистического строя Западной Европы, Петрашевский сочетал борьбу против крепостничества с критикой капитализма. В середине 40-х годов он встал на позиции утопического социализма. В подцензурной печати — в «Карманном словаре иностранных слов», а также в записках, представленных во время следствия, он подверг критике не отдельные стороны, а всю систему капиталистического хозяйства.

В критике капитализма Петрашевский отразил влияние Фурье, разоблачавшего капитализм не столько с позиций выявления положения пролетариата, сколько под углом зрения критики буржуазии, «ее внутренних взаимоотношений».

Петрашевский также показывал разобщенность, бесплановость промышленности в условиях капитализма. «Она, — писал он о капиталистической промышленности, — являет собою анархию совершенную, т. е. применение совершенное начал либерализма и его правила — *laissez faire, laissez aller*»¹. Но влияние Фурье не исключало более отчетливого выявления Петрашевским господства капитала как причины социальных бедствий. «Это предпочтение, оказываемое капиталу, овеществившемуся труду, — писал он, — простирается до того, что личность и права человека как человека иногда приносятся в жертву овеществленному труду... предшествовавших поколений человечества, часто незаконно и несправедливо усвоенному»².

Критическое отношение к отстаиваемому Фурье устройству фаланстера можно встретить и в западноевропейской домарксовской литературе. Прудон в своей книге «Что такое собственность?», на которую ссылался Петрашевский в статье «Карманного словаря» — «Организация производства», доказывал, что владелец капитала получает доход на основе незаконного «права завладения» и выступал против Фурье, требовавшего вознаграждения владельца капитала³.

¹ М. В. Бугашевич-Петрашевский, Объяснение о системе Фурье и о социализме, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 428.

² М. В. Бугашевич-Петрашевский, Карманный словарь иностранных слов, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 347.

³ См. П. Ж. Прудон. Что такое собственность или исследование о принципе права и власти, М. 1919, стр. 87.

Однако Петрашевский и Прудон критиковали капитализм с принципиально различных позиций. Точке зрения мелкого буржуа, характерной для Прудона, Петрашевский противопоставил более последовательное, чем у самого Фурье, развитие идей социализма. Отстаивая вслед за Фурье крупное ассоциированное производство, Петрашевский в отличие от Фурье не выступал за сохранение частной собственности.

Анархией производства и подчинением человека капиталу Петрашевский объясняет систему распределения в капиталистических странах, характеризующуюся полным несоответствием между уровнем производства, массой произведенных товаров и потреблением масс: «Мы видим совершенную нищету, отсутствие возможности удовлетворить первым нуждам при совершенном обилии средств к этому. Видим голод при урожае, дороговизну товара при существенной его дешевизне и т. п.»¹

Организация производства, выдвигающая на первый план капитал и порождающая нищету населения, является, с точки зрения Петрашевского, причиной «лихорадочных пароксизмов, попеременно поражающих разные страны, которые с достаточной очевидностью обнаруживаются в угнетении английского пролетария победоносным соперничеством машины...»².

Петрашевский не обособлял в такой степени, как Фурье, торговый капитал от производительного и не выдвигал на первый план вредные социальные последствия господства торгового капитала.

Критикуя организацию производства капиталистического общества, Петрашевский подобно многим другим представителям домарковского социализма бичевал власть денежного капитала, господствовавшего через биржу и промышленность в экономической жизни. Но денежный капитал, денежная аристократия рассматривается им, как это видно из статьи «Организация производства», в качестве представителя овеществленного труда — более общей, с его точки зрения, категории капитала.

У Петрашевского в критике капитализма ясно проявились как сильные, так и слабые стороны домарковских социалистических систем. Нападая на всю систему капиталистического строя: господство капитала, анархию производства, конкуренцию, вскрывая кризисы и бедственное положение рабочего

¹ М. В. Бугаевич-Петрашевский, Объяснение о системе Фурье и о социализме, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 428.

² М. В. Бугаевич-Петрашевский, Карманный словарь иностранных слов, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 346.

класса капиталистических стран, Петрашевский, критиковавший капитализм с позиций исторического идеализма, не мог понять действительную сущность капиталистического рабства и указать выход из него.

Петрашевский подверг критике буржуазную политическую экономию. Его критика буржуазной политической экономии носила своеобразный характер. Фурье, обвиняя политическую экономию в игнорировании проблемы ассоциации, а тем самым и коренной задачи переустройства общества, вместе с тем отводил чрезмерно большое значение критике торговли. Одним из основных пороков экономической науки Фурье считал апологию торговли, принципа: «дайте полную свободу торговцам». У Петрашевского критика торговли не играла такой роли. Он подчеркивал формализм буржуазной экономической науки, возведение ею в абсолют явлений, характеризующих современный строй западноевропейских стран¹. Как и другие представители русского домарксовского социализма, Петрашевский не противопоставлял социалистические учения экономической науке, а считал, что сама экономическая наука должна быть построена на новых принципах.

В социализме Петрашевский видел строй, осуществление которого явится результатом длительной идеологической подготовки и прихода социалистов к власти². Он рассматривал будущий строй как такую организацию народного хозяйства, при которой впервые найдут место правильные экономические учреждения. Решающее значение Петрашевский придавал экономической стороне новой формы общественных отношений. Подобно другим представителям утопического социализма, Петрашевский не мог отрешиться от взгляда на социализм, как строй, отвечающий природе человека. Вместе с тем, в полном созвучии с требованием Белинского превратить действительность в верховную истину науки, Петрашевский выступил с критикой социалистических утопий. Ошибочность последних он видел в неумении создать основы будущего «из материалов настоящего»³.

Петрашевский наметил основные черты социалистической организации хозяйства. Так же как и для Фурье, социализм

¹ См. *М. В. Бугаевич-Петрашевский*, Карманный словарь иностранных слов, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 346.

² В связи с поражением французской революции 1848 г. Петрашевский писал: «В будущей законодательной палате через 3 или 4 года от сего социалистов партия будет сильна. Еще не один настоящий социалист в управлении не был» (*М. В. Бугаевич-Петрашевский*, Объяснение о системе Фурье и о социализме, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 432).

³ Там же, стр. 426.

был для Петрашевского строем, преодолевающим разобщенность и анархию посредством организации производства, выражающим преимущества «складочного» общественного хозяйства. Противоположность интересов различных членов общества новый строй заменял гармонией частных и общественных интересов, труд, угнетающий человека, — трудом, являющимся источником наслаждения.

Петрашевский подчеркивал новые движущие силы и стимулы производства, характерные для социалистического строя, в условиях которого «задача промышленной деятельности не есть барыш, а прямое удовлетворение общественных потребностей»¹. Переход к социализму он обуславливал подчинением человеком сил природы, такой властью над природой, «когда человек войдет в непосредственное общение с природою и все люди в совокупности явятся полными властелинами живых и действующих сил ее (земли), и они будут покорными орудиями человеческого произвола»². Власть человека над природой и новая организация труда и производства уничтожат нищету, обеспечат подъем и расцвет благосостояния масс. Из каземата Петропавловской крепости непреклонный «пропагатор социализма» доказывал, что нападать на социализм — «значит нападать на все то, что есть живого и живучего в обществе, разрывать связи общественные, лишать всякого — права на доброе дело, вводить мертвящий эгоизм в общество — и в нем водворять тишину могилы и безмолвие кладбища!!!»³

Петрашевский жил в эпоху кризиса крепостного хозяйства, когда в России стояла задача развития буржуазной, т. е. частной, собственности на средства производства. В этой обстановке система Фурье, не связывавшая переход к ассоциации с уничтожением частной собственности на средства производства, приближала для Петрашевского социализм к условиям развития России. Но и в крепостной России Петрашевский сумел выйти за пределы представления Фурье о естественной ассоциации. Фурье доказывал в «Теориях всемирного единства», что равенство — это яд для ассоциации. Полемизируя с Оуэном, он отстаивал ассоциацию, основанную на солидарности интересов труда, таланта и капитала. Петрашевский в такой организации видел лишь экономическое устройство, более соответ-

¹ М. В. Бугашевич-Петрашевский, Показание, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 443.

² М. В. Бугашевич-Петрашевский, Карманный словарь иностранных слов, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 239.

³ М. В. Бугашевич-Петрашевский, Объяснение о системе Фурье и о социализме, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 433.

ствующее человеку, сложившемуся в условиях цивилизации, и писал, что оно может быть введено «нимало не оскорбляя уже установившихся общественных отношений»¹.

Как свидетельствуют статьи «Карманного словаря» — «Непотизм», «Оракул», «Оратория», Петрашевский выступал против частной собственности и высказывался за распределение благ по потребностям. Под нормальным состоянием общества он понимал такую общественную организацию, которая, во-первых, обеспечивает всем членам общества полное удовлетворение потребностей, во-вторых, осуществляет гармонию общественных отношений.

* *
*

К решению вопроса о путях экономического развития России Петрашевский подошел с позиций исторического идеализма. Переход России к социализму он обуславливал прежде всего распространением социалистических идей, внедрением «в общественное сознание тех общих понятий, которые и могут дать человеческому общежитию надлежащий цвет и движение»². Вместе с тем Петрашевский настойчиво искал реальной основы для решения вопроса о путях экономического развития России. Он требовал учета конкретной обстановки, существовавшего в России общественного быта.

В русской действительности эпохи кризиса крепостного хозяйства Петрашевский отмечал следы восточной патриархальности и варварства. Он понимал, что Россия того времени совершенно не была готова к социализму. «Социализм и Россия — вот две крайности, вот два понятия, которые друг на друга волком воют, сказал бы Прудон, и согласить эти две крайности должно быть нашей задачей»³.

Петрашевский, естественно, не мог в условиях господства крепостничества выработать цельное представление о путях развития России к социализму. Высказанные Петрашевским положения показывают лишь то направление, в котором развивались его воззрения в данном вопросе. Пытаясь найти в существовавших отношениях условия перехода к высшим формам экономического устройства, Петрашевский обратился к крестьянской общине, социально-экономическая роль которой

¹ М. В. Бугашевич-Петрашевский, Карманный словарь иностранных слов, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 348.

² М. В. Бугашевич-Петрашевский, [Наброски речей], «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 392.

³ «Петрашевцы». Сборник материалов, под ред. П. Е. Щеголева, т. 3, стр. 41.

была уже во второй половине 40-х годов предметом оживленного обсуждения. Он считал, что община предохраняет крестьян от той нищеты, которая явилась бы следствием индивидуального владения землей. «Взгляните на ваши деревни, на вашего мужика, при всей нерадивости не дошедшего до той нищеты, которая бы его лени соответствовала; ищите причину, — вы найдете, что передел полей — общее пользование землею — и есть этому причина»¹.

Но, признавая положительную роль общины как средства предупреждения пауперизации крестьянства, Петрашевский не рассматривал общину в качестве основы особого — некапиталистического развития России. Такая позиция соответствовала изложенному выше представлению Петрашевского о движущих силах революционного преобразования и его общему пониманию социализма.

В отличие от Герцена, заложившего на рубеже 40—50-х годов основы крестьянского социализма, Петрашевский не видел в освобождении крестьян с землей исходного пункта социалистического преобразования России и не считал русского крестьянина носителем социализма. Обуславливая изменение существовавших отношений прежде всего ростом самосознания широких слоев городского населения, Петрашевский связывал социализм не с утверждением общинной формы владения землей, а в первую очередь с новой организацией труда. Социализм, по мнению Петрашевского, есть новое устройство общественного быта, а основной вопрос общественного быта — это вопрос об организации труда. «Вопрос об организации работ, вопрос коренной быта общественного...»².

Петрашевский видел трудности процесса перевоспитания масс, а следовательно, и невозможность непосредственного водворения социализма в условиях падения крепостного права в России: «Мы не только как социалисты, но даже как люди, отбросившие в сторону предрассудки и умеющие глядеть в глаза истине, не можем надеяться единственно за такие наши достоинства мгновенно возбудить к себе и к нашим убеждениям сочувствия в массах...»³.

Переход к социализму Петрашевский связывал с определенной ступенью развития промышленности. Видя в промышлен-

¹ М. В. Бугашевич-Петрашевский, Объяснение о системе Фурье и о социализме, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 433.

² М. В. Бугашевич-Петрашевский, Черновик письма К. И. Тимковскому, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 379.

³ М. В. Бугашевич-Петрашевский, [Наброски речей], «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 393. (Курсив мой.— В. М.)

ности один из решающих элементов общественной жизни, он хотел, чтобы Россия в промышленном развитии не осталась в стороне от других стран. Петрашевский всегда подчеркивал большую роль и значение промышленности в общественной жизни страны¹, связь нового экономического устройства с определенным уровнем развития промышленности. Рассматривая различные социалистические системы, он упрекал коммунистов в непонимании того, что «в человечестве еще до сих [пор] производится менее ценностей, нежели сколько того общественные потребности требуют»².

Оба момента, обуславливавшие, по мнению Петрашевского, социалистическое преобразование — уровень общественного сознания и определенные материальные условия — отсутствовали в России периода падения крепостного права. Петрашевский не мог в 40-х годах дать последовательного ответа на мучивший его вопрос о путях экономического развития России. Но он склонялся к признанию необходимости капитализма, видя в нем подготовительную стадию к социализму. В письме к Тимковскому Петрашевский усматривает путь приготовления крепостнической России к социализму в развитии цивилизации, т. е. капитализма. Общество цивилизации является «преддверием лучших форм быта общественного, той фабрикою, в которой предназначено покуда вырабатывать материалы и способы для будущего благосостояния всего человечества»³.

Складывавшаяся у Петрашевского концепция социально-экономического развития России примыкала к воззрениям Белинского. Последний не только показывал прогрессивность капиталистической эры развития, перед которой стояла Россия, но видел в строе, основанном на господстве капитала, исторически преходящую систему хозяйства. Освобождение крестьян и переустройство России на демократических началах было для Петрашевского не началом социализма, а лишь исходным пунктом подготовки последующего социалистического преобразования, требующего особых предпосылок. Будучи непреклонным приверженцем социализма, Петрашевский одним из первых в России выдвинул задачу формирования и сплочения социалистической интеллигенции, призванной нести идеи социализма в широкие массы народа и подготовить тот перелом в

¹ См. объяснения терминов «новатор» и «мода» в «Карманном словаре иностранных слов».

² М. В. Бугашевич-Петрашевский, Объяснение о системе Фурье и о социализме, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 430.

³ М. В. Бугашевич-Петрашевский, Черновик письма К. И. Тимковскому, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 379.

общественном сознании, с которым Петрашевский связывал социалистическое переустройство и всесторонний расцвет беззаветно любимой им родины.

Н. А. Спешнев и другие поборники революции крепостных крестьян

Социально-экономические воззрения той части петрашевцев, которая ориентировалась на восстание крестьян, не получили законченного развития. Следственные материалы показывают, что сторонники крестьянского восстания среди петрашевцев не выработали общей платформы в социально-экономических вопросах. Несмотря на это, Спешнева и примыкавшую к нему группу петрашевцев отделяли от Петрашевского не только непосредственная ориентация на крестьянское восстание, но и иное представление о социализме. В этой группе петрашевцев лишь один Ханыков выделял учение Фурье из различных социалистических систем и проявлял к нему особый интерес. Остальные же поборники крестьянского восстания не причисляли себя к последователям Фурье. Спешнев считал себя сам и был признан среди петрашевцев коммунистом. Момбелли разделял стремления к социалистическому преобразованию общества, но не был приверженцем определенной социалистической системы. Головинский видел в возникновении социалистических идей закономерный результат экономической организации западноевропейских стран и не отдавал предпочтения той или иной системе утопического социализма.

Революционные взгляды этой части петрашевцев отражали подъем крестьянского движения в России второй половины 40-годов, с одной стороны, влияние западноевропейской революции 1848 г. — с другой. В этих условиях выявилось несоответствие различных систем западноевропейского утопического социализма запросам революционной борьбы с самодержавно-крепостническим строем России.

Спешнев, как и Герцен, а позже — Чернышевский, поднял задачу ликвидации крепостного права до основного центрального вопроса своей эпохи. Среди петрашевцев он был одним из наиболее убежденных поборников крестьянского восстания. В процессе следствия Спешнев подтвердил, что он «прежде мечтал о бунте»¹. «Проект обязательной подписки для членов тайного общества» свидетельствует о том, что Спешнев в отличие от Герцена ориентировался на восстание как на задачу недалекого будущего. Первый пункт этого проекта гласил: «Когда

¹ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 464.

Распорядительный комитет общества, сообразив силы общества, обстоятельства и представляющийся случай, решит, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участие в восстании»¹.

Спешнев продумал и план крестьянского восстания, которое должно начаться на Урале, перекинуться на Поволжье, где сохранилось воспоминание о Пугачеве, охватить Москву и всю среднюю Россию.

Отстаивая идею народного, прежде всего крестьянского, восстания, Спешнев возлагал руководство восстанием на революционную организацию.

Спешнев одним из первых в России довел защиту домарксовского социализма до проповеди идей революционного утопического коммунизма. Момбелли во время следствия показывал: «Спешнев говорил, что он коммунист, и предложил устройство чисто политического общества»².

Отрывочность сохранившихся материалов о Спешневе затрудняет выяснение внутренней связи его воззрений.

Следственные материалы свидетельствуют, что Спешнев проповедовал государственную собственность на средства производства. Особенно большое значение он придавал собственности государства на те средства производства, которые связаны с производством предметов питания, и в этой связи выделял сельскохозяйственное производство. Составной частью отстаиваемого Спешневым плана преобразования общества являлось установление государственной собственности на землю. Спешнев, как видно из доклада генерал-аудиториата, доказывал, что правительство «должно также заведывать и промышленностью, и если не всею, то, по крайней мере, необходимейшим, например, земледелием, и тем обеспечивать пропитание всех. Сверх того, как одно из прав правительства, он считает право владения всем пространством земли в государстве (территорией)»³.

Превращение земли в государственную собственность рассматривалось Спешневым, по всей видимости, не только как мероприятие, направленное против помещичьего землевладения, но и как неразрывное звено всего плана преобразования общества на коммунистических началах. Таким образом, за проповедью восстания крепостного крестьянства скрывался у Спешнева вдохновляемый идеями революционного утопиче-

¹ Н. А. Спешнев, Проект обязательной подписки для членов тайного общества, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 503.

² «Дело петрашевцев», т. I, стр. 360.

³ «Петрашевцы». Сборник материалов, под ред. П. Е. Щеголева, т. 3, стр. 69—70.

ского коммунизма план переустройства общества, призванный подорвать как крепостничество, так и капитализм.

Приведенные данные показывают те новые черты, которые внесла представленная Спешневым группа петрашевцев в развитие русской экономической мысли. При решении вопроса о ликвидации крепостного права Спешнев ориентировался на крестьянское восстание, а не на революционный заговор. Если Пестель исходил из параллельного существования частной помещичьей и общественной крестьянской собственности на землю, то для Спешнева радикальным решением аграрного вопроса является установление государственного владения землей, т. е. ликвидация частного помещичьего землевладения и передача всей земли крестьянам. Хотя имеющиеся материалы не показывают специальной разработки Спешневым этой проблемы в применении к России, но и теоретическая постановка вопроса о ликвидации частного помещичьего землевладения и замене его государственной собственностью на землю была новой в истории освободительного движения России.

Другим поборником крестьянской революции среди петрашевцев был Ханыков. Из «Дневника» Чернышевского видно, что Ханыков отстаивал идею революционного свержения крепостнических отношений¹.

Ханыков не только боролся против крепостнических «господских порядков», но, подобно другим петрашевцам, выступал с критикой капитализма. Он понимал сложность перехода к новой форме экономического устройства и считал, что Фурье не сумел показать действительных трудностей, отвлекся от борьбы, связанной с преодолением косности, невежества. Ханыков упрекал Фурье в том, что последний «позабыл, пренебрег историческими преданиями, а если и касался их, то бегло и поверхностно... Как открытие ни будь, господа, истинно, благотельно само в себе... оно не может быть принято скоро и повсеместно, и всякая новая идея выдерживала и выдерживает до сих пор борьбу упорную, сильную»². Беседы Ханыкова с молодым Чернышевским и высказанные им отрывочные замечания свидетельствуют о том, что социальной эволюции Фурье, его мирным проектам экономических преобразований Ханыков противопоставлял революцию. Историю общества он рассматривал под углом зрения борьбы победителей и побежденных, за которой вскрывал борьбу угнетенных классов против угнетателей. Он показывал, что эта борьба составляла закон всего предшест-

¹ См. Н. Г. Чернышевский, Дневник второй половины 1848 г. и первой половины 1849 г., Полное собрание сочинений, т. I, стр. 188, 196.

² А. В. Ханыков, Речь на обеде в честь Ш. Фурье, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 514.

вующего развития, начиная с древнего Востока и кончая капиталистическим обществом. Если на Востоке происходила борьба каст, в Греции борьба демотов с эвпатридами, в Риме — плебеев с патрициями, в средние века — борьба крестьян и городских коммун с вассалами, то в современном обществе развивается борьба пролетариев с капиталистами¹.

Ханыков, так же как и другие петрашевцы, не мог дойти до понимания общественно-экономической формации, а следовательно, и экономической основы классовой структуры общества. Классовую борьбу он выводил из заложенных в человеке страстей — деятельных способностей человека, направленных на удовлетворение различных потребностей. Классовая борьба являлась, по мнению Ханыкова, как бы надстройкой над страстями человека, не получившими своего удовлетворения. Но, рассматривая страсти человека под углом зрения их проявления в борьбе различных классов, Ханыков тем самым фактически переходил от рассмотрения неизменной природы человека к изучению его общественных «свойств» и стремлений.

Вместе с тем в воззрениях Ханыкова ясно выражены те пределы, которые ставит на пути анализа экономической структуры общества ошибочная методология — превращение природы человека в исходный пункт критики капитализма и обоеования нового строя.

Ханыков считал, что страсти человека найдут свое свободное выражение в условиях ассоциации. Ассоциация разрешит противоречие между победителями и побежденными, проходящее через всю историю общества. Экономической основой ассоциации будет служить высокое развитие индустрии, организованной на разумных началах.

Яркий антикрепостнический характер носили воззрения Момбелли, Головинского, Филиппова.

Момбелли, посещавший Петрашевского и собрания, происходившие у Дурова, дал правдивую картину экономического положения крепостного крестьянства и связал подъем сельскохозяйственного производства с развитием крестьянского хозяйства. Он разоблачал противоречия самодержавно-крепостного строя, при котором десятки миллионов населения приносятся в жертву небольшой кучке привилегированных. Момбелли предсказывал близкое падение угнетателей. Он искал пути, обеспечивающие выдвигание крестьянского хозяйства на передовые позиции сельскохозяйственного производства. Этой цели должно было служить распространение среди крестьян просвещения и образцовых ферм.

¹ См. А. В. Ханыков, Речь на обеде в честь И. Фурье, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 509.

Ярым сторонником освобождения крестьян был Головинский. Подобно Спешневу, он считал отмену крепостного права центральной задачей развития России. На собраниях петрашевцев Головинский доказывал, что освобождение крестьян и полное уравнение их в гражданских правах с другими сословиями является первоочередной задачей. Решающее значение он придавал вопросу об экономических условиях освобождения крестьян и прежде всего сохранению за ними земли. Головинский понимал, что ни правительство, ни дворянство не могут решить этот вопрос в интересах крестьянства. Между тем крестьянство, говорил Головинский, уже осознало всю тяжесть своего положения и непримиримо настроено по отношению к крепостному праву¹. Головинский ориентировался на восстание крестьян.

Если в России первоочередным вопросом является освобождение крестьян, то Западная Европа стоит, по мнению Головинского, перед проблемой социализма. Высокое развитие промышленности в условиях неравномерного распределения собственности породили пауперизм, а вместе с ним и социалистическое движение трудящихся классов. Непримируемую борьбу против крепостного права Головинский соединял с протестом против капитализма. Он видел в социализме экономическую организацию, освобождающую трудящихся от всех форм эксплуатации.

Ликвидация крепостного права была центральным вопросом и для студента Филиппова. Филиппов опровергал созданную апологетами крепостничества версию о благосостоянии крестьян крупных помещичьих имений. Он показывал, что владельцы крупных имений «сами также злоупотребляют своею властью, как и мелкие помещики, окруженные полным изобилием, они часто отнимают от своего мужака последний кусок хлеба, выработанный с потом и кровью»².

Филиппов является автором «Десяти заповедей» — пропагандистского документа, обращенного к крестьянству. Евангельские «Заповеди» использовались им для пропаганды необходимости освобождения крестьян и выгодных для них условий ликвидации крепостного права. За оболочкой христианских «Заповедей» скрывался призыв к выступлению крестьян, к восстанию против правительства и помещичьей власти. Подобно другим петрашевцам, Филиппов выступал как против крепостного строя, так и против буржуазного общества. Он требовал «естественного» распределения богатства.

В бумагах Спешнева была найдена «Солдатская беседа», написанная Григорьевым. Она интересна прежде всего тем, что ставит вопрос о подготовке войска к восстанию. Это говорит о

¹ См. «Дело петрашевцев», т. III, стр. 426.

² «Петрашевцы». Сборник материалов, под ред. П. Е. Щеголева, т. 3, стр. 192.

Н. А. СПЕШНЕВ

том, что Григорьев, как Спешнев, видел в восстании путь ликвидации крепостного права. «Солдатская беседа» отразила, по свидетельству ее автора, с одной стороны, протест крестьянства против помещичьего гнета, а с другой — влияние западноевропейских социалистических идей¹.

Григорьев высказывает сочувствие республиканскому строю и обуславливает демократизацией государственного устройства экономические мероприятия, направленные на улучшение крестьянского хозяйства. Освобождение от крепостной зависимости рассматривается Григорьевым в качестве исходного пункта последующей борьбы против помещичьего хозяйства. Григорьев был сторонником государственной торговли хлебом. В эпоху падения крепостного права проекты государственного регулирования хлебной торговли выдвигались защитниками интересов крупных землевладельцев. Григорьев же подчинял свой проект интересам крестьянского хозяйства, стремясь освободить его от эксплуатации торгового капитала и обеспечить крестьянам стабильные цены.

Либеральные попутчики петрашевцев

Основное ядро петрашевцев состояло из лиц, отстаивавших демократическую позицию в борьбе с крепостничеством и идеи социализма. Но среди посетителей кружков были и люди, не вышедшие за рамки либеральных стремлений. Они являлись попутчиками петрашевцев. Связанные с петрашевцами отрицательным отношением к крепостному праву, они иначе, чем петрашевцы, подходили к решению этого центрального вопроса своей эпохи и по-иному понимали перспективы социально-экономического развития России.

И петрашевцы, и их попутчики критиковали капиталистическую организацию западноевропейских стран. Но за этой, иногда внешне сходной критикой скрывалось по существу совершенно различное содержание. Петрашевцы отстаивали утопический план социалистического преобразования общества и страстно пропагандировали в России идеи утопического социализма. Попутчики петрашевцев не разделяли социалистических взглядов основного ядра кружков. Критикуя западноевропейское капиталистическое устройство, они искали пути стабильного развития капитала и сохранения господства помещичьей собственности. Утопическому плану радикального социально-экономического преобразования общества, отстаиваемому Петрашевским и Спешневым, попутчики петрашевцев противопоставляли проекты реформ капитализма.

¹ «Петрашевцы». Сборник материалов, под ред. П. Е. Щеголева, т. 3, стр. 110.

Либерально настроенные попутчики петрашевцев были представлены Н. Я. Данилевским, ставшим впоследствии теоретиком реакционного неославянофильства, И. Л. Ястржембским — будущим сотрудником «Экономиста» — приложения к либеральному органу Вернадского «Экономический указатель», А. П. Беклемишевым — впоследствии могилевским губернатором, одним из составителей рескрипта Александра II виленскому губернатору Назимову.

Данилевский отстаивал, по существу, утопию увековечения капитала и собственности посредством примирения классовых интересов. Он стремился водворить социальный мир в рамках капиталистической системы хозяйства превращением собственников капитала в акционеров крупных предприятий¹. На суде Данилевский, соглашаясь в принципе с необходимостью отмены крепостного права, говорил о ее несвоевременности и дошел до прямой апологии крепостнической эксплуатации.

Взгляды Ястржембского не отличались такой цельностью, как взгляды других попутчиков петрашевцев. В отличие от Данилевского и Беклемишева Ястржембский выступал на собраниях у Петрашевского с резкой критикой самодержавия. Излагая начала политической экономии, Ястржембский с политико-экономической точки зрения показывал несостоятельность самодержавного правительства. «Правительство, — говорил он, — в смысле политико-экономическом есть тоже товар... следовательно, если товар этот дешев и хорошего качества, то содержание правительства не противоречит политико-экономическим началам. Если божиею милостью купец Чаплин продает нам дешево хороший чай, то мы все покупаем у него; но если он начинает продавать дорого худой, то мы обращаемся к другому, который тоже купец божиею милостью»².

Несоответствие между расходами, затрачиваемыми на содержание самодержавного правительства, и его отрицательной общественной ролью являлось для Ястржембского аргументом в пользу необходимости другого правительства.

Ястржембский уделял большое внимание проблеме пауперизма. Но теоретической основой анализа пауперизма служило для него учение вульгарной политической экономии о трех факторах производства³.

Свои рассуждения о пауперизме Ястржембский подкреплял теорией народонаселения Мальтуса, используя ее для доказательства неизбежности пауперизма. Ястржембский стремился к

¹ См. Н. Я. Данилевский, Учение Фурье, «Петрашевцы». Сборник материалов под ред. П. Е. Щеголева, т. 2, М.—Л. 1927.

² «Записка о деле петрашевцев», «Литературное наследство», т. 63, стр. 171.

³ См. «Дело петрашевцев», т. II, АН СССР, М.—Л. 1941, стр. 205—210.

созданию устойчивых условий для роста капитала и к примирению классовых противоречий. С этих позиций Ястржембский подходил и к рассмотрению вопросов экономического развития России. Страх перед пролетариатом заставлял его выступать против всякого покровительства развитию промышленности и отстаивать свободу торговли. Критика Ястржембским пауперизма практически вылилась у него в стремление затормозить промышленное развитие России, порождающее пролетариат, а вместе с ним и классовую борьбу, угрожающую господству капитала.

Если Ястржембский искал прежде всего путей устойчивого развития капитала, то Беклемишев стремился стабилизировать условия господства помещичьего землевладения и развития помещичьего хозяйства. Отстаивая буржуазную аграрную эволюцию помещичьего типа, он связывал будущее сельского хозяйства России с расцветом помещичьего хозяйства. Эта позиция Беклемишева нашла отчетливое выражение уже в «Записке об ограничении дробления имений». Развитие помещичьего хозяйства является для Беклемишева неперемнным условием существования крестьянского хозяйства, рассматриваемого им в качестве простого придатка помещичьего хозяйства. «Уменьшение же доходов помещиков, — писал Беклемишев, — есть не только вред для них самих, но и для крестьян, которые, как мы уже имели случай доказывать прежде, страдают от бедности своих помещиков»¹. Беклемишев выступал с реакционной утопией примирения интересов крестьян и помещиков на основе упрочения помещичьей собственности. Попутчики петрашевцев развивали утопические планы примирения интересов труда и капитала, помещичьего и крестьянского хозяйства. К злободневным вопросам экономического развития России они подходили с позиций либерализма.

* *

*

Рассмотренные материалы показывают, что борьба против крепостного права занимала у петрашевцев далеко не такое скромное место, как это нередко утверждается. Спешнев, Петрашевский и примыкавшая к ним группа петрашевцев считали, что только народное восстание может обеспечить интересы крестьянства. Но идея народного восстания не получила ни у кого из петрашевцев последовательного развития и теоретического обоснования. Понимая необходимость народного восстания, петрашевцы освещали различные экономические стороны предстоящей революции, но они не могли в 40-х годах

¹ «Дело петрашевцев», т. II, стр. 390.

выработать цельной, последовательной платформы ликвидации крепостничества.

Глубокое обоснование экономического содержания крестьянской революции явилось исторической заслугой вождя революционной демократии — Чернышевского. Большой вклад в разработку этой важнейшей проблемы эпохи кризиса крепостного права внесли Герцен и Огарев.

Заслугой петрашевцев является выдвижение идеи народной революции, как единственного способа последовательной ликвидации крепостничества, обсуждение различных экономических вопросов, связанных не только с освобождением крестьян от крепостной зависимости, но и с превращением крестьянского хозяйства в основную, ведущую форму развития сельского хозяйства.

Экономическая платформа петрашевцев не исчерпывалась борьбой против крепостного права. Продолжая традиции Белинского, петрашевцы сочетали борьбу против крепостного права с пропагандой социализма. Они были страстными противниками как крепостного строя, так и капитализма.

За крепостной Россией и капиталистической Европой петрашевцы видели контуры новой организации хозяйства, основанной на высоком развитии промышленности, полном подчинении природы человеку, ликвидации господства капитала и освобождении трудящихся.

Глава шестнадцатая

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. А. МИЛЮТИНА

Общая характеристика воззрений В. А. Милютина. Понимание им задач экономической науки

Владимир Алексеевич Милютин был младшим братом одного из виднейших деятелей реформы 1861 г. — Н. А. Милютина и военного министра Александра II — Д. А. Милютина. Он родился 16 декабря 1826 г., а умер в августе 1855 г.

Окончив в 1847 г. юридический факультет Петербургского университета, В. А. Милютин специализируется на изучении истории русского права и становится, по свидетельству редакции «Современника», «одним из замечательнейших профессоров» университета.

Милютин защитил магистерскую диссертацию «О недвижимых имуществах духовенства в России» и много труда положил на подготовку докторской диссертации — «О дьяках». Магистерская диссертация была посвящена истории русского права, но ее значение выходило за пределы этой области.

Особое место в творчестве Милютина занимают его работы, выходящие за пределы официальной университетской науки. На протяжении 1847 г. Милютин опубликовал в «Отечественных записках» и «Современнике» серию теоретических экономических работ: «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции», «Мальтус и его противники», «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии», посвященный критике развязного пропагандиста идей вульгарной политической экономии в России крепостника А. И. Бутовского. Эти работы Милютина представляют единое целое, объединенное внутренней связью и последовательностью.

В литературе досоветского периода имя В. А. Милютина можно встретить лишь в историко-литературных и общих исторических трудах¹. Экономические взгляды Милютина стали

¹ См. сочинения П. Скабичевского в двух томах, т. 1, Спб. 1890, стр. 482; статья «Позитивизм в русской литературе» за подписью В. К., «Русское богатство» № 3 и 4, 1889 г.; В. И. Семевский, Сен-симонисты и фурьеристы в России, «Книга для чтения по истории нового времени», т. IV, ч. 2, М. 1914.

предметом специального изучения только в советский период. И. Г. Блюмин первый дал научный анализ экономических воззрений Милютина — его методологии, характерной для него критики капитализма и буржуазной политической экономии¹. Но до сих пор остается в тени вопрос об идейных источниках воззрений Милютина и не выявлено в полной мере его своеобразное место в передовой экономической мысли предреформенного периода.

Сочетая непримиримую вражду к крепостному праву с отстаиванием интересов народных масс и горячей защитой просвещения, Милютин выступил как просветитель. В процессе разрешения этих вопросов у Милютина наметилась демократическая тенденция. Но эта тенденция оттеснялась у него отвлеченным представлением о разумном начале как движущей силе общественного прогресса и не получила своего развития.

В отличие от буржуазных просветителей Милютин подверг критике капиталистический строй. Господству капитала он пытался противопоставить высшее экономическое устройство, основанное на крупном производстве, лишенное экономической анархии, бедствий и нищеты масс. Но Милютин отвергал скачкообразность общественно-экономического развития и выдвигал задачу: «найти средства для *постепенного* усовершенствования экономической организации»². Таким образом, вопрос о способе перехода от одной формы экономического устройства к другой, тесно связанный с пониманием самого характера новой, рождающейся системы экономических отношений, решался Милютиным иначе, чем корифеями русской революционной мысли 40-х годов.

В вопросах борьбы с крепостничеством Милютин был просветителем с демократической тенденцией, а в вопросе об отношении к капитализму он склонялся к идеям утопического социализма, понимая, однако, процесс преобразования капиталистического строя в новую экономическую организацию иначе, чем Белинский и Герцен.

При рассмотрении воззрений Милютина необходимо учесть, что его основные экономические работы были написаны до революции 1848 г., в которой пролетариат впервые поднялся на борьбу против буржуазии. В России годы, следовавшие за подавлением революции, были годами жестокой реакции, вызван-

¹ См. И. Г. Блюмин, Экономические воззрения В. А. Милютина, вступительная статья к книге В. А. Милютин, Избранные произведения, Госполитиздат, 1946, а также его статью «Экономические взгляды В. А. Милютина», «Проблемы экономики» № 2, 1936 г.

² В. А. Милютин, Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. Соч. А. Бутовского, Избранные произведения, Госполитиздат, 1946, стр. 354.

ной страхом самодержавия перед западноевропейской революцией и растущим революционным настроением внутри страны. Они препятствовали дальнейшей литературной деятельности Милютина в избранном им направлении.

* *
*

В своих работах Милютин пытался определить как критическую, так и позитивную задачу экономической науки, не разрешенную, с его точки зрения, западноевропейским утопическим социализмом.

Изучив французскую литературу, посвященную критике капитализма, Милютин пришел к выводу, что поборники утопического социализма «заботились не столько об опровержении существовавших начал, сколько о построении новой теории»¹. Между тем одна из основных задач политической экономии заключалась, по мнению Милютина, в опровержении теории буржуазных экономистов оружием чисто экономической критики. «Для того, чтоб поколебать учение экономистов, необходимо было сразиться с ними на поле экономических же фактов, подвергнуть строгой критике самое основное начало их теории и обратить против них их же собственное оружие»².

Эта задача критики буржуазной экономической науки, выдвинутая ученым, интересовавшимся в первую очередь перспективами развития России — страны, где крестьянство составляло основную массу населения, привлекла его внимание к мелкобуржуазному социализму.

В арсенале западноевропейского мелкобуржуазного социализма Милютин мог найти немало острого оружия критики капитализма.

Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», написанном в тот период, когда Милютин публиковал свои работы, не только вскрыли реакционное содержание мелкобуржуазного социализма, но одновременно показали ту сферу капиталистических отношений, на которую представители этого социализма распространили свою критику. Мелкобуржуазный социализм «разоблачил лицемерную апологетику экономистов. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машинного производства и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелких буржуа и крестьян, нищету пролетариата, анар-

¹ В. А. Милютин, Опыт о народном богатстве..., Избранные произведения, стр. 332.

² Там же.

хию производства, вопиющее неравенство в распределении богатства»¹.

Милютин плодотворно использовал эту многогранную критику капитализма западноевропейским мелкобуржуазным социализмом. Он подчеркнул значение Сисмонди как экономиста, выполнившего «свою разрушительную роль с таким блистательным успехом»². Книгу ученика Сисмонди Эжена Бюре «О нищете трудящихся классов в Англии и во Франции» русский ученый признал «одной из самых блистательных и энергических протестаций»³ против защитников пауперизма и нищеты трудящихся.

Живя в условиях господства крепостного строя, Милютин не мог не переоценить обличительную роль мелкобуржуазного социализма. Там, где Сисмонди и его последователи только ставили вопрос о противоречиях различных сторон капитализма, Милютин видел подчас уже важнейшую веху в критике рассматриваемой ими сферы капиталистических отношений. Но, испытав на себе влияние мелкобуржуазной критики капитализма, Милютин — что очень важно подчеркнуть — не разделял тех исходных позиций, с которых Сисмонди нападал на капитализм. Сисмонди, писал Милютин, «не понимал настоящего смысла современных требований и думал отделаться ничтожными полумерами, когда дело шло о радикальном преобразовании на Западе экономического устройства»⁴. Милютин показывал ограниченность установок сисмондистской критики капитализма. «Мысль о возможности существенного преобразования самых отношений, существующих между капиталистом и работником, не приходила ему (Сисмонди.— В. М.) и в голову»⁵.

В отличие от мелкобуржуазного социализма Милютин пытался дать бой буржуазным экономистам по коренным вопросам капиталистического устройства.

Отражая в этом вопросе влияние западноевропейского критически утопического социализма, Милютин в то же время стремился самостоятельно разрешить задачу, поставленную, но не решенную, с его точки зрения, в экономическом плане корифеями французского утопического социализма.

Милютин не ограничился выдвиганием задачи радикальной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Соч., т. 4, стр. 450.

² В. А. Милютин, Опыт о народном богатстве..., Избранные произведения, стр. 339.

³ В. А. Милютин, Мальтус и его противники, Избранные произведения, стр. 132.

⁴ См. В. А. Милютин, Опыт о народном богатстве..., Избранные произведения, стр. 341.

⁵ Там же.

экономической критики капитализма. Он подверг сомнению положительные начала западноевропейского утопического социализма, направленные на построение новой теории. «Все новые теории в современном их виде суть не более, как произвольные утопии и смелые гипотезы, опирающиеся только на основаниях юридических и вовсе не приведенные в согласие с действительностью и ее законами»¹, — писал он.

Утопизм социалистических учений заключался, по мнению Милютина, в их пренебрежении действительностью и ее законами. Милютин пошел по пути выявления одного из основных недостатков утопического социализма Запада, заключавшегося в попытке заменить изучение материальных сил общественного развития изобретением «социальной науки». В условиях крепостнической России он смело выдвинул задачу развития социалистической мысли от утопии к науке.

Постановка такой задачи явилась результатом неоспоримых достижений русской революционной демократии 40-х годов, влияние которой испытал на себе Милютин. Милютин посещал в течение определенного времени «пятницы» Петрашевского. Следственные материалы по делу петрашевцев показывают, что Милютин бывал у Спешнева, а последний в свою очередь посещал Милютина.

Милютин подобно петрашевцам испытал на себе влияние Белинского и Герцена, искавших научную основу борьбы за освобождение трудящихся².

Антикрепостническая позиция Герцена и Белинского была важнейшим идейным фактором, определившим непримиримость Милютина к крепостному праву и обусловившим демократическую тенденцию, проявлявшуюся в его борьбе с крепостничеством. От корифеев русской демократической мысли Милютин унаследовал вслед за петрашевцами сочетание критики крепостничества и критики капитализма. Милютин продолжил глубокую критику буржуазной политической экономии, критику, основы которой заложил в России Герцен, выступивший уже в серии статей «Дилетантизм в науке» с разоблачением методологических посылок буржуазных экономистов. Вслед за Герценом, отметившим еще в «Письмах об изучении природы» отвлеченный характер западноевропейских социалистических систем, а в «Письмах из Avenue Marigny» —

¹ См. В. А. Милютин, Опыт о народном богатстве..., Избранные произведения, стр. 355.

² Н. Г. Чернышевский, перечисляя тех, кто-либо примыкал к Белинскому и Герцену — Огареву, либо находился под их влиянием, относил к их числу В. Милютина (См. Н. Г. Чернышевский, Очерки гоголевского периода русской литературы, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 223.)

слабость положительных начал утопических учений Запада, Милютин продолжал поиски теории, способной осветить путь к освобождению трудящихся от гнета капитала.

Огромное влияние на экономические взгляды Милютина оказала литературно-критическая деятельность В. Г. Белинского. Можно сказать, что развернутая Милютиным блестящая критика буржуазной экономической науки, его стремление подвергнуть критическому анализу предмет и задачи политической экономии, его критика крепостничества и капитализма явились ответом на поставленную Белинским задачу всестороннего развития критики в России. Еще в 1842 г. Белинский писал: «Есть критика не только для произведений искусства и литературы, но и критика предметов наук, истории, нравственности и пр. Лютер, например, был критиком папизма, как Боссюэт был критиком истории, а Вольтер критиком феодальной Европы»¹.

Неустанный призыв Белинского к изучению действительности, ее реальных сил нашел своеобразное отражение в попытке Милютина перебросить мост от утопии к науке посредством согласования идеала с действительностью и очищения утопий от их субъективного характера. Милютин требовал такого отношения человека к действительности, при котором он «уже теряет право презирать и отрицать действительность, он должен, напротив, изучить ее и, открыв ее настоящее соотношение к своему идеалу, открыть в то же время и то, в какой мере осуществление этого идеала возможно»².

Доказывая необходимость обращения к действительности, Милютин отражал идеи, развиваемые в России Белинским, поднявшим знамя борьбы с субъективизмом, отвлеченностью, показавшим, что важность теории зависит от ее отношения к действительности. Влияние метода литературной критики Белинского сказалось и на той критике, которой Милютин подверг экономическую науку. Идея обусловленности творческой деятельности писателя его эпохой, принцип историзма, характеризующие критические статьи Белинского, помогли Милютину глубже многих западноевропейских критиков буржуазной политической экономии раскрыть историческую обусловленность различных экономических школ.

Идейное воздействие деятелей русского освободительного движения, отражавших интересы народных масс России, определило отличие воззрений Милютина от воззрений представителей домарксовской мысли Запада.

¹ В. Г. Белинский, Речь о критике, Собрание сочинений в трех томах, т. II, М. 1948, стр. 348.

² В. А. Милютин, Опыт о народном богатстве..., Избранные произведения, стр. 347.

* *
*

Миллютин был одним из первых русских экономистов, стремившихся противопоставить толкованию предмета и метода политической экономии буржуазными экономистами свое понимание этих вопросов. Знаменательно при этом, что он выступал одновременно и против тех, кто, подобно утопистам, подменял объяснение сущего поисками идеала.

В отличие от буржуазных экономистов Миллютин доказывал, что настоящим предметом политической экономии являются вопросы материального благосостояния¹. Вместе с тем он пытался поставить науку о благосостоянии людей на прочную основу законов, определяющих материальное развитие общества. Считая, что политическая экономия одновременно и исследует законы экономической жизни и указывает средства исцеления общества от недостатков его экономической организации, Миллютин видел в ней науку, представляющую «в себе разом и физиологию и медицину общественного организма»².

Однако стремление Миллютина превратить политическую экономию в науку, объясняющую экономические законы, не могло найти научного решения. Уже самое определение политической экономии как науки, представляющей не только физиологию, но и медицину общественного организма, означало превращение ее в науку нормативную, предписывающую рецепты излечения общества.

Нормативный подход Миллютина к экономическим отношениям сказался и в самом понимании им экономических законов. Законы капитализма Миллютин рассматривал как случайные, «мнимые» законы. Такое понимание означало осуждение капитализма, как системы хозяйства, не соответствующей требованиям разума и справедливости.

В поисках положительной основы политической экономии, способной поднять ее до уровня точных наук, Миллютин обратился к философии позитивизма. В то время как Герцен и Белинский материалистически решали основной вопрос философии об отношении мышления к бытию и самостоятельно пытались применить диалектический метод к объяснению общественно-экономического развития, Миллютин в своих работах излагал философию Конта. У Миллютина можно встретить как заимствованную Контом у Сен-Симона идею трех стадий разви-

¹ См. В. А. Миллютин, Опыт о народном богатстве..., Избранные произведения, стр. 276.

² Там же, стр. 277.

тия науки — мифологической, метафизической и позитивной, — так и контовское различие статики и динамики.

Но обращение Милютина к Конту выражало в первую очередь поиски нового метода исследования, а отнюдь не применение этого метода к экономическому анализу. Методологические посылки Конта не соответствовали основному направлению исследования Милютина. Учение Конта было направлено на апологию капитализма. Конт стремился к увековечению капитализма. Милютин ярко выразил противоречивость капитализма и доказывал необходимость коренной реорганизации экономического устройства.

Критика крепостного строя

Милютин выступил в эпоху, когда в России особенно резко проявилась тормозящая роль крепостнического строя. Последовательная вражда к крепостничеству проходит через все его работы. Выступая против крепостничества, Милютин исходил из определенного понимания социально-экономического прогресса, как процесса, выражающего освобождение человека, рост материального благосостояния трудящихся.

Понимая первостепенное значение вопроса об экономических условиях ликвидации крепостного права, Милютин уделял особое внимание изучению аграрного строя западноевропейских стран. В статье «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» он подверг резкой критике лендлордизм, господствовавший в Англии и в Ирландии, противопоставив ему крестьянское землевладение послереволюционной Франции. Если в Англии крупная земельная собственность и капиталистическая аренда низвели земледельца до положения обнищавшего поденщика, а в Ирландии — до положения мелкого, задавленного нуждой, обнищавшего арендатора чужой земли, то во Франции земледелец стал землевладельцем. На примере Франции Милютин отстаивал «разделение *права* собственности, которое, во всяком случае, чрезвычайно благотельно для народа»¹.

Милютин выступал против крепостнических латифундий. Он выдвигал задачу превращения феодальной земельной собственности в такую мелкобуржуазную крестьянскую земельную собственность, которая явилась во Франции результатом революции 1789—1793 гг. Улучшение судьбы крестьянских масс Милютин обуславливал переходом земли

¹ В. А. Милютин, Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции, Избранные произведения, стр. 241.

в собственность крестьян и выдвиганием крестьянского хозяйства на передовые позиции сельскохозяйственного производства. «В промышленности сельской точно так же, как и в городской, участь рабочих классов всего завиднее тогда, когда производительные силы связаны между собой самой тесною и неразрывною связью, когда капитал и труд соединены в одном лице, когда земледелец есть вместе и землевладелец, когда крестьянин обрабатывает не чужую, а свою собственную землю»¹, — писал Милютин.

Свободное от феодальных уз крестьянское хозяйство Милютин противопоставлял помещичьему хозяйству в тот период, когда во Франции уже выявилось задерживающее влияние мелкой земельной собственности на рост производства, на развитие производительных сил сельского хозяйства. Важно отметить, что Милютин понимал преимущества крупного производства и распространял их также и на сферу сельского хозяйства. «Чрезмерное деление земли может без сомнения остановить развитие и успехи земледельческой промышленности, потому что при таком делении становится невозможным обрабатывание земли в большем размере и употребление усовершенствованных способов сельского хозяйства»², — писал он. Учитывая последствия господства мелкого хозяйства во Франции, русский ученый старался найти путь к преодолению отрицательной роли парцелльной собственности в отношении совершенствования земледельческого производства. Этот путь он усматривал в сочетании дробления права собственности на землю с нераздельностью земли как средства труда, достигаемой созданием производственных ассоциаций крестьян³.

Милютин подчеркивал необходимость различать два момента: разделение, раздробление права собственности на землю, как чрезвычайно благодетельное для народа, и «раздробление самого предмета владения, самого орудия труда, которое, конечно, может сопровождаться весьма вредными последствиями». Чрезмерное дробление земли тормозит усовершенствование способов сельского хозяйства, «но это зло легко может быть устранено посредством ассоциации мелких помещиков (под «мелкими помещиками» Милютин разумеет здесь крестьян — собственников обрабатываемой ими земли. — В. М.), посредством соединения их между собой для обрабатывания их участков общими силами и общими средствами. Раздробление почвы не есть необходимое последствие разделения права соб-

¹ В. А. Милютин, Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции, Избранные произведения, стр. 240.

² Там же, стр. 241.

³ См. там же.

ственности. Посредством ассоциации весьма легко можно сохранить благотельные результаты второго явления и устранить вместе вредные последствия первого. Право поземельной собственности может быть раздроблено до чрезмерности, между тем, как самый предмет этой собственности, земля, может и должен оставаться нераздельным и единым»¹.

План Милютина — сохранить крестьянство как класс мелких собственников и в то же время превратить землю в единое и нераздельное средство труда был утопическим планом. Но заслугой Милютина являлось то, что помещичье землевладение он не рассматривал как необходимую предпосылку крупного сельскохозяйственного производства и не отождествлял последнее с помещичьим хозяйством. Напротив, выражая демократическую тенденцию в борьбе с крепостничеством, Милютин поставил задачу создания крупного производства на базе крестьянского землевладения — собственности самих производителей на землю.

Выдвинутая Милютиным задача коренной перестройки аграрного строя России на основе превращения феодальной земельной собственности в свободную крестьянскую собственность могла быть осуществлена лишь путем аграрной революции. Между тем Милютин склонялся к мирной перестройке общественно-экономического устройства. Он возлагал свои надежды на общественную власть, как представительницу «интересов всех и каждого», способную «своим вмешательством обуздать сильных, покровительствовать слабым»².

Но поскольку Милютин сочетал защиту крестьянского хозяйства, свободного от всяких крепостнических уз, с поисками такой формы крупного производства, при которой сами производители являлись бы собственниками земли, он поднимался над декабристами, видевшими в помещичьем землевладении необходимое условие крупного земледелия и не отрешившимися, следовательно, от взгляда на помещичье хозяйство как необходимое русло сельскохозяйственного накопления.

Критика капиталистического строя

В России разложение крепостнических отношений и развитие капитализма в недрах феодального общества происходило в период, когда в Англии и во Франции противоречие между наемным трудом и капиталом выдвинулось уже на пер-

¹ В. А. Милютин, Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции, Избранные произведения, стр. 241—242.

² В. А. Милютин, Опыт о народном богатстве..., Избранные произведения, стр. 322.

вый план. Поэтому изучение капиталистического устройства Западной Европы представляло для Милютина не только теоретический интерес. Оно диктовалось необходимостью уяснить перспективы экономического развития России, судьбы ее народных масс. Вопрос о пауперизме и экономическом положении низших классов общества Милютин поставил в центр критики капитализма¹.

В работах Милютина дано многостороннее освещение положения рабочего класса. Он показывает понижение заработной платы, влияние разделения труда и машинного производства на судьбу пролетариата, образование излишка рабочих рук по сравнению со спросом на них. Нищету рабочих Милютин не считает случайным явлением.

В противоположность мелкобуржуазным экономистам Западной Европы у Милютина критика капитализма сочетается с отчетливым пониманием его исторической прогрессивности. Милютин показывает значение свободного развития промышленности и конкуренции для роста производства. По его мнению, именно «независимости производителей и неограниченному их соревнованию обязаны мы преимущественно безостановочным и быстрым размножением народного богатства в последние пятьдесят лет»². Он возражал тем, кто восстает против успехов промышленности, усовершенствования процессов производства. «Остановить эти успехи было бы и невозможно и безрассудно»³.

Промышленный переворот, распространение машин положили начало последующему прогрессу производительности человеческого труда. Но рост производства, осуществляющийся в условиях капитализма на основе действия стихийных сил, господства анархии, привел к обострению противоречия между рабочими и капиталистами.

Сравнивая ремесленный строй средних веков с капиталистическим производством, Милютин пишет: «Ныне остались два сословия, отделенные друг от друга пропастью: с одной стороны несколько богачей, с другой множество пролетариев, которые находятся в полной зависимости от капиталистов и никогда не могут проникнуть в эту неприступную для них касту»⁴.

Критика Милютиным капитализма содержит в себе много глубоких мыслей.

¹ См. В. А. Милютин, Опыт о народном богатстве..., Избранные произведения, стр. 337.

² Там же, стр. 324.

³ В. А. Милютин, Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции, Избранные произведения, стр. 185.

⁴ Там же, стр. 212.

Поляризацию общества на противоположные, враждебные друг другу классы рабочих и капиталистов Милютин рассматривает как характерную черту капитализма.

Милютин ярко показал растущее обнищание рабочих при капитализме. Опровергая экономистов, пытавшихся доказать повышение заработной платы на капиталистических предприятиях, Милютин подчеркивал, что встречающиеся отдельные факты повышения задельной платы не исключают ее общего понижения: «Задельная плата, единственный доход работника, под постоянным влиянием неограниченного соперничества и неразумного пользования выгодами машин и разделения труда, спускалась ниже и ниже и достигла наконец во многих местах до самого крайнего предела, за которым оставалось только умирать от голоду»¹.

Милютин показывает, что в условиях господства капитала применение машин ведет не только к падению заработной платы занятых рабочих, но и к росту безработицы. Возражая сторонникам теории компенсации, он писал, что почти во всех отраслях промышленности не только нет недостатка в числе рабочих рук, но и, напротив, имеется весьма значительный излишек. Излишек рабочей силы является следствием капиталистической организации хозяйства, зависит «единственно от влияния и действия некоторых учреждений, существующих в современных обществах...»².

Милютин различает прогрессивную роль машины вообще и социальные последствия ее капиталистического применения. Машины, пишет он, по своему истинному назначению и свойству являются самым могущественным орудием прогресса и благосостояния, а при господстве капитала они служат самым обильным и прямым источником постепенного оскудения физических и умственных сил работника³. И вообще, «для рабочих классов не могут быть вредными ни развитие промышленности, ни все те явления, которые составляют необходимое условие для ее успехов. Для них вредны только те законы и учреждения, посредством которых народное богатство, вместо того, чтобы распространяться в одинаковой мере на все классы общества, сосредоточивается в руках немногих избранных, в руках людей, владеющих капиталами»⁴.

Выявляя противоречия капитализма, Милютин останавливается на кризисах. Он опровергает апологетическую версию

¹ В. А. Милютин, Опыт о народном богатстве..., Избранные произведения, стр. 326.

² В. А. Милютин, Мальтус и его противники, Избранные произведения, стр. 109.

³ См. там же, стр. 129.

⁴ В. А. Милютин, Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции, Избранные произведения, стр. 185.

о соответствии производства потреблению в условиях капитализма и подчеркивает, что в условиях свободного развития промышленности производство обгоняет средства населения, т. е. платежеспособный спрос, порождает загромождение рынков, банкротство предприятий, нищету и бедствия рабочих. Милютин справедливо считал, что без учета влияния кризисов на положение рабочих нельзя судить о действительном положении рабочего класса.

Одну из основных особенностей капиталистического строя Милютин видел в уподоблении труда обычному товару. Не отличая, подобно всем экономистам домарксовского периода, труд от рабочей силы, Милютин показывал, что уподобление труда товару, а его цены — ценам других товаров, определяемым спросом и предложением, стало законом капиталистического строя. Он выступал против низведения труда до простого товара¹.

Милютин опровергал буржуазных экономистов, оправдывающих закабаление рабочих существующей якобы свободой договора между рабочим и фабрикантом. Он показывал, что в этом «свободном» договоре рабочий вынужден принимать условия, диктуемые капиталистом.

Милютин не остановился на рассмотрении отдельных противоречий капитализма. Неотъемлемой чертой капиталистического развития он признал противоречие между экономическим прогрессом, выражающимся, с его точки зрения, в росте производства, и общественным прогрессом, требующим улучшения судьбы масс².

Интересная критика капитализма у Милютина не была, однако, подкреплена научным анализом экономических категорий. Об этом свидетельствует, например, его понимание стоимости.

В полемике с Бутовским Милютин различал полезность вещи, потребительную ценность и меновую ценность³. В отличие от Бутовского, называвшего потребительной ценностью полезность, приобретение которой требует известных затрат, Милютин доказывал, что не потребительная ценность, а меновая определяется трудностью ее производства. Но Милютин, во-первых, противопоставлял потребительной ценности как «прямой» меновую или «косвенную» ценность и по существу превращал потребительную ценность в исходный пункт ана-

¹ См. В. А. Милютин, Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции, Избранные произведения, стр. 186.

² См. там же, стр. 217.

³ См. В. А. Милютин, Опыт о народном богатстве..., Избранные произведения, стр. 425.

лиза ценности; во-вторых, не пошел дальше высказывания о «трудности добывания», как факторе, определяющем «косвенную» или меновую ценность.

В критике основы буржуазного общества — частной собственности на средства производства — у Милютина также не было последовательности. Известно, что эта задача оказалась непосильной и для корифеев французского утопического социализма — Фурье и Сен-Симона, выступивших в стране, сбросившей с себя оковы феодализма уже в конце XVIII в.

Поскольку Милютин оставлял в условиях будущего экономического строя частную собственность, он говорил о необходимости установления равновесия между капиталом и трудом, превращения работника в участника выгод и барышей, получаемых капиталистом.

Не понимая связи новой, высшей по сравнению с капитализмом, организации труда с господством общественной собственности на средства производства, Милютин выдвигал на первый план задачу организации труда: «организация труда, основанная не на состоянии, а на единстве и солидарности интересов, водворит со временем мир и гармонию там, где мы видим теперь только непримиримую борьбу и глубокий разлад всех основных стихий общественной деятельности»¹.

Действительное значение идей организации труда вскрыл Маркс в замечаниях, сделанных при конспектировании книги Эжена Бюре «О нищете трудящихся классов в Англии и во Франции», оказавшей влияние на Милютина. Маркс показал, что противопоставление мелкобуржуазной идеи «организации труда» отрицательной организации труда, характеризующей капиталистическую промышленность, означает, по существу, защиту неосуществимых в современных условиях требований бюрократической средневековой организации промышленности².

Правда, Милютин проводил различие между понятием «организации труда» и понятием «способа организации» труда, который должен быть, с его точки зрения, отличным от способа организации труда в условиях средневековья³. Однако, поскольку Милютин не обуславливал организацию труда и борьбу против пауперизма ликвидацией частной собственности на средства производства его воззрения носили печать буржуазных иллюзий, проявлявшихся в стремлении уничтожить противоположность классовых интересов пролетариата и бур-

¹ В. А. Милютин, Мальтус и его противники, Избранные произведения, стр. 74.

² M E G A, 1. Abteilung, B. VI, S. 603.

³ См. В. А. Милютин, Опыт о народном богатстве..., Избранные произведения, стр. 320.

жуазии при сохранении этих основных классов буржуазного общества и частной собственности. Иллюзии Милютин усугублялись представлением о пролетариате просто как о немущей, обнищавшей части населения. Милютин видел в рабочих лишь страдающий класс. Он не только не понимал необходимости политической борьбы трудящихся, но и отрицал значение экономической борьбы рабочего класса — стачек и коалиций.

Милютин противопоставлял анархии, диспропорциональному развитию различных отраслей капиталистического производства единую рациональную организацию хозяйства, т. е. по существу плановое начало. «Во всяком правильно и рационально устроенном обществе,— писал он,— в котором производительная деятельность его членов не предоставлена на произвол случая и насилия, а организована разумным и предусмотрительным образом, между всеми отраслями народной промышленности должны существовать необходимо тесная связь, равновесие и солидарность»¹.

В отличие от мелкобуржуазных экономистов он неизменно связывал организацию производства и труда с новым подъемом производства, техническим прогрессом, доказывая, что переход от анархии к организации производства обеспечит более быстрое и безопасное развитие промышленности.

Критикуя капитализм, Милютин звал не назад, к мелкому производству, а вперед, к крупному производству ассоциации производителей. Милютин стремился коренным образом изменить судьбу наиболее многочисленного и страдающего класса капиталистического общества и ликвидировать пауперизм масс. Эти черты позволяют отнести его к тем представителям домарковского социализма, учение которых не освободилось от внутренних противоречий и сохранило наряду с социалистическими и буржуазные взгляды.

Критика буржуазной политической экономии

Милютин выступил с яркой критикой буржуазной экономической науки. Показав, что современная ему западноевропейская экономическая наука, т. е. вульгарная политическая экономия, находится в состоянии разброда и кризиса, Милютин выдвинул перед русской экономической наукой задачу самостоятельного решения экономических вопросов. Он не мог примириться с перенесением на русскую почву ненаучных воз-

¹ В. А. Милютин, Мальтус и его противники, Избранные произведения, стр. 102.

зрений Сэя, компиляцию которых представлял вышедший в 1847 г. курс А. Бутовского «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии». Задаче пресечения распространения идей вульгарной политической экономии в России и выработке здравых, разумных экономических воззрений и была подчинена у Милютина критика западноевропейской буржуазной политической экономии.

Критика Милютиным буржуазной экономической науки представляет собою первую в России серьезную попытку анализа истории экономических учений.

Молодой русский ученый отнесся критически к западноевропейским историкам политической экономии.

Он высказал свое несогласие с тем, что А. Бланки в своей книге по истории политической экономии относил возникновение политической экономии к древнему миру. Резко выступил Милютин против высмеянного Марксом в «Нищете философии» представителя «феодального социализма» Вильнёва-Баржемона, начавшего изложение истории политической экономии «с длинного повествования о сотворении мира, о грехопадении, о потопе...»¹.

Возникновение политической экономии как науки Милютин связал с возникновением крупной промышленности, капиталистического строя.

Меркантильная система справедливо вынесена Милютиным за пределы научного понимания капитализма. «Они, — пишет Милютин о меркантилистах, — не создали науки, но сделали ее возможной»².

Формирование экономической науки он относит к XVIII в., к появлению школы физиократов. Русский ученый видит заслугу физиократов в их попытке объяснить законы образования и распределения богатства. Но сильные стороны учения физиократов не скрыли от него односторонности и ошибочности их воззрений. Милютин отвергает физиократическое понимание производства как процесса создания материи, обвиняет физиократов в натурализации понятия богатства, неправильном представлении о земле, как его единственном источнике. Подходя к рассмотрению воззрений физиократов с исторических позиций, Милютин выявляет те моменты, которые характеризуют физиократов как буржуазных экономистов; в этой связи он отмечает стремление физиократов превратить землевладельцев в единственный класс, подлежащий обложению, за-

¹ В. А. Милютин, Опыт о народном богатстве..., Избранные произведения, стр. 278 (сноска).

² Там же, стр. 287.

щиту физиократами частной собственности, их требование свободного развития промышленности.

Понимание исторической обусловленности экономических учений ярко проявляется у Милютина и при рассмотрении воззрений Смита. Хотя, писал Милютин, Смит не подвергал сомнению основы капиталистического производства, его взгляды должны быть резко отделены от воззрений последующих экономистов и прежде всего — Сэя. Милютин провозгласил весьма важное положение — необходимость строго исторического подхода к мыслителям и деятелям прошлых времен: «Деятельность исторических людей надо и ценить исторически, т. е. принимая в соображение не требования нашей эпохи, но требования той эпохи, в которую они жили и действовали»¹.

Руководствуясь этим положением, Милютин возражал тем социалистам, которые подобно Пьеру Леру, автору статьи о Смите, помещенной в «Новой энциклопедии», отрицали историческое значение учения Смита. Милютин показывал, что, выступая против регламентации промышленности и отстаивая ее свободное развитие, Смит в противоположность экономистам середины XIX в. выражал потребности и запросы своей эпохи. Он подчеркивает, что Смит провозгласил труд вообще подлинным источником богатства, а следовательно, и все отрасли производства одинаково производительными.

Милютин высоко ценил заслуги А. Смита: «...если дело идет об одной физиологии народного богатства, о той части политической экономии, которая описывает порядок производства и распределения ценностей в современных обществах, то мы готовы признать бесспорно Адама Смита настоящим ее основателем и творцом»².

Признание исторических заслуг Смита не исключало у Милютина понимания несоответствия его воззрений запросам и потребностям последующей эпохи, наглядно выявившей противоречия и язвы капиталистического хозяйства.

Остроту своей критики Милютин направил против представителей вульгарной политической экономии — Мальтуса и Сэя. «Критические статьи Милютина против Сэя и Мальтуса, — справедливо писал И. Г. Блюмин, — представляли тогда выдающееся событие в русской литературе. Если бы эти статьи были переведены на иностранные языки, то они, несомненно, произвели бы большое впечатление и за рубежами России»³. Вместе с идеологами революционной демократии он придавал

¹ В. А. Милютин, Опыт о народном богатстве..., Избранные произведения, стр. 299.

² Там же, стр. 297.

³ И. Г. Блюмин, Экономические воззрения В. А. Милютина, вступительная статья к «Избранным произведениям» В. А. Милютина, стр. 31.

огромное значение разоблачению реакционных, человеконенавистнических бредней Мальтуса, посвятив их опровержению специальную работу «Мальтус и его противники».

Подготовленный критическими статьями В. Г. Белинского к социально-классовой оценке деятелей различных сфер идеологии, Милютин показал классовую позицию Мальтуса и Сэя. «Мальтус,— писал Милютин,— явился как ревностный защитник торизма, как экономист привилегированных классов...»¹. Мальтус стремится представить пауперизм, являвшийся неизбежным следствием господства капитала, результатом непреложных сил и законов природы. Милютин высказал правильную мысль, что провозглашенный Мальтусом естественный универсальный закон народонаселения отражает в действительности отношения, обусловленные господством капитала.

Русский ученый подверг развернутой критике положение Мальтуса о якобы неизбежном дефиците сельскохозяйственных продуктов. Одним из первых в русской литературе он выступил с критикой пресловутого закона убывающего плодородия почвы, показав, что прогресс техники и изменения в экономической организации общества выявят еще неизвестные производительные силы земли и опровергнут на практике выводы Мальтуса. «Производительная сила земли... может быть увеличиваема и развиваема до бесконечности»²,— писал Милютин.

В соответствии с запросами экономического развития России, выдвинувшими на первый план задачу ликвидации крепостного права, Милютин подводит русского читателя к взгляду на крупную помещичью собственность как важнейшее препятствие использования производительных сил земли. Он указывает, что нельзя ссылаться на недостаток земель в качестве причины замедленного роста сельскохозяйственного производства,— «до тех пор, пока распределение поземельной собственности останется на таких же основаниях, на каких оно существует ныне»³.

Свой оптимизм в оценке будущности человечества русский просветитель подкреплял, однако, идеалистической идеей о якобы целесообразном устройстве природы и общества, неизбежно ведущем людей к всеобщему счастью. Он искал не специфический закон народонаселения, характерный для определенного способа производства, а общие для всех времен и постоянные законы роста народонаселения.

---

¹ В. А. Милютин, Мальтус и его противники, Избранные произведения, стр. 61.

² Там же, стр. 135.

³ Там же, стр. 136.

Ложному учению Мальтуса Миллютин не мог противопоставить научного объяснения законов роста народонаселения.

Заслугой Миллютина является то, что он отделил учение Смита от взглядов более поздних буржуазных экономистов и показал нисходящую линию развития буржуазной политической экономии.

К середине XIX в., пишет Миллютин, экономическая наука уже находится в состоянии кризиса: «Рассматривая теперешнее состояние политической экономии, мы встречаем везде одни только развалины, обломки прежних учений...»¹.

Миллютин подверг глубокой критике воззрения Сэя, а вместе с тем и метод вульгарной политической экономии. Он отметил три черты, характерные для теории Сэя: предпосылку о существовании гармонии, солидарности интересов в условиях капитализма, защиту несостоятельного положения о соответствии производства потреблению и, наконец, безусловную защиту капиталистического строя в целом, признание его разумным, совершенным общественным устройством. Миллютин характеризовал Сэя как поборника интересов буржуазии: «Сей сделался любимым, привилегированным экономистом *«bourgeoisie»*»².

Миллютин критиковал и мелкобуржуазного экономиста Сисмонди. Он показал, как классовая принадлежность Сисмонди ограничивала его позицию в экономических вопросах. «Ревностный защитник бедных классов, Сисмонди был в то же время аристократом по рождению и по симпатиям; его задушевная мысль... состояла в том, чтоб соединить улучшение судьбы всех классов общества, и особенно низших, с упрочением в государстве существования богатой и могущественной аристократии»³.

Миллютин подверг глубокой критике воззрения русского представителя вульгарной политической экономии — Бутовского. Критика Миллютиным книги Бутовского «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии» отражала не только чисто теоретические расхождения, но и столкновение двух различных концепций социально-экономического развития России.

За различным отношением Миллютина и Бутовского к капитализму скрывался различный подход к решению основной задачи рассматриваемой эпохи — ликвидации крепостного строя в стране.

---

¹ В. А. Миллютин, Мальтус и его противники, Избранные произведения, стр. 39.

² В. А. Миллютин, Опыт о народном богатстве., Избранные произведения, стр. 331.

³ Там же, стр. 339—340.

Милютин боролся против крепостного права и отстаивал интересы развития крестьянского хозяйства против помещичьей собственности. Бутовский в 40-х годах брал под защиту крепостное право, а в период проведения реформы требовал признания помещичьей земельной собственности «во всей ее полноте».

Знаменательно, что орган Греча и Булгарина «Северная пчела», являвшийся, по выражению Герцена, «детисцем полицейской канцелярии», вмешался в полемику Милютина с Бутовским и, взяв под свою защиту Бутовского, выступил против «...сбивчивых и фантастических внушений социализма»¹.

В борьбе с Бутовским Милютин отстаивал принципиальность, последовательность в решении экономических вопросов. Он бичевал Бутовского за повторение ненаучных взглядов Сэя, за эклектическое соединение разнородных представлений.

Значение полемики Милютина с Бутовским заключалось не в положительной трактовке экономических категорий, а в ярком показе противоречивости капитализма.

Милютин и Бутовский с разных позиций подходили к объяснению капитализма. Для Милютина пауперизм был неизбежным выражением основы капитализма и его ярким обличением. Бутовский же обособлял пауперизм от капитализма, рассматривал его как случайное явление. Милютин подвергал резкой критике строй, основанный на стихийном действии экономических сил. Изображая капитализм системой хозяйства, выражающей гармонию и солидарность интересов, Бутовский провозгласил капиталистическое наемное рабство свободной ассоциацией лиц. В то время как Бутовский видел в кризисах лишь случайное уклонение, следствие стечения обстоятельств, Милютин понимал, что кризисы не являются случайным явлением в условиях господства капитала.

Милютин одним из первых не только познакомил русского читателя с социалистическими учениями, но и отстаивал их от карикатурного изображения буржуазными экономистами. Бутовский пытался свести коммунистические учения к требованию установления абсолютного равенства между людьми: «Уменьшите достаток одних, увеличьте достаток других, дайте всем поровну, и все будут довольны и счастливы, опасения кончатся, предосторожности станут бесполезны»², — развязно писал он. Милютин отвергает такое понимание коммунистических и социалистических учений, как вымысел автора «Опыта». В поборниках социализма и коммунизма он видит не

¹ «Северная пчела» № 208, 1847 г., стр. 831.

² А. И. Бутовский, Опыт о народном богатстве, т. 3, Спб. 1847, стр. 391.

сторонников равного раздела благ, а защитников нового экономического устройства, освобождающего трудящихся от порабощения капиталом.

* *
*

Возглавляя борьбу с самодержавием, идеологи революционной демократии стремились сплотить враждебный самодержавно-крепостному строю лагерь демократии. В экономических работах Милютина они видели одновременно с непримиримой враждой к крепостничеству и яркую критику капитализма, отделявшую молодого ученого от буржуазных экономистов. Знаменательно, что Белинский предлагал издателю «Современника» Некрасову передать «в полную редакцию» Милютина разбор всей экономической литературы, помещаемой в журнале¹. Большое значение экономическим работам Милютина придавал впоследствии и Чернышевский.

Идейная связь с корифеями русского освободительного движения 40-х годов дала возможность Милютину поставить и осветить ряд вопросов, служивших предметом экономического исследования вождя русской революционной демократии — Чернышевского, противопоставившего буржуазной экономической науке политическую экономию трудящихся.

Милютин был глубоким и оригинальным писателем. Его взгляды свидетельствуют о высоком уровне развития экономической мысли России 40-х годов прошлого века.

---

¹ См. В. Г. Белинский, Письмо В. П. Боткину 4—8 ноября 1847 г., Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 408.

Глава семнадцатая

БОРЬБА ИДЕЙНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ПЕРИОД РЕФОРМЫ 1861 г.

Сущность реформы и ее значение

Развитие и финал крымской кампании явились военно-политическим выражением тех противоречий, в которых развивалась страна и которые привели к усилению отставания России от передовых стран Западной Европы в экономическом отношении. Это отставание ставило под угрозу существование России как великой державы и еще более явно обнаруживало гнилость крепостнического строя.

Правящие круги крепостнического государства шли на отмену крепостного права, ибо попытки дальнейшего сохранения его могли бы привести для них к потере всех экономических и политических позиций, ослабление которых стало очевидным.

Отмена крепостного права мыслилась и как средство возможного укрепления финансового хозяйства государства. Между масштабами русского государства, его политическим весом в Европе, военным потенциалом, с одной стороны, и состоянием государственных финансов, с другой, оказалось огромное несоответствие. Преодоление последнего могло быть достигнуто лишь устранением главной причины отсталости России — крепостничества, уже давно отмененного в странах Западной Европы.

Отвечая на вопрос, какая сила заставила крепостников взяться за крестьянскую реформу, Ленин писал: «Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*»¹.

¹ В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, стр. 95.

Таким образом, падение крепостного права было подготовлено всем ходом экономического развития, но господствующий класс пошел на реформу прежде всего по политическим мотивам. Речь шла о том, как в условиях серьезной угрозы господству класса крепостников сохранить его политическую и экономическую власть. Необходимо было пойти на уступки крестьянству, перестроить экономическую форму господства дворянства.

Тот факт, что реформу проводили помещики; является для некоторых историков, не преодолевших догму М. Н. Покровского о стихийном превращении крепостнического хозяйства в капиталистическое еще до отмены крепостного права, основанием для вывода, будто реформа была проведена вследствие экономической заинтересованности помещиков в отмене крепостного права. Такой вывод является результатом смешения двух самостоятельных вопросов: 1) *почему* идеологи и руководители помещичьего класса шли на реформу и 2) *как* они защищали экономические интересы помещичьего класса в этой реформе. Расчленив эти два самостоятельных вопроса, легко понять, что помещичий класс, будучи вынужден пойти на реформу, стремился в максимальной мере обеспечить свои крепостнические интересы в этой вынужденной реформе.

Кульминационным пунктом кризиса крепостничества явилась *революционная ситуация 1859—1861 гг.* В период революционной ситуации особенно ярко обнаруживается кризис надстройки. Ленин учит, что одним из главных признаков революционной ситуации является «невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство»¹.

Нарастающая борьба крестьянства не могла не надломить и идеологию господствующего класса, наиболее дальновидные элементы которого все более сознавали невозможность сохранения старых форм господства класса помещиков. Борьба внутри господствующего класса, развившаяся в период Крымской кампании и после нее, показывала, что «верхи не могли жить по-старому».

Однако решающим признаком революционной ситуации 1859—1861 гг. было «обострение, выше обычного, нужды и бедствий» крестьянства и «значительное повышение» его активности², которое нашло свое стихийное выражение в указанных выше «бунтах» и волнениях.

Борьба крестьянства, являвшаяся основой, питательной почвой русского освободительного движения, его революционных традиций, поднялась к середине века на новую ступень и

¹ В. И. Ленин, Крах II Интернационала, Соч., т. 21, стр. 189.

² См. там же, стр. 189—190.

форсировала быстрое развитие революционно-демократического направления русской общественной мысли и резкое расширение сферы его влияния.

Одной из ярких форм проявлений революционной ситуации в идейной жизни страны было «...распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций...»¹

Однако в России в то время не было революционного класса, и революционная ситуация не развернулась в революцию. Вследствие этого отмена крепостного права произошла не революционным путем, а путем реформы, осуществленной руками господствующего класса, реформы, смысл которой заключался в сохранении экономической и политической власти господствующего класса путем изменения форм этого господства и некоторых уступок.

* * *

*

Реформа 1861 г. отменяла крепостное право. Она создавала возможность свободной купли-продажи рабочей силы, т. е. создавала рынок рабочей силы, расширяла сферу товарных и денежных отношений и тем самым способствовала росту капиталистических отношений. Поэтому по своим объективным результатам эта реформа носила буржуазный характер. Однако надо иметь в виду, что Положением о реформе было сделано все для того, чтобы в условиях отмены личной зависимости обеспечить помещикам возможность сохранения старых форм производства и максимально благоприятных условий перехода к новым, капиталистическим формам производства.

По данным А. Васильчикова, в 1861 г. 103,2 тыс. дворян принадлежало 82 466 тыс. десятин², между тем «помещичьи крестьяне в числе 9 795 163 ревиз. душ (по другим сведениям 10 682 400) владели землей в количестве 35 779 014 десятин, что составляет на душу 3,6 десятины»³.

Эти цифры достаточно красноречиво характеризуют масштабы помещичьей монополии на землю.

Чтобы наверняка достигнуть поземельной зависимости крестьян от помещиков, у крестьян было отрезано около $\frac{1}{5}$ их дореформенных наделов. В отдельных губерниях отрезки были особенно велики. Так, в Самарской губернии отрезки составляли 44% всего дореформенного землепользования,

¹ В. И. Ленин, Гонители земства и Аннибалы либерализма, Соч., т. 5, стр. 26.

² См. князь А. Васильчиков, Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, т. I, Спб. 1876, стр. 491.

³ Там же, стр. 494—495.

в Саратовской — 41, в Полтавской и Екатеринославской — 40, в Казанской — 32, в Харьковской и Симбирской — 31% и т. д.¹

Черноземные районы, как известно, были районами преобладания барщины. В этих районах абсолютная величина и относительная доля помещичьих земель была значительно больше, чем в нечерноземной полосе. Реформа продолжила здесь процесс обезземеливания. В нечерноземной полосе отрезки были меньше.

В целом реформа была рассчитана на консервацию дореформенных отношений производства, поскольку это оказывалось возможным, хотя она и носила буржуазный характер².

Отменив принудительный труд, реформа сохранила и расширила формы землевладения и землепользования, соответствующие условиям принудительного труда. Объявив труд свободным, она сократила землевладение, соответствующее условиям свободного труда.

Крестьянское землевладение, которое могло явиться базой развития производительных сил, было урезано, а оставшаяся часть его заключена в тесные общинные рамки.

Постепенное сокращение дворянского землевладения в пореформенный период наглядно показало несоответствие помещичьего землевладения условиям производства. Оно таяло вследствие того, что многим помещичьим хозяйствам трудно было перейти на рельсы капиталистического хозяйствования.

Крестьянин пореформенной России выходил из-под ярма личной зависимости, но реформа 1861 г. создавала условия для утверждения экономической зависимости крестьянина от помещика. В пореформенный период в России были две основные формы экономической зависимости. Одна — чисто вещная, когда крестьянин, теряя свое хозяйство, превращался в наемного рабочего; другая — поземельная, когда крестьянин оставался *формально* самостоятельным производителем, но в силу монопольного положения помещика в качестве землевладельца попадал в зависимость от него и по-старому при помощи своих орудий труда принужден был трудиться на земле помещика.

Наиболее чистая форма *вещной* экономической зависимости начала развиваться внутри крестьянства, разлагавшегося на капиталистически полярные элементы. Наряду с ней развивается *вещная* форма экономической зависимости на базе по-

¹ См. П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. I, М. 1956, стр. 581.

² Официозный историк крестьянской реформы Скребицкий прямо пишет, что обязательность пользования наделом для крестьян была установлена «единственно лишь для того, чтобы предотвратить нарушение существующего хозяйственного строя в помещичьих имениях» (А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. II, ч. 1, Бонн-на-Рейне 1863, стр. 485).

мещичьих хозяйств, перестроившихся на капиталистический лад. Крестьянин из самостоятельного производителя превращается в наемного рабочего.

Хотя эти две однотипные формы экономической зависимости развивались и предвещали в перспективе стать определяющими, гнет помещичьего землевладения был настолько значительным, что отношения экономической зависимости по земле являлись важнейшим тормозящим фактором всего экономического развития пореформенной России.

Эта форма экономической зависимости предполагает землевладельца в качестве главной господствующей фигуры деревни и отработки как обычную форму отношений между крестьянами и помещиками, означающую сохранение полуфеодальной структуры воспроизводства.

В конце XIX в. Ленин писал в книге «Развитие капитализма в России», что «настоящими господами современной деревни являются зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы», что «в чисто русских губерниях преобладают отработки»¹, а не капиталистические формы помещичьего хозяйства.

Земельный фонд, который попал в пользование крестьян, был явно недостаточен для того, чтобы при примитивном уровне агротехники труд на нем обеспечил крестьянину минимальные условия существования, поддержание хозяйства и внесение возросших платежей как государству, так и помещикам.

Этот факт установлен рядом исследований пореформенной русской деревни. Об этом писал Скалдин в своей известной работе «В захолустьи и в столице», вышедшей в 1870 г.² Этот вопрос тщательно изучен и освещен Ю. Э. Янсоном в его «Опыте статистического исследования о крестьянских наделах и платежах», первое издание коего вышло в 1877 г. Янсон изучил этот вопрос и осветил его в порайонном разрезе.

Характеризуя черноземную полосу, автор пишет, что не только средние наделы бывших помещичьих крестьян, но и высшие их наделы в 3—3¹/₃ десятины (по положению 19 февраля), даже наделы части государственных крестьян *«не могут обеспечивать не только уплаты податей и повинностей, но и самых необходимых потребностей крестьянского населения»*³. Янсон приходит к выводу, что «если стать исключительно на

¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 153, 162.

² См. в особенности стр. 46, 94, 213, 214, 248 названной книги Скалдина («В захолустьи и в столице», Спб. 1870).

³ Ю. Э. Янсон, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, изд. 2, Спб. 1881, стр. 71.

точку зрения материальной обеспеченности, то едва ли, впрочем, не всем помещичьим крестьянам черноземной трехпольной полосы было легче, в среднем выводе, при крепостном праве»¹.

Автор приходит к этому выводу на основе фактов, показывающих, что, как правило, наделы были уменьшены, а платежи всякого рода возросли по сравнению с дореформенным периодом.

Характеризуя сущность крестьянской реформы 1861 г., Маркс писал: «...личное рабство уничтожено. Помещики потеряли власть над личностью крестьянина». Но «крестьянин попал в экономическую зависимость от своего прежнего помещика»².

Эта экономическая зависимость резко отличалась от экономической зависимости капиталистического типа. В основе ее лежит зависимость по земле, т. е. по естественному средству труда, а не по средствам производства, являющимся продуктом человеческого труда. В результате этой формы зависимости самый характер производства остается полуфеодальным, так как производство и на поле крестьянина и на поле землевладельца осуществляется крестьянскими средствами труда и трудом мелкого производителя, как это имело место при феодальном строе, сохраняются два звена воспроизводства (в помещичьем и крестьянском хозяйстве).

Такая форма процесса производства не способствует накоплению, расширенному воспроизводству, развитию производительных сил.

Между тем при экономической зависимости капиталистического типа процесс производства осуществляется концентрированными средствами труда, и прибавочный продукт принадлежит владельцу средств производства, что является более благоприятным условием накопления и расширенного воспроизводства³.

Экономическая зависимость, в которую попадал крестьянин после реформы 1861 г., не исключала возникновения и развития капитализма, в условиях которого зависимость по земле начинает дополняться вещной зависимостью. Прибавочный продукт, производимый феодальными методами, становился источником накопления капитала. Такой процесс имел место в пореформенной России в широких масштабах, выражаясь в переходе помещиков-землевладельцев от барщинного хозяйства к капиталистическому. Но консервативный характер

¹ Ю. Э. Янсон, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, изд. 2, Спб. 1881, стр. 73.

² «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, 1952, стр. 14.

³ См. К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. 2, IV том «Капитала», 1957, стр. 103.

этого пути неизбежен, поскольку против конкуренции, которая обычно подгоняет капиталиста, в данном случае имеется жесткий барьер в виде монополии земельной собственности.

Помещики не обладали нужными капиталами и средствами производства, а крестьяне были экспроприированы лишь отчасти; у них оставались предметы, необходимые, говоря словами Маркса, «для практического применения своей рабочей силы».

Однако у них не было достаточного поля труда. Противоречие между абстрактной возможностью установления капиталистических отношений, вытекающее из личного освобождения владельца рабочей силы, и отсутствием в достаточных масштабах других необходимых условий развития капитализма приводило к сохранению старых крепостнических методов производства под внешней оболочкой буржуазных отношений¹.

«Крепостное право,— писал Ленин,— *считается* отмененным. Но на деле у помещиков осталась и до сих пор такая власть в руках (благодаря награбленным ими землям), что они и теперь держат крестьянина в крепостной зависимости — *посредством обработки*»².

Процесс капиталистического преобразования растягивается на длительный срок.

Насколько экономическая зависимость по земле являлась тормозящим фактором, можно судить по тому, что и через 45 лет после реформы, как указывал Ленин, в России «...историческая задача состоит в борьбе с докапиталистическим строем»³. Ленин указывал, что капиталистическое землевладение еще отнюдь не вполне сложилось в России, что и для XX в. характерно преобладание крепостников-помещиков в земледельческом строе России⁴.

Степень капиталистического развития в русском земледелии была такова, что, как писал Ленин, «зачатки капитализма в помещичьем хозяйстве могут и должны быть принесены в жертву широкому и свободному развитию капитализма на почве обновленного мелкого хозяйства»⁵. Ленин указывал, что «в

¹ О степени распространенности и формах крепостнических методов производства в пореформенном земледелии России см. работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», гл. III, § II и III и «Крепостное хозяйство в деревне», а также статьи Н. А. Кабулова и Н. Ф. Анненского в сборнике «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», под ред. проф. А. И. Чупова и А. С. Посникова, т. I, Спб. 1897.

² В. И. Ленин, Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе, Соч., т. 12, стр. 236.

³ В. И. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13, стр. 265.

⁴ См. там же, стр. 386.

⁵ Там же, стр. 265.

массе имений *никакого* помещичьего хозяйства нет, а ведется то же крестьянское хозяйство, земля пашется обессиленной крестьянской лошадью, обрабатывается старым и плохим крестьянским инвентарем»¹.

В таких имениях, как и при крепостничестве, крестьянское хозяйство оставалось производственной основой помещичьего хозяйства.

В годы реформы и после нее борьба за сохранение монополии помещичьего землевладения являлась средством сохранения экономической зависимости феодального типа. Это было целью господствующего класса. Наоборот, борьба за ликвидацию монополии помещичьего землевладения была средством ликвидации такой зависимости и создания свободного от помещичьей кабалы крестьянского хозяйства. В этом состояла цель угнетенного крестьянства.

Эти две противоположные цели двух борющихся классов предопределяли содержание всей борьбы в период реформы 1861 г.

Характеристика направлений экономической мысли

Ленин указывал, что в России в период от 40-х до 60-х годов *«все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»*².

Однако нужно иметь в виду, что 40—60-е годы, к которым относится приведенное выше определение Ленина, были далеко не однородными. Соотношение классовых сил постепенно менялось, классовые противоречия обострялись. Еще в 1848 г. русский царизм оказывал военную помощь европейской реакции, и всякие толки об отмене крепостничества считались крамоллой. Но после Крымской войны царь вынужден был заговорить о необходимости освобождения крестьян. К концу 50-х годов в России назрела революционная ситуация. Борьба против крепостничества породила сложные идеологические конфликты. Возникал вопрос о том, *как* будет ликвидировано крепостничество, *на каких условиях*, каковы будут *формы* нового экономического устройства страны и *взаимоотношения классов*, будет ли страна аграрной или же индустриальной, каковы наилучшие *методы* развития индустрии?

Не случайно в период подготовки реформы дебатировались вопросы о характере и направлении внешнеторговой (таможенной) политики, о характере и исторических судьбах сель-

¹ В. И. Ленин, Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе, Соч., т. 12, стр. 239.

² В. И. Ленин, От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2, стр. 473.

ской общины, о своеобразии экономического устройства стран Западной Европы, о природе капиталистических и социалистических общественных порядков.

Но за всем этим скрывался основной вопрос борьбы классов в период падения крепостного права, который Ленин сформулировал следующим образом: «Возьмите эпоху падения крепостного права. Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения»¹.

Русская экономическая мысль изучаемого периода могла творчески воспользоваться опытом развития не только своей страны, но и стран Западной Европы. Она критически перерабатывала теории, возникшие не только в России, но и на почве развитых противоречий буржуазного общества в Западной Европе, что способствовало усложнению форм идеологической борьбы. Лучшие представители передовой русской экономической мысли высоко поднялись над уровнем буржуазной экономической мысли Запада и превзошли всю демократическую социалистическую литературу домарковского периода.

Не случайно банкротство буржуазной политической экономии «мастерски выяснил» именно «великий русский ученый и критик Н. Чернышевский» (*Маркс*).

Хотя Россия позднее многих стран вступила на путь ликвидации крепостнических отношений и перехода к капитализму, специфические особенности экономического развития России потребовали новой, оригинальной постановки проблемы перехода от крепостничества к капитализму.

Как известно, буржуазная классическая школа, рассматривая капиталистическое общество как естественную форму отношений, соответствующую природе человека, закрывала себе путь к пониманию особенностей докапиталистических форм производства.

Задача исторического исследования сводится у буржуазных классиков, в частности у Смита, не к познанию закономерности

¹ В. И. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13, стр. 216.

стей развития предшествующих форм производства, а к изучению препятствий, которые уклоняли историю от естественного пути, от естественных форм производства, вытекающих якобы из природы человека.

При рассмотрении вопроса о переходе от принудительного труда к вольнонаемному в условиях России необходимо было отделить вопрос об интересах помещиков и о выгодности для них такого перехода от вопроса о влиянии ликвидации принудительного труда на развитие народного хозяйства, на рост производительности общественного труда.

Теоретическое значение такой постановки вопроса заключается в том, что она способствует пониманию противоположности интересов прогрессивного развития общества и частных хозяйственных интересов дворянства, пониманию наличия конфликта между интересами старого господствующего класса и условиями прогрессивного развития общества.

Но такая постановка вопроса означала, по существу, подход к теоретическому обоснованию необходимости революционной развязки отношений крепостного строя, начало которому положил еще Радищев и которое ясно выражено и у декабристов.

Высказывания Сэя о большей выгодности рабского труда были встречены передовыми представителями русской общественной мысли враждебно, несмотря на то, что в тот период Сэй рассматривался еще как крупный авторитет, как ученик Смита.

Разработка проблемы ликвидации крепостничества поднимается на новую ступень в связи с вопросом о судьбе крестьянского хозяйства после отмены крепостной зависимости, об отношении крестьянского и помещичьего землевладения.

При той постановке вопроса о переходе от крепостничества к капитализму, которая ограничивалась лишь проблемой сравнительной выгодности принудительного и вольнонаемного труда и которая характерна для дворянских критиков крепостного права, вопрос о судьбе крестьянского хозяйства и крестьянского землевладения неизбежно отодвигался на задний план и рассматривался как подчиненный, второстепенный.

Перед Смитом эта проблема вообще не стояла. Английские условия разложения феодализма и развития капитализма не ставили перед Смитом вопроса о судьбе крестьянского хозяйства, которое исчезло в Англии к концу XVIII в.

Эту особенность системы Смита и всей английской политической экономии хорошо подметил Чернышевский, писавший, что «английские политико-экономы, вместе со всею английскою публикою, вообще почти не имеют понятия о быте поселянина»

собственника»¹. Чернышевский освещал также вопрос о том, почему континентальные экономисты не дали теоретического анализа крестьянского хозяйства. Для него было ясно, что задача разработки проблемы крестьянского хозяйства выпала на долю русской политической экономии.

Физиократы, как известно, пропагандировали фермерское капиталистическое хозяйство. Французская революция разрешила проблему землевладения более радикально, чем эта проблема ставилась в буржуазной экономической литературе перед революцией. Революция не ограничилась ликвидацией феодальных повинностей. В ходе революции развязанные ею демократические силы смели наряду с феодальными повинностями и феодальные поместья, производственно-экономическая роль которых еще до революции была незначительной, но тормозящее влияние которых на развитие крестьянского хозяйства было велико.

В России исторически сложившаяся в деревне система крепостного хозяйства, существовавшая до самой реформы 1861 г., обуславливала возможность развития капитализма после реформы на базе как крестьянского, так и помещичьего хозяйства.

Положение марксизма-ленинизма, что основой феодализма являлась феодальная собственность на землю, дает ключ к пониманию того, почему к периоду падения крепостничества в России так обострился вопрос о земле, о ликвидации помещичьей собственности на землю.

Практически разрешение вопроса о том, как будет развиваться капитализм, определялось тем, каким образом будет осуществлена отмена крепостного права: а) снизу — революционным крестьянством или б) сверху — господствующим классом.

Первый метод, предполагающий революционное низвержение крепостничества, т. е. ликвидацию политической власти дворян и уничтожение их феодальной земельной собственности, создавал бы наилучшие условия для развития капитализма на базе крестьянского хозяйства.

Второй метод, предполагающий реформу в способе господства класса помещиков, хотя и утверждает отмену личной зависимости крестьян, однако сохраняет важнейший оплот крепостнических форм хозяйства — монополию помещичьей собственности на землю, т. е. монополию, тормозящую развитие производительных сил сельского хозяйства.

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 452.

Борьба за победу крестьянского хозяйства выдвинула в России проблему национализации земли со специфическим классовым содержанием. Ленин считал вслед за Марксом, что в условиях буржуазного общества «мера эта вполне буржуазная»¹ и потому не раз предлагалась буржуазными экономистами.

На Западе, по крайней мере в Англии, эта мера имела целью ликвидацию дани, уплачиваемой буржуазией, уже овладевшей производством, классу землевладельцев. Таким образом, эта национализация мало касалась вопроса о характере самого способа производства. Между тем постановка проблемы национализации земли в России в изучаемый период означала постановку не только проблемы ликвидации дани в пользу помещиков-землевладельцев, но и проблемы изменения самой системы производства, проблему замены помещичьего хозяйства крестьянским.

Проблема ликвидации помещичьего землевладения была поставлена революционными демократами в плане изменения всей системы поземельных отношений, касающихся крестьянства.

Борьба против помещичьей земельной собственности в России имела поэтому иное классовое содержание, а ликвидация помещичьей земельной собственности должна была иметь иные экономические последствия.

Буржуазия в странах, где она овладела земледельческим производством, в борьбе против помещичьей земельной собственности не ставила вопроса о земле, как объекте хозяйства. Она ставила вопрос о земле только как объекте собственности. Крестьянская борьба против помещичьей земельной собственности ставила вопрос о земле, как объекте собственности, в неразрывной связи с вопросом о земле, как объекте хозяйства.

Фигура крестьянина оказалась в центре внимания прогрессивной экономической мысли в России в эпоху отмены крепостного права. Перед русской теоретической мыслью стояли специфические задачи, которые отнюдь не имели готовых решений. Она решала особые вопросы, которые возникли в России. Касаясь как раз периода реформы, В. И. Ленин писал: «В корне ошибочен тот взгляд, что стремление обезземелить крестьян в 1861 году было капиталистическим стремлением, а стремление наделить их землей — антикапиталистическим, социалистическим (лучшие из народников в термине «народное производство» видели навязанный *цензурными* препонами псевдоним социализма). Такой взгляд грешит вопиющей ан-

¹ В. И. Ленин, Земельный вопрос в России, Соч., т. 20, стр. 350.

тисторичностью, перенесением «готовой» формулы Маркса («формулы», применимой лишь к высоко развитому товарному производству) на *крепостническую* почву. В действительности обезземеление крестьян в 1861 году означало в большинстве случаев создание не свободного рабочего в капиталистическом производстве, а *кабального* (т. е. фактически полукрепостного или даже почти крепостного) *арендатора* той же «барской», помещичьей земли. В действительности «наделы» 1861 года означали в большинстве случаев создание не свободного самостоятельного земледельца, а *прикрепление к земле* кабального арендатора, фактически вынужденного отбывать ту же барщину в форме обработки своим инвентарем помещичьей земли за выпас, за выгон, за луга, за необходимую пахотную землю и т. п.»¹

«Формула Маркса», о которой писал Ленин, являлась объективным отражением капиталистической действительности, той действительности, которая воспевалась буржуазной экономией Запада в качестве идеальной.

На первый взгляд может показаться, что отказ от типичной для высокоразвитых стран капитализма формулы трех классов в сельском хозяйстве (землевладелец, фермер, батрак) при решении проблемы отмены крепостничества и выдвижение в качестве центральной фигуры свободного крестьянина со свободным хозяйством является выражением типично мелкобуржуазной идеологии, характерной и для Запада, где ряд теоретиков в условиях выхода из феодального общества и развития буржуазного пытался отстоять самостоятельное крестьянское хозяйство.

Однако внешняя аналогия, которая указана выше, не является выражением наличия какого-либо внутреннего единства между постановкой вопроса о самостоятельности крестьянского хозяйства в России и на Западе.

Во Франции вопрос о мелком крестьянском хозяйстве, его природе, судьбе и перспективах был поставлен в пореволюционный период завершителем классической школы во Франции — Сисмонди. Но вопрос им был поставлен, естественно, в совершенно иной плоскости. Его суть заключалась не в отношениях между крестьянским и помещичьим землевладением, между помещичьим и крестьянским хозяйством, а в отношениях между капиталистическим и мелкотоварным производством, которое разлагалось на капиталистические элементы.

Сисмонди отстаивал самостоятельность крестьянского хозяйства *от капитализма и против капитализма*. В России в тот период самостоятельность крестьянского хозяйства отстаивали

¹ В. И. Ленин, По поводу юбилея, Соч., т. 17, стр. 86.

валась против крепостничества, против помещичьего землевладения и помещичьего хозяйства.

Передовая русская экономическая мысль обосновывала прогрессивную революционную борьбу за победу мелкого (но буржуазного) землевладения против крупного (но крепостнического) землевладения¹, за создание для крестьянства при отмене крепостничества условий самостоятельного хозяйства. Реформа 1861 г. была направлена на то, чтобы не допустить образования самостоятельных крестьянских хозяйств.

По сути дела вся борьба вокруг экономических проблем периода падения крепостного права сводилась, с одной стороны, к защите помещичьего хозяйства, а с другой стороны — к защите крестьянского хозяйства и к критике как помещичьего землевладения, так и основанного на нем помещичьего хозяйства. Речь шла, по существу, о *теоретическом* обосновании и защите, с одной стороны, помещичьего типа, а с другой — крестьянского типа буржуазной аграрной эволюции.

Первый тип предполагает *реформу*, ибо он означает лишь видоизменение форм господства класса помещиков, а не его ликвидацию, означает сохранение экономической основы феодального строя, хотя и в измененном виде.

Второй тип предполагает революционную ломку всего феодального строя, в том числе и его основы — феодальной собственности на землю.

Вокруг этого возникал большой круг разнообразных проблем. Из них в первую очередь следует указать на политическую проблему: вопрос о месте реформы и революции в ходе общественного развития. Постановка этих вопросов ускоряла политическую размежевку либеральных и революционно-демократических критиков крепостного права, обнажала противоположность их политических воззрений.

Защита интересов крестьян, проводимая последовательно, приводила к теоретическому обоснованию крестьянской революции. Она направляется своим острием не только против многообразных форм проявления крепостного права, но и против самой основы — помещичьего землевладения. В качестве прогрессивной формы хозяйства она выдвигает свободное крестьянское хозяйство. Революционная теория поднимается на новую ступень.

Революционная теория ликвидации крепостничества, характерная для дворянского этапа освободительного движения, сводилась к обоснованию ликвидации личной крепостной зависимости и не включала в себя обоснование ликвидации поме-

¹ См. В. И. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13, стр. 206—207.

щичьей земельной собственности. Революционно-демократическая теория ликвидации крепостничества, свойственная новому периоду освободительного движения в России, не ограничивается обоснованием и требованием ликвидации личной зависимости, а выдвигает также задачу ликвидации помещичьего землевладения.

Глубокий демократизм новой революционной теории в России, естественно, выдвигал на передний план вопрос о судьбе трудящихся после падения крепостного права. Вполне понятно поэтому, что в изучаемый период подвергаются самому широкому и всестороннему обсуждению вопросы, связанные с сущностью, природой и характером разных общественных способов производства: крепостничества, капитализма, социализма.

Широкая волна социалистических идей находилась в неразрывной связи с крестьянской революционно-демократической теорией ликвидации крепостничества. Эти социалистические идеи находили многообразные формы проявления.

В связи с вопросом об обеспечении самостоятельности крестьянского хозяйства, естественно, возникал вопрос о *форме* крестьянского хозяйства, который был тесно связан с вопросом о *форме* крестьянского землевладения и землепользования. Именно в этой связи разворачивается дискуссия вокруг общинного землевладения, в разных формах продолжавшаяся в России более полувека.

В период реформы дискуссия вокруг общины приняла такой широкий характер, что подчас как будто отодвигала на задний план все другие вопросы. Между тем в действительности вопрос о *форме* крестьянского землевладения и землепользования не являлся основным вопросом, что весьма ярко сформулировал Чернышевский в своей «Критике философских предубеждений против общинного землевладения». Фактически основным был вопрос о том, какое хозяйство будет определять строй земледелия — крестьянское или помещичье, т. е. вопрос о том, какой тип буржуазного развития станет определяющим.

Но не являясь основным, вопрос об общине занимал видное место в русской экономической литературе периода реформы. Защита общины была для известного круга дворянских идеологов *формой* борьбы за определенный тип прикрепления крестьянского хозяйства к помещичьему и за средство предотвращения классовой борьбы в условиях превращения помещичьего хозяйства в капиталистическое.

Совершенно иное значение имела постановка проблемы общины у представителей русского утопического социализма и революционной крестьянской демократии. Для них постановка проблемы общины была *формой*, с одной стороны,

защиты крестьянских прав на землю, против помещичьей монополии на нее, а с другой — поисков путей некапиталистического развития России, социалистического преобразования страны.

Дискуссия вокруг проблемы общины в своеобразной форме положила начало борьбе буржуазной и социалистической экономических идеологий в России.

Но так как противоречия буржуазного развития в России не могли приобрести еще достаточно осязательные формы, а пролетариат еще не выделился из крепостного крестьянства, социалистическая идеология не могла не принять крестьянской окраски. Реальное историческое значение этой социалистической идеологии определялось прежде всего ее антикрепостническим, крестьянским содержанием.

В период реформы разворачивается и борьба между протекционистами и фритредерами в России. Внешними поводами этой дискуссии явились изменения в тарифах в 1850 и 1857 гг.

Во второй трети XIX в., когда в России уже появились элементы машинной индустрии на капиталистической основе, внутренние противоречия крепостнического хозяйственного строя были настолько остры, что ни фритредерская, ни протекционистская политика сами по себе не могли определить решения важнейших задач экономического развития страны.

Теперь критерий прогрессивности внешнеторговой политики определялся тем, способствует ли она максимально быстрому устранению крепостничества, всяческих крепостнических монополий.

* *
*

Каждый исторический период в связи с специфическими условиями и задачами классовой борьбы, выдвигаемыми на авансцену, создает новый объект идейной борьбы, отношение к которому определяет расстановку идейных течений, возникновение новых течений и исчезновение тех или иных течений, переставших соответствовать характеру задач идейной борьбы и ее научному уровню.

Пользуясь идейным наследством предшествующего этапа, отражая назревшие задачи материальной жизни общества, представители передовых классов в борьбе с идейными силами старых, отживающих классов поднимают экономическую мысль на новую ступень.

Определение главного содержания борьбы классов и ее идейного выражения, давая отправной пункт для оценки течений и направлений экономической мысли, не снимает задачи исследования всех многосложных идейных форм, в которых предстает борьба классов.

Выше (глава одиннадцатая) было указано, что основные направления экономической мысли, возникшие в 30—40-х годах, развивались вплоть до периода падения крепостничества. Обострение классовой борьбы, общий кризис крепостничества, как экономической и политической системы, способствовали обнаружению классовых противоположностей, существовавших направлений. Хотя общая мировоззренческая основа сложившихся еще в 30—40-х годах направлений осталась без существенных изменений, выявлению непримиримых противоположностей в мировоззрениях разных направлений способствовало развитие классовой борьбы и подъем ее на новую, более высокую ступень.

Наиболее передовым направлением общественной мысли России эпохи падения крепостничества было революционно-демократическое направление, вершину которого занимал Чернышевский. Именно в лице Чернышевского русская революционная демократия последовательно отстаивала превращение земли в объект свободного, независимого от помещичьей кабалы крестьянского хозяйства. С этой целью она боролась за ликвидацию помещичьего землевладения. Крестьянское хозяйство, освобожденное от помещичьей кабалы, является исторически прогрессивной формой после поражения крепостничества. Крестьянское хозяйство должно было заменить собой помещичье хозяйство, и на его базе смогли бы развиваться производительные силы.

Изменения в классовой природе хозяйства на земле, превращение земли в объект крестьянского хозяйства невозможны были без изменения в отношениях собственности на землю. Поэтому революционная демократия и поставила вопрос о коренном изменении собственности на землю.

Путь к революции в системе хозяйства революционная демократия в лице Чернышевского видела прежде всего в коренных изменениях собственности на землю. Чернышевский наносил удар по самому фундаменту феодальных отношений, базирующихся, как известно, на помещичьей собственности на землю.

Каковы бы ни были различия взглядов внутри самой революционной демократии, как бы значительны ни были колебания Герцена в сторону либерализма, остается бесспорным, что для всех революционных демократов основой развития производительных сил являлось крестьянское хозяйство, освобожденное от помещичьей кабалы. Ведь все революционные демократы стремились к изменению классового характера хозяйства и к изменению отношений земельной собственности. Они видели, что необходимо революционное вмешательство в эти отношения.

Экономическая теория и программа русской революционной демократии была отражением классовых интересов крестьянства. Она является наиболее глубоким и наиболее зрелым выражением интересов этого класса на определенном этапе развития России. Сочетание у идеологов крестьянства революционного демократизма и утопического социализма приводило к разрыву между субъективными стремлениями этих идеологов и объективно возможными результатами победы крестьянства в революционной борьбе против помещичьего класса. Субъективные стремления идеологов крестьянства заключались в социализме, который, как они полагали, явится результатом крестьянской революции. Между тем объективным результатом крестьянской революции могло быть лишь создание наиболее благоприятных условий для капиталистического развития крестьянского хозяйства, освобожденного от крепостнического гнета и кабальных отношений, базирующихся на помещичьем землевладении.

Эта двойственность в идеологии революционной демократии и разрыв между субъективными стремлениями ее представителей и объективно возможным результатом крестьянской революции отражает стремление угнетенного класса крепостного общества — крестьянства — вырваться из тенет эксплуатации и в то же время объективную неизбежность капиталистической дифференциации крестьянства, вовлеченного в товарное производство.

Отождествление субъективных стремлений идеологов и объективных результатов подготовляемой ими крестьянской революции является серьезной ошибкой, основанной на игнорировании специфических особенностей того этапа освободительного движения, когда идеи утопического социализма и демократические идеи сливались воедино.

Между революционными демократами, как направлением общественной мысли, и всеми другими ее направлениями пролегла прежде всего та глубокая межа, которая отделяет революционеров от реформистов. Даже те направления общественно-экономической мысли, которые шли довольно далеко в борьбе за ликвидацию крепостничества и его остатков, но не доходили до революционного отрицания крепостничества, являются идеологическим антиподом революционной демократии, которая одна стремилась к революционной победе крестьянства в его борьбе против помещиков.

Господствующее положение дворянства в экономике обеспечивало ему господствующее положение и в идеологическом представительстве интересов эксплуататорских классов.

При этом не следует недооценивать как различий, так и единства, имевшихся в воззрениях дворянских идеологов. Идео-

логи господствующего помещичьего класса могут быть сведены к двум крупным группам. Одна часть идеологов дворянства продолжала оставаться на позициях крепостничества, хотя открытые формы защиты крепостничества в годы революционной ситуации оказались уже затруднительными. Другую часть составляли либералы. Либерализм стал получать все большее распространение.

Либерализм является буржуазной идеологией. Переход значительной части идеологов дворянства на позиции либерализма был неизбежным результатом кризиса крепостничества, невозможности удержать старые формы эксплуатации. Наиболее общими характерными чертами либерализма в области экономической мысли являются признание необходимости отмены крепостного права, признание в тех или иных пределах принципа свободной конкуренции, защита буржуазного экономического строя и стремление утвердить этот буржуазный строй методами реформы.

На дворянском этапе освободительного движения главные течения либерализма были помещичьими, дворянскими, на разночинском этапе освободительного движения широко распространился буржуазный либерализм. Последняя четверть века характеризуется также тем, что «народничество расплывалось в либерализме»¹, развивалось либеральное народничество.

Либерализм буржуазный и либерализм народнический так же закономерны, как и дворянский либерализм; эта закономерность заключена в характере классов, идеологическое представительство которых является функцией этих видов либерализма.

Дворянский либерализм, который был главной силой либерального течения в эпоху падения крепостничества, в свою очередь распадался на ряд течений. Однако общим для экономической мысли всех видов дворянского либерализма было: отстаивание помещичьего землевладения, защита помещичьего хозяйства, как хозяйства якобы крупного и потому более прогрессивного, чем крестьянское хозяйство, стремление превратить крестьянское хозяйство в придаток к помещичьему хозяйству на базе монополии помещичьего землевладения.

Экономические идеи, которые развивали славянофилы в период падения крепостничества, должны быть охарактеризованы как идеи правого крыла дворянских либералов. По ряду вопросов общего мировоззрения и в решении многих политических проблем они непосредственно смыкались с крепостнической идеологией.

---

¹ В. И. Ленин, Народническая буржуазия и растерянное народничество, Соч., т. 7, стр. 87.

Другое весьма распространенное течение дворянского либерализма наиболее отчетливо представлено Б. Н. Чичериным. Ярый и откровенный враг демократии и революции, Чичерин боролся против революционной демократии, а затем против марксизма.

Третье течение дворянского либерализма представлял Кавелин, по определению Ленина, «один из отвратительнейших типов либерального хамства»¹. Кавелин являет собой своеобразный симбиоз славянофила и западника. Ленин, говоря о типичных представителях либеральной и демократической тенденций общественной мысли в период реформы, называл Кавелина в качестве представителя либерализма и противопоставлял его Чернышевскому, как представителю революционно-демократической мысли.

Все дворянские либералы формально, декларативно провозглашали необходимость самостоятельного крестьянского хозяйства: одни — на базе общинного крестьянского землевладения, другие — на базе частного крестьянского землевладения. Но по существу они являлись злейшими врагами самостоятельности крестьянского хозяйства. Они были апологетами помещичьего землевладения и помещичьего хозяйства, на базе господства которых хотели осуществить буржуазное преобразование России.

В подходе к решению основных экономических вопросов, ставших в связи с падением крепостничества, между крепостниками и либералами не было принципиальных различий. Борьба между ними была борьбой за меру уступок; различие между ними было различием между двумя способами кабального подчинения крестьянства помещикам. Крепостники предпочитали безнадельного крестьянина. Либералы, опасаясь за помещичье хозяйство, с одной стороны, и боясь пролетариата, как потенциальной революционной силы, с другой, предпочитали крестьянина с наделом, который, по их мнению, был бы более подходящим придатком помещичьего хозяйства. Ленин показал, что борьба между крепостниками и либералами «была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы уступок»².

Борьба против либералов была наиболее актуальной задачей революционных демократов. Тогда, в эпоху 60-х годов, говорит Ленин, «сила крепостников была надломлена: они потерпели, правда, не окончательное, но все же такое реше-

¹ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 13.

² В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, стр. 96.

тельное поражение, что должны были ступать со сцены. Либералы, напротив, подняли голову»¹.

Прикрываясь крестьянофильскими фразами, либералы вводили в заблуждение многих сторонников революционной демократии. Разоблачение либерально-дворянской платформы в период реформы представляет одну из крупнейших заслуг Чернышевского в его борьбе против идеологии господствующих классов, за укрепление революционной демократии. Эпоха падения крепостного права ярко вскрыла глубокую противоположность тех целей, которые ставились перед ликвидацией личной крепостной зависимости дворянскими критиками крепостничества, с одной стороны, и революционно-демократическими критиками его — с другой. Вскрытие этой противоположности — заслуга Чернышевского в первую очередь.

Хотя главным среди господствующих классов был класс помещиков, однако развитие капиталистического уклада в недрах крепостнического общества неизбежно рождало буржуазию. Идеология либерализма соответствовала классовым интересам буржуазии. Но в соответствии с существованием различных прослоек буржуазии и в либеральном направлении, представлявшем интересы буржуазии, было не одно течение. Одна часть русской буржуазии — именно крупная торгово-промышленная буржуазия — была тесно связана с классом помещиков и его правительством, которое и оказывало поддержку известному кругу русских капиталистов. Другая, большая часть русской буржуазии, сформировавшаяся на базе капиталистического развития мелких промыслов, не получала никакой прямой поддержки от правительства. С другой стороны, не у всех групп буржуазии одинаково «увязал коготок» в том «участии в собственности, которое делает из буржуазии половинчатого противника, а зачастую и союзника феодалов»². Интересы и той и другой части буржуазии вступили в противоречие с крепостническими производственными отношениями. В целом это была буржуазия, «которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков»³.

Ленин писал, что «буржуазия боится движения масс более чем реакции. Отсюда — поразительная, невероятная *слабость* либерализма в политике, его полнейшее бессилие»⁴.

¹ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 266.

² В. И. Ленин, Две утопии, Соч., т. 18, стр. 330.

³ В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, стр. 96.

⁴ В. И. Ленин, Две утопии, Соч., т. 18, стр. 327.

Но степень непримиримости по отношению к крепостничеству была у разных групп буржуазии и их идеологов далеко не одинаковой. Одна группа буржуазии и ее идеологов, ярким представителем которых являлся, например, Кокорев, тесно связанный с правительственными кругами, мало отличалась от дворянских либералов. Эта группа, удовлетворяясь ликвидацией личной крепостной зависимости, не только мирилась с монополией помещичьего землевладения, поскольку последнее приобретало форму буржуазной частной собственности, но и исходила из господства помещичьего хозяйства в условиях буржуазного развития, фактически отдавала крестьянство на поток и разграбление помещичьему классу. К этой группе идеологов буржуазии можно отнести помимо Кокорева также Горлова, Бабста и многих других.

Другая группа идеологов буржуазии должна быть отнесена к представителям передовой для того времени буржуазии. Характеризуя эту часть буржуазии, ее идеологию, Ленин в своей работе «От какого наследства мы отказываемся?» взял в качестве примера Скалдина и его произведение «В захолустье и в столице». Известно, что предположение Ленина о том, что Скалдин был участником реформы 1861 г., подтвердилось. Ленин характеризует Скалдина как манчестерца, т. е. как представителя экономического либерализма, как идеолога передовой буржуазии, который выступает «с выдержанной защитой интересов крестьян»¹. Характеризуя таким образом содержание взглядов Скалдина, Ленин целиком присоединяется к оценке Энгельсом Скалдина как либерального консерватора.

Взгляды, в той или иной мере аналогичные взглядам Скалдина, в период реформы развивали Струков, Вернадский, Е. Кор-ко. Это были буржуазные экономисты, энергично боровшиеся против крепостничества. Но борьба велась ими с позиций экономического либерализма. Тот факт, что это течение буржуазной экономической мысли было направлено против крепостничества и отражало требования демократической части русской буржуазии, сам по себе имеет существенное значение. Однако не следует при этом забывать исторические особенности в развитии буржуазии и буржуазной идеологии в России.

Во-первых, буржуазная идеология в России оформилась параллельно развитию крестьянского революционного демократизма и утопического социализма. Этот факт имеет крупнейшее значение. Поскольку революционная демократия и утопический социализм были непосредственными выразителями

¹ В. И. Ленин, От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2, стр. 469.

интересов бурящегося угнетенного класса трудящихся, буржуазия не могла не бояться революционной демократии и ее идеологии. Каждый эксплуататорский класс боится всякого самостоятельного революционного действия класса трудящихся. Буржуазия сплошь и рядом использовала трудящиеся массы тогда, когда она возглавляла то или иное революционное движение и когда она определяла цели и границы революционного действия. Когда же сам угнетенный трудящийся класс имеет свое идеологическое руководство с социалистической идеологией, буржуазия не может не отшатнуться от такого революционного движения и такой революционной теории. Поэтому буржуазная идеология в России не была и не могла быть революционной.

Во-вторых, революция 1848 г. на Западе, являвшаяся реальной угрозой господству эксплуататоров, не могла не оказать существенного воздействия на идеологию всей международной буржуазии.

В-третьих, значительные слои русской буржуазии были заинтересованы в демократизации общественно-экономического строя. Однако следует иметь в виду, что интересы буржуазии ущемлялись наличием крепостной зависимости крестьян, отсутствием свободного рынка рабочей силы. Русская буржуазия по сути дела не имела экономических позиций в земледелии. Она непосредственно на себе не ощущала давления пресса помещичьей земельной собственности. Развитие свободного крестьянского хозяйства создавало бы для буржуазии широкий рынок, способствовало бы ускорению капиталистического развития. Отсюда — сочувственное отношение этой группы буржуазии к крестьянскому хозяйству, к освобождению его от помещичьей кабалы. Отсюда — позиция этой группы буржуазных идеологов в вопросе о выкупных платежах, значительно отличавшаяся от позиции дворянских либералов.

Эта группа буржуазных идеологов стояла за демократизацию аграрного строя в России, она видела необходимость перевода сельского хозяйства на базу крестьянского хозяйства. Однако обстоятельства, отмеченные в двух предшествующих пунктах, и тот факт, что сама русская буржуазия непосредственно не сталкивалась с давлением помещичьей земельной собственности (в России не было класса фермеров-капиталистов), привели к тому, что эти идеологи российской буржуазии оказались неспособными к тому, чтобы стать на путь коренных изменений поземельных отношений.

Они исходили из либерально-реформаторской концепции, что чисто стихийное развитие земледелия после личного освобождения крестьян приведет к упадку помещичьего хозяйства, к победе крестьянского хозяйства, развивающегося на ка-

питалистических началах. Не видя огромной консервативной силы монополии помещичьего землевладения, они были далеки от покушения на нее. Более того, эти буржуазные идеологи даже прославляли земельную собственность помещиков, поскольку последняя принимала форму частной буржуазной земельной собственности. Тем самым аргументация буржуазных либералов в пользу крестьянского хозяйства являлась политически беззубой и практически бесплодной. Но нельзя отрицать того, что при теоретическом рассмотрении вопроса о судьбах экономического развития русского земледелия эта группа русских буржуазных экономистов связывала его прогресс с развитием крестьянского хозяйства, а не помещичьего.

Тот факт, что часть идеологов буржуазии в России 60-х годов могла отстаивать в той или иной мере интересы крестьянства, не стирает резкой грани между этими идеологами и революционными демократами. Они могут отстаивать интересы крестьян лишь постольку, поскольку интересы последних совпадают с интересами буржуазии.

Но какого бы круга вопросов ни коснулось это совпадение интересов, оно не может уничтожить различия интересов буржуазии и крестьянства как классов, тем более в условиях переворота в общественных отношениях. Именно как угнетенный класс, крестьянство может наиболее далеко идти в деле преобразования производственных отношений. Именно как класс, всегда угнетающий, буржуазия с момента рождения и до смерти враждебна всякому широкому движению масс; она боится, как бы борьба против крепостнической эксплуатации не развернулась до борьбы и против буржуазной эксплуатации.

Поскольку часть буржуазных либералов боролась против остатков крепостничества и отстаивала, в тех или иных пределах, интересы крестьян, она играла положительную роль. Однако поскольку такая борьба была ограничена требованием лишь реформы, постольку эта ветвь либерализма становилась вместе с развитием революционного движения все более опасной для революционной демократии, ибо подлинное отстаивание интересов крестьянства требовало революционной ликвидации остатков крепостничества.

Одна из великих заслуг Чернышевского заключается в том, что он вел борьбу со всеми видами либерализма. Он показывает полное тождество программы дворянского либерализма и крепостников, а также особенности идеологов буржуазии. Выступая вначале против феодализма и феодалов, буржуазия все более и более склоняется к примирению с ними и выступает против народных масс, борющихся за революционное улучшение своего положения. Хотя историческая задача, стоявшая перед передовыми силами России, заключалась в ликвидации крепостниче-

ства, а не капитализма, борьба Чернышевского против буржуазной политической экономии, против русских буржуазно-либеральных экономистов имела огромное историческое значение. Разоблачалась фальшь буржуазных свобод, показывались противоречия капитализма и буржуазной экономической теории, прокладывались пути к восприятию в России марксизма. Вместе с тем, разоблачая либерализм, как идеологию реформистских преобразований, Чернышевский показывал его слабость как орудия борьбы против крепостничества и его остатков, укреплял армию революционной демократии, предостерегал ее от колебаний в сторону либерализма.

ДВОРЯНСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Глава восемнадцатая

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА КРЕПОСТНИКОВ

ри характеристике экономической мысли русского дворянства в годы ликвидации крепостничества следует прежде всего выявить идеологию помещиков-крепостников.

Нараставшая борьба крестьянства привела к тому, что открытая защита крепостничества становилась все более одиозной. Это не значит, что крепостническая идеология была изжита. Она лишь получила новые формы и новых представителей, которые открыто не выступали уже в защиту крепостного права, но стояли на страже сохранения и расширения *экономических* монополий помещиков в условиях отмены *личной* зависимости крестьянства. Однако оставались отдельные открытые защитники незыблемости крепостного права.

Наиболее видными представителями идеологии незамаскированного крепостничества в литературе интересующего нас времени являлись Е. Ладыженский, Г. Бланк, Н. Безобразов и С. Голицын. Сочинения этих авторов являются славословием в пользу крепостничества. Так, член Вольного экономического общества Е. Ладыженский в статье «Русский помещик» отвергает установившееся мнение, что «помещик удаляется в деревню для того, чтоб предаваться праздности, собирать доходы с имения, их проживать в свою утеху и коснеть в удалении от движения человеческого, в своем безответном самоугодии»¹. Он силится доказать, что такого положения в России вообще будто бы уже нет, что произведения Фонвизина, Гоголя и Грибоедова потеряли актуальность, их персонажи уже вымерли. Зато Лады-

¹ Е. Ладыженский, Русский помещик, «Труды Вольного экономического общества» № 4, т. II, 1856 г., стр. 67.

женский повествовал о тех «трудах», которые якобы падают на плечи помещика, о «заботе и попечении», которыми он окружает своих крестьян. Свой лубочный, фальшивый очерк Ладыженский завершал декламацией о том, что «занятие помещика в России не только важно, но и не легко»¹.

С еще большим рвением в защиту крепостного права выступил другой член Вольного экономического общества, статский советник Г. Бланк. В статье «Русский помещичий крестьянин» он пытался обелить крепостничество в России, установить коренное различие между крепостным правом на Западе и в России. На Западе, по утверждению Бланка, крепостные подвергались угнетению, в России же для крестьян крепостная зависимость есть охрана от всех зол и несчастий.

Давая исторический экскурс о развитии крепостничества, он называет законодательное закрепление крестьян — лишение их свободы перехода и дальнейшее закабаление в эпоху Петра и Екатерины — величайшим благом для самих крестьян.

Крепостную зависимость Бланк выдавал за социальную форму, будто бы обеспечивающую гармонию интересов помещиков и крестьян, и утверждал, что «действительно, пользы первых премудро связаны нашими учреждениями с выгодами последних и даже самого государства»².

Отвечая В. Безобразову³ на критику своей статьи «Русский помещичий крестьянин», Бланк писал, что иерархия общественного устройства крепостной России составляет «неизменные коренные начала нашего народного быта, ступени трона, основание государственного нашего здания, неразрывную цепь, которая не может оставаться в целостности, если сломать хотя одно из ее звеньев»⁴.

Выступления Бланка и Ладыженского относятся к годам, предшествовавшим изданию рескрипта 20 ноября 1857 г. После этого рескрипта с явно крепостническими рассуждениями выступил Н. Безобразов, напечатавший в 1858 г. в Берлине брошюру, в которой он доказывал ненужность отмены крепостничества в России и возможность обойтись лишь некоторыми изменениями вотчинных прав дворянства⁵.

¹ *Е. Ладыженский*, Русский помещик, «Труды Вольного экономического общества» № 4, т. II, 1856 г., стр. 74.

² *Гр. Бланк*, Русский помещичий крестьянин, «Труды Вольного экономического общества» № 6, т. II, 1856 г., стр. 125.

³ Заметка В. Безобразова против Бланка помещена в «Русском вестнике» № 16, август 1856 г., книга 2, стр. 246—259.

⁴ *Гр. Бланк*, Ответ на заметку В. Безобразова по поводу статьи «Русский помещичий крестьянин», «Труды Вольного экономического общества», т. I, 1857 г., стр. 126.

⁵ См. *Н. Безобразов*, Об усовершенствовании узаконений, касающихся до вотчинных прав дворянства, Берлин 1858.

Назревшая революционная ситуация была причиной того, что Н. Безобразов запретил печатать более 100 экземпляров своей брошюры, обязал издателя перенумеровать все экземпляры, вернуть рукопись и рассыпать набор после напечатания 100 экземпляров¹. Сам автор занимался распространением брошюры негласным путем в тех правительственных и околоправительственных кругах, в которых он надеялся найти благоприятный отклик на свои крепостнические вождедения².

С учетом трудностей прямой защиты крепостничества была написана и «Печатная правда» князем С. П. Голицыным. Обращаясь к крестьянам, он вразумлял их: «Речам пустым не следует поддаваться и не надо забывать, что от кого же вам добра и спокойя ожидать, как не от помещика, которому, известное дело, принадлежит и земля, на которой сидит крестьянин, и угодыя, от которых он кормится»³. Демагогически утверждая, что крепостные крестьяне якобы живут под властью помещиков, «как у Христа за пазухой», Голицын сводил суть предстоящей реформы к фиксации существующих отношений между крепостным крестьянином и помещиком, а не к отмене крепостных отношений.

Последней публичной попыткой отрицания необходимости личного освобождения крестьян как составной части предстоящей реформы было предисловие от издателя к первому номеру «Журнала землевладельцев». Учредитель и издатель журнала — пензенский и казанский помещик А. Д. Желтухин писал здесь, что задачей является не освобождение крестьян или уничтожение крепостного состояния, а «прочное и притом постепенное улучшение их быта»⁴.

Это выступление Желтухина на первый взгляд не вяжется с его общей позицией в отношении крепостничества. Известно, что Желтухин был автором «Проекта освобождения крестьян», составленного еще в 1847 г.

Несомненно, что в 40-е годы сама постановка вопроса о необходимости отмены крепостничества должна была иметь прогрессивное значение. Но если иметь в виду те условия, на которых Желтухин предлагал тогда произвести освобождение, то

---

¹ См. Н. Безобразов, Об усовершеннии узаконений, касающихся до вотчинных прав дворянства, Обязательства издателя.

² См. «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II», т. I, Берлин 1860, стр. 253—254, а также «Колокол», 15 мая 1858 г., стр. 117.

³ «Печатная правда», Спб. 1858, стр. 4.

⁴ От издателя «Журнала землевладельцев», «Журнал землевладельцев», т. I, № 1, 1858 г., отд. 1, стр. 2.

между «Проектом» Желтухина и его предисловием от издателя в первом номере журнала нет существенной разницы.

Между тем в период издания «Журнала землевладельцев» (1858—1860 гг.) вопрос о крепостничестве стоял уже в совершенно иной плоскости. И предисловие от издателя, и «Проект» Желтухина, опубликованный им в последнем номере журнала в 1859 г.¹, не только не способствовали прогрессивному решению крестьянского вопроса, но прямо-таки препятствовали этому.

Каковы основные идеи «Проекта» 1847 г.? Важно отметить, что «Проект» предусматривал переходный период от несвободного состояния к свободному в течение 40 лет².

Основной темой «Проекта» являлся не вопрос об освобождении крестьян, не наделение их землей, а вопрос о наделении помещиков капиталом. «Проект» предусматривал уже в первом пункте, что «все займы, в кредитных установлениях, под залог помещичьих имений сделанные, пересрочиваются на 37 лет, а чистые от залога имения закладываются вновь»³.

Второй пункт гласил: «Помещик дает на каждое крестьянское тягло (мужа с женою) такое количество удобной земли, которое, будучи оценено по наемным на землю ценам, дало бы возможность этому тяглу ежегодно выплачивать в кредитное установление такую сумму, какая, по расчету займа в оном, на его часть придется»⁴.

Желтухин отвергал в качестве нормы наделения землей крестьян их действительные наделы и предлагал принять за норму лишь такое количество земли, которое обеспечивало бы возможность уплаты помещичьих долгов кредитному учреждению.

Крестьяне, как видно из «Проекта», получают лишь *часть* земли, но они должны оплатить долг, падающий *на все* помещичье имение, т. е. и на ту землю, которая остается у помещика.

Понятно, что выкупные суммы за оставляемые у крестьян земли оказались бы в таком случае значительно выше действительной цены земли. Цена земли для крестьян должна по этому проекту составить сумму всего займа, деленную на количество земли, оставляемой крестьянам. При этих условиях каждый помещик стремился бы к максимальному сокращению крестьянского землевладения, потому что, как бы он его ни сокра-

¹ В 1847 г. «Проект» был направлен Желтухиным министру внутренних дел Перовскому и опубликован не был.

² См. А. Желтухин, Проект освобождения крестьян (5 февраля 1847 г.), «Журнал землевладельцев», т. VI, № 24, 1859 г., Приложение № 6, стр. 8.

³ Там же, стр. 2.

⁴ Там же, стр. 3.

щал, сумма, поступающая от крестьян в уплату его долга, осталась бы без изменения.

Сам Желтухин признавал, что цена земли для крестьян будет высокой, но, по его мнению, это можно допустить, если помещик даст крестьянину удобную землю. Кроме того, «крестьянин без труда согласится заплатить высшую цену за ту землю, которую он знает, которая ему отдается навсегда, которая подле него и вместе с которой он получает свободу»¹.

Как видим, защита желаний крепостников Желтухиным была весьма оригинальна. Основанием для уплаты крестьянином высокой цены за землю он выставляет то обстоятельство, что объект покупки остается покупателю «навсегда». По-видимому, Желтухин открыл не известную никому категорию — покупку на время. Зато другой аргумент оказывается откровеннее: автор открыто провозглашает, что крестьянин, уплачивая за землю, одновременно должен оплачивать и свободу, которую он получает вместе с землей.

Какие же выгоды обещает Желтухин крестьянину от осуществления своего проекта? Он писал, что за определенный и ежегодный взнос «умеренной суммы» в продолжение 40 лет крестьянин получит «в вечную собственность участок земли хотя небольшой, но ставящий его вне всякой зависимости от теперешнего владельца»².

Какова степень «умеренности» подлежащих уплате сумм — об этом говорилось выше. На 6-й странице его «Проекта» крестьянину гарантируется жизнь вне всякой зависимости от помещика, а на 7-й говорится, что он не может довольствоваться тем количеством земли, которое ему будет дано, и посему помещик окажется обеспечен «и в отдаче в наем земли своей, и в найме рабочих»³. Здесь прямо заявлялось, что «крестьяне не перестают нуждаться в помещиках» и после реформы⁴.

Таким образом, Желтухин сам же разоблачает свою фальшивую болтовню о независимости крестьянина в результате «освобождения» по его проекту.

Желтухин в 1859 г. остается на тех же крепостнических позициях, которые он занимал в своем заявлении от издателя в № 1 «Журнала землевладельцев» в 1858 г.

Желтухин предлагал систему обязательного выкупа, при этом он считал, что выкупать следует барщинную повинность⁵. Казалось бы, нет существенной и принципиальной раз-

¹ А. Желтухин, Проект освобождения крестьян, «Журнал землевладельцев», т. VI, № 24, 1859 г., Приложение № 6, стр. 3.

² Там же, стр. 6.

³ Там же.

⁴ См. там же, стр. 7—8.

⁵ См. А. Желтухин, Попытка к соглашению, «Журнал землевладельцев», т. VI, № 24, 1859 г., стр. XXIII.

ницы между капитализацией доходов и оброков, с одной стороны, и «барщинской повинности» — с другой. Но согласно проекту Желтухина, между ними имелась весьма большая разница. Он предложил оценить эту «барщинскую повинность» по вольнонаемным ценам. Известно, однако, что между оценкой барщинного труда и вольнонаемной работы существовала при крепостном праве большая разница. Классовый смысл такой организации выкупа Желтухин раскрыл сам, признавая, что «выкупом этой повинности, оцененной по вольнонаемным ценам, поддержится земледелие у помещиков; они будут иметь по крайней мере денежные средства для найма вольных работников»¹. Он осмеливался даже уверять, что для всех крестьян обязательность и справедливость такого выкупа будут якобы совершенно понятны. Что же касается помещиков, то в результате выкупа барщины они «получат такое вознаграждение, на какое только они и могли по справедливости рассчитывать, и будут иметь возможность, получив это вознаграждение, даром наделить крестьян землею в собственность»².

В защите помещичьих интересов цинизм Желтухина не знает границ. Получив вознаграждение, превосходящее сумму всех доходов помещика при крепостном праве, помещик будет «даром» наделить крестьян землею!

По предложенному Желтухиным проекту «не все крестьяне наделаются землей»³, и он прямо утверждал, что недостаток земли на все наличные тягла в каждом имении «вместо вреда принесет огромную пользу»⁴. В качестве доказательства полезности этого он приводил ряд доводов, но наиболее важным, с точки зрения помещиков, было то соображение, что наличие безземельных крестьян будет чрезвычайно важно «для поддержания земледелия и доходов у помещиков рабочими по вольному найму и наемщиками земли»⁵.

Что проект был направлен прямо в ущерб интересам крестьянства и обеспечивал лишь интересы помещиков, этого автор не отрицал. Пытаясь оправдать свою позицию, он утверждал, что сокращение помещичьего землевладения приведет якобы к сокращению поступления товарного хлеба и создаст дефицит в хлебном балансе, что помещичьи хозяйства, как хозяйства крупные, являются будто бы базой улучшения агрикультуры⁶.

¹ См. А. Желтухин, Попытка к соглашению, «Журнал землевладельцев», т. VI, № 24, 1859 г., стр. XXIII.

² Там же, стр. XXIII—XXIV

³ А. Желтухин, Примечания на статьи проекта, «Журнал землевладельцев», т. VI, № 24, 1859 г., стр. XLIV.

⁴ Там же, стр. XLV.

⁵ Там же.

⁶ См. там же, стр. XLVI.

Эта аргументация в пользу помещичьего хозяйства является насквозь фальшивой. Самому Желтухину было известно, что помещичье хозяйство обслуживалось не только трудом, но и инвентарем крестьян. В агротехническом отношении помещичьи хозяйства в крепостной России ничем не отличались от крестьянских хозяйств. Утверждение Желтухина, что сохранение помещичьих имений означает сохранение больших хозяйств, которые будто бы одни способны «двигать земледелие по пути коренных улучшений, требующих риска и жертвований»¹, являлось попыткой отождествить крупное землевладение с крупным хозяйством, что далеко не одно и то же.

Все это значит, что Желтухин, во-первых, был принципиальным противником немедленного личного освобождения крестьян, во-вторых, был сторонником сохранения некоторых натуральных повинностей, в-третьих, ратовал за такие условия освобождения, при которых помещичье хозяйство продолжало бы существовать, опираясь на расширенную монополию землевладения, консервирующую крепостнические формы воспроизводства.

Между тем в одной из старых работ академика Н. М. Дружинина о «Журнале землевладельцев» мы находим утверждение, что Желтухин являлся будто бы «убежденным противником крепостного права» и «эмансипатором». Эти утверждения сочетаются со следующей оценкой и характеристикой деятельности Желтухина. Упомянув о том, что Желтухин остался работать при Гагарине и в процессе политического расслоения дворянского сословия занимал место в рядах консервативной партии, автор исследования делал вывод, что Желтухин решительно солидаризировался с охранителями «национальных устоев» в лице православной церкви, самодержавной власти и дворянства².

С последней характеристикой нельзя не согласиться. Но известно, что Гагарин был представителем и вожаком наиболее крепостнически настроенных правительственных кругов. Можно ли после подобной характеристики или наряду с ней называть Желтухина «эмансипатором»? Можно, если бы было доказано, что его экономическая платформа коренным образом отличалась от его политических позиций. Но таких доказательств нет.

Печатавшиеся Желтухиным в «Журнале землевладельцев» статьи других авторов носили еще более крепостнический характер.

¹ А. Желтухин, Примечания на статьи проекта, «Журнал землевладельцев», т. VI, № 24, 1859 г., XLVI.

² См. Н. М. Дружинин, «Журнал землевладельцев» 1858—1860 гг., ч. I, «Труды Института истории». Сборник статей, вып. 1, М. 1926, стр. 472—473.

Особенно откровенно идеи помещиков были выражены в статье «Мысли по крестьянскому делу помещика Новгородского уезда А. Эттера», опубликованной в V томе журнала. Отмечая признаки «упадка и разорения» в помещичьих имениях, Эттер усматривал главную задачу в том, чтобы способствовать образованию фонда для кредитования помещиков, который послужит «прочным основанием реформе земледелия, сильнейшим двигателем к преуспеянию его в России, и вместе с тем удержит десятки тысяч семейств от разорения и гибели»¹.

Задача «сохранения в хозяйствах помещичьих прежнего порядка» подчеркивалась и в других статьях. Дмитрий Неронов в своих «Письмах звенигородского помещика о современных вопросах» утверждал, что вопрос о способе упразднения крепостного состояния принято у нас называть *вопросом крестьянским*, а это казалось ему несколько односторонним, так как данный вопрос, по его мнению, был «даже более помещичий»². В соответствии с этим всю задачу реформы Неронов сводил к сохранению и укреплению помещичьего хозяйства. Он считал, что «Журнал землевладельцев» должен реабилитировать дворянство и помещичье хозяйство.

Некоторые высказывания «Журнала землевладельцев» о дворянстве напоминают высказывания Бланка и Ладыженского³.

В журнале проводилась мысль, что крепостной труд не препятствовал росту техники⁴.

Весьма показательны высказывания А. Штейна в статье «Взгляд на новый быт с хозяйственной точки». Он писал о крепостном, принудительном труде, что последний был производителен, ибо доставлял помещику возможность обрабатывать значительные пространства земли и избытком произведений содержать себя с семейством, «иногда роскошно, большей частью, прилично». Крепостной труд, уверял автор, был весьма полезен и для других сословий, ибо «все классы народа, не производящие хлеба, донныне покупают хлеб преимущественно помещичий, и во многих местностях по дешевым ценам». Поскольку численность помещичьих крестьян хотя и медленно, но возрастает, их тягла прибывают, он делал вывод, что «оборотный капитал помещика, говоря вообще, не истощался год от году, а по крайней мере оставался в том же положении»⁵.

¹ А. Эттер, Мысли по крестьянскому делу помещика Новгородского уезда., «Журнал землевладельцев», т. V, № 18, 1859 г., отд. IV, стр. 34.

² «Журнал землевладельцев», т. IV, № 14, 1858 г., Приложение № 3, стр. 11.

³ См., например, «Журнал землевладельцев», т. I, № 1, 1858 г., отд. III, стр. 2.

⁴ См. «Журнал землевладельцев», т. III, № 11, 1858 г., отд. III, стр. 97.

⁵ «Журнал землевладельцев», т. VI, № 21, 1859 г., стр. 90.

Трудно не согласиться со Штейном, что крепостной труд давал возможность помещику жить роскошно и даже продавать хлеб по дешевым ценам. Но делать из этого вывод о пользе и производительности крепостного труда мог только рьяный крепостник. И автор шел дальше в своей циничной реабилитации крепостного хозяйства. Он старался доказать, будто крепостное хозяйство в России не переживало кризиса, что его производственная основа не истощилась. Штейн хотел убедить читателя в жизнеспособности крепостного хозяйства.

Весьма пылко защищал «Журнал землевладельцев» крепостное хозяйство от критики его журналом «Современник»¹.

О том, под каким углом зрения «Журнал землевладельцев» подходил к вопросу о наделении крестьян землей, можно составить представление по «Письму к издателю» В. Селиванова. Последний писал, что если наделить крестьян полным количеством земли и сделать их свободными, то они «ни за какие деньги не станут работать на помещика; да, кроме того, и деньги-то у помещиков если и есть, то очень не у многих». Но он боялся и другой альтернативы: если сделать крестьян свободными без земли, «они разбредутся по лицу всея России, и бог знает, какой будет тогда исход?»²

Боязнь дворян потерять после отмены крепостного права крестьянскую рабочую силу была весьма значительна. Поэтому, кроме мер экономического порядка, которые могут сдерживать миграцию крестьянского населения, в «Журнале землевладельцев» предлагались и меры административного порядка. Здесь, как и во многих других случаях, когда необходимо было ущемить права крестьян, «Журнал землевладельцев» ссылался на опыт Прибалтийского края. Н. Никифоров в статье «Северная и Южная Россия» ссылался на пример ост-зейских провинций, где эстляндским крестьянам запрещалось переселяться в другие губернии до тех пор, пока число ревизских душ в этих провинциях не умножится до 140 тыс., и переселяться в города самой Эстляндской губернии, пока число их не дойдет до 120 тыс. Приведя эти данные, автор утверждал, что такое ограничение будет необходимым и в других губерниях³.

Ярко проявилось в «Журнале землевладельцев» стремление не только удержать, но и значительно расширить монополию помещичьего землевладения.

Обсуждая проект организации выкупа, предложенный Головачевым в 7-й книжке «Русского вестника», автор, подписавшийся инициалами В. В., предлагал предоставить помещикам

¹ См. «Журнал землевладельцев», т. III, № 9, отд. III, стр. 1—32.

² В. Селиванов, Письмо к издателю, «Журнал землевладельцев», т. III, № 10, 1858 г., отд. VII, стр. 22.

³ «Журнал землевладельцев», т. I, № 3, отд. VII, стр. 29.

возможность приобретать «с аукционного торга пустопорожние казенные земли и оброчные статьи», остающиеся за наделением крестьян в ведомстве государственных имуществ, со взносом облигаций по их номинальной, а не по курсовой цене, или чем-либо другим в этом роде ¹. Ту же мысль в скрытом виде мы находим в заметке «Крестьянский вопрос в «Русском вестнике», подписанной В. Высотским ².

Если, однако, в этих статьях мысль о необходимости расширения помещичьего землевладения связана с обсуждением вопроса о выкупе и звучит несколько глухо, то в статье Н. Никифорова «Капиталы, работа, земля» она откровенно пропагандировалась, и автор пытается даже теоретически обосновать ее.

«Ни одно сословие в России не трудилось на пользу земледелия столько, сколько дворянство» ³, а между тем в связи с реформой часть земель уйдет из-под власти помещиков. Правда, писал далее Никифоров, взамен их дворянство получит деньги, но оно вынуждено будет обратиться к новым занятиям, промыслам, фабричному делу, потому что «магическое кольцо, окружающее казенные земли, не позволит ему обратиться к старому своему промыслу», приобрести новые земли.

Конечно, дворянство могло бы полученный капитал обратить на улучшение остающейся у него земли и этим усилить производительность. Но на его пути, по мнению автора, оказывался сам Рикардо, полагавший, что «естественный ход земледелия заставляет тогда обращаться к худшим землям, когда недостает лучших». Из этого положения автором делался вывод, что аграрные улучшения в России, при землях «тучных от природы, но не производительно находящихся в руках казны, ненадежны и будут неестественны» ⁴.

Вот какое неожиданное применение получило учение Рикардо, направленное *против* землевладельцев! ⁵ По мнению ав-

¹ См. В. В., Обзор статей, касающихся до улучшения быта поселян, «Журнал землевладельцев», т. II, № 6, отд. III, стр. 18.

² См. «Журнал землевладельцев», т. I, № 1, отд. III, стр. 48.

³ «Журнал землевладельцев», т. IV, № 16, отд. IV, стр. 72.

⁴ Н. Никифоров, Капиталы, работа, земля, «Журнал землевладельцев», т. IV, № 16, отд. IV, стр. 73.

⁵ Следует отметить, что в других случаях «Журнал землевладельцев» боролся с учением Рикардо, чувствуя, что оно своим острием направлено против земельных собственников. Так, например, в большой статье П. Дубенского «О поземельной ренте», печатавшейся в ряде номеров «Журнала землевладельцев» в связи с изложением учения Рикардо о ренте, сказано: «Таким образом, английская политическая экономия выставила землевладельцев в неблагоприятном свете, как людей, интересы которых расходятся с интересами общества» («Журнал землевладельцев», т. IV, отд. II, стр. 6). И автор выдвигает против Рикардо многочисленные «аргументы» вульгарной экономии.

тора, крестьянам землю в собственность передавать нельзя, ибо «тогда рано или поздно пролетариат неизбежен».

Никифоров признавал, что сам по себе небольшой участок земли не дает крестьянину возможности жить в довольстве, нравственно и без нищеты, по делал отсюда вывод, что надобно открыть крестьянству средства «к близкой работе, а потому разместить капиталы в разных руках вокруг него». Для этого и рекомендовалось усилить капиталы дворянства и передать им земли казны, которые до сих пор были мало производительны¹.

В итоге оказывалось, будто бы именно интересы крестьянства требуют расширения дворянского землевладения!

Весьма показательное отношение «Журнала землевладельцев» к общине. Журнал неоднократно откликнулся на происходившую по вопросу об общине полемику между разными органами печати. В нем печатались разные мнения по этому вопросу.

Как защитникам, так и противникам общины не по душе была та аргументация, которая выдвигалась в защиту общины в «Современнике» и против общины — в «Экономическом указателе». Например, А. Остафьев откровенно писал о том, какую роль предназначали помещики общине. Он признавал, что одна из главных причин, почему общинное начало должно пока удержаться в России, заключается в том, что община в некоторой степени обеспечивает «спокойствие в имениях и правильную уплату государственных податей и следующей помещику ренты. Но она еще более нужна для того, чтобы при выходе крестьян из-под опеки, в которой они находились, на некоторое время поддержать их в известной подчиненности, чтобы хмель личной свободы в прямом и переносном смысле прошел по возможности спокойнее»².

Желтухин также считал, что «общинное владение необходимо для обеспечения платежей *круговою порукою*»³.

В теоретическую аргументацию за и против общины «Журнал землевладельцев» не внес ничего нового, но он показал образец открытого помещичье-крепостнического подхода к решению этой проблемы.

Несомненно, прав был Н. М. Дружинин, когда он указывал в своем исследовании о «Журнале землевладельцев»⁴, что между позицией последнего и позицией так называемых либе-

¹ См. «Журнал землевладельцев», т. IV, № 16, отд. IV, стр. 78.

² А. Остафьев, Об общинном праве, «Журнал землевладельцев», т. I, № 3, отд. VII, стр. 30—31.

³ А. Желтухин, От издателя «Журнала З. З.», «Журнал землевладельцев», т. VI, № 24, стр. L.

⁴ Н. М. Дружинин, «Журнал землевладельцев» 1858—1860 гг., ч. II, «Ученые записки Института истории», т. II, стр. 308.

ралов из дворян не было принципиальных различий. Он правильно критиковал Иванюкова и других либеральных историков реформы, которые пытались провести принципиальную границу между позициями дворянских либералов и «Журналом землевладельцев». Но сам Н. М. Дружинин допустил ошибку в оценке исторической роли «Журнала землевладельцев» и его идеологии.

Мысль Н. М. Дружинина заключалась в том, что позиция «Журнала землевладельцев» была объективно наиболее прогрессивной. Правда, Н. М. Дружинин вскрывает классовый характер журнала и прямо называет его дворянским. Но к сожалению, это правильное положение переплетается у него с неправильной оценкой роли журнала, и не случайно. Это вытекало из неверной оценки Дружининым роли помещичьего хозяйства в период реформы.

Полемизируя с либеральными историками, Н. М. Дружинин не заметил того, что сам он не преодолел той постановки вопроса об идейной борьбе в период реформы, которая дана была этими историками.

Н. М. Дружинин сводил основной экономический вопрос периода реформы к проблеме перестройки помещичьего хозяйства, и логически обоснованным оказывается у него вывод, что «Журнал землевладельцев» был органом, наиболее последовательно отстаивавшим условия буржуазного развития.

В действительности же борьба шла, как указывает В. И. Ленин, между помещиками и крестьянами за то, какое хозяйство — помещичье или крестьянское — станет базой буржуазного развития России, т. е., как это иначе формулирует Ленин в другом месте, борьба шла между капитализмом помещичьим и капитализмом демократическим, крестьянским.

Только в том случае, если игнорировать борьбу капитализма демократического, крестьянского против капитализма помещичьего, можно прийти к выводу, что та идейная группа была объективно наиболее прогрессивной, которая шла дальше в деле монополизации условий труда в руках класса помещиков, в деле обезземеливания крестьян.

В действительности же, чем больше земли было бы сконцентрировано у помещиков после реформы и чем более крестьяне были бы отягощены платежами, тем более солидную базу имела бы «отработочная система частновладельческого хозяйства, т. е. прямое переживание крепостничества, а вовсе не капитализм»¹.

¹ В. И. Ленин, Некритическая критика, Соч., т. 3, стр. 552.

А это значит, что нет оснований пересматривать ту характеристику, которую дали «Журналу землевладельцев» его демократические современники¹.

Эта характеристика не может быть оспорена и ссылкой на правильно отмеченный факт *принципиальной* однородности экономических позиций «Журнала землевладельцев» и дворянских либералов. Из этого факта следует сделать вывод о крепостнической сущности экономической программы дворянских либералов, а не об антикрепостническом якобы характере идеологии «Журнала землевладельцев».

Но при этом следует иметь в виду, что либералы и крепостники, сблизившиеся в период подготовки реформы, поскольку и те и другие защищали помещичий тип буржуазного развития, пришли к принципиально однородной экономической программе разными путями, с разным политическим и теоретическим вооружением. Дворяне-либералы были критиками крепостничества, как системы, предполагающей право на личность крестьянина, крепостники же, как правило, пытались идеализировать отношения между помещиками и крепостными крестьянами; либералы *требовали* отмены личной крепостной зависимости крестьян, крепостники, как правило, стали соглашаться на ее отмену. Когда отмена крепостной зависимости была предрешена, сумма разногласий между либералами и крепостниками, естественно, резко сократилась.

Для дворян-либералов было характерно *формальное* допущение самостоятельного крестьянского хозяйства. Стремление к максимальному поглощению помещичьим хозяйством крестьянского ярко выражено в идеологии «Журнала землевладельцев», отражавшего чаяния крепостников.

---

¹ Это не значит, что мы должны принимать ту размежевку идейных сил, к которой склонялись они. Только ленинский анализ реформы и идейных течений периода реформы показал нам действительные границы между ними.

Глава девятнадцатая

СЛАВЯНОФИЛЫ

Видное место в литературе периода падения крепостного права занимают *славянофилы*, весьма своеобразно выражавшие классовые интересы дворянства. Славянофилы издавали в период подготовки реформы два журнала: «Русская беседа» и «Сельское благоустройство». «Русская беседа» выходила с 1856 по 1860 г., а «Сельское благоустройство», официально рассматривавшееся как приложение к «Русской беседе», но фактически бывшее отдельным журналом, выходило в 1858 и 1859 гг.

Общий анализ мировоззрения славянофильства, так же как и анализ их политических воззрений, не входит в задачу данной работы. В советской литературе правильно оцениваются их мировоззрение и политические взгляды как реакционные. В области философии славянофилы проповедовали мистически-идеалистическую поповщину, а в области политики смыкались во многом с представителями так называемой «теории официальной народности».

«Славянофильство» и «западничество» появились в России одновременно. И то и другое было своеобразной идейной реакцией на кризис крепостного хозяйства в России. Как западники, так и славянофилы отмечали противоречия крепостной экономики. Славянофилы относились отрицательно к опыту Запада, но и они критиковали существовавшую тогда экономику России.

Характерно отношение одного из виднейших деятелей славянофильства — Ю. Ф. Самарина — к тому идейному повороту Гоголя, который вызвал знаменитое письмо Белинского к нему.

В письме к К. С. Аксакову, относящемся к 1847 г., Ю. Ф. Самарин признавался, что книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» произвела на него «тяжелое и грустное впечатление», какого он давно не испытывал¹.

¹ См. Ю. Ф. Самарин, Письма, Сочинения, т. XII, М. 1911, стр. 189.

В письме Н. Ф. Самарину от 16 марта 1852 г. Ю. Ф. Самарин писал, что «Гоголь искал примирения с тою действительностью, для беспощадного обличения которой он был рожден. Он искал идеалов там, где их нет, оправдывал то, что внутренне осуждал, что должен был осуждать. Незаконность этой сделки с действительностью, ложность этих уступок смутно им сознавалась, и, может быть, в этом сознании заключался источник его внутреннего неудовлетворения»¹.

В письме к графине А. Д. Блудовой, датированном 26 ноября 1848 г., А. С. Хомяков пишет: «Как бы каждый из нас ни любил Россию, мы все, как общество, постоянные враги ее, /разумеется, бессознательно. Мы враги ее, потому что мы иностранцы, потому что мы господа крепостных соотечественников, потому что одураем народ...». По его мнению, общество России — деспотическое, а «это уж никуда не годится»².

Славянофилов иногда изображают как апологетов *всего* русского. Между тем это не так. Хомяков писал, что современная ему Россия дворян «...и радуется, и теснит; об ней мы можем говорить с гордостью иностранцам, а иногда совестимся говорить даже со своими»³. Упомянув о крепостном *праве*, он сомневался, можно ли назвать правом такое «наглое нарушение всех прав»⁴. В известной статье «О старом и новом» он писал, что «мерзость рабства законного, тяжелая для нас во всех смыслах, вещественном и нравственном, должна вскоре искорениться общими и прочными мерами»⁵.

Славянофилы критиковали крепостное право по политическим и экономическим мотивам. В своей записке «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе», написанной осенью 1856 г., Самарин заявлял, что крепостное право нигде «не было так исторически беззаконно, как у нас, а потому так вредно и опасно в политическом отношении»⁶. Говоря о причинах поражения в Крымской войне, Самарин указывал, что «мы сдались не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием»⁷.

Самарин считал, что главная причина всех неудач войны состояла в крепостничестве. По его мнению, «не в Вене, не в Париже и не в Лондоне, а только внутри России завоюем мы снова принадлежащее нам место в сонме Европейских дер-

¹ См. Ю. Ф. Самарин, Письма, Сочинения, т. XII, стр. 356—357.

² А. С. Хомяков, Письма, Сочинения, т. VIII, М. 1900, стр. 391.

³ А. С. Хомяков, О старом и новом, Сочинения, т. III, М. 1900, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 13.

⁵ Там же, стр. 18.

⁶ Ю. Ф. Самарин, О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе, Сочинения, т. II, М. 1878, стр. 30.

⁷ Там же, стр. 17.

жав»¹. Он доказывал, что крепостное право «отживает свой век, становится в тягость и что терпение народа истощается»². Он говорил о необходимости ликвидации принудительного, крепостного труда, ибо производительность труда находится «в прямом отношении к свободе трудящегося»³.

Подобно Самарину, Кошелев считал, что «безуспешно и неблагоприятно защищать самое крепостное право на людей, уже осужденное на смерть, как общественною совестью, так и современными требованиями промышленности, народного благосостояния и государственной безопасности».

В числе главных факторов, свидетельствующих, по мнению Кошелева, о том, что крепостной строй изжил себя, он указывал на то, что «обеднение помещичьих крестьян видимо возрастает». Причину этого обеднения он видел в возрастающей эксплуатации крестьян помещиками, в росте оброков, величина которых «соразмеряется не столько с количеством и качеством крестьянской земли, сколько с личными их добывками, с нуждами и требованиями расточительных и корыстолюбивых помещиков». Он указывал и на рост «господских запашек», которые, как полагал Кошелев, за последнее время «удвоились и утроились»⁴. Кошелев понимал, что обеднение крестьянского хозяйства означает ухудшение производственной основы помещичьего хозяйства.

Кошелев с оптимизмом говорил о новой системе хозяйствования, которая возникнет после уничтожения крепостного права. Выражая интересы помещиков, он заявлял, что после реформы половина земель и почти все леса (сохранение которых за помещиками у него не вызывало сомнений) окажутся «полной собственностью помещиков, и дворянству будет настоять на необходимости лично распоряжаться своим хозяйством или отдавать свои земли в аренду людям, могущим дельно заняться этой отраслью промышленности». Посему доходы дворян должны от этого «не убавиться, а усилиться»⁵.

Следует подчеркнуть, что славянофилы не ограничивали задач экономического развития страны только сельским хозяйством. Тот же Кошелев пропагандировал необходимость строительства железных дорог. Он рассматривал отмену крепостничества как условие развития промышленности и писал, что

¹ Ю. Ф. Самарин, О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе, Сочинения, т. II, стр. 18.

² Там же, стр. 65—66.

³ Там же, стр. 37.

⁴ А. И. Кошелев, О необходимости уничтожения крепостного состояния в России, Записки (1812—1883 годы), Приложения, Берлин 1884, стр. 87.

⁵ А. И. Кошелев, Предполагаемые меры к освобождению крестьян, Записки (1812—1883 годы), Приложения, стр. 153.

«успехи заводской и фабричной промышленности требуют увеличения числа вольных работников»¹.

Возникает вопрос, как могло оказаться, что идеологи господствующего класса помещиков, экономическая мощь которого базируется на крепостничестве, выступали против последнего? Не следует ли считать, что если тот или иной идеолог дворянства критикует крепостничество, то он уже перешел на позиции другого, противоположного класса?

Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего иметь в виду, что речь шла о переходе от крепостничества к капитализму, т. е. от одной формы эксплуатации труда к другой ее форме. Известно, что развитие капиталистических отношений происходило в недрах феодального общества, и некоторая часть русских помещиков, продолжая господствовать и извлекать доходы крепостническими методами, использовала часть прибавочного продукта на организацию промышленных предприятий, принимала прямое участие в капиталистических предприятиях, в торговле, особенно внешней. Чувствуя невозможность удержать старые, крепостнические формы производства, боясь революционного взрыва со стороны угнетенных масс крестьянства, стремясь его предотвратить, известная часть идеологов помещичьего класса сама стала на путь критики крепостничества. Она была склонна к известным уступкам для того, чтобы не потерять все. Эта склонность проявлялась тем сильнее, что она была уверена, что дворянство в состоянии будет приспособиться к новым условиям и не потеряет своего господствующего положения при переходе к капиталистической системе эксплуатации.

Главная историческая идея славянофилов заключалась в том, что в западноевропейских странах в основе общества лежит борьба сословий, групп, тогда как в России государство возникло будто бы особым путем (без завоевания, характерного для Запада) и не заключает в себе борющихся сил.

В письме к Могену (сентябрь 1840 г.) Самарин заявлял, что «у нас не было и не могло быть завоевания, благодаря географическому положению страны и малочисленности пришлого племени, следовательно, не могло быть ни феодализма, ни военной аристократии, в смысле самостоятельного принципа, ни враждебных отношений побежденных к победителям, следовательно, не могло быть и революции и конституции»².

Этот тезис был центральным в исторической концепции славянофилов. Он служил, в частности, реакционной апологии рус-

¹ А. И. Кошелев, О необходимости уничтожения крепостного состояния в России, Записки (1812—1883 годы), Приложения, стр. 91.

² Ю. Ф. Самарин, Письма, Сочинения, т. XII, М. 1911, Приложение 1, стр. 454.

ского самодержавия, которое, по мнению Самарина, есть «неограниченная власть, единая и народная, действующая во имя всех, идущая во главе нашей цивилизации и совершающая у нас, без ужасов революции то, что на Западе является результатом войн, междоусобных, религиозных смут и общественных переворотов»¹.

Будучи откровенными врагами революции, славянофилы обращались к самодержавию для разрешения тех задач, которые стоят перед Россией. Они предлагали очистить русское общественное развитие от чужеродных напластований и западных институтов, по их мнению, насильственно внедренных в России.

Сплошь и рядом можно обнаружить у славянофилов идеализацию допетровской России. Но на этой основе нельзя делать вывод, что славянофилы были противниками капитализма. В системе их взглядов идеализация старины являлась, с одной стороны, способом критики крайних форм проявления крепостничества, приведших к резкому обострению классово-борьбы в России, угрожавшей политической безопасности класса помещиков, а с другой стороны, средством удержать в условиях буржуазного развития некоторые феодальные учреждения, которые, по их мнению, могли бы смягчить противоречия капиталистического развития².

Опыт Запада подвергается ими критике не потому, что на Западе господствуют буржуазные отношения, а потому, что и буржуазные отношения на Западе, по мнению славянофилов, приняли специфическую форму, производную от особенностей всего исторического процесса Запада, развивавшегося в конфликтах и социальной борьбе. Отсюда возникала задача найти такую форму экономических отношений, которая принесла бы с собой классу помещиков все преимущества западного экономического строя, но вместе с тем исключила все те социальные конфликты, которыми сопровождается развитие на Западе.

Слабость научной и логической аргументации в защиту особых исторических путей развития России восполнялась словословием во имя православия и многочисленными богословскими трактатами, одобренными большими дозами мистицизма. Это привело славянофилов, по существу, к отказу от науки.

¹ Ю. Ф. Самарин, Письма, Сочинения, т. XII, Приложение 1, стр. 456—457.

² Интересны в этом отношении следующие слова одного из наиболее правых славянофилов, И. В. Киреевского: «Если старое было лучше теперешнего, из этого еще не следует, чтобы оно было лучше теперь. Что годилось в одно время, при одних обстоятельствах, может не годиться в другое, при других обстоятельствах» (И. В. Киреевский, Полное собрание сочинений в двух томах, под ред. М. Гершензона, т. I, М. 1911, стр. 109). К старому «возвращать ее (Россию.— Н. Ц.) насильственно было бы смешно, когда бы не было вредно» (там же, стр. 120).

Хотя *формально* учение славянофилов о самобытных путях развития России считается центральным в системе их взглядов, по *существу* оно не является таковым. Утверждая, что Россия раньше развивалась самобытным путем, славянофилы отнюдь не были уверены в том, что и в будущем ей прочно обеспечена самобытность развития. Беспреданное подчеркивание самобытного развития России вытекало из боязни того, что Россия пойдет по пути Запада. В стихийном развитии России они не видели никаких прочных основ для того, чтобы она избежала пути Запада, и полагали, что нужно *создать* условия, при которых Россия может избежать путей Запада. Они пропагандировали *возможность* особого пути развития России, но отнюдь не утверждали, что он неизбежен.

Славянофильство было течением помещичьим. Между тем в литературе имеется попытка противопоставить славянофилов представителям помещичьего класса. Исследователь славянофильства С. Дмитриев писал, что по двум основным важнейшим экономическим сторонам крестьянской реформы (вопрос о земле и выкупе) славянофилы заняли позицию «...отличную от позиции обоих главных помещичьих лагерей капюна реформы — «плантаторов» и «манчестерцев». В отличие от первых славянофилы ратовали все время за освобождение крестьян с землей, в отличие от вторых они предлагали относительно меньшие цифры выкупа, т. е. «дани», помещикам. Буржуазное содержание выступает в этих позициях помещиков-славянофилов достаточно определено»¹.

Верно, что славянофилы спорили со сторонниками безземельного освобождения, но по существу между позициями славянофилов и сторонниками безземельного освобождения не было никаких принципиальных различий. В. И. Ленин считал, что «борьба сторонников обезземеления и сторонников «наделения» выражала *тогда* зачастую лишь борьбу двух *крепостнических* лагерей, спор о том, выгоднее ли для помещика иметь арендатора (или «отработочного» крестьянина) вовсе без земли или «с наделом», т. е. прикрепленного к месту, привязанного клочком земли, с которого нельзя жить и на котором приходится искать «заработков» (идти в кабалу к помещику)»².

Славянофилы были одной из группировок внутри помещичьего класса, и ни о каком принципиальном противопоставлении их «плантаторам» не может быть и речи. Весьма характерно, что виднейший представитель славянофильства А. С. Хомяков отстаивал *сокращение* крестьянского землевладения, при-

¹ С. С. Дмитриев, Славянофилы и славянофильство, «Историк-марксист» № 1, 1941 г., стр. 93.

² В. И. Ленин, По поводу юбилея, Соч., т. 17, стр. 86.

чем более чем на одну треть¹. Ни Самарин, ни Кошелев не только принципиально не исключали возможности сокращения крестьянского землевладения, но даже пытались обосновать необходимость этого в отдельных случаях. Реформу, урезавшую крестьянские наделы, они славословили, как справедливейший акт.

Нельзя придавать словам славянофилов о необходимости наделения крестьян землей не свойственный им смысл. Они отнюдь не стремились обеспечить создание самостоятельного крестьянского хозяйства, независимого от помещичьего хозяйства.

Об этом свидетельствуют сами славянофилы. Один из видных представителей славянофильства, главный их деятель в редакционных комиссиях, Ю. Ф. Самарин, писал, что «земля отводится крестьянам в обрез, отнюдь не для промышленных предприятий, а для обеспечения их существования, в меру их потребностей, и что добываемые из нее продукты составляют не более, как насущный хлеб»². Яснее сказать трудно. И нельзя найти ни одного высказывания славянофилов, которое бы находилось в противоречии с этим мнением Самарина.

Не случайно в «Сельском благоустройстве» была напечатана статья помещика К. Троцины, который писал, что «слишком щедрый надел землею скорее был бы для них (крестьян — Н. Ц.) вреден в нравственном отношении, избавляя их от необходимости дорожить своим трудом»³.

И славянофилы, и плантаторы стремились превратить помещичье хозяйство в основу земледельческого производства. Разница была лишь в методах достижения одной и той же цели.

Этих обстоятельств не учитывает Дмитриев, когда он пишет, что славянофилы «стоят за освобождение крестьян, за освобождение непременно с землей»⁴. Никогда не следует забывать, каково назначение земли, с которой освобождаются крестьяне.

Позиции славянофилов весьма ярко раскрываются и в их подходе к вопросу о выкупе. Славянофилы вообще не мыслили освобождение крестьян без выкупа. У них нет двух проблем: 1) освобождение крестьян с землей и 2) выкуп. Для них это одна проблема, так как ими допускалось лишь освобождение

¹ См. А. С. Хомяков, Об отмене крепостного права в России. Письмо к Я. И. Ростовцеву, Сочинения, т. III, стр. 306.

² Ю. Ф. Самарин, Крестьянское дело с 20 ноября 1857 г. по июнь 1859 года, Сочинения, т. III, М. 1885, стр. 459.

³ К. Троцина, О крестьянском поземельном наделе, «Сельское благоустройство», кн. IV, 1858 г., стр. 168.

⁴ С. С. Дмитриев, Славянофилы и славянофильство, «Историк-марксист» № 1, 1941 г., стр. 93.

обязательно с выкупом. Выкуп для них — источник средств для перестройки помещичьего хозяйства, средство принудить крестьянина продолжать и в новых условиях работать на помещика. Они прямо потребовали капитализации феодальных повинностей. «Сельское благоустройство» писало, что надо принять «за основание оценки для оброчных имений ныне бездоимочно платимый оброк; а для барщинских, где земли много, но где она, несмотря на ее плодородие, дешева, — стоимость 140 рабочих дней»¹.

Таким образом, очевидно, что в момент перехода от крепостных отношений к буржуазным славянофилы стремились к получению новых доходов.

Вся линия славянофилов в определении размера выкупной суммы направлена на обоснование *максимальных платежей в пользу помещиков*, на *максимальное обременение платежами крестьянского хозяйства*, чтобы заставить тем самым крестьян работать на помещика, обеспечить помещичье хозяйство дешевой рабочей силой, кабальными арендаторами и денежным капиталом.

Призрак «резни»² являлся одним из важнейших побудительных мотивов мнения славянофилов о необходимости освобождения крестьян с землей. В освобождении без земли они видели угрозу самодержавию и стремились к созданию таких хозяйственных форм, которые обеспечили бы укрепление *политических* форм помещичьего господства. В поисках бесконфликтных форм *буржуазного* развития заключалось своеобразие экономических взглядов славянофилов.

У славянофилов можно обнаружить много высказываний в пользу капитализма и свободной конкуренции. Так, например, Кошелев в 1852 г. в статье «Поездка русского земледельца в Англию на Всемирную выставку» писал, что взгляды Луи Блана и французов, требующих, чтобы правительство вмешивалось во все промышленные производства и оказывало им деятельное содействие, «...победоносно опровергнуты примером Англии, достигшей в промышленном отношении высшей степени развития», хотя «Британское правительство совершенно не вмешивается в дела частных лиц и компаний»³.

Но вместе с тем славянофилы выступали против неограниченного действия принципа свободной конкуренции. Ошибку стран Западной Европы они видели в том, что эти страны стали на платформу неограниченной свободы конкуренции.

¹ «Сельское благоустройство», кн. 2, 1858 г., отд. «Библиография книг и журнальных статей по улучшению быта крестьян», стр. 72—73.

² См. А. С. Хомяков, Об отмене крепостного права в России. Письмо к Я. И. Ростовцеву, Сочинения, т. III, стр. 296.

³ А. И. Кошелев, Записки (1812—1883 годы), Приложение 3, стр. 25.

В этой связи Самарин подвергает глубокому сомнению правильность основных положений политической экономии, основанной на признании свободной конкуренции, как верховного принципа экономической жизни.

Чем же хочет заменить Самарин систему буржуазной политической экономии и экономической политики, связанной с идеями энциклопедистов, т. е. ту систему, которую принято называть экономическим либерализмом? Характерно, что Самарин искал ответ на возникшие у него сомнения у Фридриха Листа и утверждал, что последний впервые указал на ошибки, в которые впадали экономисты единственно оттого, что «применяли масштаб справедливости и пользы, употребительный в частном быту, к вопросам общественным, народным и государственным»¹.

Эта преувеличенная оценка Листа, основателя немецкой «национальной системы», показывает направление идейных стремлений славянофильства. Между тем ясно, что, как бы ни относиться к протекционизму Листа, его система и метод являлись шагом назад по сравнению с системой классической школы. Метод Листа был принят на вооружение одной из наиболее отвратительных и реакционных разновидностей вульгарной экономики — исторической школой, явившейся теоретической посредницей между господствующими классами феодального и буржуазного общества и фактически борющейся за сохранение феодальных монополий в условиях буржуазного развития. Но Лист провозглашал возможность особых путей буржуазного развития Германии, и эта идея была созвучна стремлениям славянофилов к тому, чтобы внести поправки в западные формы буржуазного развития. Не отрицание, а лишь видоизменение этих форм является программой славянофилов. Они стремились к превращению помещичьего хозяйства в коммерческое предприятие, отлично понимая, что без наемного труда такое предприятие существовать не может. Самарин писал, что славянофилы очень хорошо понимают «не только неизбежность батрачества, но совершенную его необходимость, как одного из существенных органов сельскохозяйственной промышленности»². Поэтому фраза Самарина «сохрани нас бог от пролетариата...»³ носит риторический характер. Батрак есть пролетарий. Речь идет у Самарина о предупреждении полной пролетаризации. Мысль Самарина и других славянофилов вообще вер-

¹ Ю. Ф. Самарин, Рецензия на сочинение С. Иванова «Поземельная собственность и общинное владение», Сочинения, т. III, стр. 149.

² Ю. Ф. Самарин, О теперешнем и будущем устройстве помещичьих крестьян в отношениях юридическом и хозяйственном, Сочинения, т. III, стр. 31.

³ Ю. Ф. Самарин, Замечания на предложение самарского помещика о выкупе крестьянской земли, Сочинения, т. III, стр. 480.

тится вокруг идеи создания кадров оседлых пролетариев, связанных с землей, идеи, исходящей из интересов землевладельцев, желающих «...привязать сельских рабочих посредством наделения их землей»¹.

Разрешение этой экономической задачи поможет, по мнению славянофилов, решению социально-политической проблемы, состоящей в устранении острых классовых противоречий. Однако простое наделение землей крестьян славянофилы считали недостаточным средством для того, чтобы разрешить эти задачи; они полагали, что необходимо закрепить такую форму землепользования, которая не допускала бы мобилизации крестьянской земельной собственности и тем самым смягчала социальные противоречия. Этой формой, по мнению славянофилов, является общинное землевладение, рассматриваемое ими как чисто русское учреждение. С точки зрения Самарина, «сельская община есть факт первостепенный, самородный и бытовой. Возражать на него было бы так же бесполезно, как спорить против климата, языка или физиономии народа. Его надобно просто признать»².

Есть ли что либо общее в вопросе об общине между славянофилами и русскими социалистами-утопистами? Только то, что и те и другие отстаивали точку зрения, согласно которой после отмены крепостного права община должна быть сохранена. Те и другие были против разрушения общинного землевладения. Вот все, что объединяет их.

Но этого совсем недостаточно, чтобы говорить об их идейном родстве, ибо важно не простое признание общинной формы, а *содержание*, которое вкладывается в эту форму, понимание ее исторической роли.

По существу эти два учения об общине враждебны друг другу, имеют совершенно противоположные основы. Славянофилы сами достаточно ясно понимали это. Кошелев писал, что Чернышевский защищает мирское пользование или владение землей, и в этом соглашался с ним вполне. Но поскольку Чернышевский смотрел на общину как на «ступень к другой, где явится общинный труд со всеми принадлежностями», то следовать за Чернышевским Кошелев отказывался³.

К сказанному Кошелевым следует добавить, что он не только не был расположен следовать за Чернышевским, но, наоборот, шел в совершенно противоположном направлении.

¹ В. И. Ленин, Предисловие к 1-му изданию книги «Развитие капитализма в России», Соч., т. 3, стр. 6.

² Ю. Ф. Самарин, Четыре записки по крестьянскому делу, написанные в августе 1857 года, Сочинения, т. II, стр. 171.

³ См. А. Кошелев, По поводу журнальных статей о замене обязательной работы наемною и о поземельной общинной собственности, «Русская беседа», кн. IV, 1857 г., стр. 170.

Самарин не замедлил сочувственно откликнуться на позицию, занятую Кошелевым в отношении Чернышевского.

Славянофилы не противопоставляли принципы общинной собственности и частной земельной собственности, как исключаящие друг друга. По их мнению, общинная и частная собственность должны выполнять разные социальные функции. Частная собственность должна служить средством развития производства, общинная собственность — средством недопущения роста социальных контрастов.

Помещичье землевладение должно базироваться на частной собственности, и только крестьянское хозяйство должно развиваться в рамках общинного землевладения. Из того, как размежевывали славянофилы помещичье и крестьянское землевладение, совершенно ясно, что они отнюдь не желали увеличения размеров общинного землевладения.

Больше того, славянофилы сокращали крестьянское землевладение, которое, как известно, было общинным землевладением. К тому же славянофилы не были безусловными защитниками общинного землевладения.

Защищая общину, Самарин не считал ее за форму безупречную, так как общинное землевладение «имеет свои существенные неудобства», и в нем таится внутреннее противоречие, свидетельствующее, что эта форма «не может быть вековой, а должна изменяться путем свободного развития»¹.

О том, в каком направлении может произойти изменение общинного землевладения, Самарин отчетливо говорит в другом месте: «Мирское владение, если того потребует естественный ход экономического развития, легко перейдет в личное; удерживая общину теперь, как факт существующий, мы не связываем несколько будущего»².

Общинное землевладение в системе славянофилов есть средство решения определенных социально-политических и экономических задач известного исторического периода, но не форма развития производительных сил. Общинное землевладение, по мнению славянофилов, является институтом, который «охраняет общественное спокойствие, общественный порядок и общественную незыблемость»³.

Славянофилы опасались, что крестьянин, не прикрепленный к земле общинным землевладением, может оказаться ненадежной опорой помещичьего хозяйства. Они требовали фиксации

¹ Ю. Ф. Самарин, Рецензия на сочинение С. Иванова «Поземельная собственность и общинное владение», Сочинения, т. III, стр. 169.

² Ю. Ф. Самарин, Четыре записки по крестьянскому делу, написанные в августе 1857 года, Сочинения, т. II, стр. 171.

³ А. И. Кошелев, Об общинном землевладении в России, Берлин 1875, стр. 54.

общинного землевладения, как средства привязать к земле крестьянина. Кошелев писал, что «земледелие — не такое ремесло, за которое люди берутся, от которого отстают и к которому легко возвращаются: земледелие есть работа самая трудная, крайне неприятная и притом по вознаграждению самая недостаточная»¹.

Средством против бегства от этой неприятной работы и является, по мысли Кошелева, община, так как «общинное владение землею привязывает» крестьян к определенным местам².

Славянофилы поддерживали общину и как форму, которая обеспечит выполнение крестьянами повинностей. Самарин писал, что мирское владение «представляет для правительства и для владельцев самую надежную и ничем незаменяемую гарантию исправного отбывания всех повинностей»³. Ту же мысль развивал и Кошелев⁴.

Отстаивая незыблемость помещичьей монополии на землю, славянофилы являлись идеологами помещичьего типа буржуазного развития. С этой точки зрения они не были ни одинокими, ни оригинальными.

Их особенность заключается не в том, что они отстаивали какой-то другой тип развития, а в том, что они не верили в возможность сохранения политического и экономического господства класса помещиков в условиях буржуазного развития без вмешательства государственной власти в игру стихийных сил. Отсюда их критика экономического либерализма и симпатии к исторической школе, к разного рода идеологам буржуазных реформ, направленных на укрепление капитализма путем смягчения отдельных его противоречий.

Если учение славянофилов об общине взять не изолированно, а в связи с их взглядами на размежевку помещичьего и крестьянского землевладения, на условия оставления надельной земли в руках крестьянства, то миф о прогрессивном характере взглядов славянофилов по вопросу об устройстве крестьянского хозяйства, распространявшийся в литературе, рассеивается, как дым.

Славянофилы были злейшими врагами подлинной самостоятельности крестьянского хозяйства. Они боролись за сохранение крепостнических, по существу, монополий дворянства, за

¹ А. И. Кошелев, По поводу журнальных статей о замене обязательной работы наемною и о поземельной общинной собственности, «Русская беседа», кн. IV, 1857 г., стр. 161.

² См. там же, стр. 157.

³ Ю. Ф. Самарин, Обзор оснований, принятых при составлении положения об улучшении быта помещичьих крестьян и дворовых людей Самарской губернии, Сочинения, т. III, стр. 454.

⁴ См. «Русская беседа», кн. IV, 1857 г., стр. 164; см. также А. И. Кошелев, Записки (1812—1883 годы), Приложения, стр. 75.

сокращение и ограничение крестьянского землевладения. Их выкупные проекты были проектами продажи, а не ликвидации феодальных повинностей: выкупные суммы эти были грабежом крестьянского хозяйства с целью обеспечить помещичье хозяйство денежными средствами и заставить крестьянина пойти в кабалу к помещику. Община служила в системе славянофилов той дополнительной цепью, которая привязала бы крестьянина к помещичьему хозяйству, а экономической основой последнего продолжала бы служить феодальная, по сути, монополия на землю.

Поскольку в период падения крепостничества борьба развернулась по существу вокруг вопроса — капитализм демократический или помещичий, — экономическая программа славянофилов могла играть только консервативную и реакционную роль. Они защищали помещичьи интересы в капиталистическом развитии сельского хозяйства, против интересов крестьянства.

Несмотря на свои либеральные фразы, славянофилы были не менее энергичными защитниками помещичьей монополии и на землю, чем наиболее откровенные крепостники.

Не случаен также факт затухания идейной борьбы между славянофилами и западниками в период крестьянской реформы, как отмечают сами славянофилы и западники. Что касается такого западника, как Кавелин, то его трудно в этот период отличить от славянофилов. Но и Чичерин не скрывал своих симпатий к славянофилам периода полемики вокруг реформы.

Свидетельства славянофилов и западников по вопросу об их отношении друг к другу можно рассматривать как вполне искренние, соответствующие действительному положению вещей. Разнообразие идеологического оформления, принимавшего иногда очень сложные и пестрые формы, не может скрыть от нас единства помещичьих идеологов в борьбе против крестьянской демократии.

Глава двадцатая

ОТКРЫТАЯ АПОЛОГЕТИКА ГОСПОДСТВА ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (Б. Н. ЧИЧЕРИН)

В истории русской общественной мысли XIX в. заметное место занимает Б. Н. Чичерин¹, экономические взгляды которого явились ярким выражением одного из течений дворянского либерализма. Быстро расставшись с демократическими и республиканскими идеями, навеянными на него в студенческие годы, Б. Н. Чичерин уже в предреформенные годы оформился как идеолог той части дворянства, которая поняла невозможность удержать старые формы хозяйства и потому идейно возглавила борьбу за отмену крепостного права сверху. Он надеялся в новых условиях буржуазного развития не только найти место дворянству, но и обеспечить ему сохранение верховенства в экономической и политической жизни страны.

Чичерин является представителем тех групп господствующего класса России, которые самым неприкрытым образом обнаруживали свое раболепство перед буржуазным Западом. Он использовал наиболее вульгарные западноевропейские теории для защиты и оправдания экономических позиций эксплуататорских классов России вообще, дворянства в особенности.

В период подготовки реформы Чичерин выступил в «Атенее» со статьей под названием: «О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян», в которой вполне обнаруживаются те цели, которые преследовал дворянский либерализм, выступая за ликвидацию крепостного права.

¹ Борис Николаевич Чичерин родился в 1828 г. в семье богатого помещика и откупщика. Высшее образование получил в Московском университете. В 1857 г. он защитил диссертацию на тему: «Областные учреждения в России в XVII в.». С 1861 по 1868 г. состоял профессором Московского университета. После отставки из университета он занимался общественной деятельностью в Тамбовском земстве. В 1881 г. был избран на пост московского городского головы. Уволенный с этого поста в 1883 г. по распоряжению Александра III, Чичерин последние годы жизни провел в своем имении Караул, Тамбовской губернии. Умер Чичерин в 1904 г.

Говоря о предстоящей реформе, Чичерин заявлял, что ее целью является «полнейшая свобода лиц в экономических их отношениях»¹. Но под полнейшей свободой он понимает лишь формальную, юридическую свободу, а не экономическую независимость крестьян. Уточняя цель реформы, он разъяснял, что «цель, к которой мы стремимся, есть замещение труда обязательного трудом свободным, основанным на договоре отдельных лиц»².

Для Чичерина задача сводится к замене одного вида труда на помещика другим. Речь идет о том, чтобы в помещичьем хозяйстве труд принудительный был заменен трудом вольнонаемным. Чичерин считал, что крестьянское хозяйство не следует ликвидировать, оно должно существовать рядом с помещичьим. Он не требовал обезземеливания крестьян и даже отстаивал наделение крестьян землей, полагая, что крестьянин «должен получить ту землю, на которой он сидит...», чтобы быть «не бездомным батраком, а оседлым собственником»³.

Чичерин считал, что интересам укрепления политического и экономического господства дворянского класса соответствует сохранение крестьянского хозяйства. В крестьянском хозяйстве он искал базу для сохранения и укрепления помещичьего хозяйства, с которым связывал дальнейшее развитие производительных сил России.

Он имел в виду, что освобождение с землей, сохраняя крестьянское хозяйство, создает резервуар дешевой рабочей силы, воспроизводство которой падает на помещичье хозяйство лишь в периоды труда; тем самым будет устранена часть трудностей капиталистического преобразования помещичьего хозяйства, поскольку оно предполагает наличие в руках помещика в значительных массах переменного капитала. Кроме того, освобождение с землей мыслилось Чичериным при помощи выкупа, а выкупные суммы могли быть использованы в качестве капитала.

Для Чичерина освобождение с землей — не средство действительного экономического освобождения крестьянского хозяйства, а всего лишь необходимое звено в плане экономического преобразования помещичьего хозяйства.

Ни у одного из либералов второй половины XIX столетия антидемократизм не выражен так открыто, как у Чичерина. Он являлся злейшим врагом демократии. Его преклонение перед капиталистическим Западом было сопряжено с нена-

¹ В. Н. Чичерин, О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян, «Атеней», ч. 1 (январь и февраль), № 1—8, 1858 г., стр. 493.

² Там же.

³ Там же, стр. 497, 501.

вистью к деятелям революционной демократии и к демократическим институтам.

В связи с возникновением проекта бессословного волостного управления Чичерин заявил: «В волостные старшины не пойду, а жить под начальством мужика не желаю»¹. Народные крестьянские массы, по Чичерину, есть лишь объект деятельности для высших сословий, но никак не возможный субъект общественной и государственной деятельности².

Декларируя полнейшую свободу экономической деятельности, Чичерин вместе с тем отстаивал сохранение сословного строя и сословных границ и — что самое важное — сохранение дворянства в качестве высшего сословия. Дворянство, утверждал Чичерин, «призвано играть значительную роль в судьбах России»³, ибо оно является не стариком, доживающим свой век, и не жертвой, ожидающей своего «заклания от окрепшего среднего сословия»⁴, а сословием, которое «современно русскому государству»⁵.

Выступая против крестьянского хозяйства, Чичерин утверждал, что «самое хищническое хозяйство есть хозяйство крестьян, которые обыкновенно берут из земли все, что можно, и не возвращают ей ничего. С точки зрения общественной пользы, гораздо выгоднее, чтобы неимущий крестьянин обрабатывал землю, нанимаясь у капиталиста, нежели чтобы он сам приобретал ее в долг. В первом случае земля дает много, во втором — почти ничего»⁶.

Возникает вопрос: не следует ли рассматривать Чичерина защитником прогрессивного капиталистического хозяйства в земледелии и его антикрестьянские высказывания объяснять желанием упрочить более передовые формы хозяйства? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательный. Выступая против крестьянского хозяйства, Чичерин в то же время отстаивал интересы помещичьего хозяйства. Однако далеко не всякое помещичье хозяйство было капиталистическим. Скрытая предпосылка противопоставления крестьянского хозяйства капиталистическому заключается у Чичерина в ложном отождествлении капиталистического и помещичьего хозяйства.

Чичерин прибегает к обычной подстановке: крупную земельную собственность он отождествляет с крупным капита-

¹ Б. Н. Чичерин, Воспоминания. Земство и Московская дума, М. 1934, стр. 34.

² См. Б. Н. Чичерин, Несколько современных вопросов, М. 1862, стр. 94.

³ Там же, стр. 141.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 88.

⁶ Б. Н. Чичерин, Воспоминания. Земство и Московская дума, стр. 162.

листическим производством и защищает первую под видом второго.

В период подготовки реформы он отстаивал высокие выкупные платежи в пользу помещиков, представлявшие собой капитализированный оброк, т. е. прибавочный продукт феодального происхождения. Формально Чичерин заявлял, что он против выкупа личности крепостных, но вместе с тем утверждал, что «справедливая оплата» наделов может быть установлена только «валовой оценкою тех экономических выгод, которые помещик извлекает из имения, отходящего от него вследствие освобождения крестьян»¹. Но ведь валовая оценка этих выгод означала оценку всего прибавочного продукта, а если капитализировать весь прибавочный продукт, то получится сумма, включающая цену личности крепостного и крепостянских наделов.

Чичерин защищал помещичье хозяйство не в меньшей мере, чем сторонники безземельного освобождения. Он лишь более реалистически оценивал возможности и трудности помещичьего хозяйства в процессе его преобразования после отмены крепостничества.

Хотя по внешности Чичерин ратовал за помещичье хозяйство, как якобы капиталистическое, фактически он защищал наиболее отсталые и консервативные формы производства в земледелии. Наличие в руках помещиков монополии на огромные земельные массивы, естественно, толкало их на путь использования этой монополии в качестве экономической основы своего хозяйства, что неизбежно вело к консервации наиболее отсталых крепостнических методов производства.

Весьма характерна в этом отношении картина собственного имения Чичерина, ярко показывающая, какова была истинная роль помещичьего землевладения в пореформенной России. В «Воспоминаниях» Чичерин писал, что из наследства отца ему досталось имение Караул «с 1600 десятин земли, с великолепною усадьбою, но весьма небольшими доходами». Там имелись заливные луга, достаточное количество леса, но пашни мало и «часть ее постоянно сдавалась крестьянам под заработки, что избавляло от необходимости иметь свой оборотный капитал»². Как видим, земельная собственность использовалась и самим Чичериным в качестве средства, избавляющего от необходимости иметь «свой оборотный капитал».

Чичерин был безоговорочным защитником реформы 1861 г. именно в силу ее крепостнического характера. Во вступительной лекции, читанной в Московском университете

¹ *В. Н. Чичерин*, О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян, «Атеней», ч. 1 (январь и февраль), № 1—8, 1858 г., стр. 497—498.

² *В. Н. Чичерин*, Воспоминания. Земство и Московская дума, стр. 56.

28 октября 1861 г., он говорил, что «освобождение крестьян не только великая мысль, но и как исполнение, оно делает честь России»¹.

Между тем «исполнение» реформы отличалось от проекта Чичерина, так как от крестьянских земель были сделаны отрезки и сохранено общинное землевладение. Ни тому, ни другому отклонению от его проекта Чичерин не придавал значения, так как оно не затронуло интересы помещиков, которые отстаивал Чичерин.

Чичерин хотел укрепить дворянскую земельную собственность, а не крестьянскую, и демагогически утверждал, что дворянская земельная собственность более устойчива, чем крестьянская.

В борьбе за землю между помещиками и крестьянами он откровенно становился на сторону первых и вел непримиримую борьбу не только с демократической программой, но и с буржуазно-дворянской литературой, обращавшей внимание на обременение крестьянского хозяйства земельной нуждой и непомерными платежами. Он был против всякого ослабления нажима на крестьянское хозяйство, хотя и не мог отрицать факта его тяжелого положения. Он писал, что после реформы «и среди крестьян с течением времени обнаружилось ухудшение состояния»².

Характерно, что Чичерин, считавший крестьянские платежи ничтожными, решительно выступал против хотя бы незначительного повышения помещичьих платежей государству. В «Задачах нового царствования» он утверждал, что помещики уже платят от 10 до 13% с чистого дохода, и если «взвалить на них еще несколько процентов, то они не выдержат»³.

Если в период реформы Чичерин считал возможным входить в обсуждение земельных отношений между помещиками и крестьянами, то в последующий период он пытался отрицать даже наличие крестьянского вопроса. В «Задачах нового царствования», говоря об ухудшении положения крестьянского хозяйства, Чичерин писал, что лекарство не заключается в улучшении хозяйственного быта крестьян, о чем теперь так громогласно толкуют, в увеличении наделов, в уменьшении тяжестей, в переселениях, в уравнивании податей. Сам «...грозный крестьянский вопрос не что иное, как миф, созданный во-

¹ Б. Н. Чичерин, Несколько современных вопросов, стр. 25.

² Б. Н. Чичерин, Воспоминания. Московский университет, М. 1929, стр. 14. См. также его «Воспоминания. Земство и Московская дума», где он пишет: «Благосостояние крестьян, которое временно поднялось в первые годы после освобождения, совсем пошло под гору» (стр. 60).

³ «К. Победоносцев и его корреспонденты». Письма и записки, т. I, полутом I, М.—Пгр. 1923, стр. 111.

ображением петербургских либералов, не без значительного влияния социалистов»¹.

Оберегая дворянское землевладение, Чичерин ревностно искал лекарство против упадка и трудностей крестьянского хозяйства в реорганизации крестьянского сектора землевладения. По его утверждению, единственно разумной мерой было бы «довершение освобождения русского крестьянства освобождением его от общины и круговой поруки...»².

В общинном землевладении Чичерин усматривал корень зла и против общины направил главный удар. Борьбу против общины Чичерин начал еще в период подготовки реформы³. Но, борясь в этот период против демократических идей крестьянской ломки крепостнического строя, Чичерин понимал подчиненное значение вопроса о форме крестьянского землевладения. В последующий же период он выдвигал на первый план вопрос об общинном землевладении. Чичерин еще задолго до столыпинской реформы ухватился за ту единственную меру — ликвидацию общины, которая могла ускорить ломку части старых отношений в аграрном строе России и открыть известный простор развитию капитализма в ее сельском хозяйстве без ломки и устранения основного устоя крепостнических отношений в русской деревне — помещичьей монополии на землю.

Сохранение этой монополии и было основным символом веры экономической программы Чичерина. Ведь после 1861 г. стало очевидно, что реформа завязала новый узел весьма острых противоречий, готовых вновь обнаружить себя в грозной для господствующих классов форме. И Чичерин выдвигает на первый план пороки общинного землевладения, объявляя последнее главным препятствием для экономического развития страны.

Чичерин относится к числу тех противников общины, о которых Ленин говорил, что они высказывались «против общины вовсе не с точки зрения интересов крестьян»⁴. Маскируя экономические последствия дворянского господства, они причину обеднения крестьянства видели во всем, за исключением действительной его причины — помещичьей монополии на землю. Следуя по стопам Мальтуса, Чичерин уверял, будто бы не помещичья монополия на землю, а рост крестьянского населения ведет к обеднению народных масс.

¹ «К. Победоносцев и его корреспонденты». Письма и записки, т. I, полутом I, М.—Пгр. 1923, стр. 110.

² Там же, стр. 111.

³ См. *В. Н. Чичерин*, Обзор исторического развития сельской общины в России, «Русский вестник», т. I, кн. 1, 2, февраль 1856 г.

⁴ *В. И. Ленин*, От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2, стр. 469.

Отрицая вообще экономические потенции крестьянского хозяйства, Чичерин был готов отдать его на поток и разграбление, лишь бы спасти дворянские латифундии. Его рассуждения о крестьянском хозяйстве были противоречивы: главное препятствие для развития крестьянского хозяйства он усматривал то в общине, то в неспособности крестьянского хозяйства перейти от экстенсивного к интенсивному производству вследствие отсутствия якобы у крестьянства навыков к сбережению. По мнению Чичерина, крестьянское хозяйство в общине или вне общины оказывалось в равной мере неспособным к прогрессу.

В то время как другие идеологи помещичьего класса считали, что только общинное крестьянство, огражденное от конкуренции, могло явиться социальной опорой господства помещичьего класса, Чичерин полагал, что такой опорой может быть и выраставшее в деревне кулачество. Он был уверен, что кулачество не сможет составить решающей конкуренции помещичьему хозяйству, развивающемуся на рельсах капитализма.

Чичерин отстаивал не только капитализм против социализма, но и капитализм помещичий против капитализма, который развился бы на базе демократического переворота. Эти две линии борьбы всегда переплетались у Чичерина, но в предреформенный период, естественно, вторая линия была у него преобладающей. Ею вдохновлялось известное «Письмо к издателю «Колокола»», написанное Чичеринным в ноябре 1858 г. Это «Письмо» было политической программой помещичьего либерализма в его борьбе с революционной крестьянской демократией. В нем звучит животный страх помещика перед крестьянской революцией. Чичерин поучал Герцена, что в связи с обострением классовых противоречий «нужно не раздувать пламя, не растравлять язвы, а успокаивать раздражение умов». Он считал, что необходимо «успокаивать бунтующие страсти, отвращать кровавую развязку»¹.

* *
*

Во второй половине 70-х годов Чичерин поместил в «Сборнике государственных знаний», издававшемся под редакцией В. П. Безобразова, статьи, одна из коих посвящена критике Лассаля, а другая — критике Маркса. Статьи эти были воспроизведены в дальнейшем в 5-м томе «Истории политических учений» Чичерина, а основные идеи их повторены в книге «Собственность и государство».

¹ Б. Н. Чичерин, Несколько современных вопросов, стр. 14.

Анализируя категории буржуазной экономики, Чичерин безоговорочно защищал сложившиеся буржуазные порядки. Он отрицал противоречия капитализма, воспевал «гармонии» буржуазного общества.

Маркс писал о Чичерине, что «он, очевидно, не знаком с элементарными понятиями политической экономики и воображает, что пошлости Бастиа и его школы, будучи высказаны от его собственного имени, превращаются в оригинальные и непререкаемые истины»¹.

Речь идет у Маркса о незнакомстве Чичерина с начатками научной политической экономики. Что же касается вульгарной политической экономики, то Чичерин черпал из ее резервуара весьма обильно. О своих симпатиях к Бастиа Чичерин говорил неоднократно². Они возникли у него еще в студенческие годы. Вульгарная экономика осталась основой всех экономических взглядов Чичерина. Известную самостоятельность Чичерин проявлял лишь в вопросе о роли и месте помещичьего землевладения, которое он готов был отстаивать даже в противоположность интересам буржуазии.

В трактовке основных категорий буржуазной экономики Чичерин просто повторял пошлости вульгарной экономики.

Высшим пунктом человеческого развития для Чичерина являлась конкуренция, и он утверждал, что «если мы в свободе, а не в рабстве видим завершение человеческого развития, то то же самое мы должны сказать и о конкуренции»³.

Нищета рабочего класса, по Чичерину, есть результат легкомысленного размножения рабочего класса, а не имманентных законов капиталистического развития⁴.

Давая характеристику процессу распределения богатства в буржуазном обществе, Чичерин апеллировал к тому самому «закону предложения и требования», которым якобы управляется «весь экономический порядок при господстве свободы». Этот закон, в истолковании Чичерина, оказывается «чистым выражением распределяющей правды в промышленном производстве»⁵. В чем же заключается эта «распределяющая правда»? Ее Чичерин усматривал в том, что окончательный результат процесса распределения состоит якобы «в относительном уравнении состояний», не задерживающем высших сил и не возвращающем к первобытному безразличию, в мед-

¹ К. Маркс, Письмо Н. Ф. Даниельсону 28 ноября 1878 г., «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 99.

² См. Б. Н. Чичерин, Воспоминания. Москва сороковых годов, М. 1929, стр. 76, 77.

³ Б. Н. Чичерин, Собственность и государство, ч. II, М. 1883, стр. 34.

⁴ См. там же, стр. 129.

⁵ Там же, стр. 100.

ленно, но верном поднятии общего уровня и особенно в умножении средних классов, «составляющих посредствующее звено между крайностями». Этим, по его мнению, «...водворяется гармоническое отношение сил...»¹.

Трудно в одной фразе уместить большее количество лжи, чем это сделал Чичерин. Характерно полное отсутствие какой-либо попытки подкрепить апологетические декларации теоретическими доводами или конкретным материалом.

Что же касается отдельных категорий политической экономии, то в истолковании их Чичерин повторял зады вульгарной экономии. Он полемизировал против трудовой теории стоимости, в особенности против теории Маркса, утверждал, что «основанием меновой ценности является все-таки ценность потребительная»². Процесс ценообразования он сводил к взаимодействию спроса и предложения, а среднюю цену — к издержкам производства плюс нормальный барыш. Никаких дальнейших определений издержек производства и нормального барыша у Чичерина нет.

Смешивая производство стоимости и потребительной стоимости, Чичерин воспроизводил вульгарные учения о факторах производства и доходах. Он утверждал, что в производстве участвуют «четыре деятеля: природа, капитал, труд и направляющая воля. Сообразно с этим существуют четыре вида промышленного дохода: поземельная рента, процент с капитала, заработная плата и прибыль предприятия»³.

Как идеолог класса помещиков-землевладельцев, Чичерин проявлял наибольший интерес к категории земельной ренты. Перед ним стояла задача оправдания ренты. Чичерин признал, что поиски источника ренты лишь в земле, в природе могут привести к не вполне приятным для землевладельцев выводам. Поэтому он объявляет ренту результатом и природы, и деятельности землевладельца. Чичерин уверял, что доход землевладельца получается «не столько от того, что сделано природою, сколько от того, что сделано самим человеком»⁴. Но, это положение им не развивалось.

Чичерин утверждал, что процент и прибыль предприятия имеют разные основания и выступают как самостоятельные формы доходов, наряду с рентой и заработной платой. По его мнению, «процент составляет вознаграждение за выгоды, доставляемые употреблением капитала»⁵.

¹ Б. Н. Чичерин, *Собственность и государство*, ч. II, стр. 118.

² Там же, стр. 2.

³ Там же, стр. 47.

⁴ Там же, стр. 52.

⁵ Там же, стр. 57.

Против этого формального определения трудно спорить, но оно ни на йоту не помогает уяснению существа процента, его источника. Чичерин считает достаточным ограничиться утверждением, что «вознаграждение за употребление капитала необходимо вытекает из самих коренных законов и условий экономического быта»¹. Каковы эти коренные законы, он не объясняет.

Еще меньшей ясностью отличается определение предпринимательской прибыли. Прибыль предприятия, уверял Чичерин, «составляет ту часть дохода, которая остается за вычетом издержек производства»²; прибыль якобы включает вознаграждение предпринимателя за труд управления, премию таланта, страховую премию за риск и отражает влияние внешних обстоятельств.

Как видим, Чичерин хотел отождествить предпринимательский доход с заработной платой, т. е. возвращался к взгляду, который был раскритикован еще Адамом Смитом в «Богатстве народов».

Кроме того, если прибыль предприятия есть доход, остающийся за вычетом издержек производства, то надо предположить или отсутствие процента или что процент входит в издержки производства.

Соответственно апологетическим теориям ренты и прибыли Чичерин вульгарно, фетишистски трактовал и заработную плату, рассматривая ее как «вознаграждение работника за его труд»³. Это определение является простой тавтологией, но в него вкладывался вполне определенный смысл. Последний заключается в утверждении, что в отношениях между капиталистом и рабочим соблюдается принцип эквивалентности. Когда Чичерин воевал с трудовой теорией стоимости, то он отрицал закон эквивалентности обмена. Когда же ему нужно апологетически истолковать заработную плату, он становится защитником принципа эквивалентности. Фальсифицируя учение Маркса, он приписывал Марксу утверждение, будто на рынке рабочей силы работник продает одну ценность, а предприниматель покупает другую, или что один продает шестичасовую работу, а другой покупает двенадцатичасовую.

Во имя апологии капитализма Чичерин объявлял бессмыслицей величайшее открытие Маркса — учение о рабочей силе как товаре, потребление которого в производстве создает больше стоимости, чем было уплачено за него. Маркс показал, что под формой эквивалентного обмена скрывается отдача большего количества живого труда за меньшее количество

¹ *Б. Н. Чичерин*, *Собственность и государство*, ч. II, стр. 58.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 66.

овеществленного труда. Чичерин упорно противился раскрытию этой формы, чтобы не были вскрыты действительные отношения между основными классами буржуазного общества, отношения эксплуатации.

* *
*

Чичерин являлся наиболее откровенным защитником программы помещичьего типа буржуазной эволюции. На его примере ярко выступает то, как в ходе исторического развития быстро и полностью обнаруживается классовое содержание помещичьего либерализма. Исполненный страха перед демократией и социализмом, угрожавшими дворянству, Чичерин, хотя формально и прославлял буржуазную так называемую экономическую свободу, отнюдь не разделял оптимистических надежд экономического либерализма, характерных для представителей буржуазии на Западе в XVIII и в начале XIX в., а в России — в середине XIX в., которые «совершенно искренно верили в общее благоденствие»¹ на основе буржуазного строя.

Чичерин остро ощущал опасность, угрожавшую представляемому им классу. Он выступал с резкой критикой демократии и требовал самых суровых мер против ее идеологов.

Его оппозиция Каткову и правящим кругам являлась борьбой за лучшие методы защиты самодержавия и помещиков, а не борьбой против них.

Его экономический либерализм был признанием того, что класс помещиков после отмены крепостничества может господствовать только на рельсах буржуазной экономики. Постольку он и защищал последнюю. Но Чичерин с ненавистью отвергал любую форму демократической расчистки путей для свободного развития капитализма, ибо такая расчистка грозила бы в первую очередь дворянству. Чичерин ревностно защищал земельную собственность русского помещика, еще носившую крепостнический характер.

¹ В. И. Ленин, От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2, стр. 473.

Глава двадцать первая

ТЕОРИЯ И ПРОГРАММА ДВОРЯНСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В РАБОТАХ К. Д. КАВЕЛИНА

Одним из крупных представителей экономической мысли русского дворянства в интересующую нас эпоху был К. Д. Кавелин¹. Главным по общественному значению периодом его литературной деятельности являются 50-е и 60-е годы, т. е. годы, непосредственно примыкающие к реформе 1861 г., в идейной борьбе вокруг которой Кавелин принял активнейшее участие.

Характеризуя идейную борьбу между демократами и либералами в период падения крепостничества, В. И. Ленин неоднократно указывал на Кавелина, как на типичного представителя либеральных тенденций, и противопоставлял его Чернышевскому как типичному представителю революционно-демократических тенденций.

Либерализм Кавелина, как и многих других русских либералов периода реформы, весьма значительно отличается от экономического либерализма в том его виде, как его развили буржуазные экономисты на Западе и как его развивал в период реформы ряд русских буржуазных экономистов. Так, Кавелин не разделял основного требования экономического либерализма — невмешательства государства в хозяйственную жизнь.

В условиях середины XIX в. в России, поскольку объективная историческая задача заключалась в ликвидации крепостнического строя, основанного на феодальных монополиях, и переходе к буржуазному строю, основанному на свободной конкуренции, критика последней с позиций дворянства являлась теоретической платформой для сохранения известной части

---

¹ Константин Дмитриевич Кавелин родился в 1818 г. в Петербурге. Его отец, бывший некоторое время ректором Петербургского университета, происходил из старинного, но небогатого дворянского рода. Литературная деятельность К. Д. Кавелина началась еще в 1841 г., когда была опубликована в «Юридических записках» его работа «О теориях владения», награжденная Московским университетом золотой медалью, и продолжалась до самой его смерти в 1885 г.

феодалных отношений. Критика Кавелиным принципа свободной конкуренции по своему содержанию приближается к критике принципов свободной конкуренции со стороны исторической школы, защищавшей по сути дела такие формы капитализма, при которых продолжают сохраняться остатки феодализма и охраняются интересы господствующего класса феодального общества в условиях капитализма. Не случайно поэтому Кавелин обнаруживает свои симпатии к исторической школе, метод и теория которой явились, как известно, большим шагом назад в развитии буржуазной политической экономии.

Принцип непрерывности¹ является центральным в историзме Кавелина, характеризующим консервативную природу этого историзма.

Кавелин — решительный и принципиальный враг революции. «Революции всегда задерживают прогресс. Вызывая реакции, они могут сокрушить даже самый организм, или надолго сделать его больным и немощным»², — писал Кавелин в брошюре «Разговор с социалистом-революционером», изданной в 1880 г. Парадоксально, что в этой же брошюре Кавелин для обоснования своих антиреволюционных взглядов пытается опереться на... Маркса. В работе «Исторические судьбы марксизма» Ленин указывал на один из способов борьбы с марксизмом — интерпретацию его в либеральном духе, в духе эволюционного историзма. Пожалуй, одна из наиболее ранних попыток в этом направлении принадлежит Кавелину.

Кавелин выступил также с лживым утверждением, что между теорией Маркса и его революционной практикой имеется будто бы противоречие³.

В действительности же, как известно, одной из самых сильных сторон в марксизме является единство теории и практики. Революционная практика Маркса целиком и полностью опиралась на его революционную теорию.

Либерализм Кавелина проявлялся в критике им личной крепостной зависимости крестьян от помещиков. В наиболее концентрированном виде положение о вреде крепостного права развито Кавелиным в его известной «Записке об освобождении крестьян в России», написанной в 1855 г. Записка эта была полностью опубликована лишь в 1886 г. в 1, 2 и 5-й книгах «Русской старины», но первые две главы ее первой части были опубликованы в III книге сборников Герцена «Голоса из Рос-

¹ См. К. Д. Кавелин, Московские славянофилы сороковых годов, Собрание сочинений, т. III, Спб. 1899, стр. 1153.

² К. Д. Кавелин, Разговор с социалистом-революционером, Собрание сочинений, т. II, Спб. 1889, стр. 1000.

³ См. там же, стр. 1003.

сии» в 1856 г., а извлечение из «Записки» опубликовано также Чернышевским в 1858 г. в IV книге «Современника» (в статье «О новых условиях сельского быта»).

Кавелин развивал мысль о том, что хозяйство, покоящееся на базе крепостных отношений, находится в противоречии с рациональным экономическим расчетом. Так, он писал, что «огромное большинство помещиков старается производить как можно больше всякого рода хлеба, не справляясь и даже не думая о том, стоит ли заниматься земледелием, и не было ли выгоднее обратиться к другим промыслам»¹.

Кавелин далее отмечал, что «в материальном отношении состояние крепостных весьма значительно ухудшилось против прежнего: их повинности, оброки и другие обязанности к владельцам в последние 10, 20 лет удвоились и утроились»². Этот рост крестьянских повинностей ведет в конечном счете к подрыву производственной основы помещичьего хозяйства, каковой, как известно, в условиях крепостного строя является крестьянское хозяйство. Таким образом, Кавелин подошел к характеристике одного из важнейших противоречий позднего крепостничества в России.

В своей критике крепостничества Кавелин защищал все атрибуты буржуазного экономического строя. Но он считал, что *безраздельное* господство принципа свободной конкуренции не может быть положено во главу угла экономической жизни, что свободная конкуренция есть благо лишь постольку, поскольку ей поставлены известные рамки, границы. В статье «Взгляд на русскую сельскую общину», опубликованной в «Атенее» в 1859 г., Кавелин писал: «Социальная анархия, т. е. ничем неумеряемая борьба частных интересов, принадлежит именно к числу тех страшных разъедающих общественных недугов, которые исподволь, незаметно разрушают общественные организмы. Только уравновешенная другим началом, эта борьба поддерживает и развивает жизнь»³. Эту мысль он развивал и позднее — в 1881 г. в статье «Крестьянский вопрос»⁴.

Неравенство в обществе Кавелин считал извечным его законом. В своей работе «Дворянство и освобождение крестьян» он утверждал, что «различие сословий, различное участие их в государственной и общественной жизни есть явление общее всему человеческому роду, от начала мира до нашего вре-

---

¹ К. Д. Кавелин, Записка об освобождении крестьян в России, Собрание сочинений, т. II, стр. 27.

² Там же, стр. 12—13.

³ К. Д. Кавелин, Взгляд на русскую сельскую общину, Собрание сочинений, т. II, стр. 180.

⁴ См. К. Д. Кавелин, Собрание сочинений, т. II, стр. 438.

мени»¹. Он ссылался на то, что «люди по физической природе, по умственным и другим своим способностям, неравны между собою со дня рождения. Из этого прирожденного неравенства вытекает и неравенство внешней их деятельности». Так, фальсифицируя историю, Кавелин пытался неравенство классов свести к якобы физическому, природному неравенству людей.

Кавелин утверждал, что дворянство является тем классом, который и после отмены крепостничества может и должен оставаться господствующим. В работе «Дворянство и освобождение крестьян» он писал: «Русскому дворянству может предостоять счастливая будущность и блестящая роль. Оно самое образованное и сравнительно самое богатое из всех сословий; оно содержит в себе живые зародыши возрождения»².

Достоинство политики Петра I Кавелин усматривал в том, что Петр I преодолел замкнутость высшего сословия. Кавелин уверял, что благодаря падению вельмож дворянство стало «представителем всего лучшего, богатого и талантливого в народе»³. Но со времени Петра I положение дворянства сильно изменилось, крепостное право поставило его в исключительное положение, и русское дворянство снова «повторило историю нашего старинного вельможества, только уже не в политической, а в гражданской сфере»⁴.

Выход из этого положения заключается, по мысли Кавелина, в том, чтобы дворянство опять было обновлено. Однако в России с середины XIX в. стоял вопрос уже не об обновлении *старого* класса, а о его ликвидации. В этих условиях обновление старого класса противоречило задаче коренного изменения экономического строя России. Эволюционный историзм Кавелина был, таким образом, формой борьбы за сохранение господствующего класса крепостнического общества в новом, буржуазном обществе. Тезис о непрерывности развития использовался им для защиты привилегий помещичьего класса. Дворянство, по Кавелину, должно остаться классом землевладельцев. Кавелин сулит «обновленному дворянству» господствующее положение в экономике страны навсегда. Правда, ему известно, что класс землевладельцев везде, по мере развития буржуазного общества, постепенно оттирается на задний план. Об этом свидетельствует опыт Западной Европы. Но он искал утешение в том, что в России этого не произойдет вследствие особенностей ее экономики, так как «главным центром промышленности на очень долгое время, если не

¹ К. Д. Кавелин, *Дворянство и освобождение крестьян*, Собрание сочинений, т. II, стр. 111.

² Там же, стр. 109.

³ Там же, стр. 118—119.

⁴ Там же, стр. 122—123.

навсегда, останется у нас земледелие, и около него будут группироваться все прочие отрасли производительности и промышленной жизни; с тем вместе и класс землевладельцев навсегда останется главным, первенствующим сословием»¹. Таким образом, свои надежды Кавелин связывал с увековечением экономической отсталости России.

Отмену крепостничества он рассматривал не как средство преодоления индустриальной отсталости страны, а как способ обновления дворянства.

Искажая характер реформы 1861 г., он писал, что в России в результате реформы была «порвана всякая юридическая и экономическая зависимость крестьян и сельских работников от помещиков»².

Тезис Кавелина о самостоятельности и экономической независимости крестьянского хозяйства от помещичьего являлся лицемерным. Он не мог быть обоснован, и даже формальной аргументации в пользу этого тезиса у Кавелина нет.

Кавелин стремился к буржуазному по форме преобразованию помещичьего хозяйства. Он понимал, что помещикам по-старому хозяйствовать невозможно, поскольку у них нет уже дарового труда, приходилось подсчитывать себестоимость хлеба и возмещать при всех условиях издержки производства. Он говорил, что прошло время, когда «отцы и деды имели крепостных, которым ничего за это не платилось, и всякое даяние почвы, даже 2 зерна, было благо, ибо ничего не стоило»³. Теперь, писал Кавелин, помещикам при ведении хозяйства нужны капиталы для обзаведения средствами труда и найма рабочей силы.

Проблему источника необходимых денежных средств и обеспечения помещичьего хозяйства рабочей силой он пытался решить еще в «Записке об освобождении крестьян в России», написанной в 1855 г. Эту «Записку» у нас в литературе обычно обходят молчанием, так как выдержки из нее помещены были, как сказано выше, Чернышевским в «Современнике». «Записка» Кавелина является одним из наиболее типичных документов, отражающих взгляды идеологов помещичьего типа буржуазного развития. Однако опубликование ее Чернышевским в свое время сыграло положительную роль. В начальной фазе подготовки реформы идея наделения крестьян землей считалась крамольной. Открытая постановка

¹ К. Д. Кавелин, Дворянство и освобождение крестьян, Собрание сочинений, т. II, стр. 128—129.

² К. Д. Кавелин, Освобождение крестьян и г. фон. Самсон-Гиммельстиерна, Собрание сочинений, т. II, стр. 615.

³ К. Д. Кавелин, По поводу губернских и уездных земских учреждений, Собрание сочинений, т. II, стр. 787.

этого вопроса в литературе имела большое значение. Только эту цель и преследовал Чернышевский, когда публиковал в «Современнике» статью Кавелина.

Несмотря на то, что Кавелин подвергся опале за свою «Записку» со стороны правящих кругов, своим проектом освобождения он защищает процесс преобразования, который ведет к победе помещичьего хозяйства над крестьянским.

В «Записке» Кавелин возражал против освобождения крестьян «со всею землею, принадлежащею к имению, в котором они поселены», утверждая, что в многоземельных и даже в большей части издельных имений для крестьян было бы «слишком много всей земли, принадлежащей к имению»¹. Его особенно беспокоило то, что «через это почти исчезла бы в России частная поземельная собственность, а с нею и все ее благодетельные последствия для промышленности и сельского хозяйства». Кавелин утверждал, что «частная поземельная собственность и существование рядом с малыми и больших хозяйств суть совершенно необходимые условия процветания сельской промышленности»².

На самом же деле в условиях крепостной России вся помещичья земля обрабатывалась трудом и инвентарем крестьянского хозяйства. Поэтому и нет никаких доводов в пользу кавелинского утверждения, что всей земли помещичьего имения было бы для крестьян много.

Демагогия Кавелина видна и на его втором аргументе — ссылке на необходимость крупного хозяйства.

Основой помещичьего хозяйства является крупная феодальная земельная собственность. Помещичье хозяйство существует только в неразрывной связи с крестьянским, вернее, только на его базе. Нельзя мыслить крепостное помещичье хозяйство без фундамента в виде крестьянского хозяйства.

При отрыве крестьянского хозяйства от помещичьего первое не только сохраняет, но и расширяет возможности воспроизводства. Между тем помещичье хозяйство теряет возможность существования и воспроизводства без коренной перестройки его экономической основы; оно не может быть названо крупным хозяйством до тех пор, пока не будет переведено на новую основу. А до тех пор, пока крестьянское хозяйство выступает в качестве производственной основы помещичьего хозяйства, последнее не может рассматриваться как крупное хозяйство. Важнейшим признаком крупного хозяйства является концентрация в руках владельца хозяйства

¹ К. Д. Кавелин, Записка об освобождении крестьян в России, Собрание сочинений, т. II, стр. 43.

² Там же, стр. 44.

средств производства, но при крепостном строе помещичье хозяйство этим признаком не обладает. Все рассуждения Кавелина в защиту помещичьего хозяйства как якобы крупного не имеют под собою никакой научной основы. Они являются ширмой для наступления на крестьянское хозяйство, отношение к которому Кавелина достаточно ярко характеризует также его отношением к французскому опыту разрешения аграрного вопроса. Кавелин прилагал все усилия к его дискредитации¹.

Разрешить трудную задачу перевода помещичьего хозяйства на новые рельсы после ликвидации отношений личной зависимости Кавелин собирался путем выкупной операции, наделения крестьян землей и определенной организации крестьянского землепользования.

Выражая крепостнические вожелания помещиков, он показывал, что выкуп должен вознаградить помещиков как за земли, которые остаются в руках крестьянства, так и за само освобождаемое крестьянство. Чтобы не продешевить, Кавелин предлагал «оценить крепостных с следующей им землей по существующим на месте ценам», возможно точнее и «ближе к истине», а затем выдавать всю выкупную сумму «сполна при самом отчуждении крепостных из частного владения»².

По мысли Кавелина, крестьянство и крестьянское хозяйство являлись средством укрепления политического и экономического положения помещичьего класса. В отличие от Чичерина он стоял за сохранение крестьянства, так как полагал, что везде, «где сельские массы домовиты и прочно оседлы, они являются самым охранительным общественным элементом, о который сокрушаются все невзгоды, внешние и внутренние»³.

Наряду с этим политическим мотивом важное значение имели и чисто экономические соображения о сохранении крестьянина в качестве экономической опоры помещичьего хозяйства. По сути дела Кавелин мечтал о батраке с наделом, так как именно такой батрак мог поставлять помещику наиболее дешевую рабочую силу. Поэтому Кавелин и выступил за сохранение надела у крестьян.

Вместе с тем он стремился сохранить те формы крестьянского землевладения и землепользования, которые с его точки зрения более других гарантируют зависимость крестьянства от помещика. Наиболее подходящим для этой цели он считал общинное землевладение.

¹ См. *К. Д. Кавелин*, Землевладение в Западной Европе, Собрание сочинений, т. II, стр. 326—386.

² *К. Д. Кавелин*, Записка об освобождении крестьян в России, Собрание сочинений, т. II, стр. 48.

³ *К. Д. Кавелин*, Взгляд на русскую сельскую общину, Собрание сочинений, т. II, стр. 186—187.

Из того круга западников, к которому примыкал Кавелин, он был, пожалуй, единственным защитником общинного землевладения. Но это не может служить основанием для противопоставления его западникам. Рассуждения Кавелина об общине являются лишним доказательством того, что нельзя относить к общине рассматривать как главную разграничительную линию борьбы идейных течений России накануне реформы и в пореформенную эпоху.

Значение, которое Кавелин придавал общинному землевладению, как социально-политическому фактору в России, весьма ярко выражено в его письме И. И. Иванюкову, где он писал: «Общинное землевладение в руках государей и русских государственных людей может обратиться в талисман, который избавит нас в будущем и от тяжких испытаний, пережитых остальной Европой, и от социальных фантазий, представляющих в наше время серьезную опасность для европейской цивилизации и культуры»¹.

Он защищал общину по полицейским соображениям; его обуревали охранительные мотивы. Для либерала кавелинского типа «тяжкие испытания» — это революции, а «социальные фантазии» — социализм. Но Кавелин не был сторонником общины при всех условиях. В полемике с Лавеле он писал о безусловной защите общины, что «такого взгляда нельзя не признать односторонним и узким»². По его мнению, «личная поземельная собственность должна и будет существовать во всех сколько-нибудь развитых человеческих обществах»³. Но эта личная поземельная собственность предназначалась для помещиков, а не для крестьян.

Кавелин безапелляционно переносил преимущества крупного хозяйства на крупную поземельную собственность. Он хотел доказать, что именно крупная и средняя собственность на землю побуждает «ко всяким нововведениям и улучшениям, к опытам и пробам, к новым приемам, увеличивающим доходность; у малой собственности нет для того ни условий, ни почвы, ни нужного простора»⁴.

Кавелин защищал в своих работах тот тип развития, при котором буржуазное преобразование осуществляется через помещичье хозяйство. Он боролся за общинное землевладение как за средство смягчения социальных конфликтов, классовых противоречий и недопущения крестьянского типа буржу-

¹ К. Д. Кавелин, Письмо И. И. Иванюкову, Собрание сочинений, т. II, стр. 657—658.

² К. Д. Кавелин, Общинное владение, Собрание сочинений, т. II, стр. 267.

³ Там же, стр. 269—270.

⁴ Там же, стр. 271.

азного развития, в котором Кавелин правильно видел угрозу экономическому господству дворянства. Не случайны поэтому многочисленные выпады Кавелина против буржуазии, кулаков и т. д.

Противоречивый характер экономической программы Кавелина привел его в конце жизни к идейному краху. Кавелин сознает, что Россия стала на капиталистический путь развития, размывающий старые классы, за сохранение которых в условиях буржуазного развития он, Кавелин, боролся. Отсюда — разочарование Кавелина и в славянофильстве, с которым его связывала защита общины, и в западничестве, у которого он позаимствовал веру в возможность гармонического развития России на основе буржуазных отношений.

По его мнению, «славянофилы просмотрели в допетровском русском быте темные стороны, приведшие его к упадку и реформе Петра, а западники не разглядели в европейских идеалах их исторической и местной подкладки, делающих их непригодными у нас без важных и существенных оговорок; в такой же самообман, и притом двойной, впали и народники». Они не заметили, что «между крестьянами водворяется индивидуализм, грубый, неприглядный и беспощадный, каким он везде и всегда бывает при первом своем появлении и первых попытках вступить в права гражданства»¹.

Если раньше Кавелин склонен был рассматривать общину как талисман, дающий России возможность пойти по особому пути, то теперь он считает, что особенность крестьянского быта — община, за которую ухватились народники, является лишь остатком «стадного чувства». Он уже не видит в общине средства против распада крестьянства на социальные полюсы, которое вырывает крестьянство из рук помещиков и бросает под ярмо кулацкой эксплуатации. Кавелин не может скрыть свою ненависть к кулаку, оттесняющему на задний план дворянина. Если в период реформы он был еще уверен в том, что помещики сумеют приспособиться к новым условиям и с педантичной настойчивостью указывал им пути буржуазного преобразования своих имений, то к концу жизни разочаровался в своих иллюзиях. За 20 лет после реформы *буржуа из низов* вырос перед Кавелиным как одна из весьма одиозных для него социальных фигур. Но как бороться с его победой, с упадком позиций дворянства в экономике, с размыванием базы дворянства в лице общинного крестьянства и с ростом социальных конфликтов — этого Кавелин не знает. Выход из создавшегося тупика Кавелин не видит в сфере экономической

¹ К. Д. Кавелин, Злобы дня, Собрание сочинений, т. III, стр. 1035—1036.

и обращает свои взоры в область нравственного. В письме к Ф. М. Достоевскому он восторгается славянофильством, как выдвинувшим на первый план вопрос «о внутренней, душевной, нравственной правде, о нравственной красоте, забытой и пренебреженной»¹. Но в отличие от Достоевского и славянофилов он считает, что нравственное усовершенствование есть цель, а не факт. «Нравственное усовершенствование» должно служить средством усовершенствования общественной жизни.

Кавелин звал к классовому миру, сдобривая свою демагогию тусклыми рассуждениями о нравственном совершенствовании. Призыв этот Кавелин провозглашает от имени того класса, экономических средств к подъему которого он уже не видел. «Нравственное усовершенствование», по мысли Кавелина, должно явиться спасением для дворянства. Это был крах реакционных иллюзий о возможности создания в России на основе помещичьей собственности такой экономики, которая не порождает социальных конфликтов и не подмывает самую основу ее.

Политическая эволюция Кавелина дополняет картину его общей идейной эволюции. В условиях революционной ситуации Кавелин борется против революционной агитации, против насилия и призывов к нему. Он с одобрением пишет об аресте Чернышевского и оправдывает царизм. Именно в этот период наступает разрыв между Герценом и Кавелиным, выявившим себя в качестве врага освободительного движения. Герцен бичует Кавелина. Разоблачает Кавелина и Чернышевский — в образе Рязанова в «Прологе». В борьбе с Кавелиным и ему подобными мужал революционный демократизм и Герцена и Чернышевского.

Ленин, неоднократно бравший Кавелина в качестве образца либерала периода реформы, характеризовал его как «подлого либерала», как одного «из отвратительнейших типов либерального хамства»².

¹ К. Д. Кавелин, Письмо Ф. М. Достоевскому, Собрание сочинений, т. II, стр. 1032.

² В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 13.

Глава двадцать вторая

ЭВОЛЮЦИЯ И. Я. ГОРЛОВА ОТ КРЕПОСТНИЧЕСТВА К ДВОРЯНСКОМУ ЛИБЕРАЛИЗМУ

Типичным представителем либеральных тенденций в политической экономии, проделавшим эволюцию от защиты крепостничества к дворянскому либерализму, был профессор Казанского, а затем Петербургского университета *Иван Яковлевич Горлов* (1814—1890). Он получил высшее образование в

Московском университете в 30-х годах, в период господства жестокой реакции Николая I.

В излагавшемся И. Горловым с университетской кафедры курсе политической экономии содержались буржуазные идеи. Однако по основному вопросу общественной жизни рассматриваемого времени — об отношении к помещичьей земельной собственности и к крепостному праву — Горлов вплоть до конца 50-х годов оставался на позициях крепостников.

В то время как либеральное дворянство уже заняло прочные позиции в русской литературе и среди помещиков крепла идея о необходимости отказа от барщинной системы хозяйства, профессор Петербургского университета предостерегал дворян от каких-либо радикальных преобразований в хозяйственной организации помещичьего имения, рекомендовал проводить осторожно только частичные мероприятия, обещающие верный доход, и в крайнем случае видоизменить способы взимания с крестьян крепостных повинностей, не затрагивая основ экономического строя феодальной России.

Колебания хлебных цен и кризисное состояние дворянского поместья либеральные экономисты объясняли «ненормальным положением производительных сил» и тем самым признавали необходимость коренных изменений в организации сельского хозяйства. В противовес либеральным идеям Горлов заявлял, что в России колебания цен происходили по тем же причинам, что и в других европейских странах, что в России нет никаких особых социальных условий для падения хлебных цен. Напротив, при обзоре статистических данных за

многие годы обнаруживалось, утверждал он, некоторое повышение хлебных цен, и в дальнейшем можно надеяться на увеличение помещичьих доходов.

Горлов сосредоточивал внимание помещиков на вопросе о невыгодности для них трехпольной системы земледелия. Вместе с крепостниками он допускал лишь технические агрономические новшества в помещичьем имении, но ни в коем случае не отказ от крепостной системы хозяйства. При обсуждении перспектив дальнейшего развития сельского хозяйства Горлов обосновывал и защищал политику господствовавшего класса феодалов.

По ряду теоретических вопросов и прежде всего по вопросу о роли труда в создании стоимости Горлов развивал концепцию вульгарной политической экономии.

Статья Горлова о труде была опубликована в органе крепостников — «Москвитянине». В ней автор критиковал теорию трудовой стоимости классической буржуазной политической экономии.

Искажая теорию трудовой стоимости, приписывая классической буржуазной политической экономии полное отрицание роли природы в создании богатства, Горлов считал своей прямой обязанностью особо подчеркнуть значение именно природы, а не труда в производстве продуктов сельского хозяйства¹.

Выступая и в этом вопросе против классической буржуазной политической экономии, Горлов брал под защиту не только капиталистическую, но и феодальную эксплуатацию, в условиях которой осуществляется присвоение помещиком прибавочного труда крепостного крестьянина.

В дополнение к своим рассуждениям об исключительном значении природы, Горлов рассматривал капитал как результат деятельности предпринимателей, к числу которых причислялся и помещик. В конечном итоге политическая экономия Горлова содержала защиту капитала и прибыли купцов, фабрикантов и заводчиков, а также оправдание доходов владельцев крепостных, барщинных и оброчных имений.

Кризисное состояние феодального земледелия, систематические неурожаи и голодовки крестьян способствовали сближению университетской политической экономии с мальтузианством по вопросу о причинах необеспеченности населения сельскохозяйственными продуктами и восприятию идеологами русского дворянства так называемого закона убывающего плодородия почвы.

¹ См. И. Горлов, О труде и населении, «Москвитянин» № 1, 1848 г., раздел «Науки», стр. 11—14.

Не ставя перед собой непосредственной задачи доказательства и защиты пресловутых мальтусовых прогрессий, будучи не в силах опровергнуть доводы критиков мальтузианства, Горлов голословно заявлял, что основные положения теории Мальтуса неопровержимы¹.

В 40-х годах Горлов не отрицал и не мог отрицать целесообразности «новых начал управления» барщинным хозяйством, но при определении необходимых конкретных хозяйственных мероприятий ни в коей мере не покушался ни на крепостное право, ни на феодальную земельную собственность.

Последующее десятилетие, в обстановке дальнейшего обострения кризиса всей крепостнической экономики страны, привело дворянских либералов и даже большинство крепостников к признанию неотложности реформы в целях спасения дворянского класса от неминуемой экономической и политической гибели. И политэкономом феодальной России Горлов не отставал от эволюции господствовавшего класса.

В момент обсуждения аграрного вопроса, в начале 1858 г. Горлов выступил со своим обоснованием необходимости экономических преобразований.

Сравнительное сопоставление статистических материалов 8-й и 9-й ревизий помогло ему обнаружить отрицательное влияние крепостного права на рост населения: там, где господствовала помещичья земельная собственность с барщиной, оброком и принудительным трудом, население увеличивалось очень медленно по сравнению с губерниями, свободными от помещичьей эксплуатации крестьян.

Разбирая эти статистические данные, Горлов приходил к выводу, что «крепостное положение не благоприятствует успехам народного умножения»². Это заключение сделано лишь в те годы, когда царское правительство само решило стать на путь реформы отношений между помещиками и крестьянами. Только в конце 50-х годов у Горлова появилась мысль о необходимости «свободы труда и земельной собственности» для достижения «истинных и постоянных успехов в народной экономике»³.

Но термин «народная экономия» в его учебнике политической экономии отнюдь не свидетельствовал о намерении защищать экономические интересы широких народных масс и прежде всего классовые или сословные интересы крестьянства. При решении вопроса о «свободе труда и земельной собствен-

¹ См. *И. Горлов*, О труде и населении, «Москвитянин» № 1, 1848 г., раздел «Науки», стр. 27.

² *И. Горлов*, Протекционизм в России и свобода труда, «Библиотека для чтения», т. 148, апрель 1858 г., стр. 190.

³ Там же, стр. 192.

ности» доминировали интересы господствовавшего класса дворян.

В период реформы 60-х годов Горлов по-прежнему (но уже в другой исторической обстановке, а поэтому в иной форме) отстаивал феодальные права помещиков, рассматривая барщину и оброк как плату за наделение крестьян землей, предусматривая обязательность выкупа или покупки той земли, которая могла быть предоставлена крестьянину после освобождения его от личной крепостной зависимости.

В то время, когда отдельные представители передовой части дворянства склонялись к отказу от выкупа личности крепостного крестьянина, в предложениях Горлова неизменно отстаивался выкуп не только земель, но и крепостных повинностей.

Экономические идеи дворянского либерализма получили теоретическое обоснование в учебнике И. Горлова «Начала политической экономии», вышедшем в период подготовки реформы 1861 г. Вульгарная буржуазная политическая экономия приспособлялась для нужд феодального класса, вступавшего на путь буржуазного хозяйствования.

И в новой обстановке даже обычная для вульгарной буржуазной политической экономии триединая формула источников доходов (земля, труд, капитал) не вполне соответствовала дворянскому мировоззрению, поэтому Горлов заменил в этой формуле «труд» «экономическими силами человека».

Так из политической экономии изгонялось понятие о труде как источнике доходов. Роль труда всячески преуменьшалась, всегда подчеркивалась роль природы.

Горлов стремился возвеличить экономическое значение деятельности помещиков, всего дворянского «благородного» сословия. Это достигалось расширительным толкованием понятия производительной деятельности. Отказавшись от деления на производительный и непроизводительный труд, в угоду дворянскому сословию Горлов считал производительными «любые труды и занятия», «если только они имеют в виду материальное или нравственное благо человека»¹.

Экономические законы Горлов рассматривал как естественные и вечные законы, коренящиеся в «нравственной природе» человека и имеющие теологическое происхождение.

К числу естественных и тем самым вечных экономических законов относилась старая формула *laissez faire*. Но если во Франции XVIII в. этот лозунг имел определенное антифеодальное содержание, то в России середины XIX в. он использовался либеральными экономистами для охраны феодальной

¹ И. Горлов, Начала политической экономии, т. I, Спб. 1859, стр. 56.

земельной собственности, для невмешательства в земельные дела помещиков и предоставления им свободы при определении своих взаимоотношений с крепостным крестьянством. Тем самым старая формула *laissez faire* в середине XIX в. была лишена того прогрессивного значения, которое она имела в XVIII в.

В своих конкретных предложениях Горлов стал позади тех дворянских либералов, которые подготавливали буржуазные реформы 60-х годов, и, таким образом, стоял на правом фланге дворянского либерализма.

Современник Горлова — вождь революционной демократии Н. Г. Чернышевский подверг его воззрения сокрушительной критике, разоблачив их антидемократический характер.

«Начала политической экономии» И. Горлова далеки были от решения назревших социально-экономических проблем России, приступавшей к отказу от крепостничества. Вместо того чтобы открыто и широко идти навстречу буржуазной реформе, Горлов сосредоточивал свое внимание на отрицательных последствиях, к которым могли привести изменения в отношениях между помещиком и крепостным крестьянином.

Как отметил еще Н. Г. Чернышевский, Горлов в своей книге, сданной в печать в 1859 г., когда уже свободно позволялось говорить о вреде крепостного права, все еще не решился употребить этот прямой термин, как будто писал пятнадцать лет тому назад¹, то есть в 40-х годах, когда царская цензура вычеркивала из книг и журнальных статей всякую мысль о необходимости освобождения крестьян от личной крепостной зависимости.

В своем учебнике политической экономии И. Горлов, умалчивая об экономических последствиях освобождения крестьян во Франции и других странах Западной Европы, пространно излагал результаты ликвидации рабства в английских и французских колониях. Опираясь на статистические данные литературы рабовладельцев и плантаторов, российский либерал напоминал о том, что после своего освобождения негры не хотели идти на работу к своим прежним владельцам, возделывание многих плантаций прекратилось, цена на землю упала, производство сельскохозяйственных продуктов на плантациях резко сократилось.

Как будто предупреждая дворянский класс России о возможных для них последствиях освобождения крепостных крестьян, Горлов делал заключение о том, что «с экономической точки зрения... эмансипация была делом разорительным»².

¹ См. Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 8.

² И. Горлов, Начала политической экономии, т. I, стр. 147.

В противовес крепостническим взглядам, проповедывавшимся Горловым в учебнике политической экономии, революционер-демократ Чернышевский доказал, что экономический упадок колоний начался задолго до уничтожения рабства и что главной причиной этого упадка было самое существование рабовладения. Ликвидация плантаций происходила по вине ее владельцев, которые не желали перейти от рабского труда к вольнонаемному труду.

Насколько трудно было дворянскому либералу Горлову изживать свои феодальные предрассудки, можно судить также по его отождествлению политической экономии с государственной экономией, выражавшей экономическую политику феодального государства. Буржуазную по своему содержанию политическую экономию Горлов стремился использовать исключительно в интересах феодального класса дворян-помещиков.

Второй том «Начал политической экономии» вышел в свет уже после объявления манифеста 19 февраля 1861 г. По-прежнему избегая говорить о том вредном влиянии, которое оказывало крепостничество на все народное хозяйство России, Горлов сводил всю сущность объявленной реформы к преобразованию и улучшению быта помещичьих крестьян. Четко определяя истинные намерения дворянского класса, профессор политической экономии заботился прежде всего об обеспечении после реформы помещичьего хозяйства рабочей силой. Не останавливаясь на вопросе о крестьянской земельной собственности, Горлов представлял себе структуру пореформенной России в составе двух сословий: 1) сословие помещиков-землевладельцев и предпринимателей, 2) сословие крестьян-работников. Личная свобода, получаемая помещичьим крестьянином, рассматривалась как свобода располагать своим трудом, как право перехода в те местности и в те промыслы, в которых ощущался недостаток в рабочей силе. В связи с этим вполне понятен призыв Горлова к помещикам непосредственно, не прибегая к помощи управляющих, заняться сельским хозяйством в своих дворянских имениях. Провозглашая право бывших крепостных крестьян стать работниками, дворянский либерал одновременно отказывал им в праве на обеспечение работой и на получение постоянного вознаграждения за труд. Он подчеркивал, что решение вопросов труда и заработной платы является компетенцией самих помещиков и предпринимателей.

Крепостнические тенденции по аграрному вопросу в учебнике политической экономии сочетались с явно буржуазными планами в области промышленности, транспорта и финансов. Горлов ратовал за развитие железнодорожного строительства, за организацию фабрик и заводов, кредитных учреждений, коммерческих банков, за приведение в порядок денежного обраче-

ния. По теоретическим вопросам профессор Горлов стремился подражать современной ему вульгарной политической экономии Западной Европы. Он сам восторженно отзывался о сочинениях М. Шевалье, Ф. Бастиа, В. Рошера и других вульгаризаторов политической экономии, подвергнутых справедливой и уничтожающей критике Чернышевским в «Современнике» и в прокламации «К молодому поколению» Шелгунова и Михайлова.

На вульгарных позициях и на защите интересов дворянского класса И. Горлов неизменно оставался вплоть до последних дней своей преподавательской деятельности в Петербургском университете (до 1874 г.). Его программа и краткий курс политической экономии, изданные в 1872 г., по структуре отличаются от учебников, появившихся в свет в период подготовки и проведения так называемой крестьянской реформы, но по содержанию почти целиком совпадают с «Началами политической экономии».

Наибольший интерес представляет мнение И. Горлова о прошедших изменениях в пореформенной России. Теперь уже трудно, невозможно было отрицать пагубность крепостных отношений для развития народного хозяйства страны. Но все же они сводились к следующим трем последствиям: 1. нарушение равновесия промыслов, 2. уменьшение числа жителей и нерациональное использование труда крепостных, 3. задержка в развитии ремесла, создании квалифицированных производственных работников. Поскольку в начале 70-х годов вполне явно обнаружился промышленный подъем в России, Горлов мог восторженно отозваться о мудрости Александра II, следовавшего правилу «Лучше сверху, чем снизу» и спасшему дворянский класс от неминуемой гибели. Ни одного критического замечания по существу и в деталях о реформе 19-го февраля нельзя найти в сочинениях Горлова. Университетская политическая экономия по-прежнему избегала касаться классовых противоречий между трудом и капиталом, между помещиком и крестьянином.

Последующие 70-е годы характеризуются в России обострением классовых противоречий, ростом революционного движения. Университетская политическая экономия не могла быть в стороне от новых общественных явлений, но это произошло уже после прекращения профессорской деятельности И. Горлова.

БУРЖУАЗНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Глава двадцать третья

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В. А. КОКОРЕВА

Одним из видных представителей русской буржуазии, принимавшим активное участие в идеологической борьбе второй половины XIX в., был *Василий Александрович Кокорев* (1817—1889), наживший многомиллионное богатство на винных откупах, на спаивании крестьян в дореформенные годы, а в пореформенное время переключивший свои капиталы на банковские операции, постройку железных дорог и организацию нефтяных промыслов.

Денежная реформа конца 30-х годов тяжело отразилась на ряде купеческих предприятий; Солигаличский солеваренный завод, совладельцем которого был В. Кокорев, стал убыточным. Одновременно с ним закрылись многие кожевенные, полотняные фабрики. Правительство закупало товары в Англии, а российские промышленники вынуждены были закрывать свои предприятия. Сократился спрос на лен; многие капиталисты оказались банкротами. Костромские фабриканты, выработывавшие парусину и холст для флота и армии, обратились к правительству с ходатайством защитить их от конкуренции иностранных предпринимателей и покупать только отечественные товары.

В конце 40-х годов Кокорев выступил с предложением защитить владельцев льнопрядильных фабрик от импорта хлопка, так как хлопчатобумажные ткани по своей дешевизне вытесняли льняные, но его ходатайство не получило никакой поддержки в высших сферах. Также оказались тщетными надежды Кокорева и других российских купцов на прибыли при строительстве железных дорог. Царское правительство больше покровительствовало иностранному, чем отечественному, капиталу. Скрытое недовольство дворянской политикой всегда тлело в среде буржуазии, находившейся под феодальным гнетом.

Кокорев богател на питейных откупах и других операциях; полученные от кабаков барыши служили Кокореву достаточным основанием для прислужничества феодальной монархии. Вся коммерческая деятельность Кокорева в предреформенную эпоху может служить яркой характеристикой связей между «чумазым» купечеством и «благородным» дворянством.

Скрытое недовольство капиталистов крепостничеством проявилось после правительственного решения о подготовке крестьянской реформы. Только тогда Кокорев решился открыто выступить за отмену крепостной зависимости, ожидая ее от самодержавия и именованного дворянства¹.

Вместе с общим ростом либерального движения конца 50-х годов оформляется и крепнет либерализм Кокорева. Он выступает перед купцами и дворянами с призывом освободить крестьян от крепостной зависимости, публикует ряд статей с анализом предреформенной экономики России. Он теперь считает вполне возможным заявить, что все бедствия страны проистекали от «...крепостного права и чиновничества, которое страшно вливается в жизнь народа и ведет его к истощению»². Он готов теперь признать и вред откупной системы сбора государственных доходов.

Статья Кокорева в 1858 г. на страницах либерального «Русского вестника» обратила на себя внимание купеческого сословия. Буржуазная молодежь направляла ему свои замечания, предложения о развитии русской внутренней торговли с просьбой поместить их на страницах столичных органов печати.

Опубликованная сначала в заграничной газете «Le Nord», а затем в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Русском вестнике» и отдельным оттиском статья Кокорева «Взгляд русского на европейскую торговлю»³ стала известна не только в России, но и в Бельгии, Англии и других странах. По существу в этой статье изложена экономическая программа российских капиталистов кануна буржуазных реформ в стране.

В этой статье Кокорев излагал свои взгляды не только на внешнюю и внутреннюю торговлю, но и на вопросы сельского хозяйства, промышленности, финансовой и таможенной политики.

Неизбежность падения крепостного права, необходимость буржуазной перестройки сельского хозяйства и прежде всего дворянских имений в основном признавалась этим идеологом российской буржуазии.

¹ См. В. А. Кокорев, Воспоминания давнопрошедшего, «Русский архив», т. 9, кн. 3, 1885 г., стр. 154—156.

² В. А. Кокорев, Из путевых заметок, «Утро». Литературный сборник, М. 1859, стр. 201.

³ См. «Русский вестник», т. 14, 1858 г., стр. 29—64.

В перестройке хозяйства помещиков, в переходе их от положения душевладельцев к положению только землевладельцев, в переходе самих крестьян из состояния крепостных к положению собственников и арендаторов земли Кокорев видел источник развития промышленности и торговли. Увеличение сельскохозяйственного производства на сотни миллионов рублей должно было, по его расчетам, породить повышенный спрос на мануфактурные изделия, как отечественные, так и заграничные.

В предреформенные годы возрастал вывоз хлеба из России за границу. Многие экономисты видели в этом факте подъем помещичьего хозяйства. С полным основанием Кокорев доказывал, что тогда Россия не имела в избытке ни хлеба, ни сала, ни кож, ни других сельскохозяйственных продуктов. Экспорт увеличивался даже в неурожайные годы. Из-за недостатка благоустроенных шоссежных дорог, а особенно из-за отсутствия железных дорог купцам оказывалось удобнее и выгоднее отправлять хлеб по водным путям к приморским городам, чем в свои неурожайные губернии.

Кокорев предполагал, что отмена крепостного права приведет к значительному увеличению крестьянского потребления, особенно после постройки широкой сети железных дорог.

В целях развития торговли и промышленности Кокорев выдвигал задачу повышения урожайности до того уровня, чтобы «земля у нас родила всего столько же, сколько родит она в Европе». Только тогда Европа, по его мнению, сможет получить «богатый рынок для закупки произведений Русской земли и для сбыта своих мануфактурных товаров, потребление коих распространится во всех сословиях»¹.

Оставляя в тени вопросы создания капиталистической системы сельского хозяйства, условия организации помещичьих имений на принципах вольнонаемного труда, меры по расширению крестьянского земледелия, Кокорев видел решение проблемы в... дренаже и земледельческой технике.

Он составил план дренажа полей своей собственной фермы в Новгородской губернии, выдвинул предложение об организации русских капиталистами, с привлечением заграничных специалистов, фабрики для выделки дренажных труб, заводов по производству земледельческих орудий и машин.

Действительно, приходящая на смену барщины капиталистическая система хозяйства неизбежно изменяла потребности страны в сельскохозяйственных орудиях и машинах, вызывала необходимость в новых способах обработки почвы. Однако

¹ В. А. Кокорев, Взгляд русского на европейскую торговлю, «Русский вестник», т. 14, 1858 г., стр. 40.

капиталистическая система земледелия могла получить широкое развитие в стране лишь при ликвидации старых, феодальных экономических отношений. Отказываясь от постановки вопроса о полном уничтожении барщинной системы хозяйства, Кокорев если не подрывал, то во всяком случае значительно суживал реальность своих планов создания новых, капиталистических предприятий.

Предвкушая значительные барыши от развития торговли и промышленности, Кокорев готов был пойти на сделку не только с господствовавшим дворянским классом, но и с иностранной буржуазией. Если идеолог купечества первой четверти XVIII в. мечтал о полном освобождении России от иностранных товаров, о создании отечественного производства во всех отраслях промышленности, то представитель российской буржуазии, купечества середины XIX в. весьма охотно открывал внутренний российский рынок для иностранного капитала.

Ставя задачу производить сельскохозяйственные орудия и машины, Кокорев считал необходимым привлечь к этому иностранных капиталистов. В его статье содержалось приглашение «...приехать в Россию наживать деньги посредством устройства фабрик для делания земледельческих механических орудий и машин...» или, в крайнем случае, открыть отделения английских фабрик в Москве и в Петербурге¹.

Не может быть сомнения, что организация производства сельскохозяйственных машин в России даже средствами иностранного капитала имела тогда прогрессивное значение. Но эти предложения показывают, что Кокорев мирился с экспансией иностранного капитала. Он добивался разделения сфер производства между отечественными и иностранными капиталистами, сетуя на дворянское правительство в тех случаях, когда не использовались отечественные капиталы в той отрасли промышленной деятельности, которая была им по силам.

Подвергая критике тарифную и таможенную политику царского правительства, Кокорев объяснял ею нерациональное размещение фабрик в стране, вывоз из России сырья вместо продуктов обрабатывающей промышленности.

В происходившей тогда журнальной полемике вокруг вопросов внешнеторговой политики Кокорев занял место среди фритредеров, высказавшись за свободную торговлю.

Но если университетские политэкономы понимали фритредерство как политику, закрепляющую разделение труда между аграрной Россией и промышленной Европой, ведущую к увеличению вывоза сырья из России и ввоза фабрикатов из Европы,

¹ См. В. А. Кокорев, Взгляд русского на европейскую торговлю, «Русский вестник», т. 14, 1858 г., стр. 40.

то в планах Кокорева эта политика должна была привести к широкому развитию отечественной обрабатывающей промышленности.

Фритредерство Кокорева означало протест против феодальных ограничений торговой и промышленной деятельности. Наряду с провозглашением свободной торговли Кокорев намерен был организовать Всероссийскую акционерную компанию — для создания новых металлообрабатывающих заводов, постройки пароходов. Компания должна была вывозить масло вместо конопляных и льняных семян, стеарин и свечи — вместо сала, выделанные кожи — вместо сырых и т. д. В плане Кокорева предусматривалась постройка различных заводов и фабрик в Сибири, на Урале, на европейском севере России. Фритредерство Кокорева не исключало такой таможенной политики, при которой устанавливалась пошлина на вывозимое из России сырье, а промышленные товары освобождались от таможенных сборов. Против такой политики не могли возражать и протекционисты.

Буржуазное решение аграрных вопросов в середине XIX в. создавало широкую базу для развития капиталистической промышленности; чем меньше оставалось бы в стране феодальных пережитков, тормозивших переход к новому, более прогрессивному в тогдашних условиях способу производства, тем интенсивнее смог бы развиваться последний. Однако как раз по аграрному вопросу Кокорев стал на помещичью точку зрения, фактически отвергнув крестьянски-буржуазное решение основной экономической проблемы своей эпохи. Он вносил предложения, преследующие прежде всего купеческие интересы, открывающие новые перспективы для обогащения купцов в обстановке кризиса барщинного хозяйства. Аграрная программа Кокорева представляла собой вариант помещичье-буржуазного решения вопроса о земле.

Основной идеей его плана пореформенного развития сельского хозяйства было превращение помещичьих имений в капиталистические предприятия, а дворян — в капиталистических предпринимателей. Проектировалось также широкое проникновение торгово-промышленного капитала в земледелие, образование сословия купцов-землевладельцев¹.

Крепостнические тенденции такой аграрной программы заключались в признании и узаконении феодальных прав помещиков на все земли, в том числе и на общинные, крестьянские.

---

¹ Как известно, в феодальной России купцам и фабрикантам не предоставлялось права покупать имения с крестьянскими душами.

В момент обострения классовой борьбы вокруг решения аграрного вопроса (в конце 1857 г.) Кокорев рассматривал крепостных крестьян как «обитающих на помещичьей земле» и не имеющих права собственности на обрабатываемую ими землю.

Правда, в начале 1859 г. в получившей широкую известность статье «Миллиард в тумане» Кокорев писал «о владеемых крестьянами землях», подчеркивая тот факт, что «все крестьяне иначе и не понимают свои поля и покосы, как за землю, ими владеемую. Понятие это крепко сидит в крестьянах по той простой и ясной причине, что земли эти пахали их деды и прадеды, испокон века»¹.

Подчеркивая этот исторический факт крестьянского владения землей, Кокорев не делал, однако, из него соответствующих выводов и полностью соглашался с претензиями помещиков на продажу этой земли крестьянам за миллиард рублей. Получалось, что владеющие землей крестьяне должны были снова купить ее у дворянина, отобравшего у крестьянских общин эти принадлежавшие им испокон веков земли.

Характерно, что под «владеемыми» крестьянами землями Кокорев имел в виду только поля и покосы, умалчивая о крестьянских усадьбах. Такое молчание объяснялось тем, что по вопросу об усадебной земле он уже раньше высказал свое мнение, вполне приемлемое для дворянства. Он согласился с предложением, обязывающим крестьян «...окупить деньгами или трудом стоимость их жилища и огородов».

Как видно, идеолог буржуазии готов был сохранить в какой-то новой форме барщинный труд, так как допускал выкуп усадебной земли не только деньгами, но и работой на барских полях. Развивая свою мысль об обработке земли в пореформенное время, Кокорев заявлял, что крестьяне «...за ту землю, которую они получают от помещиков под поля, они должны обрабатывать землю владельца, то есть ту, которую они и ныне обрабатывали. Очевидно, крестьянину прибавляется новый труд — отработать стоимость своей избы и огорода»².

Аграрная программа идеолога буржуазии середины XIX в. заключала в себе, таким образом, поддержку помещичьих требований на крестьянскую землю и крепостные повинности. Никаких элементов демократизма в программе Кокорева не было. Достаточно напомнить в этой связи, что общедемократический журнал того времени «Колокол» отрицал всякую мысль о выкупе крестьянами усадьбы и усадебной земли.

¹ «Санкт-Петербургские ведомости» № 5, 8 января 1859 г., стр. 19.

² См. «Русский вестник», т. 12, кн. 2, 1857 г., стр. 214.

Отстаивая принципы выкупа или покупки крестьянами «владеемой ими земли», Кокорев вместе со всеми крепостниками и либералами попадал в трудное положение с поисками «миллиарда в тумане» для выкупной операции¹. Под предлогом изыскания средств для компенсации дворянства за представляемую крестьянству землю Кокорев выдвинул идею проведения весьма выгодной для купечества операции.

В конце 1857 г. проект Кокорева предусматривал покупку купцами и фабрикантами дворянских малоземельных имений с условием отдачи земли в аренду крестьянам, а в начале 1859 г. он проектировал покупку многоземельных имений с безденежной уступкой крестьянам части полевой земли.

Сам Кокорев пояснял, что возможность бесплатной уступки земли крестьянам зависит от более или менее выгодной покупки купцами всего дворянского имения. Если за выделом крестьянам земли оставшая часть купленного имения обеспечит соответствующую прибыль, то капиталист сможет уступить крестьянам часть земли.

Рекомендуя наделение крестьян землей при постройке промышленных предприятий, Кокорев не скрывал реального смысла этого мероприятия: капиталист, указывая на, сохранил тем самым крестьян для дальнейшего использования их в качестве рабочей силы на новых фабриках и заводах.

Конечно, вариант решения аграрного вопроса путем безвозмездной передачи крестьянам части принадлежащей им земли и быстрого преобразования старых феодальных поместий в капиталистические промышленные или земледельческие предприятия таил в себе прогрессивные начала. Но сам автор этого варианта понимал, что его предложение не может решить всей выкупной проблемы. По собственным подсчетам Кокорева, таким путем можно было получить 100 млн. руб., т. е. только десятую часть определенной им суммы выкупа. Миллиард попрежнему оставался в тумане.

Отвергая крестьянски-буржуазное решение вопроса о земле, Кокорев в своих общих рассуждениях подчас доходил до прогрессивных положений. «Населенные земли,— писал он,— теперь может покупать только одно дворянское сословие»,— и спрашивал: «Почему же не все, кто имеет средства, без различия сословий? Ведь все мы равно, знатные и незнатные, богатые и небогатые, от земли взяты, в землю скроемся; значит, уж по одному этому воззрению, не касаясь экономических начал,

---

¹ Как доказал в «Современнике» Н. Г. Чернышевский, миллиарда для выкупа и не требовалось; признавая право дворян на миллиардный выкуп, Кокорев вновь защищал интересы помещичьего класса.

все должны иметь и право владеть землею по мере своих средств»¹.

Такие идеи, несомненно, имели антифеодальную, антидворянскую направленность. Кокорев выступал с буржуазных позиций, но отнюдь не в защиту классовых интересов крепостного крестьянства.

---

¹ «Санкт-Петербургские ведомости» № 6, 9 января 1859 г., стр. 22.

Глава двадцать четвертая

БУРЖУАЗНАЯ КРИТИКА КРЕПОСТНИЧЕСТВА В РАБОТАХ Д. Н. СТРУКОВА и И. В. ВЕРНАДСКОГО

В нашей литературе имя Струкова обычно упоминается в связи с освещением той полемики, которую вели журналы «Современник» и «Экономический указатель» по вопросу об общинном землевладении. Дискуссия началась критикой «Современником» статьи Струкова «Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства», опубликованной в 1857 г. в №№ 5, 7, 9 и 10 «Экономического указателя». Это была единственная статья, помещенная Струковым в «Экономическом указателе», и о ней обычно упоминают, когда говорят о Струкове. Между тем Струков, хотя и не принял участия в полемике с «Современником», являлся автором ряда других статей и выступлений, в которых он развивал идеи, аналогичные тем, какие содержатся в упомянутой выше статье¹.

Хотя статья Струкова «Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства» известна широко в литературе, она не подвергалась специальному анализу. Обычно сущность этой статьи сводят к борьбе против общинного землевладения. Но при таком понимании содержания и значения ее остается неясным, почему Чернышевский дал весьма лестную

---

¹ Он сотрудничал в ряде сельскохозяйственных печатных органов. Кроме упомянутой выше статьи, наиболее интересными являются его большая статья, направленная против А. Кошелева и опубликованная в приложении к «Земледельческой газете» № 64 за 1858 г. под названием «О поземельном владении и пользовании», а также статья в журнале «Сельское хозяйство» за 1860 г., т. 2, под названием: «Замечания на статью г. Русинова, помещенную в журнале «Сельское хозяйство» под названием: «Опыт приложения вольнонаемного труда к сельскому хозяйству».

Даты рождения и смерти Струкова неизвестны, имя его не упоминается в энциклопедиях и биографических справочниках. Даже инициалы его в «Экономическом указателе» были обозначены неправильно. Во всех статьях Струкова перед его фамилией значилось *Д. М.* На самом деле инициалы его *Д. Н.*

характеристику статье Струкова. Кроме вопроса об общине, который разделял Струкова и Чернышевского, в статье Струкова были поставлены и другие вопросы, весьма актуальные для экономического развития России, к линии решения которых Струковым Чернышевский относился сочувственно, если даже они и далеко не соответствовали собственным взглядам Чернышевского.

Поставив целью статьи изложить условия успешного ведения сельского хозяйства, Струков не искал последних в технике и агротехнике, в почве и климате, даже в уровне знаний, хотя сам по образованию был агрономом.

Он искал их в *общественных* условиях, в которых осуществляется сельскохозяйственное производство, и спрашивал: «Какое употребление сделает из грамоты земледелец, если нет книг, сообразных его понятиям, или если книги учат тому, что бесполезно в кругу его деятельности, или что возбуждает несбыточные желания, или что иногда могло бы найти полезное применение при свободе труда и обеспеченной собственности, но невозможно при отсутствии того и другого?»¹ С точки зрения Струкова, основными условиями успеха земледелия и страны являются свободный труд и обеспеченная собственность.

Значение статьи Струкова в «Экономическом указателе» заключается в том, что главным предметом ее рассмотрения является один из важнейших вопросов того времени — о приспособлении форм земельной собственности и землевладения к характеру сельскохозяйственного производства, т. е. к уровню развития его производительных сил.

Даже чисто внешнее ознакомление со статьей Струкова показывает, что большая ее часть посвящена отнюдь не общинному землевладению. Статья публиковалась в четырех номерах «Экономического указателя» и лишь в последней части, помещенной в № 10, Струков разбирает вопрос об общинном землевладении.

При рассмотрении вопроса он анализирует аграрный строй Англии, Германии и Франции. Критикуя английское землевладение, Струков берет в качестве объекта своих нападок феодальные пережитки в английской системе землевладения. В частности, Струков указывал, что Англия — страна «...огромных поземельных родовых владений, не подлежащих ни разделу, ни отчуждению»². На эту же сторону дела он обращал внимание читателя при анализе германского землевладения.

¹ Д. Н. Струков, Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства, «Экономический указатель» № 10, 1857 г., стр. 235.

² Там же, стр. 204.

В действительности значение указанного разрыва в Англии и Германии было различным. В Англии земельная собственность была отделена от сельскохозяйственного производства, земельная собственность и капитал отделены друг от друга. Между тем в Германии монополия крупной земельной собственности являлась основой участия землевладельцев в производстве. Здесь поэтому оказывалось меньше простора для капиталистической конкуренции, сохранялось много феодальных пережитков в самом способе производства. Правда, как отмечал еще Маркс, по представлению континентальных экономистов именно в Англии «феодалная земельная собственность сохранилась в наиболее косном виде¹. Это ошибочное представление континентальных экономистов разделял и Струков. Тем не менее в критике им английского землевладения и даже в отождествлении им английского и прусского землевладения имеется рациональное зерно.

Струков не занимался академическим исследованием, его волновали аграрные проблемы Англии и Германии лишь постольку, поскольку они бросали свет на проблемы, актуальные для России.

Если подойти к английскому и прусскому землевладению с точки зрения тех исторических задач, которые стояли перед Россией, задач создания условий успешного движения ее экономики вперед, обе формы землевладения и аграрных отношений не могли удовлетворить Струкова, как более или менее радикально настроенного буржуа.

«Английские условия,— говорит Маркс,— единственные условия, в которых адекватно (с идеальным совершенством) развилась современная собственность на землю, т. е. собственность на землю, *видоизмененная* капиталистическим производством»². Но эти условия суть *результат уже завершенного* процесса преобразования. Между тем перед Россией стояла задача *преобразования*, требовалось еще *начать* это преобразование. Для того, чтобы укоренилось фермерское хозяйство капиталистического типа, не стесняемое земельной собственностью, необходимо, чтобы имелся капитал в избытке во всех отраслях производства³. Но в России не было ни развитого капиталистического производства, ни избытка капитала. Уже поэтому всякая идея о переносе английских форм аграрного строя в России середины XIX в. была бы утопией.

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, IV том «Капитала», ч. 2, 1957, стр. 230.

² Цит. по В. И. Ленину, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13, стр. 249.

³ См. К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, IV том «Капитала», ч. 2, 1957, стр. 233.

Что касается прусских условий землевладения и земледельческого производства, то консервативный характер их общеизвестен, и нет нужды останавливаться специально на рассмотрении отношения Струкова к ним. При всем различии путей становления аграрных отношений в Англии и в Пруссии между этими двумя путями было одно *общее*: и в Пруссии и в Англии преобразование старых форм землевладения и создание соответствующих капиталистическому производству аграрных отношений происходило при *сохранении господства помещиков*. Выясняя этот вопрос, В. И. Ленин отмечал, что в Германии «пересоздание средневековых форм землевладения шло, так сказать, реформаторски, приспособляясь к рутине, к традиции, к крепостническим поместьям, медленно превращающимся в юнкерские хозяйства, к рутинным участкам крестьян-лежебок, переживающих трудный переход от барщины к кнехту и грессбауэру. В Англии это пересоздание шло революционно, насильственно, но насилия производились в пользу помещиков, насилия производились над крестьянскими массами, которые изнурялись поборами, выгонялись из деревень, выселялись, вымирали и эмигрировали»¹.

Этого не следует упускать при оценке системы английских отношений землевладения и процесса становления их, т. е. английского пути развития капитализма в земледелии.

Таким образом, защита английского варианта «пересоздания средневековых форм землевладения» означала бы борьбу за перестройку аграрных отношений, направленную против крестьян. Английский вариант ломки аграрных отношений был глубоко антидемократическим.

Но независимо от критики английского и прусского землевладения Струков стоит на прогрессивной точке зрения: он высказывается против подчинения процесса развития земледелия помещичьему землевладению.

Было бы наивно искать в статьях либерала Струкова призыва к уничтожению помещичьего землевладения. Однако Струков ясно понимал, что успешное развитие сельского хозяйства России не может происходить на базе помещичьего хозяйства, в экономические возможности которого он не верил.

Он скептически относится к хозяйственным способностям дворянства. Струков прямо спрашивал: «Кто развил обширную внутреннюю и частью заграничную нашу торговлю, у кого миллионы капиталов, в какой среде наша промышленная жизнь, хотя и не просвещенная наукою и не всегда строго честная, или честная по-своему? В среде вчерашних земледель-

---

¹ В. И. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13, стр. 249.

цев, тех богатых, торговых, ловких, смышленных торговцев, знающих промышленные силы и недостатки России, умеющих ужиться с помощью денег и практичности и идущих смело к образованию». У них оказалась уже «главная сила материального движения», между тем как у дворян «остались обветшалые привилегии, отживающее право на заселенные земли и на крепостное состояние, вовсе непрактическая духовная сила образования и полное безденежье»¹. Струков считал, что новые люди должны прийти на смену дворянству и успехи экономического развития связаны с этими новыми людьми, а дворяне предотвратить это не в силах².

Струков полагал, что существуют большие трудности для перехода помещичьего хозяйства на капиталистические рельсы. Этому, собственно, посвящены его замечания на статью Русинова. По мнению Струкова, для перехода к новой системе хозяйства «нужны другие орудия, другие постройки, другое содержание скота, одним словом, иной порядок, для которого нужны капиталы и уменье»³. В отличие от дворянских либералов, которые для преодоления этих трудностей требовали высоких выкупных платежей и прикрепления крестьян к земле в той или иной форме, Струков считал, что вообще помещичье хозяйство не сможет справиться с этими трудностями и потому лучше всего будет дворянам расстаться со своими землями, хотя бы с частью их.

Говоря о необходимости значительных капиталов для перестройки помещичьего хозяйства, Струков сомневался, «пайдется ли у нас достаточно капиталов и уменья управлять ими?»⁴ Это не значит, что Струков вообще сомневался в появлении капиталов в России. Если дворянские либералы отрицали возможности накопления в крестьянском хозяйстве, то Струков верил в возможность накопления капиталов на базе крестьянских хозяйств, освобожденных от гнета крепостничества.

В полемике с Кошелевым Струков писал: когда русский крестьянин будет свободно располагать своим трудом и будет иметь земельный участок в личном и потомственном пользовании, у него «явятся излишки и капитал, как являются и теперь нередко небольшие капиталы»⁵.

¹ Д. Н. Струков, Замечания на статью г. Русинова, «Сельское хозяйство», т. 2, 1860 г., отд. IV. «Библиография», стр. 12.

² См. там же, стр. 14.

³ Д. Н. Струков, О поземельном владении и пользовании, Приложение к «Земледельческой газете» № 64, 1858 г., стр. 51.

⁴ Д. Н. Струков, Замечания на статью г. Русинова, «Сельское хозяйство», т. 2, 1860 г., отд. IV. «Библиография», стр. 9.

⁵ Д. Н. Струков, О поземельном владении и пользовании, Приложение к «Земледельческой газете» № 64, 1858 г., стр. 52.

Струков не ограничивался чисто негативным отношением к прусским и английским формам землевладения, а выдвигал и положительную программу. Он обращал внимание читателя на Францию, опыт которой считал достойным подражания и где, по его мнению, «поземельная собственность доступна всем и каждому», а потому «земледельческие сословия находятся в хорошем положении»¹.

Струкову хорошо был известен и путь, который привел к этому положению. В статье «О поземельном владении и пользовании» он писал, что «французская революция и новый кодекс нанесли сильный удар личному привилегированному владению во всех странах, где французский кодекс был введен, сделавши все земли доступными народу и изменив законы наследования»². В той же статье он указывал, что в итоге революции «положение французского хозяйства и земледельческих сословий значительно улучшилось в сравнении с тем, чем оно было в прошлом столетии», «положение земледелия и земледельческих сословий во Франции находится в прогрессивном движении улучшения»³.

Сочувствуя французской форме преобразования аграрного строя, Струков по существу хотел более радикальной ломки аграрного строя в России. Понятно, что речь шла о желательных для Струкова направлениях и формах экономического преобразования земледелия, а не о *методах* этого преобразования. Последние не были ни глубокими, ни радикальными, поскольку Струков полагал, что полная свобода мобилизации земельной собственности обеспечит перестройку аграрного строя и принесет победу прогрессивным, передовым формам земледелия, носителем и проводником которых будет недворянин.

Струков имел в виду не только раздробление дворянской земельной собственности, но и считал необходимым изменение всего строя «земельных распоряжков» в России.

Он выступил против общинного землевладения. Но что такое общинное надельное землевладение, с точки зрения буржуазного преобразования земледелия? Средневековый феодальный институт. «Средневековым,— писал Ленин,— является в России не только помещичье, но и крестьянское надельное землевладение»⁴. Поэтому критика общинного землевладения, с

¹ Д. Н. Струков, Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства, «Экономический указатель» № 9, 1857 г., стр. 204—205.

² Д. Н. Струков, О поземельном владении и пользовании, Приложение к «Земледельческой газете» № 64, 1858 г., стр. 34.

³ Там же, стр. 35.

⁴ В. И. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13, стр. 389.

точки зрения буржуазного развития, прогрессивна. Ликвидация помещичьего землевладения в России, дополняемая ликвидацией общинного землевладения, означала бы «чистку земель» для капитализма во всех секторах земледелия, означала полную перестройку всех «земельных распорядков».

Являясь противником общинного землевладения, Струков указывал на ряд темных сторон общины, однако он отрицательно относился к насильственной ломке ее¹.

Если для Чичерина борьба против общины была средством укрепления и расширения помещичьего землевладения и хозяйства, то для Струкова освобождение крестьянина от опеки общины оказывалось одним из факторов развития крестьянского хозяйства. С хозяйством помещиков он отнюдь не связывал развитие производительных сил в земледелии России.

Струкову удалось показать антикрестьянский, антидемократический характер славянофильской защиты общинного землевладения. Полемизируя с Кошелевым, Струков писал, что по славянофильским проектам речь идет не только о том, чтобы оставить крестьян при общинном пользовании землей, но и о том, чтобы воспретить им приобретение дворянских земель, т. е. лишить крестьян права приобретения земель в частную собственность. Струков высмеивает разговоры Кошелева о равенстве всех сословий, указывая, что Кошелев стремится к установлению двух разных прав: для помещиков — права частной собственности, для крестьян — только права мирского пользования землей. Хорошо равенство! — восклицает Струков.

Его вражда к общине питалась отрицательным отношением к неполноправности крестьянина, к помещичьим привилегиям, к дворянскому землевладению. Именно поэтому, полемизируя со Струковым по вопросу об общине, Чернышевский так лестно отзывался об его статье. Чернышевский, несмотря на разногласия по вопросу об общине, видел в нем противника помещичьего хозяйства.

Струков критиковал помещичье землевладение, но как буржуазный либерал, и потому его аргументация носит весьма ограниченный характер. По существу оно подвергалось критике за то, что находилось в противоречии с необходимостью превратить землю в свободный объект хозяйства. По форме же помещичья земельная собственность критикуется за то, что она затрудняла свободную мобилизацию земли. По существу Струков стремится устранить собственность на землю как условие производства, внешне же он выступает за раздроблен-

¹ См. Д. Н. Струков, О поземельном владении и пользовании, Приложение к «Земледельческой газете» № 64, 1858 г., стр. 46.

ную частную собственность на землю. — Фактически Струков хочет превратить землю в свободный объект хозяйства, непосредственно же он борется за превращение земли в свободный объект собственности.

Эта тенденция не случайна, она проистекает из буржуазного характера идеологии Струкова. Идеолог буржуазии готов признать исторически преходящий характер любой собственности, за исключением буржуазной.

Враждуя с монополией помещичьего землевладения, Струков не стоял на почве мелкобуржуазной экономики. Мелкое производство вообще не было его идеалом. Раздробление земельной собственности рассматривается им лишь как средство устранения монополии, мешающей применению труда и капитала, средство устранения препятствий на пути приспособления земледельческого производства к условиям и требованиям свободной конкуренции. По его мнению, «равно могут быть хороши, т. е. выгодны и невыгодны, большие, средние и малые хозяйства, на своем месте, сообразно спросу произведений и местным условиям климата и почвы, лишь бы они развивались без помешательства и без ограничений, иногда законом поставляемых: лучшим руководством служит сильнейшее из побуждений — личная выгода»¹. С точки зрения Струкова, следовательно, не собственность на землю должна определять масштабы хозяйства, а масштабы хозяйства должны определять размеры землевладения. Он указывал, что в фермерском хозяйстве «большое количество земли не составляет необходимого условия»; так, в Западной Европе встречаются фермы, занимающие «и весьма малое и весьма большое количество земли»².

Выдвигавшееся Струковым положение, что размер сельскохозяйственного предприятия должен определяться назначением его и средствами его владельца, а не земельной собственностью, обнаруживает антифеодальный характер его буржуазной программы создания условий «успешного сельского хозяйства». Раздробление поземельной собственности являлось для него не средством создания мелкого производства, а средством устранения препятствий на пути свободной конкуренции.

Струков являлся в период подготовки реформы одним из критиков феодальных форм землевладения «с точки зрения чисто буржуазной» (*Ленин*). В то время как идеологи революционной демократии делали упор на крестьянском хозяйстве, главная задача Струкова заключалась в том, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия накопления капитала. Хотя

¹ Д. Н. Струков, О поземельном владении и пользовании, Приложение к «Земледельческой газете» № 64, 1858 г., стр. 41.

² Д. Н. Струков, Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства, «Экономический указатель» № 9, 1857 г., стр. 208.

создание условий для развития самостоятельного крестьянского хозяйства было объективно созданием условий развития капитализма и накопления капитала, революционные демократы ставили перед своей программой другие задачи. Не случайно община явилась центральным пунктом разногласий между Чернышевским и Струковым.

Для Струкова община была помехой накоплению капитала, для революционной демократии — исходной основой социализма. В отношении к общине обнаружилась противоположность буржуазной и социалистической идеологии Струкова, с одной стороны, Чернышевского — с другой.

Струков был буржуазным либералом. Его критика феодализма страдала ограниченностью буржуазного либерализма. Требуя демократизации экономического строя, он не выдвигал реальных методов, обеспечивающих действительную его демократизацию. Хотя его критика помещичьего хозяйства и землевладения имела прогрессивное значение, Струкова следует считать идеологическим антиподом русской революционной демократии, поскольку она обосновывала крестьянскую революцию и призывала к ней.

* *
*

Видным представителем буржуазной экономической мысли России в начале второй половины XIX в. был И. В. Вернадский¹.

Будучи издателем и редактором журнала «Экономический указатель» (1857—1861 гг.), Вернадский освещал экономические вопросы с позиций буржуазной экономической науки.

Отдельные части его литературного наследства далеко не равноценны. Наряду со значительными оригинальными трудами он оставил и работы, которые не представляют научного значения.

В данной главе будут рассмотрены взгляды Вернадского по основным проблемам теории и истории экономической науки, по актуальным проблемам экономики России.

По мнению Вернадского, задача политической экономии состоит в том, чтобы открыть «естественные законы производ-

---

¹ Иван Васильевич Вернадский родился в 1821 г. в Киеве, где и получил образование. Был профессором Киевского, а затем Московского университета, Петербургского педагогического института и Александровского лицея. В 1856—1867 гг. состоял чиновником особых поручений при министре внутренних дел. С 1857 г. издавал журнал «Экономический указатель» и приложение к нему — «Экономист». С 1867 по 1876 г. был управляющим конторой Государственного банка в Харькове. Умер Вернадский в 1884 г. в Петербурге.

ства»¹, под которыми он понимал законы, «не подчиненные произволу власти»².

На первый взгляд кажется, что главным в этом положении является признание объективности экономических законов. В действительности же смысл этого положения заключается в том, чтобы представить законы буржуазной экономики в качестве естественных, вечных законов, соответствующих якобы природе человека. «Экономические законы,— пишет Вернадский,— проявляются во всей своей силе везде, где существует труд и мена...»³.

Иначе говоря, экономическими законами для него являются только законы товарного производства. Взгляд этот, как известно, является обычным для буржуазных экономистов.

Вернадский принимал учение классиков о естественных законах. Но он не разделял чрезмерного оптимизма своих учителей об условиях осуществления законов. Он указывает, что у физиократов, в частности, все выводы из их учения сводятся лишь к лозунгу — «не мешать».

Перед Вернадским вырисовывался не только тот идеальный строй буржуазных отношений, за установление которого он ратовал, но и реальный крепостнический строй, который не мог быть устранен одним лозунгом «не мешать». Мало было «не мешать» буржуазным отношениям, предстояло устранять крепостнические отношения. Такой вывод был закономерен для буржуазного экономиста страны, в которой феодальные отношения составляли основу отношений производства.

Физиократы имели основания исходить из буржуазных отношений производства, которым лишь недостает полной свободы проявления. Вернадский же был современником крепостнических отношений производства, которые не только мешали буржуазным отношениям, но и являлись господствующими в стране.

Вернадский считал недостаточным определение политической экономии как науки, которая предметом своим имеет богатство или производство богатства. «Политическая экономия,— писал он,— говорит не о самых вещах (что мы разумеем под словом богатство), а только об одном их свойстве — ценности»⁴.

¹ *И. Вернадский*, Предмет политической экономии, «Журнал министерства народного просвещения», май 1856 г., ч. XC, отд. II, стр. 143—144.

² *И. Вернадский*, Очерк истории политической экономии, Спб. 1858, стр. 1.

³ *И. Вернадский*, Предмет политической экономии, «Журнал министерства народного просвещения», май 1856, стр. 136.

⁴ *И. Вернадский*, Проспект политической экономии, Спб. 1858, стр. 1.

Определяя политическую экономию как науку о ценности, Вернадский ограничивал объект науки товарным производством. Однако он не мог остаться в рамках этого определения. Объект его действительного изучения шире, и он подвергает теоретическому анализу и докапиталистические формы производства, пытаясь раскрыть их основы, выявить отличия между ними и буржуазным производством.

Рассматривая историю развития общественных форм, Вернадский видел основу этого развития в *«истории человеческого труда»*.

Характеризуя рабовладельческое общество, он отмечал отсутствие в нем стимулов к росту производительности труда, расточительное, хищническое отношение к труду.

Вернадский пытался установить различия между древней (рабовладельческой) и средневековой (феодальной) организацией труда. Последняя тоже являлась насильственной, но она выходила «столько же от владения, сколько и от труда».

В ранних работах Вернадского «владение» означало монополию на средства труда, при которой для осуществления эксплуатации необходимо внеэкономическое принуждение. Таким образом, Вернадский в своих характеристиках разных общественных строев отражает реальные различия между ними. В действительности при рабовладельческой системе весь процесс труда — и необходимый и прибавочный — осуществлялся путем принуждения. При крепостничестве или не весь процесс труда осуществляется путем принуждения, или не весь продукт принадлежит эксплуататору. Поэтому для рабовладельческой системы он считает характерным господство владения, а для крепостничества уже не полное господство владения.

Отличительную особенность буржуазного строя Вернадский усматривал в том, что в его условиях «...труд окреп и является с полным сознанием сил своих в прямом противоборстве с интересами владения»¹.

Вернадский является безусловным защитником буржуазного строя. Мелкобуржуазные иллюзии ему чужды. Он воспекает крупный капитал и крупное производство. По мнению Вернадского, «значительный капитал имеет большее преимущество перед малым, ибо он представляет соединение сил, делает возможное разделение труда, что, как мы видели, составляет главное условие для успешного производства, поэтому страны, где есть значительные капиталы, имеют несравненно большее

¹ И. Вернадский, Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX века, М. 1849, стр. 19.

преимущество перед странами, которые его имеют менее; отсюда является образование машинного производства, что невозможно при малых капиталах»¹.

Приветствуя концентрацию капитала и производства, Вернадский тем не менее критиковал крупную земельную собственность. Это тем более заслуживает внимания, что в оценке частной собственности, в том числе частной земельной собственности, буржуазно-апологетические тенденции Вернадского выступают особенно отчетливо. Он защищал частную собственность и объявлял «владение» условием всякого рационального хозяйства. В отношении источников доходов Вернадский объединял собственность на землю и собственность на капитал, оправдывая, таким образом, доход земельного собственника. Здесь ярко обнаруживался переход Вернадского на позиции вульгарно-апологетической трактовки доходов эксплуататорских классов и характерное для трусливой буржуазии примирение с земельной собственностью как формой частной собственности.

Вместе с тем у Вернадского отчетливо выражено критическое отношение к крупной земельной собственности. Выступая сторонником крупного производства и крупного капитала, Вернадский в то же время считал вредной концентрацию земельной собственности. Он выражал сочувствие Васко, который в своем ответе Вольному экономическому обществу доказывал вредность концентрации земельной собственности².

Таким образом, у Вернадского имелись две противоположные точки зрения на концентрацию капитала и концентрацию земельной собственности. В «Проспекте политической экономии» он писал: «Что касается до вопроса о хозяйстве в больших и малых участках, большими и малыми капиталами и т. п., то должно отличать здесь две стороны: а) вопрос владения, б) вопрос труда. Для производительности централизация вообще полезна», но «владение большими участками составляет иногда препятствие к большему благоденствию поселян», и потому в интересах народа «лежит хозяйство в больших участках при отдельном, раздробленном владении»³.

Поскольку в тот исторический период крупная земельная собственность реально была помещичьей, а мелкой могла быть только крестьянская земельная собственность, эти высказывания были направлены против помещичьей земельной собственности.

¹ См. *Г. Шторх*, Курс политической экономии. Перевод под ред. и с замечками И. В. Вернадского, т. I, Спб. 1881, стр. 150.

² См. *И. Вернадский*, Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX века, стр. 111.

³ *И. Вернадский*, Проспект политической экономии, стр. 29.

Несмотря на буржуазную ограниченность своего отношения к земельной собственности и признание необходимости последней, как всякой другой формы частной собственности, даже правомерности ренты, Вернадский одновременно критиковал помещичью земельную собственность. Теоретической основой его критики являлось проводимое им различие между крупным производством и крупной земельной собственностью, признание высокой производительности крупного производства и вредности крупной земельной собственности.

В качестве примера разрыва между масштабами земельной собственности и производства он приводил Англию. «Может быть большое владение и мелкое возделывание. Такой пример представляет во многих местах и Великобритания: в ней часто существует большая собственность только на бумаге. Другими словами, в ней при *grande propri  t  * существует и *petite culture*»¹.

Вопрос о размере земельной собственности не ставился Вернадским абстрактно; он защищал такие размеры землевладения, которые соответствуют характеру и размеру производства.

Пример с Англией взят неудачно, но мысль о необходимости приведения земельной собственности в соответствие с земледельческой культурой плодотворна. В тот исторический период она была направлена против помещичьей земельной собственности, а с другой стороны, служила барьером против мелкобуржуазных иллюзий об особых преимуществах мелкого производства в земледелии.

Критическое отношение к английской и германской формам землевладения, симпатия к французской форме достаточно ясно говорят об отношении Вернадского к помещичьему землевладению. Он был сторонником приспособления форм земельной собственности к условиям производства. Как буржуазный экономист, он полагал, что это приспособление может произойти стихийно и быстро, если будет объявлена полная свобода мобилизации земельной собственности. Не понимая консервативной силы помещичьего землевладения, он был уверен, что несоответствие помещичьего землевладения условиям производства приведет к ускоренному сокращению дворянского землевладения. По его мнению, свободная форма крестьянского землевладения и свобода мобилизации земли будут способствовать ускорению приспособления землевладения к условиям производства. Поэтому он выступал против принудительного сохранения общины.

¹ Выступление И. Вернадского 8 апреля 1861 г. на собрании Политико-экономического комитета Географического общества, «Век» № 26. 5 июля 1861 г.

Вместе с тем Вернадский был противником тех кабальных форм и условий наделения крестьян землей, которые подготовлялись реформаторами. Когда В. Кокорев выступил в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1859 г. со статьей «Миллиард в тумане», в которой предлагал выплатить помещикам миллиард выкупной суммы, Вернадский опубликовал статью «Туман и миллиард», где доказывал вредность предложения Кокорева, так как «...ведь плательщики будут все те же крестьяне»¹. Вернадский принимал другой вариант решения проблемы наделения крестьян землей, предложенный тем же Кокоревым: заменить для помещиков крестьянскую землю пустопорожнюю из ближайших казенных дач в поволжских степных губерниях². Эти мысли, как полагал Вернадский, «здравы и не зависят от миллиарда, который, вероятно, останется в тумане и на деле, пока солнце опыта не рассеет его»³.

Весьма характерны также статьи Е. Кор-ко, под названием «Крестьянский вопрос», публиковавшиеся Вернадским в ряде номеров «Экономического указателя». В этих статьях освещались в связи с проблемой выкупа существеннейшие вопросы перехода от крепостничества к новому, буржуазному строю. Автор возлагает мало надежд на помещиков. Он считает, что помещики не будут защищать прогрессивных условий отмены крепостного права⁴.

«Экономический указатель» разоблачал помещичьи проекты выкупа и тогда, когда они формально отказывались от выкупа личности, но протаскивали его скрыто, в виде высокой оценки усадьбы или полевой земли.

Полемизируя с Бунге, который считал, что вознаграждение владельцев «за крепостной труд законно и необходимо», Е. Кор-ко писал: «...капитализируя оброк, вы с тем вместе капитализируете и произвол»⁵.

Говоря о проектах капитализации оброка, Вернадский спрашивал: «Не будет ли это премия тому, кто более вредил обществу благосостоянию и выжимал то, на что не имел права?»⁶

¹ «Указатель политико-экономический» № 108, 1859 г., стр. 87. Характерно, что Кокорев подвергся в тот же период нападкам со стороны «Журнала землевладельцев», который считал, что Кокорев разоряет помещиков (см. статью Н. А. Никифорова «Миллиард не в тумане», «Журнал землевладельцев», т. V, № 19, 1859 г., отд. 3).

² См. *И. Вернадский*, Туман и миллиард, «Указатель политико-экономический» № 108, 1859 г., стр. 88.

³ Там же.

⁴ См. *Е. Кор-ко*, Крестьянский вопрос, «Экономический указатель» № 65, 1858 г., стр. 279.

⁵ «Указатель политико-экономический» № 128, 1859 г., стр. 545.

⁶ *И. Вернадский*, Крестьянское дело с научной точки зрения, «Указатель политико-экономический» № 129, 1859 г., стр. 572.

В тот же период Вернадский опубликовал в «Экономисте» статью, автор которой, критикуя помещичьи проекты выкупа, писал: «...некоторые прожектеры делают такие великолепные оценки, что просто из спекуляции можно бы покупать имения и освобождать крестьян»¹.

Однако, как бы широко ни была развита аргументация Вернадского против помещичьей кабалы, следует помнить, что интересы русской буржуазии мало сталкивались с интересами помещиков, как земельных собственников. Русская буржуазия еще не имела фермерской прослойки в сколько-нибудь значительных масштабах.

Монополия на личность крепостного в большей мере затрагивала непосредственные интересы буржуазии. Поэтому буржуа относительно радикален в требовании ликвидации личной зависимости и явно примиренчески относится к помещичьей земельной собственности. Всегда следует ясно понимать глубокое классовое различие буржуазной и крестьянской критики помещичьей земельной собственности. Либерально-примиренческий характер буржуазной критики помещичьей земельной собственности имеет свою экономическую основу.

* *
*

Вернадский был противником протекционизма, но отнюдь не безусловным глашатаем идей фритредерства. Это видно из его памфлета «Политическое равновесие и Англия», в котором показывалось значение провозглашенного Англией и проводимого ею фритредерства для английских колоний. Вернадский резко подчеркивал, что именно фритредерская политика способствовала одностороннему обогащению Англии за счет ее колоний, которые благодаря этому превращались в поле экономического грабежа. Однако, рассматривая фритредерство как наиболее полное развитие принципов свободной конкуренции, Вернадский именно в силу этого и отстаивал для России принцип фритредерской политики.

Он считал русскую промышленность в тот период времени не настолько беспомощной, чтобы она не смогла выдержать иностранную конкуренцию. По его мнению, уже Крымская война явилась результатом столкновения экономических интересов Англии, прежде всего, и России, которая начала выходить на ближневосточные рынки, нарушая тем самым монопо-

---

¹ Н. П. Данилов, О повинностях срочно-обязанных крестьян к помещику, «Экономист», т. II, кн. 3, 1859 г., стр. 34.

лию Англии. Между тем в экспансии России на Ближний Восток активную роль играла русская промышленность.

В том же памфлете Вернадский отстаивал интересы молодой русской промышленности. Слабость русской промышленности он видел не в том, что ее здоровая часть не сможет выдержать иностранную конкуренцию, а в том, что она не имеет необходимых условий развития внутри страны, скована феодальными монополиями, которые охраняли крепостническую промышленность в наиболее ответственных для народного хозяйства отраслях ее.

Вернадский в отличие от его противников выступал защитником передовых, наиболее развитых в социально-экономическом и техническом отношении форм промышленного производства. Он понимал, что рост машинного производства должен вести не к сокращению, а к расширению рынка¹. Критикуя Сисмонди, который стремился к ограничению конкуренции и употребления машин, Вернадский указывал, что Сисмонди рассуждает так, «как будто конкуренция может быть управляема и будто без машин может существовать образованное общество»².

Вернадский критиковал не только протекционистов, но и тех фритредеров, для которых осуществление фритредерской политики было средством увековечения аграрного характера страны.

Вернадский являлся переводчиком известной книги Л. В. Тенгоборского «О производительных силах России», хотя и считал, что эта книга «не представляет нам последнего слова в науке».

Переводя книгу Тенгоборского, Вернадский сделал ряд замечаний к отдельным положениям ее. Консерватор по своим взглядам, Тенгоборский считал, что России следует остаться аграрной страной, а промышленность должна существовать в ней в виде придатка к сельскому хозяйству, как сельская промышленность.

Полемизируя с Тенгоборским, Вернадский писал, что «Россия может с выгодой и успехом заниматься не одним земледелием»³. Он указывал, говоря о сельской промышленности, что «в техническом отношении она производит и менее, и хуже городской и потому уже особого покровительства не заслужи-

¹ См. Г. Шторх, Курс политической экономии. Перевод под ред. и с замечаниями И. Вернадского, т. I, стр. 108.

² И. Вернадский, Очерк истории политической экономии, Спб. 1858, стр. 217.

³ См. Л. В. Тенгоборский, О производительных силах России. Перевод с дополнениями И. В. Вернадского, ч. II, отд. II, Спб. 1858, стр. 24 (сноска 2).

вает»¹. Тенгоборский утверждал, что Россия не в состоянии сравниться или превзойти другие страны на поприще мануфактурной промышленности и не имеет всех условий, необходимых для того, чтобы «сделаться страной мануфактурной». Возражая против этого, Вернадский указывал, что «затруднения для мануфактурной деятельности в России находятся не столько в природе страны, сколько в ее теперешнем положении, которое может со временем измениться. Знания и капиталы приобретаются, общественное положение лиц изменяется»².

В ответ на заявление Тенгоборского, что вообще нужно поощрять те отрасли промышленности, для которых почва производит в изобилии сырой материал, Вернадский указывал, что автор «ясно увлекается здесь заранее надуманной идеей. Осуждать страну на один только род промышленности и притом отдалять всякую перемену в этом роде покровительством, значит искажать научные положения». Защита фритредерства являлась у буржуазного идеолога Вернадского средством создания условий для свободного капиталистического накопления.

* *
*

Вернадский уделял много внимания вопросу о роли труда в экономических явлениях. Он полагал, что труд есть «главный и единственный источник богатства»³. По его мнению, труд есть необходимое условие для того, чтобы «сблизить предмет с потребностью, вследствие труда являются отношения человека к предметам и к людям, и труд делается цементом, связывающим все общество»⁴.

Если первое определение не отличается оригинальностью, то вторая характеристика труда ясно выражает правильную мысль, что труд опосредствует не только отношение человека к природе, но и отношение человека к человеку.

Вернадский различал потребительную стоимость, которую он называл годностью, и стоимость, не ставя последнюю в зависимость от потребительной стоимости. Он прямо указывал, что стоимость «определяется трудом, а не годностью» и лишь поэтому делается понятным, «что есть вещи, которых стоимость больше, но годность меньше»⁵.

¹ См. *Л. В. Тенгоборский*, О производительных силах России. Перевод с дополнениями И. В. Вернадского, ч. II, отд. II, стр. 10.

² Там же, стр. 19.

³ *И. Вернадский*, Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX века, стр. 1.

⁴ См. *Г. Шторх*, Курс политической экономии. Перевод под ред. и с заметками И. В. Вернадского, т. 1, стр. 33—34.

⁵ Там же.

Как известно, многие вульгарные экономисты расширяли понятие труда, и действие сил природы также называли трудом. Вернадский выступал против такого взгляда.

Вернадский отличал меновую стоимость от стоимости, называя первую ценностью: «Стоимость должно отличать, однако, от ценности. Ценность по своей природе не может быть иной, кроме меновой; потому что без мены не может быть и ценности: может быть только годность или стоимость вещи. Ценность выражает уже оценку вещи покупателем»¹.

При этом надо иметь в виду, что Вернадский выступал против всяких субъективистских трактовок ценности. Он писал, возражая Рау: «Ценность не изменяется от нашего суждения или от нашего понятия: она лежит в природе наших отношений и в свойстве самих вещей. Наше незнание, наша леность или наша небрежность, а иногда и наша гордость могут изменять цену вещей, возвышая или понижая ее; но это так же мало соответствует истинной ценности, как сумме усилий, потребных для произведения этой вещи в данный момент времени, как воровская цена или приобретение насилем»².

Таким образом, в вопросе о стоимости и источниках доходов Вернадский не отходил от позиций классической школы. Он говорил о Рикардо, что «этот писатель бесспорно принадлежит к замечательнейшим по политической экономии в настоящем столетии»³. Правда, в работах Вернадского имеется немало комплиментов и по адресу Бастиа. Но в центральных пунктах теории политической экономии Вернадский не разделял взглядов Бастиа, отмечал свое несогласие с его теорией ценности, хотя и в очень мягких формах. В своих произведениях Вернадский усердно пропагандировал положение вульгарной экономии, что все виды труда являются производительными. Он отстаивает мнение, будто бы всякого вида услуги производительны и не может быть непроизводительных видов деятельности.

Учение о производительном труде отвечает прежде всего на вопрос о том, какие виды труда создают стоимость и прибавочную стоимость, какие виды труда в состоянии увеличивать народный доход страны и затратой каких видов труда определяется величина народного дохода.

Объявляя все виды труда производительными, Вернадский пошел по проторенной дорожке вульгарной экономии. Казалось бы, если все виды деятельности производительны, то все доходы, получаемые в обществе, должны являться составными

¹ См. *Г. Шторх*, Курс политической экономии. Перевод под ред. и с замечками И. Вернадского, т. I, стр. 286.

² Там же, стр. 288—289.

³ *И. Вернадский*, Очерк истории политической экономии, стр. 152.

частями целого, народного дохода. Народный доход оказывался простой суммой доходов всех членов общества.

Если бы Вернадский так решал проблему народного дохода, тогда можно было бы сказать, что защита буржуазных доходов превратилась у него в вульгарную теорию народного дохода, а вместе с тем в вульгарную теорию стоимости и доходов. Но трактовка Вернадским вопроса о величине народного дохода расходится со всякого рода вульгарными построениями в этой области. «Народный доход,— писал Вернадский,— состоит в массе новых годностей, появившихся в стране в известный период времени, или есть то увеличение, которому подверглись все ценности страны в течение известного времени вместе с теми вещностями, которые получили ценность впервые. Следовательно, не всякий частный чистый доход может входить в состав его: весь доход от владения, как такой, исключается из него, хотя он входит в счет под иной рубрикой»¹.

Мысль Вернадского состоит в том, что величина народного дохода определяется увеличением ценности «вещностей», в которых заключено и то, что составляет «доход от владения». Последний не должен учитываться особо, как самостоятельный источник; он представляет собою часть увеличения ценности, и уже учтен.

Вернадский исключает из народного дохода не только доходы от владения, поскольку они уже учтены в производстве, но и услуги. Заявляя неоднократно, что любые услуги так же производительны, как и труд, занятый в сфере материального производства, Вернадский вместе с тем пишет: «Нельзя согласиться... с теми, которые к народному доходу причисляют нематериальные услуги, сделанные в течение данного времени. Такие услуги полезны, способствуя увеличению производства в стране, но их непосредственная производительность сливается с материальным производством, в ценности которого необходимо заключается и ценность невещественного труда, при производстве его действовавшего»².

Таким образом, на место производительности услуг он ставил их полезность, отрицая способность услуг к самостоятельному созданию стоимости.

Представляет интерес характеристика денег, данная Вернадским в связи с анализом развития экономических теорий.

С большим сочувствием он приводил мнение Верри о том, что деньги — всеобщий товар. Вернадский понимал формальную потребительскую стоимость денег. Приводя мнение Беллони о том, что благородные металлы приняты за деньги, так

¹ И. Вернадский, Проспект политической экономии, стр. 48.

² Там же.

как они могут «доставить житейские потребности и житейские удовольствия», Вернадский обвинял Беллони в забвении того, что «последнее свойство лежит в них не как в металле, а именно как в деньгах, и что каждый род денег, если даже он и не состоит в драгоценном металле, необходимо имеет его»¹.

Из факта существования формальной потребительной стоимости денег Вернадский не делал вывода о сущности денег в номиналистическом духе. Излагая взгляды Дженовези, Вернадский писал: «Вмешательство общественной власти в определение ценности денег он считает вредным, так как ценность их определяется сама собою, с чем нельзя не согласиться»².

Сочувствуя критике номиналистической теории денег в ее варианте государственной теории денег, Вернадский критиковал и другие номиналистические оттенки в теории денег.

Рассматривая взгляды Беллони, он указывал, что Беллони называет деньги мерой товаров, и возражал против этого мнения. Он полагал, что деньги «есть нечто более, нежели только мера товаров». Он отмечает, что деньги обладают внутренней стоимостью, а взгляд, что ценность денег «неизменна и постоянна», представлялся ему совершенно ложным³.

Анализируя теорию денег Верри, Вернадский утверждал, что изменение цен этот автор совершенно правильно считал «зависящим от запроса и предложения»⁴. Но когда Верри этот же закон распространял на деньги, то Вернадский признавал такой взгляд ошибочным, противоречащим взгляду самого Верри, считавшего деньги всеобщим товаром. Вернадский указывал, что если распространить этот закон на деньги, то получится, что и «всеобщий товар» — деньги должны подвергнуться тогда общему закону определения цен, т. е. «будут тем более стоить, чем более желающих купить их, чем более покупателей, и тем менее, чем более продавцов сего товара»⁵.

Приведенное положение показывает понимание Вернадским того, что если товарные цены зависят от количества товаров, то в условиях металлического обращения они не зависят от количества денег. Этот правильный взгляд, истоки которого восходят к Стюарту, был, как известно, научно развит и обоснован только Марксом.

Вернадский понимал, что знаки стоимости имеют свои специфические законы обращения, отличные от законов обращения как полноценных денег, так и кредитных денег.

¹ И. Вернадский, Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX века, стр. 35.

² Там же, стр. 51.

³ См. там же, стр. 35.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 60.

* *

*

Как типичный буржуазный экономист, Вернадский являлся противником социализма, объявлял его продуктом заблуждения. Он демагогически обвинял социалистов в недостаточном знакомстве «с природой человека и с природой вещей»¹. Успехи социалистического учения он объяснял ростом пауперизма.

Социалистические учения, по Вернадскому, не везде могут пользоваться успехом. «Социализм есть необходимое явление, следующее за пауперизмом, как сознанным убожеством целого класса народа, но поэтому, естественно, что, где нет последнего, там нет никакой опасности распространения первого»². Спасение от социализма Вернадский искал в том, чтобы избежать тех условий, которые способствуют появлению социалистических идей. Эта иллюзия буржуа была естественна в стране, где капиталистический строй не вполне обнаружил еще свои неразрешимые противоречия.

Полемика Вернадского против Чернышевского по вопросу об общинном землевладении по своему существу была борьбой буржуазного экономиста, боящегося социализма, против теоретика и пропагандиста социализма. Энергия, проявленная Вернадским в этой полемике, была вызвана не заботой о той или иной форме крестьянского землевладения, а стремлением не допустить распространения социалистических идей в России даже в самой элементарной форме.

Полемика Вернадского против Чернышевского была начальной формой выражения антисоциалистической направленности идеологов русской буржуазии. Поскольку крестьянская демократия в России была слита воедино с социализмом, постольку буржуазные идеологи и крестьянские демократы выступали как идеологические антиподы.

•

* *

*

Литературная деятельность Вернадского продолжалась около трех десятков лет. Если до реформы 1861 г. главный упор в своих работах Вернадский делал на критике крепостничества и всех добуржуазных форм производства, то в пореформенный период (что особенно видно в его заметках на книгу Шторха) главное внимание им отводилось защите буржуазного экономического порядка, воспеванию его и соответствующей ему классовой структуры общества.

¹ И. Вернадский, Очерк истории политической экономии, стр. 221.

² Там же.

Последующее развитие капитализма привело к иссяканию критической струи в творчестве Вернадского, что было неизбежно для него, как буржуазного экономиста. Сама критика крепостничества со стороны буржуазно-либеральных экономистов резко отличалась от той критики крепостничества, которую развивала революционная демократия. Критика крепостничества Вернадским была либерально-реформаторской в противоположность проповеди революционной расправы с крепостничеством, с которой выступила крестьянская демократия.

Различие классовых интересов буржуазии и крестьянства давало себя знать в содержании теории и в глубине вскрытия внутренних противоречий крепостничества, как эксплуататорского строя.

Крестьянство, как класс угнетенный, было заинтересовано в наиболее полной ликвидации всех остатков крепостничества, и его идеологи смело могли замахиваться на все формы эксплуатации.

Классовая природа критики Вернадским крепостничества вполне закономерно вела к апологии им не только капитализма, но и тех остатков крепостничества, которые принимали буржуазную форму. Буржуазия была заинтересована в борьбе против крепостничества во имя смены господства помещиков господством буржуазии. Она заменяла один вид угнетения другим. Поэтому буржуазные идеологи боялись движения масс. Развитие классовых противоречий буржуазного общества все больше выдвигало на первый план борьбу буржуазии против пролетариата, порожденного развитием капитализма. Отсюда понятны вульгарные мотивы апологии капитализма Вернадским, особенно резко выраженные у него к концу жизни. Эволюция Вернадского предвосхищает эволюцию всего буржуазного либерализма, который чем дальше, тем больше порывал с демократией и ко времени революции 1905 г. превратился в контрреволюционный либерализм, объединивший идеологов и буржуазии и помещиков.

Глава двадцать пятая

И. К. БАБСТ

Одним из представителей буржуазного либерализма был профессор Казанского, а затем Московского университетов *И. К. Бабст* (1824—1881). Буржуазные либералы независимо от своего родословного происхождения были свободны от господствовавших в феодальном обществе представлений об исключительной роли и значении дворянского класса в жизни страны. И. Бабст называл господствовавшее тогда в феодальной России сословие «безобразным, чванливым, глупым и вместе с тем подлым дворянством»¹. Он ненавидел деспотический режим Николая I. Дворянские либералы позволяли себе осуждать лишь некоторые действия царя и его министров, а буржуазные либералы возмущались всей политикой Николая I.

Когда И. Бабст узнал о смерти Николая I, он записал в своем дневнике, что рухнула главная опора и прибежище всего отжившего, старого, оплот деспотизма и мрака. Протестовал Бабст против «поборников обскурантизма и чиновничества». Все оппозиционные мысли находили себе место на страницах его дневника. Непосредственные связи с декабристами, общение с передовыми людьми Москвы, Петербурга и Казани способствовали укреплению его буржуазных взглядов на крепостническую действительность.

Первая, доставившая ему широкую известность в либеральных и демократических кругах, казанская речь Бабста «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала» (1856 г.) была направлена по существу против дворянской, крепостнической идеологии.

Бабст выступал против тупых предрассудков, против застоя и косности во всех областях политической и хозяйственной

---

¹ Дневник И. К. Бабста, 1855—1857. Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, М. 5742, № 1, стр. 4.

жизни. Он выдвинул задачу критического отношения к окружавшей крепостнической действительности, пересмотра состояния помещичьего хозяйства, крестьянского быта, положения и уровня развития в стране промышленности и торговли.

Классовое содержание экономических взглядов Бабста наиболее точно определилось во время чтения им лекций в Московском университете, в обстановке подготовляемых в стране буржуазных реформ.

Существование дворянского сословия, крепостничество и феодальные ограничения в промышленности рассматривались Бабстом как нарушение экономических законов. Экономическое положение феодальной России определялось им как болезненное состояние. 12 января 1860 г. на торжественном собрании в день годовщины основания Московского университета И. Бабст произнес новую яркую речь — «Мысли о современных нуждах нашего народного хозяйства», в которой были подвергнуты анализу кризисные явления в экономике России. «Мы больны, в этом не может быть сомнения», — так охарактеризовал профессор Московского университета экономическое положение России накануне реформы, предупреждая о бесплезности и слабости паллиативных мер при полном расстройстве всего экономического организма страны. Бабст обосновывал программу широкого преобразования всех сторон хозяйственной жизни России и прежде всего требовал отмены крепостного права, проведения новой политики в области финансов, кредита, народного образования.

На публичном заседании перед студентами и профессорами Московского университета Бабст позволил себе говорить о помещичьем произволе в стране, о невыносимой крепостной зависимости крестьянина, о лишении его гражданских прав, причем говорил в совершенно ином тоне, чем допускалось в дворянских собраниях. Особое внимание Бабст обращал на обоснование необходимости снять «оковы и путы» с народной промышленности, имея в виду феодальные ограничения, мешавшие развитию фабрик, заводов и торговли.

Защита интересов торгово-промышленного сословия преобладала в речи Бабста. Профессор Московского университета открыто стал на позицию торгово-промышленной и финансовой буржуазии, противопоставляя ее силам консерватизма и феодальной системы хозяйства. Он отстаивал экономические и политические права российского купечества, требуя создания особых сословных организаций торговой и промышленной буржуазии.

Отличные от крепостников и дворянских либералов классовые позиции Бабста не могли не отразиться на его лекцион-

ном курсе политической экономии, читавшемся студентам Казанского и Московского университетов.

Совершенно иначе, чем Горлов, ставил он вопрос о труде. В период господства феодальных отношений идеологу буржуазии удавалось в своем экономическом учении сохранить научные элементы, не преувеличивая роли капитала в общественном производстве, не забывая о решающем значении труда.

«Капитал сам по себе, — признавал Бабст, — действительно ничего не может произвести. Без участия труда человеческого, без содействия матери-природы, он будет мертв и нем». Одновременно Бабст подчеркивал, что «труд человеческий может обойтись без капитала...»¹.

Тем самым идеи классиков буржуазной политической экономии вновь возрождались в университетской науке, в противовес вульгарным представлениям Горлова.

Буржуазный идеолог не мог обойтись без соответствующей оценки роли капитала в общественном производстве. Но реальные капиталы, принадлежащие российскому купечеству, торгово-промышленной буржуазии, подменялись им понятием «народного капитала». Игнорируя классовые отношения, присущие капитализму, Бабст причислил к «народному капиталу» все мануфактуры, машины, строения, пути сообщения и даже деньги, хранящиеся в банке. Интересы капиталистов отождествлялись с интересами народа.

Антагонизмы буржуазных отношений не вскрывались и не могли быть вскрыты Бабстом. Добивающаяся власти буржуазия не отказывалась даже от признания роли рабочего сословия в создании капитала, но, конечно, под рабочим сословием подразумевалось также купечество, вышедшее из крестьянства и мещанства, угнетаемого в феодальной стране. «По песчинкам накаплиются капиталы, но каждая песчинка пропитана трудовым потом рабочего сословия», — подчеркивал Бабст. Он требовал такой правительственной политики, при которой «драгоценные сии песчинки не развеяны были по ветру, и не прилипли бы к нечистым рукам»².

В качестве основных положений экономической политики Бабст выдвигал: а) полную безопасность для труда и собственности, б) полную возможность неограниченно пользоваться накопленным капиталом, в) производительное использование капитала, г) соответствующее отношение между производительным и непроизводительным населением, д) полную свободу развития промышленности и торговли, отмену всех фео-

¹ И. Бабст, О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала, М. 1857, стр. 18.

² Там же, стр. 22.

дальних ограничений, стесняющих развитие их, е) создание широкой сети кредитных учреждений, содействующих развитию торговли и промышленности, ж) строительство железных дорог, з) передачу казенных промышленных предприятий в частную собственность, и) широкое распространение просвещения и образования.

В обстановке все еще продолжавшегося господства феодальных производственных отношений такая экономическая программа имела прогрессивное значение. Направленные на развитие капитализма в стране некоторые из этих требований отражали и интересы более широких масс населения.

Для буржуазной программы Бабста характерно уклонение его от конкретного решения основной проблемы эпохи — ликвидации крепостничества, включая помещичью земельную собственность.

Не может быть сомнения в том, что Бабст желал и добивался уничтожения крепостничества. В ответ на сетования помещиков о неизбежном лишении их рабочих рук после освобождения крестьян, Бабст не стремился утешать дворян. Напротив, он заявлял, что политическая экономия как раз считает вполне естественным такое положение, при котором рабочие силы не стеснялись бы и свободно перемещались «с одного места на другое, искали бы выгодной себе работы, т. е. работы, в которой наиболее общество нуждается».

Однако Бабст не выдвинул своих конкретных предложений по крестьянскому вопросу.

Постановка вопроса о «свободе» труда, о вольнонаемном труде характерна для либерализма. Однако необходимость предоставления крепостному крестьянину личной свободы, права ухода от помещика признавали и дворянские либералы. Буржуазный либерал решал проблему ликвидации крепостничества в узкоклассовых целях, в интересах торгово-промышленной буржуазии, нуждавшейся в вольнонаемном труде.

Дальнейшее развитие капиталистического способа производства в значительной степени тогда зависело от решения крестьянского вопроса, от размеров земли, получаемой помещичьими крестьянами, от условий возникновения крестьянской земельной собственности.

Бабст фиксировал внимание преимущественно на создании благоприятных условий для деятельности торговцев и промышленников, а вопросы крестьянского землевладения игнорировал. Это объясняется тем, что буржуазный либерализм в силу своих связей с господствующим классом и феодальной монархией, несмотря на свои антидворянские настроения, не смог выдвинуть радикальную программу, и прежде всего по основному — аграрному вопросу. В период обострения классовых

противоречий, в момент падения крепостничества, буржуазный либерализм оказался, как и всегда, идеологией крупной и средней буржуазии, далекой от интересов широких народных масс, крепостного крестьянства. При всех своих отличиях от дворянского либерализма буржуазный либерализм не смог выдвинуть общедемократической программы по отношению к царизму и крепостничеству.

Без резкого противопоставления интересов крестьянской и помещичьей земельной собственности, без требований создания благоприятных условий для существования и расширения крестьянской земельной собственности программа Бабста шла по линии помещичье-буржуазного решения аграрного вопроса и была лишена демократического содержания. Имея антикрепостнический характер, она вместе с тем тесно переплеталась с программой дворянского либерализма.

Боясь народной революции и даже простого возмущения широких масс, не только притесняемых помещиками, но и эксплуатируемых капиталом, буржуазный либерал шел на компромисс с дворянством.

Однако это все же не позволяет игнорировать различие между идеологией либерального дворянина и идеологией либерального буржуа.

Экономические законы на лекциях Бабста в отличие от лекций Горлова теряли свою религиозную окраску, более четко проводилось деление на естественные, или закономерные (т. е. буржуазные), и на неестественные, или незаконномерные (т. е. феодальные), отношения.

В дореформенном курсе своих лекций Бабст упоминает и о противоположности между трудом и капиталом. «Когда говорят, напр., что у труда и капитала интересы общие,— заявлял Бабст в лекциях 1860 г.,— то предполагают совершенно нормальные между тем и другим отношения, отношения совершенно свободные, а их нет; мы видим, наоборот, сосредоточение капиталов в одних руках, беспомощность, а вследствие того неполноправие и угнетение с другой стороны»¹.

Несколько позднее Бабст еще более открыто констатировал антагонизм между пролетариатом и капиталистом, признавая, что в современном обществе «рабочий вырождается и телом и душой, становится нравственным и физическим калекой, и переходит почти в рабскую зависимость от фабриканта-капиталиста»².

Однако, указывая на эти противоречия, Бабст, как буржу-

¹ И. К. Бабст, Публичные лекции политической экономии, М. 1860, стр. 13.

² Там же, стр. 45.

азный экономист, допускает их примирение при сохранении господства капитала.

В пореформенной обстановке мысль об антагонистических отношениях между рабочими и капиталистами у Бабста совершенно исчезает, и он полностью переходит на позиции буржуазной апологетики. Выступая против одной из разновидностей вульгарной буржуазной политической экономии (школа Сэя — Бастиа), он солидаризировался с другой ее разновидностью — исторической школой.

Подчеркивание роли материальных интересов в общественном развитии, мысль об отражении в юридических формах хозяйственных отношений между людьми, исторический подход к анализу народного хозяйства — все это дало повод еще в 60-х годах высказать предположение о связи идей Бабста с положениями «К критике политической экономии» К. Маркса. Один из русских эмигрантов Н. Сазонов полагал, что первая публичная лекция по политической экономии, прочитанная И. К. Бабстом 18 января 1860 г., представляла не что иное, как изложение названного труда Маркса¹.

Можно не сомневаться в том, что Бабсту были известны труды Маркса и Энгельса. Но из этого отнюдь не следует, что Бабст в своей лекции излагал положения, высказанные Марксом в «К критике политической экономии»².

Это утверждение противоречит факту классовой противоположности взглядов Бабста и учения К. Маркса.

Мнение Н. Сазонова можно принять лишь за свидетельство того, что публичные выступления московского профессора имели тогда прогрессивное значение.

Демократы на определенном этапе поддерживали антикрепостнические тенденции Бабста. Буржуазный либерализм выглядел тогда прогрессивным, радикальным по сравнению с дворянским либерализмом и тем паче по сравнению с идеологией крепостничества³.

Но немного потребовалось времени для того, чтобы потускнела позолота буржуазного либерализма и притупилось антикрепостническое острие рассуждений и пожеланий московского профессора.

После реформы 1861 г. у Бабста исчезли антидворянские настроения. Сглаживались отличия между буржуазным и дворянским либерализмом. Буржуазный либерал Бабст в Москве,

¹ См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М. 1951, стр. 31.

² Такое утверждение имеет место, например, в Большой Советской Энциклопедии, изд. 2, т. 4, стр. 15.

³ См. Н. К. Карагаев, Экономические науки в Московском университете, М. 1956, стр. 94—110 и 117—127.

а дворянский либерал Горлов в Петербурге ставили перед собой по существу одну и ту же задачу: идеализацию пореформенных отношений, защиту буржуазного порядка России, вставшей на капиталистические рельсы. Остатки барщины и оброка в экономике страны замалчивались и прикрашивались как Горловым, так и Бабстом.

В этих исторических условиях еще с большей ясностью обнаружилось единство буржуазного и дворянского либерализма. Если демократы 50-х годов могли различать и противопоставлять Горлова и Бабста, то уже в 60-х годах демократы выступали как против Горлова, так и против Бабста.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРОГРАММА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Глава двадцать шестая

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. И. ГЕРЦЕНА

Великий русский революционер А. И. Герцен, принадлежавший к поколению дворянских революционеров, прошел сложный путь развития. Идейный путь А. И. Герцена отражал смену классов, выступавших на арене русского освободительного движения, и изменение роли основных классов буржуазного общества в западноевропейской революции. Своеобразно отражая сдвиги, происходившие в развитии классовой борьбы, Герцен подымался на новую, высшую ступень своего идейного развития. Эволюция взглядов Герцена — мучительный процесс исканий революционной теории в период, предшествовавший распространению марксизма в России. Говоря о Герцене, В. И. Ленин писал, что «пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории»¹.

В поисках научной основы борьбы за освобождение трудящихся масс Герцен освещал не только философские, политические, но и экономические вопросы своей эпохи.

Общая характеристика воззрений Герцена. Его метод

Александр Иванович Герцен родился 25 марта (6 апреля) 1812 г. в семье богатого помещика. Детство и отрочество Герцена протекали в атмосфере рассказов и воспоминаний о событиях Отечественной войны. Огромное влияние на Герцена оказало восстание 14 декабря 1825 г.

---

¹ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 15.

В 1829 г. Герцен поступил в Московский университет. Стремясь продолжить дело декабристов, он искал среди студентов приверженцев их идей и революционного подвига. Вместе со своим неизменным другом Н. П. Огаревым Герцен создал студенческий революционный кружок.

Уже в этот период своей жизни Герцен сочетал приверженность революционным способам борьбы против самодержавия с идеями утопического социализма.

В 1834 г. Герцен был арестован. С апреля 1835 г. он находился в ссылке: в Перми, в Вятке, а с конца 1837 г. — во Владимире.

По возвращении из ссылки Герцен выступил как выдающийся мыслитель, философ и художник слова. Вместе с Белинским он возглавил революционную социалистическую мысль России 40-х годов.

С начала 1847 г. и до конца своей жизни 9(21) января 1870 г. Герцен, лишенный в 1851 г. сенатом всех прав состояния, изгнанный из России, жил на чужбине.

Еще будучи в России, Герцен пошел по пути отмежевания от либералов. В 40-х годах он боролся со славянофилами; незадолго до отъезда за границу выявились идейные расхождения, а затем последовал идейный разрыв между Герценом и Огаревым, с одной стороны, Т. Н. Грановским — с другой.

Русский революционер с восторгом встретил французскую революцию 1848 г. Без колебаний он встал на сторону сражавшегося в июньские дни против буржуазии пролетариата.

Отношение Герцена к июньскому восстанию показывало его позицию в вопросах западноевропейской революции. Поражение восставшего французского пролетариата, непосредственным свидетелем которого был Герцен, на длительное время определило его скептицизм в понимании перспектив развития западноевропейской революции.

Вынужденный после участия в демонстрации 13 июня 1849 г. покинуть Париж, Герцен переезжает в Швейцарию, затем в Ниццу, а осенью 1852 г. — в Лондон.

В служении русскому народу Герцен видел цель своей жизни. В 1853 г. в Лондоне Герцен создал «Вольную русскую типографию», сыгравшую огромную роль в развитии освободительного движения России. В 1855 г. Герцен приступил к изданию «Полярной звезды». Уже самим названием журнала Герцен подчеркивал непосредственную преемственность своих воззрений со взглядами декабристов, выпускавших под таким названием альманах.

Начиная с весны 1856 г., когда в Лондон приехал Огарев, политическая деятельность Герцена и Огарева протекала совместно. В июле 1857 г. был выпущен первый номер «Коло-

кола» — общедемократического бесцензурного органа, вставшего, по словам Ленина, «горой за освобождение крестьян». С 1859 г. Герцен присоединил к «Колоколу» специальное добавление «Под суд», обличавшее злоупотребления правительства и администрации. В 1862 г. начало выходить «Общее Вече», предназначенное для народа.

В начале 60-х годов Герцен и Огарев были связаны с тайным обществом «Земля и Воля», созданным в России под непосредственным влиянием Чернышевского. Еще до организации общества Герцен вступил в непосредственный контакт с вождем русской революционной демократии, специально приехавшим в июне 1859 г. в Лондон для воздействия на Герцена в направлении преодоления его либеральных колебаний и революционизирования линии «Колокола».

Вскоре после посещения Герцена Чернышевским революционная демократия, борющаяся в России, обратилась к Герцену с новым призывом — преодолеть либеральные колебания и стать на позиции революции. Герцен поместил «Письмо из провинции» за подписью «Русский человек» в «Колоколе» (лист 64, 1 марта 1860 г.) и, хотя не соглашался еще с тактикой, проповедуемой в письме, солидаризировался с идеями этого выдающегося документа революционной демократии, признав их крайним выражением того направления, к которому он сам принадлежал.

Герцен в первой половине 60-х годов поднял на новую ступень свою борьбу с либерализмом. Он порвал всякие связи с Е. Ф. Коршем, Н. Х. Кетчером, показал истинное лицо И. К. Бабста. Разоблачение М. Н. Каткова, полный разрыв с Кавелиным, острая полемика с И. С. Тургеневым, с одной стороны, славянофилами — с другой, характеризовали новую политическую линию «Колокола» этого периода.

Огромное значение имела революционно-демократическая позиция Герцена по отношению к польскому восстанию 1863 г. Герцен, по словам Ленина, «спас честь русской демократии»¹.

О тесной связи Герцена с революционной организацией, действовавшей в России, и его значении для русских революционеров, вступивших на родине в непосредственную борьбу с самодержавием, ярко свидетельствует страстное, полное надежд на революционную роль издателей «Колокола» письмо, посланное в Лондон из Алексеевского равелина Петропавловской крепости членом ЦК общества «Земля и Воля» Н. А. Серно-Соловьевичем².

¹ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 13.

² См. Н. А. Серно-Соловьевич, Письмо Герцену и Огареву (1864 г.), «Литературное наследство», т. 62, АН СССР, 1955, стр. 560—561.

А. И. ГЕРЦЕН

В 1865 г. издание «Колокола», находившееся с конца 50-х годов в центре публицистической деятельности Герцена, было перенесено из Лондона в Женеву, где сосредоточилась к тому времени русская эмиграция.

Порывая с различными разветвлениями либерализма, Герцен ориентировался на поколение разночинцев, представленное за границей «молодой эмиграцией». Материалы «Пражской коллекции» Герцена и Огарева показывают, с какой серьезностью и революционной требовательностью представители «молодой эмиграции» относились к каждой выходящей работе издателей «Колокола»¹. Об этом же свидетельствуют листовка А. А. Серно-Соловьевича «Польский вопрос. Протест русского против «Колокола»» и его брошюра «Наши домашние дела» — ответ г. Герцену на статью «Порядок торжествует».

В июле в 1867 г. «Колокол» перестал выходить. За время с января по декабрь 1868 г. Герцен выпустил 15 номеров «Колокола» на французском языке, с русскими добавлениями. Но это издание не являлось уже непосредственным продолжением старого «Колокола», сыгравшего свою историческую роль.

Герцен был связан с виднейшими деятелями польского и итальянского национально-освободительного движения, с крупнейшими писателями и мыслителями своей эпохи. Из письма Я. Н. Ханькова к Герцену видно, что Людвигу Фейербаху были известны по немецким и французским переводам почти все сочинения Герцена и что немецкий философ-материалист питал глубокое уважение к русскому мыслителю².

Живя в различных странах Западной Европы, Герцен ясно видел нараставший революционный подъем и предсказывал, что революция разразится во Франции. Незадолго до своей смерти Герцен писал из Парижа Огареву: «Что будет, не знаю, я — не пророк, но что история совершает свой акт здесь... это ясно до очевидности»³.

Идейная эволюция Герцена завершилась его обращением в сторону рабочего движения, в сторону Интернационала, руководимого Марксом. Но этот новый этап во взглядах Герцена не получил дальнейшего развития. Революционная борьба

¹ См. Н. И. Утин, Письма Герцену и Огареву, «Литературное наследство», т. 62, стр. 625—690.

² См. Я. Н. Ханьков, Письмо А. И. Герцену 31 октября 1861 г., «Литературное наследство», т. 62, стр. 706.

³ А. И. Герцен, Письмо Н. П. Огареву 14 января 1870 г., Полное собрание сочинений и писем, т. 21, стр. 553. В дальнейшем ссылки на тома Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке даются арабскими цифрами, ссылки на вышедшие тома Собрания сочинений А. И. Герцена в 30 томах, издание Академии Наук СССР, даются римскими цифрами (например, Сочинения, т. II, М. 1954).

А. И. Герцена прервалась накануне восстания парижских коммунаров. 9(21) января 1870 г. Герцен умер.

А. И. Герцен сыграл огромную роль в подготовке русской революции. Его революционная деятельность явилась мощным идейным фактором, формировавшим воззрения не только последующего поколения русского освободительного движения, но и передовых борцов всех народов России. Она оказала большое влияние на развитие революционной социалистической мысли народов других и прежде всего славянских стран.

* *
*

Экономические взгляды издателей «Колокола», представлявшие неотъемлемую составную часть их революционного мировоззрения, не привлекали внимания буржуазных ученых. Буржуазно-либеральные исследователи рассматривали лишь отдельные стороны экономических воззрений Герцена, прежде всего его отношение к реформе 1861 г.

Яркий пример антинаучного подхода к наследству Герцена представляют работы П. Струве. Апологет буржуазии пытался изобразить Герцена как публициста, проявившего якобы «необыкновенное чувство меры» при решении крестьянского вопроса и преодолевшего революцию «духом и душой»¹.

Либерально-народнические публицисты также извращали воззрения Герцена. Об этом свидетельствует серия статей Русанова: «Западный социализм и «русский социализм» Герцена»². Игнорируя революционно-демократическое содержание крестьянского социализма Герцена, Русанов рассматривал его не как самостоятельного мыслителя, а как приверженца различных систем западноевропейского социализма.

Другой представитель либерально-народнического направления — В. И. Семевский, искажая взгляды Герцена, видел в его аграрной программе предвосхищение мероприятий, осуществленных позже реформой 1861 г.³

С позиций, характерных для буржуазной литературы, подходил к рассмотрению воззрений Герцена и Ю. Стеклов. Ошибочно рассматривая Герцена как представителя дворянского либерализма, он выдвигал на первый план разногласия между

¹ См. П. Струве, *Patriotica*. Сборник статей за пять лет (1905—1910 гг.), Спб. 1911; его же «Герцен». Речь, произнесенная в Петербурге в публичном заседании кружка имени А. И. Герцена 27 марта 1912 г.

² Н. С. Русанов, *Западный социализм и «русский социализм» Герцена*, «Русское богатство» № 7 и 8, 1909 г.

³ См. В. И. Семевский, *Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века*, т. II, Спб. 1888, стр. 614.

Герценом и вождем революционной демократии Чернышевским¹.

Г. В. Плеханов в своих работах, посвященных Герцену, осветил различные стороны многогранной научно-публицистической деятельности русского революционера. Он справедливо писал, что Герцен должен занять свое место в истории международной социалистической мысли «как один из наиболее вдумчивых и блестящих представителей той переходной эпохи, когда социализм стремился сделаться «из утопии науки»»². Но, переоценивая роль западноевропейского утопического и мелкобуржуазного социализма в формировании воззрений Герцена, Г. В. Плеханов не показал социально-классовых корней его воззрений.

В. И. Ленин первый вскрыл классовые корни взглядов Герцена, выяснил его место в русском освободительном движении и дал не превзойденную по глубине научную характеристику всех сторон мировоззрения Герцена. Разоблачив буржуазно-либеральных и народнических фальсификаторов воззрений великого русского мыслителя и революционера, В. И. Ленин показал поступательную линию идейного развития Герцена, его переход на более высокую ступень в освещении вопросов русской и западноевропейской революции.

В советский период вышло много исследований, посвященных литературным, философским, эстетическим взглядам Герцена и освещению его общественно-политической деятельности.

Огромную работу проделали советские историки, прежде всего М. В. Нечкина и Б. П. Козьмин, в связи с публикацией и изучением «Пражской коллекции» Герцена и Огарева, преподнесенной в дар Академии наук СССР правительством Чехословацкой Республики.

В последнее время советские экономисты выдвинули задачу специального изучения экономических взглядов Герцена и Огарева. Этой проблеме посвящен ряд статей и диссертаций. В 1953 г. вышла книга Е. М. Филатовой «Экономические взгляды Герцена и Огарева», представляющая собою попытку систематического изложения экономических воззрений издателей «Колокола».

Блестящая публицистическая деятельность Герцена, его личная связь с виднейшими представителями прогрессивной западноевропейской мысли неоднократно привлекали внимание зарубежной печати. Зарубежные буржуазные авторы пытались посредством жетолкования воззрений Герцена поставить его за пределы революционного лагеря. В 1894 г. вышла

¹ См. Ю. Стеклов, А. И. Герцен, Л. 1930.

² Г. В. Плеханов, Герцен-эмигрант, Сочинения, т. XXIII, стр. 445.

работа Шпербера «Социально-политические идеи Александра Герцена», в которой автор утверждал, будто бы воззрения Герцена носят лишь социально-философский, а не социально-экономический характер¹. Это игнорирование экономических взглядов великого публициста имело целью обеднить его многогранное революционное мировоззрение.

После Великой Октябрьской социалистической революции ложное толкование взглядов деятелей русского освободительного движения стало одной из форм идеологической борьбы против страны победившего социализма. Лабри в книге «Герцен и Прудон», вопреки приводимому им же самим материалу, видит свою задачу в доказательстве параллельного развития и общности воззрений русского революционера и французского мелкобуржуазного реформатора².

Воззрения Герцена подверглись искажению и в ряде работ, вышедших после второй мировой войны. Так, например, И. Нормано в книге «Дух русской экономики» ярко продемонстрировал антинаучность своего подхода к рассматриваемому им вопросу. Замечательный факт глубокого изучения передовыми представителями русской экономической мысли прогрессивных учений Западной Европы, свидетельствующий о связи общественной мысли России с мировой, И. Нормано стремится превратить в доказательство несамостоятельности русской экономической мысли. Подменяя научный анализ бессодержательными абстракциями, построенными на игнорировании классовых корней и реального содержания различных направлений русской экономической мысли, Нормано пишет о несуществовавшем течении русского «экономического национализма», которое якобы объединяет в одинаковой мере Герцена, славянофилов, философа В. С. Соловьева, мракобеса К. Н. Леонтьева³. Выдающийся деятель русского освободительного движения является для него, с одной стороны, западником, последователем французского утопического социализма, а с другой стороны, представителем концепции «экономического национализма»⁴.

Апологеты американского империализма применяют и другой способ извращения воззрений представителей передовой экономической мысли России. Так, Д. Гехт безуспешно пытался доказать, что США служили якобы для русских радикалов прообразом социально-экономического устройства⁵. Между тем

¹ *Otto U. Sperber*, Die socialpolitischen Ideen Alexander Herzens, Leipzig, 1894, S. 3.

² *Renè Labry*, Herzen et Proudhon, Paris 1928.

³ *I. Normano*, The Spirit of Russian Economics, N. Y. 1945, p. 84, 110.

⁴ Там же, стр. 41, 100.

⁵ *D. Hecht*, Russian radicals look to America, Cambridge 1947, p. 2.

Герцен, ища путей освобождения трудящихся масс своей родины, бичевал экономический строй США, сочетавший безудержное развитие капитализма с рабством.

Ни одно из разветвлений западноевропейского утопического социализма не имело такой передовой философской основы, как воззрения Герцена, Огарева, Белинского, Чернышевского. Исходным пунктом развития социализма Фурье и оуэновского коммунизма являлся французский материализм XVIII в. Герцен, с исключительным вниманием следивший за развитием мировой философской мысли, плодотворно использовал научные достижения своей эпохи. Значение философской мысли Германии — диалектики Гегеля и материализма Фейербаха — он сравнивал с огромной ролью французской революции. «Французская революция и германская наука — геркулесовские столбы мира европейского»¹, — писал русский мыслитель.

Выражая интересы угнетенных масс крестьянства и стремясь найти философскую основу для своей революционной борьбы, Герцен не останавливался, однако, на достижениях западноевропейской домарксовской философии.

Уже первые философские произведения Герцена показывают его как самостоятельного мыслителя — продолжателя традиций русского естественнонаучного и философского материализма, родоначальником которого являлись Ломоносов и Радищев.

В 40-х годах Герценом были написаны «Дилетантизм в науке» (1842—1843 гг.) и «Письма об изучении природы» (1845—1846 гг.), — работы, наносившие удар метафизике и философскому идеализму. Для Герцена дилетантизм — не просто поверхностное всезнайство; это преграда научному подходу к объяснению природы и общества. Антинаучность дилетантов проявляется в их субъективизме. Субъективизму дилетантов Герцен противопоставляет естественнонаучный материализм, признающий объективность природы. Природа, пишет Герцен, — это царство видимого закона, и материалисты склоняются перед ее объективностью.

Возражая против агностицизма дилетантов, Герцен доказывает познаваемость мира. Он иронизирует над ошибочным представлением о содержании предмета как какой-то тайне, непостижимой разуму.

Герцен выявляет основной порок дилетантизма — непонимание диалектического процесса развития, и доказывает необходимость отражения в науке живого процесса развития природы и общества. Одновременно он подвергает глубокой кри-

¹ А. И. Герцен, С того берега, Сочинения, т. VI, АН СССР, М. 1955, стр. 111.

тике цеховой начетнический подход к научным проблемам, отрыв ученых от жизни.

Объединяя под общим собирательным понятием «буддизма в науке» формализм, схоластику, талмудизм, Герцен объявляет их непримиримыми врагами подлинной науки.

Работа «Дилетантизм в науке» явилась важнейшим этапом на пути обоснования Герценом материалистической философии. В «Письмах об изучении природы» нашли дальнейшее развитие как материалистические философские взгляды Герцена, так и отстаиваемый им принцип диалектического развития. Эта работа поставила Герцена в ряд выдающихся представителей русской классической материалистической философии. Оценивая философское творчество Герцена рассматриваемого периода, Ленин писал: «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени»¹. В «Письмах об изучении природы» Герцен подвел под философию твердую основу естественных наук и нанес тем самым сокрушительный удар богословию.

Герцен доказывал первичность природы и истории по отношению к логике: «Законы мышления,— писал Герцен — сознанные законы бытия»². Уже указанные работы свидетельствуют о том, что материализм Герцена не являлся простым воспроизведением французского и немецкого домарковского материализма. В французском материализме XVIII в.— идеологии идущей к власти прогрессивной буржуазии — русский революционер отметил ту же черту, что и в западноевропейском утопическом социализме — замкнутость идей французских материалистов пределами ограниченного круга, оторванность их от масс³.

В процессе подготовки работы «Дилетантизм в науке» в 1842 г. Герцен ознакомился с «Сущностью христианства» Фейербаха. Отразив достижения материалистической философии Фейербаха, Герцен не остановился на созерцательной позиции немецкого философа. Он выступил с глубоким и страстным обоснованием действенного, активного отношения к миру. Только «одно действование может вполне удовлетворить человека»⁴, — писал он.

В отличие от Фейербаха Герцен, изучив Гегеля, обогатил философию своеобразным пониманием диалектики. Вместе с

¹ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 9—10.

² А. И. Герцен, Письма об изучении природы, Сочинения, т. III, АН СССР, М. 1954, стр. 111.

³ См. А. И. Герцен, Дневник 1843 года, Сочинения, т. II, М. 1954, стр. 302.

⁴ А. И. Герцен, Дилетантизм в науке, Сочинения, т. III, М. 1954, стр. 69

тем, встав на материалистические позиции, Герцен, как и Белинский, подверг глубокому анализу и самостоятельной критике систему Гегеля. Он отверг учение Гегеля о саморазвитии абсолютного духа, отвлеченный характер его системы, показал половинчатость и робость выводов Гегеля. Революционная позиция Герцена помогла вскрыть противоречивость гегелевской философии — ее исходных принципов и конечных выводов.

Протестуя против выхолащивания революционного содержания диалектического метода, подмены этого метода игрой в диалектику, Герцен назвал в «Былом и думах» диалектику «алгеброй революции».

Хотя Герцен стал на материалистическую позицию в основном вопросе философии и пытался применить диалектику к объяснению природы и общества, он не дошел до соединения материализма с диалектикой и тем более не мог подняться до материалистического понимания истории. Показывая огромные достижения Герцена в области философии, Ленин вместе с тем отмечал историческую ограниченность его воззрений, обусловленную отсталостью социально-экономических отношений России. Ленин писал, что Герцен «вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»¹.

Работы Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы» имеют большое значение для понимания и его подхода к изучению общественных отношений, в том числе экономических вопросов.

В указанных работах Герцен пытался показать диалектический характер развития не только природы, но и общества. Соглашаясь с теми, кто доказывал, что формы исторического мира так же естественны, как формы мира природы, Герцен не видел в этом основания для защиты существовавших общественных отношений. Поскольку сама природа непрерывно развивается, естественность форм общественно-исторического мира не является для Герцена доказательством их вечности. Обусловленность существующего прошлым несколько не исключает исторического характера общественных форм.

В самих общественных отношениях Герцен стремился найти залог движения к высшим формам общественной жизни.

Большое значение для уяснения герценовского подхода к исследованию общественных отношений имела и борьба Герцена в «Письмах об изучении природы» с отвлеченным метафизическим пониманием философии как науки, оторванной от эмпирических данных, построенной на одних умозрительных заключениях. Требуя изучения конкретных данных, Герцен вме-

¹ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 10.

сте с тем понимал невозможность построения науки на простом описании фактов. «Факты — это только скопление однородного материала, а не живой рост, как бы сумма частей ни была полна»¹.

Относя это положение и к общественным наукам, Герцен считал, что они должны показать живой рост общества, противоречивый поступательный процесс общественного развития. Русский мыслитель доказывал, что понять предмет — это «значит раскрыть необходимость его содержания, оправдать его бытие, его развитие»².

Работы Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы» являются как бы философским введением к его экономическим взглядам.

Разложение феодального строя в России в последние десятилетия предреформенного периода, кризис крепостничества и обострение противоречий в капиталистических странах Западной Европы привлекли внимание Герцена к экономическому положению трудящихся масс.

В результате изучения различных форм экономической эксплуатации, господствовавшей в капиталистическом мире Западной Европы и в крепостнической России, Герцен пришел к выводу, что в преобразовании окружающей человека общественной среды важнейшую роль играет изменение экономического устройства общества. В «Письмах из Avenue Marigny» он подчеркивал огромную роль материального экономического вопроса, сводя последний к вопросу экономического благосостояния народа. «Вопрос о материальном благосостоянии, — писал Герцен, — составляет великую половину всех вопросов современности... это самый внутренний и существенный вопрос общественного устройства»³.

Разрешение проблемы материального благосостояния народа Герцен неизменно обуславливал экономическим переворотом, сменой господствовавшей формы экономического устройства новой экономической организацией. Уже в «Письмах из Avenue Marigny» Герцен, критикуя буржуазное общество, доказывал, что экономическая сторона общественной жизни, вопрос о материальном благосостоянии масс составит основное содержание предстоящей революции.

Проблему экономического переворота Герцен выдвигал на первый план при рассмотрении перспектив развития русской

¹ А. И. Герцен, Письма об изучении природы, Сочинения, т. III, М. 1954, стр. 103.

² Там же, стр. 124.

³ А. И. Герцен, Письма из Avenue Marigny, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 234—235.

революции. В освобождении крестьян с землей он видел начало преобразования всей системы экономических отношений, господствовавшей в условиях дореформенной России. «Мы призваны перебрать права поземельного владения и отношений работника к орудию работы»¹, — писал он.

Вопрос об экономическом перевороте Герцен поставил в центр анализа всей совокупности вопросов, выдвинутых им в письмах «К старому товарищу».

Таким образом, то активное, действенное отношение человека к окружающему миру, которое завершало процесс человеческого познания, выдвигало, с точки зрения Герцена, в центр общественной жизни проблему экономического благосостояния народа. Поэтому экономические вопросы не могли не привлечь пристального внимания Герцена, а его экономические взгляды были составной, органической частью его революционного мировоззрения.

Экономические взгляды Герцена отразили не только революционную целеустремленность русского мыслителя, но и неизбежную историческую ограниченность его мировоззрения.

Из различных сфер общественной жизни Герцен пытался выделить экономический быт общества, как «линию фундамента», изменение которой должно служить необходимым условием преобразования всех других сторон общественной жизни человека. Однако эта правильная и глубокая мысль не получила у него развития и тем более — научного обоснования. Подобно всем другим представителям домарксовской революционной мысли Герцен не мог преодолеть исторический идеализм. Он рассматривал смену одной формы экономического устройства другой как результат определенных целей и идей человека, происхождение которых Герцен не в состоянии был объяснить.

Герцен жил и действовал на протяжении длительного отрезка времени, ознаменовавшегося крупными сдвигами в социально-экономической обстановке России и Западной Европы. Поэтому его взгляды могут быть поняты только в их эволюции.

Уже в первых работах Герцен отмечал противоречивый характер общественно-экономического развития. Показывая внутренние противоречия капиталистического мира, он опровергал формалистов гегельянцев, видевших в господствовавших отношениях абсолютную форму бытия.

«Спросите их, отчего при этой абсолютной форме бытия в Манчестере и Бирмингаме работники мрут с голоду или про-

¹ А. И. Герцен, Еще вариация на старую тему, Полное собрание сочинений и писем, т. 8, стр. 493.

кармливаются настолько, насколько нужно, чтоб они не потеряли сил. Они скажут, что это случайность»¹.

Противоречивый характер общественно-экономического развития обуславливал, по мысли Герцена, экономический прогресс. Выдвигая аргументы против формалистов, Герцен писал: «Спросите их, как они слово абсолютное привязывают к развивающимся событиям, к сферам, которые своим движением вперед доказывают свою неабсолютность»².

Диалектика служила Герцену средством для обоснования необходимости перехода к высшей форме экономического устройства. Проповедуя единство теории и практики, Герцен при рассмотрении экономических отношений не замыкался в сфере абстракции, а доводил свои выводы до практических требований, направленных на коренное преобразование экономических отношений. Но, оставаясь на почве исторического идеализма, Герцен считал идею движущей силой общественно-экономического развития. С этих позиций он подошел к объяснению и французской революции 1848 г., надеясь, что революция воплотит в жизнь идею высшей формы экономического устройства и ликвидирует господство буржуазии.

Поражение революции, разбившее надежды Герцена на преобразование капиталистического мира в высшую форму экономической организации, побудило русского революционера поставить вопрос о правомерности телеологического подхода к объяснению экономического развития. Отвечая на этот вопрос, Герцен пошел по пути понимания ограниченности представления об экономическом развитии как простом осуществлении заранее предусмотренных целей. «Возьмите,— писал Герцен,— самое всеобщее, самое постоянное стремление во всех эпохах и у всех народов,— стремление к благосостоянию... наивное желание, чтоб было лучше, а не было бы хуже; между тем, работая тысячелетия, люди не достигли даже животного довольства»³.

Но Герцен не остановился на этом. Изучение классовой борьбы, обострявшейся в России и в Западной Европе, все больше показывало ему несостоятельность рационалистического, телеологического подхода к объяснению экономических отношений. В письмах «К старому товарищу» Герцен, исходя из первостепенного значения экономической стороны общественной жизни, подчеркивал необходимость определенных предпосылок экономического переворота и выступал против произвольных, неподготовленных экономических мероприятий, чре-

¹ А. И. Герцен, Дилетантизм в науке, Сочинения, т. III, М. 1954, стр. 80—81.

² Там же, стр. 81.

³ А. И. Герцен, С того берега, Сочинения, т. VI, М. 1955, стр. 93.

ватых, по его мнению, особенно пагубными для общества последствиями. «Экономические промахи не косвенно, как политические, а прямо и глубже ведут к разорению, к застою, к голодной смерти»¹, — писал он.

Поставив вопрос о законах, лежащих в основе экономического развития, Герцен, однако, не развил своего понимания экономических законов. Он перенес центр своего внимания на проблему изменения общественного сознания, видя в его перестройке основную предпосылку экономического переворота.

Работа над письмами «К старому товарищу» была закончена незадолго перед смертью, и Герцен не успел пересмотреть решения всей совокупности экономических проблем, отстаиваемого им на предшествовавших этапах. Это необходимо иметь в виду при рассмотрении его экономических взглядов. Взаимная связь и последовательность проблем, освещаемых Герценом, их положительное разрешение отражали экономические воззрения, защищаемые Герценом на протяжении предшествующих лет, до его работы над письмами «К старому товарищу».

* *
*

Круг экономических вопросов, рассматриваемых Герценом, был обусловлен прежде всего запросами экономического развития России. Кризис феодально-крепостнического строя, рост эксплуатации крестьянства выдвигали перед Герценом на первый план задачу обличения всей системы крепостнических отношений. Критика крепостного строя, вопрос о движущих силах, способе и экономических условиях его ликвидации находились в центре внимания Герцена. Но Герцен в отличие от декабристов не остановился на этом. Если в орбиту критики первого поколения дворянских революционеров был вовлечен по существу один экономический строй — феодально-крепостнический, то Герцен, отражая развитие противоречий западноевропейского капитализма, выступил и с критикой капитализма, противопоставив ему социализм, в своем особом понимании последнего. В поле зрения Герцена находились три формы экономической организации: крепостническая, капиталистическая и та новая, рассматриваемая Герценом как социалистическая форма экономического устройства, которая, по его мнению, призвана была разрешить проблему экономического благосостояния народа.

Придерживаясь идеалистического понимания истории, Герцен не столько исследовал объективное содержание антаго-

¹ А. И. Герцен, К старому товарищу. Письмо первое, «Литературное наследство», т. 61, АН СССР, М. 1953, стр. 160.

стических форм экономической организации, сколько в первую очередь обличал, клеймил эти отношения, стараясь довести до общественного сознания необходимость их ликвидации. В то же время Герцен, не удовлетворяясь уже рационалистическими построениями западноевропейского утопического социализма, придавал решающее значение выяснению вопроса о путях ликвидации экономической организации, основанной на порабощении трудящихся. Крепостной строй России и капиталистический мир Запада Герцен неизменно рассматривал с точки зрения путей их преобразования.

Представляя себе ликвидацию капитализма в виде революционного переворота, Герцен одним из первых в русской литературе поставил вопрос о социально-экономической природе западноевропейской революции. Под этим углом зрения он подошел к рассмотрению характера и экономического содержания французской революции 1848 г., ошибочно видя в ней битву за социализм.

Отстаивая в русской революции интересы крестьянства против интересов помещиков, Герцен поставил вопрос о природе антикрепостнической революции в России. Он выдвинул перед русской экономической мыслью проблему последовательных фаз предстоящего экономического развития России. Ответом на эти вопросы явилось учение Герцена о возможности особого — некапиталистического пути развития страны через общину к социализму.

Вывод Герцена о некапиталистическом развитии России лег в основу его представления о социалистической природе русской антикрепостнической крестьянской революции. Герцен поставил вопросы, оказавшие огромное влияние на развитие всей домарксовской революционной мысли России. Он вынес эти вопросы на арену мировой социалистической мысли. Впоследствии они привлекли к себе внимание основоположников научного коммунизма.

В действительности учение Герцена о некапиталистическом развитии России и социалистической природе русской антикрепостнической революции представляло лишь социалистические мечтания, социалистическую форму, в которую Герцен облакал защиту интересов крестьянства в русской буржуазной революции. Облекая идеи крестьянской буржуазной демократии в форму социалистических мечтаний, Герцен ясно отразил ту эпоху общественного развития, когда среди угнетенных масс России не было еще сформировавшегося в революционный класс пролетариата, а социалистические идеи были поставлены на службу борьбы с крепостничеством. Русский революционер объективно решал вопросы, актуальные для эпохи падения крепостного права.

Критикуя капитализм, Герцен выступил с критикой и буржуазной политической экономии. Критика буржуазной политической экономии, являвшейся в период деятельности Герцена уже вульгарной экономией, была необходимой составной частью экономических воззрений Герцена.

Круг вопросов, выдвинутых Герценом, свидетельствует о расширении проблематики русской общественно-экономической мысли, поставившей в лице Герцена новые принципиальные узловые вопросы экономического развития России и Западной Европы. Взаимная связь рассматриваемых Герценом экономических проблем и их освещение свидетельствуют об определенной цельности экономических взглядов русского мыслителя.

Формирование у Герцена революционно-демократических и социалистических идей

Герцен с полным правом писал о своих занятиях, что они «все в России, в русских делах и книгах, а не в западных людях и интересах»¹.

Вступив в освободительное движение как представитель разбуженного декабристами последнего поколения дворянских революционеров, Герцен поднял антикрепостническую борьбу на новую ступень и сыграл огромную роль в пробуждении к революционной деятельности разночинцев.

Антикрепостнические воззрения и социалистические идеи Герцена сформировались раньше, чем у В. Г. Белинского, и Герцен оказал известное влияние на развитие мировоззрения Белинского². Впоследствии Герцен сыграл большую роль в формировании мировоззрения Чернышевского. Вместе с тем Герцен сам в 40-х годах испытал на себе идейное воздействие Белинского, а с конца 50-х годов — и Чернышевского. Без учета этого перекрещивающегося влияния — Герцена на революционеров разночинцев, с одной стороны, и Белинского и Чернышевского на Герцена с другой, — не может быть понята антикрепостническая деятельность инициатора и организатора вольной русской прессы.

Взгляды Герцена складывались под непосредственным влиянием деятельности декабристов, завершившейся восстанием 14 декабря. Рассматривая историческое значение деятельности декабристов, Герцен выдвигал на первый план самый факт их открытого политического вооруженного восстания против само-

¹ А. И. Герцен, Западные книги, Полное собрание сочинений и писем, т. 9, стр. 65.

² См. Н. Г. Чернышевский, Очерки гоголевского периода русской литературы, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 215.

державия. Эта борьба являлась, по его мнению, первым примером и прямым заветом для последующих поколений революционных борцов. «Открытые, откровенные действия необходимы. Оттого 14 декабря потрясло так сильно всю молодую Русь? Оттого, что оно было на Исаакиевской площади»¹.

Особо важное значение Герцен придавал аграрному проекту Пестеля. Выдвигая свою платформу решения земельного вопроса в России, Герцен опирался на Пестеля, доказывая, что Пестель связывал победоносный исход восстания с ломкой господствовавших земельных отношений и наделением крестьян землей. «Он (Пестель.— В. М.) полагал, что провозглашение республики ни к чему не приведет, если не вовлечь в революцию поземельную собственность»².

В проектируемом Пестелем создании общественного земельного фонда Герцен усматривал воплощение новых политико-экономических принципов, противоположных, с его точки зрения, принципам буржуазной политической экономии, отвергавшей всякое ущемление частной собственности³.

Но уже в 40-х годах, в то время когда печать дворянского освободительного движения особенно заметно проявлялась в воззрениях Герцена, его теоретическая позиция в вопросе о роли народа в восстании и в решении аграрного вопроса существенно отличалась от взглядов того поколения дворянских революционеров, которое было представлено Пестелем.

Крестьянское движение, неуклонно нараставшее после восстания декабристов и особенно возросшее во второй половине 40-х годов, явилось социально-классовой основой, прошедшей грань между деятельностью Герцена и декабристов, в том числе и Пестеля.

Еще в работе «О развитии революционных идей в России» (1851 г.) Герцен показал, что неудачу восстания 14 декабря предопределила оторванность декабристов от народа. Тщательное изучение фактов, свидетельствовавших о пробуждении народа, укрепило Герцена в этом взгляде.

Волнения государственных крестьян 1841—1843 гг. были первым массовым движением крестьян, привлечшим внимание Герцена.

Герцен сообщает в «Дневнике» о кровавой расправе над движением государственных крестьян Нолинского уезда Вятской губернии. «Удивительно,— писал он,— до чего безумие и опьянение власти доходит: в Вятской губ., в Нолинском уезде крестьяне за слушание чинов[ников] палаты государ-

¹ А. И. Герцен, С того берега, Сочинения, т. VI, М. 1955, стр. 321.

² А. И. Герцен, О развитии революционных идей в России, Сочинения, т. VII, М. 1956, стр. 199.

³ См. там же.

ственных имуществ были усмиряемы губернатором вооруженной рукой»¹.

В этот же период Герцен отмечает жестокое усмирение восстания государственных крестьян Казанской губернии².

Через год после приведенных в «Дневнике» записей, в 1844 г. внимание Герцена снова привлекает движение государственных крестьян, на этот раз Тамбовской губернии.

Движение государственных крестьян не рассматривалось Герценом в качестве предвестника близкого пробуждения крестьянства. Но записи в «Дневнике» показывают, с каким исключительным вниманием следил Герцен за каждым шагом крестьянского движения, как жадно старался уловить каждый новый момент в его развитии.

В бесцензурной печати Герцен снова и снова возвращается к вопросам крестьянского движения. В начале 50-х годов он впервые публично показывает, что за внешним спокойствием скрывается растущее недовольство крестьян, их постоянная борьба против гнета крепостнической эксплуатации. «Значительно увеличилось число дел против поджигателей, участились убийства помещиков, крестьянские бунты»³, — писал он.

В это же время Герцен открыто пересмотрел традиционную оценку крестьянских восстаний и их вождей, господствующую в дворянской литературе, и показал их глубокую историческую обусловленность и правомерность.

Герцен подходил к изучению крестьянских восстаний, как борец против крепостничества, выяснявший движущие общественные силы его ликвидации. Изучая крестьянские войны, Герцен видел свою задачу в раскрытии их опыта, уроков и прежде всего в выявлении причин, приведших к поражению крестьян. Этот вопрос он рассматривал в свете экономического положения крестьянства в условиях господства крепостничества. Герцен подчеркивал в этой связи наличие различных форм крепостнической эксплуатации — барщины и оброка. Разнородность форм эксплуатации и связанные с этим различия в экономическом положении крестьянства, расселение крестьян на огромной территории объясняют, почему так «трудны объединенные организации и одновременные восстания, почему крестьянские бунты оставались разрозненными, местными и ограничивались отдельными общинами, редко распространяясь на две или три из них вместе»⁴.

¹ А. И. Герцен, Дневник 1843 года, Сочинения, т. II, М. 1954, стр. 322.

² См. там же.

³ А. И. Герцен, О развитии революционных идей в России, Сочинения, т. VII, М. 1956, стр. 212.

⁴ А. И. Герцен, Русское крепостничество, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 375.

Однако анализ причин поражения крестьянских восстаний не мог привести Герцена, отражавшего обстановку крепостного строя России, к правильным выводам. Разрозненность крестьянских восстаний, их стихийный характер подкрепляли на данном этапе надежды, возлагаемые Герценом на среднее образованное дворянство.

Учитывая деятельность декабристов, а затем — петрашевцев, во главе которых стояли революционеры из дворян — Петрашевский и Спешнев, Герцен считал, что образованное среднее дворянство явится авангардной силой нового революционного подъема. На дворянскую революционную организацию Герцен возлагал задачу руководства восстанием народа, без участия которого немыслима была, как он считал уже в 40-х и в начале 50-х годов, победа над самодержавием, а вместе с тем и ликвидация крепостного права.

Еще находясь на родине, Герцен писал, что «среднее сословие дворян есть бьющая артерия, где еще не застыла горячая кровь России»¹. Позже, в эмиграции, он не только обращался с призывом к неисчерпанным, с его точки зрения, живым силам своего класса², но и говорил о предстоящем объединении двух зародышей России будущего — молодого образованного дворянства, подготовлявшего будто бы революционный заговор, и общинного крестьянства³.

Ориентация Герцена на дворянскую революционную организацию как авангард народного восстания была внутренне противоречива. Декабристы, в том числе и Пестель, не видели в крестьянстве самостоятельной общественной силы, не ориентировались на развитие классового самосознания крестьянства. Герцен уже в начале 40-х годов напряженно следил за пробуждением классового самосознания крестьянства. Он с сожалением отмечал, что низшие классы не дошли еще до противопоставления себя помещикам и государству⁴. Он предвещал пробуждение народа⁵. Между тем класс дворян оставался для Герцена резервом революционных сил, а революционеры из дворян — активной политической силой. Если у Пестеля, видевшего в народе лишь орудие реализации планов революционной организации передового дворянства, ориентация на дворян-

¹ А. И. Герцен, Состав русского общества, Сочинения, т. II, М. 1954, стр. 421.

² См. А. И. Герцен, Юрьев день! Юрьев день!, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 248—255.

³ См. А. И. Герцен, Народный сход в память февральской революции, Полное собрание сочинений и писем, т. 8, стр. 145.

⁴ См. А. И. Герцен, Дневник 1843 года, Сочинения, т. II, М. 1954, стр. 286.

⁵ См. А. И. Герцен, Дневник 1844 года, Сочинения, т. II, М. 1954, стр. 338.

ство представляла составную органическую часть его концепции восстания против самодержавия, то у Герцена, обратившего уже в 40-х годах свой взоры к народным крестьянским массам, надежды на дворянство вступали в противоречие с установкой на самостоятельность масс, рост классового самосознания крестьянства. Воззрения Герцена в этом вопросе выражали, по существу, процесс изживания идеологии дворянского этапа освободительной борьбы.

Безоговорочная защита движения угнетенных крестьянских масс против крепостного права и помещичьей власти, вера в пробуждение русского народа и его предстоящее активное выступление на арену истории, стремление выявить препятствия, стоявшие на пути победоносного крестьянского восстания, проповедь революционных методов борьбы с самодержавием и крепостнической системой — все это означало зарождение у Герцена революционно-демократических идей. Ленин, показывая, что Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины XIX в., в то же время характеризовал его позицию 40-х годов как позицию демократа, революционера и социалиста.

Борясь с крепостничеством, Герцен наметил платформу экономического преобразования России, в центр которой он в соответствии с запросами эпохи падения крепостного права выдвинул аграрный вопрос. Формировавшиеся у Герцена революционно-демократические воззрения продвинули его в этом вопросе дальше Пестеля. И Пестель, и Герцен противопоставляли помещичьей земельной собственности общественный земельный фонд, находящийся в пользовании крестьян.

Требую освобождения крестьян с землею, Герцен в 40-х — 50-х годах, так же как до него Пестель, предполагал сохранение наряду с крестьянским и помещичьего землевладения.

Но Пестель не был принципиальным противником частной земельной собственности и помещичьего землевладения. Защищая объективно условия перехода к капитализму, прогрессивному для той эпохи строю, Пестель не мог отделить крупное сельскохозяйственное производство от частного землевладения, не мог отрешиться от взгляда на помещичье землевладение как предпосылку сельскохозяйственного накопления и прогресса.

В отличие от Пестеля Герцен отвергал такую перспективу развития сельского хозяйства, которая основывалась на частном помещичьем землевладении как условии прогресса сельского хозяйства.

Защита общины, несмотря на теоретическую несостоятельность крестьянского социализма, означала новую постановку земельного вопроса. Герцен довел защиту интересов крестьян-

ского хозяйства до выступления против самого принципа частной земельной собственности, представленного в России помещичьим землевладением.

Страстно обличая самодержавие и крепостничество, Герцен в 40-х и в начале 50-х годов еще не развил свое понимание революции. Но уже в 1850 г. в письме к Джузеппе Маццини он сформулировал свой взгляд на предстоящую революцию в России, как революцию крестьянскую. «Я не верю ни в какую революцию в России, кроме крестьянской»¹, — писал он.

Из изложенного видно, что зарождавшаяся у Герцена революционно-демократическая идеология нашла ясное выражение в его экономических взглядах. Герцен выступал против не только политических, но и экономических основ крепостного строя России. Он высмеивал западноевропейских буржуазных радикалов, стремившихся, подобно разоблаченному Марксом и Энгельсом К. Гейнцену, ограничить революцию изменением одной государственной формы правления, заменой монархии республикой и считавших, как писал Герцен впоследствии в «Былом и думах», что «демократическая республика сама по себе уладит экономический вопрос к общему удовольствию»².

Демократические революционные взгляды Герцена складывались в условиях предреформенной России, до того как на арену классовой борьбы выступили пролетариат и революционные массы крестьянства и тем самым положили начало размежеванию сил социализма и демократии. Герцен был ярким представителем той эпохи общественного развития, когда «демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое»³.

В конце 40-х и в начале 50-х годов под влиянием роста крестьянского движения в России, а также поражения революции в Западной Европе антикрепостнические демократические взгляды Герцена облеклись в форму мечтаний об особых путях развития России к социализму. В эти годы Герцен заложил основы «русского» крестьянского социализма. Герцен доказывал, что революционная мысль его эпохи «не только не приросла ни к какой стране, но ни к какой общественной форме, основанной на старых началах»⁴. В развитии крестьянской общины, освобожденной от цепей крепостничества, он увидел основу преобразования всего экономического строя России, путь ее движения к социализму.

¹ А. И. Герцен, Письмо Джузеппе Маццини 13 сентября 1850 г., Полное собрание сочинений и писем, т. 6, стр. 144.

² А. И. Герцен, Былое и думы, Сочинения, т. X, М. 1956, стр. 64.

³ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 253.

⁴ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 212.

Защищая общину, Герцен ссылался на приверженность самого крестьянства общинным принципам владения землей. Крестьянство, писал Герцен, «никогда не может примириться и не подчиняется без кровавого протеста вмешательству помещика в распределение общинных земель, в права на пастбища и вообще в дела общины»¹.

В брошюре «Развитие революционных идей в России» Герцен доказывал, что крестьянство, поднявшееся на восстание, будет добиваться ликвидации помещичьего землевладения и перехода к нему всей земли. Он писал о народном движении, что оно «с самого начала захочет свести счеты с дворянством и распространить порядки сельской общины на все поместья, на города, на все государство»².

Реальное классовое содержание этих положений Герцена ясно показал В. И. Ленин. «Это — такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облакающее революционность буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе»³.

Противопоставив помещичьему землевладению крестьянскую общину и провозгласив будущую русскую революцию крестьянской революцией, Герцен тем самым ясно выявил сформировавшуюся у него революционную идеологию как идеологию революционной крестьянской демократии.

Но социалистические идеи Герцена не исчерпывались учением крестьянского социализма. Герцен стремился сочетать защиту особого некапиталистического пути развития России с поисками путей ликвидации господства капитала на Западе. Решая этот вопрос, он отразил влияние западноевропейского домарксовского социализма.

* *
*

В начальный период своей деятельности Герцен в вопросах развития России и Западе не выходил за пределы антикрепостнических воззрений. Антикрепостнические традиции, воспринятые от декабристов, он дополнил проповедью идей французской буржуазной революции 1789—1793 гг. «Мы проповедовали декабристов и французскую революцию... мы проповедовали конституцию и республику, чтение политиче-

---

¹ А. И. Герцен, Русское крепостничество, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 376.

² А. И. Герцен, О развитии революционных идей в России, Сочинения, т. VII, М. 1956, стр. 256.

³ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 11.

ских книг и сосредоточение сил в одном обществе»¹. Но Герцен не застывал на сложившихся у него воззрениях. Внимательно следя за развитием мировой истории, он осмысливал опыт революционных событий 30-х годов. Изучение итогов июльской революции во Франции, приведшей к власти крупную буржуазию, показывало Герцену ограниченность «детского либерализма», пробуждало у него интерес к западноевропейскому утопическому социализму. «Середь этого брожения, середь догадок, усилий понять сомнения, пугавшие нас, попались в наши руки сен-симонистские брошюры, их проповеди, их процесс»².

Вначале Герцен увидел в сен-симонизме прежде всего выступление против семейно-бытовых устоев и морали буржуазного общества. Но уже в скором времени его внимание было привлечено экономической стороной учения французских утопических социалистов, их протестом против капиталистического устройства, их проповедью новой экономической организации. Обращаясь к рассмотрению этих вопросов, Герцен выделял учение Фурье и его школу. Он отмечал в данной связи характерную для Фурье постановку вопроса об общественном управлении собственностью организации «работ и возмездий», артельном житье. «Фурьеризм, конечно, всех глубже раскрыл вопрос о социализме»³, — писал Герцен.

Из учеников Фурье Герцен выделял В. Консидерана как критика капитализма. Под этим углом зрения он оценивал его основной труд «Предназначение общества». «Разбор современности превосходен, становится страшно и стыдно. Раны общественные указаны, и источники их обличены с беспощадностью»⁴.

Поворот Герцена в понимании капиталистического мира, намечившийся в результате исхода июльской революции, поставившей у власти финансовую аристократию, оформился под идейным влиянием французского критически-утопического социализма. Вместе с корифеями утопического социализма Герцен, критикуя капиталистический мир Запада, смотрел вперед, предвосхищал будущее, а не тянул назад, к отжившей форме экономического устройства. Подобно Фурье, Герцен противопоставлял отдельным улучшениям и реформам, отстаиваемым различными реформаторами, полную перестройку существовавших на Западе экономических отношений.

¹ А. И. Герцен, Былое и думы, Сочинения, т. X, М. 1956, стр. 318.

² А. И. Герцен, Былое и думы, Сочинения, т. VIII, М. 1956, стр. 161.

³ А. И. Герцен, Дневник 1843 года, Сочинения, т. II, М. 1954, стр. 266—267.

⁴ А. И. Герцен, Дневник 1844 года, Сочинения, т. II, М. 1954, стр. 359.

Рассматривая после революции 1848 г. все предшествующие социалистические системы как первую фазу в развитии социализма, введение к нему, Герцен подчеркивал огромное значение утопического социализма для экономической науки. «Одна и та же великая мысль, — писал он, — содержащая целый мир в своем зародыше, пронизывает все социальные доктрины, не исключая даже прогрессивнейшего коммунизма... от них исходит громкий призыв к реабилитации плоти, к прекращению эксплуатации человека человеком...»¹.

Значение утопического социализма заключалось в призыве к ликвидации эксплуатации, в постановке вопроса о новой форме общественно-экономического устройства.

Такое понимание исторического места западноевропейского утопического социализма не исключало глубокой критики Герценом всех утопических систем, начатой им уже с момента их изучения. В письме к Огареву от 19 июля 1833 г. Герцен не только отмечает религиозную мистическую форму сен-симонизма, характеризующую, с его точки зрения, упадок этой доктрины, но и указывает на странности учения Фурье, оправдываемые его высокой целью².

Русский революционер не мог разделять позиции, занятой сен-симонистами в период июльской революции. Герцен отметил безучастности сен-симонистов в происходившей в период июльской революции политической борьбе, их слабость: «Демократия была бессистемная, социализм — едва родившийся»³.

Неизменными критическими замечаниями Герцена сопровождал и анализ фурьеризма. Слабая сторона учения Фурье состояла, по мнению Герцена, в том, что он видел свою задачу не в выяснении основ будущего общественного строя, а в его детальной разработке.

Еще перед февральской революцией 1848 г. Герцен вскрыл оторванность утопических систем от народа: «Все фантастические утопии двадцати последних годов проскользнули мимо ушей народа»⁴.

Критические замечания Герцена о различных утопических системах Запада являлись выражением глубокого расхождения Герцена с Фурье и Сен-Симоном. Эти расхождения касались прежде всего вопроса о путях экономического преобразования общества. Традиции политической борьбы русского освободительного движения толкали Герцена к изучению опыта запад-

¹ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии. Варианты, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 428.

² См. А. И. Герцен, Письмо Н. П. Огареву 19 июля 1833 г., Полное собрание сочинений и писем, т. 1, стр. 117.

³ А. И. Герцен, Дневник 1843 года, Сочинения, т. II, М. 1954, стр. 284

⁴ А. И. Герцен, Письма из Avenue Marigny, Сочинения, т. V, стр. 238.

ноевропейских революций и показывали ему необходимость революционной ломки капиталистических отношений. Социализм являлся для Герцена не реакцией на политические формы борьбы, а знаменем будущих революций. В отличие от корифеев французского утопического социализма Герцен понимал невозможность разрешения социально-экономического вопроса мирным путем, посредством экономических экспериментов. «Борьба есть истинное рождение общественных обновлений; посредством борьбы и сравнения общие и отвлеченные идеи, неясные стремления превращаются в установления, законы и обычаи»¹.

Русский революционер постоянно возражал против строгой и робкой законности в деле экономического переустройства общества.

Видя в борьбе единственный путь возрождения общества, Герцен подошел к пониманию другой слабой черты западноевропейского утопического социализма — его попытки конструировать новое общество не из реальных сил действительности, а путем вымысла, изобретения социальной науки, предписывающей рецепты общественного обновления. «Затем социализм явился в виде рациональной доктрины, это был его период метафизики и отвлеченной науки; он построил общество а priori, он предпринял социальную алгебру, психологические расчеты, для всего создал рамки, все формулировал и не оставил никаких открытий будущим людям, которым предназначил зачислиться в фантастерий»². Характерные черты герценовской критики капитализма — признание им необходимости революционной ликвидации экономической организации, основанной на господстве капитала, и понимание несостоятельности попыток изобретения отвлеченной социальной науки — имели важнейшее значение для развития передовой экономической мысли России.

Подчеркивая, что утопические социалисты и коммунисты не знают, «чем поправить и как поправить» исторически сложившиеся отношения, что они — «люди какого-то дальнего идеала, едва видневшегося в будущем», Герцен искал пути, способного привести к ликвидации общественных порядков, основанных на экономическом порабощении человека человеком.

Но идейное развитие Герцена прошло сложный путь. Хотя у истоков герценовской критики капитализма лежали сильные стороны критически утопического социализма, неополитический характер которого Герцен с самого начала отвергал, он

¹ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии. Варианты, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 427.

² Там же.

испытал на себе и влияние идеологов мелкобуржуазного социализма — Прудона и Луи Блана.

Герцен приехал во Францию, когда эпигоны великих социалистов — утопистов выродились в сектантов, а домарксовский социализм представлял собой уже движение, не посягающее на основы буржуазного общества. Накануне революции 1848 г. господствующие позиции занимал во Франции мелкобуржуазный социализм. В 1840 г. Прудон выпустил книгу «Что такое собственность?», в которой он критиковал крупную капиталистическую собственность как «кражу», а в 1846 г. — работу «Система экономических противоречий или философия нищеты», круг идей которой Маркс оценил как «кодекс мелкобуржуазного социализма». Перед революцией Прудон перешел к непосредственной проповеди практических реформ. Позиция, занятая Прудоном в обстановке назревавшей революции, его стремление разрешить социальный вопрос посредством реформы обмена, его желание объединить противоположные классы буржуазного общества на почве экономического преобразования, осуществимого в рамках июльской монархии, свидетельствовали об эволюции мелкобуржуазного социализма Прудона в социализм буржуазный¹.

Большое распространение получили перед февральской революцией идеи Луи Блана. За внешне радикальной критикой буржуазного общества, данной Луи Бланом, скрывалась защита соглашательской политики, предназначенной спасти все классы общества, в том числе и буржуазию, обреченную, по мнению Луи Блана, в условиях капитализма на обеднение и разорение².

Герцену были хорошо известны работы идеологов мелкобуржуазного социализма. Ознакомившись с брошюрой Прудона «Что такое собственность?» и отметив в «Дневнике», что главный тезис ее не нов, Герцен вместе с тем дал высокую оценку этой работе Прудона³. Впоследствии Герцен неоднократно подчеркивал значение «отрицательной критики» Прудона, «который ничего вперед не осуждал и не систематизировал, который однако взывал к уничтожению всего того, что препятствует общественному возрождению...»⁴.

Хотя Герцен, как видно из приведенной цитаты, не придавал значения позитивной реформаторской стороне учения Пру-

¹ См. по этому вопросу статью Н. Е. Застенкера «Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом Манифесте», Сборник статей к семидесятилетию акад. В. П. Волгина, АН СССР, М. 1955.

² См. Луи Блан, Организация труда, М. 1926, стр. 26.

³ См. А. И. Герцен, Дневник 1844 года, Сочинения, т. II, М. 1954, стр. 391.

⁴ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии. Варианты, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 428.

дона, однако и положительная оценка критической стороны воззрений Прудона не могла не увести Герцена от понимания основ капитализма, а вместе с тем и путей ликвидации капиталистического строя. Такое влияние должны были оказать на Герцена и известные ему работы Луи Блана — «История 10 лет», «Организация труда» и др.

Не разделяя рецептов общественного преобразования, предлагаемых критически-утопическим социализмом, Герцен в еще меньшей мере мог солидаризироваться в этом вопросе с идеологами мелкобуржуазного социализма. Вместе с тем характерная для Прудона и Луи Блана отвлеченная критика буржуазии как класса, не изменяющего своей исторической роли в процессе капиталистического развития, сочетавшаяся у них с иллюзиями о неклассовом социализме, нашла свое отражение в воззрениях Герцена и прежде всего в его «Письмах из Avenue Marignol», написанных накануне революции 1848 г.

Революция 1848 г., выявившая непримиримые антагонизмы буржуазного общества, разбила мелкобуржуазные и буржуазные иллюзии о неклассовом социализме. В горниле революционных событий Герцен сам показывал несостоятельность мелкобуржуазных и утопических социалистических систем. Русский революционер разоблачал социализм Луи Блана и содержание его книги «Организация труда». «Луи Блан представлял в этом кругу социализм, — которого он в сущности никогда не понимал, его пустая книга «De l'organisation du travail» и несколько блестящих фраз составили ему репутацию»¹. Высокая оценка книги Прудона «Система экономических противоречий или философия нищеты» не помешала Герцену признать, что учение автора этой книги само по себе, рассматриваемое обособленно от других систем, не было сильно.

Не признавая истинным ни одно из учений мелкобуржуазного социализма, а также утопического социализма и коммунизма, Герцен видел в совокупности всех этих учений могучий фактор общественного прогресса. «Ни одно отдельное учение не обнимало всего вопроса социального, ни одно само по себе не было сильно, от уступчивых теорий Консидерана до злейшего коммунизма, от логики Прудона до мечтаний Кабэ, — но, взятые вместе и дополненные теми стремлениями, которые еще не успели выразиться ученьем, системой, они представляли великий элемент в развитии народном, тем более важный, что вся сознательная и рассуждающая <часть> работников были социалистами»².

¹ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии. Опять в Париже, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 336.

² Там же, стр. 314.

Весьма примечательно, что революция открыла перед Герценом новую силу социализма как направления, под знаменем которого шла сознательная часть «работников». Интересно также и то, что, не видя в существовавших системах социализма отражения современных ему стремлений, Герцен ждал нового социалистического учения, способного выразить эти стремления.

Однако разочарование в различных системах предреволюционного социализма не могло привести Герцена в период революции 1848 г. к отмежеванию от мелкобуржуазного социализма. Социализм Герцена, писал В. И. Ленин, «принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою *тогдашнюю* революционность буржуазная демократия, а равно невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат»¹.

После революции социалистические идеи Герцена развивались в двух направлениях. С одной стороны, подъем крестьянского движения в России, происходивший одновременно с умиранием революционности буржуазной демократии в Западной Европе, явился основой «русского» крестьянского социализма Герцена; с другой стороны, тот же процесс умирания революционности буржуазной демократии в Западной Европе и созревания революционности социалистического пролетариата обуславливал процесс изживания Герценом надклассовых иллюзий, а впоследствии рост в нем надежд на «Международное товарищество рабочих». Это значит, что социалистические идеи Герцена не ограничивались идеями «аграрного коммунизма», выступавшего лишь против частной земельной собственности, а сочетались с мучительными исканиями путей ликвидации господства капитала в Западной Европе.

Критика крепостного строя. Герцен о движущих силах и способе ликвидации крепостничества

Огромной заслугой Герцена является его непримиримая борьба с крепостным строем, оказавшая большое влияние на современников.

Для выяснения антикрепостнической платформы Герцена важное значение имеет, помимо записей «Дневника», относя-

¹ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 10.

щихся к периоду его пребывания в России, серия его работ, вышедших уже за границей в конце 40-х и в первой половине 50-х годов.

В 1849 г. Герцен выступил со статьей «Россия» (письмо к Гервегу) и с открытым письмом к Маццини — «Письмо русского к Маццини». В 1851 г. он опубликовал работу «О развитии революционных идей в России», в 1852 г. — письмо к Мишле: «Русский народ и социализм». В издании Вольной русской типографии вышли в 1853 г. «Юрьев день, Юрьев день!» — обращение Герцена к русскому дворянству и его брошюра — «Крещеная собственность», которую Герцен тогда же переработал в статью «Русское крепостничество», предназначенную для английского читателя.

Написанные до начала гласной постановки правительством вопроса об отмене крепостного права, эти работы занимают особое место в литературном наследстве Герцена. Поскольку уничтожение крепостного права не стало для правительства еще непосредственной практической задачей, Герцен в этот период в меньшей степени руководствовался тактическими соображениями и мог в большей мере выявить свою принципиальную позицию.

Размышляя над основной задачей своей эпохи, Герцен с исключительной силой свел все вопросы общественного развития России, ее экономического, политического и культурного прогресса, к основной национальной задаче — освобождению крестьян от крепостного состояния. Он справедливо утверждал, что «*весь русский вопрос*, по крайней мере, в настоящее время, заключается в вопросе о крепостном праве»¹.

Продолжая традиции Радищева, Герцен подверг критике всю систему крепостнических отношений. В крепостничестве, как и в капитализме, Герцен видел особую разновидность «антропофагии», т. е. людоедства.

Крепостническую эксплуатацию он рассматривал как кражу помещиком труда крестьянина. Крепостническая эксплуатация независимо от ее конкретных форм — барщины и оброка, являлась для Герцена формой эксплуатации, отличной от капиталистической ренты, превышающей ее. Герцен показывал, что помещик облагает крестьян «*независимо от земли* и берет выкуп за право передвижения»².

Герцен решительно отвергает стремление крепостников доказать, что оброк необременителен для крестьян. Сравнивая оброчные имения крупных помещиков с положением барщин-

¹ А. И. Герцен, Русское крепостничество, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 362.

² Там же, стр. 379—380. Курсив мой.—В. М.

ных крестьян мелкопоместных дворян, он отмечает, что оброчные крестьяне являются лишь «менее бедными и несчастными».

В крепостничестве Герцен видел форму эксплуатации, превращающую нищету крестьян в условие существования помещичьего хозяйства. Еще будучи в России, Герцен нарисовал в «Дневнике» ужасающую картину нищеты крестьянства¹.

Герцен разоблачал крепостников и «дико реакционный», крепостнический характер взглядов прусского барона Гакстгаузена, стремившегося представить отношения между крестьянами и помещиками в патриархальном, идиллическом свете. «Гакстгаузен,— писал Герцен,— старается доказать в своей книге, что помещики представляют патриархальную главу общины, нечто вроде старинных шотландских кланов или арабийских эмиров. Мнение это, некогда поддерживаемое плантаторами из московских панславистов, совершенно ложно»².

Раскрыв противоречия крепостнических отношений, Герцен показал, что существуют две различные, противоположные друг другу России: Россия крепостного народа и Россия помещиков, с их самодержавным правительством. Между этими Россиями не может быть примирения³.

В отличие от либералов Герцен критиковал крепостной строй России с демократических позиций. Противопоставив Россию крестьян помещичьей, дворянской России с ее политическим строем, направленным на охрану господства и привилегий дворян, Герцен открыто стал на сторону крестьянской, народной России.

Он показывал обострение противоречий между крестьянами и помещиками, вызванное усилением стремления помещиков к паживе и превратившее крепостного крестьянина «в разрабатываемую собственность», а помещика — в плантатора и заводчика.

Но и жестокая эксплуатация крестьянина не могла, по мнению Герцена, предотвратить разорение помещиков, вывести помещичье хозяйство из состояния кризиса. Герцен отмечает исключительно большую задолженность помещичьих имений предреформенной России. Если для апологетов крепостничества задолженность имений и отсутствие у помещиков капиталов служили аргументом в пользу несвоевременности отмены крепостного права, то Герцен делал из этих фактов противоположный вывод. Он, во-первых, доказывал бесперспективность

¹ См. А. И. Герцен, Дневник 1843 года, Сочинения, т. II, М. 1954, стр. 287—288.

² А. И. Герцен, Крещеная собственность, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 280.

³ См. там же, стр. 282

крепостнического хозяйства помещиков, во-вторых, опровергал тех, кто ссылался на силу плантаторской партии, представленной крупными помещиками.

Выступая против крепостнической апологии помещичьей собственности и власти, Герцен подчеркивал захватнический характер помещичьего землевладения и паразитическую природу помещичьего хозяйства. Он исходил при этом из исторического приоритета общинной крестьянской собственности над помещичьей и сводил отношения между помещиками и крестьянами к незаконному получению помещиками дани. Для Герцена помещик — самозванец, грабящий крестьян, подобно татарским баскакам.

Со страстью непримиримого борца Герцен разоблачал жестокие формы крепостнической эксплуатации в России. Он писал, что по другую сторону официальной России были уже «не люди, а материал, ревизские души, продажные, купленные, всемилостивейше пожалованные, приписанные к фабрике, экономические, податные, но не признанные человеческими».

Герцен клеймил крепостное право в России как белое рабство, а русских помещиков — как северных рабовладельцев: «Помещики, похожие на рабовладельцев, — таковы были хозяева русской жизни»¹.

Русский помещик был для Герцена собственником не столько земли, сколько крестьян, крепостником, близким к рабовладельцу.

Герцен не смог освободиться от ограниченности воззрений домарксовской науки, рассматривавшей русское крепостничество как результат ряда государственных актов и противопоставлявшей его западноевропейскому феодализму.

Возникновение феодализма он связывал с завоеванием и расовым различием победителей и побежденных; он считал, что русское крепостничество не выражало феодальных отношений, характерных для определенного этапа развития западноевропейских стран. «Мы были чужды феодальной жизни Европы, мы ни наследий не стяжали от этого времени, ни родовых болезней»².

Ошибочное понимание русского крепостничества как формы отношений, отличной от западноевропейского феодализма, сложившееся у Герцена уже в начале 40-х годов, укрепилось у него, когда он стал на позицию защиты особого, некапиталистического пути развития России.

¹ А. И. Герцен, Русское крепостничество, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 373.

² А. И. Герцен, О публичных чтениях г-на Грановского, Сочинения, т. II, М. 1954, стр. 123.

Славянофилы и Кавелин превращали положение о своеобразном развитии России в средство апологии помещичьего землевладения и самодержавия. Герцен же, вынося русское крепостничество за рамки западноевропейского феодализма, подчеркивал неправомерность крепостнических отношений России, а в связи с этим и отсутствие какой-либо правомерной экономической и юридической основы господства дворянства. Он доказывал, что русское дворянство не имеет на своих крепостных и тех слабых, призрачных прав, которые имели дворяне на Западе.

Поскольку в России не было расы завоевателей, тут не было, по мнению Герцена, и исторической правомерной системы феодальной земельной собственности во главе с феодалом-помещиком. В соответствии с этим Герцен подчеркивал «грязное начало и бессмысленные последствия русского помещичьего права»¹, указывал, что «крепостное право... спутало понятие о собственности». Это положение Герцен иллюстрировал словами мужика, согласно которым «он барский, а земля его»².

В своеобразном характере русского крепостничества Герцен видел историческую почву, благоприятствующую особому — некапиталистическому развитию России к социализму³. «Посельщики, сами разработавшие нашу землю, — писал Герцен, — привычные к полевым переделам, без слоя завоевателей на наших плечах, нам легче других европейских народов осуществить одно из решений социальной задачи»⁴. Эти воззрения Герцена носили печать неизбежной исторической ограниченности.

Проблема исторической обусловленности экономического развития России, решения которой неустанно искал Герцен, получила научное освещение лишь на пролетарском этапе русского освободительного движения, в свете учения об общественно-экономической формации, раскрывшего феодальный ха-

¹ А. И. Герцен, Крещеная собственность, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 284.

² А. И. Герцен, Россия и Польша, Полное собрание сочинений и писем, т. 10, стр. 255.

³ Неправильна поэтому модернизация теоретических исходных позиций Герцена в борьбе с крепостничеством, которая имеет место в книге Е. М. Филатовой. «Следовательно, — пишет автор книги, — заслуга Герцена заключалась в том, что он дал анализ феодальной собственности на землю и личность крестьянина, отметил внеэкономическое принуждение в феодальном обществе» (Е. М. Филатова, Экономические взгляды Герцена и Огарева, стр. 135). В действительности, Герцен видел в предреформенной экономике России не феодальное общество, а систему отношений, отличную от феодализма.

⁴ А. И. Герцен, Письма к будущему другу, Полное собрание сочинений и писем, т. 17, стр. 105.

рактический характер дореформенного экономического строя России и показавшего объективную историческую неизбежность ее капиталистического развития.

* * *

Выступая против крепостничества, Герцен исходил из определенного понимания движущих сил и способа его ликвидации. С самого начала своей деятельности он, продолжая традиции декабристов, считал, что самодержавие неспособно осуществить ликвидацию крепостного права, отвечающую запросам и потребностям развития России.

Уже на первом этапе идейной эволюции Герцена его взгляды были не только противоположны воззрениям крепостников, но и принципиально отличны от позиции либералов. Показательно, что вся заграничная бесцензурная деятельность Герцена до начала выхода «Колокола» была встречена в штыки представителями дворянского либерализма — Кавелиным и Чичериным. Объявив вредной бесцензурную публицистическую деятельность Герцена и обвинив его в стремлении к «низвержению существующего порядка», Кавелин и Чичерин выразили враждебность либерализма в целом революционной позиции Герцена¹.

Герцен выдвинул задачу полной ликвидации помещичьих притязаний и прав на личность крестьянина и находящуюся в его распоряжении землю. «Не затруднять следует помещичьи права, их следует уничтожить, «ликвидировать»»².

Не считая самодержавие способным осуществить ликвидацию крепостного права, Герцен неоднократно обращался к образованному дворянству.

Иллюзорные надежды Герцена на авангардную роль дворянства рушились под влиянием событий. Его призывы не находили отклика. Обострение кризиса крепостного хозяйства обнажало своекорыстную позицию всего помещичьего класса. С другой стороны, развивающееся крестьянское движение показывало Герцену грозный протест угнетенных и эксплуатируемых масс крестьянства.

Массовое движение помещичьих крестьян середины 50-х годов служило основой оптимистического взгляда Герцена на будущее России. На сообщение М. К. Рейхель о крестьянских волнениях Герцен отвечал 2 мая 1855 г.: «Новости ваши недурны да и в Украине мужики бунтуют»³. В другом

¹ См. «Голоса из России», 1856, ч. 1, «Вольная русская книгопечатня», стр. 25.

² А. И. Герцен, Крещеная собственность, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 272.

³ А. И. Герцен, Письмо М. К. Рейхель 2 мая 1855 г., Полное собрание сочинений и писем, т. 8, стр. 175.

письме к Рейхель Герцен рассматривал значение волнений на Украине в свете происходившего в Сибири бунта воинских частей. «А вы знаете,— спрашивал он,— что в Петербурге и Москве бездна арестов?.. что в Сибири бунтовали полки и 15 офицеров разжалованы без выслуги? Украина тоже бунтует... Посмотрим, на чьей улице будет праздник»¹.

Но развитие революционных, демократических взглядов Герцена было временно прервано в связи с наметившейся подготовкой реформы, особенно после гласной постановки правительством вопроса об отмене крепостного права.

Сыграв огромную роль в пробуждении разночинцев к революционной борьбе, сам Герцен не сумел подняться до характерного для вождя революционной демократии — Чернышевского понимания русского крепостническо-бюрократического государства. Он не сразу понял, что самодержавие не в силах осуществить действительную ликвидацию крепостнических отношений. Отсюда его неоднократные обращения к царю, связанные с надеждой на то, что осуществленная царским правительством реформа явится началом действительного решения земельного вопроса. Такое представление о предстоящей реформе не носило у Герцена эпизодического характера. В то время как Чернышевский и его последователи отдавали себе отчет в том, что правительство, приступая к реформе, руководствовалось лишь страхом перед крестьянской революцией и не могло осуществить действительного освобождения крестьян с землей, Герцен питал иллюзии в вопросе об экономическом содержании реформы, подготовляемой царским правительством. Эти заблуждения Герцена были уже в 1858 г. подвергнуты дружеской критике в «Письме к редактору», помещенном в «Колоколе». Анонимный автор письма, примыкавший к революционному стану Чернышевского, доказывал, «что Александр II никак не признает необходимости освободить крестьян вполне от всякой зависимости от помещиков и никак не признает прав крестьян на землю...»².

Ответ Герцена на указанное письмо (статья «Нас упрекают»), несмотря на выраженные в нем либеральные колебания, свидетельствовал о принадлежности редактора «Колокола» к лагерю демократии. Считая, что в действиях Александра II нет того единства, которым характеризовалось царствование Николая I, Герцен не исключал возможности освобождения крестьян с землей правительством Александра II. «Освобождение крестьян с землею — один из главных и существенных вопро-

¹ А. И. Герцен, Письмо М. К. Рейхель 14 июля 1855 г., Полное собрание сочинений и писем, т. 8, стр. 194.

² «Письмо к редактору», «Колокол», 10 октября 1858 г., л. 25, стр. 209.

сов для России и для нас, — писал Герцен. — Будет ли это освобождение «сверху или снизу», — мы будем за него! Освободят ли крестьянские комитеты, составленные из заклятых врагов освобождения, — мы благословим их искренно и от души...»¹.

Но, расходясь с автором «Письма к редактору» в вопросе о возможности действительного освобождения крестьян с землею «сверху», Герцен вместе со всем революционным лагерем отстаивал решение земельного вопроса в интересах крестьянства. Подчиняя этой основной задаче вопрос о способе ликвидации крепостного права, он в том же месте статьи, в котором выражал надежды на сохранение надельной земли за крестьянами «сверху», приветствовал разрешение земельного вопроса путем выступления крестьянства, направленного против дворянских комитетов, а затем и против самого дворянства. «Освободят ли, — продолжал Герцен, — крестьяне себя от комитетов, во-первых, а потом от всех избирателей в комитеты, — мы первые поздравим их братски и также от души»².

О надеждах издателей «Колокола» на освобождение крестьян с землею «сверху» свидетельствуют следующие слова Герцена: «Мы думали, — писал он в 1860 г., — что самодержавие может еще в России совершить подвиг *освобождения крестьян с землею*»³.

Нельзя недооценивать этих заблуждений Герцена, ясно выраженных и в «Непроизнесенной речи о 19 февраля 1861 г.». Рассматривая и тут освобождение крестьян с землею как основу «Руси народной, общинной — свободной», Герцен считал, что начало такого освобождения «возвещено — робко, с усечениями, *но возвещено!*»⁴.

Отклонения Герцена к либерализму имели определенные социально-классовые корни. Герцен стал на путь защиты интересов крестьянства, не освободившись от печати, наложенной на него тем классом, из среды которого он вышел. С другой стороны, в период деятельности Герцена среди угнетенных трудящихся масс не было ни последовательно революционного класса, ни революционных масс крестьянства.

Не понимая границ реформаторской деятельности правительства, Герцен воздержался на первых порах от развернутой и последовательной критики его мероприятий, выдвинув неосуществимую для царского правительства задачу действительной

¹ А. И. Герцен, Нас упрекают, Полное собрание сочинений и писем, т. 9, стр. 363.

² Там же.

³ А. И. Герцен, Введение к сборнику статей «За пять лет», Полное собрание сочинений и писем, т. 10, стр. 318.

⁴ А. И. Герцен, Непроизнесенная речь о 19 февраля 1861 г., «Литературное наследство», т. 63, АН СССР, М. 1956, стр. 66.

ликвидации крепостнических отношений и сохранения за крестьянами находившихся в их пользовании земельных наделов.

Однако и в этот период наиболее отчетливо выраженных отступлений к либерализму позиция Герцена принципиально отличалась от позиции либералов. Во-первых, в противоположность либералам, отвергавшим всякую мысль о революционной ломке крепостничества, Герцен говорил в 1857 г., что искренне предпочитает «самое бурное и необузданное развитие застою николаевского *tsatu quo*»¹. Во-вторых, в период надежд на реформу Герцен не терял перспективы и конечной цели антикрепостнической борьбы, состоявшей, с точки зрения основоположника крестьянского социализма, в ликвидации частной помещичьей собственности и повсеместном утверждении крестьянского общинного землевладения.

Отсутствие ясного представления о классовой природе самодержавия объясняет первые отклики Герцена на царские рескрипты. Царские указы, признававшие помещиков собственниками крестьянской земли, находились в прямом противоречии с требованием Герцена о раскрепощении крестьянского хозяйства. Но, считая в этот период возможным воздействие на правительство, Герцен не противопоставлял прямо указам свою принципиальную позицию в вопросе об условиях ликвидации крепостного права. Вместе с тем он сразу же после выхода рескриптов выразил неудовлетворение данной в них постановкой вопроса о земле. Пытаясь использовать то обстоятельство, что первые рескрипты относились к польским губерниям, Герцен доказывал, что они не могут служить общей нормой при решении земельного вопроса в России².

Герцен продолжал непримиримую борьбу с крепостниками и после выхода царских рескриптов. Он разоблачал как попользования крепостников подменить освобождение крестьян «улучшением их быта», так и их стремление к обезземелению крестьян. Само согласие дворянства на организацию комитетов «освобождения» скрывало за собой, как показал Герцен, уступку крепостникам в результате соглашений между правительством и дворянством. Хотя рескрипты предоставляли крестьянам лишь возможность выкупа домов и усадеб, писал Герцен, «слово усадьба начинает встречаться все реже и превращается постепенно в избу, в курятник и бог знает во что еще»³.

¹ А. И. Герцен, Революция в России, Полное собрание сочинений и писем, т. 9, стр. 2.

² См. А. И. Герцен, Первые шаги к освобождению крепостных крестьян в России, Полное собрание сочинений и писем, т. 9, стр. 153.

³ А. И. Герцен, Царь Александр II, «Литературное наследство», т. 7—8, М. 1933, стр. 62.

Герцен не переставал разоблачать мероприятия и требования крепостников Н. Безобразова, Бланка и других. В статье «1 июля 1858 г.», посвященной годовщине со дня выхода «Колокола», он писал: «Мы требовали, чтоб помещики не украли у крестьян освобождение, чтоб желание, выраженное робко правительством относительно усадеб и земли, не было объяснено в пользу собственников. Были ли мы правы? Это доказывают красноречие Безобразова и Бланка, центральный комитет, усиленная цензура, дворянская оппозиция и насильственные переселения крестьян на неудобную землю»¹.

Из многочисленных заметок и корреспонденций, посвященных в «Колоколе» крестьянским волнениям, их жестокому подавлению, наступлению помещиков на крестьянские земли и сопротивлению крестьян, видно, что Герцен с неослабным вниманием следил за крестьянским движением и в годы подготовки реформы. Уже ход подготовки реформы показывал Герцену противоположность реформаторского способа отмены крепостного права интересам крестьян. Исход реформы и последовавшие крестьянские восстания убедили Герцена в несостоятельности того мирного экономического пути решения социально-экономических задач, на который он сам возлагал известные надежды.

В свете развивающегося крестьянского движения «Колокол» дал глубокую критику крепостнической реформы. Критика основных экономических предпосылок реформы, установок «редакционных комиссий», а затем и «Положения о крестьянах» была развернута преимущественно в работах Огарева. Но исходные принципиальные позиции борьбы против крепостнической реформы разрабатывались совместно обоими издателями «Колокола». Изучение опыта классовой борьбы привело Герцена к пониманию антинародного, крепостнического характера реформы.

Выражая интересы крестьянства, Герцен в противоположность либералам подверг реформу 1861 г. суровой критике. Он пришел к революционно-демократическому выводу, что ни правительство, ни господствующие классы неспособны осуществить действительное освобождение крестьян, а будут дальше лишь двигаться вспять. «На неполное освобождение крестьян потратились все силы правительства и общества, и заторможенная машина двинулась назад»², — писал Герцен.

Критика крепостнической реформы углубила противоположность воззрений Герцена и либералов. Еще в первой по-

¹ А. И. Герцен, 1 июля 1858 года, Полное собрание сочинений и писем, т. 9, стр. 265.

² А. И. Герцен, VII лет, Полное собрание сочинений и писем, т. 17, стр. 295.

ловине 40-х годов Герцен, как это видно из записей его «Дневника», признал непригодность для современной ему эпохи воззрений и славянофилов и западников¹.

Противоположность позиций Герцена и славянофилов ясно выявилась в отношении к закону 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах. Указ, который славословил славянофил Хомяков, Герцен подверг суровой критике. Он показал, что закон не создает никаких побудительных мотивов для его реализации, а осуществление намеченных в нем мер не привело бы к ликвидации крепостнической эксплуатации².

Герцен с исключительной глубиной разоблачал славянофильскую апологию самодержавия, сословности, стремления славянофилов к консервированию отживших патриархальных отношений.

Но, выступая против политической позиции славянофилов, Герцен не отдавал себе полного отчета в действительном характере отстаиваемой славянофилами концепции социально-экономического развития России, прежде всего — их учения об общине. Он неправоммерно сближал воззрения славянофилов в этом вопросе со своей собственной позицией. Особенно ясно это проявилось в период его надежд на реформу. Однако обострение социальных противоречий в период подготовки реформы и особенно исход реформы показывали Герцену славянофилов как поборников помещичьего решения вопроса о земле и выкупе.

Герцен решительно отверг как характерную для славянофила Самарина апологию «Положения», так и его стремление объяснить восстание в Бездне злонамеренной агитацией нигилистов и поляков. «Неужели «Положение», — спрашивал Герцен Самарина, — исполнило то, что народ ждал от воли с земель? В Казани, конечно, не было (в августе 1861) ни нигилистов, ни поляков!..»³.

Герцен ясно понимал, что реформа, проведенная самодержавным правительством, не может уничтожить поползновения крепостников к полному обезземелению крестьян. Он боролся с неокрепостниками, стремившимися посредством разрушения общины и обезземеления крестьян отдать крестьянина в полную кабалу помещикам. С гневом разоблачал Герцен крепостническую идеологию Скарятина и Бланка, раскрывая их апологию помещичьей собственности, с одной стороны, нищеты и

¹ См. А. И. Герцен, Дневник 1844 года, Сочинения, т. II, М. 1954, стр. 354.

² См. А. И. Герцен, Дневник 1842 года, Сочинения, т. II, М. 1954, стр. 209.

³ А. И. Герцен, Письмо Ю. Ф. Самарину 17 августа 1864 г., Полное собрание сочинений и писем, т. 17, стр. 335.

бедствий трудящихся — с другой. Герцен показывал, что крепостники и после реформы пытаются посредством захвата земель крестьянских общин сохранить по существу прежнее положение крестьян и крепостнические порядки. «Да разве, — спрашивал он, — проповедывать, что *рабочие люди* обязаны только век свой работать «на других жителей государства» и только *иногда*, ради выгоды, для самих себя», не значит, в сущности, стремиться к этому прежнему порядку?»¹

Герцен показывал реакционный характер самодержавного правительства, представлявшего интересы помещичьего землевладения. «...Правительство, — писал он, — становится за вечный утес консерватизма и реакции, — за поземельную собственность: ее оно хочет защищать, ею оно хочет защищаться...»²

Исживание либеральных иллюзий, ясно выразившееся в критике крепостнической реформы и разоблачении помещичьей природы самодержавия, привело Герцена не назад — к принципам и тактике дворянских революционеров, а вперед — к платформе, провозглашенной революционной демократией.

Новый подъем крестьянского движения, вызванный исходом реформы, и прежде всего восстание в Бездне показывали Герцену крестьянство, боровшееся против осуществленного реформой решения земельного вопроса. С другой стороны, организация революционного общества «Земля и Воля», ориентированного на подготовку крестьянского восстания, свидетельствовала о возникновении нового, отличного от обществ декабристов типа революционной организации, выражающей чаяния крестьянских масс, готовой возглавить их борьбу против помещиков.

Когда Герцен в 40-х и в начале 50-х годов выяснял перспективы крестьянского восстания, он исходил из двух возможных путей его развития — стихийного выступления крестьян, либо восстания, возглавленного дворянской революционной организацией. Стихийное восстание имело для Герцена все отрицательные стороны движения, выдвигавшего на первый план не положительное решение социально-экономических задач, а простое разрушение существующего. Проповедуя второй путь — выступление масс, возглавленное дворянским революционным меньшинством, Герцен невольно сбивался на защиту революционного заговора.

В результате подъема крестьянского движения и революционной ситуации у Герцена сложилось новое понимание революции. Он выступил против того представления о революции,

¹ А. И. Герцен, Крепостники, Полное собрание сочинений и писем, т. 18, стр. 302.

² А. И. Герцен, От государя князю П. П. Гагарину, Полное собрание сочинений и писем, т. 18, стр. 425.

которому сам отдал дань на первом этапе своего развития. «Никакое меньшинство из образованных,— писал Герцен.— не может сделать у нас неодолимого переворота без власти или без народа — так стали вопросы...»¹.

Герцен доказывает, что без участия деревни могут быть лишь олигархические, гвардейские перевороты, а не действительная революция. Вместе с Огаревым он стал на путь признания революции, произведенной не только в интересах народа, но и самим народом. Перед новым поколением революционеров-разночинцев издатели «Колокола» выдвигали задачу подготовки крестьянского восстания, как политически оформленного выступления крестьянства, внесения в него сознательного начала, оформления его лозунгов и программы действия, т. е. преодоления стихийных тенденций крестьянского движения посредством руководства крестьянской революцией.

Вместе с тем и в этот период Герцен не сумел подняться до Чернышевского. Расхождения между Герценом и последователями Чернышевского не стерлись и в пореформенный период. Спад крестьянского движения, последовавший за годами революционной ситуации, способствовал повторным обращениям Герцена к самодержавию. Либеральные иллюзии Герцена нашли свое выражение не только в его политической позиции, но, как будет видно из дальнейшего, и в его понимании общины. Однако если уже на предшествовавших этапах демократ брал у Герцена верх над либералом, то в результате революционной ситуации (1859—1861 гг., 1861—1863 гг.) Герцен, несмотря на продолжавшиеся расхождения с революционерами из разночинцев, выступил как борец того героического лагеря русской революционной демократии, вождем которого был Н. Г. Чернышевский.

* *
*

Выдвигая программу ликвидации крепостничества в России, Герцен подверг критике те экономические условия, на основе которых была осуществлена отмена крепостного права в других странах. Он отвергал прусский способ отмены крепостного права, не удовлетворялся ни ликвидацией крепостнических отношений, осуществленной французской буржуазной революцией, ни решением аграрного вопроса в США. Русский революционер был принципиальным противником развивавшейся в США буржуазной земельной собственности. Рассматривая частную земельную собственность как причину нищеты и бед-

¹ А. И. Герцен, Журналисты и террористы, Полное собрание сочинений и писем, т. 15, стр. 374—375.

ствий масс, Герцен противопоставлял аграрный строй США экономической организации русской крестьянской общины. В земельных отношениях США Герцен видел неразрывную часть их общего экономического устройства, покоящегося на обнаженном стремлении к стяжанию.

Герцен одним из первых поставил перед освободительным движением России задачу преодоления узких границ западноевропейских буржуазных революций. Постановка этой задачи отражала остроту земельного вопроса и различное соотношение классовых сил в России эпохи падения крепостного права и во Франции периода революции 1789—1793 гг. Руководящей силой французской революции была буржуазия, опиравшаяся в борьбе с феодализмом на крестьянство. В России в период реформы буржуазия не являлась общественной силой, способной возглавить отмену крепостного права. Угнетенные, эксплуатируемые массы крепостного крестьянства представляли единственный класс, экономическое положение которого требовало не компромисса с крепостничеством, а его ликвидации.

Уже в первых работах Герцен, имея в виду прежде всего декреты Учредительного собрания, отметил ограниченность решения аграрного вопроса французской революцией, отражавшую слабость позиции крестьянства в революции 1789 г.¹ Герцен не мог удовлетвориться и решением аграрного вопроса якобинским Конвентом, ликвидировавшим без выкупа все феодальные повинности, обременявшие крестьян, и издавшим декрет, облегчавший продажу национальных имуществ крестьянину. «...Для крестьян,— писал Герцен,— революция только окончательно уничтожила крепостное состояние и раздробила поземельную собственность»². Такой результат аграрного преобразования не мог служить образцом для русской революции, так как «мы не обязаны делать ту же революцию, у нас и задача иная и силы к ее разрешению иные»³.

Герцен считал узкими для России рамки буржуазной французской революции, конфисковавшей земли эмигрантов и участников контрреволюционных заговоров, но отвергнувшей в лице Робеспьера и в период якобинской диктатуры конфискацию огромных владений помещиков, всеобщий передел земли. Впоследствии он прямо указывал, что ни французская революция 1789 г., ни революция 1848 г. не только не решили, но и не поставили в полной мере вопроса о земле; «о земле не

¹ См. А. И. Герцен, Русское крепостничество, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 362.

² А. И. Герцен, Старый мир и Россия, Полное собрание сочинений и писем, т. 8, стр. 45.

³ А. И. Герцен, Революция в России, Полное собрание сочинений и писем, т. 9, стр. 7.

поминала ни одна революция, домогавшаяся *воли*, по крайней мере, после крестьянских войн. Ни с горных высот конвента, ни с высот июньских баррикад мы не слышали слова *земля*»¹.

Доказывая ограниченность мероприятий французской буржуазной революции и выдвигая иное решение аграрного вопроса в предстоящей русской революции, Герцен защищал интересы угнетенных масс крестьянства.

Положительная программа самого Герцена изменялась в процессе его идейной эволюции. Уже с самого начала бесцензурной публицистической деятельности Герцен рассматривал вопрос об освобождении крестьян неотделимо от его экономической стороны и прежде всего от вопроса о земле.

Герцен понимал, что вопрос об условиях отмены крепостного права будет служить основой борьбы противоположных интересов крестьян и помещиков. Он указывал, что дворянство как сословие не сможет отвлечься от своекорыстных интересов. «Мы ненавидим фразы,— писал Герцен,— и вовсе не верим в повальное великодушие, ни в бескорыстие целых сословий»².

Русский революционер указывал, что либеральные поборники освобождения крестьян из помещичье-государственного лагеря отстаивают условия отмены крепостного права, несовместимые с интересами крестьян. «Вопрос об уничтожении крепостного состояния,— писал он,— не был до нашего времени понимаем одинаким образом крестьянами и «аболиционистами». С точки зрения либерализма и религии собственности вопрос разрешался прямо против народного смысла»³.

В отличие от либералов Герцен считал вполне правомерным вторжение в помещичью собственность и связывал уничтожение крепостного права с ликвидацией помещичьих притязаний на крестьянские земли и признанием земли собственностью крестьянских общин.

Огромной заслугой Герцена являлась его борьба против обезземеления крестьянства, порождающего в процессе ликвидации крепостного права пауперизацию масс. Герцен стремился предотвратить пауперизацию путем сохранения за крестьянами всей находившейся в их распоряжении земли. Отражая интересы крестьянства, он поднял земельный вопрос, борьбу с пауперизмом до степени основного вопроса, определяющего характер национального развития России. На примере безземельного освобождения крестьян в Прибалтике и Ирландии Герцен

¹ А. И. Герцен, Порядок торжествует!, Полное собрание сочинений и писем, т. 19, стр. 121.

² А. И. Герцен, Юрьев день! Юрьев день!, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 251.

³ А. И. Герцен, Крещеная собственность, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 276.

показывал, что вопрос об обезземелении крестьян и порожденном им пауперизме является вопросом жизни и смерти для огромного большинства населения России.

Герцен до исхода реформы отстаивал непосредственно требование оставления за крестьянами находившейся в их распоряжении земли и превращения ее в свободную собственность крестьянских общин. Он ссылался на то, что «мужик хочет себе лишь мирскую землю», которую приобрел «святым правом работы; больше он не требует»¹.

В условиях идейной борьбы начала 50-х годов Герцен объективно ставил вопрос о наиболее свободных от крепостничества предпосылках капиталистического развития крестьянского хозяйства.

Принципиальное отличие Герцена от либералов ясно проявлялось и в его подходе к вопросу о выкупе. Вопрос о выкупе был одним из основных вопросов, определявших экономические предпосылки ликвидации крепостничества. Герцен подошел к постановке и решению этого вопроса как поборник интересов крестьянства, вместе с тем не преодолевший еще традиций дворянского этапа освободительной борьбы.

Проблему выкупа Герцен освещал под углом зрения характерного для него понимания природы русского крепостничества. Герцен лишал правомерной основы помещичьи притязания не только на личность крестьян, но и на крестьянские земли. Однако из этих положений Герцен не делал на данном этапе вывода о необходимости безвозмездного освобождения крестьян, он допускал компромисс с помещиками — уплату им определенной выкупной суммы; «впрочем, — писал Герцен, — имея в виду неправомерность помещичьих притязаний на личность и землю крестьянина, — в этом нет еще основания, чтобы правительство отказало в некотором удовлетворении современным пользователям выгодами прошлой вопиющей несправедливости»².

Отрицая в принципе право помещиков на выкуп, Герцен видел в выкупе известное соглашение с помещиками, обусловленное исторически сложившимися отношениями.

Между тем не только буржуазные историки русской общественной мысли, но и Г. В. Плеханов игнорировал эту исходную позицию Герцена в постановке рассматриваемой проблемы, неправомерно превращая аграрную платформу «Колокола» в исходный пункт позиции, занятой Герценом в вопросе о выкупе.

¹ А. И. Герцен, Народный сход в память февральской революции, Полное собрание сочинений и писем, т. 8, стр. 150.

² А. И. Герцен, Русское крепостничество, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 368. (Курсив мой. — В. М.).

Герцен до исхода реформы практически не выдвигал еще задачи ликвидации помещичьей собственности. Но своей непримиримой защитой интересов крестьянского землевладения, постановкой проблемы выкупа, требованием раскрепощения крестьянской общины, освобождения ее от всякой помещичьей опеки Герцен отстаивал такие экономические условия разрыва крепостнических связей крестьянского и помещичьего хозяйства, против которых выступали либералы. Это подготовило новую платформу Герцена в борьбе с крепостническими отношениями, оставленными реформой, проведенной крепостниками.

Отражая и формулируя революционные стремления крестьянства, боровшегося против помещичьего землевладения и помещичьей власти, Герцен выступил с обоснованием лозунга «Земля и воля».

Лозунг «Земля и воля» был взят, как указал сам Герцен, из статьи Огарева «Что нужно народу?», напечатанной в «Колоколе» 1 июля 1861 г. Непосредственного участия в подготовке этой статьи Герцен не принимал. Она была написана Огаревым, подготовлена при участии будущих деятелей тайной организации «Земля и Воля» Н. А. Серно-Соловьевича, Н. Н. Обручева и А. А. Слепцова. Несмотря на это, лозунг, ставший знаменем тайного революционного общества, идейно был подготовлен в значительной мере Герценом, его защитой права крестьян на землю и развернутой им в вольной русской прессе революционной борьбой с самодержавием.

В 60-х годах в результате крестьянских восстаний, связанных с исходом реформы, и горячей защиты идеи крестьянской революции Чернышевским требование «земли и воли» нашло у Герцена уже свое непосредственное прямое обоснование.

Герцен увидел в этом требовании выражение своеобразного характера русской революции, как революции крестьянской, отличающейся от западноевропейских революций, не сумевших решить земельный вопрос в интересах крестьянства. Осуществление этого лозунга облегчалось, по мнению Герцена, особой природой русского крепостничества, в условиях которого помещик являлся неправомерным владельцем крестьян, а помещичье землевладение не имело под собой твердой почвы.

Обращаясь к рассмотрению возникновения требования «земли и воли», Герцен неизменно подчеркивал, что оно подсказано самим крестьянством, выражает его представление о праве на землю: «Не мы выдумали, а народ русский подсказал нам, что надобно ставить на хоругви. Наша заслуга только в том, что при шуме барабанов, Положений, учреждений, освобождений, мертворождений мы уловили их»¹.

¹ А. И. Герцен, «Le Nord» и le tsar за Землю и Волю, Полное собрание сочинений и писем, т. 17, стр. 108.

Отражая борьбу крестьянства за землю, Герцен ставит перед революционной организацией задачу политического руководства движением крестьян — соединения крестьянского лозунга «земля» с революционным политическим лозунгом — «воля». «Мы вместе с крестьянином говорим: «нет воли без земли» и прибавляем только, что «земля не крепка без воли»»².

Хотя требование «земли и воли» было подготовлено всей предшествующей деятельностью Герцена, оно выражало новый этап в развитии его демократических, революционных взглядов. Решение проблемы земли Герцен связал, как это видно из новой платформы «Колокола» в аграрном вопросе, с ликвидацией помещичьего землевладения и переходом всей земли к крестьянам, решение вопроса о воле — с выступлением самого народа, крестьянской революцией.

О некапиталистическом развитии России и социалистической природе русской крестьянской революции

Развитие капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве России уже в 40-х годах поставило перед экономической мыслью вопрос о характере экономического развития России после ликвидации крепостного права.

Герцен видел сдвиги, происходившие в пореформенной России. Он указывал на рост промышленности, распространение буржуазной политической экономии с ее культом наживы, отмечал появление новых стимулов эксплуатации крестьянства и изменение всего уклада помещичьего хозяйства, превращавшее помещика из вельможи в фабриканта.

Наблюдения над сдвигами, происходившими в экономике дореформенной России, толкали Герцена к сопоставлению путей экономического развития России и Западной Европы.

В то время как Белинский подошел к пониманию буржуазной эры развития России, а тем самым и буржуазной природы русской антикрепостнической революции, Герцен выступил с обоснованием особого — некапиталистического пути развития России. Такому представлению о путях экономического развития России благоприятствовала социально-экономическая обстановка периода падения крепостного права. Перед реформой сельское население составляло более 90% всего населения страны. Несмотря на процесс разложения, наблюдавшийся среди помещичьих и особенно государственных крестьян, гос-

¹ А. И. Герцен, Письмо к Гарибальди, Полное собрание сочинений и писем, т. 16, стр. 531.

подство крепостного права задерживало раскол деревни. Пролетариат еще не выделился из общей массы трудящихся. Крестьянство самостоятельно выступало против крепостного права и помещичьей власти. Его движение не возглавлялось и буржуазией, искавшей путей соглашения с помещиками. Такая обстановка обуславливала слияние демократизма и социализма, способствовала идеализации последствий и результатов ликвидации крепостничества.

Герцен видел в освобождении крестьян с землей не только уничтожение крепостнических отношений, но и начало последующего социалистического преобразования России. В. И. Ленин писал о народничестве: «Это целое мирозерцание, начиная от Герцена и кончая Н.— оном. Громадная полоса общественной мысли. Ее историческое значение: идеализация борьбы с крепостничеством»¹.

Герцен выступил с защитой общины в эпоху господства крепостничества, которое задерживало развитие товарно-денежных связей крестьянского хозяйства, а тем самым и процесс разложения крестьянской общины. Община в этот период играла иную роль, чем позже — в эпоху капиталистического развития России. Рассматривая русскую общину периода падения крепостного права, Маркс возражал тем, кто подобно Шедо-Ферроти доказывал, что община служила причиной нищатания крестьянства. Основоположники научного коммунизма считали, что в период падения крепостничества община не только не вызывала нищету крестьянства, но, напротив, смягчала ее².

Связав социалистическое преобразование России с крестьянской общиной, Герцен вместе с тем считал, что в капиталистических странах не крестьянин, являвшийся, с его точки зрения, «полевым мещанином», а работник олицетворяет движение к социализму. «Человек будущего в России — *мужик*, точно так же, как во Франции работник»³, — писал он.

Различное понимание Герценом роли крестьянства в социалистическом преобразовании России и Западной Европы свидетельствует о том, что, несмотря на ошибочное представление об общинном крестьянстве как основе социалистического преобразования России, крестьянство само по себе не было для Герцена классом, призванным возглавить переход к социализму. Герцен отделял роль крестьянства в условиях капита-

¹ В. И. Ленин, Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и России, «Ленинский сборник» XIX, стр. 237.

² См. К. Маркс, Письмо Л. Кугельману 17 февраля 1870 г., К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, 1953, стр. 233.

³ А. И. Герцен, Русский народ и социализм, Полное собрание сочинений и писем, т. 6, стр. 450.

лизма, где крестьянин являлся собственником земли, от роли русского общинного крестьянства, представляющего, с его точки зрения, будущность России.

Выступив с защитой общины, Герцен был далек от идеализации всех ее сторон. «В ней нет конкуренции, нет внутренней борьбы, создающей разнообразие и движение...»¹.

Значение общины Герцен видел в равноправии ее членов «относительно владения землей и распределения ее»².

Общинный принцип владения землей приводил, с точки зрения Герцена, к экономическим последствиям, имеющим важнейшее значение для всего последующего экономического развития России. Гарантированное общиной равенство в наделении землей предотвращает образование сельского пролетариата и ограничивает возможность формирования пролетариата вообще: «Вследствие этого сельский пролетариат в России невозможен»³, — писал Герцен, «невозможность многочисленного пролетариата становится очевидностью»⁴, — доказывал он.

Высказанные Герценом мысли свидетельствуют о противоречиях, связанных с его защитой общины. С одной стороны, Герцен, отражая запросы капиталистического развития промышленности, говорил об образовании пролетариата в сфере промышленности, с другой стороны, он считал невозможным в условиях общины пролетаризацию крестьянства как класса. Этот вывод Герцен, в отличие от славянофилов и Гакстгаузена, обращал не на защиту феодальных связей крестьянского и помещичьего хозяйства, а против помещичьего землевладения. Помещичье землевладение являлось для Герцена не только оплотом крепостничества, подневольного труда, но и единственным источником капитализма в сельском хозяйстве России. Противопоставление общины частному помещичьему землевладению означало, с точки зрения Герцена, противопоставление сельского коммунизма капитализму. Развивающаяся община должна была подорвать одновременно как помещичье землевладение, так и основу капитализма.

Такое понимание роли общины означало слияние задач антикрепостнической борьбы с задачей создания предпосылок социалистического преобразования и нашло свое выражение в учении Герцена о некапиталистическом развитии России. «...Но я не вижу причин, — писал Герцен, — почему Россия должна

¹ А. И. Герцен, Россия, Сочинения, т. VI, М. 1955, стр. 204.

² А. И. Герцен, Русское крепостничество, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 374.

³ А. И. Герцен, Россия, Сочинения, т. VI, М. 1955, стр. 201.

⁴ А. И. Герцен, О развитии революционных идей в России, Сочинения, т. VII, М. 1956, стр. 261.

непрерывно претерпеть все фазы европейского развития, не вижу я также, почему цивилизация будущего должна неизменно подчиняться тем же условиям существования, что и цивилизация прошлого»¹.

Рассматривая общину как реальную основу некапиталистического пути развития России, Герцен не считал, что община сама по себе может гарантировать социалистическое преобразование. Социалистическое переустройство России он связывал с развитием идей социализма, возникших в условиях капиталистического мира Запада. «Европа, не ведавшая этой общины или потерявшая ее в превратностях прошедших веков, поняла ее, а Россия, обладавшая ею в течение тысячи лет, не понимала ее, пока Европа не пришла сказать ей, какое сокровище скрывала та в своем лоне. Славянскую общину начали ценить, когда стал распространяться социализм»². Герцен ставил перед революционной организацией России задачу внесения в стихийный коммунизм общины осознанного социалистического начала.

Герцен, как показал Ленин, явился основоположником народничества. Но воззрения Герцена отличались от взглядов либерального народничества 90-х годов. Ленин противопоставляет крестьянский социализм Герцена и Чернышевского меланхолическому социализму либерального народничества.

Община служила, с точки зрения Герцена, не средством устранения дурных сторон капитализма, а экономической основой социалистического характера русской крестьянской революции. Русский народ сохранил одну крепость — земельную общину, и в силу этого он находится «ближе к социальной революции, чем к революции политической»³.

Выдвигая учение об особом — некапиталистическом — пути развития России, Герцен противопоставлял западноевропейскому социалистическому движению, порожденному капиталистической эксплуатацией, «русский» социализм, который «идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, и идет вместе с рабочей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука»⁴.

В соответствии с таким пониманием путей социалистического преобразования России Герцен возражал против чуждого,

¹ А. И. Герцен, Россия, Сочинения, т. VI, М. 1955, стр. 205.

² А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России, Сочинения, т. VII, стр. 242—243.

³ А. И. Герцен, Россия, Сочинения, т. VI, М. 1955, стр. 220.

⁴ А. И. Герцен, Порядок торжествует!, Полное собрание сочинений и писем, т. 19, стр. 127—128.

с его точки зрения, направления русской социалистической литературы, оттеснявшего за проповедью общих идей социализма крестьянский вопрос на второй план. «Вопрос крестьянский с поземельным наделом и общиной не совпадал с экзотическим социализмом литературы...»¹ — писал Герцен.

В понимании роли общины Герцен являлся предшественником Чернышевского. Подобно Герцену, Чернышевский видел в утверждении общины и ликвидации помещичьего землевладения средство предотвращения господства капиталистических отношений в России.

Вопрос об общине представлял для Герцена, так же как и для Чернышевского, неразрывную составную часть их концепции социально-экономического развития России. Поэтому в оценке Герценом и Чернышевским роли и значения общины должны были в той или иной степени сказаться их расхождение по всем вопросам развития России и Западной Европы.

У Чернышевского защита общины была подчинена обоснованию экономических задач крестьянской революции. Герцен же стал на путь защиты общины тогда, когда он не освободился еще от печати дворянского этапа освободительной борьбы.

Представление Герцена о роли общины отразило его отступление от революционной позиции. Защищая общину, Герцен подчеркивал наличие в земельном строе России отношений, способных к органическому бескризисному переходу к высшей форме экономического устройства. «То, что на Западе может только совершиться рядом катастроф, потрясений, то может развиваться в России на основании существующего», — писал Герцен, ссылаясь на «факт общинного владения землей»².

Поскольку община предотвращает образование сельскохозяйственного пролетариата, освобождение крестьян с землей должно было, по мнению Герцена, лишить помещичье хозяйство, пользовавшееся ранее крепостным трудом, рабочей силы и привести тем самым к его банкротству. Герцен неоднократно высказывал мысль о постепенном мирном исчезновении помещичьего хозяйства в условиях развития раскрепощенной крестьянской общины. Впоследствии под влиянием роста крестьянского движения и идейного воздействия Чернышевского издателя «Колокола» связали роль общины в ликвидации помещичьей собственности с крестьянской народной революцией.

¹ А. И. Герцен, К концу года, Полное собрание сочинений и писем, т. 18, стр. 266.

² А. И. Герцен, Repetito est mater studiorum, Полное собрание сочинений и писем, т. 11, стр. 231.

Герцен не пошел дальше защиты коллективной, групповой собственности на землю. Чернышевский уже в своих первых работах поднялся в этом вопросе на повую, более высокую ступень. Он защищал общину не как групповую форму собственности на землю, а как коллективное, групповое владение крестьян землей, ставшей в результате крестьянской революции государственной, общенародной собственностью.

Защита общины как пути социалистического преобразования России и у Чернышевского и у Герцена опиралась на критику западноевропейского капитализма. Но в понимании перспектив развития капиталистических стран Запада Герцен расходился с Чернышевским. Скептицизм Герцена в вопросе о победе социализма на Западе подкреплял в течение длительного периода его защиту русской общины. У Чернышевского же защита общины уже с самого начала не исключала веры в силы социализма на Западе.

Теоретическая несостоятельность учения Герцена о некапиталистическом развитии России через общину к социализму была показана классиками марксизма, а их возражения против герценовского понимания роли и значения общины были полностью подтверждены пореформенным развитием России.

Возникновение капитализма в сельском хозяйстве не требует какой-либо особой формы землевладения. Наличие общины не могло поэтому служить преградой развитию капиталистических отношений. Неправильно видя в прямом лишении крестьян земли единственный путь развития капитализма, Герцен игнорировал другой путь экспроприации крестьянства, обусловленный конкуренцией товаропроизводителей и происходящий внутри общины. Он не понимал, что общинная форма владения землей не может предотвратить расслоение крестьянства, его пролетаризацию, образование сельскохозяйственной буржуазии на одном полюсе, сельскохозяйственного пролетариата — на другом.

Герценовская концепция социально-экономического развития России опиралась на неправильное положение, будто частная собственность на землю является единственной основой пролетаризации и закабаления трудящихся, а общинная собственность — основой их освобождения.

Как показал Ленин, в учении Герцена об общинном землевладении, праве крестьян на землю «нет ни грана социализма»¹. Объективное значение отстаиваемого Герценом учения заключалось не в борьбе за социалистическое преобразование России, а в обосновании революционных, демократических требований в борьбе с крепостничеством.

¹ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 11.

Видя социализм в переходе земли к крестьянам, в крестьянской идее права на землю, Герцен тем самым выдвигал на первый план аграрный вопрос, стоявший действительно в центре всего пореформенного буржуазного развития России и представлявший национальную особенность русской буржуазной революции. Субъективная приверженность Герцена идеям социализма, требующим уничтожения всех форм эксплуатации, углубляла его борьбу против крепостничества, доведенную издателями «Колокола» до прямого требования ликвидации помещичьего землевладения.

Герцен не освободился от утопического представления о некапиталистическом развитии России и после реформы, несмотря на то, что процесс разложения общины, ускорившийся в связи с отменой крепостного права, неоднократно привлекал в 60-х годах его внимание. В ряде работ, написанных после отмены крепостного права, Герцен отмечает эти новые явления в развитии русской деревни. «Между тем, — писал он, — поземельная собственность в России стремится раздробиться в частное и личное владение или сосредоточиться в руках правительства»¹.

Герцен допускал возможность того, что Россия «пройдет мещанской полосой», на которой она, однако, не задержится в силу сохранения общины. Но эти мысли не получили дальнейшего развития и не привели Герцена к пересмотру защищаемой им концепции экономического развития России и ошибочного представления о социалистической природе русской крестьянской революции.

* *
*

Идейная борьба против частной земельной собственности и защита общественной собственности на землю, развернутые в русской литературе Герценом, не были новы для западноевропейской домарксовской общественной мысли. Еще в XVIII в., до революции 1789—1793 гг., Жан Мелье, Морелли, Мабли выступили во Франции поборниками народной собственности на землю.

Французская буржуазная революция выдвинула защитников «аграрного закона» — радикального передела земли.

В Англии с предложением об отмене частной собственности на землю и передаче земли общинам выступил в XVIII в. Спенс. Требование национализации земли выдвигалось в середине XIX в. вождем чартистского движения О'Брайеном,

¹ А. И. Герцен, Письмо к Гарибальди, Полное собрание сочинений и писем, т. 16, стр. 528.

отвергавшим право собственности отдельного лица на землю. Но теоретическая позиция этих критиков частной земельной собственности, а вместе с тем и их подход к решению аграрного вопроса были отличны от позиций Герцена и его подхода к решению аграрного вопроса.

Мелье, отстаивавший революционный способ ликвидации феодализма, рассматривал социальные вопросы в свете разоблачения религии и морали. Он показывал противоречие всего общественного порядка здравому разуму людей. В «Кодексе природы» Морелли моральные, чисто рационалистические мотивы критики частной земельной собственности звучали еще отчетливее, чем у Мелье. Заслуга Бабефа и бабувистов, которые не только поддерживали аграрный закон, но и проповедовали идеи уравнительного утопического коммунизма, заключалась в признании революционных методов общественного преобразования. Но Мелье, Морелли и Бабефу был чужд исторический подход к проблеме собственности. Они не только требовали ликвидации частной собственности на землю, но и проповедовали одновременно переход к общему владению продуктами труда.

Защитник национализации земли чартист О'Брайен распространял свой план национализации земли на Англию, страну, где не было к тому времени крестьянства. Он видел в передаче земли государству путь возвращения известной части промышленного населения к земледелию, т. е. смотрел в вопросах аграрной реформы в значительной мере назад, к пройденному уже капиталистической Англией этапу развития.

Иными были исходные позиции Герцена. Герцен отражал борьбу крестьянства против помещичьего землевладения в условиях падения крепостного права, развивавшихся в России капиталистических отношений. Проповедуя идеи «русского» крестьянского социализма, Герцен нападал объективно не на прогрессивную для той эпохи развития России капиталистическую собственность, а на феодальное помещичье землевладение, доводя борьбу против него до требования ликвидации частной земельной собственности и передачи всей земли крестьянским общинам. В то же время Герцен искал путей ликвидации господства капитала в странах Западной Европы, идя в этом вопросе от идей утопического социализма и мелкобуржуазных иллюзий в социализме к надеждам на Интернационал, как организацию, показывающую неизбежность гибели капиталистического мира. Это своеобразное сочетание выдвинутой Герценом платформы ликвидации помещичьего землевладения в России, осуществимой, с его точки зрения, посредством крестьянской революции, с поисками путей революционного преобразования капиталистического мира Запада и опре-

деляет место русского мыслителя среди представителей западноевропейской революционной социалистической домарксовской мысли.

Критика капитализма и буржуазной политической экономии

Герцен был одним из первых русских мыслителей, выступившим с критикой капитализма. Появив, еще будучи в России, противоречивость капиталистического общества, Герцен укрепился в этом взгляде на капитализм после своего столкновения с капиталистическим миром и особенно в результате выступления французского пролетариата в революции 1848 г.

Герцен одним из первых в России дошел до понимания необходимости революционной борьбы против господства буржуазии в странах Западной Европы. Уже в 30—40-х годах он стремился противопоставить строю, основанному на господстве буржуазии, новую, более высокую форму экономического устройства и видел в революционной борьбе путь освобождения трудящихся масс. Эти неотъемлемые черты, характеризующие критику капитализма Герценом, возвышали русского революционера как над «неполитическим социализмом» корифеев западноевропейского утопического социализма, не дошедших до понимания необходимости революционной ломки капитализма, так и над мелкобуржуазными экономистами, критиковавшими капитализм с позиций мелкого товарного хозяйства. Заслуга Герцена заключалась в том, что он критиковал капиталистический строй в свете поисков путей перехода его к высшей форме экономического устройства. Однако герценовский анализ капитализма, его противоречий ясно обнаружил те пределы, которые ставит идеалистическое объяснение исторического процесса перед мыслителем, не отбрасывающим реальные факты и отношения, а стремящимся их объяснить.

Внимательно изучая капиталистический мир, Герцен пытался отразить в своем понимании капитализма реальные классовые сдвиги, происходившие в капиталистических странах Западной Европы.

В понимании Герценом перспектив развития и исторических судеб капиталистического мира можно наметить три основных этапа. Анализ этих этапов, пройденных Герценом, представляет большой интерес для исследователя не только русской, но и всей мировой социалистической мысли.

Первый этап в понимании Герценом исторических судеб капиталистического мира был обусловлен в значительной мере изучением развития капитализма во Франции кануна революции 1848 г., где Герцен впервые воочию столкнулся с капиталистической действительностью.

В своем экономическом развитии Франция 30—40-х годов значительно отставала от Англии. Экономика Франции рассматриваемого периода характеризовалась преобладанием ручного производства. Недостаточному развитию крупной промышленности соответствовало во Франции господство мелкобуржуазного социализма. Эти моменты не могли не найти отражения в первоначальном понимании Герценом капитализма. Первый этап в понимании и критике Герценом капитализма начался еще во время жизни его в России с изучения капиталистических отношений Франции, ее революционного и социалистического движения. Он закончился уже во время пребывания Герцена за границей крахом *«буржуазных иллюзий в социализме»* в результате поражения революции 1848 г.

Второй этап открылся для Герцена изучением исхода революции 1848 г. На этом этапе Герцен своеобразно отразил продолжавшийся после революции 1848 г. процесс утверждения капитализма в основных западноевропейских странах. Как показал Ленин, этот период идейного развития Герцена явился порождением той всемирно-исторической эпохи, когда «революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще* не созрела»¹.

Рассматриваемый период ознаменовался скептицизмом и пессимизмом Герцена в вопросе о возможности социалистического преобразования капиталистического мира.

Но этот скептицизм носил преходящий характер. Подъем рабочего движения, возглавленного Международным товариществом рабочих, видевшим окончательную цель классовой борьбы пролетариата в социализме, наглядно показал Герцену несостоятельность сомнений в приобщении трудящихся масс к социалистическому движению. Так начался третий, последний период в понимании Герценом исторических судеб капитализма и движущих сил перехода к высшей форме экономического устройства, нашедший свое завершение в письмах *«К старому товарищу»*.

«Письма из Avenue Marigny», вошедшие в «Письма из Франции и Италии», и связанная с ними по содержанию статья *«Перед грозой»*, составившая впоследствии главу книги Герцена *«С того берега»*, представляли первые работы Герцена, посвященные критике буржуазного общества.

«Письма из Avenue Marigny» были помещены в подцензурной русской печати и не могли поэтому свободно выразить взгляды Герцена на капитализм. Несмотря на это, в письмах

¹ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 10.

ясно отразился исходный этап герценовской критики капитализма.

Уже в «Письмах» Герцен показал исторический характер капитализма. Буржуазной апологетике капитализма как «естественного» строя он противопоставил понимание капитализма как патологической системы хозяйства, характерное и для других представителей домарковского социализма. Патологический характер буржуазного общества выражался, по мнению Герцена, во-первых, в случайном, т. е. анархическом, распределении богатства, во-вторых, в господстве буржуазии — этого живого олицетворения капитализма.

Герцен ярко показал буржуазное общество с его политическим строем и идеологией. Предметом критики Герцена служили различные стороны капиталистического строя, подчиненные одной цели — закреплению монопольного положения буржуазии. Хотя Герцен критиковал разные стороны буржуазного общества, в том числе идеологическое и политическое господство буржуазии, решающее значение он придавал ликвидации экономического устройства буржуазного общества, как системы хозяйства, противоречащей интересам народного благосостояния.

Герцен доказывал, что социализм в первую очередь представляет новую, противоположную капитализму экономическую организацию общества. Не имея возможности в работе, предназначенной для подцензурной печати, вывить прямо свое отношение к революции, тем не менее Герцен видел в революции единственный способ решения экономического вопроса. Он подчеркивает, что буржуазия цепко держится за свои привилегии и не откажется от них добровольно.

Но первые работы Герцена особенно ясно отразили его рационалистический подход к разрешению экономических проблем. Герцен не мог показать ни относительной исторической прогрессивности буржуазии, ни тем более историческую роль пролетариата. Пролетариат, который Герцен не выделял из трудящихся масс города, был для него лишь страдающим классом.

Поскольку Герцен недооценивал относительной исторической прогрессивности буржуазии, а говоря о «работниках», не отделял промышленный пролетариат от ремесленников, он не мог понять, что переход к социализму обусловлен определенным уровнем развития капитализма и классового самосознания пролетариата. Поэтому Герцен не обособлял движущие силы социализма от сил демократии и выдвигал задачу экономического преобразования буржуазного общества тогда, когда в недрах его еще не созрели предпосылки социалистической революции.

Круг мыслей, изложенных в «Письмах из Avenue Marigny» объясняет как восторженную встречу Герценом революции 1848 г., его глубокое сочувствие пролетариату, выступившему в июньские дни, так и связанную с исходом революции духовную драму Герцена.

Небольшой период времени, отделявший «Письма из Avenue Marigny» от последующих работ Герцена, ознаменовался событиями величайшего исторического значения — революцией в Западной Европе и предшествующим ей выходом «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. В серии писем «Опять в Париже», написанных Герценом по возвращении в Париж после февральской революции 1848 г. и вошедших впоследствии в сокращенном виде в книгу «Письма из Франции и Италии», Герцен дал блестящий анализ событий французской революции 1848 г. и поднял тем самым на новую ступень свою критику буржуазного общества.

Изучая развитие французской революции, ее исход, Герцен впервые в русской литературе выступил с открытой защитой революционного преобразования капиталистического мира.

К рассмотрению французской революции 1848 г. он подошел как сторонник революционных действий. Он доказывал, что целый народ не может руководствоваться легальными методами борьбы и когда восстает, то носит в себе «живой источник справедливости и законности данной минуты, он идет не по параграфу кодекса, а творит новый закон»¹.

Герцен считает, что победоносное развитие французской революции требовало уже с самого начала революционной диктатуры: «Республика должна была начаться диктатурой, как того требовал народ в Hôtel de Ville, диктатурой революционной, опертой на возбужденное общественное мнение, на незыблемую веру в республику»².

Герцен подвергает критике экономическую политику республиканского правительства. Его не удовлетворяют требования Луи Блана. Он развивает взгляды, глубоко отличные от позиции Прудона. Луи Блан, по мнению Герцена, не мог предложить никаких реальных экономических мер, разрешавших социально-экономический вопрос. В организации национальных мастерских Герцен правильно видит не социалистическое, а консервативное мероприятие. Национальные мастерские, пишет Герцен, «поставленные на счет социалистам, были изобретены консерваторами Временного правительства не из желания добра, а из страха перед двумястами тысячами чело-

¹ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 173.

² А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии. Опять в Париже, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 366.

век, не имевших ни насущного хлеба, ни занятия»¹. Люксембургская комиссия не могла найти средств экономического преобразования общества. Ее значение заключалось лишь в возведении социальных проблем, и прежде всего рабочего вопроса, до уровня общенациональных.

Герценовская критика деятельности Люксембургской комиссии и национальных мастерских принципиально отличалась от критики их Прудонем. Прудон отрицал национальные мастерские как организацию, ведущую к разжиганию классовых противоречий и углубляющую революционную борьбу рабочих против предпринимателей. Герцен, оценивая национальные мастерские, высказал мысль, развитую позже Чернышевским, показавшим, что национальные мастерские были устроены врагами коммунизма и представляли, по существу, лагерь против коммунистов.

Совершенно различно подходили Герцен и Прудон к вопросам налоговой политики. В выступлении на заседании финансового комитета Национального собрания Прудон объявил себя врагом прогрессивного налога. Налоговое обложение он связывал с утопическим проектом образования народного банка².

Герцен был свободен от этих иллюзий. Он требовал обложения крупных доходов и крупной собственности для нужд революционного правительства. «И что же за святыня в самом деле доход и собственность, что они одни изъяты от общественных нужд потому только, что в них-то и накоплены средства?»³

Учитывая роль крестьянства в революции 1848 г., Герцен считал венцом ошибок Временного правительства обложение крестьянства высоким налогом, связанное с освобождением от налогового обложения крупных собственников.

Герцен дает совершенно новый для русской литературы анализ классов капиталистического общества и их взаимоотношений. Уточняя под влиянием опыта революции и критики Белинским его «Писем из Avenue Marigny» свою позицию в вопросе об отношении к буржуазии, он противопоставляет крестьянству и другим слоям мелкой буржуазии среднюю и крупную буржуазию, подвергая эти слои буржуазии резкой критике.

Изучение французской революции 1848 г. продвинуло Герцена на новую ступень в понимании классовой структуры

¹ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 165.

² См. «Neue Rheinische Zeitung» № 49, 19. VII. 1848. Отклик на выступление Прудона в финансовом комитете национального собрания.

³ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии. Опять в Париже, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 360.

буржуазного общества. Герцен впервые в истории развития русской общественно-экономической мысли увидел в городских «работниках» единственный социальный слой буржуазного общества, поднявшийся до деятельного протеста против капиталистических порядков. «Из пепла, брошенного умирающим Бабефом, — родился французский работник. Будущность Франции — его, наследник Бурбонов и мещан — не Генрих V, не Ламартин, а блузник, столяр, плотник, каменоделец. Потому что это единственное сословие во Франции, которое доработалось до некоторой ширины политических идей, которое вышло вон из существующего замкнутого круга понятий»¹.

Городские работники — это, с точки зрения Герцена, люди, которых коснулось влияние будущего, это люди, «почувствовавшие призвание».

Герцен расчленил массу трудящихся капиталистического общества, отделив роль городских «работников» от роли крестьянства. Являясь товарищем рабочему по несчастью, крестьянин не поднимается самостоятельно до деятельного протеста рабочего. Он олицетворяет «страдательное, тупое хранение *statu quo*»².

С переездом за границу отпал барьер, отделявший Герцена от классовой борьбы, развивавшейся в капиталистических странах. Герцен отразил в своем понимании классовой структуры буржуазного общества опыт июньского восстания, в котором пролетариат, заявив себя в качестве самостоятельной классовой силы, выступил против буржуазии. Взгляд Герцена на деятельную роль городских работников, его продвижение в понимании роли и взаимоотношений различных классов буржуазного общества явились результатом непосредственных наблюдений над классовой борьбой в ходе революции 1848 г.

О том влиянии, которое оказали письма Герцена на современников, ясно свидетельствуют прокламация «Молодая Россия» и письмо Н. Я. Николадзе к Н. П. Огареву³.

Письма Герцена сыграли выдающуюся роль в формировании русской революционно-демократической идеологии. Представление о «работниках» как социальном слое, способном подняться до деятельного протеста против капиталистических отношений, острая критика экономических мероприятий республиканского правительства, в том числе и национальных мастерских, идея народной революции, как способа ликвидации

¹ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии. Опять в Париже, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 314.

² Там же.

³ См. Н. Я. Николадзе, Письмо Н. П. Огареву, 22 июля 1865 г., «Литературное наследство», т. 62, М. 1955, стр. 412.

господства буржуазии, представляли огромное достижение русской передовой революционной мысли. Эти идеи Герцена подготовили глубокую критику капитализма Чернышевским.

Однако и в новой серии писем Герцен не сумел дать экономического обоснования классовой структуры буржуазного общества. Его взгляд на деятельную роль городских работников в борьбе против капитализма не являлся результатом научного анализа экономического положения промышленного пролетариата и не нашел поэтому дальнейшего развития. Говоря о «работниках», Герцен имел в виду не промышленный пролетариат в собственном смысле, а массу трудящихся города, занимающихся физическим трудом, т. е. в такой же степени ремесленников, как и наемных рабочих. Но подходя с этих позиций к объяснению классовой борьбы французского пролетариата против буржуазии, Герцен не мог понять историческую роль рабочего класса.

Считая и в этот период капитализм иррациональной системой хозяйства, а буржуазию — классом, уже сыгравшим свою роль, Герцен не в состоянии был вскрыть буржуазно-демократический характер французской революции 1848 г. и объяснить действительные причины поражения французского пролетариата в его борьбе против буржуазии.

Он доказывал, что сознание несправедливости капиталистических отношений, стремление народа к социальному перевороту является достаточной предпосылкой социалистического преобразования. «Словно мысль,— писал он,— не факт, как все прочие, реальный, вполне автономный факт, имеющий свое историческое оправдание и летосчисление»¹.

Герцен считал, что образованное меньшинство — умственная сила века — возглавит социалистическое преобразование, а политическая революция перейдет в социальную, направленную против господства капитала. Борьбу за утверждение республики он ошибочно сливал с задачей антибуржуазной революции, свержения господства капитала. Эти взгляды Герцена отражали иллюзии домарковского социализма, разбитые в ходе развития классовой борьбы в период революции 1848 г.

Подавление революции во Франции, оказавшейся не готовой в середине XIX в. к социалистическому переустройству, явилось новой вехой в понимании Герценом перспектив развития западноевропейского капитализма. После июньского поражения французского пролетариата Герцен начал выражать сомнения в возможности победоносного исхода революции, направленной против господства капитала, и поставил в связи

¹ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии. Варианты, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 430.

с этим под вопрос будущность капиталистической Европы. Скептицизм и пессимизм Герцена, его духовная драма нашли яркое отражение в работе «С того берега» — цикле статей, написанных Герценом с декабря 1847 г. по начало 1850 г. и ознаменовавших целый этап его идейного развития. Глубокий пессимизм Герцена ясно отразили и другие его работы.

В. И. Ленин с исчерпывающей ясностью вскрыл социальные корни и теоретическую основу скептицизма Герцена, показав, что «социализм» Герцена принадлежал к числу тех разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. «Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848-го года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме»¹, — писал Ленин.

После поражения революции перед Герценом встал не занимавший его и не исследованный им раньше вопрос: может ли капитализм, как определенная экономическая система, построенная на непримиримых противоречиях, служить основой перехода к социализму? Это значит, что простое противопоставление идеи социализма капитализму начало казаться русскому революционеру недостаточным для обеспечения свержения господства капитала. Постановка данного вопроса выражала новый шаг в поисках Герценом законов капиталистического развития. Она побудила Герцена углубить критику капитализма.

* *
*

Капиталистическое развитие стран Западной Европы показало Герцену несостоятельность отвлеченной критики капитализма и его господствующего класса — буржуазии. Герцен понял, что капитализм означал новую, прогрессивную ступень общественно-экономического развития. «С точки зрения общей экономики, переход феодального общества в общество буржуазное является неоспоримым прогрессом»², — писал он.

Капитализм был для Герцена промежуточным этапом на пути от феодализма к социализму. Капитализм и его господствующий класс — буржуазия — «не что иное, как промежуточная форма, связующая мир феодально-монархический с социально-республиканским»³.

В соответствии с таким пониманием буржуазии как класса, стоявшего на стыке двух эпох и не имевшего уже в середине XIX в. не только будущего, но и устойчивого положения в на-

¹ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 10.

² А. И. Герцен, О буржуазной Европе, «Литературное наследство», т. 61, М. 1953, стр. 108.

³ А. И. Герцен, С того берега, Сочинения, т. VI, М. 1955, стр. 60.

стоящем, Герцен видел призвание буржуазии лишь в борьбе с прошлым и доказывал бедность ее подлинно творческого начала. Бедность положительного содержания капитализма и его господствующего класса — буржуазии привела, с точки зрения Герцена, к быстрому исчерпанию внутренних сил буржуазного общества. Герцен считал уже в середине XIX в. блестящую эпоху капиталистической индустрии пережитой, отмечал неустойчивость, шаткость экономики стран капитализма, трусливо-дельчатый, лавочный, узкопрактический стиль буржуазии.

Герцен, также как Белинский, а позже — Чернышевский, видел в капитализме строй, представляющий лишь новую систему рабства. Он отмечал монополизацию буржуазией орудий труда и продуктов, обусловленное этим порабощение трудящихся. Капиталистическая эксплуатация, подобно феодальной, представляет, с точки зрения Герцена, лишь модернизацию людоедства. «Аристократия, — пишет он, — вообще более или менее образованная антропофагия; каннибал, который ест своего невольника, помещик, который берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатеет на счет своего работника, составляют только видоизменения одного и того же людоедства»¹.

Капиталистический строй — это рабство, прикрытое именем свободы. Основой этого рабства является случайное распределение экономических сил, орудий труда и богатства. Случайное распределение экономических сил определяет характер «городской», т. е. буржуазной, собственности, сосредоточенной в немногих руках. Бедность и нищета масс — необходимые условия развития собственности. «...Девять десятых населения не надеются досыта, для того, чтоб собственность развивалась правильно»².

Случайное распределение орудий, экономических сил общества обуславливает, с точки зрения Герцена, не только порабощение трудящихся, но и кризисы. Герцен исходит из справедливого положения о внутренней неспособности капитализма ни к плановой организации производства, ни к разрешению или даже простому смягчению классовых противоречий. В «Письмах к путешественнику» он показывает, что при существующем в Западной Европе распределении орудий работы и характере их использования происходит колоссальная растрата производительных сил в форме кризисов³.

¹ А. И. Герцен, С того берега, Сочинения, т. VI, М. 1955, стр. 56.

² А. И. Герцен, Русские немцы и немецкие русские, Полное собрание сочинений и писем, т. 10, стр. 125.

³ См. А. И. Герцен, Письма к путешественнику, Полное собрание сочинений и писем, т. 18, стр. 136.

Кризисы являются для Герцена характерной чертой капитализма. Герцен понимает, что капиталистическая организация производства, обрекающая рабочего на голод, ограничивает рост производительности труда; «англичане в Манчестере, французы в Лионе, кажется, не ленивы, а хлеба насущного еще не заработали. Какая же польза быть очень ретивым?»¹

В противоположность мелкобуржуазным реформаторам Герцен не возлагает никаких надежд на проведение отдельных, частных реформ. В этом отношении показательно его отношение к мелкобуржуазному требованию «права на работу», рассматриваемому многими реформаторами капитализма в качестве панацеи от всех бедствий. Герцен понимал неосуществимость этого требования в пределах капитализма.

Большой интерес представляет оценка Герценом попыток организации товариществ. Герцен понимал то, чего не мог понять Лассаль, проповедовавший организацию производственных товариществ. Организация товариществ в условиях буржуазного общества не является, с точки зрения Герцена, средством решения социально-экономического вопроса. Конкуренция частных предприятий и гнет правительства пресекают их развитие. «При том общественном устройстве, в котором капитал, сверх своей силы, гнетет всю силу правительства, они (товарищества.— В. М.) не могли выдержать ни конкуренции, ни полицейского преследования, стало (быть), и тут не было выхода»².

Критикуя капитализм, Герцен смотрел не назад, а вперед. Герцена пугало то, о чем мечтали идеологи мелкой буржуазии: он указывал, что раздробление собственности приведет к господству мелкого буржуа — «худшего буржуа из всех».

Новая экономическая организация должна разрешить проблему материального благосостояния масс. Герцен высказывает мысль, что основой решения этой проблемы явится превращение орудий труда в общую собственность. «Вырвут ли забытые массы из рук монополистов силы, развитые наукой, всю эту совокупность технических улучшений быта человеческого и сделают ли из них общее достояние, или собственники, опираясь на правительственную силу и на народное невежество, подавят массы?»³, — спрашивал Герцен.

¹ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 76.

² См. А. И. Герцен, Русские немцы и немецкие русские, Полное собрание сочинений и писем, т. 10, стр. 117.

³ А. И. Герцен, Еще вариация на старую тему, Полное собрание сочинений и писем, т. 8, стр. 487. Курсив мой.— В. М.

Герцен видел невозможность действительной свободы в капиталистических странах. Все страны с господством капитала независимо от политического устройства, степени развития буржуазной демократии он объединял в единый мир, враждебный подлинной свободе и социальному равенству. Буржуазная демократия выражала, с точки зрения Герцена, формальное равенство. «Она,— писал Герцен,— признает право пролетариата на собственность, не давая ему средств, и провозглашает равенство преступников перед судом, предоставляя невинным устраиваться, как им угодно»¹.

Герцен показывал особенности экономического развития различных капиталистических стран. Консерватизм политических форм Англии отражал консерватизм ее экономических отношений. Раскрывая последние, Герцен показывал «державную», т. е. господствующую в Англии, среду, представленную буржуазией, и отмечал одновременно «свинцовый щит феодального землевладения», тяготевший над страной. В то время как на континенте разложение капиталистического мира осуществляется быстро и происходит в острых формах, «в Англии, напротив, болеют тяжелой водянкой (самой подходящей болезнью для острова)»², т. е. процесс умирания буржуазных форм жизни принял затяжной характер.

Герцен понимал, что не только капиталистический прогресс, но и недостаточное развитие капиталистических отношений, характерное для Южной Италии, порождает нищету и бедствия народа. В «Письме из Неаполя» он показывает, что нищета и бедствия масс достигли тут пределов, неизвестных другим странам, и связывает эти условия жизни народа с отсутствием сильной буржуазии.

В общественном строе США Герцен увидел не новый мир, а старый принцип капиталистического устройства англосаксонских стран. Капиталистический принцип частной собственности США соединили с применением подневольного труда рабов.

Герцен указывал, что законы капитализма, его социально-экономические последствия в США отнюдь не смягчаются, а проявляются в наиболее циничном и обнаженном виде. «До Северо- и Юго-Американских Штатов было рабство и крепостное состояние, неправая война и неправое стяжание, но этот цинизм, эта наглость, эта преступная простота, это бесстыдное обнажение,— это ново и принадлежит Америке»³.

¹ А. И. Герцен, О буржуазной Европе, «Литературное наследство», т. 61, стр. 109.

² А. И. Герцен, Письмо Пьеру-Жозефу Прудону, июнь 1856 г. «Литературное наследство», т. 61, стр. 240.

³ А. И. Герцен, *Mortuos plango*, Полное собрание сочинений и писем, т. 15, стр. 5.

Герценовская критика капитализма и на этом этапе послала печать исторической ограниченности. Мысль о превращении орудий труда в общее достояние не нашла у Герцена развития. Не преодолев просветительской точки зрения, он ошибочно объяснял господство капиталистических отношений невежеством масс. Герцен выдвигал на первый план критику частной земельной собственности. Господство капитала и буржуазии он обуславливал господством частной собственности на землю. «Господство мещанства, — писал Герцен, — ответ на *освобождение без земли*, на открепление людей и прикрепление почвы малому числу избранных»¹.

В частной собственности на землю Герцен ошибочно видел не только историческую предпосылку развития западноевропейского капитализма, но и его внутреннюю основу, без которой невозможно было якобы существование капиталистического производства. Критикуя различные стороны капитализма, Герцен не сумел раскрыть законов развития буржуазной собственности, научно доказать неизбежность ее ликвидации. Но подчинение изучения капитализма задаче его ликвидации, внимательное отношение к новым фактам в развитии рабочего движения, сознание необходимости революционного переворота как пути перехода к высшей форме экономического устройства — все это подготовляло переход Герцена на высшую ступень понимания капитализма.

Непримиримость Герцена к капитализму определила его острую критику буржуазной политической экономии. Критике вульгарной политической экономии Западной Европы Герцен придавал актуальное для России значение. Русский революционер видел в буржуазной экономической науке орудие защиты не только западноевропейского капитализма, но и обезземеления крестьян, тех условий ликвидации крепостного права в России, против которых он вел неустанную борьбу.

Герцен вместе с Милютиным положил начало блестящей критике буржуазной политической экономии, которая нашла свое дальнейшее развитие в работах Чернышевского.

Герцен подошел к пониманию классовых сдвигов, обусловивших эволюцию буржуазной политической экономии. В этом вопросе он был превзойден в домарксовской социалистической литературе России лишь Чернышевским.

Перелом в развитии буржуазной политической экономии Герцен объясняет классовыми битвами пролетариата с буржуазией. Пока исторические перевороты укрепляли позиции

---

¹ А. И. Герцен, Концы и начала, Полное собрание сочинений и писем, т. 15, стр. 249.

буржуазии, а стремление к общественному преобразованию было оторвано от движения масс, буржуазная политическая экономия не вставала на путь открытой защиты капитализма. Июльская революция 1830 г. и последующие выступления пролетариата изменили характер развития буржуазной экономической науки, направили ее в сторону открытой защиты монопольного положения буржуазии. «Когда проповеди улицы Менильмонтань (место собрания сен-симонистов.— В. М.) стали комментироваться лионскими и парижскими рабочниками, когда страшная хоругвь с надписью «Vivre en travaillant по toutig en combattant!»* мрачно прогулялась по площади, когда все это вместе грозило испортить хозяйство и спутать приходо-расходные книги, буржуазия разом отеклась от всего либерального...»¹.

Герцен не только видел нисходящую линию развития буржуазной политической экономии, но и показал историческую ограниченность всей буржуазной политической экономии вообще. Он подчеркивал характерную черту буржуазной экономической науки — свойственное ей абсолютизирование капиталистических отношений, взгляд на капитализм как «естественную» форму экономического устройства.

Теоретическое разрешение экономических вопросов, проблемы материального благосостояния трудящихся Герцен обуславливал разоблачением буржуазной экономической науки. «Для них (трудящихся.— В. М.) вопрос о материальном благосостоянии был неразрывен с критикой тех данных, на которых основывалась политическая экономия...»².

Разоблачая буржуазную политическую экономию как науку, стоявшую на страже капиталистической системы хозяйства, Герцен подверг специальной критике ее роль как защитницы помещичьего землевладения в России. Буржуазная политическая экономия с ее культом частной собственности противопоставляла крестьянской общине помещичью собственность, отстаивала тем самым капиталистический путь развития России и являлась поэтому непримиримым врагом всей системы воззрений крестьянского социализма.

Герцен видит в распространении идей буржуазной политической экономии средство усиления эксплуатации крестьян помещиками. «Развитие промышленности, фабрик и самое распространение политической экономии, *переложенной на россий-*

* «Жить работая, или умереть сражаясь!» (франц.).

¹ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 63.

² А. И. Герцен, Письма из Avenue Marigny, Сочинения, т. V, М. 1955, стр. 237.

ские нравы, дали тысячу новых средств употреблять крестьян на пользу»¹, — писал Герцен.

Герцен обвинял буржуазную политическую экономию в универсализации капиталистического пути развития германо-романских народов, возведении его в общий закон развития. «Откуда экономическая наука вывела этот закон?» — возражает Герцен буржуазным экономистам. «Она порядком знает только одно экономическое развитие германо-романских народов. Нельзя же по биографии одного человека составлять антропологию...»².

Русский революционер требует создания новой экономической науки, перед которой ставит двойную задачу — критическую и положительную. Новая политическая экономия должна, во-первых, отказаться от простого описания сущего и стать наукой, посягающей на основы капитализма. Необходимо, пишет Герцен, «превратить ее из эмпирического свода рассуждений и наблюдений, не смеющего касаться до святых твердынь существующего, в экономическую науку, посягающую на все»³.

Вторая положительная задача новой политической экономии заключается в разрешении проблемы материального благосостояния трудящихся, обосновании социализма. Социализм является для Герцена положительным решением вопросов, выдвинутых экономической наукой. Экономическая наука раскрывает строение буржуазного общества, его различные полюсы — бедность и богатство. Социализм показывает выход из этого положения, намечает контуры нового экономического устройства.

* *
*

Поставив экономическую науку на службу задаче перехода к новой форме экономического устройства, Герцен справедливо показывал противоположность экономического принципа организации капитализма и социализма, невозможность непосредственного развития в недрах капитализма новых социалистических форм. Но он исходил при этом из неправильного положения о том, что лишь наличие экономических форм, однородных в той или иной мере новому экономическому устройству, может служить надежной предпосылкой социалистического преобразования. Поэтому противоречивый, антагонистический процесс подготовки предпосылок социализма в недрах капитализма порождал у Герцена на этом этапе сомнения в возможности

¹ А. И. Герцен, Крещеная собственность, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 281.

² А. И. Герцен, Русские немцы и немецкие русские, Полное собрание сочинений и писем, т. 10, стр. 125.

³ А. И. Герцен, Письма к путешественнику, Полное собрание сочинений и писем, т. 18, стр. 119.

социалистического преобразования капиталистической Европы. «Доведет ли деспотическое своеволие правительств до государственного банкротства, до экономического переворота, и *выйдет ли из этого переворота Европа не только целой, невредимой, но и обновленной*,— в этом весь вопрос; именно он-то и не решен; а не решенный вопрос имеет, разумеется, и против себя шансы»¹.

Не сумев теоретически разрешить проблему подготовки капитализмом предпосылок перехода к высшей форме экономической организации, Герцен тем не менее не терял окончательной веры в победу трудящихся масс.

В работах, написанных после революции, он неизменно подчеркивал, что «работник» осознал несправедливость и непригодность господствующих капиталистических отношений, превращавших его в съестной припас собственника. Подводя итог французской революции 1848 г., Герцен писал: «Насколько вся образованная часть Франции развращена, гнусна и не имеет никакого будущего, настолько велики пролетарии и даже крестьянин, и это — важнейшая победа после 1848 года»².

Показывая величие пролетариата в борьбе с капитализмом, Герцен вместе с тем, опираясь на неудачный исход революции, видел на этом этапе в «работниках» прежде всего разрушительную силу, направленную против капитализма. Он рассматривал проблему роста классового самосознания трудящихся масс обособленно от развития противоречий капитализма, обострения классовой борьбы и не мог в силу этого понять *неизбежность* вооружения пролетариата как класса социалистической идеологией. Связав будущность капиталистической Европы с вопросом о том, «сломится» ли народ, или народ «сломит» господство капитала, Герцен мучительно бился над решением вопроса о том, каким образом «работники» смогут в условиях капиталистического строя, лишаяющего их возможности просвещения, вооружиться социалистической идеологией.

Сомнения Герцена в исторических судьбах капиталистического мира были вызваны стремлением, не известным западноевропейскому утопическому социализму, связать переход к новому экономическому устройству с победоносным выступлением трудящихся масс.

Скептицизм русского революционера представлял собой своеобразную реакцию на умозрительный характер западноевропейских утопических систем и являлся поэтому формой перехода на высшую ступень революционного развития.

¹ А. И. Герцен, Западные книги, Полное собрание сочинений и писем, т. 9, стр. 67. Курсив мой.— В. М.

² А. И. Герцен, Письмо А. А. Чумикову, Полное собрание сочинений и писем, т. 6, стр. 429.

Письма «К старому товарищу» — завершающий этап идейного развития Герцена

Новый этап в развитии экономических взглядов Герцена был неразрывно связан с деятельностью руководимого Марксом Международного товарищества рабочих. Герцен сам подчеркивал обусловленность своего нового подхода к анализу капитализма и перспектив его развития событиями и сдвигами, происшедшими в Западной Европе. «Но если я изменился,— писал он Бакунину,— то вспомни, что *изменилось все. Экономически-социальный вопрос становится теперь иначе, чем он был двадцать лет тому назад*»¹.

Письма Герцена «К старому товарищу» (Бакунину) подводили итог длительным, но не всегда с полной отчетливостью проявлявшимся раньше разногласиям между революционным демократом и идеологом мелкобуржуазного индивидуализма и анархизма.

Свое отношение к анархизму Герцен выявил уже в письме к Томасу Карлейлю, написанном 14 апреля 1855 г. и опубликованном в 5-й книжке «Полярной звезды» за 1859 г. С полной отчетливостью он показал, что социализм не только не предполагает отсутствия единого организующего начала экономической жизни, но, напротив, борется со всякой дезорганизацией хозяйственных отношений и индивидуализмом, направленным против общественных интересов и взаимной экономической солидарности. «Если анархия значит беспорядок, произвол, разрыв круговой поруки, разрыв с разумом, то социализм больше борется с ней, чем монархия...»².

В письмах «К старому товарищу» Герцен еще ярче, чем в других своих работах, свел все социальные проблемы к центральному, решающему для эпохи вопросу — экономическому. Экономический вопрос в понимании Герцена — это проблема смены одной формы экономического устройства другой или проблема экономического переворота. К ее решению Герцен подошел теперь иначе, чем прежде. Он сделал большой шаг вперед по пути выделения экономических отношений и выяснения их определяющего, главенствующего значения для всего развития общества.

Герцен подчеркивает первостепенное значение экономических мероприятий в жизни и развитии общества. Он доказывает огромный вред экономических промахов или произвольных, необусловленных достигнутой степенью развития общества

¹ А. И. Герцен, К старому товарищу. Письмо первое, «Литературное наследство», т. 61, стр. 159. Курсив мой.— В. М.

² А. И. Герцен, Письмо Томасу Карлейлю 14 апреля 1855 г., «Литературное наследство», т. 61, стр. 232.

действий в экономической сфере, ведущих непосредственно «к разорению, к застою, к голодной смерти»¹.

Обособление экономических мероприятий от политических подвело Герцена к важной мысли о наличии особых, своеобразных закономерностей экономического развития, а вместе с тем и определенных границ экономического переворота. Эти мысли о своеобразии экономической сферы отношений, о важнейшей роли экономических мероприятий и специфических границах экономического преобразования развиваются Герценом под различным углом зрения.

Герцен видит отличие экономического переворота от политического и религиозного в трезвости его основы, выражающей пашущие интересы масс.

Не отрицая роли насилия в смене одной формы экономического устройства другой, Герцен считает вместе с тем, что в экономической сфере применение насильственных мер имеет более строгие границы, чем в политической, и сводится прежде всего к расчищению места, необходимого для возникновения новых экономических отношений.

Герцен стремится выявить особенности экономических законов. Он показывает, что экономические законы, обуславливающие экономический переворот, имеют математический, строго научный характер. Как всякий научный, математический закон, экономический закон «носит доказательство в самом себе».

Подчеркивая своеобразие экономических отношений как отношений, определяющих условия расцвета и упадка общества, наличие особых экономических законов и особой основы экономического переворота, его непреложных границ, Герцен непосредственно противопоставляет себя Бакунину, о котором Маркс писал, что «воля, а не экономические условия, является основой его социальной революции»².

Если раньше Герцен считал теоретически неразрешимым вопрос о будущем капиталистической Европы, то теперь он признает неизбежность ликвидации господства капитала и перехода от капитализма к высшей экономической организации. Экономический переворот, направленный против монополии собственников и капитала, так же неизбежен, как в свое время была неизбежна революция против феодального мира.

Герцен, как показывает вариант одной части первого письма «К старому товарищу», рассматривал обладателей собственности и капитала в качестве непродуцирующей части обще-

---

¹ А. И. Герцен, К старому товарищу. Письмо первое, «Литературное наследство», т. 61, стр. 160.

² К. Маркс, Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия», К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 188.

ства и считал, что «современная монополия их вредна...», что «борьба против неотвратимого — только истощение сил...»¹.

В письмах «К старому товарищу» Герцен показал историческую обусловленность предшествующих ступеней экономического развития. С точки зрения Герцена, собственность представляла на определенной ступени необходимую форму человеческого развития и освобождения. Она выводила человечество из несовершеннолетия. Таким же прогрессивным шагом в развитии общества являлась и сословная, классовая дифференциация. «Сословность — огромный шаг вперед, как расчленение и выход из животного однообразия, как раздел труда»².

Рассматривая собственность и классы в качестве исторически прогрессивных форм общественных отношений, Герцен — что очень важно для понимания последнего этапа его идейного развития — возражал тем, кто видел в капитализме строй, лишенный экономического основания. Если раньше противоречивый антагонистический процесс подготовки предпосылок социализма в недрах капитализма вызывал у Герцена сомнения в возможности социалистического преобразования капиталистического мира, то теперь Герцен своеобразно показывает преемственность нового экономического устройства с капитализмом: «Если б не было неразвитых, дурно развитых, изуродованных экономических отношений, то не было бы и желания выпутаться из них и дойти до разумных»³. Новый экономический строй является результатом стремлений людей, направленных на преодоление «изуродованных» отношений.

Новую экономическую организацию Герцен связывал с осуществлением идеала коллективной собственности и экономической солидарности между людьми. Не удовлетворяясь отвлеченной постановкой проблемы собственности, Герцен и в этом вопросе выступал против Бакунина.

Бакунин отрицал необходимость определенных предпосылок перехода от одной формы собственности к другой и демагогически требовал уничтожения индивидуально-наследственной собственности. В то же время он противопоставлял себя бороникам государственной собственности и коммунизма.

В отличие от Бакунина Герцен стремился выяснить реальную историческую почву, являющуюся исходным пунктом экономического преобразования. Он выдвигал неизвестную Бакунину проблему возникновения новых форм собственности.

¹ А. И. Герцен, К старому товарищу. Варианты первого письма, «Литературное наследство», т. 61, стр. 175.

² А. И. Герцен, К старому товарищу. Письмо третье, «Литературное наследство», т. 61, стр. 170.

³ А. И. Герцен, Отрывок первоначальной редакции статьи Герцена «Третье письмо» из цикла «К старому товарищу» между 17 и 26 мая 1869 года, «Литературное наследство», т. 61, стр. 186—187.

Герцен — что особенно важно подчеркнуть — исходил при этом из различного отношения разных классов буржуазного общества к вопросу о собственности. Землевладельцам и капиталистам, цеплявшимся за свою собственность, он противопоставлял городских работников, стремившихся выйти из сложившихся форм собственности. Герцен доказывал, что формы, способствовавшие раньше обществу подняться на новую ступень, «жмут теперь меньшинство», т. е. отвергаются сознательным слоем городских работников.

Большая заслуга Герцена состояла в том, что он стремился выяснить своеобразное отношение крестьянства капиталистических стран Запада к вопросу о собственности, а тем самым и те пределы, которые ставит наличие крестьянских масс экономическому перевороту. Герцен подчеркивал сохранившуюся привязанность крестьянина к своей земельной собственности, несмотря на изменение роли этой собственности, прежде освобождавшей крестьянина, а теперь сковывающей его. Привязанность крестьян к своему участку, с одной стороны, задача их привлечения на сторону переворота — с другой, диктуют необходимость различного подхода к мелкокрестьянской и к крупной собственности землевладельцев и капиталистов. Все эти формы собственности обречены на исчезновение; но «одни из них до того внутри сгнили, что им — дать толчок ногой; другие, как рак, держатся корнями в дурной крови. *Ломая одинаким образом те и другие, можно убить организм и наверное заставить огромное большинство отпрянуть. Всего яростнее восстанут за «рака» наиболее страдающие от него...*»¹.

Герцен говорил о невозможности «спервоначала» ликвидировать крестьянскую собственность и обуславливал водворение «сводного хозяйства», «общинных запасек» пониманием крестьянством их выгоды.

Выступая против отвлеченного — «гулового» подхода к проблеме перевода крестьян-однодворцев на рельсы коммунального владения землей, Герцен решительно протестовал против выдвинутого Бакуниным требования упразднения личной собственности и связанного с ней права наследства.

Организация Интернационалом рабочего движения разбила скептицизм Герцена в вопросе о возможности приобщения рабочего движения к идеям социализма и заставила стать на путь пересмотра прежнего представления о работниках как чисто разрушительной силе. Теперь Герцен прямо противопоставляет друг другу два различных мира буржуазного общества — «мир рабочих» и «мир, пользующийся без работы». Он связывает по-

¹ А. И. Герцен, К старому товарищу. Письмо второе, «Литературное наследство», т. 61, стр. 165. Курсив мой.— В. М.

вый строй с работниками, составляющими «первую сеть и первый всход будущего экономического устройства»¹.

Сделав огромный шаг вперед в понимании условий перехода к новой экономической организации, Герцен и на этом — высшем этапе своего идейного развития не мог стать на почву исторического материализма и показать, что экономический переворот является выражением конфликта между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями. Поэтому и в письмах Герцен рассматривал не столько объективное экономическое содержание экономического переворота, сколько субъективные предпосылки предстоящего экономического преобразования. Проблема условий экономического переворота была для Герцена в первую очередь проблемой идеологической подготовки новой формы экономического устройства. Он доказывал, что «социальному перевороту ничего не нужно, кроме *пониманья* и *силы*, знания — и средств»², считал, что нельзя людей освобождать «в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*»³.

Правда, само сознание людей Герцен связал с их классовым положением и отделил сознание городских работников от сознания крестьян — мелких земельных собственников, с одной стороны, капиталистов и землевладельцев — с другой. Однако, не сумев вскрыть объективных законов развития буржуазной собственности, Герцен не мог и на этом этапе преодолеть рационалистический подход к проблеме идеологической подготовки предстоящего переворота. Видя в буржуазии класс, «пользующийся без работы», он тем не менее считал возможным обращение к собственникам, убеждение их в преимуществе уступок. Ясно понимая привязанность крестьян к их земельной собственности, Герцен выдвигал неосуществимую задачу перевоспитания масс крестьянства в условиях буржуазного общества. Он выделял городских работников в качестве передового отряда трудящихся. Вместе с тем и в этот период Герцен, говоря о городских рабочих, имел в виду не только наемных рабочих, но и ремесленников.

Подойдя к пониманию необходимости определенных предпосылок экономического переворота, Герцен выступил против анархистской тактики вспышкопускательства. В вопросе о способе ликвидации господства капитала основная идея писем была направлена против преждевременной, неподготовленной

¹ А. И. Герцен, К старому товарищу. Письмо второе, «Литературное наследство», т. 61, стр. 164.

² А. И. Герцен, К старому товарищу. Письмо первое, «Литературное наследство», т. 61, стр. 163.

³ А. И. Герцен, К старому товарищу. Письмо третье, «Литературное наследство», т. 61, стр. 170.

революции, а отнюдь не против революционной ломки господствовавших отношений вообще. Письма «К старому товарищу» выражали не отход Герцена от революции, как старался доказать апологет буржуазии П. Струве, а переход Герцена на более высокую ступень революционной теории. Однако и в этот период Герцен не изжил окончательно надклассовых иллюзий. Он допускал возможность сделок и соглашений с предпринимателями, показывая одновременно, что, отказавшись от соглашения, «...мир, пользующийся без работы» «сам себя поставит вне закона — и тогда гибель его отсрочится только настолько, насколько у нового мира нет сил»¹.

Исходя из необходимости определенных предпосылок экономического переворота, Герцен пересмотрел свою прежнюю оценку французской революции 1848 г., признав неподготовленность Франции того периода к социалистическому преобразованию. Это означало по существу пересмотр тезиса, характерного не только для мелкобуржуазного революционного социализма, но и для утопического социализма о непосредственном переходе от завоевания республики к ликвидации господства капитала.

Новый подход Герцена к решению социально-экономического вопроса создавал теоретические предпосылки для пересмотра отстаиваемой им концепции социально-экономического развития России. Хотя Герцен не уделял в письмах специального внимания вопросу о путях социально-экономического развития пореформенной России, отдельные замечания, высказанные в письмах и в процессе работы над ними, свидетельствуют об известных сдвигах Герцена и в этом вопросе.

Как видно из записи, сделанной Герценом на обороте одного из листов рукописи писем «К старому товарищу», он и на этом этапе не отказался от представления о своеобразной, отличной от Западной Европы постановки вопроса о социализме в России. Поддерживая сложившийся у него взгляд о различии путей и движущих сил социалистического преобразования России и Западной Европы, Герцен писал, что в России «не тот социализм и не так поставлен вопрос...»².

Различие путей экономического развития России и Западной Европы Герцен по-прежнему связывал с наличием в России общины. «Крестьянину на Западе так же необходимо привилась его любовь к своей земле, как в России легко понимается крестьянством общинное владение»³.

¹ А. И. Герцен, К старому товарищу. Письмо первое, «Литературное наследство», т. 61, стр. 164.

² А. И. Герцен, К старому товарищу. Варианты третьего письма, «Литературное наследство», т. 61, стр. 178. Курсив мой.— В. М.

³ А. И. Герцен, К старому товарищу. Письмо второе. «Литературное наследство», т. 61, стр. 165.

Вместе с тем наличие общины не означало теперь для Герцена враждебности общинного крестьянства всему экономическому укладу старого строя, а выражало непосредственно лишь отличное от западноевропейского крестьянина отношение русского крестьянина к земле. Показывая приверженность крестьянства к старым порядкам, Герцен, как это видно из варианта второго письма «К старому товарищу», пытался сначала отделить позицию в этом вопросе русского общинного крестьянства от западноевропейских крестьянских масс¹. Но в окончательном тексте письма он отказался от такого обособления общинного крестьянства России от крестьянства западноевропейских стран, владеющего землею на правах частной собственности. «Во всей Европе,— писал Герцен,— подымется за старые порядки сплошь все крестьянское население»².

Хотя Герцен не изжил веры в особый путь социалистического преобразования своей родины, вопрос о социалистическом преобразовании пореформенной России не кажется теперь ему таким простым, как в предшествующий период.

В письмах «К старому товарищу» он окончательно отказался от представления о капитализме как строе, неспособном создать предпосылки перехода к более высокой форме экономического устройства. Так отпал один из основных аргументов, настойчиво выдвигавшихся ранее Герценом в доказательство того, что лишь крестьянская община гарантирует надежное движение к социализму.

Несмотря на огромный шаг вперед, сделанный Герценом в понимании исторического места капитализма как строя, подготавливающего условия перехода к социализму, несмотря на намечавшийся у него перелом в понимании экономики самой России, Герцен не сделал последнего вывода и не пересмотрел воззрения крестьянского социализма, которые он страстно отстаивал с конца 40-х годов.

Хотя письма «К старому товарищу» подводили итог разногласиям, выявившимся между различными направлениями общественной мысли России, они выразили новый этап и в критике Герценом западноевропейского утопического и мелкобуржуазного социализма.

Если западноевропейский утопический социализм обращался ко всему обществу и преимущественно к господствующему классу, то Герцен видел основную задачу в идеологическом вооружении трудящихся.

¹ Герцен писал тут в незаконченной фразе: «Во всей Европе (может, за исключением России) подымется...» (*А. И. Герцен, К старому товарищу*. Вариант второго письма, «Литературное наследство», т. 61, стр. 177).

² *А. И. Герцен, К старому товарищу*. Письмо второе, «Литературное наследство», т. 61, стр. 165.

Стремление Герцена поставить вопрос об освобождении трудящихся на историческую почву, попытка связать социализм с движением масс свидетельствовали о глубоком расхождении Герцена с западноевропейским утопическим социализмом. Герцен не мог удовлетвориться нормативным подходом к рассмотрению экономических отношений.

Письма Герцена «К старому товарищу» подводили итог его расхождению не только с Бакуниным, но и с Прудонем. Как уже говорилось выше, к критике капитализма и способу разрешения экономического вопроса Герцен и раньше подходил иначе, чем Прудон. Политический переворот был для Герцена необходимой предпосылкой социально-экономического преобразования. В 60-х годах Герцен так сформулировал отношение между политикой и социализмом: «Разграничение между политикой и социализмом условно: две разных станции одной и той же дороги»¹.

Письма «К старому товарищу» углубили между, отделявшую Герцена от Прудона. Идея закономерности общественно-экономического развития, отстаиваемая в письмах, была враждебна абстрактным, внеисторическим посылкам Прудона, лежащим в основе его понимания социальной конституции, а вместе с тем и его проекта переустройства общества посредством конституированной стоимости и рабочих денег. Герцен и в письмах не выступал против учения о даровом кредите и всей социально-экономической концепции Прудона. Но в отличие от Прудона, проекты преобразования общества которого имели под собой чисто нормативную основу, Герцен исходил из необходимости определенных исторических предпосылок экономического переворота. Даровой кредит Прудона, призванный уничтожить бедствия капитализма, предполагал ликвидацию государства как политической организации. Герцен, намечая пути экономического преобразования, не только не предполагал уничтожения государства, но и исходил из его использования в качестве органа, выполняющего определенные политические и экономические функции.

Хотя Герцен допускал в письмах возможность сделок между противоположными классами буржуазного общества, основная задача заключалась для него не в проповеди экономической реформы, как для Прудона, а в *идеологической подготовке* революции.

Прудоновские проекты экономических реформ увековечивали мелкую собственность товаропроизводителя. Герцен не был и не мог быть последовательным в борьбе за преобразова-

¹ А. И. Герцен, Письма к путешественнику, Полное собрание сочинений и писем, т. 18, стр. 117—118.

ние мелкой собственности производителя в крупное товарищеское производство. Но он поставил в письмах специальную задачу подготовки мелких собственников — крестьян к экономическому перевороту, призванному утвердить «сводное хозяйство».

* *

*

Поднимая на новую ступень критику анархистского мелкобуржуазного индивидуализма Бакунина, письма «К старому товарищу» Герцена открывали тем самым новый этап в отношении русского революционера к учению Маркса.

Связанный всей своей деятельностью с запросами и задачами русского освободительного движения периода падения крепостного права, Герцен не был подготовлен к восприятию идей марксизма.

Пребывание за границей непосредственно познакомило Герцена с классовой борьбой пролетариата против буржуазии. Но взгляды Герцена, сформировавшиеся в России под влиянием антикрепостнической борьбы, и за границей развивались, отражая в первую очередь запросы русской революции, классовую борьбу крестьян против помещиков. Находясь в Западной Европе, Герцен не сумел использовать опыт экономического развития капиталистических стран для уяснения перспектив развития России.

Различие классовой позиции Герцена и основоположников научного коммунизма проявлялось отчетливо в экономических взглядах Герцена. В литературе уже указывалось на неправомочность попытки Г. В. Плеханова свести расхождения Герцена с Марксом к недоразумениям и лишить их принципиальной основы¹.

Основоположники научного коммунизма в своих публичных выступлениях, а еще чаще в письмах позицию Герцена подвергали резкой критике. Герцен же, не понимая, что учение Маркса представляло систему воззрений научного коммунизма, принципиально отличную от всех разветвлений западноевропейского социализма, противопоставлял свои взгляды всему западноевропейскому социализму, в том числе и учению Маркса.

Принципиальные расхождения Герцена с Марксом мешали русскому революционеру понять взгляды основоположников научного коммунизма и их позицию в аграрном вопросе, которому Герцен в соответствии с характером его воззрений придавал решающее значение.

¹ См. Д. И. Чесноков, *Мировоззрение Герцена*, М. 1948, стр. 290.

Правильному пониманию учения Маркса не способствовали и те, от кого Герцен мог лично слышать о Марксе уже в начале своего приезда за границу, — П. В. Анненков, Н. И. Са-
зонов, Георг Гервег.

В 50-х годах, когда Герцен стал на путь защиты общины, деятельность Маркса и его взгляды составляли одну из главных тем переписки Герцена с бывшим представителем «истинного» социализма — Моисеем Гессом. Гесс, превратившийся в псевдомарксиста, пытался ознакомить Герцена с ложно понятыми им самим идеями марксизма. В письме, написанном в марте 1850 г., он рекомендовал Герцену изучить труды Маркса: «Я прошу Вас прочесть вещи Маркса, прежде чем составлять себе окончательное мнение о нашей партии»¹. В письмах Герцену Гесс противопоставлял русской общине европейскую революцию.

Так, в письме, относящемся к февралю 1850 г., Гесс писал: «Европейский конвент улыбается мне больше, чем русская община»². В следующем письме к Герцену он, развивая те же мысли, доказывал, что европейская революция содержит в себе «зародыш нового мира»³ — социализма.

Выступив с защитой общины, Герцен считал необходимым сопоставить свое понимание роли общины с позицией Маркса, оправдать зарождавшиеся у него идеи «русского» социализма перед учением Маркса, ошибочно преломившимся в его представлении. Пролетарский социализм Маркса Герцен ошибочно понял как учение, требующее насильственного разрушения общины, обезземеления крестьян, превращения русского крестьянина в пролетария.

В статье «Русское крепостничество», предназначенной для европейского читателя, Герцен писал: «Я знаю, что есть люди, столь «рационально» настроенные, что они готовы променять определенный и надежный залог на зародыш. Они радовались бы созданию пролетариата, так как видели бы в нем источник революционного развития; но разве каждый пролетарий — непременно и революционер?»⁴

Устраивая своему учению об общине очную ставку с неправильно понятым учением об исторической роли пролетариата, Герцен имел в виду взгляды Маркса, в теоретическую полемику с которым он никогда не вступал открыто. Такое предпо-

¹ Гесс — Герцену. Март 1850 г., «Литературное наследство», т. 7—8, М. 1933, стр. 85.

² Гесс — Герцену. Февраль 1850 г., «Литературное наследство», т. 7—8, стр. 79.

³ Гесс — Герцену. Март 1850 г., «Литературное наследство», т. 7—8, стр. 84.

⁴ А. И. Герцен, Русское крепостничество, Полное собрание сочинений и писем, т. 7, стр. 370. Курсив мой.— В. М.

ложение подтверждается не только непосредственным содержанием полемики Герцена «с рационально настроенными людьми», всем характером его аргументации, но косвенно и другим моментом. Ошибочно видя в идеологах пролетариата поборников обезземеления крестьян, Герцен, возражая им, употреблял тот термин «зародыш», который встречается в письме Гесса к Герцену при разъяснении значения европейской революции, как зародыша социализма. Он противопоставляет общину, являющуюся, с его точки зрения, надежным залогом социализма, пролетариату, представляющему, по его мнению, лишь зародыш социалистического преобразования.

Герцен приписывал Марксу то абстрактное, взятое вне пространства и времени понимание законов экономического развития различных стран, против которого Маркс возражал впоследствии в известном письме в редакцию «Отечественных записок». От такого неправильного понимания воззрений Маркса Герцен не освободился и на протяжении последующего периода.

Ошибочному восприятию идей марксизма способствовало и неумение Герцена разграничить учение Маркса от принципиально отличных от марксизма воззрений Лассалья. Лассаль, рассматривавший крестьянство вместе со всеми другими классами, за исключением пролетариата, как единую реакционную массу, олицетворял для Герцена западноевропейский социализм, в том числе и марксизм. «Понятие земельного участка, — писал Герцен, — так чуждо европейскому пониманию, что Лассаль старался вытолкнуть землю из-под ног работника, как гирю, мешающую его свободной личности»¹.

Основоположники марксизма показывали ошибочность теоретической позиции Герцена, лежащей как в основе его объяснения западноевропейского капитализма, так и в основе защиты русской общины. Из переписки Маркса и Энгельса видно, что еще при жизни Герцена им были известны работы Герцена «О развитии революционных идей в России», «С того берега»; отдельные главы из «Былого и дум», речь Герцена «Народный сход в память февральской революции». Уже после смерти Герцена Энгельс в предисловии к статье «Социальные отношения в России» цитировал письма Герцена к В. Линтону — «Старый мир и Россия».

Переписка Маркса и Энгельса, известное замечание, сделанное Марксом по поводу Герцена в первом издании I тома «Капитала», но снятое им в последующих изданиях «Капитала», свидетельствуют о резких отзывах творцов научного

¹ А. И. Герцен, Порядок торжествует!, Полное собрание сочинений и писем, т. 19, стр. 121.

коммунизма о Герцене. Хотя, упоминая о Герцене, Маркс и Энгельс, как правило, резко осуждали его позицию, они критиковали русского публициста под своеобразным углом зрения.

Известная противоречивость воззрений Герцена, его пессимизм относительно исторических судеб капиталистического мира, противопоставление капитализму русской общины как общественно-экономического уклада, содержащего в себе будто бы больше сил обновления, чем капиталистическая организация хозяйства, отступления Герцена к либерализму, хорошо известные Марксу из публичных обращений русского публициста к Александру II, и сугубо законспирированный характер революционных связей Герцена с родиной дали повод Марксу для обвинения Герцена в панславизме. Но Герцен не был панславистом. Не теряя окончательно веры в социалистическое преобразование капиталистической Европы, он отстаивал братский союз славянских народов, указывал на роль России в борьбе за их национальное освобождение и социально-экономическое преобразование.

Основоположники научного коммунизма подвергли теоретические взгляды Герцена глубокой критике. Но к теоретической критике концепции Герцена Маркс подходил с различных сторон. На протяжении 50-х и 60-х годов Маркс рассматривал взгляды Герцена на общину либо в разрезе ошибочной оценки Герценом перспектив развития Запада, либо под углом зрения отношения учения Герцена об общине к взглядам немецкого барона Гакстгаузена.

Об этих узких рамках своей критики Герцена говорил сам Маркс в письме в редакцию «Отечественных записок». Разъясняя смысл направленного против Герцена примечания к первому изданию I тома «Капитала», Маркс писал: «В чем же я там упрекаю этого писателя? В том, что он открыл русскую общину не в России, а в книге прусского регирунгсрата Гакстгаузена и что в его руках русская община служит лишь аргументом для доказательства того, что старая, гнилая Европа должна быть возрождена путем победы панславизма. Моя оценка этого писателя может быть правильной, она может быть и ложной, но она ни в коем случае не может служить ключом к моим воззрениям на усилия *«русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа»*¹.

С начала 70-х годов в связи с дальнейшим изучением русской экономики, развивавшейся по пути капитализма, и рус-

---

¹ К. Маркс, Письмо в редакцию «Отечественных записок», «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М. 1951, стр. 221.

ской экономической литературы — работ Н. Г. Чернышевского, В. В. Берви-Флеровского, основоположники научного коммунизма дали развернутую критику взглядов Герцена на общину и связанного с ней понимания пути экономического развития России. Вскоре после смерти Герцена Маркс в письме к Энгельсу от 10 февраля 1870 г., оценивая книгу Берви-Флеровского, отчетливо выявил свое отношение к крестьянскому социализму Герцена. Заслугу Флеровского Маркс увидел в том, что защита общины не являлась у него составной частью социалистической доктрины. «Никакой социалистической доктрины, никакого аграрного мистицизма (хотя он и сторонник общинной собственности)»¹.

Критические замечания Маркса против крестьянского социализма нашли дальнейшее развитие в работе Энгельса «Социальные отношения в России». Энгельс, отмечая распространение в России взглядов Герцена на общину, подверг воззрения Герцена развернутой критике и осветил действительные перспективы развития общины.

Маркс и Энгельс вскрыли ошибочность представления об общине как пути перехода к социализму и показали теоретическую несостоятельность системы воззрений Герцена. Но только В. И. Ленин дал всестороннюю оценку воззрений русского революционера, пройденного им идейного пути. В свете развития русского освободительного движения Ленин с исчерпывающей глубиной раскрыл реальное классовое содержание крестьянского социализма, направленного против помещичьего землевладения и всей системы феодальных отношений, господствовавших в России.

* *
*

Письма «К старому товарищу», завершившие сложный идейный путь Герцена, его неутомимые поиски научной теории преобразования общества показывают в новом свете значение Герцена как предшественника русской революционной социал-демократии.

Отражая и формулируя революционные стремления крестьянства к уничтожению помещичьего землевладения, Герцен явился провозвестником той борьбы против помещичьей собственности, которую в XX в. во время русской буржуазной революции вели пролетариат и революционное крестьянство. Эта борьба в условиях новой исторической обстановки нашла совершенно новое теоретическое обоснование в выдвинутой ре-

¹ К. Маркс, Письмо Ф. Энгельсу 10 февраля 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1953, стр. 232.

волюционным марксизмом задаче аграрной революции как составной части буржуазно-демократической революции, осуществляемой под руководством пролетариата.

Своей неустанной критикой капиталистического рабства, проповедью революции Герцен подготовлял путь распространению марксизма в России.

Стремление Герцена найти в самом положении трудящихся масс залог их приобщения к социализму и его сомнения в возможности победоносной антикапиталистической революции в странах Западной Европы показывают, что открытая научным коммунизмом идея соединения рабочего движения с социализмом была, в буквальном смысле этого слова, выстрадана в России подготовительными беззаветными теоретическими исканиями.

Обращение Герцена к Интернационалу явилось завершением его идейной эволюции. Он работал над письмами «К старому товарищу» между III, Брюссельским и IV, Базельским конгрессами Интернационала, когда уже выявилась борьба Бакунина против Маркса. Обращаясь к Интернационалу, Герцен возлагал свои надежды не на прудонистов и бакунистов, а на рабочее движение, возглавляемое Марксом.

Круг идей, развиваемых Герценом в письмах «К старому товарищу», не мог уничтожить глубокого принципиального отличия воззрений Герцена от системы взглядов основоположников научного коммунизма. Но характерное для писем «К старому товарищу» стремление Герцена выделить экономические отношения и найти законы их развития, признание закономерности и прогрессивности частной собственности, классов для определенного исторического этапа и связанное с этим понимание необходимости особых условий революции, направленной против господства буржуазии, создавали по существу предпосылки для пересмотра определяющей черты крестьянского социализма — нераздельного слияния демократизма и социализма.

В страстных поисках революционной теории, способной служить основой борьбы за новую форму общественного устройства, Герцен шел по восходящей линии. Его идейная эволюция, теоретические искания, ведущие к пересмотру выдвинутых им самим на предшествующем этапе идей, помогают уяснить подготовку в России возникновения и распространения всепобеждающих идей революционного марксизма.

Глава двадцать седьмая

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. П. ОГАРЕВА

Общая характеристика экономических работ Н. П. Огарева

Литературное наследство Н. П. Огарева и его экономические взгляды изучены меньше, чем воззрения других представителей русской революционно-демократической мысли. В период пребывания в России Огарев не развернул широкой публицистической деятельности. В бесцензурной печати он выступил значительно позже Герцена, когда яркий литературно-публицистический талант его друга уже приобрел широкую популярность не только в России, но и в демократических кругах Западной Европы.

Либералы, современники Огарева — Кавелин, Анненков, Самарин и И. С. Тургенев — умаляли или просто отрицали значение публицистической деятельности Огарева. То же следует сказать и о либеральных историках русской общественной мысли.

От недооценки роли Н. П. Огарева не был свободен и Г. В. Плеханов. Он рассматривал Н. П. Огарева не как самостоятельного публициста, внесшего свой вклад в замечательное идейное содружество издателей «Колокола», а лишь как помощника Герцена, развивавшего его взгляды¹.

Понять действительную роль Огарева в истории русской экономической мысли можно только исходя из ленинской характеристики «Колокола». Ленин показал, что «Колокол» поставил вопрос «о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о «соглашательской» (монархической) и республиканской тенденции в этой революции»².

Ряд исторических и философских работ, посвященных Огареву, прежде всего исследования и публикации М. В. Нечкиной, Б. П. Козьмина, статьи Н. Г. Тараканова, показали раз-

¹ См. Г. В. Плеханов, А. И. Герцен и крепостное право, Сочинения, т. XXIII, стр. 334—335.

² В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 12.

витие революционно-демократических взглядов Огарева, защиту им идеи крестьянского восстания, выявили самостоятельную роль и выдающееся значение Огарева в русском освободительном движении. Но изучение экономических взглядов Огарева до сих пор отстает от исследования других сторон его мировоззрения.

Автор единственной работы, посвященной экономическим взглядам Герцена и Огарева — Е. М. Филатова — рассматривает воззрения Н. П. Огарева в качестве простого дополнения к взглядам Герцена¹. В книге Филатовой не показано с достаточной отчетливостью объективное содержание воззрений Огарева — экономическое обоснование демократической республиканской тенденции в русской буржуазной революции. Но именно в этом заключалось историческое значение экономических воззрений Огарева. Находясь в постоянном содружестве с Герценом, Огарев самостоятельно и наиболее полно разрабатывал экономические задачи крестьянской революции, обосновывал экономическую платформу аграрной демократии. Игнорируя самостоятельную роль Огарева в идейном содружестве с Герценом, советские исследователи невольно отдают дань буржуазной историографии, умалявшей значение Огарева.

* *
*

Николай Платонович Огарев вышел из дворянской среды. Так же как и Герцен, он принадлежал к поколению дворянских революционеров. Он родился 24 ноября 1813 г. в семье помещика, имевшего более 4 тыс. крепостных душ и большие поместья в Пензенской, Рязанской, Орловской губерниях. Уже с отроческих лет Огарев проникся враждой к окружавшей его крепостнической действительности.

В конце 1825 г. первые встречи Огарева с Герценом заложили начало той глубокой дружбе, в основе которой лежала их беззаветная преданность делу освободительной борьбы. В 1834 г. Огарев — студент Московского университета — вместе с другими членами политического кружка был арестован и после следствия выслан в пензенское имение отца. В Москву он вернулся только в 1839 г.

Претворяя в жизнь свои антикрепостнические воззрения, Огарев, после смерти отца ставший собственником больших имений, освободил за небольшую выкупную сумму крестьян села Верхний Белоомут Рязанской губернии — наиболее крупного из принадлежащих ему имений.

¹ См. Е. М. Филатова, Экономические взгляды Герцена и Огарева, Госполитиздат, 1953.

Н. П. ОГАРЕВ

В течение 1841—1842 гг. Огарев провел несколько месяцев за границей. В 1842 г. он уехал снова за границу, где пробыл уже по 1846 г. Вернувшись в Россию и поселившись в селе Старое Акшено, Огарев разработал проект организации фермы-школы политехнического характера, призванной подготовить из самих крестьян учителей для сети народных школ. Он приступил к организации в своем имении промышленных предприятий и сельскохозяйственных ферм, которые пытался построить на основе найма рабочей силы крестьян, чтобы подготовить таким путем их освобождение.

В апреле 1856 г. Н. П. Огарев приехал в Лондон; с этого времени в течение более 20 лет он живет в эмиграции; до 1865 г.— в Англии, с 1865 по 1873 г.— в Швейцарии, а с 1873 и до смерти, последовавшей 31 мая (12 июня) 1877 г.,— снова в Англии.

В Лондоне в 1857 г. Огарев стал одним из издателей начавшего выходить по его инициативе «Колокола». По его же инициативе в 1862 г. стало выходить «Общее Вече» — прибавление к «Колоколу», стремившееся использовать раскольническое движение для агитации среди народа и обращавшееся непосредственно к самому народу.

Литературное творчество Огарева, как и Герцена, было неразрывно связано с практической революционной борьбой. У своих истоков оно оплодотворялось политическими традициями дворянских революционеров. Расцвет публицистического творчества Огарева отражал его руководящую роль в подготовке организации, а затем в деятельности тайного революционного общества «Земля и Воля».

Начав свою деятельность в период обострения кризиса феодального строя, Огарев развернул ее во время подготовки реформы и в первое десятилетие пореформенного периода.

Это определило экономическую проблематику его работ. Огарев анализировал экономические вопросы не только в специально экономических статьях, но и в большинстве своих работ, посвященных другим животрепещущим вопросам русского освободительного движения.

В 1847 г., находясь еще в России, Огарев выступил с двумя статьями: «Замечания на статью, помещенную в № 98 «Московских ведомостей» под заглавием: «Опыт статистического распределения Российской империи» и «Замечание на замечание г. Чихачева». Обе статьи содержали по существу резкую критику крепостнических отношений. Особый интерес представляет первая из названных статей, в которой Огарев, излагая свое понимание предмета и задач политической экономии, пытался выяснить отношение статистической науки к политической экономии. В этой статье Огарев развивал интересные

мысли по вопросу о районировании России. Проблему районирования он рассматривал в свете предстоящего промышленного развития России.

Основные работы Огарева опубликованы в вольной русской заграничной печати: «Полярной звезде» и особенно в «Колоколе», а затем в «Общем Вече».

Важнейшей темой исследований Огарева являлся центральный вопрос России той эпохи — ликвидация крепостного права, ее движущие силы, ее способ и экономические условия. Рассматривая эти вопросы в свете выявления путей экономического развития России, Огарев посвятил им цикл статей под общим названием «Русские вопросы». Статьи эти печатались сначала в «Полярной звезде» (1856—1857 гг.), а затем в «Колоколе» (1858 г.). В «Колоколе» были опубликованы статьи «Что сделано для освобождения крепостных людей» (1857 г.), «Еще об освобождении крестьян» (1858 г.), «Письмо к автору «Возражения на статью «Колокола»» (1859 г.), «Ответ на письмо малороссийского помещика» (1859 г.).

На страницах «Колокола» Огарев выступил с серией статей под названием «Комиссии для составления положений о крестьянах», посвященных критике хозяйственного и финансового отделений редакционных комиссий и трудов комиссии для устройства земских банков.

В специальных статьях «Удельные крестьяне не освобождены» (1858 г.), «По поводу правил Муравьева-Вешателя» (1860 г.) Огарев подверг резкой критике правила о порядке выкупа государственными крестьянами своих земель, изданные министерством государственных имуществ, и указ об удельных крестьянах. Он требовал безвозмездного перехода к государственным крестьянам обрабатываемой ими земли и ликвидации министерства государственных имуществ. Упразднение удельных имений должно было обеспечить за крестьянами этих имений все земельные угодья.

Вопрос об экономических предпосылках ликвидации крепостничества Огарев рассматривал в статьях «Письма к соотечественнику» (1860 г.) и «На новый год» (1 января 1861 г.), написанных непосредственно перед выходом «Положения о крестьянах», когда Огареву был уже ясен характер подготовляемой реформы. Эти статьи ставили вопрос о том, что надо «делать помимо правительства», и выдвигали в связи с этим целую систему экономических мероприятий, направленных на ликвидацию крепостнических отношений.

Серия статей Огарева «Разбор нового крепостного права» (1861 г.) ясно вскрыла характер «освобождения», предусмотренного «Положением о крестьянах». Еще до окончания публикации серии названных статей, разоблачавших крепостниче-

скую реформу, Огарев в статье «Что нужно народу?» (1 июля 1861 г.) впервые выдвинул лозунг «Земля и воля», выражающий крестьянскую войну за землю, а в статье «Куда и откуда» (1862 г.) перешел к непосредственному обоснованию требования ликвидации помещичьего землевладения.

Большое значение для понимания экономических взглядов Огарева имеет цикл его статей, опубликованных в «Колоколе»: «Расчистка некоторых вопросов» (печатались с 15 июня 1862 г. по 1 января 1864 г.), где Огарев, продолжая защиту общины, специально рассматривал вопрос о формах поземельной собственности, «Письма к «Одному из многих»» (1864—1865 гг.), серия статей — «Частные письма об общем вопросе» (1866—1867 гг.), посвященных вопросам социализма, и статья «Настоящее и ожидания» (1867 г.), в которой Огарев развивал свое представление о путях и этапах экономического преобразования России.

Огарев уделял большое внимание вопросам финансов и кредита. Этим проблемам посвящен специальный цикл его статей — «Финансовые вопросы» (1864 г.), а также раздел его брошюры «Очерки положения России», вышедшей на французском языке. Этот раздел был напечатан и на русском языке в «Колоколе» под названием «Финансовая реформа в России» (1862 г.).

Особый интерес представляет одна из последних статей Огарева экономического содержания — «Голод и новый год» (1869 г.), в которой автор показывает экономические последствия реформы, проведенной кустарниками, и останавливается в этой связи на известных статьях Скалдина: «В захолустьи и в столице».

Огарев являлся автором листовок, прокламаций и специальных популярных статей, обращенных к народу. В листовках: «Что нужно народу?» (1861 г.), «Будущность» (1870 г.) и др., в популярных статьях, помещенных в «Общем Вече»: «Что надо делать народу», «Слово правды», «Письма к инок» — Огарев большое внимание уделял экономическим вопросам. Признав на определенном этапе необходимость крестьянского восстания, он одним из первых выступил с популяризацией экономических лозунгов, мероприятий и требований крестьянской революции. Огарев показывал грабительский характер реформы, требовал ликвидации помещичьего землевладения и признания земли достоянием народа, пропагандировал идею коллективного использования машин, выгоду артельного сельскохозяйственного производства, доказывал необходимость преобразования кредитной и финансовой системы.

Особый интерес для изучения экономических взглядов Огарева представляют его записки и проекты организации тайных

обществ, не предназначенные для печати и опубликованные уже после смерти Огарева.

В них Огарев уделял первостепенное значение разрешению экономических вопросов. В замечательном плане народной школы, относящемся к 1847 г., он выразил свое первоначальное отношение к существовавшей крестьянской общине, признав ее основой экономической косности.

Освещение экономических вопросов занимало одно из центральных мест и в проектах организации тайных обществ, разработанных Огаревым: «Записка о тайном обществе» (1857 г.), «Идеалы» (1859 г.), «Цель русского движения» (1860 г.), и в других, более поздних проектах организации тайных обществ¹.

Отстаивая на этом этапе некапиталистический путь развития России, Огарев стремился обеспечить условия свободного развития крестьянской общины, разрабатывал систему экономических мероприятий, призванных прежде всего создать условия действительного освобождения крестьян, освещал вопросы развития промышленности, торговли, финансов, кредита.

Огарев вместе с Герценом испытал на себе влияние Гегеля и Фейербаха. Как и Герцен, он под влиянием Фейербаха шел от идеализма к материалистическому объяснению вопроса об отношении мышления к бытию, выступал против признания приоритета мысли, логики над природой. Встав на материалистические позиции в основном вопросе философии, Огарев ясно отразил характерную для представителей русской революционной демократии критику Гегеля. У младогегельянцев политические вопросы преломлялись через призму религиозных и философских вопросов, стоявших в центре их борьбы с правыми гегельянами. Огарев, как и Герцен, видел в диалектике прежде всего алгебру революции.

Идя по пути материалистической критики гегелевской философии, Огарев должен был выявить свое отношение к Фейербаху. Если вначале Огарева отделяли от Фейербаха неизжитые идеалистические воззрения, то позже, когда Огарев стал на путь преодоления философского идеализма, он не мог удовлетвориться исходной точкой зрения философии Фейербаха, рассматривавшего человека как отвлеченного, обособленного индивида².

Неудовлетворенность Огарева Фейербахом сказалась в стремлении понять человека, его мысли и представления в ка-

¹ См. статью и публикацию М. В. Нечкиной «Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.)», «Литературное наследство», т. 61, АН СССР, М. 1953; *Н. П. Огарев*, Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, Госполитиздат, 1956.

² См. *Н. П. Огарев*, Письмо А. И. Герцену 6 ноября 1844 г., «Русская мысль», кн. 6, 1891 г., стр. 11.

честве продукта общества. Огарев подверг критике предпосылку об изолированном человеке, считая, что «особнячная личность» — это «личность из мира фантазии». Вместе с тем Огарев не мог показать несостоятельность метафизического материализма Фейербаха и преодолеть антропологическую позицию в философии. Признав существование одной науки — истории, распадающейся на историю природы и историю человечества, Огарев поставил между ними антропологию. Несмотря на встречавшиеся у Огарева зачатки материалистического понимания истории, он оставался на позициях исторического идеализма. Это нашло отражение в исходных посылках экономического анализа Огарева.

Рассматривая трудовую деятельность человека, Огарев обособлял труд от действия сил природы и имел в виду исключительно человеческую деятельность. Но, поскольку Огарев не преодолел антропологическое представление о труде, он не сумел подняться до понимания общественного труда, общественного производства, как основы объяснения экономических категорий. Поэтому в своих планах экономического преобразования Огарев исходил прежде всего из необходимости рациональной организации производительных сил. Разрешение проблемы материального благосостояния народа он связывал с переходом от раздробленных к объединенным промышленным силам, т. е. к артельному производству. «Социальный вопрос, — писал Огарев, — заключается в благосостоянии масс, на основании замены *раздельных* промышленных сил *составными*»¹.

Кризис крепостного хозяйства в России и обострение противоречий капитализма в Западной Европе побудили Огарева, так же как и Герцена, выдвинуть на первый план значение экономического вопроса. Мысли, развиваемые в этой связи Огаревым в «Замечаниях на статью, помещенную в № 98 «Московских ведомостей» под заглавием «Опыт статистического распределения Российской империи», прямо перекликались с идеями, высказанными в то же самое время Герценом в «Письмах из Avenue Marigny».

Огарев не удовлетворялся определением политической экономии как науки о богатстве, а доказывал, что само богатство представляет результат приложения труда. В соответствии с запросами эпохи Огарев подчинял на этом этапе свое понимание задач политической экономии борьбе с крепостничеством. Он рассматривал политическую экономию как науку, призванную показать путь к раскрепощению труда, а тем самым и к развитию материальных сил общества. В раскрепощенном сво-

¹ Н. П. Огарев. Письма к «Одному из многих», Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 669.

бодном труде Огарев видел основу общественных связей между людьми. «Рассматривая общество с точки зрения труда и производительности,— писал он,— политическая экономия становится в открытую борьбу с племенными интересами и ищет основать общественную связь на единстве труда»¹.

Заслуга Огарева заключалась в том, что он связывал первенствующее значение политической экономии с решающей ролью материальных сил в жизни общества. Именно эта роль политической экономии как науки, важность которой обусловлена важностью материальных сил общества, отделяла ее, с точки зрения Огарева, от старой науки о государственном хозяйстве и превращала в подлинно социальную науку.

Но представление Огарева о предмете политической экономии и ее социальном характере ограничивалось своеобразным пониманием материальных сил общества. Огарев подходил к рассмотрению развития последних прежде всего под углом зрения обеспечения условий развития живого носителя трудового процесса — самого человека и распространял сферу интересов политической экономии на все стороны социальной жизни человека. Такой подход препятствовал обособлению производственных отношений от других сфер социальной жизни и приводил одновременно Огарева к нормативному пониманию экономических категорий. Это ясно сказалось уже в представлении Огарева о материальных силах общества и о предмете политической экономии. Политическая экономия была для Огарева наукой, содержанием которой являлись «разумные начала (*principes*) развития материальных сил государства»².

Присущий Огареву нормативный подход к экономическим отношениям особенно ясно сказывался, когда Огарев переходил от критики крепостничества, диктуемой потребностями экономического развития России, к критике капитализма и развитию своих планов социалистического преобразования общества.

Борьба Огарева с крепостничеством до начала подготовки реформы

В центре внимания Огарева стояла борьба с крепостничеством. Уже в 30-х годах вопрос о движущих общественных силах предстоящей ликвидации крепостничества представлял предмет серьезных размышлений для Огарева и его друзей.

Огарев вместе с Герценом прошел путь от дворянского революционера к революционному демократу.

¹ Н. П. Огарев, Замечания на статью, помещенную в № 98 «Московских ведомостей», Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 94.

² Там же.

В начале своей деятельности он видел в дворянстве прогрессивную силу общественного развития. Но уже в 30-х годах это представление о роли дворянства было поколеблено. Ознакомившись в ссылке с экономической и социально-политической ролью дворянства, Огарев пришел к выводу, что дворянство как сословие не осуществит освобождения крестьян. В письме к Кетчеру, относящемся ко второй половине 30-х годов, Огарев писал: «Но я скажу вещь, которая удивит тебя: я переменил мнение о русской аристократии... Но об этом буду писать тогда только, когда что-нибудь целое составитя в голове моей»¹.

В каком направлении развивались взгляды Огарева, видно из его письма к Н. Х. Кетчеру и к московским друзьям. Огарев показывает усиление эксплуатации крестьян помещиками, вызванное ростом производства хлеба на рынок, и в свете фактических данных, характеризующих отношение дворянства в целом, а не отдельных дворян к крестьянам, подвергает сомнению свой прежний взгляд на роль аристократии. «Я ненавижу аристократию, — пишет он. — С чего вы взяли, что ее дают? Какое заблуждение!»²

Следуя традициям Пестеля, Огарев не возлагал надежды и на императорскую власть: царская власть является лишь завершением помещичьего господства; царь, писал он, — это «помещик en grand»³.

Огарев не видел на данном этапе и среди крестьянства общественной силы, готовой к выступлению против крепостничества. Он склонился к выводу об отсутствии сил, способных ликвидировать крепостничество. Отсюда — мысли о беспочвенности деятельности интеллигенции, высказывавшиеся и Герценом, и Огаревым. Но эти мысли не исключали поисков путей пробуждения народа. Огарев явился одним из первых провозвестников хождения интеллигенции в народ. Полный благородных стремлений, он обращается к революционной интеллигенции с призывом: «Снимите ваш фрак, наденьте серый кафтан, вмешайтесь в толпу, страдайте с ней, пробудите в ней сочувствие, возвысьте ее; ее возвышение будет глас трубный!»⁴ Уже на этом этапе Огарева отличали от декабристов демократические стремления к пробуждению народа, вера в его будущую

¹ Н. П. Огарев, Письмо Н. Х. Кетчеру 26 апреля 1837 г., Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 286—287.

² Н. П. Огарев, Письмо Н. Х. Кетчеру и московским друзьям, конец 1836 г., Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 284.

³ Там же, стр. 285.

⁴ Там же.

самодеятельность и приверженность идеям утопического социализма.

Хотя изложенные мысли не получили в рассматриваемый период дальнейшего развития, они показывают начало исканий, завершившихся впоследствии переходом Огарева и Герцена на позиции крестьянской революции.

Если дворянство не было способно в России к прогрессивной роли, то и третье сословие не имело, по мнению Огарева, под собой той почвы, которую оно имело в странах Западной Европы. Не исключая возможности образования в России третьего сословия из почетных граждан, Огарев отрицал неизбежность его развития, а вместе с тем и его полезность. «Tiers état может у нас (со временем) образоваться из почетных граждан. Но нужен ли, но полезен, но справедлив ли tiers état? Я думаю, ты знаешь, что нет»¹.

Так зарождался у Огарева взгляд на буржуазию, как на класс, который не был призван подняться в России до господствующей экономической и политической силы. Но Огарев не развил на данном этапе это представление, не связал его со своим пониманием общины.

Изучив положение русского крестьянства, и в частности крестьян белоомутской деревни, Огарев в 40-х годах показал далеко зашедший процесс расслоения крестьянства, приведший, несмотря на наличие общины, фактически к образованию двух враждующих партий — бедняков и небольшой кучки богатеев. «Обе партии, богатые и бедные, — писал Огарев Герцену о крестьянах белоомутской деревни, — лгут немилосердно. А кроме того нельзя оправдать ни тех, ни других, не наделав страшного вреда. Ну! коротко же придется узнать, что такое община!»²

В рассматриваемый период Огарев не только не возлагал надежд на общину, но в ряде документов — в письме к Коршу, в «Письме из провинции» и особенно в «Народной политической школе» — критиковал отношения и распоряжки, характеризующие общину. Общинный быт представлял, с его точки зрения, лишь формальное равенство. «Я не знаю, как иначе назвать равенство подати при неравенстве сил, равенство земель при неравенстве трудов и капиталов»³.

Огарев в этот период, подобно декабристам, считал необходимым капиталистическое развитие России. Стремясь обеспе-

¹ См. Н. П. Огарев, Письмо Н. Х. Кетчеру, РОГБЛ, ф. Г.-О., М. 5185.17, № 7.

² Н. П. Огарев, Письмо А. И. Герцену 2 ноября 1846 г., «Литературное наследство», т. 61, АН СССР, М. 1953, стр. 728.

³ Н. П. Огарев, Народная политехническая школа, Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 9.

чить условия для свободного развития крестьянского хозяйства, он видел в то же время в организации ферм предстоящий путь развития помещичьего хозяйства. «Ферма занимает меня чрезвычайно, — писал Огарев Герцену в письме от 2 мая 1847 г., — ...ферма есть норма всего будущего хозяйства русского, норма, по которой мы из плантаторов перейдем в земледельцев — хозяев (*entrepreneurs de maisons rurales, farmers*)»¹.

Как видно из выдвигаемого Огаревым плана организации ферм, он предлагал оставить за крестьянами всю находившуюся в их пользовании землю, переведя на них задолженность помещичьих имений Опекунскому совету. По мысли Огарева, ежегодные платежи в счет погашения долга, вносимые в течение 37 лет, не должны превышать $\frac{2}{3}$ налога, «который крестьянин платит теперь работами у порядочных помещиков и, конечно, только $\frac{1}{3}$ того, что он платит у непорядочных»².

Таким образом, предполагая сохранение за крестьянами всей находившейся в их пользовании земли, Огарев практически связывал переход земли в собственность крестьян с выкупом. Поскольку размеры выкупа должны были, по мнению Огарева, обеспечить значительное снижение ежегодных платежей крестьян по сравнению с крепостническими повинностями, выкупные суммы создали бы условия для развития крестьянского хозяйства и в то же время освободили бы помещичье хозяйство от задолженности.

Отстаиваемая Огаревым позиция в вопросе о земле и выкупе явилась исходным пунктом как последующих взглядов Герцена в этом вопросе, высказанных им в статье «Русское крепостничество», так и первоначальной постановки этих вопросов «Колоколом».

Отношение Огарева к основным вопросам подготавливаемой реформы и критика им реформы 1861 г.

Поколение дворянских революционеров шло к обоснованию крестьянской революции отличным от революционеров-разночинцев, противоречивым путем. На этом пути Огарев вместе с Герценом пережил отступления к либерализму, сказавшиеся более отчетливо в первые годы подготовки реформы.

Так же как Герцен, Огарев после смерти Николая I обратился к Александру II и среднему образованному дворянству, поставив перед ними задачу освобождения крестьян посредством выкупа со всей находившейся в их пользовании землей и

¹ П. П. Огарев, Письмо А. И. Герцену 2(14) мая 1847 г., «Литературное наследство», т. 61, стр. 759.

² Там же, стр. 760.

проведения ряда демократических мероприятий. В первой же статье, написанной за границей («Русские вопросы»), Огарев возлагает свои упования на отряд «дворянства средней руки».

Не исследуя природы государства и не понимая, что оно является органом господствующего класса, Огарев не видел еще в реформе системы мероприятий, строго ограниченных крепостнически-бюрократической природой самодержавия.

Если Чернышевский уже в начале подготовки реформы понял классовую природу и грабительский характер правительственной реформы, то Огарев, несмотря на критику мероприятий правительства, выдвигал перед ним определенные задачи, продиктованные на этом этапе не столько тактическими соображениями разоблачения самодержавия, сколько иллюзорными надеждами на их известное осуществление правительством.

Но, несмотря на отступления к либерализму, Огарев и в этот период оставался демократом.

Для понимания предреформенного этапа развития воззрений Огарева огромное значение имеют материалы «Пражской коллекции» Герцена и Огарева, опубликованные и исследованные М. В. Нечкиной. Они показывают стремление Огарева к созданию тайного общества, планы организации и платформу которого Огарев начал разрабатывать уже с 1857 г., т. е. вскоре после переезда за границу, и особенно активно в годы революционной ситуации¹. Нелегальная сторона деятельности Огарева подтверждает новыми, не известными до сих пор фактами принципиальную противоположность позиции Огарева, с одной стороны, и либералов — с другой, в период подготовки реформы.

Огарев и либералы подходили к вопросу об отмене крепостного права с позиций противоположных классов: крестьянства и помещиков.

Либералы видели в мирной отмене крепостного права единственно правомерный способ его упразднения, а в подготавливаемой правительством реформе — высший предел уступок крестьянству, вынужденных необходимостью сохранения господства помещичьего класса. Огарев уже в этот период признавал правомерность революционного решения крестьянского вопроса в случае банкротства правительства в деле освобождения крестьян и показывал, что ни в одной стране войско не является столь близким к народу, как в России.

Отмена крепостного права, подготавливаемая самодержавием, рассматривалась Огаревым лишь как начало предстоящего последовательного решения крестьянского вопроса.

¹ См. статью и публикацию М. В. Нечкиной «Новые материалы о революционной ситуации в России» (1859—1861 гг.), «Литературное наследство», т. 61, М. 1953.

Защищая интересы крестьянства, Огарев уже на первой стадии подготовки реформы выступил с разоблачением деятельности всего помещичье-бюрократического аппарата — от губернских комитетов до Главного комитета по крестьянскому делу, призванного обсудить и подготовить условия выхода крестьян из крепостной зависимости. Огарев вскрыл классовый, бюрократический характер этого аппарата и признал его непригодным для действительной отмены крепостничества.

С совершенно отличных от либералов позиций подходил Огарев и к вопросу о крестьянских наделах. Проблема величины крестьянских наделов, превращения их в свободную собственность общин была для Огарева, как и для Герцена, центральной экономической проблемой крестьянской реформы. В статьях «Русские вопросы» Огарев отстаивал сохранение за крестьянами всей находившейся в их владении земли и заявлял: «Дайте крестьянам ту землю, которой они теперь *de facto* пользуются»¹.

Обострение классового антагонизма в процессе подготовки реформы, помещичье наступление на крестьянские земли заставили Огарева конкретизировать свою позицию в этом вопросе. Он не довольствуется защитой существовавших границ крестьянского землепользования, но требует расширения его за счет помещичьего.

Проектам захвата помещиками крестьянских земель, готовяемым губернскими комитетами и редакционными комиссиями, Огарев противопоставляет право не только барщинных крестьян, но и крестьян оброчных имений на всю находящуюся в их пользовании землю. Он возражает против всякого уменьшения надела крестьян оброчных имений и выступает против проектируемого редакционной комиссией установления высших норм наделов (с целью их урезать), требуя лишь установления низших, минимальных границ.

Отстаивая расширение крестьянских наделов посредством установления их минимальных границ, наделения дворовых людей землей, увеличения луговой земли, находившейся в пользовании крестьян, и отвода им лесных участков, Огарев обличал крепостнические установки подготовляемого правительством решения земельного вопроса.

Огарев не ограничивал вопрос о земле размерами крестьянского землепользования. Принципиальные установки Огарева в вопросе о переходе земли к крестьянам были отличны от подхода либералов к этой проблеме. защите собственности притязаний помещиков на крестьянские земли Огарев проти-

¹ Н. П. Огарев, Русские вопросы, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 108.

вопоставлял требование освобождения крестьян как собственников земли. Разрабатывая проект организации нелегального общества, Огарев писал, что следует добиваться освобождения «крепостных и казенных крестьян как общинных землевладельцев»¹.

Огарев в противоположность крепостникам и славянофилам, защищавшим перевод крепостных на срочно-обязанное положение, неустанно выступал против этого нового закабаления крестьян. Он доказывал, что предоставление крестьянам права пользования землей за повинности обрекает их на полную зависимость от помещика и представляет не что иное, как сохранение крепостнических отношений.

Наряду с вопросом о величине наделов вопрос о выкупе являлся одним из основных при проведении реформы. Иллюзорные надежды Огарева на самодержавие отразились и в его первоначальном подходе к проблеме выкупа. В течение определенного периода Огарев недооценивал значение выкупа как орудия реализации помещиками феодальных форм эксплуатации. Ссылаясь на реальную силу дворянства, он находил несвоевременной постановку вопроса о безвозмездном переходе земли к крестьянам.

Но в годы революционной ситуации в связи с обострением классовой борьбы, показавшим Огареву иллюзорность надежд, возлагаемых на мирный путь ликвидации крепостного права, он выявил свою принципиальную позицию в этом вопросе, выдвинув целый ряд аргументов против выкупа.

Огарев показывает, что первоначальными собственниками земли были не помещики, а крестьяне, выкуп же представляет собою не что иное, как покупку земли крестьянами. Он противоречит природе общинной собственности на землю; земля принадлежит самому народу, и это делает выкуп неправомерным.

Отвергая помещичье право на земли, обрабатываемые крестьянами, Огарев приводил доводы, развиваемые вождем революционной демократии — Чернышевским. Чернышевский, борясь против помещичьих притязаний на крестьянские земли, доказывал, что общинные земли представляют составную часть государственного земельного фонда и должны принадлежать крестьянам². Огарев также стремился подкрепить борьбу против собственнических притязаний помещиков на крестьянские земли и против выкупа ссылкой на государственное право помещичьих крестьян владеть землей.

¹ Н. П. Огарев, Идеалы, Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 56.

² См. Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 438.

Огарев отвергает юридическое и экономическое основание выкупа. Видя в ренте ложную категорию, он стремится отделить выкупную сумму не только от оброка — феодальной ренты, но и от капиталистической ренты, определяющей цену земли. Выкуп — это, с точки зрения Огарева, пособие, вознаграждение помещиков. По его мнению, «народ знает, в силу обычая, выращенного историей, что земля *его*, а не помещичья, и что он может и хочет, во избежание горьких столкновений, дать помещикам *пособие, вознаграждение*, но не обязан ни оброком (рентой), ни выкупом»¹.

Хотя Огарев доказывал неправомерность выкупа, все же в период подготовки реформы он не выдвигал требования безвозмездного превращения крестьянских наделов в свободную собственность крестьян. В вопросе о земле и выкупе у него и в этот период проявились отголоски исторически неизбежной ограниченности дворянских революционеров.

Допуская пока сохранение помещичьего землевладения и видя в помещиках общественную силу, способную к защите своих классовых интересов, Огарев рассматривал выкуп как необходимое соглашение между крестьянами и помещиками. В неопубликованном отрывке Огарев писал: «Выкуп — исторический *compromis*»².

Но позиция Огарева в вопросе о выкупе отличалась от позиции либералов. Либералы были принципиальными защитниками выкупа; они требовали реализации в деньгах феодальных форм эксплуатации. Огарев, отвергая собственнические притязания помещиков на крестьянские наделы и тем самым правомерность выкупа, допускал вознаграждение помещиков, являвшееся, с его точки зрения, уступкой землевладельцам. Выражая интересы угнетенных крестьянских масс, Огарев и в период подготовки реформы стоял на демократических позициях. Он добивался наибольшей экономической, правовой и культурной самостоятельности крестьянства. Демократическая позиция Огарева в период подготовки реформы подготовила его критику крепостнической реформы.

Крестьянские волнения, вызванные опубликованием «Положения о крестьянах», открыли новый этап в развитии революционно-демократических взглядов Огарева. Огарев сошнулся с Чернышевским в понимании крепостнического характера реформы. Используя вольную русскую печать, он выступил с развернутым обличением крепостнических черт реформы, проведенной помещиками.

¹ Н. П. Огарев, Разбор нового крепостного права, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 489.

² РОГБЛ, ф. Г.-О., VI.25, тетрадь № 5, «Земли трех родов», л. 9.

Сохранение реформой известных наделов за крестьянами не служило для Огарева основанием для идеализации реформы. Показывая процесс подготовки реформы и ее результат, он писал: «Таким образом, через четыре года прений явилось «Положение», которое всего лучше характеризовать *неудовлетворительным освобождением крестьян с землею*»¹.

В противоположность либералам Огарев увидел в реформе новое крепостное право. Он показал, что в «Положении» «начал противных освобождению больше, и тогда устав выходит уставом нового рабства»². «Положение» неспособно ни разрешить вопроса о ликвидации личной зависимости крестьян, ни обеспечить экономические условия их действительного освобождения.

Отсутствие в «Положении» необходимой четкости и определенности в формулировке вопроса о ликвидации крепостной зависимости, предоставление помещикам права переселения крестьян и обмена земель, фактическая невозможность реализации номинально признанного за крестьянской общиной права юридического лица — все это ярко свидетельствует о том, что крестьяне не получили в действительности даже личных прав.

Но полностью кабальный характер «Положения» проявляется при разрешении вопроса о земле и крестьянских повинностях. Поскольку земля признается собственностью помещика и остается за крестьянами лишь при условии сохранения крепостных форм эксплуатации, постольку сами крестьяне фактически «остаются в крепости».

Огарев показывает, что провозглашенный «Положением» критерий определения величины надела подчинен одной цели — сокращению крестьянских наделов. Уже во время выхода «Положения» Огарев выявил то полное несоответствие наделов элементарным нуждам крестьянского хозяйства в земле и ту тяжесть выкупных платежей, которые наглядно проявились в послереформенный период.

Огарев критикует основы реформы и в последующих статьях. В статье «Что нужно народу?» он показывает действительный характер «воли», предоставленной крестьянам. За урезанную землю крестьяне должны платить втридорога. В другой статье — «Нужды народные» — Огарев резко критикует условия пользования, а затем и выкупа земли крестьянами.

Оценка реформы, как нового крепостного права, явилась у

---

¹ Н. П. Огарев, Письма к «Одному из многих», Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 664.

² Н. П. Огарев, Разбор нового крепостного права, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 470.

Огарева необходимой ступенью к обоснованию крестьянской революции. Критика экономических основ реформы привела его к политическому выводу о необходимости прямого разрыва с правительством, выработавшим устав нового рабства. «Разрыв с этим правительством, — пишет Огарев, — для всякого честного человека становится обязательным»¹. Крепостнический характер реформы, вызвавший новую волну крестьянских восстаний, показал Огареву полную несостоятельность реформаторского способа решения социально-экономических задач. Он понял крайнюю ограниченность реформ, осуществляемых самодержавием. Хотя Огарев не мог окончательно и бесповоротно преодолеть своих прежних либеральных колебаний, он увидел в революции необходимый путь освобождения народа.

Обосновывая экономические задачи крестьянской революции, Огарев опирается на общину. Он видит в ней реальную базу осуществления своих планов преобразования России.

Защита общины и некапиталистического пути развития России

Первые публицистические выступления Огарева за границей показывают, что он воспринял как герценовский скептицизм в вопросе о судьбах Запада, так и разработанные Герценом до приезда Огарева за границу основы крестьянского социализма. Вместе с тем для понимания развиваемой Огаревым аргументации необходимо иметь в виду, что он выступил с публичной защитой общины уже после опубликования первых работ Чернышевского, посвященных общине. Община, противопоставлявшая помещику не отдельного крестьянина, а крестьянский мир, соединяла теперь, в представлении Огарева, защиту насущных интересов крестьянства — сохранение неурезанных наделов и установление наименьших выкупных платежей — с исходными условиями социалистического преобразования России. Взгляд на общину как средство защиты насущных экономических интересов крестьянства и гарантию от его обезземеления побудил Огарева изменить свое прежнее понимание роли общины в предстоящем развитии России и перейти в этом вопросе на позицию Герцена.

Огарев выступил с защитой общины после Крымской войны, вызвавшей подъем крестьянского движения. Развивая выдвинутую Герценом идею права на землю, уравнительного раздела

---

¹ Н. П. Огарев, Разбор нового крепостного права, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 469.

земли, Огарев отчетливо выразил революционное стремление крестьянства к уничтожению помещичьего землевладения. В первой статье, посвященной общине и опубликованной в «Колоколе» в начале 1858 г., Огарев, противопоставляя общину частному помещичьему землевладению, исходил еще из сохранения помещичьей собственности наряду с общиной. Но уже через четыре года, в статье «Куда и откуда» (1862 г.), Огарев обратил принцип общинного землевладения прямо и непосредственно против помещичьей собственности, требуя превращения общинной собственности в единственную форму земельной собственности в России.

Такое понимание общины было направлено против славянофильской защиты общинного владения. Огарев отмечает, что славянофилы смотрят вперед затылком и возводят в абсолютную форму общины, находящуюся под помещичьей опекой. «В современной форме русской общины, русского мира, русского выборного начала — оно (т. е. славянофильство. — В. М.), — писал Огарев, — готово видеть окончательную форму, абсолютную истину общественного устройства»¹. Славянофилы стремятся сохранить общину с полицейской властью помещика и «с православной розгой».

Огарев высказывал на определенном этапе мысль о возможности мирного решения крестьянского вопроса на основе общины. Он считал, что обеспеченное общиной право крестьян на землю лишит — в условиях отмены крепостничества и перехода к вольнонаемному труду — помещичье хозяйство необходимой и доступной ему (по уровню заработной платы) рабочей силы и сделает в конечном счете невозможным его существование. При всей противоположности этих мыслей славянофильскому помещичьему пониманию роли общины такое представление отражало отступление Огарева от революционной позиции.

Однако, преодолевая под воздействием крестьянских восстаний свои иллюзии о возможности мирного решения аграрного вопроса на основе общины, Огарев в ряде вопросов вплотную подошел к Чернышевскому. Он выделил в качестве основного признака общины коллективную собственность на землю, считая, что способ надела землей, «метод делянок» является производным признаком, зависящим от различных обстоятельств и допускающим возможность изменения.

Огарев отметил свойственную русской общине двойственность: «Общинная собственность исключительно земельная;

¹ П. П. Огарев, Русские реформы, «Колокол», 15 июня 1865 г., л. 198, стр. 1622. Курсив мой. — В. М.

всякая остальная крестьянская собственность — собственность личная»¹. Общинная форма земельной собственности не только не исключает частной собственности крестьянина на «движимое» имущество, но, наоборот, сочетается с ней.

Огарев стремится превратить общинную собственность в исходный пункт подъема и расцвета сельского хозяйства. «Нам не приходится поставить как догмат: уничтожимте общинное начало, чтоб улучшить земледелие; нам надо поставить вопрос: каким образом при общинном начале улучшить земледелие? С этим вопросом мы действительно пойдем по пути развития нашей цивилизации»².

Огарев выдвигал на первый план ту сторону общинной собственности на землю, которая была направлена против помещичьей эксплуатации и власти и вела поэтому объективно к капиталистическому развитию крестьянского хозяйства. Об этом ясно свидетельствует его стремление отделить принцип общины — принадлежность земельной собственности коллективу — от существовавшего способа передела земли, препятствующего развитию земледелия, выделение «движимого» имущества в качестве свободной собственности крестьянина, отстаивание интересов развития производительных сил крестьянского хозяйства.

Видя в общине форму землевладения, обеспечивающую своим членам определенную долю земли, Огарев отстаивал объективно крестьянский путь капиталистической эволюции России, а вместе с тем и наиболее благоприятные условия формирования пролетариата в России. Если община гарантирует землю, а вместе с тем и определенные средства существования, то крестьянин, писал Огарев, «не пойдет из нужды работать за бесценок, а только за цену безобидную. Стало [быть], имея свой клоч земли по неотъемлемому праву, он не продаст своего труда в кабалу богатому»³.

Огарев и после реформы 1861 г. требовал раскрепощения общины. Он выступал против существовавшей круговой поруки, которая прикрепляла крестьянина к наделу и представляла собой, как он показал, насильственную форму взимания оброка и государственных податей.

В конце 60-х годов Огарев ознакомился с серией статей Скалдина «В захолустьи и в столице». Не соглашаясь с принципиальными установками Скалдина, стоявшего на буржуазных

¹ Н. П. Огарев, Русские вопросы, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 139.

² Там же, стр. 169.

³ Н. П. Огарев, Письмо Павлу Прусскому 29.III. 1863 г., «Литературное наследство», т. 63, АН СССР, М. 1956, стр. 136.

позициях, Огарев использовал в известной степени его материал и антикрепостнические высказывания.

По мере того как Огарев все больше рассматривал общину в качестве орудия ликвидации помещичьего землевладения, он одновременно развивал и утопический план социалистического преобразования России на основе общины.

Стремление Огарева превратить общину в исходный пункт социалистического преобразования отражало характерное для крестьянского социализма неумение раскрыть отношения, определяющие общественно-экономическую формацию, а тем самым и отделить один способ производства от другого. Начало социализма Огарев ошибочно связывал с победой общинного землевладения. Однако община не могла предотвратить развитие капитализма.

Учение Огарева об общине, праве на землю не содержало ни грана социализма. Но идею «права на землю», уравнительного раздела земли, впервые выдвинутую Герценом, Огарев превратил в исходный пункт разработки экономической платформы крестьянской революции, являющейся объективно не социалистической, а буржуазно-демократической революцией.

Н. П. Огарев об основной задаче крестьянской революции

Огарев внимательно следил за развитием крестьянского движения, за требованиями крестьянских восстаний. Огромное значение он придавал изучению восстания в Бездне и последующих восстаний, связанных с опубликованием «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». В разрозненных крестьянских восстаниях Огарев ясно увидел стремление к уничтожению помещичьего землевладения, борьбу крестьян за переход к ним всей земли. В письме В. И. Баксту и другим организаторам гейдельбергской читальни Огарев писал: «Народ... считает всю землю своею и толковал в начале появления манифеста 19 февраля о том, останутся ли у господ господские усадьбы или нет»¹.

В письме к Е. В. Салиас от 2 октября 1863 г. Огарев подчеркивал, что крестьяне рассматривают обрабатываемую ими землю как свою собственность и отвергают поэтому как оброк, так и выкуп. «Крестьяне на Украине отказываются от работ и от платежа какого бы то ни было оброка или выкупа,

¹ Н. П. Огарев, Письмо В. И. Баксту и другим организаторам гейдельбергской читальни, «Литературное наследство», т. 63, стр. 124

в казну или не в казну, ибо, по их мнению, эта земля их. Куда повернет это настроение — подождем, посмотрим»¹.

Огарев ясно понимал, что осуществление крестьянских требований может быть достигнуто путем революционного выступления крестьянства. Сопоставляя результаты реформы 1861 г. в России с западноевропейскими реформами, Огарев дал глубокую характеристику реформы как способа решения социальных вопросов, отвечающего не интересам народных масс, а целям меньшинства. Он доказывал, что переворот может сделать только народ, заинтересованный в изменении существующих отношений. Идея революции стала знаменем публицистической деятельности Огарева: «Если у нас явится Пугачев,— писал Огарев в письме к Е. В. Салиас,— то я пойду к нему в адъютанты, потому что я сотой доли так не ненавижу польское шляхетство, как ненавижу русское дворянство, которое пошло, подло и неразрывно связано с русским правительством»².

В крестьянской антикрепостнической революции Огарев ошибочно видел процесс революционной ломки, направленной как против помещичьей эксплуатации, так и против капиталистического порабощения трудящихся. Он не понял неизбежности развития капитализма в России, не мог понять и буржуазной природы русской революции. Крестьянская революция призвана была, с его точки зрения, ликвидировать помещичью собственность и, утвердив общинный принцип владения крестьян землей, положить начало социалистическому преобразованию России. Огарев пишет, что «в России действительно свое основание положения, переходного к социализму, и что это основание — одинаковое потяговое разделение земельного владения, только не так, как теперь, т. е. не для одного большинства беднейшего рабочего населения, а поровну и бессловно для всех»³.

Хотя крестьянская революция рассматривалась Огаревым как исходный пункт социалистического преобразования, в понимании экономических задач крестьянской революции Огарев отразил по существу объективные условия развития России, выдвинувшие задачу борьбы с крепостным строем. Объединяя задачи борьбы против крепостничества с борьбой за исходные условия социалистического преобразования, Огарев объективно, не сознавая этого, выделял крепостнические отношения и под-

¹ Н. П. Огарев, Письмо Е. В. Салиас 2.X. 1863 г., Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 486.

² Н. П. Огарев, Письмо Е. В. Салиас 24. XII. 1863 г., Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 491.

³ Н. П. Огарев, Отношения работника и хозяина, Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 246.

чинял борьбе с ними экономическую платформу крестьянской революции. Он *практически* реально выдвигал платформу борьбы, направленную *непосредственно* против помещичьего землевладения, крепостнической эксплуатации. Отсюда огромное значение выдвинутых Огаревым требований для всего пореформенного развития России.

Заслуга Огарева заключалась в том, что, борясь с крепостничеством, он перешел под влиянием крестьянского движения от требования сохранения и увеличения крестьянских наделов к требованию полного изменения распределения земли, сложившегося в пределах крепостного строя и отражавшего основные черты барщинной системы хозяйства.

Огарев внимательно изучал распределение земли, характеризующее крепостной строй России. В одной из первых своих статей, посвященных освобождению крестьян, он приводил данные, показывающие, что к моменту реформы в непосредственном владении помещиков находилось 73,2 млн. десятин земли, в том числе 48 млн. десятин удобной, в то время как 11 млн. помещичьих крестьян пользовались лишь 33 млн. десятин земли¹. В этих условиях выдвинутое Огаревым требование ликвидации помещичьего землевладения и перехода всей земли к крестьянам означало передачу крестьянам земли, превышавшей по своим размерам все крестьянское надельное землепользование предреформенного периода. Помещичьей чистке земли, осуществляемой крепостнической реформой, Огарев противопоставил крестьянскую чистку земли — «черный передел».

Огарев подошел к правильному положению об экономической реакционности помещичьего хозяйства. Он доказывал, что помещичье хозяйство не имеет никаких экономических преимуществ перед крестьянским. Способы обработки земли и системы полеводства в помещичьем и крестьянском хозяйствах не отличаются по существу друг от друга. Причину некоторых различий в экономике того и другого хозяйства Огарев искал «не в рациональности помещичьего и нерациональности крестьянского хозяйства, а в том, что помещик достаточно богат...»²

Представление Огарева об экономической природе помещичьего хозяйства находилось в неразрывной связи с его взглядом на роль частной земельной собственности. Огарев выступал против частной собственности на землю.

¹ См. *Н. П. Огарев*, Еще об освобождении крестьян, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 275.

² *Н. П. Огарев*, Русские вопросы, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 159.

Отражая революционные стремления крестьянства России к уничтожению помещичьего землевладения, Огарев ссылался на опыт Англии как для доказательства задерживающего влияния частной земельной собственности на технический прогресс, так и для выявления пагубных социальных последствий крупного землевладения, порождающего нищету масс. «Земля в Англии обрабатывается... по найму, но принадлежит в собственность боярам. От этого рабочий народ, который на владение землей права не имеет, а нанять ее денег не хватает, остается безземельным и бездомным. От этого Англия самая богатая страна в мире и вместе самая нищая»¹.

В ликвидации помещичьего землевладения и передаче всей земли крестьянским общинам Огарев видел *основное экономическое содержание русской революции*. Уже в статье «Куда и откуда», опубликованной в мае 1862 г., Огарев публично выступил с обоснованием этой центральной, с его точки зрения, задачи революции. В статье «Что надо делать народу» он требовал, «чтоб земля русская была признана народным, земским достоянием»².

Огарев отвергал не только помещичье землевладение, но и всякое сосредоточение земельной собственности в частных руках. Интересно, что, считая невозможным немедленное распространение общинного владения в тех районах, где крестьяне владели землей «подворно», в «раздел», он выдвигал идею о «безнаследственной поземельной собственности, как скоро она превышает размеры сельского, земского пая»³.

Претворение в жизнь этой идеи должно было обеспечить интересы крестьянского хозяйства, защитить его от крупной собственности «землевладельческой буржуазии». Огарев допускал лишь возможность временной аренды земли частными лицами, аренды, которая не могла подорвать ни общинного крестьянского владения в Великороссии, ни раздельного крестьянского владения Малороссии. «Все, что русско-славянский смысл и действительная бессословность могут допустить, — это временный срочный наем лицам ненаселенных народных земель, пока они под население не потребуются, пока великорусская община не нуждается в выселке, а малороссийская — в новых раздельных наделах»⁴.

---

¹ П. П. Огарев, Ответ на письмо об «Общем Вече», «Общее Вече» № 2, 22 августа 1862 г., стр. 14.

² П. П. Огарев, Что надо делать народу, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 581.

³ П. П. Огарев, Письмо В. И. Баксту и другим организаторам гейдельбергской читальни, «Литературное наследство», т. 63, стр. 124.

⁴ Там же.

Выдвигая утопические требования безнаследственной поземельной собственности на участки, превышающие крестьянский надел, Огарев стремился таким путем подвести и крестьянство, владеющее землей подворно, к идее народного землевладения — общинной собственности на землю.

Огарев понимал народную собственность на землю иначе, чем Чернышевский. В отличие от Чернышевского, отстаивавшего государственную собственность с общинным владением, Огарев выступил против государственной собственности на землю. Он требовал не передачи земли государству, а закрепления всей земли, в том числе и помещичьей, за крестьянскими общинами, видя в сумме общинных земель законченное выражение народной собственности на землю. В основе этого представления Огарева о народной собственности на землю и путях ее установления лежало, во-первых, неправильное понимание русской антикрепостнической революции как революции, призванной не только ликвидировать крепостничество, но одновременно подорвать капитализм, во-вторых, ошибочный взгляд на национализацию земли, согласно которому отделение непосредственного производителя от земли характерно якобы для всех форм государственной собственности на землю. Огарев необоснованно считал, что лишь переход земли в собственность общины может ликвидировать отчуждение земли от крестьянина и привести к утверждению народного землевладения. Между тем в условиях антикрепостнической революции мог стоять вопрос не о водворении народного землевладения, а о национализации земли как мере буржуазного прогресса. Хотя и Чернышевский не понимал буржуазного характера национализации земли, осуществляемой в условиях антикрепостнической революции, выдвинутой им идея государственной собственности на землю с общинным владением была объективно более мощным тараном в борьбе против помещичьего землевладения, чем меропрятия, отстаиваемые Огаревым. Но, несмотря на расхождения Огарева с Чернышевским в этом вопросе, защищаемое Огаревым решение земельного вопроса так же объективно прокладывало путь крестьянскому типу буржуазного аграрного развития в России.

Задача ликвидации помещичьего землевладения по-иному поставила и вопрос о выкупе. Перед Огаревым встал вопрос об условиях не только сохранения находившейся во владении крестьян земли, но и перехода всей помещичьей земли к народу. На основе новой платформы борьбы с крепостничеством Огарев прежде всего ясно сформулировал прямое непосредственное требование безвозмездного сохранения за крестьянами наделной земли. В «Письме к верующим» Огарев писал: «...вместо того, чтобы прямо отдать земству земскую землю, он

(царь. — В. М.) хочет взять с народа выкуп и за помещичью и за казенную землю»¹. Огарев протестует против продажи крестьянам «будто бы помещичьей земли».

Но Огарев не остановился на этом. Он высказался против выкупа помещичьей собственности, обрабатываемой в народное достояние. «Признать землю народной иначе нельзя, как признать ее для народа *даровою*, за которую нечего платить выкупа, ни приобретать ее покупкой, и, кроме обычных податей и повинностей на государственные нужды, ничего нельзя с народа требовать»². Безвозмездную передачу всей земли народу Огарев защищал в статье «Слово правды» и в прокламации «Всему народу русскому, крестьянскому от людей ему преданных поклон и грамота», написанной Огаревым при участии А. А. Слепцова. Такая постановка проблемы выкупа выражала новую веху в борьбе издателей «Колокола» против крепостничества и защите интересов крестьянства.

Вместе с тем Огарев и на данном этапе не исключал возможности уплаты помещикам известного пособия за счет обложения всего населения, в том числе и бывших помещиков. Но вознаграждение, уплачиваемое помещикам, не ставилось Огаревым в связь с ценой земли; размер этого вознаграждения должен был установить земский собор, а не самодержавное полицейское государство: «На сколько лет и по сколько в год — как на земском соборе положено будет, так и было бы»³, — писал Огарев в статье «Что надо делать народу». Из письма Огарева В. И. Баксту видно, что назначение этого вознаграждения Огарев связывал частично с предстоящей деятельностью дворянства в сфере промышленности и торговли, частично с еще неисчерпанной, по его мнению, культурной ролью образованного дворянства⁴.

* *
*

Запросы экономического развития России объективно ставляли Огарева отделять борьбу против помещичьего землевладения, являющегося оплотом крепостничества, от вопроса об отношении к развитию капитала в России. Несмотря на то,

¹ Н. П. Огарев, Письмо к верующим, «Общее Вече» № 1, 15 июля 1862 г., стр. 3.

² Н. П. Огарев, (Проект адреса), см. в книге А. И. Герцен, Полное собрание сочинений, т. 15, Пгр. 1920, стр. 497.

³ Н. П. Огарев, Что надо делать народу, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 582.

⁴ См. Н. П. Огарев, Письмо В. И. Баксту и другим организаторам гейдельбергской читальни, «Литературное наследство», т. 63, стр. 123.

что Огарев не мог понять буржуазного характера назревавшей в России революции, он сознавал несвоевременность ликвидации капитала в России. Если вначале Огарев неправильно доказывал, что при ликвидации частной земельной собственности «движимая собственность», или капитал, не сможет якобы служить базой классового расслоения общества, то впоследствии он выдвинул другие доводы в защиту необходимости развития капитала. Подчеркивая громадное значение вопроса о ликвидации капитала, он указывает, что состояние России, достигнутый ею уровень развития не могут служить предпосылкой для постановки проблемы уничтожения капитала, что это вопрос будущего: «Ликвидация таких капиталов в общественную собственность, в социальное (мирское) построение составляет один из тех дальних вопросов человечества, постановка которых теперь положительно невозможна»¹.

Огарев понимал, что экономический прогресс в сфере промышленности, кредита и торговли мог осуществиться в России эпохи падения крепостного права лишь на путях применения капитала. Еще в «Записке о тайном обществе», рассматривая перспективы экономического развития России, он выделяет раздел: «Значение капиталов в России, их количество, ценность, оборот. Отношение к массам потребителей и производителей. Будущность капитала и труда в России при освобождении крепостных людей, преобразовании чиновничества и системы налогов. Отношение земельной собственности к капиталу. Отношение денежного капитала к иным движимым и недвижимым имуществам»².

Понимая необходимость развития капитала и буржуазии, Огарев вместе с тем выдвигал неосуществимую задачу: он стремился пресечь превращение капитала в ведущую силу экономики России, а тем самым ограничить и значение русской буржуазии, не дать ей возможности превратиться в класс, господствующий во всех сферах общественной жизни. Средством ограничения роста капитала и буржуазии призвана была «служить та же община, не допускающая якобы победы капиталистического строя.

Огарев придавал большое значение развитию отечественной промышленности. В цитированной выше «Записке о тайном обществе», намечая вопросы, подлежащие специальному изучению, он выделяет следующие рубрики: «Статистика заводской и фабричной промышленности и ее торговля», «Промышлен-

¹ Н. П. Огарев, Частные письма об общем вопросе, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 744.

² Н. П. Огарев, [Записка о тайном обществе], Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 37.

ное отношение разных частей России между собою и к иностранному миру»¹.

Огарева интересует общий уровень развития русской промышленности и ее районное размещение; он требует специального изучения вопроса о соотношении уровня промышленного развития России и западноевропейских стран.

Еще в статьях «Русские вопросы» Огарев резко выступал против политики царского правительства, направленной на поощрение иностранной торговли в ущерб развитию отечественной промышленности. Он критиковал правительство за то, что, понизив пошлину на сахар-сырец, ввозимый морским путем, оно сохранило в прежнем размере акциз на свеклосахарное производство и затормозило тем самым развитие сахарной промышленности внутри страны. Эту политику самодержавия Огарев рассматривает как защиту правительством интересов англо-американского капитала².

Огарев отделял себя от тех критиков капитализма, которые не понимали значения машины как фактора прогресса. Развитие сельского хозяйства, его технический прогресс Огарев обуславливал прогрессом и ростом отечественной промышленности. Рост промышленности в стране не только обеспечивает спрос на продукцию сельского хозяйства, но и является основой его технического перевооружения. Огарев понимал, что Россия должна будет перейти от импорта машин к развитию отечественного машиностроения.

Большое внимание Огарев уделял вопросу о рынке сбыта продукции промышленности и сельского хозяйства. Он требовал уничтожения гильдий и установления полной свободы внутренней торговли, являющейся, с его точки зрения, необходимым условием развития промышленности.

Из изложенного видно, что центральной задачей крестьянской революции являлась, по мысли Огарева, ликвидация помещичьего землевладения и утверждение на ее основе народной собственности на землю. Но в условиях антикрепостнической революции уничтожение помещичьего землевладения могло привести не к победе народного землевладения, а к созданию более благоприятных условий для обновления крестьянского хозяйства на почве товарного производства. Объективно этой задаче и была подчинена отстаиваемая Огаревым экономическая платформа русской революции.

¹ Н. П. Огарев, [Записка о тайном обществе], Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 37.

² См. Н. П. Огарев, Русские вопросы, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 124—125.

Вопросы кредита и финансовой политики

Основной задаче крестьянской революции Огарев подчинял и свое толкование кредита и финансов.

Огарев подверг критике казенный кредит крепостнической России и систему кредита буржуазных стран, противопоставив им народный кредит. Основные черты казенного кредита, считал Огарев, представляли неотъемлемую часть всей крепостнической системы. Недостаточное предложение денежного капитала и дороговизна кредита частных лиц обусловили высокую ставку процента по вкладам в учреждениях казенного кредита, что «сделало из казенных банков средоточие самого тупого и скупого ростовства»¹. Господство крепостнической системы нашло свое выражение также в монопольном положении класса помещиков и связанном с этим непроизводительном расходовании полученных ссуд. Казенный кредит был «монополем помещичьим; труд крестьянина не имел к нему доступа, доступ имел только помещик...»²

Органической частью казенного кредита являлось и закрепощение капитала казной: «Правительство имеет право всегда запускать в него жадную лапу, — писал Огарев, — что доказывает постоянное ограбление кредитных учреждений покойным императором»³.

Правильно критикуя казенный кредит, Огарев исходил, однако, из совершенно несостоятельного взгляда на поземельный кредит как основу развития всех кредитных отношений, основу устойчивости бумажных денег и кредитных средств обращения. При этом бумажные деньги и кредитные средства обращения ошибочно рассматривались Огаревым в качестве общей однородной массы средств обращения. Приписывая поземельному кредиту указанную выше роль, Огарев не учел печального опыта выпуска ассигнатов французской революции. Но при всей теоретической ошибочности этих воззрений, свидетельствующих о непонимании роли благородных металлов, Огарев связывал развитие новых кредитных отношений с такой последовательной ломкой крепостничества, которая не могла быть принята даже поборниками прогрессивной для той эпохи системы буржуазного кредита.

Учение о некапиталистическом развитии России мешало Огареву понять неизбежность развития кредитной системы капитализма, отвечающей интересам развивающейся буржуазии.

---

¹ Н. П. Огарев, Труды Комиссий для устройства земских банков, «Колокол», 15 сентября 1860 г., л. 81, стр. 676.

² Там же.

³ Там же.

Несмотря на это, было бы неправильным считать Огарева противником кредита, удовлетворяющего растущие потребности капиталистической промышленности и торговли. Огарев не только не выступал против развития учетной деятельности организованного Государственного банка, но и ставил ее в заслугу новой системе кредита.

Огарев правильно указывал, что осуществленная самодержавием финансовая реформа не уничтожила бюрократического характера новых кредитных учреждений. Финансовая несостоятельность царского правительства, хроническая дефицитность Государственного бюджета привели к полному подчинению Государственного банка правительству. «Нынешний государственный банк — раб правительства; его бумажные выпуски составляют не оборот, а какую-то правительственную тайну»¹, — писал Огарев.

Критикуя кредитную систему самодержавия, Огарев выступал и против системы кредита буржуазных стран. В рукописи, озаглавленной «Опыт проекта областного банка», он отмечает две неразрывно связанные друг с другом черты, присущие капиталистическому кредиту. Капиталистическая организация кредита покоится на сосредоточении капиталов в немногих руках, что ведет к олигархическому руководству кредитным делом. Такое управление кредитом в свою очередь влечет за собой упрочение коммерческой тайны как в самом банковом деле, так и в торговых и промышленных предприятиях, обслуживаемых капиталистическими банками. «Развитие частных капиталов в немногих руках, их олигархическое плутократическое заведывание кредитом, упрочило за торговлей и промышленностью частных лиц право тайны и сделало из торговой тайны святыню»², — писал Огарев.

В 60-х годах, когда Огарев развивал свой план организации народного кредита, биржа еще не играла в капиталистических странах Западной Европы той роли, какую она приобрела впоследствии. Но Огарев уже в этот период отметил, что логика экономического развития ведет к всемогуществу биржи, что биржевая игра является необходимым следствием европейской, т. е. капиталистической цивилизации. В деморализующем влиянии биржи, порожденной капиталистической системой, Огарев в соответствии с характерным для него нормативным подходом к капитализму увидел новое яркое доказательство иррациональности капиталистического мира.

¹ Н. П. Огарев, Финансовые споры, «Колокол», 1 марта 1864 г., л. 180—181, стр. 1478.

² РОГБЛ, ф. Г.-О., VI.26, «Записная книжка» № 4, л. 60.

Огарев проявлял особый интерес к поземельному кредиту западноевропейских стран. Он подчеркивал сословно-помещичий характер поземельного кредита Германии. Говоря об ипотеке во Франции, Огарев показывал, что при этой системе «...земли были завоеваны капиталистами в виде залогов»¹.

Вопрос о неправомерности ипотеки, иррациональности этой формы кредита был выдвинут Огаревым в связи с его борьбой против помещичьего землевладения. В неопубликованной заметке он писал: «Земля должна освободиться от права собственности. Ипотека не есть кредит»². Система ипотечного кредита, тесно связанная с капиталистической эволюцией сельского хозяйства и выражающая процесс отделения земли от сельского хозяйства, решительно отвергалась Огаревым.

Отвергая необходимые условия ипотечного кредита — господство частной земельной собственности, — Огарев ошибочно пытался доказать бесперспективность этой формы кредита в пореформенной России. Но теоретическая несостоятельность аргументации Огарева не должна скрывать от нас объективное значение его критики ипотечного кредита, его стремление противопоставить системе ипотеки народный кредит.

Кредит призван был, с точки зрения Огарева, облегчить переход от общинного владения землею к общинному труду, служить рычагом социалистического развития во всех областях народного хозяйства. Представление Огарева о роли кредита носило противоречивый характер. Оно отражало ошибочное положение крестьянского социализма о некапиталистическом развитии России и иллюзии в вопросе о роли кредита. Вместе с тем, поскольку Огарев признавал необходимость крестьянской революции и передачи земли крестьянам, его критика ипотечного кредита представляла составную часть платформы, направленной объективно на победу крестьянского типа буржуазного аграрного развития России.

Огарев ставил задачу: уничтожив частную собственность на землю, а вместе с ней и ипотечный кредит, ликвидировать те рамки, которые ставит частная земельная собственность свободному проникновению капитала в крестьянское хозяйство. В эпоху падения крепостного права Огарев поставил, по существу, вопрос об изменении экономической природы кредита, предоставляемого сельскому хозяйству, о необходимости заменить кредит, предназначенный для покупки земли и отвлекающий капитал от производительного использования, производительным сельскохозяйственным кредитом, поступающим в распоряжение крестьянского хозяйства.

¹ «Проект положения о присяжных поверенных». *Н. П. Огарев*, По поводу этого проекта, «Колокол», 1 марта 1861 г., л. 93, стр. 781.

² РОГБЛ, ф. Г.-О., VI.24, «Записная книжка» № 15, л. 1.

Принципиальные установки Огарева в вопросе о развитии народного кредита предполагали освобождение земли от оков частной собственности путем крестьянской революции. Это отличало действительное реальное содержание отстаиваемой Огаревым идеи народного кредита от проекта народного банка Прудона.

У Прудона проект народного кредита был неразрывно связан с его утопией рабочих денег и подчинен утопической задаче уничтожения капиталистической эксплуатации путем предоставления дарового кредита. У Огарева стремление к развитию народного кредита выражало объективно требование свободного проникновения капитала в сферу крестьянского хозяйства. Возражая Прудону, Огарев доказывал практическую невозможность уничтожения процента и введения дарового кредита. Исходным пунктом развития кредита являлось для Огарева в отличие от Прудона движение денежного капитала, получение процента собственниками этого капитала. «...Мы необходимо должны прибегнуть к кредиту обычному, лишь бы организовать кредит народный...»¹, — пишет Огарев.

Развитие народного кредита Огарев связывал с последовательной ликвидацией всех пережитков крепостничества, со словной замкнутости крестьянства, с изменением всей системы земледелия крестьянского хозяйства, с развитием средств сообщения. Он обращал свои планы организации народного кредита против эксплуатации крестьянства ростовщическим капиталом, стремился к тому, чтобы народный кредит вытеснил «срывщиков», ростовщиков, присваивавших огромные проценты на сужаемые капиталы.

Вместе с тем кредитные проекты Огарева отражали не только его социалистические иллюзии, связанные с ошибочным пониманием значения общины, но и его отклонения к либерализму.

Огарев придавал подчас организации народного кредита решающее значение, обуславливая развитием народного кредита победу земледельческой и промышленной артели. Отступая к либерализму, он не только не подчинял развитие народного кредита задаче революционной ликвидации помещичьего землевладения, но и связывал его с выкупом крестьянских наделов.

Огарев развивал неосуществимый план организации областного земского банка, поставленного на службу выкупным операциям, и отстаивал идею выкупа помещичьей и казенной земли посредством народного кредита. Однако эти кредитные

¹ Н. П. Огарев, Частные письма об общем вопросе, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 748.

иллюзии Огарева, связанные с надеждами на мирное решение крестьянского вопроса, не выражали основного направления его воззрений.

* *
*

Огарев подверг суровой критике финансовую систему самодержавия и обосновал задачи крестьянской революции в сфере финансовой политики.

Не исследуя природы государства как особого института, Огарев своеобразным путем шел к признанию классового, исторически обусловленного характера государственных финансов самодержавного правительства. Он противопоставлял царское правительство, как аппарат угнетения, будущему народному государству, удовлетворяющему общественные нужды, а тем самым и правительственным финансам самодержавия государственные финансы, предназначенные для покрытия народных потребностей. «Государственные расходы не государственные, а правительственные расходы, и идут не на государственные нужды, а уходят по более или менее произвольному усмотрению правительства»¹, — писал Огарев о расходах царского правительства.

То же противопоставление правительственных финансов самодержавия истинно государственным финансам наблюдается у Огарева и при рассмотрении государственного кредита царской России.

Такая критика финансовой политики самодержавия отражала нормативный подход Огарева к разрешению социально-экономических задач. Но она представляла своеобразную попытку преодоления традиционных воззрений буржуазной науки, рассматривающей финансы феодальных и буржуазных государств как средство покрытия коллективных общественных потребностей граждан.

Огарев не мог дать научного анализа бюджета, налоговой системы, государственного долга самодержавия. Но он ясно показал, что налоговая система царского правительства, его бюджет, государственный долг не являются средством покрытия потребностей народных масс, и положил в основу критики этих институтов характерное для революционных демократов понимание самодержавия как органа, стоявшего на страже интересов помещиков, как аппарата угнетения и насилия.

Считая, что «казна от дворянства нигде не отделима», Огарев понимал, что царский бюджет поставлен на службу военно-бюрократическому полицейскому аппарату. «Правительство центрально-военно-бюрократическое, следственно, оно за-

¹ РОГБЛ, ф. Г.-О., VI.26, «Записная книжка» № 4, л. 13.

хватывает административно-полицейскую, судебную и законодательную власти с большей рьяностью, чем все те вопросы, которые мы отнесли к центральной конфедеративной власти»¹.

Правительственные налоги рассматривались им как грабеж, падавший всей своей тяжестью на крестьянство и «бедное сословие» городов.

Под этим углом зрения Огарев подверг суровой критике как дореформенную налоговую систему самодержавия, так и ту перестройку финансовой системы, на путь которой вынуждено было в связи с реформой стать царское правительство.

Еще до выступления Чернышевского и Добролюбова против финансовой политики самодержавия Огарев бичевал систему откупов и таможенную политику царизма.

Не менее суровой критике Огарев подверг систему прямых налогов дореформенной России и ее ведущее звено — подушную подать. Он показал, во-первых, что введенная Петром и преобразованная Екатериной система обложения, выделив дворянство в качестве неподатного сословия, возложила всю тяжесть налогового гнета на крестьянство. Огарев подчеркнул, во-вторых, полную несоразмерность подушной подати имущественному положению крестьянства, грубо раскладочный характер этого налога.

Большой заслугой «Колокола» в деле критики финансов феодальной России, покрытых до 1862 г. строжайшей государственной тайной, являлось обнародование бюджетов 1859 и 1860 гг. «Колокол» предал гласности роспись доходов и расходов царского правительства и показал высокий удельный вес поступлений от откупов в доходной части бюджета, с одной стороны, расходов на армию и содержание двора в общих расходах самодержавия — с другой.

Защита общины не мешала Огареву выступать против насильственной круговой поруки крестьянства при уплате податей. Огарев справедливо видел в круговой поруке «самый легкий, хотя и самый варварский способ взимания податей»².

Поскольку Огарев ориентировался на народную революцию, он в противоположность мелкобуржуазным реформаторам капитализма, не видел в бюджете и налогах самостоятельного рычага экономического преобразования. Напротив, новую финансовую систему Огарев обуславливал осуществлением основных задач крестьянской революции, из которых на первом месте стояла задача ликвидации помещичьего землевладения. Необходимой предпосылкой новой системы налогов слу-

¹ Н. П. Огарев, Идеалы, Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 56.

² Н. П. Огарев, Голод и новый год, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 776.

жила для Огарева ликвидация ренты и превращение подати в единственный вид налога, уплачиваемого крестьянством. В налоговом обложении он видел также одно из мероприятий, предназначенных пресечь превращение русской буржуазии в господствующий класс, победу капитализма в России.

Россию будущего Огарев представлял себе как союз областей, возглавляемых центральным конфедеративным правительством.

К функциям центрального конфедеративного правительства Огарев относил общий бюджет конфедерации и общие налоги¹. Наряду с существованием конфедеративного бюджета, покрывающего общегосударственные расходы, должны быть бюджеты областей и городов, удовлетворяющие областные и городские потребности. Первое условие новых бюджетов — конфедеративных и местных — он видел в санкционировании их народом.

Демократический принцип построения финансов, отстаиваемый Огаревым, требовал полного разрыва с традициями и наследством финансовой системы самодержавия. Отсюда революционный призыв Огарева к аннулированию государственных долгов царского правительства: «... но за то народ в скором времени и образумится и скажет — ваши долги не наши»².

Огарев отвергал косвенное обложение, падающее всей своей тяжестью на бедноту, и противопоставлял ему систему прямого обложения, основанную на единственно рациональном принципе: «тот платит больше, кто больше имеет».

* *
*

В противоположность буржуазным радикалам, превращавшим таможенную политику в центральный вопрос экономического развития, Огарев не придавал вопросу о тарифе самодедуствующего значения. Огарев называл себя сторонником свободной торговли и высказывался против запретительного тарифа. Но было бы неправильным рассматривать его как поборника фритредерства. Подобно другим представителям русской революционно-демократической мысли, Огарев поднимался над обоими направлениями таможенной политики, сложившимися на почве защиты интересов эксплуататорских классов: фритредерами и протекционистами. Критикуя таможенную политику царизма, руководствующуюся интересами фиска, «казны-жан-

¹ См. *Н. П. Огарев*, Идеалы, Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 55.

² См. *Н. П. Огарев*, Финансовые споры, «Колокол», 15 февраля 1864 г., л. 179, стр. 1471.

дарма», он в отличие от фритредеров выступал не за огульную отмену пошлин, а за преобразование тарифа.

С другой стороны, выдвигая перед таможенной политикой задачу содействия росту отечественной промышленности, Огарев в отличие от буржуазных протекционистов не руководствовался интересами буржуазии, а пытался согласовать развитие внутренней промышленности с интересами материального благосостояния народа. В росте материального благосостояния трудящихся он видел руководящий принцип всей экономической политики, а вместе с тем и системы тарифа.

В противоположность буржуазным сторонникам протекционизма Огарев опасался задерживающего влияния на развитие русской промышленности искусственной среды, созданной политикой запрещения ввоза и ведущей к устранию конкуренции и образованию монополий. Но одновременно с этим он показывал невозможность установления свободной торговли в России при существовании покровительственной системы в других странах. В неопубликованной заметке «Тариф» Огарев подчеркивал, что тариф не может быть устранен декретом. Необходимым условием его повсеместного уничтожения должны служить новые отношения между странами¹.

Позиция Огарева в вопросах таможенной политики отражала неизбежные противоречия, связанные с защитой интересов крестьянства. Предлагая новую систему тарифа, Огарев прежде всего подчеркивал необходимость сохранения кустарной крестьянской промышленности.

Это требование он дополнял другим, доказывая, что правительство «обязано снять пошлины с предметов необходимых потребностей жизни, общей пищи, материалов для простой одежды и т. п. и повышать постепенно пошлину, чем более товар подходит не к предмету житейских нужд»².

Выдвинутый Огаревым принцип тарифной политики ограничивался противопоставлением двух групп товаров: предметов первой необходимости и предметов роскоши. Предлагая освободить от пошлины первые, Огарев переносил всю тяжесть тарифа на вторые. Такой критерий обложения пошлинами игнорировал специфические задачи тарифной политики, значение той или иной отрасли в общей системе народного хозяйства и отрывал тем самым систему тарифов от задач роста производительных сил страны.

Но исторически обусловленная ограниченность финансовых воззрений Огарева не исключала их прогрессивного характера.

¹ См. РОГБЛ, ф. Г.-О., VI.27, «Записная книжка» № 9, л. 123.

² Н. П. Огарев, Правительственные распоряжения (с 1857 года), «Колокол», 1 сентября 1857 г., л. 3, стр. 24.

Финансам самодержавия Огарев противопоставлял финансы государства, покоящегося на принципах крестьянской демократии, т. е. по существу буржуазно-демократического государства. Преобразование всей финансовой системы, ее радикальное оздоровление он подчинял революционному решению крестьянского вопроса, ликвидации помещичьего землевладения.

Критика капитализма

Борясь с крепостничеством, Огарев критиковал одновременно и капитализм. Критика капитализма представляла неразрывное звено его плана экономического преобразования России и служила необходимой теоретической предпосылкой отстаиваемого им вместе с Герценом учения о некапиталистическом развитии России.

Огарев понимал, что капитализм знаменует собой огромный рост производства, развитие производительных сил. Он показал, что на основе господства капитала в Западной Европе осуществлялся технический прогресс.

Но технический прогресс, по мнению Огарева, выражал в западноевропейских странах огромный рост лишь национального богатства, а не народного благосостояния. Росту богатства на одном полюсе соответствует в условиях капитализма умножение нищеты на другом: «...каждое улучшение, совершаясь в пользу сосредоточенной собственности, отнимает какие-нибудь выгоды у народа»¹. «Заработная плата понижается, скудость растет»².

Огарев показывал, что противоречивый характер капиталистического прогресса, происходящего в промышленности и сельском хозяйстве за счет ухудшения экономического положения трудящихся классов, ярко проявляется в обострении противоположности между городом и деревней. Борьба городов за свое освобождение от феодальной власти привела в Англии к отвлечению городом всех живых сил деревни, к фактическому уничтожению сел: «Город поглотил все; от этого положение Западной Европы с каждым днем безвыходней»³.

Огарев подчеркивает противоположность между умственным и физическим трудом, превращение науки в орудие наживы собственников. Не только люди, лишенные собственно-

¹ Н. П. Огарев, Русские вопросы, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 149.

² Н. П. Огарев, [Политические письма к старообрядцам], Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 140.

³ Н. П. Огарев, Комиссии для составления положений о крестьянах, «Колокол», 1 сентября 1859 г., л. 51, стр. 417.

сти, но и мелкие собственники отрешены в капиталистических странах от приобщения к науке, прозябают в невежестве. «Наука, как занятие миноритета, служит интересам собственников и администрации»¹.

Так же как Белинский и Герцен, Огарев видел в капитализме новую систему рабства. Рассматривая развитие западноевропейского капитализма, он неизменно говорил о западноевропейском «крепостном состоянии», о полном подчинении капиталистами работников и фактическом лишении их всякой гражданской свободы.

Своеобразие путей развития капитализма в различных странах не скрыло от Огарева господства одной и той же формы собственности как в странах Западной Европы, так и в США.

Еще в юности, в начале 30-х годов, Огарев в письме к Герцену от 4 сентября 1832 г. писал, что США образовались из переселенцев, бежавших «для обогащения и большею частью из отечества, в котором жил Адам Смит»².

Взгляд на США, как страну, доведшую господство частной собственности до ее логических последствий, наиболее ярко обнажившую частнохозяйственный принцип организации экономической жизни, Огарев высказывал и в последующих работах. Хотя в США частная собственность возникла и сложилась не в результате завоевания, как в Европе, а «вследствие одиночного засела», это не помешало ей именно в США принять наиболее уродливые и разнузданные формы.

Огарев, подобно Герцену, заклеил позором рабство негров и разглядел безудержное, циничное в своем победном шествии развитие буржуазной собственности в США. Огарев указывал, что «это буржуазное развитие отдельной собственности... несмотря на высокие основания гражданственности, несмотря на огромный успех промышленности, привело человеческое общество к нечеловеческому образу»³.

Цитадель капитализма середины XIX в. — Англия — рассматривалась Огаревым как страна, наиболее ярко выявившая противоречия западноевропейского капитализма. Господство крупных собственников во всех сферах общественной жизни и резкое обострение классовых противоречий делают невозможным, по мысли Огарева, мирное реформаторское преобразование экономического строя Англии. «Едва ли ей (Англии. —

¹ П. П. Огарев, Русские вопросы, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 151.

² Н. П. Огарев, Письмо А. И. Герцену 3 сентября 1832 г., Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 255.

³ Н. П. Огарев, Русские вопросы, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 167.

В. М.) теперь доступна благоразумная мягкость постоянной реформы»¹, — писал Огарев.

Огарев видел в капитализме преходящую форму экономического устройства общества. В отличие от Сисмонди он не считал нормальным и общество мелких товаропроизводителей, не идеализировал мелкой земельной собственности.

Несмотря на это, у Огарева критика капитализма еще в большей мере, чем у Герцена, отражала неизбежную историческую ограниченность крестьянского социализма, его классовую природу, характерное для него идеалистическое объяснение общественно-экономических отношений.

Огарев считал форму земельной собственности основой всех экономических порядков общества. В соответствии с этим критика различных форм частной земельной собственности заслоняла у него критику основного производственного отношения капитализма — отношения между наемным трудом и капиталом. Огарев не мог раскрыть объективных законов развития и гибели капитализма, понять, что пролетариат является творцом нового общества.

Находясь в России во время революции 1848 г. и ее поражения, Огарев вначале не разделял скептицизма Герцена в вопросе о судьбах капиталистического Запада. В письмах к Герцену он резко возражал против проводимой Герценом аналогии между древним миром и послереволюционным положением Западной Европы, считал, что необходимо «...исследовать все данные новейшего организма»². Огарев искал в общественных силах самой Европы предпосылки ее экономического преобразования. Но в последующий период в результате неправильного понимания продолжавшегося процесса утверждения капитализма в западноевропейских странах Огарев воспринял скептицизм Герцена в вопросе о будущем капиталистического Запада. Более того, он выхолостил из герценовского скептицизма те здоровые зародыши, которые обусловили впоследствии обращение Герцена к Интернационалу.

В процессе обсуждения писем Герцена к «Старому товарищу» Огарев отстаивал неправильный и справедливо подвергнутый Герценом критике взгляд на буржуазное общество и его классовую структуру как «промах» истории. У него ясно сказались теоретическая несостоятельность присущего «крестьянскому социализму» представления о капитализме, как случайном явлении. Он не поднялся на ту ступень понимания закономерности экономического развития, которая характерна была

¹ Н. П. Огарев, Русские вопросы, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 150.

² Н. П. Огарев, Письмо А. И. Герцену 4(16) декабря 1848 г., Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 418.

для последнего этапа идейного развития Герцена. Несмотря на это, Огарев, выражая достижения русской революционно-демократической мысли, отрицал возможность мирного преобразования капитализма и доказывал необходимость его революционной ликвидации.

* *
*

В статьях Огарева, посвященных решению актуальных экономических вопросов периода падения крепостного права и обоснованию экономических задач крестьянской революции, можно встретить попутное освещение различных экономических категорий: стоимости, капитала, ренты, денег, кредита. Теоретический анализ экономических категорий являлся слабой стороной экономических воззрений Огарева. Поскольку Огарев считал отношения капиталистической системы хозяйства иррациональными и противопоставлял должное сущему, он не столько исследовал категории капиталистического общества, сколько сопоставлял их в качестве фальшивых, ложных категорий с «истинными» категориями, выражающими рациональную экономическую организацию общества, основанную на народном землевладении.

Этот характерный для Огарева подход к рассмотрению экономических категорий проявился уже в его представлении о ценности. Огарев говорит не о стоимости товара, а о ценности вещи, которую он выводит из элементов производительных сил: природы, заложенного в ней вещественного материала, с одной стороны, и труда — с другой. Определяя ценность, Огарев писал: «Ценность равна *труду и вещи*»¹. Такое понимание ценности Огарев противопоставлял ее определению трудом. Не возражая против последнего с отвлеченной, теоретической точки зрения, он считал вместе с тем это определение ценности недостаточным для объяснения конкретной ценности вещи, являющейся воплощением не только труда, но и определенного материала.

Смысл этих положений Огарева уясняется в свете его понимания «истинной» ценности. Как и социалисты-рикардианцы, Огарев противопоставлял фальшивой ценности, господствующей в условиях капитализма, истинную ценность. Но если социалисты-рикардианцы выводили отклонение фальшивой стоимости от истинной непосредственно из господства наемного труда, то Огарев в соответствии с общим характером его воззрений объяснял это отклонение прежде всего от-

---

¹ Н. П. Огарев, Частные письма об общем вопросе, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 690.

делением производителя от земли. Необходимой предпосылкой замены фальшивой ценности истинной должна служить, с его точки зрения, ликвидация отделения работника от земли и утверждение народной земельной собственности. Он считал, что «истинная ценность лежит в соединении труда и материала; истинная ценность может явиться только при соединении труда и материала в одни руки. От этого для социализма основание *материала* чрезвычайно важно. А в материале основа основ — *почва*. От этого для социализма так важно основание общественного, народного владения почвой»¹.

Противопоставляя «ложной» ценности «истинную», Огарев осуждал капитализм, как строй, основанный на отделении работника от земли. Нормативное обоснование стоимости, заменяющее анализ сущего предписанием должного, сочеталось у него с отказом от понимания труда как единственного содержания стоимости.

Для Огарева, отражавшего отношения феодального строя, форма владения землей являлась основой господствующих общественно-экономических отношений. «Мне странно,— писал он,— что серьезные люди не хотят обратить внимание на то, что Европа гибнет не от революций и не от Наполеонидов, а от частного землевладения»². Поскольку Огарев видел основу капитализма в частной собственности на землю, отделяющей производителя от владения землей, он не уделял специального внимания анализу капитала. Господство капитала представляло для него результат того разъединения труда и владения землей, которое привело к появлению фальшивой ценности. Но, не развертывая анализа капитала, Огарев связывал его возникновение с определенными историческими предпосылками, прежде всего обезземелением широких масс населения. Он указывал, что при этом большинство, т. е. народ, остается без *владения*. «Капитал составляется из вытягивания от захвата (земельной собственности феодалов.— *В. М.*) и от бездомства — в средние руки»³. Таким образом, капитал, основанный на сосредоточении собственности в руках буржуазии и «бездомстве» массы населения, был для Огарева, в отличие от буржуазных экономистов, исторической категорией.

Целеустремленность Огарева в борьбе против помещичьего землевладения наглядно проявляется и в его понимании ренты. Наличие ренты Огарев объяснял исключительно господством

¹ *Н. П. Огарев*, Частные письма об общем вопросе, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 691.

² *Н. П. Огарев*, Письмо к издателю, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 198.

³ *Н. П. Огарев*, Частные письма об общем вопросе, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 690.

частной земельной собственности. Не умея преодолеть нормативный подход, он объявлял ренту ложной категорией: «Земельная рента ложное понятие, которое имеет место только в тех государствах, где право на землю признано за некоторыми, а остальное население может быть только наемщиком»¹.

Связывая ренту исключительно с господством частной земельной собственности, Огарев игнорировал существование дифференциальной ренты. Объяснение ренты служило у него той же задаче защиты *народного* землевладения, которой он подчинял и рассмотрение других экономических категорий.

Хотя Огарев не сумел вскрыть специфическое содержание экономических категорий капиталистического общества, он подверг капиталистические отношения острой критике.

Иначе Огарев подходил к категориям простого товарного производства.

Классовый характер крестьянского социализма, направленного объективно против помещичьего землевладения, привел Огарева к обособлению, отрыву мелкого товарного производства от капиталистического, а вместе с тем к отрыву и категорий товара, денег от капитала. Понимая исторический характер капитала, Огарев вместе с тем не видел исторической основы товарной формы продукта труда и денег. Деньгам и денежному обращению капитализма, вносящему расстройство на рынке, он противопоставлял денежные знаки, являющиеся «только языком производительности» и не нарушающие поэтому процесса обмена. Несмотря на то, что такие деньги имели мало общего с природой денег как всеобщего эквивалента, само признание обмена, товара, денег в качестве неотъемлемых институтов экономического устройства общества отражало классовые корни крестьянского социализма.

Огарев игнорировал специфически исторический характер экономических отношений, порождающих кредит, и ошибочно обуславливал последний предвосхищением результатов трудового процесса, т. е. любой производительной деятельности человека.

Хотя Огарев не сумел вскрыть действительного содержания экономических категорий, он поднялся над мирными реформаторскими иллюзиями идеологов западноевропейского мелкобуржуазного социализма. Исходя из существующей в условиях капитализма потребности в металлическом обращении, Огарев считал невозможным произвольную ликвидацию металлических денег. «Мы нисколько и не хотим исключать с рынка ме-

---

¹ П. П. Огарев, Комиссии для составления положений о крестьянах, «Колокол», 15 апреля 1860 г., л. 68—69, стр. 570.

таллической монеты,— писал он,— в данную минуту она составляет огромный запрос, огромную потребность рынка»¹.

В отличие от западноевропейских мелкобуржуазных реформаторов Огарев не видел в рабочих деньгах самодовлеющего средства реорганизации экономического устройства общества. Правда, в письме к Нечаеву, относящемся к 70-м годам, у Огарева встречается мысль о замене существовавших денег «променными значками», которые будут служить в руках восставшего и победившего народа орудием организации рынка. Но эта мысль не получила у него развития.

Ориентация Огарева на революционное изменение экономических отношений отделяла и его понимание кредита от кредитных иллюзий мелкобуржуазного социализма. Несмотря на большое значение, придаваемое им кредиту, Огарев как революционный демократ обуславливал экономическое преобразование общества революционным свержением господствовавших отношений.

Критика буржуазной политической экономии

Выступая против капиталистической эксплуатации, Огарев уже в начале своего идейного развития отвергал установки буржуазной политической экономии. Но в этот период он использовал буржуазную политическую экономию как орудие в борьбе с крепостническими отношениями. В дальнейшем Огарев подвергал буржуазную политическую экономию острой критике. Как и для Герцена, буржуазная политическая экономия была для Огарева наукой, отстаивавшей не только западноевропейский капитализм, но и частную собственность помещиков на землю, обезземеление крестьян, а тем самым и развитие капитализма в России.

Огарев признавал прогрессивной роль буржуазной политической экономии в ее борьбе с феодализмом. Подчеркивая социальный характер политической экономии, он видел в ней продукт просветительской философии XVIII в. По мнению Огарева, несмотря на различие воззрений меркантилистов и физиократов, обе эти школы прокладывали дорогу торжеству буржуазии. Против землевладельцев были направлены и мероприятия, отстаиваемые Тюрго. Свою критику Огарев направил прежде всего против апологии буржуазной экономической науки «современного *statu quo* западной цивилизации». Он отметил в этой связи: во-первых, антиисторичность современной ему, т. е. вульгарной, буржуазной политической экономии.

¹ РОГБЛ, ф. Г.-О., VI.26, «Записная книжка» № 4, л. 51.

которая видит свою задачу не в показе исторической обусловленности сложившихся экономических отношений, а в доказательстве их незыблемости, во-вторых, увековечение ею буржуазной формы собственности; в-третьих, кризис буржуазной экономической науки, обусловленный ее застоем; в-четвертых — что особенно важно — борьбу буржуазной политической экономии с социализмом, являющуюся неизбежным следствием ее застойного, кризисного состояния. «Эта остановка в statu quo, это одеревенение, эта кристаллизация жизни в застывшую форму и есть то, что мы обыкновенно в органическом мире называем смертью. Отсюда начинается борьба политической экономии с социализмом»¹.

Огарев вскрывает порочность методологии буржуазной экономии, отказ ее от теоретического объяснения экономических явлений. «Простое записывание фактов,— пишет Огарев,— может быть каталогом, летописью, но не есть наука; только объяснение законности, методы развития явлений известного порядка, составляет теорию, т. е. науку»².

Огарев не дал развернутой критики буржуазных экономических школ. Воззрения буржуазных экономистов он критиковал попутно, сопоставляя экономическое развитие России и Западной Европы. В одном из писем к Герцену Огарев противопоставляет Адаму Смиту, как наиболее умному экономисту, Кэри и Мак-Куллоха. Он показывает пустословие этих апологетов капитализма: «...у Кэри элоквенция заменяет логику, да еще как! ...А уж Мак-Куллох — такой дребеденщик, что и боже упаси»³.

Несмотря на различное отношение Огарева и Дж. Ст. Милля к капитализму, Огарев не мог понять действительного характера старомодных экономических догм Милля. Огарев выдвигал на первый план те черты, которые отличали Милля от вульгарных апологетов капитализма и отражали стремление буржуазного английского экономиста согласовать свои воззрения с новейшими учениями. Поэтому Огарев ссылаясь на Милля как на мыслителя, понявшего, «что на Западе развитие права собственности дошло до уродливого безумия и невыносимого гнета»⁴. Он стремится привлечь внимание Милля к во-

¹ Н. П. Огарев, Письмо к автору «Возражения на статью «Колокола», Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 318.

² Там же, стр. 316.

³ Н. П. Огарев, Письмо А. И. Герцену, середина октября 1860 г., «Литературное наследство», т. 39—40, М. 1941, стр. 392.

⁴ Н. П. Огарев, Ответ на письмо малороссийского помещика, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 338.

просам экономического переустройства и освободительного движения в России¹.

Огарев подверг критике воззрения основоположника математической школы в политической экономии — Курно. В письме к Герцену он отметил, что стремление Курно применить к анализу экономических явлений метод непрерывных функций ведет к формализму, означает по существу искажение экономических отношений, отказ от объяснения их действительного характера².

Формализму Курно, характерной для него защите принципа непрерывности развития Огарев справедливо противопоставил принцип скачкообразного развития общественно-экономических отношений. Он показал, что математический метод неприменим к объяснению качественно отличных друг от друга и потому несопоставимых экономических явлений.

Вместе с тем, ограничивая возможность применения математических формул к сфере общественно-экономических отношений, Огарев ошибочно считал, что лишь применение математики поднимает экономический анализ до раскрытия уровня объективных законов. В основе такого представления лежало непонимание им своеобразного объективного характера законов экономического развития.

Огарев критиковал и мелкобуржуазных экономистов. Он выступал против идиллического изображения Сисмонди системы половничества, возражал против мальтузианства Сисмонди³. Огарев выступал против экономистов, связывающих свое стремление к увековечению парцелльной земельной собственности с осуществлением мальтузианского требования воздержания от деторождения. Он показывал, что действительное положение мелкой земельной собственности, обремененной огромной задолженностью, обезземеление крестьянства и фактическая невозможность контроля над воздержанием являются лучшими доводами против экономистов, защищавших парцелльную собственность посредством проповеди извращения человеческой природы. Но, хотя Огарев критиковал реакционные идеи мальтузианства, он не мог объяснить действительных законов роста народонаселения. В соответствии со своей общей экономической концепцией он выводил перенаселение не из

¹ См. *Н. П. Огарев*, Письмо Дж. Стюарту Миллю, «Литературное наследство», т. 61, стр. 896.

² См. *Н. П. Огарев*, Письмо А. И. Герцену 5 мая 1866 г., *Избранные социально-политические и философские произведения*, т. II, стр. 512—513.

³ См. *Н. П. Огарев*, *Русские вопросы*, *Избранные социально-политические и философские произведения*, т. I, стр. 142.

законов воспроизводства капитала, а из господства частной земельной собственности.

Положительно отзываясь о Прудоне и его учении о стоимости, Огарев, однако, иначе, чем Прудон, понимал ее роль. Для Прудона учение о конституированной стоимости являлось средством увековечения общества простых товаропроизводителей, мирной реформы капитализма. Огарев сводил роль стоимости, «пропорциональность валеров», к классификации «индустрий, которая единственно дает разрешение разделения труда»¹. Он не разделял иллюзорной надежды Прудона на реформирование капитализма. В 60-х годах Огарев показал в «Колоколе» неприменимость проекта народного банка Прудона к условиям России.

Буржуазную политическую экономию Огарев рассматривал не только как орудие защиты ненавистных ему капиталистических порядков Западной Европы и США, но и как средство обоснования враждебных крестьянству помещичье-буржуазных предпосылок отмены крепостного права. «Ясно,— писал Огарев,— что помещик должен принять европейское право личной земельной собственности за основание своей политической экономии»².

В теориях мелкобуржуазных экономистов Запада Огарев также не видел идеологии, вооружающей на борьбу за решение земельного вопроса в России. Он показал, что позиция Сисмонди, так же как и других западноевропейских экономистов, отстаивающих с помощью мальтузианства мелкую земельную собственность, не может обеспечить право крестьян на землю. «Таким образом,— писал он еще в начале 1858 г. о мальтузианских проповедниках воздержания как средства стабилизации мелкого землевладения,— это утешение ничего не доказывает, и революционное требование изменения земельной собственности остается в своей силе»³.

Критика западноевропейского утопического социализма и представление Огарева о социалистическом строе

Обосновывая объективно платформу буржуазно-демократического преобразования России, Огарев, как и Герцен, считал себя поборником социализма. Интерес к идеям социализма

¹ Н. П. Огарев, Письмо А. И. Герцену, 1849 г., «Литературное наследство», т. 61, стр. 790.

² Н. П. Огарев, Ответ на письмо малороссийского помещика, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 328.

³ Н. П. Огарев, Русские вопросы, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 145. Курсив мой.— В. М.

возник у Огарева, с одной стороны, под влиянием изучения западноевропейского капитализма, с другой — французского утопического социализма. Но Огарев не был глашатаем какой-либо системы западноевропейского утопического социализма. Письмо Сазонова к Огареву, относящееся к середине 40-х годов, показывает, что, считая себя социалистом, Огарев уже в этот период отделял себя от представителей домарксовского социализма Франции¹.

Впоследствии Огарев указал на значение учения Фурье и Сен-Симона как для Западной Европы, так и для России: «...экономические истины, которые проникли сквозь эту ненужность фантастического, не только в Западной Европе сделали свое великое дело — внесли новые элементы в науку, вызвали более положительные социальные потребности, более практические попытки, но и у нас отозвались своим влиянием, вызвали новые стремления, привели к сознанию наших основ и возможностей»².

Огарев подошел к идеям социализма, продолжая политические традиции русского освободительного движения. Социализм явился для него конечной целью революционной борьбы против самодержавия и крепостнической системы.

Огарев выделил по существу из воззрений Сен-Симона те моменты, которые явились зародышем последующих социалистических учений. Он подчеркнул идею Сен-Симона о необходимости усовершенствования самого многочисленного и бедного сословия и указал, что осуществление этой идеи Сен-Симон справедливо связывал с закономерным ходом общественного развития³.

Но исторические обобщения Сен-Симона не скрыли от Огарева слабых сторон сен-симонизма, отражавших в той или иной мере общую историческую ограниченность французского утопического социализма начала XIX в.

Огарев справедливо видел в социализме прежде всего новую экономическую организацию общества. Он считал, что экономические вопросы, которые по праву должны служить краеугольным камнем всякого социалистического учения, не получили у Сен-Симона и его школы разработки, соответствующей их значению.

Огарев отметил другую черту французского социализма Сен-Симона и Фурье — его умозрительный, рационалистический характер — и подверг сомнению возможность решения

¹ См. «Звенья». Сборник № 6, М.—Л. 1936, стр. 351.

² Н. П. Огарев, Частные письма об общем вопросе, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 720.

³ См. там же, стр. 722.

общественных вопросов посредством сознательного договора между людьми. Огарев считал неизбежными борьбу общественных сил, выступление масс.

О глубине критики Огаревым утопического социализма свидетельствует и другое его возражение против построений социалистов-утопистов. Огарев доказывал практическую неприложимость «всеобъединяющего» социализма Фурье — Бабефа и противопоставлял их универсальным рецептам необходимости учета местных запросов и нужд¹.

Справедливо отмечая революционный характер социализма Бабефа, Огарев вместе с тем подчеркивал «литературный», т. е. чисто теоретический, характер бабувизма, указывал, что заговор Бабефа, его планы общественного переустройства были далеки массам².

Вместе с Герценом Огарев принадлежал к числу тех первых русских социалистов, идеалы которых, как писал Ленин, выражались в вере в особый уклад, в общинный строй русской жизни и обусловленную существованием общины возможность крестьянской социалистической революции. Первые русские социалисты выдвинули, по словам Ленина, *политическую программу*, рассчитанную на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества³. В статье «Демократия и народничество в Китае» Ленин рассматривает идеологов народничества как субъективных социалистов, мечтавших об уничтожении угнетения и эксплуатации.

Возникнув в период, когда в развитых европейских странах на передний план выдвинулась классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, социалистические идеи Огарева формировались в условиях господства крепостничества в России и сливались с защитой насущных интересов крестьянства, мелких производителей в их борьбе за ликвидацию крепостничества. Это отразилось на представлении Огарева о социалистическом строе. Огарев связывал социалистическое преобразование России с движением общинного крестьянства. В своем представлении о социализме он не выходил за пределы системы экономических отношений, основанной на общинной, групповой или артельной собственности. Рисуя последовательные этапы социалистического преобразования России, Огарев писал: «1) Организация земледельческой ар-

¹ См. Второй ответ Огарева.— Продолжение ответа на статью Герцена «Между старичками», «Литературное наследство», т. 61, стр. 201.

² См. Н. П. Огарев, Частные письма об общем вопросе, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 705.

³ См. В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч., т. 1, стр. 246—247.

тели (общинного земледелия); 2) Организация на ее основании ремесленной общины (промышленной артели); 3) На основании обеих — организация торговой артели»¹.

В соответствии со своей общей экономической концепцией Огарев отводил ведущую роль в социалистическом преобразовании сельскому хозяйству. Он связывал социализм с победой артельной, групповой собственности, возникающей на базе объединения мелких производителей, а в торговой артели видел завершение артельного принципа производства в сфере сельского хозяйства и промышленности. В этом наглядно проявились классовые корни его социализма как социализма крестьянского.

Связывая социализм с торжеством артельной собственности, Огарев выдвигал одновременно перед новым строем задачу ликвидации капитала. Проблема ликвидации капитала имела с точки зрения Огарева «высшую степень общественного значения». Огарев полагал, что вместе с ликвидацией капитала и утверждением артельной общественной собственности должна исчезнуть и противоположность между городом и деревней.

Будучи горячим поборником просвещения народа и отстаивая идею политехнического образования, Огарев стремился к уничтожению противоположности между умственным и физическим трудом, приобщению масс к достижениям науки.

* *
*

Идейное содружество издателей «Колокола» благотворно влияло на деятельность не только Огарева, но и Герцена. Ленин показал, что народничество «никогда не могло, как общественное течение, отмежеваться от либерализма справа и от анархизма слева»². Для Герцена и Огарева, вышедших из помещичьей среды и следовавших в начале своей деятельности традициям дворянских революционеров, процесс преодоления либерализма был труднее, чем для народников из разночинцев. Это ясно проявилось в колебаниях Герцена и Огарева, связанных с известными надеждами на реформу в начале ее подготовки, в их практической позиции в вопросе о выкупе, в отличном от Чернышевского понимании способа раскрепощения крестьянской общины, характерном для определенного этапа идейного развития издателей «Колокола».

¹ Н. П. Огарев, Из статьи «Настоящее и ожидания», Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 759.

² В. И. Ленин, Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. 20, стр. 224.

Огарев вместе с Герценом отступал от демократизма к либерализму. Но, преодолевая эти отступления последовательнее Герцена, он способствовал в известной мере укреплению Герцена на революционных демократических позициях. Об этом свидетельствуют не только работы Огарева, в которых наиболее отчетливо и полно развивалась идея крестьянской революции и обосновывалось прямое требование ликвидации помещичьего землевладения, но и последняя публикация писем «К старому товарищу» Герцена и «Ответов» Огарева «Старому другу»¹.

Как показали советские комментаторы этих публикаций, Герцен под непосредственным влиянием Огарева, оправдывавшего «террор крестьянский и рабочий», отказался от ряда первоначальных утверждений и отчетливее отметил роль насильственных способов ликвидации господствующего экономического устройства.

Если Огарев способствовал отмежеванию Герцена от либерализма, то процесс отмежевания от анархизма был для Огарева труднее, чем для Герцена. Огарев не поднялся до герценовского понимания закономерности общественно-экономического развития. Не соглашаясь с Бакуниным в его отрицании государства, Огарев, однако, выступал против государственной собственности и, прежде всего, национализации земли. Но при всех отклонениях к анархизму взгляды Огарева принципиально отличались от анархизма Бакунина. Если для Бакунина не было объективных пределов революции, то для Огарева революция была ответом на пробудившиеся запросы страны, подготовленные предшествовавшим развитием. Огарев противопоставлял демагогии Бакунина о вреде всякого государства, его демагогической проповеди борьбы со всеми формами эксплуатации в России по сути дела непосредственную борьбу с самодержавием, борьбу за полную и последовательную ликвидацию крепостнических отношений. Поэтому его требования сохранили свое значение и для пореформенного периода развития России.

---

¹ См. «Герцен и его письма «К старому товарищу»». Публикация В. Путинцева и Я. Черняка, предисловие Д. Чеснокова, «Литературное наследство», т. 61, стр. 151—206.

Глава двадцать восьмая

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО — ВЕРШИНА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ ДОМАРКСОВСКОГО ПЕРИОДА

1. МИРОВОЗЗРЕНИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Мировоззрение Н. Г. Чернышевского

Великий русский революционер и мыслитель *Николай Гаврилович Чернышевский* родился 24 июля 1828 г. в Саратове в семье священника. Первоначальное образование он получил под руководством родителей, высококультурных для своего круга людей. По окончании духовного училища в 1842 г. Н. Г. Чернышевский учился в духовной семинарии. В 1846 г. он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

В период обучения в университете в основном оформилось революционное и материалистическое мировоззрение Чернышевского.

Уже наблюдения за социальными отношениями в Саратове давали уму Чернышевского пищу для размышлений над теми контрастами, которыми была полна крепостническая действительность России, а книги, поглощавшиеся Чернышевским в огромном количестве, помогали ему глубже вдумываться в характер существовавших общественных порядков.

Огромную роль в умственном развитии Чернышевского сыграло знакомство его с работами Белинского и Герцена.

Изучение в университетский период трудов представителей классической немецкой философии, английской классической политической экономии и великих социалистов-утопистов наряду с большим впечатлением, произведенным на него революцией 1848 г., способствовали развитию социалистических и революционных убеждений Чернышевского.

Недолгое время по окончании университета Чернышевский преподавал в Петербурге, а затем переехал в Саратов, где стал преподавателем гимназии. Начальство гимназии обратило сразу же внимание на то, что Чернышевский использовал уроки для критики крепостного строя.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

В 1853 г. Чернышевский возвращается в Петербург и начинает работать в «Современнике». При Чернышевском «Современник» превратился в орган разработки и пропаганды революционно-демократической идеологии. «Современник» откликался на все политические события России и Запада и в революционном духе ориентировал демократические силы России. Ведя неустанную борьбу против крепостничества, Чернышевский разоблачал либерализм как идеологическое и политическое примиренчество с царизмом и крепостничеством.

Огромную роль в развитии идеологических основ русской революционной демократии сыграли многочисленные работы, опубликованные Чернышевским в период подготовки и проведения «крестьянской реформы». Чернышевский вел решительную борьбу против крепостников, либералов и против либеральных колебаний среди представителей революционной демократии. Он разоблачил крепостнический характер реформы 1861 г. и призывал к революционному низвержению самодержавия.

Чернышевский стал признанным вождем революционных сил России. Все, что было лучшего в русском освободительном движении, концентрировалось вокруг него. И царизм решил расправиться с ним. Летом 1862 г. Чернышевский был заключен в Петропавловскую крепость, а в 1864 г. приговорен к 14 годам каторжных работ и затем на вечное поселение в Сибирь.

И в Петропавловской крепости и в Сибири Чернышевский продолжал свою кипучую литературную деятельность. Достаточно указать, что в Петропавловской крепости им были написаны «Что делать?», «Алферьев» и ряд других произведений, а в Сибири — «Пролог» и другие крупные произведения.

В 1883 г. Чернышевскому было разрешено поселиться в Астрахани, где он и прожил до 1889 г. — до переезда в Саратов. Тюрьма, каторга и ссылка подорвали здоровье Чернышевского, и 29 октября 1889 г. он умер в Саратове.

* *
*

Горячий патриот своей родины, Чернышевский связывал ее будущее с освобождением народа от гнета самодержавия и крепостничества, от гнета всякой эксплуатации. И этому делу он посвятил всю свою жизнь. Его революционная деятельность и теоретическая работа были неразрывно связаны. Он боролся против консервативных и реакционных учений, служивших эксплуататорским классам, и разрабатывал теории, обосновывающие революционную борьбу народных масс.

Его научные искания опирались на изучение и обобщение опыта борьбы народных масс и служили этой борьбе.

Чернышевский хорошо понимал, что разные идеологические системы являются орудием классовой борьбы. «Политические теории, да и всякие вообще философские учения, создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, борющихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ»¹, — писал Чернышевский.

Он знал, что и на Западе, и в России материализм являлся орудием тех политических сил, которые боролись за ликвидацию отживающих общественных систем, а идеалистические философские системы служат отживающим классам. И он смело стал проповедником философского материализма. Чернышевский, писал Ленин, «сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»².

Все основные философские вопросы Чернышевский решал материалистически. Он высоко ценил диалектику Гегеля и в то же время отмечал «несогласие принципов ее с результатами»³. Продолжатель лучших материалистических традиций русской передовой философской мысли, Чернышевский придавал огромное значение той критике, которой подвергли гегелевскую систему русские революционные демократы. «С того времени, — говорил он, — как представители нашего умственного движения самостоятельно подвергли критике гегелеву систему, оно уже не подчинялось никакому чужому авторитету»⁴.

Продолжая критику гегелевской системы, вскрывая ее консервативный характер, Чернышевский отнюдь не отбросил диалектический метод, а стремился применить его в различных областях знания. В его мировоззрении находят себе место и диалектика, и материализм. Но их соединение выходит за рамки воззрений Чернышевского. Ленин писал: «Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»⁵.

¹ Н. Г. Чернышевский, Антропологический принцип в философии, Полное собрание сочинений, т. VII, М. 1950, стр. 223.

² В. И. Ленин, Марксизм и эмпириокритицизм, Соч., т. 14, стр. 346.

³ Н. Г. Чернышевский, Очерки гоголевского периода русской литературы, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 218.

⁴ Там же, стр. 224.

⁵ В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. 14, стр. 346.

Еще труднее было подняться Чернышевскому до исторического материализма. И тем не менее никому до Маркса и Энгельса не удалось высказать столько глубоких материалистических положений по вопросам развития общества, как Чернышевскому. Наряду с неизбежной идеалистической линией в анализе факторов общественного развития, с преувеличением роли сознания в историческом прогрессе Чернышевский выдвинул ряд гениальных положений, материалистически освещающих некоторые важные проблемы общественно-экономического развития.

Чернышевский искал тайну закономерностей общественного развития в развитии материального процесса производства. Процесс смены общественных форм он рассматривал как результат борьбы общественных классов. И именно поэтому «от его сочинений веет духом классовой борьбы»¹. Чернышевский понимал, что господствующие классы не уступают своих позиций мирно и что освобождение угнетенных классов может быть делом только самих угнетенных. Он знал, что хотя «история движется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком»². Он был сторонником революционных и насильственных действий народа против угнетателей.

Чернышевский показывал, что имеется коренная разница между революцией и реформами, которыми ограничивались либералы. Он разоблачал реформизм либералов, не затрагивавших существенных основ общественного строя. В отношении мер, носящих характер реформы, Чернышевский писал, что они «имеют только характер паллиативного средства, и рекомендовать их принятие надобно только в тех случаях, когда нет надежды на проведение мер более широких»³.

Чернышевский подчеркивал коренное отличие либералов от демократов. Сам он был последовательным и боевым демократом, как указывал Ленин, «он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доньше ценилась кадетам и ликвидаторам»⁴.

Чернышевский глубоко вскрыл и разоблачил ложь буржуазной псевдодемократии. Он показал, что изменения в политическом и юридическом строе, осуществленные буржуазными преобразованиями, не сопровождались коренным изме-

¹ В. И. Ленин, Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. 20, стр. 224.

² Н. Г. Чернышевский, Политика. Из «Современника» № 1, 1859 г., Полное собрание сочинений, т. VI, М. 1949, стр. 13.

³ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, М. 1949, стр. 672.

⁴ В. И. Ленин, Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. 20, стр. 224.

нением в положении трудящихся классов, что буржуазные преобразования вели лишь к изменению форм эксплуатации. Эти разоблачения звучали особенно актуально в его эпоху в России, где отмену крепостного права стремились свести лишь к личному освобождению крестьян. Крестьянский революционный демократ Чернышевский требовал такой ломки общественно-экономических отношений, до которой никогда не доходили буржуазные демократы. Буржуазные преобразования, как правило, осуществлялись в целях приведения политической надстройки в соответствие с уже сложившейся буржуазной экономикой. Чернышевский же ставил перед крестьянской революцией, величайшим идеологом которой он был, несравненно более широкие и глубокие задачи: перевод экономики с рельсов помещичьего хозяйства на рельсы крестьянского хозяйства. Он боролся не за формальное, а за действительное освобождение крестьянства от крепостнического гнета.

Разоблачение Чернышевским буржуазной лжедемократии имело огромное значение и в борьбе с буржуазной идеологией, за утверждение социалистической идеологии в русском освободительном движении, с точки зрения подготовки нового — марксистского этапа в развитии русской революционной теории.

Характеризуя политические силы периода падения крепостного права и пореформенного периода, Ленин писал: «Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»¹.

Чернышевский был величайшим представителем революционной тенденции в освободительном движении, развившим революционную теорию и воспитавшим поколения русских революционеров, беззаветно боровшихся против самодержавия и крепостничества, против угнетения человека человеком. Он был самым непосредственным предшественником русской революционной социал-демократии.

Литература об экономических произведениях Н. Г. Чернышевского

Литература о Н. Г. Чернышевском огромна. Глубокая оценка творчества Чернышевского дана в произведениях классиков научного коммунизма, которые особое внимание уделяли его экономическим трудам.

¹ В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, стр. 96.

Отношение Маркса к Чернышевскому ярко видно из той характеристики, которую, по словам Лопатина, Маркс дал Чернышевскому; Маркс говорил, что «из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы; что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения; что русские должны стыдиться того, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем; что политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы и т. д., и т. д.»¹.

В послесловии ко 2-му изданию «Капитала» Маркс писал о том, что честь выяснения банкротства буржуазной политической экономии принадлежит великому русскому ученому и критику Чернышевскому. Огромное научное значение придавали Маркс и Энгельс постановке Чернышевским вопроса о возможности некапиталистической эволюции России, а также его анализу русских экономических отношений, в особенности его анализу реформы 1861 г.

Значение творчества Чернышевского для развития революционной теории всесторонне было раскрыто Лениным. Ленин показал огромную историческую роль экономической теории и экономической программы Чернышевского. Он характеризовал Чернышевского как великого русского социалиста, революционного демократа. Ленин вскрыл исторически прогрессивную роль крестьянской революции, теорию которой развил Чернышевский. Ленин показал полную противоположность взглядов великого социалиста, демократа и революционера взглядам либеральных глушителей классовой борьбы.

Ленин высоко ценил борьбу Чернышевского в период крестьянской реформы, его разоблачение мерзости этой реформы, осуществленной господствующим классом. Ленин показал, что Чернышевский понимал буржуазный характер тех отношений, которые вырастают на почве отмены крепостного права.

Имея в виду прежде всего Чернышевского, Ленин писал: «Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, повидимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от

---

¹ См. «Герман Александрович Лопатин». Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Под ред. А. Шилова, Пгр. 1922, стр. 71.

нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов»¹.

Указывая, что Чернышевский был социалистом-утопистом, Ленин подчеркивал: «Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»².

Ленин характеризовал Чернышевского как замечательно глубокого критика капитализма и предшественника русской социал-демократии.

Обширные исследования посвятил Чернышевскому Г. В. Плеханов. Он опубликовал в 1890—1892 г. ряд статей о Чернышевском, вышедших затем отдельной книгой в 1894 г. на немецком языке. В 1910 г. эта книга, значительно переработанная, вышла на русском языке. В этих работах Плеханова впервые были предприняты попытки дать систематическое критическое изложение политико-экономических воззрений Чернышевского. В 90-х годах работы Плеханова о Чернышевском сыграли положительную роль, однако политическая задача, которая побудила Плеханова в начале 90-х годов заняться изложением взглядов Чернышевского, обусловила односторонний подход Плеханова к творчеству Чернышевского.

В борьбе с народничеством Плеханов акцентировал внимание на элементах утопического социализма в воззрениях Чернышевского. Хотя Плеханов и «выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса»³, он обошел историческое значение экономической теории Чернышевского для развития революционной теории. Что же касается экономической программы Чернышевского, то она, за исключением вопроса об общине, не была подвергнута анализу.

В результате Плеханов пришел к неправильному выводу, будто задача Чернышевского заключалась не в том, чтобы развивать теорию, «не в том, чтобы добывать новые истины, а в том, чтобы ознакомить своих современников с истинами, уже открытыми общественной мыслью передовых стран»⁴.

Большая работа Ю. Стеклова о Чернышевском содержит также изложение и анализ экономических взглядов Н. Г. Чернышевского. Общая тенденция всей работы Стеклова — при-

¹ В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, стр. 100.

² Там же, стр. 97.

³ В. И. Ленин, Попятное направление в русской социал-демократии, Соч., т. 4, стр. 249.

⁴ Г. В. Плеханов, Н. Г. Чернышевский (К двадцатилетию со дня кончины), Сочинения, т. VI, стр. 338—339.

близить воззрения Чернышевского к марксизму, представить его социологические воззрения как материалистические в своей основе — не способствовала правильному выяснению исторической роли учения Чернышевского. В анализе экономических воззрений Чернышевского Стеклов, несмотря на полемику с Плехановым, не вышел за рамки той плоскости, на которой вел анализ Плеханов.

В многочисленных буржуазных сочинениях по истории экономической мысли как в России, так и за рубежом сущность и роль экономических взглядов Чернышевского подвергались извращению. Его воззрения рассматривались как результат влияния тех или иных западноевропейских мыслителей, а его революционное мировоззрение искажалось в духе либерального реформизма.

В советское время написан ряд работ, посвященных как экономическим воззрениям Чернышевского в целом, так и отдельным сторонам его экономического учения.

Некоторые из них полностью игнорировали революционное содержание теории Чернышевского, изображали его как обычного утопического социалиста. В других предпринимались попытки выявить революционную суть учения Чернышевского (статьи И. Д. Удальцова)¹.

В ряде статей Э. Я. Брегеля освещены взгляды Чернышевского по вопросам труда, денег, налогов и финансов². В статье М. Крижанского показывается критика Чернышевским буржуазной политической экономии³; в вышедшей в 1956 г. книге А. Л. Реуэля «Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм» излагаются взгляды Чернышевского по аграрному вопросу, его критика капитализма и буржуазной политической экономии, его воззрения на социалистическую экономику.

В искаженном виде поданы экономические воззрения Чернышевского в книге В. М. Штейна «Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков», изданной в 1948 г. Автор смешивает взгляды Чернышевского то со славянофильскими, то с марксистскими. В том же 1948 г. появи-

¹ См. И. Д. Удальцов, Н. Г. Чернышевский как критик буржуазной политической экономии, «Советская наука» № 4, 1938 г., стр. 29—46; И. Д. Удальцов, Экономические взгляды Н. Г. Чернышевского, «Проблемы экономики» № 6, 1939 г., стр. 160—174.

² См. Э. Я. Брегель, Учение Н. Г. Чернышевского о труде, «Труды Московского института востоковедения», сб. 5, 1947, стр. 234—284; Э. Я. Брегель, Н. Г. Чернышевский о налогах и налоговой политике, «Советские финансы» № 5, 1949 г., стр. 29—36, и другие статьи.

³ См. М. Крижанский, Освещение Н. Г. Чернышевским банкротства буржуазной экономии, сборник «Н. Г. Чернышевский» (1889—1939), ЛГУ, Л. 1941, стр. 143—183.

лась работа Булатова «Н. Г. Чернышевский — критик буржуазной политической экономии», выходящая по своему содержанию за рамки названия, но в общем мало продвигающая изучение наследства Чернышевского.

В 1951 г. появилась книга В. Н. Замятина «Экономические взгляды Чернышевского». Автор поставил перед собой задачу критики плехановской трактовки экономических взглядов Чернышевского. Однако ему не удалось разрешить эту задачу, ибо он не связал теоретические искания великого русского экономиста с задачами классовой борьбы его эпохи. Стремясь опровергнуть Плеханова, автор допускает натяжки в характеристике взглядов Чернышевского и игнорирует или неправильно освещает сущность его теории крестьянской революции.

Несмотря на значительные недостатки, которые в той или иной мере свойственны вышедшим за последнее время работам об экономических взглядах Чернышевского, большая часть из них сыграла положительную роль, подчеркнув те или другие стороны в воззрениях Чернышевского и способствуя таким образом дальнейшему выявлению содержания и роли экономической теории и экономической программы Чернышевского.

Чернышевский оставил такой глубокий след в развитии экономической мысли и такое большое литературное наследство, что задача полного и всестороннего анализа его экономических воззрений еще ждет своего решения и требует усилий не одного исследователя.

Краткий обзор экономических произведений Н. Г. Чернышевского

Экономические идеи Чернышевского находятся в неразрывной связи с его философскими, политическими, социологическими и историческими взглядами. Многие произведения Чернышевского могут рассматриваться и как экономические и как философские, как экономические и как исторические, и т. п. Вместе с тем очень велика и та часть литературного наследства, которая посвящена специально экономическим вопросам.

Единство теории и практики, характеризующее все творчество Чернышевского, особенно ярко бросается в глаза при обзоре его экономических произведений. Он откликается на самые актуальные с точки зрения борьбы классов вопросы практики и теории. Трудно указать работу Чернышевского, в которой в той или иной мере не подвергается критике крепостное право и крепостная экономика. Специально критике системы крепостничества посвящены «Заметка по поводу

статьи Бланка «Русский помещичий крестьянин» Безобразова»; «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. Речь И. Бабста»; «О новых условиях сельского быта»; «Леность грубого простонародья».

При крепостном праве и в условиях его ликвидации поземельные отношения играют очень важную роль. Анализу земельных отношений посвящено большое количество работ Чернышевского.

Одной из наиболее ранних экономических работ является статья, посвященная книге А. Львова «О земле, как элементе богатства», в которой Чернышевский отмечает апологетический вздор Львова о земельной ренте, защищает теорию дифференциальной ренты Рикардо и вместе с тем констатирует наличие ренты и на худшем участке.

Среди работ, посвященных критике помещичьей земельной собственности, защите общинной земельной собственности, обоснованию программы экономических преобразований, необходимых в России, особенно большое значение имеют следующие работы Чернышевского: «Славянофилы и вопрос об общине»; «Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства *Струкова*»; «Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждениях России *барона Августа Гакстгаузена*»; «О поземельной собственности»; «Ответ на замечания г. Провинциала»; «Критика философских предубеждений против общинного владения», «Суеверие и правила логики» и ряд других.

Большое место в своей литературной деятельности Чернышевский отводит разоблачению помещичьих условий «освобождения» крестьян. Он систематически помещает в «Современнике» свои «Библиографии журнальных статей по крестьянскому вопросу», в которых критикует крепостнические и либеральные проекты закабаления крестьян, проповедовавшиеся в органах печати. Исключительное значение имеют для этого периода его работа «Труден ли выкуп земли?», а также «Материалы для решения крестьянского вопроса», в которых он разоблачает грабительский характер подготавливавшихся проектов освобождения крестьян.

Особое место занимают «Письмо из провинции» и «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Как бы ни был решен спор об авторстве этих произведений, безусловно, что в них заключены революционные идеи Чернышевского, его борьба против либералов, его мысли о необходимости подготовки революционного восстания против самодержавия.

В «Письмах без адреса» Чернышевский дал глубокий анализ реформы 1861 г., вскрыл ее сущность, ее классовое содержание.

Для понимания позиции Чернышевского в борьбе в период падения крепостного права имеют серьезное значение такие художественные произведения, как «Пролог», «Алферьев».

Критику буржуазной политической экономии, вульгарного воспевания принципов свободной конкуренции мы находим в работах Чернышевского: «Понятия Гопкинса о народном хозяйстве», «Тюрго»; *«Молинари, Курс политической экономии»*; «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов *Г. К. Кэре*», «Начала народного хозяйства *В. Рошера*»; «Экономическая деятельность и законодательство». Особое место занимает работа «Капитал и труд», в которой он прямо и открыто противопоставил теории капиталистов теорию трудящихся.

Наиболее крупными экономическими произведениями Чернышевского являются «Примечания» к «Основаниям политической экономии» Милля и «Очерки из политической экономии (по Миллю)». В этих работах дана развернутая критика капитализма и всех эксплуататорских экономических систем, критика буржуазной политической экономии. В них Чернышевский дал развернутое обоснование социализма, как единственного строя, который может обеспечить подъем благосостояния трудящихся и наибольший рост производства. Эти работы имел в виду Маркс, когда он говорил, что Чернышевский выяснил банкротство буржуазной политической экономии.

Для понимания социалистических идей Чернышевского огромное значение имеет его широко известное произведение «Что делать?».

2. ЗАДАЧИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ. ЕЕ ПРЕДМЕТ И МЕТОД. О КЛАССОВОМ ХАРАКТЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ. КРИТИКА БУРЖУАЗНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

Можно сказать без преувеличения, что не было ни одной проблемы политической экономии, которая бы не подвергалась Чернышевским изучению и анализу. Он рассматривал экономические отношения не только капитализма, но и феодализма. В работах Чернышевского содержится также его понимание социалистической экономики. Наконец, большое внимание уделил он анализу мелкого самостоятельного крестьянского хозяйства.

В процессе разработки проблем политической экономии Чернышевский подверг рассмотрению воззрения теоретиков и идеологов различных способов производства. В его работах

имеется глубокая критика крепостнической идеологии, воззрений открытых и скрытых крепостников. Особенно развернутому и острому анализу подвергнута им политическая экономия буржуазии. Не было ни одной школы буржуазной политической экономии, которой он не нанес бы сокрушительных ударов. В работах Чернышевского мы находим также глубокий анализ разных форм утопического социализма, от мелкобуржуазного, псевдосоциалистического, до высшей его формы — английского утопического социализма.

Чернышевский стремится выявить мировоззрение каждой школы, показать классовую основу, историческую роль, значение их для решения тех задач, которые стоят перед наукой. Наконец, мы находим у него и специальный анализ проблем методологии, многочисленные высказывания по вопросам метода политической экономии.

Трудно найти такую область политической экономии, в которой Чернышевский не поднялся бы выше своих предшественников.

Обогатив себя знанием огромного опыта развития России, Западной Европы и Америки, впитав все передовое, что дало человечество в области общественных наук, в особенности экономических, до марксизма, Чернышевский творчески применил добытые им знания для решения больших исторических задач, стоявших перед освободительным движением в России. Именно творческое решение этих задач позволило ему двинуть вперед экономическую науку во всех ее звеньях и разделах.

* *
*

• Система экономических воззрений Чернышевского носит остро критический характер. Она направлена на критику всех эксплуататорских форм общества и защищающих их систем политической экономии.

Классовая позиция Чернышевского, его глубокий революционный демократизм, его социалистическое мировоззрение предопределяли подход к задачам науки вообще, политической экономии в особенности.

Задача политической экономии, по Чернышевскому, заключается в том, чтобы помочь преобразовать действительность, заменить общественный строй, покоящийся на эксплуатации, строем, свободным от эксплуатации. Принцип служения науки практике, преобразованию общества является у Чернышевского выражением революционного подхода его к задачам науки.

Чернышевский четко формулирует важное положение о классовом характере науки в классовом обществе. Из различия интересов общественных классов Чернышевский выводит и неизбежность различного понимания задач политической экономии идеологами разных классов. Он убедительно показывает, что задача политической экономии капиталистов заключается в том, чтобы оправдывать существующие экономические порядки. Этому Чернышевский противопоставляет задачу защиты интересов трудящихся.

Буржуазная политическая экономия подвергалась и до Чернышевского критике как на Западе, так и в России. Западно-европейские социалисты-утописты, а в России Герцен и другие указывали на своекорыстный характер буржуазной политической экономии. Однако никто до Чернышевского не сформулировал положение о классовом характере буржуазной политической экономии, не выдвинул сознательно задачи создания политической экономии трудящихся. В России он впервые выдвинул положение о существовании двух политических экономий, представляющих интересы противоположных классов.

* *
*

Установив различие классовых задач экономической теории капиталистов и теории трудящихся, Чернышевский показывает, что различное понимание задач предопределяет и разное понимание предмета политической экономии. Он подвергает глубокой критике буржуазное определение предмета политической экономии.

Чернышевский указывает, что буржуазная политическая экономия считает предметом политической экономии богатство. Между тем, отмечает он, понятие богатства не вполне определено. В обыденной жизни понятие богатства применяется для определения различий в имущественном положении. Говоря о богатстве в этом смысле, Чернышевский писал: «Богатство — понятие чисто относительное, в нем нет самостоятельной внутренней мерки для предмета, а есть только вывод о превосходстве над другими сравниваемыми предметами»¹. Разъясняя смысл обыденного представления о богатстве, Чернышевский говорил: «В житейском языке богатство относится не к качеству, а исключительно к количеству вещей»².

¹ Н. Г. Чернышевский, *Примечания к «Основаниям политической экономии»* Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 29.

² Там же.

Эта точка зрения, на которую сбиваются буржуазные ученые, есть поверхностная точка зрения, мешающая вскрытию сущности экономических явлений и могущая служить лишь оправданию существующих отношений.

С другой стороны, пишет Чернышевский, «наука понимает под богатством сумму вещей полезных или приятных, имеющих меновую ценность. Тут, как видим, дело состоит в качестве вещей, а не в их количестве; когда их много, богатство велико; когда их очень мало, богатство очень мало, но оно все-таки богатство, как золото все-таки золото, хотя бы его была одна блеска, не стоящая гроша»¹.

Чернышевский отмечает, что эти два понятия богатства постоянно смешиваются учеными школы Смита, вследствие чего задача увеличения богатства получает совершенно разный смысл.

Смысл полемики Чернышевского с буржуазными экономистами (в данном случае — с Миллем) по вопросу о понятии богатства заключается в том, чтобы противопоставить политической экономии буржуазии политическую экономию трудящихся, установить, что школа Смита практически придерживается не научного определения богатства, а такого, которое придает богатству относительный смысл.

Вскрывая противоречия, которые проистекают из двойного определения богатства, Чернышевский пишет: «Формы распределения, требуемые понятием о богатстве как о превосходстве одних над другими, несовместны с формами производства, проистекающими из понятия о богатстве, как о состоянии положительном, измеряемом потребностями человека, а не превосходством его по имуществу над другими. Смитовская теория запутывается в этом разноречии»².

Под формами распределения, требуемыми понятием о богатстве, как о превосходстве одних над другими, Чернышевский имел в виду существующие в буржуазном обществе формы распределения. Под формами же производства, проистекающими из понятия о богатстве, как о состоянии положительном, измеряемом потребностями человека, Чернышевский разумел, по-видимому, социалистические формы производства.

Таким образом, Чернышевский, раскрывая внутреннее противоречие буржуазной политической экономии, обнаруживает ее апологетический характер.

Анализ проблемы богатства не имел для Чернышевского самостоятельного значения. Он вскрыл специфически буржуаз-

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 29.

² Там же, стр. 31.

ное понимание богатства, как имеющее целью доказать, что «громкая разница между членами общества по имуществу есть нечто неперменное, неизбежное, безусловно-истинное»¹.

Этому буржуазно-апологетическому пониманию Чернышевский противопоставляет другое представление о богатстве, как о «состоянии положительном, измеряемом потребностями человека, а не превосходством его по имуществу над другими»². Такое определение богатства является, по его мнению, абсолютным определением богатства. Оно совпадает с понятием благосостояния, масштаб которому «дается природою человека»³.

Буржуазное понимание богатства служит оправданием имущественного неравенства. В действительности же, по Чернышевскому, богатство должно измеряться потребностями человека. Такое понимание вопроса представляет собою выражение антропологизма, но оно содержит в себе, несомненно, и определенный рациональный элемент. Чернышевский показывает, что для буржуазных экономистов задача науки — в оправдании богатства одних, покупаемого нищетой других. Если богатство состоит в том, чтобы одни богатели, а другие нищали, то задача науки заключается в том, чтобы способствовать этому неравенству. Но тогда политическая экономия есть наука не о богатстве, а об обогащении.

Так выявляется классовая задача буржуазной политической экономии. Чернышевский не ограничивается критикой буржуазного определения задач науки, а дает и позитивное решение.

Определение политической экономии как науки о богатстве Чернышевский предлагает заменить другим: «Политическая экономия есть наука о материальном благосостоянии человека, насколько оно зависит от вещей и положений, производимых трудом»⁴.

Задача науки, говорит Чернышевский, состоит в том, чтобы найти такую форму отношений, которая обеспечила бы материальное благосостояние людей. Это определение служило орудием борьбы против идеологии господствующего класса, способствовало разрыванию революционной критики существовавшего строя.

Критика Чернышевским буржуазных определений богатства не исчерпывает его полемики с буржуазными экономистами по вопросу о предмете политической экономии. Черны-

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 30.

² Там же, стр. 31.

³ Там же, стр. 29.

⁴ Там же, стр. 31.

шевский вскрывает, что буржуазная политическая экономия концентрирует свое внимание на отношениях обмена и придает им определяющее значение. Он показывает, что преклонение перед обменом характерно для всех школ буржуазной политической экономии, и метко выявляет единство меркантилистов и их критиков из школы Смита. Полемика смитовской школы против меркантилизма, давно сошедшего со сцены, пишет Чернышевский, означает, что смитовская теория «страдает сама меркантильным недугом, засевшим в ее костях». Меркантильная доктрина «придает слишком большую важность деньгам, как средству обмена. Посмотрите же на теорию Смита: она придает такую же чрезвычайную и исключительную важность самому обмену»¹.

Действительно, Смит считает обмен исходной основой разделения труда, результатом естественной склонности людей к нему. Для буржуазной политической экономии характерно стремление завуалировать основное производственное отношение буржуазного общества — эксплуатацию капиталистом наемных рабочих — путем выдвигания на передний план отношений обмена. Между тем последние, во-первых, не являются специфическими только для капитализма; во-вторых, отношения обмена маскируют отношения эксплуатации и представляют отношения между капиталистом и наемным рабочим как эквивалентные, дают возможность отождествить отношения простого товарного производства и капитализма; в-третьих, отношения обмена являются необходимым условием достижения цели капиталистического производства — увеличения стоимости, денег.

Поскольку буржуазная политическая экономия воспекает обмен с целью провозглашения буржуазных экономических отношений в качестве естественных форм, постольку критика Чернышевским «меркантильного недуга» смитовской школы, взгляда, что обмен является якобы «живительным началом, без которого не было бы возможно почти никакое производство»², имеет серьезное научное значение, способствует выявлению ограниченности буржуазных представлений о предмете политической экономии.

Чернышевский справедливо бросает буржуазной политической экономии обвинение в том, что она игнорирует коренные экономические проблемы. К их числу он относит прежде всего нищету, порождаемую развитием капитализма.

---

¹ Н. Г. Чернышевский, *Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля*, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 33.

² Там же.

Чернышевский отмечает, что Милль в очерке экономической истории, в котором он много внимания уделяет прогрессу, в особенности со времени появления среднего сословия, лишь упоминает о классах, находящихся в величайшей бедности, аналогичной бедности дикарей.

«В таком равнодушии,— пишет Чернышевский,— виноват не Милль; нет, он еще гораздо лучше всех других последователей смитовской школы. Виповата теория этой школы, построенная так, что в ней нет места для факта, ставшего теперь повсюду главным двигателем истории»¹.

Чернышевский имеет здесь в виду не только самый факт обнищания непосредственных производителей, а и то, что последние приходят к сознанию возможности изменения своего положения. Таким образом, двигателем истории оказывается класс, который имеет твердую мысль о возможности ликвидации своего нищенского положения. В этих условиях несостоятельность буржуазной политической экономии становится особенно очевидной.

Чернышевский подчеркивает, что буржуазия и ее идеологи пытались представить свои теории как теории, выгодные всему народу. «Средний класс, которому принадлежит смитовская теория, думал тогда, что простолюдину ничего особенно не нужно, что полным счастьем для народа будет то, когда ему, среднему классу, удастся осуществить свои требования»².

Чернышевский указывает, что прошло время, когда подобными уверениями затемнялось сознание трудящихся. «Теперь,— пишет он,— оказалось иное; простолюдины находят, что для прочного улучшения их состояния нужны вещи, которые не нужны среднему сословию, которые во многом даже несовместны с выгодами среднего сословия»³. Именно в этих требованиях трудящихся, угрожающих среднему сословию, Чернышевский видит причину апологетических стараний буржуазной политической экономии. Среднее сословие «испугалось этих новых требований; борясь против них в жизни, оно старается опровергнуть их в теории»⁴.

Задачи и предмет экономической «теории трудящихся»

Правильно противопоставляя интересы эксплуататоров и эксплуатируемых не только в непосредственных экономических отношениях, но и в области теории, сам Чернышевский,

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 35.

² Там же.

³ Там же, стр. 35—36.

⁴ Там же, стр. 36.

однако, не избежал смещения задач экономической теории и ее предмета.

Он учил, что политическая экономия должна служить делу улучшения положения трудящихся. Это правильный демократический тезис; но есть глубокое различие между тем, чему служит наука, и тем, что является ее объектом.

Конечно, политическая экономия должна помочь политике. В этом ее значение, ее служебная роль. Но она помогает не тем, что дает рецепты действий, а тем, что открывает объективные законы, не зависящие от воли и сознания людей. Использование этих законов людьми выходит за пределы политической экономии, хотя, понятно, смысл изучения законов заключается в том, чтобы, познав законы, использовать их.

Чернышевский в меньшей мере, чем буржуазные экономисты, должен был подчеркивать объективность экономических законов. Социализм не существовал еще, он еще должен был наступить. Что же касается капитализма или крепостничества, то до тех пор, пока не был открыт закон экономического развития, как закон смены способов производства, признание объективности законов этих форм производства было равнозначно признанию их вечности.

Буржуазная политическая экономия так и поступала. Она объявила законы буржуазной экономики объективными и вместе с тем вечными. Вечность и объективность слиты воедино. Основой этих законов тогда, естественно, объявляются не исторические условия, а природа человека, его разум.

До тех пор, пока не открыт закон смены одного экономического строя другим, преодоление буржуазной догмы о вечности законов буржуазной экономики возможно только путем критики той природы и того разума, на который опираются буржуазные экономисты. Поэтому буржуазные отношения объявляются Чернышевским противоречащими разуму и подлежащими замене другими отношениями. Задача сводится к тому, чтобы найти другие отношения, соответствующие требованиям разума.

В конкретно-исторических условиях классовой борьбы и уровня развития науки об обществе этот путь критики буржуазных отношений был прогрессивным; он служил преодолению буржуазной догмы о вечности законов капитализма, помогал борьбе против общественных строев, основанных на эксплуатации одних людей другими, служил делу пропаганды революционных идей о необходимости замены существующих общественно-экономических отношений.

Правильно вскрывая, что определения буржуазными экономистами предмета политической экономии содержат в себе апологию буржуазной экономики, увековечение существую-

щих экономических порядков, Чернышевский говорит вместе с тем, что «экономическая наука — медицина экономического быта»¹.

При таком определении политической экономии она выступает как наука, которая должна предписывать соответствующие мероприятия. Однако для оценки исторической роли этого определения, решающее значение имеет то, какой смысл вкладывал Чернышевский в понятие «медицины экономического быта».

Чернышевский отнюдь не собирается врачевать язвы эксплуататорского общества. Он считал, что язвы неизбежны при этом строе. Его мысль направлена к тому, чтобы создать условия, при которых социальные болезни не будут появляться. У Чернышевского речь идет, следовательно, о науке, которая должна помочь коренному изменению экономических условий жизни общества. Но в таком случае независимо от формально-экономических и методологических недостатков определения экономической науки как «медицины экономического быта» на передний план выступает революционное ядро этого определения. Оно направляет политическую экономию на критику основ существующего общественного строя, мобилизует на ликвидацию всех систем эксплуатации одних людей другими, играет исторически прогрессивную роль в борьбе общественных классов.

Когда Чернышевский определяет политическую экономию как медицину экономического быта, как науку о материальном благосостоянии людей, он исходит из того, что материальное благосостояние людей может быть обеспечено не при всякой форме экономического строя общества. Для решения задачи подъема материального благосостояния людей необходимо *изменение системы экономического быта*.

На первый взгляд кажется, что Чернышевский не видит коренных различий между разными способами производства и сводит различие между ними лишь к форме распределения. Вслед за Миллем он объявляет, что формы производства независимы от формы общества.

«Рутинные политико-экономы выставляют все части экономического быта одинаково не зависящими в своих основных чертах от соображений человека о лучшем устройстве человеческого быта. На самом же деле принципы только одной части экономического быта, именно производства, налагаются на человека с необходимостью физических законов; остальные же элементы экономического быта устраиваются уже самим

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 569.

человеком и вполне подлежат власти исторических обстоятельств. Разъяснением этой важной разницы теории производства от теории распределения и обмена начинает Милль 2-ую книгу своего трактата»¹.

Если исходить из этого и подобных других высказываний Чернышевского, то покажется, что разные формы экономического быта отличаются, по Чернышевскому, друг от друга только формой распределения. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясным, что когда Чернышевский говорит о неизменной форме производства, он имеет в виду производство как отношение человека к природе, а не как отношение человека к человеку.

В действительности в системе Чернышевского распределение не занимает определяющего положения, и он не считает предметом политической экономии только распределение. В этом отношении во взглядах и системе Чернышевского есть нечто аналогичное системе Рикардо, который также формально объявляет предметом политической экономии распределение, в действительности же, как указывает Маркс, является прежде всего экономистом производства.

Если мы обратимся к анализу Чернышевским разных форм экономического быта, то увидим, что он всегда подчеркивает прежде всего различия между ними по форме собственности. С другой стороны, поскольку Чернышевский рассматривает вопрос о собственности в связи с проблемой распределения, он акцентирует на распределении прежде всего средств производства.

В исторических условиях борьбы за ломку феодальной собственности выдвижение в проблеме распределения на передний план отношений собственности играло прогрессивную роль; оно приковывало внимание к основе феодального строя, к проблеме ее ликвидации. Какую бы форму общества Чернышевский ни рассматривал, будь то крепостничество, капитализм или социализм, он видит прежде всего особенности в формах собственности. Когда Чернышевский ставит вопрос об условиях, при которых материальное благосостояние может быть изменено в пользу трудящихся, он всегда ставит вопрос об изменении отношений собственности.

Ему прекрасно известно, что крепостническая форма производства предполагает собственность крепостников-помещиков на землю, а капитализм предполагает, что средства производства находятся в руках капиталистов. Наконец, говоря о социализме, он утверждает, что собственность на землю и на

---

¹ Н. Г. Чернышевский, *Очерки из политической экономии* (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 338.

другие средства производства должна принадлежать трудящимся. Мелкое самостоятельное производство он мыслит только при наличии определенных форм собственности.

Главные отличия, которые проистекают из разных форм собственности, Чернышевский видит прежде всего в различии результатов производственной деятельности, т. е. производительности труда. Таким образом, при характеристике различных форм «экономического быта» Чернышевский по существу не только не игнорирует формы и характер производства, но всегда направляет свое внимание прежде всего именно на них. Формально Чернышевский объявляет производство неизменной, надысторической категорией, по существу же он подвергает анализу разные исторические формы производства, основу которых он фактически видит в формах собственности.

Объявить действительный объект своего исследования — производство — главным предметом политической экономии Чернышевскому мешает то, что он не дошел до понятия способа производства. Раз нет этого понятия, то роль каждого данного исторического способа производства не вскрыта, не вскрыто значение его развития. В этих условиях центральная задача неизбежно сводится лишь к критике данной системы экономического быта, к выявлению ее пороков. Последние наиболее очевидно обнаруживаются в сфере распределения, поэтому формально распределение и объявляется Чернышевским главной сферой, главным объектом политической экономии, хотя фактически весь механизм распределения Чернышевский показывает путем анализа форм производства.

Из определения Чернышевским политической экономии как «медицины экономического быта» можно сделать вывод, что, по его мнению, объективный характер имеют лишь законы производства, в то время как законы распределения «устраиваются уже самим человеком». Но такой вывод был бы неправильным. Речь идет не о том, что законы распределения вообще не являются объективными законами. Раз законы распределения зависят, по Чернышевскому, от форм собственности, то ясно, что не от усмотрения людей зависят эти законы. Формы распределения сами по себе не являются продуктом свободного выбора людей. Однако формы собственности могут быть продуктом свободного выбора общества — такова позиция Чернышевского.

Рассматривая различные формы собственности, Чернышевский настойчиво пытается найти их материальную основу. Правда, некоторые из них он находит несоответствующими разуму и общественной пользе; тем не менее он считает необходимым выяснить, почему они существуют. Наконец, Чернышевский стремится установить известное соответствие между

определенными формами собственности и характером, как он выражается, «производительных процессов».

Экономические отношения не являются произвольными, они зависят от формы собственности на средства производства. Однако самая собственность и изменение ее формы не находят в системе воззрений Чернышевского прочной материальной основы.

Чернышевский стремится найти закономерную основу их смены. В работе, посвященной критике философских предубеждений против общинного землевладения, он пытается выявить закономерную картину исторической смены форм собственности. Чернышевским раскрыта диалектика развития форм собственности как закон их развития. При обосновании диалектических переходов Чернышевский высказывает ряд материалистических положений. Однако в целом диалектика исторического развития не получила материалистического фундамента, вследствие чего знание о высших формах собственности выступило у него как достаточное основание для того, чтобы миновать низшие формы собственности.

Несмотря на то, что Чернышевский не в состоянии освободиться от исторического идеализма, что особенно сказывается на его методологических высказываниях, у него при анализе отдельных категорий и явлений обнаруживается материалистическая тенденция выявления закономерной основы экономических отношений.

В мысли Чернышевского, что человек может изменить условия своего «экономического быта», не заключено ничего ненаучного. Недостаток взглядов Чернышевского заключается в том, что он противопоставляет эту возможность изменения «экономического быта» невозможности изменения других явлений, — явлений производства, которые будто бы навязываются человеку «с необходимостью физических законов». Условия «экономического быта» могут подлежать изменению, но эти изменения являются результатом действия определенных законов. Между тем возможность изменения условий «экономического быта» Чернышевский противопоставляет явлениям, которые подчинены действию законов. Это и ведет к тем противоречиям, которые имеются в воззрениях Чернышевского: с одной стороны, он пытается найти закон развития человеческого общества, а с другой, считает, что изменения в человеческом обществе есть дело выбора человека.

В системе Чернышевского мы находим не только элементы политико-экономического анализа, который отражает объективные экономические процессы, происходящие в действительной жизни, независимо от воли и сознания людей, но и советы о том, как надо изменить существующие отношения. Поскольку

эти советы опираются на анализ объективных экономических процессов, они не противоречат научности экономического анализа и являются вполне правомерным и необходимым элементом воззрений революционного теоретика, для которого теория есть орудие преобразования практики.

Воззрения Чернышевского явились наиболее зрелым выражением антикрепостнической борьбы, которую вело крестьянство в России. Революционные устремления Чернышевского толкали его на путь признания возможности изменения условий общественного развития. Всякая революционная теория должна исходить из такой возможности. Без этого признания нет и не может быть революционной теории, революционного действия. Люди могут воздействовать на условия своего экономического быта, изменять его, но эти изменения происходят не в противоречии с законами общественного развития, а в соответствии с ними. Стремление к изменению экономического быта может рассчитывать на успех лишь тогда, когда оно находится в соответствии с объективными экономическими закономерностями развития общества. Само революционное действие должно рассматриваться как закономерное отражение требований материальной жизни общества, и его успех зависит прежде всего от того, насколько оно соответствует закономерностям общественного развития. Такой взгляд означает материалистическое понимание истории. Хотя Чернышевский был ограничен историческими условиями эпохи, в которой сложилось его мировоззрение, он продвинулся в этом направлении дальше всех социалистов домарковского периода. Чернышевский вновь и вновь возвращается к проблеме закономерностей смены общественных форм. Он обращает свои взоры к орудиям труда, к характеру «производительных процессов» и к борьбе общественных классов.

Чернышевский занимается не столько врачеванием экономических отношений, сколько вскрытием их внутренних связей и закономерностей.

Каково историческое значение мысли Чернышевского о том, что изменение общественных отношений зависит от самих людей? В конкретных условиях России рассматриваемого периода это положение заключало в себе историческую правду. Оно не только не противостояло задачам классовой борьбы угнетенного крестьянства, но и способствовало правильному решению его исторических задач, ибо постановка вопроса, данная Чернышевским, толкала на путь революционного действия. Ближайшая задача, стоявшая перед крепостным крестьянством, как классом, состояла в революционном уничтожении феодальных отношений. Эта революционная задача крестьянства отвечала интересам и всего общественного

развития, вытекала из объективного закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Именно из этого закона вытекала в период кризиса крепостного хозяйства необходимость уничтожения тех отношений собственности, на которых покоилось крепостничество. Таким образом, утверждение Чернышевского, что экономические отношения людей могут быть изменяемы самими людьми, было исторически прогрессивным. Оно звучало революционно и помогало освободительной борьбе крестьянства России.

Поскольку Чернышевским делался упор на изменение отношений собственности, его учение о возможности изменений общественных отношений было большим шагом вперед по сравнению с позицией английской классической школы политической экономии, било по апологетике капитализма вульгарной буржуазной политической экономией.

Заслуга английской классической школы политической экономии заключалась в том, что она, в противоположность меркантилистическому тезису о прямой зависимости экономического развития от экономической политики, выработала положение об объективности экономических законов, о независимости этих законов от воли и желаний людей. Но классическая школа объявила эти законы вечными и неизменными. Вслед за этим вульгарная политическая экономия объявила их еще и гармоничными, идеальными. Великая заслуга утопического социализма заключается в критике буржуазной догмы о том, что буржуазные экономические отношения являются якобы вечными отношениями, соответствующими природе человека. Подрыв этой догмы имел огромное значение. Однако идеологи западноевропейского утопического социализма, описывая будущие формы социалистического устройства общества, не делали вывода о необходимости революционной смены отношений собственности.

Выставляя положение о возможности изменений общественных отношений, отношений собственности, Чернышевский по существу критикует буржуазный тезис о вечности и неизменности экономических законов капитализма. И хотя вместе с этим тезисом он как бы опрокидывает и тезис об объективности экономических законов, его критика буржуазной догмы о вечности и неизменности экономических законов, экономических отношений капитализма играла прогрессивную роль. Она была ступенью на пути к утверждению мысли об историчности, изменямости объективных экономических законов. Хотя открытие этого исключительно важного положения выходит уже за пределы системы Чернышевского, своей критикой буржуазной догмы о вечности и неизменности буржуазных экономических законов он помогал движению науки вперед.

Это движение вперед осуществляется в следующих направлениях:

Во-первых, подрывается догма о вечности буржуазных экономических законов и отношений.

Во-вторых, Чернышевский стремится доказать не только разумность социалистических экономических порядков и неразумность капиталистических, но и то, что развитие общества вообще идет от низших форм к высшим, что это развитие связано с изменениями в самом материальном производстве. Последнее не является для него конечной причиной, но различные ступени материального производства допускают неодинаковые формы общественных отношений.

Чернышевский стремится объяснить возможность существования тех или иных экономических отношений характером «производительных процессов».

Понятие «производительного процесса» не получило у Чернышевского вполне определенных очертаний. Производительные процессы не являются у него творцом определенных форм экономических отношений. Однако каждая определенная ступень в развитии производительных процессов исключает возможность существования известных экономических отношений. Мысль Чернышевского бьется в направлении поисков материалистического решения закономерностей смены экономических форм. Так, например, стремясь обосновать разумные формы экономических отношений, социалистические формы, Чернышевский иногда связывает их укрепление с определенным типом производительных процессов, с наличием определенной системы орудий труда.

В-третьих, самую смену крепостнических отношений он рассматривал как результат революционных действий масс и в этом смысле как закономерный процесс.

В оценке роли трудящихся в процессе исторического развития общества Чернышевский поднялся высоко над социалистами-утопистами. Переход к новым общественным отношениям он связывает с развитием сознания трудящихся, с их борьбой. Как известно, западноевропейский утопический социализм связывал освобождение трудящихся не с деятельностью самих трудящихся, а с убеждением прежде всего господствующих классов. В противоположность им Чернышевский заявляет: «Кто не предъявляет своих требований, о том никто не заботится»¹. Возможность изменения существующих отношений он связывает с борьбой самих трудящихся.

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 35.

Это является шагом вперед не только по сравнению с утопическим социализмом, который не видел в пролетариате и трудящихся никакой силы исторического движения и был далек от революционных методов осуществления своих идеалов, но и по сравнению с предшественниками Чернышевского в рядах русских мыслителей, развивавшими идею революционного уничтожения крепостничества. Своим толкованием предмета и задач политической экономии он стремится научно обосновать закономерность демократического решения задачи революционного преобразования общества, переводит революционную теорию на новую классовую основу и закладывает фундамент нового учения о движущих силах революционного преобразования общества.

Метод политической экономии

Подобно тому как фактически исследуемый Чернышевским предмет политической экономии не совпадает с формально объявленным им предметом, так и метод, который Чернышевский объявляет в качестве метода политической экономии трудящихся, в действительности не является определяющим для всей системы экономических воззрений и исследований Чернышевского.

Научным методом политической экономии Чернышевский формально объявил так называемый гипотетический метод. «Этот метод состоит в том, что, когда нам нужно определить характер известного элемента, мы должны на время отлагать в сторону запутанные задачи и приискивать такие задачи, в которых интересующий нас элемент обнаружил бы свой характер самым несомненным образом, приискивать задачи самого простейшего состава. Тогда, узнав характер занимающего нас элемента, мы можем уже удобно распознать ту роль, какую играет он и в запутанной задаче, отложенной нами до этой поры»¹.

На первый взгляд гипотетический метод есть обычный метод абстракции, который применялся до Чернышевского, в частности английской классической школой, в особенности Рикардо. Это впечатление усиливается благодаря следующему замечанию Чернышевского: «Итак, из области исторических событий мы должны перенестись в область отвлеченного мышления, которое вместо статистических данных, представляемых

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 59.

историю, действует над отвлеченными цифрами, значение которых условно и которые назначаются просто по удобству»¹.

Гипотетический метод, который Чернышевский объявляет своим методом, включает в себя абстракцию как элемент. Однако при выяснении того, какой смысл вкладывает Чернышевский в гипотетический метод, нельзя ограничиться констатацией того, что он предполагает абстракцию.

Применение абстракции при изучении экономических явлений в тех или иных пределах неизбежно в любой системе политической экономии. Метод абстракции всегда является вспомогательным методом, характер которого определяется другими, более существенными чертами методологии данной школы или данного исследования. Метод абстракции применяют и Рикардо, и Бем-Баверк, но на этой основе было бы нелепо объявить тождество методов Рикардо и Бем-Баверка.

Когда речь идет о применении абстрактного метода, всегда возникает вопрос, от чего абстрагируют экономисты данной школы, какие явления они считают возможным абстрагировать и какие рассматривают в качестве определяющих существо экономических отношений, от которых нельзя абстрагироваться ни на какой ступени анализа. С другой стороны, возникает также вопрос о том, от чего обязательно необходимо абстрагировать? Известно, что Рикардо обвиняли в том, что он чрезмерно абстрактен. Маркс же показал, что он недостаточно абстрактен; например, рассматривая отношения простых товаропроизводителей, Рикардо не в состоянии абстрагироваться от таких категорий, как средняя прибыль, процент, хотя эти экономические явления возникают лишь при капиталистическом производстве. Но так как для Рикардо буржуазная форма производства есть единственная, вечная, раз и навсегда данная форма производства, то и все категории буржуазного общества тоже даны раз и навсегда.

У Рикардо свой, специфический абстрактный метод, характерная особенность которого заключается в том, что он внеисторичен. Но когда Рикардо анализирует капиталистические категории, он не вносит в анализ чуждого капитализму элемента. В этом смысле и при этом условии абстракция Рикардо конкретно-исторична, ибо при анализе Рикардо не абстрагируется от буржуазных производственных отношений, а из них исходит. С другой стороны, поскольку для него буржуазная форма производства, буржуазные отношения являются вечными, и они не изучаются им в движении, развитии, эта абстракция становится метафизической. Таким образом, абст-

---

¹ Н. Г. Чернышевский, *Примечания к «Основаниям политической экономии»* Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 59.

рактный метод Рикардо имеет и свои достоинства и свои недостатки, обусловленные общим мировоззрением Рикардо.

Но и в своих достоинствах, и в недостатках абстрактный метод Рикардо носит буржуазный характер.

Характер метода определяется общим мировоззрением.

Чернышевский был материалистом в объяснении явлений природы, однако он не поднялся до материалистического объяснения истории. Это обстоятельство явилось определяющим при обосновании Чернышевским гипотетического метода.

Сущность последнего формулируется Чернышевским в соответствии с той задачей, которую он ставит перед политической экономией. Экономическая наука должна доказать несостоятельность способов производства, основанных на эксплуатации одних людей другими, и обосновать разумность и необходимость нового, свободного от эксплуатации строя экономических отношений.

Отсюда стремление к сведению проблем политической экономики к отысканию определенных количественных пропорций между отдельными элементами хозяйства. В связи с этим явно проступает рационализм и нормативизм гипотетического метода Чернышевского.

Но обосновывая те или иные выводы, к которым Чернышевский приходит, фактически он сплошь и рядом отходит от нормативизма и рационализма, покидает свой гипотетический метод.

Например, поскольку Чернышевский рассматривает крепостничество и капитализм как исторически преходящие формы экономического быта, он стоит неизмеримо выше классиков буржуазной политической экономии. Поскольку метод абстракции используется для выявления противоречий крепостничества и капитализма, он является полезным и действенным и в нем нет ничего от специфически гипотетического метода. Но при помощи гипотетического метода нельзя обеспечить вскрытие внутренних закономерностей тех или иных отношений крепостничества или капитализма, ибо при анализе данных систем абстракция гипотетического метода выводит производственные отношения за пределы этих систем.

Сам Чернышевский, по-видимому, понимал, что его гипотетический метод отличается от абстрактного метода классической школы. Рассматривая ту или иную проблему, Чернышевский всегда указывал своих предшественников. Характерно, что в данном случае он не ссылается ни на кого. Главным в гипотетическом методе является не то, что он допускает абстракцию, а самый *характер* абстракции. С этой же точки зрения между методом Чернышевского и, например, Рикардо имеется глубокое различие.

Если оставить в стороне вопрос об абстракции, то бросается в глаза внеисторичность гипотетического метода. При анализе того или иного явления Чернышевский допускает возможность отвлечься от конкретной исторической формы производства, в условиях которой имеет место это явление. Например, рассматривая вопрос о роли войны для экономики страны, Чернышевский в качестве критерия берет точку зрения нации, но без определения характера национального производства, национальной экономики. Он пишет: «Может ли война быть полезна не для какой-нибудь шайки, а для многочисленной нации?» Ставя вопрос в такой форме, Чернышевский декларирует, по существу, правомерность внеисторической постановки вопроса, говорит об абстрактной нации, без определенной системы производственных отношений. В других случаях Чернышевский анализирует или критикует ту или иную систему производственных отношений, сравнивает ее с другой системой, ссылаясь при этом на разум. Большею частью «разум», к которому апеллирует Чернышевский, чужд тому типу отношений, который им анализируется, хотя и является конкретно-историческим.

Так, например, исследуя крепостное хозяйство, Чернышевский тонко подмечает его существенные стороны и показывает несоответствие крепостнического порядка требованиям разума, под которым имеет в виду разум предпринимателя, ведущего предприятие на основе коммерческого расчета. Коммерческий расчет — категория капитализма. Он не свойствен крепостничеству, ибо при крепостничестве прибавочный продукт получается не путем приведения в движение авансированного капитала.

По Чернышевскому, научная критика должна в конце концов выявить, говоря марксистским языком, соответствие или несоответствие феодальных производственных отношений не уровню развития производительных сил, а их соответствие или несоответствие требованиям разума. Поскольку критика феодализма идет по существу с позиций не абстрактного разума, а разума, опирающегося на конкретные преимущества капитализма перед крепостничеством, постольку она носит конкретно-исторический характер. И такая критика имела исторически прогрессивное значение. Критика капитализма тоже ведется Чернышевским, по существу, с позиций не абстрактного «разума», а разума, знающего о преимуществах социализма перед капитализмом. В этом смысле и критика капитализма ведется исторически. Но в обоих случаях имеет место и внеисторизм, поскольку при анализе и того и другого строя он абстрагируется от их внутренних закономерностей.

Чернышевский объявляет, например, что крепостническая экономика находится за пределами принципов политической

экономии. И капитализм также не соответствует требованиям разума. И при нем имеют место явления, находящиеся в противоречии с требованиями науки, основанной на разуме. Вследствие такого подхода, изменения, происходящие в самих отношениях и соответствующих им категориях внутри данного экономического строя, не подвергаются анализу. Чернышевский отделяет иногда форму и содержание экономических категорий таким образом, что объявляет содержание вечным, а форму — исторической.

Но Чернышевский фактически историчен, когда он анализирует соотношение разных видов «экономического быта».

Когда Чернышевский пытается ответить на вопрос о смене форм экономического быта, у него налицо попытки и материалистического подхода к решению задачи (интерес к средствам производства), попытки показать процесс смены одной формы экономического быта другой формой диалектически («Критика философских предубеждений против общинного владения»).

Основой научности метода политической экономии является подход к категориям политической экономии как к теоретическому выражению исторически определенных производственных отношений. Поскольку Чернышевский не покидает задачи поисков наиболее рационального сочетания элементов производства, выявление качественных особенностей производственных отношений каждого строя отстывает у него на задний план, и он объявляет, что предметом науки являются «количества, подлежащие счету и мере, понимаемые только через вычисление и измерение»¹.

В действительности предметом политической экономии являются прежде всего качества, т. е. определенные производственные отношения. Количественное измерение выступает только после качественного определения. Чернышевский признает, понятно, определенные законы, коль скоро имеются определенные производственные отношения. Но закона *изменения* самих производственных отношений Чернышевский не раскрыл. Вследствие этого его усилия направлены на поиски наиболее разумных и справедливых производственных отношений.

Переход от одной системы производства, способа производства к другому не изменяет, по Чернышевскому, подхода к экономическим явлениям. Какова бы ни была форма производственных отношений, имеется всегда один критерий оценки, одна количественная мера. Это и мешает ему подойти к зако-

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 58.

нам движения, развития каждого отдельного строя. Его интересует не внутренний закон развития отдельной системы, а несоответствие этого закона разумному закону. Если он и исследует развитие, то преимущественно для того, чтобы показать, как это развитие приходит в столкновение с разумным законом.

Изучение исторического развития привело Чернышевского к твердому выводу о неизбежности революционной смены одних экономических отношений другими, хотя ему и не удалось раскрыть экономического закона неизбежной смены одного экономического строя другим. Это последнее обстоятельство вело к тому, что он концентрировал свое внимание на субъективных предпосылках революционной смены одного строя другим. Но материализм толкал его на путь поисков объективных, материальных предпосылок революционного преобразования общества.

Чернышевский говорил о преимуществах одного экономического строя над другим, указывал, что появление той или иной системы экономических отношений зависит от характера материального производства. Часто явления общественной жизни Чернышевский объясняет с материалистических позиций. Например, он пишет: «Просим читателя обратить внимание на коренную мысль Бокля, что история движется развитием знания. Если дополним это верное понятие политико-экономическим принципом, по которому и умственное развитие, как политическое и всякое другое, зависит от обстоятельств экономической жизни, то получим полную истину: развитие двигалось успехами знания, которые преимущественно обуславливались развитием трудовой жизни и средств материального существования. Влияние других исторических элементов было по преимуществу регрессивным»¹.

Хотя Чернышевский формально не полемизирует с Боклем, он вносит такой новый момент в объяснение истории, который выводит его за пределы идеализма и переводит на рельсы материализма. Как ни расплывчато указание на «развитие трудовой жизни и средств материального существования», ему нельзя придать никакого иного значения, кроме того, что основу и источник исторического процесса нужно искать в материальном производстве.

В приводимом ниже тексте Чернышевского эта мысль получает ещё более ясные очертания. «Мы видим, что перемены в качествах труда вызываются переменами в характере производительных процессов. С одной стороны, это значит, что если изменился характер производительных процессов, то непре-

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к переводу «Введения в историю XIX века» Гервинуса, Полное собрание сочинений, т. X, стр. 441.

менно изменится и характер труда, и что, следовательно, опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов. Но, с другой стороны, не следует забывать и того, что результаты известного факта требуют известного времени для полного своего обнаружения, что факт, требующий новой обстановки, не вдруг может создать ее, и неизбежно продолжает несколько времени существовать прежняя обстановка, соответствовавшая прежним фактам, но для него уже неудобная. Поэтому очень естественно, что характер труда в передовых странах Европы до сих пор еще остается прежний, какой был удобен при ведении производства в малом размере; производство в большом размере само стало усиливаться еще очень недавно: назад тому 80 лет его экономическая роль была совершенно ничтожна, даже в самой Англии, не говоря уже о других странах»¹.

И эта цитата показывает, что мысль Чернышевского в объяснении явлений общественной жизни стремится в сторону материализма. Материалистическое объяснение экономического развития находит здесь еще более ясные и конкретные формы.

Понятие качества труда имеет у Чернышевского широкое значение; при его помощи Чернышевский приближается к понятию общественно-экономической системы производства. Указывая, что изменение в производительных процессах воздействует на «качество труда», Чернышевский по существу говорит о воздействии изменений характера материального производства на экономическую систему производства. Налицо материалистическая линия в анализе экономических явлений, попытки материалистически объяснить явления экономики. Эти попытки представляют собой высший пункт развития общественной науки до исторического материализма, на путях к нему. Здесь устанавливается прямая связь между характером материального производства и «качеством труда». Эта связь толкает мысль по тому пути, который ведет к установлению зависимости производственных (экономических) отношений людей от производительных сил.

Успешность производства ставится Чернышевским в прямую зависимость от характера производительных процессов и от «качества работника». «Повсюду успех производства является производением двух факторов: один из факторов — степень совершенства производительных операций, другой фактор — качество труда, или, что то же, качества работника, исполняющего эти операции. Само собою разумеется, что если один фактор очень велик, то произведение будет довольно зна-

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 222.

чительно и при малой величине другого фактора. Но выгоднейшая величина в производстве получается тогда, когда оба фактора соразмерны между собою»¹.

Чернышевский считает, что производительность является результатом определенного сочетания орудий и труда того или иного качества. Как видим, он берет те два элемента производства, которые Маркс относит к производительным силам. Однако Чернышевский берет человеческий труд не только с той стороны, с которой тот входит в производительные силы, а и с той его стороны, которая является следствием определенных производственных отношений, обусловленных формой собственности на средства производства. В рецензии на речь Бабста Чернышевский уделяет огромное внимание так называемому нравственному капиталу, сущность которого он сводит к накоплению у агентов производства опыта, знаний и стремления к активной производственной деятельности. Источником этого нравственного капитала Чернышевский считает наличие определенных гражданских отношений. Ставя нравственный капитал в зависимость от общественного строя, Чернышевский рассматривает его все же преимущественно как элемент производительных сил.

В приведенной цитате «качества работника» берутся в более широком плане, и труд рассматривается преимущественно с той его стороны, которая зависит от характера производственных отношений. В конкретно-исторических условиях эпохи падения крепостничества подчеркивание этой стороны труда имело огромное революционно-критическое значение, поскольку оно было направлено против крепостного принудительного труда.

Вместе с тем эта конкретно-историческая задача и ограничивала Чернышевского. Хотя различия между разными общественными строями наиболее очевидны по положению непосредственного производителя и его отношению к труду, однако производственные отношения нельзя свести только к «качеству труда» в понимании Чернышевского. Производственные отношения определяют отношение работника к процессу труда, но они не сводятся к этому отношению и проявляются не только в этом.

Система производственных отношений интересует Чернышевского только в пределах того, как она влияет на заинтересованность каждого отдельного производителя в процессе труда. С точки зрения производительности труда в единичном предприятии решающими факторами являются характер орудий труда, подготовленность работника к данному виду производства и его заинтересованность в труде. Но когда речь

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 219.

идет о производительности общественного труда при разных общественных системах производства, то было бы неправильно игнорировать роль всей системы производственных отношений, т. е. и тех экономических отношений, которые выходят из пределов единичного предприятия.

Хотя Чернышевский, изучая развитие общества, акцентирует внимание на качестве труда, однако ему удается с большой силой выявить зависимость форм труда от развития орудий труда. Он связывает характер труда с характером орудий труда. «При грубых процессах производства, какими ограничивалась техника варварских обществ, рабский труд не представлял несообразности с орудиями, к которым прилагался: то и другое было одинаково дурно. Когда техника несколько развилась, когда явились довольно многосложные и деликатные орудия, грубый труд раба оказался непригодным: машина не терпит подле себя невольничества; она не выдерживает тяжелых рук его беспечности. Не выдерживают невольничества и все те мастерства, в которых введены сколько-нибудь усовершенствованные инструменты. Для них необходим вольный человек»¹. В этом рассуждении Чернышевского пропущена феодальная форма труда, но в целом оно является вполне материалистическим.

Продолжая анализ развития форм производства, Чернышевский говорит: «Но когда производство совершенствуется до того, что требует ведения в широком размере, для него становится недостаточным одно то условие, чтобы работник был свободен. В небольшой мастерской, в маленьком хозяйстве хозяин может наблюдать за исполнением дела; тут нет большой разницы между работою хозяина и наемника, потому что наемник работает на глазах у хозяина, который может уследить за всякой мелочью»².

Чернышевский выступал в эпоху, когда степень концентрации производства была еще относительно низкой. Эпоха монополистического капитализма, выросшего на базе концентрации производства, принесла такое укрупнение производства, которое исключает возможность наблюдения одним лицом за процессом труда. Тем не менее известно, что производительность труда на крупных предприятиях оказывается выше, чем на мелких. Стремясь далее показать различие между капиталистической системой труда и той, которая, по его мнению, в условиях крупного производства должна прийти на смену капитализму, Чернышевский пишет:

«Чем обширнее становится размер хозяйства, тем меньше

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 220.

² Там же, стр. 220—221.

возможности одному хозяину усмотреть за постоянно возрастающим числом работников, за подробностями дела, принимающего громадную величину. Тут наемный труд даром тратит половину времени, даром пропадает половина силы, даваемой машинами. Вместо наемного труда выгодой дела требуется тут уже другая форма труда, более заботливая, более добросовестная к делу. Тут нужно, чтобы каждый работник имел побуждение к добросовестному труду не в постороннем надзоре, который уже не может уследить за ним, а в собственном своем расчете; тут уже нужно, чтобы вознаграждение за труд заключалось в самом продукте труда, а не в какой-нибудь плате, потому что никакая плата не будет тут достаточно вознаграждать за добросовестный труд, а различать добросовестный труд от недобросовестного становится все менее и менее возможным кому бы то ни было, кроме самого трудящегося»¹.

Чернышевский исходит из правильной мысли, что капиталистический строй не обеспечивает возможности полностью использовать те производительные силы, которые имеются при крупной машинной индустрии, что свободный труд трудящихся должен обеспечить более высокий уровень производительности труда.

Несомненно, огромную роль играют в этом стимулы к труду. Подчеркивание их играло весьма положительную роль не только в борьбе против крепостничества, но и в борьбе с буржуазной экономической мыслью, апологетически воспевавшей наемный труд, как якобы свободный. Однако при всей значимости стимулов труда переход от одного строя к другому не ограничивается только сменой стимулов. Например, различия между капитализмом и социализмом в стимулах труда очевидны и громадны, но они далеко не исчерпывают всех коренных отличий между этими строями. И преимущества социализма над капитализмом не исчерпываются только преимуществами в области стимулов труда. Даже там, где Чернышевский стоит на материалистических позициях в объяснении некоторых важных явлений общественной жизни, сказывается отсутствие у Чернышевского понятия способа производства: например, ограничение проблемы смены одного строя другим проблемой смены стимулов труда. Здесь сказывается также историческая ограниченность эпохи, в которую действовал Чернышевский, и класса, интересы которого он представлял. Нельзя упускать из виду упоминание Чернышевским продукта труда как вознаграждения вместо платы за труд. Это — концепция самостоятельного производителя, который стремится к

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 221—222.

получению всего продукта, созданного им. От нее Чернышевский не может освободиться, хотя он и втягивает этого самостоятельного производителя в лоно крупного социалистического производства.

Бесспорно, что мысль Чернышевского работала над тем, чтобы найти материальные основы смены одного экономического строя другим. В этом отношении несомненны заслуги Чернышевского, стремившегося показать зависимость экономических форм от материальных условий и факторов производства.

Хотя смена одного строя другим происходит не только и не столько потому, что необходимо изменить стимулы труда, хотя каждый строй изменяет положение труда, но не это является основой и не к этому только сводится изменение экономического строя. Тем не менее очень существенно, что для Чернышевского смена экономических форм оказывается непосредственно зависимой от изменений в орудиях труда, в характере процесса материального производства.

Материалистическое понимание истории немислимо без учения о способе производства и двух его сторонах, ибо без диалектики развития производительных сил и производственных отношений нельзя дать научных закономерностей общественно-экономического развития,

Хотя приведенные выше высказывания Чернышевского о причинной связи между характером производства и формой экономического строя с точки зрения исторического материализма еще далеки от совершенства, тем не менее они представляют собой движение науки по пути к историческому материализму.

Для политической экономии, развития в ней метода материалистического анализа, исторического подхода к экономическим явлениям приведенные положения имеют огромное научное значение.

По сути дела эти положения Чернышевского означают, что предметом политической экономии являются общественные отношения, которые исторически меняются в связи с развитием материального производства. Этими своими высказываниями Чернышевский по существу провозглашает историзм в политической экономии, объективность экономических законов. Категории политической экономии фактически оказываются у него теоретическим выражением производственных отношений. Задачи политической экономии не сводятся только к выявлению наиболее рациональных количеств.

Таким образом, Чернышевский далеко выходит за рамки гипотетического метода, а в известной мере он даже вступает в конфликт с ним, поскольку он начинает подходить к экономи-

ческим отношениям как исторически меняющимся, качественно определенным на каждой ступени исторического развития.

В свете сказанного очевидна неубедительность имеющих место в нашей литературе попыток представить гипотетический метод в качестве всеопределяющего метода Чернышевского.

Такие попытки являются результатом сведения гипотетического метода Чернышевского к абстрактному методу, игнорирования того, что абстрактный метод никогда не может быть генеральной характеристикой метода той или иной школы.

Но если гипотетический метод не может быть сведен просто к применению абстракции, то и применяемый Чернышевским в политической экономии метод не может быть сведен к гипотетическому.

Чернышевский использовал гипотетический метод преимущественно для критики капитализма. Между тем, когда он стремился дать объяснение исторического развития экономических форм, то он пользовался и диалектикой, стремился материалистически истолковать генезис тех или иных экономических форм.

Методологические приемы Чернышевского были непосредственно связаны с его материалистическим и революционным мировоззрением и служили задаче революционного преобразования России. Они явились новой ступенью в развитии методологии политической экономии по материалистическому пути. Методология Чернышевского помогала ему вскрывать коренные пороки буржуазной политической экономии.

* *
*

Характерно, что Чернышевский подобно Марксу, но независимо от него отмечает двойственный характер анализа Смита и устанавливает, что у Смита, с одной стороны, имеет место научный анализ, а с другой — ненаучная система воззрений. «...Через всю теорию школы (Смита.— *Н. Ц.*) проходит раздвоение понятий и беспрестанное спутывание одной системы воззрений, чисто научной, идущей к корню вещей, с другою системою, принадлежащею разговорному языку и поверхностному образу мыслей людей, не привыкших к отвлеченному мышлению»¹.

У Маркса очень много говорится об этих двух линиях у Смита. «Смит,— говорит Маркс,— с большой наивностью возвращается в постоянных противоречиях. С одной стороны, он ис-

¹ *Н. Г. Чернышевский*, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 30.

следует внутреннюю связь экономических категорий — или скрытое строение буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она следовательно представляется несведущему в науке наблюдателю, совершенно так же, как и человеку, практически участвующему и заинтересованному в процессе буржуазного производства»¹.

Эти высказывания Чернышевского и Маркса по форме тождественны. И тем не менее в отношении к этой двойственности у Чернышевского и у Маркса имеется различие.

Чернышевский во второй системе видит лишь нечто, принадлежащее «поверхностному образу мыслей», видит лишь спутывание одной системы воззрений с другой; он не ставит вопрос о закономерной основе обеих систем воззрений. Между тем Маркс не только ставит этот вопрос, но и разрешает его определенным образом. Маркс пишет: «Эти оба способа исследования у Смита идут непринужденно не только рядом друг с другом, но и переплетаются и постоянно противоречат друг другу. Это имеет у А. Смита свое оправдание, за исключением отдельных детальных исследований, как например о деньгах, — ввиду того, что его произведение действительно преследовало две цели. С одной стороны, оно являлось попыткой проникнуть во внутреннюю физиологию буржуазного общества; с другой же стороны, Смит хотел отчасти впервые описать его внешним образом проявляющиеся жизненные формы, обрисовать его внешнюю связь и отчасти также найти для этих явлений номенклатуру и соответствующие рассудочные определения, следовательно, отчасти впервые воспроизвести их в языке и в процессе мышления»².

По Марксу, таким образом, у Смита две системы не просто переплетаются друг с другом, смешиваются друг с другом, противоречат друг другу, но также должны ответить на разные вопросы. Первая линия вскрывает сущность, вторая — показывает внешнюю связь. Эта внешняя связь отлична от внутренней сущности, но задача науки заключается и в том, чтобы показать связь между сущностью и явлением. Явление не есть нечто чуждое сущности, поэтому внешняя связь также должна быть воспроизведена. Задача науки заключается не только в том, чтобы свести явление к сущности, но и в том, чтобы показать возникновение из данной сущности определенного явления. Смит сам эту задачу не только не решил, но даже и не поставил *сознательно*. Но он поставил ее стихийно. Таким образом, в двойственности метода Смита Маркс видит

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, 1936, стр. 8.

² Там же.

не только заблуждение, но и плодотворное для науки противоречие.

Между тем для Чернышевского двойственность анализа Смита есть только заблуждение, ибо для Чернышевского существует только задача дойти до корня того или иного явления. Возникновение же того или иного явления, коль скоро выяснена его сущность, Чернышевского уже не интересует. Чернышевский остается в пределах решения аналитической задачи сведения явлений к сущности, но не видит генетической задачи выведения явления из сущности, воспроизведения, рождения явлений.

Марксово понимание метода Смита отражает новую историческую ступень в развитии методологии политической экономии — победу и утверждение метода диалектического материализма. Понимание метода Смита Чернышевским не противостоит марксову пониманию, а является шагом к нему и представляет, таким образом, большую научную ценность в домарковом развитии методологии политической экономии. Заслуга Чернышевского заключается в том, что он обратил внимание на двойственность анализа Смита. Он правильно указал, какова научная сторона в системе Смита. Чернышевский метко отделил научную сторону в воззрениях Смита от поверхностной систематизации внешней стороны в экономических явлениях, которая давала повод для вульгарно-апологетических конструкций. Таким образом, констатация двойственности в системе Смита была в руках Чернышевского орудием критики буржуазной политической экономии, которая, как известно, все больше отходила от научного наследства классической школы и раздувала ее вульгарные элементы в целые системы вульгарной политической экономии. Различение научных и вульгарных элементов во взглядах Смита имело огромное научное значение, помогало критике буржуазной политической экономии и вульгарной апологетики капитализма и тем самым помогало идейному вооружению социализма.

Сущность «теории трудящихся»

Чернышевский объявил свою систему политической экономии «теорией трудящихся». Трудящимися Чернышевский считал всех простолюдинов — крестьян, рабочих, ремесленников, т. е. всех, не эксплуатирующих чужой труд и, наоборот, подвергающихся, как правило, эксплуатации. Поскольку Чернышевский пытался в своей теории дать ответ на вопрос о способах освобождения всех трудящихся от эксплуатации, постольку это название оправдывает себя. Чернышевский кри-

тикует феодальные порядки, вскрывает эксплуатацию помещиками крестьян, показывает малую производительность принудительного труда, преимущества свободного крестьянского хозяйства, необходимость ликвидации феодальной собственности. Этим самым он формулирует требования крестьянства и дает им теоретическое обоснование.

Вместе с тем Чернышевский хорошо показывает противоположность интересов рабочих и капиталистов. Он приходит к выводу, что рабочие могут быть освобождены от эксплуатации только тогда, когда они сами станут хозяевами процесса производства.

Таким образом, своей теорией он стремится служить интересам освобождения всех эксплуатируемых.

«Теорию трудящихся» Чернышевский противопоставлял господствовавшей теории — теории капиталистов. «Теория трудящихся» Чернышевского является не только опытом обоснования социализма; она является также и опытом критики капитализма, включает в себе и критику крепостничества. Неправильно поэтому толкование В. М. Штейна, будто «теория трудящихся» Чернышевского является лишь теорией социализма. Неправильна также интерпретация «теории трудящихся» в книге В. Н. Замятнина о Чернышевском, по которой «теория трудящихся» касается будто бы лишь категорий капитализма и социализма¹. Согласно этой концепции, анализ и критика крепостничества выходят за рамки «теории трудящихся» Чернышевского. «Теория трудящихся» Чернышевского получает, таким образом, только антикапиталистическую характеристику.

Такое ограничение содержания «теории трудящихся» влечет за собой игнорирование или непонимание антикрепостнической, объективно исторически важнейшей стороны в революционной теории Чернышевского. Политическая экономия была поставлена Чернышевским на службу борьбе не только против капитализма, но и в первую очередь против крепостничества. Чернышевский не считал, что буржуазная политическая экономия сделала все возможное для того, чтобы подвергнуть полной критике крепостничество. Между буржуазной и крестьянски-демократической критикой крепостничества имеется существеннейшее различие. Для всей системы экономических воззрений Чернышевского характерна демократическая, антикрепостническая направленность. Даже тогда, когда Чернышевский рассматривает категории капитализма, он не забывает о критике крепостничества. Буржуазная политическая экономия во времена Чернышевского исчерпала свою про-

¹ См. В. Н. Замятнин, Экономические взгляды Чернышевского, Госполитиздат, М. 1951.

грессивную миссию, поскольку она перестала быть теоретической опорой революционных действий против крепостничества. Поэтому критика Чернышевским буржуазного либерализма представляет собой органическое звено его системы. Когда Чернышевский противопоставляет «теорию трудящихся» теории капиталистов, то он противопоставляет ее и в качестве антикрепостнической теории. Таким образом, в действительности «теория трудящихся» есть система, охватывающая всю совокупность экономических воззрений Чернышевского. Из интересов трудящихся исходит Чернышевский и в критике крепостничества, и в критике капитализма, и в утверждении социализма.

Название — «теория трудящихся» — верно схватывает устремления теории Чернышевского, но не выявляет классовой сущности учения. Всякая борьба за освобождение трудящихся имеет свою специфическую классовую основу. Название — «теория трудящихся» — само по себе не дает ответа на вопрос о классовой природе этой теории и о том, какова историческая миссия этой теории. У трудящихся всегда есть общие интересы. Но классовые различия определяют различие и идеологии, и программы. Когда речь идет о трудящихся вообще, то сразу не становится ясным, о каком конкретном общественном антагонизме идет речь. Каждый класс общества имеет своего специфического антагониста. Этим определяются и теоретические устремления и программные позиции его представителей. Например, антагонист рабочего — капиталист. Капиталист может эксплуатировать и крестьянина. Но до тех пор, пока крестьянин остается крестьянином, его главным антагонистом является не капиталист, а помещик.

Сила Чернышевского заключается в том, что он видел оба ряда антагонизмов. В этом смысле его теория также является «теорией трудящихся». Теоретически он пытался ликвидировать оба ряда антагонизмов в пользу эксплуатируемых. Однако способ ликвидации обоих рядов антагонизмов у него является классово определенным. И эта классовая определенность особенно проявляется в том, что Чернышевский считал главным для ликвидации общественных антагонизмов.

Несмотря на то, что Чернышевский был глубоким критиком капитализма и буржуазной политической экономии, он являлся не пролетарским, а крестьянским критиком капитализма. Именно крестьянским, не мелкобуржуазным. Как ни величественны критические высказывания Чернышевского против капитализма, как ни глубока иногда критика капитализма, как общественного строя, не дающего необходимого простора развитию производительных сил, тем не менее капитализм критикуется Чернышевским через призму крестьянского хозяй-

ства. Капитализму противопоставляется общественный строй, в котором собственник, хозяин и работник соединены в одном лице. Пусть это соединение имеет социалистическую форму. Все равно: к противоречиям капитализма он подходит с меркой крестьянского хозяйства. По мнению Чернышевского, пороки капитализма проистекают из того, что в нем нет соединения в одном лице собственника, хозяина и работника.

Второе, что необходимо отметить в этом плане: с точки зрения Чернышевского, барьером, способным оградить рабочего от «язвы пролетариатства», является то, что является опорой крестьянского хозяйства. Чернышевский считает, что гарантией против «язвы пролетариатства» будет служить обеспечение каждого трудящегося землей. Если все члены общества будут иметь землю, то не будет «язвы пролетариатства». Вот формула, в которой крестьянский характер теории трудящихся Чернышевского показывает себя вполне определенно.

Может быть указано, что Чернышевский считал гарантией не просто владение землей, а общинное владение. Это верно, но это не меняет специфически крестьянской окраски гарантий от «язвы пролетариатства». Ведь и общинное землепользование не меняет характера производства. И при общинном и при частном землепользовании существенно то, что земля принадлежит в качестве объекта земледельческого производства трудящемуся и что нет помещичьей собственности на землю. До тех пор, пока у трудящегося есть земля, он гарантирован от «язвы пролетариатства». Гарантия прекращается тогда, когда трудящийся лишается земли. Следовательно, выдвижение общинного землепользования в качестве гарантии от «язвы пролетариатства» не меняет того, что основой гарантии от «язвы пролетариатства» является наличие у трудящегося земли. Трудно сомневаться в том, что здесь налицо крестьянский взгляд на причины «пролетариатства».

Третье, что необходимо отметить: Чернышевский ярко и глубоко ставит вопрос об экспроприации феодальной земельной собственности. В центре его внимания — проблема аграрных отношений, революционное изменение их, замена одной формы собственности другой. Между тем мы не находим у Чернышевского нигде предложения об экспроприации средств производства у капиталистов. План экспроприации содержится только применительно к земельной собственности. Это опять-таки показывает крестьянский характер его революционной программы.

Теория Чернышевского есть крестьянская, а не мелкобуржуазная теория трудящихся. Чернышевский представлял крестьянство в тот период, когда оно еще не стало мелкобуржуазным. Крестьянство эпохи Чернышевского стремилось стать то-

вароизводителем, но еще не стало таковым. Между тем мелкобуржуазные теории представляют крестьянство в тот период, когда оно уже стало товароизводителем. Мелкобуржуазные теории защищают, вернее, пытаются защитить мелкого товароизводителя от капитализма; они тянут назад, и в этом смысле они реакционны. А теория Чернышевского выражает такие интересы крестьянства, которые находятся в фарватере общественного развития, соответствуют интересам развития производительных сил.

Из сказанного нельзя делать вывода, который делают некоторые, будто бы Чернышевский защищал интересы крестьянина лишь как труженика. Нет, Чернышевский выражал и интересы крестьянина как собственника. Крестьянское хозяйство в условиях крепостничества не было еще внутренне противоречивым, как это характерно для крестьянского хозяйства, ставшего на рельсы товарного производства. Крестьянин не был еще собственником главного средства его земледельческого труда — земли, а товарное производство занимало еще незначительное место в его хозяйстве.

Борьба за интересы крестьянина как труженика не вступала в противоречие с борьбой за интересы крестьянина как собственника.

Чернышевский выражал интересы крестьянской собственности против помещичьей, а не против капиталистической собственности. Сама крестьянская собственность также имеет неодинаковое значение. Как сменяющая феодальную собственность, крестьянская собственность прогрессивна. Как противостоящая капиталистической собственности, она реакционна. Выражая интересы крестьянина как собственника, Чернышевский выражал прогрессивную сторону крестьянской собственности, именно как антифеодальной, антипомещичьей собственности, собственности, утверждающейся взамен помещичьей феодальной собственности. В этом — великое рациональное и революционное значение «теории трудящихся» и ее законного детища — теории крестьянской революции.

3. АНАЛИЗ КРЕПОСТНИЧЕСТВА И ОБОСНОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯНСТВА ЗА ЕГО ЛИКВИДАЦИЮ

С наибольшей силой революционный дух учения Чернышевского сказался в его критике крепостничества. Опираясь на богатую традицию критики крепостничества и в русской, и западноевропейской экономической литературе, Чернышевский поднимает борьбу против крепостничества на новую, выс-

шую ступень. Чернышевский связывает дело революционной ломки крепостничества непосредственно с интересами крестьянства и превращает революционную ломку крепостничества в прямую основную классовую задачу крестьянства, без борьбы которого он не мыслит себе коренных преобразований, ликвидирующих до основания фундамент крепостничества.

Но дело не только в этом: никто до Чернышевского так глубоко не вскрывал внутреннего строя крепостнической системы, не анализировал основу крепостнического строя, его коренные черты, характер барщины и оброка, отличие последних от капиталистических отношений, отличие оброка в России от оброка на Западе, дающее глубокую основу для понимания кризиса крепостничества в России. До него никто так ярко и глубоко не показывал различия между крепостничеством и капитализмом, не вскрыл объективной необходимости гибели крепостнического строя. Чернышевский был не только великим крестьянским революционером, но и великим теоретиком крестьянской антифеодальной революции.

О происхождении крепостничества и его роли

Чернышевский ясно видел, что крепостничество является особой исторической формой общественного производства, со своей системой экономических отношений. Но Чернышевский, не знавший учения о способе производства, не знал и крепостнического способа производства, как определенного исторического единства производительных сил и производственных отношений. Он критиковал взгляд, что крепостничество является якобы искусственной общественной формой. Чернышевский подчеркивал, что были определенные исторические причины, приведшие к победе крепостничества и его утверждению. Однако эти причины лежат у Чернышевского за пределами экономики. Он неоднократно указывал, что причины появления феодализма нужно искать во внешних факторах, в насилии и т. д. Чернышевский приводит реальные исторические факты, связанные с возникновением и утверждением феодализма, но эти факты находятся за пределами непосредственно материального производства.

В общей оценке крепостничества у Чернышевского налицо элементы недысторизма и нормативизма. Они выражаются в том, что Чернышевский считает главной задачей выяснение не закономерностей возникновения крепостничества, а того, соответствуют ли крепостнические отношения и учреждения разуму. Как ни идеалистически звучит такая постановка вопроса, все же следует подчеркнуть ее огромное революционное зна-

чение для своего времени, а также наличие ряда глубоко верных характеристик крепостничества и безусловно исторический элемент в критике крепостничества по существу.

В критике крепостничества Чернышевский часто применяет метод исторического и сравнительного анализа отдельных отношений.

Полемизируя с Горловым, Чернышевский опровергает его утверждение, что крепостное право есть искусственная организация, и указывает, что «оно возникает так же естественно, как впоследствии возникает отношение наемного работника к капиталисту. Естественность известного явления, к сожалению, вовсе не ручается за егосообразность с здоровыми экономическими понятиями»¹.

Это положение Чернышевского производит впечатление крайнего рационализма и нормативизма. Но если далее проследить, как аргументирует Чернышевский против крепостничества, то станет видно, что этот нормативизм не является безусловно надъисторическим и антиматериалистическим.

Действительно, Чернышевский сплошь и рядом обращается к «здоровым экономическим понятиям», т. е. к разуму. Но критерий «разумности» оказывается у Чернышевского различным в зависимости от того, идет ли речь о феодализме или о капитализме. Когда Чернышевский критикует капитализм, то «разум», которым Чернышевский вооружается против капитализма, как две капли воды, похож на разум социалистический. Когда же Чернышевский критикует крепостничество, то у него появляются другие аргументы. У обоих этих «разумов» есть общая основа, но тем не менее конкретная аргументация разума при критике капитализма одна, а при критике крепостничества — другая.

Возникает вопрос, в чем же общая основа и что специфично для разума антифеодального и разума антикапиталистического. Эту общую основу мы должны искать во взгляде Чернышевского на причины исторического прогресса.

Чернышевский считает, что причину исторического прогресса нужно искать в том, что «в людях есть врожденная способность и охота трудиться. Благодаря этим качествам человеческой природы постепенно устраивается лучший общественный порядок и благосостояние. Масса трудится, и понемногу совершенствуются производительные искусства»². По мнению Чернышевского, для прогресса «причина одна — внутреннее

¹ Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 8.

² Н. Г. Чернышевский, «История цивилизации в Европе» Гизо, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 477.

стремление массы к улучшению своего материального и нравственного быта»¹.

Здесь дано антропологическое решение вопроса о причинах прогресса. Несмотря на надысторический характер, оно играло в конкретных исторических условиях положительную роль.

Почему же необходимо такое объяснение прогресса для Чернышевского? Чернышевский исходил из коренной задачи классовой борьбы — ликвидации изжившего себя крепостничества. Не видя в феодализме никакой исторической силы движения, Чернышевский сводит роль феодализма лишь к чисто отрицательному фактору. Рассматривая вопрос о причинах прогресса, Чернышевский говорит: «...формы, под влиянием которых должен вырабатываться этот прогресс, не всегда благоприятны ему, потому что происходят совершенно из других начал и поддерживаются совершенно иными средствами. Возьмем, например, феодализм. Что общего имел он с трудолюбием или любознательностью? Произошел он из завоевания, целью его было присвоение плодов чужого труда, поддерживался он насилием, ученых стремлений феодалы не имели; они хотели проводить в лености все время, остававшееся у них от войн, турниров и тому подобных занятий». «...Спрашивается теперь, — говорит Чернышевский, — каким же образом могли быть благоприятны прогрессу эти формы?» — и продолжает: «Французские земледельцы работали и должны были отдавать все, что только можно было взять у них. Этим ослаблялась энергия их труда, да и самый труд беспрестанно прерывался насилиями всякого рода. Потому сельское население осталось во Франции почти чуждо прогрессу. Горожане часто успевали защищаться за своими стенами, но все-таки очень часто подвергались грабежу, да и в случаях удачной защиты постоянная надобность обороняться отвлекала их силы от труда. Можно ли после этого говорить о том, что тогдашние формы помогали труду? Если он достигал каких-нибудь результатов, то лишь наперекор этим формам»².

Чтобы не оставить сомнения у читателя, Чернышевский пишет: «Результат, произведенный человеческою натурою наперекор форме, тяготевшей над ним, очень многими принимается действием формы: при ней, следовательно, благодаря ей, — таков силлогизм, обманывающий большинство историков»³.

¹ Н. Г. Чернышевский, «История цивилизации в Европе» Гизо, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 477.

² Там же.

³ Там же, стр. 478.

Здесь дана целая философия истории феодализма. Феодализм — лишь препятствие к действию естественного закона прогресса. Такой взгляд, конечно, грешит антиисторизмом. Ведь если к историческому процессу и прогрессу подойти даже только с точки зрения стимулов к труду, то и в этом случае феодализм представляет собой очевидный прогресс по сравнению с рабством. Но Чернышевский выступает в качестве критика феодализма. Классовые задачи толкают его не на анализ законов возникновения феодализма, а на нахождение его слабых звеньев, чтобы таким образом показать его несостоятельность как формы общественного устройства и призывать к его ликвидации.

Конечно, концепция феодализма как результата насилия игнорирует условия материального производства в качестве условий, определяющих характер общественного развития. Но следует также обратить внимание на то, что ко всем явлениям, связанным с феодализмом, Чернышевский подходит с позиций крестьянства как класса феодального общества. На вопрос, что дает для трудолюбия эта форма общества, Чернышевский отвечает определенно: поскольку эта форма общества построена на том, что она отбирает у земледельца его труд или продукт его труда, она не только ничего не дает для развития общества, но является фактором его торможения.

Рассматривая русское крепостническое общество, Чернышевский анализирует также и помещичье хозяйство. И здесь Чернышевский не находит ничего, что могло бы являться фактором повышения производительности труда. Он говорит, что крепостное право — это тлетворная тряпина, которая является основным злом всего общественного развития. Во всех рассуждениях Чернышевского о феодализме красной нитью проходит его революционное стремление к уничтожению крепостничества.

Критика крепостнического строя.

Анализ помещичьего и крестьянского хозяйства

Чернышевский ярко рисует глубокие различия между крепостнической и капиталистической формами хозяйства. Иногда он считает возможным даже сравнивать выгодность крепостного и капиталистического хозяйства. Однако Чернышевский сам подходит, по существу, к положению о несопоставимости разных способов производства.

Чернышевский считает, что при сравнении разных форм хозяйства нельзя исходить только из критерия выгоды. «При каком порядке дел,— говорит Чернышевский,— произ-

водство идет успешнее: при рабстве или при свободе? Я этого не знаю и не хочу знать; я знаю только, что рабство противно врожденным стремлениям раба, что свобода соответствует им, и потому я говорю, что производство должно иметь форму свободы»¹.

Таким образом, Чернышевский стремится найти другие, отличные от критерия выгоды принципы, определяющие преимущества одного строя над другим. И хотя в последнем случае опять мы находим попытку вывести то или иное стремление из природы человека, тем не менее проблема смены одной формы экономического устройства другой выводится за пределы проблемы выгоды. Это очень важно, потому что выход за пределы проблемы «выгоды» означает перевод проблемы смены форм экономического устройства по существу на иную классовую основу. Это означает, по существу, выход на дорогу революционной постановки проблемы смены одного строя другим, при котором неизбежно вступают в противоречие интересы разных общественных групп, и победа интересов одних общественных групп означает поражение интересов других общественных групп.

Сопоставление крепостничества с капитализмом показывает лишь сравнительную выгоду крепостнического и капиталистического способа ведения хозяйства для предпринимателя. Но есть еще другой подход к оценке крепостничества — не с точки зрения выгоды для предпринимателя, а с точки зрения роста производительности общественного труда. Сравнивая свободное крестьянское хозяйство с крепостническим производством, Чернышевский находит новую классовую основу для критики крепостничества и для требования его революционной ликвидации.

Первая постановка вопроса о сравнительной выгоде крепостнического и капиталистического хозяйства сама по себе не является еще революционной, ибо она не предполагает замены одного субъекта хозяйства другим. Здесь все же речь идет о превращении помещика в капиталиста. Проблема сводится к видоизменению типа эксплуататора, а не к коренному переходу хозяйства из рук крепостника-предпринимателя в руки самостоятельного крестьянина. Вторая же постановка вопроса сама по себе является революционной, ибо она предполагает переход хозяйства из рук одного класса в руки другого класса. Это есть реалистическая, революционная по своему существу, постановка вопроса, которая исходит из прогрессивной задачи смены помещичьего хозяйства крестьянским.

¹ Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 53—54.

Главным в критике крепостничества с позиций свободного крестьянского хозяйства является аргумент о производительности труда. Эта критика не является недысторичной, поскольку крепостничеству противопоставляется вполне определенная исторически данная форма хозяйства. Но обоснование критики крепостного труда, как менее производительного, носит внеисторический характер. Чернышевский пишет: «Обязательный труд — явление, совершенно чуждое правилам политической экономии, историческое явление совершенно иной сферы. Он и возникает и держится в противность всяким экономическим принципам; это явление чисто историческое, возникающее из отношений и событий, подлежащих ведению политики, военного быта, административной власти, но никак не политической экономии. Роль его относительно политико-экономических принципов — роль препятствия их развитию»¹.

Несмотря на то, что принудительный крепостной труд объявляется феноменом, выходящим за рамки политической экономии, критика, которую ведет Чернышевский, носит вполне конкретно-исторический характер. Он противопоставляет ему, как было сказано выше, вполне определенные исторические формы производства.

В то же время следует отметить, что Чернышевский различал производительность и выгодность. Так, например, он писал: «Крепостное право, без всякого сомнения, может и должно иметь неблагоприятное влияние на земледелие, потому что обязательный труд всегда менее производителен, нежели свободный (не с точки зрения выгод владельца, потому что есть случаи, в которых при замене обязательного труда наемным не вознаградилось бы для собственника происходящее от такой замены увеличение издержек производства, но с общей точки зрения на производительность труда в создании ценностей); потому что обязательный труд исполняется всегда более или менее небрежно, отчего происходит потеря времени и производительных сил и, стало быть, урон в национальном хозяйстве»².

Это очень существенное различие. Оно не проведено Чернышевским до конца и последовательно, но имеет огромное значение с точки зрения перевода проблемы ликвидации крепостничества с дворянско-помещичьей и капиталистической основы на крестьянскую.

Чернышевский подвергает критике попытки крепостников смешивать крепостной труд с наемным, крепостничество — с капитализмом. «Хозяйство с наемным трудом есть коммерческое

¹ Н. Г. Чернышевский, О новых условиях сельского быта, Полное собрание сочинений, т. V, М. 1950, стр. 106.

² Там же, стр. 71—72.

предприятие, требующее... разумной заботы со стороны хозяина»¹. Хозяйство же с принудительным трудом имеет совершенно иной характер. И природа этого хозяйства такова, что она влечет за собой расточительство со стороны его владельца. «Может ли экономически вести свои расходы тот, доходы которого получаются способом, противным экономическому расчету? Может ли с усердием заниматься своими делами тот, кому представляется, что источник его доходов, обязательный труд, остается неиссякаем и без всякой заботы с его стороны?»²

В критике крепостного хозяйства с принудительным трудом Чернышевский не ограничивается только этим. Он подвергает анализу самый строй и движение составных элементов хозяйства крепостнического и капиталистического. Капиталистическое предприятие, пишет Чернышевский, представляет собой форму движения элементов воспроизводства, авансированных капиталистом, тогда как со стороны крепостника никакого авансирования нет. «Собственник-феодал пользуется рентой и получает, ничего не давая в обмен; купец и хозяин промышленного заведения приобретают богатство посредством обмена: они покупают один предмет и продают другой, берут сырой материал и возвращают обработанный продукт, меняют товары на деньги, меняют кредит на деньги и на товары, дают простолюдину деньги, покупая его труд»³. Эта характеристика дана применительно к земельному собственнику, получающему ренту, но принципиальной разницы в смысле получения дохода между земельным собственником и феодалом нет. Поэтому разграничение, которое делает Чернышевский в данном случае, несомненно, имеет значение и для характеристики крепостничества.

Замечательно глубокий анализ крепостного хозяйства дан Чернышевским в борьбе с апологетами крепостного права типа Тенгоборского.

Чернышевский устанавливает коренное различие между рентой капиталистической, с одной стороны, и барщиной и оброком — с другой. Он не дает экономического анализа происхождения феодальной формы производства, но хорошо показывает исторический процесс закабаления и закрепощения крестьян. Говоря о происхождении крепостного права, Чернышевский пишет: «Это учреждение развилось от бессилия нашей старинной администрации охранить прежние свободные отношения поселян, живших в известной даче, к владельцу дачи и удер-

¹ Н. Г. Чернышевский, О новых условиях сельского быта, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 90.

² Там же, стр. 84.

³ Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 35—36.

жать постепенное расширение произвольной власти, захватываемой владельцем над населявшими его землю людьми. ...Возможность учредить крепостное состояние происходила только оттого, что вольные люди, слишком плохо защищаемые управлением, терпели слишком много притеснений, так что переставали дорожить своею свободою и не видели слишком большой потери для себя от записи в принадлежность сильному человеку»¹. Чернышевский ничего не говорит об экономических причинах того, почему утвердилась эта форма отношений. Мы находим у него заявление, что крепостное право «обязано такой продолжительностью своего существования только дурному управлению»².

Несмотря на то, что в теоретическом отношении это положение не исчерпывает проблемы, оно имело глубоко революционное значение. Политический смысл его заключался в том, что Чернышевский связывал судьбу крепостничества с судьбой самодержавия, которое было политической надстройкой над крепостничеством, служившей ему и защищавшей его. Чернышевский утверждает, что если бы соблюдалась законность, то «все помещики давно бы перестали находить выгоду в крепостном праве»³. И если крепостное право существует, то только потому, что помещик нарушает нормы этого права. Крепостные отношения «очень мало доставляли бы ему материальной и денежной выгоды, если бы управление не позволяло далеко превышать законных размеров и средств пользования крепостным правом»⁴.

Чернышевскому, конечно, было хорошо известно, что крепостные отношения предполагают принуждение, что крестьянин лично зависим от помещика. Вместе с тем он подчеркивает, что выход отношений между помещиками и крестьянами за пределы нормы, даваемой крепостным правом, является закономерным. «Нарушения законов далеко не всегда проистекали оттого, что помещик был дурным человеком: нет, источник их лежал не в личных качествах отдельных людей, а в самой натуре крепостного отношения. По своей сущности крепостное право ведет к произволу, и какими бы законами ни определялось оно, оно неминуемо влечет и к нарушению, потому что произвол не может ужиться ни с каким законом»⁵.

Чернышевский показывает также, чем вызывается смена одной формы крепостнической эксплуатации другой, например

¹ Н. Г. Чернышевский, Суеверие и правила логики, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 708.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 709.

⁵ Там же, стр. 708.

замена барщины оброком. Он подчеркивает, что смена эта не меняет существа отношения. С точки зрения способов получения доходов они похожи друг на друга. «Увеличивать господскую запашку или оброк — вот и весь секрет к увеличению доходов; тут не нужно никаких соображений, не нужно даже никаких расчетов; не хуже первого мудреца в мире круглый невежда сумеет сказать своему управляющему или старосте: «Я хочу иметь вместо десяти тысяч пятнадцать; потому приказываю запахать тяглу на моих полях вместо двух десятин по три или платить вместо двадцати рублей по тридцати»¹.

И для барщинного и для оброчного хозяйства характерно то, что крепостник-помещик получает доход путем внеэкономического принуждения. Чернышевский считает, что при оброке элемент произвола может даже возрасть. «Обычай и в случае нужды закон может мешать увеличению барщины выше трех дней; размер оброка не зависит ни от обычая, ни от закона, он весь в произволе»². Как бы завершая эту мысль, Чернышевский пишет: «Мы вовсе не отдаем преимущества барщине перед оброком, мы говорим только, что оброк нисколько не составляет шага вперед к уменьшению произвольности в наложении обязательных повинностей»³.

Чернышевский отмечает, что в России оброк охватывает более широкий круг трудовой деятельности крестьянина, чем барщина. «Барщина касается только сельскохозяйственного, извозного и фабрично-заводского труда, оброк обнимает все промыслы и занятия. Торговец из крепостных людей по системе барщины должен был бы только поставить вместо себя работника, т. е. отправлять повинность ценой в 20, 30 рублей серебром в год; но он платит оброк в 50, 100 и более рублей»⁴.

Это меткое замечание показывает важные особенности оброка в России, во всяком случае в пору разложения и кризиса крепостного хозяйства. «...Оброк у нас довольно мало отличается от барщины по своему влиянию на характер хозяйства: возвышаясь соразмерно возвышению доходов крестьянина, он точно так же, как и барщина, противодействует энергии труда, потому что стремится постоянно поглощать все избытки, ими производимые. Дело иное, если бы наш оброк не возвышался произвольно»⁵.

Чернышевский подчеркивает, что оброк вводится для увеличения доходов помещика, а не для облегчения труда кре-

¹ Н. Г. Чернышевский, О новых условиях сельского быта, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 68.

² Там же, стр. 103.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 86.

стьян; «Оброк есть средство получать с поместья больше доходов, нежели могла бы доставить барщина; ни к чему другому ни средством, ни шагом он не служит»¹. Чернышевский ведет ожесточенную борьбу с теми защитниками крепостного строя, которые, подобно Тенгоборскому, пытались представить рост числа оброчных как шаг в сторону отмены отношений принудительного труда, а оброк — как нечто аналогичное капиталистической земельной ренте. Поскольку Чернышевскому не было известно понятие прибавочной стоимости и то, в каких формах прибавочная стоимость себя обнаруживает, ему невозможно было провести водораздел между оброком, как формой существования всего прибавочного продукта, и рентой при капитализме, как формой существования добавочной прибыли, однако ему удается весьма ярко показать глубокое различие между оброком и рентой. Иронизируя по поводу сближения Тенгоборским оброка и ренты, Чернышевский пишет: «Чрезвычайно любопытно сближение его (оброка.— *Н. Ц.*) с поземельной рентой: оно совершенно похоже на сближение обязательного труда вообще с наемным трудом. Рента определяется свободной торговой сделкой между отдающим и нанимающим землю точно так, как плата за работу свободным торгом между панимателем и нанимающимся. Оброк назначается волей землевладельца точно так же, как и вообще размер обязательного труда. Ни на один волос не ближе оброк к ренте, нежели барщина к найму»².

Это высказывание Чернышевского ярко показывает строгое различие им отношений крепостнического и капиталистического порядка.

Показывая соотношение оброчного и барщинного хозяйства в России, Чернышевский подчеркивает, что барщина играла тогда господствующую роль в земледельческом строе России. Он отмечает весьма характерное явление: «...на оброк отпускаются крестьяне преимущественно в поместьях малоземельных»³. Чернышевский ставит также принципиальный вопрос о значении принудительного труда как фактора экономического развития. Он выдвигает глубокую и верную мысль о том, что тормозящее влияние принудительного труда на народное хозяйство больше, чем удельный вес этого труда. Подневольный труд отражается на всей системе народного хозяйства. Принудительный труд, писал Чернышевский, является «коренной причиной нашей бедности»⁴, бедности страны в целом.

¹ *Н. Г. Чернышевский*, О новых условиях сельского быта, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 103—104.

² Там же, стр. 104.

³ Там же, стр. 86.

⁴ Там же, стр. 91.

Дав всестороннюю критику крепостного строя, как тормоза экономического развития, Чернышевский развивает программу его ликвидации. Эту программу он развертывает на новой исторической ступени — в условиях кризиса крепостничества и резкого возрастания борьбы крестьянства против крепостнического гнета. Его программа не сводится только к ликвидации принудительного труда и к личному освобождению крестьянина. Чернышевский показывает, что в связи с личным освобождением первостепенное значение получает задача борьбы за землю. «Когда у нас думали, как приступить к освобождению крестьян, большинству рассуждавших представлялось, что главная сторона дела состоит именно в освобождении личности. Правда, многие и тогда уже предвидели, что очень большую важность имеет также вопрос о земле. Но почти никто не предугадывал, какой решительный оборот всему делу даст на практике связь личности с землею»¹.

Разработка вопроса о земле на новой исторической ступени и *по-новому* составляет одну из крупнейших заслуг Чернышевского. Он поставил вопрос о необходимости коренного изменения и *собственности* на землю, и хозяйства на земле.

Чернышевский устанавливает, что после освобождения крестьян помещики не смогут успешно вести хозяйство; фермеры-капиталисты не играют сколько-нибудь значительной роли в земледелии России и навряд ли в ближайшее время смогут играть такую роль; основой земледельческого производства в России должно стать крестьянское хозяйство.

Чернышевский критикует помещичью земельную собственность как феодальный институт, не соответствующий требованиям нового времени. На Западе поземельная собственность «возникла из феодализма и в главной массе своей представляется остатком его»². Теперь эту поземельную собственность необходимо ликвидировать. Чернышевский критикует тех экономистов, которые считают ликвидацию западной формы поземельной собственности «нарушением естественного порядка»³. «Теперь,— пишет он,— состав и потребности общества вовсе не те, как во времена феодализма»⁴.

Чернышевский внушает мысль, что поземельные собственники — феодалы не могут стать непосредственными хозяевами сельскохозяйственных предприятий. В качестве примера он приводит английских лендлордов. «При условии английской жизни

¹ П. Г. Чернышевский, Устройство быта помещичьих крестьян, № 1, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 711.

² П. Г. Чернышевский, Экономическая деятельность и законодательство, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 613.

³ Там же.

⁴ Там же.

и при обширности поместий, лендлорду невозможно быть самому своим фермером. Поэтому, хотя с абстрактной точки зрения собственнику выгоднее самому возделывать свою землю; но в Англии преобладает отдача ферм внаймы, и ратовать против такого стремления английских лендлордов — вещь совершенно напрасная, пока остаются нынешние обычаи и нынешнее распределение поземельной собственности»¹.

Он указывает, что и русские помещики тоже будут испытывать трудности, если они станут пытаться переходить от крепостнического хозяйства к капиталистическому.

Жестоким критиком подвергает Чернышевский тех апологетов крепостного хозяйства, которые утверждали, что переходить от принудительного труда к вольнонаемному не следует потому, что принудительный труд дешевле вольнонаемного и что предприятие, основанное на наемном труде, якобы не окупается.

Чернышевский различает «выгодность» хозяйства и его «производительность»; капиталистическое предприятие, как коммерческое, он противопоставляет крепостническому, как находящемуся в противоречии с экономическим расчетом. Доход капиталистического предприятия, пишет Чернышевский, будет меньше дохода с крепостнического поместья только в том случае, если капиталистическое предприятие ведется теми же методами, что и крепостническое поместье. Он по существу приходит к правильной мысли, что капиталистическое предприятие обеспечивает предпринимателю больший доход, чем крепостное поместье той же капитальной стоимости.

Причина такого явления сводится к тому, что капитализация крепостного поместья, определение его стоимости происходит на базе процента, а доход капиталистического предприятия возникает на базе закона средней прибыли; процент есть лишь часть прибыли, часть же всегда меньше целого.

Но дело не в этой логике доказательств; Чернышевский считает, что помещики вообще не смогут вести хозяйство на капиталистической основе так, чтобы это было выгодно. Сопротивление помещиков отмене крепостного права он выводил из того, что помещики не сумеют вести хозяйство на коммерческих основаниях.

Он не верит в возможность развития сельского хозяйства на базе капиталистического предпринимательства самих помещиков. «Человек, имеющий возможность получать, через отдачу своей недвижимой собственности внаймы, без всяких хлопот ренту, доставляющую ему избыток в жизни, не захочет во-

¹ Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 52—53.

зяться сам с скучными хлопотами земледельческого хозяйства»¹.

Что же противопоставлял Чернышевский помещичьему хозяйству? — Крестьянское хозяйство. Один из коренных пороков английской политической экономии Чернышевский усматривал в том, что она игнорировала крестьянское хозяйство и его экономику. Игнорирование экономики крестьянского хозяйства он считал пороком всей западноевропейской политической экономии.

«Английские политико-экономы, вместе со всею английскою публикою, вообще почти не имеют понятия о быте поселянина-собственника, уцелевшем лишь в немногих и маленьких темных уголках Англии, куда еще не успела проникнуть новая коммерческая жизнь»². Возвращаясь в другом месте к этой проблеме, Чернышевский отмечал: «Господствующая экономическая теория возникла и развилась... в таком обществе, которое не знало о существовании поселянина-собственников. Французские и немецкие политико-экономы знали этот быт, и многие из них очень высоко ценили его. Но не было из них ни одного человека, равнявшегося умом Адаму Смиту, Мальтусу и Рикардо; все они оказывались бессильны проникнуть до самых оснований теории, чтобы восполнить, на основании знакомого им факта, пробел, вкравшийся в нее у Адама Смита и не пополненный ни Мальтусом, ни Рикардо»³.

Включение в политическую экономию учения о крестьянском хозяйстве Чернышевский считает одним из важнейших отличий своей теории от буржуазной политической экономии. «Именно то, что мы допускаем к должному участию в установлении политико-экономических принципов понятие о поселянине-собственнике, и служит одною из главных причин разницы наших мнений от господствующих»⁴.

Форму крестьянского хозяйства Чернышевский считает высшей из всех существующих форм. Он пишет: «В действительности по вопросу о пользовании продуктом труда высший элемент, знакомый нашему воображению, — положение поселянина-собственника. Все теории коренных улучшений человеческого быта построены на этом понятии. Со временем, конечно, будет представлять действительность данные для идеалов, более совершенных; но теперь никто не в силах отчетливым образом описать для других или хотя бы представить са-

¹ Н. Г. Чернышевский, Ответ на замечания г. Провинциала, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 153.

² Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 452.

³ Там же, стр. 460.

⁴ Там же, стр. 454.

тому себе иное общественное устройство, которое имело бы своим основанием идеал более высокий»¹.

Означает ли это, что идеалом Чернышевского является мелкое крестьянское хозяйство? — Нет. Что имеет в виду Чернышевский, говоря о преимуществе одного вида производства над другим? Он сравнивает разные виды хозяйства в свете тех стимулов, которые эти виды хозяйства создают для непосредственных производителей. С этой точки зрения Чернышевский считает, что наиболее успешной формой хозяйства является хозяйство крестьянина-собственника. «Высока или низка наибольшая возможная успешность труда в данной стране, дело, опять зависящее от политических и климатических условий и от того, какой метод производства употребляется. Но каков бы то ни был этот максимум, работа поселянина-собственника всегда достигает его, между тем, как, при тех же условиях, работа половника имела бы гораздо менее успешности, работа вольного наемщика — еще меньше, не говоря уже об обязательном труде»².

Чернышевский соглашается с Миллем, что «хозяйство поселян-собственников при одинаковости условий несравненно успешнее хозяйства фермеров-капиталистов»³. Но из сказанного нельзя делать вывода, что Чернышевский считает, будто мелкое крестьянское хозяйство при всех условиях имеет преимущества по сравнению с хозяйством фермеров-капиталистов. Чернышевский указывает, что капиталистическое производство, как крупное, имеет преимущества перед мелким крестьянским хозяйством. «Перевес выгод, даваемых делу усовершенствованными процессами, требующими обширных размеров производства, так велик, что ни в какой отрасли экономического быта мелкое хозяйство не может выдерживать соперничества с большим, как скоро процесс технологии и механики открывает возможность усовершенствованных процессов в этом деле и начинает прилагаться к делу капитал большими массами: никакое усердие в труде не спасает мелкого хозяина, когда являются у большого хозяина усовершенствованные процессы, не доступные мелкому. Если при нынешнем общественном устройстве поселяне-собственники еще сохранились на континенте Западной Европы, это лишь потому, что земледелие в их местах еще сохранило неразвитые процессы производства и в больших хозяйствах. Когда оно станет (а оно уже) начинать становиться) не патриархальным, а коммерческим

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 465.

² Там же, стр. 452.

³ Там же, стр. 456.

делом, мелкие хозяйства должны погибнуть при нынешнем экономическом устройстве»¹.

Для Чернышевского мелкое крестьянское производство не является абсолютной формой производства. Над некоторыми формами производства оно имеет безусловные преимущества. Над капиталистическим же предприятием оно имеет преимущество лишь тогда, когда капиталистическое предприятие не вооружено передовой техникой. В условиях выхода из крепостного общества крестьянское самостоятельное хозяйство обладает безусловными преимуществами по сравнению с любой другой формой производства, которая в тот период существует. Поэтому в тот период времени Чернышевский выступает в защиту мелкокрестьянской формы хозяйства.

Две задачи крестьянской революции

Чернышевский теоретически обосновывает преимущества крестьянского хозяйства в условиях выхода из крепостнического строя и в соответствии с этим развивает программу антикрепостнической крестьянской революции. Он провозглашает необходимость ликвидации помещичьего землевладения — основы помещичьего хозяйства — и замену помещичьего хозяйства крестьянским хозяйством. В этом и состоит суть крестьянской революции, целью которой является победа самостоятельного крестьянского хозяйства над помещичьим путем ликвидации помещичьей земельной собственности.

Во имя победы этих программных положений Чернышевский подвергал уничтожающей критике представителей помещичьего либерализма, которых он разоблачал как защитников программы крепостников.

Чернышевский призывал к революционной ликвидации помещичьей собственности. В рецензии на статью одного из видных дворянских либералов — В. Безобразова — «Физиология общества» Чернышевский приводит следующее место из названной статьи: «Общество обязано дать движение новым интересам, но также обязано дать вознаграждение старым». Чернышевский показывает смысл этого помещичье-либерального тезиса: можно отменить крепостное право, но так, чтобы помещики не были ущемлены в своих интересах. Тезис Безобразова был направлен на идеологическое оправдание ограбления крестьян при освобождении их от личной крепостной зависимости.

¹ П. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю). Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 458.

В ответ на этот тезис Чернышевский пишет: «Неужели общество, развивающееся не всегда в нормальных обстоятельствах, не порождает иногда интересов, не заслуживающих ни малейшего снисхождения и долженствующих считать себя счастливыми уже тогда, когда при первой возможности уничтожаются безнаказанно? Когда в XIII веке Рудольф Габсбургский уничтожал разбойничьи феодальные замки на берегах Рейна и в Швабии, разбойники, в течение ста или двухсот лет потомственно грабившие всех проезжих и всех соседов, неужели могли требовать вознаграждения, ссылаясь на праводавности? Ведь они лишались части своих доходов. Но какое дело было до того Рудольфу Габсбургскому? Вот иное дело если б эти люди, не дожидаясь, пока общее чувство восстанет против них и смирит их против их воли, прежде того времени и добровольно выразили готовность отказаться от привычки жить чужим добром, насильственно отнимаемым... по юридическому же правилу, грабитель не заслуживает ровного никакого вознаграждения за то, что отказывается от грабежа — он счастлив должен быть уже тем, когда не взыскивают с него денег, заграбленных им»¹. Не трудно догадаться, что под разбойниками Чернышевский имел в виду помещиков. В революционном духе он разоблачал всякие попытки компенсации помещиков при освобождении крестьян.

Чернышевский понимал, что изменение формы отношений между помещиками и крестьянами неизбежно повлечет за собой развитие новых, буржуазных отношений. Но он знал, что усилия реформаторов были направлены на то, чтобы в максимальной мере сохранить зависимость крестьян от помещиков, обеспечить в будущем закабаление крестьян.

Главный удар теории крестьянской революции направлен против крепостничества. Ликвидация крепостничества создает условия для развития промышленности, торговли, имеющих капиталистическую форму. Это развитие представляет собой прогресс по сравнению с крепостничеством.

Однако демократическая теория Чернышевского направлена против крепостничества, как строя эксплуататорского. Она не может быть утверждением капиталистического строя, ибо последний является тоже эксплуататорским.

Непосредственным результатом антикрепостнической крестьянской революции должно быть утверждение строя мелких самостоятельных производителей — крестьян. Эта форма эко-

¹ Н. Г. Чернышевский, Из № 7 «Современника». «Физиология общества» Безобразова, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 799—800.

номического быта не может оставаться неизменной. Характер изменений хорошо известен Чернышевскому: здесь неизбежно возникает имущественное неравенство, развивается капиталистическое неравенство, т. е. вновь возникает эксплуататорский строй. Таким образом, по Чернышевскому, непосредственная цель крестьянской революции не является ее конечной целью, поскольку эта революция предполагает ликвидацию эксплуатации человека человеком. Ее целью служит строй, в котором нет эксплуатации человека человеком; теория крестьянской революции Чернышевского и решает эту задачу.

Таким образом, в теории крестьянской революции Чернышевского совмещаются задачи двух разных революций — антикрепостнической и антикапиталистической.

По мысли Чернышевского, социализм представляет собою самую лучшую форму общества, обеспечивающую наиболее быстрое развитие производительных сил. Возможность его осуществления определяется переходом к социалистическим формам быта тех общественных групп, которые заинтересованы в них, которые считают их наиболее выгодными для себя.

Раскрытие Чернышевским зависимости форм труда от характера «производительных процессов» позволило ему подняться в понимании закономерностей развития общества выше всех его предшественников. Эта материалистическая теория не была, однако, соединена с диалектическим анализом исторической смены форм собственности, также представляющим собой высший пункт учения о развитии форм собственности домарковского социализма.

Поэтому поиски корней нового строя не всегда идут у Чернышевского в плоскости анализа производительных сил. Часто он обращается прямо к форме собственности, как непосредственной опоре для развития новой, более высокой формы собственности. При этом преимущественное значение он придает форме собственности на землю.

В нашей литературе при анализе воззрений Чернышевского на задачи крестьянской революции сплошь и рядом не точно оценивается место в них общинного землевладения.

Ближайшая задача, которая занимала Чернышевского, заключалась в том, чтобы обеспечить самостоятельность крестьянского хозяйства. В «Ответе на замечания г. Провинциала» Чернышевский указывает, что его забота о сохранении общинного землевладения вызвана желанием сохранить крестьянское хозяйство. Чернышевский четко разграничивал общинное землепользование и общинное товарищеское производство. Отстаивая общинное землепользование, он имел в виду в качестве непосредственного его результата сохранение крестьянского хозяйства от разорения, от утечки крестьянской земельной

собственности. Принцип частной земельной собственности отвергался Чернышевским не потому, что он считал его противоречащим природе крестьянского хозяйства, а потому, что частная земельная собственность не могла, по его мнению, сохраниться в руках крестьянства. В силу законов конкуренции она должна подвергаться концентрации, а крестьяне — обезземеливаться.

Чернышевский не рассматривает частную *крестьянскую* собственность на землю и общинное землевладение как антагонистов. Эти две формы не должны противопоставляться друг другу, обе они являются основами крестьянского хозяйства. Общинную поземельную собственность Чернышевский противопоставляет помещичьей и крупнокапиталистической. И та и другая исключает возможность существования самостоятельного крестьянского хозяйства. Частная же крестьянская земельная собственность не исключает существования самостоятельного крестьянского хозяйства, так же как и общинная поземельная собственность. Разница между первой и второй заключается в том, что первая не дает гарантий сохранения самостоятельности крестьянского хозяйства, вторая же обеспечивает возможность ее сохранения, поскольку форма общинного землевладения не допустит утечки крестьянских земель.

Критика Чернышевским частной собственности относилась не к крестьянской частной собственности, а к собственности, создающей возможность эксплуатации. Общинная форма *землепользования* сама по себе не обеспечивает более производительной формы крестьянского хозяйства по сравнению с частной крестьянской собственностью на землю. Только общинное, т. е. товарищеское, *производство* обеспечит более производительный характер хозяйства.

По мнению Чернышевского, в ближайшие 10—15 лет фермерски-капиталистическое хозяйство еще не станет значительной силой, способной пролетаризировать крестьянские хозяйства. Но в более далекой перспективе он считает угрозу крестьянскому хозяйству совершенно реальной. Чтобы уберечь его от опасности подчинения фермерскому хозяйству, необходимо укрепление общинного землевладения.

Разбить крепостничество — значит, по Чернышевскому, открыть эру самостоятельного хозяйства трудящихся. Удержать эту эру в неизменном состоянии нельзя, но можно удержать самостоятельность трудящихся путем их объединения в товарищества. Разбив крепостничество, надо не допустить капитализма и развить социализм. Социализм постепенно разовьется из мелкого самостоятельного крестьянского хозяйства, покоящегося на общинном землевладении.

Таким образом, неизбежность капитализма, как исторической ступени развития общества на пути к социализму, Чернышевским не была понята. В представлениях Чернышевского, капитализм — возможный, но не обязательный, да и нежелательный путь. Есть прямой путь — от самостоятельного хозяйства единоличных производителей к самостоятельному хозяйству коллективных производителей.

Теория крестьянской революции Чернышевского направлена на низвержение крепостничества и недопущение капитализма. В отличие от теории пролетарской революции, задачей которой является низвержение капитализма, теория крестьянской революции такой задачи не ставит. Антикапиталистическая задача крестьянской революции сводится не к уничтожению капитализма, поскольку он еще не существует, а к созданию условий недопущения победы капитализма как общественного строя.

В литературе о Чернышевском это различие задач крестьянской революции часто не проводится, и две задачи крестьянской революции ставятся рядом друг с другом, как равнозначные, решаемые совершенно одинаково одним и тем же классом — крестьянством. Между тем в теоретической системе Чернышевского капитализм не низвергается крестьянской революцией, а не допускается ею. Крепостничество же низвергается крестьянской революцией. Единство двух задач крестьянской революции не исключает глубоких различий между ними.

Несмотря на одновременную постановку обеих задач, Чернышевский не просмотрел прогрессивности капитализма по сравнению с крепостничеством. Если взять последующую эволюцию русской экономической мысли, то, как известно, для определенного крыла ее — народничества — было характерно отрицание прогрессивности капитализма. Народники хотели миновать капитализм, считая его регрессом. Чернышевский же хочет миновать капитализм, как строй, хотя знает его прогрессивность. Такова огромная разница в подходе к капитализму между Чернышевским и народниками. Но есть и нечто общее. Оно заключается в том, что и Чернышевский не нашел в капитализме ничего такого, что могло бы пригодиться для социализма.

У Чернышевского мы имеем революционно-демократическую критику капитализма: критика капитализма сопряжена у него с критикой крепостничества, ведется с позиций крестьянского социализма, в интересах трудящихся; революционный демократизм Чернышевского, как демократизм крестьянский, ставит задачу революционной ликвидации крепостничества и недопущения победы капитализма, как эксплуататорского

стройка. Капитализм прогрессивнее крепостничества, поэтому он меньшее зло, чем крепостничество. Но нет никакой неизбежной необходимости в переходе от крепостничества к капитализму. Возможен переход к социализму, и минуя капитализм. На развалинах крепостничества возникает мелкое самостоятельное производство, которое имеет прямую дорогу к социализму, минуя капитализм, как господствующий строй. Мелкое самостоятельное производство утверждается ликвидацией крепостничества, мелкий производитель имеет гарантию сохранения своей самостоятельности в товариществе при социализме. Прохождение мелкого производителя через горнило капитализма необязательно. Поэтому стоит задача критики не только крепостничества, но и капитализма. Крепостничество критикуется с позиций и мелкого самостоятельного производителя, и с позиций капитализма. Обе эти формы даны реально-исторически. Антикрепостнические задачи крестьянской революции получили у Чернышевского вполне ясное программное выражение — требование ликвидации помещичьей земельной собственности и помещичьего хозяйства. Антикапиталистические задачи сводятся к утверждению общинного землевладения.

4. АНАЛИЗ И КРИТИКА КАПИТАЛИЗМА. СУЩНОСТЬ КАПИТАЛА

Капитал получает у Чернышевского общественное определение, хотя на первый взгляд кажется, что понятие капитала он сводит к вещам. К капиталу, по Чернышевскому, относятся те вещи, на которые затрачен человеческий труд. Силы природы не являются капиталом, хотя их полезное действие может быть совершенно тождественным действию тех вещей, которые являются продуктом труда.

Далее, капиталом являются только те продукты человеческого труда, которые служат производству. Служат ли они производству или не служат — это определяется не только их физической природой, а прежде всего их назначением в обществе. Если предмет потребления является предметом питания рабочего, занятого в производстве, то он является капиталом, если же он предмет роскоши, то он не капитал. Таким образом, капитал получает социальную характеристику, хотя она исторически не определена.

Определение Чернышевским капитала направлено против капиталистических производственных отношений. Он говорит, что достаточность или недостаточность капитала в стране зависит от «распределения рабочих сил между выгодным и убыточным производством и от распределения продуктов, могущих

быть капиталом, между выгодным и убыточным потреблением; а оба эти обстоятельства зависят от экономических учреждений страны»¹, под которыми он понимает гражданские отношения между ее жителями.

Таким образом, под капиталом Чернышевский понимает, по сути дела, общественный фонд производства, т. е. ту часть вещей, которую общество предназначило для выгодного производства и выгодного потребления. Величина этого фонда зависит от экономических отношений. Отделяя капиталистические отношения и капиталиста от капитала, Чернышевский бьет по капиталистической догме о том, что капиталистическая форма производства есть будто бы извечная форма, органически вытекающая из естественного характера общественного производства. Анализ капитала служит доказательством того, что капитализм не обеспечивает возможного максимального роста общественного производства и общественного фонда производства. Тот факт, что фонд производства сосредоточен у капиталистов и они имеют большие доходы, которые расходуют на предметы роскоши, является причиной задержки роста общественного производства.

Положение, что капитализм и капитал — не одно и то же, звучит, конечно, как парадокс, но у Чернышевского этот парадокс играет критическую роль. Нельзя объявлять законы капитализма законами, вытекающими из природы вещей, — вот вывод, к которому приходит Чернышевский; этот вывод имеет важное значение для критики капитализма. Определение капитала, данное Чернышевским, разоблачает буржуазную трактовку капитала, как понятия, которое будто бы неотделимо от понятия фонда производства. Под видом фонда производства буржуазная экономия объявляет вечными все те специфические формы, которые в действительности не являются вечными, а представляют собою результат данной системы производственных отношений.

Чернышевский считает, что капитал есть нечто вечное, раз навсегда данное, а наряду с ним имеется специфически историческая форма, которая представляет собой неудачную внешнюю форму этого вечного содержания. Задача заключается в том, чтобы снять эту форму и выявить содержание, скрытое за этой нерациональной формой.

● Интересны и важны рассуждения Чернышевского о связи труда и капитала. Он говорит, что все экономические явления должны быть сведены к труду, как своему основанию. «Коренная идея науки, — пишет он, — ...заключается в том, что труд

¹ П. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 149—150.

есть единственный источник производства с человеческой точки зрения»¹. Самый труд не получает у него никакой специфической общественной характеристики и берется как один и тот же равнозначный труд.

Но и эта его характеристика труда служит критике капитала. Чернышевский доказывает, что не труд должен быть подчинен капиталу, а, наоборот, капитал должен быть подчинен труду: «Капитал составляет только видоизменение труда и притом видоизменение очень мимолетное, исчезает чрезвычайно быстро, так что поддерживается лишь постоянным воспроизведением чрез труд и по сущности дела не имеет ни малейшей независимости от труда, который один и создает и сохраняет его. Из этого легко видеть, что всякая претензия приписывать капиталу не только преобладание над трудом, но хотя бы какую-нибудь самостоятельность, должна считаться уклонением от нормального экономического порядка»².

Критика разделения труда при капитализме

С критикой капитала непосредственно связана и критика разделения труда при капитализме. Нельзя сказать, что к проблеме разделения труда Чернышевский подходит только с физиологической стороны, как сам он это формально декларирует³.

Чернышевский подчеркивает значение разделения труда, как фактора роста производительности труда. Рост производительности труда он связывает с ростом сохранности и производительности самого работника. Ему важно не только то, сколько производит труд, но и то, в каком состоянии оказывается работник после процесса труда. Иначе говоря, к разделению труда он подходит с точки зрения интересов трудящихся.

Сохранение организма работника в удовлетворительном состоянии является не только физиологической, но прежде всего экономической проблемой. Это проблема сохранности основной производительной силы общества.

По Чернышевскому, разделение труда вообще — хорошо, но разделение труда в буржуазном обществе — худо, так как оно постоянно приковывает рабочего к одной и той же частичной операции, что вредит организму. «Высокое разделение труда при нынешнем порядке производства, по которому каждый ра-

¹ Ш. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 164.

² Там же.

³ См. там же, стр. 187.

ботник вечно остается при одной и той же частице дела, ведет к порче организма в огромном большинстве работников, находящихся при процессах усовершенствованного производства»¹.

Чернышевский ставит следующую проблему: в современном обществе разделение труда имеет вредное влияние на экономический быт (здесь он имеет в виду зарплату) и «на самый организм рабочего сословия»². Вместе с тем разделение труда увеличивает производство. Возникает положение: «Элемент, развитие которого необходимо для благосостояния, гибелен для массы людей своим развитием»³. Здесь Чернышевский по существу раскрывает глубокое внутреннее противоречие капиталистического разделения труда.

По мнению Чернышевского, для успешного роста разделения труда и его производительности совершенно не обязательно пожизненное прикрепление работника к одной частичной операции. Переход от одной функции к другой является фактором повышения производительности труда. Эти переходы сохраняют и развивают организм работника, развивают его умственные способности, а развитие последних есть важнейший фактор роста производительности труда. ∞

Вместе с тем здесь заключена и критика капитализма, который углубляет различие и противоположность между умственным и физическим трудом. Капитализм приводит к пожизненному закреплению работника за одними и теми же частичными операциями и лишает труд всякой творческой потенции. По Чернышевскому, работник, который был бы знаком не с одним каким-либо видом производства, а переходил бы от одного производства к другому, являлся бы творческим работником, лучше соображающим и более сознательно относящимся к процессу производства. В пожизненном закреплении за отдельными работниками одних и тех же операций Чернышевский видит явление специфически капиталистическое, не вытекающее из самого процесса разделения труда, которое он рассматривает как прогрессивный процесс. Капитализм, по мнению Чернышевского, закрепляет отдельных работников за отдельными операциями потому, что это обеспечивает капиталистам возможность понижения заработной платы и повышения прибылей.

Чернышевский указывает, что «совершенствование производительных процессов при нынешнем экономическом порядке необходимо ведет к упадку рабочего класса в экономическом

¹ П. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 189.

² Там же, стр. 191.

³ Там же.

отношении»¹. Этот упадок он видит прежде всего в понижении заработной платы: при упрощении процесса труда, благодаря разделению труда, заработная плата рабочих падает.

Критика капиталистического разделения труда, данная Чернышевским, имеет огромное научное значение. Она дает возможность понять, что прогрессивные тенденции в развитии общественного труда, выражающиеся, в частности, в разделении труда, благодаря капиталистической форме производства обращаются против рабочего класса. Этим Чернышевский лишний раз подчеркивает исторически ограниченный характер капитализма, как формы развития производительных сил, показывает его хищнический характер. Рассуждения Чернышевского по данному вопросу перекликаются с мыслями Маркса, развитыми в «Капитале».

Вопрос о производительном труде

К проблеме производительного труда Чернышевский возвращается неоднократно. Он отвергает буржуазные определения производительного труда и тот критерий, который берется Миллем для разграничения труда производительного и непроизводительного.

Чернышевский правильно указывает несостоятельность миллевского разграничения производительного и непроизводительного труда, основанного не на общественном признаке, а на признаке материальности или нематериальности результатов труда. «Труд живописца или скульптора по этому делению будет называться производительным только оттого, что картина и статуя — вещи прочные и материальные, а труд актера и музыканта — непроизводительным; между тем, по всем коренным, важным для общества признакам все эти люди и их произведения составляют один разряд. Напротив, в один разряд с живописцем и скульптором ставятся землекоп и водовоз. Что общего между этими людьми и трудами их?»²

В качестве определяющего фактора Чернышевский вводит другое — значение данного вида труда для роста производства. Признаком производительного труда «...должно принять то, что его продукты служат источником нового производства, имеют своею целью увеличение средств к производству»³. В соответ-

¹ П. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 190.

² Там же, стр. 68.

³ Там же.

ствии с этим он предлагает иное деление труда — на убыточный труд и выгодный.

Переход на новую терминологию нужен Чернышевскому для того, чтобы поставить вопрос о производительном и непроизводительном труде под углом зрения интересов общества. Выгодно или убыточно для общества то или иное производство — вот критерий, который должен быть единственным в различении производительного и непроизводительного труда. «Чья выгода тут разумеется? Наука говорит о нации, об обществе, о человеческом роде. Потому выгоду и убыточность надобно рассчитывать по делам общества, нации, человеческого рода. О какой именно выгоде надобно говорить? В политической экономии, занимающейся исследованием условий материального благосостояния, конечно, о выгоде для материального благосостояния.

Путь к увеличению материального благосостояния — производство; потому выгодно то, что ведет к увеличению производства»¹.

Таким образом, производительным трудом, по Чернышевскому, является труд, направленный на обеспечение производственных интересов общества. Он говорит о человеческом роде, безотносительно к конкретно-исторической форме общества, в которой человеческий род существует. В данном случае налицо тот антропологизм, который сказывается и в других частях системы Чернышевского и который он открыто провозгласил своим символом веры.

Чернышевский абстрагируется от определенной формы производства. В его определениях производительного и непроизводительного труда, выгодного и убыточного, особенно ярко сказывается влияние того гипотетического метода, который провозглашен Чернышевским в качестве метода теории трудящихся.

Однако эти недостатки в анализе проблемы не могут изменить огромного критического значения высказываний Чернышевского по вопросам производительного труда.

Во-первых, Чернышевский показывает несостоятельность буржуазных определений производительного труда. Во-вторых, путем анализа проблемы производительного и непроизводительного труда, как убыточного и выгодного, он, по существу, подвергает критике капитализм, как такую форму производства, при которой распределение общественного труда между разными сферами общественного производства не обеспечивает

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 69.

необходимого и технически возможного роста производства. По существу Чернышевский здесь имеет в виду распределение совокупного общественного продукта. Оно, по Чернышевскому, осуществляется таким образом, что обеспечивается роскошь тех, кто никакого участия не принимает в производстве, а те, кто создают продукты, не получают необходимых средств существования, обеспечивающих высокий уровень производительности труда. Таким образом, проблема производительного труда Чернышевским доводится до проблемы производительности совокупного общественного труда. И в этой плоскости проблема ставится уже по существу на вполне рациональную основу. В самом деле, если оставаться только в пределах проблемы производительного труда, то понятие это является сугубо историческим. Апелляция к обществу, к нации, к человеческому роду, нося антропологический характер, не подвигает решения этой проблемы. Но когда проблема производительного труда переводится, по существу, на плоскость проблемы производительности совокупного общественного труда, она наполняется вполне реальным содержанием. Понятие производительного труда суммирует общественные черты труда; при каждом строе оно наполняется своим специфическим содержанием; что же касается производительности общественного труда, то это есть понятие, единое для разных способов производства. Преимущества одного строя над другим обнаруживаются прежде всего через уровень производительности общественного труда. Этот показатель един при всех строях: числитель здесь — продукт, а знаменатель — весь совокупный общественный труд. Один общественный строй имеет преимущества перед другим общественным строем именно и прежде всего по линии производительности общественного труда. Под видом проблемы убыточного и выгодного производства Чернышевский, по существу, поставил капитализм на испытание: обеспечивает ли он наиболее высокий уровень производительности общественного труда? И Чернышевский правильно пришел к отрицательному ответу на этот вопрос.

Подчеркивая, что труд в обществе распределен неправильно и что предметы роскоши производятся в то время, как массы не имеют самого необходимого, говоря, что труд, затраченный на производство предметов роскоши, является непроизводительным, Чернышевский наводит читателя на мысль, что при ином распределении общественного труда производительность всего общественного труда была бы выше.

Учение Чернышевского об убыточном и выгодном производстве, хотя методологически и связано с его надысторическим гипотетическим методом, оказывается весьма плодотворно. Оно не решает проблемы производительного труда, но помогает

пониманию проблемы производительности общественного труда, понимаю крупнейших противоречий капитализма, как исторически ограниченной формы производства.

Критика конкуренции. О законе стоимости

Чернышевский подвергает глубокой критике весь механизм капиталистического производства, обмена и распределения. Он критикует анархию капиталистического производства, являющуюся неизбежным спутником капиталистической конкуренции, вскрывает глубокие противоречия последней и показывает изменения в экономическом положении классов буржуазного общества, которые должны вести к обострению противоречий между ними. Анализ Чернышевским механизма капиталистического производства также подчинен его основной задаче — раскрытию того, что капитализм является расточительным способом производства.

Чернышевский подвергает критике весь механизм обмена в условиях капитализма. Он показывает, что товарный обмен и все сопутствующие ему явления получают полное развитие только в условиях капитализма. Масштабы обмена резко возрастают, когда производство осуществляется при помощи наемного труда. А вместе с развитием обмена разворачиваются и его противоречия, противоречия капиталистической конкуренции.

Двигаясь от одной категории к другой, Чернышевский подвергает критике все экономические отношения капитализма с позиции новой экономической теории, по существу с позиции социализма. Сравнительный анализ разных форм «экономического быта», который Чернышевский предпринимает при анализе капиталистических отношений, ярко показывает, что историзм Чернышевского не ограничивается только положением, что капитализм должен быть сменен более высокой формой экономического устройства — социализмом. И сами капиталистические экономические формы рассматриваются им как результат прогрессивного развития общества от низших форм к высшим.

Обмен и конкуренцию, деньги и кредит, развивающиеся в условиях капитализма, Чернышевский рассматривает как определенные исторические ступени развития экономических отношений людей, обеспечивающие больший прогресс, чем те формы, которые существовали до них. Сравнивая «патриархальный быт» с «экономическим бытом», в котором имеются обмен и конкуренция, Чернышевский пишет: «Являясь на базар, на ярмарку, на биржу, производитель видит свой товар

сравниваемым с подобными товарами всех производителей целого обширного округа или целой страны, целого света; формой сравнения успешности производства тут служит цена. Производитель возбуждается к заботе об усовершенствованиях уже не одними своими личными наблюдениями и знакомствами, а всяким усовершенствованием у кого бы то ни было, где бы то ни было достигнутым»¹.

Чернышевский показывает принудительный характер конкуренции, как фактора усовершенствования производства в условиях товарного производства. Он вскрывает и противоречия конкуренции, вытекающие из действия закона стоимости при капитализме.

Конкуренция облегчает производителю узнавать усовершенствования, сделанные в производстве другими, и оценивать их. Но при капитализме производители стремятся держать в секрете методы усовершенствования. «Кто выучился пользоваться изобретением, выгода того требует, чтобы другие как можно дольше не пользовались им»².

Вследствие конкуренции существует «промышленная неприязнь между разными странами, разными провинциями одной страны, разными производителями одной провинции; экономическая неприязнь между сословиями; слишком рискованные обороты, кончающиеся промышленными кризисами...»³.

Наконец, Чернышевский обращает внимание на ту форму конкуренции, которая весьма выгодна капиталистам и весьма невыгодна рабочим. «Рабочая плата определяется уравнением запроса и снабжения. Чем больше людей, ищущих работы, тем ниже рабочая плата; следовательно, прямая выгода каждого нанимателя труда состоит в том, чтобы людей, ищущих работы, являлось как можно больше, то есть чтобы простонародье размножалось как можно быстрее. Смотрите же теперь, какое противоречие: чтобы улучшилось положение работника, должно уменьшиться размножение; чем меньше будет масса простонародья, тем лучше будет каждому простолюдину; но чем больше будет размножаться простонародье, тем выгоднее нанимателю труда; следовательно, на сколько размножение убыточно целому обществу и каждому простолюдину, на столько же оно выгодно сословию, господствующему над экономическими явлениями»⁴.

Хотя проблему спроса и предложения труда Чернышевский не связывает с ходом капиталистического процесса накопления

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 417.

² Там же, стр. 419.

³ Там же, стр. 420.

⁴ Там же, стр. 421.

капитала и ставит масштабы предложения рабочей силы в зависимость от естественного прироста населения, тем не менее Чернышевский показывает, к каким тяжелым для трудящихся последствиям ведет в условиях капитализма конкуренция рабочих между собой за возможность продать свою рабочую силу.

Чернышевский решал двуединую задачу — критики крепостничества с точки зрения капитализма, как более высокой формы, обеспечивающей в отличие от крепостничества прогресс в развитии производительных сил, и критики капитализма с точки зрения социализма, обеспечивающего полный простор развитию производства.

* *
*

• Критика конкуренции у Чернышевского связана непосредственно с его анализом действия закона стоимости при капитализме и критикой капиталистической системы в целом.

Чернышевский воспринимает трудовую теорию стоимости; источником стоимости и ее мерой, по Чернышевскому, является труд.

Как известно, многие утопические социалисты считали, что отклонение цен от стоимости противоречит принципу трудовой стоимости. Коренной недостаток капитализма они видели в нарушении этого принципа, а главную задачу социализма усматривали в том, чтобы утвердить действие закона трудовой стоимости. В связи с этим возникло много различных теорий «рабочих денег».

Подобно утопическим социалистам, Чернышевский рассматривал стоимость как вечную, внеисторическую категорию. Но утопические социалисты все свое внимание посвятили проектам устранения отклонения цен от стоимости и не анализировали характер действия закона стоимости в условиях капитализма. В отличие от них Чернышевский подвергает анализу форму действия закона стоимости в условиях капитализма и пытается определить также характер действия закона стоимости в условиях нового, социалистического общества.

При рассмотрении закона стоимости в условиях капитализма Чернышевский обращает внимание на два обстоятельства: во-первых, на колебательные движения меновой стоимости под влиянием изменений в спросе и предложении; во-вторых, — на постоянное отклонение меновой стоимости от стоимости.

При анализе закона стоимости он оперирует рядом понятий: меновая ценность, внутренняя ценность, стоимость производства, определяемая суммой издержек производства и при-

былью, стоимость производства, определяемая непосредственно затратами труда.

Меновая ценность, по Чернышевскому, есть категория, которая действует в условиях, когда труд выступает в качестве товара, т. е. попросту говоря, в условиях капитализма. Меновая ценность выражает отношения между товарами, как они складываются на данной ступени производительности труда и при данном распределении покупательной силы в условиях капиталистической системы производства и распределения. Стоимость производства выражает объективные затраты, сделанные при производстве того или иного товара. Не всякий продукт, на который затрачен труд, обладает внутренней ценностью. Товар может не иметь внутренней ценности, хотя меновой ценностью и обладает. Но без стоимости производства продукты не могут обладать ни меновой, ни внутренней ценностью.

Чернышевский знает, что в результате движения спроса и предложения цены товаров движутся вокруг стоимости производства. Цены не совпадают со стоимостями производства, когда спрос и предложение не равны. Когда же они равны, то меновая ценность (цена) совпадает со стоимостью производства.

Чернышевский показывает, что в условиях, когда сам труд является товаром, стоимость не определяется непосредственно трудом. И он критикует капиталистический механизм действия закона стоимости по разным направлениям.

В этой критике имеются моменты, относящиеся к закону стоимости как таковому, к его действию в условиях всякого товарного производства. С другой стороны, есть и моменты, выводящие проблему за рамки товарного производства. Закон стоимости, действующий в условиях стихийного, товарно-капиталистического производства, Чернышевский критикует с позиции социалистического производства.

Переплетение этих разнородных моментов в критике закона стоимости создает трудности для понимания концепции Чернышевского, которая по существу сводится к следующему.

Действие закона стоимости нельзя оторвать от тех отношений, которые являются определяющими для данного общественного строя. Капиталистическая система распределения, обусловленная распределением главных факторов производства, характером собственности на труд, землю и капитал, порождает определенную форму действия закона стоимости. Наиболее характерным признаком капитализма является превращение труда в товар. При этой форме экономического устройства распределение покупательной силы осуществляется так, что оно не обеспечивает необходимого и возможного роста произ-

водства. Это и находит свое выражение в несоответствии меновой ценности с внутренней ценностью. Понятие внутренней ценности предполагает такое распределение общественного труда между разными сферами производства, при котором обеспечивается производство предметов, служащих производству, способствующих его росту.

Таким образом, понятие внутренней ценности у Чернышевского не идентично понятию потребительной стоимости, как это может показаться и как это понимают некоторые исследователи его воззрений. Понятие внутренней ценности не совпадает у Чернышевского и с понятием конституированной стоимости Прудона, как это интерпретирует Г. В. Плеханов.

Сущность конституированной стоимости у Прудона сводится к совпадению цены со стоимостью. Но Прудон своей теорией отразил идеологию мелкого товаропроизводителя, который боится отклонений цен от стоимости. Прудон — противник обобществления производства; он стремится оставить производство товарным и изменить лишь форму обмена. Для него высшая задача — обеспечить совпадение цен со стоимостями. Проблема распределения общественного труда между разными сферами общественного производства как таковая не интересует ни Прудона, ни многих других теоретиков рабочих денег, которые не выходили за рамки товарной формы производства. Вопрос о типе пропорциональности общественного производства, его классовой основе не существует для них. Их удовлетворяет любое распределение общественного труда между разными сферами производства, лишь бы цена совпадала со стоимостью. Мелкий товаропроизводитель есть частный собственник; он не допускает вмешательства в свое производство; независимо от того, как распределен труд между сферами производства, он хочет только одного — чтобы его собственное производство осталось самостоятельным и чтобы избежать тех неприятностей, которые несет ему рынок своими колебаниями цен.

У Чернышевского мы видим другое понимание вопроса. Он знает, что, поскольку сохраняется частное товарное производство, неизбежно сохраняются и все связанные с ним особенности рыночного механизма. Чернышевский не стремится к изменению формы обмена при неизменной форме общественного производства.

Для Прудона и теоретиков рабочих денег критика закона стоимости ограничивается критикой механизма закона стоимости как такового: несовпадение цены со стоимостью — вот мишень их критики. Для Чернышевского же такое несовпадение не есть нечто противоречащее основе товарного производства. Поскольку остается товарное производство, постольку несовпа-

дение цены со стоимостью является закономерным. Иначе говоря, Чернышевский не ограничивает свою критику закона стоимости только сферой обращения, только критикой механизма действия закона стоимости. Здесь опять-таки ярко сказывается то, что критика капитализма у Чернышевского не носит мелкобуржуазного характера.

Если теоретики рабочих денег усматривали главное зло капитализма в существовании денег и в ликвидации существующих при капитализме денег видели главную задачу, то Чернышевский считает деньги необходимым продуктом товарного обмена и необходимым его орудием. И не в деньгах видит он пороки капиталистического строя. Деньги являются необходимой формой реализации всех тех отношений, которые складываются при капитализме. Чернышевский метко указывает, что благодаря деньгам создается возможность концентрации покупательной силы в руках отдельных общественных групп, возможность установления экономической зависимости отдельных хозяйств от других. Но все эти моменты вытекают не из самой сущности денег. Деньги являются орудием установления зависимости, которая вытекает из существующего общественно-экономического порядка.

Говоря о порядке дел, при котором «плохо удовлетворяется потребность материального благосостояния у огромного большинства людей», Чернышевский пишет: «Сущность дела тут вовсе не в деньгах, а в другом, несравненно более важном факте, из которого возникает и само преобладание денег,— в том, что нынешний экономический быт основан на обмене, а не прямо на тождестве производства с потреблением. Обмен так и должен вестись, как ведется, посредством денег или какой-нибудь другой общей меры ценностей, равносильной деньгам»¹. При этом Чернышевский имеет в виду не просто обмен, а обмен, когда товаром становится труд, т. е. по существу обмен в условиях капиталистического общества.

Таким образом, в анализе роли и значения денег Чернышевский поднялся над классиками буржуазной политической экономии. Он понял значение денег для установления капиталистических отношений и для развития процессов централизации, характерных для капитализма.

Правда, поскольку Чернышевскому не удалось дать анализ формы стоимости, ее развития, он оказался не в состоянии полностью выявить специфические законы движения денег в отличие от движения товара. Чернышевский, подобно Рикардо, считает, что деньги так же точно подчиняются механизму

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю). Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 559.

действия закона стоимости, как и товары. «Стоимостью производства определяется для монеты и для других товаров, количество которых может увеличиваться при возвышении ценности, прочный или долговременный уровень ценности, а временные колебания этого уровня определяются уравнением запроса и снабжения»¹.

Это высказывание не оставляет сомнений в том, как Чернышевский понимал действие механизма закона стоимости. Колебания цен он рассматривал не как нечто противоречащее природе капитализма и действующему при нем закону стоимости, а как необходимую форму его действия. Чернышевский, однако, не дошел до понимания того, что роль денег и товаров в процессе обмена отлична, что категория спроса и предложения неприменима к деньгам именно потому, что они являются всеобщим эквивалентом.

При экономическом строе капиталистического общества совпадение меновой и внутренней ценности невозможно. При капитализме меновая ценность может совпадать со стоимостью производства, но она никак не может совпасть с *внутренней ценностью*. Понятие внутренней ценности выходит за рамки капитализма. Если признать внутреннюю ценность в качестве фактора, определяющего взаимоотношение отраслей общественного производства, тогда роль меновой ценности отпадает. Следовательно, когда Чернышевский критикует капитализм за то, что здесь внутренняя ценность не совпадает с меновой, то это есть критика не меновой ценности как таковой, а общественного строя, который неизбежно порождает такое отклонение.

При капитализме существует только меновая ценность и стоимость производства, а то, что Чернышевский называет внутренней ценностью, реально здесь не существует. Он и сам говорит: «Пусть не останавливают нас напоминаниями о том, что действительность не соответствует излагаемым нами принципам,— вероятно, мы сами очень хорошо это помним, когда все только к тому и говорим, чтобы обнаружить это несоответствие действительного положения с надлежащим положением»².

Отклонения от стоимости производства не противоречат природе меновой ценности, они находятся в пределах механизма самого закона стоимости. Закон же внутренней ценности имеет совершенно иную экономическую основу.

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 560.

² Там же, стр. 550.

И эта мысль, хотя, быть может, и не вполне очевидным образом, выражена Чернышевским, когда он приступает к анализу проблемы стоимости. Он писал: «При нынешней системе распределения понятие ценности очень важно. Если хотите, оно останется столь же важно и при более удовлетворительной системе распределения. Но важность будет придаваться тогда не тому видоизменению этого понятия, которое выставляется теперь на первый план, а другому, о котором господствующая теория говорит очень мало. Читателю известно, что сама эта теория различает два вида ценности: внутреннюю и меновую. О внутренней ценности она забывает тотчас же, как только скажет мимоходом, что есть кроме меновой ценности внутренняя, и сосредоточивает все свое внимание на одной меновой. Мы считаем это недостатком и, рассмотрев законы меновой ценности, исследуем, насколько позволяют нам пределы статьи, вопрос о том, какое влияние на экономическую судьбу общества должна произвести та неизбежная перемена, когда при развитии рассудительности люди станут прилежнее нынешнего всматриваться во внутреннюю ценность предметов»¹.

Из этой цитаты ясно, что, по Чернышевскому, буржуазная политическая экономия не занималась анализом внутренней ценности. Если бы Чернышевский имел в виду под внутренней ценностью потребительную стоимость, то его замечание по адресу буржуазной политической экономии не было бы правомерным. Буржуазная политическая экономия не игнорировала потребительной стоимости. Уже у Смита имеется различие потребительной стоимости и стоимости. Под внутренней ценностью Чернышевский имеет в виду то, чем буржуазная политическая экономия вообще не занималась. Он указывает, что буржуазная политическая экономия, упомянув о внутренней ценности, тотчас же о ней забывает. И когда сам Чернышевский излагает механизм действия меновой ценности, ему нет никакой нужды возвращаться к внутренней ценности. При анализе меновой ценности внутренняя ценность и ненужна.

Внутренняя ценность может существовать при таком распределении общественного труда между разными сферами производства, которое не регулируется трехчленным распределением продукта, обусловленным фактом существования наемного труда. Чернышевский неоднократно говорит о слиянии меновой ценности с внутренней ценностью; при этом он имеет в виду состояние, при котором от закона меновой ценности по существу ничего не остается. Мы находим у Чернышевского неоднократные утверждения о превращении меновой ценно-

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 519—520.

сти во внутреннюю, когда труд перестанет быть товаром. Сопадение меновой ценности с внутренней означает ликвидацию закона меновой ценности и замену его законом внутренней ценности.

Сущность закона меновой ценности заключается, по Чернышевскому, в том, что это есть закон отношения отдельных товаров в условиях, когда производство организовано на началах частного хозяйства. Закон внутренней ценности предполагает совершенно иную экономическую структуру общества. Здесь должна господствовать общественная собственность на средства производства, когда каждый работник является вместе с тем и хозяином производства, в отличие от капиталистического производства, где работник и хозяин — разные лица. В условиях соединения функций работника и хозяина в одном лице общественный труд будет затрачиваться на новых началах. Общественное производство будет осуществляться планомерно, в соответствии с общественными потребностями, определяемыми не по признаку сосредоточения в руках отдельных групп покупательной силы. В условиях господства общественной собственности труд между отраслями будет распределен так, чтобы были удовлетворены прежде всего потребности производства. Потребности же производства предполагают не только обеспечение средствами производства, но и обеспечение самих работников всем необходимым и возможным на данной ступени развития производительных сил. Производится то, что обеспечивает обществу возможность максимального удовлетворения потребностей работников на данной ступени его развития. Ни потребности, ни производство не являются величинами, раз навсегда данными. Они изменяются. Но производство всегда должно определяться задачей обеспечения благосостояния работников.

Внутренней ценностью обладают только такие продукты, которые удовлетворяют потребности трудящихся. Поэтому Чернышевский придает большое значение классификации потребностей. Потребности общества он делит на группы. В соответствии с этим должны подвергаться классификации и продукты: они делятся им на предметы первой необходимости, предметы комфорта и предметы роскоши.

Пока не удовлетворены потребности в предметах первой необходимости, предметы комфорта не могут иметь внутренней ценности. Они могут быть производимы только после того, как будут произведены в достаточном количестве предметы первой необходимости. То же самое он говорит и по отношению к предметам роскоши: «Пока нет сапог, бесполезны перчатки; пока нет перчаток, бесполезны перстни, или: не имея сапог, нельзя заниматься производством перчаток, не имея перчаток, нельзя

заниматься производством перстней. А что бесполезно, то не имеет ценности»¹.

Хотя мерой внутренней ценности является тоже труд, однако условия образования внутренней ценности коренным образом отличны от условий образования меновой ценности. Условием меновой ценности товара является наличие спроса на данный предмет. Условием внутренней ценности является то, чтобы данный предмет в данную историческую эпоху был признан необходимым для общества с точки зрения благосостояния всех трудящихся, а не отдельных лиц.

Из сказанного ясно, что понятие внутренней ценности связывается Чернышевским с тем общественным строем, который он считает идеальным, т. е. с социализмом. Закон стоимости при капитализме — один, при социализме — другой. Они отличаются не только по форме своего действия, но и по существу. У Чернышевского различие между законом стоимости при социализме и при капитализме отнюдь не сводится к тому, к чему оно сводится у теоретиков рабочих денег, видящих различие только в том, что при социализме погашаются колебания рыночных цен. Чернышевский видит различия не только в механизме действия закона стоимости, но и в самом процессе распределения общественного труда между разными сферами производства; да и сами сферы производства, функционирующие при этих различных экономических порядках, тоже различны.

Чернышевский значительно поднимается над уровнем и таких крупнейших теоретиков утопического социализма, как Оуэн и Брей. Известно, что последние связывали осуществление социализма с утверждением общественной собственности. Однако они полагали, что еще до утверждения общественной собственности возможно устранить колебания рыночных цен и осуществить такое действие закона стоимости, которого нет в условиях колебания рыночных цен. Отсюда — «базар справедливого обмена» и проекты обобществления обмена до обобществления производства. Чернышевский свободен от подобных иллюзий.

Конечно, в самом факте отнесения Чернышевским действия закона внутренней ценности к социализму сказывается элемент утопического представления о законе стоимости в условиях социализма. Чернышевский считает, что именно при социализме «стоимость производства определяется прямо количеством труда»². Однако при ближайшем рассмотрении оказы-

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 550.

² Там же, стр. 555.

вается, что понятия собственно закона стоимости при социализме у Чернышевского нет. Если функция закона стоимости заключается в распределении общественного труда в соответствии с распределением покупательной силы, то такой функции стоимость при социализме, по Чернышевскому, не имеет; распределение общественного труда в соответствии с общественными потребностями осуществляется прямо. «Уравнение запроса и снабжения получается через расчет о том, по какой пропорции должны быть распределены производительные силы по разным занятиям, для наилучшего удовлетворения надобностей человека»¹. Это уже не стихийный механизм, а сознательный расчет на основе сопоставления возможностей производства и личных потребностей общества.

Это не закон стоимости, регулирующий обмен. По сути дела обмен исчезает в новом общественном устройстве, рисуемом Чернышевским. Правда, сам Чернышевский заявляет, что при новом общественном устройстве «в обмен будет идти лишь довольно незначительная часть всей производимой массы продуктов»². Он имеет в виду обмен между отдельными хозяйственными единицами, каждая из которых будет иметь значительный размер. В этом сказывается та специфическая форма социализма, которой придерживался Чернышевский и исходной основой которой являются отдельные ячейки объединенных производителей, а не единая общественная собственность.

Совпадает ли закон меновой ценности Чернышевского с законом трудовой стоимости? Поскольку он, как и все предшественники Маркса, не отличал стоимости от цены производства, постольку выведенный им закон меновой ценности по сути дела был формой действия закона цен производства. «Читатель видит и сходство и разницу между этим взглядом на количество труда, как норму ценностей, и тем понятием, которое известно в господствующей теории под именем стоимости производства. Близость этих идей так велика, что поражает с первого взгляда: и там и здесь считается количество труда, употребленного на производство предмета. Но в стоимости производства считается, кроме труда, прибыль, да и самый труд принимается только как стоимость рабочей платы. Точка зрения, из которой возникает идея стоимости производства, — точка зрения производителя, и собственно только производителя, покупающего труд у наемных работников»³.

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 555.

² Там же, стр. 560.

³ Там же, стр. 594.

Из приведенной цитаты видно, что Чернышевский под стоимостью производства понимает сумму заработной платы и прибыли.

Чернышевский видит, что такое определение стоимости производства соответствует экономическим отношениям капитализма, и он осуждает эту форму, но вместе с самим капитализмом, или, как он выражается, с трехчленным делением продукта. Однако следует отметить, что, кроме осуждения стоимости производства, определяемой суммой заработной платы и прибыли, и противопоставления ее стоимости производства, определяемой количеством труда, затраченного на производство, у Чернышевского проскальзывает понимание того, что и в условиях капитализма стоимость в конечном счете определяется количеством труда, что цена производства в конечном счете равна стоимости. Это положение не мотивировано Чернышевским, но оно имеется у него. Он пишет: «...для целой нации потребители и производители — одно и то же; потребление прямо определяется производством; рабочая плата, прибыль и рента сливаются в одно целое, в продукт национального труда. Только односторонняя и узкая привычка забывать о национальной или общечеловеческой точке зрения по увлечению ходом дел в частном хозяйстве могла заставить господствующую теорию ограничиваться тем поверхностным понятием о стоимости труда и производства для нанимателя-капиталиста, какое мы находим в ней... Национальный продукт производится национальным трудом. Кажется, очень не трудно дойти с этой точки зрения до идеи, что количество труда служит общею нормою ценности»¹.

Здесь по существу выражен правильный взгляд, что в масштабе всего общества цена производства и стоимость совпадают. Поскольку Чернышевский не знает механизма преобразования стоимости в цену производства, это остается только догадкой. Но Чернышевский и в данном случае делает большой шаг вперед по сравнению с Рикардо.

Как известно, Рикардо видел противоречие между законом средней прибыли и определением стоимости трудом. Однако он пытался выйти из этого противоречия тем, что объявил, будто несовпадение стоимости со средними ценами (т. е. с ценами производства) является случайностью. Рикардо сам чувствовал неудовлетворительность своего объяснения. В одном из писем он указывал, что, если бы ему пришлось вновь заниматься своими «началами», то он должен был бы признать, что, кроме труда, есть еще другой фактор, определяющий стои-

¹ *Н. Г. Чернышевский*, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 595—596.

мость. Это был по существу крах трудовой теории стоимости Рикардо. Хотя Чернышевский и не сумел разрешить указанного противоречия, он не отказался от труда как единственного фактора определения стоимости и сделал исключительно глубокий научный вывод о совпадении стоимости производства (т. е. цен производства) со стоимостью в масштабе всего общества. Таким образом, в понимании закона стоимости Чернышевский поднялся выше всех своих предшественников и ближе всех подошел к тому решению этой проблемы, которое было дано гением Маркса.

Анализ и критика наемного труда

Хотя Чернышевский и говорил, что труд не должен быть товаром, он видел особенность капитализма в том, что здесь труд выступает как товар. Именно из этого факта, обусловленного характером собственности, Чернышевский выводит трехчленное деление продукта и распределение. Последнее является, по мнению Чернышевского, главным и определяющим фактором того, что капитализм есть расточительный способ производства, двинувший вперед производство по сравнению со старыми формами производства, но все же тормозящий развитие его.

В положении Чернышевского о том, что труд не должен быть товаром, заключена имеющая огромное научное значение догадка о том, что предметом купли-продажи при капитализме является не труд. Чернышевский не сумел разрешить эту проблему, но очень важно, как именно доказывал он свою мысль о том, что труд не может быть товаром. Он писал, что труд не может иметь стоимости потому, что сам является мерой стоимости. Это положение Чернышевского значительно продвинуло вперед науку о капитализме. Хотя Чернышевский и вступал в противоречие с признаваемым им фактом купли и продажи труда, его прямое утверждение о том, что труд не может быть товаром, должно было толкать на путь поисков того, что же именно является товаром. Тезис Чернышевского, что труд не должен быть товаром, находился в полном соответствии с действительной тенденцией исторического развития экономических форм. В этом нормативистском утверждении была высказана историческая правда будущего.

Критика Чернышевским труда как товара имеет прогрессивное значение не только с точки зрения всемирно-исторической — в том смысле, что историческое развитие ведет к ликвидации труда-товара, — но и с точки зрения конкретно-исторических задач, стоявших перед прогрессивными общественными

силами России в период падения крепостного строя. В России совершался переход от одной формы хозяйства к другой. В этих исторических условиях лишение главной массы непосредственных производителей средств производства и превращение их в наемных работников не было наиболее прогрессивной формой перехода от крепостничества к новому общественному строю. Как указывал Ленин, обезземеливание крестьянства в условиях падения крепостного права в России было по существу фактором торможения развития производительных сил, ибо подлинный прогресс шел не через помещичье хозяйство, которое в тех исторических условиях могло выступить лишь в качестве кабального покупателя рабочей силы, а через крестьянское хозяйство, освобожденное от помещичьей кабалы. В этих конкретно-исторических условиях борьба против наемного труда служила идеологически победе крестьянского пути развития. Недопущение превращения труда в товар означало борьбу за наиболее прогрессивную форму капиталистического развития, за победу самостоятельного крестьянского хозяйства. В устах Чернышевского борьба против труда-товара была революционной по своему содержанию.

Чернышевский указывает, что «наемный труд гораздо лучше невольнического»¹. Он признает прогрессивность наемного труда по сравнению со всеми видами принудительного труда. Но вместе с тем Чернышевский показывает принудительный характер всех видов труда на другого и видит различие между ними прежде всего в форме принуждения. «Юрист и администратор могут интересоваться разницею между покупкою труда и невольничеством; но политико-эконом, находящий сущность невольничества в обязательном труде, бывает неверен самому себе, если находит существенно различными от невольничества те договоры, по которым человек подчиняется обязанности трудиться на другого человека»². Чтобы не оставить никаких сомнений, Чернышевский продолжает: «Для теории очевидно, что обязательный труд есть обязательный труд, каким бы способом ни возникало обязательство — взятием ли в плен на войне, покупкою ли человека на рынке или заключением с человеком договора о том, что он обязался работать на другого человека»³.

Эти критические замечания Чернышевского по поводу наемного труда основаны на глубоком анализе существа отношений эксплуатации. Чернышевский, сближая все формы труда на эксплуататоров, видит между ними различие и правильно

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 419.

² Там же, стр. 538—539.

³ Там же, стр. 539.

представляет основу этих различий. Он видит их в форме собственности. «Производство имеет три элемента: землю, труд и капитал; смотря по тому, разделяется владение этими элементами по разным классам или соединяется в одном классе, продукт распределяется между разными классами или весь остается в руках одного класса»¹.

В соответствии с этим основным принципом Чернышевский проводит различие между рабством и капитализмом, капитализмом и самостоятельным крестьянским хозяйством. В условиях рабства все элементы производства находятся в монопольном обладании рабовладельца. В условиях капитализма в монопольном обладании капиталиста находится капитал, в обладании земельного собственника — земля. Работник же может формально свободно распоряжаться только своим трудом. Но обладание работника своим трудом не делает его свободным, ибо он принужден трудиться не в свою пользу, а в пользу владельца капитала.

Вполне естественно поэтому, что Чернышевский предпочитает капиталистической форме производства с трех-или двухчленным делением и распределением продукта форму быта поселянина-собственника, который трудится в свою пользу.

Поскольку Чернышевский в данном случае рассматривает разные формы экономического устройства под углом зрения развития стимулов к труду, его противопоставление поселянина-собственника наемному рабочему заключает в себе исторически прогрессивную мысль.

Анализ и критика капиталистических законов распределения

Критика Чернышевским капитализма носит всесторонний характер: он критикует капитализм и в свете проблемы роста производительности совокупного общественного труда, проблемы стимулов к труду, в свете выявления внутренних противоречий этого строя и их развития. Это — критика революционера, считающего, что данная форма общества не подлежит улучшению, что только ликвидация основ этого общества может обеспечить человечеству лучшие формы экономического устройства. Революционный дух учения Чернышевского обнаруживается при анализе и форм производства, и форм обмена и при анализе процесса распределения. Во всех случаях анализ сводится им к основе — к господствующим формам собственности.

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 437.

Приступая к анализу капиталистических форм распределения, Чернышевский указывает, на чем базируется форма трехчленного распределения продуктов. Она предполагает, пишет Чернышевский, что «из трех элементов производства каждый особо принадлежит отдельному классу, и доля из продукта, достоящая этому классу, определяется соперничеством. Класс, которому принадлежит труд, является при этой форме быта сословием наемных работников, получающих рабочую плату; капитал принадлежит классу промышленных антрепренеров, получающих прибыль, а земля — классу владельцев недвижимой собственности, не принимающему никакого личного участия в ведении предприятия, но получающему от предпринимателя ренту за дозволение пользоваться недвижимою собственностью (землю), как орудием и помещением для промышленного предприятия»¹.

Анализ Чернышевским форм капиталистического распределения является глубоким, как и его критика капитализма. Вместе с тем нельзя отвлечься от того, что Чернышевский не дошел до понятия товар рабочая сила и до понятия прибавочной стоимости, как источника эксплуататорских доходов в буржуазном обществе.

Не зная товара рабочая сила, Чернышевский не мог подчинить заработную плату закону стоимости. Отсюда — многочисленные недостатки теории заработной платы Чернышевского.

С другой стороны, не отличая прибыль от прибавочной стоимости, Чернышевский не мог дать цельного анализа закономерностей движения прибыли.

Однако трудности в анализе, которые вытекали из указанных недостатков, не помешали Чернышевскому увидеть основные тенденции развития заработной платы, прибыли и ренты и тем самым дать научную в своей основе базу для понимания растущих противоречий классов буржуазного общества, для понимания непримиримости классовых антагонизмов в буржуазном обществе.

Чернышевский выявил генеральную тенденцию в движении величины заработной платы — тенденцию ее к падению. Опираясь на теорию Рикардо, он показывает, что уменьшение заработной платы соответствует увеличению прибыли. Движение заработной платы и движение прибыли противоположно. По сути дела Чернышевский здесь противопоставляет заработной плате прибавочную стоимость. Он критикует буржуазных экономистов, которые пытаются извратить формулу Рикардо, и говорит, что «при данном положении производства величина

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 468.

прибыли обратно пропорциональна величине рабочей платы»¹. Он приходит к выводу, что «прибыль имеет постоянную тенденцию развиваться до того, чтобы захватывать как можно большую долю из фонда рабочей платы; она стремится поглотить весь этот фонд и останавливается в таком стремлении лишь материальной невозможностью для работника существовать иначе, как при известной величине рабочей платы»².

Эти тенденции Чернышевский объявляет вытекающими из самого существа капиталистического строя.

Формально падение заработной платы Чернышевский связывает с тем фактом, что размножение населения происходит более быстро, чем растут средства существования. Однако надо иметь в виду, что в данном случае между Чернышевским и теоретиками фонда заработной платы, опиравшимися на Мальтуса, имеется глубокая пропасть. Для Чернышевского законы Мальтуса действуют только при капитализме. Между тем весь смысл мальтусовского закона, как известно, заключается в том, что несоответствие средств существования и населения существует якобы извечно. Чернышевский не только не разделяет эту догму мальтусовского закона, но и прямо ее опровергает.

Рассмотрев тенденцию заработной платы и прибыли, Чернышевский заявляет: «При трехчленном делении продукта понижение рабочей платы происходит не собственно от размножения людей, как показалось Мальтусу. Причины этого феномена при существующем устройстве совершенно иные. Они заключаются в самом этом устройстве»³. Итак, не законы природы, а законы общества, действующие при трехчленном делении продукта, — вот причина падения заработной платы. Отсюда ясно, что и способ ликвидации закона падения заработной платы не может лежать в каких-то коррективах со стороны размножения, а в ликвидации самой трехчленной формы распределения, для чего необходимо ликвидировать капиталистическую форму собственности.

«Рабочая плата, — пишет Чернышевский, — может иметь удовлетворительную высоту лишь тогда, когда ход промышленных дел будет основываться не на наемной работе; иначе сказать, величина рабочей платы может быть удовлетворительна лишь тогда, когда в действительности не будет наемного труда, то есть не будет и рабочей платы, — когда в действительности этот элемент будет сочетаться в одних руках с прибылью, когда отдельные классы наемных работников и нани-

¹ П. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 496—497.

² Там же, стр. 502.

³ Там же.

мателей труда исчезнут, заменившись одним классом людей, которые будут работниками и хозяевами вместе»¹.

Чернышевский указывает на закономерность, позднее проанализированную Марксом в 13-й главе I тома «Капитала», заключающуюся в том, что с развитием капитализма вовлекается в промышленное производство и семья рабочего, в результате чего семья, отчуждая большее количество труда, получает от капиталиста такое же количество средств существования, какое она получала, когда работал лишь один глава семьи. «Очень милая вещь — этот принцип трехчленного деления. Чем больше вы всматриваетесь в него, тем яснее обнаруживается прелестная соответственность его с коренными идеями экономической науки. Если муж работает один, он получает известную плату. Если жена, вместо пустой траты времени на вздорные дразги, станет работать дельным образом подобно мужу, она вместе с мужем будет получать плату не больше той, какая прежде давалась одному мужу. Если дети станут помогать родителям, положение родителей и детей нимало не улучшится. Какое прекрасное поощрение людям к тому, чтобы занимался дельною работою каждый, кто в силах заниматься ею, — какое хорошее возбуждение к трудолюбию и какая справедливая сообразность вознаграждения с количеством труда»².

Категорию заработной платы и закон заработной платы Чернышевский критикует, исходя не только из сочувствия к положению наемных рабочих, но и из интересов развития производительных сил. Он утверждает, что система заработной платы, как вознаграждения за труд, при капитализме не поощряет к развитию трудолюбия, не способствует росту общественного производства.

Анализ заработной платы и прибыли служит у Чернышевского для того, чтобы доказать противоположность и непримиримость интересов наемных рабочих и капиталистов. Этим самым он показывает несостоятельность всяких попыток представить капиталистические отношения как гармонические, наносит удар вульгарной апологетике капитализма. Но критика Чернышевского не менее действенна и против таких представителей буржуазной политической экономии, как Милль, которые, не скрывая вопиющих, антагонистических по существу, противоречий капиталистического строя, пытались тем не менее примирить их. Милль и ему подобные хотели на буржуазной основе лечить язвы капитализма путем реформирования отдельных его сторон. Милль представлял политическую эконо-

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 487.

² Там же, стр. 491.

мию, которая, оставаясь на позициях буржуазии, пыталась примирить непримиримое.

Классики политической экономии — А. Смит, Д. Рикардо — не видели и не могли еще видеть всех кричащих противоречий капитализма. Поэтому у них и нет попыток разрешения противоречий капитализма. Между тем в эпоху Милля эти противоречия приняли слишком очевидный характер. Если в эпоху Рикардо не было еще всеобщего кризиса перепроизводства и он мог отрицать их возможность, то в эпоху Милля кризисы приняли уже правильно повторяющийся характер, а обнищание пролетариата стало очевидным. В этих условиях теоретические попытки доказать возможность улучшения положения рабочего класса при сохранении частной капиталистической собственности были выражением банкротства буржуазной политической экономии. Не случайно Чернышевский на каждом шагу подчеркивает, что улучшение положения наемного труда возможно только при ликвидации трехчленного деления, а трехчленное деление продукта может быть ликвидировано только при уничтожении капиталистической формы частной собственности.

Глубокой критике подвергает Чернышевский и земельную собственность. Исторические задачи классовой борьбы, из которых исходил в своих теоретических исканиях Чернышевский, толкали его на всесторонний анализ отношений земельной собственности. Конкретно историческая задача заключалась в ликвидации помещичьего землевладения, этого оплота крепостничества. Чернышевскому хорошо известно различие форм земельных отношений и различие форм производства в земледелии. Он, как мы видели, не отождествляет докапиталистические, феодальные формы ренты с рентой при капитализме. Он показывает, что при капитализме размер ренты подчинен действию закона стоимости, закона конкуренции.

Излагая законы земельной ренты, Чернышевский излагает законы капиталистической земельной ренты. Но Чернышевский вместе с тем знает, что земельная собственность при капитализме представляет собой остаток феодального общественного строя. Поэтому он с особой силой обрушивается на частную земельную собственность. Выступая против деления продукта на части по отдельным классам, он с особой силой воюет против трехчленного деления, в котором одним из элементов является земельная рента, а одним из участников — земельная собственность. Чернышевский считает, что двухчленная система, исключая земельного собственника и включающая в себя лишь капиталиста и наемного рабочего, все же лучше, чем система с трехчленным делением.

Чернышевский знает, что рента представляет собой сверхприбыль. Он следует за Рикардо в объяснении принципа обра-

зования дифференциальной ренты. Однако, как критик частной земельной собственности, Чернышевский оттеняет ту сторону в земельной ренте, которую обходят буржуазные экономисты. Если рента есть часть цены товара, если рента не воздействует на процесс ценообразования, то это не значит еще, что рента, уплачиваемая земельному собственнику, ничего не стоит обществу. Чернышевский показывает, что общее количество труда, которое приходится затрачивать обществу в условиях, когда существует рента, больше, чем когда земледельческий продукт производится без уплаты ренты. По сути дела при анализе земельной ренты Чернышевский подходит к той социальной обманчивой стоимости, о которой говорит Маркс в связи с анализом дифференциальной ренты. Безусловно, что анализ этого явления имеет весьма серьезное значение с точки зрения критики капиталистического строя земледелия. Критику частной земельной собственности при капитализме Чернышевский поднимает на новую ступень. Он считал недостатком теории ренты Рикардо отрицание им ренты с худшего участка и сам выступил со своеобразной теорией абсолютной ренты. Содержание этой теории сводится к следующему: «И земли самого низшего сорта из удобных к возделыванию приносят ренту (Рикардо опустил это из виду) там, где цена хлеба определяется не издержками производства, а стоит (по излишку населения или другим причинам) выше их; и суммой этой ренты увеличивается и рента со всех других земель»¹.

Таким образом, Чернышевский признавал существование, кроме ренты дифференциальной, ренты абсолютной. Состояние, при котором возникает эта абсолютная рента, не является исключительным. Он указывает, что «таково положение Англии, Франции и проч.»², т. е. главных капиталистических стран. Следовательно, в обычных условиях капиталистического производства существует не только дифференциальная, но и абсолютная рента.

Поскольку Чернышевскому не известно различие между стоимостью и ценой производства, он не мог вскрыть источник абсолютной ренты, но он правильно устанавливает, что рента на худшем участке есть разница между ценой сельскохозяйственного продукта и его издержками производства, под которыми в данном случае Чернышевский, по существу говоря, подразумевал цену производства. Он приходит к важному выводу, что уничтожение ренты — а это, понятно, предполагает ликвидацию частной собственности на землю — привело бы к

¹ Н. Г. Чернышевский, «О земле, как элементе богатства» А. Львова, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 396.

² Там же.

понижению цен на сельскохозяйственные продукты. Чернышевский указывает, что, если бы рента оставалась в руках земледельцев, то они вкладывали бы в землю больший капитал, а это привело бы к увеличению производства сельскохозяйственных продуктов и к понижению цен на них, что было бы в интересах всего общества.

Из приводимого Чернышевским доказательства этого положения видно, что он имел в виду, когда говорил об уничтожении ренты, ликвидацию ренты с худшего участка, т. е. ликвидацию абсолютной ренты.

Правильно используя теорию ренты для критики частной земельной собственности, существенно дополняя теорию ренты Рикардо учением, по существу говоря, об абсолютной ренте и поднимая тем самым критику частной земельной собственности на еще более высокую ступень, Чернышевский, однако, не сумел провести различия между ролью частной земельной собственности в отношении дифференциальной ренты, с одной стороны, и абсолютной ренты — с другой. Если частная земельная собственность лишь улавливает дифференциальную ренту, возникающую без ее воздействия, то она является творческим началом абсолютной ренты. Земельная собственность не только присваивает абсолютную ренту, но и является той силой, без которой добавочная прибыль — разница между стоимостью и ценой сельскохозяйственного продукта — ушла бы в общий котел капиталистического распределения прибавочной стоимости. Это обстоятельство осталось вне поля зрения Чернышевского, но это не снижает его огромной заслуги, заключающейся в констатации того, что действительная величина ренты, присваиваемой земельными собственниками, больше, чем предполагал Рикардо, что ренту приносят и худшие участки, что на величину ренты с худшего участка возрастает рента и с других участков, что ликвидация частной земельной собственности явилась бы фактором повышения производительности сельского хозяйства.

Хотя Чернышевский неоднократно подчеркивал, что характер доходов у капиталистов и земельных собственников одинаков, однако он показывает противоположность интересов получателей ренты и капиталистов и рабочих. Пока господствует земельная собственность, интересы капиталистов и рабочих в борьбе против земельной собственности совпадают: «Интересы ренты противоположны интересам прибыли и рабочей платы вместе. Против сословия, которому выделяется рента, средний класс и простой народ всегда были союзниками»¹.

¹ П. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 516.

В борьбе против апологии земельной собственности Чернышевский, однако, никогда не забывает, что в условиях капитализма основным противоречием является противоречие между капиталистами и рабочими: «Мы видели, что интерес прибыли противоположен интересу рабочей платы. Как только одерживают в своем союзе верх над получающим ренту классом сословие капиталистов и сословие работников, история страны получает главным своим содержанием борьбу среднего сословия с народом»¹.

Важно отметить, что, анализируя заработную плату, прибыль и ренту, Чернышевский рассматривает все эти категории в их внутренней связи.

Интерес к связному анализу этих категорий понятен. Чернышевского интересует экономическая основа классовых отношений, а она, как правильно считает Чернышевский, раскрывается именно через эти категории. Стремясь выявить непримиримость классовых антагонизмов, Чернышевский показывает, что развитие противоречий между заработной платой, прибылью и рентой угрожает самому существованию того строя, при котором существуют эти категории. Здесь мы имеем дело с интересным диалектическим анализом противоречий между доходами классов буржуазного общества. «Мы видели, что сами прибыль и рента стремятся разрушить трехчленное деление продукта, — рента стремлением поглотить прибыль и рабочую плату, прибыль — стремлением поглотить рабочую плату, и через то самым успехом своим низвергают устройство, через которое достигают успеха. Мы видим в истории, что за торжеством сословия, получающего ренту, или сословия, получающего прибыль, неизбежно следовал каждый раз переворот, низвергавший это сословие»².

По Чернышевскому, борьба сословий, имеющая свою основу в их экономическом положении, может разрешиться только насильственным уничтожением господства одного сословия над другим. Противоречия капиталистического развития могут быть разрешены только насильственно, путем революционного действия.

* *
*

¹ Краткий обзор анализа Чернышевским категорий капитализма показывает полную справедливость ленинской характеристики Чернышевского как глубокого критика капитализма.

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 516.

² Там же.

К критике крепостничества и капитализма Чернышевский подходил по-разному. Он считал, что крепостничество вообще выходит за пределы экономического расчета, капитализм же рассматривался им как историческая экономическая форма, обусловленная таким видом собственности, который не соответствует требованиям наилучшего экономического порядка. Считая, что капиталистические отношения суть лишь исторические формы, извращающие сущность экономических законов, Чернышевский сопоставляет первое со вторым. Он видит порок буржуазной политической экономии в том, что она не обособляет сущность экономических категорий от их внешних форм.

Чернышевский говорит: «Через всю вторую главу Милля проходит смешивание понятий, относящихся к сущности дела, с воззрениями, относящимися только к одной из внешних форм его»¹.

Отрыв Чернышевским так называемой «сущности дела» от внешней формы выражает непонимание им капиталистического способа производства как определенного единства «сущности» и форм ее проявления. Именно в связи с этим Маркс указывал на полях книги «Дополнения и примечания на первую книгу политической экономии Милля», что Чернышевский не имеет представления о капиталистическом способе производства².

Недостатки анализа Чернышевским вопроса о взаимоотношении формы и содержания не должны скрывать от нашего взора того обстоятельства, что в этом различии сущности дела и его формы заключена критика буржуазной политической экономии, которая объявляет капиталистические формы производства вечными и неизменными. С этой точки зрения различие Чернышевским сущности дела и внешних форм имеет весьма положительное значение; оно показывает исторически преходящий характер капиталистической формы производства, бьет по буржуазной апологетике.

В стремлении Чернышевского отделить сущность от внешней формы сказывается его желание показать, что капиталистические формы производства не являются вечными. Но эта глубоко верная мысль доказывается неправильно. В действительности исторична не только форма капитализма, но и его сущность. Вместе с изменением сущности меняется и форма.

Нельзя сказать, что Чернышевский не следит за развитием капиталистических отношений. Он считает, что развитие капиталистических отношений делает все более очевидным несоот-

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 84.

² См. пометки Маркса в книге Н. Г. Чернышевский, Избранные сочинения, т. II, первый полутом, Соцэкгиз, М.—Л. 1937, стр. XXV.

ветствие их разуму и справедливости. Правда, в представлении Чернышевского, дело не столько в качественном изменении самих капиталистических отношений, сколько в том, что все большее количество людей может быть вовлечено в орбиту капиталистических отношений и чувствовать их несоответствие разуму и справедливости.

В некоторых случаях Чернышевский показывает и изменения, происходящие в развитии самого капиталистического производства.

Например, Чернышевский, как и его предшественники и современники (до Маркса), не понял закона тенденции нормы прибыли к понижению. Рикардо пытался объяснить падение нормы прибыли ростом ренты, а рост последней связывал с законом убывающего плодородия почвы. Решение проблемы Рикардо, следовательно, искал в плоскости объективных закономерностей материального производства.

Чернышевский берет также объективное материальное явление — концентрацию производства. Однако, по Чернышевскому, концентрация производства становится фактором падения нормы прибыли не потому, что изменяется соотношение объективных элементов производства, а по чисто субъективной причине — за большим предприятием трудно уследить одному человеку. Отсюда вытекает, что мелкое предприятие имеет более высокую норму прибыли, чем крупное. Между тем сам Чернышевский неоднократно говорит о преимуществах крупного производства перед мелким. Получается противоречие: крупное производство — более производительно, более эффективно, а мелкое производство — приносит более высокую норму прибыли. Из этого противоречия Чернышевский делает вывод о необходимости такого производства, при котором собственность на предприятие принадлежала бы не одному капиталисту, а всем труженикам предприятия. Они все будут наблюдать за предприятием, будут заинтересованы в результатах его работы, и оно обеспечит больший эффект. Но из этого следует, что в каждый данный момент, с точки зрения нормы прибыли, мелкое предприятие имеет преимущество по сравнению с крупным.

В целом же вместо подвижной связи между производительными силами и производственными отношениями, переходящей от состояния соответствия между ними к состоянию несоответствия, Чернышевский конструирует имеющееся уже в момент возникновения капитализма несоответствие его производственных отношений разуму. Вот почему развитие капитализма не привлекает особого внимания Чернышевского.

Поэтому, хотя Чернышевский стоит на голову выше всех буржуазных экономистов, хотя для него капитализм есть исто-

рически преходящая форма общественного производства, тем не менее в подходе к изучению *закономерностей развития* капитализма Чернышевский тоже внеисторичен. Он знает механизм капиталистического воспроизводства и показывает его. Но этот механизм рассматривается им вне развития, вне качественных изменений.

Исторически преходящий характер капитализма Чернышевский не нашел в самом материальном производстве, во взаимоотношениях двух сторон производства — производительных сил и производственных отношений. Отсюда — идеалистический характер его представлений об исторической природе капитализма. Но историзм Чернышевского и в данном вопросе революционен. Теория Чернышевского, не получившая еще материалистической основы, все же остается революционной теорией. Хотя Чернышевский еще не нашел глубокой основы революционных переворотов, он уже исходит из неизбежности революционных переходов от одной ступени развития общества к другой, ищет общественную силу, способную совершить революционный взрыв. Теория Чернышевского говорит, что освобождение трудящихся должно быть делом их собственных рук.

Революционная теория Чернышевского была прогрессивной, несмотря на ее идеалистическую основу. Ленин писал: «Из-за *теоретического* различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов *просмотрел* практически-политическое и *классовое* различие либерала и демократа»¹. Это положение имеет огромное значение для оценки теории Чернышевского, для уяснения ее силы и ее слабостей. Но Ленин учит, что нельзя оставаться на простой констатации идеализма или материализма, надо еще выяснить, чему служит в каждый данный момент конкретный материализм или идеализм. Если с этих ленинских методологических позиций подойти к оценке историзма Чернышевского, то нужно сказать, что, несмотря на крупные недостатки теории Чернышевского, она вооружала передовых людей пониманием исторически преходящего характера капитализма и толкала на путь изучения закономерностей гибели капитализма. Подчеркнуть это тем более необходимо, что, не будучи в состоянии преодолеть идеалистическое понимание истории, Чернышевский пытался сплошь и рядом давать обоснование необходимости замены капитализма социализмом в материалистическом направлении. Как уже говорилось, Чернышевский считал, что характер крупного производства исключает возможность его успешного функционирования при частнокапиталистической собственности и оно требует общественной собственности. Идеализм Чернышевского не

¹ «Ленинский сборник» XXV, стр. 231.

в том, что он подчеркивает роль сознания трудящихся при переходе к социализму, а в том, что он не показывает производного характера сознания масс от развития материального производства и его противоречий, в том, что доводы от сознания и доводы от материального производства движутся у него параллельно.

Мы видели, что при анализе отдельных экономических категорий капитализма Чернышевский подходит к каждой из них с меркой производства, выясняет, в какой мере отношение, находящее теоретическое выражение в данной категории, способствует развитию производительных сил, подъему производительности труда.

Это обеспечило Чернышевскому возможность плодотворного критического анализа важнейших экономических отношений капитализма.

5. ОБОСНОВАНИЕ СОЦИАЛИЗМА.

О предпосылках социализма

Чернышевский является величайшим социалистом домарковского периода не только в России, но и в международном масштабе. Им были сделаны крупные шаги в сторону научного социализма.

Идея социализма в эпоху Чернышевского была не нова. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс дали развернутую критику разных видов донаучного социализма и изложили основы научного социализма. Непосредственным предшественником и одним из источников марксизма был утопический социализм первой четверти XIX в.

Коренное отличие утопического социализма от научного заключается в том, что утопический социализм *изобретает* социализм, а научный социализм *открыл* социализм в материальных условиях существования общества. Изобретение социализма означает, что социализм рассматривается как продукт развития человеческого сознания. Человечество дошло до сознания, что социалистическая форма общежития есть лучшая форма. В связи с этим развивается идея социализма. Успех социализма зависит от того, насколько люди сумеют понять идею социализма. Следовательно, идея социализма должна быть связана с идеей внедрения в сознание людей преимущества социалистической формы общества.

Чернышевский отличался от западноевропейских утопических социалистов во многих отношениях.

Во-первых, он пытался выяснить и осветить вопрос, почему идея социализма возникает, каковы условия ее возникновения.

Во-вторых, Чернышевский пытался выяснить, какие классы общества заинтересованы в социализме.

В-третьих, он ставил судьбу социализма в зависимость от борьбы определенных общественных классов.

В-четвертых, Чернышевский пытался найти материальные корни социализма в предшествующих социализму общественно-экономических условиях.

Эти отличия Чернышевского от его предшественников по утопическому социализму на Западе достаточно существенны для того, чтобы провести серьезный водораздел между Чернышевским и западноевропейским утопическим социализмом, хотя они и не настолько значительны, чтобы уничтожить грань между Чернышевским и научным социализмом.

* *

*

Как уже было показано, при анализе и критике отдельных экономических отношений Чернышевский по существу часто становится на платформу критерия производительных сил и их развития.

Элементы морализирования по поводу экономических отношений и, так сказать, «рационализации» критики капитализма, т. е. столкновения капиталистических отношений и экономических законов с требованиями разума, безусловно имеются в произведениях Чернышевского. Следует, однако, поставить следующий вопрос: подменяется ли в системе экономических воззрений Чернышевского критика внутренних противоречий капитализма критикой капитализма с точки зрения морали и разума? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. В системе воззрений Чернышевского критика капитализма с точки зрения морали и разума не заменяет критики, идущей в экономическом плане. Доводы от морали и разума не являются определяющими в системе его экономических воззрений.

Переплетение в литературно-экономических произведениях Чернышевского разных доводов против капитализма преследовало разные цели. Доводы от морали и разума были у него прежде всего ответом на те попытки оправдания буржуазного строя с позиций морали и разума, которые характерны для буржуазной политической экономии на всех этапах ее развития и которые приняли особенно ясные апологетические формы у представителей вульгарной политической экономии. Чернышевский — революционер и социалист, рвавшийся к практической революционной борьбе, мечтавший о революционной борьбе угнетенных масс против угнетателей, использовал все методы воздействия на сознание эксплуатируемых масс для подъема их на борьбу против угнетателей. Моральному освящению ка-

питализма буржуазными апологетами он противопоставлял его моральное осуждение и моральное оправдание социализма. Поскольку в тех или иных случаях в критике Чернышевским капитализма доводы от морали и разума были единственными, постольку имелся отход от научной критики капитализма. Поскольку же критика от морали и разума являлась дополнением к вскрытию внутренних противоречий, постольку эти доводы от морали и разума были необходимыми элементами в борьбе против буржуазной идеологии.

В основе научной теории не может лежать тот или иной моральный критерий, однако передовая научная теория, ее выводы не могут вступать в противоречие с передовыми нормами морали, ибо и первое и второе всегда выражают новое, прогрессивное, помогающее победе этого нового, прогрессивного над старым, отмирающим.

Следует также иметь в виду известные указания Энгельса и Ленина о том, что теоретическое положение, неправильное в формально-экономическом смысле, может быть правильным во всемирно-историческом смысле.

Энгельс указывал, что выводы из теории Рикардо о том, что рабочему, как единственному непосредственному производителю, принадлежит весь общественный продукт его труда, ведут прямо к коммунизму. Вместе с тем Энгельс отмечал, что это является прямым приложением морали к политической экономии и с формально-экономической стороны этот вывод является ложным.

Но если довод от морали не может быть аргументом в политической экономии, то моральное осуждение того или иного факта, охватывающее массы, является выражением того, что данный факт отжил свое время.

Чернышевский, осуждая крепостничество, объявляя его аморальным, выражал нравственное сознание крестьянских масс. Моральным осуждением капитализма Чернышевский предвосхищал нравственное сознание рабочего класса, растущего вместе с капитализмом и вырастающего в грозную силу, способную положить конец капитализму.

Только у мелкобуржуазных теоретиков мы видим обычно конфликт между их представлениями о справедливом экономическом строе и интересами развития производительных сил. Возьмем, допустим, Сисмонди с его попыткой задержать развитие машин, чтобы сохранить мелкобуржуазное производство самостоятельных производителей. Чернышевский никогда не защищает справедливые формы распределения ценой задержки развития производительных сил.

Моральный элемент у Чернышевского не противостоит производственному.

Преимущество одного над другим рассматривается в плане производственного превосходства в конечном счете. В этом именно плане капитализм выше и прогрессивнее крепостничества, а социализм, выше и прогрессивнее капитализма.

Учение о способе производства и общественно-экономической формации не было известно Чернышевскому, и он оперировал понятием экономического быта. Поэтому его сопоставления разных экономических форм выходят далеко за рамки способов производства.

Как крестьянский революционер, Чернышевский, естественно, уделял особое внимание проблеме крестьянского хозяйства. Судьба крестьянского хозяйства интересует его и в условиях крепостничества, и в условиях капитализма, и в условиях социализма.

Гений Чернышевского обнаружил себя с исключительной силой в том, что, будучи наиболее последовательным защитником крестьянства, он ни на одну минуту не был во власти иллюзий, характерных для идеологов мелкого крестьянского хозяйства. Он не верил в торжество такой формы хозяйства, не верил в возможность ее сохранения в неизменном состоянии. И его великая творческая революционная сила заключалась в том, что, сознавая невозможность сохранения крестьянского хозяйства в неизменной форме, он боролся против крепостничества, за победу самостоятельного крестьянского хозяйства. Для него является безусловным, что крестьянское хозяйство при всех обстоятельствах выше помещичьего; он — безусловный враг помещичьего хозяйства.

Вопрос о соотношении крестьянского хозяйства и капитализма ставится и решается в другой плоскости. Известно, что хозяйству с так называемой трехчленной формой распределения Чернышевский противопоставлял хозяйство, в котором все три экономических агента (собственник, хозяин и производитель) объединены в одном лице. Однако следует иметь в виду, что превосходство последней формы хозяйства над первой Чернышевский видел только при том условии, когда и то и другое хозяйство имеет одну и ту же систему производительных сил.

Крестьянское производство, в котором соединены в одном лице и работник, и хозяин, и собственник, выше капиталистического только в том случае, когда капиталистическое производство не базируется на такой системе орудий труда, которая предполагает обязательно производство в крупных размерах.

Если производство базируется на машинах, то производство должно осуществляться в крупных предприятиях. В этом случае преимущества самостоятельного мелкого хозяйства, протекающие из соединения в одном лице собственника, хозяина и работника, могут оказаться недостаточными для того, чтобы

обеспечить превосходство над крупным производством с трехчленным делением продукта. Больше того, Чернышевский считает, что преимущества крупного производства с трехчленным делением продукта, проистекающие из того, что в нем могут применяться более производительные процессы, неизбежно должны приводить в конечном счете к победе этого крупного производства.

Таким образом, рассматривая вопрос о соотношении мелкого самостоятельного и крупного капиталистического производства в перспективе, Чернышевский приходит к выводу о неизбежной победе крупного капиталистического производства в условиях стихийного развития. Следовательно, форма хозяйства без трехчленного деления продукта стихийно должна переходить в форму капиталистического производства с трехчленным делением продукта. Развитие же последней формы, подчиняющей себе все большее количество трудящихся, способствует возникновению стремления к товарищескому производству, т. е. к крупному производству, без трехчленного деления продукта.

Эта форма хозяйства соединяет в себе преимущества хозяйства без трехчленного деления (заинтересованность непосредственного производителя в результатах процесса производства) с преимуществами крупного хозяйства с трехчленным делением продукта (возможность осуществления более производительных процессов) и не имеет недостатков того и другого.

Таким образом, защита мелкого производства не является универсальной. По существу, перевознос мелкое производство, Чернышевский утверждает его безусловное преимущество по сравнению с крепостническим «крупным» производством. Капиталистическому же производству он противопоставляет в конечном счете не мелкое, а крупное социалистическое производство. Мелкое производство является для него исторически переходящей формой производства. Его защита мелкого производства решительно отличается от защиты мелкого производства у Сисмонди или Прудона. Для последних мелкое производство есть идеальная форма производства.

В теории Чернышевского генеральная схема развития по существу такова: крепостничество, капитализм, социализм. Вместе с тем он видит и переходные формы. Так, например, при ликвидации крепостничества появляется форма самостоятельного мелкого крестьянского хозяйства. Она представляет собой прогрессивную форму производства, которая, однако, не может удержаться. Она будет размываться капитализмом, если прямо не перейдет в высшую, социалистическую форму производства.

В соответствии с этим возникают в основном два варианта движения к социализму. Один — без прохождения обществом

капитализма, как исторически господствующей формы общественного строя, другой — от капитализма к социализму.

Как это ни покажется странным на первый взгляд, путь движения от капитализма к социализму у Чернышевского не разработан с такой тщательностью, как путь движения к социализму, минуя капитализм.

Общим для обоих путей, по Чернышевскому, является то, что оба предполагают борьбу классов и переход власти в руки трудящихся. Этим Чернышевский решительно отличается от всех своих предшественников по утопическому социализму.

Общим для обоих путей является то, что в обоих случаях социализм возникает в форме товариществ. Оба пути являются результатом определенных закономерностей, имеющих свою основу.

Казалось бы, можно сказать, что, если Чернышевский противопоставлял капитализм крепостничеству, как более производительную общественную форму производства менее производительной, то социализм он противопоставлял, как строй, основанный на разуме, требованиям науки, капитализму, как строю, основанному на рутине. Однако такое понимание противопоставления социализма капитализму далеко от истины. Чернышевский объявляет социализм разумным потому, что он обеспечивает более быстрый рост производства. Дело, следовательно, в преимуществах социализма, как строя, «разум» же в данном случае говорит от имени производительных сил.

Преимущества социализма раскрываются как преимущества строя, обеспечивающего наибольший рост производительных сил, а не только справедливые формы распределения. Справедливые формы распределения являются фактором усиления производства, его роста. Чернышевский не удерживается на общей констатации факторов большей производительности и переходит подчас на подсчет выгод от социалистического производства в определенных величинах. Но это обстоятельство не должно затемнять того факта, что сопоставление ведется с точки зрения развития производительных сил.

Одним из обоснований социализма является, по Чернышевскому, трудовая теория стоимости. Чернышевский считает, что трудовая теория стоимости является наиболее прочной основой теории социализма. Логика Чернышевского в данном вопросе такова: трудовая теория утверждает, что труд является источником стоимости, труд создает продукт. Продукт должен принадлежать тому, кто является его творцом. А творцом является тот, кто затрачивал свой труд.

Такое обоснование социализма является и утопичным и моралистическим.

Но, кроме нормативистской постановки вопроса о социализме, у Чернышевского имеется и материалистическое обоснование социализма. Оно дано Чернышевским в связи с анализом вопроса о крупном и мелком производстве.

Отметив, что в крупном производстве при трехчленном делении продукта «наемный труд даром тратит половину времени, даром пропадает половина силы, даваемой машинами»¹, Чернышевский указывает, что использование преимуществ крупного производства требует, чтобы «вознаграждение за труд заключалось в самом продукте труда, а не в какой-нибудь плате»². Это и есть форма товарищества, т. е. социалистическая форма производства.

Следовательно, необходимость социализма Чернышевский выводит из противоречий крупного производства. Само же крупное производство он связывает с изменением в характере орудий труда.

Установив зависимость изменений в «характере труда», т. е., по существу говоря, в характере экономического строя (ибо Чернышевский придает решающее значение для каждого строя «характеру труда»), он с большим оптимизмом смотрит на будущее социализма. Чернышевский говорит, что «характер производительных процессов» уже таков, что ему не соответствует «характер труда», который был уместен при производстве в мелком масштабе.

Таким образом, Чернышевский стремится установить соответствие между «характером производительных процессов» и «характером труда».

Опираясь на необходимость соответствия между «характером производительных процессов» и «характером труда», Чернышевский и обосновывает закономерность победы социализма. Относящиеся к этой мысли места в тексте Чернышевского Маркс сопроводил весьма сочувственным «браво!»³. Установление необходимости соответствия между «характером производительных процессов» и «характером труда» и выведение из нее социализма означает не только то, что наступление социализма рассматривается как закономерность исторического процесса, но и то, что эта закономерность носит материалистический характер. Она выводится из характера материального процесса производства, из противоречий общественного процесса производства. Конечно, это еще не исторический материализм, но самый факт установления закономерного соответствия

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 221.

² Там же.

³ См. пометки Маркса в книге Н. Г. Чернышевский, Избранные сочинения, т. II, первый полутом, М.—Л. 1937, стр. XL.

между «характером производительных процессов» и «характером труда» и выведения из этого соответствия необходимой победы социализма есть большой шаг в сторону исторического материализма в объяснении социализма. Здесь можно говорить о движении по пути к историческому материализму, хотя это еще не движение на рельсах исторического материализма: «характер производительных процессов» — это еще не «производительные силы», а «характер труда» — это еще не «производительные отношения».

Кроме того, обоснование закономерностей смены одного строя другим предполагает знание тех посредствующих звеньев, которые лежат между фактическим осуществлением смены одного строя другим и констатацией самых общих противоречий, которые требуют смены этого строя. Трудности на пути познания этих посредствующих звеньев всегда велики, до тех пор пока исходные элементы способа производства не сформулированы с научной точностью. Вот почему мы видим у Чернышевского наряду с безусловно материалистическими попытками обоснования социализма также и выведение социализма из сознания.

Между общественными явлениями сферы материального производства и общественным сознанием до Маркса не была установлена надлежащая связь. Хотя Чернышевский, как последовательный материалист, проводил идею первичности материи, тем не менее в сфере общественных явлений он не всегда мог находить необходимую связь между материальными явлениями и явлениями из сферы общественного сознания. Отсюда обоснование социализма не только из противоречий материального производства, но также и специально из развития общественного сознания.

Да и сама сфера материального производства берется Чернышевским при обосновании социализма не всегда с одной и той же стороны. Иногда Чернышевский пытается найти опору социализма в самом процессе производства, как отношении человека к природе. Тогда Чернышевский говорит о характере производительных процессов, о характере орудий труда. С другой стороны, пытаясь определить условия возникновения социализма, Чернышевский занят поисками наиболее близких к социализму форм экономических отношений, форм собственности в условиях современной ему действительности.

Таким образом, по сути дела в борьбе за обоснование социализма Чернышевский ищет историческую опору социализма то в сфере производительных сил, то в сфере производственных отношений. Когда Чернышевский анализирует вопрос о необходимости социализма безадресно, то он говорит об элементах производительных сил, как факторах, которые обуслов-

ливают необходимость социализма. Когда же у Чернышевского идет речь о России, то его главное внимание направлено на ту сферу, которая касается отношений собственности, т. е. производственных отношений.

Такие переходы неизбежны, раз не дана научная формулировка понятия способа производства. Но эти переходы свидетельствуют также о глубоком проникновении Чернышевским в различия тех ступеней исторического развития, которые проходили Россия и Западная Европа. Последняя уже находилась на ступени крупного капиталистического производства на базе машинной индустрии, Россия же была еще крепостнической страной. Искать корни социализма непосредственно в сфере материального производства в России было невозможно. Поскольку же разные стороны способа производства еще сознательно не расчленены, постольку поиски материальной опоры социализма заставляют идти не только по линии отыскания предпосылок социализма в самом непосредственном материальном процессе производства, т. е. в сфере производительных сил, но и в другой стороне способа производства — в сфере производственных отношений, в характере отношений собственности. Отсюда мы обнаруживаем у Чернышевского не только попытки нахождения тех «производительных процессов», которые делают социализм необходимым, но и поиски таких производственных отношений, которые наиболее близки к социализму.

В общих чертах ход рассуждений Чернышевского в обоснование социализма сводится к следующему.

При возникновении крупного производства на базе машинной техники один хозяин предприятия не может справиться с ним, не может за всем уследить. Только тогда, когда все участники производства будут собственниками его, оно может успешно вестись. Наука открыла, что переход предприятий в руки непосредственных производителей обеспечит наибольший прогресс. Эта идея становится все более популярной среди трудящихся масс. Когда эта идея овладеет значительной частью заинтересованных в ее реализации людей, социализм неизбежно придет. Приход социализма неотвратим. Он — закономерный результат развития сознания, который получает свою опору и в развитии материального производства. Западная наука раньше русской пришла к идее социализма. Россия может воспользоваться этой идеей и прийти к социализму даже ранее Западной Европы. Идея социализма на Западе требует превращения тружеников в коллективных собственников условий производства. Но на Западе нет еще исходных форм этой коллективной собственности. В России же такая форма есть — это русская община.

Чернышевский критиковал Герцена за его идеализацию общины, правильно вскрыв, что сохранение общины в России — выражение экономической отсталости страны. Но тем не менее Чернышевский также считал, что Запад имеет свою дорогу к социализму, а для России исходным пунктом социалистического преобразования может явиться община. В отличие от других сторонников общины Чернышевский считал общину только исходным пунктом социализма и правильно полагал, что укрепление социализма как формы производства предполагает развитие крупного машинного производства.

Таким образом, Чернышевский практически связывал существование социализма с определенным видом собственности на средства труда и с определенным характером производительных процессов. Но он не в состоянии был показать, как развитие материального производства в недрах капитализма подготавливает материальные предпосылки социализма путем обобществления производства, хотя мы и встречаем у него гениальные высказывания о зависимости «характера труда» от «характера производительных процессов».

Чернышевский сознавал связь между общественной собственностью и общественным производством. Он не знал, что именно общественное производство порождает общественную собственность, требует ее. Но он знал, что общественная собственность должна быть дополнена общественным производством.

Общественная собственность должна прийти на смену частной, как более справедливая и соответствующая выгодам трудящихся, и она должна быть связана с общественным производством. Следовательно, Чернышевский приходит в конечном счете к той основе социализма, о которой говорит и научный социализм, — к единству общественной собственности и общественного производства.

Однако ему не удалось показать, что творческим началом, исходной основой является в этом единстве общественное производство. По Чернышевскому, основа социализма может быть создана и в том случае, когда есть общественное производство, она может быть создана и тогда, когда есть общественная собственность. В первом случае общественный характер производства дополняется общественной собственностью, во втором случае возникшая общественная собственность дополняется общественным производством. Таким образом, исходный, определяющий характер общественного производства для создания социализма отчетливо им не понят.

По мысли Чернышевского, сущность развития заключается при капитализме не в том, что оно подготавливает предпосылки социализма, а в том, что условия развития при капита-

лизме ухудшаются: крупное производство и собственность капиталиста на это крупное производство вступают во все возрастающий конфликт. Крупное производство создает невозможность управиться одному человеку с наблюдением за ним, с его организацией.

Без товарищеской формы производства не может быть достигнута та цель, которую Чернышевский считает центральной: сделать всех тружеников самостоятельными. Гарантия сохранения самостоятельности — в товарищеском производстве. Поэтому следует приветствовать товарищество как форму, обеспечивающую самостоятельность трудящихся.

В рассуждениях Чернышевского о социализме нет имманентной причинной связи между определенной системой и уровнем производительных сил и товариществом, как формой общественного производства.

Социализм может начаться и там, где есть крупное производство с определенными производительными процессами, и там, где нет этого производства. Социализм должен быть крупным производством, но он может начаться и без наличия в стране крупного производства. Запад превосходит Россию не наличием материальных предпосылок социализма, а тем, что на Западе идея социализма зародилась раньше и охватила более широкий круг людей. Что же касается материальных основ социализма, то Россия имеет даже преимущество. То, что на Западе является идеалом, в России выступает как факт. Чернышевский считает, что его социалистическая идея восходит к Западу, но материальные условия создания социализма в России более подходящи, чем на Западе. В России есть общинная форма землепользования, которая, по мнению Чернышевского, и представляет собой исходную основу социализма.

Рассматривая перспективы реализации идеи о «союзнном производстве между людьми», т. е. идеи социалистического производства, Чернышевский пишет, что на Западе, где утвердился принцип частной собственности на землю, «лучший порядок экономических отношений (социалистический порядок.— Н. Ц.) соединен с жертвованиями, и потому его учреждение очень затруднено»¹. Он противен привычкам английского и французского крестьянина. И далее Чернышевский указывает: «Для введения союзного производства в этих землях надобно в целом народе, огромнейшая масса которого еще погрязает в невежестве и не привыкла к размышлению о своих обычаях, вселить новое убеждение, и не только вселить его, но и утвердить до такой силы, чтобы оно взяло верх над обычаями и при-

¹ Н. Г. Чернышевский, *Славянофилы и вопрос об общине*, Полное собрание сочинений, т. IV, М. 1948, стр. 741.

вычками, которые чрезвычайно сроднились со всем образом жизни тех племен,— надобно путем разумного убеждения перевоспитать целые народы»¹.

Отметив эти трудности на пути установления общественной собственности на Западе и имея в виду общинное землевладение в России, Чернышевский писал: «Те привычки, проведение которых в народную жизнь кажется делом неизмеримой трудности англичанину и французу, существуют у русского как факт его народной жизни»².

Отсюда вывод: хотя идея о союзном производстве возникла на Западе, она легче может быть осуществлена в России.

Приведенные выше утверждения показывают понимание Чернышевским того, что мелкий производитель не является по природе своей социалистом. Он видит разъединяющее значение частной собственности и для мелкого производителя.

Но отмечая эти черты мелкого частного производителя, Чернышевский, поскольку он ищет формы хозяйства, наиболее близкие к социализму с точки зрения положения производителя в процессе производства, неизбежно приходит к строю самостоятельных мелких производителей.

По мысли Чернышевского, от системы мелкого самостоятельного производства легче всего перейти к социализму: и тот и другой не знают эксплуатации, и тот и другой не основаны на обмене. В обоих случаях рента, прибыль и зарплата не разъединены между разными лицами. В социализме он видел естественное продолжение и гарантию сохранения тех свойств, которые характерны для мелкого самостоятельного производства: труд на себя.

Чернышевский считает, что стремление трудящихся к самостоятельности может быть реализовано только при форме товарищества. После того, как получена самостоятельность трудящихся в борьбе против крепостничества, возникает необходимость в том, чтобы получить самостоятельность против капитализма, который может развиться после уничтожения крепостничества. Чернышевский не видит никаких непреодолимых трудностей прямого перехода от одной формы самостоятельного хозяйства к другой форме самостоятельного хозяйства.

Он дает ясно понять, что наиболее легким является переход к социализму от крестьянского хозяйства, покоящегося на общинной собственности на землю. И это понятно. Из трех элементов хозяйства один уже находится в общественной форме.

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Славянофилы и вопрос об общине, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 742.

² Там же, стр. 743.

Но если оставить в стороне это различие между крестьянином, базирующим свое хозяйство на общинной земле, и крестьянином, базирующим его на своей собственной земле, то именно крестьянское хозяйство является непосредственно по характеру отношений наиболее близким к социализму.

Нет нужды подвергать здесь критике эту точку зрения. Ее неправильность теперь очевидна. И эта ошибочная точка зрения имеет своим корнем отсутствие у Чернышевского понятия о способе производства как единстве производительных сил и производственных отношений.

Хотя Чернышевский и ищет основ производственных отношений в характере производства, производительных процессов, однако эти поиски не завершились осознанием закона единства производительных сил и производственных отношений, который предполагает наиболее активную подвижную роль в этом единстве производительных сил. Те или иные формы производственных отношений, по Чернышевскому, не обязательный результат определенного уровня развития производительных сил, а формы, которые утвердятся тогда, когда общественные группы, заинтересованные в определенных отношениях, поняв их разумность и выгодность для себя, начнут бороться за них.

Исходной основой нового строя могут быть и устанавливаемые заинтересованным общественным классом новые отношения собственности, которые послужат орудием установления и новых производительных сил.

Отсюда органическое переплетение различных задач революции: антикрепостнических и антикапиталистических, буржуазных и социалистических, хотя характер постановки тех и других задач совершенно различен.

Здесь сказывается определенная историческая граница, поставленная Чернышевскому его эпохой. Чернышевский является одним из величайших теоретиков революционной борьбы против крепостничества. Революционное острие его теории направлено прежде всего против крепостничества, что нашло свое выражение и в его концепции социализма. Как крестьянский революционер, Чернышевский критиковал помещичье землевладение и помещичье хозяйство и боролся за победу самостоятельного крестьянского хозяйства.

Главным оплотом помещичьей эксплуатации, как известно, служило помещичье землевладение. В условиях феодализма основой крепостнической эксплуатации является феодальная земельная собственность. В условиях же капитализма не отношения земельной собственности определяют характер производственных отношений, характер эксплуатации. Форма собственности на землю в известной мере безразлична для характера капиталистической эксплуатации. Последняя мыслима при

самых разнообразных формах земельной собственности. Отношения земельной собственности являются определяющими для феодального строя.

Эта роль земельной собственности в условиях феодального строя, несомненно, приводила к гипертрофированию роли земельной собственности в системе воззрений Чернышевского, как крестьянского революционера. Отсюда — раздувание роли земельной собственности и при рассмотрении проблем капитализма и при рассмотрении проблем социализма. Как при рассмотрении вопроса об основе капитализма Чернышевский придавал излишнее значение форме земельной собственности, так и для социализма земельная собственность выступает у него в качестве определяющей, исходной основы.

В самом деле, как представляет себе Чернышевский образование капитализма? Он считает, что капитализм и «язва пролетариата» образуются вследствие лишения известной части трудящихся возможности участия в земельной собственности. Община являлась в системе Чернышевского орудием предотвращения пролетаризации крестьян, орудием сохранения их в качестве самостоятельных производителей, которые не пойдут в кабалу к капиталисту. По мысли Чернышевского, определенная форма земельной собственности может явиться барьером против капитализма. Этой формой является общинная земельная собственность. В данном случае для нас не важно, что Чернышевский имел в виду государственную собственность при общинном владении. Важно то, что определенная форма землевладения выступает как определяющий фактор формы производства.

Этот момент оказывается определяющим и тогда, когда речь идет о социализме. Общинное землевладение — вот исходная прочная основа социализма. В отличие от некоторых других русских социалистов Чернышевский не ограничивал задачи социалистического преобразования лишь утверждением определенной формы земельной собственности. Но тот факт, что в основу преобразования общества берется определенная форма земельной собственности, сам по себе свидетельствует о характере социализма Чернышевского. Это — крестьянский социализм. Научный социализм начинается там, где в основу преобразования кладется экспроприация частной капиталистической собственности на средства производства и где обобществление средств производства является исходной основой социалистического производства. Там же, где изменения в отношениях земельной собственности выступают в качестве главной основы всего социалистического преобразования, там социализм носит крестьянский характер.

Крестьянский характер социализма Чернышевского

Чернышевский беззаветно боролся за интересы трудящихся в условиях крепостной России. Он выражал интересы борющегося крестьянства. В своей теории он неизбежно отразил экономические условия эпохи падения крепостного права и неразвитости еще капиталистических отношений. Эта отсталость не могла не наложить отпечатка на программу революционных действий, которые Чернышевский считал неизбежными и необходимыми для победы трудящихся.

Полная победа трудящихся предполагала, по Чернышевскому, ликвидацию не только крепостнической, но и всякой другой эксплуатации. И против крепостнической и против капиталистической эксплуатации у Чернышевского исходные средства лежат в одной плоскости — в области земельных отношений. Против крепостничества он направляет свое требование ликвидации помещичьей земельной собственности и сохранения общинного землевладения. В качестве базы социализма выступает именно общинное землевладение. Таким образом, хотя и по-разному, но во всех случаях именно земельные отношения являются, по Чернышевскому, определяющими.

То, что действительно имеет решающее значение при борьбе за ликвидацию феодальных отношений — вмешательство в поземельные отношения — Чернышевский считает важнейшим орудием установления и социалистических отношений: и для социализма характер поземельных отношений выступает у него в качестве главной, исходной основы. В своем художественном произведении «Что делать?» Чернышевский берет в качестве форм социалистического производства коллективное производство в городе. Может создаться впечатление, что в системе экономических воззрений Чернышевского не деревня, а город является основной базой социализма. Между тем тот факт, что город показывает пример создания коллективного производства, означает другое: социализм возникает как результат пропаганды, идущей, понятно, из города, из среды интеллигентов, проникшихся идеей социализма и внедряющих ее в те общественные слои, которые могут быть заинтересованы в осуществлении социализма. Город — это источник социалистических идей, социалистического сознания, так как городское население вообще выше по уровню просвещения, чем население деревни.

Социализм должен утвердиться как более производительная система общественного производства. Он обеспечивает больше стимулов к росту производительности труда. Соединение в одном лице собственника, работника и хозяина — вот что является определяющим преимуществом социализма. Но это пре-

имущество характерно и для самостоятельного крестьянского хозяйства. Отсюда, как ни парадоксально, крестьянское самостоятельное хозяйство оказывается непосредственно близким, с точки зрения экономических отношений, к социалистической форме хозяйства. А если оно базируется на общественной собственности на землю, то оно является наиболее близким к социалистической форме хозяйства.

Поскольку во главу угла различий между разными формами производства поставлены Чернышевским стимулы труда, постольку, естественно, освобожденное от крепостничества крестьянское хозяйство, рассматривается как близкое к социалистической форме производства. Отсюда — идея о возможности прямого перехода от крестьянского хозяйства к социализму.

Глубокий знаток не только русской, но и западноевропейской экономики, Чернышевский тем не менее был ограничен историческими задачами классовой борьбы крепостного крестьянства. Поэтому самостоятельное крестьянское хозяйство выступает не только целью в антикрепостнической борьбе, но и исходной основой социалистического преобразования общества.

В этом ярко сказывается крестьянский характер социализма Чернышевского.

Наконец, крестьянский характер воззрений Чернышевского на социализм, который является элементом его «теории трудящихся», обнаруживается и в его плане построения социализма. Экспроприация помещичьей собственности создает при общинном землевладении базу для построения социализма. Но каким путем? Путем соединения трудящихся в артели, т. е. материальной опорой социализма признается коллективное объединение крестьян, трудящихся. Чернышевский считает, что требуется помощь государства новым формам общественного производства. Но при этом важно подчеркнуть, что первичной экономической основой социализма является форма артели. Этот план социализма отражает такую ступень в развитии социализма, когда он еще не связан с рабочим классом, с его движением. Рабочая революция, направленная на построение социализма, естественно, начинается с экспроприации капиталистической частной собственности. Без этого не может быть рабочей революции и рабочего плана построения социализма. Ведь рабочий в отличие от крестьянина не имеет никаких средств производства. Естественным мероприятием рабочей социалистической революции является экспроприация капиталистических экспроприаторов.

Таким образом, хотя Чернышевский и является теоретиком социалистической революции, но революция, которую он пропагандировал, — это не рабочая, а крестьянская социалистическая революция.

Что является решающим для определения классового содержания революции? Два признака определяют характер революции: 1) какой класс стоит во главе революции, какой класс захватывает власть; 2) на экспроприацию какого класса и какой собственности направлена революция. Рабочая социалистическая революция предполагает захват власти рабочим классом, экспроприацию не только помещичьей, но и капиталистической собственности на орудия и средства производства. В социалистической же революции Чернышевского экспроприруется только частная помещичья земельная собственность, а власть переходит к народу, из которого не выделяется рабочий класс. Но какой же класс в России представлял собой народ, из коего не выделился еще рабочий класс? Понятно, что таким классом являлось крестьянство.

Таким образом, социалистическая революция Чернышевского носит вполне определенный крестьянский характер. Ее классовая сила направлена против феодализма, которому она наносит удар. Она выбивает из-под феодализма его основу — феодальную земельную собственность и утверждает политическое господство крестьянства. Крестьянская социалистическая революция беспомощна против капитализма, а следовательно, беспомощна и как средство утверждения социализма.

Как уже отмечалось выше, крестьянский характер утопического социализма Чернышевского отнюдь не означает, что его социализм носит мелкобуржуазный характер. Чернышевский представлял крестьянство как класс крепостного, а не капиталистического общества. И это в очевидной форме сказалось также на характере его социалистических представлений. Характерным для мелкобуржуазного социализма является сохранение в неизыблемости основы мелкого производства — частной собственности на средства производства, а также преимущественный интерес к регулированию сферы товарного и денежного обращения. Между тем важнейший признак социализма Чернышевского — это общественный процесс производства, базирующийся на общественной собственности. Преимущественный интерес Чернышевского находится не в плоскости сферы обращения, а прежде всего в плоскости сферы производства. Чернышевский — не только не мелкобуржуазный социалист, но и острый критик мелкобуржуазного социализма. Мы находим у него критику Сисмонди и Прудона. Чернышевский очень метко показывает, что Прудон сам не знает, — кто он, и колеблется между разными системами общественных отношений.

Ни представление Чернышевского о путях перехода к социализму, ни его представление об основе социализма, ни его представление об экономическом строе социализма не заключает в себе мелкобуржуазных черт, хотя на всех звеньях его

системы очевиден их крестьянский характер. И тот факт, что именно крестьянство было в эпоху Чернышевского классом, интересы которого совпадали с задачами прогрессивного развития общества, являлся материальной основой боевого революционного характера учения Чернышевского. Отсюда — плодотворность слияния социализма и демократии в учении Чернышевского. Демократизм способствовал превращению социализма из дела филантропии в дело борющегося против эксплуататоров народа. Социализм способствовал наибольшему развертыванию демократической программы революционных преобразований, хотя эти преобразования и не носили социалистического характера.

Великая сила крестьянского социализма заключалась в том, что он главное внимание обратил на анализ условий осуществления крестьянской революции. Не в картинах будущего главное у Чернышевского, а в поисках путей, которыми можно достигнуть будущего. Крестьянский характер этих поисков в условиях перехода от крепостничества к капитализму являлся фактором, определявшим их революционную направленность. Хотя эта революция не несла с собой социализма, она могла бы явиться наиболее прогрессивной революцией своего времени.

Таким образом, говоря о крестьянском характере теории Чернышевского, мы подчеркиваем не только слабые, но и сильные для своей эпохи стороны этой теории.

Крестьянский характер утопического социализма Чернышевского, как уже было выше отмечено, сказался в характеристике исходной основы социализма и причин, делающих социализм более производительной формой экономического устройства.

Но если выйти за эти пределы, то в учении Чернышевского о социализме налицо такие элементы, которые являются, несомненно, шагом в сторону научного социализма.

Главный недостаток утопического социализма заключался в том, что он изобретал социализм, между социалистической мечтой и действительностью не видел никакой связи. Утопический социализм строил планы будущего и не ставил вопрос о том, что дает будущему настоящее, что из настоящего является элементом будущего.

Вместо того, чтобы в условиях материальной жизни общества открыть факторы построения социализма, социалисты-утописты изобретали разные способы организации социалистического производства и распределения по существу на голом месте. Социализм был изобретением гениального ума, к которому прислушаются люди и поступают в соответствии с велением гения. Конечно, по существу все социалисты-утописты исходили из определенных материальных условий своего времени и

своей страны. В проектах утопических социалистов Франции видны специфические условия французского народного хозяйства. Английский утопический социализм отражает фабричный характер самой Англии. Однако сознательно ни один утопический социалист не рассматривал то или иное явление конкретной действительности как непосредственную материальную исходную основу социализма. Да и сама задача не ставилась в этой плоскости. Между мечтой и действительностью — полный разрыв.

В учении Чернышевского этот разрыв начинает преодолеваться, Чернышевский ищет материальной опоры социализма в настоящем. В этом крупнейшая методологическая заслуга Чернышевского. В значительной степени он преодолевает ложный подход к социализму как к чему-то оторванному от действительности и являющемуся продуктом только сознания. В попытке Чернышевского протянуть нить между настоящим и будущим заключена весьма плодотворная в научном отношении мысль о необходимости найти корни социализма и путь к нему в реальной действительности.

Правда, та конкретная форма связи между настоящим и будущим — социализмом, которую нашел Чернышевский, не является таковой. Чернышевский ищет эту связь в форме собственности. Но разные общественные формации отделяются друг от друга прежде всего формой собственности. Чернышевский же хочет втащить в социализм ту форму собственности, которая возникла и существовала задолго до социализма. Здесь опять сказывается отсутствие в системе Чернышевского учения о способе производства. Известно, что одна форма общества подготавливает в своих недрах материальные предпосылки нового, идущего ему на смену общества. Капитализм, в частности, подготавливает материальные предпосылки социализма. Производительные силы развиваются в недрах капитализма до такого уровня, при котором производственные отношения капитализма превращаются из форм развития в оковы для производительных сил, которые требуют новых производственных отношений, социалистических. Таким образом, стык между капитализмом и социализмом — в характере производительных сил, созданных капитализмом, но уже не вмещающихся в рамки капиталистических производственных отношений и становящихся основой социализма.

Этот правильный ответ был найден только марксизмом на основе исторического материализма. Искать его в системе Чернышевского было бы напрасно, хотя отдельные элементы глубокого материалистического понимания создания предпосылок социализма при капитализме имеются у него.

При всех недостатках того решения проблемы перехода к

социализму, которое дано Чернышевским, остается безусловным, что он поставил эту проблему. Связь между настоящим и социализмом он хочет установить на основе отношений земельной собственности. В этом обнаруживается его неспособность выскочить за рамки исторических задач эпохи, в которой он жил. Но тем не менее Чернышевским была конкретно поставлена проблема перехода.

Вторая заслуга Чернышевского заключается в том, что он дал развернутую постановку проблемы некапиталистической эволюции отдельных стран, проблемы прямого перехода отдельных стран к социализму, минуя капитализм, хотя решение этой проблемы Чернышевским было далеко от правильного, научного решения. Только марксизм дал такое решение этой проблемы.

Проблему некапиталистической эволюции Чернышевский поставил в связи с вопросом об исторических судьбах экономического развития России, в связи с падением крепостного строя в России. Из опыта Запада ему было известно, что народы проходят после эпохи феодализма фазу капиталистического развития. Он писал, что на Западе только после опыта капиталистического развития развилась идея социализма. Таким образом, ему известна закономерность развития на Западе: феодализм, капитализм, социализм. Но он считает, что это не есть всеобщая закономерность, а только конкретно-историческая закономерность для определенных стран. Страны, наблюдающие опыт Западной Европы, видящие последствия капиталистического развития, могут миновать капиталистическое развитие и перейти прямо к социализму. Люди познали опыт другой страны и в этой связи стремятся изменить линию своего развития. Закономерность развития, таким образом, оказывается зависимой от человеческого сознания. Сознание в данном случае выступает не как ускоритель экономического развития путем раскрытия и использования экономических законов, а как demiurge — творец нового пути развития; сознание не отражает, а формирует закономерность.

Такое понимание вопроса является, конечно, неверным. Но сама постановка вопроса о возможности некапиталистической эволюции отдельных стран плодотворна, ибо возможность некапиталистической эволюции реальна. Она была осуществлена в ряде районов Советского Союза в условиях диктатуры пролетариата. Недостаток Чернышевского заключается не в постановке вопроса о некапиталистической эволюции, а в неправильном его решении. Конечно, опыт одной страны может быть использован при рассмотрении перспектив развития другой страны, но одного знания опыта недостаточно, необходимы определенные политические и экономические предпосылки для

того, чтобы такое развитие произошло. Некапиталистическая эволюция предполагает, что этой стране будет оказана помощь со стороны более передовой страны, в которой имеется политическое господство пролетариата, класса, который организует социалистическое производство. Таким образом, некапиталистическая эволюция той или иной страны предполагает в качестве условия победу пролетариата, т. е. класса, выросшего на основе развития капитализма. Нельзя говорить об изолированном развитии страны некапиталистическим путем к социализму. Необходимо наличие материальных и политических предпосылок строительства социализма. Их и упускает из виду Чернышевский, когда ставит вопрос о некапиталистической эволюции. Но самая постановка вопроса, несомненно, представляет крупную научную заслугу. Именно поэтому Маркс подвергал вопрос о некапиталистической эволюции столь тщательному рассмотрению.

Маркс не отвергал с порога возможность некапиталистической эволюции. Наоборот, Маркс изучал и выяснял условия, при которых может быть осуществлена некапиталистическая эволюция. При этом Маркс не только не отвергал общей постановки вопроса, но изучал вопрос также о том, в какой мере общественное землевладение, которое Чернышевский рассматривал как исходную базу некапиталистической эволюции, может быть использовано в этом направлении в качестве зачатка социализма.

Новым в учении Чернышевского о социализме является признание социализма результатом классовой борьбы. Он критиковал утопические иллюзии о том, что социализм возникнет в результате филантропических действий господствующих классов. Он связывал победу социализма с борьбой определенных общественных классов.

Особый интерес для характеристики революционных воззрений Чернышевского имеет его статья-рецензия по поводу рассказов Н. В. Успенского «Не начало ли перемены?».

В этой статье Чернышевский подчеркивает важную сторону рассказов Успенского. Успенский подмечает пороки народа, что, по мнению Чернышевского, значит признать, что они исправимы. Критика народа, по мнению Чернышевского, это выражение веры в его силы.

Чернышевский развивает здесь мысль о том, что, как бы народ ни был задавлен и апатичен, он чувствует боль угнетения; народ не может не начать оказывать противодействие насилию; он обладает огромной силой, и, если эту силу сознательно использовать в нужном направлении, она может совершить исключительные дела¹; в народе есть силы, способ-

¹ См. Н. Г. Чернышевский, Не начало ли перемены?, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 882.

ные возглавить движение масс¹. Чернышевский утверждает, что всегда найдутся люди, необходимые для чрезвычайных обстоятельств, что эти люди должны выжидать подходящие обстоятельства, что возможен контакт народа с интеллигенцией².

Вера в народ, в его неизбежное пробуждение, в его силу, в его творческое начало, в его способность уничтожить старые порядки нигде так ясно не выражена у Чернышевского, как в этой работе.

Здесь хорошо видно, что Чернышевский понимал недостатки всякого крестьянского движения, но в то же время видел способность крестьянства к революции, если оно будет возглавлено. Он видел, что если крестьянство и может стать оплотом реакции на время, то оно может стать и силой революции, которая с огромной скоростью устремит историю вперед. Эта статья — важный момент теоретического обоснования крестьянской революции.

И Белинский еще отражал настроения крепостного крестьянства, но только в этом документе Чернышевского дается реалистическая трактовка слабости и силы крестьянства. Разоблачая сусальных сочувственников крестьянству, Чернышевский открывает революционные потенции крестьянства.

У предшественников Чернышевского было больше желания революции, чем веры в нее, ибо мужику только сочувствовали. Чернышевский не только сочувствует мужику, но и анализирует его природу, его будущее, в которое он верит и в котором крестьянин будет действовать как революционная сила, низвергающая все формы эксплуатации.

6. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ПУТЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

О возможности перехода отсталых стран к социализму, минуя капитализм

Вопрос о путях развития России с особенной остротой встал перед идеологами крестьянства в период непосредственной отмены крепостного права. Теоретическая разработка этого вопроса приобретала огромное практически-политическое значение, ибо от того или иного решения проблемы во многом зависела выработка конкретной программы социально-экономических преобразований страны. В творчестве Н. Г. Чернышев-

¹ См. Н. Г. Чернышевский, Не начало ли перемены?, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 887.

² См. там же, стр. 888—889.

ского проблема путей развития России занимает одно из центральных мест.

Объективно Россия стояла на пороге буржуазно-демократических преобразований. Но борьба революционных демократов против крепостничества развертывалась здесь в таких исторических условиях, когда на Западе уже обнаружили пороки и противоречия капиталистического строя, вскрылась антинародная сущность буржуазной демократии. Выяснилось, что ликвидация феодализма во имя буржуазных свобод и буржуазных экономических учреждений принесла народным массам еще более утонченные и замаскированные формы эксплуатации.

Идеологи крепостного крестьянства стремятся уже не только к тому, чтобы покончить со всякими формами феодальной зависимости и неравноправия, но и к тому, чтобы завоевание демократических свобод было подкреплено созданием таких экономических учреждений, которые бы гарантировали всем членам общества подлинное равноправие, свободу от эксплуатации. Борьба за демократию сливается у них в единое целое с борьбой за социализм.

Развитие западноевропейской действительности не только привело к раскрытию эксплуататорской сущности капиталистического строя, но и наметило тенденцию общественного развития в сторону социализма. Чернышевский считал, что революциями 1848 г. было положено начало «вековой борьбы за социализм».

Уверенность в том, что все страны рано или поздно придут к социализму, побуждала революционных демократов России к теоретическим поискам «облегченного» и «сокращенного» пути развития России к социалистическому будущему. Отсюда вытекало и стремление теоретически решить вопрос о том, можно ли от феодализма перейти прямо к социализму, не испытывая всех мук капиталистического развития.

Необходимость постановки данной проблемы усиливалась еще тем обстоятельством, что накануне реформы русская революционно-демократическая мысль в лице Чернышевского констатировала факт вступления России на путь капитализма. Чернышевский не только обратил внимание на развитие капиталистических отношений в промышленности, но и указал на историческую возможность дальнейшего развития капитализма в земледелии. Конечно, капиталистическое развитие находилось еще на первых ступенях, но русская революционно-демократическая мысль уже не могла не считаться с этим фактом. Так или иначе ей нужно было определить свое отношение к капитализму в России и вместе с тем выяснить, каким путем можно обеспечить переход к социализму в условиях развивающихся товарно-денежных и капиталистических отношений.

Для ответов на вопросы, выдвинутые русской жизнью, революционные демократы подвергали кропотливому анализу опыт всей мировой истории. Обобщая опыт развития передовых стран Западной Европы, они получали возможность высказывать глубокие суждения о предстоящей экономической эволюции России.

В связи с решением проблемы путей развития России перед русской революционно-демократической мыслью возникал целый комплекс сложнейших задач, правильное решение которых возможно лишь на базе научного коммунизма. Не поднявшись до научного коммунизма, Чернышевский не смог дать и верного решения поставленной проблемы, но он высказал немало глубоких мыслей о перспективах развития России, свидетельствующих о силе и оригинальности передовой русской общественной мысли.

* *
*

В творчестве Чернышевского необходимо различать две постановки вопроса о путях перехода к социализму.

Первая постановка касается развитых капиталистических стран Запада. Эти страны, считал Чернышевский, утратили общинное устройство и идут к социализму своим путем: «...Западная Европа идет к осуществлению этого принципа совершенно независимо от нас»¹. «...Помощи нашей не нужно ей; и то, что существует у нас по обычаю, неудовлетворительно для ее более развитых потребностей, более усовершенствованной техники»².

Вторая постановка вопроса относится к отсталым странам, в которых еще сохранились первобытные формы общинного хозяйства. Эти страны имеют возможность перейти к социализму, минуя капитализм, лишь при том условии, если уже началась борьба за социализм в передовых капиталистических странах.

Вторая постановка вопроса получает у Чернышевского и общефилософское и конкретно-историческое обоснование.

Общая постановка вопроса дается Чернышевским в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения». Статья написана в разгар полемики между журналами «Современник» и «Экономический указатель» по поводу оценки перспектив развития русской сельской общины.

Ссылаясь на опыт истории, либералы из «Экономического указателя» доказывали, что общинная собственность на землю не имеет никакой будущности. Повсюду она была вынуждена

¹ Н. Г. Чернышевский, О причинах падения Рима, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 662.

² Там же, стр. 663.

уступить место более прогрессивной — частной собственности на землю. Русская община, по их мнению, превратилась в главный тормоз развития всего сельского хозяйства, и в интересах прогресса необходимо предпочесть частную собственность на землю.

Нападая на русскую общину, либералы преследовали более широкие цели — теоретически развенчать идею социализма и возвеличить капитализм. Чернышевский энергично выступил против либеральных экономистов. Для него защита общины приобретала особый смысл — речь шла о защите социалистического идеала вообще.

Община рассматривалась им, с одной стороны, как демократический институт, который предотвращает утечку земли в частную собственность, облегчает национализацию земли, переход ее из рук помещиков в руки крестьянства, а с другой стороны, как учреждение, позволяющее более быстро перейти к социалистическим формам производства в сельском хозяйстве.

В названной выше статье Чернышевский исследует два центральных вопроса, взаимно связанных друг с другом. Во-первых, он стремится показать, что историческое развитие не может остановиться на частной собственности, что на определенном этапе частная собственность экономически себя изживает и требуется возврат снова к общественной собственности, но уже на более высоком этапе развития. И, во-вторых, он старается обосновать возможность для отсталых стран при определенных условиях совершить переход от первобытно-общинной к развитой социалистической собственности, минуя или сокращая фазу частной собственности.

Элементы диалектического подхода к изучению общественных отношений сочетаются здесь с глубоким экономическим анализом.

Чернышевский считает бесспорным то положение, что развитие человеческого общества началось не с частной, а с общественной собственности на землю. В противовес буржуазным апологетическим сказкам о вечности частной собственности он выдвигает мысль о том, что частная собственность не всегда существовала и не всегда будет существовать. Одно из доказательств этому он видит в том факте, что у всех народов на первоначальных стадиях развития господствовал общинный принцип. Этому факту он стремится дать и теоретическое обоснование.

Буржуазные экономисты уверяли, что каждый человек по своей природе является эгоистом и этой природе человека более всего соответствует частная собственность. Все остальные формы собственности являются лишь ненормальным отклонением от «естественного порядка».

Чернышевский же связывает неизбежность той или иной формы собственности не столько с природой человека, сколько с теми экономическими условиями, в которых человек ведет борьбу с природой. При одних экономических условиях господствует общественная собственность, при других — частная. Частная собственность, по его мнению, становится возможной лишь на определенной стадии экономического развития. Что касается первобытного общества, то здесь «была невозможна и была бы разорительна для этого племени частная поземельная собственность...»¹.

Пастушеские племена, указывает Чернышевский, которые не вели земледелия, нуждались в общей хозяйственной территории для «прокормления стад». Поэтому у них и могла быть только общественная собственность на землю. Земледельческие племена на ранних этапах применяли мало «капиталов» (Чернышевский имеет в виду средства производства.— Н. Х.), и поэтому у них еще не было надобности переходить к частной собственности на землю. Частная собственность появляется лишь тогда, когда к земле применяются уже более или менее значительные капиталы. В своеобразной, зачаточной форме Чернышевским улавливается здесь связь между тем или иным уровнем развития производительных сил и формами собственности на землю. Он пишет: «Первобытное состояние (начало развития). Общинное владение землею. Оно существует потому, что человеческий труд не имеет прочных и дорогих связей с известным участком земли. Номады не имеют земледелия, не производят пах землю никакой работы. Земледелие сначала также не соединено с затратою почти никаких капиталов собственно на землю»².

Чернышевский отмечает, что общинный принцип прошел в своем развитии через две фазы. Наиболее древней и первобытной фазой является общинное владение землей с общинным производством, иначе говоря — коллективный труд на базе коллективной собственности на землю. Здесь возделывание земли производится «...общинным порядком без раздробления на отдельные участки»³. Следующая фаза — общинное владение землей, но с индивидуальной обработкой отдельных участков. Здесь «...земля разделяется на участки, обрабатываемые

---

¹ Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 388.

² Н. Г. Чернышевский, Критика философских предубеждений против общинного владения, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 377.

³ Н. Г. Чернышевский, «Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждениях России» барона Гакстгаузена, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 342.

каждым хозяйством совершенно независимо от других хозяйств»¹.

Чернышевский указывает, что именно эта полуразложившаяся форма общины с индивидуальным хозяйством является господствующей в современных ему условиях России. Он понимает, что от такой общины до частной собственности дистанция незначительная и она уже давно пройдена Западом. Он видит, что общинное владение с индивидуальным хозяйством есть переходная форма от общинного производства к частнособственническому производству. Но Чернышевский надеется, что при определенных условиях общинное владение землей не разложится, а явится исходным пунктом для возврата к общинному производству, но уже на базе высоко развитой техники.

Чернышевский отнюдь не склонен считать, что частная собственность на землю является «регрессом» по сравнению с первобытнообщинным владением. Напротив, он ярко и убедительно показывает, что при определенных условиях частная собственность более благоприятствует интересам экономического развития, чем древняя община. Смена общинного владения частной собственностью оценивается им как исторически прогрессивный процесс.

Частная собственность приносит пользу тогда, указывает Чернышевский, когда собственником земли является тот, кто ее обрабатывает, когда собственность на землю, капитал и труд соединяются в одном лице, когда плоды труда идут самому трудящемуся. При такой форме частная собственность способствует развитию производства и росту благосостояния. Именно с этой точки зрения Чернышевского и привлекает быт «поселянина-собственника».

Вместе с тем Чернышевский указывает, что быт поселянина-собственника имеет свои преимущества только в условиях неразвитых товарно-денежных отношений, при господстве «патриархального» быта. «Эта форма,— пишет он,— достигает своей цели, потому что землевладение не есть предмет спекуляции...»² С переходом же от патриархальщины к «коммерческим» отношениям крестьянская мелкая частная собственность на землю начинает быстро терять свои преимущества и неизбежно превращается в тормоз экономического развития. Она перестает содействовать успехам земледелия и интересам благосостояния.

¹ *Н. Г. Чернышевский*, «Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждениях России» барона Гакстгаузена, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 341—342.

² *Н. Г. Чернышевский*, Критика философских предубеждений против общинного владения, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 378.

При господстве капитализма и товарно-денежных отношений мелкое крестьянское хозяйство не выдерживает конкуренции крупных капиталистических ферм; большинство «поселян-собственников» нищает и переходит в ряды пролетариев. Этот процесс Чернышевский хорошо видит и иллюстрирует его рядом фактических материалов из западноевропейской экономики. Он показывает, что мелкое крестьянское хозяйство приходит в упадок, не имеет возможности совершенствоваться производство, применять новые машины и т. д. Мелким крестьянским хозяйствам не под силу применение последних достижений науки и техники. Все это приводит к тому, что мелкая частная собственность превращается в тормоз развития. Единственный выход — в переходе к «союзному производству», к крупной общественной собственности. В тормоз развития, по мнению Чернышевского, превращается не только мелкая частная собственность на землю, но и крупная частная земельная собственность.

При капитализме крупная частная земельная собственность приводит к «фермерству по контракту». При этой форме, указывает Чернышевский, в земледелии имеются три класса, из которых ни один не заинтересован в быстром развитии сельскохозяйственного производства. Земельные собственники в силу своей экономической природы являются наиболее консервативным классом. Они не принимают никаких мер к развитию производства и ограничиваются лишь паразитическим существованием за счет получения ренты. Фермер желал бы произвести улучшения в интересах повышения прибыли, но боится, что эти улучшения по окончании срока аренды перейдут в карман землевладельца. Наемный рабочий не имеет никакого интереса в развитии производства, ибо его судьба все равно ограничена минимумом средств существования.

Давая оценку «фермерству по контракту», Чернышевский приходит к выводу, что «с точки зрения сельскохозяйственных успехов это самое неудобное учреждение»¹.

Следовательно, в условиях капитализма, при «громадном развитии спекуляции», и мелкая, и крупная частная поземельная собственность демонстрируют свою ограниченность, «...уничтожаются те причины преимущества частной поземельной собственности перед общинным владением, которые существовали в прежнее время»².

Причины, превратившие частную собственность в тормоз развития, требуют перехода от частной собственности снова к

¹ Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 432.

² Н. Г. Чернышевский, Критика философских предубеждений против общинного владения. Полное собрание сочинений, т. V, стр. 378.

общественной. Этот переход необходим и для мелких, и для крупных частных хозяйств. «Таким образом общинное владение представляется нужным не только для благосостояния земледельческого класса, но и для успехов самого земледелия; оно оказывается единственным разумным и полным средством соединить выгоду земледельца с улучшением земли и методы производства с добросовестным исполнением работы. А без этого соединения невозможно вполне успешное производство»¹.

Ценность этих рассуждений Чернышевского заключается в том, что, во-первых, русский демократ ищет *закономерность* перехода от одной формы собственности к другой, во-вторых, эту закономерность он стремится вывести не из психологических, нравственных или политических факторов, а из развития *экономики* и, в-третьих, здесь налицо попытка применения диалектики к анализу общественных явлений.

После обоснования неизбежности перехода от частной собственности к общественной Чернышевский и ставит волнующий его вопрос о том, обязательно ли каждая страна должна пройти через фазу частной собственности или при определенных условиях отсталая страна может перейти от сохранившейся общины к социалистической собственности, минуя или по крайней мере сократив фазу развития частной собственности?

Известно, что Маркс и Энгельс не отрицали правомерности такой постановки вопроса для тогдашних условий развития России и Запада. Маркс лишь констатировал, что для решения этого сложнейшего вопроса необходимо дополнительное изучение конкретно-исторических данных русской действительности. И Маркс и Энгельс неоднократно обращались к изучению русских вопросов, а в предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии (1882 г.)» они сочли необходимым дать свое принципиальное решение указанной проблемы.

«Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они пополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»².

Чернышевский близко подходит к такому решению. Говоря об условиях, при которых отсталые страны могут перейти к социализму, миновав или сократив фазу капиталистического развития, он отмечал: «Когда известное общественное явление

¹ Н. Г. Чернышевский, Критика философских предубеждений против общинного владения, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 378—379.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», Избранные произведения, т. I, М. 1948, стр. 4.

в известном народе достигло высокой степени развития, ход его до этой степени в другом, отставшем народе может совершиться гораздо быстрее, нежели как совершался у передового народа... Это ускорение совершается через сближение отставшего народа с передовым»¹.

Это высказывание Чернышевского встречает самую различную оценку в нашей литературе.

Ю. Стеклов и В. М. Штейн считают, что здесь Чернышевский становится в один ряд с основоположниками научного социализма Марксом и Энгельсом. В. М. Штейн прямо пишет: «Нетрудно видеть, что это и есть в зародыше марксова теория некапиталистического развития, притом высказанная на несколько лет раньше Маркса»².

М. Розенталь полагает, что в общепhilософской постановке вопроса Чернышевский поднимался на огромную высоту, но при решении конкретно-исторических задач России делал ложные выводы³.

Правильно, что у Чернышевского имеется и общепhilософское и конкретно-историческое решение проблемы. Правильно, что обе эти постановки вопроса необходимо разграничивать. Но было бы неверно их противопоставлять.

У Чернышевского нет никакого противоречия между абстрактно-теоретическим и конкретно-историческим решением вопроса. Между ними существует тесная, органическая связь; абстрактная постановка и решение проблемы дополняются конкретно-историческим анализом.

Для правильного уяснения взглядов Чернышевского необходимо расчленил анализ на две части.

Во-первых, необходимо установить, какой смысл вкладывает Чернышевский в свой тезис о том, что для перехода отсталых стран к социализму необходимо достижение передовыми странами «высокой степени развития»? Равнозначна ли, по Чернышевскому, «высокая степень развития» с торжеством социализма?

Во-вторых, необходимо выяснить, как понимает Чернышевский «влияние передового народа» на отсталый, с точки зрения возможности перехода отсталых стран к социализму, минувшая фаза частной собственности. Правильное решение каждого из этих вопросов позволит дать и общую оценку всей концепции Чернышевского.

¹ Н. Г. Чернышевский, Критика философских предубеждений против общинного владения, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 388.

² В. М. Штейн, Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков, изд. ЛГУ, Ленинград 1948, стр. 198.

³ См. М. Розенталь, Философские взгляды Чернышевского, Госполитиздат, 1948, стр. 128.

Как мы уже отмечали, по Чернышевскому, развитие проходит три стадии, или три периода: первый период развития — первобытнообщинная собственность, второй период — частная собственность, третий период — снова общественная собственность, но уже на более высоком этапе развития. При условии, если в передовых странах наступил третий период развития, отсталые страны, опираясь на опыт передовых стран, могут миновать второй период и от первого прямо перейти к третьему.

На первый взгляд, «третий период», или возврат снова к общественной собственности, по Чернышевскому, тождествен с победой социализма на Западе. Именно на этой видимости и основаны все рассуждения Штейна. А между тем у Чернышевского мы имеем иную постановку вопроса. Вступление Запада в «третий период развития» он не склонен отождествлять с торжеством там социализма. Социализма на Западе еще нет — это Чернышевский знает, но в то же время он прямо писал, что для Англии и Франции «настал уже третий период поземельной собственности, что уже живо чувствуется в них потребность общинной обработки земли»¹.

Впервые этот тезис выдвинут Чернышевским в его статье «Славянофилы и вопрос об общине». Редактор «Экономического указателя» Вернадский решительно протестовал против этого тезиса. «Неужели,— писал он,— «Современник» в самом деле думает, что Запад стремится к общинной поземельной собственности? В чем, в каких учреждениях, в каких решениях и где это видит г. критик?»²

В ответ на это замечание Вернадского Чернышевский в статье «О поземельной собственности» развертывает свою аргументацию в защиту той мысли, что для «западных государств... начался третий период, в котором не только для благосостояния большинства земледельцев, но и для успехов самого земледелия общинное владение было бы выгоднее частной поземельной собственности»³. На первый взгляд может показаться, что начало третьего периода на Западе Чернышевский понимал лишь в том смысле, что «ученые» признали невыгодность частной собственности и «изобрели» идею социализма. Однако в действительности у него речь идет не об этом. Фактически он стремится доказать, что дело не столько в том, что «изобретена» идея социализма, сколько в том, что за осуществление этой идеи уже началось широкое движение трудящихся масс. На большом фактическом материале он старается показать, что и в сельском хозяйстве, и в промышленности передо-

¹ Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 395.

² См. там же, стр. 371.

³ Там же, стр. 389.

вых стран Запада очень сильно чувствуется стремление к «союзному производству». Это стремление находит свое выражение в быстром росте активных выступлений народных масс с требованием «союзного производства».

«Рабочий класс в Западной Европе волнуется, требуя применения начал товарищества к своему труду, все резче и резче провозглашая потребность работы от правительства и общих мастерских», — ясен или нет смысл движения? — спрашивает Чернышевский. — Что сказано этим? Сказано то, что в рабочем классе Западной Европы все более и более разливается убеждение в необходимости *droit au travail, ateliers nationaux*¹, разливается идея люксембургских конференций. Ясно ли это для вас, г. И. В-ский? Но какова сила этого движения? «Открыт заговор, обнимающий всю восточную половину Западной Европы, простирающийся от Берлина до Бельгии и Швейцарии» — не беспримерно ли по громадности такое явление?»²

Для Чернышевского вступление Запада в третий период означает начало «вековой борьбы» за социализм, а отнюдь еще не торжество социализма. Он глубоко убежден в неизбежности победы социализма на Западе, но свои надежды на возможность для России миновать фазу частной собственности он отнюдь не ставит в прямую зависимость от этой победы. Достаточно уже и того, что на Западе началась борьба за социализм и практически обнаружилась тормозящая роль частной собственности для развития производства и роста благосостояния.

В каком смысле понимал великий мыслитель «влияние передового народа на отсталый», с чем он связывает возможность для отсталых стран миновать фазу частной собственности? У В. М. Штейна «влияние передового народа» трактуется как всесторонняя — материальная, политическая, техническая, идейная и т. д. — помощь стран победившего социализма отсталым странам. Но, как мы видели, Чернышевский не выдвигал в качестве главного условия победу социализма на Западе. Следовательно, он не мог говорить и о такой всесторонней помощи социалистических стран Западу отсталым странам. «Влияние передового народа» понимается им в другом смысле, а именно: отсталый народ пользуется «...опытностью и наукою передового народа...»³. А это, конечно, иная постановка вопроса.

В этом убеждает следующий пример, приводимый самим Чернышевским для расшифровки тезиса о «влиянии передового

¹ Право на труд, национальные мастерские.

² Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 407.

³ Н. Г. Чернышевский, Критика философских предубеждений против общинного владения, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 389.

народа». В примере речь идет о переходе отсталого народа к свободной торговле, минуя протекционизм, но самый пример взят фактически для того, чтобы раскрыть мысль о возможности для отсталых стран перехода к общественной собственности, минуя частную. Поэтому правомерно рассматривать приводимую им аргументацию и как выражение его взглядов на возможность отсталых стран перейти к общественной собственности, минуя частную. Вот что он пишет: *«Под влиянием англичан новозеландцы прямо от той свободной торговли, которая существует у дикарей, переходят к принятию политико-экономических понятий о том, что свободная торговля — наилучшее средство к оживлению их промышленной деятельности, минуя протекционную систему, которая некогда казалась англичанам необходимостью для поддержки промышленной деятельности»*¹.

Подчеркнутые нами слова наиболее рельефно выражают существо мысли Чернышевского. Передовой народ оказывает влияние на отсталые народы в том смысле, что доказывает своим опытом большую выгодность свободной торговли над протекционизмом (читай: общественной собственности над частной.— Н. Х.). Благодаря такому воздействию отсталые народы «переходят к принятию политико-экономических понятий», по которым общественная собственность более благоприятствует развитию производства, чем частная.

Здесь, несомненно, видна переоценка Чернышевским роли идей в общественном развитии, непреодоленный им идеализм в оценке общественных отношений. Ему кажется, что широкого распространения социалистических идей и начала борьбы за социализм народных масс в передовых странах уже достаточно для того, чтобы отсталые страны усвоили себе новые, социалистические «политико-экономические понятия» и начали борьбу за их осуществление в своих странах. Следовательно, решение, данное Чернышевским, в своей основе носит утопический характер. Нельзя отождествлять его взгляды с марксистскими: он не мог подняться до них в силу исторических условий и своих классовых позиций.

Чернышевский был глубоко убежден, что победа социализма на Западе облегчит и социалистические преобразования в России. Но его ограниченность сказывалась в том, что победу социализма на Западе он не считал единственным условием для перехода к социализму и в России от феодальной экономики. Ему казалось, что даже при отсутствии социалистической ре-

¹ Н. Г. Чернышевский, Критика философских предубеждений против общинного владения, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 388. Курсив мой.— Н. Х.

волюции на Западе народные массы России, свергнув крепостничество, смогут осуществить социалистические преобразования. Именно в этом плане и разрабатывалась им конкретная программа социально-экономических преобразований России. Эта программа отнюдь не противоречит его общепhilософскому решению проблемы некапиталистического развития отсталых стран. Но она имеет свои оттенки и особенности, и ее следует рассматривать особо.

При постановке вопроса о развитии отсталых стран Чернышевский предусматривал две возможности: 1) отсталые страны совершенно минуя фазу частной собственности и 2) отсталые страны сокращают фазу частной собственности и не допускают ее господства в экономике страны. В обоих случаях речь идет о переходе к социализму, минуя капитализм, но в первом случае страна совершенно не испытывает развития капиталистических отношений, во втором — развитие капиталистических отношений допускается, но в определенных рамках.

В статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» Чернышевский неоднократно повторяет свою постановку вопроса и каждый раз стремится подчеркнуть обе указанные возможности. Он пишет, что отсталые страны могут перейти к «...высокой степени развития, совершенно минуя средние моменты или *по крайней мере* чрезвычайно сокращая их продолжительность и лишая их всякой ощутительной интенсивности»¹. Подчеркнутая нами вторая возможность повторяется и в его окончательном решении вопроса, где им предусматривается такой случай: «Если же эти средние степени достигают и реального осуществления, то разве только самого ничтожного по размеру и еще более ничтожного по отношению к важности для практической жизни»².

Упоминание Чернышевским об этой второй возможности вытекает из того, что великий демократ уже констатировал факт вступления России на путь капитализма. При этих условиях он уже не мог вести речь о совершенном миновании частной собственности. Нужно было учитывать, что частная капиталистическая собственность уже получила в России известное развитие. И проблема для Чернышевского заключалась, следовательно, в том, чтобы, во-первых, «сократить продолжительность» развития капитализма, а во-вторых, лишить это развитие «всякой ощутительной интенсивности».

---

¹ П. Г. Чернышевский, Критика философских предубеждений против общинного владения, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 379. Курсив мой.— Н. X.

² Там же, стр. 389.

Оценка российского капитализма

В 40-х годах в передовой русской литературе еще не было специальной постановки вопроса о российском капитализме. Но в творчестве Чернышевского, на рубеже 50—60-х годов, этот вопрос уже приобретает серьезное значение.

С гениальной прозорливостью великий демократ отметил факт развития капитализма в России в предреформенный период и вместе с тем дал этому факту такую оценку, которая резко возвышает его и над Герценом, и тем более над последующим народничеством. В оценке российского капитализма Чернышевский, бесспорно, является непосредственным предшественником марксизма.

Ленин неоднократно отмечал «глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности»¹. Гениальность великого русского демократа Ленин видел, в частности, в том, что он понял «основной буржуазный характер» реформы 1861 г.²

Сам Чернышевский многократно подчеркивал, что в его эпоху вопрос об оценке капитализма встал с такой остротой, с какой он не выступал в 40-е годы. В этом отношении весьма примечательна его рецензия на речь И. Бабста, относящаяся к 1857 г. Там Чернышевский указывает, что вопрос о западноевропейской экономике поднимался в русской печати еще Милютиным. Но тогда произведения Милютина не встретили надлежащего внимания, так как многим казалось, будто вопросы капитализма не являются актуальными для России. «Теперь каждому из нас легко видеть, как ошибался он тогда, думая, что эти предметы не касаются прямым образом его собственного быта»³.

На протяжении 1857 г. Чернышевский поместил в «Современнике» ряд крупных статей, в которых специально останавливался на оценке предстоящих России путей экономического развития. Исходным, отправным пунктом для великого экономиста является четкая, ясная констатация того важнейшего факта, что Россия уже вступает на путь капитализма и что с течением времени капиталистическое развитие все сильнее и сильнее будет захватывать различные отрасли народного хозяйства, в том числе и земледелие. «Каждому очевидно, — пишет он, — что с окончанием нашей последней войны начинается

¹ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 263.

² См. там же.

³ Н. Г. Чернышевский, «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала» И. Бабста, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 470.

для России более деятельное, нежели когда-либо, участие в общем европейском экономическом движении. Каждый видит, что наша промышленная деятельность начинает очень быстро усиливаться. Наши собственные капиталы, нравственные и материальные, выходят из своего летаргического бездействия: иноземные капиталы начинают находить у нас выгодное и безопасное помещение...

Россия вступает в тот период экономического развития, когда к экономическому производству прилагаются капиталы»¹.

Всюду Чернышевский подчеркивает неизбежность для России перехода от патриархальных форм производства к товарно-денежным отношениям, к производству «на коммерческих основаниях», к конкуренции, крупным капиталистическим предприятиям на вольнонаемном труде.

Чернышевский справедливо считает, что развитие капитализма имеет место не только в промышленности, но неизбежно затронет и земледелие. И русское крестьянство вовлечется в товарно-денежные отношения, будет подвержено принципу конкуренции. Фермерство, указывает он, «...совпадает с эпохой, при которой становится выгодным приложение к земледелию больших оборотных капиталов. Эта пора начинается при известной степени развития торговли сельскими продуктами. У нас она еще не настала, но каждый вникавший в быстроту, с которой начала развиваться наша экономическая деятельность в последние годы, хорошо видит, что мы разве несколькими десятилетиями, вероятно не более как двадцатью пятью или двадцатью годами, удалены от той эпохи... Эта будущность от нас не за горами»². А развитие товарно-денежных и капиталистических отношений, по мнению Чернышевского, неизбежно приведет к серьезным изменениям в положении различных классов. «Характер деятельности производящих классов и самый быт их необходимо должен подвергнуться оттого великим изменениям»³.

Констатация факта вступления России на путь капитализма неизбежно побуждала Чернышевского к более глубокому и всестороннему изучению законов капиталистической системы. Анализ западноевропейского капитализма был нужен Чернышевскому не только для того, чтобы оценить смысл классовой борьбы на Западе и выявить тенденции развития в сторону

¹ Н. Г. Чернышевский, «Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждениях России» барона Гакстгаузена, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 303—304.

² Н. Г. Чернышевский, Ответ на замечания г. Провинциала, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 152—153.

³ Н. Г. Чернышевский, «Исследования о внутренних отношениях народной жизни...» барона Гакстгаузена, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 304.

социализма. Он был важен особенно для того, чтобы понять содержание тех процессов, которые намечались в жизни России в связи с развитием капитализма.

Уже само по себе признание развития капитализма в России на рубеже 50—60-х годов резко возвышает Чернышевского над последующим народничеством, отрицавшим развитие капитализма даже тогда, когда он стал неоспоримым фактом.

В отличие от последующего народничества, объявлявшего капитализм «регрессом», «упадком» и призывавшего «задержать» его развитие, Чернышевский подчеркивает, что развитие капитализма — явление прогрессивное, способствующее подъему производительных сил страны, оживлению экономической деятельности, искоренению рутины, развитию производства, науки, техники и знаний. Он прямо говорит о «...неизбежности и благодетельности великих изменений»¹.

Примечательны в этом отношении его мысли в «Современном обозрении», напечатанном в № 11 журнала «Современник» за 1857 г.

Не впадая ни в какие апологетические славословия по адресу капитализма, Чернышевский в то же время ясно видит его прогрессивную сторону. «...В наше время главная движущая сила жизни, промышленное направление, все-таки гораздо разумнее, нежели тенденции многих прошлых эпох. Начать хотя с того, что это стремление дельное, а не праздное... Быть может, иным из нас приятнее было бы господство какого-нибудь более возвышенного стремления, — но чего нет, того нет, а из того, что есть, более всего добра приносит промышленное направление. Из него выходит и некоторое содействие просвещению, потому что для промышленности нужна наука и умственная развитость; из него выходит и некоторая забота о законности и правосудии, потому что промышленности нужна безопасность; из него выходит и некоторая забота о просторе для личности, потому что для промышленности нужно беспрепятственное обращение капиталов и людей. Победы Наполеона в Испании и Германии принесли некоторую пользу этим странам, как же не принесут некоторой пользы победы фабрикантов и инженеров, купцов и технологов?»

Когда развивается промышленность, прогресс обеспечен. С этой точки мы преимущественно и радуемся усилению промышленного движения у нас. С каждым новым месяцем нам приходится записывать новые факты этого возрастания»².

¹ Н. Г. Чернышевский, «Исследования о внутренних отношениях народной жизни...» барона Гакстгаузена, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 304.

² Н. Г. Чернышевский, Современное обозрение. Из № 11 «Современника», Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 860—861.

Заключительные строки — «когда развивается промышленность, прогресс обеспечен» и «как же не принесут некоторой пользы победы фабрикантов и инженеров, купцов и технологов» — яркое свидетельство умения Чернышевского исторически подойти к оценке того или иного общественного явления.

Пристально следил Чернышевский за фактами развития капиталистических предприятий в России. Особое внимание он обращал на появление крупных акционерных компаний — железнодорожных, пароходных, угольных и др. Он приветствует акционерные общества за то, что они располагают большими капиталами и имеют возможность осуществлять крупное строительство. Он прямо подчеркивает, что если бы не было акционерных обществ, то в России невозможно было бы строительство широкой сети железных дорог. В акционерных обществах его больше всего привлекает возможность быстрого технического прогресса страны.

Одну из причин отсталости России Чернышевский видел в господстве натурального хозяйства и слабом развитии рыночных связей. Отвечая на вопрос, почему в России до сих пор держится трехпольное хозяйство, первобытные орудия обработки, плохие породы скота, Чернышевский прямо заявлял, что причиной этому является крепостническая система¹.

Чернышевский глубоко убежден в том, что внутренний рынок будет расширяться по мере роста промышленности, увеличения городского населения. Он не только не противится вовлечению крестьянства в товарно-денежные отношения, но и, наоборот, считает его неизбежным и весьма плодотворным для более быстрого экономического развития. Он предвидит, что и крестьянство от натурального хозяйства неизбежно перейдет к товарному. Если в настоящее время, указывает Чернышевский, крестьянская семья в основном обеспечивает сама себя всеми необходимыми предметами, не прибегая к рынку, то «скоро будет не то: домашнее сукно сменится на поселения покупным фабричным... льняные и посконные ткани домашнего изделия сменяются хлопчатобумажными... Все это совершится еще на глазах нашего поколения в селах, как до сих пор совершилось только в больших городах»².

Чернышевский подчеркивает, что развитие капитализма идет в России независимо от желания людей, что бесполезно надеяться на то, что его можно «закрывать» или что он «не привьется». «...Достоверно... что развитие экономического движе-

¹ См. Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 434—435.

² Н. Г. Чернышевский, Славянофилы и вопрос об общине, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 745.

ния, заметным образом начинающееся у нас пробуждением духа торговой и промышленной предприимчивости, построением железных дорог, учреждением компаний пароходства и т. д., необходимо изменит наш экономический быт, до сих пор довольствовавшийся простыми формами и средствами старины. *Волею или неволею мы должны будем в материальном быте жить, как живут другие цивилизованные народы*»¹.

Признание Чернышевским неизбежности и прогрессивности развития капитализма в России отнюдь не противоречит его социалистическим воззрениям и, в частности, его стремлению обосновать возможность для отсталых стран перейти к социализму, минуя капитализм.

Идеалом Чернышевского является такой общественный строй, который, с одной стороны, обеспечивает быстрое развитие производительных сил, техники, науки, знаний, а с другой стороны, рост благосостояния народных масс. Единственным общественным строем, который обеспечивает и быстрое развитие производства и рост благосостояния всех членов общества, Чернышевский справедливо считал социализм. Крепостничество противоречит и интересам развития производства и интересам благосостояния народа. Капитализм занимает промежуточное положение — он открывает известный простор для улучшения производства, но вместе с тем неизбежно влечет за собой нищету и бедствия трудящихся.

«Кто привык анализировать принципы,— писал Чернышевский,— найдет неизбежным наш вывод о тенденции технической стороны экономического прогресса понижать благосостояние рабочего класса при нынешнем устройстве быта»².

Если бы Россия могла сразу же перейти к социализму, то вопрос о капитализме не привлекал бы такого внимания Чернышевского. Но социализма в России не было, в то время как капитализм уже развивался и демонстрировал свои преимущества перед феодализмом. В таких условиях перед Чернышевским возникла проблема: можно ли использовать все прогрессивные стороны капитализма и в то же время спасти народные массы от неизбежно сопровождающих их при капитализме мук и лишений? Именно в этом плане понимал дух исканий Чернышевского внимательно изучавший его произведения Маркс. В письме в редакцию журнала «Отечественные записки» основоположник научного коммунизма писал: «Этот ученый в своих замечательных статьях исследовал вопрос — должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разруше-

¹ Н. Г. Чернышевский, Славянофилы и вопрос об общине, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 745. Курсив мой.— Н. Х.

² Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 627.

ния сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные»¹.

Чернышевский прекрасно понимает, что если капитализм займет господствующие позиции в экономике страны, то мечтать о повышении благосостояния масс — пустая утопия. Но в России, при неразвитости капитализма, Чернышевский надеялся рядом революционных мероприятий уберечь трудящиеся массы от тех бедствий, которые терпят трудящиеся капиталистического Запада.

Чернышевский видел, что на Западе появление «язвы пролетариата» было связано с предшествующим отделением производителей от земли, с экспроприацией сельского населения. Все помыслы его направлены к тому, чтобы в России ликвидация крепостничества произошла на таких условиях, которые бы сохранили каждого поселянина в «звании поземельного собственника», чтобы в России не произошло типичного для Запада грабежа и обезземеливания крестьянства.

Но Чернышевский стремился сохранить землю в руках крестьянства не в форме мелкой частной собственности, а в форме государственной собственности с общинным владением. Он глубоко понимает, что переход всей земли в частную крестьянскую собственность в условиях развивающихся товарно-денежных и капиталистических отношений приведет к быстрому разорению большинства мелких поземельных собственников и переходу их в ряды пролетариата. Он не строит никаких иллюзий насчет так называемой «устойчивости», «живучести» мелкокрестьянского хозяйства, его способности выдержать капиталистическую конкуренцию. «Довольно будет заметить, что нет рациональных причин считать сельское хозяйство исключением из общих законов промышленной деятельности. Перевес выгод, даваемых делу усовершенствованными процессами, требующими обширных размеров производства, так велик, что ни в какой отрасли экономического быта мелкое хозяйство не может выдерживать соперничества с большим... никакое усердие в труде не спасает мелкого хозяина...»².

Чернышевский восстает против утопических и реакционных попыток Сисмонди и Прудона избежать бедствия капитализма путем возврата к мелкотоварному производству, ибо ясно видит неотвратимость появления пролетариата на базе такого производства. Выход он видит в осуществлении крупного коллектив-

¹ К. Маркс, Письмо в редакцию «Отечественных записок», ноябрь 1877 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1953, стр. 314.

² Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 458.

ного социалистического производства. По существу замысел Чернышевского сводится не к тому, чтобы какими-то декретами «закрыть» капитализм, а к тому, чтобы созданием общественного сектора в экономике страны не дать возможности развивающемуся капиталистическому укладу превратиться в господствующую форму производства.

В России капитализм был еще не развит, и неразвитость капитализма вливала в Чернышевского уверенность в том, что крестьянская революция, ликвидировав крепостничество и открыв путь для дальнейшего развития капитализма, вместе с тем позволит начать создание крупных, коллективных форм производства. С одной стороны — стихийно развивающийся капитализм, с другой — сознательно, при помощи народного государства создаваемый коллективный, социалистический сектор.

О «переходном состоянии» на пути к социалистической экономике

В глазах Чернышевского построение социализма — это большая и сложная задача, требующая длительного периода времени. «...Мы не думаем, — писал он, — чтобы и самый социализм скоро приобрел господство в экономической жизни. Мы видим в истории, что очень долгого времени требовало порядочное осуществление перемен, совершенно ничтожных перед этою»¹.

Борясь против крепостничества в России, беря курс на народную революцию, Чернышевский отнюдь не считал, что эта революция сразу же приведет к социализму. Он высмеивал людей, которые надеялись на успех социализма с первого раза, «силою одной попытки». Чернышевский учил молодежь «в данное время предлагать только такие реформы, которые возможны»², не спешить с выдвиганием самых лучших, но необоснованных пожеланий.

Чернышевский понимал, что свержение феодализма поставит перед народными массами новую задачу борьбы с развивающейся буржуазией. Но он считал, что уже в тех условиях России можно было начать осуществление таких мер, которые бы приближали торжество социализма. «Близка или далека цель, все равно, нельзя выпускать ее из мысли, нельзя, потому что как бы далеко ни была она, ежеминутно представляются и в нынешний день случаи, в которых надобно поступить одним

¹ Н. Г. Чернышевский, Подстрочные примечания к переводу Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 832.

² Там же, стр. 830.

способом, если вы имеете эту цель, и другим способом, если вы не имеете ее»¹.

Великий экономист выдвигает исключительно интересную и оригинальную мысль о необходимости «переходного состояния» от современной ему феодальной экономики России к экономике социалистической. Исходным пунктом всей программы Чернышевского является обоснование необходимости крестьянской революции, перехода власти в руки народного правительства, национализации земли, демократизации всех общественных учреждений. После ликвидации феодализма дальнейшее развитие России мыслится Чернышевским через «переходное состояние» к господству коллективных форм производства.

Наиболее ярко мысль о «переходном состоянии» выражена в напечатанной в «Современнике» за подписью «Провинциал» статье «Замечание на статью «О поземельной собственности»», в ответе Чернышевского на «Замечания г. Провинциала» и в его же статье «О поземельной собственности».

Автор статьи «Замечание на статью «О поземельной собственности»», выразив согласие с развивавшимся Чернышевским взглядом, что будущее принадлежит общинным формам производства, со своей стороны замечает: «Не надо ласкать себя обманчивой надеждой, что переход в эту будущность из настоящего состояния возможен скоро, и возможен без переходного состояния. Таких скачков никогда не делали народы, и мы не можем сделать. Развить эту мысль можно бы очень подробно, но здесь неуместно. Sapienti sat*»².

В своем «Ответе на замечания г. Провинциала» Чернышевский выражает полное согласие с мыслью о переходном состоянии и одновременно указывает, что эту мысль он имел в виду и сам, но не смог провести с достаточной ясностью (очевидно, по цензурным обстоятельствам).

«Если мы действительно,— пишет он,— подали нашим читателям повод думать, что мы упускаем из виду неизбежность довольно долгого переходного состояния... как на то, по-видимому, указывает одно из замечаний, делаемых нашим корреспондентом, мы выразились неудачно или неполно в том месте наших статей, которое подало повод к такому заключению»³.

Уже самая постановка вопроса о необходимости «переходного состояния» возвышает Чернышевского над последующим народничеством. Но еще более глубоки и сильны его рассуж-

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 353.

* Для умного человека довольно.

² См. Н. Г. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. I, Госполитиздат, М. 1948, стр. 478.

³ Н. Г. Чернышевский, Ответ на замечания г. Провинциала, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 151.

дения о том, каков должен быть характер этого переходного состояния, в чем его экономическая суть. «Переходное состояние» мыслится Чернышевским по существу как период сосуществования двух секторов — общинного, коллективного и частного, капиталистического.

В статье за подписью «Провинциал» основное содержание «переходного состояния» формулируется следующим образом: «...принцип частного владения, хотя бы он и вытеснялся постепенно общинным, будет еще долго и долго господствовать и — как переходное состояние — неизбежен. Если это так, то первый вопрос, мне кажется, состоит только в том, как одновременно совместить возможно мирное господство обоих способов владения и как распоряжение частной собственностью сделать наивозможно плодотворным и не стеснительным для соприкасающегося с ним общинного владения. Затем уже может подлежать к разрешению другой вопрос: как оградить навсегда благодетельное для большинства общинное владение от возможности вторжения в его область частного и какой лучший и мирный путь к постепенному расширению этой области с усовершенствованием самого распоряжения общественной собственностью? Время сделает остальное»¹.

В своем ответе Чернышевский еще более выпукло раскрывает сущность «переходного состояния» и акцентирует внимание на том, что общинный сектор должен постепенно вытеснять частный сектор из экономики страны.

«Признавая вместе с почтенным корреспондентом необходимость для настоящего времени в том, чтобы подле общинного владения существовала и частная поземельная собственность, мы, конечно, с полным согласием принимаем его мысли о том, что общинное владение, огражденное от вторжения частной собственности в свою область, может и должно расширять эту область...»².

Та же мысль о сосуществовании и развитии двух секторов в несколько иной форме проводится и в ранее написанной статье Чернышевского «О поземельной собственности». «Нация, — пишет он здесь, — имеет два интереса:

1) Люди особенно даровитые, особенно счастливые или особенно деятельные, которые могут успешно выдерживать конкуренцию, любят рисковать.

2) Люди обыкновенные желают жить безбедно и обеспеченно.

Для первых существует огромное поприще частной собст-

¹ См. *Н. Г. Чернышевский*, Избранные экономические произведения, т. I, стр. 478.

² *Н. Г. Чернышевский*, Ответ на замечания г. Провинциала, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 152.

венности, в которой все предоставлено счастью, дарованию, силе или ловкости. Вторым нужно обеспеченное достояние, независимое от превратностей счастья, так чтобы трудящийся всегда имел средства к труду, средства, независимо ни от кого и ни от чего в мире.

Это дается государственною поземельною собственностью с общинным владением»¹.

Оценивая соотношение между частным и общинным секторами, Чернышевский прямо указывает, что «государственные земли должны преобладать в стране над выделенными в частную собственность»².

Экономика сельского хозяйства после ликвидации крепостничества представляется Чернышевскому в таком виде: «Огромная масса земель будет тогда в частной собственности, будет подлежать продаже и покупке по закону конкуренции, и, таким образом, для людей особенно предприимчивых и оборотливых повсюду будет открыто неизмеримое поприще к приобретению наследственной и полновластной собственности... Но эти участки рассеяны подобно островам, и мелким, и огромным, среди еще огромнейшей массы земли, находящейся в государственной собственности и в общинном владении... Таким образом общее благосостояние массы, основанное на общинном владении, будет совмещаться с полным простором для отдельных людей до безграничности увеличивать свою поземельную собственность...»³

Важно отметить, что под частным сектором Чернышевский имеет в виду частнокапиталистический сектор, а не помещичье хозяйство. Частная поземельная собственность понимается Чернышевским как собственность буржуазная, а не помещичья. И весь частный сектор в земледелии трактуется им как частнокапиталистический.

Речь идет здесь у Чернышевского о двухсекторном развитии сельского хозяйства. Но у него есть высказывания о необходимости двухсекторного развития и в промышленности. В городах он предлагает создавать крупные товарищества трудящихся, которые при помощи государства смогли бы выдержать конкуренцию со стороны капиталистических предприятий, а с течением времени — совершенно вытеснить их.

Мысль Чернышевского о необходимости противопоставить развивающемуся капитализму экономически более сильный общественный сектор весьма интересна и оригинальна.

¹ Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 437—438.

² Там же, стр. 468.

³ Н. Г. Чернышевский, «Исследования о внутренних отношениях народной жизни...» барона Гакстгаузена, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 329.

Чернышевский упорно и настойчиво искал в русской действительности необходимые материальные условия и общественные силы для созидания социалистических форм производства, но самая отсталость русской жизни заранее предопределяла утопизм его выводов. В тех исторических условиях не было ни материальных предпосылок, ни общественных сил для создания общественного сектора, который мог бы противостоять частнокапиталистическому хозяйству и постепенно вытеснять его. Не поняв исторической роли пролетариата, Чернышевский вынужден был надеяться на возможность построения социализма силами крестьянской революции, надеяться на создание социалистического сектора главным образом за счет использования и усовершенствования отсталой, полуфеодальной крестьянской общины.

* *
*

Наибольшее внимание в своих статьях Чернышевский уделяет преобразованиям в сельском хозяйстве. В этой связи вопрос о крестьянской общине, ее роли и перспективах развития привлекает его самое пристальное внимание.

Как уже говорилось выше, Чернышевский смотрит на русскую деревню без всяких прикрас и идеализации; он отнюдь не склонен видеть в русской общине что-то особое, только России присущее и возвышающее русский экономический быт над западноевропейской экономикой.

Когда Герцен пытался доказывать, что Россия со своим общинным устройством ближе к социализму, чем Запад, и что она призвана «обновить» загнивающий западноевропейский мир, Чернышевский, подобно Марксу и Энгельсу, выступил с резкой критикой этих мыслей. «Мы,— писал он,— далеко не восхищаемся нынешним состоянием Западной Европы; но все-таки полагаем, что нечем ей позаимствоваться от нас. Если сохранился у нас от патриархальных (диких) времен один принцип, несколько соответствующий одному из условий быта, к которому стремятся передовые народы, то ведь Западная Европа идет к осуществлению этого принципа совершенно независимо от нас»¹.

Чернышевский был далек от иллюзии, будто современная ему крестьянская община уже является социалистической формой производства. Он убежден, что лишь в будущем община станет социалистической формой, а в своем нынешнем виде

---

¹ Н. Г. Чернышевский, О причинах падения Рима, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 661—662.

она и по характеру производительных сил, и по существующим в общине отношениям не может считаться социалистической формой производства.

Поскольку Чернышевский не считал современную ему крестьянскую общину готовой формой социализма, постольку он и не мог ее противопоставлять капитализму, как это позже делали народники. А между тем в нашей литературе нередко встречается утверждение, что для Чернышевского община является антиподом капитализма, что община защищается им как средство против капитализма. Подтверждение этому видят в том, что Чернышевский защищал общину как средство избежать «язвы пролетариата».

Однако этот взгляд неправилен. Капитализму Чернышевский противопоставлял не современную ему крестьянскую общину с ее индивидуальным хозяйством, а ту общину, которая появится в дальнейшем, при переходе к высокоразвитой технике и коллективному труду. Современную же ему общину Чернышевский защищает как средство против «язвы пролетариата», а это и средство против капитализма — совсем не одно и то же.

Мы видели, что Чернышевский не был противником развития капитализма в России. Он выступал лишь за то, чтобы это развитие не сопровождалось страданиями трудящихся, или, как он говорил, «язвой пролетариата». Сохранение общины, по его мнению, и призвано предотвратить обезземеление крестьянства, его пролетаризацию. Но сохранение общины не было направлено Чернышевским против вольнонаемного труда вообще. По мысли Чернышевского, и при сохранении общины будет иметь место вольнонаемный труд, но, однако, при господстве общинного принципа наемный труд на частных предприятиях будет оплачиваться выше и выше будет благосостояние трудящихся.

В отличие от последующего народничества, Чернышевский не считает, что крестьянская община в силу своей внутренней организации неизбежно идет к социализму. Он видит, что отсталая русская община, предоставленная сама себе, в условиях развивающегося капитализма подвергается разложению.

Он подмечает, что уже в современных ему условиях в общине наметилось расслоение: «И между общинниками иные служат наемщиками у других домохозяев, не имея своего хозяйства...»¹. Чернышевский видит, что с развитием товарно-денежных отношений многие крестьяне предпочтут частное хозяйство и это может привести к разрушению всего общин-

¹ Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 386.

ного устройства. «...Мы скажем про общинное землевладение: для целого общества оно полезно, но каждому из членов общества может представляться временная выгода от превращения своего пользования частью общественной земли в полную собственность над этою частью ее. Эта мимолетная выгода несомненно приведет в худшее положение почти каждого из людей, которые соблазнились бы ею, но она может иметь столько соблазнительности, что приведет к разрушению выгоднейшего для всех порядка...»¹

Чернышевский не видит в общине самостоятельных внутренних сил, способных воспрепятствовать этому процессу. Только при помощи и поддержке народного правительства она сможет быть укреплена и превращена в социалистическую форму хозяйства. «...Если это учреждение на самом деле полезно, то для его сохранения нужна правительственная забота, потому что без законодательного охранения оно не может удержаться против частных интересов»².

Тот факт, что Чернышевский уже улавливал начавшийся процесс расслоения общины, побуждал великого мыслителя к поискам таких мер, которые бы в какой-то степени предупредили развал общинного строя. У него имеются прямые высказывания о том, что наиболее зажиточные и разбогатевшие члены общины могут выделиться из нее и вести самостоятельное частное хозяйство буржуазного типа. В общине должны оставаться лица, обрабатывающие землю своим трудом. «Только человек, фактически занимающийся земледелием, должен иметь участок общинной земли. Выходит человек из сословия, возделывающего землю своими руками, он тем самым отказывается от участия в государственной земле»³. Опорой, костью общины Чернышевский считал трудовое крестьянство, а не зажиточных хозяйчиков буржуазного типа. Он боролся за то, чтобы очистить общину от тех элементов, которые уже пропитались частнособственническими, буржуазными интересами и стремятся вести самостоятельное хозяйство. «Государственная земля,— пишет он,— есть обеспечение жизни в сословии земледельцев. Потому, как скоро у меня есть уже обеспечение вне этой земли, я не имею на нее права. Итак, владеющий по праву частной собственности достаточным для жизни куском земли перестает участвовать в общинном владении.

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 725.

² Там же.

³ Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 439.

Точно так же владеющий известным капиталом, движимым или недвижимым.

Поселянин выходит в купцы или покупает 100 десятин земли, — ему не нужно общинного участка»¹.

Чернышевский предусматривает полную свободу вступления в общину и выхода из нее. Любой общинник, по мнению Чернышевского, может стать и вольнонаемным рабочим и частным предпринимателем. Но все же, большинство, по его мнению, предпочтет общину.

Чернышевский предусматривает три этапа в развитии общины: общинное владение, общинное производство и общинное потребление. Последний этап относится им к далекому коммунистическому будущему. А два первых этапа исследуются с особенной тщательностью, как имеющие жизненное практическое значение уже в тех условиях, и в ближайшем будущем.

На первом этапе Чернышевскому особенно важно сохранить общинное владение землей, как средство обеспечить всех поселян в «звании поземельных собственников» и тем самым не допустить типичной для Запада пролетаризации масс. Вместе с тем общинное владение в условиях развивающегося капитализма создаст для крестьянства более выгодные условия при найме к частным предпринимателям. В условиях господства общинного владения капиталисты-фермеры не смогут найти дешевую рабочую силу и будут вынуждены нанимать рабочих лишь на условиях, выгодных для рабочих.

«Положение работника, — пишет он, — было бы несравненно лучше, если бы поселянин мог свободно выбирать между работой на участке своего семейства и работою на ферме; именно этого выбора нет в Англии, потому что вся земля занята фермерами. Но свобода выбора сохраняется, если фермы будут занимать гораздо меньшее пространство земли, нежели участки поселян. Потому, если сохранится общинное владение в его настоящем размере и даже... будет расширяться по мере надобности, то и введение фермерства на землях больших собственников не будет невыгодно для поселян, которые будут наниматься тогда в работники к фермерам не иначе, как на выгодных для себя условиях»².

По мере развития товарно-денежных и капиталистических отношений потребуются переход от общинного владения к общинному производству. Чернышевский отчетливо видит, что современная ему община покоится на мелком, индивидуальном

¹ Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 439—440.

² Н. Г. Чернышевский, Ответ на замечания г. Провинциала, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 154.

производстве, которое в случае усиления конкурентной борьбы будет раздавлено крупнокапиталистическими хозяйствами. Отсюда вытекает и его предложение о переходе «от настоящих способов обработки отдельных участков общинной земли частными силами отдельного хозяина к общинной обработке целой мирской дачи»¹. «Через тридцать или двадцать пять лет,— пишет он,— общинное владение будет доставлять нашим поселянам другую, еще более важную выгоду, открывая им чрезвычайно легкую возможность к составлению земледельческих товариществ для обработки земли; не можем сказать, чтобы это соображение не оказывало сильного влияния на нашу приверженность к общинному владению»².

Чернышевский глубоко убежден, что коллективное производство даст большую производительность труда, чем капиталистическое, ибо при нем создается большая заинтересованность в результатах труда и создается возможность для применения машин. А это приведет к быстрому увеличению производства. «Вот, например, если уральцы доживут в нынешнем своем устройстве до того времени, когда введены будут в хлебопашество машины... то уральцы будут тогда очень рады, что сохранилось у них устройство, допускающее употребление таких машин, требующих хозяйства в огромных размерах, на сотнях десятин»³.

Эти коллективные крестьянские хозяйства, имеющие возможность использовать высокую технику, и должны, по мнению Чернышевского, явиться средством против капитализма. Расширение этих предприятий позволит не допустить господства капитализма в стране, а с течением времени позволит обеспечить и полное торжество социализма.

Если в земледелии Чернышевский связывал свои социалистические надежды с преобразованием крестьянской общины, то в промышленности им предлагается организация товариществ трудящихся. Городские ассоциации призваны обеспечить благосостояние трудящихся и вместе с тем не допустить господства капитализма. Возможность организации товариществ трудящихся в городах Чернышевский связывает прежде всего с переходом власти в руки народа. В романе «Что делать?» он показывает, что в условиях крепостнического государства такие ассоциации не имеют шансов на успех. Он отрицал возможность беспрепятственного развития ассоциации и в

¹ Н. Г. Чернышевский, Ответ на замечания г. Провинциала, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 151.

² Там же.

³ Н. Г. Чернышевский, «Исследования о внутренних отношениях народной жизни...» барона Гакстгаузена, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 345.

условиях буржуазного государства. Чернышевский резко критикует Милля за то, что этот буржуазный реформист надеялся на мирное развитие городских ассоциаций в рамках капиталистического строя. По мысли Чернышевского, только правительство «земледельцев, поденщиков и рабочих» способно обеспечить быстрое развитие коллективных форм производства в промышленности.

Чернышевский выдвигает несколько проектов создания товариществ трудящихся. Коллективные предприятия могут быть созданы либо путем объединения средств самих трудящихся, либо за счет государственной помощи, либо путем объединения средств трудящихся и государственных средств.

Нигде Чернышевский не высказывается за организацию товариществ трудящихся на базе экспроприации буржуазной собственности. И это потому, что Чернышевский считал для России своего времени развитие частнокапиталистических предприятий «исторической неизбежностью», прогрессивным явлением. Создание коллективных предприятий в городах предлагается им не за счет частнокапиталистических предприятий и не для вытеснения их из экономики страны. В будущем, по мнению Чернышевского, социалистические формы производства восторжествуют и в городе, и в деревне, обеспечат себе безраздельное господство. Но для первого исторического этапа им предлагается двухсекторное развитие экономики и в городах.

Отстаивая коллективные формы производства, великий демократ выступал прямым защитником предприятий, находящихся в государственной собственности. Он подчеркивал, что государственные предприятия не оправдывают себя лишь в рамках «дурной администрации», т. е. при антинародных правительствах, а при наличии власти в руках самих трудящихся они смогут принести большую пользу.

Чернышевский резко полемизировал с теми буржуазными авторами, которые утверждали, что частные предприятия ведутся более эффективно, нежели государственные.

Государственным предприятиям он отдает предпочтение перед частными по той причине, что при наличии народной власти эти предприятия будут использоваться «...непременно в видах общественного благосостояния, что невозможно для частного собственника, обязанного заботиться прежде всего о собственных выгодах, которые далеко не всегда одинаковы с общественными...»¹.

---

¹ Н. Г. Чернышевский, «О погашении государственных долгов». Сочинение Александра Запасника, Полное собрание сочинений, т. IV. стр. 680.

Таким образом, общественный сектор в экономике страны мыслится Чернышевским как совокупность реорганизованных сельских общин, создаваемых городских ассоциаций и государственных предприятий, поддерживаемых всеми средствами государственной власти трудящихся. Именно этот сектор, основное звено которого должны составить сельские общины, и будет, по мнению Чернышевского, той экономической силой, которая не даст развивающемуся капитализму занять господствующие позиции в стране и позволит трудящимся массам России избежать мук, связанных с развитием капитализма. Как представлял себе Чернышевский развитие частнокапиталистического сектора? Для первого этапа он не ставит вопроса ни о содействии развитию фермеров-капиталистов, ни о «задержании» их развития — они разовьются стихийно, сами — по мере развития товарно-денежных отношений, причем буржуазное развитие страны является прогрессом по сравнению с крепостничеством.

«Мне всегда было тошно читать рассуждения о «гнусности буржуазии» и обо всем тому подобном; тошно, потому что эти рассуждения, хоть и внушаемые «любовью к народу», вредят народу, возбуждая вражду его друзей против сословия, интересы которого хотя и могут часто сталкиваться с интересами его... но в сущности одинаковы с теми условиями националь-ной жизни, какие необходимы для блага народа, потому в сущности тождественны с интересами народа»¹.

Провозглашение Чернышевским тождества интересов буржуазии и народа, на первый взгляд, противоречит мировоззрению великого демократа, немало писавшего о своекорыстии буржуазии Запада, насквозь пропитанной жаждой прибыли, духом обмана, плутовства, надувательства и т. д. В действительности же мысль Чернышевского об известном совпадении интересов народа и буржуазии свидетельствует лишь о его глубоком историческом чутье. Та же мысль выражена Чернышевским и в написанной в 1857 г. рецензии на вышедшие в свет «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина. Чернышевский подробно останавливается здесь на оценке выведенных в этом произведении типов нарождающегося русского купечества и приходит к выводу, что эти люди не могут безоговорочно порицаться, ибо в них есть качества, способные развиваться в положительном направлении.

Чернышевский знал, что на Западе буржуазия уже обнажила свою антинародную сущность. Кризисы перепроизводства, нерациональное использование производительных сил,

¹ Н. Г. Чернышевский, [Заметки о Некрасове], Полное собрание сочинений, т. I, стр. 749.

нищету масс Чернышевский связывает с господством буржуазии и буржуазных порядков. Он нисколько не сомневается, что при господстве капитализма и российская буржуазия неизбежно претерпит такую эволюцию. Но в современных ему условиях российская буржуазия еще не исчерпала своей прогрессивной роли. Скованная в своем развитии члалчием феодального строя и опекой феодального государства, она еще не могла полностью развернуть своих сил. Она была заинтересована в ликвидации крепостного права, в устранении экономической отсталости страны, в техническом прогрессе. Именно в этом, и только в этом смысле следует понимать слова Чернышевского об известном совпадении интересов буржуазии и народа. Никаких апологетических ноток в защиту буржуазии вообще у него нет. Он — за социализм. Но прежде чем Россия придет к социализму, ей придется на известном этапе и в известных границах испытать буржуазный прогресс.

Чернышевский стоит за развертывание частной предпринимательской деятельности, ибо видит, что с буржуазным развитием связан рост производительных сил страны, переход от отсталых патриархальных форм производства к крупным, технически оснащенным предприятиям, ведущимся на «коммерческих основаниях».

Выступая за развертывание частной инициативы, Чернышевский полагал, что народное правительство, опираясь на рост и укрепление общественного сектора, не даст частнокапиталистическому сектору разрастись до размеров, вредных для народа.

В качестве одной из мер Чернышевский предлагает на время «переходного состояния» ввести прогрессивный подоходный налог с целью изъять у капиталистов часть прибыли и перераспределить ее в интересах всего общества. Характерно, что когда Милль предлагал прогрессивный налог в условиях господства капитализма, Чернышевский считал эту меру совершенно бесполезной, неспособной излечить буржуазное общество от его вопиющих пороков. Но он считал возможным и необходимым введение прогрессивного налога на весь тот период, когда народное государство будет осуществлять преобразования в социалистическом направлении. Прогрессивный налог, по его мнению, «...годится, как переходная мера, прилагаемая к такому быту, который не соответствует условиям экономической выгоды и который нельзя же в один день заменить бытом, соответственным требованию теории»¹.

Чернышевский предвидел неизбежность развития в России после ликвидации крепостничества наряду с крестьянской об-

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 672.

щиной также и мелкокрестьянских самостоятельных хозяйств, основанных на частной собственности на землю. Он полагал, что по сравнению с крупной помещичьей собственностью на землю мелкокрестьянская собственность явится бесспорным прогрессом, ибо создаст у свободного крестьянина стимулы к расширению и усовершенствованию производства. Вместе с тем он справедливо считал, что мелкокрестьянская собственность имеет свои преимущества лишь до той поры, пока недостаточно развиты товарно-денежные отношения и хозяйство носит патриархальный характер. При усилении же рыночных связей и развитии крупных капиталистических хозяйств мелкое крестьянское хозяйство обречено на разорение и гибель. Отсюда и предложение Чернышевского — постепенно готовить переход мелкокрестьянского хозяйства на рельсы крупного общинного или «союзного» производства.

Отстаивая необходимость перехода всего крестьянства к коллективному производству, Чернышевский был вместе с тем непримиримым противником того, чтобы этот переход был осуществлен немедленно и насильственными средствами. Он считал, что к мелкому крестьянскому хозяйству нужно подходить с большой осторожностью, что следует постепенно воспитывать крестьян, убеждать их в преимуществах коллективного хозяйства на конкретных примерах.

Чернышевский видит частнособственническую психологию крестьянина и приверженность его к земле. «Для них всех мысль об улучшении своего состояния срослась с мыслью о полной власти над землею, которую он обрабатывает»¹. Отсюда и такие практические предложения Чернышевского: «Где обычай — частная собственность, вводить общинное владение было бы слишком сильным потрясением обычая. Этой цели надобно достигать постепенно и притом преимущественно объяснениями поселянам выгод общинного владения и наглядными примерами по соседству. Меры должны идти вслед за убеждением большинства, а не предшествовать ему»².

О политических предпосылках осуществления программы социально-экономических преобразований в России

Как уже неоднократно говорилось, революционные демократы России считали, что социализм может быть построен только в результате борьбы самих трудящихся масс.

¹ Н. Г. Чернышевский, *Славянофилы и вопрос об общине*, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 742.

² Н. Г. Чернышевский, *О поземельной собственности*, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 439.

Это важное положение получает глубокое теоретическое обоснование в трудах Чернышевского. Новое у Чернышевского состоит в том, что он стремится в экономике страны найти ключ к пониманию политического поведения того или иного класса. На основе тщательного экономического анализа он пытается выяснить, какую позицию по отношению к социализму займет та или иная социальная группа, с какой стороны народные массы могут ожидать помощь и поддержку. Фактически мы находим у него одну из первых в домарксовской литературе постановок вопроса о движущих силах в социалистической революции.

Экономический анализ позволяет Чернышевскому утвердиться в мнении, что в лице эксплуататорских классов народ никогда не найдет своих защитников: и помещики, и буржуазия являются заклятыми врагами трудящихся.

Чернышевский отвергает и всякие надежды на то, что современные ему русское и западноевропейские государства способны провести общественные преобразования в интересах трудящихся масс. Он вплотную подходит к пониманию классовой сущности государства, и хотя ему не удалось дать марксистский анализ происхождения и сущности государства, он, опираясь на факты современной ему действительности, твердо стоял на той точке зрения, что государство — это не надклассовый орган, а орган, прямо стоящий на страже интересов господствующих классов.

Великий демократ уличал правительства Англии и Соединенных Штатов Америки в том, что они не выражают воли народа, а постоянно протаскивают решения, выгодные господствующим классам. «Не только в самодержавных государствах, но и в Англии, и в Соединенных Штатах правительство может издавать множество законов и распоряжений, независимо от народного желания или участия, встречая одобрение или осуждение только в партиях высшего и среднего сословий»¹.

Глубоко понимая связь государства с экономическими интересами господствующих классов, Чернышевский занял непримиримо враждебную позицию по отношению к русскому царизму и решительно разоблачал уверения либералов о возможности выгодного для крестьян проведения реформы силами царского самодержавия. «Нужна была именно гениальность Чернышевского,— писал Ленин,—...чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию

¹ Н. Г. Чернышевский, Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 265.

крестьянства. И при этом Чернышевский понимал, что существование правительства, прикрывающего наши антагонистические общественные отношения, является страшным злом, особенно ухудшающим положение трудящихся»¹.

Чернышевский пытается соединить идею социализма с революционным движением широких народных масс. Одна из крупнейших заслуг русской революционной демократии заключается в том, что она увидела в народных массах не только «бедствующих» и «страдающих», которым нужно оказать помощь, но и самостоятельную общественную силу, способную к активной борьбе за лучшее будущее. Особенно сильно этот тезис звучит в произведениях Чернышевского.

Чернышевского совсем не страшит «необразованность» и «необузданность масс». «Пусть народ не приготовленный вступит в свои права, во время борьбы он скорее приготовится»². Он глубоко убежден, что именно развертывание классовой борьбы явится средством воспитания, образования и организации трудящихся масс.

Считая народ главной движущей силой исторического развития, революционные демократы стремились вместе с тем более глубоко проанализировать социальную природу народных масс. Лучшие представители революционно-демократической мысли видели, что «народ» не представляет собой чего-то единого, что внутри самих народных масс имеются разные слои, с различными интересами и мнениями.

Уже у Герцена опыт революции 1848 г. на Западе породил сомнения в том, пойдут ли все слои населения за социалистами. Он ставил задачу более глубоко исследовать природу народных масс, «изучить эту самобытную физиологию рода человеческого... понять ее пути, ее законы»³. Но дальше этой постановки вопроса Герцен не пошел. Чернышевский же, владея более глубокими экономическими познаниями, значительно ближе подошел к решению этой проблемы. Применяя экономический анализ, он получает возможность высказывать более глубокие и зрелые суждения об отношении к социализму со стороны пролетариата и крестьянства Запада и со стороны крестьянства России.

Для Запада Чернышевский считал главным борцом за социализм рабочий класс. В лице пролетариата он увидел новую политическую силу, выступающую с такими требованиями, которые кардинально отличались от прежних требований бур-

¹ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 263—264.

² Н. Г. Чернышевский, Дневник 22-го года моей жизни, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 356.

³ А. И. Герцен, Письма с того берега, Сочинения, т. 6, стр. 68.

жуазии. Если буржуазия поднимала вопрос лишь о политических реформах, то пролетариат, не ограничиваясь политическими требованиями, выдвигал на первый план программу экономических преобразований общества на социалистических началах. Оценивая Лионское восстание 1831 г., Чернышевский писал: «До сих пор перед нами проходили события, имевшие чисто политический характер. Но вот Лион подал первый пример тех волнений нового рода, которые, постепенно возрастая, оттеснили на второй план политические вопросы во внутренней жизни Франции и в 1848 году дали событиям направление, смущающее ныне столь многих»¹. «...Зачем же они восстали, чего хотят? — Чего-то чуждого понятиям всех порядочных людей, даже самых увлеченных крайними республиканскими понятиями. «Жить работою или умереть в бою» — это девиз, чуждый всем партиям: что же будет такое? Могут ли все партии считать безопасным для себя этот класс, или все должны соединиться против него?»²

Анализ революции 1848 г. еще более укрепил веру Чернышевского в новый, социалистический характер выступлений пролетариата и одновременно показал непримиримо враждебное отношение господствующих классов к идее социализма. Великий демократ видел, что идея социализма встречает широкую поддержку со стороны трудящихся масс.

В росте пролетарских выступлений на Западе Чернышевский черпает непоколебимую уверенность в неизбежном торжестве социализма. Он видит, что в борьбе за новый общественный строй предостоят большие трудности, что силы, охраняющие буржуазный порядок, велики. Торжество социализма представляется ему как итог целого ряда последовательных ожесточенных классовых битв между буржуазией и народными массами. Но он нисколько не сомневается в том, что окончательная победа будет за трудящимися, что эта победа — историческая неизбежность.

Чернышевский видел экономические различия между пролетариатом и мелкими производителями, не сливал их в одну массу. Пролетариат, по его мнению, это класс, лишенный всякой собственности и вынужденный существовать продажей своего труда капиталистам, в то время как мелкие производители имеют в своих руках землю и другие средства производства. Но общность их интересов состоит в том, что и пролетариат и мелкие производители подвергаются капиталистической эксплуатации. Он показывает неизбежность разорения мелких производителей города и деревни, их перехода в ряды

¹ Н. Г. Чернышевский, Июльская монархия, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 111.

² Там же, стр. 117.

пролетариата. Интересы пролетариата и мелких производителей совпадают: их идеалом является социализм. Но вместе с тем Чернышевский уже видел, что в западноевропейском крестьянине-собственнике и городском ремесленнике сильны частнособственнические интересы и что для многих из них принятие социалистического идеала окажется делом сложным и трудным. По отношению к мелким производителям он предлагал поэтому проводить политику убеждения, практического показа преимуществ коллективного производства перед частным.

Чернышевский не смог подняться до марксистского разграничения пролетарской и мелкобуржуазной идеологии, но он был на пути к такому разграничению.

Русское крепостное крестьянство, по мнению Чернышевского, значительно легче и быстрее воспримет идею социализма, чем западноевропейские крестьяне-собственники. Причина этого в том, что в России еще сохранился от древних времен общинный строй. «Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта»¹. Чернышевский неоднократно отмечает, что русский народ является «чрезвычайно расположенным к общинному порядку экономического производства»².

Неразвитость противоречий внутри общины неизбежно приводила Чернышевского к преувеличению «общинного духа» русского крестьянства. Здесь неизбежно сказывался утопизм. Но важно отметить, что Чернышевский старается найти материальные условия и общественные силы для осуществления социализма в самой реальной действительности России. И в этом плане он возвышается над представителями западноевропейского утопического социализма.

Общий вывод Чернышевского сводился к следующему: на Западе главной силой в борьбе за социализм является пролетариат, в России — русское общинное крестьянство. Русское крестьянство вполне подготовлено к тому, чтобы осуществить социалистические преобразования. Руководящая роль пролетариата в социалистической революции не была понята Чернышевским, а следовательно, и вся социалистическая теория оказывалась утопичной. Тем не менее ставка Чернышевского на крестьянскую революцию в тех исторических условиях имела огромное революционное значение.. Чернышевский звал народ-

¹ Н. Г. Чернышевский, *Славянофилы и вопрос об общине*, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 743.

² Н. Г. Чернышевский, *«Исследования о внутренних отношениях народной жизни...»* барона Гакстгаузена, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 340—341.

ные массы на решительную борьбу за ликвидацию крепостничества.

В отличие от Герцена, не придававшего особого значения государству в деле строительства социализма, Чернышевский придерживается твердого убеждения, что только при помощи народного государства, созданного в ходе революции, возможно созидание социалистических форм хозяйства. Если капитализм, по его мнению, развивается стихийно, то социалистическое производство может быть внедрено в жизнь только сознательной деятельностью людей.

Чернышевский полагал, что в результате крестьянской революции к власти придет народное правительство, классовый состав которого он выражал формулой: «земледельцы + поденщики + рабочие». Именно такое правительство самих трудящихся и сможет последовательно осуществить социалистические преобразования в стране. «Политическая экономия,— писал он,— достаточно разъяснила ту истину, что реформы могут быть производимы только теми классами, для которых они выгодны»¹. И народное правительство, по его мнению, явится тем органом в руках трудящихся масс, который осуществит их коренные требования.

Примечательно, что у Чернышевского политическая власть выступает не как самоцель, а как средство для обеспечения экономического переустройства общества. С построением социализма надобность в государстве либо совсем отпадет, либо будут изменены его функции. В «Очерках» по Миллю он прямо указывал: «Нет на свете ничего вечного, и могут возникнуть со временем такие формы быта, в которых или не будет вовсе ничего соответствующего нынешнему понятию о правительстве, или этот вид общественной силы и деятельности будет иметь гораздо меньше значения, чем теперь»².

Важное значение придает Чернышевский экономической роли государства. В статье «Экономическая деятельность и законодательство» он пишет о необходимости самого решительного вмешательства государства в экономическую жизнь: «Государство не может не иметь прямого влияния на экономическую деятельность. Все те действия, которых требуют здравый рассудок и справедливость, все они составляют не только право, но и прямую обязанность государства»³.

Направление деятельности государства понятно из той конкретной программы социально-экономических преобразований

¹ Н. Г. Чернышевский, Подстрочные примечания к переводу Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 871.

² Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 658.

³ Н. Г. Чернышевский, Экономическая деятельность и законодательство, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 626.

страны, которая изложена нами выше. Речь идет об осуществлении национализации земли, ликвидации помещичьей собственности, создании социалистических форм хозяйства в земледелии и промышленности и т. д.

Чернышевский утопически полагал, что крестьянская революция без пролетариата и его руководящей роли приведет к созданию такого правительства, которое сможет провести не только буржуазно-демократические, но и социалистические преобразования. Однако этот утопизм не должен закрывать реальное содержание политической программы Чернышевского — ее боевой последовательный демократизм, ее ярко выраженный антифеодальный характер. Конечно, народное правительство, пришедшее к власти в результате крестьянской революции, не смогло бы провести социалистических преобразований, но оно расчистило бы благодатную почву развитию капитализма, а вместе с тем и объективных условий для классовой борьбы пролетариата за социализм.

Выявляя политические предпосылки осуществления социализма в России, Чернышевский всесторонне обосновывал необходимость широкой демократизации всех общественных учреждений страны. Его центральным принципом было народовластие: «...чтобы народ всему голова был». С особенной силой этот принцип подчеркнут им в его прокламации «К барским крестьянам».

Крестьянская община защищалась им не только как исходный пункт для построения социалистической экономики, но и как демократическое учреждение, позволяющее последовательно провести принцип народовластия на местах. Крестьянское общинное самоуправление неустанно противопоставлялось им самодержавному бюрократизму. И с этой точки зрения защита общинного устройства имела весьма реальное демократическое содержание. В. И. Ленин, решительно отвергая всякие попытки защищать общину как средство социалистического преобразования, одновременно подчеркивал необходимость защиты общины как демократического института. «...Общину, как демократическую организацию местного управления,— писал он,— как товарищеский или соседский союз, мы безусловно будем защищать от всякого посягательства бюрократов»¹.

Таким образом, основной политической предпосылкой для осуществления социально-экономических преобразований страны Чернышевский считал крестьянскую революцию, переход власти в руки трудящихся, использование государственной

¹ В. И. Ленин, Аграрная программа русской социал-демократии, Соч., т. 6, стр. 127.

власти для подавления свергнутых классов, демократизацию всех общественных учреждений.

Что же ценного в этой программе, каково ее объективное содержание и историческое значение?

С точки зрения борьбы за социализм, программа Чернышевского в своей основе была утопической. Те пути борьбы, которые им были намечены, не привели бы к осуществлению социализма. Утопизм заключался в том, что те общественные силы, на которые надеялся Чернышевский, в действительности не смогли бы осуществить социалистических преобразований. Крестьянская революция могла быть по своему содержанию только буржуазно-демократической, и правительство, которое бы пришло в результате этой революции к власти, смогло бы осуществить только буржуазно-демократические, а не социалистические преобразования. Чернышевский переоценил «общинный» дух русского крестьянства; отсталость экономики России не давала ему возможности понять, что только руководящая роль пролетариата может обеспечить успешное движение к социализму.

Чернышевский не видел необходимости капиталистического развития страны для приготовления материальных предпосылок социализма. Его планы создания общественного сектора на базе отсталой крестьянской общины, насаждения городских ассоциаций и государственных предприятий были обречены на неудачу, ибо в отсталой России того времени не было развитой промышленности. Не было материальных условий к тому, чтобы народное правительство, взяв власть в свои руки, могло бы овладеть и основными экономическими рычагами для воздействия на развитие экономики страны. Если для развития капиталистического уклада в России после ликвидации крепостничества имелись бы все необходимые условия, то для строительства социалистических форм производства не было ни общественных сил, ни материальных предпосылок. При таких условиях надежды на социалистическое развитие через крестьянскую общину были утопическими.

Вскрывая корень утопизма социалистических планов Чернышевского, Ленин писал: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»¹.

¹ В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, стр. 97.

Отсталые условия русской жизни помешали Чернышевскому подняться до научного социализма. Незрелость капиталистических отношений привела его, с одной стороны, к недооценке силы капитализма, а с другой стороны, к переоценке общинных устремлений крестьянства. И несмотря на то, что в анализе русской действительности Чернышевский выступает как глубокий диалектик и экономист, он не смог разорвать рамки утопического социализма. Самая эпоха налагала на его социалистическое учение печать исторической ограниченности.

Но если с точки зрения борьбы за социализм программа Чернышевского носила утопический характер, то она была реальной, боевой и последовательной с точки зрения борьбы против крепостничества и расчищения почвы для буржуазного прогресса.

Величие Чернышевского состоит в том, что, видя предстоящее России буржуазное развитие, он не страшился его, как последующие народники, не пытался «задержать» развитие капиталистических форм производства, не расценивал их как «упадок» и «регресс». В этом плане борьба Чернышевского объективно отвечала назревшим материальным потребностям развития русского общества. Она содействовала созданию условий для последующего развертывания борьбы пролетариата за социализм.

С этой точки зрения не было ничего вредного и в его защите общины. Позднее у народников учение об общине было не только утопическим, но и реакционным, ибо препятствовало расчищению почвы для классовой борьбы пролетариата. Но в эпоху Чернышевского, при отсутствии развитого пролетариата, учение об общине, хотя и являлось утопическим, все же сыграло огромную положительную революционную роль. Оно вселяло в революционеров той эпохи уверенность в возможность уничтожения эксплуатации человека человеком и ставило их на путь решительной борьбы с самодержавно-крепостническим строем.

«Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни, — писал Ленин, — отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством. И вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, чтобы они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти»¹.

---

¹ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 246.

7. АГРАРНАЯ ПРОГРАММА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО. ОТНОШЕНИЕ ЕГО К РЕФОРМЕ 1861 г.

Разработка программных положений по крестьянскому вопросу

Н. Г. Чернышевский вошел в историю русского освободительного движения как бесстрашный, непоколебимый революционер, готовый пожертвовать жизнью во имя того, чтобы поднять эксплуатируемые массы России на борьбу за свое освобождение. Ленин подчеркивал великую роль революционных демократов в подготовке русской революции. Для него Чернышевский был образцом последовательной революционной тактики, прямо противоположной соглашательской, реформистской тактике либералов.

Либералы старались заглушить революционные устремления молодежи, утопить их в потоке пышных фраз. Они были не прочь покритиковать те или иные второстепенные пороки современной им действительности, выступали иногда даже с обличениями наиболее ярких проявлений крепостничества и называли себя сторонниками «прогресса». Однако их антикрепостнические идеи никогда не направлялись против царского самодержавия и господствующих классов. Либералы уверяли, что сам царь позаботится об «улучшении быта народа», отменит крепостное право и т. д. Они пропагандировали ложную и вредную идею ожидания реформ со стороны самих господствующих классов. Фактически они оказывались защитниками существующего строя, врагами народных масс.

Либерализм являлся, таким образом, главным тормозом на пути развертывания революционно-освободительного движения. Разоблачение либерализма как идеологии и тактики, враждебной интересам широких трудящихся масс, являлось одним из важнейших средств для подготовки народной революции. И мы видим, что с самых первых своих выступлений в печати Чернышевский берет курс на то, чтобы нанести удар либеральной фразеологии и сплотить передовую общественность под флагом революционных идей.

Написанные им еще задолго до опубликования царских рескриптов статьи представляют собой боевой поход против либерализма, за торжество принципов революции. Этот поход ведется великим революционером с нарастающей силой, широким фронтом, по всем важнейшим направлениям: в области философии и литературной критики, в области истории и политической экономии. Всюду он стремится возродить и поднять на новую ступень ту революционную линию, которую неустанно вел до него Белинский.

В противоположность либералам, старавшимся сеять апа-

тию и равнодушие к общественным вопросам, Чернышевский стремится вовлечь широкие круги в обсуждение животрепещущих вопросов русской общественной жизни.

Руководимый Чернышевским журнал «Современник» дает пример постаповки и обсуждения тех вопросов национальной жизни, которые сильнее всего волновали русских людей.

Особое искусство требовалось от Чернышевского в постаповке и решении важнейших проблем экономического развития России. Здесь нужно было говорить о коренных устоях крепостнического хозяйства, о формах и степени эксплуатации народных масс, о самых страшных язвах самодержавно-крепостнического строя. Нужно было найти приемы и формы, в которых, несмотря на рогатки цензуры, было бы возможно подводить читателей к мысли о необходимости революционной ломки крепостнических устоев. И Чернышевский последовательно, шаг за шагом идет к этой цели, совершенствуется и разнообразит приемы революционной пропаганды, мастерски овладевает «эзоповским» языком.

Уже первая из экономических работ Чернышевского «О земле, как элементе богатства» (1854 г.) ярко показывает, что в его лице на экономическом фронте появился беспощадный враг эксплуататорских порядков, непримиримый борец против крепостничества, противник либерализма, защитник принципов революции.

С этой статьи он начинает прививать русскому читателю твердое убеждение в классовом характере экономических теорий, учит их умению распознавать за беспристрастным тоном изложения либералов и крепостников интересы различных классов. В этой же статье он решительно поднимает руку на феодальную земельную собственность и стремится разоблачить тех идеологов, которые пытались оправдать существование класса паразитов-землевладельцев.

Чернышевский уличает здесь идеологов господствующих классов в том, что они никогда не смогут дать беспристрастной оценки существующей действительности. Классовое положение обязывает их искажать и затушевывать действительные факты. Они отделяются предложениями мелких реформ, но никогда не смогут прямо заявить о том, что для исцеления болезней данного общественного строя нужны не лекарства, а нож хирурга, и Чернышевский противопоставляет им свою точку зрения: необходимость хирургического вмешательства, т. е. фактически революционного преобразования общества.

На конкретном примере книги идеолога русских крепостников — Львова Чернышевский показывает, как в интересах оправдания класса землевладельцев извращается и опровергается теория ренты Рикардо.

Проблема ренты фактически собирает в себе как в фокусе все вопросы классовых отношений в сельском хозяйстве. Она ярко вскрывает эксплуататорскую природу класса земельных собственников, показывает их консервативную роль, противоречие их классовых интересов интересам трудящихся и интересам прогрессивного экономического развития. В статье Чернышевского идет речь не только о капиталистической ренте, которую исследовал Рикардо, но и о ренте феодальной, характерной для России. Чернышевский здесь прямо говорит о ренте в форме «оброка», давая тем самым понять, что его статья преследует цель решения не только западноевропейских, но и русских вопросов.

Как известно, теория ренты Рикардо имеет ярко выраженное антифеодальное содержание. Она явилась оружием западноевропейской буржуазии в борьбе с феодальной земельной собственностью. Под флагом этой теории буржуазия иногда пыталась мобилизовать народ на борьбу с классом землевладельцев. Вполне понятно, что такая теория не могла прийтись по вкусу русским феодалам-крепостникам. И их идеологи в лице Львова не замедлили открыть огонь по этой теории, пытаясь опровергнуть ее и тем самым обезвредить распространяющиеся антикрепостнические идеи в России.

Чернышевский показывает, что теория ренты Рикардо встречается в штыки не потому, что она неправильна, а потому, что она «неудобоварима» для господствующих классов, так как изобличает класс землевладельцев в паразитизме, доказывает его никчемность и даже вред в системе общественного производства. Нападки Львова на эту теорию Чернышевский справедливо расценивает как узкокорыстное стремление реабилитировать русских крепостников, оправдать их существование, доказать «трудовой» характер их доходов.

Чернышевский не ограничивается повторением выводов Рикардо, а вносит ряд дополнений, значительно углубляющих трактовку вопроса о земельной ренте.

Как уже отмечалось выше, Рикардо видел лишь дифференциальную ренту. Он не знал, что и самые худшие участки земли приносят ренту. Чернышевский же делает шаг вперед, констатируя факт существования абсолютной земельной ренты.

Существование абсолютной ренты Чернышевский связывает с рядом чрезвычайно важных выводов антикрепостнического содержания. Он видит, что наличие ренты с самых худших участков земли влечет за собой рост цен на продукты земледелия. Рикардо не знал абсолютной ренты и потому был убежден, что ликвидация частной земельной собственности даст выигрыш лишь классу фермеров, а не всему народу в целом. Чернышевский же разделяет тот взгляд, что устранение

частной земельной собственности, национализация земли понизит цены на сельскохозяйственные продукты и тем самым принесет экономические выгоды всем слоям населения. «Есть еще неполнота в теории Рикардо; из общего закона: «рента определяется количеством и ценою получаемого хлеба», вывел он заключение, что рента не имеет уже сама влияния на цену хлеба, что поэтому даже если бы рента была понижена или уничтожена, то выиграл бы только класс фермеров, а не весь народ, потому что цена хлеба не понизилась бы. Ошибочность этого мнения замечена еще Сисмонди»¹.

Вывод Чернышевского о том, что если бы рента была «уничтожена», т. е. если бы была ликвидирована частная земельная собственность, то улучшилось бы положение всех слоев населения, весьма интересен и говорит о движении мысли в правильном направлении. Понимание этого факта Чернышевским усиливало значение его борьбы с феодальной собственностью на землю. Объективно это означало, что Чернышевский боролся за такой путь развития капитализма в земледелии, при котором отсутствовала бы монополия частной собственности на землю, а соответственно и абсолютная земельная рента, т. е. земля была бы национализирована и центральной фигурой в земледелии становилось бы свободное крестьянство.

Таким образом, уже в своей первой экономической работе Чернышевский поднимает руку на феодальную земельную собственность, подводит читателей к мысли, что уничтожение этой собственности соответствует интересам народных масс, ибо приведет к улучшению их экономического положения. Объявляя себя сторонником «хирургического вмешательства» в существующий экономический быт, он фактически пропагандирует принципы революционного устранения крепостничества.

* *
*

В 1857 г., еще до опубликования царских рескриптов, Чернышевский поднимает на страницах «Современника» вопрос об общине. Он бросает вызов журналу «Экономический указатель» высказаться по поводу выдвинутых им в рецензии на статью Струкова положений. «Экономический указатель» принял вызов «Современника» и начал печатать статьи своего главного редактора либерала Вернадского. Разгорелась ожесто-

¹ Н. Г. Чернышевский, «О земле, как элементе богатства» А. Львова, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 396.

ченная дискуссия, в которую один за другим втянулись и другие журналы.

Формально полемика шла вокруг вопроса: что лучше для успехов земледелия — общинное владение землей или частное. Однако Чернышевский повел дело так, что приковал внимание общественности к коренным устоям русской жизни, заставил высказаться либеральные журналы об их отношении ко всей организации русской крепостнической экономики. Вопрос об общине явился для него средством для того, чтобы, с одной стороны, раскрыть перед общественностью истинные взгляды либералов, а с другой стороны, — и это особенно важно — изложить свою собственную программу аграрных преобразований. Сам Чернышевский отмечал, что обсуждение вопроса об общине — это лишь один из безобидных предлогов для пропаганды более широких антикрепостнических программных положений. «Прямо говорить нельзя, — писал он, — будем говорить как бы о посторонних предметах, лишь бы связанных с идеєю о преобразовании сельских отношений»¹.

Цикл статей, в которых Чернышевский отстаивал общинное владение, по существу содержал в себе теоретическое обоснование всех основных пунктов его революционной программы ликвидации крепостничества. Здесь шла речь о национализации земли, ликвидации помещичьего землевладения, о широкой демократизации всех общественных учреждений. Здесь же, хотя и в завуалированной форме, поднимался вопрос о необходимости устранения царского самодержавия революционным путем.

Основные программные положения Чернышевского по крестьянскому вопросу с экономической точки зрения сводились к следующему: ликвидация помещичьей собственности на землю без всякого выкупа, передача земли в государственную собственность с общинным владением. Политическими предпосылками должны были явиться: низвержение самодержавно-бюрократического государственного устройства, переход власти в руки народа.

Наиболее радикальным средством против крепостничества Чернышевский считал национализацию земли. Он видел, что крепостнические формы производства и крепостнические методы эксплуатации основываются на существовании монополии помещичьей собственности на землю. Ликвидировать эту монополию и обеспечить развитие свободного крестьянского хозяйства — в этом Чернышевский видел главный пункт всей своей программы преобразований.

¹ Н. Г. Чернышевский, Письмо к А. С. Зеленому, первая половина июня 1857 г., Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 348.

Особенно рельефно эта идея выражена в статье Чернышевского «О поземельной собственности»: «Та форма поземельной собственности есть наилучшая для успехов сельского хозяйства, которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице. Государственная собственность с общинным владением из всех форм собственности наиболее подходит к этому идеалу»¹.

Идеалом Чернышевского являлась полная национализация всех земель, ликвидация помещичьей собственности на землю, без всякого выкупа. И он неустанно старался довести идею национализации до сознания передовой общественности, считая, что только такая мера приведет к окончательной ликвидации крепостничества.

Великий демократ внимательно следил за настроениями крестьянства и приходил к выводу, что лозунг национализации будет вполне приемлем для основных масс крестьянства. Позже — в романе «Пролог» он в следующих словах характеризовал настроения крестьянских масс в период подготовки реформы: «...Вся земля мужицкая, выкупу никакого! — Убирайся, помещики, пока живы!»² Здесь же Чернышевский отмечает, что, «по мыслям народа», освобождение должно быть «полное и мгновенное», что помещики «не имеют права ни на грош вознаграждения; а имеют ли право хоть на один вершок земли в русской стране, это должно быть решено волею народа»³.

Полную национализацию земли и установление общинного владения Чернышевский рассматривал как дело будущего, а в конкретных условиях своего времени считал нужным национализировать лишь те земли, которые уже находятся в общинном владении и пользовании. При этом он оговаривал, что «государственные земли должны преобладать в стране над выделенными в частную собственность»⁴.

Вопрос о соотношении между государственными и частными землями Чернышевский подробно рассматривал в своих статьях «Славянофилы и вопрос об общине» и «О поземельной собственности», относящихся к 1857 г. и написанных еще до опубликования царских рескриптов. В более поздних статьях, публиковавшихся в период проведения реформы, он неоднократно ссылался на названные выше статьи и защищал развивавшиеся в них программные положения.

¹ Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 434.

² Н. Г. Чернышевский, Пролог, Полное собрание сочинений, т. XIII, стр. 202.

³ Там же, стр. 197—198.

⁴ Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 468.

В названных выше статьях Чернышевский писал, что соотношение между частными и государственными землями должно быть 1 : 15 или 1 : 20. Такое соотношение уже существовало, по его мнению, в современной ему русской действительности и должно быть сохранено после ликвидации крепостничества. Что же касается тенденции дальнейшего развития, то она должна сводиться к постепенному расширению сферы господства государственной собственности с общинным владением и сокращению сферы частнособственнического производства¹.

Признавая необходимость сохранения частной собственности на землю в известных рамках, Чернышевский вместе с тем настойчиво проводил мысль о том, что земли, находящиеся в руках помещиков, не являются их частной собственностью, хотя формально и называются так. Предлагаемое им сохранение частной собственности на землю отнюдь не означало сохранения помещичьей собственности на землю.

«По праву полновластной собственности обрабатываются у нас уже мильоны десятин (все земли, обрабатываемые в пользу людей, не принадлежащих к сельской общине, — именно земли купцов-землевладельцев и разночинцев-землевладельцев; участки, оставляемые для собственного хозяйства помещиками, не могут быть причисляемы сюда...) ...Масса народа до сих пор понимает землю как общинное достояние, и количество земли, находящейся в общинном владении, или пользование ими под общинною обработкою, так велико, что масса участков, совершенно выделившихся из него в полновластную собственность отдельных лиц, по сравнению с ним, незначительна»².

В частной собственности могут остаться лишь земли, фактически купленные за деньги и обрабатываемые уже не общиной, а частными лицами, либо предпринимателями буржуазного типа (купцы, разночинцы), либо крестьянами-собственниками.

Центральная мысль Чернышевского — это обеспечить национализацию и передачу в общинное владение подавляющей части земельного фонда и таким путем создать условия для развития свободного крестьянского хозяйства на базе общинного производства.

По мысли Чернышевского, национализация подавляющей части земли и передача ее в общинное владение позволит полностью ликвидировать крепостнические методы эксплуатации и начать постепенный переход к социалистическим формам хозяйства. Оставление незначительной доли земли в частной

¹ См. Н. Г. Чернышевский, Ответ на замечания г. Провинциала, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 152.

² Н. Г. Чернышевский, Славянофилы и вопрос об общине, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 743. Курсив мой. — Н. Х.

собственности позволит на определенном отрезке времени развивать наряду с общинным мелкотоварное и буржуазное производство, являющееся более прогрессивным по сравнению с крепостничеством.

Рассмотренные выше программные требования по крестьянскому вопросу были разработаны и выдвинуты Чернышевским еще до опубликования царских рескриптов. И этот факт говорит о том, что русская революционная демократия во главе с Чернышевским имела еще до реформы и независимо от нее свою законченную, глубоко обоснованную программу ликвидации крепостничества.

После опубликования царских рескриптов эта программа защищается уже на базе сокрушительной критики всех либерально-помещичьих проектов освобождения крестьянства. Вскрывая грабительскую сущность этих проектов, Чернышевский неоднократно обращал внимание читателей на то, что действительное освобождение крестьянства возможно лишь на основе программных положений статьи «О поземельной собственности». Даже в своих «Примечаниях» к работам Милля, относящихся к 1860—1861 гг., Чернышевский делает ссылки на эту свою программную статью, а иногда приводит длинные выписки из нее. Нельзя не прийти к заключению, что статья «О поземельной собственности» расценивалась самим Чернышевским как основной программный документ русской революционной демократии на всех этапах подготовки и проведения реформы.

Критика либерально-дворянских проектов реформы. Проблема выкупа

С опубликованием царских рескриптов вопрос об отмене крепостного права ставился на практическую почву. Вокруг условий освобождения крестьян разгорелась ожесточенная борьба, в ходе которой все рельефнее происходило размежевание борющихся сил. С одной стороны, формируется либерально-крепостнический блок, сплотившийся на базе признания незыблемости царского самодержавия и монополии помещичьей собственности на землю, объективно отстаивавший помещичий тип развития капитализма в сельском хозяйстве. На противоположном полюсе — лагерь революционной демократии, возглавляемый Чернышевским и Добролюбовым, держащий курс на крестьянскую революцию и объективно выступавший за крестьянский тип капиталистического развития в сельском хозяйстве.

«Современник» активно включается в обсуждение коренных вопросов экономического развития страны. Чернышевский начинает регулярно публиковать библиографические обзоры статей по крестьянскому вопросу, помещаемых в различных русских журналах. Он подробно знакомит читателей с грабительскими проектами крепостников и либералов и одновременно широко пропагандирует свою революционную программу.

Чернышевский не смешивает в одну кучу заведомо крепостнические и либеральные проекты освобождения крестьян, он их различает. Но вместе с тем он стремится показать, что либеральные проекты отнюдь не противоречат интересам помещичьего класса и не направлены на ликвидацию экономического могущества этого класса. Он глубоко понимает отсутствие принципиальных разногласий в подходе к освобождению крестьян со стороны либералов и крепостников.

В глазах Чернышевского и помещичья программа и либеральная — одинаково антинародны. По его мнению, было бы даже лучше, если бы освобождение проводила помещичья партия, так как это скорее привело бы к революционному взрыву. Программа же либералов, облеченная в народолюбивую форму, могла спутать сознание трудящихся и посеять надежду на возможность улучшения положения крестьян силами господствующих классов.

«Чернышевский, — писал Ленин, — понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов»¹.

Несмотря на известные различия и оттенки, все либерально-крепостнические проекты освобождения имели под собой одну общую основу: соглашаясь на отмену личной зависимости крестьян, они исходили из необходимости сохранения и усиления экономической зависимости крестьян от помещиков, причем такой зависимости, которая на длительный период времени сделала бы неизбежным сохранение крепостнических форм и

¹ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 264.

методов эксплуатации. Они преследовали цель изменить лишь форму отношений, не затрагивая их существа.

И Чернышевский исключительно глубоко понимал этот замысел крепостников и либералов. Во всех своих статьях он уличает идеологов господствующих классов в стремлении сохранить крепостное право «под другим названием» и одновременно противопоставляет свое программное требование: освобождение должно быть проведено на таких условиях, которые гарантировали бы крестьянству не формальную свободу, а свободу в юридическом и экономическом отношениях, полный разрыв крепостных отношений и ликвидацию всякой возможности продолжения прежних крепостнических методов эксплуатации. Он доказывает, что формальное юридическое освобождение, не подкрепленное соответствующими экономическими мерами, будет означать лишь новые формы кабальной зависимости крестьян от помещиков. «Свобода бедняка — только особый вид рабства», — писал он.

Отправляясь от этого центрального тезиса, Чернышевский развертывает критику либерально-крепостнических проектов по двум основным направлениям: по вопросу о земле и по вопросу о выкупе.

Подавляющее большинство либералов и крепостников сходилось на том, что полное обезземеливание крестьян в ходе реформы было бы чревато опасностью революционного взрыва. и потому ими выдвигались проекты освобождения крестьян с землей. Однако при определении размеров крестьянского надела они стремились к тому, чтобы этот надел был недостаточным для прокормления крестьянской семьи и выполнения государственных повинностей. Им было важно, чтобы крестьянин оказался вынужденным приарендовывать помещичьи земли на кабальных условиях. Таким путем помещичье хозяйство оказалось бы обеспеченным рабочими руками. Помещичьи методы эксплуатации крестьянства сохранялись бы, крестьянство же, будучи формально свободным, на деле было бы вынуждено по-прежнему обрабатывать помещичьи земли.

Чернышевский занимает прямо противоположную позицию. Он ясно видит, что существовавшие ранее крестьянские наделы давали лишь минимум средств существования крестьянину, обеспечивающий воспроизводство рабочей силы для помещика. Надел «служит только к прокормлению крестьян; а прокормление крестьян служит только к тому, чтобы они работали на вас»¹. Поэтому даже сохранение за крестьянами ранее существовавшего надела не обеспечит, по мнению Чернышевского,

¹ Н. Г. Чернышевский, Устройство быта помещичьих крестьян. Труден ли выкуп земли?, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 545.

подлинной экономической независимости крестьянского хозяйства. Отсюда и его конкретное предложение: крестьянские наделы должны быть увеличены за счет помещичьих земель. Идеальный вариант — передача всей земли в руки крестьянства. Минимум же, на который может согласиться крестьянство, — это увеличение надела на одну треть. Крестьянам должна быть прирезана часть помещичьих земель.

Экономическое значение этой прирезки будет состоять в том, что крестьянин получит экономическую независимость от помещика, будет иметь свое собственное хозяйство, обеспечивающее достаточный уровень благосостояния и создающее возможности для расширения размеров производства. В этом случае помещикам уже не удастся получать рабочие руки на прежних — кабальных — условиях. Более того, теперь, по мнению Чернышевского, старые, крепостнические методы эксплуатации окажутся невозможными. Если помещики нуждаются в рабочих руках, то они могут их получить уже на условиях вольного найма, т. е. на капиталистических условиях, и тогда уже не крестьянин будет зависеть от помещика, а помещик — от крестьянина.

На вопли крепостников о том, что при сохранении существовавшего надела крестьянство не станет обрабатывать господских полей и тем самым помещичье хозяйство окажется без рабочих рук, Чернышевский резонно отвечал: да, на прежних, крепостнических условиях крестьянин не станет работать у помещика, но если ему будет гарантирована высокая заработная плата и хорошее обращение, он может обработать и помещичьи поля. Для обработки своего надела крестьянину требовалось три дня в неделю. Три дня остается свободными. Эти три дня крестьянин может посвятить обработке помещичьих земель, если эта работа будет хорошо оплачиваться. В противном случае крестьянин найдет другие возможности для улучшения своего положения¹.

Экономический смысл этих предложений Чернышевского сводится по существу к тому, чтобы крепостные отношения во всех их проявлениях были ликвидированы немедленно. Помещичье хозяйство должно немедленно перестраиваться на капиталистические рельсы. Если помещики сумеют это сделать, они имеют право на существование как новый, капиталистический класс. Если нет, то путь прежней, крепостнической эксплуатации для них будет закрыт. Либо помещик становится капиталистом, либо он вообще не имеет права на существование.

---

¹ См. *П. Г. Чернышевский, Устройство быта помещичьих крестьян*, № XI. Материалы для решения крестьянского вопроса, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 716—718.

Борясь за увеличение крестьянских наделов, Чернышевский решительно поднимал руку на монополию помещичьей собственности на землю. В тех условиях цензуры, которые существовали в печати после опубликования царских рескриптов, Чернышевский не имел возможности прямо писать о национализации всех помещичьих земель, ибо это шло вразрез с правительственными распоряжениями. Поэтому он, не отказываясь от ранее выработанной программы национализации, вынужден был изменить формы и методы борьбы против помещичьей собственности. Этой цели содействовала защита тезиса об увеличении крестьянских наделов на одну треть. Сам Чернышевский неоднократно оговаривался, что эта мера является самым крайним минимумом. «Мы подадим первый пример уступок и с первого же раза сделаем их в полном размере, доведем их до самой той границы, дальше которой не позволяет идти здравый смысл»¹.

С особенной силой Чернышевский обрушивается на выкупные проекты крепостников и либералов. Он разоблачает экономический смысл этих проектов, как направленных на еще большее ограбление и закабаление крестьянских масс.

Крепостники и либералы по существу выдвигали программу выкупа и земли и личности крестьянина. При этом оценка земли оказывалась резко завышенной. Они стремились содрать с крестьянства выкупную сумму, в несколько раз превышающую действительную ценность земли. Огромный выкуп преследовал цель как можно сильнее экономически привязать крестьянство к помещикам. Поскольку у крестьян сокращался надел, постольку уже создавалась экономическая основа для сохранения крепостнических отношений, ибо крестьянин не мог прокормиться с урезанного надела и должен был идти на отработку к помещику. Но для крепостников и либералов этого было мало. При помощи огромного выкупа они стремились возложить на крестьянство дополнительное бремя в форме высоких выкупных платежей. Чтобы рассчитаться по этим платежам, крестьянину неизбежно приходилось бы идти в кабалу к помещикам. Таким образом обеспечивались бы рабочие руки для помещичьего хозяйства и на длительное время сохранялись крепостнические формы отношений.

Чернышевский решительно выступает как против выкупа личности, так и против выкупа земли. Он доказывает, что помещики не имеют никакого права требовать выкупа. Последовательно, один за другим он отменяет все доводы крепостников и либералов, призванные обосновать правомерность выкупа.

¹ Н. Г. Чернышевский, *Устройство быта помещичьих крестьян. Труден ли выкуп земли?*, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 546.

«Свод законов, национальное чувство, политическая экономия — все приводит к тому, что *требовать* выкупа едва ли выгодно и даже едва ли можно»¹. Он ссылается при этом на настроения крестьянства. «Русский народ состоит не из экономистов, он не читал Адама Смита. Но пусть честные люди прислушаются к голосу народа, и они узнают, что нация думает о выкупе. Хотите ли знать, что думает нация? Нация спорит о том, что должно быть с господскими полями и лугами: останутся ли они за помещиком или также отойдут к крестьянам? И заметьте, о выкупе не бывает в этих спорах и помина»².

Таким образом, принципиальная позиция Чернышевского не вызывает сомнений, он — противник выкупа. Но, отвергая всякую правомерность притязаний помещичьего класса на выкуп, Чернышевский одновременно выдвигает мысль о том, что помещики могут *получить* выкуп в таком размере, который допускается состоянием государственных финансов и национальным чувством»³.

В данном случае речь идет уже не о *выкупе* в полном смысле этого слова, а о *возможном вознаграждении* помещиков вне связи с землей и личностью крестьянина. Чернышевский считает возможным такое вознаграждение по соображениям «государственной пользы и житейской справедливости. Государственная польза, — писал он, — требует, чтобы ни одно сословие не терпело напрасных убытков. Справедливость требует, чтобы выкуп не превышал меры действительной надобности в нем для помещиков»⁴. И Чернышевский выдвигает критерий для определения размера вознаграждения помещиков: сумма выкупа должна быть такой, «чтобы за вычетом долгов в кредитные учреждения приходилось помещику получить сумму, достаточную для устройства земледельческого хозяйства с наемною платою»⁵.

На основе этого критерия Чернышевский определял сумму выкупа в размере 532 млн. руб. Иногда он даже поднимал эту цифру до 800 млн. руб. Но важен не столько размер выкупа (хотя и он ясно свидетельствует о защите Чернышевским интересов крестьянских масс), сколько самый способ осуществления всей выкупной операции.

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Устройство быта помещичьих крестьян, № XI. Материалы для решения крестьянского вопроса, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 734.

² Там же, стр. 733.

³ Там же, стр. 734.

⁴ Там же, стр. 731.

⁵ Там же, стр. 732.

Основная идея Чернышевского сводится к тому, чтобы выкупная операция оказалась необременительной для крестьянства. Он высказывается за то, чтобы расходы по выкупной операции несло не одно крестьянство, а все сословия. От уничтожения крепостного права, указывает он, «выигрывает вся нация, следовательно, и расходы должна нести вся нация»¹. Более того, у него явственно проводится мысль о том, что «больше всего выиграют сами помещики, потом купцы и промышленники», следовательно, и эти классы должны принять участие в покрытии расходов государства на выкупную операцию. «А кто выигрывает от какого-нибудь дела, тот должен платить и расходы по этому делу»².

И Чернышевский предлагает осуществить серьезные преобразования в области финансовой системы. Если раньше помещики освобождались от налогов, то теперь они должны их платить. Равным образом выдвигается идея подоходного прогрессивного налога на купцов и промышленников. Все это направлено на то, чтобы облегчить положение крестьянских масс, не допустить их закабаления помещичьим классом.

Для быстрого расчета государства с помещиками Чернышевский предлагает усиленный выпуск бумажных денег. Он прекрасно понимает, что чрезмерный выпуск бумажных денег может привести к расстройству хозяйственной деятельности, росту цен и т. д. Но применительно к условиям ликвидации крепостнических отношений он считает подобную меру оправданной. «Экономия, строжайшая экономия! Каждый рубль бумажных денег, выпущенный на расходы непроизводительные, должен возбуждать сильнейшее беспокойство, глубочайшую горечь, потому что он — симптом дурного ведения хозяйства. Но, когда в противность обыкновенным случаям понадобились государству вдруг огромные суммы на чрезвычайное, вековое дело, — ...тогда не бойтесь бумажных денег, выпускайте их, не колеблясь, полную сумму, какая только нужна...»³.

Чернышевский дает понять, что его план рассчитан на революционный переход власти в руки народного правительства, на тот период, когда новое правительство еще не окрепло, ему приходится отбивать натиск классовых врагов и для ослабления сопротивления свергнутых классов выгоднее откупиться от них.

Мысль Чернышевского сводилась к тому, что помещики, как особый класс феодального общества, должны быть ликвидированы, но как физические лица они имеют право на суще-

¹ Н. Г. Чернышевский, Устройство быта помещичьих крестьян. Труден ли выкуп земли?, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 565.

² Там же.

³ Там же, стр. 559.

ствование, если не оказывают ярого сопротивления преобразованиям. Государство может оказать им экономическую помощь для того, чтобы они смогли приспособиться к новым экономическим условиям. Это показывает, насколько далек был Чернышевский от тех «революционеров-бунтарей», которые понимали революцию как сплошное истребление всех представителей господствующих классов. Он полагал, что насилие будет применяться только к тем, кто злостно противится проведению коренных преобразований в интересах трудящихся. Великие идеи гуманизма сливаются у Чернышевского в единое целое с революционной программой. Для него важно, чтобы все люди были освобождены от тех экономических условий, которые порождают противоположность классовых интересов, и были бы поставлены в такие условия, при которых нет места для эксплуатации, и центральной фигурой общества станет трудящееся население. А достижению этой цели может содействовать не только насилие, но и определенные экономические меры и система перевоспитания в новых общественных условиях.

* *
*

Весь ход обсуждения условий подготовляемого освобождения крестьян уже к концу 1858 г. с достаточной ясностью показывал грабительские замыслы господствующего класса. К этому времени Чернышевский уже располагал богатым материалом, раскрывающим антинародное существо предстоящей реформы. На страницах журнала «Современник» он сумел познакомить читателей с этими материалами и постепенно доказать им, что совершенно бесполезно надеяться на милость господствующего класса.

В декабрьском номере «Современника» за 1858 г. Чернышевский помещает статью «Критика философских предубеждений против общинного владения», в которой показывает, что в виде реформы готовится невиданное разорение крестьянских масс, и призывает по существу к революционному срыву реформы. Идеи, развитые Чернышевским в этой статье, В. И. Ленин называл «чисто революционными идеями».

Взятая Чернышевским установка на революционный срыв реформы видна в каждой его статье, помещаемой в период революционной ситуации на страницах «Современника». Круг вопросов, которые освещает Чернышевский в это время в своих произведениях, значительно расширяется. Продолжая с еще большей настойчивостью и энергией разоблачать грабительские замыслы крепостников и либералов, Чернышевский вместе с тем открывает с 1859 г. в «Современнике» новый

отдел — «Политика». Здесь он знакомит читателя с политическими событиями на Западе, подвергает анализу прошедшие революционные битвы, учит правильно разбираться в классовых интересах, проповедует принципы революционной тактики.

Установка на крестьянскую революцию с особенной силой провозглашена в «Письме из провинции», помещенном в «Колоколе» Герцена в 1860 г. Авторство этой статьи точно не установлено. Но ни у кого из исследователей не вызывает сомнений тот факт, что данная статья принадлежит кружку Чернышевского — Добролюбова и отражает настроения этих лучших представителей русской революционной демократии. В статье ярко раскрыта опасность либерализма и показана необходимость революции для действительного освобождения масс.

Автор укоряет Герцена за то, что он вместо призывов к революции сеет ложные надежды на «благие намерения царя». «...Все ждали, что вы станете обличителем царского гнета, что вы раскроете перед Россией источник ее вековых бедствий, — это несчастное идолопоклонство перед царским ликом, обнаружите всю гнусность верноподданнического раболепия. И что же? Вместо грозных обличений неправды с берегов Темзы несутся к нам гимны Александру II, его супруге...»¹. «Надежда в деле политики — золотая цепь, которую легко обратит в кандалы подающий ее... Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет! Эту мысль уже вам, кажется, высказывали, и оно удивительно верно, — другого спасения нет. Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат! К топору зовите Русь. Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей. Не вам ее поддерживать»².

Чернышевский публикует в «Современнике» ряд статей, в которых читателю внушается мысль, что ликвидация крепостничества возможна лишь тогда, когда будет уничтожена его опора — царское самодержавие. Он не имеет возможности сказать этого прямо, но напоминая читателям, что при «азиатском порядке» невозможны никакие прогрессивные нововведения, показывало, что под «азиатством» им понимался весь самодержавно-крепостнический государственный аппарат. «Азиатством, — пишет Чернышевский, — называется такой порядок дел, при котором не существует неприкосновенности ни-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. VII, Приложения, стр. 1001.

² Там же, стр. 1004.

каких прав, при котором не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность... Кто сильнее, тот безнаказанно делает над слабым все, что только ему угодно»¹.

Называя крепостное право коренным источником всех бедствий страны, Чернышевский подчеркивает, что устранение этого зла невозможно, пока в стране господствует «азиатский порядок дел». Чтобы устранить крепостное право, нужно сначала ликвидировать «азиатство», создать «справедливую администрацию и справедливый суд».

«Не только слабость успехов нашего земледелия, но и медленность в развитии нашего населения вообще, нашего городского населения в частности, неудовлетворительное состояние наших путей сообщения, торговли, промышленности, недостаток оборотного капитала в земледелии — все это и не только это, но также и крепостное право, и упадок народной энергии, и умственная наша неразвитость, — все эти факты, подобно всем другим плохим фактам нашего быта, коренную, сильнейшую причину свою имеют в состоянии нашей администрации и судебной власти. Весь наш быт во всем, что есть в нем печального, обуславливается этою основною причиною всех зол»².

Этим заявлением Чернышевский показывает ту пропасть, которая отделяет его позицию от позиции либералов. Либералы тоже были сторонниками отмены крепостного права. Но они никогда не поднимали руку на царское самодержавие, считая, что сам царь отменит крепостное право. Чернышевский же утверждает, что ликвидация крепостного права не может быть удовлетворительно проведена силами современной «администрации», т. е. царского самодержавия. Чтобы ликвидировать до конца крепостничество, нужно прежде всего разделиться с самодержавно-крепостническим государством, получить «хорошую администрацию» и «справедливый суд».

В своих многочисленных политических обзорах Чернышевский снова и снова подводит читателей к мысли о революционном разрешении крестьянского вопроса. На опыте развития западноевропейских государств он показывает, что ни одно из феодально-абсолютистских государств ничего не сделало и не могло сделать в интересах трудящихся масс. Все эти режимы погибли под натиском революционного движения самих масс. Бесполезно надеяться, что русский монарх является каким-то исключением — он ничего не сможет сделать для народа. Выход — в революции, — такие мысли оставались у читателей политических обзоров Чернышевского.

¹ Н. Г. Чернышевский, Суеверие и правила логики, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 700.

² Там же, стр. 703—704.

Революционная пропаганда Чернышевского крепнет с каждым годом и приносит все новые и новые плоды. Авторитет руководимого им журнала быстро возрастает. Царское правительство видит действенность революционной агитации «Современника». Цензурные комитеты создают небывалые препятствия и стеснения для литературной деятельности великих русских демократов. За 1859 г. цензурой вымарано 40 печатных листов, за 1860 г. — свыше 50 печатных листов.

Оценка реформы 1861 г.

Обнародование «Манифеста 19 февраля 1861 г.» вызвало со стороны либералов восторженные похвалы «освободителю» Александру II. «Современник» же ответил на этот манифест молчанием. В легальной печати революционные демократы не могли высказать своих мыслей о проведенной реформе.

Чернышевский пишет прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» — для нелегального распространения, в которой простым языком дает глубокую оценку реформы и обращается к крестьянам с призывом к революции. В этом замечательном документе дана непревзойденная для своего времени критика существа царской реформы, показана невозможность для крестьян получить освобождение из рук царя, обоснована необходимость демократической революции, намечены пути подготовки крестьянского вооруженного восстания. Здесь нашла отражение программа-минимум крестьянской революционной демократии.

Образно и ярко показывает Чернышевский, что реформа проведена в интересах помещиков, что для крестьянства она означает еще более ужасную кабалу и нищету. Раскрывая смысл царского манифеста, он подчеркивает, что у крестьян будут отрезаны земли, что им останутся незначительные наделы, которых совершенно недостаточно для прокормления семьи, а потому придется снова, на еще более тяжелых условиях арендовать землю у помещиков. «Ну, а как мужику обойтись половиной земли? — пишет он. — Значит, должен будет прийти к барину просить: дай, дескать, землицы побольше, больно мало мне под хлеб по царскому указу оставили. А помещик скажет: мне за нее прибавочную барщину справляй, либо прибавочный оброк давай. Да и заломит с мужика сколько хочет. А мужику уйти от него нельзя, а прокормиться с одной земли, какая оставлена ему по отмежевке, тоже нельзя. Ну, мужик на все и будет согласен, чего барин потребует. Вот оно и выйдет, что нагрузит на него барин барщину больше но-

нешней, либо оброк тяжелее нынешнего. ...Просто сказать, всех в нищие поворотят помещики по царскому указу»¹.

«Так вот оно к чему по царскому-то манифесту да по указам дело поведено: не к воле, а к тому оно идет, чтобы в вечную кабалу вас помещики взяли, да еще в такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нынешней»².

Чернышевский раскрывает крестьянам ошибочность их убеждения, будто эти кабальные условия освобождения выработаны без участия царя, наперекор его воле. Он показывает, что надеяться на милость царя бесполезно, так как сам он есть главный помещик. «А не знал царь, что ли, какое дело он делает? Да сами вы посудите, мудрено ли это разобрать? Значит, знал. Ну, и рассуждайте, чего надеяться вам на него. Оболгал он вас, обольстил он вас. Не дождетесь вы от него воли, какой вам надобно. А почему не дождетесь от него, тоже рас судить можно.

Сам-то он кто такой, коли не тот же помещик? Удельные-то крестьяне чьи же? Ведь они его крестьяне крепостные. Да и вас-то в крепостные помещикам все цари же отдали... Вы у помещика крепостные, а помещики у царя слуги, он над ними помещик. Значит, что он, что они — все одно. А сами знаете, собака собаку не ест. Ну, царь и держит барскую сторону»³.

Объяснив бесполезность надежд на милость царя и господствующих классов, Чернышевский посвящает следующую часть прокламации тому, чтобы указать крестьянству пути к освобождению. Он советует им последовательно готовить всенародное выступление против царской власти, договариваться друг с другом, деревня с деревней о необходимости единого повсеместного выступления против существующих порядков. Он прилагает все усилия к тому, чтобы доказать крестьянству гибельность разрозненных мелких бунтов, необходимость организованного выступления широким фронтом против всей машины царского самодержавия. Руководство всем этим движением мыслится им из одного революционного центра. Он дает здесь же понять крестьянам, что революционеры будут в одних рядах вместе с ними, что они уже сейчас ведут среди них работу, но пока вынуждены скрывать свои имена.

«Так вот оно какое дело: надо мужикам всем промеж себя согласие иметь, чтобы заодно быть, когда пора будет. А покуда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно в беду не

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Барским крестьянам от их доброжелателей поклон, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 518—519.

² Там же, стр. 520.

³ Там же, стр. 521.

вводить, значит спокойствие сохранять и виду никакого не показывать»¹.

Чернышевский знает, что для успеха крестьянского восстания нужно, чтобы в рядах революционной армии была хорошая организованность, строгая дисциплина. Он советует крестьянам привлекать на свою сторону солдат и преданных народному делу офицеров, учиться у них дисциплинированности и порядку, выдержанности, мужеству.

Во имя чего же должно развернуться крестьянское восстание? Каковы ближайшие цели борьбы?

В прокламации Чернышевский не дает развернутой программы социально-экономических преобразований. На первый план он выдвигает программу общедемократических преобразований, требует прежде всего такого общественного и государственного устройства, при котором сам народ вершил бы свою судьбу и устраивал весь свой быт по своим потребностям. Он требует широкой демократии. «Так вот она какая в исправду-то воля бывает на свете: чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало, и чтобы суд был праведный, и ровный всем был бы суд, и бесчинствовать над мужиком никто не смел, и чтобы пачпортов не было и подушного оклада не было, и чтобы рекрутчины не было. Вот это воля, так воля и есть. А коли того нет, значит, и воли нет, а все одно обольщение в словах»².

Прокламация «Барским крестьянам...» явилась попыткой соединить идею коренных преобразований антикрепостнического характера с революционным движением самих масс. Это был один из первых опытов обращения революционеров не к узкому кругу образованного общества, не к «просвещенным» людям, а к широким слоям народных масс. Если для дворянских революционеров было характерно стремление избежать участия народа в революции, ограничиться чем-то вроде дворцового переворота силами офицерства и армии, то для революционера-разночинца Чернышевского типично убеждение, что только участием самих народных масс могут быть достигнуты успехи в борьбе.

* *
*

В 1862 г., через год после опубликования царского манифеста, Чернышевский пишет статью «Письма без адреса», в которой дает развернутую оценку реформы 1861 г. Статья написана в момент, когда выступления крестьянских масс достигли наивысшего пункта, усиливалось демократическое дви-

¹ Н. Г. Чернышевский, Барским крестьянам от их доброжелателей поклон, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 524.

² Там же, стр. 523.

жение в Польше, наметилось оппозиционное движение со стороны определенной части дворянства и возможность революционного взрыва стала весьма реальной.

Эта замечательная статья не была пропущена цензурой и увидела свет только в 1874 г. за границей. Она имеет очень важное значение для характеристики взглядов Чернышевского. Маркс внимательно читал статью Чернышевского, делал из нее выписки и сопровождал отдельные места своими замечаниями. Статья давала развернутый анализ причин, вынудивших царизм к отмене крепостного права, раскрывала крепостнический характер реформы и намечала программу демократического, революционного пересмотра этой реформы.

Чернышевский показывает здесь, что в результате реформы «изменены были формы отношений между помещиками и крестьянами с очень малым, почти незаметным изменением существа прежних отношений»¹. Положение крестьянства не только не улучшилось, но экономически стало еще тяжелее. Если при крепостном праве крестьянин платил оброк с каждой десятины земли 2 р. 9 к., то теперь он обязан платить 2 р. 30½ к.² Реформа была крепостнической по своему характеру, антинародной во всех своих звеньях.

Чернышевский показывает далее, в силу каких причин реформа, проводимая царским самодержавием, не могла быть иной по своему содержанию и результатам.

Он отвергает утверждение о том, что реформа проводилась по воле и желанию самодержавного царя. Царь шел на нее под влиянием широкого антикрепостнического движения, развернувшегося после поражений в Крымской войне. Сложилось крайне противоречивое положение: царское самодержавие вынуждено было отменить то, для охраны чего оно само было призвано. «Власть принимала на себя исполнение чужой программы, основанной на принципах, не согласных с характером самой власти»³. В результате отмена крепостного права была проведена в интересах помещичьего класса, с «пристрастием к дворянству». С самого начала «предполагалось сохранить сущность крепостного права, отменив его формы»⁴.

Чернышевский показывает, что хотя формально отмена крепостного права была объявлена делом всей нации, по существу она проводилась силами узкого круга господствующих классов, не принимавших во внимание мнения других социальных групп. Вся подготовка реформы осуществлялась бюрократиче-

¹ Н. Г. Чернышевский, Письма без адреса, Полное собрание сочинений, т. X, стр. 99.

² См. там же, стр. 114.

³ Там же, стр. 99.

⁴ Там же.

ски, редакционные комиссии принимали решения, удобные вышестоящим инстанциям. Принципиальные решения без серьезного обсуждения навязывались сверху.

Таким образом, классовые позиции и бюрократический характер государственного аппарата заранее предопределяли антидемократический характер подготавливаемой реформы. Отсюда и вывод Чернышевского: чтобы решительно покончить с крепостничеством, нужно в первую очередь ликвидировать самодержавно-бюрократический государственный аппарат, радикально изменить весь общественно-политический строй страны в сторону широкой демократизации. Ликвидация крепостничества должна быть делом тех общественных сил, которые заинтересованы в этом, т. е. самих трудящихся масс. «Ничьи посторонние заботы не приносят людям такой пользы, как самостоятельное действие по своим делам»¹.

Чернышевский отмечает, что реформа не решила коренных проблем развития страны, не удовлетворила интересов подавляющего большинства русского общества. В борьбу за ликвидацию крепостничества начинают вовлекаться все новые и новые общественные слои, ранее не принимавшие активного участия в подготовке реформы. Различные социальные группы начинают спланиваться на основе борьбы за общедемократические требования и прежде всего за смену самодержавно-бюрократического аппарата демократическими учреждениями. «Все они чувствовали обременение от произвольной администрации, от неудовлетворительности судебного устройства и от много-сложной формалистичности законов». Они заметили, «что находятся в настоящем порядке черты, одинаково невыгодные для всех сословий, и соединились в желании изменить эти черты»².

Чернышевский показывает, что в России вызревают самые радикальные требования антикрепостнического содержания, не уместимые в рамки мелких реформ. «Все общество начинает высказывать потребность одеться с ног до головы в новое: штопать оно не хочет»³. Он настойчиво проводит мысль о том, что нарастающее движение не может быть ликвидировано какими-либо мерами со стороны царизма. Маркс выразил мысль Чернышевского в кратком замечании: «Этих стремлений — быстро разрастающихся — не подавить никакими карательными мероприятиями»⁴.

¹ Н. Г. Чернышевский, Письма без адреса, Полное собрание сочинений, т. X, стр. 92.

² Там же, стр. 100.

³ Там же, стр. 96.

⁴ «Архив Маркса и Энгельса», т. XI, Госполитиздат, 1948, стр. 10.

В момент подготовки реформы антикрепостническое движение было еще недостаточно сильным, не охватило всех слоев населения, и это, по мнению Чернышевского, явилось одной из причин того, что реформа носила антинародный, крепостнический характер. Но теперь, после реформы, движение принимает все более мощный характер. В этих условиях Чернышевский и призывает к революционному, демократическому пересмотру реформы 1861 г.

Статья «Шисьма без адреса» по форме носит вполне благонамеренный характер: Чернышевский обращается к Александру II как бы с советом о том, как избежать приближающегося революционного взрыва. По существу же статья представляет собой ультиматум русской революционной демократии царскому самодержавию: либо немедленно ликвидируется самодержавно-бюрократический аппарат мирным путем, либо революционная ломка всех самодержавно-крепостнических устоев. И в этом революционном требовании выражено все существо отношения Чернышевского к пресловутой «крестьянской» реформе и ко всей современной ему крепостнической действительности.

8. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ КАК ИСТОРИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В процессе глубокой критики буржуазной политической экономии Чернышевский вскрыл ее банкротство. Вместе с тем мы находим у него по сути дела также историю буржуазной политической экономии. Наряду с этим он дал анализ утопического социализма.

В его анализе исторического развития экономических учений обнаруживаются следующие методологические моменты.

Развитие экономических учений Чернышевский рассматривает в неразрывной связи с развитием материальных условий, в которых эти учения возникали. Экономические учения рассматриваются им не как изолированные, а как находящиеся в преемственной связи.

Наконец, каждая экономическая школа является, по Чернышевскому, выразителем интересов определенных общественных классов на известных ступенях их исторического развития.

Чернышевский рассматривает отдельные экономические учения не с точки зрения соответствия или несоответствия их абстрактным истинам, а с точки зрения соответствия или несоответствия историческим задачам каждого определенного периода в развитии общества.

Он оставил нам глубокую характеристику всех основных школ буржуазной и политической экономии.

Выявляя основные теоретические положения меркантильной школы, Чернышевский правильно указывает, что эта школа «придает слишком большую важность деньгам»¹. Меркантилисты, как известно, видели богатство только в денежной форме, чем, по словам Маркса, выдавали тайну буржуазного производства, его цель — увеличение денег. Чернышевский правильно характеризует основную цель экономической политики меркантилизма, сводившейся к идее: «...чтобы ввоз серебра и золота был как можно больше, а вывоз как можно меньше»². Но Чернышевский не ограничивается формулировкой идеи торгового баланса; он стремится выяснить также исторические условия возникновения меркантилистической теории и политики.

Некоторые авторы считают ошибочной попытку Чернышевского связать меркантилизм с феодализмом. Между тем в действительности тот факт, что Чернышевский показывает феодальные черты меркантилистической системы, свидетельствует о глубоком проникновении его в природу меркантилизма. Чернышевский не отрицает буржуазного характера системы меркантилизма. Больше того, он подчеркивает единство, в известном смысле, смитовской буржуазной системы с меркантильной системой: для обеих характерно преувеличенное представление о роли обмена в обществе.

Но правильно подчеркивая связь меркантилизма с буржуазными теориями, Чернышевский в то же время правильно подметил и те черты, которые связывают его с феодализмом. Он указывает, что феодализм предполагает приобретение богатства путем внеэкономического принуждения, и связывает меркантилизм с этим порядком, отмечая, что сущность меркантилизма «состоит в том, чтобы брать у других, не давая им ничего взамен»³.

Этой формулировкой Чернышевский подчеркивал особенность меркантилистической теории, ее положение о том, что прибыль возникает из внешней торговли путем неэквивалентного обмена. Меркантилистическая теория, как известно, правильно отразила факт существования неэквивалентного обмена передовых стран с отсталыми странами, хотя и сделала из этого факта неправильный общетеоретический вывод об источнике прибыли.

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 33.

² Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 32.

³ Там же.

Наконец, следует отметить, что Чернышевский правильно подчеркивает связь меркантилизма с феодализмом, ибо сама меркантилистическая политика, будучи по своей природе буржуазной, осуществлялась феодальными методами.

Физиократическая школа получила в трудах Чернышевского еще более развернутую характеристику.

Чернышевский в общем правильно характеризует исторические условия возникновения и классовую сущность этой школы политической экономии.

Появление физиократизма он связывает с наступлением эпохи индивидуализма, т. е. по сути дела с появлением капитализма. Подчеркивая, что общим девизом разных течений, сложившихся в школу физиократизма, был девиз *laissez faire, laissez passer*, Чернышевский верно схватывает историческую сущность физиократической школы, главным в которой была борьба против средневековья, против феодализма и феодальных методов поощрения капитализма, характерных для меркантилизма.

Будучи непримиримым противником буржуазно-апологетических панегириков свободной конкуренции, с которыми выступала вульгарная экономия, Чернышевский с глубоким историзмом подошел к девизу *laissez faire, laissez passer*, провозглашенному физиократами; он считал, что для своего времени — времени борьбы против феодальных и меркантилистических стеснений — этот девиз играл прогрессивную роль. В этой связи он выдвигает важное с точки зрения подхода к экономическим учениям диалектическое положение: «Одно и то же слово может быть представителем прогресса или отсталости, смотря по различию времен»¹.

Чернышевский считает девиз физиократов прогрессивным, ибо, говорит он, «то было время, когда человек рвался из средневековых уз, как птица из клетки»².

Определив историческую роль школы физиократов, Чернышевский характеризует также некоторые исходные теоретические положения физиократов, резко отделяющие их от меркантилистов. Формулируя содержание физиократической теории, он писал: «Итак, существенный характер богатства — его материальность, а истинный источник его — земля»³. Ему удалось также, рассмотрев теорию воспроизводства Кенэ, показать непосредственную связь ее с учением физиократов об едином налоге.

¹ Н. Г. Чернышевский, Тюрго, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 341.

² Там же, стр. 312.

³ Там же, стр. 294

Показав прогрессивный характер учения физиократов для своего времени, Чернышевский вместе с тем глубоко вскрывает и феодальную, и буржуазную ограниченность физиократической системы.

Феодальную ограниченность физиократической школы Чернышевский видел в том, что она «до чрезвычайности преувеличивала» «важность» земельных собственников, несмотря на свое требование единого налога. Буржуазная ограниченность физиократической школы подверглась широкому анализу Чернышевского. Он показал, что та свобода, провозвестниками которой были физиократы, была свободой формальной, что права, которыми, по идее физиократов, должны обладать граждане, были чисто формальными правами, что тот строй, который хотели утвердить физиократы, не обеспечивал возможности пользоваться правами, формальным обладателем которых провозглашался каждый гражданин.

Чернышевский прежде всего отмечает чисто формальный характер лозунга Тюрго о «праве работать»; такой же характер имеет и его лозунг свободы, ибо, указывает Чернышевский, «нет свободы там, где слабый остается беспомощным»¹, а лозунг «право работать» означал не что иное, как «право искать работы, а не право иметь ее»².

Резюмируя свою критику физиократических лозунгов, Чернышевский писал:

«Право в том смысле, как определяли его экономисты XVIII века, как понимал и провозглашал его Тюрго, могло служить только к замаскированию несправедливостей, которые должны были возникнуть из господства индивидуализма, к замаскированию варварства, оставлявшего бедняка в беспомощности.

Мало того, чтобы сказать: «ты имеешь право»; надобно дать возможность, дать средства пользоваться этим правом»³.

Наконец, следует особо отметить, что радикальные проекты, которые были намечены Тюрго, этим теоретиком, наиболее последовательно развивавшим взгляды физиократов, по мнению Чернышевского, не могли быть осуществлены при тех условиях, при которых их думал осуществить Тюрго. Последний, по словам Чернышевского, «хотел: отменить феодальные права; уничтожить привилегии дворянства; пересоздать систему налогов и пошлин; ввести свободу совести; переделать гражданские и уголовные законы; уничтожить большую часть монастырей; ввести свободу тиснения; преобразовать всю систему народного просвещения. В довершение всего хотел ввести во

¹ П. Г. Чернышевский, Тюрго, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 299.

² Там же, стр. 302.

³ Там же, стр. 302—303.

Франции нечто очень похожее на конституцию»¹. Чернышевский указывает, что если бы эти планы Тюрго были осуществлены, то не было бы и революции, и считает, что осуществление этих планов при помощи тех средств, которые имел в виду Тюрго, было вообще невозможно. Ведь Тюрго хотел осуществить их руками феодального государства. Этим самым Чернышевский разоблачает бесплодность либеральных попыток изменить основы существующего общественного порядка руками господствующего класса и его государства.

Хотя Чернышевский несколько гипертрофирует феодальные черты меркантилизма и физиократизма, он в общем правильно характеризует роль той и другой системы, метко вскрывает слабости их и ограниченность.

Еще более верно определяет Чернышевский место, историческую роль и классовый характер английской классической политической экономии.

Он устанавливает, что экономическая система, развитая в трудах Смита и Рикардо, «соответствует потребностям среднего сословия»², что эта теория выражает интересы капиталистов. Определяя классовую природу классической школы, Чернышевский тем самым устанавливает и исторические условия ее возникновения.

Основным теоретическим достижением классической школы Чернышевский считает «...вывод, что всякая ценность создается трудом»³. Этому выводу Чернышевский придает двойное значение. С одной стороны, благодаря положению о том, что источником стоимости является труд, создается прочная основа для выявления характера отношений между классами буржуазного общества. С другой стороны, это положение является, по мнению Чернышевского, исходной, фундаментальной основой для вывода, который находится в противоречии со всей системой буржуазного распределения — с трехчленным распределением продукта. Раз труд есть создатель стоимости, то он и должен быть владельцем всех создаваемых стоимостей. В связи с этим Чернышевский говорит о противоречии между классовым содержанием учения классической школы и трудовой теорией стоимости. «...Адам Смит, — пишет он, — не заметил разницы между содержанием своей теории, соответствовавшей экономическому положению среднего сословия, с основным своим учением о труде как источнике всякой ценности»⁴.

¹ Н. Г. Чернышевский, Тюрго, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 317.

² Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 37.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 38.

В данном случае налицо утопически социалистический подход самого Чернышевского к оценке трудовой теории стоимости. Но независимо от этого ясно одно, что, если даже не рассматривать вопрос о трудовой теории стоимости с точки зрения морали, трудовая теория стоимости являлась теоретической базой научных представлений об эксплуатации капиталистами наемных рабочих и исходной основой в дальнейшем теории прибавочной стоимости.

Чернышевский, говоря о возможности такого противоречия в системе классиков, дает ему глубокое историческое объяснение. Он правильно указывает на идейную преемственную связь воззрений Смита с воззрениями французских энциклопедистов и отмечает, что подобные теории могли развиваться представителями буржуазии в тот период, когда еще не проявились противоречия между интересами народа и среднего сословия и «когда требования среднего сословия выводились из демократических принципов и оживлялись мыслями, говорившими о человеке вообще, а не о торговце, фабриканте или банкире»¹.

Высоко оценивая теорию распределения Рикардо и, в частности, его теорию ренты, Чернышевский показывает, что развитие теории идеологами буржуазии могло иметь место лишь в тот период, когда борьба между основными классами буржуазного общества еще не ставила под сомнение тождество интересов буржуазии и народа.

Дальнейшее (после классической школы) развитие экономической мысли Чернышевский связывает с изменением форм классовой борьбы и с осознанием народом своих интересов, отличных от интересов буржуазии. В этот период буржуазная экономическая мысль направлена на апологетическое истолкование положений классической школы. Возникающая же в противовес апологетическим направлениям критика буржуазного строя отражает интересы угнетенных классов. Но эта критика теоретически преемственна по отношению к учению классической школы и опирается на ее положения, из которых сама классическая школа не в состоянии была сделать необходимо вытекающих из нее выводов.

Таким образом, по сути дела Чернышевский дает нам объяснение исторических условий возникновения вульгарно-апологетических буржуазных теорий, с одной стороны, социалистических теорий — с другой. Существенно подчеркнуть, что процесс этот он рассматривает как двуединый процесс, показывая тем самым, что развитие и возникновение теорий он связывает с ходом развития классовой борьбы. Он прямо об этом говорит, указывая, что победа над феодализмом ведет к

¹ И. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 38.

развитию борьбы между буржуазией и трудящимися. «Как только одерживают в своем союзе верх над получающим ренту классом сословие капиталистов и сословие работников, история страны получает главным своим содержанием борьбу среднего сословия с народом»¹. Среднее сословие напугано требованиями народа; «борясь против них в жизни, оно старается опровергнуть их в теории»².

Чернышевский вскрывает апологетический характер вульгарной политической экономии. Он проводит глубокое различие между классиками, заблуждения которых он объясняет историческими условиями, и их эпигонами, которые уже имели дело с фактами, противоречащими буржуазным экономическим теориям, и которые «уже обсудили факты со всех сторон и решили систематически перетолковывать их сообразно с выгодами своей теории или отвергать их».

У Чернышевского имеются также характеристики отдельных вульгарных экономистов. Французских вульгарных экономистов он правильно связывает с Сэем, называя их его последователями. Свое отношение к школе Сэя Чернышевский выразил следующими словами: «Мало того, что теория Сэ мертва для нас. Она сама по себе поверхностна и фальшива»³.

Чернышевский понимает, что Сэй представляет собой лишь начало вульгарной экономии, и значительно более энергичные формулировки даны им при характеристике Бастиа, которого он рассматривает как сознательного апологета, искажающего факты, «чтобы предохранить своих читателей от коммунистической заразы»⁴. С уничтожающей иронией Чернышевский излагает апологетические упражнения Бастиа — проповедника экономических гармоний. «У Бастиа уже доказано, что бедным не на что жаловаться, что каждый работник получает надлежащее вознаграждение, что если и есть на свете люди, получающие меньше, чем им следовало бы, то эти люди не какие-нибудь ткачи, швеи, земледельческие батраки,— нет, а капиталисты, рентьеры, фабриканты, банкиры и другие обиженные судьбою несчастливцы, возбуждающие зависть в неразумных чернорабочих»⁵.

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 516.

² Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 36.

³ Н. Г. Чернышевский, [Из № 3 «Современника», февраль 1857 г.], Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 710.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 40.

⁵ Н. Г. Чернышевский, Молилари, Курс политической экономии, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 468.

Глубокой критике подвергает Чернышевский взгляды американского вульгарного экономиста Кэри, вскрывая внутренние противоречия в его воззрениях. Как известно, Кэри был проповедником экономических гармоний, сторонником свободной конкуренции. Наряду с этим он выступил со специальным произведением в защиту протекционизма. Чернышевский вскрывает это противоречие во взглядах Кэри и показывает, что Кэри игнорирует главное социальное зло Америки — невольничество. На это зло он должен был бы обрушиться как сторонник принципов «экономической свободы», а вместо этого Кэри проповедует протекционизм, который никогда и нигде не был способен решить коренные экономические задачи.

Большое внимание уделяет Чернышевский критике воззрений Мальтуса, особенно его человеконенавистнической теории народонаселения. Если в первый период своей деятельности Чернышевский ставил иногда имя Мальтуса рядом с именами Смита и Рикардо, то в последующем Чернышевский более точно определяет социальную роль и значение Мальтуса. Чернышевский указывает, что возникновение теории Мальтуса связано с задачами апологетической борьбы против новых, демократических теорий. Мальтус «понял,— пишет Чернышевский,— что против тогдашних демократических теорий, вроде теории Годвина, не годятся прежние аргументы консерваторов. Он стал искать нового аргумента, более прочного»¹. Мальтус решил «заняться защитой учреждений, против которых восставали революционные писатели»². Чернышевский вскрыл крупнейшие пороки учения Мальтуса о народонаселении. Хотя Чернышевскому не удалось, понятно, развить действительный капиталистический закон народонаселения, он умело отстаивал тезис о том, что причина перенаселения не в природе, а в общественных отношениях. Чернышевский так резюмировал сущность теории Мальтуса: «Надобно заботиться об улучшении существующих учреждений, а не разрушать их, не стремиться к основанию общественного устройства на иных принципах, потому что никакие иные принципы не могут дать обществу большего благосостояния, чем какое дается нынешним коренным его принципом, частной собственностью»³.

Подчеркивая существеннейшие различия между Мальтусом и классиками политической экономии, Чернышевский писал,

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 266.

² Там же, стр. 252.

³ Там же.

что политическая экономия получила высокое развитие «через Рикардо и других, но не через Мальтуса»¹.

Особое место в анализе Чернышевским буржуазной политической экономии принадлежит Миллю. Как известно, Чернышевский перевел его «Основания политической экономии», указывая при этом, что система Милля — это не его система. Милля он выделял из среды современных ему буржуазных экономистов, и оценки Милля Чернышевским во многом совпадают с тем, что говорил о Милле Маркс.

Чернышевский резко отделяет Милля от вульгарных экономистов: «Во всяком случае политическая экономия у него далеко не похожа по своему духу на то, что называется политической экономией у отсталых французских экономистов»².

В отличие от вульгарных экономистов Милль не пытался скрывать язв капитализма, но, ограниченный буржуазным кругозором, он не в состоянии был выйти за рамки частной собственности. Отсюда эклектические попытки реформирования экономических порядков капитализма без ликвидации его основы. Характеризуя отношение Милля к коммунизму и капитализму, Чернышевский писал: «Он говорит, например, что все возражения экономистов против коммунизма не выдерживают критики; а между тем он только исправляет и дополняет в частных случаях ту теорию, односторонность которой доказана писателями, по его собственным словам, неопровержимыми в сущности своих мыслей»³. Эклектизм Милля, его половинчатость Чернышевский подчеркивает и в других местах. Характеризуя его отношение к новым теориям распределения, Чернышевский говорит: «Высказав нерешительное сочувствие к новому принципу распределения, Милль, как мы видели, обходит его отговоркою, что заниматься этим еще рано, а следует вникать в прежний принцип, нельзя ли его устроить так, чтобы он был бы лучше нового, которому, по признанию Милля, далеко уступает в нынешнем своем виде»⁴.

На примере лучшего буржуазного экономиста середины XIX в. Чернышевский наиболее ярко показывает банкротство буржуазной политической экономии, которая, поскольку она пытается остаться на плоскости фактов и стремления к науч-

¹ Н. Г. Чернышевский, Письмо О. С. и А. Н. Чернышевским 1 ноября 1873 г., Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 542.

² Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 40.

³ Там же.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 366.

ной истине, должна признать язвы и пороки капитализма, но не в состоянии найти никакого решения для устранения этих язв и противоречий.

С исключительной глубиной удалось Чернышевскому вскрыть сущность и роль так называемой исторической школы политической экономии. Он показывает, что эта школа не развивает экономической науки, что вся ее задача сводится лишь к оправданию существующих экономических отношений. Историческая школа, пишет Чернышевский, использует историю только для оправдания существующего экономического порядка. В тех случаях, когда тот или иной экономический институт, существующий при капитализме, имел место и раньше, приведение исторических фактов служит доказательством того, что «человечество иначе поступать не может: это лежит в натуре человека». В тех же случаях, когда тот или иной экономический институт раньше не существовал, история привлекается для того, чтобы доказать, что капиталистические институты являются высшей формой развития и, «следовательно, нынешний вид дела уже очень хорош, и недовольны им могут быть лишь безумцы»¹.

Глубокий анализ истории и критика разных школ буржуазной политической экономии служили Чернышевскому орудием идейной борьбы в России. С одной стороны, наиболее консервативные идеологи, прежде всего из среды дворянских либералов, цеплялись за западноевропейские теории для защиты интересов дворянства. Характерно в этом отношении пристрастие дворянских либералов к исторической школе. С другой стороны, и буржуазные идеологи в России пропагандировали произведения вульгарных западноевропейских экономистов. Хотя главная задача в последнем случае заключалась в пропаганде принципов свободной конкуренции и пропаганда этой идеи служила делу борьбы против крепостничества. Чернышевский ясно заметил также наличие антисоциалистических тенденций русской буржуазной экономической мысли. Поэтому он подвергает резкой критике русских буржуазных экономистов, пропагандировавших произведения западноевропейских вульгарных экономистов. В этой связи он критикует таких виднейших представителей буржуазной политической экономии в России, как Вернадский, Бабст и др. Вместе с тем следует отметить, что Чернышевский всячески поддерживал этих и других экономистов, когда они выступали с критикой крепостничества. Достаточно напомнить статьи Чернышевского о выступ-

---

¹ Н. Г. Чернышевский, «Начала народного хозяйства» В. Рошера, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 981—982.

лении Бабста в Казанском университете или рецензии его на «Экономический указатель» Вернадского.

Весьма интересно отношение Чернышевского к мелкобуржуазным критикам капитализма. Он положительно относится к критике противоречий фермерского хозяйства, даваемой Сисмонди, однако Чернышевский — непримиримый противник его реакционных мелкобуржуазных иллюзий об устранении противоречий капитализма путем консервации мелкого хозяйства.

Весьма острой критике подвергает Чернышевский Прудона. Он тонко выявляет особенности Прудона как идеолога промежуточных классов. Кто такой Прудон, говорит Чернышевский, «социалист или не социалист, коммунист или не коммунист — этого никто из континентальных политико-экономов не умеет разобрать, да и сам Прудон, быть может, не знает определенно»¹. Неизбежная противоречивость взглядов Прудона, который критиковал и капитализм и социализм и сочинял мелкобуржуазные проекты, нашла убийственную оценку у Чернышевского: Прудон, писал Чернышевский, «был невежда и нахал, кричавший без разбора всякую чепуху, какая забредет ему в голову из какой газеты ли, идиотской ли книжонки, умной ли книги, этого различать он не мог, по недостатку образования»².

Совершенно иначе относился Чернышевский к великим представителям утопического социализма. Когда Чернышевский сплошь и рядом говорит о новой теории, противопоставляя ее старой теории, он имеет в виду утопических социалистов, которые подвергли критике капитализм и выдвинули идею социализма и коммунизма.

Чернышевский рассматривает социализм преимущественно с его экономической стороны. «Сущность социализма, — писал он, — относится собственно к экономической жизни»³.

Отмечая, что в фурьеризме налицо энциклопедический охват всех сторон общественной жизни, Чернышевский тем не менее отмечает, что «фурьеризм уже прямо занимается всего более экономической стороною жизни»⁴. Наконец, он отмечает, что «нынешний социализм все свое содержание ограничивает экономической стороною жизни, точно так же как

¹ П. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 349.

² П. Г. Чернышевский, Письмо О. С. и А. Н. Чернышевским 24 ноября 1873 г., Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 550.

³ П. Г. Чернышевский, Подстрочные примечания к переводу Милля. Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 828.

⁴ Там же, стр. 829.

политическая экономия»¹. Таким образом, естественно, что идеи утопического социализма он рассматривал как ступень в развитии экономических идей. При этом для Чернышевского это была высшая ступень, поскольку она отвергала капиталистический строй и выдвигала на его место социализм и коммунизм, которые, по Чернышевскому, представляют собой реализацию коренных начал экономической науки.

Успех идей социализма Чернышевский связывал с развитием сознания трудящихся. Вместе с тем самым большим пороком утопического социализма он считал оторванность этого учения от движения масс.

Высоко оценивая учения Сен-Симона, Фурье, Оуэна, как учения, открывающие новую эру в идейном развитии общества, Чернышевский с большой силой вскрывает слабую сторону утопического социализма: игнорирование им политической борьбы, игнорирование масс, через борьбу которых только и могла, по Чернышевскому, осуществиться мечта утопических социалистов.

В частности, рассматривая учение Сен-Симона, Чернышевский отмечает общий порок всего утопического социализма — непонимание исторической силы движения трудящихся. Учение Сен-Симона, писал Чернышевский, основано «на мысли, что опека высших над низшими может быть полезна для низших...»² Попытки опеки над трудящимися Чернышевский рассматривает как кукольную комедию. Победа социализма, считает он, придет тогда, «когда станет рассудительно заботиться о своем благосостоянии тот класс, с которым хотели играть кукольную комедию сен-симонисты, тогда, вероятно, будет лучше ему жить на свете, чем теперь»³.

Таким образом, Чернышевский подверг глубокому анализу все основные направления экономической мысли, начиная с меркантилистов. Этот анализ не имел у него самодовлеющего значения. Он был поставлен на службу задачам революционной борьбы крестьянства за ликвидацию крепостничества, а вместе с тем служил борьбе за победу социалистических идей над идеями буржуазной экономической мысли, все потуги которой заключались в конечном счете в том, чтобы оправдать одну определенную историческую форму рабства — наемное рабство. Чернышевский был одним из великих борцов и против этой формы рабства. Этому служил и его анализ экономических идей.

¹ Н. Г. Чернышевский, Подстрочные примечания к переводу Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 830.

² Н. Г. Чернышевский, Июльская монархия, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 157.

³ Там же, стр. 185.

9. ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Своеобразие тех исторических условий, в которых созрела экономическая теория Чернышевского, а также ее классовая основа, дают ключ к пониманию исторического места экономического учения Чернышевского. По своему объективному классовому содержанию экономическая теория Чернышевского является теорией *крестьянской* революционной демократии. Она знаменует собою высший пункт развития допролетарской революционной теории.

Объективным содержанием домарксовых революционных теорий является буржуазно-демократическое преобразование общества. Однако возможны два различных по классовой основе типа буржуазно-демократических революционных преобразования. Один тип предполагает в буржуазно-демократической революции защиту интересов буржуазии в первую очередь, другой тип предполагает защиту интересов прежде всего основного угнетенного класса крепостнического общества — крестьянства. Степень демократичности и глубины революционного преобразования предопределяется типом буржуазного преобразования, природой класса, являющегося двигателем и творцом революционного преобразования.

Чернышевский явился представителем наиболее последовательного, наиболее демократического типа буржуазного революционного преобразования феодального общества. Революционные преобразования феодального общества предполагают изменение широкого круга феодальных отношений. Они предполагают замену принудительного труда наемным трудом, смену отношений монополий и привилегий отношениями свободной конкуренции. Однако революционные преобразования оказываются наиболее глубокими, когда они касаются самой основы феодального строя — феодальной земельной собственности. Обычно буржуазные революции так или иначе преобразовывают отношения земельной собственности. Но наиболее глубокими эти преобразования бывают тогда, когда они сопряжены с коренными изменениями в отношениях земельной собственности, приводящими к изменению в строе земледельческого производства. Чернышевский был теоретиком именно такого революционного преобразования, суть которого заключалась в замене помещичьего хозяйства свободным самостоятельным крестьянским хозяйством. Эта цель достигалась путем революционной ликвидации помещичьей земельной собственности.

Однако объективное содержание теории крестьянской революции, ее объективный реальный результат не должен затем-

нить от нас всю сумму теоретических положений, развитых в защиту этой теории, рамки которой значительно шире ее объективного содержания. Теоретические инструменты, приведенные в движение для обоснования теории крестьянской революции, выходят за рамки задач крестьянской революции, и их значение с точки зрения развития революционной теории выходит за рамки обоснования теории Чернышевского. Поэтому рассмотрение значения теории Чернышевского не может быть ограничено рамками проблематики крестьянской революции, хотя она вырабатывалась в ходе обоснования крестьянской революции и крестьянского социализма.

Тот факт, что революционная теория демократического преобразования, развитая Чернышевским, неразрывно связана у него с обоснованием социалистического преобразования общества, не является случайным. Он вытекает из того, что теория буржуазного революционного преобразования исходит в данном случае от представителя борющегося против крепостничества крестьянства, еще не разложившегося на капиталистические полюсы. Борьба за ликвидацию крепостнической эксплуатации неизбежно связывается у идеологов крестьянства с борьбой против всякой формы эксплуатации. В этом специфическое отличие крестьянской антикрепостнической борьбы от буржуазной антикрепостнической борьбы.

Особенности крестьянской антикрепостнической борьбы находят свое наиболее яркое выражение в теории Чернышевского, в которой слияние социализма и демократии выражено наиболее очевидно.

В антикрепостнической борьбе предельным является демократизм крестьянский. Сила последнего возрастает в результате слияния его с социалистическими идеями, независимо от объективного содержания этих социалистических идей. Борьба против крепостничества сливается идеологически с борьбой и против капитализма, против основ буржуазной идеологии. Буржуазная по своей природе, по своему объективно возможному результату борьба сливается с борьбой против буржуазной идеологии.

В этом — сложность воззрений Чернышевского и в этом — причина трудностей в анализе как содержания его теории, ее корней, так и ее исторического места.

Нельзя понять сущность теории Чернышевского во всех ее звеньях, если ограничиться простой констатацией ее классовой основы. Теперь этот вопрос не может вызывать каких-либо споров в лагере марксистов. Чернышевский корнями уходит в борьбу крестьянских масс России против крепостничества. Но идейное оружие, выработанное Чернышевским, имея в качестве материальной опоры крестьянскую борьбу против крепо-

стничества, может быть понято только в связи с теми идейными источниками, которыми он мог воспользоваться в процессе выработки этого оружия. И только в связи с анализом идейных корней может быть правильно оценено все историческое значение его экономической теории.

Чернышевский явился преемником революционных традиций в экономической науке, которые восходят еще к Радищеву и которые были развиты у декабристов, у Белинского и Герцена. Если творчество Белинского и Герцена знаменовало уже *начало* нового, крестьянского этапа в развитии революционной теории, то теория Чернышевского представляет собой *зени*т этой теории домарковского периода. Тот огромный подъем революционной экономической теории, который связан с именем Чернышевского, не может быть понят без учета также опыта развития стран Западной Европы, за которым следили русские экономисты, хотя они полностью и не понимали его закономерностей, а также без учета того научного арсенала, который был создан до Чернышевского западной наукой. При формировании системы воззрений Чернышевского не должны быть сброшены со счетов представители немецкой философии в лице Гегеля и Фейербаха, представители английской классической школы политической экономии, представители утопического социализма. Чернышевский мобилизовал все предшествующее идейное наследство для решения тех исторических задач, которые стояли перед Россией. Он дал освещение и многих таких вопросов, которые объективно в тот период не были актуальными для России, но имели огромное значение для последующего развития революционной теории.

Учение Чернышевского явилось: а) теоретическим обоснованием наиболее последовательной, буржуазно-демократической революции, крестьянской по своему классовому содержанию, и вместе с тем б) наиболее глубокой антибуржуазной теорией домарковского периода.

Глубокий демократизм антикрепостнических задач русской буржуазно-демократической революции, выразителем которого явилось творчество Чернышевского, обеспечивал не только восприятие всех наиболее передовых воззрений, но и возможность значительного продвижения вперед как антикрепостнических, так и антибуржуазных начал революционной экономической теории.

Характер экономического учения Чернышевского не может быть понят в отрыве от объективных задач крестьянской революции в России, которые являются материальными корнями его. Но экономическое учение Чернышевского не может быть понято также без учета развития экономической теории не только в России, но и на Западе до Чернышевского.

Хотя западноевропейские утопические социалистические системы явились своеобразным выражением интересов пролетариата, еще не осознавшего своей исторической миссии, и были, таким образом, выражением интересов более передового класса, чем крестьянство, однако тот факт, что Чернышевский выражал интересы крестьянства в борьбе против прогнившего крепостничества, ликвидацию которого он связывал с борьбой угнетенного класса крестьянства, обеспечивал Чернышевскому возможность даже в рамках крестьянской идеологии во многих отношениях продвинуться далеко вперед по сравнению с западноевропейскими утопистами-социалистами. Это продвижение идет по пути разработки вопроса об антагонистичности отношений эксплуататорских обществ, непримиримости противоречий классов как феодального, так и капиталистического общества. Подробная и всесторонняя разработка этого положения имеет огромное значение с точки зрения разработки основ революционной экономической теории, служащей как антикрепостнической борьбе, так и задачам антикапиталистической революции.

Можно утверждать, что никто до Маркса так глубоко и всесторонне не разработал проблему антагонистичности экономических отношений крепостнического и капиталистического обществ, как Чернышевский. Поэтому антикрепостническая по своему объективному содержанию теория Чернышевского явилась также ступенью к дальнейшей разработке учения о капиталистическом способе производства, к уяснению его основных противоречий, к разработке вопроса о неизбежной гибели капитализма.

Несмотря на наличие внеисторизма в формально декларируемом Чернышевским методе экономической науки, он продвинулся дальше всех своих предшественников в понимании историчности законов экономики и показал весьма существенные различия разных способов производства. Анализ крепостничества и его противоречий в трудах Чернышевского высоко поднялся над тем, что было дано до него в России и на Западе. Чернышевский нащупал главные черты феодального общественного строя и показал, что развитие этого строя неизбежно ведет к обострению противоречий между основными классами феодального общества.

Выдвижение на передний план крестьянства в условиях антифеодальной борьбы, разработка вопроса о преимуществах самостоятельного крестьянского хозяйства по сравнению с помещичьим имели огромное научное значение для обоснования самой демократической, самой революционной ломки устоев феодального строя. Это была теория наиболее прогрессивной формы перехода от крепостничества к капитализму.

Будучи глубоким критиком капитализма, Чернышевский противопоставил капитализм крепостничеству, как более высокую экономическую форму, обеспечивающую более быстрый рост производительных сил. Таким образом, критика крепостничества была переведена с плоскости сентенций и морализирования на плоскость научной оценки разных экономических форм, как форм развития производительных сил.

Не будучи вооруженным учением о способе производства, Чернышевский все же глубоко проник в сущность капиталистического строя. Ему удалось выявить некоторые важные тенденции капиталистического способа производства. С этой точки зрения должно быть отмечено его учение о неизбежности обнищания рабочего класса в условиях капитализма. Опираясь на учение классиков буржуазной политической экономии, особенно Рикардо, о противоположности интересов классов в условиях капиталистического общества, Чернышевский далеко продвинул это учение по сравнению с Рикардо. Тогда как Рикардо видел основное противоречие буржуазного общества в отношениях между буржуазией и классом землевладельцев, Чернышевский, во-первых, показал, что Рикардо не выявил всего значения частной земельной собственности в условиях капитализма, поскольку он игнорировал ренту с худшего участка, во-вторых, — и это главное — Чернышевский стремился показать, что основное противоречие пролегает между буржуазией и рабочим классом.

Чернышевский глубже, чем его предшественники, выявил механизм действия закона меновой стоимости, закона конкуренции и связывал кризисы с основами механизма капиталистической конкуренции. Он не дошел до понимания основного противоречия капитализма, однако избежал не только рикарддианского отрицания всеобщих кризисов, но и сисмондистского объяснения кризисов недопотреблением.

Крупнейший шаг вперед сделан Чернышевским в деле обоснования социализма. Его самая сильная сторона здесь не в характеристике основных черт социализма, а в разработке вопроса о *пути перехода к социализму*. Его достижения в этой области идут в двух направлениях.

Чернышевский рассматривает социализм не как результат убеждения людей в выгодности социалистических форм экономики, а как результат борьбы общественных классов, заинтересованных в социализме, против общественных классов, заинтересованных в сохранении капиталистических порядков.

Чернышевский развил диалектику смен общественных форм и показал, что установление общественной собственности есть необходимая ступень в диалектическом процессе исторического развития человеческого общества.

Каковы бы ни были недостатки отдельных элементов его учения о переходе к социализму, Чернышевский пытался научно доказать неизбежность наступления социалистического экономического строя, как закономерного итога исторического развития. И в этом его отличие от предшественников.

Таким образом, социализм превращался из желательного общественного строя в строй, который неизбежно должен явиться на смену капитализму.

Вопрос о переходе к социализму был поставлен Чернышевским применительно к странам с разным уровнем экономического развития. Это способствовало научно обоснованной постановке вопроса о возможности некапиталистической эволюции отдельных стран в известных исторических условиях. Хотя решение этой проблемы не могло быть дано Чернышевским, однако научно обоснованная постановка этой проблемы, ставшей на другой исторической ступени одной из важнейших проблем революционного утверждения социалистической системы производства, имело огромное историческое значение.

Следовательно, можно утверждать, что Чернышевский поднялся над уровнем всех своих предшественников как в анализе и критике крепостничества и капитализма, так и в анализе условий и путей перехода к социализму.

Это обстоятельство и делает Чернышевского величайшим представителем экономической теории домарковского периода. Ленин, характеризуя Чернышевского и других революционных демократов середины XIX в., говорил о них, как о предшественниках русской революционной социал-демократии.

Экономическая теория и программа Чернышевского, как бы ограниченность исторических условий классовой борьбы ни сказывалась на отдельных их звеньях, прокладывали пути к марксизму. Теория Чернышевского не противостояла марксистской теории, а была исторически необходимой в России формой движения на путях к высшей революционной теории — к марксизму. Но хотя она и была порождена специфическими условиями России, она явилась также движением вперед всей мировой экономической науки домарковского периода. Чернышевский поднялся не только над своими предшественниками из круга дворянских революционеров России, но и над буржуазной экономической наукой и над экономическими теориями западноевропейского утопического социализма. Его учение о неизбежности крушения капитализма под ударами борьбы угнетенных классов явилось крупным шагом на пути от утопического социализма к научному социализму.

Глава двадцать девятая

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

изменный путь и творческая деятельность Н. А. Добролюбова были крайне кратковременными — смерть оборвала жизнь этого замечательного человека в возрасте 25 лет. Несмотря на это, Добролюбов в истории русской общественной мысли стоит в одном ряду с такими великими деятелями русского народа, как Н. Г. Чернышевский.

Классики марксизма-ленинизма, оценивая русских деятелей периода падения крепостного права, всегда называли имя Добролюбова рядом с именем Чернышевского. Этим подчеркивалось не только единство их взглядов, но и самостоятельное значение каждого из этих великих представителей передовой русской общественной мысли.

Созданные Добролюбовым произведения по самым различным вопросам материалистической философии, литературной критики, эстетики, педагогики, права и экономики позволяют выделить его как человека, внесшего значительный вклад в развитие русской революционно-демократической мысли. Он по праву считается соавтором теории крестьянской революции, которая создавалась Н. Г. Чернышевским и под флагом которой спланивались антикрепостнические силы той эпохи.

Николай Александрович Добролюбов родился 5 февраля 1836 г. в Нижнем Новгороде, в семье священника. По окончании нижегородской семинарии в 1853 г. поступил в Главный педагогический институт в Петербурге. Здесь, на студенческой скамье, под влиянием обострившейся классовой борьбы формируется его революционно-демократическое мировоззрение. Ненависть к крепостническому режиму, желание самыми решительными мерами содействовать освобождению народа дают направление всей его теоретической и практической деятельности. Он с жадностью впитывает последние достижения передовой русской и западноевропейской общественной мысли. Еще будучи студентом 3-го курса, он пишет статью, которая была

высоко оценена вождем русской революционной демократии Н. Г. Чернышевским и опубликована на страницах «Современника». С 1857 г. Добролюбов становится сотрудником этого журнала и вскоре занимает в нем руководящее положение, возглавив литературно-критический отдел. «Этот человек обладает великим умом и талантом»¹, — писал о нем Чернышевский.

Между Чернышевским и Добролюбовым в «Современнике» установилось определенное разделение труда. Общим для них обоих являлось желание разработать и теоретически обосновать программу революционной ломки всех крепостнических устоев. Но Чернышевский в своих работах основной упор делал на *экономическое* обоснование крестьянской революции — им разрабатывалась детальная программа экономических преобразований страны. Добролюбов же выдвигал на первый план вопрос о *политических* предпосылках ликвидации крепостничества. Он настойчиво искал те общественные силы, которые смогут последовательно и до конца бороться с крепостничеством. Вряд ли у кого из других русских демократов той эпохи мы найдем такой глубокий и всесторонний анализ политического поведения различных социальных групп русского общества, как это имеет место в работах Добролюбова. Им ярко раскрыта политическая линия крепостников, либерального дворянства, русского купечества, русской промышленной буржуазии, интеллигенции, крепостного крестьянства.

Уже сам главный предмет исследований Добролюбова — политическое поведение различных социальных групп русского общества — неизбежно требовал постановки ряда экономических вопросов. К тому времени русская общественная мысль в лице Чернышевского, обобщая опыт развития классовой борьбы на Западе и в России, прочно становилась на ту точку зрения, что политическое поведение различных социальных групп определяется их экономическим положением и экономическими интересами. Добролюбов воспринимает этот важный тезис и активно использует его в своих исследованиях.

Он глубоко понимает, что коренная причина всех столкновений людей в обществе лежит в области экономики. «Давно замечен разлад человека со всем окружающим... Но причины разлада искали прежде то в таинственных силах природы, то в дуалистическом устройстве человеческого существа... Теперь более простой взгляд входит в общее сознание: обращено вни-

¹ Н. Г. Чернышевский, В изъявление признательности. Письмо к. 3-му, Полное собрание сочинений, т. X, стр. 121.

мание на распределение благ природы между людьми, на организацию общественных отношений»¹.

Добролюбов высоко оценивает место и значение политической экономии. По его мнению, она «составляет науку, служащую венцом всех так называемых общественных наук»².

Понимая, что политическая экономия ведет речь о самых коренных вопросах отношений между людьми, Добролюбов подходит к правильному выводу, что эта наука носит классовый характер, что не может быть экономической науки, приемлемой для всех классов. Он уличает буржуазную политическую экономию в том, что вся она построена на защите интересов буржуа и игнорировании коренных интересов народных масс. «Политическая экономия, гордо провозглашающая себя наукою о народном богатстве, в сущности заботится только о возможно выгоднейшем употреблении и возможно скорейшем увеличении капитала, следовательно, служит только классу капиталистов, весьма мало обращая внимания на массу людей бескапитальных, не имеющих ничего, кроме собственного труда»³.

Подобно Чернышевскому, Добролюбов выдвигает идею о необходимости создания политической экономии трудящихся — «людей бескапитальных». Он предлагает провести «народную точку зрения» через все общественные науки, последовательно разоблачать теории господствующих классов, противопоставляя им коренные интересы трудящихся.

Сам Добролюбов последовательно придерживается этой позиции при оценке всех событий его времени. С этих позиций он рассматривает и основные экономические проблемы: дает оценку крепостничества и капитализма, намечает аграрную программу, решает вопрос о путях дальнейшего развития России.

* *
*

К тому времени, когда Добролюбов выступил на арене общественно-политической и теоретической деятельности, передовой русской общественной мыслью было уже многое сделано для раскрытия сущности, основных черт и исторической ограниченности феодально-крепостнической системы хозяйства. Особенно

¹ Н. А. Добролюбов, Стихотворения Ивана Никитина, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 2, Государственное издательство художественной литературы, 1935, стр. 585.

² Н. А. Добролюбов, О степени участия народности в развитии русской литературы, Полное собрание сочинений в 6 томах, том 1, стр. 229.

³ Там же, стр. 211.

глубокая и всесторонняя критика крепостнической системы содержалась в произведениях Н. Г. Чернышевского. Добролюбов во всех основных пунктах присоединяется к оценкам своего друга и соратника. Вместе с тем он полагал, что в их время главная задача заключается не в дополнительном анализе крепостнической системы, а в разработке и практическом осуществлении конкретных мер по ликвидации этой системы. Он резко критиковал либералов за их настойчивое пережевывание давно известных истин о несостоятельности крепостничества в условиях, когда требовалось принимать решительные меры для ликвидации этого строя. Однако, придерживаясь этой мысли, сам Добролюбов не упускал ни одной возможности для дискредитации в глазах читателей всего существующего экономического и политического строя современной ему России.

Добролюбов заклеил крепостничество как систему термином «дармоедство», понимая под этим жесточайшую эксплуатацию помещиками крестьянских масс, безвозмездное присвоение результатов чужого труда.

Самодержавно-крепостнический строй он характеризовал термином «самодурство», имея в виду систему гражданского неравноправия, беззакония и произвола со стороны господствующих классов по отношению к народу.

«Дармоедство» и «самодурство», взятые в единстве, образуют «темное царство». Этим термином характеризовался весь общественно-политический и экономический строй крепостнической России с его беспощадной эксплуатацией человека человеком, бесправием, беззаконием, произволом, издевательствами над простыми людьми.

Добролюбов правильно отмечал, что в единстве «дармоедства» и «самодурства» решающая роль принадлежит «дармоедству», т. е. экономической стороне. Пока не ликвидировано «дармоедство» не может быть речи и о ликвидации «самодурства». Но, с другой стороны «самодурство» усиливает и охраняет «дармоедство». Так Добролюбов выражает свою мысль о том, что крепостническая система породила и соответствующий самодержавно-бюрократический государственный аппарат, призванный охранять эту систему, что нельзя ликвидировать крепостничества, не ликвидировав его политической опоры — царского самодержавия.

Добролюбов не ограничился лишь простой констатацией того факта, что крепостническая система является системой эксплуататорской. Он пытался в какой-то мере решить вопрос о том, что является основой этой эксплуатации.

Известно, что для либералов сущность крепостнических отношений сводилась к юридической зависимости крестьян от помещиков. Главной отличительной чертой существовавших в

России хозяйственных отношений они считали личную зависимость крестьян от помещиков.

Н. Г. Чернышевский убедительно опроверг такую постановку вопроса. Не отрицая огромного значения личной зависимости, он доказал, что в крепостных отношениях главное — это экономическая, а не юридическая сторона. Прежде всего монополия помещицкой собственности на землю. С точки зрения Чернышевского, ликвидация только юридической зависимости крестьян от помещиков; не подкрепленная ликвидацией помещицкой собственности на землю; не устранил крепостнических отношений, а приведет к сохранению их в несколько иной форме.

Формально у Добролюбова в ряде статей на первый план выдвигается юридическая сторона — личная зависимость крестьян от помещиков и принудительный труд. Однако по существу он понимает, что основой могущества феодальной аристократии является «поземельная собственность и родовые привилегии»¹. В своих программных требованиях он не ограничивается постановкой вопроса об освобождении личности, а выступает также за радикальное решение земельного вопроса. И здесь особенно ясно обнаруживается единство его позиции с позицией Чернышевского.

Добролюбов полностью разделяет взгляды Чернышевского и его предшественников о том, что крепостное хозяйство является серьезным тормозом развития производства. Он считает принудительный труд малоэффективным, отличающимся низкой производительностью, ибо у крепостного крестьянина нет никаких стимулов к работе на эксплуататора. По мнению Добролюбова, при крепостном праве неизбежно приходят в упадок как помещицьи хозяйства, основанные на крепостном труде, так и крестьянские хозяйства, задавленные крепостнической эксплуатацией. Подобно Чернышевскому, Добролюбов расценивает крепостничество, как коренную причину отсталости страны во всех отношениях.

По мнению Добролюбова, крепостническая система не допускает рационального ведения хозяйства; в ней отсутствует какой-либо экономический расчет; здесь «никакие экономические соображения о труде, задельной плате и т. п. не могли иметь места»². Здесь все подчинено грубому произволу, принуждению, дисциплине палки; у производителя нет никаких стимулов к совершенствованию производства. При такой системе неизбежны классовые антагонизмы между помещиками и кре-

¹ Н. А. Добролюбов, Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 4, стр. 16.

² Н. А. Добролюбов, Деревенская жизнь помещика в старые годы, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 1, стр. 257.

стьянством. Невыносимые условия труда и жизни неизбежно ставят крестьянство на путь борьбы за уничтожение крепостного гнета. Таким образом, крепостническая система должна обязательно погибнуть. Она противоречит интересам трудящихся, их «естественным правам и требованиям».

Добролюбов мечтает о такой экономической системе, при которой было бы обеспечено быстрое развитие производства и рост благосостояния народа, при которой отсутствовали бы эксплуататоры-«дармоеды». В основе такой системы должен лежать «не принужденный труд без вознаграждения, а свободная, живая деятельность, полная радостных надежд на собранные плоды, на неотъемлемую, собственную жатву того, что посеяно»¹. Иначе говоря, идеалом Добролюбова является общество, в котором отсутствует эксплуатация, а все плоды труда достаются тому, кто трудится. Его программные положения по крестьянскому вопросу сводятся к тому, чтобы помещичий класс был ликвидирован и центральной фигурой в экономике страны стало бы трудящееся крестьянство. Формально Добролюбов говорит о «естественных» правах и требованиях человеческой природы вообще, по существу же за ними скрываются типичные требования крестьянских масс. Так, он считает «естественным» требование человека, «чтоб его никто не стеснял, чтоб предоставили ему пользоваться его личными неотъемлемыми средствами и безмездными, никому не принадлежащими, благами природы...»²

Подчеркнутые слова ясно выражают антикрепостническое существо «естественных» требований человека. Требование свободы деятельности означает не что иное, как требование ликвидировать личную зависимость крестьян от помещиков. Требование пользоваться «безмездными, никому не принадлежащими, благами природы», т. е. фактически землей, означает прямой поход против монополии помещичьей собственности на землю. В завуалированной форме здесь говорится о переходе земли в руки крестьянства «безмездно», т. е. без всякого выкупа, поскольку «блага природы», т. е. земля, никому не принадлежат. Здесь, следовательно, в принципе отвергается правомерность притязаний помещиков на землю и выкуп. По существу Добролюбов отстаивает ту же программу, которую развивал и Чернышевский: вся земля — мужицкая, никакого выкупа.

Добролюбов полагал, что ликвидация крепостничества на таких условиях приведет к быстрому подъему крестьянского

¹ Н. А. Добролюбов, Деревенская жизнь помещика в старые годы, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 1, стр. 274.

² Н. А. Добролюбов, Благонамеренность и деятельность, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 2, стр. 246. Курсив мой.— Н. Х.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

хозяйства, росту производительности труда, ибо создаст у непосредственных производителей мощные стимулы к труду — труду на себя. «Теперь ведь уже *весь* труд освобожденного работника — *его*, ему принадлежит неотъемлемо; значит, чем больше он потрудится, тем больше и приобретет, тем лучше будет и его положение»¹.

Объективно во всех этих рассуждениях Добролюбова выражена борьба за крестьянский тип буржуазного развития, т. е. такой путь, при котором решительно устраняются крепостнические формы производства и центральной фигурой в земледелии становится трудящееся крестьянство. Это была революционная программа, прямо противоположная программам либералов и крепостников, готовившим реформу.

Вместе с Чернышевским Добролюбов боролся за революционный срыв реформы, критиковал болтунов-«либералов», разоблачал их антинародную сущность, предательскую тактику. В. И. Ленин с особенным вниманием подчеркивал именно эту сторону деятельности великих русских революционных демократов: «Последовательные демократы Добролюбов и Чернышевский справедливо высмеивали либералов за *реформизм*, в подкладке которого было всегда стремление укоротить активность масс и отстоять кусочек привилегий помещиков, вроде выкупа и так далее»².

* *
*

Борьба с крепостничеством неизбежно подводила революционных демократов России к вопросу: а что будет вместо него, какой общественный строй?

Опыт Запада говорил о том, что на смену феодальной системе приходит буржуазный строй. Опыт России говорил о начале развития буржуазных форм производства уже в рамках крепостного строя. Вместе с тем опыт Запада ярко показывал эксплуататорскую сущность буржуазного строя, противоречие его интересам трудящихся.

Все это требовало от идеологов русского крепостного крестьянства развернутого анализа и оценки капиталистического строя. Всесторонне и глубоко эта задача решалась в произведениях Чернышевского. Но и у Добролюбова мы встречаем немало оригинальных мыслей о капиталистической экономике.

Первое, что характеризует взгляды Добролюбова на капитализм, — это исторический подход к оценке данной общественной системы. Добролюбов резко критикует как тех авторов,

¹ Н. А. Добролюбов, Черты для характеристики русского простонародья, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 2, стр. 276..

² В. И. Ленин, Либералы и свобода союзов, Соч., т. 19, стр. 55.

которые подвергали буржуазный строй полному отрицанию, так и тех, кто видел в нем идеальные и вечные черты. Для него буржуазный строй — это система более прогрессивная по сравнению с феодализмом. И в то же время эта система — не «идеальная» и не «вечная»: она сама должна быть сменена еще более прогрессивной — социалистической системой.

Когда раздавалась критика в адрес буржуазии с целью возвеличения российских крепостников, Добролюбов отвечал резкими и решительными возражениями. Как ни ругайте буржуа, они сделали больше, чем представители феодального класса. «Наши мечтатели о богатстве, — писал он, — большею частью ухватываются за рутинные средства, берут то, что под рукою и что плохо лежит... Между тем, англичанин в своих соображениях — изобретет несколько машин, переедет несколько раз все океаны, оснует несколько колоний, устроит несколько фабрик, сделает несколько громадных оборотов... То же надо сказать и о французах: мы напрасно так уж наповал и осуждаем их, как пустозвонов»¹.

Прогрессивные стороны результатов господства буржуазии Добролюбов сводил к следующим основным пунктам:

Во-первых, господство буржуазии было связано с техническим прогрессом, развитием промышленности, науки и знаний.

Во-вторых, с господством буржуазии связано появление крупного машинного производства, обладающего высокой производительностью труда и позволяющего резко увеличить силы человека в борьбе с природой.

В-третьих, при буржуазном строе действует закон конкуренции, заставляющий всех заботиться об улучшении результатов производства и содействующий быстрому экономическому развитию. «Торговые интересы, при обширной конкуренции, непременно должны способствовать совершенству фабрикации»².

В-четвертых, буржуазный строй заменил принудительный труд, типичный для феодализма, вольнонаемным трудом. «Все согласны в том, что вольнонаемный труд несравненно скорее и выгоднее обязательного»³.

Видя прогрессивные стороны буржуазных форм производства и настойчиво подчеркивая их в полемике с апологетами крепостничества, Добролюбов одновременно вел ожесточенную борьбу и с буржуазными экономистами, идеализировавшими экономику капитализма. Он ярко и убедительно показывал

¹ Н. А. Добролюбов, Забытые люди, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 2, стр. 400.

² Н. А. Добролюбов, Уличные листки, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 3, стр. 389.

³ Н. А. Добролюбов, Черты для характеристики русского простонародья, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 2, стр. 272.

ограниченность буржуазных экономических форм, их противоречие интересам трудящихся. Одна из его центральных идей сводится к тому, что технический прогресс, развитие крупного машинного производства и конкуренции неизбежно привели на Западе к резкому ухудшению положения широких трудящихся масс. Весь путь становления и развития буржуазных форм производства на Западе — это путь массового разорения и пролетаризации широких трудящихся масс, с одной стороны, в баснословного обогащения, усиления экономической и политической мощи буржуазии — с другой. Придя на смену феодалам, буржуазия не ликвидировала эксплуатацию человека человеком, а лишь сделала ее «более ловкою и утонченною». Принцип эксплуатации остается в Западной Европе «основанием почти всех общественных отношений»¹.

Буржуазное общество делится на людей, сосредоточивших в своих руках все капиталы, и на людей «бескапитальных», обладающих только своим трудом. В руках мещанского сословия (т. е. буржуазии) монополизирована вся «промышленная область». Рабочий класс вынужден продавать свой труд капиталистам. Между буржуазией и рабочим классом неизбежно устанавливаются неравноправные отношения. Более того — это отношения антагонистические, непримиримые. «Хозяин смотрел на своих работников, как на вьючных скотов, которые обязаны за кусок насущного хлеба работать на него до истощения сил; работники в свою очередь видели в хозяине своего злодея, который истощает и мучит их, пользуется их трудами и не дает им ни малейшего участия в выгодах, ими же ему доставляемых»².

Добролюбов глубоко понимает, что такой характер отношений не является случайным или временным, он вытекает из коренной противоположности экономических интересов буржуазии и рабочего класса. Буржуа заинтересованы в обогащении, а источником этого обогащения служит труд рабочего класса. Эксплуатация рабочих — это коренное основание всех отношений между буржуазией и пролетариатом. «Чужой труд, — пишет он о капитализме, — ловко эксплуатируемый человеком, делается для него источником богатства, не хуже откупа»³.

Тезис буржуазных апологетов о том, что с развитием капитализма положение рабочего класса должно улучшаться, встречается Добролюбовым в штыки. Он делает оригинальную по-

¹ Н. А. Добролюбов, «От Москвы до Лейпцига» И. Бабста, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 4, стр. 394.

² Н. А. Добролюбов, Роберт Овэн и его попытки общественных реформ, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 4, стр. 5.

³ Н. А. Добролюбов, Счастье не за горами, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 5, стр. 359.

пытку экономически доказать неизбежность ухудшения положения трудящихся в рамках буржуазного общества. Тенденция развития капитализма, по его мнению, заключается во все более сильном закабалении наемного труда капиталистами. Аргументацию Добролюбова можно свести к двум основным положениям.

Во-первых, с развитием крупного капиталистического производства идет неизбежный процесс разорения огромного числа мелких производителей, не выдерживающих конкуренции, превращающихся в пролетариев и вынужденных идти в наем к капиталистам. Предложение труда все время увеличивается, и это ставит рабочий класс в невыгодное положение: он вынужден принимать те условия, которые диктуются классом капиталистов. Конкуренция среди рабочих неизбежно влечет понижение заработной платы. «Сначала, пока машин было немного и совокупность ремесленников могла выдерживать с ними соперничество, положение работников на фабриках было очень сносно. Но соперничество не могло долго продолжаться; скоро работники в избытке стали являться на фабрики, не имея возможности кормиться произведениями одиночной своей работы, сильно упавшими в цене. Тогда, разумеется, заработная плата понизилась, и вскоре работники увидели себя в совершенной зависимости от капиталистов, без всяких средств для противодействия с своей стороны»¹.

Во-вторых, по мнению Добролюбова, ухудшение положения рабочего класса вытекает из самого существа конкуренции между крупными капиталистическими предприятиями. Конкурентная борьба заставляет всех капиталистов удешевлять производство товаров и понижать их цену. А снижение цен на товары означает и неизбежное понижение заработной платы. «Возникшая вскоре конкуренция между капиталистами-промышленниками,— пишет он,— не только не послужила к улучшению положения рабочего класса, но даже сделала его еще хуже. Конкуренция выражалась тем, что производство старались улучшить и удешевить. Таким образом, товары все упали в цене, а сообразно с тем понижалась и заработная плата. О том же, чтобы привлечь к себе работников предоставлением им каких-нибудь преимуществ, никто и не думал: об этой дряни не стоило заботиться; капиталисты знали, что нужда заставит притти к ним каких-нибудь работников даже за самую ничтожную плату»². Добролюбов не развертывает своего тезиса, но из сказанного ясно, что он стоит на позициях Чернышевского. Мысль о неизбежности понижения зарплаты в связи с пони-

¹ Н. А. Добролюбов, Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 4, стр. 15.

² Там же.

жением цен на товары свидетельствует, с одной стороны, о понимании русскими демократами того важного обстоятельства, что величина зарплаты при капитализме не находится в прямой связи с количеством труда, затрачиваемым рабочим, что зарплата не есть плата за труд. Величина зарплаты при капитализме связывается ими со стоимостью средств существования рабочего, и тем самым открывается путь к правильному пониманию проблемы зарплаты. А с другой стороны, и это особенно ясно выражено у Чернышевского, снижение зарплаты в связи со снижением цен товаров рассматривается как важный фактор повышения прибыли капиталистов. Здесь имеет место подход к проблеме относительной прибавочной стоимости. Это лишнее раз говорит о глубине и силе экономической мысли революционных демократов.

Характеризуя положение трудящихся масс при капитализме, Добролюбов не ограничивается только анализом проблемы зарплаты. Он показывает и другие стороны жизни рабочего класса — условия труда, быта, воспитания, обучения и т. д. Во всех случаях он акцентирует внимание на том, что капиталистическая экономика несет для народных масс неисчислимые бедствия и страдания.

Особое внимание при оценке капиталистических форм производства Добролюбов уделил проблеме промышленного переворота. Выбор этой проблемы диктовался не только теоретическими интересами, а был обусловлен и конкретным ходом развития русской экономики. В то время в России в ряде отраслей уже осуществлялся переход от ручного труда к машинному производству, намечались те же самые процессы, которые в развернутом виде имели место на Западе, так что анализ западноевропейского опыта был важен для понимания перспектив развития России.

При анализе промышленного переворота Добролюбов выступает как глубокий экономист. В промышленном перевороте он видит не только техническую сторону. Он понимает, что техническая революция неразрывно связана с коренными изменениями и в экономических отношениях людей, в положении различных классов, условий их жизни и т. д. Важнейшие результаты промышленного переворота он видит в следующих фактах: резко увеличивается экономическая и политическая мощь буржуазии, земельная аристократия оттесняется на второй план; происходит массовое разорение и гибель мелких производителей; все большие массы населения превращаются в наемных рабочих; рабочий класс попадает в экономическую зависимость от капиталистов, его положение быстро ухудшается; происходит серьезное изменение в соотношении городского и сельского населения; все большее количество населения

переходит из деревень в города, сгущается в быстро растущих центрах капиталистической промышленности¹.

Добролюбов понимал, что подобная перспектива развития наметилась и в России, где развивалось крупное капиталистическое производство, создавались акционерные общества. Он понимал прогрессивность этих форм по сравнению с крепостническими и в то же время он уже ясно улавливал, что в России назревает «рабочий вопрос», столь актуальный для Запада. Добролюбов считал, что развивающаяся русская буржуазия по своим экономическим интересам ничем не отличается от западноевропейской и что ее господство в России приведет к тем же последствиям.

Особенно примечательна в этом отношении статья Добролюбова «Опыт отучения людей от пищи». По существу здесь ставится проблема отношений между капиталом и трудом в России, выдвигается «рабочий вопрос», столь подробно анализировавшийся в последующей прогрессивной экономической литературе.

Здесь Добролюбов показывает, как русский миллионер Кокорев, один из учредителей Волго-Донской акционерной компании, под прикрытием либеральной фразеологии проводит в своей практике курс, рассчитанный на самую безжалостную эксплуатацию рабочих. Добролюбов указывает, что Кокорев не одинок, что вся возглавляемая им компания — это объединение капиталистических хищников, стремящихся за счет грабежа рабочих получить большие барыши. Он раскрывает лицемерие русских предпринимателей, которые в печати декларируют необходимость заботы о людях, а на деле безжалостно грабят рабочих. Опираясь на многочисленные факты, Добролюбов рисует ужасное положение рабочих на капиталистических предприятиях — крайне низкий уровень их питания, невыносимые жилищные условия, отсутствие медицинского обслуживания и т. д.

* * *

*

Понимая прогрессивность буржуазного строя по сравнению с крепостничеством, Добролюбов в то же время не мог выступать защитником развития России по капиталистическому пути. Заботясь об интересах народных масс, он стремился найти путь спасения их не только от феодальной, но и от капиталистической эксплуатации. И здесь перед ним возникала проблема: может ли Россия, подобно Западу, пойти по пути быстрого технического прогресса, развития крупного машинного

¹ См. П. А. Добролюбов, Роберт Ован и его попытки общественных реформ, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 4, стр. 16.

производства и в то же время избежать нищеты масс? Можно ли технический прогресс, развитие крупного машинного производства сочетать с ростом благосостояния трудящихся?

Мелкобуржуазные экономисты типа Сисмонди и Прудона на Западе предлагали возврат от крупнокапиталистических форм производства к мелкотоварным. Они были готовы пожертвовать развитием машинного производства ради упрочения положения мелкого производителя. Их программы по существу были и утопическими и реакционными. Добролюбов предлагает иной путь. Он ищет такого решения, при котором были бы сохранены и умножены все плоды крупного машинного производства и одновременно решалась проблема роста благосостояния масс. Он полагал, что решение этой проблемы уже дано опытом западноевропейского развития. Для него опыт Запада — это не только опыт борьбы против феодализма, опыт развития буржуазных форм производства, но и опыт начинающейся на Западе борьбы за коллективные, социалистические формы производства. Запад показывает, что той экономической формой, которая обеспечивает и развитие крупного производства и рост благосостояния трудящихся, является форма «товариществ», «промышленно-земледельческих ассоциаций», основу которых составляет общественная собственность на средства производства.

Форма товариществ необходима для мелких производителей города и деревни. Только объединившись в ассоциации, они смогут вести крупное производство с применением машин и выдерживать конкуренцию частнокапиталистических предприятий. При такой предпосылке для них уже не возникнет опасности разорения и пролетаризации.

Форма ассоциации необходима и для рабочего класса, для «людей бескапитальных», обладающих только своим трудом. Развитие ассоциаций должно привести к ликвидации зависимости рабочих от капитала. Располагая собственными орудиями и средствами производства, объединяясь в производственные товарищества, рабочие уже не будут вынуждены наниматься к капиталистам. Именно в этом прежде всего видит Добролюбов экономическое значение ассоциаций, и именно за это он одобряет проекты Оуэна. «Оуэн,— пишет он,— предлагал завести небольшие общины, устроивши их на основании выработанных им начал, в виде промышленно-земледельческих ассоциаций. Этой радикальной мерой Оуэн думал отвратить бедствие пролетариата, избавивши массу населения от необходимости отдавать свой труд в распоряжение богатых спекуляторов»¹.

¹ Н. А. Добролюбов, Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 4, стр. 18.

Подобно Оуэну и Чернышевскому, Добролюбов полагает, что товарищества трудящихся на каком-то этапе будут сосуществовать с частнокапиталистическими формами производства. Ассоциации предлагаются не взамен капиталистических форм, а наряду с ними, как форма, обеспечивающая самостоятельность трудящихся. Лишь в дальнейшем эта форма полностью вытеснит капиталистические формы, и тем самым будет обеспечено торжество социализма.

Однако, отмечая общую черту воззрений Добролюбова и Оуэна, нельзя не видеть и существенных различий в их постановках вопроса.

Оуэн предлагал широкое распространение ассоциаций на Западе в условиях, когда там уже господствовал капиталистический способ производства. Добролюбов же и Чернышевский предлагают введение ассоциаций в условиях, когда в России капитализм представлял лишь один из укладов экономики и отнюдь не занимал господствующих позиций. В России власть капитала над трудом тогда еще не получила широкого развития. Отсюда и надежды их на то, что при помощи народного государства будет обеспечено более быстрое развитие коллективных форм производства по сравнению с ростом капитализма. База для развития капитализма будет суживаться, так как по мере развития товариществ будет сокращаться число наемных рабочих. Россия, таким образом, получает возможность «облегченным» и «сокращенным» путем прийти к социализму.

Быстрое разорение мелких производителей на Западе при переходе от феодализма к капитализму было вызвано, по мнению Добролюбова, в частности, тем, что «дух ассоциации не проник еще тогда в промышленность»¹. Россия должна учесть этот опыт в своем развитии. Здесь борьба против крепостничества должна слиться с борьбой за широкое развитие товариществ трудящихся в противовес капиталистическим формам.

В отличие от Оуэна, полагавшего, что развитие ассоциаций возможно в рамках буржуазного строя, с помощью буржуазного государства и самих господствующих классов, Добролюбов и Чернышевский считали, что развитие ассоциаций станет возможным лишь на основе народной революции, перехода власти в руки народа.

По мнению Добролюбова, развитие в России «промышленно-земледельческих ассоциаций» будет значительно облегчено наличием крестьянской общины. Он полностью разделял взгляды Чернышевского на общину, ее место и значение в будущем развитии на пути к социализму. Об этом он прямо и неоднократно

---

¹ Н. А. Добролюбов, Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 4, стр. 15.

высказывался в печати. Появившееся за последние годы в нашей печати утверждение, что Добролюбов не придавал такого значения общине, как Чернышевский, противоречит высказываниям самого Добролюбова. В статье «Литературные мелочи прошлого года» он решительно выступил против тех авторов, которые не считали вопрос об общине «ни важным, ни современным». Он желает, чтобы пошел «серьезный» разговор об общинном владении. Добролюбов высоко оценил цикл статей Чернышевского об общинном владении и ни в одном из пунктов не выражает своего несогласия с ним¹. В статье «Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии» Добролюбов в совершенно ясной форме высказывает мысль о том, что разрушение общины и переход к частной собственности на землю неизбежно вызывают быстрое разорение широких трудящихся масс. Он считает необходимым сохранить общину в условиях развивающихся капиталистических форм производства².

В другой статье Добролюбов прямо пишет, что «нашему крестьянину вовсе не противен дух общины», ему «нельзя отказать и в духе братства и товарищества»³.

Как и Чернышевский, Добролюбов не идеализировал общину, не считал ее готовой формой социализма. Но в полном соответствии со взглядами своего друга он полагал, что нельзя допускать разрушения русской общины, ее нужно сохранить, ибо она является той формой, которая облегчает переход к «промышленно-земледельческим ассоциациям». И хотя у Добролюбова сравнительно мало высказываний об общине, по существу он придает ей такое же огромное значение, как и Чернышевский. Он мало писал по данному вопросу не потому, что считал его неважным, а потому, что об общине подробно писал в «Современнике» Чернышевский.

Понимание Добролюбовым путей развития России совпадает с пониманием этого вопроса Чернышевским. Оба исходят из того, что идеалом трудящихся масс являются социалистические формы производства — «товарищества трудящихся», что России необходимо миновать фазу господства буржуазных форм производства. Оба отстаивают облегченный и сокращенный путь развития России к социализму по сравнению с Западом, считают, что движение России к господству социалистических форм должно идти через какой-то период сосуществования коллективных и частнокапиталистических форм производства, т. е. через «переходное состояние». Оба полагают, что Запад тоже

¹ См. Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 4, стр. 83.

² См. Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 3.

³ Н. А. Добролюбов, Черноморские казаки в их гражданском и военном быту, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 4, стр. 273.

движется к социализму, но там это имеет свои особенности. Россия должна воспринять все то ценное, что дал опыт западноевропейского развития, и в то же время избежать ряда «губительных» процессов. «Каждый народ,— писал Добролюбов,— проходит известный путь исторического развития; Запад вступил на этот путь раньше, мы позже; нам остается еще пройти многое, что Западом уже пройдено, и в этом шествии, умудренные чужим опытом, мы должны остеречься от тех падений, которым подверглись народы, шедшие впереди нас»¹. «Что и мы должны пройти тем же путем, это несомненно и даже несколько не прискорбно для нас... Но все-таки наш путь облегчен; все-таки наше гражданское развитие может несколько скорее перейти те фазисы, которые так медленно переходило оно в Западной Европе»².

Некоторые авторы полагают, что Добролюбов, говоря о том, что Россия должна пойти по пути Запада, имеет в виду прохождение России через капиталистическую фазу развития. На этом основании делается противопоставление взглядов Добролюбова взглядам Чернышевского, который, как известно, высказывался за некапиталистический путь развития страны. Однако такое противопоставление неправомерно. И Чернышевский и Добролюбов признавали, что Россия пойдет по пути Запада. Но они никогда не считали, что путь Запада — это путь развития капитализма и только. В их представлении путь развития Запада — это путь борьбы с феодализмом, во-первых, путь борьбы против капитализма за социализм — во-вторых. Опыт Запада — это опыт борьбы за демократию и социализм. Россия не должна точно копировать опыт западноевропейского развития. Она может избежать период господства буржуазных порядков. Вместе с тем она имеет возможность сократить период борьбы за социализм. На Западе период борьбы за демократию по времени был отделен от борьбы за социализм. Сначала — борьба за буржуазно-демократические свободы, затем, после обнажения противоречий капитализма, — новый этап: борьба за социализм. Россия, опираясь на опыт Запада, имеет возможность слить борьбу за демократию с борьбой за социализм и таким образом «облегчить» и сократить свой путь развития к социализму. Именно в этом плане следует понимать тезис Добролюбова о том, что Россия пойдет по пути западноевропейского развития, но облегченным и сокращенным путем. Он не был сторонником прохождения России через капиталистическую фазу развития. Он, как и Чернышевский, боролся за некапиталистический путь развития страны.

¹ Н. А. Добролюбов, «От Москвы до Лейпцига» И. Бабста, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 4, стр. 387.

² Там же, стр. 402.

Доказывая экономическую возможность «облегченного» и «сокращенного» пути развития России, Добролюбов вместе с тем огромное внимание уделял анализу тех политических предпосылок, которые делают возможным данный путь развития.

Центральная идея Добролюбова сводится к тому, что народные массы не получают удовлетворения своих требований из рук господствующих классов — землевладельцев и буржуазии. И те и другие являются эксплуататорами, единым фронтом выступающими против притязаний народных масс. Добролюбов знает, что буржуазия не может мириться с крепостничеством, что ее интересы не совпадают с интересами земельных собственников. На определенном этапе она выступала во главе народных масс против феодализма. Однако антифеодалная борьба под руководством буржуазии ни в одной из стран Западной Европы не привела к полной ликвидации феодализма: феодальные пережитки сохранились во всех странах. «Самая борьба городов с феодализмом была горяча и решительна только до тех пор, пока не начала обозначаться пред тою и другою стороною разница между буржуазией и работником. Как только это различие было понято, обе враждующие стороны стали сдерживать свои порывы и даже делать попытки к сближению, как бы ввиду нового, общего врага»¹.

Это глубокое обобщение имело самое непосредственное отношение к России, где к рассматриваемому времени уже ясно обозначился блок либералов с крепостниками, направленный против крестьянских масс. Добролюбов считал подобный блок не случайностью, а объективно неизбежным фактом. Отсюда и его центральный тезис: для преобразований страны в интересах народных масс нужно самостоятельное революционное действие самих трудящихся против обоих эксплуататорских классов. Пока у власти стоят землевладельцы и буржуазия, ни о каких серьезных преобразованиях не может быть и речи. «Милостыней не устраивается быт человека; тем, что дано из милости, не определяются ни гражданские права, ни материальное положение. Если капиталисты и лорды и сделают уступку работникам и фермерам, так или такую, которая им самим ничего не стоит, или такую, которая им даже выгодна... Но как скоро от прав работника и фермера страдают выгоды этих почтенных господ, — все права ставятся ни во что, и будут ставиться до тех пор, пока сила и власть общественная будет в их руках»².

¹ Н. А. Добролюбов, «От Москвы до Лейпцига» И. Бабста, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. 4, стр. 399.

² Там же, стр. 393.

Единственный выход — взять «силы и власть общественную» в руки самих народных масс. Революцию народных масс Добролюбов считал единственно возможной мерой как против капитализма на Западе, так и против крепостничества в России. Переход власти в руки народа — такова основная политическая предпосылка для обеспечения программы социально-экономических преобразований, выгодных трудящимся массам. И эта мысль красной нитью проходит через все произведения Добролюбова — великого русского революционера и мыслителя.

Как и Чернышевский, Добролюбов не понимал исторической миссии рабочего класса. Его концепция «облегченного» и «сокращенного» пути развития России к социализму на базе крестьянской революции была в своей основе утопической. Но, подобно Чернышевскому, он был не только социалистом-утопистом, но и революционером-демократом. Его общественно-политическая и теоретическая деятельность сыграла огромную роль. Своими произведениями он содействовал воспитанию настоящих революционеров, способных решительно и до конца бороться против крепостничества, защищать интересы трудящихся масс. Его замечательные по глубине статьи вошли в золотой фонд лучших достижений русской общественной мысли.

БИБЛИОГРАФИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX в. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

(К главе 1)

ИСТОЧНИКИ

- Андросов В.*, Хозяйственная статистика России, М. 1827.
Архив Государственного совета, т. IV (Журналы по делам Департамента государственной экономии), ч. I—II, Спб. 1881.
Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год, Спб. 1814.
Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы, Спб. 1816.
Герман К., Статистические исследования относительно Российской империи, ч. I, О народонаселении, Спб. 1819.
Зябловский Е., Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии, кн. I, Спб. 1808; изд. 2, 1815.
Зябловский Е., Российская статистика, Спб. 1832.
«К вопросу об отношениях помещиков к крестьянам», «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива с. е. и. в. канцелярии», вып. 7, Спб. 1895, стр. 165—196, 355—468.
«Материалы для истории освобождения крестьян из крепостной зависимости», «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива с. е. и. в. канцелярии», вып. 4, Спб. 1891, стр. 313—439, 461—474.
Михайлов М., О влиянии машин на народное богатство вообще и на богатство народное отечества нашего в особенности, Спб. 1828.
Пнин И., Опыт о просвещении относительно к России, Спб. 1804, изд. 2, М. 1934.
Полное собрание законов Российской империи (собрание первое — с 1649 г. по 12 декабря 1825 г.), т. XXVI—XL, Спб. 1830.
Протоколы [Негласного] комитета 1801—1803 гг., в кн.: *Великий Князь Николай Михайлович*, граф Павел Александрович Строганов, т. II, Спб. 1903, стр. 61—242.
«Рабочее движение в России в XIX веке», т. I, 1800—1860, ч. I, 1800—1825, сб. документов и материалов, под ред. А. М. Панкратовой, изд. 2, доп., Госполитиздат, М. 1955.
«Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год», Спб. 1830.
Стройновский В., О условиях помещиков с крестьянами, Вильно 1809.
Хавский П., Собрание законов о российских дворянах, Спб. 1823.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. и Энгельс Ф.*, *Немецкая идеология*, Соч., т. 3, изд. 2, стр. 16—78, 182—183, 412—413.
Маркс К., Подготовка крестьянской реформы в России, *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XI, ч. I, стр. 529—531.

Маркс К., Об освобождении крестьян в России, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XI, ч. I, стр. 536—545.

Маркс К., Капитал, т. I, гл. 1, § 4; гл. 4, § 3; гл. 8, § 2; гл. 24, § 1, 2, 4, 6.

Маркс К., Капитал, т. III, гл. 20, 37, 47, 51, 52.

Энгельс Ф., К истории прусского крестьянства, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 239—249.

Энгельс Ф., (О разложении феодализма и развитии буржуазии), *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 440—450.

Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1.

Ленин В. И., Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Соч., т. 1.

Ленин В. И., Развитие капитализма в России, Соч., т. 3.

Ленин В. И., Аграрная программа русской социал-демократии, Соч., т. 6, стр. 91—98.

Ленин В. И., Пятидесятилетие падения крепостного права, Соч., т. 17, стр. 64—67.

Ленин В. И., По поводу юбилея, Соч., т. 17, стр. 84—92.

Ленин В. И., «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, стр. 93—101.

Бакулев Г. Д., Черная металлургия Юга России, под ред. С. Г. Струмилина, М. 1953.

Блюх И. С., Финансы России XIX столетия. История — статистика, т. I, Спб. 1882.

Блюмин И. Г., Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века, гл. I, АН СССР, М.—Л. 1940.

Богданович, История царствования имп. Александра I и России в его время, т. VI, Спб. 1871.

Борисов А., К вопросу о формировании капиталистического уклада в промышленности, «Вопросы истории» № 3, 1950 г., стр. 77—87.

Бржеский Н., Государственные долги России, Спб. 1884.

Гриценко Н. П., Борьба удельных крестьян Среднего Поволжья за землю в конце XVIII — начале XIX века, «Вопросы истории» № 10, 1954 г., стр. 108—115.

Дружинин П. М., Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского, сб. статей «Против исторической концепции М. Н. Покровского», ч. I, АН СССР, М.—Л. 1939, стр. 337—387.

Дружинин П. М., Государственные крестьяне в дворянских и правительственных проектах 1800—1833 гг., «Исторические записки», т. 7, 1940, стр. 149—181.

Дружинин П. М., О периодизации истории капиталистических отношений в России, «Вопросы истории» № 11, 1949 г., стр. 90—106.

Дружинин П. М., О периодизации истории капиталистических отношений в России (к итогам дискуссии), «Вопросы истории» № 1, 1951 г., стр. 56—85.

Злотников М. Ф., К вопросу об изучении истории рабочего класса в промышленности, «Каторга и ссылка», кн. 1(116), М. 1935, стр. 37—65.

Злотников М. Ф., От мануфактуры к фабрике, «Вопросы истории» № 11—12, 1946 г., стр. 31—48.

Игнатович И., Крестьянские волнения первой четверти XIX века, «Вопросы истории» № 9, 1950 г., стр. 48—70.

Ильдова Е. И., Крепостное хозяйство в начале XIX века, По материалам вотчинного архива Воронцовых, АН СССР, М. 1955.

- «История Москвы», т. 3, Период разложения крепостного строя, АН СССР, М. 1954.
- «История СССР», т. 2, гл. I, II, Россия в XIX веке, под ред. М. В. Нечкиной, изд. 3, Госполитиздат, М. 1954.
- Карнович Е. П.*, Замечательные богатства частных лиц в России, Спб. 1874.
- Кауфман И. И.*, Из истории бумажных денег в России, Спб. 1909, стр. 3—68; 233—242.
- Кулишер И. М.*, Торговая политика и финансы Англии в начале XIX в., «Отечественная война и русское общество», т. I, М. 1911, стр. 213—220.
- Лаппо-Данилевский А. С.*, Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России, сб. статей «Крестьянский строй», т. I, Спб. 1905.
- Любомиров П. Г.*, Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в., Госполитиздат, М. 1947.
- Лященко П. И.*, История народного хозяйства СССР, т. I, Госполитиздат, М. 1956.
- Мавродин В. В.*, Крестьянское восстание под руководством Пугачева и передовая общественно-политическая мысль в России конца XVIII и начала XIX в., «Вестник Ленинградского университета» № 6, 1955 г., стр. 93—108.
- «Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.», т. I, АН СССР, М.—Л. 1935.
- «Материалы по истории крестьянской промышленности», т. II, Текстильная промышленность Московской губернии в XVIII и начале XIX в., АН СССР, М.—Л. 1950.
- Мешалин И. В.*, Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века, АН СССР, М.—Л. 1950.
- «Министерство финансов 1802—1902 гг.», ч. I, Спб. 1902.
- Морозов Ф. М.*, Книга, искажающая историю русской общественной мысли (рец. на книгу Б. Ошеровича «Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли», М. 1946), «Большевик» № 24, 1947 г., стр. 64—69.
- Никишин И. И.*, Некоторые вопросы экономики крепостного хозяйства первой половины XIX века, «Исторические записки», т. 44, 1953, стр. 177—205.
- «Об основном экономическом законе феодальной формации» (К итогам дискуссии), «Вопросы истории» № 5, 1955 г., стр. 79—85.
- «О некоторых вопросах истории русской общественной мысли конца XVIII — первой половины XIX века», «Вопросы истории» № 9, 1955 г., стр. 3—12.
- Павлов-Сильванский Н. П.*, Очерки по русской истории XVIII—XIX вв., Соч., т. II, Спб. 1910, стр. 206—238.
- Пажитнов К. А.*, Промышленный труд в крепостную эпоху, Л. 1924.
- Пажитнов К. А.*, Положение рабочего класса в России, т. I, Период крепостного труда, изд. 2, доп., Л. 1925.
- Панкратова А. М.*, О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму, «Вопросы истории» № 9, 1953 г., стр. 59—77.
- Пельчинский В. С.*, Мануфактурная Россия или состояние российских мануфактур до 1827 г., Спб. 1827.
- Пичега В. И.*, Финансы в царствование Александра I, сб. «Три века», т. V, М. 1913, стр. 228—235.
- Покровский М. Н.*, Русская история с древнейших времен, т. III, М. 1933.

Предтеченский А. В., К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России, «Известия Академии наук СССР», серия VII, отделение общественных наук № 8, 1931 г., стр. 893—920.

Предтеченский А. В., Борьба протекционистов с фритредерами в начале XIX века, «Ученые записки Ленинградского государственного университета» № 48, серия исторических наук, вып. 5, 1939, стр. 143—156.

Пытин А. П., Общественное движение в России при Александре I, изд. 5, Пгр. 1918.

Рашин А. Г., Формирование промышленного пролетариата в России, Соцэкгиз, М. 1940, стр. 11—97.

Романович-Славягинский А. В., Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права, Киев 1912. —

Рындзюнский П. Г., Расслоение крестьянства и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х годах XIX в., «Исторические записки», т. 4, 1938, стр. 141—164.

Сборник «К изучению истории», Госполитиздат, 1938.

Святловский В. В., К истории политической экономии и статистики в России, Спб. 1906.

Святловский В. В., Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России, ч. I, Спб. 1913.

Святловский В. В., История экономических идей в России, т. I, П. 1923, стр. 124—176.

Семевский В. И., Пожалование населенных имений при императоре Павле, «Русская мысль», кн. XII, 1882, стр. 153—192.

Семевский В. И., Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, Спб. 1888, гл. XVI, XVII, XVIII, XIX, XXII, XXVII; т. II, гл. VI.

Сивков К. В., Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в., АН СССР, М. 1951.

Хромов Ш. А., Экономическое развитие России в XIX—XX веках, Госполитиздат, М. 1950.

Шильдер Н. К., Император Александр Первый, его жизнь и царствование, т. 1—4, Спб. 1904—1905.

Яцунский В. К., Помещичьи сахарные заводы в России в первой половине XIX в., сб. статей «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», АН СССР, М. 1952, стр. 343—350.

Яцунский В. К., Материалы по истории уральской металлургии в первой половине XIX в., «Исторический архив», т. IX, 1953, стр. 283—327.

КОНСЕРВАТИВНЫЕ И РЕАКЦИОННЫЕ ИДЕОЛОГИ ДВОРЯНСТВА

(К главе 2)

ИСТОЧНИКИ

Декабрист Михаил Орлов— критик «Истории» Н. М. Карамзина, «Литературное наследство», т. 59, АН СССР, М. 1954, стр. 557—568.

«О переселениях», «Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах по части истории, политики, законодательства, правосудия, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч.», ч. XXIV, кн. 47, Спб. 1817, стр. 911—932.

Правдин, Сравнение русских крестьян с иноземными, «Дух журналов», ч. XXIV, кн. 49, Спб. 1817, стр. 981—1008.

Правдин, О преимущественных выгодах крестьян на барщине перед оброчными, «Дух журналов», ч. XXV, кн. 6, 1818, стр. 181—192.

«О рабстве в иностранных европейских государствах», «Дух журналов», ч. XXVI, кн. 12, 1818, стр. 359—374.

«Сравнение состояния мастеровых на фабриках с состоянием земледельцев», «Дух журналов», ч. XXIX, 1818, стр. 174—182.

«Что значит слово раб?», «Дух журналов», ч. XXVI, кн. 14, 1818, стр. 439—454.

«О сохранных кассах», «Дух журналов», ч. XXXII, кн. 2, 1819, стр. 105—120.

«Замечания на книгу «Опыт теории о палобах» (реп. на кн. Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов»), «Дух журналов», ч. XXXVIII, кн. 4, 1820, стр. 141—156; ч. XL, кн. 5, стр. 193—214; кн. 6, стр. 263—286 (печатание «Замечаний» не закончено).

«Записка о разных предположениях по предмету освобождения крестьян», сб. «Девятнадцатый век», кн. 2, М. 1872, стр. 145—208.

[*Канкрин Е. Ф.*], Записка об освобождении крестьян в России от крепостной зависимости, составленная в 1818 году, «Русский архив», М. 1865, стр. 542—554.

«Граф Канкрин Е. Ф. и его Очерки политической экономии и финансов», Спб. 1894.

Канкрин Е. Ф., Краткое обозрение российских финансов, «Сборник Русского исторического общества», т. 31, Спб. 1881, стр. 3—162.

[*Карамзин Н. М.*], Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени, «Вестник Европы», ч. III, № 12, 1802 г., стр. 314—331.

Карамзин Н. М., Письмо сельского жителя, «Вестник Европы», ч. XI, № 17, 1803 г., стр. 42—59.

[*Карамзин Н. М.*], Добрый помещик, «Вестник Европы», ч. XXXV, № 20, 1807 г., стр. 281—289.

Карамзин Н. М., О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях, М. 1870. (Отдельное издание этой работы в ограниченном количестве экземпляров вышло под названием «Записка о древней и новой России», Спб. 1914.).

Муравьев П. М., Мысли об «Истории государства российского» Н. М. Карамзина, «Литературное наследство» т. 59, АН СССР, М. 1954, стр. 569—598.

«О состоянии иностранных крестьян», «Сын отечества», ч. XLV, № 17, 1818 г., стр. 162—186.

Растопчин Ф. В., Сочинения, Спб. 1853.

Растопчин Ф. В., Замечание гр. Ф. В. Растопчина на книгу г-на Стройновского, «Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете», кн. 2, М. 1860.

[*Растопчин Ф. В.*]. Из записок графа Ф. В. Растопчина, сб. «Девятнадцатый век», кн. 2, М. 1872, стр. 114—144.

ЛИТЕРАТУРА

Блюмин И. Г., Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века, гл. III, V, М.—Л. 1940.

Друян А. Д., Очерки по истории денежного обращения России в XIX в., М. 1941, стр. 5—34.

Рылдзюнский П. Г., Гильдейская реформа Канкрипа 1824 года, «Исторические записки», т. 40, 1952, стр. 110—139.

Семевский В. И., Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, гл. XXI, XXV, Спб. 1888.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ЛИБЕРАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА

М. М. СПЕРАНСКИЙ И

(К главе 3)

СОЧИНЕНИЯ М. М. СПЕРАНСКОГО

«План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. (Введение к уложению государственных законов, 1809 г.)» М., 1905.

Сперанский М. М., План финансов, «Сборник русского исторического общества», т. 45, Спб. 1885, стр. 1—72.

Сперанский М. М., Отчет в делах 1810 г., представленный императору Александру I 11-го февраля 1811 г., «Сборник русского исторического общества», т. 21, Спб. 1877, стр. 447—462.

Сперанский М. М., Мысли о новых билетах казначейства, «Русская старина», т. VIII, Спб. 1873, стр. 585—588.

Сперанский М. М., Записка о монетном обращении с замечаниями графа Канкринна, Спб. 1895.

ЛИТЕРАТУРА О М. М. СПЕРАНСКОМ

Корф М., Жизнь графа Сперанского, т. I—II, Спб. 1861.

Покровский С. А., Выдающийся труд по истории государственных крестьян (рец. на кн. Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева»), т. I, «Известия АН СССР», отделение экономики и права, № 6, 1946 г., стр. 455—459.

Семевский В. И., Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, гл. XX, Спб. 1888.

Семевский В. И., Первый политический трактат Сперанского, «Русское богатство», январь 1907, стр. 46—85.

Твердохлебов В., Сперанский и его деятельность в области финансов и денежного обращения, «Советские финансы» № 12, 1945 г., стр. 25—30.

Чернышевский Н. Г., Русский реформатор, Полное собрание сочинений, т. VIII, 1950, стр. 794—827.

Штейн В. М., Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков, гл. 2, изд-во ЛГУ, Л. 1948.

Н. С. МОРДВИНОВ

(К главе 4)

СОЧИНЕНИЯ Н. С. МОРДВИНОВА

«Архив графов Мордвиновых», с предисловием и примечаниями В. А. Бильбасова, т. I—X, Спб. 1901—1903.

Мордвинов Н. С., Избранные произведения, Госполитиздат, М. 1945.

ЛИТЕРАТУРА О Н. С. МОРДВИНОВЕ

Блюмин И. Г., Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века, гл. IV, АН СССР, М.—Л. 1940.

Брегель Э. Я., Взгляды Мордвинова на государственные финансы, «Советские финансы» № 9, 1946 г., стр. 36—44.

Брегель Э. Я., Учение Мордвинова о кредите и банках, «Деньги и кредит» № 4, 1947 г., стр. 35—39.

Брегель Э. Я., Кредит и кредитная система капитализма, гл. 27, Госфиниздат, М. 1948.

Гневушев А. М., Политико-экономические взгляды графа Н. С. Мордвинова, Киев 1904.

Заколпский П. Н., Граф Н. С. Мордвинов. Его взгляды на современные ему экономические задачи русской жизни, Вязники 1910.

Иконников В. С., Граф Н. С. Мордвинов, Историческая монография, составленная по печатным и рукописным источникам, Спб. 1873.

Морозов Ф. М., Н. С. Мордвинов как экономист, Вступительная статья к кн.: *Мордвинов Н. С.*, Избранные произведения, Госполитиздат, М. 1945, стр. 7—44.

Морозов Ф. М., Экономические взгляды Н. С. Мордвинова (1754—1845), «Известия Академии наук СССР» № 2, отделение экономики и права, 1945 г., стр. 24—38.

Покровский С., Рец. на книгу: *Мордвинов Н. С.*, Избранные произведения, «Вопросы истории» № 4, 1946 г., стр. 129—133.

Семевский В. И., Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, гл. XXV, Спб. 1888.

Топилин П. К., Экономические взгляды Н. С. Мордвинова, «Труды Саратовского экономического института», т. II, 1949, стр. 43—59.

Туманова Л. В., Экономические взгляды Н. С. Мордвинова (1754—1845), «Научные записки Московского финансового института», 1952, стр. 175—197.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА

(К главе 5)

ИСТОЧНИКИ

Арнольд К., Мнение о системе тарифа в России, Спб. 1816.

Болтин В., Рассуждение о происхождении купеческого состояния в России; о переменах в оном со времени императора Петра I и о правах и повинностях оного ныне, М. 1827.

Василевский Д., Краткое рассуждение о торговле, Спб. 1808.

Вирст Ф. Г., Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской империи, Спб. 1807.

«История Московского купеческого общества», т. I—III, М. 1916.

Классен Е. И., Речь о ложности положения причин упадка торговли в недостатке денег показании истинных причин оного... произнесенная в Московской практической коммерческой академии июля 9-го дня 1826 года, М. 1826.

Манифест 2-го апреля 1801 года о восстановлении городского положения и грамоты, данной городам, ПСЗ, т. XXVI, № 19811.

Манифест 1-го января 1807 года «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий», ПСЗ, т. XXIX, № 22418, Спб. 1830.

«Наука о торговле, изданная от главного правления училищ для гимназий», Спб. 1811.

Новиков И., Основательные правила торговли, М. 1799.

«Ответ русского гражданина на вопрос: полезно ли заводить в России и распространять мануфактуры, или лучше предоставить пространному сему государству обогащать себя земледелием...», М. 1815.

«Положение о нейтральной торговле на 1811 год...». Манифест 1810 г. 19 декабря, ПСЗ, т. XXXI, № 24464, Спб. 1830.

Попов В., О российской торговле и купечестве, в кн.: «Архив графов Мордвиновых», т. VI, Спб. 1902, стр. 550—562.

Попов В., Рассуждение о вывозе золота и серебра, Спб. 1831.

Попов В., Рассуждение о балансе торговом, о внешней торговле и о вексельном курсе, Спб. 1831.

Попов В., Ответ В. Попова дворянину, сочинителю письма, на рассуждение его о вывозе звонкой монеты и о прочем, напечатанного в Москве сего 1833 года, Спб. 1833.

(*Розенкамф Г.*), Рассуждение о тарифе, с примечаниями издателя, Спб. 1816.

Россиянин, Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства, Спб. 1815.

«Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», т. III, № 10, Спб. 1865.

«Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. I, Спб. 1902.

(*Свешников О. Л.*), О комиссионном торге в России от иностранных купцов, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, Спб. 1902, стр. 335—353.

Свешников О. Л., Упадок торговли и купеческих капиталов, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 393—441.

(*Свешников О. Л.*), Рассуждение о внешней российской торговле, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 357—393.

Селивановский С., Шерстяные и бумажные мануфактуры, «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 74—77.

Сниткин И., Рассуждение, должен ли быть позволен привоз всех иностранных товаров или только некоторых и каких более?, М. 1818.

Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года, ч. I, Спб. 1833.

«Сравнения поселянина о пользе фабрик и заводов с пользой земледелия в России», Дух журналов, ч. IX, Спб. 1816.

Хавский П., Собрание законов о купцах, мещанах, посадских и цеховых или городовое положение, Спб. 1823.

Черняев Н., О торговом балансе, М. 1828.

Шлецер Х., Первые начала коммерческой науки, взятой в собственном значении, М. 1816.

Щеголов Н., О пользе соединения с земледелием мануфактурной и заводской промышленности. Читано в собрании ВЭО 8 декабря 1828 г., Спб. 1829.

Щеткин В., Ответное письмо, содержащее в себе нечто о ценности товаров и о курсе, Спб. 1811; изд. 2, Спб. 1812.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Речь о свободе торговли, *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 4, изд. 2, стр. 404—418.

Энгельс Ф., Покровительственные пошлины или система свободной торговли, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. V, стр. 157—160.

Энгельс Ф., Протекционизм и свобода торговли, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 310—327.

Энгельс Ф., Письма Н. Ф. Даниельсону 15 марта 1892 г. и 18 июня 1892 г., *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 447, 450, 451.

Бахрушин С. В., Рожкова М. К., Рындзюнский П. Г., Московская буржуазия, «История Москвы», т. 3, АН СССР, М. 1954, стр. 292—320.

Берлин П. А., Русская буржуазия в старое и новое время, М. 1922.

Витчевский В., Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней, Спб. 1909.

Лодыженский К., История русского таможенного тарифа, Спб. 1886.

Покровский С. А., Внешняя торговля и внешняя торговая политика России, гл. 5, М. 1947.

Сивков К. В., Торговля в Москве, «История Москвы», т. 3, АН СССР, М. 1954, стр. 256—291.

**БОРЬБА ИДЕЙНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

(К главе 6)

ИСТОЧНИКИ

Арсеньев К., Начертание статистики Российского государства, ч. 1, Спб. 1818; ч. 2, 1819.

Балузьянский М., Изображение различных хозяйственных систем, «Статистический журнал», т. I, ч. I, 1806, стр. 45—71; ч. 2, стр. 33—70; т. II, ч. I, 1808, стр. 1—35; ч. 2, стр. 1—26.

Бекетов Ф. А., Рассуждение об основаниях, постепенном ходе и пользе экономии политической, произнесенное в торжественном собрании Ярославского, Демидовского высших наук училища 29 апреля 1818 года.

Бекетов Ф. А., Рассуждение о влиянии богатства в отношении к народонаселению, согласно с началами экономии политической, М. 1833.

Витовский Г. М., Политическая экономия, «Вестник Европы», ч. CIV, № 15, 1819 г., стр. 201—221; ч. CVII, № 19, стр. 191—207; ч. CVII, № 20, стр. 260—274.

Гереншванд, О новейшем государственном хозяйстве, Спб. 1807.

Герман К., Всеобщая теория статистики, Спб. 1809.

Герман К., Статистические исследования относительно Российской империи, ч. I, О народонаселении, Спб. 1819.

Грибовский М., О состоянии крестьян господских в России, Харьков 1816.

«Изложение учения Адама Смита и сравнение оного с учением французских экономистов», «Санкт-Петербургский журнал» № VII, 1804 г., стр. 109—116; № IX, стр. 128—137.

Куницын А. П., Лицейские лекции (По записям А. М. Горчакова), «Красный архив» № 1, 1937 г., стр. 75—206.

Куницын А. П., Изображение взаимной связи государственных сведений, Спб. 1817.

Куницын А., Право естественное, ч. I, Спб. 1818; ч. II, 1820.

Лаудердаль, О народном благосостоянии, Спб. 1811.

Нейман И. Е., Исследование правил политической экономии по системе Адама Смита, Спб. 1817.

Практические начала политической экономии, «Красный архив», т. 6(13), М.—Л. 1926.

Сарториус Г., Начальные основания народного богатства и государственное хозяйство, следуя теории Адама Смита, Казань 1812.

Сей Жан Батист, Сокращенное учение о государственном хозяйстве или дружеские разговоры, в которых объясняется, каким образом богатство производится, делится и потребляется в обществе, 1816.

Смит Адам, Исследование свойства и причин богатства народов, т. I—IV, Спб. 1802—1806.

Стройловский В., Всеобщая экономия народов, Спб. 1817.

Труды Вольного экономического общества за 1810 г., ч. LXII, стр. 101—160; ч. LVI, стр. 106—127, 128—161.

[*Цветаев Л.*], Первые начала политической экономии, или Руководство для начинающих учиться сей науке. Конспект книги Х. Шлецера «Начальные основания государственного хозяйства», изданный под руководством и редакцией Л. Цветаева, М. 1823.

Шлецер Х., Начальные основания государственного хозяйства, или науки о народном богатстве, ч. 1—2, М. 1805—1806; изд. 2, М. 1821.

Storch H., Cours d'économie politique. ou exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations, v. I—VI, st.—Pétersbourg 1815.

Шторх Г., Курс политической экономии или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие, т. I, Спб. 1881.

Якоб Л., Ответ на задачу Вольного экономического общества, в 1812 году предложенную, «Труды Вольного экономического общества», ч. LXVI, Спб. 1814, стр. 1—105.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И., К характеристике экономического романтизма, Соч., т. 2, стр. 172—187, 188—204, 210—230.

Баранов П., Михаил Андреевич Балугьянский (1769—1847), Спб. 1882.

Блюмин И. Г., Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века, гл. II, VII, АН СССР, М.—Л. 1940.

Карагаев Н. К., Возникновение политической экономии в Академии наук, «Вестник Академии наук СССР» № 3, 1947 г., стр. 85—97.

Розенберг Д. И., История политической экономии, т. I, М. 1940.

Штейн В. М., Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков, гл. 2, Л. 1948.

Сухомлинов М. И., Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I, Спб. 1889.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ И ПРОГРАММА ДЕКАБРИСТОВ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ДЕКАБРИСТОВ

(К главе 7)

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, СОЧИНЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ¹

«Процесс декабристов. Донесение. Следствие. Приговор. Письмо Рылеева из крепости. Указы», М. 1905.

«Декабристы и тайные общества в России», М. 1906.

«Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства», под ред. А. К. Бороздина, Спб. 1906.

Розен А. Е., Записки декабриста, Спб. 1907.

Трубецкой С. П., Записки, Спб. 1907.

Лукин М. С., Сочинения и письма, Пгр. 1923.

Центрархив. «Восстание декабристов». Материалы, т. I—VI, VIII—X, М.—Л. 1925—1953.

«Восстание декабристов», Документы, т. XI, Госполитиздат, М. 1954.

Горбачевский И. И., Записки и письма, М. 1925.

«Бунт декабристов», юбилейный сборник (1825—1925), Л. 1926.

«Декабристы», отрывки из источников, сост. Ю. Г. Оксман, М.—Л. 1926.

Поджио А. В., Записки декабриста, М.—Л. 1930.

Лорер Н. И., Записки декабриста, М. 1931.

«Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. I—II, М. 1931—1933.

¹ Источники и литературу, относящуюся к П. И. Пестелю и Н. И. Тургеневу, см. дальше.

- Рылеев К. Ф.*, Полное собрание сочинений, М.—Л. Academia 1934.
«Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I—III, Госполитиздат, М. 1951.
Якушкин И. Д., Записки, статьи, письма, АН СССР, М. 1951.

ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И.*, От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2, стр. 459—501.
Ленин В. И., Гонители земства и Аннибалы либерализма, Соч., т. 5, стр. 28.
Ленин В. И., Что делать?, Соч., т. 5, Предисловие, гл. 1, 2.
Ленин В. И., Аграрная программа русской социал-демократии, Соч., т. 6, стр. 91—98, 103 (примечание), 107—122.
Ленин В. И., Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России, Соч., т. 6, стр. 301—311.
Ленин В. И., Политический кризис и провал оппортунистической тактики, Соч., т. 11, стр. 133.
Ленин В. И., Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе, Соч., т. 12, стр. 233—263.
Ленин В. И., Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13, стр. 211—219, 233—235, 241—272, 285—288, 291—294.
Ленин В. И., О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве, Соч., т. 17, стр. 117, 125, 126.
Ленин В. И., Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 9—15.
Ленин В. И., Роль сословий и классов в освободительном движении, Соч., т. 19, стр. 294—296.
Ленин В. И., Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. 20, стр. 223—225.
Ленин В. И., О национальной гордости великороссов, Соч., т. 21, стр. 84—88.
Ленин В. И., Доклад о революции 1905 года, Соч., т. 23, стр. 228—246.
Ленин В. И., К статье «Рабочая и буржуазная демократия», «Ленинский сборник», т. V, стр. 67.

* *
*

- Блюмин И. Г.*, Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века, гл. VIII, М.—Л. 1940.
Боровой С., Декабристы о кредите и банках, «Деньги и кредит» № 1, 1951 г., стр. 31—36.
Габов Г., Общественно-политические и философские взгляды декабристов, Госполитиздат, М. 1954.
Герцен А. И., О развитии революционных идей в России, ч. IV, 1812—1825; ч. V, Литература и общественная мысль после 14 декабря 1825 г., Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. VI, Пгр. 1919, стр. 346—379.
Герцен А. И., Русский заговор 1825 года, Полное собрание сочинений и писем, т. IX, Пгр. 1919, стр. 136—155.
Герцен А. И., Смерть Александра I и 14-ое декабря, «Былое и думы», Полное собрание сочинений и писем, т. XII, Пгр. 1919, стр. 49—57.
Герцен А. И., Исторические очерки о героях 1825 г. и их предшественниках по их воспоминаниям, Полное собрание сочинений и писем, т. XX, Пгр. 1923, стр. 340—367.
Герцен А. И., Кондратий Рылеев и Николай Бестужев, Полное собрание сочинений и писем, т. XXI, Пгр. 1923, стр. 56—67.

Дружинин П. М., Программа северных декабристов, «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. VIII, № 1, 1951, стр. 35—45.

Жданов А. А., Выступления на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г., Госполитиздат, М. 1952.

Замятин В. Н., Социально-экономические воззрения декабристов (К 125-й годовщине восстания), «Известия Академии наук СССР», отделение экономики и права, № 6, 1950 г., стр. 453—469.

Игнатович И., Крестьянское движение на Дону в 1820 г., М. 1937.

Корниенко А. А., Экономические взгляды декабристов, сб. статей «Декабристы», М. 1951, стр. 63—100.

Корниенко А. А., Экономическая мысль эпохи капитализма, гл. 2. Экономические взгляды декабристов, М. 1954.

Морозов Ф. М., Экономические взгляды декабристов, БСЭ, т. 13, изд. 2.

Печкина М. В., Место и роль декабристов в русском революционном движении, «Большевик» № 1, 1946 г., стр. 41—51.

Печкина М. В., Движение декабристов, т. I, II, АН СССР, М. 1955. «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I. Декабристы (Статьи и материалы), Спб. 1905.

Огарев Н. П., Разбор книги Корфа, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, Госполитиздат, М. 1952, стр. 215, 216, 218, 222, 224.

«Очерки из истории движения декабристов», сб. статей под ред. Н. М. Дружинина, Б. Е. Сыроечковского, Госполитиздат, М. 1954.

Пажитнов К. А., Экономические воззрения декабристов, Госполитиздат, М. 1945.

Плеганов Г. В., 14-е декабря 1825 года, Соч., т. X, М. 1924, стр. 351—372.

Покровский М. Н., Русская история в самом сжатом очерке, ч. II, Революционная буржуазия, М. 1934, стр. 104—119.

Покровский М. Н., Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков, лекция 1, 2, М. 1927.

Покровский М. Н., Декабристы, сб. статей, М.—Л. 1927.

«Против исторической концепции М. Н. Покровского», сб. статей, ч. I, АН СССР, М.—Л. 1939.

Семевский В. И., Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, гл. XXV, XXVII, XXVIII, Спб. 1888.

Семевский В. И., Политические и общественные идеи декабристов, Спб. 1909.

Соколов В., Декабристы и крестьянский вопрос, «Исторический журнал» № 3, 1940 г., стр. 65—75.

Цаголов Н. А., У истоков идейной борьбы вокруг двух типов буржуазно-аграрной эволюции в России, «Вопросы экономики» № 3, 1949 г., стр. 45—61.

Щипанов И., Философские воззрения декабристов, сб. статей «Из истории русской философии XVIII—XIX веков», М. 1952, стр. 85—124.

П. И. ПЕСТЕЛЬ

(К главе 8)

СОЧИНЕНИЯ П. И. ПЕСТЕЛЯ

Пестель П. И., Русская Правда. Наказ Временному верховному правлению, Спб. 1906.

Пестель П. И., Дележ земель, «Хрестоматия по истории СССР», т. II (1682—1856), М. 1953, стр. 570.

Пестель П. И., Конституция. Государственный завет, «Красный Архив», т. 6 (13), 1925 г., М.—Л. 1926, стр. 281—284.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. и Энгельс Ф., Испанская революция, Соч., т. X, стр. 746—755.

Маркс К., Формы, предшествующие капиталистическому производству, М. 1940.

Маркс К., [Национализация земли], *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 340—342.

Маркс К., Письмо в редакцию «Отечественных записок» (ноябрь 1877), *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 313—316.

Энгельс Ф., Марка, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XV, стр. 627—645.

Энгельс Ф., Развитие социализма от утопии к науке, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XV., стр. 507—519, 528—547.

* * *

Бер М., История социализма в Англии, ч. I, М.—Пгр. 1923.

Волгин В. П., Очерки по истории социализма, АН СССР, М.—Л. 1935.

«Документы об освобождении эстляндских и курляндских крестьян в 1811—1816 гг.», «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива с. е. и. в канцелярии», вып. 4, Спб. 1891, стр. 313—439.

Зайончковский П., К вопросу о библиотеке П. И. Пестеля, «Историк-марксист» № 4, 1941 г., стр. 86—89.

Морозов Ф. М. Экономические вопросы в «Русской Правде» П. И. Пестеля, «Вопросы экономики» № 11, 1950 г., стр. 24—40.

Пикандров П. Ф., Мировоззрение П. И. Пестеля, Л. 1955.

Покровский А. А., «Русская Правда» П. И. Пестеля и методы ее издания, «Труды историко-архивного института», т. IV, М. 1948, стр. 267, 279.

Русанов Н. С., Влияние европейского социализма на декабристов и молодого Герцена, «Минувшие годы», декабрь 1908, стр. 170—190.

Сыроечковский Б. Е., П. И. Пестель и К. Ф. Герман (К вопросу о ранних политических воззрениях Пестеля), «Ученые записки МГУ», кафедра истории СССР, вып. 167, 1954, стр. 151—178.

Тарасова В. М., О записке П. Т. Козлянинова «Общее введение в курс политических наук», «Труды Марийского государственного педагогического института», т. V, Козмодемьянск 1946, стр. 24—39.

Тарасова В. М., Социально-экономические взгляды Пестеля, «Ученые записки Марийского государственного педагогического института», т. VI, вып. II; «История», Йошкар-Ола 1948; см. рец. Ф. Морозова на эту книгу в «Советской книге» № 3, 1950 г.

Тарасова В. М., К вопросу о социально-политических взглядах Н. А. Крюкова, «Труды Марийского государственного педагогического института», т. VIII, Йошкар-Ола 1950.

Файерштейн С. М., К вопросу об экономических взглядах П. И. Пестеля на раннем этапе декабристского движения (1816—1820), «Труды сектора экономики АН Азербайджанской ССР», т. II, Баку 1954, стр. 98—119.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ УМЕРЕННОГО НАПРАВЛЕНИЯ

(Н. ТУРГЕНЕВ, Н. МУРАВЬЕВ, Н. БЕСТУЖЕВ)

(К главе 9)

СОЧИНЕНИЯ Н. И. ТУРГЕНЕВА

«Архив братьев Тургеневых», под ред. и с примеч. Е. И. Тарасова, вып. 1, Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1806—1811 г. (т. I), Спб. 1911; вып. 3, Дневники Н. И. Тургенева за 1811—1816 гг. (т. II), Спб. 1913; вып. 5, Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816—1824 гг. (т. III), Пгр. 1921.

Декабрист Н. И. Тургенев, Письма к брату С. И. Тургеневу, М. 1936.

Тургенев Н. И., Опыт теории налогов, Спб. 1818; изд. 2; Спб. 1819; изд. 3, М. 1937.

Тургенев Н. И., Нечто о рецензии, помещенной в 4 номере «Духа журналов» (за 1820 г.), «Сын отечества», ч. 60, № IX, Спб. 1820, стр. 97—104; № XI, стр. 207—216.

Tourgueneff N., La Russie et les Russes, v. I—III, Paris 1847.

Тургенев Н. И., Россия и русские, т. I, II, первое русское издание, «Библиотека декабристов», вып. 2, 5, М. 1907—1908 гг.

Тургенев Н. И., Россия и русские, т. I, М. 1915.

Тургенев Н. И., Поруа, «Русский заграничный сборник», ч. II, тетрадь I, Berlin—Paris—London 1858, стр. VIII, 1—48.

Тургенев Н. И., О силе и действии рескрипта 20 ноября 1857 г., «Русский заграничный сборник», ч. II, тетрадь II, Berlin—Paris—London 1859, стр. 1—35.

Тургенев Н. И., Вопрос освобождения и вопрос управления крестьян, «Русский заграничный сборник», ч. III, тетрадь I, Berlin—Paris—London 1859, стр. XX, 1—110.

Тургенев Н. И., О новом устройстве крестьян, «Русский заграничный сборник», ч. V, тетрадь I, Leipzig 1861.

Тургенев Н. И., Взгляд на дела России, «Русский заграничный сборник», ч. V, тетрадь II, Leipzig 1862.

Тургенев Н. И., Чего желать для России?, Leipzig 1868.

* *
*

Бестужев Н. А., О свободе торговли и вообще промышленности, Статьи и письма, М. 1933, стр. 91—172.

[Муравьев Н. М.], Конституция Н. Муравьева, в кн.: Дружинин Н. М., Декабрист Никита Муравьев, М. 1933, стр. 303—366.

Фонвизин М. А., Обзорение проявлений политической жизни в России, М. 1907.

ЛИТЕРАТУРА

Блюмин И. Г., Экономические взгляды Н. И. Тургенева, «Проблемы экономики» № 4, 1936 г., стр. 105—124.

Вишницер М. Л., Геттингенские годы Николая Ивановича Тургенева, «Минувшие годы», 1908 г., апрель, стр. 184—218; май и июнь, стр. 216—241.

Вишницер М. Л., Барон Штейн и Николай Иванович Тургенев, «Минувшие годы», 1908 г., июль, стр. 232—272; октябрь, стр. 254—278.

Демидов Н., Некоторые замечания на «Опыт теории налогов», изд. Н. Тургеневым, Спб. 1830.

Дружинин Н. М., Декабрист Никита Муравьев, М. 1933.

«Замечания на книгу «Опыт теории налогов», «Дух журналов», ч. XXXVIII, кн. 4, 1820, стр. 141—156; ч. XL, кн. 5, стр. 193—214; кн. 6, стр. 263—286.

Морозов Ф. М., Социально-экономические взгляды Н. И. Тургенева, «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина», кафедра истории СССР, т. LX, вып. 2, 1949, стр. 223—241.

Семевский В. И., Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. 1, гл. 22, Спб. 1888.

Тарасов Е. И., Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху, «Известия Самарского государственного университета», вып. 1, 1918; вып. 4, 1923.

Фомин А., К истории вопроса о развитии в России общественных идей в начале XIX в., Пгр. 1915.

М. Ф. ОРЛОВ

(К главе 10)

СОЧИНЕНИЯ

Орлов М. Ф., Письмо П. А. Вяземскому (Киев, 4 мая и 4 июля 1818 г.), «Литературное наследство», т. 59, АН СССР, М. 1954, стр. 565—568.

Орлов М., Письма Д. П. Бутурлину, Киев, 2 ноября 1819 г. и 20 декабря 1820 г., «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II, Госполитиздат, М. 1951, стр. 303—307.

«М. Ф. Орлов и 14 декабря», Сообщ. П. Попова, «Красный архив», т. 6 (13), 1925, М.—Л. 1926, стр. 148—173.

Орлов М. Ф., О государственном кредите, М. 1833.

[*Орлов М. Ф.*], Ueber den Staatskredit. Von einem russischen Staatsmanne, Leipzig 1840.

Записки отдела рукописей государственной библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 17, М. 1955, новые материалы о книге декабриста М. Ф. Орлова, стр. 159—247.

ЛИТЕРАТУРА

Боголепов М., Первая русская книга о государственном кредите, «Советские финансы» № 5, 1945 г., стр. 35—39.

Боровой С. Я., Декабрист М. Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите», «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. VIII, № 1, 1951, стр. 46—60.

Dietzel R., Das System der Staatsantlihen im Zusammenhang der Volkswirtschaft betrachtet, Heidelberg 1855.

Логман Ю. М., «Краткие наставления русским рыцарям» М. А. Дмитриева-Мамонова, «Вестник Ленинградского университета» № 7, 1949 г., стр. 133—147.

Морозов Ф., О книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите», «Вопросы экономики» № 10, 1954 г., стр. 122—127.

КРИЗИС КРЕПОСТНИЧЕСТВА. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

(К главе 11)

ИСТОЧНИКИ

Банковые долги и положение губерний в 1856 году, «Журнал Министерства внутренних дел», февраль 1860, стр. 233.

Безобразов В. П., Материалы для физиологии общества, «Русский вестник», т. 12, № 11, 1857 г., стр. 493—538.

Вилькинс И., Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности, М. 1843.

Гагемейстер Ю. А., О состоянии железного промысла в России, «Экономический указатель» № 9, 1857 г., стр. 209—215.

Заблоцкий А. П., Причины колебания цен на хлеб в России, «Отечественные записки», т. 52, № 5, отд. IV, 1847 г., стр. 1—30; № 6, отд. IV, стр. 31—66.

Заблоцкий-Десятовский А., Граф П. Д. Киселев и его время, т. IV. Спб. 1882, стр. 283, 292.

Кильбургер И. Ф., Краткое известие о русской торговле, каким образом она производилась через всю Руссию в 1674 году, Спб. 1820.

Кокорев В. А., Миллиард в тумане, «Санкт-Петербургские ведомости» № 6, 9 января 1859 г., стр. 23.

Корсаж А., О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России, М. 1861.

«Крепостная мануфактура в России», ч. I—V, Л. 1930—1934.

«Крестьянское движение 1827—1869 годов», вып. 1, Центрархив, Соцэкиз, М. 1931.

Ламанский Е. И. (ред.), Сборник статистических сведений о России, Спб. 1854.

Неболсин Г., Статистическое обозрение внешней торговли России, ч. 1, 2, Спб. 1850.

Родес И. де, Размышления о Русской торговле в 1653 г., пер. И. Бабста, «Магазин земледения и путешествий», т. V, 1858, стр. 231—255.

Семенов А., Изучение исторических сведений о российских внешней торговле и промышленности, с половины XVII столетия по 1858 год, ч. 3, Спб. 1859.

Тройницкий А., Крепостное население в России, по 10-й народной переписи, Спб. 1861.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Господин Фогт, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XI, стр. 530.

Маркс К., Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 639.

Маркс К., Письмо к М. М. Ковалевскому, апрель 1879, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XXVII, стр. 24.

Маркс К., К критике политической экономии, Введение, М. 1952.

Маркс К., Капитал, т. I, гл. 4, § 1, стр. 242; гл. 5; гл. 8, § 2; гл. 11; гл. 24, § 1; т. II, гл. 1, § 1.

Маркс К., Капитал, т. III, гл. 20, 21.

Маркс К., Немецкая идеология, 1935, стр. 55.

Маркс К., Теория прибавочной стоимости, т. I, гл. 2, 1955; ч. 2, 1957.

Энгельс Ф., Письмо Н. Ф. Даниельсону 18 июня 1892 г., *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Переписка с русскими политическими деятелями, 1951, стр. 160—161.

Энгельс Ф., Эмигрантская литература, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XV, стр. 261.

Энгельс Ф., Внешняя политика русского царизма, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 34.

Ленин В. И., Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни, Соч., т. 1, стр. 27.

Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 206.

- Ленин В. И.*, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Соч., т. 1, стр. 335.
- Ленин В. И.*, От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2, стр. 463.
- Ленин В. И.*, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 158, 159, 192, 475, 476.
- Сталин И. В.*, Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б), Соч., т. 11, стр. 248, 249.
- Сталин И. В.*, Итоги первой пятилетки, Соч., т. 13, стр. 193.
- Сталин И. В.*, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Соч. т. 13, стр. 104, 105.
- Сталин И. В.*, О диалектическом и историческом материализме, «Вопросы ленинизма», изд. 11, стр. 553, 556.
- Сталин И. В.*, Экономические проблемы социализма в СССР, М. 1952, стр. 15.

* *
*

- Балабанов М.*, Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I, М. 1926.
- Беляев И. Д.*, Крестьяне на Руси, изд. 4, М. 1903.
- Берлин П. А.*, Русская буржуазия в старое и новое время, М. 1922, стр. 68, 92.
- Бибииков Г. Н.*, Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в., «Исторические записки», т. 4, 1938, стр. 41—75.
- Блюмин И. Г.*, Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века, АН СССР, М.—Л. 1940, стр. 11, 39.
- В. В. [Воронцов]*, Судьбы капитализма в России, Спб. 1882, стр. 288—163, 280, 288, 289.
- Васильчиков А.*, Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, т. I, Спб. 1876, стр. 491—495.
- Вознесенский С.*, Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России 1800—1860 гг., М. 1932.
- Греков Б. Д.*, Перестройка сельского хозяйства и судьбы крестьян в Европе XVI века, «Известия Академии наук СССР», Серия истории и философии, т. V, № 1, 1948 г., стр. 52, 56, 58.
- Греков Б. Д.*, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 1, АН СССР, М.—Л. 1954, кн. 1, стр. 121—122, 240; кн. 2, стр. 231.
- Дембо Л. И.*, Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе, Л. 1954.
- Дракохруст Е. И.*, Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в., «Исторические записки», т. 4, 1938, стр. 113—140.
- Дружинин Н. М.*, Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского, «Против исторической концепции М. Н. Покровского», сб. статей, ч. 1, М.—Л. 1939, стр. 337—386.
- Дружинин Н. М.*, Конфликт между производительными силами и феодальными производственными отношениями накануне реформы 1861 г., «Вопросы истории» № 7, 1954 г., стр. 56—76.
- Дружинин Н. М.*, Проблема конфликта между производительными силами и феодальными производственными отношениями накануне 1861 г., «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып. 1, М. 1954, стр. 62—70.
- Дружинин Н. М.*, О периодизации истории капиталистических отношений в России, «Вопросы истории» № 1, 1951 г., стр. 56—85.

- Дружинин П. М.*, Генезис капитализма в России (Доклад советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме), АН СССР, М. 1955.
- Злотников М. Ф.*, От мануфактуры к фабрике, «Вопросы истории» № 11—12, 1946 г., стр. 39, 45, 73, 74, 76, 77.
- Игнарович И. И.*, Помещичьи крестьяне накануне освобождения, изд. 2, М. 1910, стр. 49, 51, 53.
- Индова Е. И.*, Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых, М. 1955.
- История СССР, т. II, Россия в XIX в., под ред. чл.-кор. АН СССР М. В. Нечкиной, М. 1954, стр. 26—28; М. 1940, стр. 185.
- Кашин В. И.*, Экономический быт и социальное расслоение крепостной деревни в XIX в., «Звезда» № 1, 1926 г., стр. 173—175; № 4, 1926 г., стр. 169—171, 178.
- Ключевский В. О.*, Курс русской истории, ч. V, М. 1937, стр. 206, 207, 210, 211.
- Ковалевский М.*, Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции, Спб. 1912, стр. 91.
- Кожухов Ю. В.*, Помещичье хозяйство центрального земледельческого района России в годы кризиса крепостной системы «Ученые записки» Ленинградского Государственного педагогического института им. Герцена, т. 102, 1955, стр. 87—116.
- Козлов Т.*, Из истории русской статистической мысли середины XIX века, «Вестник статистики» № 4, 1951 г., стр. 59—67.
- Кулишер И.*, Очерк истории русской торговли, Пгр. 1923.
- Линков Я. И.*, Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг., Учпедгиз, М. 1952.
- Лодыженский К.*, История русского таможенного тарифа, Спб. 1886, стр. 256.
- Лосицкий А.*, Хозяйственные отношения при падении крепостного права, «Образование» № 11а, 1906 г., отд. I, стр. 202.
- Лосицкий А.*, Надел и выкуп, «Современный мир» № 3, март 1911 г., стр. 228—239.
- Лященко П. И.*, Последний секретный комитет по крестьянскому делу, Спб. 1911.
- Лященко П. И.*, Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, гл. 1, 2, Спб. 1913, стр. 72—77.
- Лященко П. И.*, Очерки аграрной эволюции России, т. I, 1923.
- Лященко П. И.*, История народного хозяйства СССР, т. I, М. 1956, стр. 581 и след.
- Мороховец Е. А.*, Крестьянская реформа 1861 года, Соцэкгиз, М. 1937, стр. 37, 49, 55.
- Миллюков П.*, Очерки по истории русской культуры, изд. 6, ч. 1, Спб. 1909, стр. 24, 84.
- Mulhall T. G.* Industries and wealth of nations, London—New York 1896, p. 76, 143, 164, 379.
- Огановский Н. П.*, Наделение помещичьих крестьян землей, М. 1913, стр. 21, 22, 31, 38.
- Пажитнов К. А.*, Положение рабочего класса в России, т. I, изд. 2, доп., Л. 1925, стр. 46.
- Пажитнов К. А.*, К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности, «Исторические записки», т. 7, 1940, стр. 236—245.
- Покровский В.*, (ред.), Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. I, Спб. 1902.
- Покровский М. Н.*, Русская история с древнейших времен, т. IV, Соцэкгиз, 1934, стр. 41, 48.

Покровский С. А., Внешняя торговля и внешняя торговая политика России, М. 1947, стр. 268, 276, 294.

Происхождение и развитие феодальной собственности на землю (Теоретическая конференция в Институте истории АН СССР), «Вестник Академии наук СССР» № 2, 1953 г., стр. 64—68.

Рашии А. Г., Формирование промышленного пролетариата в России, Соцэкгиз, М. 1940.

Рожков Н., Город и деревня в русской истории (Краткий очерк экономической истории России), «Мир божий» № 6, июнь 1902 г., стр. 1—33.

Рожков Н., Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке и его влияние на социально-политический строй того времени, «Исторические и социологические очерки», сб. статей, ч. 1, М. 1906, стр. 55, 56, 67, 235.

Рожков Н., Развитие экономических и социальных отношений в России XIX века, «Исторические и социологические очерки», ч. 1, М. 1906, стр. 83.

Рожков Н., К вопросу об экономических причинах падения крепостного права в России; О вольнонаемном земледельческом труде при крепостном праве; О подборе и изучении материала по истории крепостного хозяйства в России, «Исторические и социологические очерки», ч. 2, стр. 1—7, 8—16, 17—26.

Рындзюнский П. Г., Расслоение крестьянства и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х годах XIX века, «Исторические записки», т. 4, 1938, стр. 141—164.

Семевский В. И., Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, Спб. 1881, стр. 34, 35.

Сивков К. В., Бюджет крупного собственника-крепостника первой трети XIX века, «Исторические записки», т. 9, 1940, стр. 144, 148, 149, 151.

Сивков К. В., Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в. По материалам архива степных вотчин Юсуповых, АН СССР, М. 1951.

Соболев М. Н., Таможенная политика России во второй половине XIX века, Томск 1911.

Станюкович В., Бюджет Шереметевых (1798—1910), М. 1927, стр. 11, 24.

Струве П., Крепостное хозяйство, Спб. 1913, стр. 65, 103 и след.

Струмилин С. Г., Промышленные кризисы в России, «Проблемы экономики» № 5, 1939 г., стр. 133.

Струмилин С. Г., Промышленный переворот в России, Госполитиздат, М. 1944.

Струмилин С. Г., К вопросу о промышленном перевороте в России, «Вопросы экономики» № 12, 1952 г., стр. 80.

Струмилин С. Г., История черной металлургии в СССР, т. I, М. 1954.

Туган-Барановский М., Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I, изд. 7, М. 1938, стр. 84, 96, 99, 111.

Хромов П. А., Экономическое развитие России в XIX—XX веках, 1800—1917 гг., М. 1950.

Цаголов Н. А., Некоторые вопросы кризиса крепостного хозяйства в России, «Известия АН СССР», Отделение экономики и права, № 1, 1946 г., стр. 53—75.

Цаголов Н. А., Порочная книга о развитии русской экономической мысли, «Вопросы экономики» № 4, 1948 г., стр. 107—109.

Цаголов Н. А., У истоков идейной борьбы вокруг двух типов буржуазной аграрной эволюции в России, «Вопросы экономики» № 3, 1949 г., стр. 45—61.

Цаголов Н. А., К вопросу об экономическом содержании «крестьянской реформы» (Теоретические заметки), «Известия АН СССР», Отделение экономики и права, № 6, 1949 г., стр. 433—447.

Цаголов Н. А., Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права, гл. 1—4, Госполитиздат, М. 1956.

Штейн В. М., Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков, изд. ЛГУ, Л. 1948.

Щеглов К. П., Крепостное право в вотчинах Шереметевых, М. 1947, стр. 29, 85—86, 200, 355.

Юровский Л. Н., Саратовские вотчины, Саратов 1923, стр. 85, 94, 101, 117, 119, 136, 137, 138.

Яковлев А. Ф., Экономические кризисы в России, Госполитиздат, М. 1955.

Яковлев Б., Возникновение и этапы развития капиталистического уклада в России, «Вопросы истории» № 9, 1950 г., стр. 91—104.

Яковцевский В. Н., Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, АН СССР, М. 1953.

ИДЕОЛОГИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО И ЛИБЕРАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА 40-х годов

(К главе 12)

ИСТОЧНИКИ

Арапетов И. П., Замечания о хозяйственном быте русского крестьянина, «Журнал Министерства государственных имуществ», кн. 2, ч. 4, 1842, стр. 369—385.

Бутовский А., Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии, т. 1, 2, 3, Спб. 1847.

Бутовский А., Общинное владение и собственность, «Русский вестник», т. 16, кн. I, 1858, стр. 5—59.

Веселовский К. С., О ценах на хлеб в России, «Журнал Министерства государственных имуществ», ч. XV, № 4, 1845 г., стр. 66—78.

Веселовский К. С., Начало и постепенное преобразование системы поземельных налогов в России, «Журнал Министерства государственных имуществ», ч. I, 1841, стр. 147—179.

Веселовский К. С., Обзорение успехов науки сельского хозяйства в России в последнее трехлетие (1838—1840 гг.), Спб. 1842.

Веселовский К. С., Статистика недвижимых имуществ в Санкт-Петербурге, ч. 1, Спб. 1849.

«Обзор действий Департамента сельского хозяйства в течение пяти лет с 1844—1849 гг.», Спб. 1849.

Жуков А. Н., Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством., М. 1848.

Заблоцкий-Десятовский А. П., Причины колебания цен на хлеб в России, «Отечественные записки», т. 52, № 5, отд. IV, 1847 г., стр. 1—30, № 6, отд. IV, стр. 31—66.

Заблоцкий-Десятовский А. П., Граф П. Д. Киселев и его время, т. 1—3, Спб. 1882.

Милютин В. А., Избранные произведения, Госполитиздат, М. 1946, стр. 273—331.

Неронов И. Л., Новые взгляды на сельскую жизнь, (Сб. статей), Спб. 1845.

Порошин В., О земледелии в политико-экономическом отношении, «Журнал Министерства народного просвещения», Спб. 1846, ч. 50, июнь, отд. II, стр. 145—198.

Шелехов Д. П., Курс опытного русского сельского хозяйства. Вып. (1) — 2, Спб. 1842—1843.

Шелехов Д. П., Главные основания земледелия, Спб. 1825.

Шелехов Д. П., О пользе и необходимости плодопеременного земледелия в России, Спб. 1827.

Шелехов Д. П. Народное руководство в сельском хозяйстве, Спб. 1838—1839.

БУРЖУАЗНЫЕ ИДЕОЛОГИ 30—40-х годов

(К главе 13)

СОЧИНЕНИЯ ПОЛЕВОГО Н., ВАВИЛОВА И., БОТКИНА Н.

«П. В. Анненков и его друзья», «Литературные воспоминания и переписка 1835—1855 годов», Спб. 1892.

Вавилов И., Беседы русского купца о торговле, вып. 1, Спб. 1845.

Полевой Н. А., Драматические сочинения и переводы, ч. 1—4, Спб. 1842.

Полевой Н. А., История русского народа, М. 1829—1833.

Полевой Н. А., Речь о купеческом звании и особенно в России, М. 1832.

ЛИТЕРАТУРА

Блюмин И. Г., Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века, АН СССР, М.—Л. 1940.

СОЧИНЕНИЯ В. Н. МАЙКОВА

Майков В. Н., Сочинения в двух томах, т. I, Критические статьи; т. II, Научные статьи, Киев 1901.

Майков В. Н., Критические опыты, Спб. 1891.

«Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», издаваемый Н. Кириловым, вып. 1, Спб. 1845.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский Г., Валериан Майков и его литературная деятельность, Историко-литературный очерк, вводная статья к кн.: *В. Н. Майков*, Соч., т. I, Киев 1901, стр. V—XXXIV.

Арсеньев К. К., Валериан Майков, Из истории критики сороковых годов, «Вестник Европы» т. 2, кн. 4, 1886 г., стр. 780—823.

Белинский В. Г., Взгляд на русскую литературу 1846 года, Собрание сочинений в трех томах, т. III, М. 1948.

Белинский В. Г., «Карманный словарь иностранных слов» Н. Кирилова, Полное собрание сочинений, т. IX, АН СССР, М. 1955.

Ветринский (Вас. Е. Чешихин), Сороковые годы XIX века, «История русской литературы XIX века», под ред. Д. И. Овсяннико-Куликовского, т. 2, гл. 8, Спб. 1910.

Плеханов Г. В., Виссарион Белинский и Валериан Майков, Соч., т. XXIII, М.—Л. 1926.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

(К главе 14)

СОЧИНЕНИЯ

Белинский В. Г., Полное собрание сочинений, АН СССР, т. I—XII, М. 1952—1956.

Белинский В. Г., Собрание сочинений в трех томах, под ред. Ф. М. Головенченко, Гослитиздат, М. 1948.

ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И.*, От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2.
Ленин В. И., Что делать?, Соч., т. 5, стр. 342.
Ленин В. И., О «Вехах», Соч., т. 16.
Ленин В. И., Еще один поход на демократию, Соч., т. 18, стр. 286.
Ленин В. И., Карьера, Соч., т. 18, стр. 250.
Ленин В. И., Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. 20, стр. 223—225.
Ленин В. И., О национальной гордости великороссов, Соч., т. 21, стр. 84—88.
Ленин В. И., Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 31, стр. 9.
Киров С. М., Великий искатель, «Литературная газета», 1 декабря 1939.
Калинин М. И., О моральном облике нашего народа, «Большевик» № 1, 1945 г.
Жданов А. А., Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, М. 1946.

* *
*

- Герцен А. И.*, О развитии революционных идей в России, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. VI, Пгр. 1919.
Герцен А. И., Былое и думы, ч. IV, гл. 25, Гослитиздат, Л. 1946.
Горький М., История русской литературы, Гослитиздат, М. 1939, стр. 137—155.
Дементьев А. Г., Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 гг., М.—Л. 1951.
Добролюбов Н. А., Сочинения Белинского, Избранные сочинения, Гослитиздат, М.—Л. 1947.
Заславский Д., К вопросу о политическом завещании Белинского, «Литературное наследство», т. 55, АН СССР, 1948.
Дубоиков А., Новое о статье Белинского «Парижские тайны», «Литературное наследство», т. 56, АН СССР, М. 1950, стр. 471—494.
Лебедев-Полянский П. И., В. Г. Белинский, «Литературное наследство», т. 55, АН СССР, 1948, стр. 585—610.
Черёмин Г., К истории текста четырех статей Белинского о народной поэзии, «Литературное наследство», т. 56, АН СССР, 1950, стр. 51—68.
Письмо Белинского к Гоголю, статья и публикация К. Богаевской, комментарий Я. З. Черняка, «Литературное наследство», т. 56, 1950, стр. 513—605.
Плеханов Г. В., В. Г. Белинский, Соч., т. X, М.—Л. 1925.
Плеханов Г. В., В. Г. Белинский, Соч., т. XXIII, М.—Л. 1926.
Плеханов Г. В., О Белинском, Соч., т. XXIII, М.—Л. 1926.
Пыпин А. Н., Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2, Спб. 1908.
«Белинский в воспоминаниях современников», под ред. Ф. М. Голловенченко, Гослитиздат, М. 1948.
«Социализм Белинского», статьи и письма, редакция и комментарии П. Н. Сакулина, М. 1925.
Чернышевский Н. Г., Очерки гоголевского периода русской литературы, Полное собрание сочинений, т. III, Гихл, 1947.
Шульгин В., О знакомстве Белинского с работами Маркса и Энгельса, «Историко-марксист» № 7, 1940 г., стр. 82—92.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ
ПЕТРАШЕВЦЕВ

(К главе 15)

ИСТОЧНИКИ

«Дело петрашевцев», АН СССР, Институт истории, т. I, М.—Л. 1937; т. II, 1944; т. III, 1951.

«Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», Госполитиздат, М. 1953.

«Петрашевцы», сб. материалов, ред. П. Е. Щеголева, т. 1—3, М.—Л. 1926—1928.

«Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», издаваемый Н. Кириловым, вып. 1—2, Спб. 1845—1846.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И., План писем о задачах революционной молодежи, Соч., т. 7, стр. 26—27.

Белинский В. Г., «Карманный словарь иностранных слов» Н. Кирилова, Полное собрание сочинений, т. IX, АН СССР, М. 1955.

Блюмин И. Г., Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века, АН СССР, М.—Л. 1940.

Блюмин И. Г., Фурьеризм в России, «Проблемы экономики» № 5—6, 1937 г.

Венгеров С., «Петрашевцы», «Энциклопедический словарь» Брокгауз и Ефрон, т. 45, Спб. 1848.

Герцен А. И., Былое и думы, Л. 1946, стр. 688.

Герцен А. И., О развитии революционных идей в России, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. VI, Пгр. 1919, стр. 298—410.

Герцен А. И., Письмо к М. К. Рейхель от 18 мая 1853 г., Полное собрание сочинений и писем, т. VII, Пгр. 1919, стр. 225.

Герцен А. И., Письма к М. К. Рейхель от 6 апреля и 8 сентября 1853 г., Полное собрание сочинений и писем, т. VII, Пгр. 1919, стр. 205, 323.

Достоевский Ф. М., Дневник писателя за 1873 г.; Берлин 1922.

Достоевский Ф. М., Статьи и материалы, под ред. А. С. Долинина, т. I, Пгр. 1922.

Евграфов В. Е., Общественно-политические и философские взгляды петрашевцев, «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», т. I, АН СССР, М. 1955.

Евграфов В. Е., Социально-политические и философские взгляды петрашевцев, Вступительная статья к сборнику «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», Госполитиздат, М. 1953, стр. 5—110.

Левитов А. М., Вопросы политической экономии в кружках петрашевцев, «Ученые записки» Ростовского финансово-экономического института, т. I, 1941, стр. 20—76.

Левитов А. М., Передовая экономическая мысль в России 40-х годов XIX века и ее значение в экономической науке, «Ученые записки финансово-экономического института», т. II, Ростов-на-Дону 1948.

Лейкина В., Петрашевцы, под ред. П. Е. Щеголева, М. 1924.

Лейкина-Свирская В. Р., О характере кружков петрашевцев, «Вопросы истории» № 4, 1956 г.

Никитина Ф., Общественно-политические и философские взгляды М. В. Буташевича-Петрашевского, сб. статей «Из истории русской философии XVIII—XIX веков», М. 1952, стр. 166—188.

Нифонтов А. С., Россия в 1848 году, Учпедгиз, М. 1949.

Нифонтов А. С., Россия и революция 1848 года, «Революция 1848—1849», т. 2, под ред. проф. Ф. В. Потемкина и проф. А. И. Молока, АН СССР, М. 1952, стр. 257—262.

Огарев Н. П., Предисловие (к сборнику «Русская потаенная литература XIX века»), «Избранные социально-политические и философские произведения», т. I, под общ. ред. И. Т. Иовчука и Н. Г. Тараканова, Госполитиздат, М. 1952, стр. 414—467.

Огарев Н. П., Надгробное слово, «Избранные социально-политические и философские произведения», т. I, Госполитиздат, М. 1952, стр. 647—657.

Пажитнов К. А., Развитие социалистических идей в России, т. I, М. 1924.

Райский Л., Социальные воззрения петрашевцев, Очерк из истории утопического социализма в России, Л. 1927.

Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Благонамеренные речи. Культурные люди, Полное собрание сочинений, т. XI, ГИХЛ, Л. 1934.

Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), За рубежом, Гослитиздат, М. 1950.

Салтыков-Щедрин М. Е., Письмо к П. В. Анненкову от 2 декабря 1875 г., «Письма 1845—1889 гг.», под ред. Н. В. Яковлева, Л. 1924, стр. 110—113.

Святловский В., К истории политической экономии и статистики в России, Спб. 1906.

Семевский В. И., М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, Собр. соч., под ред. В. Водовозова, т. I, II, М. 1922.

Семевский В. И., Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. II, Спб. 1888.

Семевский В. И., Сен-симонисты и фурьеристы в России в царствование имп. Николая I, «Книга для чтения по истории нового времени», т. IV, ч. 2, М. 1914, стр. 340—384.

Чернышевский Н. Г., Дневники, Полное собрание сочинений, т. I, М. 1939, стр. 29—565.

Энгельсон В. А., Петрашевский, в кн.: *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. VI, Пгр. 1919, стр. 502—519.

В. А. МИЛЮТИН

(К главе 16)

СОЧИНЕНИЯ

Милютин В. А., Очерки русской журналистики, преимущественно старой (напечатана без подписи автора), «Современник» № 1, 2, т. XXV, № 3, т. XXVI, 1851 г.

Милютин В. А., О производительных силах России, соч. Л. Тенгоборского (напечатана без подписи автора в отд. «Критика»), «Современник» № 12, т. XXX, 1851 г., стр. 23—58.

Милютин В. А., О недвижимых имуществах духовенства в России, М. 1862.

Милютин В. А., Избранные произведения, Госполитиздат, М. 1946.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В. Г., Письмо к В. П. Боткину от 5 ноября 1847 г., «Письма», т. III, Спб. 1914, стр. 272.

Блюмин И. Г., Экономические взгляды В. А. Милютина, «Проблемы экономики» № 2, 1936 г., стр. 123—140.

Блюмин И. Г., Экономические воззрения В. А. Милютина. Вступительная статья к «Избранным произведениям» В. А. Милютина, Госполитиздат, М. 1946, стр. 5—37.

Некролог, «Владимир Алексеевич Милютин», «Современник», т. LIII (53), 1855.

Семевский В. И., Сен-симонисты и фурьеристы в России в царствование имп. Николая I, «Книга для чтения по истории нового времени», т. IV, ч. 2, 1914, стр. 365—366.

Чернышевский Н. Г., Дневник 22-го года моей жизни (1849—1850), Полное собрание сочинений, т. I, стр. 361.

Чернышевский Н. Г., «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала». Речь И. Бабста. «Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении», соч. английского юрисконсульта Иеремиа Бентама, Полное собрание сочинений, т. IV.

БОРЬБА ИДЕЙНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

В ПЕРИОД РЕФОРМЫ 1861 г.

(К главе 17)

ИСТОЧНИКИ

«Архив братьев Тургеневых», вып. 5, Дневники и письма Н. И. Тургенева, т. III, Пгр. 1921, стр. 408.

Бабст И. К., Исторический метод в политической экономии, «Русский вестник», т. 3, кн. 1, май 1856 г., стр. 94—143.

Бабст И. К., О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала, Казань 1856.

Вилькинс И., Что нужно помещицкому, издельному крестьянину для безбедного содержания себя в нечерноземных губерниях, М. 1832.

Горлов И., Начала политической экономии, т. I, Спб. 1859.

Кавелин К. Д., Записка об освобождении крестьян в России (1855), Соч., т. 2, Спб. 1898, стр. 25.

Кавелин К. Д., Дворянство и освобождение крестьян (1862), Соч., т. 2, Спб. 1898, стр. 124—125.

Кошелев А., По поводу журнальных статей о замене обязательной работы наемною и о поземельной общинной собственности, «Русская беседа», т. IV, 1857, стр. 124.

«Крестьянская реформа 1861 года», сб. законодательных актов, М. 1954.

«Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II», т. I, 1855—1858, Берлин 1860.

Пеелов Д., О личном и общинном владении землею, «Русский вестник», т. 6, кн. 2, июль 1858, стр. 197—240; кн. 1, август 1858, стр. 389—440.

Салтыков-Щедрин М. Е., Дикая помещик, «Мелочи жизни», Избранные произведения в семи томах, т. VI, 1949, стр. 269—270.

Скалдин, В захолустьи и в столице, Спб. 1870, 1872.

Скребицкий А., Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. 2, ч. 1, 1863; ч. 2, 1865.

Чернышевский Н. Г., «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала», речь И. Бабста, Полное собрание сочинений, т. IV.

Чернышевский Н. Г., О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV.

Чернышевский Н. Г., О свободной международной торговле (Из путевых заметок А. Сербера-Медельгейма), Полное собрание сочинений, т. IV.

Чернышевский Н. Г., Славянофилы и вопрос об общине; «Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства» Струкова, Полное собрание сочинений, т. IV.

Чернышевский Н. Г., Критика философских предубеждений против общинного владения, Полное собрание сочинений, т. V.

Чернышевский Н. Г., О новых условиях сельского быта, Полное собрание сочинений, т. V.

Чернышевский Н. Г., Ответ на замечания г. Провинциала, Полное собрание сочинений, т. V.

Чернышевский Н. Г., Суеверие и правила логики, Полное собрание сочинений, т. V.

Чернышевский Н. Г., Устройство быта помещичьих крестьян, № XI, Полное собрание сочинений, т. V.

Чернышевский Н. Г., Устройство быта помещичьих крестьян, Труден ли выкуп земли?, Полное собрание сочинений, т. V.

Чернышевский Н. Г., Экономическая деятельность и законодательство, Полное собрание сочинений, т. V.

Чернышевский Н. Г., Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII.

Чернышевский Н. Г., Опыты открытий и изобретений, Г. Магистр Н. де Безобразов — псевдоним!, Полное собрание сочинений, т. X, стр. 60—78.

Чернышевский Н. Г., Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля; Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX.

«Что хотят видеть и чего видеть не хотят», «Экономический указатель» № 69, 1858 г., стр. 366—367.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Замечания на полях «Дополнений» к Миллю, в кн.: *Чернышевский Н. Г.*, Избранные произведения, т. II, первый полутом, М.—Л. 1937, стр. XXV.

Маркс К., Подготовка крестьянской реформы в России, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XI, ч. 1, стр. 529—531.

Маркс К., Освобождение крестьян в России, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XI, ч. 1, стр. 536—545.

Маркс К., Письмо к М. М. Ковалевскому, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Переписка с русскими политическими деятелями, М. 1951, стр. 232—233.

Маркс К., Хронологические выписки из истории России, «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, 1946.

Маркс К., Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России, «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, 1952, стр. 14.

Маркс К., Капитал, т. I, 1955, стр. 175.

Маркс К., Теории прибавочной стоимости, ч. 2, 1957, т. III, 1936, стр. 332, 366.

Маркс К., Из «Обзора истории Скандинавии и России до начала 30-летней войны», «Пролетарская революция» № 3, 1940 г., стр. 135—149.

Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 266.

Ленин В. И., От какого наследства мы отказываемся? Соч., т. 2, стр. 463, 469, 473.

Ленин В. И., Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 12, 136, 142—144, 149, 150—151, 376, 475, 476, 494; гл. 3, § 1, 2, 3.

Ленин В. И., Рабочая партия и крестьянство, Соч., т. 4, стр. 395.

Ленин В. И., Гонители земства и Аннибалы либерализма, Соч., т. 5, стр. 26.

- Ленин В. И.*, Народническому буржуазия и растерянное народничество, Соч., т. 7, стр. 87.
- Ленин В. И.*, О блоках с кадетами, Соч., т. 11, стр. 274.
- Ленин В. И.*, Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе, Соч., т. 12.
- Ленин В. И.*, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13, гл. 1, § 7; гл. II, § 5, 8.
- Ленин В. И.*, Аграрный вопрос в России к концу XIX века, Соч., т. 15, гл. 2.
- Ленин В. И.*, О «Вехах», Соч., т. 16.
- Ленин В. И.*, Политические партии за 5 лет третьей Думы, Соч., т. 17, стр. 449—450.
- Ленин В. И.*, Пятидесятилетие падения крепостного права, Соч., т. 17.
- Ленин В. И.*, По поводу юбилея, Соч., т. 17.
- Ленин В. И.*, О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев, Соч., т. 17, стр. 323.
- Ленин В. И.*, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17.
- Ленин В. И.*, Последний клапан, Соч., т. 18, стр. 227, 228.
- Ленин В. И.*, Сущность «аграрного вопроса в России», Соч., т. 18, стр. 57, 58.
- Ленин В. И.*, Либеральное подкрашивание крепостничества, Соч., т. 18.
- Ленин В. И.*, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 13.
- Ленин В. И.*, Земельный вопрос в России, Соч., т. 20, стр. 350.
- Ленин В. И.*, Крепостное хозяйство в деревне, Соч., т. 20, стр. 220—222.
- Ленин В. И.*, Крах II Интернационала, Соч., т. 21, стр. 189.
- Ленин В. И.*, О государстве, Соч., т. 29, стр. 439—440.
- Сталин И. В.*, Предисловие автора к 1-му тому Собрания сочинений, Соч., т. 1, стр. XII—XIII.
- Сталин И. В.*, Государственная дума и тактика социалдемократов, Соч., т. 1, стр. 206.
- Сталин И. В.*, Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б), Соч., т. 11, стр. 248, 249.
- Сталин И. В.*, О диалектическом и историческом материализме, «Вопросы ленинизма», изд. 11, стр. 553, 556.
- Сталин И.*, О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», «Большевик» № 9, 1941 г., стр. 1—5.
- Сталин И.*, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 15.
- * *
*
- Алексеев В. П.*, Секретные комитеты при Николае I, «Великая реформа», т. 2, М. 1911, стр. 194—208.
- Анненский Н. Ф.*, Стоимость производства хлеба в частновладельческих хозяйствах, «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», под ред. проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова, т. I, Спб. 1897, стр. 157—235.
- «Бабст», статья в БСЭ, т. 4, 1951, стр. 15.
- «Бастиа», статья в БСЭ, т. 4, 1951, стр. 290.
- Васильчиков А.*, Землевание и земледелие в России и других европейских государствах, т. 1, Спб. 1876, стр. 491, 494, 495.
- «Великая реформа», т. 1—3, М. 1911.
- «Горлов», статья в БСЭ, т. 12, 1954, стр. 93—94.
- Дружинин Н. М.*, Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, гл. 1, § 9, 11, АН СССР, М.—Л. 1946.

Дружинин П. М., Московское дворянство и реформа 1861 года, «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. 5, № 1, 1948 г., стр. 62—78.

Зайончковский П. А., Отмена крепостного права в России, Госполитиздат, М. 1954.

Иванюков И., Падение крепостного права в России, изд. 2, Спб. 1903, стр. 69, 140.

Игнатович И. И., Помещичьи крестьяне накануне освобождения, изд. 2, М. 1910, стр. 51, 53.

Каблуков Н. А., Значение хлебных цен для частного землевладения в Европейской России, «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», под ред. проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова, т. I, Спб. 1897, стр. 97—144.

Кареев Н., Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, М. 1879, стр. 186, 188.

Кауфман А. А., Русская община в процессе ее зарождения и роста, М. 1908.

Кашин В. Н., Крепостные крестьяне — землевладельцы накануне реформы, Л. 1934, стр. 9, 12, 13.

Князьков С. А., Быт крепостных крестьян перед освобождением, «Крепостное право в России и реформа 19 февраля», М. 1911, стр. 202.

Ковалевский М., Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения, М. 1879.

Конюшая Р. П., К изучению К. Марксом реформы 1861 г. и пореформенной экономики России (XI том «Архива Маркса и Энгельса»), «Вопросы экономики» № 6, 1949 г., стр. 23—41.

Конюшая Р. П., Изучение К. Марксом социально-экономического развития России после реформы 1861 года, «Вопросы истории» № 5, 1953 г., стр. 30—53.

Конюшая Р. П., Новые рукописи К. Маркса о России, «Коммунист» № 14, 1955 г., стр. 57—67.

Корнилов А. А., Крестьянская реформа, Спб. 1905.

Котов В. Н., К. Маркс и Ф. Энгельс о России и русском народе, «Знание», М. 1953.

Лосицкий А., Выкупная операция, Спб. 1906, стр. 16, 17, 39.

Лучицкий И. В., История крестьянской реформы в Западной Европе с 1789 г., «Университетские известия» № 11, ч. II, отд. I, Киев 1878 г., стр. 562; № 12, ч. II, отд. I, стр. 595—614.

Лучицкий И. В., Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789—1793 гг., Киев 1912, стр. 25, 118, 187.

Ляценок П. И., История народного хозяйства СССР, т. I, М. 1956, стр. 581 и след.

Мороховец Е. А., Крестьянская реформа 1861 года, Соцэкгиз, М. 1937, стр. 37, 49, 55.

Пайденов М., Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.), Госполитиздат, М. 1955.

Огановский П. П., Наделение земель помещичьих крестьян, М. 1913, стр. 21, 22, 38, 39.

Саморуков П., Энгельс и революционное движение в России во второй половине XIX столетия, «Московский пропагандист» № 4, 1945 г., стр. 15—24.

Свягловский В., К вопросу о судьбах землевладения в России, изд. 1, Спб. 1907; изд. 2, Спб. 1909.

Свягловский В., Мобилизация земельной собственности в России, Спб. 1909.

Семевский В. И., Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, Спб. 1888, стр. 265, 270, 271, 320; т. 2, Спб. 1888, стр. 104.

Скребицкий А., Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. II, ч. 1, Бонн-на-Рейне, 1868, стр. 485.

Смирнов А. Ф., Ф. Энгельс о революционном движении в России. «Известия АН БССР» № 1, Минск, январь — февраль 1951 г., стр. 3—15.

Соловьев Я. А., Крестьянское дело в 1856—1859 г., «Русская старина», т. 27, февраль 1880, стр. 327.

Трифильев Е. П., Очерки по истории крепостного права в России. Харьков 1904.

Тушунов А., Маркс об экономике пореформенной России, «Вопросы экономики» № 3, 1953 г., стр. 39—53.

Ходский Л. В., Земля и земледелец, т. II, гл. 2, 3, Приложение, Спб. 1891, стр. 21.

«Хронологические выписки» К. Маркса по истории России, «Пролетарская революция» № 3, 1940 г., стр. 114—135.

Цаголов Н. А., У истоков идейной борьбы вокруг двух типов буржуазной аграрной эволюции в России, «Вопросы экономики» № 3, 1949 г., стр. 45—61.

Цаголов Н. А., К вопросу об экономическом содержании «крестьянской реформы» (Теоретические заметки), «Известия АН СССР», отдел экономики и права, № 6, 1949 г., стр. 433—447.

Цаголов Н. А., Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права, гл. 1—4, 11, Госполитиздат, М. 1956.

Энгельман И., История крепостного права в России, М. 1900.

Янсон Ю., Опыт статистического исследования о крестьянских падежах и платежах, изд. 2, Спб. 1881, стр. 71, 73.

ДВОРЯНСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА КРЕПОСТНИКОВ

(К главе 18)

ИСТОЧНИКИ

А. Р., Шестой № «Журнала землевладельцев», «Атевей», ч. 4, июль — август 1858, стр. 490—491.

Безобразов В., Заметка по поводу статьи г. члена Императорского Вольного Экономического общества Гр. Бланка: «Русский помещичий крестьянин», «Русский вестник», т. 4, август 1856, кв. 2, № 16, стр. 246—259.

Безобразов Н., Об усовершенствии узаконений, касающихся до вотчинных прав дворянства. Введение, Берлин 1858, стр. 12, 18, 19.

Бланк Гр., Сельское управление. Русский помещичий крестьянин, «Труды Вольного Экономического общества», т. 2, № 6, 1856 г., стр. 125.

Бланк Гр., Антикритика. Ответ на заметку В. Безобразова по поводу статьи «Русский помещичий крестьянин», «Труды ВЭО», т. 1, 1857 г., стр. 125, 126.

Высотский В., Крестьянский вопрос в «Русском вестнике», «Журнал землевладельцев», т. I, № 1, отд. III, 1858 г., стр. 45—48.

Высотский В. Г., Несколько слов о годовом заработке крестьянского тягла, «Журнал землевладельцев», т. III, № 11, отд. III, 1858 г., стр. 97.

Высотский В. Г., «Несколько мыслей об улучшении быта крестьян П. П. Сумарокова», «Журнал землевладельцев», т. III, № 12, отд. III, 1858 г., стр. 107—134.

- Голицын С. П., «Печатная правда», Спб. 1858.
- Грузинов И. Р., Быт крестьянина Тамбовской губернии, «Журнал землевладельцев», т. II, № 5, отд. VI, 1858 г., стр. 17.
- Данилов Н. П., Практические замечания на статью г. Современника «О новых условиях сельского быта», «Журнал землевладельцев», т. III, № 9, отд. III, 1858 г., стр. 1—32.
- Дубенский В. Д., О поземельной ренте, «Журнал землевладельцев», т. IV, № 13, отд. II, 1858 г., стр. 6.
- [Желтухин А.], (без подписи). От издателя, «Журнал землевладельцев», т. I, № 1, отд. I, 1858 г., стр. 2, 3.
- А. Ж-н (Желтухин А.), Письмо пензенского помещика к Н. А. Ж., «Журнал землевладельцев», т. I, № 1, 1858 г., отд. V, стр. 7—8, 19, 20.
- Желтухин А., От издателя «Журнала 33», «Журнал землевладельцев», т. VI, № 24, 1859 г., стр. III, V, VII.
- Желтухин А., Попытка к соглашению, «Журнал землевладельцев», т. VI, № 24, 1859 г., стр. IX—XXIV.
- Желтухин А., Примечания на статьи проекта, «Журнал землевладельцев», т. VI, № 24, 1859 г., стр. XLI—LIII.
- Желтухин А., Проект освобождения крестьян (5 февраля 1847 года), «Журнал землевладельцев», т. VI, № 24, 1859 г., Приложение к Журналу землевладельцев № 6, стр. 1—8.
- А. Ж. (Желтухин А.), Пояснительная записка, представленная при описании имения саранскому предводителю дворянства Д. Э. Чарыкову (14 июля 1858 г., Москва), «Журнал землевладельцев», т. VI, № 24, 1859 г., Приложение к Журналу землевладельцев № 7, стр. 3, 13, 14.
- Издатель, Ответ г. Журавлеву, «Журнал землевладельцев», т. II, № 8, отд. VII, 1858 г., стр. 66.
- Ладыженский Е., Сельское управление, Русский помещик, «Труды Вольного Экономического общества», т. II, № 4, 1856 г., стр. 67, 74.
- «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II», т. I, Берлин 1860, стр. 253, 254.
- Медер А. фон, Описание улучшения быта крестьян, «Журнал землевладельцев», т. II, № 7, отд. V, 1858 г., стр. 43, 51.
- М., ...Отзыв крестьян о «Печатной правде», «Журнал землевладельцев», т. II, № 6, отд. VII, 1858 г., стр. 17.
- Н. О., Разбор брошюры Н. Безобразова «Об усовершенствовании узаконений, касающихся до вотчинных прав дворянства», «Колокол» № 15, 15 мая 1858 г., стр. 117.
- Неронов Д. А., Письма звенигородского помещика, «Журнал землевладельцев», т. III, № 12, отд. VII, 1858 г., стр. 1—10; т. IV, № 14—15, 1858 г., отд. VII, стр. 11—26; 27—50.
- Никифоров Н., Северная и Южная Россия, «Журнал землевладельцев», т. I, № 3, отд. VII, 1858 г., стр. 29.
- Никифоров Н., Капиталы, работа, земля, «Журнал землевладельцев», т. IV, № 16, отд. IV, 1858 г., стр. 72, 73, 78.
- Никифоров Н., Общественное устройство и естественная производительность России, «Журнал землевладельцев», т. VI, отд. «Смесь», 1859 г., стр. 47, 259.
- Остафьев А. Р., Об общинном праве, «Журнал землевладельцев», т. I, № 3, отд. VII, 1858 г., стр. 30—31.
- Плантаторский журнал Желтухина (Письмо из провинции), «Колокол» № 23/24, 15 сентября 1858 г., стр. 190—195.
- Прогасьев Е., Обзор статей, касающихся до улучшения быта поселян (по поводу статьи г. Кошелева в «Сельском благоустройстве» о крестьянских усадьбах), «Журнал землевладельцев», т. I, № 4, отд. III, 1858 г., стр. 131—138.

Протасьев Е. А., Несколько слов о будущем положении помещиков и крестьян их, «Журнал землевладельцев», т. II, № 6, отд. IV, 1858 г., стр. 69.

Протасьев Е., Заметка «Современнику», «Журнал землевладельцев», т. III, № 10, отд. III, 1858 г., стр. 60—61.

Разин А. Е., По поводу статьи г. Терпигорева «Мысли об учреждении на акциях земледельческого общества», «Журнал землевладельцев», т. III, № 10, отд. III, 1858 г., стр. 33—48.

Розелион-Сашальский А., Обзор статей, касающихся до улучшения быта поселян, «Журнал землевладельцев», т. II, № 8, отд. III, 1858 г., стр. 71.

Роцаковский К., Мысли о применении основных начал к действительному улучшению быта помещичьих крестьян Новороссийского края, «Журнал землевладельцев», т. II, № 6, отд. IV, 1858 г., стр. 62.

Селиванов В. В., Письмо к издателю (из Рязани), «Журнал землевладельцев», т. III, № 10, отд. VII, 1858 г., стр. 22.

Сумароков П. П., Обзор статей, касающихся до улучшения быта поселян, «Журнал землевладельцев», т. I, № 2, отд. III, 1858 г., стр. 47, 57, 89, 91.

Сумароков П., Заметка на «Заметку» «Русского вестника», «Журнал землевладельцев», т. II, № 6, отд. III, 1858 г., стр. 35.

Тарасенко-Отрешков Л., Свод мнений по крестьянскому вопросу, 3. Мнение об улучшении быта помещичьих крестьян Новооскольского уезда, «Журнал землевладельцев», т. VI, № 22, отд. I, 1859 г., стр. 259.

Чернышевский Н. Г., Заметка по поводу статьи Бланка: «Русский помещичий крестьянин...», Полное собрание сочинений, т. III.

Шипов С., Ответ на замечания А. И. Кошелева, «Журнал землевладельцев», т. III, № 11, отд. III, 1858 г., стр. 99—106.

Штейн А., Взгляд на новый быт с хозяйственной точки, «Журнал землевладельцев», т. VI, № 21, отд. II, 1859 г., стр. 90.

Эттер А., Мысли по крестьянскому делу помещика Новгородского уезда А. Эттера, «Журнал землевладельцев», т. V, № 18, отд. IV, 1859 г., стр. 33, 34.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И., Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни, Соч., т. 1, стр. 27.

Ленин В. И., От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2, стр. 473.

Ленин В. И., Некритическая критика, Соч., т. 3, стр. 551—552.

Ленин В. И., Рабочая партия и крестьянство, Соч., т. 4, стр. 395.

Ленин В. И., Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе, Соч., т. 11, стр. 95, 99.

Ленин В. И., По поводу юбилея, Соч., т. 17.

Ленин В. И., «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, стр. 95.

* *

*

Дружинин Н. М., «Журнал землевладельцев», 1858—1860 гг., ч. 1, «Труды Института истории», сб. статей, вып. 1, М. 1926, стр. 465—518.

Дружинин Н. М., «Журнал землевладельцев», 1858—1860 гг., ч. 2, Институт истории, «Ученые записки», т. II, М. 1927.

Дружинин Н. М., Московское дворянство и реформа 1861 года, «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. V, № 1, 1948 г., стр. 62—78.

Иванюков И., Падение крепостного права в России, изд. 2, Спб. 1903, стр. 20, 44, 100, 101, 102, 114.

«История СССР», т. II, Госполитиздат, М. 1954, стр. 27, 28.

Корнилов А. А., Крестьянская реформа, Спб. 1905, стр. 117—118.

Корнилов А. А., Основные течения правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы, «Освобождение крестьян. Деятели реформы», М. 1911, стр. 32.

Корнилов А. А., Курс истории России XIX в., ч. II, изд. 2, М. 1918, стр. 207.

Лященко П. И., Очерки аграрной эволюции России, т. 1, 1923, стр. 213.

Покровский М. П., Крестьянская реформа, «История России в XIX веке», т. 3, вып. 9—11, Спб. 1908, стр. 68—179.

Покровский М. П., Русская история с древнейших времен, т. IV, 1934, стр. 60, 78, 79, 89, 92.

Цаголов Н. А., Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права, гл. 5, 11, Госполитиздат, М. 1956.

СЛАВЯНОФИЛЫ

(К главе 19)

ИСТОЧНИКИ

[*Аксаков И. С.*], И. С. Аксаков в его письмах, т. 2, ч. 1, М. 1888, стр. 108.

Аксаков К. С., О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнения о родовом быте...), М. 1852.

Аксаков К. С., Замечания на новое административное устройство крестьян в России, Лейпциг 1861.

Бельский С., О влиянии развития фабричной промышленности на земледелие, «Русская беседа», кн. 4, отдел «Наука», 1856, стр. 102—128.

Г. Р., О некоторых вопросах по устройству быта помещичьих крестьян, «Сельское благоустройство», кн. 2, 1858, стр. 207—220.

Гордеенко Е., О свободном труде, «Сельское благоустройство», кн. 3, 1858, стр. 191—192.

Киреевский И. В., Полное собрание сочинений в 2-х томах, под ред. М. Гершензона, т. I—II, М. 1911.

[*Киреевский П. В.*], Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову, ред., вступ. статья и комментарии М. К. Азадовского, АН СССР, М.—Л. 1935.

Кошелев А. И. (Александр К...), Охота пуще неволи (Добрая воля споре неволи), «Земледельческая газета» № 99, 12 декабря 1847 г., стр. 790—791.

Кошелев А. И., Соображения касательно устройства железных дорог в России, «Русская беседа», кн. I, 1856, стр. 148—160; кн. III, 1856, стр. 88—112.

Кошелев А. И., Еще несколько слов о способах заготовления фуража и провианта для армии и флота, «Русская беседа», кн. II, отд. «Смесь», 1857, стр. 105—116.

Кошелев А. И., По поводу журнальных статей о замене обремененной работы наемною и о поземельной общинной собственности, «Русская беседа», кн. IV, 1857, стр. 130, 131, 157, 161, 164, 170.

Кошелев А. И., Нечто о грамотности, «Русская беседа», кн. 1, отд. «Смесь», 1858, стр. 213—219.

Кошелев А. И., О дворовых людях и о мерах к их освобождению, «Сельское благоустройство», кн. 2, 1858, стр. 149—162.

Кошелев А. И., О наделении крестьян землею при уничтожении крепостного состояния в России, «Сельское благоустройство», кн. 2, 1858, стр. 221—231.

Кошелев А. И., По поводу предыдущей статьи, «Сельское благоустройство», кн. 2, 1858, стр. 17—21.

Кошелев А. И., Русская сельская община («Русский вестник» № 17), «Сельское благоустройство», кн. 4, 1858, стр. 43—68.

Кошелев А. И., Два слова по поводу ответа С. П. Шипова («Журнал землевладельцев» № 11), «Сельское благоустройство», кн. 4, 1858, стр. 73—75.

Кошелев А. И., Конституция, самодержавие и земская дума, Berlin—Leipzig 1862.

Кошелев А. И., О цензе, «День» № 18, 1862 г., стр. 6—8; № 20, стр. 5—6.

Кошелев А. И., Заметка на отзыв «Современной летописи» о цензе, «День» № 23, 1862 г., стр. 4, 5.

Кошелев А. И., О процентных денежных знаках, «День» № 29, 1862 г., стр. 6—9.

Кошелев А. И., О главных препятствиях к устройству и успехам наших сельских хозяйств, «День» № 7, 1864 г., стр. 9—11.

Кошелев А. И., Неотчуждаемость крестьянских участков и круговая порука, «День» № 10, 1864 г., стр. 9—11.

Кошелев А. И., О нашем денежном кризисе, «День» № 13, 1864 г., стр. 3—7; № 14, стр. 4—8.

Кошелев А. И., Голос из земства, вып. 1, М. 1869.

Кошелев А. И., О подушных податях, «Беседа», кн. I, 1871, стр. 161—181.

Кошелев А. И., О государственном земском собрании, «Беседа», кн. II, 1871, стр. 245—266.

Кошелев А. И., О прусских податях классной и подоходной и о том, желательны ли и можно ли ввести их у нас?, «Беседа», кн. II, 1871, стр. 267—283.

Кошелев А. И., Ответ на заметки г. Коллопанова о переложении подушной подати, «Беседа», кн. III, 1871, стр. 1—5.

Кошелев А. И., О воинской повинности с земской точки зрения, «Беседа», кн. IV, 1871, стр. 266—277.

Кошелев А. И., В чем мы всего более нуждаемся, «Беседа», кн. VIII, 1871, стр. 147—174.

Кошелев А. И., О всесословной волости, «Беседа», кн. III, 1872, стр. 103—131.

Кошелев А., Наше положение, Berlin 1875.

Кошелев А., Общая земская дума в России, Berlin 1875.

Кошелев А., Об общинном землевладении в России, Berlin 1875.

Кошелев А. И., О мерах к восстановлению ценности рубля, Спб. 1878 (перепечат. из: «Новое время» № 942, 943, 1878 г.).

Кошелев А. И., Что теперь делать? Berlin 1879.

Кошелев А., О кредите земледельцам при покупке ими земли, М. 1880.

Кошелев А., Где мы? Куда и как идти?, Berlin 1881.

Кошелев А., О мерах к сокращению пьянства, М. 1881.

Кошелев А., О сословиях и состояниях в России, М. 1881.

[*Кошелев А. И.*], «Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы)», с семью приложениями, Berlin 1884, стр. 6, 14, 25.

Самарин Ю. Ф., Собрание сочинений в 12-ти томах, т. I—XII, М. 1877—1911, особенно т. II, III, XII.

Самарин Д. Ф., Поборник вселенской правды, Спб. 1890.

Самарин Д. Ф., Родословная полевого травосеяния на общинных землях (1819—1897), М. 1897.

Самарин Д. Ф., Какие возможны меры против периодических голодовок, Спб. 1899.

Самарин Д. Ф., О низких ценах на хлеб, М. 1902.

Самарин Д. Ф., Собрание статей, речей и докладов, т. 1—2, М. 1903—1906.

Скуратов Д., Замечания на статью Г. Горлова «Протекционизм в России и свобода труда», «Вестник промышленности» № 1, июль 1858 г., разд. «Критика и библиография», стр. 64—82.

Хомяков А. С., Полное собрание сочинений в 8-ми томах, т. I—VIII, изд. 2, М. 1900, особенно, т. III, VIII.

Черкасский В. А., Его статьи, его речи и воспоминания о нем, М. 1879.

Чернышевский Н. Г., «Русская Беседа» и ее направление, Полное собрание сочинений, т. III.

Чернышевский Н. Г., Славянофилы и вопрос об общине, Полное собрание сочинений, т. IV.

Чижов Ф., Топографическое описание Черниговского наместничества, М. 1852.

Шипов А., Влияние на промышленность свободного и обязательного труда, «Вестник промышленности», т. II, № 4, апрель 1859 г., отд. III, «Наука», стр. 55—86.

Шипов А., О значении внутренней и внешней торговли вообще и особенно в России, «Вестник промышленности» т. XIII, № 7, июль 1861 г., отд. «Наука», стр. 30—84.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И., Перлы народнического прожектерства, Соч., т. 2.

Ленин В. И., Развитие капитализма в России, Предисловие к 1 изданию, Соч., т. 3, стр. 6.

Ленин В. И., Гонители земства и Аннибалы либерализма, Соч., т. 5, стр. 28—31.

Ленин В. И., По поводу юбилея, Соч., т. 17, стр. 86.

* *
*

Барсуков Н., Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 9, Спб. 1895, стр. 303—304; кн. 16, Спб. 1902, стр. 14, 15, 16, 19.

Владимиров Л. Е., Алексей Степанович Хомяков и его этико-социальное учение, М. 1904.

Ганичев И., Обсуждение доклада С. Дмитриева: «Славянофилы и славянофильство», «Историк-марксист» № 1, 1941 г., стр. 97—99.

Державин Н., Герцен и славянофилы, «Историк-марксист» № 1, 1939 г., стр. 126.

Дмитриев С. С., Славянофилы и славянофильство (Из истории русской общественной мысли середины XIX века), «Историк-марксист» № 1, 1941 г., стр. 89, 93—96.

Дмитриев С. С., Архив редакции «Сельского благоустройства» 1858—1859, «Записки отдела рукописей», вып. X, «Крестьянская реформа 1861 г.», М. 1941, стр. 36, 37.

Дмитриев С. С., Славянофилы, БСЭ, т. 51, 1945, стр. 366—375.

Завитневич В. З., Алексей Степанович Хомяков, т. 1, кн. 1, 2, Киев 1902; т. 2, Киев 1913.

«История СССР», т. II, под ред. чл.-кор. АН СССР М. В. Нечкиной, М. 1954, стр. 198—200.

Капустин С., К вопросу об экономической стороне славянофильского учения, «Северный вестник», кн. 1, отд. II, 1885, стр. 65—81.

Лященко П. И., История народного хозяйства СССР, т. 1, М. 1956, стр. 483—484.

Покровский С. А., Внешняя торговля и внешняя торговая политика России, М. 1947.

Струве П., Торговая политика России, изд. 2, Спб. 1913, стр. 207.

Цаголов Н. А., Порочная книга о развитии русской экономической мысли, «Вопросы экономики» № 4, 1948 г., стр. 101—109.

Цаголов Н. А., У истоков идейной борьбы вокруг двух типов буржуазной аграрной эволюции в России, «Вопросы истории отечественной науки», АН СССР, 1949, стр. 625—630.

Цаголов Н. А., Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права, гл. 6, 11, Госполитиздат, М. 1956.

Штейн В. М., Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков, Л. 1948, стр. 12, 13, 18, 130, 132, 144, 146, 151.

Шульце-Геверниц Герхардт фон, Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, Спб. 1901, стр. 150—151, 169, 192.

Б. Н. ЧИЧЕРИН

(К главе 20)

СОЧИНЕНИЯ Б. Н. ЧИЧЕРИНА

Чичерин Б. Н., Обзор исторического развития сельской общины в России, «Русский вестник», т. I, кн. 1, февраль 1856, стр. 373—396; кн. 2, стр. 579—602.

Чичерин Б. Н., О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян, «Атеней», ч. 1, № 1—8, январь — февраль 1858 г., стр. 486—526.

Чичерин Б. Н., О французских крестьянах, «Атеней», ч. 1, № 8, январь — февраль 1858 г., стр. 1—19, 84—98, 160—178, 219—228.

Чичерин Б. Н., Несколько современных вопросов, М. 1862.

Чичерин Б. Н., Немецкие социалисты: т. I. Лассаль, «Сборник государственных знаний», под ред. В. П. Безобразова, т. 5, Спб. 1878, стр. 1—72.

Чичерин Б. Н., Русский дилетантизм и общинное землевладение, М. 1878.

Чичерин Б. Н., Собственность и государство, ч. 1, М. 1882; ч. 2, М. 1883.

Чичерин Б. Н., История политических учений, ч. 1, 1882, стр. 394—416; ч. 2, 1883, стр. 1—25; ч. 5, 1902, стр. 88—230;

Чичерин Б. Н., Политические мыслители древнего и нового мира, М. 1897.

Чичерин Б. Н., Вопросы политики, М. 1904.

Чичерин Б. Н., Задачи нового царствования, «Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки», т. I, М.—Пгр. 1923.

Чичерин Б. Н., Еще о сельской общине (ответ Беляеву); без места и года издания.

Чичерин Б. Н., Воспоминания. Москва сороковых годов, М. 1929.

Чичерин Б. Н., Воспоминания. Московский университет, М. 1929.

Чичерин Б. Н., Воспоминания. Путешествие за границу, М. 1932.

Чичерин Б. Н., Воспоминания. Земство и московская дума, М. 1934.

* *
*

Чернышевский Н. Г., «Областные учреждения России в XVII веке». Сочинение Б. Чичерина, Полное собрание сочинений, т. III, М. 1947, стр. 568—584.

Чернышевский П. Г., «Обзор исторического развития сельской общины» Б. Чичерина, Полное собрание сочинений, т. III, М. 1947, стр. 644—650.

Чернышевский П. Г., Б. Чичерин как публицист, Полное собрание сочинений, т. V, М. 1950, стр. 644—670.

Чернышевский П. Г., О новых условиях сельского быта, Полное собрание сочинений, т. V, М. 1950.

Чернышевский П. Г. Кредитные дела, Полное собрание сочинений, т. VII, М. 1950.

Чернышевский П. Г., «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов» Г. Кэре, Полное собрание сочинений, т. VII, М. 1950.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Капитал, т. I, гл. 24.

Маркс К., Письмо к Н. Ф. Даниельсону 28/XI—1878, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Переписка с русскими политическими деятелями, М. 1951, стр. 99—100.

Ленин В. И., От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2, стр. 469, 473.

Ленин В. И., Гонители земства и Аннибалы либерализма, Соч., т. 5, стр. 50.

Ленин В. И., Роспуск думы и задачи пролетариата, Соч., т. 11, стр. 99.

Ленин В. И., Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе, Соч., т. 12, стр. 237—238.

Ленин В. И., Исторические судьбы учения Карла Маркса, Соч., т. 18, стр. 544—547.

Ленин В. И., Последний клапан, Соч., т. 18, стр. 227.

* *
*

Васильчиков А., Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, т. 2, Спб. 1876.

Зибер Н. И., Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского, «Отечественные записки» № 11, 1877 г., «Современное обозрение», стр. 1—32.

Зибер Н. И., Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина, Соч., т. 2, Спб. 1900, стр. 610—717.

«История СССР», т. II, под ред. чл.-кор. АН СССР М. В. Нечкиной, М. 1954, стр. 200, 211.

Покровский М. Н., Предисловие к книге «Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, М.—Пгр. 1923.

Цаголов Н. А., У истоков идейной борьбы вокруг двух типов буржуазной эволюции, «Вопросы истории отечественной науки», АН СССР 1949, стр. 625—630.

Цаголов Н. А., Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права, гл. 7, 11, Госполитиздат, М. 1956.

Щенегов К. П., Крепостное право в вотчинах Шереметевых, М. 1947, стр. 29, 85, 86, 200, 355.

К. Д. КАВЕЛИН

(К главе 21)

ИСТОЧНИКИ

Кавелин К. Д., Собрание сочинений в 8-ми томах, т. I—VIII, Сиб. 1897—1900, особенно т. II, III.

Чернышевский П. Г., О новых условиях сельского быта, Полное собрание сочинений, т. V, М. 1950.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И., Роспуск думы и задачи пролетариата, Соч., т. 11, стр. 99.

Ленин В. И., Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе, Соч., т. 12, стр. 237—238.

Ленин В. И., Исторические судьбы учения Карла Маркса, Соч., т. 18, стр. 544—547.

Ленин В. И., Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 13.

Ленин В. И., Последний клапан, Соч., т. 18, стр. 227.

Лященко П. И., История народного хозяйства СССР, т. 1, 1956, стр. 483.

Скалдин, В захолустья и в столице, Спб. 1870, стр. 106.

Цаголов Н. А., Экономические взгляды К. Д. Кавелина, «Ученые записки» МГУ, вып. 130. Труды по истории народного хозяйства и экономических учений, 1949, стр. 45—85.

Цаголов Н. А., Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права, гл. 8, Госполитиздат, М. 1956.

И. Я. ГОРЛОВ

(К главе 22)

ИСТОЧНИКИ

СОЧИНЕНИЯ И. Я. ГОРЛОВА

Горлов И. Я., О доходе с капитала, «Ученые записки» Казанского университета, кн. 2, Казань 1840, стр. 63—94.

Горлов И. Я., Философия лажы, «Москвитянин», № 2, ч. 1, 1841 г., стр. 486—506.

Горлов И. Я., Теория финансов, Казань 1841.

Горлов И. Я., О труде и населении, «Москвитянин», ч. 1, 1848 г., стр. 11—27.

Горлов И. Я., Обзорение экономической статистики России, Спб. 1849.

Горлов И. Я., Протекционизм в России и свобода труда, «Библиотека для чтения», т. 148, стр. 156—211. Спб. 1858.

Горлов И. Я., Начала политической экономии, т. 1—2, Спб. 1859—1862.

Горлов И. Я., Политическая экономия, Лекции, Спб. 1872.

В. А. КОКОРЕВ

(К главе 23).

СОЧИНЕНИЯ

Кокорев В. А., Мысли по поводу дороговизны на хлеб и мясо, Спб. 1880.

Кокорев В. А., Мысли русского, порожденные речью князя Бисмарка, Спб. 1888.

Кокорев В. А., Нужды и потребности, М. 1883.

Кокорев В. А., О согласовании правил по винокурению и продаже вина с потребностями народной жизни, Спб. 1882.

Кокорев В. А., Обличительное дело, I—IV, Спб. 1859.

Кокорев В. А., Путь севастопольцев, М. 1858.

[*Кокорев В. А.*], Слова и речи, произнесенные В. А. Кокоревым на обеде, данном им в честь гг. градских голов в Московском кучеческом клубе 12 сентября 1856 г., М. 1856.

Кокорев В. А., Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 г., Спб. 1887.

Кокорев В. А., Миллиард в тумане, «Санкт-Петербургские ведомости» № 6, 1859 г., стр. 23.

Д. Н. СТРУКОВ, И. В. ВЕРНАДСКИЙ

(К главе 24)

СОЧИНЕНИЯ Д. Н. СТРУКОВА

Струков Д., Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства, «Экономический указатель» № 5, 1857 г., стр. 115—119; № 7, стр. 166; № 9, стр. 204, 205, 208; № 10, стр. 235.

Струков Д. Н., О поземельном владении и пользовании, приложение к «Земледельческой газете», 1858 г., № 64 — «Сборник сведений о сельском устройстве»; стр. 33—52.

Струков Д. Н., Замечания на статью г. Русина, помещенную в журнале «Сельское хозяйство» под названием: «Опыт приложения вольнонаемного труда к сельскому хозяйству», «Сельское хозяйство», т. 2, отд. IV, «Библиография», 1860, стр. 9—14.

СОЧИНЕНИЯ И. В. ВЕРНАДСКОГО

Вернадский И. В., Критико-историческое исследование об италийской политико-экономической литературе до начала XIX века, М. 1849.

Вернадский И. В., Исследования производительных сил России, соч. Л. Тенгоборского, «Отечественные записки», т. XXX (80), кн. 2, отд. 5, «Критика», 1852, стр. 61—84

Вернадский И. В., Теория кредита, соч. Н. Бунге, «Отечественные записки», т. 85, № 11—12, отд. 5, «Критика», 1852 г., стр. 55—86.

Вернадский И. В., Задача статистики, «Журнал министерства народного просвещения», ч. LXXIV, отд. II, 1852, стр. 61—92.

Вернадский И. В., План статистического описания губерний Киевского учебного округа, состав. Дм. Журавский, «Отечественные записки», т. 88, кн. 5, отд. «Критика», май 1853 г., стр. 1—22.

Вернадский И. В., Несколько слов о железных дорогах в России, по поводу речи г. Рославского, «Московские ведомости» № 55, 1853 г., стр. 561—562.

Вернадский И. В., Политическое равновесие и Англия, М. 1855, изд. 2, испр. 1877.

Вернадский И. В., О внешней торговле, «Русский вестник», т. 2, 1856, стр. 603—604.

Вернадский И. В., Предмет политической экономии, «Журнал министерства народного просвещения», ч. XC, отд. II, май 1856 г., стр. 127—144.

Вернадский И. В., Понятия Гопкинса о народном хозяйстве, пер. с английского, Предисловие И. Вернадского, М. 1856.

Вернадский И. В., Еще о внешней торговле, «Русский вестник», т. 3, № 6, кн. 2, июнь 1856 г., «Современная летопись», стр. 281—289.

Вернадский И. В., Исследования о бурлаках, «Журнал министерства внутренних дел», 1857 г., ч. XXIII, кн. 5, отд. II, 1857, стр. 71—118; ч. XXIV, кн. 4, отд. II, стр. 1—42.

Вернадский И. В., Очерк теории потребностей, Спб. 1857.

Вернадский И. В., Исторический очерк практической статистики; [без года издания].

- И. В. (Вернадский И. В.)*, Значение природы в государственном хозяйстве, «Экономический указатель» № 1, 1857 г., стр. 1—10.
- И. В. (Вернадский И. В.)*, Об условиях благосостояния, «Экономический указатель» № 3, 1857 г., стр. 49—53.
- И. В. (Вернадский И. В.)*, Прибыль народонаселения в России, «Экономический указатель» № 3, 1857 г., стр. 65—66.
- И. В. (Вернадский И. В.)*, Кредит и монета, «Экономический указатель» № 7, 1857 г., стр. 150—151.
- Вернадский И.*, Современный вопрос, «Экономический указатель» № 7, 1857 г., стр. 156—160.
- И. В. (Вернадский И. В.)*, Политико-экономическое обозрение, «Экономический указатель» № 8, 12, 16, 20, 24, 29, 34, 40, 1857 г.
- Вернадский И. В.*, Финансовое обозрение, «Экономический указатель» № 9, 13, 17, 21, 25, 30, 37, 43, 1857 г.
- И. В. (Вернадский И. В.)*, Статистическое обозрение, «Экономический указатель» № 11, 15, 19, 23, 35, 41, 1857 г.
- И. В. (Вернадский И. В.)*, Очерк теории потребностей, «Экономический указатель» № 21, 22, 23, 26, 28, 30, 1857 г.
- И. В. (Вернадский И. В.)*, О поземельной собственности (Критику «Современника»), «Экономический указатель» № 22, 25, 27, 1857 г.
- (Вернадский И. В.)*, Нечто о тарифе, «Экономический указатель» № 24, 1857 г., стр. 545—547.
- И. В. (Вернадский И. В.)*, Средства сообщения, «Экономический указатель» № 25, 1857 г., стр. 572—573.
- Вернадский И.*, Ответ на 134 № «Северной пчелы». «Экономический указатель» № 25, 1857 г., стр. 591.
- И. В. (Вернадский И. В.)*, Политико-экономическое обозрение, «Экономический указатель» № 57, 1858 г., стр. 103—104.
- И. В. (Вернадский И. В.)*, Обзорение новых политико-экономических сочинений, «Экономический указатель» № 58, 1858 г., стр. 122—126.
- Вернадский И. В.*, Против чего мы вооружаемся и чего желаем? (Автору «Общины» В. А. Панаеву), «Экономический указатель» № 66, 1858 г., стр. 289—298.
- [Вернадский И. В.]*, (Без подписи), Политико-экономическое значение некоторых общественных фактов, 1. Передвижение, «Экономический указатель» № 70, 1858 г., стр. 385—390.
- И. В-ский, [Вернадский И. В.]*, Политико-экономическое значение некоторых общественных фактов, 2. Счетная единица, «Экономический указатель» № 78, 1858 г., стр. 579—584.
- Вернадский И.*, Очерк истории политической экономии, Спб. 1858.
- Вернадский И. В.*, Проспект политической экономии, Спб. 1858.
- Вернадский И. В.*, Крестьянское дело с научной точки зрения, «Указатель политико-экономический» № 129, 1859 г., стр. 571—577.
- Вернадский И. В.*, Туман в крестьянском деле, «Указатель политико-экономический» № 131, 1859 г., стр. 617.
- И. В-ский [Вернадский И. В.]*, К монетному вопросу, «Указатель политико-экономический» № 133, 1859 г., стр. 659—660.
- И. В. [Вернадский И. В.]*, Мелкие деньги, «Указатель политико-экономический» № 150, 1859 г., стр. 1040—1042.
- И. В. [Вернадский И. В.]*, Политико-экономические вопросы во Франции, «Указатель политико-экономический» № 155, 1859 г., стр. 1157—1159.
- [Вернадский И. В.]* Без подписи, Экономические вопросы на Западе, «Указатель политико-экономический» № 156, 1859 г., стр. 1182.
- И. В. (Вернадский И. В.)*, Вопрос дня, «Указатель политико-экономический» № 158, 1860 г., стр. 21—25.
- И. В. (Вернадский И. В.)*, Экономические вопросы на Западе, «Указатель политико-экономический» № 158, 1860 г., стр. 26—28.

И. В. (Вернадский И. В.), Можно ли оглашать действия акционерных компаний?, «Указатель политико-экономический» № 160, 1860 г., стр. 57—60.

И. В. (Вернадский И. В.), Экономические общества за границей, «Указатель политико-экономический» № 164, 1860 г., стр. 142—143.

Ред-р [Вернадский И. В.], Завоевания без издержек, «Указатель политико-экономический» № 168, 1860 г., стр. 217—222.

Ред-р [Вернадский И. В.], По поводу полемики г. Ходнева, «Указатель политико-экономический» № 168, 1860 г., стр. 235—236.

Вернадский И. В., О мене и торговле, Сиб. 1865, стр. 3.

Вернадский И. В., Замечания в книге *Г. Шторха*, «Курс политической экономии», т. 1, Сиб. 1881, перевод под ред. и с заметками И. В. Вернадского.

И. БАБСТ

(К главе 25)

СОЧИНЕНИЯ

Бабст И., Джон Ло, или Финансовый кризис Франции в первые годы регентства, М. 1852.

Бабст И., О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. Речь, произнесенная 6-го июня 1856 года в торжественном собрании Казанского университета, М. 1857.

Бабст И., О характере политико-экономических учений, возникших после Адама Смита, «Журнал министерства народного просвещения», ч. XC, отд. 2, апрель 1856, стр. 61—77.

Бабст И., Исторический метод в политической экономии, «Русский вестник», кн. 1, май 1856, стр. 94—141.

Бабст И., Куда делось серебро?, «Русский вестник», кн. 2, октябрь 1856, стр. 269—275.

Бабст И., Теория и практика, «Экономический указатель» № 5, 1857 г., стр. 108—115.

Бабст И., О промышленных кризисах, «Атеней», ч. 1, январь — февраль 1858, стр. 38—52, 99—108.

Бабст И., Русские протекционисты, «Атеней», ч. 2, № 16, март — апрель 1858 г., стр. 475—483.

Бабст И., От Москвы до Лейпцига, М. 1859.

Бабст И., Свобода труда, «Атеней» № 6, ч. 2, март — апрель 1859 г., стр. 121—140.

Бабст И., Курс политической экономии, (М.) 1859.

Бабст И., Публичные лекции политической экономии, читанные И. К. Бабстом в зале Практической Академии Коммерческих наук, вып. 1—4, М. 1860.

Бабст И., Мысли о современных нуждах нашего народного хозяйства, М. 1860.

Бабст И., Русская мануфактурная промышленность, «Санкт-Петербургские ведомости» № 115—119, 1853 г.

Бабст И., Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма (К. Победоносцев и И. Бабст), М. 1864.

Бабст И., Изложение начал народного хозяйства, т. 1, вып. 1, М. 1872.

Бабст И., Наше банковое дело, «Русские ведомости» № 169, 174, 195, 199, 1873 г.

Бабст И. К., Материалы для географии и статистики России, «Вестник промышленности», т. XI, № 1, V отд., январь 1861 г., отд. «Критика и библиография», стр. 1—30.

ИСТОЧНИКИ

К главам 22—25

- Адрес-календарь, ч. 1—2, 1857, стр. 7, 234; ч. 1, 1862/63, стр. 459, 604.
- Безобразов В. П.*, Материалы для физиологии общества, «Русский вестник», т. 16, кн. 1, июль 1858, «Современная летопись», стр. 27—34.
- Безобразов В. П.*, Письмо к С. Т. Аксакову по поводу крестьянского вопроса, «Русский вестник», т. 16, кн. 2, август 1858, «Современная летопись», стр. 305—324.
- Безобразов В.*, О значении и важности общественно-физиологических исследований в России, «Век» № 3, 1861 г., стр. 85—94.
- Бунге П. Х.*, Кредит и крепостное право, «Русский вестник», т. 19, кн. 2, январь 1859, «Современная летопись», стр. 125—136.
- Ваньковский В. В.*, Еще возражения протекционистам, «Санкт-Петербургские ведомости» № 186, 1856 г., стр. 1019—1020.
- Данилов П. П.*, О повинностях срочно-обязанных крестьян к помещику, «Экономист», т. II, кн. 3, Спб. 1859, стр. 34.
- Кокорев В. А.*, Миллиард в тумане, «Санкт-Петербургские ведомости» № 6, 1859.
- Кор-ко Е.*, Крестьянский вопрос, II, III, IV, V, «Экономический указатель» № 63, 1858 г., стр. 230; № 65, стр. 279, 283, 289; № 67, стр. 329, 330; № 69, стр. 371—373.
- Кор-ко Е.*, Крестьянский вопрос, «Указатель политико-экономический» № 128, 1859 г., стр. 543, 545, 550, 551, 552.
- Крестьянский вопрос, «Русский вестник», т. 16, кн. 2, июль 1858, «Современная летопись», стр. 90, 92.
- Лешков В.*, По поводу статьи г. Вернадского «Еще о внешней торговле», помещенной в № 75 «Московских ведомостей», «Москвитянин», т. II, № 6, 1856 г., стр. 227—237.
- Микешин К.*, Мысли по случаю статей о свободной торговле в России, «Северная пчела» № 178, 1856 г., стр. 905.
- Никифоров П. А.*, Миллиард не в тумане, «Журнал землевладельцев», т. V, № 19, отд. III, 1859 г., стр. 1—10.
- Обзор новых книг: «Критико-историческое исследование об италийской политико-экономической литературе до начала 19 века», М. 1849, соч. И. Вернадского, «Москвитянин», ч. II, № 8, 1849 г., отд. «Критика и библиография», стр. 71—78.
- Политико-экономический комитет при императорском Русском географическом обществе. Собрание 8 апреля 1861 года, «Век» № 25, 28 июня 1861 г.; № 26, 5 июля 1861 г. (речи и выступления).
- Рагозин В.*, Несколько замечаний на статью г. Вернадского «О внешней торговле», «Северная пчела» № 168, 1856 г., стр. 856—858; № 169, стр. 863—864.
- Рецензия на соч. И. В. Вернадского «Критико-историческое исследование об италийской политико-экономической литературе до начала 19 века», «Современник», т. 15, № 5, отд. III, 1849 г., стр. 37—42.
- Скалдин*, В захолустьях и в столице, Спб. 1870, стр. 285, 294.
- Скуратов Д.*, По поводу статьи г. Вернадского «О внешней торговле», «Северная пчела» № 126, 1856 г., стр. 652—655.
- Тенгоборский Л. В.*, О производительных силах России, ч. II, отд. II, перевод с франц. с доп. и примеч. И. В. Вернадского, Спб. 1858, стр. 10, 19, 24.
- Ушинский А.*, О значении мануфактурной промышленности в России и об охранной системе., ч. 1, Спб. 1858, стр. 59, 61, 62; ч. II, стр. 36, 37.
- Чернышевский Н. Г.*, Из № 3 «Современника». Экономический указатель. Теория и практика Бабста. Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства, Полное собрание сочинений, т. IV.

Чернышевский Н. Г., Из № 5 «Современника». «Политическое равновесие и Англия» И. Вернадского, Полное собрание сочинений, т. II.

Шторх Георг, Курс политической экономии, перевод под редакцией и с заметками И. В. Вернадского, т. 1, Спб. 1881.

Я. П., Ответ г-ну Вернадскому., «Северная пчела» № 148, 1856 г., стр. 763.

Яхонтов С., Мысли по вопросу о внешней свободной торговле, «Северная пчела» № 236, 1856 г., стр. 1195—1198.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Капитал, т. I, гл. 24, т. III, стр. 799.

Маркс К., Теории прибавочной стоимости, т. 1, 1955, стр. 18—19; ч. II, отд. 2, гл. 3, § в, 1936, стр. 8, 10.

Ленин В. И., Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни, Соч., т. 1, стр. 27.

Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч. т. 1, стр. 263, 264.

Ленин В. И., Экономическое содержание народничества, Соч., т. 1, стр. 335.

Ленин В. И., От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2, стр. 467—469.

Ленин В. И., Рабочая партия и крестьянство, Соч., т. 4, стр. 395.

Ленин В. И., Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе, Соч., т. 12, стр. 257.

Ленин В. И., Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции, т. 13, стр. 223, 248—260, 387.

Ленин В. И., По поводу юбилея, Соч., т. 17, стр. 88.

Ленин В. И., «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, стр. 96.

* * *

Бабст И. К., БСЭ, т. 4, стр. 15.

Блюмин И. Г., Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века, М.—Л. 1940, стр. 80.

«Вернадский И. В.», статья в БСЭ, т. 7, 1951, стр. 502—503.

Горький М., История русской литературы, т. 1, М. 1939, стр. 223.

Каратаев Н. К., К историографии политической экономии в России, «Известия АН СССР», Отделение экономики и права, № 6, 1945 г., стр. 42—43.

Каратаев Н. К., Экономические науки в Московском университете, М. 1956.

Лященко П. И., История народного хозяйства СССР, т. 1, 1947, стр. 496, 497; 1952, стр. 492, 493; 1956, стр. 484, 581 и след.

Покровский С. А., Внешняя торговля и внешняя торговая политика России, М. 1947, стр. 20, 280.

Штейн В., Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков, Л. 1948, стр. 270.

Цаголов П. А., Порочная книга о развитии русской экономической мысли, «Вопросы экономики» № 4, 1948 г., стр. 101—109.

Цаголов П. А., У истоков идейной борьбы вокруг двух типов буржуазной аграрной эволюции в России, «Вопросы экономики» № 3, 1949 г., стр. 45—61.

Цаголов П. А., Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права, гл. 9, 10, 11, Госполитиздат, М. 1956.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРОГРАММА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

А. И. ГЕРЦЕН

(К главе 26)

СОЧИНЕНИЯ

Герцен А. И., Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. 1—22, Пгр. 1919; Л. 1925.

Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах, т. I—X, АН СССР, М. 1954—1956.

Герцен А. И., Статьи и письма, «Литературное наследство», т. 7—8, АН СССР, М. 1933.

Герцен А. И., Материалы и документы. Неизданные письма Герцена, «Литературное наследство», т. 39—40, АН СССР, М. 1941, стр. 165—264.

Герцен А. И., Материалы и документы. Герцен, Огарев и «Молодая эмиграция»; Из истории отношений А. И. Герцена и Н. П. Огарева с М. А. Бакувиным; Письма А. И. Герцена и Н. П. Огарева М. А. Бакунину; Из архива Герцена, «Литературное наследство», т. 41—42, АН СССР, М. 1941.

Герцен А. И., «О буржуазной Европе» — статья из незавершенного цикла середины 1850-х годов; набросок ответа на статью Чернышевского; Обращение к польским демократам; Герцен и его письма «К старому товарищу»; Последняя авторская редакция писем «К старому товарищу» — основной текст, варианты; Новые материалы к истории текста писем «К старому товарищу» — статья Герцена «Между старичками», ответы Огарева «Старому другу»; Письма Герцена, «Литературное наследство», т. 61, АН СССР, М. 1953.

Огарев Н. П., Письма к Герцену, «Литературное наследство», т. 61, АН СССР, М. 1953.

Герцен и Огарев. «Литературное наследство», т. 63, АН СССР, М. 1956.

«Полярная звезда», издаваемая Искандером, Вольная русская типография, Лондон, кн. 1, 1855, кн. 2, 1856, кн. 3, 1857, кн. 4, 1858, кн. 5, 1859, кн. 6, 1861, кн. 7, вып. 1, 1861, вып. 2, б/г, Женева, кн. 8, 1868.

«Колокол», Прибавочные листы к «Полярной звезде», Вольная русская типография, л. 1—247, Лондон — Женева 1857—1867.

«Колокол», Вольная русская типография, л. 1—15, 1868 г.

«Под суд», Прибавление к «Колоколу», л. 1—13, 1859—1862.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Письмо в редакцию «Отечественных записок», *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Переписка с русскими политическими деятелями, Госполитиздат, 1951.

Маркс К. и Энгельс Ф., Речи по польскому вопросу, Соч., т. V.

Маркс К. и Энгельс Ф., Предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», Соч., т. XV.

Маркс К. и Энгельс Ф., Переписка, Соч., т. XXI, стр. 415, 441, 455, 456, 462, 465, 485, 498, 510, 511, 513; т. XXII, стр. 21, 22, 85—91, 102, 103, 143, 337, 364, 401; т. XXIII, стр. 57, 134, 164; т. XXIV, стр. 152, 281, 287, 289, 300, 310, 335, 343; т. XXV, стр. 184, 190, 193, 213, 495, 517; т. XXVI, стр. 267; т. XXVII, стр. 187.

Маркс К., Черновые наброски письма В. И. Засулич (8 марта 1881 г.). Первый набросок. Второй набросок. Третий набросок, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XXVII, стр. 677—697.

«Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1, М. 1924.

- Энгельс Ф.*, Революционные движения 1847 года, *Маркс К.* и *Энгельс Ф.*, Соч., т. V.
- Энгельс Ф.*, Эмигрантская литература, 1. Польская прокламация. Социальные отношения в России, *Маркс К.* и *Энгельс Ф.*, Соч., т. XV.
- Энгельс Ф.*, Послесловие к статье «Социальные отношения в России», *Маркс К.* и *Энгельс Ф.*, Соч., т. XVI, ч. II.
- Ленин В. И.*, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 245, 248, 254.
- Ленин В. И.*, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Соч., т. 1.
- Ленин В. И.*, От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2.
- Ленин В. И.*, К характеристике экономического романтизма, Соч., т. 2.
- Ленин В. И.*, Гонители земства и аннибалы либерализма, Соч., т. 5.
- Ленин В. И.*, Что делать?, Соч., т. 5, стр. 342.
- Ленин В. И.*, Пятидесятилетие падения крепостного права, Соч., т. 17.
- Ленин В. И.*, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17.
- Ленин В. И.*, По поводу юбилея, Соч., т. 17.
- Ленин В. И.*, Либерализм и демократия, Соч., т. 17.
- Ленин В. И.*, Памяти Герцена, Соч., т. 18.
- Ленин В. И.*, Роль сословий и классов в освободительном движении, Соч., т. 19.
- Ленин В. И.*, Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. 20.
- Ленин В. И.*, Демократия и народничество в Китае, Соч., т. 18.
- Ленин В. И.*, О народничестве, Соч., т. 18.
- Ленин В. И.*, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 31, стр. 9

* *
*

- Аппенков П. В.*, Литературные воспоминания, Спб. 1909.
- Анонимная брошюра о Герцене 1870 г. Публикация Б. П. Козьмина, «Литературное наследство», т. 41—42, АН СССР, М. 1941.
- Ашевский С.*, Освобождение крестьян и «Колокол» Герцена, «Современный мир», кн. XII, 1906.
- Базилева З. П.*, «Колокол» Герцена, Госполитиздат, М. 1949.
- Белинский В. Г.*, Взгляд на русскую литературу 1846 года; Взгляд на русскую литературу 1847 года, Собрание сочинений в трех томах, т. III, Гослитиздат, М. 1948.
- Беляевская И. М.*, А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века, М. 1954.
- Богучарский В. Я.*, Александр Иванович Герцен, Спб. 1912.
- Блюмин И. Г.*, Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века, гл. 9, АН СССР, М.—Л. 1940.
- Ветринский Ч.*, Герцен, Спб. 1908.
- Ветринский Ч.*, «Колокол» и крестьянская реформа, «Великая реформа», т. IV, М. 1911, стр. 194—219.
- Воробьев Л. В.*, Мировоззрение Христо Ботева, «Вопросы философии» № 2, 1950 г.
- Гершензон М.*, История молодой России, М. 1908.
- Гершензон М.*, Социально-политические взгляды А. И. Герцена, М. 1906.
- Гинзбург Б. С.*, Отношение А. И. Герцена и Н. П. Огарева к крестьянской реформе в период ее подготовки (1857—1860 гг.), «Исторические записки», т. 36, 1951, стр. 187—218.
- Горький М.*, А. И. Герцен «Драма русского барства», Избранные литературно-критические статьи, Гослитиздат, М. 1941.
- Добролюбов Н. А.*, Дневники (1851—1859), изд. 2, М. 1932.

- Добролюбов Н. А.*, Литературные мелочи прошлого года, Полное собрание сочинений в шести томах, т. IV, Гослитиздат, М. 1937, стр. 40—92.
- Зеликин Е. М.*, Отношение Герцена к Чернышевскому, сб. «Н. Г. Чернышевский» (1889—1939), Труды научной сессии к пятидесятилетию со дня смерти, Л. 1941, стр. 182—225.
- Новчук М. Т., Щипанов И. Я.*, Общественно-политические и философские взгляды А. И. Герцена, «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», т. 1, гл. 14, АН СССР, М. 1955.
- Козьмин Б. П.*, А. И. Герцен в истории русской общественной мысли, «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. II, № 2, 1945 г., стр. 100—117.
- Козьмин Б. П.*, Герцен, Огарев и «Молодая эмиграция», «Литературное наследство», т. 41—42, АН СССР, М. 1941.
- Козьмин Б. П.*, Журнально-публицистическая деятельность А. И. Герцена. «Полярная звезда» и «Колокол», Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), М. 1952.
- Корнилов А. А.*, Крестьянская реформа, Спб. 1905.
- Луначарский А. В.*, А. И. Герцен и люди сороковых годов, «Литературный критик», кн. 4, 1937, стр. 51—66.
- Маргитовская В. С.*, Борьба А. И. Герцена за крестьянский тип буржуазного аграрного развития России, «Вопросы экономики» № 3, 1950 г., стр. 32—46.
- О некоторых вопросах истории русской общественной мысли конца XVIII — первой половины XIX века. Передовая статья, «Вопросы истории» № 9, 1955 г.
- Плеханов Г. В.*, Наши разногласия, Соч., т. II, М. 1925.
- Плеханов Г. В.*, А. И. Герцен и крепостное право, Соч., т. XXIII, М.—Л. 1926, стр. 269—353.
- Плеханов Г. В.*, Речь на могиле А. И. Герцена в Ницце 7 апреля 1912 г., Соч., т. XXIII, стр. 453—457.
- Плеханов Г. В.*, Герцен-эмигрант, Соч., т. XXIII, стр. 414—445.
- Плеханов Г. В.*, Философские взгляды А. И. Герцена, Соч., т. XXIII, стр. 354—413.
- Плеханов Г. В.*, О книге В. Я. Богучарского «А. И. Герцен», Соч., т. XXIII, стр. 446—452.
- Плеханов Г. В.*, Литературное наследие, сб. VI, М. 1938.
- Реуэль А. Л.*, Экономические воззрения Герцена, «Проблемы экономики» № 1, 1935 г., стр. 107—117.
- Русанов П. С.*, Западный социализм и «русский социализм» Герцена, «Русское богатство» № 7—8, Спб. 1909 г., стр. 60—82, 163—188.
- Серно-Соловьевич А. А.*, Наши домашние дела, 1867.
- Слейшка Д. Б. и Нарский И. С.*, Из истории философской мысли западных и южных славян (О международном значении идеологии русских революционных демократов), «Вопросы философии» № 1, 1950 г., стр. 200—225.
- Стеклов Ю.*, А. И. Герцен (1812—1870), Л. 1930.
- Туган-Барановский М.*, Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. 1, изд. 7, М. 1938.
- Филагова Е. М.*, Экономические взгляды Герцена и Огарева, Госполитиздат, М. 1953.
- Чернышевский Н. Г.*, Очерки гоголевского периода русской литературы, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 5—309.
- Чернышевский Н. Г.*, О причинах падения Рима, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 643—668.
- Чернышевский Н. Г.*, Литературное наследие, т. 2, Письма, под ред. с примечаниями Н. А. Алексеева и А. П. Скафтымова, М.—Л. 1928.

- Чесноков Д. И., Мировоззрение Герцена, Госполитиздат, М. 1948.
 Чесноков Д. И., Маркс — Энгельс — Ленин о Герцене, «Литературное наследство», т. 39—40, АН СССР, М. 1941, стр. 1—28.
 Чесноков Д. И., Общественно-политические и философские взгляды А. И. Герцена, изд. «Знание», М. 1952.
 Эльсберг Я. Е., А. И. Герцен. Жизнь и творчество, изд. 2, доп., Гослитиздат, М. 1951.
 Эльсберг Я. Е., А. И. Герцен и наша современность, Стенограмма лекции, М. 1950.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Sperber Otto U.* Die socialpolitischen Ideen Alexander Herzens Leipzig 1894, S. 3.
Libry R., Herzen et Proudhon, Paris 1928.
Normano I., The spirit of Russian economics, N. Y. 1946.
Hecht David, Russian radicals look to America, Cambridge 1947.
 Желудко Д., Херцен. Исторические и социалистические взгляды на Ботев за българския народ, «Училищен преглед», кн. 7, септември 1947.

Н. П. ОГАРЕВ

(К главе 27)

СОЧИНЕНИЯ

- Огарев Н. П., Избранные социально-политические и философские произведения, под общ. ред. М. Т. Иовчука и Н. Г. Тараканова, т. I, Госполитиздат, М. 1952; т. II, Госполитиздат, М. 1956.
 Огарев Н. П., За пять лет, ч. II, Лондон 1861.
 Статьи, заметки, воззвания Огарева, опубликованные в издании Вольной русской типографии за границей (Лондон, Женева).
 «Полярная звезда», кн. I—VIII, 1855—1868.
 «Колокол», л. 1—247, 1857—1867.
 «Колокол» № 1—15, 1868 г., Вольная русская типография.
 «Под суд». Прибавление к «Колоколу» № 1—13, 1859—1862 гг.
 «Колокол» № 1—6, апрель — май 1870 г.
 «Общее Вече» (Прибавление к «Колоколу») № 1—29, 1862—1864 гг.
 «Голоса из России», сб. статей, кн. 1, 2, 3, ч. I и II.
 [Огарев Н. П.], «Письма Н. П. Огарева и близких его к А. И. Герцену», опубликованные в журнале «Русская мысль» с 1888 по 1911 г.
 Из публицистического наследия Н. П. Огарева. «Литературное наследство», т. 39—40, АН СССР, М. 1941.
 Письма Н. П. Огарева, «Литературное наследство», т. 41—42, АН СССР, М. 1941.
 Из записных книжек Н. П. Огарева, «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 12, М. 1951.
 Н. П. Огарев, Политические документы. Публицистика. Агитационные и лирические стихотворения. Автобиографические записки. Пять революционно-конспиративных документов из бумаг Огарева. Неизданные и несобранные произведения Огарева. Из публицистического наследия. Агитационные и сатирические произведения. Лирика. «Моя исповедь», «Литературное наследство», т. 61, АН СССР, М. 1953.
 Письма Огарева, «Литературное наследство», т. 61, АН СССР, М. 1953.
 «Герцен и Огарев», «Литературное наследство», т. 62, АН СССР, М. 1955.
 «Герцен и Огарев», «Литературное наследство», т. 63, АН СССР, М. 1956.

Н. П. Огарев, Рукописи, отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, фонд Герцена — Огарева. (Записные книжки, тетради, письма и т. д.)

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков П. В.*, Литературные воспоминания, Спб. 1909.
Базилева З. П., «Колокол» Герцена, Госполитиздат, М. 1949.
Брегель Э. Я., Денежное обращение и кредит капиталистических государств, гл. 13, Госфиниздат, М. 1953.
Богучарский В., Памяти Николая Платоновича Огарева, «Современник», кн. 11, 1913, стр. 227—230.
Герцен А. И., Былое и думы, Л. 1946.
Гершензон М., История молодой России, М. 1908.
Друян А. Д., Очерки по истории денежного обращения России в XIX веке, Госфиниздат, М. 1941.
Козьмин Б., Из публицистического наследия Н. П. Огарева, «Литературное наследство», т. 39—40, М. 1941, стр. 289—364.
Мартьяновская В. С., Экономические воззрения Н. П. Огарева, «Вопросы экономики» № 9, 1952 г.
Мартьяновская В. С., Н. Огарев о кредите, «Финансы и кредит СССР» № 1, 1953 г., стр. 83—90.
Нечкина М. В., Н. П. Огарев в годы революционной ситуации, «Известия АН СССР», т. IV, № 2, 1947 г.
Нечкина М. В., Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.), «Литературное наследство», т. 61, АН СССР, М. 1953, стр. 459—522.
Нечкина М. В., «Моя исповедь» Огарева, «Литературное наследство», т. 61, АН СССР, М. 1953, стр. 659—700.
Плеханов Г. В., А. И. Герцен и крепостное право, Соч., т. XXIII, М.—Л. 1926, стр. 269—353.
Путицев В. и Черняк Я., Последняя авторская редакция писем «К старому товарищу», «Литературное наследство», т. 61, АН СССР, М. 1953, стр. 157—204.
Тараканов И. Г., Мировоззрение Н. П. Огарева. Вступительная статья к «Избранным социально-политическим и философским произведениям» Н. П. Огарева, Госполитиздат, М. 1952.
Тараканов И. Г., Общественно-политические и философские взгляды Н. П. Огарева, «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», т. 1, гл. 15, АН СССР, М. 1955.
Филатова Е. М., Экономические взгляды Герцена и Огарева, Госполитиздат, М. 1953.
Черняк Я., Неизданные и несобранные произведения Огарева, «Литературное наследство», т. 61, АН СССР, М. 1953.
Чернышевский Н. Г., Очерки гоголевского периода русской литературы, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 5—309.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

(К главе 28)

СОЧИНЕНИЯ

- Чернышевский Н. Г.*, Полное собрание сочинений в 10-ти томах, т. I—X, Спб. 1905—1906.
Чернышевский Н. Г., Избранные сочинения в 5-ти томах, т. I—V, Соцэкгиз, М.—Л. 1935—1937.
Чернышевский Н. Г., Полное собрание сочинений в 15-ти томах, под общ. ред. В. Я. Кирпотина и др., т. I—XV, Гослитиздат, М. 1939—1950; т. XVI дополнительный, М. 1953.

Чернышевский П. Г., Избранные экономические произведения в 3-х томах, под ред. проф. И. Д. Удальцова, т. I—III, Госполитиздат, М. 1948—1949.

ИСТОЧНИКИ

Вернадский И., О поземельной собственности, «Экономический указатель» № 22, 25, 27, 29, 1857 г., стр. 506—510, 583—586, 633—637, 677—685.

Г. П. Л., Несколько слов по поводу статьи г-на Чернышевского «О поземельной собственности», «Экономический указатель» № 64, 1858 г., стр. 258—264.

Герцен А. И., Письма с того берега, Собрание сочинений, т. VI, 1955, стр. 68.

«Материалы редакционных комиссий по крестьянскому делу», т. 1, кн. 1. Спб. 1859; кн. 2, Спб. 1860.

Цвет С. Н., Экономическая деятельность и законодательство, «Русский вестник», т. VII, кн. 4, «Современная летопись», стр. 236—267, август 1860.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Капитал, Послесловие ко 2 изданию, т. I, 1955, стр. 13.

Маркс К., Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1952.

Маркс К., Письмо в редакцию «Отечественных записок», *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Избранные письма, 1953.

Маркс К., Теория прибавочной стоимости, ч. 2, 1957, стр. 159, 230.

Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 246, 263, 264.

Ленин В. И., Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Соч., т. 1, стр. 315—484.

Ленин В. И., Гимназические хозяйства и исправительные гимназии, Соч., т. 2, стр. 58—65.

Ленин В. И., От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2, стр. 484, 485.

Ленин В. И., Понятное направление в русской социал-демократии, Соч., т. 4, стр. 249.

Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. 14, стр. 346.

Ленин В. И., «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, стр. 96, 97, 100.

Ленин В. И., Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. 20, стр. 224.

Ленин В. И., Книга Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский», изд. «Шиповник», Спб. 1910, «Ленинский сборник», XXV, М. 1933, стр. 231.

Александров В., Чернышевский и политическая экономия, «Литературный критик» № 10—11, 1939 г., стр. 54—62.

Анненский Н. Ф., Н. Г. Чернышевский и крестьянская реформа. «Великая реформа», т. IV, М. 1911, стр. 220—279.

Баскаков В. Г., Мирозрение Н. Г. Чернышевского, М. 1955.

Белкин И., «Социалистический катехизис» Жюлья Гада и Чернышевский, «Вопросы истории» № 8/9, 1946 г., стр. 91—95.

Берлин П., Рецензия на «Основания политической экономии Дж.-Ст. Милля, «Жизнь», т. 8, 1899, стр. 341—346.

Бибиков П. А., Жизнь и труды Мальтуса. Вступительная статья к т. 1 перевода книги Мальтуса «Опыт о законе народонаселения», Спб. 1868.

Брегель Э. Я., Сущность и роль денег в освещении Чернышевского, «Советские финансы» № 8, 1945 г., стр. 32—39.

- Брегель Э. Я.*, Учение Н. Г. Чернышевского о труде, «Труды Московского института востоковедения», сб. 5, 1947, стр. 234—284.
- Брегель Э. Я.*, Н. Г. Чернышевский о налогах и налоговой политике, «Советские финансы» № 5, 1949 г., стр. 29—36.
- Брегель Э. Я.*, Н. Г. Чернышевский о государственном долге и государственных расходах, «Советские финансы» № 6, 1949 г., стр. 37—46.
- Брегель Э. Я.*, Великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский о деньгах и кредите, «Деньги и кредит» № 11, 1949 г., стр. 29—36.
- Булатов Г. П.*, Н. Г. Чернышевский — критик буржуазной политической экономии, Ставрополь 1948.
- Булатов Г. П.*, О работах Н. Г. Чернышевского «Основания политической экономии Дж.-Ст. Милля» и «Очерки из политической экономии (по Миллю)», «Ученые записки Ставропольского государственного педагогического института», т. 7, 1951, стр. 191—209.
- Бушцев С. К.*, Искажение образа Н. Г. Чернышевского в работах М. Н. Покровского, «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», сб. статей, ч. 2, 1940, стр. 198—208.
- Воцилин С. С.*, Великие революционные демократы Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов — предшественники русской социал-демократии, М. 1954.
- Вульфсон Г. и Бушканец Е.*, Безднинское восстание в освещении «Современника» Н. Г. Чернышевского и «Колокола» А. И. Герцена, Казань 1951.
- Вульфсон Г. и Бушканец Е.*, Революционные демократы и общественное движение в Казанском университете в период революционной ситуации (1859—1861 гг.), Казань 1952.
- Герчиков И. В.*, Н. Г. Чернышевский как критик либерализма, Саратов 1928.
- Горев Б.*, Чернышевский — экономист, «Экономическое обозрение» № 7, 1928 г., стр. 108—115.
- Горев Б.*, Чернышевский и революционные войны, «Историк-марксист» № 10, 1928 г., стр. 178—196.
- Гобфеншефер В.*, Чернышевский и революционный Запад, «Знамя» № 8, 1948 г., стр. 141—154.
- Евграфов В.*, Диалектика Чернышевского, «Большевик» № 11—12, 1945 г., стр. 49—62.
- Ерихонов Л.*, Русские революционные демократы и общественная мысль южных славян в 60—70-х годах XIX в., Госполитиздат, М. 1950.
- Жигулев А. М.*, Классики марксизма-ленинизма о Н. Г. Чернышевском, «Октябрь» № 7, 1953 г., стр. 146—158.
- Зак Л. С.*, Чернышевский (Статья об экономических взглядах Н. Г. Чернышевского), «Энциклопедический словарь», т. 76, изд. Ф. Брокгауз и Е. И. Ефрон, стр. 672—686.
- Замятин В. Н.*, Н. Г. Чернышевский о предмете и методе политической экономии, «Известия АН СССР», Отделение экономики и права, № 4, 1949 г., стр. 194, 195, 255—272.
- Замятин В. Н.*, Н. Г. Чернышевский об общественных классах и о распределении общественного продукта, «Труды Воронежского государственного университета», т. XX, 1950, «Сборник работ по истории», стр. 59—92.
- Замятин В. Н.*, Экономические взгляды Н. Г. Чернышевского, Госполитиздат, М. 1951.
- Зевин В. Я.*, Политические взгляды и политическая программа Н. Г. Чернышевского, М. 1953.
- Иванов-Разумник*, История русской общественной мысли, изд. 3, т. 2, ч. 1, Спб. 1911.

Иванюков И., Падение крепостного права в России, Спб. 1882, стр. 135—141.

«К юбилею Н. Г. Чернышевского», Саратов 1928.

Кирпотин В., Чернышевский и марксизм, «Историк-марксист» № 8, 1928 г., стр. 27—40.

Корниенко А., Н. Г. Чернышевский как критик буржуазной вульгарной экономии, «Вопросы экономики» № 5, 1951 г., стр. 65—81.

Корниенко А. А., Великий русский революционер и мыслитель (к 125-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского), «Вопросы экономики» № 7, 1953 г., стр. 81—95.

Корнилов А. А., Чернышевский и крестьянская реформа, «Русская мысль», кн. 1, январь 1910, стр. 1—26.

Крижанский М. П., Освещение Н. Г. Чернышевским банкротства буржуазной экономии, «Н. Г. Чернышевский» (1889—1939), Труды научной сессии к 50-летию со дня смерти, Л. 1941, стр. 143—181.

Лауровский В. М., Русские революционные демократы о чартистском движении в Англии, «Из истории социально-политических идей», сб. статей к 75-летию В. П. Волгина, М. 1955, стр. 466—478.

Левин Ш. М., К вопросу об исторических особенностях русского утопического социализма, «Исторические записки», т. 26, 1948, стр. 217—257.

Лейкин Э., Экономические взгляды Чернышевского, «Вестник Коммунистической академии», кн. XXX (6), 1928, стр. 55—84; кн. XXXI (1), 1929, стр. 1—34.

«Герман Александрович Лопатин», Автобиография, Показания и письма, под ред. Шилова, Пгр. 1922, стр. 71.

Линков Я. И., О политической программе Н. Г. Чернышевского в период революционной ситуации 1859—1861 годов, «Вопросы истории» № 5, 1955 г., стр. 110—116.

Лушицкий И., Великие русские революционные демократы и передовая общественно-политическая мысль в Белоруссии (60-е годы XIX в.), «Большевик Белоруссии» № 5, 1952 г.

Маковельский А. О., Передовая политическая мысль народов России в XIX веке и влияние на нее русских революционных демократов, «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова» № 1, Баку 1955 г., стр. 75—92.

Молок А. И., Н. Г. Чернышевский и революция 1848 г., «Н. Г. Чернышевский» (1889—1939), К 50-летию со дня смерти, Труды научной сессии, Л. 1941, стр. 305—318.

Н. Б., Научная сессия, посвященная 125-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, «Вопросы истории» № 7, 1953 г., стр. 169—172.

Нейштадт С. А., Экономические взгляды Н. Г. Чернышевского, «Вестник АН Казахской ССР» № 10 (55), 1949 г., стр. 107—116.

Нечкина М. В., Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации, «Исторические записки», т. 10, 1941, стр. 3—39.

«Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», т. 2, АН СССР, М. 1956.

Пажитнов К. А., Н. Г. Чернышевский как первый теоретик кооперации в России, М. 1917.

Пажитнов К. А., Развитие социалистических идей в России, т. 1, 1924.

Панкратова А. М., Чернышевский и крестьянская реформа 1861 г., Сборник «Н. Г. Чернышевский», Саратов 1939, стр. 52—92.

Петеляев И. Г., Маркс и Энгельс о Чернышевском и Добролюбова, сб. статей «Карл Маркс» (1818—1938), Астрахань 1938, стр. 59—63.

Плеханов Г. В., Наши разногласия, Соч., т. II, М.—Л. 1925, стр. 114—134.

Плеханов Г. В., Н. Г. Чернышевский (книга первая), Соч., т. V; (книга вторая), Соч., т. VI.

Покровский В. С., Критика капитализма в трудах русских революционных демократов, «Вестник Академии наук СССР» № 10, 1950 г., стр. 61—73.

Покровский В. С., История русской политической мысли (Конспект лекций), вып. 1, 4, М. 1951—1954.

Покровский М. П., Чернышевский и крестьянское движение конца 1850-х годов, «Историк-марксист» № 10, 1928 г., стр. 3—12.

Покровский С. А., Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова, М. 1952.

Посников А., Чернышевский и его комментарии к «Политической экономии» Милля, «Юбилейный сборник Л. фонда» (1859—1909), Спб. 1910, стр. 451—463.

Прокофьев В., Родоначальник революционной мысли в России, «Большевик» № 22, 1949, стр. 70—75.

Реуэль А., Н. Г. Чернышевский о социалистическом способе производства, «Известия АН СССР», Отделение экономики и права, № 3, 1948 г., стр. 165—184.

Реуэль А. Л., Критика буржуазной политической экономии в трудах Н. Г. Чернышевского «Известия АН СССР», Отделение экономики и права, № 5, 1950 г., стр. 356—370.

Реуэль А. Л., Н. Г. Чернышевский как критик капитализма, «Научные записки» Московского финансового института, т. 3, 1953, стр. 200—217.

Реуэль А. Л., Аграрный вопрос в трудах Н. Г. Чернышевского, «Научные записки» Московского финансового института, т. 6, 1955, стр. 118—138.

Реуэль А. Л., Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм, гл. 2, Госполитиздат, М. 1956.

Розенталя М., Философские взгляды Н. Г. Чернышевского, М. 1948, стр. 128—130.

Рязанов Д., Маркс и Чернышевский, «Летописи марксизма», т. 7—8, 1928, стр. 46—53.

Салтан С., Чернышевский, Мальтус и Плеханов. К вопросу о законе народонаселения, Спб. 1910.

Серебряков М. В., Классики марксизма-ленинизма о Н. Г. Чернышевском, «Н. Г. Чернышевский» (1889—1939), К 50-летию со дня смерти, Л. 1941, стр. 46—67.

Сладкевич П. Г., Русские революционные демократы о России и Западе, Л. 1948.

Сладкевич П. Г., К вопросу о полемике Н. Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой, «Вопросы истории» № 6, 1948 г., стр. 71—78.

Стеклов Ю. М., Герцен и Чернышевский, «Борцы за социализм. Очерки из истории общественных и революционных движений в России», ч. 1, М.—Пгг. 1923, стр. 117—163.

Стеклов Ю. М., Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. 1828—1889, т. I—II, М.—Л. 1928.

Топилин П. К., Первые шаги русской экономической мысли, «Труды Саратовского экономического института», т. 1, 1948, стр. 10—24.

Топилин П. К., Н. Г. Чернышевский — вершина экономической мысли домарковского периода, «Труды Саратовского экономического института», т. III, 1951, стр. 79—118.

Топилин П. К., Влияние Н. Г. Чернышевского на развитие общественной мысли народов Востока и славянских стран, «Труды Саратовского экономического института», т. III, 1951, стр. 57—78.

Топилин П. К., Политическая экономия трудящихся по Н. Г. Чернышевскому, «Труды Саратовского экономического института», т. III, 1951, стр. 3—56.

- Туган-Барановский М. И.*, Герцен и Чернышевский, «Жизнь для всех» № 225, декабрь 1909 г., стр. 123—127.
- Туган-Барановский М. И.*, Экономическая наука, Энциклопедический словарь, т. 28, изд. Ф. Брокгауз и Е. Ефрон, стр. 851—854.
- Удальцов И. Д.*, Н. Г. Чернышевский как критик буржуазной политической экономии, «Советская наука» № 4, 1938 г., стр. 29—46.
- Удальцов И. Д.*, Экономические взгляды Николая Гавриловича Чернышевского, «Проблемы экономики» № 6, 1939 г., стр. 160—174.
- Удальцов И. Д.*, Чернышевский — экономист, БСЭ, т. 61, 1934, стр. 381—390.
- Фиолетов Н. К.*, К характеристике социально-политических воззрений Н. Г. Чернышевского (по поводу 35-летия со дня смерти), «Ученые записки Саратовского университета», т. III, вып. 3, Педагогич. ф-т, 1925, стр. 88—101.
- Хессин Н. В.*, Н. Г. Чернышевский о пути экономического развития России, «Ученые записки МГУ», вып. 179, 1956, стр. 63—121.
- Хромов П. А.*, К истории русской экономической мысли, «Большевик» № 6, 1944 г., стр. 36—45.
- Хромов П. А.*, Против космополитических извращений русской экономической мысли, «Большевик» № 5, 1949 г., стр. 70—76.
- Цаголов Н. А.*, Порочная книга о развитии русской экономической мысли, «Вопросы экономики» № 4, 1948 г., стр. 101—109.
- Цаголов Н. А.*, Экономические произведения Н. Г. Чернышевского, «Вопросы экономики» № 10, 1948 г., стр. 109—116.
- Цаголов Н. А.*, Вклад Н. Г. Чернышевского в экономическую науку, «Вестник МГУ», серия общественных наук, № 11, вып. 4, 1953 г., стр. 61—78.
- Цаголов Н. А.*, У истоков идейной борьбы вокруг двух типов буржуазной аграрной эволюции в России, «Вопросы экономики» № 3, 1949 г., стр. 45—61.
- Цаголов Н. А.*, Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права, гл. 1, 4, 11, Госполитиздат, М. 1956.
- Цаголов Н. А.*, Экономические взгляды Н. Г. Чернышевского, БСЭ, т. 47, стр. 209—211.
- Цаголов Н. А.*, Экономические науки в РСФСР, БСЭ, т. 37, стр. 126—132.
- Цаголов Н. А.*, Экономические науки в СССР, БСЭ, т. 50, стр. 527—538.
- Черкезов В.*, Доктрины марксизма, 1903.
- Чернов С.*, К истории борьбы Н. Г. Чернышевского за крестьянские интересы накануне «воли», «Каторга и ссылка», кн. 44 (№ 7), 1928 г., стр. 12—42.
- Чернышев В. Р.*, Н. Г. Чернышевский и Г. В. Плеханов, М.—Л. 1926.
- Шимко Л.*, К характеристике движения начала 70-х годов, «Русское богатство», октябрь 1906, стр. 51—85.
- Штраух А. П.*, К вопросу о генезисе социальных воззрений Н. Г. Чернышевского, «Научные труды» Индустриально-педагогического института, серия социально-экономическая, вып. 9, М. 1929.
- Штейн В. М.*, Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков, 1948, стр. 170—198.
- Щеглов Д.*, История социальных систем., т. I, Спб. 1910, стр. 313—369, 468; т. II, Спб. 1889, стр. 213—214, 426, 635—660.
- Щипанов И. Я.*, К истории революционной мысли в России и о революционных традициях русского народа, «Вопросы философии» № 5, 1954 г., стр. 161—179.
- Юдин П. Л.*, Из истории учебной реформы 60-х годов, «Русская старина», т. 121, март 1905, стр. 683—692.

Янсюкевич А. А., Маркс, Энгельс, Ленин о Чернышевском. Сборник «Н. Г. Чернышевский», Саратов 1939, стр. 5—18.

Яхин Р., Политические и правовые воззрения Н. Г. Чернышевского, «Ученые записки» Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 114, кн. 10, 1954, сб. работ юридич. ф-та, стр. 115—142.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

(К главе 29)

СОЧИНЕНИЯ

Добролюбов И. А., Собрание сочинений в 6 томах, под ред. П. И. Любедева-Полянского, 1934—1941.

Добролюбов Н. А., Сочинения в 3 томах, 1950—1952.

Добролюбов И. А., Избранные философские произведения, т. 1—2. Госполитиздат, М. 1948.

ЛИТЕРАТУРА

Антонович М. А., Воспоминания о Николае Александровиче Добролюбе, «Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли 19 века», т. 3—4, 1934.

Бурлацкий Ф. М., Политические взгляды Н. А. Добролюбова, М. 1954.

Воровский В. В., Н. А. Добролюбов, «Литературно-критические статьи», 1948.

Евгеньев-Максимов В., «Современник» при Чернышевском и Добролюбе. Л. 1936.

Жданов В. В., Николай Александрович Добролюбов, 1951.

Иовчук М. Т., Философские и общественно-политические воззрения Н. А. Добролюбова, «Из истории русской философии», сб. статей, 1949, стр. 463—468.

Кружков В. С., Мировоззрение Н. А. Добролюбова, Госполитиздат, М. 1950.

Наумова М. А., Философские взгляды Н. А. Добролюбова, «Ученые записки» Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), вып. V, «Из истории русской материалистической философии», 1949, стр. 191—217.

«Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», т. II, гл. 20, АН СССР, М. 1956.

Плеханов Г. В., Добролюбов и Островский, Соч., т. XXIV.

Покровский С. А., Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова, АН СССР, М. 1952.

Полянский В., Литературно-критическая деятельность Н. А. Добролюбова, вступительная статья к «Сочинениям Добролюбова в 6 томах», т. 2.

Полянский В., Основы мировоззрения Н. А. Добролюбова, вступительная статья к «Сочинениям Добролюбова в 6 томах», т. 3.

Чернышевский Н. Г., Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым, Полное собрание сочинений, т. I.

Чернышевский Н. Г., Н. А. Добролюбов (некролог), Полное собрание сочинений, т. VII.

Чернышевский Н. Г., Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, Полное собрание сочинений, т. X.

«Литературное наследство», т. 25—26, АН СССР, М.—Л. 1936.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**
АВРААМИЙ (Игумен Андреевского монастыря) — т. I, ч. 1 — 256, 257, 318.
АКСАКОВ К. С. — т. I, ч. 2 — 384.
АЛЕКСАНДР I — т. I, ч. 1 — 613; т. I, ч. 2 — 6, 9, 10, 18, 30, 40, 41, 45—47, 49, 51, 59, 60, 62, 65, 94, 96, 126, 130, 170, 193, 194.
АЛЕКСАНДР II — т. I, ч. 2 — 252, 322, 325, 347, 424, 495, 497, 540, 553, 762, 764, 769.
АЛЕКСАНДР III — т. I, ч. 2 — 397.
АЛЕКСЕЕВ ПЕТР — т. I, ч. 1 — 607.
АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ — т. I, ч. 1 — 288, 353, 389.
АННЕНКОВ П. В. — т. I, ч. 2 — 216, 276, 279, 538, 543.
АННЕНСКИЙ Н. Ф. — т. I, ч. 2 — 352.
АНТОНЕЛЛИ П. Д. — т. I, ч. 2 — 298.
АРАКЧЕЕВ А. А. — т. I, ч. 2 — 28, 29, 31, 41.
АРАПЕТОВ И. П. — т. I, ч. 2 — 247, 248.
АРНОЛЬД К. — т. I, ч. 2 — 81, 88.
АРСЕНЬЕВ К. И. — т. I, ч. 2 — 14, 96, 99—101, 103—105, 107, 109, 116.
АФАНАСИЙ НИКИТИН — т. I, ч. 1 — 1—5, 92, 95—98.
АХШАРУМОВ Д. Д. — т. I, ч. 2 — 300.
Б
БАБЕФ Г. — т. I, ч. 2 — 513, 519, 589.
БАБСТ И. К. — т. I, ч. 2 — 367, 455—461, 464, 601, 624, 720, 778.
БАКСТ В. И. — т. I, ч. 2 — 562, 567.
БАКУНИН М. А. — т. I, ч. 1—27; т. I, ч. 2 — 279, 529—532, 536, 537, 542, 591.
БАЛАСОГЛО А. П. — т. I, ч. 2 — 298.
БАЛУГЬЯНСКИЙ М. А. — т. I, ч. 2 — 19, 58, 99—101, 103—106, 108, 116, 197.
БАРБОН Н. — т. I, ч. 1 — 351.
БАСТИА Ф. — т. I, ч. 2 — 404, 424, 450, 460, 775.
БАШКИН МАТВЕЙ — т. I, ч. 1 — 129, 131, 132, 134, 138, 142.
БЕАРДЕ ДЕ Л'АБЕЙ — т. I, ч. 1 — 532, 533, 550.
БЕЗОБРАЗОВ В. П. — т. I, ч. 1 — 19, 358; т. I, ч. 2, 372, 403, 601, 649.
БЕЗОБРАЗОВ Н. — т. I, ч. 2 — 371, 372, 373, 498, 650.
БЕКЛЕМИШЕВ А. П. — т. I, ч. 2 — 296, 322, 323.
БЕЛИНСКИЙ В. Г. — т. I, ч. 1 — 10, 12, 22, 36; т. I, ч. 2 — 219, 240, 249, 255, 261—265, 270—285, 295, 298, 299, 305, 311, 315, 324, 326, 329—331, 342, 345, 463, 469, 471, 477, 506, 518, 522, 579, 592, 707, 747, 783.
БЕЛЛОНИ ДЖ. — т. I, ч. 2 — 451, 452.
БЕЛОБОРОДОВ И. Н. — т. I, ч. 1 — 593, 601.
БЕМ-БАВЕРК Е. — т. I, ч. 2 — 618.
БЕНДИКСЕН Ф. — т. I, ч. 1 — 351.
БЕНТАМ И. — т. I, ч. 2 — 41, 62, 108.
БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ В. В. — т. I, ч. 1 — 28; т. I, ч. 2 — 541.
БЕРНАРДЕН де СЕН-ПЬЕР — т. I, ч. 1 — 586.
БЕСТУЖЕВ А. — т. I, ч. 2 — 9, 97, 181.

- БЕСТУЖЕВ Н. А.—т. I, ч. 2 — 21, 97, 122, 123, 126, 127, 165, 177, 181—183.
 БЕСТУЖЕВ-РЮМИН М. П.—т. I, ч. 2 — 123, 124.
 БЛАН Л.—т. I, ч. 2 — 282, 378, 487, 488, 517.
 БЛАНК Гр.—т. I, ч. 2.— 371, 372, 378, 498, 499, 601.
 БЛАНКИ АД.—т. I, ч. 1 — 87; т. I, ч. 2 — 266, 340.
 БЛЭКСТОН В.—т. I, ч. 1 — 559, 615; т. I, ч. 2 — 41.
 БОДЕН Ж.—т. I, ч. 1 — 316.
 БОЛЛ Дж.—т. I, ч. 1 — 130.
 БОЛОТНИКОВ ИВАН —т. I, ч. 1 — 104, 201, 202, 206—209, 211, 212, 216.
 БОЛОТОВ А. Т.—т. I, ч. 1 — 384, 451.
 БОЛТИН В.—т. I, ч. 2 — 82.
 БОЛТИН И. Н.—т. I, ч. 1 — 452, 550, 621.
 БОТКИН В. П.—т. I, ч. 2 — 254, 255, 259, 260, 271, 272, 280—284.
 БРЭЙ Ч.—т. I, ч. 2 — 670.
 БУАГИЛЬБЕР П.—т. I, ч. 1 — 256, 328, 350.
 БУЛАВИН К.—т. I, ч. 1 — 251, 257, 260—262.
 БУЛГАКОВ С. Н.—т. I, ч. 1 — 27.
 БУЛГАРИН Ф.—т. I, ч. 2 — 226—231, 245, 344.
 БУНГЕ Н. Х.—т. I, ч. 1 — 19; т. I, ч. 2 — 446.
 БУРНАШЕВ В.—т. I, ч. 1 — 447, 460; т. I, ч. 2 — 265.
 БУТКОВ Я. Г.—т. I, ч. 2 — 264, 268.
 БУТОВСКИЙ А. И.—т. I, ч. 2 — 235, 238—245, 248, 325, 337, 340, 343, 344.
 БЭКОН Р.—т. I, ч. 2 — 196.
 БЮРЕ Е.—т. I, ч. 2 — 267, 328, 338

ВАВИЛОВ И.—т. I, ч. 2 — 254, 255, 259—261, 265.
 ВАСИЛИЙ III —т. I, ч. 1 — 106, 109, 113, 161, 163, 164, 168, 170, 183, 188.
 ВАСИЛЬЧИКОВ А.—т. I, ч. 2 — 348.
 ВАСКО ДЖ.—т. I, ч. 2 — 444.
 ВАССИАН ПАТРИКЕЕВ (Косой) —т. I, ч. 1 — 118—123, 128, 133, 137.
 ВЕРНАДСКИЙ И. В.—т. I, ч. 1 — 24; т. I, ч. 2 — 322, 367, 433, 441—454, 716, 717, 750, 778.
 ВЕРРИ П.—т. I, ч. 1 — 615; ч. 2 — 96, 451, 452, 454.
 ВЕСЕЛОВСКИЙ К. С.—т. I, ч. 1 — 248, 250, 252, 261, 262.
 ВИКЛЕФ ДЖ.—т. I, ч. 1 — 129.
 ВИКО ДЖ. Б.—т. I, ч. 1 — 577.
 ВИРСТ —т. I, ч. 2 — 58.
 ВИТТЕ С. Ю.—т. I, ч. 1 — 351; т. I, ч. 2 — 54.
 ВЛАДИМИР (Киевский князь) —т. I, ч. 1 — 37, 40—42, 55, 56.
 ВЛАДИМИР МОНОМАХ —т. I, ч. 1 — 40, 42, 43, 46, 53, 56, 80.
 ВОЛКОВ Д. В.—т. I, ч. 1 — 446.
 ВОЛЫНСКИЙ А. П.—т. I, ч. 1 — 23, 24, 255, 362, 377—385, 515, 516, 690.
 ВОЛЬТЕР Ф. М.—т. I, ч. 1 — 424, 461, 520, 538, 548, 576, 582, 583, 606, 639, 698; ч. 2 — 197, 330.
 ВОРОНЦОВ А. Р.—т. I, ч. 1 — 611, 613, 626, 662, 669, 671.
 ВОРОНЦОВ В. П. (В. В.) —т. I, ч. 1 — 25.
 ВЫСОТСКИЙ В.—т. I, ч. 2 — 380.
 ГАКСТГАУЗЕН А.—т. I, ч. 1 — 26, 643; т. I, ч. 2 — 491, 508, 540, 601.
 ГАЛИАНИ Ф.—т. I, ч. 1 — 461.
 ГАНИЛЬ П.—т. I, ч. 2 — 62, 108.
 ГАРИВАЛЬДИ ДЖ.—т. I, ч. 2 — 506, 512.
 ГАРНЬЕ Ж.—т. I, ч. 2 — 108.
 ГЕГЕЛЬ Г. В.—т. I, ч. 2 — 272, 273, 469, 471, 548, 594, 783.
 ГЕЛЬВЕЦИЙ К. А.—т. I, ч. 1 — 538, 540, 577, 641.
 ГЕРВИНУС Г.—т. I, ч. 2 — 622.
 ГЕРМАН К. Ф.—т. I, ч. 2 — 96—106, 108, 109, 116.
 ГЕРЦЕН А. И.—т. I, ч. 1 — 6, 10, 12, 22, 306, 466, 616, 617; т. I, ч. 2 — 117, 124, 127, 153, 177, 219, 262—265, 275—277, 284, 286, 298, 305, 307, 314, 316, 324, 326, 329, 331, 344, 362, 365, 403, 409, 417, 462—545, 548—555, 559, 562, 567, 578—581, 584, 585, 587, 589, 592, 604, 695, 720, 730, 740, 743, 762, 783.
 ГЕХТ Д.—т. I, ч. 1 — 22; т. I, ч. 2 — 468.
 ГЛИНКА Ф.—т. I, ч. 2 — 97, 98.

- ГОГОЛЬ Н. В.—т. I, ч. 2—274—277, 284, 298, 371, 384, 385.
- ГОДВИН В.—т. I, ч. 2—776.
- ГОДУНОВ Борис—т. I, ч. 1—216, 217; т. I, ч. 2—275.
- ГОЛИКОВ И. И.—т. I, ч. 1—516.
- ГОЛИЦЫН А. М.—т. I, ч. 1—520, 526, 528; т. I, ч. 2—16.
- ГОЛИЦЫН Д. А.—т. I, ч. 1—454—456, 519—534.
- ГОЛИЦЫН С. П.—т. I, ч. 2—371—373.
- ГОЛОВАЧЕВ В. В.—т. I, ч. 2—379.
- ГОЛОВИНСКИЙ П.—т. I, ч. 2—234, 291, 292, 293, 316, 319, 320.
- ГОЛЬБАХ П. А.—т. I, ч. 1—538.
- ГОЛЬЦЕВ В. А.—т. I, ч. 1—25.
- ГОРБАЧЕВСКИЙ И. И.—т. I, ч. 2—162.
- ГОРЛОВ И. Я.—т. I, ч. 2—367, 418—424, 457, 459, 461, 636.
- ГРАНОВСКИЙ Т. Г.—т. I, ч. 2—463.
- ГРЕЧ Н.—т. I, ч. 2—226, 344.
- ГРИГОРЬЕВ Н. П.—т. I, ч. 2—520, 521.
- ГРОН, ЖАН де—т. I, ч. 1—223.
- Д**'АЛАМБЕР Ж.—т. I, ч. 1—459, 546.
- ДАНИЕЛЬСОН Н. Ф. (Н—он)—т. I, ч. 1—25; т. I, ч. 2—507.
- ДАНИИЛ ЗАТОЧНИК—т. I, ч. 1—93, 95.
- ДАНИИЛ (игумен)—т. I, ч. 1—57, 58.
- ДАНИИЛ (митрополит)—т. I, ч. 1—121, 127.
- ДАНИЛЕВСКИЙ Н. Я.—т. I, ч. 2—322.
- ДАНИЛОВ Н. П.—т. I, ч. 2—447.
- ДАШКОВА Е. Р.—т. I, ч. 1—452, 617.
- ДЕБУ М. Б.—т. I, ч. 2—290, 299.
- ДЕСНИЦКИЙ С. Е.—т. I, ч. 1—454, 455, 519, 570—587, 615.
- ДЕСТЮТ де ТРАСИ—т. I, ч. 2—128.
- ДЖЕНОВЕЗИ А.—т. I, ч. 2—452.
- ДЖОЙА М.—т. I, ч. 2—62, 72.
- ДИДРО Д.—т. I, ч. 1—460, 520, 539, 546, 577, 611; т. I, ч. 2—92.
- ДИТЦЕЛЬ К.—т. I, ч. 2—201, 202.
- ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ—т. I, ч. 1—64, 69, 70, 74, 76.
- ДОБРОЛЮБОВ Н. А.—т. I, ч. 1—11, 12, 22, 306, 608, 609; т. I, ч. 2—261, 262, 575, 754, 762, 787—804.
- ДУБЕНСКИЙ П.—т. I, ч. 2—380.
- ДУМСКИЙ—т. I, ч. 2—233.
- ДУРАСОВ Ф. А.—т. I, ч. 2—235.
- ДУРОВ С. Ф.—т. I, ч. 2—319.
- ДУРОВ-ПАЛЬМА—т. I, ч. 2—289.
- ДЮБУА Ф.—т. I, ч. 1—81.
- ДЮМУЛЕН—т. I, ч. 1—89.
- ДЮПОН де НЕМУР—т. I, ч. 1—531.
- Е**КАТЕРИНА I (РОМАНОВА)—т. I, ч. 1—320, 377, 393.
- ЕКАТЕРИНА II (РОМАНОВА)—т. I, ч. 1—294, 411, 421, 425, 427, 428, 437, 438, 441, 443, 447, 448, 450, 452, 454, 458—460, 461, 463, 466, 467, 491, 505, 506, 520, 525, 526, 528, 531, 532, 535, 544, 546, 548, 550, 579, 608, 612, 617, 621, 629, 632, 637, 660, 681, 696, 697; т. I, ч. 2—6, 18, 200, 372, 575.
- ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА (Романова)—т. I, ч. 1—378, 387, 403, 413, 448.
- ЕРМОЛАЙ-ЕРАЗМ—т. I, ч. 1—5, 106, 146—156, 187.
- Ж**ЕЛЕЗНОВ В. Я.—т. I, ч. 1—27, 28.
- ЖЕЛТУХИН А. Д.—т. I, ч. 2—373—377, 381.
- ЖЕЛЯБОВ П. И.—т. I, ч. 1—607.
- ЖИД Ш.—т. I, ч. 1—27, 404.
- ЖУКОВ А.—т. I, ч. 2—244, 245.
- ЖУКОВСКИЙ Ю. Г.—т. I, ч. 1—25.
- З**АБЛОЦКИЙ - ДЕСЯТОВСКИЙ А. П.—т. I, ч. 2—233, 246—252, 261.
- ЗИБЕР Н. И.—т. I, ч. 1—5, 28.
- ЗИНОВИЙ ОТЕНСКИЙ—т. I, ч. 1—128, 133, 134, 136—138.
- ЗОТОВ КОНОН—т. I, ч. 1—254.
- И**БН-РУСТА (Ибн-Дагста—арабский писатель)—т. I, ч. 1—37.

- ИВН-ФАДЛАН (арабский писатель) — т. I, ч. 1 — 37.
- ИВАН III — т. I, ч. 1 — 5, 100—113, 116, 119, 125, 153, 158, 161, 163, 164, 170, 183, 186, 188.
- ИВАН ГРОЗНЫЙ — т. I, ч. 1 — 5, 103, 104—106, 109, 113, 139, 140—142, 144, 146, 150, 154—189, 194, 216, 307, 389.
- ИВАН ДАНИЛОВИЧ КАЛИТА — т. I, ч. 1 — 64, 78, 83, 86, 100.
- ИВАН ПЕРЕСВЕТОВ — т. I, ч. 1 — 5, 106, 132, 139—146, 154.
- ИВАНЮКОВ И. Н. — т. I, ч. 1 — 27; т. I, ч. 2 — 381, 415.
- ИЗЯСЛАВ (Киевский князь) — т. I, ч. 1 — 39, 40, 54, 93.
- ИЛАРИОН — (первый русский митрополит — автор «Слова о законе и благодати») — т. I, ч. 1 — 51.
- ИНГРЭМ ДЖ. — т. I, ч. 1 — 24, 27, 404.
- ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ — т. I, ч. 1 — 114, 118, 124—127, 132.
- КА**БЛУКОВ Н. А. — т. I, ч. 2 — 352.
- КАБЭ Э. — т. I, ч. 2 — 488.
- КАВЕЛИН К. Д. — т. I, ч. 2 — 222, 365, 396, 408—417, 464, 493, 494, 543.
- КАЛЬВИН Ж. — т. I, ч. 1 — 89.
- КАНКРИН Е. Ф. — т. I, ч. 2 — 28—32, 36—38, 48, 49, 56, 197, 200, 202.
- КАРАМЗИН Н. М. — т. I, ч. 1 — 351; т. I, ч. 2 — 25—29, 48, 49, 59, 60, 76, 110, 255.
- КАРП СТРИГОЛЬНИК — т. I, ч. 1 — 90, 91.
- КАТКОВ М. Н. — т. I, ч. 2 — 407, 464.
- КАТЫРЕВ-РОСТОВСКИЙ И. М. — т. I, ч. 1 — 215, 217, 218.
- КАХОВСКИЙ П. Г. — т. I, ч. 2 — 121, 126, 181.
- КАШКИН Н. С. — т. I, ч. 2 — 289, 298.
- КЕЙКУАТОВ — т. I, ч. 2 — 230.
- КЕНЭ Ф. — т. I, ч. 1 — 351, 524, 530, 532, 641; т. I, ч. 2 — 197, 771.
- КИПРИАН (митрополит) — т. I, ч. 1 — 92.
- КИРЕЕВСКИЙ И. В. — т. I, ч. 2 — 388.
- КИРИЛЛ ТУРОВСКОЙ — т. I, ч. 1 — 54.
- КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. — т. I, ч. 1 — 37, 49, 115, 229, 231, 258, 344, 447, 697.
- КОВАЛЕВСКИЙ М. М. — т. I, ч. 1 — 25.
- КОЗЕЛЬСКИЕ Я. П. и Я. П. — т. I, ч. 1 — 455, 456, 519, 544—558, 609, 615, 651; т. I, ч. 2 — 16, 18, 45.
- КОЗИЦКИЙ Г. В. — т. I, ч. 1 — 452.
- КОЗОДАВЛЕВ О. П. — т. I, ч. 2 — 21, 81.
- КОКОРЕВ В. А. — т. I, ч. 2 — 210, 255, 261, 367, 425—432, 446, 798.
- КОЛЬБЕР Ж. Б. — т. I, ч. 1 — 279, 307, 313, 339, 431; т. I, ч. 2 — 38, 197.
- КОМОВ И. М. — т. I, ч. 1 — 451.
- КОНДОРСЕ М. Ж. А. Н. К. — т. I, ч. 1 — 451.
- КОНСИДЕРАН В. — т. I, ч. 2 — 301, 484, 488.
- КОНСТАН Б. — т. I, ч. 2 — 128.
- КОПЕРНИК Н. — т. I, ч. 1 — 320.
- КОР-КО Е. — т. I, ч. 2 — 367, 446.
- КОРОБЬИН Г. И. — т. I, ч. 1 — 554—556, 651; т. I, ч. 2 — 18.
- КОССЕ Л. — т. I, ч. 1 — 24, 27, 28, 404.
- КОШЕЛЕВ А. И. — т. I, ч. 2 — 221, 386, 390, 391, 393—395, 433, 437, 439.
- КРИЖАНИЧ ЮРИЙ — т. I, ч. 1 — 223.
- КРОМВЕЛЬ О. — т. I, ч. 1 — 313, 629, 631; т. I, ч. 2 — 59, 90, 179, 197.
- КРОПОТКИН П. — т. I, ч. 1 — 27.
- КУНИЦЫН А. И. — т. I, ч. 2 — 20, 96—99, 101—109, 116, 134, 165.
- КУР, ПИТЕР де ла — т. I, ч. 1 — 339.
- КУРБАТОВ — т. I, ч. 1 — 254.
- КУРБСКИЙ А. — т. I, ч. 1 — 106, 158.
- КУРНАН, де — т. I, ч. 2 — 159.
- КУРНО — т. I, ч. 2 — 586.
- КУТУЗОВ Н. — т. I, ч. 2 — 97.
- КЭРИ Г. К. — т. I, ч. 1 — 22; т. I, ч. 2 — 585, 602, 677, 776.
- ЛА**ВЕЛЕ Э. Л. — т. I, ч. 2 — 415.
- ЛАДЫЖЕНСКИЙ Е. — т. I, ч. 2 — 371, 372, 378.

- ЛАССАЛЬ Ф.—т. I, ч. 2—403, 523, 539.
 ЛАУДЕРДАЛЬ Д. М.—т. I, ч. 2—96, 108.
 ЛЕВИН В.—т. I, ч. 2—82.
 ЛЕНИН В. И.—т. I, ч. 1—6, 7, 9—14, 33, 53, 54, 79, 197, 212, 305, 306, 361, 416, 434, 435, 442, 567, 607, 608, 646, 689, 699; т. I, ч. 2—6, 11, 12, 117, 122, 148, 158, 203, 212, 261, 270, 271, 284, 297, 347, 350, 352—354, 357, 358, 365—367, 382, 389, 393, 402, 407—409, 417, 436, 438, 462, 464, 467, 470, 471, 481, 483, 489, 507, 509, 511, 515, 521, 541, 543, 589, 590, 594—598, 674, 685, 688, 720, 739, 740, 744—747, 755, 761, 786, 793.
 ЛЕОНТЬЕВ К. И.—т. I, ч. 2—468.
 ЛЕПЕХИН И. И.—т. I, ч. 1—409.
 ЛЕРУ П.—т. I, ч. 2—341.
 ЛЕШКОВ В.—т. I, ч. 1—24, 25, 383, 384.
 ЛИСТ Ф.—т. I, ч. 2—65, 215, 216, 392.
 ЛО ДЖ.—т. I, ч. 1—351, 391, 680.
 ЛОДЫГИН—т. I, ч. 1—254, 326.
 ЛОКК ДЖ.—т. I, ч. 1—312.
 ЛОМОНОСОВ М. В.—т. I, ч. 1—253, 255, 306, 400, 402—431, 440, 449, 482, 494, 559, 615, 617, 618, 669, 679, 685; т. I, ч. 2—255, 469.
 ЛОПАТИН Г. А.—т. I, ч. 2—597.
 ЛОУ—т. I, ч. 2—197.
 ЛУНИН М.—т. I, ч. 2—119, 175.
 ЛЮТЕР М.—т. I, ч. 1—320; т. I, ч. 2—23, 330.
 ЛЬВОВ А.—т. I, ч. 2—601, 748, 749.
 ЛЬВОВ Ф. Н.—т. I, ч. 2—290.
МАБЛИ Г. Б.—т. I, ч. 1—545, 606, 615, 624; т. I, ч. 2—159, 160, 512.
 МАЙКОВ В. Н.—т. I, ч. 2—262—269.
 МАК-КУЛЛОХ Д. Р.—т. I, ч. 2—585.
 МАКСИМ ГРЕК—т. I, ч. 1—122, 128, 133, 136, 137.
 МАЛЬТУС Т.—т. I, ч. 2—23, 24, 69, 98, 107, 108, 111, 116, 155, 156, 187, 196, 322, 325, 341—343, 402, 420, 647, 677, 776, 777.
 МАНУИЛОВ А. А.—т. I, ч. 1—27.
 МАРАТ Ж. П.—т. I, ч. 2—102.
 МАРШАЛ ВОБАН—т. I, ч. 1—424.
 МАРКС К.—т. I, ч. 1—6, 8, 11, 22, 25, 26, 33—35, 39, 40, 44, 52, 62—64, 66, 87, 91, 92, 104, 157, 210, 211, 250, 256, 278, 305, 306, 308—311, 315, 328, 392, 431, 437, 479, 524, 538, 563, 586, 663, 667, 677; т. I, ч. 2—7, 16, 18, 116, 196, 198, 202, 215, 216, 266, 280, 299, 300, 326, 338, 340, 351, 352, 354, 357, 358, 403—406, 409, 435, 452, 460, 465, 482, 487, 507, 517, 529, 530, 537—542, 594, 595, 597, 598, 602, 611, 618, 624, 628, 629, 658, 671, 673, 678, 680, 683, 684, 686, 692, 693, 706, 714, 715, 724, 730, 767, 768, 770, 777, 784.
 МАТВЕЕВ А. С.—т. I, ч. 1—222, 223, 239.
 МЕЛЬЕ Ж.—т. I, ч. 1—607; т. I, ч. 2—160, 512, 513.
 МЕН Т.—т. I, ч. 1—314, 315, 350, 360.
 МЕРСЬЕ де ла РИВЬЕР—т. I, ч. 1—424, 460, 520, 530.
 МИЛЛЬ Дж.-Ст.—т. I, ч. 2—197, 585, 602, 605, 608, 610, 611, 648, 658, 678, 679, 683, 735, 737, 743, 754, 777.
 МИЛЮТИН В. А.—т. I, ч. 1—67; т. I, ч. 2—236, 241, 263, 325—345, 525, 720.
 МИРАБО В.-Р.—т. I, ч. 1—467, 520, 524, 530.
 МИРАБО Г.-Г. Р. (младший)—т. I, ч. 1—531.
 МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (тверской князь)—т. I, ч. 1—71, 74.
 МИХАЙЛОВ М. И.—т. I, ч. 2—424.
 МИХАЙЛОВСКИЙ Н. К.—т. I, ч. 1—25.
 МОЛИНАРИ Г.—т. I, ч. 2—602.
 МОМБЕЛЛИ Н. А.—т. I, ч. 2—290—292, 295, 316, 317, 319.
 МОНКРЕТЬЕН—т. I, ч. 1—328, 360.
 МОНТЕСКЬЕ Ш. Л.—т. I, ч. 1—424, 461, 538, 548, 577, 587, 615,

- 632, 670, 698; т. I, ч. 2 — 41, 128.
- МОР Т.— т. I, ч. 1 — 606.
- МОРДВИНОВ Н. С.— т. I, ч. 1 — 21; т. I, ч. 2 — 17, 19, 21, 24, 40, 58, 60—83, 85—88, 91, 92, 161, 192, 200, 216.
- МОРЕЛЛИ — т. I, ч. 1 — 538, 606; т. I, ч. 2 — 159, 160, 512, 513.
- МОРОЗОВ Б. И.— т. I, ч. 1 — 220—222, 233, 377.
- МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ (Киевский князь) — т. I, ч. 1 — 40, 41, 182.
- МУРАВЬЕВ Н. Н.— т. I, ч. 2 — 33, 34, 98, 119, 120, 123, 124, 127, 139, 141, 145, 165, 170, 172—175, 177, 181, 286.
- МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ М.— т. I, ч. 2 — 98.
- МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ С.— т. I, ч. 2 — 98, 123, 124, 163.
- МЮНЦЕР Т.— т. I, ч. 1 — 135, 136.
- НА**
НАЗАРИЙ ЧИСТОЙ — т. I, ч. 1 — 222.
- НАПОЛЕОН — т. I, ч. 2 — 5, 126, 197, 200, 722.
- НЕККЕР Ж.— т. I, ч. 1 — 461; т. I, ч. 2 — 186, 197.
- НЕРОНОВ ДМ.— т. I, ч. 2 — 378.
- НЕЧАЕВ С. Г.— т. I, ч. 1 — 27; т. I, ч. 2 — 584.
- НИКИТА (диакон, стригольник) — т. I, ч. 1 — 91.
- НИКИТА ГОЛЫЙ — т. I, ч. 1 — 262.
- НИКИФОРОВ Н. А.— т. I, ч. 2 — 379, 380, 446.
- НИКОЛАДЗЕ Н. Я.— т. I, ч. 2 — 519.
- НИКОЛАЙ I — т. I, ч. 2 — 32, 60, 62, 124, 132, 166, 172, 225, 240, 245, 256, 276, 418, 456, 495, 553.
- НИКОЛАЙ ОРЕЗМ — т. I, ч. 1 — 81.
- НИЛ СОРСКИЙ — т. I, ч. 1 — 118—120, 123, 125, 128.
- НОВИКОВ Н. И.— т. I, ч. 1 — 453, 490, 491, 615, 621—624, 629, 684; т. I, ч. 2 — 165.
- НОРМАНО И.— т. I, ч. 1 — 22, 696; т. I, ч. 2 — 468.
- НОРС Д.— т. I, ч. 1 — 312, 335, 360.
- О**
О'БРАЙЕН — т. I, ч. 2 — 512, 513.
- ОГАРЕВ Н. П.— т. I, ч. 2 — 262, 286, 324, 329, 463—465, 467, 469, 485, 493, 498, 501, 505, 519, 543—585.
- ОГИЛЬВИ В.— т. I, ч. 2 — 160.
- ОЛЕГ (Киевский князь) — т. I, ч. 1 — 40, 93, 388.
- ОНКЕН А.— т. I, ч. 1 — 404.
- ОРДЫН-НАПОКИН А. Л.— т. I, ч. 1 — 6, 12, 223—246, 253, 255, 265, 284.
- ОРЛОВ М. Ф.— т. I, ч. 2 — 24, 165, 175, 193—202.
- ОСТАФЬЕВ А.— т. I, ч. 2 — 381.
- ОУЭН Р.— т. I, ч. 2 — 23, 216, 312, 670, 780, 791, 795, 796, 798—800.
- ПА**
ПАВЕЛ I — т. I, ч. 1 — 443, 488; т. I, ч. 2 — 6.
- ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ Н. П.— т. I, ч. 1 — 65—67, 344, 358, 364.
- ПАЛИЦЫН АВРААМИЙ — т. I, ч. 1 — 215, 217, 218.
- ПАНДОЛЬФИНИ А.— т. I, ч. 1 — 195.
- ПЕСТЕЛЬ П. И.— т. I, ч. 1 — 6, 21; т. I, ч. 2 — 20—22, 98, 117, 120—127, 129, 130—164, 170—175, 177, 180, 187, 196, 286, 293, 306, 318, 478, 480, 481, 551.
- ПЕТР I — т. I, ч. 1 — 6, 12, 158, 195, 224, 238, 242, 246, 247, 249—251, 253—256, 258—260, 263, 264, 317, 319, 320, 326, 330, 334, 336, 337, 339, 340, 347, 348, 352—355, 357, 359, 362—368, 370, 371, 375, 376, 378—380, 382, 385, 387, 389, 390, 395, 396, 405, 409, 410, 413, 426, 447, 475, 476, 485, 486, 500, 502, 545, 579, 658, 659; т. I, ч. 2 — 8, 88, 275, 279, 372, 411, 416, 575.
- ПЕТР III — т. I, ч. 1 — 294, 425, 446, 448, 474, 489.
- ПЕТРАШЕВСКИЙ (Буташевич-Петрашевский) М. В.— т. I, ч. 2 — 286—295, 297—316, 319, 321—323, 329, 480.
- ПЕТТИ В.— т. I, ч. 1 — 256, 312, 335, 350, 355, 686.
- ПЛЕХАНОВ Г. В.— т. I, ч. 1 — 20, 21, 322, 359, 405, 467, 543, 544, 549, 555, 591, 604, 696; т. I, ч. 2 — 263, 467, 504, 537, 543, 598—600, 665, 685.

- ПНИН И.—т. I, ч. 1—609; т. I, ч. 2—19, 20, 45, 60, 80, 98.
- ПОГОДИН М. П.—т. I, ч. 1—319, 377, 423.
- ПОЗДЮНИН П.—т. I, ч. 2—243—245.
- ПОКРОВСКИЙ М. Н.—т. I, ч. 1—21, 272, 304, 591, 601, 604, 696, 697; т. I, ч. 2—68, 118, 129, 137, 146, 157, 158, 208, 210—212, 346.
- ПОЛЕВОЙ Н. А.—т. I, ч. 2—254—261.
- ПОЛЕНОВ А. Я.—т. I, ч. 1—450, 455, 456, 519, 534—544, 554, 558, 609, 615; т. I, ч. 2—16, 18, 45.
- ПОПОВ В.—т. I, ч. 2—82—84.
- ПОПУГАЕВ В.—т. I, ч. 1—609.
- ПОРОШИН В. С.—т. I, ч. 2—252, 264, 266.
- ПОСНИКОВ А. С.—т. I, ч. 2—352.
- ПОСОШКОВ И. Т.—т. I, ч. 1—6, 12, 16, 23, 24, 27, 28, 254—256, 293, 318—361, 365, 366, 371, 372, 383, 404, 405, 429, 430, 486, 488, 504, 509, 510, 557, 636, 686.
- ПРУДОН П. Ж.—т. I, ч. 2—216, 282, 299, 300, 309, 310, 313, 468, 487, 488, 517, 518, 524, 536, 573, 665, 690, 702, 725, 779, 799.
- ПУГАЧЕВ (Е. И.) ЕМЕЛЬЯН—т. I, ч. 1—442, 471, 472, 589, 591—605, 611, 612, 620, 632, 651, 653, 656, 697; т. I, ч. 2—27, 172, 317, 563.
- Р**АДИЩЕВ А. Н.—т. I, ч. 1—6, 10, 12, 16, 24, 306, 341, 355, 457, 465, 490, 508, 510, 514, 545, 606—699; т. I, ч. 2—18, 27, 43—45, 78, 96, 127, 134, 135, 153, 154, 161, 172, 195, 217, 219, 271, 275, 276, 355, 450, 469, 490, 783.
- РАЗИН С. Т. (Степан)—т. I, ч. 1—202, 206, 208—212; т. I, ч. 2—172.
- РИКАРДО Д.—т. I, ч. 1—26, 256; т. I, ч. 2—23, 197, 200, 215, 380, 450, 601, 611, 617—619, 647, 666, 672, 673, 676, 679—681, 684, 688, 748—750, 773, 774, 776, 777, 785.
- РОСТОВЦЕВ Я. И.—т. I, ч. 2—389, 391.
- РОШЕР В.—т. I, ч. 1—24; т. I, ч. 2—424, 602, 778.
- РУМЯНЦЕВ Н. П.—т. I, ч. 2—17, 21, 45, 93.
- РУСИНОВ Г.—т. I, ч. 2—433, 437.
- РУССО Ж.-Ж.—т. I, ч. 1—424, 461, 538, 548—550, 582, 583, 606, 615, 632, 696, 698; т. I, ч. 2—101, 102, 128, 159, 160, 185.
- РЫЛЕЕВ К. Ф.—т. I, ч. 2—97, 118, 124, 127.
- РЫЧКОВ П. И.—т. I, ч. 1—24, 384, 451, 481, 489, 492, 494, 495, 516, 560, 589, 685.
- РЫЧКОВ Н.—т. I, ч. 1—589.
- С**АВОНАРОЛА—т. I, ч. 1—129.
- САЗОНОВ Н. И.—т. I, ч. 2—216, 460, 538.
- САЛТЫКОВ Ф. С.—т. I, ч. 1—254, 255, 326, 348, 362, 376, 430.
- САМАРИН Ю. Ф.—т. I, ч. 2—384—395, 499, 543.
- САРТОРИУС Г.—т. I, ч. 2—23, 82, 96, 98.
- СВЕШНИКОВ О. Л.—т. I, ч. 2—82—89, 91, 92.
- СВЯТЛОВСКИЙ В. В.—т. I, ч. 1—14, 19, 21, 27, 28, 49, 89, 195, 404, 521, 696, 697; т. I, ч. 2—128, 287.
- СВЯТОСЛАВ (Киевский князь)—т. I, ч. 1—40, 53.
- СЕЛИВАНОВ В. В.—т. I, ч. 2—379.
- СЕМЕВСКИЙ В. И.—т. I, ч. 1—343, 520, 521, 523; т. I, ч. 2—128, 140, 146, 150, 153, 157, 159, 176, 208, 287, 325, 466.
- СЕН-СИМОН А.—т. I, ч. 2—23, 216, 331, 338, 485, 780.
- СЕРАПИОН (Владимирский епископ)—т. I, ч. 1—84, 85.
- СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ А. Н.—т. I, ч. 2—465.
- СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ Н. А.—т. I, ч. 2—464, 505.
- СЕРРА А.—т. I, ч. 1—316, 360.
- СИВЕРС Я. И.—т. I, ч. 1—428.
- СИЛЬВЕСТР—т. I, ч. 1—193, 194.
- СИМЕОН (Новгородский архиепископ)—т. I, ч. 1—92.
- СИСМОНДИ, С. СИМОНД де—т. I, ч. 2—23, 24, 57, 128, 129, 157, 158, 197, 267, 326, 343, 358,

- 448, 580, 688, 690, 702, 725, 750, 779, 799.
- СКАЛДИН** (Еленев Ф. П.) — т. I, ч. 2 — 261, 350, 367, 547, 561, 562.
- СМИТ А.** — т. I, ч. 1 — 26, 256, 309—312, 314, 551, 559, 560, 562, 563, 565—567, 572, 578, 579, 615, 665, 671, 680, 685, 686, 691, 692; т. I, ч. 2 — 23, 24, 57, 62—64, 70, 79, 80, 82, 96, 98—100, 103, 110, 115, 128, 129, 135, 156, 157, 177, 179, 197, 200, 216, 242, 256, 341, 343, 354, 355, 406, 579, 585, 605, 607, 628—630, 647, 668, 679, 759, 773, 774, 776.
- СПЕНС** — т. I, ч. 2 — 160, 512.
- СПЕРАНСКИЙ М. М.** — т. I, ч. 1 — 264, 351, 510, 613; т. I, ч. 2 — 17, 19, 21, 40—60, 72, 73, 80, 82, 91, 192.
- СПЕШНЕВ Н. А.** — т. I, ч. 2 — 288—295, 299, 300, 306, 316—318, 320—323, 329, 480.
- СТАЛИН И. В.** — т. I, ч. 1 — 6, 9, 11, 64, 71, 104, 200, 212, 254, 269, 305, 306, 607, 608, 699.
- СТАФФОРД В.** — т. I, ч. 1 — 339, 350, 360.
- СТРОЙНОВСКИЙ** — т. I, ч. 2 — 19—21, 45, 60, 80, 192.
- СТРУВЕ П. Б.** — т. I, ч. 1 — 26; т. I, ч. 2 — 12, 211, 466, 534.
- СТРУКОВ Д. Н.** — т. I, ч. 2 — 367, 433—441, 601, 750.
- СТЮАРТ ДЖ.** — т. I, ч. 2 — 187, 452.
- СУМАРОКОВ А. П.** — т. I, ч. 1 — 406, 449, 450, 459, 461—465, 531, 569, 582.
- СЭЙ Ж.-Б.** — т. I, ч. 2 — 23, 24, 62, 81, 82, 96, 98, 108, 128, 197, 256, 263, 340—344, 355, 460, 775.
- ТАТИЩЕВ В. Н.** — т. I, ч. 1 — 41, 255, 362, 385—401, 430, 481, 486, 494, 515.
- ТЕНГОБОРСКИЙ Л. В.** — т. I, ч. 2 — 448, 449, 641, 644.
- ТИМКОВСКИЙ К. И.** — т. I, ч. 2 — 314, 315.
- ТИМОФЕЕВ ИВАН** — т. I, ч. 1 — 208, 215—218.
- ТРЕТЬЯКОВ И. А.** — т. I, ч. 1 — 455, 519, 558—571, 579.
- ТРОЙНИЦКИЙ А. Г.** — т. I, ч. 2 — 209.
- ТРУБЕЦКОЙ С. П.** — т. I, ч. 2 — 9, 98, 123, 131, 174, 175.
- ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М. И.** — т. I, ч. 1 — 26.
- ТУРГЕНЕВ Н. И.** — т. I, ч. I — 6, 21, 28, 355, 686; т. I, ч. 2 — 20, 21, 41—45, 96—98, 106, 120—124, 127, 139, 145, 153, 165—172, 174—181, 183—194, 585.
- ТЮРГО А. Р.** — т. I, ч. 1 — 530, 532, 537, 562, 577, 578; т. I, ч. 2 — 584, 602, 771—773.
- УСОВ С. М.** — т. I, ч. 2 — 227, 232, 233.
- УТИН Н. И.** — т. I, ч. 2 — 465.
- ФЕОДОСИЙ** (игумен) — т. I, ч. 1—54.
- ФЕОДОСИЙ** (митрополит) — т. I, ч. 1 — 92.
- ФЕОДОСИЙ КОСОЙ** — т. I, ч. 1 — 106, 129, 131, 132—137.
- ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ** — т. I, ч. 1 — 266.
- ФЕЙЕРБАХ Л.** — т. I, ч. 2 — 272, 465, 469—471, 548, 549, 783.
- ФЕРРЬЕ Ф.-Л.** — т. I, ч. 2 — 108.
- ФИЛИППОВ И.** — т. I, ч. 1 — 254, 293, 326, 333.
- ФИЛИППОВ М.** — т. I, ч. 1 — 25, 26.
- ФИЛИППОВ П. Н.** — т. I, ч. 2 — 291, 319, 320.
- ФОМА АКВИНСКИЙ** — т. I, ч. 1 — 89.
- ФРАНКЛИН В.** — т. I, ч. 1 — 22.
- ФУРЬЕ Ш.** — т. I, ч. 2 — 23, 469, 288, 216, 290, 300, 301, 302, 309, 310, 311, 312, 314, 315, 316, 318, 322, 338, 484, 485, 780.
- ХАНЫКОВ А. В.** — т. I, ч. 2 — 287, 291, 292, 295, 299, 300, 316, 318, 319.
- ХАНЫКОВ Я. Н.** — т. I, ч. 2 — 465.
- ХОМЯКОВ А. С.** — т. I, ч. 2 — 385, 389, 391, 499.
- ЧЕЛИЩЕВ П. И.** — т. I, ч. 1 — 660, 661, 663.

- ЧЕРНОСВИТОВ** — т. I, ч. 2 — 291.
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. — т. I, ч. 1 — 6, 10, 12, 20, 22, 25, 28, 306, 405, 438, 607, 610, 678, 699; т. I, ч. 2 — 261, 262, 277, 284, 286, 287, 292, 316, 318, 324, 329, 345, 348, 354, 356, 360, 362, 366, 369, 370, 393, 408, 410, 412, 413, 417, 422, 424, 431, 433, 434, 439, 441, 453, 464, 467, 469, 477, 495, 501, 505, 509, 511, 518, 520, 522, 525, 541, 554, 556, 557, 559, 560, 566, 575, 592—793, 796, 797, 800—802.
ЧИЧЕРИН Б. Н. — т. I, ч. 2 — 222, 365, 396—407, 414, 439, 494.
ЧУЛКОВ М. Д. — т. I, ч. 1 — 384, 454, 490—518, 623, 662, 674, 684, 685, 690.
ЧУПРОВ А. И. — т. I, ч. 1 — 25, 89; т. I, ч. 2 — 352.
ШАРАПОВ С. Ф. — т. I, ч. 1 — 351.
ШЕВАЛЬЕ М. — т. I, ч. 2 — 424.
ШЕДО-ФЕРРОТИ Д. К. — т. I, ч. 2 — 507.
ШЕЛГУНОВ Н. В. — т. I, ч. 2 — 424.
ШЕЛЕХОВ Д. — т. I, ч. 2 — 235—239, 244, 245.
ШЕЛЛИНГ Ф. В. — т. I, ч. 2 — 280.
ШЛЕЦЕР ХР. — т. I, ч. 2 — 81, 96, 100, 103, 107, 109—111, 115, 116, 200.
ШИШКОВ А. С. — т. I, ч. 2 — 19, 26.
ШОРИН В. — т. I, ч. 1 — 222.
ШТЕЙН А. — т. I, ч. 2 — 378, 379.
ШТЕЙНГЕЛЬ — т. I, ч. 2 — 121, 122, 127.
ШТОРХ Г. — т. I, ч. 1 — 26; т. I, ч. 2 — 19, 21, 65, 96, 111—116, 242, 444, 448—450, 453.
ШУВАЛОВ И. И. — т. I, ч. 1 — 422, 423.
ШУВАЛОВ П. И. — т. I, ч. 1 — 422, 423, 427, 428, 589.
ЩАПОВ А. — т. I, ч. 1 — 55.
ЩЕРБАТОВ М. М. — т. I, ч. 1 — 449, 451, 465—480, 485, 488, 492, 494, 498, 531, 553, 555, 569, 582, 621, 651, 662; т. I, ч. 2 — 76, 78, 134, 218.
ЩЕТКИН В. — т. I, ч. 2 — 81, 83, 88, 90, 91.
ЭНГЕЛЬГАРДТ А. Н. — т. I, ч. 1 — 651.
ЭТТЕР А. — т. I, ч. 2 — 377, 378.
ЭНГЕЛЬС ФР. — т. I, ч. 1 — 6, 11, 35, 36, 44, 52, 63, 64, 90—92, 100, 129, 130, 135, 136, 306, 315, 431, 448, 624, 672; т. I, ч. 2 — 18, 23, 196, 216, 266, 280, 296, 299, 326, 328, 351, 367, 404, 460, 482, 507, 517, 530, 539—541, 594, 595, 597, 598, 686, 688, 714, 715, 725, 730, 768.
ЮЛАЕВ САЛАВАТ — т. I, ч. 1 — 593.
ЮМ Д. — т. I, ч. 1 — 312, 559, 572, 615; т. I, ч. 2 — 41, 187, 197.
ЮСТИНИАН — т. I, ч. 1 — 82.
ЯКОБ Л. — т. I, ч. 2 — 19, 58, 81, 96, 200.
ЯКУБОВИЧ — т. I, ч. 2 — 121.
ЯКУШКИН И. Д. — т. I, ч. 2 — 119, 124, 126, 175.
ЯНСОН Ю. Э. — т. I, ч. 2 — 350.
ЯСТРЖЕМБСКИЙ И. Л. — т. I, ч. 2 — 322, 323.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел VI

ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ И КРИЗИСА КРЕПОСТНИЧЕСТВА

РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX в.

<i>Глава первая.</i> ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX в. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	5
Состояние экономики. Классовая борьба	—
Основные проблемы и направления экономической мысли	16
<i>Глава вторая.</i> КОНСЕРВАТИВНЫЕ И РЕАКЦИОННЫЕ ИДЕОЛОГИ ДВОРЯНСТВА	25
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ЛИБЕРАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА (М. М. СПЕРАНСКИЙ, Н. С. МОРДВИНОВ)	
<i>Глава третья.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. М. СПЕРАНСКОГО	40
План государственных преобразований. Отношение к крепостному праву	—
Обоснование финансовой программы	51
<i>Глава четвертая.</i> ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ИХ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ В РАБОТАХ Н. С. МОРДВИНОВА	61
Обоснование политики промышленного протекционизма	63
О банках и государственном бюджете	69
Вопросы сельского хозяйства. Отношение Мордвина к крепостному праву	73
<i>Глава пятая.</i> ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА	81
<i>Глава шестая.</i> БОРЬБА ИДЕЙНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	96

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ И ПРОГРАММА ДЕКАБРИСТОВ

<i>Глава седьмая.</i> ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ДЕКАБРИСТОВ	117
<i>Глава восьмая.</i> П. И. ПЕСТЕЛЬ	130
«Русская правда» П. И. Пестеля. Ее исходные положения . .	—
Аграрный проект П. И. Пестеля	141
Вопросы промышленности, торговли и финансов	160
<i>Глава девятая.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ УМЕРЕННОГО НАПРАВЛЕНИЯ (Н. ТУРГЕНЕВ, Н. МУ- РАВЬЕВ, Н. БЕСТУЖЕВ)	165
Отношение Н. И. Тургенева и Н. Муравьева к крепостничеству	—
Взгляды Н. И. Тургенева на развитие промышленности и торговли в России	177
Н. Бестужев о промышленности и торговле	181
Теоретическое обоснование Н. И. Тургеневым преобразований в налоговой и денежной системах	183
<i>Глава десятая.</i> РАЗРАБОТКА М. Ф. ОРЛОВЫМ НОВОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КРЕДИТА	193

РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ЭПОХУ КРИЗИСА И ЛИКВИДАЦИИ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

<i>Глава одиннадцатая.</i> КРИЗИС КРЕПОСТНИЧЕСТВА. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	203
Кризис феодальной системы хозяйства	—
Основные направления экономической мысли	214
<i>Глава двенадцатая.</i> ИДЕОЛОГИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО И ЛИБЕ- РАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА 40-х ГОДОВ	225
Экономические взгляды консервативного дворянства	—
Экономические взгляды либерального дворянства	245
<i>Глава тринадцатая.</i> БУРЖУАЗНЫЕ ИДЕОЛОГИ 30—40-х ГОДОВ	254
Н. Полевой, И. Вавилов, В. Боткин	255
В. Майков	262
<i>Глава четырнадцатая.</i> НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИ- ЧЕСКОГО ЭТАПА РУССКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИ- ЖЕНИЯ. В. Г. БЕЛИНСКИЙ	270
<i>Глава пятнадцатая.</i> СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ПЕТРАШЕВЦЕВ	286
Петрашевцы о путях ликвидации крепостничества	291
Пропаганда социализма	296
Экономические взгляды М. В. Буташевича-Петрашевского	303
Н. А. Спешнев и другие поборники революции крепостного кре- стьянства	316
Либеральные попутчики петрашевцев	321

<i>Глава шестнадцатая.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. А. МИЛЮТИНА	325
Общая характеристика воззрений В. А. Милютин. Понимание им задач экономической науки	—
Критика крепостного строя	332
Критика капиталистического строя	334
Критика буржуазной политической экономии	339
<i>Глава семнадцатая.</i> БОРЬБА ИДЕЙНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ПЕРИОД РЕФОРМЫ 1861 г.	346
Сущность реформы и ее значение	—
Характеристика направлений экономической мысли	353

ДВОРЯНСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

<i>Глава восемнадцатая.</i> ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА КРЕПОСТНИКОВ	371
<i>Глава девятнадцатая.</i> СЛАВЯНОФИЛЫ	384
<i>Глава двадцатая.</i> ОТКРЫТАЯ АПОЛОГЕТИКА ГОСПОДСТВА ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (Б. Н. ЧИЧЕРИН)	397
<i>Глава двадцать первая.</i> ТЕОРИЯ И ПРОГРАММА ДВОРЯНСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В РАБОТАХ К. Д. КАВЕЛИНА	408
<i>Глава двадцать вторая.</i> ЭВОЛЮЦИЯ И. Я. ГОРЛОВА ОТ КРЕПОСТНИЧЕСТВА К ДВОРЯНСКОМУ ЛИБЕРАЛИЗМУ	418

БУРЖУАЗНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

<i>Глава двадцать третья.</i> ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В. А. КОКОРЕВА	425
<i>Глава двадцать четвертая.</i> БУРЖУАЗНАЯ КРИТИКА КРЕПОСТНИЧЕСТВА В РАБОТАХ Д. Н. СТРУКОВА и И. В. ВЕРНАДСКОГО	433
<i>Глава двадцать пятая.</i> И. К. БАБСТ	455

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРОГРАММА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

<i>Глава двадцать шестая.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. И. ГЕРЦЕНА	462
Общая характеристика воззрений Герцена. Его метод	—
Формирование у Герцена революционно-демократических и социалистических идей	477
Критика крепостного строя. Герцен о движущих силах и способе ликвидации крепостничества	489
О пекапиталистическом развитии России и социалистической природе русской крестьянской революции	506
Критика капитализма и буржуазной политической экономии	514
Письма «К старому товарищу» — завершающий этап идейного развития Герцена	529
<i>Глава двадцать седьмая.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. П. ОГАРЕВА	543

Общая характеристика экономических работ Н. П. Огарева	543
Борьба Огарева с крепостничеством до начала подготовки реформы	550
Отношение Огарева к основным вопросам подготовляемой реформы и критика им реформы 1861 г.	553
Защита общины и некапиталистического пути развития России	559
Н. П. Огарев об основной задаче крестьянской революции	562
Вопросы кредита и финансовой политики	570
Критика капитализма	578
Критика буржуазной политической экономии	584
Критика западноевропейского утопического социализма и представление Огарева о социалистическом строе	587
<i>Глава двадцать восьмая. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО — ВЕРШИНА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ ДОМАРКСОВСКОГО ПЕРИОДА . . . . .</i>	<i>592</i>
1. МИРОВОЗЗРЕНИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ	—
Мировоззрение Н. Г. Чернышевского	—
Литература об экономических произведениях Н. Г. Чернышевского	596
Краткий обзор экономических произведений Н. Г. Чернышевского	600
2. ЗАДАЧИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ. ЕЕ ПРЕДМЕТ И МЕТОД. О КЛАССОВОМ ХАРАКТЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ. КРИТИКА БУРЖУАЗНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ	602
Задачи и предмет экономической «теории трудящихся»	608
Метод политической экономии	617
Сущность «теории трудящихся»	630
3. АНАЛИЗ КРЕПОСТНИЧЕСТВА И ОБОСНОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯНСТВА ЗА ЕГО ЛИКВИДАЦИЮ	634
О происхождении крепостничества и его роли	635
Критика крепостнического строя. Анализ помещичьего и крестьянского хозяйства	638
Две задачи крестьянской революции	649
4. АНАЛИЗ И КРИТИКА КАПИТАЛИЗМА. СУЩНОСТЬ КАПИТАЛА	654
Критика разделения труда при капитализме	656
Вопрос о производительном труде	658
Критика конкуренции. О законе стоимости	661
Анализ и критика наемного труда	673
Анализ и критика капиталистических законов распределения	675
5. ОБОСНОВАНИЕ СОЦИАЛИЗМА	686
О предпосылках социализма	—
Крестьянский характер социализма Чернышевского	700
6. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ПУТЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	707
О возможности перехода отсталых стран к социализму, минуя капитализм	—
Оценка российского капитализма	720
О «переходном состоянии» на пути к социалистической экономике	726
О политических предпосылках осуществления программы социально-экономических преобразований в России	738

7. АГРАРНАЯ ПРОГРАММА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО. ОТНОШЕНИЕ ЕГО К РЕФОРМЕ 1861 Г.	747
Разработка программных положений по крестьянскому вопросу	—
Критика либерально-дворянских проектов реформы. Проблема выкупа	754
Оценка реформы 1861 г.	764
8. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ КАК ИСТОРИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ	769
9. ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО	781
<i>Глава двадцать девятая.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА	787
<i>Библиография</i>	805
Именной указатель	858

С П И С О К
портретов, помещенных в т. I, ч. 2

1. М. М. Сперанский	7. В. Г. Белинский
2. Н. С. Мордвинов	8. А. И. Герцен
3. П. И. Пестель	9. Н. П. Огарев
4. Н. И. Тургенев	10. Н. Г. Чернышевский
5. М. В. Буташевич-Петрашевский	11. Н. А. Добролюбов
6. Н. А. Спешнев	

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**
т. I, ч. 2

Редактор *И. Жук*

Оформление художника *С. Сергеева*
Технический редактор *Н. Трояновская*
Корректор *Н. Выбляева*

Сдано в набор 13 ноября 1957 г. Подписано в печать 16 апреля
1958 г. Формат 60 × 92¹/₁₆. Бум. л. 27,25. Физ. печ. л. 54,5.
Учетн. печ. л. 54,5. Учетн. изд. л. 55,3. Тираж 25 000 экз. А 01288.
Цена 19 р. 00 к. Заказ № 3027.

Издательство социально-экономической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

Отпечатано в 20-й типографии
Московского городского совнархоза
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Зак. № 618

19р.

СОЦЭКГИЗ
1958

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

ТОМ I
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ